

ПЛОДЫ ПРОКЛЯТОГО ДРЕВА

by Demonheart

"Плоды проклятого дерева" — это юридический принцип, согласно которому улики, добытые преступным путем, не могут служить доказательством в суде.

Никому не нужный подросток-диабетик обретает суперсилы, как и все в этом мире, в худший день своей жизни, и пытается с их помощью решить свои давние проблемы. Жажда признания приводит его в ряды героев, но чего стоят все хорошие поступки, если в ушах не смолкает песня Симураг?

1.1 Ректификация

Сентябрь, 2010 год

Что чувствует человек, столкнувшийся лицом к лицу с кейпом?

Вопрос, который в современном обществе старательно замалчивается, чтобы не пустить прахом все усилия Службы Контроля Параугроз по интеграции обладателей сверхсил в общество. Все могучая пропагандистская машина, от официальных пресс-релизов до спонсируемых фильмов и комиксов, навязывает образ кейпа как героического защитника, облаченного в яркий обтягивающий костюм, который всегда готов прийти на помощь. В самом деле, кому неизвестны имена героев Триумvirата, которые доблестно сражаются с Губителями? Кто не слышал о Драконе? О Зионе?

Миллиарды долларов и труд десятков тысяч людей направлен на достижение единственной цели — убедить общественность, что парачеловек это не чудовище с эквивалентом ядерной бомбы в собственной голове, а такой же обыватель, носящий нелепый наряд и от того еще более нестрашный.

Миссия, возложенная на СКП, благородна, и преследует благую цель — не допустить паники и анархии в обществе.

Беда в том, что ее главный инструмент — ложь.

Все усилия пропагандистов пропадают втуне в тот момент, когда человек сталкивается с кейпом в условиях, отличных от ток-шоу или иной пиар-акции. Когда паралюди высвобождают свою силу, людям остается лишь бежать и прятаться в надежде, что они окажутся удачливее тех, кто попался «героям» или «злодеям» под руку. В кавычках, потому что порой грань между ними тоньше листа бумаги, на котором отпечатан ордер на убийство.

А теперь немного перефразируем вопрос: что чувствует человек, впервые увидевший кейпа в зеркале?

Каково осознавать, что ты — уже не ты?

Не знаю.

Я вообще с трудом мог думать. Пожалуй, я мог вспомнить кто я такой, и где нахожусь, но остальное тонуло в зыбком песке полубредового состояния, вызванного отеком мозга.

Я хотел пить. Боже, я бы отдал все, что имел, за стакан воды. Но ничего своего у меня не было, так что и питья никто не предложил. Хотя неважно. Я бы все равно не смог бы удержать воду в желудке, потому что рвало меня последние полчаса почти непрерывно. Посреди комнаты растекалась целая лужа рвоты, воняющая ацетоном, а у меня не оставалось сил даже открыть окно, чтобы проветрить.

Хотя какое мне дело до свежего воздуха, если я все равно впаду в кому или умру максимум в течение следующих трех часов?

Сердце в груди уже даже не колотилось, а мелко и часто трепетало, будто пойманная в марлевую сеть птичка колибри. Из-за этого я не мог стоять или вертикально сидеть. Только в лежачем состоянии к голове подливалось достаточно крови, чтобы в мозг пробилась хоть какая-то мысль.

Инсулин.

Мне нужен инсулин, иначе мне конец.

До того, как кетоциадоз лишил меня сил, я обшарил каждый угол и карман, в надежде найти хотя бы один завалявшийся где-нибудь неиспользованный шприц-ручку или ампулу. Я всегда был аккуратен со своими лекарствами, но все же надеялся на чудо.

Потом я попытался выломать дверь. Безрезультатно, как и ожидалось. Я был достаточно сильным для своего возраста, мой терапевтический режим подразумевал постоянные тренировки для поддержания правильного метаболизма. Но эта чертова дверь была сделана из цельного дуба и оснащена очень крепким замком, а у меня не нашлось ничего, похожего на лом. Сбежать через окно я тоже не мог, квартира находилась на пятнадцатом этаже. Я не мог ни с кем связаться, чтобы позвать на помощь, потому что у меня никогда не было сотового телефона, а интернет-кабель моя мать предусмотрительно выдернула.

Я лежал пластом на кровати и с ужасом чувствовал, как смерть запускает когти мне во внутренности.

Интересно, нормально ли в безвыходной ситуации, когда безуспешно испробованы все доступные пути к спасению, оглядываться назад и размышлять над тем, как вообще угодил в такую жопу?

Меня до ручки довели две вещи. Первая из них — моя мать.

Женщина, известная окружающим как миссис Марта Кёлер, была грозой своих подчиненных и моим личным кошмаром. Она всегда знала, как нужно поступать правильно, и любое возражение считала в лучшем случае смертельным оскорблением. Ей было прекрасно известно, что мои одноклассники как один только и мечтают о том, чтобы помешать моей учебе и поступлению в университет, и я для своего же блага не должен с ними общаться больше необходимого. Она твердо знала, что я должен заниматься танцами, спортивной гимнастикой, карате, фортепиано и так далее — но стоило мне начать делать настоящие успехи в очередном выбранном ею деле, как она немедленно его пресекала. Полагаю, ее приводила в экзистенциальный ужас мысль, что у меня появится повод гордиться собой, и ее авторитет таким образом пошатнется. Я ведь совершенно не способен понять, что кроме нее никто не уберезет меня от бесчисленных опасностей Броктон Бей. Например, от всех женщин в возрасте от двенадцати до пятидесяти, которые поголовно суть шлюхи и аферистки, норовящие разорить нашу семью через судебные иски. Или от любых денег, которые я бы наверняка, по ее мнению, потратил на наркотики.

Надо ли говорить, что меня от нее тошнило? Во всех смыслах.

Наверное, я бы дожил до взрослых лет, даже не понимая, в какой заднице нахожусь, а потом уехал бы на вечное жительство в психушку. Но год назад мать купила мне компьютер, потому что вбила себе в голову, будто мне совершенно необходимо обучиться им пользоваться. Конечно, стоило бы ей заметить, что компьютер приносит мне хоть немного радости, и он бы тут же оказался на помойке, но я достаточно быстро разобрался в тонкостях паролей, пользовательских настроек и скрытых папок, а также научился спать в школе, чтобы сохранить силы для ночных интернет-марафонов. Именно интернет открыл мне значение терминов «гиперопека» и «шизогенная мать».

Боже, храни сэра Тимоти Джона Бернерса-Ли.

Оказывается, я не тонул в бездонном болоте. У меня был враг, а у врага было имя и лицо, от него можно и нужно было защищаться. Правда, довольно быстро выяснилось, что сил и средств у меня не густо, а навыков защиты от психологической агрессии нет вовсе. А мать сразу же почувствовала, что я пытаюсь вырваться из-под контроля, и усилила давление. Я продолжал сопротивляться, она подавляла мои попытки бунта все более жесткими

методами.

Кульминация наступила вчера, когда я посмел прогулять дополнительные занятия по испанскому. Чтобы сходить к однокласснику на вечеринку по случаю дня рождения. Я пробыл там не так уж и долго, но по возвращению меня уже ждал ордер на домашний арест. И скорее всего, я бы даже пережил это заключение, но на вечеринке я по ошибке выпил целую бутылку обычной колы, перепутав ее с диетической.

Сто шесть граммов сахара. С тем же успехом это мог быть цианид.

А моя мать, будто ей было мало просто унижить меня, успела забрать все мои запасы инсулина. Вряд ли она собиралась меня убить, скорее хотела дать мне почувствовать первые стадии обострения, чтобы напомнить, кто оплачивает мое лечение. Собственно, это и было второй причиной, по которой я не мог, к примеру, просто сбежать из дома, как это бы сделал любой нормальный подросток.

Диабет первого типа. Я жил до тех пор, пока получал инъекции. Мой случай не являлся терминальным, великий кейп-целитель Панацея на подобную ерунду не отвлекалась. Когда примерно год назад она только получила силы и о ней трубили по всем каналам, я еще надеялся на чудо, даже тайком отправил ей письмо с просьбой вылечить меня. Никакой реакции так и не последовало. Я ее за это даже не винил. Мы ровесники, и что-то мне подсказывало, что ей приходилось еще хуже, чем мне. На меня давила только мать, а на нее — буквально все вокруг. Будто в Броктон Бей мало проблем с чуть ли не еженедельными потасовками паралюдей, так ей пациентов привозили со всего Восточного побережья, как на подбор, самые тяжелые случаи, от которых отказались остальные врачи.

Когда мать в очередной раз предложила мне отправляться бомжевать, если я не хочу следовать ее правилам, лишь из-за диабета я не решился последовать ее предложению. В сутки мне требовалось три дозы, и при этом соблюдать диету. Если этого не делать... ну, мучиться перед смертью мне пришлось бы достаточно долго, чтобы я успел пожалеть о побеге. Самая прелесть инсулина в том, что он не только дорогой, но и его нельзя купить без рецепта, а рецепт именной и действует только неделю. А при первом же обращении в любую больницу меня бы тут же вернули домой, где уже дожидалась удвоенная порция неприятностей в качестве наказания за бунт.

Впрочем, мучился я уже сейчас.

Мутным взглядом я обвел свою комнату. Моей она была в том смысле, что я спал в ней, а так же в ней хранились условно мои вещи. Условно — потому что мать постоянно напоминала мне, что буквально все, чем я пользуюсь, от мебели до еды, куплено на ее деньги. А значит права на свое мнение у меня нет. Впрочем, попытка устроиться во время летних каникул на подработку, чтобы иметь хотя бы сотню-другую долларов собственных средств, стоила мне недели домашнего ареста, хоть и без конфискации лекарств. Дескать, это было пустой тратой времени, которое можно было потратить на дополнительные курсы и выполнение домашнего задания. Так что нет, это была не моя комната. И не мой дом, если на то пошло. Я просто жил здесь за чужой счет.

В животе стала нарастать режущая боль. Потом мои внутренности скрутил очередной рвотный спазм. Пропавший втуне, потому что все содержимое моего желудка давно красовалось на полу.

Ненавижу свою мать.

Ненавижу свою болезнь.

Ненавижу вот это гребаное все.

Какого хуя я должен умирать вот так, в заблеванной комнате, один?!

Мои наручные часы показывали ровно половину второго дня. Мать придет с работы в восемь, отец — не раньше половины одиннадцатого. Если с неба вдруг не свалится бригада скорой помощи, за это время разовьется диабетическая кома.

Живот болел просто нестерпимо.

Настолько, что я заставил себя скатиться с кровати, и доползти до письменного стола. Там валялось несколько пустых ампул из-под инсулина и старая шприц-ручка с давно затупившейся иглой. Все, что я смог найти, пока обшаривал каждый квадратный дюйм комнаты.

Движимый уже одним отчаянием, без примеси логики, я попытался вытряхнуть из всех источников хотя бы самые крохотные капли лекарства. Гаснущий рассудок подсказывал, что это не поможет. Даже будь у меня полная доза, толку бы от нее было не больше, чем от воды. Меня сейчас могла спасти только комплексная терапия и машинная поддержка. Я выронил пустую ампулу и рухнул на пол следом за ней.

Парни не плачут, но у меня на глаза навернулись слезы.

У меня не так много было радостей в жизни, но, блять, я не хочу умирать! Мне же всего пятнадцать!

Я не хочу умирать!

Я...

...увидел нечто столь колоссальное, что планеты казались бы маленькими рядом с ним. Оно тянулось сквозь бездну пространства, сквозь бесчисленные измерения, отражаясь в каждом, и каждый осколок был целым, и целое состояло из осколков. Оно кормилось звездным светом, реликтовым излучением, радиацией квазаров и многими другими видами энергии, которым нет даже названия. Оно рассыпало на своем пути тончайшую пыльцу, где каждая былинка в свою очередь была огромной сущностью, существующей за пределами восприятия и понимания.

...оглянулся вокруг и вдруг понял, что еще не все потеряно.

Не знаю, откуда взялись силы. Может, второе дыхание открылось, а может организм задействовал последние резервы, ради сиюминутного выживания жертвуя чем-то в перспективе. Из-за помраченного сознания я даже толком не осознавал, что и зачем делаю. Я рыскал по всей комнате с остервенением хищника, разрывающего добычу. Искал вещества. Субстанции. Компоненты. Каким-то инстинктивным образом я понимал состав всего, что видел перед собой, отбрасывал в сторону бесполезное и дрожащими пальцами вцеплялся в то, что могло пригодиться.

Корни цветка, стоявшего на подоконнике. Чернила из шариковой ручки. Какие-то светлые частицы, которые я кончиком ножа выловил из лужи рвоты. Соскобленный с внутренней стороны обоев засохший клей. Чтобы получить достаточно жидкости для раствора, мне пришлось разрезать запястье и нацедить собственной крови. Мог бы использовать содержимое биотуалета, но брезгливость взяла верх. Ну и так далее.

Я все смешал и долго взбалтывал, затем профильтровал через простыню, слил в чайную чашку. Потом отрезал от настольной лампы провод, оголил кончик и сунул его в получившуюся смесь, а вилку — в розетку.

Я ждал несколько минут, пока инстинкт не сказал «готово».

Получившееся зелье, или что там это было, имело неприятный вид, пахло еще хуже, а о вкусе я старался даже не думать. И в то же время я отчетливо понимал, что это — мое

единственное спасение. Не самый эффективный рецепт, который мог мне помочь, не самый щадящий, просто единственный, который я мог приготовить из подручных ингредиентов. Собравшись с духом, я опрокинул содержимое чашки в себя, после чего очередной спазм скрутил меня так, что я ничком повалился на пол и, кажется, ненадолго потерял от боли сознание.

Прошло довольно много времени, прежде чем я сообразил, что все еще дышу.

Минуточку.

Я попытался сесть, и мне это удалось без каких-либо проблем. Меня все еще мучила жажда из-за обезвоживания, но прошел отек мозга, вызывавший головокружение и спутанность сознания. Прошла боль в животе и тошнота. Сердце все еще билось учащенно, но скорее от волнения, его пульс не был похож на конвульсивное трепетание, как совсем недавно.

Понятия не имею, как я это сделал, но мне стало намного лучше.

Я встал на ноги и осмотрел комнату так, будто видел ее впервые.

Вот стол. Чистая древесина, скрепленная клеем на основе желатина. Вот покрывало на кровати. Шерстяные волокна. Вот чашка на полу. Керамика из смеси гипса и глины. Вот старая коллекционная фигурка Эйдолона на полке. Эпоксидная смола, красители.

Потом взглянул на собственные руки и обмер, зачарованный открывшимся зрелищем. Сложность динамической системы тысяч и тысяч различных веществ поражала воображение. Я едва ли мог осознать и десятую часть происходящего, а стоило мне попытаться вникнуть глубже, как голову прострелило болью. Решив не испытывать судьбу, я заставил себя увидеть мир под привычным углом, а не как комплекс химических систем.

Понимание произошедшего вспыхнуло почти сразу же, но с трудом пробивалось в сознание. Я слышал о событиях-триггерах, моментах эмоционального перенапряжения, в которые чаще всего открываются сверхсилы. В интернете полезная информация зачастую перемешивалась с откровенным бредом, но общий вывод прост. Если тебе было очень плохо, а потом вдруг ты обнаружил, что можешь летать, стрелять лазерами из глаз или скручивать пространство в роголик — добро пожаловать в герои. Или злодеи, тут как повезет.

Нет, это бред какой-то! Этого просто не может быть! Может, это вообще не способности такие... может, просто... не знаю, само как-то вышло.

Я переключил внимание на дверь. Кома мне больше не угрожала, но это не значит, что я горел желанием сидеть взаперти. Безрезультатно подергав ручку, я отступил на шаг и снова сосредоточился на комплексном восприятии. Даже без сознательного усилия, это казалось столь же естественным, как моргнуть.

Дверь была прочной. Толстые дубовые доски, качественный стальной замок. Дверная коробка надежно совмещалась со стеной. Выбить ее у меня не получилось, сжечь тоже вроде нечем. Хотя это пустая трата сил, нужно разобраться с замком. Вскрыть? Вырезать? Выжечь? Последняя мысль нашла отклик. Достаточно повредить ригель, и дверь откроется. А сделать это можно...

Я снова принялся за работу, и на этот раз лучше осознавал, что делаю. Первым делом, мне требовалась кислота. Каковая в достатке имелась в луже на полу. Разумеется, она не обладала должной концентрацией и окислительными свойствами, я даже смог собрать ее с помощью листа бумаги, но это оказалось несложно исправить. Мне снова пришлось потрошить всю комнату в поисках компонентов, после чего десять минут ушло на то, чтобы изготовить из оголенного куска провода и моего глюкометра нагреватель, который бы выдал

нужный температурный режим. Я срезал с головы пучок волос и обмакнул их в содержимое биотуалета, чтобы получить катализатор. К счастью, эту смесь мне пить не пришлось.

Пока в чашке шла реакция, я кое-как смог доковыряться до материала стен, отколоть несколько крошек и растереть их в пыль. После этого я отключил ток и высыпал бетонную пыль в смесь. Та мгновенно зашипела, вспенилась, но это вскоре прекратилось, и я заметил, что однородная мутная субстанция разделилась на две фракции — темный осадок на дне и светлую жидкость сверху. Именно жидкость мне и была нужна.

Я взял пустую шприц-ручку, отсоединил иглу и набрал в нее немного жидкости. Изготовленная мною кислота, как я понимал, была почти полностью инертна к пластикам и органике, но зато крайне агрессивно реагировала с металлами. Подойдя к двери, я просунул шприц-ручку в зазор между дверью и косяком, и слегка надавил на поршень.

Результат превзошел все ожидания. Ригель замка состоял из четырех цилиндров сантиметрового диаметра. На то, чтобы растворить их все, ушло всего восемь капель и две минуты времени.

Дверь отворилась.

Мою грудь наполнила такое воодушевление, будто я только что сыграл «Лунную сонату» Бетховена перед многотысячной публикой и сорвал овации. Правда, в квартире я сейчас находился один, но это и к лучшему — никто не мог мне помешать гордиться собой.

Первым делом я отправился на ванную, где жадно напился прямо из крана. Перевязал глубокий порез на запястье, почистил зубы, чтобы избавиться от запаха рвоты. Потом прилип к холодильнику, и долго выбирал, что же съесть. Мое комплексное восприятие раскладывало каждый продукт передо мной на компоненты, и чем дольше я смотрел на них, тем сильнее пропадал аппетит. Я и раньше вынужденно относился к еде с повышенной щепетильностью, тщательно следил за составом и временем приема пищи. Но теперь я уже не видел злаковые хлопья, обезжиренное молоко, овощи или фрукты. Я видел наборы веществ, которые должны были поддерживать мой организм, и меня невольно возмущало то, насколько эти наборы были неэффективны. Недостаточно одного, переизбыток другого. Неправильные сочетания, которые мешают усвояемости. Я знал, как все исправить. Как подобрать идеальный состав...

И лишь с большим усилием удержал себя от того, чтобы немедленно начать претворять идею в жизнь. Я помнил, во что превратилась моя комната после приготовления лекарства и кислоты, и если бы та же участь постигла кухню... В общем, я пошел на сделку со своим невесть откуда взявшимся перфекционизмом и соорудил себе обед без мудрствований, просто чтобы получить достаточно энергии на ближайшее время.

Часы показывали двадцать минут третьего. У меня было примерно пять с половиной часов до того, как миссис Кёлер вернется с работы и устроит мне десятый круг Ада. Мне нужно было как-то с ней сладить.

Перед мысленным взором пронесся целый ворох идей. Контактный яд, нанесенный на дверную ручку? Или какой-нибудь токсин, который можно ввести с помощью шприц-ручки. Вызывающий, скажем, распад миелиновой оболочки нейронов. Или заменить жидкость для очистки контактных линз на кислоту...

Идеи возникали одна за другой, каждая кровожаднее предыдущей, и в какой-то момент я испугался самого себя. Во мне всегда было столько жестокости, и теперь она высвободилась? Или на меня так повлияло то, что я стал... тем, чем стал.

Я не мог заставить себя произнести слово «парачеловек», даже мысленно. Оно

оставляло ощущение обмана, розыгрыша, потому что не мог я, с трудом способный поддерживать разговор дундук, взять и получить сверхсилы.

Конечно, в детстве я мечтал о них, как мечтали все дети. Я фанател от Эйдолона, чья фигурка до сих пор сиротливо ютилась на книжной полке, и воображал, что однажды буду парить в небесах рядом с ним и остальными членами Триумvirата, защищая мир от какой-нибудь жути. И мать тогда ободрительно кивала, что я обязательно стану, кем захочу, если постараюсь, а отец добродушно усмехался. Так было до злополучного лета 2003-го. После него мечты уступили место эскапизму.

И да, родителей у меня действительно двое, пусть даже об этом легко забыть. Мой отец, Дитрих Кёлер, чью фамилию я носил, очень постарался, чтобы сократить свое пребывание дома до минимума. Он приходил обычно очень поздно, ужинал тем, что купил по дороге домой, и почти сразу ложился спать. Вставал он наоборот, очень рано, и убегал на работу сразу же, как правило, даже не завтракая. Не думаю, что он топил проблемы в спиртном или наркотиках, но любовниц на стороне имел однозначно. Полагаю, он бы давно подал на развод, если бы не боялся мести со стороны жены, у которой статус замужней женщины хорошо смотрелся в личном деле, а финансовые возможности превосходили на порядок.

Его я тоже ненавидел всей душой. Правда, не за то, что он со мной делал, а за то, чего не делал. За то, что оставлял один на один со злобной мегерой. За то, что много лет назад выбрал не ту карьеру, которая бы сейчас позволяла ему зарабатывать больше жены. Моя мать была руководителем юридического отдела в головном офисе корпорации «Медхол», я не знал точных цифр, но ее доход измерялся сотнями тысяч долларов в год. Отец же владел собственной логистической фирмой. Она и в лучшие времена не приносила сказочных богатств, но сейчас с каждым годом дела шли все хуже. Склады еще работали, и производились грузоперевозки, но из-за гребаной кучи гребаных кейпов, которыми Броктон Бей славился, страховые компании выкручивали суммы ежемесячных взносов в небеса. Буквально весь бизнес в городе находился под постоянной угрозой разорения. Один налет кейпов-грабителей, одна схватка между ними — и страховых выплат хватило бы только на раздачу долгов банкам и сотрудникам, после чего осталось бы два пути: закрываться или работать без страховки. Заниматься последним дураков не находилось. Все понимали, где живут.

Я попытался представить себе его лицо, когда он узнает, что его сын стал парачеловеком. Попытался, и не смог. Даже живя под одной крышей, мы слишком мало общались последние годы. Я еще помнил его, но уже совсем не знал.

Чтобы немного отвлечься, я затеял уборку у себя в комнате. Вымыл пол, подклеил оторванные обои. Испорченную простыню пришлось выбросить, та же участь постигла фикус, ранее выданный из горшка с корнем.

Потом открыл аптечку и достал оттуда полную шприц-ручку с новой иглой. Ощущения подсказывали, что хотя неведомое зелье и спасло меня, но полностью от инъекций я отказаться не могу. Пока во всяком случае.

Я задрал рубашку и отработанным за много лет движением всадил иглу в живот. Звучит намного страшнее, чем есть на самом деле. Для меня это давно стало ежедневной рутинной. Тем более что игла была очень короткой и ее укол почти не ощущался. Я нажал на поршень и подождал десять секунд, пока доза инсулина вольется под кожу.

У него была плохая формула, недостаточно эффективная. Я мог сделать лучше. Не знал, как именно, но знал, что мог.

Еще час я потратил на то, чтобы вздремнуть. Приступ кетоцидоза вымотал меня, и я очень плохо спал ночью, потому что уже знал, что ждет меня на следующий день. Вдобавок мне хотелось немного оттянуть неизбежное и необходимое дело. Но когда я открыл глаза, на часах было четыре часа вечера, и тянуть больше было невозможно.

Работа шла медленно, но в то же время несоизмеримо легче, чем прежде. Теперь в моем распоряжении было все содержимое холодильника и аптечки, а также бытовая химия, парфюмерия и весь отцовский бар, замок от которого я расплавил остатками кислоты. У меня была разнообразная посуда и бытовая техника. Вещество, которое я намеревался создать, должно было обладать неявным и мягким эффектом, но при этом достаточно продолжительным. Оно требовало аккуратности и собранности.

Наконец, наступил этап, когда веществу нужно было просто остыть, причем очень медленно, для правильной кристаллизации. После нескольких попыток я соединил изготовленный ранее нагреватель с кухонным таймером, и принялся ждать.

Если уж на то пошло, я мало интересовался кейпами. Они были чем-то слишком обыденным, чтобы подарить мне желанное бегство от реальности. Но даже моих скромных знаний, почерпнутых во время веб-серфинга, оказалось достаточно, чтобы определить себя как кейпа класса Технарь. Технари были способны создавать устройства, невозможные с точки зрения современной технологии, законов физики и здравого смысла, но даже они сами не понимали собственных разработок.

Надо сказать, я здорово расстроился, потому что на слуху были имена Оружейника и Дракона. Крутая броня и алебарда у одного, дистанционно управляемые боевые модули у другой. По ощущениям, я со своими пробирками даже не в хвосте плелся, а плотал пыль где-то за горизонтом. Ах да, у меня же даже пробирок не было, вместо них приходилось использовать фужеры для шампанского.

Зато у меня было время подумать, что же делать дальше. Больше всего мне сейчас хотелось с головой погрузиться в эксперименты. Чтобы понять пределы своей способности и просто потому, что сила Технаря была чем-то однозначно захватывающим. Но нехватка оборудования и реактивов уже встала передо мной во весь рост, а она в свою очередь проистекала из еще более фундаментальной проблемы.

Это было бы смешно, если бы не было так грустно, но моя мать, зарабатывая больше, чем 97 % населения страны, за пятнадцать лет не дала мне ни цента карманных денег. Конечно, у меня не было права требовать от нее что-то. Она и так обеспечивала меня жильем, одеждой, едой и медицинской страховкой, а также тратила очень солидные суммы на оплату самой дорогой в Броктон Бей школы, многочисленных дополнительных курсов и репетиторов. Но, черт побери, среди моих одноклассников — два миллионера, да и все остальные на шестнадцатилетие получают отнюдь не подержанные «крайслеры». Почему им не напоминали еженедельно, что они нахлебники и иждивенцы, и со своим личным мнением могут идти спать в коробке на улице?

Короче, мой текущий капитал состоял из потрепанной купюры в двадцать баксов, которую я полгода назад нашел на улице. Эта находка взволновала меня настолько, что я до сих пор не решился ее на что-нибудь потратить. Разумеется, на нужные мне химикаты и даже простейший набор лабораторной посуды ее бы не хватило.

Как там это называется? Воронка бедности? Чем ты беднее, тем сложнее тебе заработать, как-то так. Это чья-то очень тонкая шутка, что я, родившийся в весьма обеспеченной семье, угодил чуть ли не на самое днище этой воронки.

Есть мнение, что быть кейпом дело прибыльное. Ну, как минимум, прозябать в нищете не будешь. Протекторат, по слухам, обеспечивает недурной оклад, плюс различные надбавки. Но в Броктон Бей в Протекторате служат семь кейпов, и столько же — в Стражах. Притом что общее количество кейпов немного не дотягивает до сотни. Очевидно, что заниматься грязными делами выгоднее, причем настолько выгоднее, что три парачеловека из четырех выбирают этот путь. Мне даже не требовалось напрягать воображение, чтобы представить себя на «темной» стороне. Наркотики, которые не вредят организму и дарят волшебное наслаждение? Сверхсмертельные яды, которые убивают только нужную цель и которые нельзя обнаружить? Может, сыворотка правды? Препараты, лишаящие собственной воли? Афродизиаки? Я мысленно перебрал в уме все пришедшие идеи, приценился к каждой и убедился, что могу создать все перечисленное. Не сразу конечно, и далеко не из аспирина со средством для чистки ванн, но смогу.

И, честно, не представляю себя героем. Что такое герой? Это кто-то вроде того же Оружейника. Альтруист, рыцарь без страха и упрека. Или просто идеалист, искренне верящий в справедливость и добро. Смелый, добрый, бескорыстный и сильный духом.

Я бы вряд ли признал это вслух, но с собой был честен. Я всю жизнь был трусом и тряпкой. Можно было оправдать себя разными причинами, дескать с восьми лет с диабетом, да с такими-то родителями. Текущих фактов это не меняло. Я не умел противостоять трудностям, потому что никогда с ними не сталкивался. Я не умел отстаивать свое мнение, потому что у меня его не было. Я не верил в справедливость, но не потому, что уже разочаровался, а потому что никогда не имел случая поверить. Большую часть сознательной жизни я провел в страхе перед собственной матерью, и вообще перед внешним миром, запираясь внутри собственных мыслей и стараясь ни на что не реагировать.

Я не мог быть героем, это очевидно.

Но мысли о свободе и богатстве, которые сулила стезя суперзлодея, тоже не будоражили. Они казались чем-то слишком далеким и нереальным.

Ладно, это не срочно. Я еще успею определиться со стороной. Прежде мне нужно разобраться с текущими проблемами.

Щелкнул замок, хлопнула входная дверь. Я взял кофейное ситечко и сцедил раствор в раковину, оставив только белые кристаллики моего препарата. С виду, да и по вкусу, они были неотличимы от сахара, но горе тому, кто положил бы их себе в кофе.

Я снял с плиты турку и перелил готовый кофе в чашку. Препарат высыпал туда же. Возможно, больше чем следовало, но хотелось действовать наверняка. Под сочетанием высокой температуры и кофеина препарат принял свою законченную форму и был готов к действию.

— Конрад?! — моя мать вошла на кухню и отреагировала ожидаемо. — Почему ты не в комнате?! И что тут за бардак?!

— Я хотел приготовить что-нибудь на ужин, — мой голос был ровным, на моем лице, я уверен, не шевельнулся ни один мускул. Когда любое проявление моих подлинных чувств моментально превращалось в оружие против меня же, я не просто научился скрывать эмоции. Я вообще разучился их выражать. — Хочешь кофе? Я только что его сварил.

Я протянул ей чашку.

Если она сейчас выбьет ее из моих рук, будет плохо. Три часа работы насмарку, да и мой арест продлится на неопределенный срок. Я слегка наклонил голову, прикидывая крайний вариант разрешения вопроса. В конце концов, я был сильнее физически, а

кухонный нож находился на расстоянии вытянутой руки.

Полуповорот направо, сжать рукоятку, выбросить руку вперед. Тело можно будет растворить в ванне какими-нибудь ферментами... или разобрать и использовать. Человеческий организм — это сложнейшая химическая фабрика, в нем в готовом виде содержатся такие вещества, которые иначе пришлось бы синтезировать неделями.

Но этого не будет. Она никогда не позволяла себе прямого физического насилия. Может потому, что ее до сих пор что-то сдерживало, а может потому, что удары бы оставляли следы, на которые в моей школе моментально обратили внимание.

Она просто приняла чашку.

Ей и в голову прийти не могло искать тут какой-то подвох.

— Так как ты вышел?

— Мне очень нужно было сделать укол.

— Я сказала тебе не выходить из комнаты! Господи, я надрываюсь на работе, беру сверхурочные, а ты не можешь просто меня послушаться?!

— Мне было очень плохо. Я собирался вызвать 911, но приступ прошел.

— Приступ... — она нахмурилась. — Ты что, пропустил инъекцию?

— Вчера я перепутал колу без сахара с обычной. Я пытался сказать, но ты не слушала. И забрала мой инсулин.

— Вот именно поэтому я и запрещаю тебе шляться по всяким... сборищам! — резко ответила она, проигнорировав большую часть моих слов.

— Но отнимать у меня лекарство все же не следовало.

Она одарила меня яростным взглядом.

— Поспорь еще со мной. Будет свой дом — будешь в нем правила устанавливать. А здесь распоряжаюсь я, — она отпила немного кофе. — Твой инсулин в аптечке. Сделай инъекцию.

И замолчала. Она не стала мычать как зомби, не пустила слюни, глаза не расфокусировались. Она просто потеряла всякое желание действовать по собственной воле.

Сработало.

— И все же забирать мое лекарство было очень, очень плохой идеей, — сказал я. — Не выгребла бы ампулы из стола, и до такого бы не дошло.

Она никак не реагировала. В моих словах не было посылки, импульса к действию, так что они просто проскальзывали мимо нее.

— Допей кофе.

Она повиновалась. Выражение гневного превосходства, впрочем, с ее лица не исчезло.

— Первое. С этого момента ты не посмеешь поднимать на меня голос, приказывать мне, или иначе на меня давить. Ты потеряешь любой интерес ко мне, моей жизни и действиям. Не будешь обращать внимания.

Сердце бешено заколотилось в груди, я чуть ли не заикался волнения. Одно дело мечтать о возмездии, и другое — вершить его. Особенно таким способом. Сейчас ее собственная воля была практически полностью подавлена, ее мозг был способен воспринимать только внешние стимулы к действию. Я мог приказывать ей выброситься в окно или повеситься. Или уехать хоть... хоть в Мексику (кажется, край мира был именно там). Я очень хотел это сделать, и именно поэтому не сделал. Ощущение безграничной власти над другим человеком ужасало именно полным отсутствием границ. Простите за каламбур.

Не хотел быть похожим на нее.

— Второе. Я не против продолжать ходить в школу, потому что там я могу отдохнуть от тебя. Но дополнительные занятия любого рода мне не нужны. Не те, которые выбрала ты. Если у меня появится к чему-то интерес, я буду этим заниматься, и ты не будешь вмешиваться.

Еще я собирался потребовать ее кредитку, но тут меня словно переключило. Я парачеловек, черт меня дер! Я обладаю силой, пусть далеко не самой могучей и удобной. И я спущу в унитаз все крохи зарождающегося самоуважения, клянча у матери деньги на оборудование?

— Третье. Ты сейчас ляжешь спать. Когда проснешься, то не будешь вспоминать об этом разговоре, но продолжишь следовать инструкциям, которые я тебе продиктовал.

Она отставила чашку на стол и ушла в спальню.

Я опустился на ближайший стул. Меня трясло. И от собственной наглости и смелости, и от осознания кошмарности того, что я только что натворил. Если это всплывет, то что со мной будет? Тюрьма? Казнь? Клетка? А ведь действие «сахара» не будет длиться вечно. Через примерно пять дней, максимум через неделю, мне нужно будет подсунуть матери еще одну дозу или придумать что-то новое.

Я перевел взгляд на беспорядок, который учинил в процессе подготовки этой милой добавки к кофе. Конечно, удалось обойтись без погрома, как у себя в комнате, но все равно уборка предстояла долгая.

«Надо быть аккуратнее, — сказал я себе. — Разборчивее в средствах. Эта сила... она будто демон, шепчущий мне на ухо. Она помогает, но взамен хочет крови».

Вечернее небо за окном прочертила яркая стремительная вспышка. Это Чистота отправилась по своим кейповским делам. Пунктуальная леди, хоть часы сверяй. Каждый пятничный вечер, ровно в половине девятого она появлялась на южной окраине города, после чего отправлялась на север. Насколько я мог судить, она жила если не в том же доме, что и я, то точно в одном из соседних.

Моя квартира находилась в высотном жилом доме, практически в центре делового района Броктон Бей, где недвижимость стоила по-свински дорого.

Где-то вдалеке снова вспыхнул свет Чистоты, а потом в землю с высоты ударили тонкие лучи. Взрывов слышно не было, но оказаться там, куда били ослепительно белые лазеры, мне бы в любом случае не хотелось.

Вот уж кому повезло с силой. Что мне надо было сделать, чтобы получить вот такой аналог сил Легенды или хотя бы банальный «набор Александрии», а не обрекать себя на мышиную возню среди булькающих колб, дистилляторов и перегонных кубов? Да, я охуел, и продолжаю жаловаться, уже вытянув выигрышный билет.

Минуточку...

У меня нет суперсилы, способностей к полету, я не могу стрелять лазерами из разных частей тела, но что если приготовить эликсир, который даст мне все это? Я обратился к своей способности, и получил в ответ лишь вспышку адской головной боли, настолько сильную, что чуть не закричал.

Намек понял, больше не надо. Никаких суперсил из пробирки, ладно.

Или же дело было не в них? Не в самих поломных способностях, а в том, что они с собой несли? Ощущение силы, власти над собой и окружением. Уверенность в себе?

Да, точно. Я хотел именно этого.

«Давай, демон, подскажи мне рецепт. Я хочу измениться».

Демон ответил, и я принялся за дело.

Работа заняла на удивление мало времени, а состав поразил меня простотой. Я знал, что почти никогда изделия Технарей не удастся повторить в промышленных условиях, но мне почему-то казалось, что этот рецепт, удалось бы запустить в массовое производство без больших потерь в эффективности.

В стакане передо мной плескалась темная, ароматная жидкость. Ее основу составляли еще одна порция кофе и отцовский виски. Я поднес стакан к губам и видел, что зелье плещется в нем из-за дрожи в руках.

Я залпом опрокинул в себя всю дозу и почти сразу же почувствовал эффект. Что-то всасывалось через слизистые оболочки и проникало в кровь, распространялось по всему телу. Намного быстрее, чем любое лекарство, принимаемое преорально. Стало жарко, в голове начало шуметь, и я ухватился за край стола, чтобы сохранить равновесие.

Я, Конрад Кёлер, закрыл глаза.

Но открыл их кто-то другой.

Броктон Бей имел сомнительную славу города, где соотношение количества кейпов к общему населению было одним из самых высоких в Соединенных Штатах — больше восьмидесяти паралюдей на триста пятьдесят тысяч человек. Это почти вдвое больше, чем в среднем в городской местности. Соответственно, они гораздо сильнее примелькались, и зачастую горожане если и провожали героев Протектората или Стражей взглядом на улице, то забывали о встрече через секунду.

Несколько иначе обстояли дела в северных районах. Чем ближе к старым докам и портовым терминалам, тем более упадочными и заброшенными становились улицы, и тем больше они притягивали кейпов-преступников. Им нравилось обилие незащитных людей, из которых можно вербовать подручных, и за счет которых можно было самоутвердиться. Не меньше им нравились целые безлюдные кварталы, которые можно рушить в схватках, и не получить на свою голову не в меру пристальное внимание Протектората. Парачеловеческое отделение СКП трудно было сподвигнуть на действительно решительные действия, но если уж удавалось их разозлить, то благоразумнее всего было не попадаться на глаза.

Ночью в районе доков всегда было малоллюдно. Ночь — время кейпов. Сверхчеловеческие ублюдки, обожали таинственность и маскарад, и свои дела, что геройские, что злодейские, предпочитали обстряпывать под покровом темноты. Если приглядеться, то даже в этот самый момент можно было заметить одинокую фигуру, скачущую между домами. Она без видимых усилий перепрыгивала с крыши на крышу, и вдобавок выделяла на бегу гимнастические трюки — просто так, без всякой видимой причины. Темно-серая толстовка с капюшоном, джинсы и небольшой спортивный рюкзак за спиной имели мало общего индивидуально изготовленными костюмами профессиональных героев и злодеев, а белая маска без лица, в которой без труда угадывалась сувенирная реплика маски Эйдолона, довершала портрет.

Новичок. Кто-то, кто лишь недавно прошел через триггер и обрел способности. И кому не хватило терпения или умения перед первым выходом изготовить нормальный костюм, не говоря о том, чтобы выбрать не занятый псевдоним.

Что же до самого кейпа, его все эти мелочи, похоже, не слишком волновали. Он явно наслаждался своей обретенной силой, и несся по крышам без всякой видимой цели, просто ради самого процесса движения. Он в очередной раз коснулся ногами поверхности, прошелся колесом и сделал полуторное сальто назад, завершившееся приземлением на руки. Несколько метров он преодолел на руках, после чего потерял равновесие у края и с деланно испуганным воплем свалился вниз.

Правда, не разбился. Свободное падение остановила куча мусорных мешков. Судя по виду и размеру груды, эти мешки лежали тут, по меньшей мере год, и будут лежать до восстановления работы порта, или до второго пришествия Христа. Второй вариант выглядел более реалистичным. Двое бездомных, гревшихся у горящего мусорного бака, повернули головы на шум.

— Эй, ты там еще живой? — без интереса спросил один.

— Не дождешься! — ответил кейп, отчаянно отплевываясь от гнилых картофельных очисток.

Судя по голосу, он был очень молод, скорее всего подросток. По какой-то причине чаще всего триггеры случались именно в таком возрасте.

— Эт кто там? — так же вяло спросил второй бездомный.

— Да придурок очередной в трико, — ответил первый.

— Ты охуел, нигер?! — возмутился кейп. — И никакого трико я не ношу.

— Для тебя, снежок, я афроамериканец! И вообще, катился бы ты отсюда подальше.

Будешь тут буянить, Лунг тебе кишки через жопу выдернет.

— Да, тут его территория! — подтвердил второй бездомный.

— И ему норм, что вы зовете его «придурком в трико»?

— А Лунг трико не носит, — возразил первый.

— То есть вы называете его «придурком без трико»?

— Он босс! А придурок тут только ты, потому что сидишь задницей в мусоре.

Кейп огляделся и был вынужден признать правоту оппонента. Он кое-как выбрался из груды мешков и принялся отряхивать одежду.

— Работу ищешь или что? — спросил тот же бездомный.

— Не, просто пробздеться выбрался, — кейп вдруг скрестил на груди руки и испытующе наклонил голову. — Какой-то ты неправильный нигер. Мы уже минуту разговариваем, а ты еще не предложил мне купить дурь.

— Ты че попутал, беложопый? Думаешь раз мужик черный, значит сразу наркотой банчит?

В темноте и за маской выражения лица кейпа было не разглядеть, но его поза буквально источала скепсис.

— Это территория Лунга, — буркнул второй бездомный, в отличие от своего товарища — белый. — А значит дурь толкают только азиаты.

— Вот это уже конструктивный разговор. И где тут могут отсыпать на косяк?

— А то ты сам не знаешь.

— Я первый раз сегодня, алло.

— Если сильно надо — иди на запад два квартала, увидишь четырехэтажный дом, бывший офис. Заходи не в главный вход, там досками заколочено, а в подвал с торца. Там спросишь Ли Фэня, продадут что угодно, если бабки есть. И если с собой на хвосте Протекторат не притащишь.

— Ога, — кейп кивнул. — Спасибо, выручили черного брата.

— Не выделывайся, — проворчал первый бездомный. — Это мода такая, белым черными прикидываться?

— Полегче, нигер. Может, у меня белая кожа, но зато душа чернее сажи!

Паренек в маске рассмеялся собственной шутке и с кошачьей ловкостью взобрался по пожарной лестнице на крышу ближайшего здания, где тут же скрылся за карнизом.

— Придурок, — проворчал второй бездомный.

— Ага, — согласился первый.

— Слыш, а если он кейп, вдруг он им там все разнесет?

— А хоть бы и разнес, не жалко. Эти уебки мне на прошлой неделе зуб выбили.

— А если пристрелят?

— Тоже хорошо. От кейпов одни беды.

Паренек если и слышал эту нелестную тираду в свой адрес, то никак не отреагировал. Он проверил, цело ли содержимое рюкзака, после чего припрыжку преодолел два квартала,

разыскал нужное здание и уселся на край крыши.

— Тада-дам, приветствую всех идиотов, которые выложили по пять баксов за билет на этот киновысер с бездарными актерами, вечно вмазанным режиссером и педиками-продюссерами! — произнес он в пространство, глядя куда-то в бок. — Если вы меня спросите, чей сфинктер пришлось отполировать до блеска, чтобы получить путевку во франшизу, то... ммм... пожалуй, список будет слишком длинный, чтобы уложиться в экранное время. Чем я тут занимаюсь? Хороший вопрос. Эй, оператор, опусти камеру. Вон там внизу расположились чуваки, которых по закону жанра для простоты называют «плохими парнями». Почему они плохие, и как дошли до такой жизни, традиционно остается за кадром. Они служат статистами и манекенами для битвы, которых парни «хорошие» швыряют по всей съемочной площадке, чтобы показать свою крутизну. А поскольку сейчас в моде антигерои и прочее инфантильное эджи-дерьмецо, то роль хорошего парня исполняю я. Так что жуйте свой попкорн и не моргайте, а не то все пропустите.

Кейп спрыгнул с крыши. В падении он ухватился руками за неработающий уличный фонарь и повернулся на нем «солнышком». На втором обороте он разжал руки и под действием инерции полетел напрямик в стену соседнего здания. От которой оттолкнулся ногами, сделал кувырок в бок и мягко приземлился на три точки.

— Не пытайтесь повторить это дома, — сказал кейп, обращаясь к той же невидимой аудитории.

Он поправил сдвинувшуюся маску и направился к входу в подвал. То, что бездомный направил его не к дилеру, а к точке, где дилеры получали товар и сдавали прибыль, он сообразил по дороге. Впрочем, так было даже лучше. Больше куш в одном месте, и больше возможностей испытать себя. Больше шанс получить нож под ребра или пулю, но мысль о том, что ему пустят кровь, юношу не пугала, а лишь приятно щекотала нервы.

Какое может быть веселье, если нет риска проиграть?

Два азиаты, что стояли неподалеку на стреме, бросились к нему, как только заметили, но заметили они его поздно, потому что смотрели по сторонам, а не вверх, и вид маски заставил серьезно умерить пыл. Да, северную половину города держал в кулаке Лунг и его помощник Демон Ли. Да, они бы без труда выбили дерьмо из любого, кто посмел посягать на их бабки. Но оба были далеко, а рядовые члены банды оставались обычными людьми, и прекрасно знали, что даже слабый кейп способен искалечить или убить их без труда. У обоих были имели пистолеты, но слишком часто пули парачеловеческих говнюков не брали. Поэтому один из них сделал самую умную вещь из возможных: спрятался за угол и достал телефон.

Кейп этого не заметил. Он без стеснения толкнул дверь и шагнул внутрь.

Подвал был куда меньше, чем можно было ожидать от здания такого размера, не слишком просторное помещение из двух комнат. В первой, ближайшей к входу, стоял стол со счетчиком банкнот и сейф. За столом восседал крепкий китаец, а перед ним лежали расфасованные пакетики с какими-то порошками, сушеными растительными смесями и таблетками, а также внушительного вида пистолет. Еще один китаец подпирал собой стенку сбоку, у него был дробовик.

Дверь в соседний зал была слегка приоткрыта, но можно было заметить, что свет там выключен. Оттуда доносились звуки работающего телевизора, а также негромкие разговоры на каком-то восточном языке, и запах жареной еды.

Китаец за столом отреагировал быстро и даже не пытаясь схватить оружие, быстро что-то крикнул. Спустя всего три секунды на кейпа было нацелено, по меньшей мере, пять стволов, и терпение их владельцев утекало ну уж очень быстро.

Юноша в маске примирительно поднял руки.

— Брат, братан, братишка, — залепетал он. — Только не надо нервничать. Я ищу Ли Феня. Мне сказали, он может мне помочь.

— Чего надо? — рявкнул китаец за столом.

— Мне надо... — кейп неопределенно мотнул головой и, не опуская рук, указал пальцем на стол. — Вещества. Много. Я хочу купить. Не грабить, нет. Не хочу драться. Есть деньги.

Азиаты соображали довольно долго, следует ли им попытаться пристрелить незваного гостя, рискуя нарваться на кого-то неуязвимого, дожидаться разбуженного посреди ночи и от того злущего Демона Ли, который мог прирезать кого-нибудь из них просто от раздражения, или же повременить с принятием решения.

На свою беду, Ли Фень выбрал последний вариант.

Он кивнул подчиненным и те немного опустили оружие, хотя полностью не расслабились. Потом махнул рукой, позволяя кейпу подойти чуть ближе.

— Что нужно? — спросил он еще раз, чуть более спокойно, но все равно готовый взорваться в любое мгновение.

— Покажи что есть, — ответил кейп. — Моя сила скажет мне, что пригодится.

— Все на столе.

— Могу посмотреть ближе?

— Подходи. Медленно.

— Спокойно, я не вооружен. Даже ножа нет.

— Ты кейп, — резонно ответил китаец. — Ты сам оружие.

Юноша в маске подошел к столу и принялся изучать образцы наркотиков. Он забраковал «декаданс», экстази и крэк, но утвердительно кивнул при виде кокаина, ангельской пыли, героина, ЛСД и марихуаны. После чего оглянулся на бандитов и принялся медленно снимать с плеч рюкзак.

Подозрительным взглядам азиатов предстала бутылка виски «Джек Дэниэлс».

— Может, я немного не вовремя, но что-то в горле пересохло. Вы же не идиоты отказываться от халявного бухла? — кейп поднял бутылку над головой и огляделся. — Давайте выпьем за то, что вы не идиоты.

Если те и успели что-то понять, то сделать ничего не успели. Кейп уронил бутылку, и та разбилась от удара об пол. Раздался громкий хлопок, весь подвал моментально заволок густой дым, а в следующую секунду погас свет.

Темноту разорвали вопли дикого, первобытного ужаса. Загремели выстрелы, и к испуганным крикам добавились стоны боли. Стрельба длилась до тех пор, пока не опустели обоймы, и те, кто еще мог стоять на ногах, кинулись к выходу, не разбирая дороги, спасаясь от скрывающихся в темноте кошмаров только для того, чтобы снаружи встретиться с другими. Ли Фень бежать не мог, он сползал по стене, зажимая кровоточащую рану в животе. Другой рукой он отчаянно стискивал рукоятку пистолета, и тихо подвывая от ужаса и боли, снова и снова жал на спуск, целясь в проступающую из клубов дыма белую безликую маску.

Пистолет в ответ только беспомощно щелкал, потому что без патронов стрелять не мог.

Наконец, глаза китайца закатились, он обмяк и повалился на бок — рядом с трупом своего охранника с дробовиком, которому шальная пуля пробилась череп.

Еще через примерно полминуты кейп щелкнул выключателем и позволил себе отдышаться. Газ, вызывающий неконтролируемую панику и нокталопию, распался при контакте с воздухом в течение примерно минуты, а заблаговременно принятый антидот должен был уберечь от случайного отравления, но дышать им вместе с бандитами было бы определенно плохой идеей. А на противогаз просто не хватило денег.

Одна купюра в двадцать долларов — это всего лишь двадцать долларов.

— Именно в такие моменты тянет задуматься о вечном, — произнес кейп в пространство. — Вот, например, почему сосиски для хот-догов продают пачками по десять штук, а булки для них — по восемь?

Времени у него, однако, было в обрез. Если сюда припрется Демон Ли, а он рано или поздно припрется без вариантов, это будет пиздец. Убежать от телепортера невозможно, а драться с ним имея только пару бутылок «ноктюрна», как кейп решил назвать свое изобретение, неоправданно рискованное занятие.

Кейп нанес на дверцу сейфа кислоту, и пока та разъедала металл, сгреб в рюкзак всю наркоту со стола, а также две перетянутых резинками пачки денег — немного на самом деле, купюры там были мелкие. Он проверил ящики стола и обнаружил коробку с пистолетными патронами и тут же отправил ее в рюкзак, а затем подобрал пистолет Ли Феня и заткнул его за ремень.

Тем временем дверца сейфа поддалась и со стуком упала на пол. Кейп осмотрел свою добычу и разочарованно застонал. Мало. Намного меньше, чем он надеялся.

— Я серьезно, парни, — сказал он, оглянувшись на тела. — Вы тут наркотой торгуете или мороженым?

Ладно, как говорится, ворованному коню в зубы не смотрят. Или поговорка звучала как-то иначе? Не важно. Он перекидал содержимое сейфа в рюкзак и прислушался. Очень вовремя, потому что с улицы доносились крики, какой-то жуткий рык и стук приближающихся шагов.

— Ой, — пробормотал кейп. — Ой-ой-ой.

Издавать такой рев, насколько он предполагал, мог только сам Лунг, и только после трансформации. Это означало, что план спокойного отхода только что накрылся медным тазом. Нет, кейп не испугался. Он не был способен испытывать страх, но факт смертельной угрозы вполне осознавал, как и испытывал желание избежать ее.

Вместо того, чтобы удариться в панику, он закинул рюкзак на плечи и затянул лямки потуже. Потом бросился в соседнее помещение, где помимо дивана, работающего телевизора, по которому крутился китайский фильм про боевые искусства, и низкого стола, уставленного тарелками с какой-то еще теплой едой, имелся еще и большой металлический шкаф. Шкаф этот практически пустовал, когда-то в нем хранился хозяйственный инвентарь и инструменты, а бандиты применения ему не нашли. Кейп забрался внутрь, закрыл за собой дверцы и затаился в надежде, что у АПП с момента последней правки в Парapedии не появилось никого, кто умеет видеть сквозь стены или как-то иначе обнаруживать людей.

Из комнаты с сейфом донесся хлопок двери и чье-то удивленное восклицание. Кейп напрягся. Голос был мужской, молодой и без акцента. Обнадеживает, но не более, Лунг брал в банду за узкие глаза, а не за акцент.

Второй голос. Женский. Тоже молодой и без акцента.

Вот это уже интересно. Кто это мог быть? Кейпы? Кто-то из Протектората? Вряд ли, судя по голосам, это скорее подростки. Стражи? Да кто бы их вообще пустил работать ночью, да еще не в самом безопасном районе?

Шаги приблизились к самому шкафу и дверцы распахнулись.

Их было двое. Парень в белой рубашке и брюках, в белой маске, изображающей красивое лицо, с короной на голове и скипетром в руке. Длинноволосая блондинка в черно-лиловом комбинезоне и узкой маске-полоске, закрывающей только глаза. Несколько секунд они смотрели друг на друга, после чего парень в рубашке закрыл дверцу шкафа.

— Ты видела то же, что и я? — спросил он свою спутницу.

Если она и ответила, то не вслух. Дверца шкафа снова распахнулась.

— Добрый день, — поздоровался кейп. — Вы не хотите поговорить о господе нашем Иисусе Христе?

Дверца снова закрылась.

Прошло несколько секунд.

Дверца открылась.

— Здравствуйте, это издательство «Ридерз Дайджест», и у нас есть для вас подарок. Чтобы получить его, сделайте заказ по нашему каталогу на сумму не менее...

Дверца закрылась.

Прошло несколько секунд.

Дверца снова открылась.

— Хотите увеличить пенис на два дюйма всего лишь за восемь недель без операции?

— Нет, я не хочу увеличить пенис, — ответила девушка.

— А я еще не определился, — добавил парень. — А ты можешь?

— Эээ... — протянул кейп и ненадолго задумался. — Да, могу.

— Мне он уже нравится. Сплетница, мы можем его оставить?

— Тела в соседней комнате — твоя работа? — спросила Сплетница, но дожидаться ответа не стала. — Хм, нет. Не совсем. Ты что-то сделал, но сам никого не убивал. Разозлил их? Спровоцировал? Запутал? Точно, напугал. Напугал чем? Угрожал им? Подбросил какую-то обманку? Не обманку, подбросил бомбу с ядовитым газом. Газом, вызывающим приступ сильнейшего страха и ухудшающий способность видеть в темноте. И не бомбу, а просто бутылку.

— Ты конечно милая, — проникновенно сказал кейп, — но после смерти тебя гарантированно ждет ад, где ты будешь делить один котел с тем козлом, что проспайлерил мне Final Fantasy VII и «Ковбоя Бебопа».

— Обычная плотная одежда вместо костюма, маска из сувенирного магазина в офисе СКП... ты вообще кто такой и что тут делаешь? — казалось, что Сплетница вообще не обращает на его слова внимания. — Кейп, конечно же. Совсем недавно получил силы, это твой первый выход. Да ты тот еще отморозок, дружок, первый выход — и уже два трупа. Непреднамеренно, согласна, но и ты и не раскаиваешься. Так, а какая же у тебя способность?

Кейпа этот монолог начал порядком утомлять. Он шагнул из шкафа, достаточно быстро, чтобы девушка не успела отреагировать. Правой рукой он обхватил ее за талию, а левой отвел ее правую руку в сторону. Одновременно он подался вперед всей массой, из-за чего Сплетница потеряла равновесие и повалилась назад. Кейп приблизил маску к ее лицу.

— Моя способность — это завязать нитку в узел языком, — сказал он голосом

соблазнитель. — Хочешь, продемонстрирую?

— Регент! — напряженно произнесла девушка. — Ты мне помочь не хочешь?

— А как мне тебе помочь? — лениво отозвался парень в рубашке. — Сходить где-нибудь погулять часик? Успеете?

— Лучше два часика, — сказал кейп.

— Еще могу подсказать классную позицию, — за маской не было видно лица, но судя по тону, Регент с трудом удерживался от того, чтобы заржать. — Короче, ты, клади левую руку ей на бедро, потом прислони спиной к стенке...

— Регент!

— Что у вас тут происходит? — в комнату ввалилось клубящееся облако непроглядной темноты, в которой на уровне высокого человеческого роста висело изображение черепа. — Какие-то проблемы?

— Гляди, Мрак, малышка Сплетница наконец-то стала интересоваться мальчиками, — Регент сделал движение, будто смахивал из-под глаза слезу. — Так быстро выросла...

— Просто. Поставь. Меня. Вертикально, — терпение блондинки иссякло, и в бок кейпа уперся ствол пистолета.

— Стрелять бессмысленно, потому что я уже поражен в самое сердце, — но все же Сплетницу он отпустил.

— А теперь прекратите валять дурака и отвечайте, что вы тут творите! — рассержено прогремело облако тьмы, которое называли Мраком.

— Этот придурок нас опередил, — сказала Сплетница. — Он пришел на несколько минут раньше, распылил тут газ, от которого АППшники постреляли друг друга, и выпотрошил сейф.

— Так, погоди. Он кейп?

— Определенно. Технарь со специализацией на химии. Не слишком впечатляющее и очень неизбирательно.

— Есть такое. Никто пить не хочет? — кейп продемонстрировал две стеклянные бутылки из-под диетической колы, в которых плескался «ноктюрн». — Слушай, ты... Мрак. У меня что-то с глазами или ты правда черный?

Сгусток тьмы не удостоил его ответом.

— Мрак, твоя сила сможет заблокировать газ?

— Не в таком замкнутом помещении.

— А чего вы вообще до меня доебались? Я тут, понимаешь, злодеяния творить пытаюсь, а вы вламываетесь без стука и отнимаете мое экранное время.

— Ты же комический персонаж, тебе много и не нужно, — встрял Регент.

— Нам нужно то, что было в сейфе, — сказал Мрак. — Отдай, и сможешь спокойно уйти.

— Отдать какому-то черному свою первую добычу? Не в этой жизни. И вообще, вы реально такие крохоборы? Там было три-четыре тысячи баксов от силы, этого даже мне одному на карманные расходы не хватит, а вас трое!

— С нами еще четвертый, прикрывает снаружи.

— Тем более.

— Деньги можешь оставить себе, — смилостивился Мрак. — Нам хватит только наркотиков.

— Ничего личного, черный брат, но как сказала эта красавица, я технарь, а технарю

нужны материалы. Дурь я тоже не отдам.

— Нас здесь трое, если ты не заметил, — в голосе Мрака появилась угроза.

— А у меня в руках две бутылки лютой технарской отравы, которая на меня самого не действует. Смотри, что произойдет дальше. Вариант первый: вы пытаетесь отнять у меня добычу, я пускаю газ, вы теряете рассудок от страха, а мне остается добить вас. Вариант второй: я пытаюсь уйти, вы мне этого не позволяете... ну, будет в общем-то тоже самое. Вариант третий: мы продолжаем перепираться, тем временем подгребают Лунг и Демон Ли, которым шестерки наверняка уже настучали о нападении кейпов, и ломают нам лица. Мне этот вариант не нравится, потому что под маской я красавчик, а огонь и ножи не очень полезны для кожи. Вариант четыре: вы вытаскиваете головы из задниц, и понимаете, что 90 % этих денег уйдут на оборудование, на котором из этой наркоты я сварганю такое, что не только увеличивает член, но и лечит рак, СПИД, облысение и рыночную стагнацию. А если Сплетница сходит со мной на свидание, то даже поделюсь с вами парой доз чего-нибудь забористого.

— Регент, действуй!

В следующий миг произошло сразу несколько событий. Во-первых, кейп почувствовал, как его руки сами собой разжались, и бутылки с «ноктюрном» полетели на пол. Во-вторых, с улицы донесся жуткий звериный рев, одиночный взрыв и серия выстрелов. В-третьих, Мрак сплошным черным потоком бросился к кейпу, пытаясь поймать бутылки до того, как они коснутся пола. В-четвертых, кейп за крохотную долю секунды сумел сориентироваться, и пнул падающую бутылку ногой, а вторую успел схватить сам.

Раздался звон бьющегося стекла и хлопок. На этот раз к дыму добавилась тьма, густая и плотная настолько, что в ней пропадали все звуки, и терялось чувство направления. Кейп задержал дыхание и длинным прыжком с места бросился к выходу, по пути сбив с ног что-то крупное и тяжелое — видимо, Мрака. Он выбрался из подвала на ощупь и принялся жадно хватать ртом воздух, но передышка ему пока не светила. Прямо у него на глазах какой-то ниндзя в черном комбинезоне и красной демонической маске сражался против трех здоровенных монстров из ночных кошмаров, которые больше всего напоминали помесь собак и шогготов. На спине у одного из чудищ сидел парень в маске, изображающей собачью морду.

— Ребята, — сипло спросил кейп в пространство. — А у нашего шоу точно рейтинг двенадцать плюс?

Демон Ли, а никем иным ниндзя в красной маске быть не мог, непрерывно телепортировался, оставляя после себе короткоживущего клона, каждый из которых, впрочем, успевал несколько раз выстрелить из пистолета или выдернуть чеку из гранаты. Из собакоподобных шогготов (или все-таки шогготообразных собак?) летели клочья крови и мяса, но ни пули, ни взрывы, не причиняли им заметного ущерба. Складывалась патовая ситуация, в которой одна сторона не могла нанести достаточно урона, а другая — не могла поймать противника.

Кейп попытался воспользоваться тем, что оба противника были поглощены битвой и сбежать, но после очередного телепорта Демон Ли его заметил. Он возник из воздуха прямо перед ним, и уже целился из пистолета. Кейп сделал единственное, что еще оставалось — бросился на землю и одновременно швырнул последнюю бутылку себе под ноги.

Чуть позже он был готов поклясться, что побил все мировые рекорды в беге на короткие дистанции на годы вперед. Во всяком случае, два квартала он преодолел настолько быстро,

что ни Демон Ли, парень с собаками-монстрами за ним не угнались. Он привалился к стене, пытаясь восстановить сбитое дыхание, и заметил, что двое бездомных, встреченных им по дороге, все также сидят у своего костра.

— Ну что, отсыпали? — с тенью интереса спросил тот, что был черным.

Кейп попытался придумать остроумную шутку, но центр юмора в мозгу в ответ на запрос объявил забастовку. Так что он просто кивнул и медленно поплелся по переулку. Убедившись, что вокруг никого нет, он стянул с лица маску и спрятал ее в туго набитый рюкзак, сбросил капюшон толстовки. Всего несколько нехитрых манипуляций, и вот уже новоявленный суперзлодей превратился в темноволосого подростка. Может, немного запыхавшегося и взъерошенного, но в целом безобидного.

Дорога до дома заняла у него больше часа.

Он бежал практически без остановок, сбавляя шаг только на мигающих желтыми огнями светофорах. Несмотря на недавнюю схватку, энергия и возбуждение продолжали кипеть в нем, требовали выхода. Хотя он и снял маску, но все еще не стал собой. Эффект эликсира «Мистер Хайд» пройдет только после сна.

Добравшись до своей квартиры, он первым делом направился в ванную. Родители уже спали, но звукоизоляция была достаточно хорошей, чтобы звуки душа их не разбудили. Не то, чтобы ему было дело до их мнения... но пусть лучше дом останется гаванью, свободной от конфликтов.

Кейп поймал взгляд своего отражения в зеркале и улыбнулся так, как никогда не смогла бы его основная личность.

— Понравилось приключение, Конрад? — спросил он у отражения. — Вижу, что понравилось. Ведь как бы мы ни различались, но все же мы один и тот же человек. Завтра ты снова будешь у руля, и уж постарайся, чтобы от нашей сегодняшней добычи была максимальная отдача.

Он проскользнул в свою комнату и нырнул под одеяло. В памяти всплыл образ светловолосой девушки в черно-лиловом костюме, мелодичные звуки голоса, руки еще хранили тепло от прикосновения к ее телу, даже ее запах он мог вспомнить так, будто она стояла рядом.

Что же, у основной личности был отличный вкус.

Мое следующее утро началось не с кофе.

Оно началось с боли.

Адской, ослепляющей боли в каждом мускуле и сухожилии, сколько их было в теле. Вчерашняя прогулка в маске, как-то незаметно превратившаяся в перестрелку и скоротечную, но от того не менее напряженную схватку с Демоном Ли и группой неизвестных кейпов-преступников, напоминала о себе невозможностью сделать ни единого движения без стога.

Аспирин тут точно не поможет.

Часы показывали половину десятого, из-за чего меня моментально уколол стыд. То есть, конечно, спать я лег ближе к утру, но все же я немного гордился тем, что поддерживаю режим. К счастью, свою эскападу я совершал в ночь на воскресенье, и мне не стоило волноваться из-за пропущенных уроков. Однако позднее пробуждение также означало, что у меня осталось меньше времени на запланированные дела.

Дел было немало. Хотя вчерашнюю ночь я провел в несколько... измененном состоянии сознания, но все же прекрасно все помнил и осознавал. Более того, пока моя вторая половина управляла телом и реагировала на угрозы, я мог спокойно и отстранено заниматься анализом всего, с чем она столкнулась.

Первое, и самое главное — разобраться с добычей. Разнообразные наркотики существенно расширяли мои возможности, а деньги позволяли приобрести настоящее лабораторное оборудование. Точные электронные весы, центрифугу, микроволновый реактор, шейкер, кучу всяких пробирок и колб... эээ... а денег-то хватит? Если не ошибаюсь, один только реактор мог съесть все, что я вынес из того сейфа. Может, я зря собираюсь разбрасываться деньгами, и мне следует сосредоточиться на изготовлении оборудования?

Моя сила, до этого смирно дремавшая, встрепенулась и начала формировать неясные образы странных агрегатов, которые явно предназначались для производства и обработки самых различных материалов и веществ. Их разнообразие поражало, а предоставляемые ими возможности казались настолько обширными, что я не смог сосредоточиться на чем-то конкретном и образы рассеялись.

Возможно, это была проблема всех технарей. Я должен был четко представлять, что желаю получить, и чем лучше мог оформить результат, тем быстрее и четче моя сила прокладывала к нему путь. Конечно, базовую лабораторную оснастку я все равно куплю немедленно, просто чтобы не устраивать опять бедлам на кухне. Остальной же капитал придется придержать для конкретных проектов.

Второе по порядку, но столь же важное — костюм. В мире много правил и условностей, которые не несут очевидного смысла, но являются обязательными для выполнения, потому что *так принято*. Например, ношение одежды летом, когда и так тепло. Или общественное порицание всяких специфичных вкусов, вроде зоофилии. Или ношение кейпами, решившими заявить о своем существовании, броских и запоминающихся костюмов. Чем-то напоминает обязательное для женщин ношение никаба на Ближнем Востоке. Быть кейпом и не носить костюм... ну не знаю, наверное, было бы приличнее пройтись без трусов по центру города в час пик.

Нет, костюм определенно нужен. Вчера я использовал простую толстовку и дешевую

маску, и был дважды если не облит презрением, то уж точно не воспринят всерьез. Особенно неприятно было ловить на себе снисходительно-понимающий взгляд той девушки в чернотиловом комбинезоне, Сплетницы. Перед такой красоткой кому угодно захотелось бы предстать в лучшем виде. Этим вопросом следует заняться безотлагательно — поискать идеи для внешнего вида, синтезировать материалы. А с собственно изготовлением проблем не будет? Я не портной, как-никак.

Я закрыл глаза и в голове начала вырисовываться приблизительная схема для выкроек и идеи на счет того, как скреплять между собой отдельные части. Прекрасно. Видимо не ввали на счет того, что технарь в принципе способен делать и вещи вне своей специализации, пусть и не обладающие какими-то невероятными свойствами и с большими трудозатратами. Мне от костюма что-то запредельное не требовалось. Всего лишь защита для моего брэнного тела от ударов, пуль, огня, ядовитых газов, гранатных осколков, клыков гигантских биомутантов и снисходительных взглядов красивых девушек.

Окей, согласен, это как-то жирно получается. Последнего пункта для начала будет достаточно.

Третье...

Я попытался перевернуться на другой бок и взвыл от боли.

К черту все, сначала я приготовлю себе обезболивающее и что-нибудь для ускоренного восстановления, чтобы к утру понедельника быть в порядке, а не еле ковылять всю следующую неделю. И позавтракать, потому что мой диабет никуда не делся, что подразумевало приемы пищи по достаточно строгому распорядку. И надо поэкспериментировать с инсулином, улучшить формулу. И...

Черт побери, столько дел, а в сутках всего двадцать четыре часа! Я уже завидую кейпам-ноктисам, которых силы лишили потребности в сне.

Стиснув зубы, я выполз из-под одеяла, кое-как натянул домашнюю одежду и, давя рвущийся наружу вопль, поплелся в ванную. Заодно я прихватил из рюкзака один из пакетиков с белым порошком, который моя сила сочла самым перспективным. Честно, не разбираюсь в том, какие бывают наркотики, и чем они друг от друга отличаются. Сейчас они меня интересовали только как ценные компоненты, до триггера не интересовали вовсе. Эскапизм эскапизмом, но он не стоил той платы, что вимали наркотики. Не говоря о том, что мне не на что было их купить. В каком-то смысле моя мать цели добилась.

Надо сказать, выходные я ненавидал. Это были дни, когда родители не уходили на работу, мне не нужно было идти в школу, и я с головой погружался в тот чан с дерьмом, который представляла жизнь нашей семьи. Нет, скандалы были редкостью. Никто не кричал друг на друга, не пререкался.

Наоборот.

Когда я вошел на кухню, там царила гробовая тишина. Мои родители подчеркнуто друг друга игнорировали. Мать молча мыла посуду, оставшуюся после приготовления завтрака. Отец сидел за столом, загородившись от всего развернутой газетой. Подозреваю, что возможность мгновенно возвести вокруг себя вот такую стену была единственной причиной, по которой он продолжал покупать бумажные газеты, а не читал новости в интернете. Несколько дней назад я бы постарался механически поздороваться, как можно скорее проглотить завтрак и также быстро убраться к себе в комнату, сделать вид, что делаю домашние задания. Или придумать достаточно правдоподобную ложь, чтобы иметь повод убраться из дома хотя бы на несколько часов.

Сегодня... мало что поменялось. Я бросил приветствие, не несущее в себе ничего, кроме обозначения своего физического присутствия, и сразу направился к холодильнику. Своим главным достижением на данный момент я считал обретение какого-никакого контроля над своей силой, позволяющего мне не начинать сразу громить все вокруг в поисках нужных реагентов и инструментов для их обработки, а сначала оценивать все наличные ресурсы, а потом удерживать производственный процесс в цивилизованных рамках.

В общем, обезболивающее я сумел приготовить достаточно быстро, и вроде бы даже смог замаскировать все действие под наливание молока в тарелку с диетическими злаковыми хлопьями (дополнительно обогащены клетчаткой, кальцием и витаминами группы В). Плюс небольшая порция салата из рубленых овощей, заправленных ложкой льняного масла, плюс стакан чая без сахара. Завтрак диабетика готов. Уныло? Не без этого. Из-за своей диеты я даже выстраивал свои маршруты передвижения так, чтобы не проходить мимо разнообразных забегаловок. Просто чтобы не дразнить лишний раз нос.

Я подсчитал в уме объем углеводов, уместившихся в хлопьях с салатом, и решил, что на дневной перекус, черед которого настанет через три часа, мне стоит ограничиться парой яблок. Так себе диета для растущего подростка, тем более парня. Организм отчаянно требовал белка, причем в астрономических количествах. Моя мать, однако, терпеть не могла возиться с мясом и рыбой, а полуфабрикаты убили бы меня не так быстро, как бутылка колы, но столь же надежно, так что протеины в моем рационе были представлены преимущественно «скажи-пока-своему-тестостерону» соей. С девчонкой меня вроде бы не путали, но бугрящимся мышцам взяться тоже было неоткуда, несмотря на четыре занятия в секции спортивной гимнастики в неделю, и пока половина одноклассников вовсю щеголяла пушком под носом, моя физиономия оставалась удручающе гладкой.

Прощайте, мои мечты о шикарной бороде, а ля «канадский лесоруб».

Жуя пресный салат, я потихоньку начинал ненавидеть тех кейпов, что помешали мне вчера. Я мог получить нужный компонент для приготовления лекарства от диабета, просто вырезав у одного мертвецов поджелудочную железу! Не знаю, смог бы я осознанно лишить жизни другого человека ради своего излечения, но те АППшники весьма любезно постреляли друг друга сами, пусть и с моей подачи. Было бы идиотизмом не воспользоваться случаем. Но пришлось удирать со всех ног, бросив гнить добычу, вероятно, более ценную, чем добытые деньги и наркотики. Еще два пункта в списке дел.

Первый — нужно сегодня же заняться проектом Идеальной Пищи. Он пересечется с проектом препарата для ускорения регенерации, потому что телу в любом случае потребуется строительный материал. И лучше бы ему быть самым высококачественным.

Второй — я должен сделать оружие.

«Ноктюрн» сработал хорошо, но слишком неудобно его было носить и применять, особенно против кейпов. Моя сила, поскольку вопрос касался насилия, воодушевленно зашевелилась, предлагая решения на каждую идею, приходившую ко мне в голову. Изготовить газовые гранаты? Транспортировка станет удобнее, да и выдернуть чеку проще, чем бить бутылку об пол, но все недостатки химического оружия останутся на месте. Не париться, и просто сделать патроны для подобранного пистолета? В целом... вариант приемлемый, но не оптимальный. Придется повозиться, особенно с гильзами. Установка, производящая патроны, представлялась мне громоздкой, шумной и грязной. Дома такую не запустишь.

Стоп-стоп-стоп. Я думаю в неверном направлении и использую неверную отправную

точку. Я не должен опираться на существующие решения, и вырисовывать облик оружия из них. Мне нужно сосредоточиться на конечном результате. Вот предположим, передо мной та четверка. Что я хотел бы с ними сделать, чтобы убрать со своего пути?

Воображение протестующее забуксовало.

Я исправил ошибку, мысленно заменив Сплетницу на Демона Ли, и процесс пошел бодрее. Мне нужно избавиться от них — что с ними сделать? Разрубить? Сжечь? Испарить? Может даже заморозить? Нет-нет-нет, слишком жестко. Моя внутренняя личность совсем не возражала против кровопролития, но рациональной частью своего мышления я понимал, что выходить на улицы с однозначно смертельным оружием — это верный путь в Клетку или в могилу. Я бы не стал думать об оружии, если бы не намеревался его применять, а если начать убивать тех, кто встает на пути — все остальные объединятся, чтобы меня прикончить. Перво-наперво, мне нужно нелетальное оружие, которое можно использовать с легким сердцем. К примеру такое, как... как «ноктюрн»! Если бы удалось достигнуть такого же эффекта, приступ паники и временная слепота, но без использования газа...

Мой демон, нашептывавший на ухо рецепты и схемы, на радостях взвизгнул и сделал тройное сальто назад. Еще бы, он наконец-то смог предложить именно то, что мне нужно.

Я покончил с завтраком, вымыл за собой посуду и вернулся в комнату. Вколол утреннюю дозу инсулина и выдрал из тетради лист, чтобы набросать эскиз своего оружия. По всему выходило, что оно включать в себя достаточно широкую поверхность, которая будет играть роль, чего-то типа антенны. Как тогда его носить? Или не носить? Или носить, но не в руках? Точно! Маска! Я не планировал продолжать пользоваться сувенирной маской, уж больно жалко она смотрелась, но новую смогу изготовить похожей. Сделаю ее не такой плоской, как у Эйдолона, не имеющей выраженных черт, но все же примерно следующей контурам лица — так я смогу расширить радиус охвата. Еще можно добавить щитки на груди и ногах с теми же функциями... сделать сегментированными, чтобы повреждение нескольких не вывело антенну из строя полностью...

Свободное место на листе кончилось, и я вырвал новый. Заметка: в довесок к лабораторной посуде купить кульман. Или лучше графический планшет. Программу для создания чертежей. 3D-редактор. Или даже все вместе.

Так, нужно экранирование... чтобы меня не ударило собственным излучением... материал антенны... вот это сложность! Это не просто металлическая пластина! Это... это что-то невообразимое! Строго ориентированная молекулярная структура... композиция различных веществ на уровне выше молекулярного, но намного ниже обычного композита. Мне придется сначала изготовить фотолитографическое оборудование. Но даже с ним процесс займет много дней. Напыление каждого макромолекулярного слоя придется проводить вручную... черт, надеюсь, оно того стоит.

Да, черт побери, оно того стоит! Маска-излучатель — это лишь частный случай применения технологии! Покорпеть надо оборудованием для макромолекулярного напыления — и можно будет изготовить композитный материал с почти любыми свойствами! Для костюма... для чего угодно! И надо что-то подумать с энергопитанием для всего этого добра...

За чертежами время пролетело незаметно. Я смог оторваться от мелко исчерканных листов только когда часы показали без четверти три, и выругался не хуже какого-нибудь безработного докера. Я пропустил свой перекус. Казалось бы, полтора часа небольшая разница, но я слишком хорошо помнил ощущения от кетоцидоза, чтобы рисковать даже

незначительным нарушением режима. На всякий случай я потянулся за глюкометром, чтобы проверить сахар в крови, но запоздало вспомнил, что уже принес его в жертву своему технарскому демону.

Размяв затекшую спину, я снова выбрался до кухни, и уже размышлял, не следует ли мне добавить что-нибудь к яблокам, чтобы скомпенсировать пропущенное время. Но именно в этот момент жизнь, словно возмущенная моим неожиданным благодеянием, дала хорошего такого пинка.

— Конрад, можно с тобой поговорить?

Я обернулся. Из открытого холодильника тянуло холодом.

— О чем?

Мой отец, казалось, чувствовал себя не в своей тарелке. Вообще, он видимо постоянно себя так ощущал, если всеми правдами и неправдами старался проводить дома как можно меньше времени.

— Где ты был прошлой ночью?

Ох блять... точно. Я ведь не подсыпал ему «сахар» в кофе. Понадеялся на его безучастность ко всему происходящему в этих стенах. И просчитался.

— Не спалось, решил немного побегать.

Отец скривился, будто от зубной боли.

— Ты вступил в банду? Примкнул к нацистам, да?

— Ну, для арийского идеала у меня слишком темные волосы, — я выразительно посмотрел на остатки его собственной шевелюры. — Да и кому я в банде нужен, болезный такой?

— Не в этом смысле. Вчера ты ходил в магазин, и вернулся с маской. Конрад, я еще не выжил из ума. Я знаю, в каком городе мы живем, и понимаю, что значит, если юноша вроде тебя вдруг покупает или делает маску.

Я закрыл дверцу холодильника и оперся спиной о тумбу.

— Даже если ты предположить, что ты прав... что это меняет? Донесешь в СКП, что в доме завелся кейп, и попросишь прислать бригаду для, кхм, декейпизации?

— Если это поможет оградить тебя от ошибок...

— Оу, — я остался внешне бесстрастным, но почувствовал, как внутри вскипает ярость. — Последняя такая попытка защитить меня от дурного влияния чуть не стоила мне жизни. Знаешь, как весело валяться в луже собственной блевотины, не имея сил даже отодвинуться? А как прикольно безуспешно пытаться вспомнить собственное имя, потому что работа мозга нарушена отеком?

Он нахмурился.

— Это когда такое было?

— Недавно. Ты даже не в курсе.

— Ты только сейчас это рассказываешь.

— Будто бы это что-то изменило.

— Все равно ты должен был рассказать.

— Пап, мне много лет в этом доме мыли мозги, что я должен. Что я просто по уши в долгах, и должен быть бесконечно благодарен за каждую ночь, проведенную не под открытым небом. Кто знает, может я бы и правда был благодарен, если бы меня не тыкали в этот факт носом постоянно. Ну так вот. Я тут прикинул, во сколько обошлось мое содержание за все пятнадцать лет и три месяца. Сумма солидная, но думаю, если твои

подозрения верны, я буду способен столько заработать. И когда я возьму все, что было потрачено на мое питание, мебель, одежду, лечение, образование и прочее — можно я буду считать, что больше здесь никому и ничего не должен?

Отец не ответил. Может, не ожидал такого отпора, а может, ему просто нечем было крыть. Никогда не умел читать людей.

— Ты что-то сделал с Мартой? — спросил он через некоторое время.

— С чего ты взял?

— Я могу заметить изменения в женщине, с которой прожил почти двадцать лет.

— Вряд ли с ней произошло что-то необратимое или вредное, что продлится дольше нескольких дней. А то, что она вдруг прекратила меня тиранить — простое совпадение. Думаю, у нее просто большая загрузка на работе. Так или иначе, легко отделалась. Мог и инфаркт случиться, как вариант.

Теперь он испугался. Даже я это заметил. Наверное, так мог бы испугаться человек, который обнаружил в клетке с любимой морской свинкой какое-нибудь чудище со жвалами и щупальцами.

Я подошел к нему поближе и добавил, понизив голос:

— Меня хорошо научили держать свое мнение при себе. Почему бы и тебе не попробовать?

— Сегодня ночью... ты тоже пойдешь на пробежку? — зачем-то спросил отец.

— Сегодня нет, — сухо ответил я. — Мне вчера досталось от Демона Ли. Нужно время, чтобы восстановиться.

Ложь, замешанная на правде — самая эффективная. Посыл, на мой взгляд, был очевиден: вчера я имел дело с известным убийцей, и выжил, чтобы рассказать об этом. Подумай дважды, прежде чем рисковать вызвать мой гнев. Так или иначе, отец немного сник, и больше меня расспросами не доставал.

Не знаю почему, но на душе у меня стало настолько погано, что даже предвкушение работы над чертежами не смогло удержать меня дома. Я взял рюкзак с деньгами, выложил из него наркотики и патроны и отправился на шопинг.

Броктон Бей — город небольшой. Соответственно, магазины на любой вкус и цвет, которые имелись в крупных городах, здесь отсутствовали. Вероятно, найди я время скататься в Бостон, что заняло бы половину дня в оба конца, то смог бы приобрести все необходимое в одном месте. Здесь же пришлось помотаться.

Большую часть лабораторной посуды я смог купить в магазине хобби-товаров. Выбор там был невеликий, но под мои запросы хватило. На центрифугу и шейкер пришлось оформлять предзаказ, причем в них разом ухнуло две с половиной тысячи долларов из трех тысяч ста. Там же я купил пульверизатор на сжатом воздухе. С помощью подобных всякие гики красили коллекционные модели. Мне он пригодится для макромолекулярного напыления.

В фотомагазине, который оказался неподалеку, удалось найти глубокие ванночки для проявления фотографий. По прямому назначению я их применять, конечно, не собирался, просто моя сила сочла их подходящими для производства излучающих пластин. Ну и так далее.

Через пару часов начало темнеть, а я изрядно устал. Новый глюкометр, купленный на замену разобранному, показывал тревожно низкий уровень сахара. В качестве временной меры я закинул в рот маленький леденец, которые носил специально для таких случаев, но

все же сбой означал, что надо поторапливаться домой. И все же я не смог отказать себе в удовольствии зайти в магазин компакт-дисков. В некотором смысле, это было исполнение мечты, потому что музыка давала мне успокоение, уносила меня прочь от проблем, давала возможность хоть что-то чувствовать. Прежде мне приходилось пробавляться пиратскими сайтами, теперь я мог позволить себе то, о чем мечтал последние полгода.

— Полную дискографию Rhapsody, — сказал я продавцу. — И плеер.

— С альбомом 2004-го года? — уточнил он.

— Без.

— Так бы и сказал, что интересуется Сага об Изумрудном мече, — он хмыкнул. — Редко у молодежи встретишь хороший вкус.

Я неопределенно пожал плечами?

— Therion может интересуется? Nightwish?

— Первых оставлю на потом, а у вторых мне тексты не нравятся. Терпеть не могу песенки про кейпов.

— Если что, здесь свежие поступления каждый вторник. Может, еще чего приглядишь.

Я кивнул, расплатился и вышел на улицу. В наушниках Фабио Леоне пел о Воине Льда, что отправился на поиски могущественного Изумрудного Меча, способного сокрушить орды демонов.

Я замер на полушаге. Меч будто наяву возник у меня перед глазами. Меч из чистого изумруда. Если так подумать... изумруд — второй по прочности минерал после алмаза. Хрупкий, но для меня это поправимо. Я постарался представить меч во всех деталях, каждую его грань, легкий изгиб лезвия, мягкий внутренний свет.

Плывать на практическую ценность. Он был слишком прекрасен, чтобы я не попытался его сделать. А это значит, что мне еще нужно купить алюминиевую проволоку.

Домой я вернулся настолько нагруженным, что пришлось ловить такси. Я спустил практически все, что смог добыть прошлой ночью, у меня осталось меньше двухсот баксов, но чувствовалось, что и они ненадолго задержатся в моем кармане. Скоро снова придется снова искать, где пожить. Или сделать что-то на продажу и найти покупателя.

Дома я сделал еще одну дозу обезболивающего, потому что все тело снова начало болеть, и наконец-то смог заняться обустройством. Окно моей комнаты выходило строго на север, так что я мог не опасаться прямых солнечных лучей, и подоконник оказался достаточно широким, чтобы использоваться в качестве лабораторного стола. На всякий случай я застелил его толстой пленкой, но если у меня тут прольется что-то действительно серьезное, не то что пленка — слой бетона не спасет.

Казалось бы, стойка для пробирок — простейшая вещь. Но, черт побери, насколько же она упрощает жизнь! У меня было таких было три, и я составил их рядом, подписав каждую. «Пыльца», «амброзия» и «панацея». Не та, которая кейп, а которая из мифа. Соответственно, ускоритель регенерации, идеально сбалансированная пища и усиленная формула инсулина, чтобы сократить инъекции до одной в сутки. Может, не самые меткие названия, но я выдумал их на ходу, просто чтобы самому различать, где какие пробирки будут стоять.

Минуточку...

У меня возникло ощущение, что я забыл о чем-то очень важном. Что-то связанное с названиями... черт, точно! Как я мог забыть? Кейпу прилично не только носить скрывающий лицо костюм, но и иметь псевдоним.

Я включил компьютер и запустил браузер. Строгих правил на счет имен не было и быть

не могло, но кейпы предпочитали соблюдать уникальность, чтобы не возникало путаницы, и чтобы оставаться единственными и неповторимыми. Также считалось хорошим тоном, чтобы имя кейпа как-то указывало на его способности, хотя это соблюдалось отнюдь не всегда.

Через полчаса поисков я был готов сдать.

В целом я склонялся к псевдониму, который был бы связан с химией или алхимией. Даже подобрал несколько вариантов, попробовал примерить их к себе, и ни один мне не понравился, не чувствовался своим. Одни звучали слишком банально или неудобнопроизносимо. Другие, такие как Алхимик и Магистр, оказались заняты. Третьи звучали настолько жутко, что я выписал бы на парня с таким именем путевку в Клетку, просто услышав его.

«Может, отложить это на потом? — с унынием подумал я. — У меня и без того работа стоит».

Но все же клацнул по ссылке на статью о философском камне. Зачем спрашивается? Имя «Философский камень» я тоже успел забраковать по причине чрезмерной длины. Так, что там за подраздел в содержании? «Синонимы»?

Эликсир жизни.

Пятый элемент.

Красная тинктура.

Магистерий.

Сердце забилось чаще. Я забил это слово в поиск по Парapedии, по Parahumans Online Ни одного совпадения.

Мой рот изогнулся в довольной улыбке. Улыбаться мне было непривычно, даже не помню, когда я последний раз это делал. Но сейчас был идеальный повод для веселья.

Шутка ли, я только что нашел себя.

Следующие несколько дней пролетели для меня в рабочем угаре.

Сразу после подъема и зарядки я первым делом проверял состояние заготовок, помещенных в ванночки с электролитом. При необходимости я корректировал состав, или же добавлял правки в литографические схемы. Можно было бы сделать все проще, но мне хотелось придать им универсальность. Хотя человеческое мышление и чувства — крайне сложная штука, в которой моя сила не позволяла достаточно четко разобраться, но ее оказывалось достаточно, чтобы вникнуть в механизмы возникновения основных реакций. Боль, страх, удовольствие, сексуальное желание, гнев... любая из перечисленных эмоций кодируется определенным набором нейромедиаторов и гормонов. Синтезируй их — и заставишь человека чувствовать то, что тебе нужно. Еще проще с органами чувств. У меня вряд ли получилось бы создать сколько-нибудь внятную иллюзию, но вот нарушить работу так, чтобы ослепить и оглушить — это запросто.

Как я постепенно начал понимать, моей специализацией являлась не химия, а что-то более обширное. Для меня оказалось возможным не только самостоятельно создавать нужные вещества, но и мастерить устройства, позволяющие обрабатывать материалы способами, о которых я даже не подозревал. Например, рядом с ванночками с заготовками стояла длинная форма, сделанная из листа нержавеющей стали, в которой пучок алюминиевой проволоки медленно, но верно превращался в зеленоватый клинок.

На что-то большее времени не хватало. Я занимался утренним туалетом, принимал дозу инсулина — теперь уже единственную за день — и бежал в школу, на ходу заглатывая завтрак. Надо сказать, здесь мне моя сила подложила подянку. Когда я синтезировал порошок, в котором содержались все вещества, требующиеся телу и мозгу для работы, подобранные в оптимальной форме и сочетаниях, а потом спрессовал его в батончик (чтобы можно было кусать и жевать), то полностью сосредоточился на эффективности состава. И начисто забыл про вкус.

В общем, если свою старую диету я соблюдал без особого энтузиазма, то нынешнюю — с отвращением и через силу. Гордость не позволяла мне признать эксперимент провалившимся, а использовать вкусовые добавки означало разрушить идеальную нутриентную синергию. Тем не менее, я практически исключил из своего рациона «обычную» пищу, дав себе зарок хотя бы месяц прожить только на «амброзии». Просто чтобы разработка не была напрасной.

Часы в школе тянулись неимоверно медленно. Раньше мне нравилось здесь находиться, просто потому, что в это время я был избавлен от общества родителей. Даже различные дополнительные занятия меня не особенно тяготили. Теперь же каждый час, потраченный на уроки, был часом, который я не потратил на свои проекты. Даже с учетом брошенных курсов, каждый день я проводил в школе около шести часов — прорва времени, за которое можно было бы значительно продвинуться в работе над костюмом. Скрепя сердце, я также продолжил ходить в секцию спортивной гимнастики. Мне все еще требовались регулярные нагрузки для регулировки метаболизма, а приобретенные на снарядах навыки оказались неожиданно полезными в ходе ночной вылазки.

Первая мысль, которая бы возникла у кого угодно — а может нафиг ее, школу эту? Я успел об этом подумать, и очень быстро выдумал себе кучу оправданий, чтобы не нарушать

сложившийся порядок вещей. Я находился в шатком положении, не одинокий волк и не вольная птица, а просто бродяга, не примкнувший ни к одной организации, не имеющий достаточного жизненного опыта и устремлений, чтобы создать собственную, и не настолько пассивный, чтобы не нуждаться в обществе других кейпов. Школа в этом плане оставалась страховкой и опорой. Ниточкой, что связывала меня с прежней жизнью — достаточно определенной и понятной, при всей ее неприглядности.

Впереди была неизвестность.

У меня, по сути дела, было два пути. Во-первых, я мог пойти в офис СКП, и раскрыть себя. Сделать это можно было в любой момент, хоть сразу после школы. Это бы означало влиться в структуру Протектората, точнее в его подразделение для несовершеннолетних, в Стражи. Не сказал бы, что идея плохая... просто занимались Стражи, на мой взгляд, сущей ерундой. Кто-то скажет, что патрулирование улиц — дело достаточно ответственное, но они крутились в основном в центре, где шанс столкнуться даже с мелкими хулиганами был исчезающе мал. Еще они ходили по школам, встречались с младшеклассниками, и пытались втолковать им, что такое хорошо и что такое плохо, у них часто брали интервью, приглашали на радиопередачи и ток-шоу... работа на публику, короче. Зато легально и безопасно, а пример Дракона и некоторых других наглядно показывал, какую ценность может представлять технарь, способный делать что-то не только для себя — а я не сомневался в своих способностях создать какую-нибудь промышленную установку, хотя и отнюдь не горел желанием оказаться навечно к ней привязанным в качестве техподдержки. На этой неделе я даже специально пару часов шатался по улицам, пока не встретил Висту и Рыцаря. Мне хотелось спросить у них, как они попали на службу, и не жалеют ли о выборе, но без маски не решился с ними заговорить.

Другим вариантом было искать встречи с членами группировки Империя-88. Не то, чтобы я считал себя расистом... но всю свою жизнь я провел в окружении достаточно уважаемых людей, обеспеченных и образованных — то есть белых. Христианская школа «Безупречность», куда я ходил, расового ценза, конечно, не имела, но в моем классе не было ни одного черного, латиноса или азиата. Расистские шутки мне нравились, сам бы шутил, если бы умел. Да и родители мои даже в лучшие времена, когда они были совсем другими людьми, брезгливо морщили носы, если речь заходила о беженцах из Кореи и Японии, чьи страны были практически уничтожены одним из Губителей, Левиафаном. В общем, если бы мне и пришлось себя пересиливать, продлилось бы это недолго. Тем более что на сладкое мне доставалось почти полное отсутствие ограничений, которыми, как я слышал, были по рукам и ногам скованы кейпы Протектората. Проблема в том, что Империя-88 была, как ни крути, мафиозной организацией, а значит, вход туда был, а вот выход только вперед ногами.

Вариант «остаться самому по себе» мне казался неправдоподобным. Обладай я классическим «набором Александрии», то есть полетом, неуязвимостью и суперсилой, то наверняка смог бы оградить себя от посягательств, которых бы все равно не последовало. Но моя способность делала меня чем-то вроде тюленя-белка, которого каждый норовит стукнуть дубинкой, чтобы содрать шкуру. Конечно, при условии, что он будет знать, где водится этот белек.

Только поздно вато спохватился, уже как минимум четыре кейпа в курсе. Шесть, если Демон Ли сообразил, что я тогда был не с ними, и доложил боссу. Оставалось надеяться, порция «ноктюрна» прямо в лицо оставила у него неизгладимые впечатления. И те

четверо... я был не в курсе, с кем они. Точно не с Лунгом, и вряд ли с Кайзером. Империя-88 претендовала на власть над умами, и не скрывала свой состав, данные на Парapedии считались заслуживающими доверия, и никого с именами Регент, Мрак и Сплетница там не значилось.

Сплетница...

Не то, чтобы я совсем не был избалован женским вниманием. В школе я время от времени ловил на себе заинтересованные взгляды девчонок, но надо снова сказать спасибо моей мамаше. После единственного раза, когда я попытался пригласить на свидание одноклассницу, она явилась в школу и закатила такой скандал, что теперь все, что имело сиськи или их зачатки, шарахалось от меня как от огня. Смотри, но не трогай.

Сплетница ничего этого не знала, и это в ней само по себе привлекало. Она явно была суперзлодейкой, причем независимой от крупных банд, и это привлекала вдвойне — ее свобода от любых рамок и ограничений, ее готовность бросить вызов миру. Ну и химия, конечно, куда без нее. Мы были достаточно близко друг от друга, чтобы я вдохнул ее аромат, и он впился в мой мозг, как ключ в замочную скважину. Я дал себе слово, что как только завершу свое снаряжение, то разыщу ее.

Так и прошло пять дней — в работе, раздумьях и тревоге. В мечтах. Я возвращался из школы, наскоро расправлялся с домашним заданием, не прилагая и половины обычных усилий, и с головой окунался в технарские дебри.

Большая часть усилий уходила, конечно же, на костюм. Я бы не позволил себе еще раз выйти в обычной одежде и сувенирной маске, и уж точно не собирался носить ничего похожего на классический комбинезон в обтяжку. Не из-за желания выделиться, просто стеснялся своей тощей фигуры.

Ладно, признаю, выделиться мне тоже хотелось.

Основой послужил обычный рабочий комбинезон за пятьдесят баксов. Сначала я думал просто покрыть его дополнительными полимерными слоями, но оказалось, что дешевая ткань плохо дышит. Я взопрел в нем всего через час пробной носки, в результате чего образец был забракован и распорот по швам на выкройку. Пришлось попотеть, пока делал шлем, наподобие такого, как у дайверских костюмов. Моя сила тут была плохим помощником, поскольку изготовление одежды ну уж слишком далеко отстояло от моей специализации, но зато позволила собрать что-то, что можно было назвать соответственно дезинтеграционным резаком и лазерным паяльником. Первый, будучи в девичестве канцелярским ножом, легкостью резал прочнейший полимер, который не брали ножи и ножницы. Второй, изготовленный из лазерной указки, скреплял между собой куски, не оставляя швов.

Резак, надо сказать, меня немало впечатлил. Когда я *случайно* разрезал с его помощью стальную ложку, то понял, что только что нашел способ сделать мой Изумрудный Меч не только красивым, но и полезным, благо лезвие еще не полностью выросло, и необходимые изменения в конструкцию можно было внести немедленно. Демон, учуяв что дело пахнет еще одним орудием смертоубийства, расстарался вовсю, подсказав способ как вывести дезинтегрирующее поле за пределы физического клинка. Воспользоваться им мне, однако, не светило до тех пор, пока я не изобрету более емкие элементы питания. Резаку хватало одной батарейки ААА, для меча потребовались уже три штуки типоразмера С. Но в режиме удлинения дезинтеграционной области энергопотребление возрастало в сотни раз, и полчаса работы превращались в несколько секунд, на которые метровой длинны лезвие становилось

трехметровым.

В общем, в течение нескольких дней костюм принял более-менее завершенный облик. Хотя он и не висел мешком, но был достаточно толстым, чтобы скрадывать детали фигуры. В нем не было слишком жарко или холодно, микроскопическая структура позволяла свободно циркулировать кислороду, но не пропускала более крупные молекулы. Материал костюма не брал огонь и серная кислота, слабая теплопроводность позволила бы мне несколько секунд провести в открытом пламени и выйти невредимым. Я даже рискнул выбраться без маски в безлюдный район Кладбища кораблей, где обернул стеклянную бутылку в кусок этого полимера и расстрелял ее из пистолета. Точнее, выпустил по ней пять пуль, которые все завязли в слоях полимера, приобретающего тем большую жесткость, чем меньше была площадь удара и больше его скорость. Бутылка, надо сказать, только чуть-чуть треснула. Кроме того, этот же материал блокировал излучение, генерируемое маской.

Оставалась всего одна проблема.

Огромная проблема.

Душераздирающая проблема.

Полимер получился *белым*. Не как молоко, а скорее как мрамор, но все же я представлял свой костюм таким, чтобы хорошо маскировал в темноте, или хотя бы скрывал пыль и грязь. Белый цвет... не могу даже представить, кто такое носил. Навскидку, я мог вспомнить только Славу и Панацею.

Ну, еще Зион. Но это же Зион, ему можно.

И не надо делать такие глаза, дескать, парень бесится из-за цвета одежды. Без маски мне было глубоко безразлично, что носить, лишь бы прикрывало срам и не давало мерзнуть. Но образ для кейпа почти также важен, как его сила, они взаимно дополняют друг друга. И как связать белоснежный костюм со специфичной силой Технаря, мне представлялось слабо. Не говоря о том, что я бы стал идеальной мишенью в любых условиях.

В общем, после нескольких безуспешных попыток покрасить полимер не напортачив в молекулярной структуре, я на последние деньги купил отрез темно-бордовой ткани, из которой наскоро скроил что-то вроде балахона, и припаял его к костюму так, чтобы ничего не болталось. Из той же ткани я сделал длинный капюшон, края которого полностью закрывали грудь и доходили до локтей опущенных рук. Он не только неожиданно удачно дополнил общий образ, но и скрыл проводку и системы управления маской-излучателем.

Вот так и прошла большая часть недели. До самого пятничного вечера.

Когда дверь моей комнаты запахнулась, и до боли знакомый окрик заставил меня оторваться от монтирования рукояти меча.

— Конрад! — моя мать замерла на пороге, изумленно оглядывая преобразившуюся всего за неделю комнату. — Что... что тут творится?!

Я удивленно огляделся. Ну и что тут творится? Все вроде бы в пределах нормы. Ну, постель неровно застелена, на тумбочке учебники горой навалены. На окне — батарея пробирок всех цветов, ванночки с растворами, куча расфасованных наркотиков и прочих реактивов. Под окном — форма для выращивания монокристаллов. С платяного шкафа свинчены дверцы и превращены в верстаки для синтеза и сушки полимерных листов. Стол — одна сплошная куча мусора. То есть, с посторонней точки зрения это бы наверняка был мусор, для меня там все было предельно ясно, и разложено так, чтобы до всего было легко дотянуться.

В самом деле, что тут творится? Да ничего особенного.

— Я занят школьным проектом, — ляпнул я первое, что в голову взбрело.

Черт. За всей этой круговертью я совсем забыл дать ей еще одну дозу «сахара».

— Конрад... — ее интонация как-то странно изменилась. — Просто скажи, что за муха тебя укусила? Ты... ты...

— Я уже пятнадцать лет Конрад. Если ты закончила напоминать мне об этом, закрой дверь, пожалуйста, мне надо работать. И больше не вламывайся без стука, я мог быть не одет, смотреть порно или разговаривать по телефону с девушкой. У меня, конечно, нет ни телефона, ни девушки, но ведь когда-то они появятся, верно?

— Н-не дерзи мне! — мне кажется, или она правда запнулась? — Нос еще не дорос со мной спорить!

— Нос, может и не дорос. И надеюсь, не дорастет. Мне как-то сказали, что у меня очень пропорциональное лицо. Зато кое-что выросло как раз.

Я вытащил из формы полностью сформированное изумрудное лезвие и в два счета соединил его с рукояткой. Перехватил готовое оружие прямым хватом и сдвинул тумблер на гарде.

Если до этого свет лишь тускло играл на немногочисленных гранях тонкого лезвия, то после активации меч начал источать уже собственное сияние. Казалось, что он шло изнутри, хотя на самом деле дезинтегрирующая область создавалась в нескольких микронах от поверхности. Будто у меня в руках действительно был волшебный Изумрудный Меч, надежда Алгалорда. Иногда *действительно* хочется забыть о том, как все устроено по-настоящему, и окунуться в сказку. К сожалению, сегодня был не тот случай, когда можно позволить себе уйти от реальности.

Честно, над нелепостью ситуации можно было бы посмеяться. Я стоял с сияющим клинком в руке, будто эпический герой, готовящийся сразить Темного Владыку. Стой небольшой разницей, что вместо Темного Владыки передо мной была только моя мать. И убивать я ее, как бы ни было велико желание поквитаться за отравленные годы и расколотую психику, не собирался.

— Все вспомнила? — уточнил я на всякий случай и сделал шаг вперед. — Кофе, сахар, приказы?

— Вспомнила, — она наоборот, отступила. Теперь даже я, толком не умеющий разбираться в чужих чувствах, мог заметить написанный на ее лице ужас.

— Знаешь, почему событие-триггер еще называют «худшим днем в жизни»? — я сделал еще шаг, и она снова попятилась. — Потому что это, блять, действительно худший день в жизни. Суперсилы пробуждаются только в момент экстремальной нагрузки на психику. И они, вот странно-то как, всегда приобретают такую форму, чтобы уничтожить причину, вызвавшую триггер.

Еще шаг, и моя мать уткнулась спиной в стену коридора.

— А теперь попробуй угадать с одного раза, что — *или кто* — причина моего триггера? И что я готов сделать с этой причиной?

Ее глаза закатились и она сползла по стене на пол. Я подавился заготовленной обвинительной речью и удивленно раскрыл рот. Такого я не ожидал, признаю. Интересно, это я настолько внушительный, или же моя мать оказалась куда слабее, чем я привык считать?

Я бросил выключенный меч на кровать, после чего бросился к телефону. С некоторым трудом вспомнил рабочий номер отца, и принялся ждать ответа. Трубку подняла секретарша.

— Простите, мистер Кёлер занят и не может вам ответить.

— Скажите, что звонит его сын, и это вопрос жизни и смерти.

— Эээ... одну минуту.

В трубке послышалось какое-то кряхтение и шуршание, после чего ответил отец.

— Да, Конрад, что случилось?

— Если я скажу, что ничего, ты поверишь?

— Ты звонишь только чтобы пошутить?

— Я звоню, чтобы ты немедленно метнулся домой. Если поторопишься, тебе не придется помогать мне избавляться от трупа. Не копайся там, потому что я последнее время не отличаюсь терпением.

Я бросил трубку до того, как он успел что-то еще спросить или возразить. Черт. Я всегда предпочитал убежать от проблем, но последнее время они не оставляют мне путей для отступления. Демон, это не твоя работа?

Я оттащил бессознательное тело на диван в гостиной и вернулся в свою комнату. Раньше чем через полчаса отец все равно не придет, а я хотел поскорее закончить с маской и кое-какими вспомогательными составами. В конце концов, сам процесс работы над изобретениями хотя и был увлекателен, но являлся лишь прелюдией. Нет смысла делать оружие, если не хочешь его применить, а я хотел.

Я заканчивал с монтажом интерфейса, когда раздался грохот распахнувшейся входной двери. Надо же, всего за двадцать минут добрался. Зуб даю, на следующий день получит по почте квитанцию со штрафом за превышение скорости. Я отложил готовую маску и вышел в гостиную.

Отец встретил меня каким-то диким взглядом, в котором отчетливо читались страх и гнев, и что-то еще, чего я не понял. Он стоял на коленях возле дивана, на котором все еще лежала моя мать, и пытался прощупать пульс.

— Что ты натворил, черт тебя дери?! — выщедил он сквозь зубы.

— Я? Ничего. Она просто увидела срач в моей комнате и грохнулась в обморок от потрясения.

— Довольно, Конрад! Я звоню в СКП, сейчас же!

— Я бы на твоём месте этого не делал.

— Опустился угрозы собственному отцу? — он покачал головой. — И это твоя благодарность? Мы вкладывали в тебя все силы...

— Тогда ты должен быть доволен результатом. Я не знаю статистики по событиям-триггерам, но не думаю, что гиперопека и домашнее насилие, а ничем другим лишение свободы и жизненно важного лекарства я назвать не могу, стоят на первом месте. Благодаря вам двоим, мир получил еще одного кейпа. Не второй Эйдолон, но тоже кое-что могу.

— И посмотри на себя, на что ты употребил эту силу?

— Голословные претензии. Я еще ни на что ее употребить не успел. Собирался вот прошвырнуться по Докам, сломать несколько челюстей и вскрыть пару артерий, но придется потратить остаток вечера на лечение женщины, которую ненавижу больше всего на свете.

— Конрад, она пыталась обеспечить твое будущее, думала только о твоём благе... как она его понимала, — отец принялся нервно ходить по комнате. — Господи, она просто больна! После той нашей поездки...

— Я помню. Конечно, оказаться под ударом Губителя, пусть даже зацепило самым краем, не слишком-то приятно. А то, что ты таким тьюфяком стал, тоже связано с поездкой?

— Ты тогда был слишком мал, чтобы помнить. Случился новый виток кризиса, в «Медхол» шли сокращения, и тогда же тебе диагностировали диабет... Мы думали, отдых за границей всем нам поможет... — он остановился и тяжело опустился в кресло. — Но случилось то, что случилось. Она была до смерти напугана. Сначала пыталась оградить тебя от всех возможных угроз, а потом это переросло в манию. Я ничего не мог сделать.

— И теперь находишь утешение в объятиях секретарши. Мог бы нас познакомить, раз уж ходишь налево. Она готовить хоть умеет? Все мечтаю о сочном стейке.

— Конрад!

— Помолчи, я думаю.

Вообще, я старался не слишком усердно использовать свою вторичную силу на людях и животных. Сложность биохимии живого организма была запредельной. Созерцать структуру неодушевленного предмета я мог часами без последствий, но неумеренный интерес к нюансам человеческой физиологии оборачивался для меня головной болью, и чем глубже я вникал во взаимосвязи процессов, тем сильнее она становилась. А сейчас мне требовалось влезть в самую сложную вещь — мозг.

Я присел рядом. Даже закрыл глаза, чтобы зрительная картинка не отвлекала от потока информации, поставляемого силой. Вместо того, чтобы пытаться вникнуть во все хитросплетения реакций и взаимодействий, я постарался охватить картину функционирующего мозга целиком, а потом сличить ее с неким усредненным образом, который видел во множестве других, относительно здоровых людей. Сличить — и найти поломку. Если, конечно, она была.

А она, черт побери, была. И не одна.

Височные доли в моем восприятии мерцали россыпью дефектных областей. Я не мог уверенно сказать, были это органические поражения, аномально устроенные нейроны или еще что-то. Однако они слишком резко выбивались из усредненной картины, чтобы являться индивидуальными особенностями.

«А теперь мне нужно это починить».

Сила отзывалась со скрипом, что меня немало удивляло. Я успел привыкнуть что все, что было связано с приготовлением различных препаратов, давалось мне как по маслу. Но сейчас у меня создавалось впечатление, что моя сила столкнулась с чем-то, выходящим за пределы ее возможностей, и она отчаянно пыталась подобрать хоть какой-то способ разрешения проблемы. Очень, очень странно.

«Ну давай, работай».

В моем воображении демон пискнул от натуги и сердито шлепнул передо мной рецепт, да так, что от виска до виска прострелило дикой болью, будто череп иглой насквозь пробили. Хорошая новость — у меня было хоть что-то, с чем можно работать.

Плохая — для приготовления требовался человеческий мозг. Не важно, мужской или женский, и конечно не весь целиком, а лишь небольшой кусочек, но ткани не должны были иметь генетических или приобретенных повреждений, как от алкоголя, наркотиков или склероза. И, разумеется, требовался свежачок.

Да ладно, я же все равно собирался пойти развеяться, не так ли? Вот и совместим приятное с полезным.

Так, стоп машины. Я что, собираюсь разменять незнакомого чувака на перегной только для того, чтобы без стопроцентных гарантий сделать свою чокнутую мамашу менее чокнутой? Я не решился на убийство даже ради собственного лекарства!

С другой стороны, во время прошлой прогулки у меня образовалось аж два жмура, причем при довольно опосредованном вмешательстве. Вдруг и на этот раз, кхм, повезет? Можно пойти в самые задрипанные трущобы, присмотреться к местной шпане. Может, удастся спровоцировать поножовщину, и кто-нибудь опять удачно сыграет в ящик. Или... в городе же есть больницы, а при больнице всегда есть морг. В сутки в Броктон Бей, исходя из численности населения, умирают пять-десять человек. Уж хотя бы один не слишком порченный труп найдется?

Эммм... я так и вижу заголовки на следующее утро: «Неопознанный кейп ограбил больницу». «Обезглавливатель не оставляет в покое даже мертвецов». «Маньяк-некрофил изнасиловал всех сотрудников морга за одну ночь». Тем более что больницы расположены преимущественно в цивилизованных районах, а значит по сигналу тревоги тут же примчится кто-нибудь из Протектората. А герои Протектората, в отличие от Стражей, умели не только перед камерами позировать, но и довольно болезненно бить. Иногда насмерть. Даже если мне каким-то чудом удастся его одолеть, моя карма улетит на дно Марианской впадины.

Хотя, по-хорошему, мне и грабить не надо. Зашел — забрал что надо — вышел. Дел на пять минут.

Кажется, вариант с трущобами уже не выглядит таким уж отстойным...

Я открыл глаза, попятился и рухнул в кресло. Голову ломило нещадно, но я знал, что никакое, даже самое мощное обезболивающее не сможет ослабить боль. Зато почему-то ее снимал «мистер Хайд».

— Конрад? — обеспокоенно спросил отец. — Ты в порядке?

— Нет, я не в порядке. Но это поправимо. Вот тут, — я кивнул на мать, — придется попотеть.

Я заставил себя подняться на ноги и принес из своей комнаты пробирку. Буквально на ходу я дополнил рецепт, превратив мощный транквилизатор в мягкое успокоительное. Я достал из аптечки обычный одноразовый шприц, наполнил его смесью и сделал миссис Кёлер укол в трицепс.

— До утра не проснется, а там будет как огурчик, — успокоил я отца.

— Это и есть твоя сила?

— Только малая ее часть. Так, — я зашипел от боли. — Тебе советую придумать побольше убедительных доводов, почему не надо немедленно сдавать меня СКП. Можешь прозрачно намекнуть, что они настолько захотят меня заполучить, что ради этого пойдут на лишение родительских прав.

— Сам поговори, это же тебя касается.

— Я и так за сегодня наговорился с вами обоими на год вперед, спасибо. Сейчас я ухожу, меня как минимум полночи не будет. Если не вернусь к утру, — я задумался на минуту, — значит, вернусь чуть позже.

— погоди, ты уходишь? На эту свою «пробежку»?

— Тебе значит можно развлекаться на стороне, а мне нет?

— Когда ты уходил в прошлый раз, тебе намял бока Демон Ли. Где гарантии, что в этот раз тебя просто не убьют?

— Когда я уходил в прошлый раз, Демону Ли досталось от меня гораздо сильнее, чем мне от него. Вопрос ставить надо иначе: где гарантии, что в этот раз я никого не убью?

— И это должно было меня успокоить?

— Нет, это должно было заставить тебя заткнуться. Я в любом случае пойду туда, куда

сочту нужным, и сделаю я это беспрепятственно, или перешагнув через твое спящее тело — зависит только от тебя.

— Тогда я сообщу в СКП, и тебе придется иметь дело с Протекторатом!

— И будешь дальше жить с этой мегерой. Или ты можешь мне не мешать, чтобы я смог добыть нужные компоненты, приготовить лекарство и вправить ей мозги. Душкой не станет, к сожалению, но вменяемости должно заметно прибавиться.

— Что ты мне втираешь? Даже Панацея не может лечить мозг, это везде пишут!

— Тогда получается, что я круче Панацеи, — я примирительно развел руки. — Мне нужно времени до утра. К полудню следующего дня ты сам увидишь результат. И вот тогда уже решишь, стоит кляузничать в СКП, вынуждая меня переходить к жестким действиям или сбегать из города, или проще дожидаться пока я сам туда схожу и легализуюсь как кейп.

Отца такая перспектива не слишком радовала, но он тоже привык убежать от проблем. Его явно потрясло мое преобразование, но ему все еще куда проще было махнуть на все рукой, и подождать, пока все само рассосется, чем решительно пресечь мои действия. Я отнес использованный шприц в урну и вернулся к себе. Времени я себе выторговал до утра, но надеялся закончить максимум за несколько часов.

Я побросал в спортивную сумку, с которой обычно ходил на тренировки, свой костюм, маску, пару газовых гранат, сделанных из алюминиевых банок и, после недолго колебания, пистолет. Конечно, я надеялся сделать все тихо, но снова оказаться в ситуации, когда со всех сторон окружают враги, а оружия нет, мне не хотелось. Туда же отправилась небольшая поясная сумка с кое-какими вспомогательными зельями. Я не обладал супер-силой, супер-скоростью или даже супер-интеллектом, как кейпы класса Умник. У меня было только мое тело, однако я все еще мог заставить его работать на пределе и немного сверх того.

И последний штрих...

Я немного разгреб завалы на столе и вытащил из-под них плоскую металлическую фляжку, которую стянул у отца, а он даже не заметил. Отвинтил крышку и сделал несколько глотков.

Преобразование прошло легче, чем в прошлый раз. Магистерий плавно выдохнул и поставил фляжку на стол. Он обвел взглядом комнату, припоминая, не забыл ли чего, и остановился на кровати, где лежал выключенный Изумрудный Меч. И расплылся в улыбке.

В самом деле, нет смысла делать оружие, если не хочешь его применить.

А он очень хотел.

— Я идиот. Я клинический, невозможный идиот, — пробормотал Магистерий. — Даже страдающая синдромом Дауна курица соображает лучше меня. Что мне мешало сделать в этом костюме карманы?! Ничего! Я просто не додумался!

Он повертел в пальцах шприцы. Регенеративную сыворотку «пыльца» можно было оставить в сумке вместе с гражданской одеждой. Ее действие было не настолько мощным и быстрым, чтобы полагаться на нее как на средство спасения в критической ситуации. Обезболивающие... вообще непонятно, зачем взял. «Мистер Хайд» не лишил его чувствительности к боли, но словно отчуждал от нее, она переставала как-либо влиять на концентрацию или способность двигаться. Стимулятор, «боевой коктейль № 1»...

Магистерий нахмурился под маской и украдкой выглянул из переулка. Оттуда ему открывался вид на восточное крыло Центральной больницы Броктон Бей. Вообще, совершать налет настолько близко от дома было не самым разумным действием, но это была единственная больница, где он бывал прежде и чью планировку знал. Добраться до морга он мог за пять минут. За две, если вломиться напролом. Двери его не удержат, но придется изучить все трупы, которые удастся найти. Допустим, по минуте на каждый. Допустим, только в последнем удастся найти удачный образец. Еще минута на извлечение. Если к тому времени не заметят, что вряд ли, на отход потребуется еще около полутора минут.

То есть в самом худшем случае он потратит, с учетом возможных форс-мажоров, около двадцати минут. Господи, это целая вечность! В центре города даже полиция приезжает не позднее чем через десять минут после звонка, что говорить про Оружейника или Скорость?! При мысли о стычке с героями Магистерий только ухмыльнулся.

— Заодно снаряжение испытаем, — пробормотал он и вколол «боевой коктейль» в оголенное запястье.

Эффект развивался в течение примерно полуминуты. Жар и пульсирующая боль сдавили все тело, а потом отступили, оставив после себя только чувство невероятной легкости и сверхъестественную остроту восприятия. Работает, отлично. Он затолкал пустой шприц в сумку, а сумку бросил в канализационный люк. Доверять мусорным ящикам в городе с уровнем безработицы более пятидесяти процентов... неблагоразумно.

Маска — на месте, питание подключено, режим — болевой, семьдесят процентов мощности. Пистолет — на бедре, в самодельной кобуре. Гранаты — висят на поясе. Меч — там же, и это залет, потому что если придется бежать, то ножны будут мешаться. Надо сообразить крепление на спине, чтобы выхватывать одним движением. Потом как-нибудь.

Магистерий подобрался, приник к земле, как бегун на старте...

И неспешным шагом пошел к служебному входу патологоанатомического отделения. По пути он послал воздушный поцелуй камере видеонаблюдения, но никакой видимой реакции не последовало. Он дернул ручку, но дверь не поддавалась. Тогда он дернул еще раз посильнее. Снова безрезультатно. Ругнувшись сквозь зубы, кейп потянул из ножен меч, но тут порыв ветра, налетевший с залива, толкнул дверь, которая открывалась вовнутрь.

С видимым сожалением Магистерий задвинул меч обратно в ножны и вошел внутрь.

По пути ему не встретилось никого. Ну разумеется, это же морг, здесь не снуют толпы пациентов и дежурных медсестер. Дверь одного из кабинетов была приоткрыта, из-за нее доносились звуки работающего телевизора. Магистерий осторожно заглянул внутрь и увидел

двух санитаров, которые смотрели бейсбольный матч.

«Янкиз против Ред Сокз, — подумал кейп. — Классика».

Он аккуратно прикрыл за собой дверь и пошел дальше. Следующая дверь оказалась кабинетом врача, за ней — кладовка для хозяйственного инвентаря. Наконец, за третьей он нашел то, что искал — хранилище, совмещенное с секционной.

Патологоанатом ночной смены, как раз проводивший вскрытие, удивленно поднял голову и замер. Он сразу понял, что перед ним кейп, но не мог взять в толк, что ему тут надо. Магистерий приветственно помахал рукой.

— Салют, доктор, — сказал он. — У вас мозгов не найдется?

— Своих не хватает? — вопросом на вопрос ответил патологоанатом. — Я не знаю, кто вы, и что вам надо, но вы видели над входом вывеску «банк» или «ювелирный магазин»?

— Эммм... нет, не видел.

— Потому что ее там и нет. А знаете, почему ее там нет?

— Я теряюсь в догадках.

— Потому что это морг, а не банк и не ювелирный магазин. Здесь нечего красть, здесь хранятся только мертвые люди. Уходите и не мешайте работать.

— Но мне нужны мозги, а не деньги с бриллиантами! — возмутился Магистерий и подошел к столу для вскрытий, где лежал частично выпотрошенный чернокожий старик. — Причина смерти?

— Инсульт, — сухо ответил врач, на бейджике которого красовалась надпись «доктор Джим Диммик».

— Не пойдет, — кейп разочарованно покачал головой. — Еще есть поступления за последние сутки?

Доктор Диммик одарил его тяжелым взглядом. Магистерий вздохнул и вытащил из-за ремня пистолет. Доктор пожал плечами, отложил в сторону циркулярную пилу для костей и принялся выдвигать поддоны холодильных камер.

— Передозировка наркотиков, — сказал он, демонстрируя тело щуплого корейца (или японца, кто их разберет). — Поступил сегодня утром, предполагаемое время смерти двадцать-тридцать часов назад.

— Нет, точно не годится. Мало того, что наркоман, так еще и несвежий.

— Вот другой случай, — в другой камере оказалась пожилая женщина. — Привезли пару часов назад. Ишемическая болезнь сердца.

— Хммм... — Магистерий склонился к трупу. — Здесь не только ишемия, здесь еще и с мозгами что-то. Болезнь Альцгеймера, скорее всего. Мне так кажется.

— Вам кажется? — уточнил доктор Диммик со смесью удивления и сарказма. — Умеее ставить диагноз с одного взгляда?

— Могу заглянуть внутрь, но не понимаю, что именно вижу. Было бы специальное образование... Ладно, а помоложе у вас никого нет?

— Ну так бы сразу и сказали, — недовольно ответил патологоанатом. — А то мозги, мозги. Вот, пожалуйста. Поступил четыре часа назад, время смерти не позднее шести часов назад. Причина смерти — множественные проникающие ножевые ранения.

На поддоне холодильной камеры лежал белый парень около двадцати лет. На плече у него красовалась татуировка в виде двух стилизованных восьмерок, а лицо и тело, вдобавок к ранам, покрывали множественные гематомы.

— Если не смущает закрытая ЧМТ, то должен подойти.

— Нет-нет, все замечательно, — успокоил его Магистерий. — Лишь бы нейроны не слишком деградировали, а остальное ерунда. Так, голову мне нести не в чем, придется вскрывать. Ассистент, пилу!

Патологоанатом закатил глаза.

— Пожалуйста, — добавил кейп с нажимом.

Доктор Диммик закрыл лицо ладонью, но все же протянул Магистерию пилу для костей. Тот попытался было спилить черепную коробку, но при первой же попытке шкрябнул диском по поддону, выбив сноп искр.

— Эм... сэр, вы не поможете?

— Молодежь, — пробормотал доктор Диммик и отобрал у кейпа пилу. — Силы есть, а вот ума...

— Я мог бы сделать все своим мечом, но боюсь повредить больничное имущество. А тогда бы про меня завтра весь город трубил, что я не только ограбил больницу, но и устроил в ней погром.

— Зачем вам вообще нужен человеческий мозг, если не секрет?

— Да так, микстурку одну смешать.

— Чтобы стать умнее?

— Нет, для лечения психического расстройства. Не для себя.

— И поэтому вы решили вломиться в морг?

— Вы бы предпочли, чтобы я кого-нибудь убил?

— Юноша, не знаю, как вас зовут, — доктор Диммик аккуратно отделил черепную коробку и профессиональным движением извлек комок плоти кремового цвета. — Если вам в следующий раз понадобится вылечить душевнобольного, не надо никуда вламываться. Просто постучитесь и попросите.

— Магистерий.

— Что?

— Зовут меня так. Я себя так зову. Об этом еще никто не знает.

— Рад, кхм, знакомству. И вообще, почему бы вам просто не снять черную шляпу? Если вы действительно способны работать с мозгом, то могли бы составить прекрасный дуэт с Панацеей, помочь тысячам! — патологоанатом достал из шкафа стеклянную банку для препаратов и положил в нее извлеченный орган. — Если не ошибаюсь, она еще должна быть здесь. Можете встретиться с ней и поговорить.

Магистерий не мог ощущать страх, но испытанное им чувство было ближе всего к смертельному ужасу. Он опасливо принял из рук доктора банку и на всякий случай уточнил:

— Вы хотите сказать, что Панацея действительно здесь? В этом здании?

— Ну да. Она часто задерживается допоздна. Бедная девочка, работает на износ...

— Черт. Черт-черт-черт, — кейп попятился. — П-приятно было пообщаться, доктор, но кажется, мне пора бежать.

Одной рукой прижимая к груди банку, а другой придерживая ножны, Магистерий выскочил из секционной и побежал по коридору. Его здравомыслия хватило, чтобы разыграть перед врачом-патологоанатомом недотепу, потому что причинять вред невинному человеку он не хотел. И его уж точно хватило на то, чтобы построить простейшую логическую цепочку: Панацея — Эмили Даллон — семья Даллон — лютый неостановимый пиздец под названием «Новая волна».

Он осторожно выглянул наружу и огляделся. Чисто. Сто пятьдесят метров через

пустующий двор и газоны, потом нырнуть в переулок и спуститься в канализационный люк. Там переодеться, и на этом проблемы заканчиваются. Можно идти домой, заниматься нейро-сывороткой. Если повезет, он даже успеет выспаться.

Магистерий успел бегом преодолеть две трети этого расстояния, прежде чем движение воздуха и вторичная сила предупредили его о появлении поблизости еще одного объекта. Биологического, малогабаритного, и очень быстро движущегося.

Миниатюрная фигурка, облаченная в короткое белое платье и золотую корону, рухнула с неба, преграждая путь. Фирменное приземление Славы — на одно колено и ладонь, после которого нормальный человек остался бы калекой, и от которого асфальт пошел трещинами. Магистерий остановился и только и смог произнести:

— Ох блять...

— Рада, что ты сразу все правильно понял, — шестнадцатилетняя звезда Броктон Бей, которую пресса наделила льстивым прозвищем «мини-Александрия», откинула копну шикарных светлых волос и насмешливо улыбнулась.

— Блять-блять-блять... — Магистерий мелко затряс головой. — Ты серьезно носишь шорты под юбкой?!

— Что? — Слава удивленно приподняла бровь.

— Шорты! Под юбкой! — выкрикнул Магистерий. — Это оскорбляет саму идею коротких юбок! Под ними следует носить либо кружевное белье, подходящее под цвет волос, либо вообще ничего! А то, что делаешь ты, это...

Он покрутил пальцем в воздухе, потом указал им на Славу и выпалил:

— Ересь! Ты еретичка!

— Со страху мозги отшибло? — поинтересовалась героиня. — Хотя ты и так редкостный кретин — из всех больниц в городе напал именно на ту, где работает моя сестра. И именно тогда, когда я пришла забрать ее домой. Ну ты как, сдашься сразу или сначала сломать тебе несколько костей? Не волнуйся, Панацея тебя вылечит. Потом, когда на тебя наденут наручники.

Неприятнее всего было не выслушивать эти речи, а признавать, что для них есть все основания. Весила Слава, она же Виктория Даллон, ибо ее семья не скрывала свои личности от силы сорок килограммов, а ростом уступала Магистериию на голову, но личные параметры мало что значили в столкновении кейпов. Непробиваемое ничем силовое поле, способность к скоростному полету и сила достаточная, чтобы одной рукой играючи швырнуть дорожный каток — вот чем была Слава. Если она чем-то и уступала Александрии, так это послужным списком.

И скромностью.

— Слушай, может, в другой раз подеремся? У меня тут скоропортящийся продукт, — Магистерий продемонстрировал банку с мозгом. — Можем даже время назначить. Хотя говорят, у тебя парень есть... но это же не будет считаться изменой?

— Дружок, драка может быть между равными противниками, а ты мне не ровня, — она медленно пошла вперед, исполненная уверенности.

— Я сегодня первый день злодействую, и у меня в графике на сегодня еще два злодеяния стоят. Может, хоть фору дашь несколько минут? А то больница рядом, а тебя недаром на РНО* зовут «Барби Сопутствующий Ущерб».

Начало движения Славы он заметить успел, и потратил долю секунды на то, чтобы включить маску-излучатель. Именно этой доли секунды ему не хватило на то, чтобы

защититься или уклониться. Слава ударила его один раз, небрежно и без скупого изящества, присущего тренированным бойцам. Но этого хватило, чтобы отшвырнуть кейпа на несколько метров и выбить из него сдавленный стон.

— Ой, прости, — прощбетала героиня. — Ты какой-то легкий.

Магистерий приподнялся на локте и посмотрел снизу вверх на стоящую над ним Славу. Маска работала, но эффекта не оказывала. Поле Славы защищало ее от всего входящего ущерб, и нейромедиаторное излучение не было исключением. Черт, черт, черт... сначала банда Сплетницы, потом Демон Ли, а теперь этот летающий неуязвимый кирпич! И от того что она была миленькой длинноволосой блондинкой, отбитым ребрам и внутренностям легче не становилось. Ну, вроде не сломаны, внешние слои костюма затвердели в момент удара и уберегли от худшего.

— Да уж, — прохрипел он. — Будет на что передернуть перед сном.

— Тебе хватило или еще добавить? — Слава без видимых усилий подняла его одной рукой за грудки. — И между нами говоря, костюм у тебя отстойный.

Маска уже показала неэффективность. Пистолет? Даже пытаться не стоит, эта девчонка в прямом смысле лбом стены прошибает. Гранаты? Очень сомнительно, нет никаких указаний на то, что Слава способна задохнуться от дыма или газа. Меч... Магистерий перебросил чудом уцелевшую банку с мозгом в другую руку и положил правую ладонь на рукоять. Меч поражал не остротой лезвия, а расщепляющим полем. Есть шанс.

— Сама ты отстой, Попугайчик**, - ответил он.

Он активировал расщепляющее поле еще до того как полностью вытащил меч, из-за чего лезвие рассекло ножны. Вот только ударить не успел. Слава схватила клинок свободной рукой, и стиснула так, что проще было бы выдернуть дерево из земли.

— Оцениваю попытку на четыре из десяти, — сказала она с улыбкой. — А что у тебя за меч такой зеле...

Юная героиня испустила пронзительный вопль настолько громкий, что заложило уши. Она отбросила от себя и Магистерия, и его меч, будто случайно схватилась за раскаленный металл. Сравнение от истины ушло недалеко — из ее ладони обильно хлестала кровь, а четыре пальца болтались только на лоскутах кожи.

Мысль первая: что за нахер?

Мысль вторая: она же неуязвимая!

Мысль третья: ее защитное поле имеет предел прочности.

Кейп принял единственное верное решение: бежать. Додумать, что там произошло, можно и потом. Выключить оружие, спрятать меч. И не прыгать сразу в люк, потому что Слава все еще слишком близко, хоть и орет и мечется вслепую в воздухе, поливая все вокруг кровью. Лучше отойти вглубь квартала, где есть строительная площадка, отсидеться там немного.

Позади раздался грохот — Слава врезалась в стену больницы и, похоже, пробила ее насквозь.

«Не волнуйся, Панацея тебя вылечит, — злорадно подумал Магистерий. — Но если ты разгромила кабинет моего эндокринолога, я тебя потом урою».

Он перемахнул через забор и оказался на территории стройки. Как и большинство проектов в городе, она тянулась уже давно и вяло, но в отличие от них еще имела шансы прийти к завершению. При условии отсутствия форс-мажоров, что в набитом кейпами городе казалось наивной надеждой.

Магистерий прошел вглубь недостроенного первого этажа, и укрылся в каком-то закутке, благо вторичная сила помогала ему худо-бедно ориентироваться даже в полной темноте. Смесь стимулятора и естественного адреналина все еще кипела в его крови, но все же он смог достаточно успокоиться, чтобы проанализировать случившееся.

Слава, насколько он мог судить, получила двойной удар — и от меча, и от маски, которая продолжала работать все время. Основная личность наверняка будет ужасаться на утро, и попытается построить что-то менее устрашающее, но эффективность сомнению не подлежала.

Расщепляющее поле меча не вступило в резонанс с полем Славы, как он надеялся, но все же продолжало оказывать разрушительный эффект. Из-за чего ее защита, каков бы ни был ее механизм, в итоге дала сбой. Скорее всего, Слава сама не знала об этой уязвимости, иначе бы не подставилась так тупо. Также следует считать, что ее защитное поле исчезает на очень непродолжительное время и быстро восстанавливается до исходной мощности. Точное время, как и объем урона, требующегося для перегрузки поля, не известны. Его разрушило трехсекундное воздействие меча. Значит ли это, что пули не возымеют эффекта? Или механизмы какие-то иные?

Ай, не важно. Но вероятно, стоит сменить спортивную гимнастику на легкую атлетику. А то что-то слишком много приходится бегать.

Магистерий оцупал грудь, прислушался к ощущениям, но резкой сильной боли, свидетельствующей о смещении сломанных ребер, не почувствовал. Не факт, что нет трещин, но инъекция «пыльцы» должна быстро все исправить. Он для верности подождал еще несколько минут и осторожно побрел к выходу.

Появление Славы он успел предугадать по случайному белому отблеску на самом краю зрения. Пришпоренные «боевым коктейлем» рефлексy сработали раньше, чем сознание успело зафиксировать угрозу. На этот раз героиня не разменивалась на эффектные приземления, и атаковала точно коршун, пикирующий на добычу. Магистерий разминулcя с ней на сантиметры, и Слава вместо того, что бы размазать его в лепешку, пропахала глубокую борозду в земле. Ни капли не смутившись, она тут же взлетела и снова бросилась в атаку.

Магистерий был готов. Он включил маску сразу же, как заметил нападение, и сразу выхватил пистолет. Он видел, что рука героини выздоровела, хотя на платье виднелись бурые брызги крови. Панацея успела вылечить сестру за считанные минуты, и наверняка сможет сделать это столько раз, сколько потребуется. Просто ранить Славу будет мало. Он навел пистолет и выстрелил.

«Отлично. Хватает одной пули».

Ослепленная и оглушенная героиня с криком отпрянула, и Магистерий со всех ног рванул обратно в строящееся здание. Быстрее, под защиту бетонных перекрытий! Там Слава не сможет атаковать сверху! Он выключил маску и принялся петлять между колонн и несущих стен. Пока болеизлучатель применять бессмысленно. Оказавшись под его действием, Слава моментально отступит, и просто переждет окончание эффекта, который длится всего несколько секунд, после чего нападет с новой позиции. Ее можно остановить тремя способами: убить, нанести настолько тяжелые увечья, чтобы Панацее пришлось долго возиться, или же угостить «ноктюрном». Для последнего будет всего две попытки, по числу гранат. Модернизированная формула быстрее формирует газовое облако и накрывает большую площадь при той же массе заряда, а также обеспечивает более мощный, но при

этом менее продолжительный эффект — всего три-четыре минуты парализующего ужаса со слепотой и глухотой, вместо двадцатиминутного приступа паники с нокталопией, как раньше.

Всего-то дел — в очередной раз сбить со Славы защиту и бросить в нее гранату.

Магистерий недовольно надулся. Скучно.

«В магазине пятнадцать патронов, один я потратил. Значит, у меня четырнадцать возможностей для атаки».

Он высунулся из-за угла и огляделся. Славу нигде не было видно.

— Эй, Попугайчик! Ты еще собираешься выделываться, или мы наконец нормально подеремся?!

Вместо ответа с улицы прилетело что-то, в чем Магистерий с помощью вторичной силы опознал строительный бетонный блок. Он рассек воздух и с диким грохотом врезался в одну из стен. Такое вот милое напоминание, насколько на самом деле сильна «мини-Александрия». Блок весил больше тонны, и она запустила его, будто это был бейсбольный мяч. Ну что же. У Попугайчика оказались не совсем куриные мозги. Со второго раза до него дошло, что лезть в ближний бой чревато, и она пыталась достать его с дистанции.

Мимо один за другим пролетели еще два блока, после чего Магистерий рискнул сделать несколько перебежек, ступая как можно мягче. Насколько он знал, у Славы не было улучшенных чувств или чего-то подобного, она могла полагаться только на обычное зрение и слух. В противном случае она бы целилась лучше.

— Слава, черт бы тебя побрал! — раздался снаружи гневный мужской голос. — Прекрати этот погром!

— Отстань! Я этому уроду все кости переломаяю!

— Ты уже нанесла ущерб на десятки тысяч! Твоя мать поседет, когда получит письма от СКП!

Ох, дождались, Протекторат проснулся. Это точно не Батарей и не Мисс Ополчение, но радости не слишком добавляло. Слабый пол не был сильным звеном среди местной команды Героев.

«Только бы не Бесстрашный, — подумал Магистерий и принялся осторожно подбираться ближе к наружным стенам. — Кто угодно, только не Бесстрашный».

Он достаточно трезво оценивал свои возможности, и с появлением второго героя увлекательная, но выигрышная битва превращалась в сложный бой на выживание. А если это Бесстрашный, то проще самому закопаться.

— Ты один не справишься, — донесся с улицы угрюмый голос Славы. — У него меч, который режет что угодно, даже мое силовое поле. И он может вызывать вспышку адской боли во всем теле, и одновременно с этим ослепить и оглушить. А еще моя аура на него не действует.

— Погоди. Так ты не знаешь, кто это?

— Нет, первый раз его вижу. Белая маска, темно-красный балахон, зеленый светящийся меч.

— Слава, молчи. Пожалуйста, — устало сказал неизвестный герой. — Иначе я сорвусь и начну ругаться плохими словами. А что если это кейп, только недавно прошедший через триггер? Что, если ты своими действиями толкнула его на темную дорожку? Он вряд ли захочет сотрудничать с СКП после того, как ты на него напала.

— Он первым напал на больницу! А еще отрезал мне пальцы! — резко ответила

Слава. — Он уже объявил себя злодеем. Не вижу смысла с ним цацкаться.

— Вранье! — проорал Магистерий. — Попугайчик пиздит как Цицерон! Ни на какук больницу я не нападаю!

— Слава, стой!

В стену, за которой он укрывался, что-то врезалось. Не бетонный блок, иначе бы ее проломило насквозь, но тоже тяжелое. Магистерий повалился на пол и закричал, якобы от боли. Одновременно с этим он снял с пояса гранату. Герои через пару секунд ворвались в здание и Магистерий облегченно выдохнул. На помощь Славе пришел не Бесстрашный.

Это был Штурм.

— Назад! — взвизгнул Магистерий, очень убедительно, как ему казалось, изображая истерику. — Или взорву эту штуку!

— Парень, не надо глупостей! — Штурм поднял руки, демонстрируя открытые ладони. Еще бы это что-то значило для настолько мощного кейпа класса Контакт. — Я уверен, это дикое недоразумение, и все можно исправить.

— Я всего лишь просил несколько минут форы! — прохныкал Магистерий, добавив слез в голос. — Неужели это было так много?!

— Брось гранату или тебе конец. Ты не сможешь вырубить обоих разом, — прорычала Слава. В исполнении любой другой девчонки это бы выглядело комично.

— Эта дрянь... в двадцать раз смертоноснее чем VX, — он закашлялся, будто от крови в легких. — Но не волнуйтесь. Быстро... распадается на воздухе. Умрем только... мы трое.

— Поверь, это того не стоит, — спокойствию и терпению Штурма можно было позавидовать. — Я клянусь, что не причиню тебе вреда, а если это попытается сделать Слава, я ей сам морду набью. У тебя внутреннее кровотечение, тебе срочно нужен врач или ты можешь умереть.

— Погеройствовал, кретин... — пробормотал Магистерий так, будто с трудом удерживался в сознании, но достаточно громко, чтобы его расслышали. — Я просто хотел...

Он обмяк и растекся на полу.

— Пульс, это Штурм! Вошел в контакт с новым кейпом, он тяжело ранен, требуется реанимационная бригада. А ты звони сестре, черт бы тебя побрал! Доигралась, Барби Сопутствующий Ущерб?

— Я звоню, звоню... — рассерженно ответила героиня.

Послышался звук приближающихся шагов, и в шею Магистерия что-то уткнулось.

— Пульс еще есть, — сказал Штурм. — Не трогай его, если раскрошены ребра, то только хуже сделаешь.

Еще один звук шагов, более легкий.

— А теперь посмотрим на тебя без маски, — сказала Слава.

— Не вздумай!

— Почему? Он меня в лицо знает, значит, я тоже право имею. И вообще, вдруг он симпатичный? Может, даже прощу тогда.

Магистерий большим пальцем вдавил детонатор гранаты. Собственно, детонатором это не было. Просто закрепленный в пазу гвоздь, который протыкал plombу и заставлял реагенты смешиваться. А смешавшись, они образовывали «ноктюрн», который начинал бурно испаряться. Он крученым движением кисти подбросил гранату вверх, чтобы газ равномерно накрыл все вокруг, и чуть-чуть приподнялся, наводя пистолет.

Вероятно, Штурм успел задержать дыхание, но если и так, это не слишком ему помогло

— «ноктюрн» прекрасно впитывался и через слизистые оболочки, в том числе через глаза. Слава же слишком привыкла полагаться на силовое поле, чтобы в одночасье стать действительно осторожной. Единственная пуля оставила ее без защиты, а рефлекторный вдох отправил в царство невообразимого кошмара.

Магистерий откатился в сторону и вскочил на ноги. Теперь рядом с ним находилось два слепых, глухих и насмерть испуганных кейпа, каждый из которых кулаками мог крушить бетонные сваи. Он вытащил меч и попытался прицелиться. Вероятно, Панацея и отрубленные конечности на место без труда приставит, но лучше не рисковать. Он подкрался сзади к беспорядочно мечущемуся Штурму и самым кончиком клинка полоснул его под коленом. Слава же возможности себя нейтрализовать не дала. Она на лету проломила стену, и больше ее видно не было.

Подобрав с пола злополучную банку с мозгом, он кинулся бежать. Двое героев выведены из строя на достаточное время, чтобы можно было безопасно добраться до переулка и спуститься в канализацию. Магистерий за полминуты смог добраться до нужного места, и уже отодвигал в сторону люк, когда сверху на него обрушилась тьма. Разом пропали звуки, стало холоднее, а вторичная сила, позволяющая ощущать строение окружающих веществ, съежилась до пределов вытянутой руки.

«Какой-то у меня сегодня... день богатый на встречи», — подумал он, выхватывая меч.

Точнее, он попытался его выхватить. Мрак, а никто другой не мог создать такую тьму, был выше, тяжелее, и определенно имел опыт в единоборствах. Он вывернул руку Магистерию так, что тот выронил меч, после чего швырнул его лицом на землю и придавил голову коленом. В следующую секунду он избавил его от последней гранаты.

«Знали, мрази, — подумал кейп. — Знали, следили, были готовы. Вычислили весь арсенал, определили слабые места и слепые зоны, предсказали реакцию, последовательно нейтрализовали. Как? Известно как. Сплетница...».

На его голову опустился мешок, руки защелкнули наручниками за спиной. Потом погрузили на что-то крупное и живое, но покрытое костяными шипами. Видимо, одна из тех монструозных собак. Догадка подтвердилась, когда груда мяса под ним заходила ходуном, а ускорение вжало в чей-то живот.

Бешеная скачка длилась несколько минут, причем бежали мега-псины не только по земле, но и карабкались по стенам, и залазили на крыши. Стучась головой о какой-то костяной выступ, Магистерий не боялся, но мысленно прикидывал, что будь активна основная личность — он бы уже визжал от страха или еще нет?

Скорее, нет. В этом было их одно из кардинальных различий. Конрад всегда чувствовал очень остро, болезненно и близко к сердцу воспринимал все происходящее. Но при этом в любой ситуации сохранял морду кирпичом. Внешние реакции Магистерия наоборот, были яркими и разнообразными — но в них не было наполнения. Только игра, следование некоему неписанному сценарию, где правильно сказанные фразы и действия образуют изящную коллизию, ценную своим обликом, а не содержанием.

«И все же как-то странно, — подумал он. — В городе плюнешь в нигера — попадешь в кейпа. Но новичка не постеснялись выследить и похитить. Только потому, что технарь? Seriously, они будут пытаться заставить технаря работать на них против воли? Как это можно сделать? Подсадить на наркотики. Технаря, могущего в фармацевтику. Смешно. Тогда шантажировать, угрожать семье. Могло бы и сработать, но не в моем случае. Запереть, угрожать расправой? И рисковать самим откушать многокомпонентного яда? Идиотизм. Или

они идиоты?»

Тем временем, собака остановилась, и Магистерия стащили с ее спины и усадили возле какой-то стены. И только тогда соизволили снять мешок.

— Привет, Шутник, давно не виделись, — Сплетница выступила под свет одинокого тусклого фонаря. Было видно, что она самодовольно улыбается. — Классный костюм, мне нравится.

Магистерий повертел головой. Он и его похитители находились в каком-то безлюдном переулке, причем в явно севернее окрестностей Центральной больницы. Это было заметно по существенно меньшей ухоженности, а вторичная сила, в отсутствие тьмы Мрака, сообщала о большой массе воды поблизости. Побережье.

— Добрый вечер, Кругленькая Жопка, я по тебе скучал, — он взгляделся в темноту, в которой проступало еще шесть силуэтов, три из которых принадлежали людям, и еще три — огромным звероподобным монстрам. — А вот по вам не скучал.

— В прошлый раз ты был дружелюбнее, — Сплетница расслабленно прислонилась к фонарю.

— Прости, у меня случилась напряженная неделя. Ну, знаешь, это изобрети, то построй. Технарские проблемы, девочкам не понять.

— Отрезание пальцев юным героиням тоже входит в технарские проблемы? — она тут же примирительно помотала головой. — Нет, пойми меня правильно. Я впечатлена тем, как ты уделал Славную Дырку*** и Штурма, а меня *невероятно* сложно чем-то удивить. Но знаешь, Броктон Бей город небольшой, новости расходятся быстро. Неделю назад ты впервые о себе заявил, и по воде пошли круги. Тебя ищут.

— А вы нашли первыми, — Магистерий попробовал на прочность цепь наручников. Обычные полицейские. На раз не разорвешь, но можно попытаться. — Черт, я так пропущу «Время приключений».

Под свет фонаря выдвинулся уже знакомый клубящийся сгусток тьмы, Мрак. Через секунду тьма опала, оставив после себя высокого, крепко сложенного человека в плотном кожаном комбинезоне и мотоциклетом шлеме с принтом в виде черепа на забрале. Магистерий слегка поморщился под маской. И это ему Сплетница пеняла за бюджетный костюм?

— Мы не собираемся тебе мстить, — сказал он глухо. — Хотя есть за что. Ты прервал нашу цепь успешно выполненных заказов, да и газ у тебя... довольно неприятный. Но я понимаю, что ты не специально влез вперед нас. И признаю, что сам повел себя не лучшим образом, я надавил на тебя, и вынудил к жестким действиям. Мы на протяжении всей недели обсуждали действия в отношении тебя, и пришли к выводу, что лучший вариант — предложить тебе присоединиться к нам.

— Да вы ребята просто гении от HR, я бы поаплодировал, да руки заняты. Для гарантии успеха вам следовало повыдергивать мне ногти и отрезать уши, а то вдруг я усомнюсь в выгодах сотрудничества.

— Согласен, не очень красиво получилось, — ответил Мрак. — Но, во-первых, туда вот-вот должна была налететь целая толпа СКПшников, и мы старались убраться подальше. Во-вторых, ты уже дважды показал, что слишком непредсказуем и жесток, а твое технарское оружие — слишком смертоносно. Мы бы хотели вернуться домой в одном куске, а не отведать твоего меча, не успев даже поздороваться. Он ведь может бить гораздо дальше длины своего клинка, верно?

— Я? Жесток? — Магистерий хихикнул. — Я целую сраную неделю пытаюсь придумать что-то, что не причиняет реального вреда, и какой-то черный мне начинает втирать, что я жесток. Нигер, жестокость — это жажнуть человека по голове, усадить его на какого-то лавкрафтианского монстра и увезти черт знает куда. Даже если я и был не против вас выслушать, сейчас я хочу только насрать тебе на голову. Да вот беда, даже заметно не будет.

Мрак повернулся к Сплетнице.

— Какого черта? — спросил он. — Ты же говорила, что он все воспринимает как игру, не обидчив и легкомысленен?

— С ним та же проблема, что и с Цирк. Слишком различаются гражданская личность и маска. Он использует какие-то наркотики собственного рецепта чтобы искусственно их разделять.

— Ты не могла сказать раньше?

— Я только сейчас это поняла.

— Короче, Шутник. Сейчас я тебя освобожу, если ты пообещаешь, что ни на кого не нападешь. Идет?

— Только если Регент прекратит хватать немытыми ручонками мой длинный, твердый меч. Его могут трогать только девочки.

— Тонковат что-то, — парень в рубашке заткнул свой скипетр за пояс и пару раз махнул мечом на пробу. — Девочки не оценят.

— Регент! — Мрак немного повысил голос.

— Ладно-ладно, не кипятись. Вот твоя любимая игрушка, — показалось, или у него правда французский акцент?

В следующее мгновение раздался громкий щелчок — лопнуло одно из звеньев цепи. Магистерий коснулся тумблера маски и ногой подкинул меч с земли. Регент, находившийся в радиусе действия излучателя, взвыл от боли, но тут же прекратил, отправленный в нокдаун мощным ударом в висок. Магистерия тут же накрыла волна тьмы, но теперь его не застали врасплох. Он сосредоточился на вторичной силе, а как только в зоне действия оказалась органика, отступил назад и сделал два резких широких взмаха.

— Убери свою завесу, Мрак, — сказал он, выключая маску. — Я не очень хорошо в ней вижу, могу убить нечаянно.

Тьма схлынула. Мрак стоял полусогнувшись, зажимая обеими руками длинный кровоточащий разрез через весь корпус. Неглубокий, внутренности не вываливались, но явно болезненный. Регент валялся в отключке. Сплетница пятилась назад. А вот гигантские монстрособаки наоборот, оказались совсем близко, и злобно рычали.

— Убить его? — спросил парень в маске бульдога странно высоким голосом. Словно отреагировав на его слова, собаки низко припали к земле, готовые к прыжку.

— Я успею забрать с собой двоих одним ударом, — весело заметил Магистерий. — Убьешь меня, но потеряешь половину команды.

— Сука, нет! — прохрипел Мрак. — Пусть уходит.

— Где мои мозги? — требовательно спросил Магистерий. — Я сегодня выбрался только ради них. Если вы их испортили или потеряли, я компенсирую потерю за ваш счет.

— Я все сложила в твою сумку, — подала голос Сплетница. — И если что, такое... грубое приглашение — не моя идея, честно.

— Я надеюсь, ты хоть в белье моем не копалась?

— Только с целью поиска информации.

— Гррр... я на тебя полировал свой клинок целую неделю, но сейчас уже ненавижу.

— Ну, я же суперзлодейка. Чего ты ждал, изящных манер?

— И не поспоришь, — Магистерий проследил, как Сплетница принесла ему сумку с гражданской одеждой. — Значит так, ребята. Я на вас сильно обижен, но искать и мстить не стану. Выкинете еще один такой фортель, а второй раз вы меня врасплох не застанете — и клянусь Девой Марией, выловлю вас даже без масок и сдеру с вас кожу. Возможно, через несколько дней я уже не буду так зол, и даже заставлю себя поговорить на счет того, что мы можем друг другу предложить. Вступать я к вам, конечно, не стану, но вероятно вы сможете побыть посредниками. Где мне вас найти?

— Вот телефон, в нем записан единственный номер, — Сплетница протянула ему дешевую одноразовую трубку. — Звони в любое время, как надумаешь. Только не среди ночи. Мы обычно в это время либо спим, либо на задании.

— Как неудобно, меня-то вечно тянет в третьем часу с кем-нибудь поболтать. Ну да ладно, — он спрятал телефон в один из отделов сумки. — Адиос.

Путь до дома занял больше часа. Приходилось держаться самых темных переулков, пробираться через заброшенные кварталы. Пару раз ему встретились маргинального вида личности, но маска и светящийся меч словно создавали невидимую стену. Только завидев Башни, он решил остановиться и снять костюм. Меч пришлось заворачивать в тряпье.

Кажется, на Стражах после такого можно ставить жирный крест.

Магистерий посмотрел на себя в зеркале лифта и на пробу сделал нацистское приветствие.

— Забавно, — подумал он вслух. — Оба родителя немцы, а я ни слова по-немецки не знаю.

* РНО — Parahumans Online, если кто не в курсе. Основной интернет-ресурс Америки Бет, посвященный паралюдям.

** Непереводимая игра слов as is. Имя Славы в оригинале Glory Girl, Магистерий назвал ее по-английски Lory Girl. Лори — это такие попугаи.

*** В оригинале Glory Hole.

К полудню следующего дня меня посетило ощущение, что что-то пошло не так.

С момента получения мной сил прошла неделя, и за это время я успел:

1) Обокрасть АПП, а значит и лично Лунга. Вдобавок к этому я был косвенно виновен в гибели двоих его людей и серьезно ранил гордость Демона Ли. В последнем, правда, я до сих пор не был уверен, но надеялся на это.

2) Посрать с неизвестной, но хорошо организованной командой суперзлодеев.

3) Очень серьезно посрать с Новой Волной.

4) Ранить Штурма и таким образом посрать еще и с Протекторатом, Стражами и СКП в целом.

Подводя итог, в городе оставалось только две группы кейпов, не считая одиночек, которые не хотели меня убить, покалечить или запереть в Клетке до конца моих дней — с различными вариациями перечисленного и в разном порядке. Это были Барыги и Империя-88. И поскольку к употреблению наркотиков (кроме тех, которые изготовил сам), я был равнодушен, то ничего удивительного, что во время школьных перемен я тренировал в мужском туалете салют «зиг хайль». Не то, чтобы это было действительно необходимо. Просто позволяло справиться с абсурдностью происходящего.

В школе двинутые на паралюдях гики (увы, обеспеченность родителей не защищала от идиотизма) и просто интересующиеся бурно обсуждали побоище, случившееся вечером возле Центральной больницы, не подозревая, что виновник сидит в двух метрах и дремлет, загородившись учебником. Форумы на ПЛО* бурлили, в немногочисленных инсайдеров сразу вцеплялись точно пираньи в добычу, строились теории на счет сил неизвестного кейпа. Мои одноклассники гадали, кто же тот монстр, что ухитрился надрать зад Славе и Штурму, а упомянутый «монстр» предавался самоедству и пытался смириться с участью борца за величие белой расы.

Не скажу, что идея была плоха, но и перспектива мочить черных, азиатов, гомиков и тому подобный сброд, бессистемно и невзирая на сопутствующий ущерб, меня прельщала мало. В конце концов, Легенда был геем, и если грохнуть его за это (чего за четверть века еще никто не смог) — кто будет воевать с Губителями? Последнее нападение Левиафана было совсем недавно, десятиметровый водяной ящер разнес четверть Кейптауна, прежде чем Легенда, Александрия и Эйдолон пинками загнали его обратно в океан.

Вот, что было настоящей жизнью кейпа в моем понимании. Нечто значимое. Нечто, оставляющее след и в памяти и жизнях людей, и в истории, и даже, в случае Эйдолона, в изменившемся ландшафте. Растрачивать себя на мелочи вроде отстрела нигеров в одном небольшом городе мне казалось... жалким.

Ну, мечтать о великих свершениях было легко, но в суровой реальности у меня был лишь собственная сила, дюже прожорливая до материальных ресурсов, небольшое количество изготовленного снаряжения, и половина кейпов города во врагах. Мне нужны были реагенты, материалы и оборудование. Мне нужно было нормальное место под мастерскую, потому что моя собственная комната с каждым днем становилась все менее пригодной для жизни. В этот момент я завидовал чуть менее состоятельным людям, которые селились не в элитных высотках, а в пригороде, где к каждому дому прилагался гараж и подвал, и не было бдительного консьержа на входе.

И что мне точно нужно было, так это постараться не посрататься со второй половиной города. Признаю, это приятно щекотало нервы ночью, но сейчас я чувствовал себя, мягко говоря, неуютно осознавая, что где-то за стенами школы рыщут, по меньшей мере, два десятка кейпов, жаждущих моей крови. «Мистер Хайд», при всех его неоспоримых достоинствах, оказался слишком эффективным средством в плане снятия внутренних ограничений. Уверен, если бы я не принял его перед вчерашним выходом, то со Славой бы тогда разошелся мирно.

или же эта тупая курица отметелила бы меня до полусмерти и притащила в офис СКП перевязанным ленточкой

В общем, я собирался этой ночью снова надеть маску — но только в прямом смысле, не используя «мистер Хайд». И постараться хотя бы в этот раз никого не накурить «ноктюрном», не порезать мечом и не поджарить мозги маской. А также не хамить, не язвить, не подкалывать.

скукотница

Ну, а что поделывать. Развлечения развлечениями, но ради денег стоит потерпеть. Само по себе богатство не будоражило мои мысли, но оно было еще одним инструментом в моих руках, таким же, как лазерный паяльник. Что невольно поднимало вопрос: а для чего мне инструмент? Чего я хочу от своей силы? В момент триггера, в минуты мучительной агонии, я желал лишь спасти себя, и сила исполнила мое желание. Что дальше?

Да, я жаждал свободы, жаждал перемен. Я хотел освободиться от диктата матери и от своей болезни. Но это краткосрочные, и легко достижимые цели. С диктатом так вроде бы уже разобрался — утром мы с ней не разговаривали, но отец впервые за годы остался дома и похоже, беседа там намечалась долгая и болезненная. Отчасти тому поспособствовали пара капель «для храбрости», случайно оброненные в отцовский кофе за завтраком. Мне оставалось только надеяться, что нейро-сыворотка сработала как надо, и не сделала хуже.

Нет, вопрос стоял о дальнейшей перспективе. И, сказать откровенно, я немного жалел о том, что назвался Славой злодеем. Тогда это показалось удачной шуткой, но можно представить, каких проблем это будет мне стоить в будущем. Потому что сказанные мимоходом, и наверняка даже без задней мысли, слова патологоанатома, которого я заставил отдать мне мозг трупа, запали в душу.

Я действительно мог исцелять.

Далеко не так эффективно и быстро, как Панацея, и с намного большими ограничениями на тяжесть травм, но все же мог. И, в отличие от Панацеи, мог воздействовать на мозг. А кейпы, чьи силы можно было применить для лечения, встречались настолько редко, что во всех Штатах и Канаде вместе взятых едва набралось бы два десятка. Осталось найти идиота, который рискнет принять лекарство от того, кто прямо назвался злодеем. Пошутил, кретин...

В общем, свой грядущий фронт работ я разделил на несколько основных пунктов:

Во-первых, найти хоть кого-нибудь, кому нужно хоть что-нибудь, что я могу ему продать. Основные кандидаты здесь были Империя-88 и те, на кого меня могла вывести Сплетница. На последнюю я все еще злился, потому что она наверняка соврала, что не она придумала меня похищать. Слишком уж эффективно меня тогда выключили. Если бы не принятый загодя стимулятор, с помощью которого я смог порвать наручники, булькать мне на дне залива. Или стать едой для собаковых монстров.

Во-вторых, провести эксперименты с лекарствами, понять возможности и пределы

своей силы в области исцеления. С этим были определенные проблемы, потому что для такого дела требовались подопытные. Много подопытных. И, разумеется, не морских свинок, а людей — потому что лечить я собирался их. Сложность была в том, что к пациентам в больнице меня бы не пустили даже в том случае, если бы со Славой я вчера не встречался и спокойно добрался до дома. Для такого требовалась, по меньшей мере, аккредитация от СКП и пройденный у них тест способностей. Разумеется, не ради бюрократии, а ради подтверждения безопасности применяемых сил, и гарантии, что после лечения, скажем, язвы желудка у пациента не вылезет рак. Чего я, кстати говоря, обещать не мог. Мне придется снова отправляться в район Доков. Искать тех, у кого нет доступа к нормальной медицине, и соблазнять бесплатным лечением — но без каких-либо гарантий, а потом еще и вести журнал наблюдений за каждым добровольцем.

В-третьих, найти способ повысить свою мобильность. Столкновение со Славой оставило у меня двойное впечатление. С одной стороны, я был рад победе. С другой, меня грызла зависть. Все кругом летали, прыгали как кузнечики, телепортировались, катались верхом на шипастых биомутантах, и только я один, как конченный лошпед и лузер, ходил пешком. Моя специализация очень слабо соотносилась со средствами передвижения, но я надеялся, что правильная постановка задачи и легкая стимуляция воображения подкинут мне какие-то идеи, с которыми можно будет работать.

В-четвертых, разработать новые источники питания. В данный момент мой прогресс упирался в емкость обычных батареек. Хотя я без труда мог увеличить эффективность электролита и электродов в разы, но этот путь был тупиковым. Для действительно качественного роста мне требовался источник энергии, превосходящий их на порядки. Ну, не ядерный реактор в кармане, конечно, но хотя бы аналог переносного дизельного генератора. У меня возникла пара свежих идей, каждая со своими плюсами и минусами, и мне нужно было тщательно изучить обе, набросать чертежи и оценить затраты на производство.

В-пятых, после школы забрать из магазина предоплаченную центрифугу и шейкер. На счет шейкера я сомневался, но он и стоил недорого, а вот центрифуга обещала стать серьезным шагом вперед. Еще мне хотелось лабораторный реактор, но он стоил пятнадцать тысяч, и заказать его можно было только напрямую у производителя, и уж точно его бы никто не продал школьнику. Я уже говорил, что с радостью бы поменял свою силу на что-то более практичное? Я готов повторить еще раз.

Когда я вернулся домой, сгибаясь под тяжестью вожденной центрифуги, родители вроде бы уже успокоились, и впервые за много лет пришли к какому-то единому мнению. Во всяком случае, давящая атмосфера взаимной молчаливой ненависти, которая воцарялась каждый уик-энд, отсутствовала. Ну или ослабла настолько, что я ее не замечал. Так или иначе, я оставил свою прелессть не распакованной в комнате, и вышел в гостиную, где мать меня словно дожидалась.

Меня поразило выражение ее лица. Какое-то... потерянное что ли. Как у ребенка, которому только что объяснили, что Санта-Клауса нет. И что письмо из Хогвартса никогда не придет. И что хорошие оценки и прибранная комната не сделают тебя кейпом. И все это одновременно.

— По дороге я не встретил бойцов СКП и жаждущих мести героев Протектората, — сказал я, садясь напротив. — Так что смею надеяться, что вы оба согласились помалкивать о моих силах.

Это было хорошо. Не придется применять амнезиак или усовершенствованную формулу «сахара».

— То, что вчера случилось... про что весь день говорят, — она избегала смотреть мне в глаза. — Это сделал ты?

«В основном это сделала Слава, — подумал я. — Моя сила вообще мало пригодна для масштабных разрушений, разве что я сделаю какую-нибудь офигенно мощную взрывчатку... кстати, это отличная мысль, надо будет записать, пока не забыл. А вот у нашей мини-Александрии шикарные ножки и такие же проблемы с самоконтролем».

— Отчасти. В меньшей мере.

— Зачем?

«Чтобы добыть блядский человеческий мозг, из которого я вчера полночи готовил тебе блядскую нейро-сыворотку, которая наконец-то вправила тебе твои собственные блядские мозги! И если для того, чтобы наконец-то стать похожей на нормального человека тебе потребовалась аж технарская химия — делай выводы сама!»

— Искал компоненты для твоего лекарства. Немного погорячился в процессе.

Моя мать было раскрыла рот, чтобы прикрикнуть на меня, что бы я не юлил, не смел от нее что-то утаивать... но посмотрела мне в глаза и осеклась. Я принял во внимание ее болезнь, чем бы она ни была, и не собирался мстить. Но не простил ее, и прощать не собирался. Восемь лет она уничтожала мою личность, использовала против меня мою немощь. Теперь перед ней находился парачеловек, появившийся ее усилиями. Меня не волновали ее мотивы, не волновали ее проблемы — потому что мои проблемы от этого никуда не исчезали.

Потому что я тоже был там. Пока ополоумевший от страха водитель гнал туристический автобус по трассе прочь от города, пока мои родители шептали невесть когда выученные молитвы, я смотрел на Губителя. А Губитель смотрел на меня.

— Просто скажи, что я сделала не так?

— Все, — ответил я. — От начала и до конца. Но в первую очередь не надо было трогать мой инсулин.

— Твой инсулин... — эхом повторила она, будто что-то пыталась сообразить. — Знаешь, мы с твоим отцом поговорили, и решили, что тебе все же стоит попытаться вступить в Стражи. Как-то объяснить ситуацию, найти компромиссы. Я приблизительно знакома с их юридическими процедурами, они не станут арестовывать нового кейпа, тем более несовершеннолетнего, из-за единственного случайного конфликта, в котором даже не было жертв, и не пострадали гражданские. Их программа для этого и существует, чтобы подростки-кейпы учились контролировать свои силы. И кроме того, у СКП есть договоренность с Панацеей. Она могла бы вылечить твой диабет.

Я скрипнул зубами. Сыворотка нейтрализовала отклонения в ее мозгу, но она ведет себя по-старому! Нет, терпение, только терпение. Наверняка это просто привычка. Раньше она бы уже наорала на меня, безальтернативно объявила свою позицию и завела свою обычную шарманку про мою никчемность, бездарность и дармоедство.

«Работать по полдня аниматором, изображающим героя, конечно неплохо в плане легальности и безопасности, но сомневаюсь, что Стражи будут рады меня видеть после такого знакомства — это раз. Вряд ли Панацея станет тратить время на того, кто отмудохал ее сестру — это два. Ну и наконец, если Панацея вдруг меня все же вылечит, и не оставит при этом пару опухолей в подарок, я не буду чувствовать, что победил. Я справлюсь с

диабетом сам, это вопрос времени. Три недели максимум, но скорее намного меньше. Это три».

— Я считаю, что сейчас этого делать не стоит. Подождать, как минимум. А диабет я вылечу сам. Это не так сложно.

— Так ты и такое можешь...

«Проще, блять, составить список того, что я не могу. Например, я не могу тратить время на пустую болтовню, когда меня ждет работа. Собственно, я хотел лишь убедиться, что твой мозг работает относительно нормально, насколько это вообще возможно в твоём случае. Все хорошо? У меня на совести не будет трупа или пускающего слюни овоща? Прекрасно, у меня на этом все».

— И еще много чего.

— Тогда что ты собираешься делать?

— То же, что и сейчас. Буду осваиваться со своей силой. Искать ей применение. Возможно, сумею создать что-то по-настоящему стоящее. И когда я пойму, на что действительно способен — тогда и решу, стоит мне вступать в Стражи, или же обойдусь без них.

— Конрад, но то, что делаешь ты, это уже не игрушки, это по-настоящему опасно! Кейпы гибнут регулярно, особенно одиночки!

Я начал по-настоящему злиться.

«В последний раз, когда ты пыталась меня обезопасить, дело чуть не кончилось моей смертью и привело к триггеру! И именно поэтому я буду делать то, что сочту нужным, и ты мне не указ. Лучше пусть я в свой следующий выход нарвусь на взбешенного Лунга, на Кайзера вместе с охраной, на Оружейника или Бесстрашного. Пусть меня бьют, жгут огнем, режут, ломают мне кости — я просто буду бить, жечь, резать и ломать в ответ. И это будет честно, это будет хорошо и правильно, потому что я сам принял такое решение, а не ты приняла за меня. Следишь за мыслью? Лучше я сам совершу ошибку, чем поступлю правильно по твоему указанию».

— В обозримом будущем я хочу заняться собой, и вообще поэкспериментировать с лекарствами. Возможно, в Броктон Бей скоро не останется ни одного диабетика.

— Слушай, а можешь сделать какие-нибудь образцы? — оживилась она, услышав о лекарствах. — Не каждая компания может похвастаться штатным кейпом, и если «Медхол» заинтересуется...

— Нет! — отрезал я, впервые за весь разговор не сумев полностью сдержать эмоции. — Нахрен «Медхол».

— Ладно-ладно, — она торопливо подняла руки. — Тебе ничего не нужно?

— Покоя, — ответил я и ушел к себе.

Поначалу я хотел сразу взяться за работу, но от нервов не мог сосредоточиться. Возможно, моя мать и была права на счет того, что при следующей встрече герои не кинутся выдергивать мне руки и ноги. Вероятно, если бы она не высказалась за мое вступление в Стражи, я бы попытался позвонить в СКП, попытаться договориться о встрече, объяснить, свести все к недоразумению и побочным эффектам своих боевых стимуляторов. Честно, мне совсем не улыбалось иметь во врагах два десятка кейпов и весь госаппарат вместе с ними. Но, во-первых, моя мать предложила это — и я не имел права идти у нее на поводу, как все прошлые годы. Во-вторых, я мысленно проговорил свои аргументы, и они показались мне, мягко говоря, шаткими. Пистолет я при враче достал, хотя и не направлял на него, пальцы

Славе отрезал, дважды ударил ее болеизлучателем, а напоследок угостил ее и Штурма газом, от которого обоих в принципе мог хватить сердечный приступ. Ну и перерезал Штурму подколенное сухожилие, до кучи.

Так себе кармический багаж. А еще Кэрол Даллон дорогой адвокат, что тоже говорит само за себя — как в плане возможностей отравить мне жизнь, так и в плане морального облика в целом. Хороший человек не станет заниматься юридическим крюкотворством.

Нет-нет, надо что-то делать со своей репутацией. Репутация кейпа — это его все. Ну, так говорили, во всяком случае. Если я смогу заявить о себе в положительном ключе, даже Новая Волна подумает дважды, прежде чем связываться — просто чтобы не выставить себя злобными мудаками.

Я перевел взгляд на костюм, который висел на спинке стула, будто обычный свитер. Вообще, яркие цвета мне не идут. Да и сам по себе темно-бордовый плохо сочетается с зеленым цветом меча. Белый с зеленым гармонирует намного лучше. Тем более что такая цветовая схема знаковая, как-никак, Эйдолон носит белую маску вместе с зеленой мантией. И вообще, раз я нацелился на стезю целителя, белый цвет будет очень к месту.

Остаток дня и половина ночи прошли в подобии транса, в который я входил каждый раз, когда руки наконец-то доходили до дела. То есть, я осознавал происходящее, и контролировал свои действия, но при этом словно наблюдал за всем со стороны. Странное ощущение, если честно. В голове словно из ниоткуда всплывают схемы, рецепты, инструкции, я им следую и получаю требуемый результат — но не могу понять ровным счетом ничего.

Почему из алюминиевой проволоки и песка вырос монокристалл изумруда, сразу имеющий форму тонкого клинка, обладающий бритвенной остротой и превосходящий по прочности вообще что угодно?

Как из раскрошенного карандашного грифеля я сделал поляризованный алмаз, да еще пустил его на линзы для маски?

Как из купленных в обычных магазинах веществ, редко с примесью конфискованных наркотиков, я создаю препараты с настолько точным и мощным эффектом?

Некоторые вещи вообще не лезли ни в какие ворота. Например, я до недавнего времени просто не знал, что в изумруде кроме алюминия, кремния и кислорода содержится еще и бериллий. Тогда откуда взялся бериллий в кристаллизационной форме, если я его туда не клал? Я что, сам того не зная провел трансмутацию?

Заметка — найти где-нибудь кусок свинца и попытаться превратить его в золото. Надо оправдывать взятое имя.

В общем, к часу ночи я со скрипом оторвался от рабочего стола и с хрустом прогнул затекшую спину. Все образцы были готовы. Обезболивающее мощнее морфия, но не вызывающее привыкания. Модифицированный «мистер Хайд» в таблетированном виде, с более слабым и плавным действием. Сыворотка правды, не причиняющая вреда реципиенту. «Боевой коктейль № 2», немного усиленный по сравнению с № 1, с более продолжительным действием, но с прогнозируемыми неприятными побочными эффектами.

Я не брался предсказать, что из перечисленного вызовет отклик, так что постарался охватить различные возможные сферы применения. Я не рассчитывал сразу обогатиться, моей целью было, так сказать, передать трубку мира. А заодно понять, что нужно моим потенциальным покупателям, и продемонстрировать собственные силы, не раскрыв слишком много.

«Ноктюрн» в гранатах, принять антидот от него на всякий случай...

И да, на этот раз я не допустил промашки, и сделал себе два небольших подсумка, куда можно было сложить шприцы. Немного подумав, я закинул туда же полбатончика «амброзии», оставшейся с «ужина». Беготня в костюме отнимала много сил, а «амброзия» отлично поддерживала сахар в крови и вообще была замечательна всем. Кроме вкуса.

Я покидал в сумку снаряжение, тихо вышел из квартиры и спустился на лифте в холл. Консьерж за стойкой скользнул по мне цепким взглядом. Не играло роли, донес бы он на меня родителям или нет, но он мог рассказать о моих ночных отлучках не только им. Я сделал то же самое, что и раньше — провел рукой над стойкой, обронив на нее пару капель состава из маленькой склянки. Веки консьержа начали опускаться, он опустил на свой стул, чтобы не потерять равновесие и принялся клевать носом, ко всему безразличный.

Ничего страшного ему не грозило. Он придет в норму через пару минут, просто не помня толком, что произошло в это время, и даже не осознавая, что что-то произошло. Видеокамеры оставались проблемой, но они хотя бы не любопытны и к болтовне не склонны. Может, я смогу сделать костюм-невидимку или какое-нибудь маскировочное поле? Ну, как кожа у хамелеонов, или как-то менять коэффициент преломления воздуха вокруг себя...

Столько идей, и все опять упирается в оборудование и деньги. Я конечно знал, что еда в холодильнике не из воздуха появляется, но только теперь прочувствовал на себе, что такое нужда.

Я переоделся в костюм в трех кварталах от дома, укрывшись за мусорным баком. Хорошо было Супермену в 40-х, когда кругом торчали телефонные будки. Все красные тряпки я решительно срезал, и остался в мраморно-белом комбинезоне с длинным капюшоном из того же полимера, скрывающим системы маски. Интересно. Вот нигеры любят чуть что визжать «это потому что я черный, да?!». А я смогу кого-нибудь также возмущенно спросить «это потому что я белый?!»

Покончив с переоблачением, я сложил гражданскую одежду в сумку и вскарабкался по пожарной лестнице на крышу. Там я бросил сумку и подобрал оставленный вчера вечером телефон. Тот самый, что мне дала Сплетница.

Я скovyрнул крышку и сосредоточился на устройстве. Моя сила едва ли соотносилась со средствами связи, но общую схему я смог уловить. Здесь контакты аккумулятора, здесь динамик, микрофон, здесь миниатюрный процессор, тут плата, с которой передается сигнал от нажатых кнопок, это антенна... упс, а вот это что?

Я достал из подсумка сделанный из канцелярского ножа резак и, не включая расщепляющее поле, выковырнул из внутренностей телефона небольшое устройство. Оно резко выделялось из общей схемы и моей силе казалось чужеродным. Жучок что ли? Радиомаячок? Они серьезно собирались отследить кейпа-технаря с помощью жучка, или это просто проверка на вшивость?

Я собрал телефон обратно, включил его и открыл список контактов с единственным номером в нем. С помощью мнемонической техники я запомнил его, после чего подбросил телефон в воздух и резко выхватил меч из ножен.

Ни в чем не повинный аппарат разлетелся вдребезги. Я разочарованно цокнул языком — чистого удара, как в кино, не получилось. Видимо, до мастерства Затоичи, на слух срезавшего фитили со свечей, мне далеко. Но все равно, каковы поросята!

— Однажды, Кругленькая Жопка, я доберусь до твоей жопки, и заставлю за все

ответить, — пробормотал я, пряча меч в ножны.

Дальше последовал почти час блужданий по ночному городу в поисках кого-нибудь, похожего на нациста. Как ни странно, поиски затянулись, потому что нацисты, как и все нормальные люди, ночью предпочитали спать, а не шататься по улицам. Зато один раз мне пришлось очень быстро прятаться за углом, когда мимо проехал Оружейник на своем мотоцикле. Герой вел обычное патрулирование, и то ли отвлекся, то ли задумался, а потому на мелькнувший где-то в переулке белый силуэт внимания не обратил. В противном случае мой выход закончился бы очень быстро и плачевно. Оружейник, наравне с Бесстрашным, был из той категории кейпов, которым мне нечего было противопоставить. Даже сбежать у меня бы вряд ли получилось.

Но спустя час мои старания все же были вознаграждены. Когда я уже начал склоняться к мысли, что на сегодня кейповских дел с меня хватит, и что здоровый сон важнее поисков нацистов в битком набитом нацистами городе, я набрел на бар, который в это время еще работал. И его дверь подпирал крепкого вида человек с такой же татуировкой на плече в виде стилизованных восьмерок, какую я видел вчера на трупе.

Сегодня я вышел в маске, но не под маской, и потому смог сначала оценить возможные последствия от эффектного вламывания внутрь с мечом наголо. Ну то есть, мне вряд ли что-то грозило. С обычными членами банды я мог справиться в любом количестве, даже если у них пистолеты. Вот только это означало посраться еще и с Империей, чего я как раз хотел избежать.

Я аккуратно обогнул бар через полквартала, и зашел к нему со стороны служебного входа. Мечом я аккуратно вырезал замок и отворил дверь. Внутри было пусто. Я прокрался внутрь, прислушиваясь к звукам. Из главного зала доносилась музыка, но меня больше заинтересовали голоса за одной из дверей, выходящих в узкий коридор. Внутри были люди, и судя по обрывкам фраз, они играли в карты.

Я немного постоял перед дверью, придумывая такие способы войти внутрь, чтобы не дать себя застрелить на месте, заставить воспринимать всерьез и при этом никому не навредить. Воображение, помахав на прощание платочком, укатило куда-то на Гавайи, оставив меня одного разбираться с нацистской бандой. Окей, ладно. Попробуем соединить два взаимоисключающих варианта действий, и посмотрим, что получится. Я вытащил меч и включил его, после чего вежливо постучал.

Ноль реакции.

Я постучал еще раз.

— Чего? — спросили из-за двери.

— Доставка приехала, — ответил я.

— Какая еще доставка... — послышались шаги, и дверь мне отворил среднего роста бородач в майке и джинсах.

Он раскрыл было рот, но вид светящегося изумрудного меча заставил его поперхнуться словами.

— Прощу прощения, — сказал я и шагнул внутрь. — У кого-нибудь найдется телефон позвонить?

Лишь тишина была мне ответом.

— Телефон, — я изобразил пальцами трубку. — Звонить.

Снова тишина. Руки некоторых присутствующих поползли в направлении оружия.

— Тут что, никто по-английски не говорит? — спросил я разочарованно. — Я думал,

тут собрались борцы за очищение Америки от всевозможного мусора, республиканцы и патриоты. И что я вижу? Вы мужики или демократические пусечки?

— Ну, у меня есть телефон, — ответил бородач. До него дошло, что я никого тут рубить не собираюсь, и он решил поддержать разговор. — Чего надо?

— Звони, — я развел руками. — Руководству звони.

— Что сказать? — он достал из кармана трубку и начал набирать номер.

— Что пришел кейп, который вчера выбил дерьмо из Штурма и Славной Дырки. И заинтересован в сотрудничестве.

* По многочисленным заявкам РНО (Parahumans Online) переименовано в ПЛС (Паралюди Онлайн)

— Начальству звони, — как можно невиннее сказал я, не опуская впрочем меча. — Скажи, что пришел кейп, который вчера выбил дерьмо из Штурма и Славной Дырки, и заинтересован в сотрудничестве.

Бородач кивнул и принялся ждать ответа. Вопреки ожиданиям, ждать ему пришлось недолго, потому что кейпы Империи, в отличие от своих подчиненных, нормальными людьми не были, и ночью не спали. Ну или держали наготове ударный отряд, готовый выдвинуться в ответ на угрозу, пока остальной состав выдергивается из постелей тревожными звонками.

— Да, новый кейп, — подтвердил бородач в трубку. — Вот, стоит передо мной. Как выглядит? Сейчас... белая маска, белый капюшон, вообще все белое. Плаща нет. И меч зеленый, светится. Эй, парень, тебя спрашивают.

Он протянул мне сотовый.

— Добрый вечер, — поздоровался я. — Или доброе утро, как вам больше нравится.

— В двух словах — ты в курсе, который час? — недовольно осведомился в трубке мужской голос.

Я удивленно приподнял бровь.

— Если что-то не нравится — полчаса назад я разговаривал с Оружейником, и он уверял, что Протекторат мне все простит, если я пойду к ним, — ложью это было только наполовину, потому что технически я действительно полчаса назад встретился с Оружейником. — Просто у них что Мисс Ополчение чурка арабская*, что два нигера в Стражах.

— Ладно, ладно, — смягчился голос в трубке. — Можешь подождать немного? Мне нужно оповестить кое-кого рангом повыше. К нам не каждый день новички приходят.

— Подождать? — Я оценивающе оглядел сидящих за столом мужиков. — Если немного, то могу. Думаю, в течение часа я смогу сопротивляться соблазну достать из ваших людей костный мозг и уйти по своим делам.

— Хо, серьезно подходишь к делу, — голос усмехнулся. — Кстати, тебя как зовут?

— Магистерий.

— Виктор. Скоро будем.

Раздались короткие гудки. Я вернул телефон владельцу и вложил меч в ножны. Спокойно, Конрад, спокойно. Они старше, их больше, они крупнее и сильнее, они все вооружены. Но у меня есть моя сила, и при желании я справлюсь с ними без труда. Это не я должен бояться, это меня должны тут бояться.

Я придвинул к столу еще один стул и уселся на него, после чего достал из кобуры пистолет и положил его рядом с собой.

— Что? — спросил я. — Пушку под рукой держать не обязательно? Мне показалось, у вас тут так принято.

— Да держи, если хочешь, — буркнул один из нацистов.

— погоди, — сказал другой. — Это у тебя «Sig Sauer» P226? Где достал?

— Понятия не имею, как он называется. А где достал... — я неопределенно махнул рукой. — Тряхнул недавно желторожих из АПП.

Я нервно хихикнул, в надежде, что сказанное прозвучало круто. К счастью, маска

полностью скрывала мое лицо и приглушала звук голоса, так что мой смехок бандиты, видимо, восприняли как злодейский смех. А содержание слов им понравилось еще больше. На злобных рожах, с которыми бы я точно не хотел столкнуться при свете дня, появились признаки доброжелательности.

— Ну так это... чего делать будем. Ждать-то долго, — я обвел комнату взглядом и остановился на разложенных картах. Нужно было как-то сымпровизировать, отвлечь внимание непосредственно от себя. — Правила объясните?

— А деньги-то есть на ставку? — осведомился бородач.

Я порылся в подсумках.

— Семнадцать баксов.

— На пару партий хватит, — другой нацист собрал карты и принялся раздавать по новой. — Короче, есть восемь основных комбинаций...

Пятнадцать минут спустя

— Так, еще раз. Четверка бьет фул хаус, фул хаус бьет флеш, флеш бьет стрит? Все правильно?

— Ага, — ответил бандит, сдававший карты в первой партии.

— Ладно.

— Так не честно, — заявил другой. — Он в маске.

— Да уймись, Хэнк, парень первый раз карты в руки взял.

— Ты сказал, он пару партий продержится. А ты смотри...

Рядом с моей левой рукой уже лежала небольшая стопка мятых мелких купюр, придавленная несколькими четвертаками — двадцать шесть долларов в сумме.

— Новичкам везет, — отозвался я, изучая свои карты. — А еще я единственный, кто тут трезвый.

— А ты маску сними, и мы тебя напоим.

— Я несовершеннолетний, — для убедительности я поставил рядом с собой гранату с «ноктюрном».

— Все, уймись, — повысил голос бородач. — Белого мальчика ни спаивать, ни накуривать нельзя. Ему еще детей делать.

Имперцы расхохотались, а я сосредоточился на своей вторичной силе. С одной стороны, она поставляла мне очень ограниченный объем информации, только состав конкретного вещества и его количество. С другой, этого оказалось достаточно.

Масти на картах, которыми мы играли, были нанесены двумя разными красками — черной для пик и треф, красной для червей и бубен. Для каждого сочетания масти и номинала карты использовалось разное количество краски. Различие было небольшим, несколько микрограммов, но для моей силы оно оставалось очевидным. Спустя три партии я запомнил соответствия для всей колоды, и теперь был во всеоружии. Главное — не дать понять, что я буквально вижу чужие карты насквозь.

Сорок минут спустя

Шла девятая партия с момента, когда я сел за стол, и дело определенно шло к кульминации. Ну, то есть к тому, чтобы я раздел эту кучку простаков догола, или же проиграл все, что имел. Не то, чтобы мне было жалко семнадцать баксов, просто обидно немного.

Пока карты мне шли неважные, я еще ни разу не собрал ничего лучше тройки валетов, и потому весь мой текущий банк ограничивался пятьюдесятью тремя долларами. Однако я осторожничал со ставками, и почти ничего не терял кроме блайндов, обязательных ставок в начале партии для тех двоих, кто сидит слева от дилера. Но именно от этого я решил отталкиваться, потому что, если я правильно понял правила, важно было не собрать сильную руку, а убедить всех в том, что ты это сделал.

Только что начался пре-флоп, блайнды сделали ставки — пять и десять долларов соответственно, и каждый получил на руки по две закрытых карты. Пока у меня была всего пара дурацких троек, и я не мог предположить, чем все закончится. Сосед слева — я настолько сосредоточился на запоминании карт, что не удержал в памяти имена имперцев — имел две шестерки. Второй слева держал трефовую тройку и червового короля. Напротив меня сидел бородач, который был в этой партии дилером и у него были бубновые туз и двойка — кажется, лучший пре-флоп, если в общих картах будет три бубны, он соберет флеш. Первый справа был большим блайндом, и он находился в неважном положении — всего лишь разномастные четверка и пятерка, притом, что поставить ему пришлось десятку. Наконец, второй справа был малым блайндом, и неплохо себя чувствовал с червовыми валетом и дамой.

Итак, я «под прицелом», и обязан первым решить, делать ставку или бросать карты. Я не могу предугадать, какие карты будут общими, потому что перед тем, как выложить каждую новую карту, дилер опять перетасует колоду. Но могу оценить шансы, вероятности. Не с помощью силы, а просто, по-человечески.

«Ладно, попробуем. На столе лежат, от меня по часовой стрелке: тройка бубен и тройка пик; шестерка треф и шестерка червей; тройка треф и туз; король бубен и двойка бубен; валет червей и дама червей; четверка бубен и пятерка треф. Что это значит?»

Во-первых, у меня крайне мало шансов собрать трипл и нулевые шансы собрать каре — в колоде осталась всего одна карта нужной стоимости. Во-вторых, шансы дилера собрать флеш на самом деле малы, потому что на столе уже лежат четыре бубны. В колоде их осталось девять из сорока двух. Первый-слева имел хорошие шансы получить третью шестерку и таким образом собрать трипл. Второй-слева почти наверняка спасует, у него слишком неудачная рука, при самом удачном раскладе он получит всего лишь две пары и проиграет моему триплу. Большой блайнд... на самом деле, у него все не так плохо. Ни четверок, ни пятерок на столет нет — а значит, в колоде по три карты той же стоимости. Он имеет очень высокие шансы получить две пары или тройку, причем обе тройки будут сильнее моей. Дела у малого блайнда не хуже — червей в колоде еще десять штук, а также есть нетронутые дамы, валеты, десятки, девятки, восьмерки и семерки. Есть шансы и на стрит, и на флеш. Да даже и на стрит флеш.

«Окей, а мне что делать?»

Терять мне все равно особо нечего. Все равно скоро приедут кейпы Империи, а у меня на руках и так втрое больше денег, чем я имел вначале. Да и деньги мизерные, если откровенно. Чего бы и не рискнуть? При плохом флопе я просто спасую.

— Принимаю, — сказал я вслух и двинул в центр стола две пятидолларовые банкноты.

— Принимаю, — эхом отозвался Первый-слева и тоже сделал ставку.

Ожидаемо.

— Повышаю, — с довольным видом сказал Второй-слева и положил в банк сразу пятнадцать долларов.

Под маской я удивленно приподнял бровь. У него карты хуже моей жизни — и он повышает ставку? Только спустя несколько секунд я сообразил, что это и есть тот самый легендарный покерный блеф.

— Хм... принимаю, — пробормотал дилер и добавил собственную ставку.

Так закончился пре-флоп. В банке — пятьдесят пять долларов, столько за этот вечер я еще не видел. Кажется, всем уже надоело, и хотелось закончить поскорее, чтобы с чистой совестью вздремнуть до конца «смены». Насколько чистая совесть может быть у мафии. Я на всякий случай заглянул внутрь каждого из игроков. Да, характерная для утомления электрохимическая активность мозга. Они невнимательны. Не слишком серьезное преимущество, потому что мне тоже спать хотелось.

— И так, джентльмены... — дилер выдержал драматическую паузу. — Флоп!

Он перемешал колоду и одну за другой выложил в центре стола три карты.

Четверка пик. Пятерка бубен. Туз пик.

Эммм... ладно. Я не получил с флопа ничего. Первый-слева — тоже. Зато блефовавший Второй-слева внезапно получил хорошую пару на тузах. Дилер... дилер уже почти наверняка проиграл. Лучшее, на что он может рассчитывать — пара на королях. Малый блайнд тоже в пролете, но его шансы на две пары значительно возросли. Зато большой блайнд получил две пары, и у него самая сильная рука — но на этом все, флеша ему скорее всего не видать. Зато в колоде еще две пятерки и две четверки, он легко может усилиться до фул хауса.

Но...

Но в колоде осталось также две шестерки и четыре семерки. Моя пара может превратиться в стрит. Так почему бы и нет?

— Повышаю, — сказал малый блайнд и докинул в банк пятнадцать долларов к тем пяти, что он поставил в самом начале. Его так воодушевил туз, подаривший шанс на стрит? Или устал и стал невнимательным?

— Уравниваю, — большой блайнд решил не рисковать и подождать следующих карт. Он положил в банк десятку.

Настал мой черед, и я поддержал ставку.

— Повышаю, — сказал Первый-слева и докинул от себя пятнадцать. Он не знает чужих карт, но рассчитывает не еще одну шестерку в общих, чтобы получить трипл.

— Повышаю, — блефующий Второй-слева положил в банк сразу двадцатку.

Дилер просто бросил карты. Он немного потерял на откровенно паршивой руке, и мог бы продолжить в следующей партии, но по-моему у него уже слипались глаза и все надоело.

Банк вырос до ста двадцати пяти, размер текущей ставки составил уже двадцать пять баксов. Дилер опять перемешал колоду и положил семерку трэф. Малый блайнд опять уравнивал ставку, а большой повысил. Я ухмыльнулся под маской и в свой черед повысил ставку до сорока. Первый-слева сохранил ставку, второй — снова повысил. Кстати, он мог и выиграть. Если ривером, последней выложенной общей картой, будет двойка, он получит две пары, одна из которых будет на тузах.

Бородатый дилер принялся неспешно мешать колоду. Казалось бы, от этой карты не зависело ровным счетом ничего. Не важно, чем закончится партия — через несколько минут я должен был говорить уже с другими людьми и о намного больших, как я надеялся, суммах. И все же процесс меня почему-то увлек. Может от того, что моя сила не давала ощутимого преимущества, сохранялся азарт. Может от того, что покер для меня был неизведанной территорией, имне понравился процесс анализа распределения карт и чужого поведения. А

может, дело было именно в соревновательном элементе, в противостоянии, независимо от того, что стояло на кону. В конфликте.

На стол легла последняя карта, ривер.

Тройка червей. Ух. Не ожидал.

Так-так-так... это что получается? У меня трипл на тройках. У Первого-слева — пролет, всего лишь пара на шестерках. У Второго-слева как была пара на тузах, так и осталась. Малый блайнд проиграл вчистую, не собрав ничего. Большой блайнд остался с двумя парами.

Минуточку... так я что, выиграл получается? Нет. Еще нет. У меня сильнейшая комбинация, но это еще не все. Если я правильно понял, то надо притвориться, будто у тебя плохие карты, если они хорошие, и сохранить довольный вид, если они плохие. Как это сейчас делает Второй-слева.

Малый блайнд ожидаемо бросил карты.

Большой, после длительных раздумий, поднял ставку.

Так, как мне поступить? Я повысил ставку, когда выпала семерка трэф в терне, но на флопе только уравнивал. Не будь сейчас половина четвертого ночи, наверное, это бы стало четким сигналом для остальных. Другими словами, если я сейчас повышу ставку, то дам сигнал, что моя рука одинаково выгодна и с тройками, и с семерками в общих, причем преимущество это возникло уже после флопа. То есть я бы создал впечатление, что у меня стрит или что-то еще более сильное. Наверное.

— Чек, — сказал я вслух.

Первый-слева грозно зыркнул на меня, но тоже бросил карты. А вот Второй-слева уже ухмылялся во все зубы и громко объявил:

— Повышаю.

Он произнес это настолько уверенным тоном, что я на всякий случай снова проверил его карты. А также осмотрел весь объем пространства вокруг него и внутри него на предмет чего-то, похожего на карты — вдруг сейчас из рукава вытащит еще одного туза. Но нет. Блеф оставался блефом.

— Ладно, уравниваю, — сказал я, пожав плечами.

— Вскрывается, — скучающим тоном объявил дилер и с хрустом зевнул.

— Да гребаные кейпы! — Второй-слева с яростью швырнул карты об стол. — Спорим, он своими телекинезом карты подтасовал!

— У меня нет силы телекинеза. А также ясновидения, телепатии и тому подобного, — ответил я и подгреб к себе выигранную кучу мелочи. Мелочь, а приятно. — Ты еще больше себя за ухо тереби, чтобы все точно увидели, что ты блефуешь.

— Ну, а по правде, ты точно первый раз карты в руки берешь? — уточнил дилер. Он проиграл всего пятнадцать долларов, а потому не злился.

— Ну, в детстве как-то пасьянсами баловался...

Двадцатки и десятки я утрамбовал в подсумок, более мелкие купюры и монеты просто оставил на столе. Я и выиграл их не вполне честно, и места уже не хватало. Второй-слева расстроено зевнул и проводил взглядом остальных имперцев, которые один за другим вышли из комнаты кто куда.

— Что, ты и правда отжарил Штурма и Славную Дырку? — спросил он хмуро.

— Было немного. Хотя будь там вместо Штурма Оружейник или Бесстрашный, я бы сейчас считал прутья на решетке камеры.

— И че, пробовал дырку Славной Дырки? — он осклабился.

Я промолчал, не зная толком, что тут ответить. Активируй я вторую личность, то точно не полез бы в карман за словом, но боюсь, бескровно бы дело не разрешилось.

— Славно, — сказал я, чтобы поддержать игру слов.

Видимо, эта шутка показалась Второму-слева, или как там его звали, смешной. Он согнулся вдвое и расхохотался, хлопнув себя по колену. Я поудобнее устроился на стуле, собрал со стола карты и принялся мешать карты. Я пытался повторить ловкие движения крупье, которые видел в каком-то фильме про шулеров. Фильм снимали на Земле Алеф, так что кепов там не было. У меня в голове вертелась неоформленная идея, какой-то неясный образ, предложенный моей силой, и через карты я пытался ухватить его.

— Карты в колоде. Комбинации, — бормотал я. — Одно свойство у каждой. Пятьдесят два свойства. Количество комбинаций... пятьдесят два в пятой степени? Не, меньше...

Я поднял глаза на Второго-слева... на Хэнка, вот, вспомнил как его зовут. У него на майке был изображен белоголовый орлан, расправивший крылья. Крылья... что общего между картами и крыльями? В моем воображении возник тот же орлан, но у которого крылья были покрыты картами.

— О, а это у тебя кола?

— Нет, это газовая граната... — пробормотал я рассеянно и снова сосредоточился на образе карточного орлана. Почему-то мне показалось, что карт на нем поместилось непозволительно мало. Может, добавить еще? Орлан тут же обзавелся двумя дополнительными парами крыльев.

«Триста процентов Америки», — подумал я и только сейчас заметил, что Хэнк не только взял гранату с «ноктюрном», но и зачем-то поднес ее к лицу.

— А что тут за...

— СТОЙ!!! — заорал я во весь голос, но было поздно.

Пожалуй, «ноктюрн» был лучшим моим изобретением, на текущий момент. Во всяком случае, свою функцию, повергать людей в бесконечную пучину кошмаров, он выполнял превосходно. Я бы сказал, *слишком* превосходно. Он провоцировал ложные импульсы в зрительных и слуховых нервах, вызывал колоссальный выброс гормонов страха, в частности адреналина, и блокировал норадреналин. Превращал человека в вопящий и дрожащий, не способный на любые осмысленные действия комок плоти. Ненадолго, но после вчерашнего случая я пришел к выводу, что надо разбавить формулу.

А сейчас я осознал, что надо выкинуть эту дрянь подальше, и забыть о ней, как о страшном сне. Простите за каламбур.

Газовое облако моментально заполнило комнату, а буквально через полсекунды раздался визг. Я бы никогда не подумал, что взрослый парень, выше меня на полголовы и вдвое шире в плечах, способен так визжать. Такие звуки пришились бы к лицу зайцу, с которого живьем сдирают шкуру, и они напугали меня больше, чем вынужденное противостояние лицом к лицу с «мини-Александрией». Потому что внутренняя личность не принимала на себя весь эмоциональный удар, и я со всей ясностью осознал, насколько отвратительную вещь создал. Никто не заслуживал испытать то, что переживал сейчас Хэнк, будь он хоть сто раз расистом, бандитом, преступником — да кем угодно! Никто.

Я не принимал «боевой коктейль» когда надевал костюм, и мог рассчитывать только на собственные силы. К счастью, Хэнк почти не сопротивлялся, и мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы выволочь его из комнаты и захлопнуть дверь. Из главного зала и из

туалета уже начали сбегаться остальные имперцы, но я выставил ладонь перед собой и крикнул:

— Не приближайтесь! Здесь газ!

Бегущие люди словно натолкнулись на невидимую стену. Захлебывающиеся вопли Хэнка разносились по всему коридору, и напряжение нарастало с каждым мгновением.

— Что с ним?! — крикнул один.

— Его не учили в рот что попало не тянуть, — выщедил я сквозь зубы.

Хэнка били конвульсии, мне пришлось придавить его шею коленом, чтобы иметь возможность высвободить обе руки и открыть подсумки. Сыворотки, стимуляторы, деньги... амнезиак... опять деньги... черт, где же антидот?! «Боевой коктейль», молекулярный резак... а, вот он!

В склянке оставалось немного, я не был уверен, что этого количества хватит такому верзиле, но выбирать не приходилось. Я надавил Хэнку на челюсть, чтобы разжать ему зубы и влил антидот прямо в рот. И тут же понял, что что-то пошло не так.

Вместо того, чтобы успокоиться, боец Империи задержался в жестоких судорогах и схватился обеими руками за сердце. Он перестал кричать, вытаращил расфокусированные глаза и только натужно хрипел. Я не видел в его теле болевых нейромедиаторов, но активность мозга указывала на болевой шок.

Что произошло дальше, я не запомнил, словно несколько секунд просто вырезали из памяти. Вот я пытаюсь придумать, как мне остановить инфаркт. А вот я сползаю по стене на противоположном конце коридора, все мое тело стонет от боли, а передо мной возвышается пылающая ослепительным пламенем фигура.

Спасибо костюму, он уже второй раз спас меня от серьезных травм. В противном случае я если бы не сломал позвоночник, то точно изжарился. Моего самообладания хватило на то, чтобы поставить себя на ноги и вытащить меч. Огненная фигура имела хорошо узнаваемые черты, даже одежда сохранилась, хотя тоже стала огнем. Не требовалось быть гением, чтобы понять, что именно сейчас произошло.

Событие-триггер. Худший момент в жизни. И я только что стал его причиной.

— Хэнк! — крикнул я и поднял перед собой меч. — Хэнк, погаси огонь!

— Что?! Что такое?! — голос новоявленного кейпа походил на гудение огня, но в нем отчетливо слышалась паника. — Какого хуя блять происходит?!

— Хэнк, спокойно! — я подшагнул ближе, держа меч наготове. Не знаю, будет ли он эффективен против живого сгустка пламени, но остальные мои средства выглядели еще менее надежно. — С тобой все в порядке! Просто пожелай, чтобы огонь погас, и все пройдет!

— Ты! — проревел он в ответ. — Ты что-то сделал!

Он сделал два шага в мою сторону. Я переключил меч в терминальный режим и взмахнул перед собой, прочертив по полу борозду. Должно быть, яркий зеленый всполох выглядел убедительным, потому что огненный сгусток остановился.

— Черт тебя дери, просто успокойся! Этот огонь — твоя суперсила! Ты только что получил ее! Просто остынь, блять!

На другом конце коридора распахнулась дверь, и в нее вошли трое. Первым оказался коренастый мужчина в костюме, стилизованном под старомодную военную форму и в маске, похожей на металлический противогаз. С ним были парень одетый в красную рубашку, черные штаны и бронежилет, в полумаске и со штурмовой винтовкой в руках, а также

девушка в обтягивающем комбинезоне со скандинавской руной на груди.

Криг, Виктор и Отала.

Дальше все случилось очень быстро. Отала дотронулась до Виктора, а он направил левую руку на Хэнка. Вокруг последнего из ниоткуда начали возникать глыбы льда. Они плавилась рядом с ним, но Виктор создавал лед быстрее, чем тот успевал таять. В ответ Хэнк ударил рукой одну из ледяных глыб, и та буквально взорвалась, окатив появившихся кейпов ледяной крошкой.

Он еще и создает ударные волны. Понятно тогда, как он смог меня отшвырнуть.

— Ты, полудурок с автоматом! — проорал я. — Я его тут успокоить пытаюсь, а ты только хуже делаешь!

Вперед вышел Криг. Отала коснулась и его, но никакого заметного эффекта не последовало. Он только поднял руку и громко сказал:

— Всем прекратить, — судя по голосу, он был уже немного в возрасте. — Ты, горящий, потуши огонь. А ты, с мечом, спрячь оружие.

Хэнк подчинился. Видимо, он узнал Крига и остальных, и признавал их главными. Я помедлил, но тоже убрал оружие в ножны. Кажется, еще оставалась надежда нарушить традицию и не закончить все побоищем.

— Что тут произошло? — требовательно спросил Криг.

— Этот придурок, — я указал на Хэнка, — схватил мою газовую гранату, потому что подумал, что это банка колы. Он надыхался газом, вызывающим страх, и него случился триггер. Остальное вы видели.

— А нахрена было делать газовую гранату в виде банки колы?! — яростно проревел Хэнк. Его кулаки снова запылали огнем, но он еще удерживался от полного превращения.

— Я не делал ее В ВИДЕ банки колы, идиот! Я сделал ее ИЗ банки из-под колы!

— Достаточно, — прервал нас Криг. — Идите за мной, пока не разгромили весь бар. Оба.

Мы впятером вышли через служебный вход. Виктор указал на гладкие края срезов там, где я вырезал замок из двери.

— Твоя работа? — спросил он.

— Я не обязан свидетельствовать против себя, — ответил я. Виктор мне чем-то не понравился сразу. То ли тем, что сначала делал, а потом думал, то ли из-за развязного поведения. Он не уважал личное пространство.

— Да не бойся, платить не потребуем, — он хлопнул меня по плечу, из-за чего я попытался отстраниться. — Не каждый день к нам новички приходят.

— Виктор, полегче, — негромко сказал Криг. — Не дави.

Кейпы Империи приехали на настолько большом и роскошном автомобиле, что в любом другом районе города он бы смотрелся как бриллиант в помойной яме, и даже здесь, в центре, навевал мысли о гиперкомпенсации конструктором недостаточности в другом месте. Виктор сел за руль, Отала — на переднее сиденье. Криг забрался в салон и жестом пригласил следовать за ним. Я пропустил Хэнка вперед, и сел с краю — чтобы держаться у самого окна, и при необходимости иметь возможность выбить стекло, или вырезать дверь, и сбежать. Отала сама по себе сил не имела, но могла наделять ими других. Виктор мог похищать у людей приобретенные навыки — вроде меткой стрельбы или игры на фортепиано. Криг обладал чем-то вроде телекинеза, а также многократно повышенную стойкость и силу.

То есть Виктора и Оталу я мог вывести из строя любым средством, на Крига подействовала бы маска и газ, но не стоило замахиваться на него мечом. Хэнк... похоже, он был неуязвим, но я мог и просто сбежать. Наверное. Возможно, он в огненной форме еще и не устает.

— И так. Я проснулся среди ночи, потому что объявился кейп, желающий сотрудничать. Но не ожидал, что их будет двое, — Криг повернулся к Хэнку. — Друг, как давно ты с нами?

— Два года.

— Прекрасно. Я понимаю, у тебя был тяжелая ночь. Триггер еще никто не переносил легко. Давай просто подвезем тебя до дома, ты хорошенько выспишься, отдохнешь, и завтра поговорим в спокойной обстановке. Идет?

Нацист нервно дернулся, но кивнул и прошептал адрес так, чтобы я не услышал. Виктор завел мотор и машина плавно тронулась с места. Криг повернулся ко мне.

— Значит, это ты Магистерий?

Я кивнул.

— Я Криг, возможно, ты уже слышал обо мне, — он протянул мне руку. — Ты хочешь вступить в Империю?

Рукопожатие у имперца было крепким, уверенным, но без агрессии. Во всяком случае, я не видел в его крови повышения норадреналина.

— Нет. Я не собираюсь становиться одним из вас.

— Вот как? Тогда чего ты хочешь?

— Я во многом согласен с вашими идеями, но меня смущают средства, — я указал большим пальцем в сторону Хэнка. — Собирать дань с бизнеса, выбивать дерьмо из цветных и либералов — это не мое. Но я все еще готов поделиться некоторыми своими изделиями — за весьма умеренную плату. Не стремлюсь в одночасье разбогатеть, но технарь не может строить из ничего. Нужны ресурсы.

— Технарь... — Криг покивал головой. — Технарь — это всегда ценный кадр. Если, конечно, технаря зовут не Элит. В досье, которое на тебя завело СКП после вчерашнего, говорится, что ты специализируешься на психотропных эффектах. Вот этот газ, вызывающий страх. Какое-то неопознанное устройство, вызывающее резкую боль и слепоту. Правда, в такое определение плохо вписывается «зеленый меч».

— Сам не до конца уверен в своей специализации, она выглядит весьма обширной. У меня не было возможности проверить себя в разных областях, но пока неплохо получается с разными лекарственными препаратами и тем, что на них похоже.

— Это весьма интересно, — всплеск активности в мозгу Крига говорил о том, что он действительно искренне заинтересовался. — Можешь что-нибудь продемонстрировать? Только без газа, ладно?

— Ладно, — сказал я так, будто до этой просьбы всерьез собирался угостить всех в салоне «ноктюрном», и принялся выгребать содержимое подсумков.

— А еще он шулер, — зло бросил Хэнк, искоса наблюдавший за тем, как на свет из залежей денег появляются шприцы и пробирки с образцами.

— Шулер? — громко переспросил Виктор. — Это же отлично! А то со мной никто сыграть уже не хочет.

— Виктор как-то похитил умения у профессионального картежника, — пояснил Криг. — Что у тебя тут?

— Это я называю «боевой коктейль № 2», — я потряс первым шприцем.

— А есть и № 1?

— Есть, но это был прототип. Он значительно увеличивает физические возможности, снижает чувствительность к боли. Благодаря ему я мог уклоняться от атак Славы и Штурма, а также рвать цепи наручников, защелкнутых за спиной — при том, что мои физические возможности вполне естественны. № 2 сильнее и дольше действует, но вызовет интоксикацию. Тошнота, головокружение, боли. Возможно рвота или диарея, но это вряд ли.

— Хм... что еще?

— Это — сыворотка правды. Объяснять действие, думаю, не надо. Безвредна, действует в течение десяти-пятнадцати секунд, прогнозируемая продолжительность эффекта — около получаса. В шприце одна доза, рассчитанная на человека весом восемьдесят килограммов.

— Надеюсь, ты оставишь это? — Криг кивнул на образцы. — Сам понимаешь, мы должны проверить их действие.

— Затем и принес. Только поторопитесь, хранится это все плохо. Неделя максимум, потом только выкинуть. Ладно, едем дальше. Обезболивающее. Просто и со вкусом. Точнее, без вкуса. И без запаха. Не вызывает привыкания. Полностью отключает все болевые ощущения, кроме тех, что вызваны силой Умников. Конкретно этот образец не вызывает сонливости, но можно добавить эффект наркоза.

— Пока оно выглядит самым многообещающим. Если клинические испытания пройдут нормально, его можно будет реализовывать по легальным каналам. И если оно не настолько скоропортящееся.

— У этого пробника срок годности тоже ограничен специальной присадкой. Без нее будет около семи месяцев.

— Маловато, — протянул Криг. — Обычно срок годности лекарств — несколько лет. Обезболивающих это тоже касается. Больницы обычно закупают крупные партии, чтобы иметь запас на случай крупных происшествий, когда обезболивающее расходуется литрами, но в обычном режиме они тратят всего несколько доз в сутки. Короткий срок хранения не позволит им приобретать крупные партии, не неся при этом убытков, если препараты не израсходованы, а если будут закупать понемногу, то окажутся не готовы к авралам.

— Я вообще сомневаюсь, что смогу снабжать лекарствами кого-то за пределами Броктон Бей. Последнее, о чем я мечтаю — это оказаться придатком к собственной производственной линии.

— Понимаю. У тебя еще что-нибудь есть?

— Вот, — я вытащил из подсумка маленький бумажный конверт, в котором лежали вручную спрессованные и нарезанные таблетки. — Это — значительно ослабленный вариант вещества, которое я использую в качестве стимулятора. Если «боевой коктейль» усиливает тело, то эта штука действует на разум.

— Что-то вроде настойки из мухоморов, как у викингов?

— Разве что в самых общих чертах. Это зелье, — я достал фляжку и потряс ею, — снимает внутренние ограничения. Страх, сомнения, мораль — все, что как-то сдерживает, уходит на задний план. Если бы не эта штука, я бы вряд ли смог отрезать симпатичной девочке пальцы, а потом избить ее. Вдобавок позволяет использовать полный потенциал собственного тела — с соответствующими последствиями.

— Но таблетки такого убойного эффекта не оказывают?

— Они намного слабее. По идее почти безвредны, их нужно есть горстями, чтобы получить передозировку. И срок хранения я оцениваю в год. Можете хоть сейчас

попробовать, я угощаю. Аккуратно, они очень горькие, потому что основа — кофеин.

— Отала, дай мне неуязвимость, — сказал Криг.

Девушка коснулась его рукой, и кейп немного оттянул край своей маски, чтобы просунуть под нее таблетку.

— Вот это действительно впечатляет, — сказал он через полминуты. — А от синдрома дефицита внимания можешь что-нибудь приготовить?

— Я не могу изобрести лекарство от несуществующей болезни.

— Жалко. Лекарства от несуществующих болезней — это золотая жила, особенно если есть контакты с врачами, — Криг развалился на сиденье и со вкусом потянулся. — Ну, лекарства лекарствами, но на них особо не заработаешь, если у тебя нет собственного завода. Что думаешь на счет настоящих дел?

— Каких именно? — насторожился я.

— Тебе что-нибудь говорит название «Гезельшафт»?

— Европейская националистическая организация кейпов.

— Это взгляд поверхностный! — Криг потряс пальцем. — Они выполняют в Старом Свете ту же функцию, какую у нас выполняет Протекторат — то есть устанавливают правила, следят за порядком, поощряют законопослушных и карают беспредельщиков. Они всеми силами оберегают людей, и не их вина, что в списке угроз присутствуют психи, носители врожденных уродств, мусульмане и черные. Ну так вот... «Гезельшафт» считает, что паралюди являются новым эволюционным витком человечества, его возвышением. Они не только бережно собирают у себя всех новых кейпов, но и проводят эксперименты по провоцированию триггер-событий.

Ох, епт...

— То есть, вас интересует «ноктюрн»? — я постучал пальцем по еще одной гранате, висящей на боку.

— Весьма интересует, потому что в его действенности я убедился лично. Понимаешь, Империю-88 считают дочерней структурой Гезельшафта, но это не так. Мы поддерживаем связь, сотрудничаем. Мы не являемся доминирующей силой в Америке, и поэтому не претендуем на равный статус, но все же мы далеко не филиал. Европейцы готовы очень хорошо платить за средства, которые позволят им продвинуться в изысканиях и понимании природы сверхспособностей и триггер-событий. Более того, они с готовностью поделятся собственными наработками, чтобы в перспективе получить еще больше новых данных. Ты сказал, что не стремишься махом разбогатеть, и я не стану расписывать тебе возможные суммы дивидендов — хотя они там будут внушительными. Но что скажешь о возможности познакомиться с проектами лучших умников и технарей Европы?

— А в чем ваш интерес?

— В тебе, в чем же еще, — Криг развел руками. — Как ты, вероятно, знаешь, в нашем составе больше дюжины кейпов, но ни одного технаря. Даже Отала не может дать кому-то такую силу.

— Я уже говорил, что не намерен вступать. Без обид, но стать одним из вас — значит поставить крест на пути целителя, потому что меня ни к одной больнице на выстрел не подпустят. А посмотреть на работу Панацеи мне тоже очень интересно.

— Я не говорю о вступлении. Пойми, даже если ты просто не будешь нам врагом — это уже счастье. Потому что я знаю, что технари расцветают не сразу, вам нужны месяцы и годы, чтобы достигнуть пика силы. И если тебе со старта СКП присвоило шестой класс угрозы

боюсь представить, на что ты окажешься способен в будущем.

Шестой класс угрозы? Мне это ничего не говорило. Тем временем Криг продолжал:

— Скажу честно. Я в тебе заинтересован. Когда я доложу обо всем Кайзеру, он тоже заинтересуется.

— Меня уже пытались завербовать насильно, — ровным голосом сказал я. — В результате недосчитались конечностей.

Вранье конечно, но Кригу об этом знать было не обязательно. Он лишь хлопнул себя ладонью по маске:

— Господи, да причем тут насильная вербовка? Я говорю о поддержке. Скажу без обиняков — положение у тебя шаткое, да ты и сам понимаешь. СКП присвоило тебе высокий рейтинг угрозы не за красивый костюм, а за способность влиять на сознание людей. Твой подкласс — Властелин. Другого кейпа они могли бы даже оставить в покое, но ты технарь, способный воздействовать на разум и чувства с помощью своих изделий. Слышал про Бойню № 9? Про Ампутацию? Милая девочка, лет тринадцати вроде бы. Она и есть причина, по которой настолько боятся технарей, способных работать с мозгом. Также, как Нилбог бросил тень на всех биокинетиков, а Сердцеед — на Властелинов.

— А, то есть мне угрожает страшная опасность, и только вы можете мне помочь.

— Пойми меня правильно. Ты напугал СКП до чертиков. Они не знают, кто ты, откуда взялся, что тебе нужно и чего от тебя ожидать. Конечно, они не посадят тебя в Клетку, если ты к ним явишься сам. Но ты всегда будешь под подозрением, всегда чужим — просто из-за того, что у тебя такая сила. Лучшее, что ты сейчас можешь сделать — это найти кого-то, кто за тебя поручится. Герои, не герои — не важно даже. Главное показать, что тебе известны правила, и что ты им следуешь. Что ты не пугающая неизвестная угроза, а вполне заурядный кейп, который не доставит серьезных проблем.

— Правила... а, которые «неписанные»? Не убивать, не атаковать гражданскую личность...

— Кхм-кхм, — громко прокашлялся Хэнк.

— А, ты же... да, нехорошо с тобой получилось.

— Можешь снять маску только перед ним, — сказал Криг. — Этого будет достаточно, подобное практикуется, если личность раскрыта не намеренно. Но мы отвлеклись. Ты не спешишь кому-то доверять, и это объяснимо. Не будем торопить события. Для начала ограничимся тем, что ты сегодня принес с собой. Твои пробники, образец этого газа, «ноктюрна»... и новый кейп Империи, который появился благодаря ему.

Он посмотрел на Хэнка.

— Не надо так смотреть, сэр, — ответил тот. — Я по любому в деле.

— Скажи, эффект «ноктюрна»... на что это было похоже?

— Сэр, на свете много дерьма, — глухо сказал Хэнк. — Но это дерьмо — дерьмовее любого другого. Не знаю, может ли быть что-то хуже.

«Может, — подумал я. — Это был просто чистый неразбавленный страх. А ведь его можно смешать с горем, с отчаянием, с ненавистью — в любых пропорциях. Можно оттенить послевкусием угасающей надежды. Или приправить болью утраты. Да много чего можно... и все как на подбор — дерьмовое дерьмо».

— Наличными такие суммы носить неудобно. А переводы на обычные банковские счета слишком легко отслеживаются. Так, Магистерий, ты знаешь про Счетовода?

— Первый раз слышу, — признался я.

— Это кейп-умник, один из сильнейших в мире. Он что-то вроде бухгалтера для кейпов. В основном его услугами пользуются те, кто не в ладах с законом, но герои тоже отнюдь не брезгают. Всем время от времени требуются средства, не засвеченные в официальных транзакциях. В общем, будет тебе счет, туда все перечислим, оттуда выведешь, куда захочешь. И теперь собственно суммы... — Криг задумался. — Пять тысяч за каждый пробник препаратов, просто за возможность их испытать, а если что-то сочтем пригодным для использования или открытой продажи — это отдельно обговорим, в зависимости от того, какие объемы ты сможешь предоставить. По пятнадцать тысяч за каждый готовый образец «ноктюрна», и сто пятьдесят тысяч — за израсходованный.

Я все еще колебался. Мне предлагали треть годового дохода обоих моих родителей — просто за пробники, которые я сделал за полдня, и три... теперь уже две гранаты с лютой дрянью, которой я был бы рад никогда не касаться. И ясное дело, ее собирались не на полочку поставить, а использовать на людях, чтобы довести их до триггера. И Хэнк, как назло, молча сидел рядом, пустым взглядом таращась в сиденье напротив. Будто немой укор совести.

Но пятнадцать тысяч за каждый образец, вдесятеро больше за успешный триггер... доступ к работам европейских технарей... мне вспомнилась одна цитата, прочитанная во время ночных интернет-марафонов. Примерно сто двадцать лет назад жил изобретатель Хайрем Максим, который сказал примерно следующее: *«Если ты американец, и хочешь заработать — сделай что-нибудь, что поможет европейским олухам быстрее друг друга убивать»*. Своим словам Максим следовал, и изобрел пулемет, который распространился по всей Европе, Азии и России, где собрал жатву из многих тысяч жизней.

— Криг, вы знаете, есть такое животное — кот, — сказал я вслух. — Оно пушистое, но не особенно умное. И я бы не стал уважать себя, если бы сделал что-то более глупое, чем может сделать кот. Вы улавливаете мою мысль?

— Прости, пока нет.

— Так вот. Кот никогда не будет гадить там, где спит. И я тоже не стану этого делать, потому что я не глупее кота. У меня есть условие. «Ноктюрн», а также все составы, которые я изготовлю и предоставлю с той же целью, то есть для принудительного провоцирования триггер-событий, не должны использоваться на территории Соединенных Штатов. Гезельшафт получит столько составов, сколько захочет, и распорядится ими так, как сочтет нужным. Но если практика искусственных триггеров с использованием моих разработок появится по эту сторону Атлантического океана — нашему сотрудничеству конец. Я лучше позволю СКП надеть на себя ошейник и посадить на цепь.

— Приемлемо, — сказал Криг после долгой паузы. — Но тогда и я выставлю дополнительное условие.

— Какое? — я напрягся.

— Ты должен заявить о себе в течение недели. Желательно в героическом ключе: СКП, сообщество кейпов и горожане должны знать, что ты не старший братик Ампутации, а вменяемая и договороспособная фигура. У меня есть идея, как оформить наше сотрудничество, но для этого тебе потребуется положительный образ.

— Приемлемо, — кивнул я.

Лимузин затормозил на каком-то перекрестке, и Хэнк вылез наружу. Я выбрался следом и окликнул его. Он обернулся, и от его взгляда мне стало не по себе. Ни злости, ни раздражения. Ничего. Собравшись с духом, я откинул капюшон и снял маску.

— Вот, — сказал я. — Теперь мы в расчете.

Он молчал.

— Слушай, мне жаль, что так вышло. Хотя и сам мог бы не хватать руками то, что не твое...

Я запнулся и замолчал. Хэнк молча развернулся и побрел прочь. Когда он скрылся за углом, я надел маску обратно и надвинул капюшон. Черт. Никогда не умел правильно разговаривать с людьми. Виктор у меня за спиной посигналил.

— Эй, тебя подвезти?

— Не надо, спасибо, — бросил я через плечо. — У меня настроение пройтись.

В каком-то смысле я сегодня добился поставленных целей — вышел на контакт с Империей-88, обеспечил себе недурной доход, который в скором времени почти весь уйдет на технарские нужды, ни с кем почти не подрался, и даже, в качестве небольшого бонуса, узнал, что обо мне думают в СКП.

Так почему я сам себе противен?

* На самом деле нет, Мисс Ополчение — няшка-курдюшка. Но эти тонкости знают только те, кто способен отличить Т-72Б1 от Т-72Б3, Джобар от Замальки и салафита от алавита.

Если бы я заранее знал, что путь героя окажется настолько тяжелым, я бы купил ортопедические стельки. Нет, серьезно. Когда на следующей неделе мои выходы в костюме превратились из коротких вылазок в многочасовые пешие марафоны, боль в ногах стала мне таким же постоянным спутником, как меч, чемодан с оборудованием и настороженные взгляды, которыми меня провожали встречные люди.

Хотя я пообещал Кригу, что выйду на свет со следующей недели, пришлось потратить несколько дней на подготовку. Прежде всего, пришлось открыть несколько собственных счетов, передать управление ими Счетоводу и перевести туда часть оплаты. Строго говоря, такие суммы меня пугали, потому что я за собственные деньги впервые подержался неделю назад, а тут на голову свалилось двести тысяч — и отнюдь не от благотворительного фонда. Честно говоря, я даже в идеальном случае рассчитывал на вдесятеро меньшую сумму, и тревога меня не оставляла, потому всем известно, что чем больше деньги, тем больше проблемы. Со счета, предоставленного Империей-88, я вывел четыре тысячи, раскидал их по пяти счетам в разных банках так, чтобы нигде не было больше тысячи. Не знаю, достаточно ли этого, чтобы не привлекать внимание налоговой инспекции... мне страшно было просто касаться этих денег.

Хотя колебался я все равно недолго. Слова Крига лишь подтвердили мою правоту, что мне следовало обелить себя, а без средств я этого сделать не мог. Ну, не клянчить же у родителей, в самом деле? «Привет, мам, я тут собираюсь погеройствовать немного, чтобы меня не ассоциировали с самыми жуткими маньяками среди паралюдей, одолжи тысяч десять». Даже думать об этом было противно. В общем, присвоенный подкласс Властелина означал довольно пристрастное отношение, и мне нужно было трудиться на пределе сил, чтобы отмыть себя от подозрений. Кейпов, способных влиять на человеческий разум, ненавидели и боялись все.

Неприятно признавать, но для этого накопилось достаточно оснований.

Пришлось побегать за разными деталями и узлами, из которых я собрал компактный реактор. Например, я купил дешевую микроволновку и раскурочил ее, чтобы достать магнетрон. Реактор не ядерный, разумеется, а химический. Не имея увеличенной физической силы, я мог таскать с собой всего несколько килограммов ноши, и этот реактор должен был заменить часть моей лаборатории, чтобы можно было синтезировать не слишком сложные препараты на месте.

Далее пришел черед реактивов. Я с трудом мог предположить, что мне может понадобиться, поэтому пару вечеров просто терся возле больницы в гражданской одежде, высматривая пациентов и прикидывая рецептуру лекарств для них. Я пришел к выводу, что надо носить с собой что-то белковой природы, что-то из животного жира, побольше дистиллированной стерильной воды, немного морской соли, а также кое-какие довольно обыденные лекарства и биодобавки. Из всего перечисленного можно было составить достаточно универсальные базы. Всего остального стоило взять понемногу — чтобы максимально разнообразить набор доступных веществ. Как из этого должны были получиться чудо-эликсиры? Да без понятия. Особая технарская магия.

В больницу мне пришлось заглянуть и в качестве пациента — на дежурный осмотр к лечащему врачу, чей кабинет, к счастью, не пострадал от оглушенной Славы. Он тогда

выразительно посмотрел на синяки у меня на груди и спине, оставленные Хэнком, но я лишь невинно развел руками. Упал с брусьев на тренировке по спортивной гимнастике, бывает. За всей этой подготовкой я не нашел времени для себя, чтобы сделать еще регенеративной сыворотки. В остальном же моим состоянием доктор Винфилд остался доволен, и велел продолжать в том же духе.

Смешно.

Впрочем, совсем бессмысленным визит не стал. В приемной лежали справочные и рекламные брошюры, в одной из которых говорилось о лечении стволовыми клетками. Аккуратные расспросы и дальнейший поиск в интернете отодвинули мой «светлый» старт еще на два дня, потому что я не мог обойти вниманием что-то настолько многообещающее. Получившийся в итоге агрегат выглядел устрашающе даже с моей точки зрения, представляя собой что-то среднее между дрелью, сварочным аппаратом, шприцем и лазерным пистолетом. Его назначение, однако, оставалось сугубо мирным — проделать отверстие в плоти и кости, извлечь чуть-чуть костного мозга, и зарастить ранку так, чтобы она не причиняла неудобств. Честь испытать его первым, конечно же, выпала мне, и теперь в пробирке хранился образец моих стволовых клеток, который постепенно рос в питательном растворе. С ним мне уже не нужно было выжидать или искать подходящий свежий труп, чтобы забрать его поджелудочную железу, и ради такого, право, стоило потерпеть боль от пробитой кости.

Лишь огромным волевым усилием я переборол соблазн развить технологию биопсатора до полноценного ручного дальнобойного оружия. Во-первых, время поджимало, во-вторых, мой арсенал и так был чрезмерно убойным.

Я уже успел усвоить, что моя сила не знает слова «полегче», и всегда подсовывает мне такие схемы, по которым я собираю что-то существенно более опасное, чем мне хотелось бы. Так что к замене «ноктюрна» я подошел ответственно. Я сходу отказался от парализующих составов, чтобы вместе с двигательными мышцами случайно не вырубить диафрагму и сердце. Я забраковал идею с усыпляющим газом, потому что грань между угнетением ЦНС и ее полным отключением оказалась непозволительно тонка. После мучительного дня раздумий я, наконец, остановился на веществе, вызывающем апатию, лень и нежелание двигаться. Оно действовало не мгновенно, а в течение нескольких секунд, чтобы цель успела прилечь и ничего себе не повредить. Время действия я ограничил двумя минутами, скорость распада при контакте с воздухом довел до тридцати секунд.

С чем пришлось действительно попотеть, так это с гранатами. Мне с самого начала показалась сомнительной идея делать их из алюминиевых банок, а после инцидента в баре сомнений уже не оставалось. Новые корпуса гранат я нарезал из пластиковых канализационных труб, каждый полученный цилиндр с одной стороны запаял заглушкой их того же пластика — и получил стаканы. Но самая сложная часть даже настоящей гранаты, это не корпус и не начинка, а детонатор. Из-за возни с детонаторами я чуть было не завалил сроки — никак не получалось подобрать фабричные детали подходящей геометрии и свойств.

Наконец, когда пролетела почти вся неделя, я в костюме наведалься на грандиозную свалку в северной части побережья, именуемую Кладбищем Кораблей. После нескольких часов ковыряния в мусоре, точно какой-нибудь енот, я набрал достаточно разного хлама, чтобы наделать детонаторов на пару десятков гранат. А также набрал полные под сумки ядовитых, но очень многообещающих грибочков.

Забавно, но на той же гигантской свалке я заметил двух копошащихся парней, одного щуплого, а другого плотного. Я бы не придал значения, но одеты оба были в костюмы и маски, и худой при этом тоже высматривал среди нагромождений мусора непонятно что. Время от времени он кидался за каким-то обломком, ничем не выделявшимся среди прочих, игнорируя прочие, с виду неотличимые.

Я никогда не был кейпо-гиком, и на ютуб-канал Убера и Элита не подписывался, но иногда они всплывали у меня в рекомендациях. А уж поведение технаря, ищущего материалы, распознал сразу же, поскольку сам вел себя точно также. Не знаю, что на меня нашло, но я решился с ними поздороваться, и они ответили. Мы не задавали друг другу лишних вопросов, а они, к их чести, не попытались втянуть меня в свою компанию. Из-за завязавшегося разговора и последовавшего обсуждения философских аспектов творчества Хидео Кодзимы, легендарного гейм-дизайнера с Земли Алеф, мы засиделись до темноты. На прощание Элит уговорил меня дать поближе рассмотреть мой Изумрудный меч, а взамен подарил сломанный проектор силового поля собственного изобретения. Его живо заинтересовала идея о том, что черпать идеи можно не только в играх, но и в книгах с музыкой.

Уже дома, занявшись сборкой детонаторов, я осознал, что это был первый раз, когда я говорил с другими кейпами просто так, а не как с потенциальными или явными врагами. Интересно. Империя-88 могла дать мне многое, и я готов был многое отдать взамен, но сможет ли она подарить мне именно вот это чувство непринужденности и комфорта, что я испытал, обсуждая с двумя кейпами-жуликами консольные игры?

Спустя ровно неделю с момента заключения сделки с Кригом, я решил, что подготовил все, что только можно было подготовить за установленный срок. Я все еще нервничал, потому что не мог предсказать последствия собственного лечения. То есть, вряд ли я бы кому-то серьезно навредил, но моя сила уже не раз срабатывала немного сверх ожиданий.

Так или иначе, субботним днем после уроков я собрал вещи и сел на автобус, идущий в сторону Доков. Я переоделся в костюм в заранее примеченном укромном местечке в ливневой канализации, и оставил там гражданскую одежду. Правда, извлек урок из последней встречей с бандой Сплетницы и установил рядом несколько растяжек с катализированным энтеротоксином. Если на мои шмотки кто-то позарится — я найду его просто по горячим следам.

Если вы понимаете, о чем я.

Свой «врачебный чемоданчик» я притащил сюда днем ранее. Изначально это был раздвижной ящик для инструментов (я не нашел в розничной продаже обычный медицинский саквояж), который я щедро обмазал белой краской, а сбоку пририсовал символ философского камня — круг, в который был вписан треугольник, в него — квадрат, и в самой середине снова круг. В него умещался весь набор реактивов в пробирках и баночках, несколько готовых доз препаратов простого действия, кое-какие вспомогательные инструменты, одноразовые шприцы и разобранный реактор.

Ну и последний штрих. Я достал фляжку и отвинтил крышку. Возможно, не совсем правильно было высвободить внутреннюю личность в настолько ответственном деле, но у меня, в отличие от Магистерия, крайне хреново получалось общаться с незнакомыми людьми. Столкновений с кейпами не предвиделось, а с людьми без способностей он конфликтовать не стремился. Выдохнув, я поднес фляжку к губам и сделал глоток.

Магистерий спрятал фляжку обратно в подсумок, схватил «чемоданчик» и полез по лестнице к люку, хватаясь за ступеньки одной рукой. Когда основная личность отошла на задний план, он не почувствовал таких сильных изменений, как раньше. Кейп выбрался наружу, задвинул за собой люк и оглядел пустынный тупик.

Стены покрывали граффити, в основном кое-как намалеванные похабные картинки.

Рядом лежала кучка несвежего собачьего дерьма.

Возле переполненного мусорного контейнера валялись кучи мусора.

— За что я люблю свой родной город, — проговорил Магистерий вслух, — так это за то, что он не оставляет равнодушным.

Он поглубже надвинул капюшон и вырулил на улицу.

Даже с активной внутренней личностью Магистерий чувствовал себя неудобно. Да, это были Доки, неблагополучный район — но вовсе не безлюдный. В центре города герои примелькались, они были частью антуража, привлекавшего туристов в негласную столицу кейпов Северо-Востока. Здесь Стражи почти не появлялись, а взрослые герои приезжали только по тревоге, и не автографы раздавать, а сражаться.

На него откровенно пялились. Тыкали пальцем, реже снимали на телефоны. Основная личность бы это вытерпела. Конрад вообще был очень терпеливым, и его терпение было вознаграждено на прошлой неделе. Магистерий тоже понимал, что новый кейп в городе, особенно явившийся открыто — это новость минимум на пару дней. Вот только терпением не отличался. Хорошо, что никто не попытался заговорить с ним, иначе бы точно не выдержал.

Он остановился перед пятиэтажным зданием из красного кирпича — типичный жилой дом в бедном районе. Возле входа сидела компания азиатской шпаны, не старше восемнадцати. Прохожие их старались не замечать и вообще держаться подальше, а жильцы дома, вынужденные проходить через дверь, явно старались проскочить мимо поскорее.

Магистерий их проигнорировал. Более того, он со злобным удовлетворением толкнул одного из парней плечом. Дескать, и что вы мне сделаете, желторожие? Я — кейп, а вы тараканы. Бегите, жалуйтесь Лунгу. При мысли о возможной схватке с сильнейшим злодеем в городе он невольно расплылся в довольной улыбке. Конечно, сколько-нибудь затяжной бой выиграть не получится. Если босс Азиатских Плохих Парней успеет трансформироваться, тоже шансов нет. Но если подловить Лунга тогда, когда он не успел достаточно вырасти, то костюм в течение нескольких секунд удержит пламя, а один-два удара меча покончат с ублюдком навечно. Вряд ли даже Лунг сможет выжить без головы, или рассеченным пополам, от макушки до задницы.

А Протекторату можно будет сказать, что это была самооборона. Переборщил немного со страху, бывает.

Дом встретил Магистерия полутемным коридором, в котором не горела половина лампочек, застарелой вонью, запахом готовящейся еды и визгом маленьких детей, которые чуть не сшибли его с ног, когда пронеслись мимо.

— Ах вы, мелкие извращенцы! — рявкнул он на них. — Я до вас доберусь и скормлю вас крабам!

Дети захихикали, явно не восприняв угрозу всерьез, и убежали на улицу. Магистерий хмыкнул и подошел к первой двери. Он собрался было нажать на кнопку звонка, но обнаружил, что его тут нет.

— И чего еще тут нет? — вслух подумал он. — Может, канализации? А местные делают

свои дела в горшки, а потом все выплескивают на улицу?

Ужасаться положению низших социальных слоев, лишенных доступа к таким привычным благам как канализация, подземная парковка и водопровод, не было ни времени, ни желания. Он ведь и пришел сюда в поисках жертв некачественного питания и отсутствия медицинских страховок. Магистерий постучал и принялся ждать, когда откроют.

Через несколько секунд открылась дверь, явив лик жильца — латиноса средних лет с лицом, похожим на медвежий капкан, и длинными усами.

— Чего надо? — угрюмо спросил он.

— Проблемы со здоровьем есть? — спросил Магистерий.

— Нету.

— Хочешь иметь?

— Это че типа, наезд? — спросил латинос уже с неприкрытой злобой.

— Так да или нет?

— Нет!

— Тогда постарайся разбавить рацион овощами, у тебя явный недостаток витаминов. И завязывай с бухлом, хотя бы иногда, — Магистерий бросил взгляд на длинную вереницу дверей, которые ему предстояло обойти только на одном этаже, потом умножил их количество на пять. — А знаешь кого-нибудь в доме, кто болен?

— Не знаю.

— Жалко. Тогда всего хорошего.

Он постучал в следующую дверь, но никто не открыл. Латинос продолжал пристально следить за его действиями, будто опасался розыгрыша. В третьей квартире тоже никого не оказалось дома, но в четвертой Магистерию улыбнулась удача. Ему открыла женщина лет сорока с виду, явно не имеющая средств на косметические салоны, фитнес и тому подобное, но старающаяся выглядеть опрятно.

— Добрый день, — поздоровался он. — У вас кто-нибудь имеет проблемы со здоровьем?

— А почему вы спрашиваете? — подозрительно спросила женщина. — Вы кейп, верно?

— Да, я кейп. Я готов вылечить любого, кто в этом нуждается. Ну, или попытаться.

— Вы точно не из Протектората, — уверенно сказала она. — Вы кого-то представляете?

— Нет, сам по себе. Так лечение кому-нибудь нужно?

— У нас нет таких денег, которые вы запросите.

— Это бесплатно. Благотворительная акция.

— А кто ее проводит?

— Я провожу, по собственной инициативе, — Магистерий начал потихоньку закипать. — Слушайте, отвечайте прямо: «да, мы нуждаемся в помощи» или «нет, мы не нуждаемся в помощи».

Он мог понять, почему до него так допытываются, и почему не верят. Герои были достопримечательностями, были символами и знаменитостями, менее явно они были стражами порядка и, изредка, солдатами невидимых войн. Они не ходили по домам, и не предлагали помощь. Про суперзлодеев и говорить не приходилось. Да и сложно было ожидать доверия от людей, которые за доверчивость наверняка успели поплатиться. Конрад бы посочувствовал им. Магистерия бесила пустая потеря времени.

— Джесси, кто там? — донесся из глубины квартиры мужской голос.

— Пришел какой-то кейп, — ответила женщина. — Говорит, что он занимается

благотворительностью.

Из-за ее спины показался мужчина тех же примерно лет, полноватый и с лысиной — видимо, муж. Магистерий использовал на нем сквозное зрение и сходу определил аномалии в брюшной полости. Судя по расположению... район желудка. Неужели брат по несчастью, такой же диабетик? Нет, дисфункция секреции инсулина в поджелудочной железе выглядит иначе. Там какие-то инородные тела, неорганические. Камни в желчном пузыре? Похоже на правду, но надо уточнить.

— А что он предлагает? — деловито спросил мужчина.

— Лечение. Утверждает что бесплатно.

Магистерий приветственно помахал рукой.

— Здравствуйте, сэр. Мне кажется, я по адресу. У вас какие-то проблемы вот здесь, — он указал на живот мужчины, напротив того места, где определил аномалии. — Желчные камни, верно?

— А вы откуда знаете? — подозрительно осведомился тот.

— Я же кейп. Такая у меня сила, вижу неполадки в теле. И думаю, смогу исправить.

— Это как Панацея что ли?

— Не как Панацея, — Магистерий потрянул чемоданчиком. — У меня методы более традиционные. Микстуры, уколы, ректальные свечи... иногда электрошок и лоботомия. Но вы не пугайтесь, это не ваш случай.

— Что-то вы не больно похожи на медика, — мужчина все еще сомневался. — Оружия многовато.

— Так район беспокойный. Меня на прошлой неделе чуть не разорвали какие-то здоровенные монстры, помесь собак, гризли и китовых какашек.

— А, это наверное звери Адской Гончей были, обитает такая в районе бывших складов. Вы с ней справились?

— Отхлестал мечом по сулам, и больше они со мной решили не связываться, — кейп нетерпеливо забарабанил пальцами по рукояти. — Вы лечиться будете или как? Я не могу с вами весь день трепаться, мне сегодня весь квартал обойти надо.

— Ммм... Ладно, входите.

Квартира первых пациентов Магистерия могла бы целиком уместиться в его комнате, и еще осталось бы место. Про кухню, где его пригласили разместиться, и говорить не приходилось. Можно было подумать, что тут используется какая-то суперсила, позволяющая втиснуть в настолько маленький объем пространства весь домашний скарб. Ну, по крайней мере, здесь было намного чище, чем в коридоре.

— Прежде чем мы начнем, — Магистерий достал ручку и блокнот, — позвольте собрать немного сведений о вас. Мне нужна подробная статистика, чтобы понимать, что нужно улучшить в моей методике. Ваше имя и возраст?

— Уильям Дент, тридцать восемь лет.

— Я думал, вы скажете «сорок восемь»...

— Простите?

— Ничего, ничего. Рост и вес?

— Пять футов и девять дюймов. Двести фунтов.

— У вас эти камни давно обнаружили?

— Год назад. Хроническая форма, сказали, что для операции недостаточно показаний.

Да и не по карману.

— Хорошо... сейчас подумаем...

Магистерий снова принялся изучать внутренности Дента сквозным зрением. Растворить камни — дело плевое. Но это не устранил причину их появления. В той же области находится большое количество медиаторов воспаления. Идет какой-то патогенный процесс, нарушивший нормальную работу органа. Инфекция, точно она. Если сосредоточиться, можно заметить повышенную концентрацию токсинов, следов жизнедеятельности болезнетворных бактерий. Он обратился к своей силе за способом исправить обнаруженные проблемы, не причинив вреда остальному организму.

— Понятно, — произнес он спустя минуту напряженного молчания и раскрыл свой чемоданчик. — Ну, приступим.

Чета Дентов здорово удивилась, когда на их кухонный стол взгромоздился переносной реактор. Еще больше они удивились, когда кейп попросил стакан кипяченой воды и ложку арахисового масла. Что поделаться, он не мог носить с собой реагенты на все случаи жизни. Для того, чтобы доставить действующее вещество до нужного органа, его следовало обернуть в эмульсионную оболочку из жира.

Через пять минут реактор пиликнул сигналом, с проводами выданным из той же микроволновки, и Магистерий извлек из его недр керамическую чашку со слегка дымящейся сиреневой жидкостью.

— Пейте, — он сунул чашку под нос Уильяму. — На вкус это может оказаться хуже, чем что угодно, предупреждаю сразу.

— То есть, вы не знаете? — скептически уточнил тот.

— А с чего бы мне знать? У меня ваших проблем нет. Но те средства, что я делал для себя, редко отличались приятным вкусом.

Оставив Дента наедине с микстурой для расщепления желчных камней, Магистерий занялся инъекцией. Здесь, как ни странно, пришлось легче. Небольшая доза иммуностимулятора, немного противовоспалительного, немного регенеративной сыворотки. Готовые решения комбинировались, позволяли прийти к новым выводам и идеям. На новые задачи и проблемы сила отзывалась неожиданно охотно, пусть конечные цели и не были связаны с насилием.

— Да вроде ничего так, — сказал Уильям и поставил на стол пустую чашку. — Почему-то похоже на теплое молоко.

— Похоже так похоже. Так, теперь ваш филей, пожалуйста, — Магистерий многозначительно продемонстрировал наполненный шприц.

— А это что?

— Микстура, которую вы выпили, устранит проблему. А вот это не даст случиться рецидиву.

— Эээм, ладно.

Пришлось пройти в другую комнату, где Уильям улегся на кровать и немного стянул штаны и трусы. Магистерий постучал пальцем по шприцу, немного надавил на поршень, чтобы выдавить остатки воздуха, и прицелился. Почему-то, когда описывали подвиги врачей, все внимание сосредотачивалось на выздоравливающих пациентах, и никогда — на вот таких малоприятных деталях.

Уколы точно не были частью его силы, но с иглой он за годы инсулиновой терапии обращаться научился прекрасно. Постепенно шприц опустел, и Уильям поднялся на ноги, потирая седалище.

— На этом все. Сейчас вам лучше всего лечь поспать, потому что процессы восстановления лучше идут во сне, — сказал кейп и начал собирать принадлежности. — Я загляну к вам ровно через неделю, примерно в это же время. Проверю, что все в порядке, что не проявилось побочных эффектов и просто проконтролирую результат.

— А какие могут быть побочные эффекты?

— Я не знаю. С вероятностью 70 % их не будет вообще. 25 % на то, что средство сработает мощнее, чем ожидается, и вместо простого выздоровления вы еще и омолодитесь лет на десять.

— А еще пять процентов?

— Статистическая погрешность, не берите в голову. А, чуть не забыл. Если в течение нескольких дней все будет хорошо, можете написать отзыв на «Паралюди Онлайн»?

Оказавшись в коридоре, Магистерий дополнил страничку в блокноте, посвященную Уильяму Денту. Адрес, что увидел сквозным зрением и что это означало, что и в каком количестве использовал для лечения. Дату контрольного посещения.

На несколько секунд он замер, прокручивая в уме все собранные данные, и дополнил записи парой собственных соображений на счет оптимизации формул и обеспечения доставки действующих веществ к целевым областям. После чего постучал в следующую дверь.

Добро пожаловать на форумы «Паралюди Онлайн»!

Вы вошли в систему как **Magisterium**.

Вы просматриваете:

— Темы, созданные за последние **три** дня.

— Темы, помеченные как важные.

— Непрочитанные личные сообщения.

— Первое сообщение темы: отображается.

Тема: У нас пополнение. Снова.

В: Разделы > Места > Америка > Броктон Бей

Страница 4 из 15

Bagrat (Автор темы) (Ветеран) (Знаток)

25 сентября 2010

Вынужден поднять старую тему, потому что появились свежие данные. Кейп, назвавшийся Магистерием, который на прошлой неделе сделал буквально взрывной дебют, отправив на больничную койку двух героев, снова проявил активность. И на этот раз в прямо противоположном качестве. Весь день его видели в районе Доков, со слов очевидцев, он просто ходил по квартирам и предлагал бесплатную медицинскую помощь всем желающим.

Первые сообщения начали поступать в половине пятого вечера по местному времени.

Через полчаса информация дошла до Протектората и прибыл Бесстрашный, но из-за чрезмерного количества гражданских вокруг он был вынужден ограничиться наблюдением. Магистерий на присутствие героя никак не отреагировал, и продолжал заниматься своим делом.

Он находился в Доках около пяти часов, и все это время занимался обходом квартир, прерываясь только на то, чтобы сделать какие-то заметки в блокноте. Достоверно известно, что он не причинил никому явного вреда, и не взял в уплату ни цента.

Я теряюсь в догадках, что происходит. Он прямо объявил себя злодеем при своей встрече со Славой, но такой акт альтруизма мало походит на поведение отпетого негодяя. Он решил перейти на светлую сторону, или же это какой-то акт невысказанного коварства?

С местными жителями работают специалисты СКП, думаю, к утру будут первые подробности.

Glitzglam

25 сентября 2010

Я ему не доверяю. Напомню, этот тип вломился в морг, угрожал врачу пистолетом, украл мозги мертвеца. Не говоря о том, что последовало за этим.

Bagrat (Автор темы) (Ветеран) (Знаток)

25 сентября 2010

СКП разделяет твои опасения. Мне только что сообщили, что введен протокол «Властелин».

Glitzglam

25 сентября 2010

Ох, черт... были жертвы?

Bagrat (Автор темы) (Ветеран) (Знаток)

25 сентября 2010

Не было, но они предпочитают перебдеть. Мне кажется, люди просто не в восторге, что им мешают спать.

Char

25 сентября 2010

Мой брат там был, видел Магистерия на расстоянии руки.

Bagrat (Автор темы) (Ветеран) (Знаток)

25 сентября 2010

Нужны подробности!

Char

25 сентября 2010

Ничего особенного. Он с друзьями шел по улице, а Магистерий сидел на своем чемодане и что-то писал в блокноте. Рядом стояла нетронутая бутылка воды. Он заметил, что на него смотрят, и пожаловался на свою маску, что в ней нельзя пить. Мое мнение, это слишком заурядное поведение для жуткого отморозка. Злодей бы постарался запугать всех вокруг.

Glitzglam

25 сентября 2010

Поверь, этот парень умеет пугать так, что потом неделю заикаться будешь.

.....
Bagrat (Автор темы) (Ветеран) (Знаток)

26 сентября 2010

И так, свежие новости, как и обещал.

Первое, протокол «Властелин» отменен.

Второе, получены предварительные данные о веществах, которые применял наш новоявленный целитель-волонтер. Не знаю, как они справились так быстро, похоже, что к делу подключили Дракон. В общем, бояться нечего. При всех заумных прелестях технарской химии, это именно лекарства, а не что-то другое.

Третье, жители домов, которые успел посетить Магистерий, отзываются о нем в разных тонах, но скорее положительно. Некоторые отмечают склонность к пошлым шуткам.

Неужели наконец-то пополнение в рядах белых шляп?

White Fairy (Ветеран)

26 сентября 2010

Я сейчас сама в Доках, хотела побеседовать с очевидцами. Он опять тут. Попробую заговорить. Жалко мало заряда в телефоне.

XxVoid_CowboyxX

26 сентябрь 2010

Охренеть! Адрес, срочно! Я должен быть там!

Mojizen

26 сентября 2010

О боже, его опять разбанили...

Antigone

26 сентября 2010

Мне только что пришло в голову. Магистерий — это одно из названий философского камня, которому часто приписывали свойства панацеи, лекарства от всех болезней. Наводит на интересные мысли.

XxVoid_CowboyxX

26 сентября 2010

Oh, shiiiiiiiiiiiiiii...p! *

White Fairy (Ветеран)

26 сентября 2010

Смогла выцепить Магистерия между визитами в дома. Он сказал, что сможет уделить мне полчаса, но по ощущениям мы говорили значительно дольше. Что могу сказать... это очень милый молодой человек. Молодой потому что он пару раз упомянул «занятия» и ни разу «работу». Милый — ибо безукоризненно вежлив, даже галантен. По его версии событий, Слава сильно напугала его своим появлением, а упоминание злодеяний — просто неудачная шутка, вызванная сильным стрессом. Также он заявил, что до следующей пятницы включительно будет появляться в Доках каждый день, и продолжит свою благотворительную акцию. Сказал, что хотел бы извиниться перед Штурмом и тем патологоанатомом, доктором Джимом Диммиком, которого заставил отдать мозг покойника.

Glitzglam

26 сентября 2010

Да он вас просто очаровал. Кажется, протокол «Властелин» отменили рано.

White Fairy (Ветеран)

26 сентября 2010

Не сказала бы. В нем чувствовалась что-то... назовем это двойственностью. Я видела, как он разговаривает с людьми, предлагает свою помощь, готовит целебные эликсиры с помощью какого-то технарского устройства. Но еще он был вооружен до зубов. И не шокером или перцовым баллончиком, а настоящим пистолетом, газовыми гранатами и мечом. Что-то мне подсказывает, что этот меч — не бутафория. Он процитировал мне Гиппократу, «что не исцелит лекарство, то исцелит сталь». Я уверена, что Магистерий не злодей, но в герои его записывать рано. Надеюсь, Протекторат проявит благоразумие, и не станет на него давить, иначе весы могут качнуться не туда.

Vista (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

26 сентября 2010

Могу я спросить — его эликсиры действительно действовали?

White Fairy (Ветеран)

26 сентября 2010

Привет, Виста. Рада, что ты заглянула сюда. Сложно сказать. Тем, кому он их давал, становилось лучше, это можно было заметить невооруженным глазом. Он также всем обещал, что проконтролирует результат через неделю. То есть в полную силу лечебный эффект, если он есть, проявляется через несколько часов или дней. Что Стражи думают обо всем этом?

Clockblocker (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

26 сентября 2010

Нам строго запрещено вступать с Магистерием в контакт, это отстой. Только представьте. Сейчас он делает лекарства, но что ему мешает смешать какие-нибудь духи с феромонами, чтобы девчонки штабелями вешались? Как в рекламе Old Spice, но по-настоящему. Как думаете, моей стипендии Стража хватит на флакончик такого приворотного зелья, или надо будет добавить из карманных денег?

Magisterium

27 сентября 2010

@Clockblocker, да ты просто гений. Я третий день пашу как *** на хлопковой плантации, чтобы отмыться от клейма Властелина, а ты мне предлагаешь взять и пустить все труды насмарку. Но за идею спасибо.

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: на форуме запрещены высказывания, оскорбляющие людей по расовому признаку]

Clockblocker (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

27 сентября 2010

Вау! Виновник торжества или просто присвоил ник?

Alathea (Модератор)

27 сентября 2010

@Magisterium, если захотите подтвердить свою личность кейпа, пришлите мне фотографию, где видно ваш костюм, текущую дату и наглядное проявление парасил.

Magisterium

27 сентября 2010

Это я, не сомневайся. Сегодня работаю в квартале на юго-запад от Рынка, буду там до десяти часов вечера. Можешь прийти и убедиться. За просмотр деньги не беру, но если хочешь *потрогать* — придется раскошелиться.

@Alathea, одну минутку.

@White Fairy, благодарю, мне тоже было приятно с вами пообщаться. Без вас я бы не решился выйти из ридонли**.

Clockblocker (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

27 сентября 2010

xD

Извиняй, но я прям, как часовая стрелка.***

Magisterium

27 сентября 2010

Я пошутил.

Alathea (Модератор)

27 сентября 2010

@ Magisterium, получила фотоподтверждение, ваш статус обновлен.

Magisterium (Подтвержденный кейп)

27 сентября 2010

Ладно, всем счастливо, мне пора.

.....

XxVoid_CowboyxX

29 сентября 2010

Я не понял, а чего тема заглохла?

Glitzglam

29 сентября 2010

Так ничего не происходит.

Magisterium (Подтвержденный кейп)

29 сентября 2010

И меня это радует. Я уже пятый день подряд выхожу в костюме, а меня еще ни разу не попытались убить или покалечить.

Magisterium (Подтвержденный кейп)

29 сентября 2010

Кажется, сглазил.

XxVoid_CowboyxX

29 сентября 2010

Чувак, у тебя проблемы?

Magisterium (Подтвержденный кейп)

29 сентября 2010

Похоже, у АПП ко мне претензии. Они ждут, когда я выйду наружу. Черт-черт-черт...

XxVoid_CowboyxX

29 сентября 2010

Ох, дерьмо! Там Лунг?!

Magisterium (Подтвержденный кейп)

29 сентября 2010

Лунга не вижу. Проблема не в том, как справиться с этими придурками. Проблема в том, как никого не убить в процессе. Кажется, придется прибегнуть к крайним мерам...

.....

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

Простите, слишком занят был, чтобы отвечать. Выковыривал пули из костюма и зашивал дыры в себе.

Могу сказать, что 45-й калибр — это больно. Не так больно, как дробь в упор или винтовочный 308й, но его много.

Гребаная игра в одни ворота.

XxVoid_CowboyxX

1 октября 2010

Подробности! Срочно!

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

Захлопнись, надоел уже.

Glitzglam

1 октября 2010

Без обид, но ты всю неделю буквально нарывался. И я бы не назвала ЭТО игрой в одни ворота.

Reave (Подтвержденный сотрудник СКП)

1 октября 2010

Я видел последствия нападений Крюковолка, но даже там крови было меньше.

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

Жертв нет. Я проверил, перед тем как уйти. В одном случае я даже не пожалел дозу коагулянта, чтобы ублюдок не загнулся от кровопотери. Моего личного коагулянта, который я сделал для себя, на случай самых тяжелых ранений.

@Reave, мне им станцевать надо было? Я сейчас сфоткаю, чем меня там попотчевали.

Glitzglam

1 октября 2010

Дюжина средне и тяжело раненых, половина из них навсегда останутся калеками.

Мимикрия под героя длилась недолго.

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

[ФОТО]

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

Вот так в Броктон Бей выглядит воздаяние за бескорыстную помощь.

@ Glitzglam самооборона.

White Fairy (Ветеран)

1 октября 2010

Боже... Это пули?

Brocktonite03(Ветеран)

1 октября 2010

Это определено полная горсть сплюснутых пуль. Но чтобы убить, хватило бы и одной. Если конечно у парня нет рейтинга Бугая.

@ Glitzglam, Я не вижу, что тут обсуждать. Бой снимали на видео с нескольких точек, все отлично видно. На него напали с огнестрелом, при поддержке кейпа. Уверен, любой судья оправдает его за пять минут.

MZenny

1 октября 2010

@ Glitzglam, уймись, припадочная. Магистерий, конечно, не Панацея, но мой дядя полтора года назад перенес инфаркт, а Магистерий поставил его на ноги. Если его арестуют, я закидаю офис СКП яйцами. А у меня в магазине много яиц.

tt

1 октября 2010

Милый, почему ты не звонишь? Ты обещал.

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

Меня спас только костюм. Одна пуля вообще его пробила, внутри все оказалось залито кровью. Хорошо, что вошла неглубоко, смог достать. Ради справедливости, больше половины из них — подарочки от Демона Ли. Кажется, этот уродец всерьез вознамерился сжить меня со света. Если в нашу следующую встречу он лишится головы — знайте, это была чистая случайность, я тут не причем.

Laotsunn (Выживший с Кюсю)

1 октября 2010

Поверь, по нему никто плакать не станет. Я готов свидетельствовать под присягой, что это будет несчастный случай.

XxVoid_CowboyxX

1 октября 2010

Семь раз ударил себя ножом в спину, а потом прыгнул с моста. Типичное самоубийство, лол.

Glitzglam

1 октября 2010

твое лицо когда посмотрел «Анализируй это» и уже пять минут никому об этом не рассказывал

@Magisterium, я не знаю, какая идея смотрится хуже — публично обещать прикончить другого кейпа, или же прийти на перестрелку с мечом.

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

Что не исцелит лекарство — исцелит сталь. Что не исцелит сталь — исцелит огонь.

Меня уже убеждали, что гнойник не следует трогать, иначе забрызгает всех вокруг, так что я ограничиваюсь медикаментозными методами. Но в данном конкретном случае уместным кажется прижигание. Или резекция.

@Glitzglam, ну извини, что у меня специализация такая, с лазерами-шмазерами проблема.

Vista (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

1 октября 2010

Ну не хнычь, тебе не идет. Меня первый раз подстрелили в одиннадцать лет.

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

Ты мне сейчас совсем не помогла.

Vista (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

1 октября 2010

Мы можем встретиться завтра?

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

Завтра я должен компенсировать день, пропущенный из-за этой стычки.

Vista (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

1 октября 2010

А на следующей неделе?

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

А со следующей недели у меня контрольные обходы.

Vista (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

1 октября 2010

Ню пазязя...

Cute_cat_smile.gif

Magisterium (Подтвержденный кейп)

1 октября 2010

Нгххх... это был запрещенный прием.

Я что-нибудь придумаю.

Ekul

1 октября 2010

@Glitzglam, слушай, чего ты на него взъелась? Он что, твой бывший?

Glitzglam

1 октября 2010

@Ekul, не люблю безответственных разгильдяев.

Я закрыл вкладку с форумом на смартфоне, единственной вещи, которую я купил лично для себя, и растянулся на нагретой скудным осенним солнцем металлической крыше. После последних почти четырех недель, пролетевших в сумасшедшем ритме, простое расслабление было чем-то сродни вознесению в райский сад. Хотелось, чтобы время остановилось, и во всем мире остались только я, ветер и плывущие по небу облака.

Я чувствовал себя опустошенным.

Два дня назад я снова встречался с Кригом. Точнее с Кайзером, но Криг также присутствовал, как мой (вроде как) куратор. Из предложенных мною пробников, ни один не прошел проверку. «Боевой коктейль» не впечатлил кейпов-боевиков, а выдать его рядовому составу означало положить конец моему легальному прикрытию. «Сыворотка правды» была хороша, но слишком ситуативна и очень плохо хранилась. Улучшенное обезболивающее не выдерживало конкуренции с менее безопасными, но зато созданными по классическим технологиям аналогами. Даже простейшие, сверхстабильные кофеиновые таблетки оказались слишком близко к обычным наркотикам, чтобы просто взять и пустить их в продажу без долгих испытаний.

Это меня удивило по началу. С чего бы это суперзлодеям бояться наркоторговли? Все встало на свои места, когда Кайзер вдруг снял маску, и земля начала позорно убегать у меня из-под ног.

Максимилиан Андерс. Глава совета директоров «Медхолл Корпорейшен», владелец ее контрольного пакета акций. И непосредственный начальник моей матери.

Клянусь, если бы не наработанный за годы контроль за внешним проявлением чувств, я бы там и обделался. Криг тоже снял маску, его я в лицо не узнал, но это даже было не важно. Важно то, чего ждали от меня — и если бы я отказался, то живым бы меня не отпустили. Я не строил иллюзий, будто смогу справиться с половиной кейпов Империи в одиночку.

Максимум — проредить чуток. Да, я снял перед ними маску, и Кайзер-Андерс удивленно вскинул бровь.

— Сын Марты Кёлер, — утвердительно сказал он. — Конрад.

Я кивнул. Отпираться не имело смысла. Мы пересекались ранее почти год назад на каком-то светском приеме, куда моя мать зачем-то сочла нужным меня притащить. Мы не разговаривали, и вообще рядом находились всего несколько секунд. Но, похоже, память у Андерса была отменная.

— Достоянная женщина, что воспитала достойного сына, — произнес Кайзер с холодной улыбкой. Если он думал так польстить, то добился прямо противоположного эффекта. — Тем больше меня удивляет твое нежелание последовать по ее стопам.

— Меня не прельщает карьера юриста, — попытался отшутиться я. Безуспешно, разумеется.

— У «Медхолл» открыто немало вакансий.

— И для пятнадцатилетних тоже? Скажу честно, вариант предложенный Кригом...

— Мистером Флишером.

— ...вариант, предложенный мистером Флишером устраивает меня полностью — то есть официальное сотрудничество по подряду. За прошедшую неделю я собрал огромный массив данных, и полагаю, что мне будет по силам как создавать небольшие партии сильнодействующих таргетных препаратов под заказ, так и производить достаточно долгоживущие присадки для существующих действующих веществ, с целью повышения эффективности или устранения побочных эффектов. Мне ничего не стоит производить их десятками килограммов в неделю, тогда как на пачку таблеток потребуются доли грамма. А надпись на этикетке «технарская разработка» сама по себе обеспечит продажи.

— И промо-акции, — добавил Криг... то есть, Джеймс Флишер. — Чуть позже, когда заработает имя.

— С последним проблем не будет. На днях я встречался со Стражами, мне предложили стать одним из них. На общих условиях, без испытательного срока. И я склоняюсь к тому, чтобы принять их предложение.

— Со Стражами, — с прохладцей повторил Кайзер, и напряжение в помещении скакнуло к потолку.

Он отшагнул в сторону и обвел закованной в броню рукой других кейпов Империи, находившихся рядом и тоже снявших маски. Крюковолк. Фенья и Менья — две близняшки-блондинки, горячие штучки, но боюсь, их формы меня сейчас волновали в последнюю очередь. Руна — единственная несовершеннолетняя. И Хэнк. Блять. Он принял имя Игнис. Его маска в виде оскаленной пасти закрывала нижнюю половину лица, так что я мог видеть его глаза — такие же пустые и расфокусированные, как полторы недели назад.

— Если ты станешь Стражем, то можешь встретиться с любым из них в бою. С Кригом. И даже со мной, — сказал Кайзер с обманчивой мягкостью. — И что ты будешь делать?

— Я надеюсь, что у любого из присутствующих достанет здравомыслия не убивать и не калечить меня, — медленно ответил я, стараясь как можно тщательнее подбирать слова. — Тогда и я смогу действовать в четверть силы. Не так, как с АПП на прошлой неделе.

Не так, как с АПП.

Не так как в бою, где я со страху применил все, что было, почти не думая о последствиях. Ну, то есть на ПЛЮ пользователи назвали это боем, и возмущались низостью банды, напавшей на целителя. С моей точки зрения это была почти резня. В меня могли

только стрелять — издали, вслепую, через газовые облака, потому что вблизи я получал просто адское преимущество. Адское во всех смыслах, потому что системы болеизлучателя, после небольшой модернизации работающие на 360 градусов, не позволяли никому приблизиться ближе чем на четыре метра, и не получить при этом удар мечом. Серьезные проблемы мне смогли доставить один урод с дробовиком, пересиливший боль и успевший сделать пару выстрелов, стрелок с охотничьей винтовкой, который смог пробить костюм, и Демон Ли. Но даже последний предпочел отступить, когда у него кончились патроны и люди. Удачно, потому что батарейки почти сели.

— Кроме того, Стражи получают меня только в том случае, если мне позволят работать в больнице, в том числе в психиатрии — а значит, в патрули я буду ходить значительно реже остальных. Если, конечно, мною вообще станут рисковать на улице.

Кайзер буравил меня пристальным взглядом, и я не мог понять его чувств, потому что их просто не было. Активность его мозга сосредоточилась в областях, ответственных за рациональное мышление и абстрактные вычисления. Передо мной был не суперзлодей-нацист, а глава корпорации, считающий риски, расходы и прогнозируемые прибыли.

Крюковолк наоборот, кипел от сдерживаемого гнева. Похоже, с его точки зрения, я либо был с ними целиком и полностью, либо становился врагом. Он может создать проблемы. Точнее, он их определенно создаст.

Заметка — разработать тактику противодействия. И всегда иметь при себе что-нибудь, позволяющее быстро избавиться от трупов.

Чувства близняшек были бледны. Я не представлял для них интереса, ни как кейп, ни как парень — возрастом не сходились. Раз они были телохранителями Кайзера, то их отношение будет зависеть от мнения босса.

А вот Руна наоборот, излучала интерес. Не только похотливый, но и его тоже. Если бы была активна моя внутренняя личность, как бы она поступила? Я на секунду задумался, после чего слегка подмигнул девчонке. Реакция в виде участившегося пульса последовала мгновенно. Я мысленно себя похвалил и снова перевел взгляд на Кайзера.

— И все же, почему Стражи? — спросил он.

— Сугубо меркантильные мотивы, — заверил я его. — Как думаете, почему соотношение героев и злодеев примерно 1:3, но среди технарей оно изменяется до 4:1****? Потому что Протекторат обеспечивает консолидированное развитие. К тому, что придумал один, получают доступ все, и даже конкретное устройство это не вписывается в их специализацию, они могут почерпнуть идеи. А также приобрести материалы, запчасти и отдельные модули. Или сбывать то, что сделал, но стало ненужным или разонравилось. Переписка с «Гезельшафтом» это конечно интересно, но королевской щедрости я от них не жду, да и тема сотрудничества с ними довольно узкая. А вот архивы Дракон и Героя...

Я придал лицу выражение, которое мне казалось мечтательным, и закатил глаза.

Кайзер некоторое время еще размышлял, после чего повернулся к Кригу.

— Джеймс, все под твою ответственность.

Тот кивнул, и у меня отлегло от сердца. Кажется, до заката я все же доживу.

На этом все и кончилось. Криг решил дождаться момента, когда я буду официально зачислен в Стражи, и уже тогда прислать предложение от лица «Медхолл Корпорейшен», чтобы точно комар носа не подточил. Заодно он передал мне пароль от зашифрованного почтового ящика, на который мне должны были прийти инструкции от Гезельшафта по поводу желаемых характеристик триггер-активных веществ и кое-какие данные, которые бы

могли меня направить по нужному пути. Руна, как ни странно, за мной не увязалась, и я был этому больше рад, чем расстроен. Я и так увяз по шею, не хватало мне еще связаться с девчонкой-телекинетиком на год младше меня. Формально числящейся в школе Уинслоу, что само по себе давало минус сто очков в моих глазах.

Только отойдя от места встречи на три квартала, я осмелился украдкой достать из подсумка крохотный флакончик с розовой жидкостью. С духами. Во флакончике оставалась половина содержимого, потому что вторую я незадолго до встречи размазал по своей шее, запястьям и макушке.

Блять.

Я использовал на Кайзере и половине кейпов Империи духи с эффектом Властелина, и мне ничего за это не было. Стояк, ты этого не знаешь, и не узнаешь никогда, но я твоей идее обязан жизнью. Конечно, я не подчинил их себе, но вызывал позитивную предрасположенность, которая в итоге и сыграла роль.

Облака все также лениво катились по небу.

Они стали плотнее, так что почти полностью закрыли солнце.

Я не торопился уходить с крыши, потому что металл оставался достаточно теплым, чтобы просто лежать на нем, особенно в костюме.

В поле моего зрения появились ноги. Стройные, красивые, затянутые в белый латекс. Они не касались крыши, что автоматически причисляло их обладательницу к кейпам. Я не шевельнулся с места, уступая первый выстрел даме. Точнее леди.

— Так вот какой ты на самом деле, — приятный голос. Ниже чем у Славы, немного более взрослый. — Думала, ты будешь выше ростом.

— У меня еще есть пара лет, чтобы добрать рост, — ответил я лениво и немного приподнял голову, чтобы видеть всю собеседницу целиком. — А у тебя оснастка получше, чем у кузины. Хотя у нее, наверное, тоже еще все впереди.

Я сделал круговое движение ладонью возле своей груди, чтобы не оставалось сомнений, о чем идет речь. Лазершюу презрительно сморщилась и откинула назад волосы, растрепавшиеся от ветра.

— И это все, что ты можешь сказать?

— Это единственное, что я нахожу существенным.

— До меня дошел слух, что ты решил присоединиться к Стражам.

— Серьезно, в этом городе можно что-нибудь утаить хотя бы на неделю?

— Видимо нет.

— Нет так нет. В любом случае, это дело между мной и СКП, Новой Волны оно не касается.

— Еще как касается. Ты выставил условие, чтобы тебе позволили работать в больнице. То есть, ты почти наверняка хочешь изучить силу Панацеи.

— У меня есть такой интерес. Он не на первом, и даже не на втором месте в списке причин, но он есть. И никто не помещает мне его удовлетворить. Мне ведь достаточно посидеть рядом и понаблюдать за ее работой.

— Это мое тебе первое и последнее предупреждение, — сказала героиня спокойно. — Может, Пиггот выжила из ума, раз решила тебя принять, да еще без испытательного срока. Может, ты использовал свои властелинские штучки. Но запомни, если ты посмеешь причинить вред Эми или Виктории — тебе конец.

— Это ты только тут такая смелая. Попробовала бы ты встретиться со мной в

интернете.

— Я все сказала.

— Слушай, Лазершоу. Я тут вкушаю отдых после трудов праведных, а ты сваливаешься с неба и даже не здороваешься, сходу сыплешь угрозами. У вас это семейное, похоже. Ну, в это играть можно вдвоем. Можешь прилетать хоть днем, хоть ночью, на твои булочки я рад полюбоваться в любое время. Но если будешь мне угрожать, я тебя вырублю и изрисую все лицо членами — несмываемым технарским маркером!

В подтверждение своих слов я продемонстрировал ей черный маркер. Правда, обычный.

— А я тебя засужу за домогательства.

— А я записывал наш разговор на диктофон. И если не хочешь, чтобы он сегодня оказался на ПЛО — отредактированный правильным образом, разумеется — блин, я даже не знаю, чего бы от тебя потребовать...

— Ма-гис-те-рий... — прошипела Лазершоу, и на внутренней стороне ее ладони вспыхнуло свечение, предшествующее разрушительной энергетической атаке.

— Придумал. Напиши в теме, посвященной мне, что ты ошибалась во мне, и что я классный парень, которому не грех послать трусики. О, и извиниться не забудь за все то, что понаписала в мой адрес.

Свечение в руке героини погасло.

— Я, конечно, предполагала по твоим постам, что ты придурок, но не думала, что настолько.

— Серьезность — это роскошь, которая мне больше не по карману, — я приподнялся на локте. — Слушай, это там не Лунг на соседней крыше?

— Где? — Лазершоу резко обернулась и принялась высматривать несуществующую угрозу, предоставив мне шикарнейший обзор. Нет, без шуток, Сплетница неплохо смотрелась в черном, но до Лазершоу ей было как до Антарктиды пешком.

Я щелкнул камерой на смартфоне.

— Какой ракурс, какой свет, — пробормотал я, сохраняя фото и для пущей безопасности отправляя его себе на e-mail. — Какие формы и объемы.

— Нет там никакого Лунга... и что ты там мелешь?

— Что только что получил лучшую в мире обоицу для смартфона, — на всякий случай я спрятал устройство в подсумок.

Вопреки опасениям, она не попыталась испарить смартфон вместе со мной. Только фыркнула что-то про пубертатных дрович, и улетела, укутавшись в сферу силового поля. Я снова разлегся на крыше, но ощущение умиротворенного безвременья оказалось разрушено безвозвратно.

Я перевел взгляд на свой «врачебный чемоданчик». Целую неделю я занимался чужими проблемами, пропустил через себя и свою силу больше боли и личных трагедий, чем иные люди встречают за всю жизнь. Но не нашел времени для себя. А может просто боялся сделать важный шаг, о котором столько мечтал.

Раньше я был уверен, что если каким-то чудом избавлюсь от диабета, моя жизнь вдруг резко переменится к лучшему. Что смогу общаться с девушками, что мать перестанет меня третировать, что отец наконец-то вспомнит, что у него есть семья. И вдруг это начало происходить, а я все еще колот инсулин каждое утро, соблюдал диету и не расставался с глюкометром. Так что произойдет сейчас, если я использую это средство? Я не буду тратить лишние две минуты по утрам, смогу жрать всякое вредное хрючево вроде бургеров, и в моих

карманах станет чуть больше места?

Нет. Не в этом дело. Фактически в моей жизни изменится мало, но важен сам акт. Символизм. Завершение гештальта. Да, я в пятнадцать лет знаю такие умные слова. Интернет — отличная штука, и совсем не вызывает зависимости.

Я открыл ящик и вытащил на свет собственноручно изготовленный инжектор с системой очистки иглы, и ампулу с мутной красной жидкостью, стоившей мне стольких трудов. Я немного оттянул рукав костюма, чтобы оголить запястье, и глубоко вдохнул.

— Ну, прощай.

И вогнал иглу в вену.

Ничего не произошло. Не прогремел гром, небеса не разверзлись, даже фанфары не зазвучали. Просто мне пришлось несколько минут терпеть сильную боль в животе, пока введенный препарат из стволовых клеток расщеплял мою поджелудочную железу и воссоздавал ее заново — такой, какой она должна быть в идеале, согласно генетической программе. Но даже когда все прекратилось, я не почувствовал разницы.

Может, ее действительно не было, потому что диабет стал наименьшей из моих проблем.

Смартфон в подсумке зажужжал вибровонком. Я отложил инжектор и посмотрел, от кого вызов. Виста.

— Привет, — сказал я, нажав на кнопку «ответить».

— Магистерий, привет! — я чуть отстранился, чтобы радостный девчачий голос меня не оглушил. — Ты сейчас не занят?

— Не. Валяюсь где-то на крыше близ набережной, ищу фигуры в облаках, придумываю новые способы упороться.

Виста захихикала.

— Слушай, мы тут с Кид Вином в патруль идем, хочешь с нами? Тебя же все равно скоро зачислят, посмотришь, что у нас и как. Только пистолет с собой не бери, по правилам нельзя.

Я посмотрел на свой ящик и инжектор. Вообще, мне надо было продолжать обходы тех, кого я лечил на прошлой неделе. Пока проблем не возникало, таких, чтобы это бросилось в глаза и потребовало вмешательства, но я предпочитал перестраховаться. С другой стороны, маршруты Стражей были рассчитаны на три часа, у меня бы осталось еще достаточно времени, чтобы просто оббежать по списку десятков квартир в двух разных домах.

— Мне нравится такая идея. А Кид Вин даст мне посмотреть свой летающий скейт?

— Сейчас спрошу, — в трубке послышалось бормотание, после чего голос Висты вернулся. — Только в обмен на твой меч.

— Ррр, какие все меркантильные кругом, один я Иисус. Ладно, где вас искать?

Виста назвала район, и я пообещал прийти не позднее чем через четверть часа. Когда я собрал свой ящик и спрятал его так, чтобы случайно на него никто не наткнулся, смартфон коротко прожужжал еще раз. Это было оповещение с домашнего компьютера о новом письме в почтовом ящике. Гезельшафту пришелся по вкусу «ноктюрн» и он хотел добавки.

На форуме писали про мою двойственность. Я и сам цитировал Гиппократ, дескать, что не излечит лекарство, то излечит сталь. Но кажется, мне больше подходило другое изречение.

«Рука, что способна исцелять — это рука, способная убивать».

* — Еще одна неперевоаемая игра слов. Пришлось написать по-английски. Если кто не в курсе, что такое «шипдинг» — в гугл.

** — read only, если кто-то до сих пор не знает ингуриш. Когда только читаешь форум, но ничего не пишешь.

*** — «straight» («прямой») в английском языке синоним гетеросексуальности.

**** — цифры взяты с потолка, срсли.

2.1 Катализ

В какой момент я стал Стражем? На самом деле, ответить сложно.

Может в тот момент, когда Виста вытащила меня на совместное патрулирование, я уже почувствовал некую общность. Или когда Мисс Ополчение впервые представила меня всей команде без масок. Возможно, следует вести отсчет с момента подписания документов о приеме — без бумаг в этом деле было никак.

Или же все это неверно, и частью команды я стал намного позже, ведь узы товарищества возникли далеко не сразу?

Честно, не знаю. Я давно отдалился от своих прежних друзей, а с момента получения способностей привык рассматривать человеческие взаимоотношения через призму биохимических реакций. И то, что я видел насквозь чужие мозги, не делало вопросы отношений проще. Даже наоборот. Ну ладно, обо всем по порядку.

Одна из вещей, что особенно мне врезалась в память — это собеседование с директором нашего отделения СКП Эмили Пиггот. Точнее, это был один из этапов тестирования моих способностей, и технически, его проводил Оружейник, как наиболее компетентный кейп-технар в радиусе пары тысяч миль. Но если он с видом патологоанатома изучал мою маску и меч, Пиггот очень живо заинтересовалась не тем, что я уже сделал, а что мог бы сделать в теории.

— Каков твой вердикт, Оружейник? — она постучала ногтем по клинку. — Этот меч действительно из чистого изумруда?

— Не совсем чистый, примеси все же есть, они обеспечивают аномальную прочность. Но да, это изумруд, спектральный анализ подтверждает, — ответил тот сухо. — Не совсем понимаю, откуда он достал бериллий в нужном количестве. Его применение в быту крайне ограничено.

— Нигде я никакой бериллий не доставал. Алюминиевые провода из магазина и песок с ближайшей стройки — вот и все, что я использовал. Если там появился другой элемент — значит, его создала кристаллизационная ванна, в которой этот меч выращивался.

— Трансмутация элементов? — уточнила Пиггот у Оружейника.

— Вполне вероятно.

— Хм... — почему-то ее заинтересовала. Надеюсь, она не строила планов засадить меня за производство алмазов или чего-то подобного. — Магистерий. Тебе по силам синтезировать уран или плутоний?

— Хоть калифорний. Я так полагаю, пока не пробовал, — честно, я немного обиделся, и одновременно напрягся. — Слушайте, если вы хотите использовать мою силу для пополнения ядерного арсенала...

— Ни в коем случае, — отрезала Пиггот с неожиданным раздражением. — Наоборот, будет лучше, если ты вообще никогда возьмешься работать с радиоактивными материалами.

— Ничего не обещаю. Я не собираюсь делать ядерную бомбу, но радиоактивность может быть вызвана работой устройств. Например, у меня есть проект источника питания на антивеществе, и в процессе тлеющей аннигиляции неизбежно возникнет гамма-излучение. Я, конечно, включил в схему экранирование...

Под взглядом Пиггот я невольно стушевался. Если бы она повела себя как моя мать до терапии, если бы она просто хотела навязать мне свою волю, следуя каким-то своим

соображениям, я бы только разозлился. Директор меня боялась. Это никак не отразилось на лице, но я видел бурление эпинефрина в ее крови и повышение активности соответствующих долей мозга. Как мне правильно вести себя с взрослой женщиной, командующей кучей солдат и кейпов, которая смотрит на меня как на ядерную боеголовку с вкрученным детонатором?

— У вас интоксикация, — сказал я, в надежде сменить тему. — Проблемы с почками. Не камни, я не вижу инородных неорганических включений. Инфекция? Тоже нет, отсутствуют биотоксины. Аномально много коллагена. Соединительная ткань. Хм... не фиброз, нет воспалительных медиаторов. Значит, механические повреждения. Старые раны, директор? Но ведь у СКП контракт с Новой Волной. Панацея могла бы вас исцелить.

Я замолчал, ожидая реакции и надеясь, что не сделал хуже. Кажется, напрасно, потому что стоило мне упомянуть Панацею, как заметил новый скачок стрессовых гормонов. Она боялась Панацею? Самое безобидное, на мой обывательский взгляд, существо в Броктон Бей? Или чего-то, что ассоциировалось с ней? Чтобы это могло быть? Девочки-подростки? Обладатели веснушек? Может, кто-то в белой одежде? Или кто-то со схожими силами, раз уж речь идет о сотруднике СКП? Кто-то, кто ковыряется во внутренностях?

— Бойня № 9? — спросил я наугад. — Ампутация?

Пиггот дернула щекой, но ее пульс начал падать, а гормональный фон — успокаиваться. Не угадал.

— Эллисбург. Нилбог, — сказала она прохладно. — Да, я не всю жизнь в кресле просидела. Пришлось и с автоматом побегать.

Честно говоря, глядя на габариты Пиггот, с трудом верилось, что она вообще умела бегать.

— И теперь боитесь всех, кто способен что-то там делать с мясом?

— Во-первых, это не твое дело. Во-вторых, я боюсь тех кейпов, которые даже осознавая опасность своих сил, не считают нужным сдерживать их.

— Тогда это не про меня. Иначе бы я тут не сидел. Я увидел в действии, что делают с людьми мои составы, и пришел в ужас.

— Этого недостаточно, — веско сказала Пиггот. — Ты должен осознать, что твоя способность, как и любая другая — это инструмент разрушения. Слишком мощный, чтобы оставлять его без контроля. Например, батарейки с антивеществом. Или твоя маска. «Нейромедиаторный излучатель», так ты ее называешь?

— Да. Воздействует на нервную систему цели путем синтеза нейромедиаторов.

— Игнорирует эффект Мантона. Виста будет в ярости. Оружейник, какой радиус действия?

— Эффективная дальность — три метра, — ответил герой. — Затем резко падает, и на расстоянии четырех метров почти полностью сходит на нет. Но не вижу проблемы в увеличении радиуса воздействия, достаточно подать больше энергии.

— А можно ли достигнуть более сложного эффекта? Не просто страх, боль, сон или эйфория, а какие-то конкретные побуждения?

— Вообще, наверное, можно, — мне очень не нравилось, куда дует ветер. — Но это будет очень, очень сложно. Придется сделать очень громоздкую конструкцию из множества излучающих панелей, каждая из которых будет отвечать за определенный белок. И предсказать эффект заранее... не, не возьмусь.

— Предположим. А если синтезировать не белки, а синильную кислоту? У нее очень

простая формула.

— Директор, давайте на чистоту. Я не буду создавать для вас оружие для геноцида. И если вы еще раз поднимите этот вопрос, я звоню в «Молодежную гвардию». Я пошел на контакт со Стражами, потому что увидел возможность направить свою, без сомнения, разрушительную способность на благое дело. Но общаюсь с вами, и начинаю сомневаться в своем решении.

Пиггот почему-то удовлетворенно кивнула и выползла из-за стола.

— Рада это слышать. Нечасто приходится встречаться со здравомыслящим кейпом, особенно всего через месяц после триггера. Оружейник, остальное на тебе, — она повернулась к герою и указала пальцем в мою сторону. — Шестой фактический, девятый потенциально. Возьми на личный контроль. И не вздумай опять все спихивать на Ханну.

Она тяжело выкатилась из кабинета, в котором проходил этот этап тестов, и глава городского Протектората проводил ее взглядом.

— Что значит «шестой» и «девятый»? — спросил я.

— Уровни угрозы, — ответил Оружейник.

— Но я не угроза!

— Все мы можем однажды стать угрозой, даже я. Например, попав под влияние Властелина.

— Это не успокаивает. А что именно они означают?

— Ты это узнаешь, когда познакомишься со служебными инструкциями.

— Я должен узнать сейчас, или не смогу успокоиться.

За забралом шлема я не видел глаз Оружейника, но кажется, он смотрел на меня как на идиота.

— Шестой уровень угрозы для успешной нейтрализации требует атаки специально подготовленного кейпа, или кейпа без дополнительной подготовки при содействии взвода оперативников. Девятый предполагает экстремальные осложнения при выполнении боевой задачи, наивысший приоритет при эвакуации гражданских лиц и потребность в разработке индивидуальной тактики.

— О, великолепно. Я, оказывается, «экстремальное осложнение».

— Потенциально. При условии целенаправленной работы в области средств массового поражения, радиоактивных изотопов и воздействия на разум. Не беспокойся, я смогу справиться с тобой в любом случае.

Последнее время мне все кругом говорили не беспокоиться, но почему-то это ни капли не помогало.

— Директора интересовал твой потенциал, но мне, как твоему вышестоящему командиру, важно понимать, какую боевую задачу ты можешь выполнить в команде, — продолжил Оружейник. — Прямо сейчас, или в течение месяца, чтобы дать тебе время на разработку снаряжения.

Да уж, вопросыки... роль в команде. Я думал, Стражи заняты дефилированием по центральным районам и спасением котят с деревьев. Какие еще боевые задачи?

— Я не могу быть полевым медиком. Моя сила довольно ограничена в плане исцеления, мне нужно готовить лекарство под конкретную задачу. Я могу собрать индивидуальные медкомплекты. У меня есть образец регенеративной сыворотки, я им успешно пользовался для быстрого восстановления после легких травм. Попробую форсировать эффект, включить в состав обезболивающее, антитоды...

— Это не то. Технар, как правило, снабжает свою команду, но это не главная его роль. Вопрос в том, что лично ты можешь сделать? Думай с позиций эффективности.

— Газовые гранаты... — я не успел даже продолжить фразу, как Оружейник тут же меня перебил.

— Неэффективно. Нейтрализуется любым средством индивидуальной защиты.

— Меч?

— Очень эффективно в ближнем бою, бесполезно на расстоянии.

— Нейромедиаторный излучатель. Радиус действия можно увеличить, а также произвести тонкую настройку для получения требуемого эффекта.

— Действует не избирательно, создает угрозу для противников, союзников и гражданских лиц в равной мере. Мощность воздействия резко снижается с расстоянием.

— Я думал над дальнобойным оружием, но единственный образец получился слишком смертоносным. Кид Вин сказал, что летальное оружие под запретом.

Вместо ответа Оружейник взял свою Алебарду и положил ее на стол.

— Летальное оружие не под запретом. Но его следует применять лишь тогда, когда это необходимо, и так, чтобы не причинить ущерб гражданским и их собственности, если протоколы противодействия не допускают обратного. Шанс Стража в обычной обстановке столкнуться с угрозой, требующей применения летального оружия, исчезающее мал, поэтому в целях безопасности введены некоторые ограничения. Ввиду того, что тебя уже пытались убить в маске, запрещать тебе постоянно иметь при себе меч нецелесообразно. Тем более, что это часть твоего образа. Но помни, что включение дезинтеграционного поля повлечет санкции, если будет причинен неоправданный ущерб.

— Ключевое слово «неоправданный»? — уточнил я, одновременно прикидывая продолжительность жизни того, кто попытался бы отобрать у меня мое лучшее творение.

— Ключевое слово «санкции», — губы Оружейника скривились так, будто он надкусил лимон. — Твоя задача, как Стража, в первую очередь не дать противнику причинить вред мирным гражданам, и сила должна применяться сообразно купированию угрозы, а не ее соразмерности. То есть в том случае, если столкновение происходит в людном месте, а у противника нож, ты можешь применить более жесткие меры, чем если бы сражался в безлюдном переулке с тем же противником, вооруженным пистолетом — потому что в первом случае существует явная угроза жизни и здоровью граждан. Вторичный приоритет — личная безопасность. Это не значит, что ты обязан заслонить кого-то грудью, но ты не можешь отсиживаться в стороне, выбирая время для атаки, или применить для самозащиты средство, которое причинит вред окружающим.

— Например, газ?

— Газ, излучатель... почти весь твой текущий арсенал мало подходит для Стражей, эффекты слишком мощные и неконтролируемые. В-третьих, соразмерность применяемой силы. Здесь довольно тонкая грань, но точно не следует отрубать голову удирающему воришке, вроде Цирк, — последние слова Оружейник произнес с настолько явным неудовольствием, что даже я заметил. — Но мы отклоняемся от темы. В каком направлении ты намерен работать в ближайшее время?

— Прежде всего, антимаериальные элементы питания. Сейчас все упирается в то, какой объем энергии я могу использовать. Затем повышение мобильности. Я рассматривал разные варианты, от реактивного ранца по примеру Героя до личного транспорта, как у вас. Но сейчас, мне кажется, я нашел намного более изящное решение. Придется внести

изменения в структуру костюма, изменить внешний вид. И... — я нервно поерзал на стуле. — Директора Пиггот, кажется, здорово напугал нейромедиаторный излучатель, но я вижу большой потенциал в этой технологии. Его можно использовать и для синтеза, и для расщепления, как органики, так и неорганики. Я к тому, что с ним я могу попытаться обойти свое ограничение на точечность медицинских манипуляций. Создать устройство, которое бы стабилизировало даже самые тяжелые ранения. Например, в битвах с... с Губителями.

Я притих, пораженный собственной дерзостью. Черт, я был уверен, что Оружейник сейчас скажет мне забыть об этом по крайней мере до совершеннолетия, и я бы даже не стал спорить. Губители — это не шпана в небольшом городе, и даже не суперзлодеи. Эта лига намного выше, смертность в битвах с ними колебалась двадцати до пятидесяти процентов.

— Хорошо, сделай статистическую выборку по характеру травм, нанесенных Губителями, которые не приводили к мгновенной смерти. Следующее нападение ожидается через три-шесть недель, это будет либо Симург, либо Бегемот. Если успеешь за это время, то хорошо. Если не успеешь или ничего не выйдет — не страшно. Твоя первоочередная задача — повышение своей эффективности как члена отряда. Прочее второстепенно.

Вот так легко и просто. Не знаю, хотел Оружейник угробить меня, помочь в раскрытии потенциала или же герои настолько отчаянно нуждались в каждом, кто может помочь им пережить следующий бой. Подозреваю, что он просто был раздражен приказом Пиггот лично за мной приглядывать, так что решил загрузить меня по уши задачами, которые бы поглощали мое время. Ну что же, я сделаю вид, что выполняю их, а он сделает вид, что контролирует мои проекты, и все довольны. Тем более что я и не собирался делать ничего действительно опасного. Пока во всяком случае.

Тесты сил на этом не закончились, мне приходилось ковыряться в изделиях других технарей (без особенных успехов), собирать что-то самому на время из предложенных материалов и с определенными инструментами (немного лучше). Нашлось несколько добровольцев из числа оперативников, решивших испытать на себе мои препараты (никакого риска, честно). Финальным штрихом стали клинические испытания — или испытания в клинике, тут уж как посмотреть.

Короче говоря, я в сопровождении нескольких чинов СКП пришел в больницу, и те поинтересовались у врачей, кто тут записан к Панацее. Переводя на английский, кто тут при смерти и в настолько безнадежном состоянии, что современная медицина в лучшем случае продлит страдания.

Вот тут я чуть не сдрейфил. Пока я с чемоданчиком гулял по Докам, то занимался сравнительно простыми случаями. В основном это были хронические заболевания, не несущие прямой угрозы жизни. Только один раз мне «повезло» набрести на больного раком в стадии ремиссии, и растворить все раковые клетки до единой оказалось несложно. Однако в отделении интенсивной терапии меня словно макнули головой в чан с дерьмом. Несложно мнить себя целителем, когда лечишь язву или камни в почках. А как на счет чего-то посерьезнее?

Человеку на больничной койке не было даже пятидесяти, он с трудом мог двигать только левой рукой, не мог членораздельно говорить, а из уголка его рта постоянно текла слюна. Из-за обширного ишемического инсульта у него развился инфаркт мозга, и часть содержимого черепной коробки теперь представляла собой мертвую ткань. Не настолько, чтобы убить, но этого хватило для превращения человека в почти овощ. При виде его мне захотелось немедленно сбежать из больницы как можно дальше, но, к счастью или нет, я сам

отрезал себе все пути к отступлению. Мне оставалось только попросить у главврача доступ к свежему трупному материалу и взяться за работу.

Процесс растянулся почти на семь часов, до самого вечера. То есть, я смог бы управиться быстрее, оставив все на самотек, но мне очень хотелось пронаблюдать процесс восстановления от начала и до конца. Поэтому вместо обычной инъекции я сделал раствор для капельницы, и не отходил от пациента до тех пор, пока он не смог сесть на койке и связно выговорить свое имя. Порадоваться собственному успеху и выслушать слова благодарности мне мешала адская головная боль, вызванная чрезмерным использованием сквозного зрения.

Обычно в таких случаях я прикладывался к фляжке, внутренняя личность умела не обращать внимания на боль. Но выпусти я ее сейчас, то наверняка бы решил развеяться по-своему, и отправился на территорию АПП выпустить пар. Увы, с меня успели взять слово, что я не буду ни во что вступать до оформления всех официальных процедур, когда у меня появится и юридическое прикрытие, и негласная защита Протектората. Не говоря уже о том, что в драках с людьми без сил я не видел интереса, а прикончить Демона Ли вряд ли сумел бы.

Так что я решил просто посидеть в холле, пока сопровождающие специалисты и врачи возились с излеченным человеком. У меня с собой была бутылка минеральной воды, но я не мог ее выпить, не сняв маску. Seriously, может клапан какой-нибудь придумать? Или в туалетной кабинке запереться. Будь проклята культура комиксов 70-х, на основе которой сформировались нормы поведения кейпов в Америке. Я только что сотворил почти чудо — и не могу напиться воды, не прячась от всего мира.

Я бы наверное и дальше занимался самоедством, но заметил, как с лестницы спустилась девушка в длинной белой мантии, с лицом, прикрытым красным шарфом. И не только спустилась, но и направилась прямым ходом ко мне. Ох...

Панацея, вопреки моим ожиданиям, не встала передо мной с немим укором, а присела на ту же лавку. Но не слишком близко.

— Из-за тебя мне пришлось нарушить свой график, — сказала Панацея. — Меня попросили проверить результат твоей работы.

— Извини, — буркнул я, крутя в руках бутылку. Почему-то этот процесс начал казаться невероятно увлекательным.

— Не обошлось без недочетов, но он поправится. По крайней мере, точно не стало хуже.

— Хорошо.

— Но тебе следует знать, что я на тебя все еще очень зла. Не думай, что если тебя подпустили к пациентам, ты от этого стал героем.

— Ладно.

— Ты вообще умеешь отвечать не одним словом?

— Умею.

— То есть ты специально пытаешься меня еще больше разозлить?

— Нет. Я непрерывно использовал силу в течение нескольких часов, и у меня ужасно болит голова.

— Разве у технарей такое бывает?

— У меня слабая способность Мыслителя. Умник-1 по классификации СКП Приложение к основной способности технаря, обеспечивающее ее работу. Такая есть у всех, как мне сказали, но редко кому удается эту способность перенапрячь.

Настолько длинная речь заставила меня беззвучно завить и уронить голову в ладони. Вот она, плата за любопытство. К черту все, как только СКПшники закончат со своим бумагомаранием и проверками, зальюсь «мистером Хайдом» по самые брови, потом найду Крюковолка и обзову его вшивой дворнягой. Кайзер мне конечно потом выскажет пару ласковых... но это будет потом. А за труп Крюковолка, может медальку выпишут. У героев вообще есть какая-то система наград? Хех, я даже этого не знаю.

— Тогда я не понимаю, зачем тебе это?

— Потому что могу, — прошипел я. — Хватит говорить, у меня сейчас голова лопнет.

Хвала Зиону, она все поняла и ушла без лишних слов. Или не поняла. А, не важно. Главное, что ушла. Через четверть часа вдумчивого созерцания пола на горизонте наконец-то показались сопровождавшие меня специалисты и двое медиков. Первый был главврачом, второй, судя по надписи на бейджике, являлся главой патологоанатомического отделения.

— А, Магистерий, ты еще не ушел, прекрасно.

"Разумеется, сами же попросили подождать".

— Ты еще в состоянии говорить?

— Если только недолго.

— Ладно, — главврач дернул щекой. — Это касается твоей методики. Она действенна, но смущают требуемые компоненты. Даже если опустить вопросы этики и законности изъятия органов покойного без согласия родственников, далеко не всегда в морге может оказаться подходящий трупный материал. Тебе ведь нужен очень свежий?

— Да, не позднее шести часов с остановки сердца. Но не обязательно.

— Не обязательно? Тогда почему ты попросил именно свежий мозг?

— Вы попросили быструю демонстрацию — я ее провел. Могу готовить препараты индивидуального назначения из стволовых клеток, у меня есть даже специальное устройство, чтобы их извлекать. Но тогда потребуется время, чтобы вырастить культуру нужного объема, а еще не придумал, как безопасно форсировать процесс. Это зависит от характера и обширности повреждений... короче, со свежей донорской тканью получается быстрее и проще.

— А что будешь делать с наследственными и аутоиммунными заболеваниями?

— Когда буду иметь дело — тогда и подумаю, — голова раскалывалась так, что продолжи главврач расспросы, то стал бы сырьем для новой партии препаратов.

К счастью, СКПшники, бывшие в курсе моей проблемы с перенапряжением, прервали его и заверили, что хуже не станет, и что у технаря со специализацией «медицинское оборудование» точно не может возникнуть никаких проблем.

Да, вот так меня решили представить публике. Это был первый случай, когда я осознал, в какой мере работа СКП состоит из искажения информации, замалчивания и откровенной лжи. Пока я был чуждой и неизвестной угрозой, меня не постеснялись классифицировать как устрашающего специалиста по «психотропным воздействиям», но стоило мне пойти на сотрудничество — и весь механизм заработал на улучшение репутации нового почти-Стража. «Почти» потому, что собственно церемония вступления с принесением присяги должна была состояться через два дня. Обе версии были одинаково далеки от истины, которая значилась только в служебном досье, но согласитесь, «медицинское оборудование» смотрится намного более приятно и успокаивающе, чем «преобразование вещества». Даже мой меч с такой точки зрения выглядел всего лишь большим скальпелем, а не устройством, разрушающим межатомные связи.

Ни один Крюковолк тем вечером не пострадал. СКПшники подвезли меня до офиса, где я оставил гражданскую одежду, а стоило мне переодеться, как желание нарезать кого-нибудь на кебаб ушло. Зато некстати вспомнилась несделанная домашка по алгебре, и тот скромный факт, что завтра мне предстояло общение с отделом по связям с общественностью. И не знаю, что из этого хуже.

После тех страшилок, что мне успели нарасказывать Виста и Кид Вин о пиар-отделе, я морально приготовился к худшему. Тем больше было удивление, когда меня встретили не безумные мясники, одержимые желанием прокрутить меня через мясорубку и наделать из останков кучу маек и коллекционных фигурок, а вполне терпимые люди. Точнее, всего двое — один специалист-пиарщик и Мисс Ополчение.

— Семьюэль Нортон, — представился первый, протягивая руку. — Будем знакомы.

— Конрад, — ответил я.

— Предпочитаешь использовать настоящее имя?

— Нет. Просто сейчас я Конрад, независимо от того, есть на мне маска или нет. Также я могу быть Магистерием, также в маске или нет.

— Послушай, Конрад, — вмешалась Мисс Ополчение. — Последнее, что требуется программе Стражей, это пропаганда наркотиков. Я понимаю, что запретить тебе использовать стимуляторы — это все равно, что связать руки, но постарайся делать это неявно, и не акцентировать на этом внимание.

— Это не наркотик, — возразил я, и достал из внутреннего кармана пиджака фляжку. — Это психоактивное вещество, вводящее в состояние измененного сознания путем угнетения отделов мозга, отвечающих за механизмы самосохранения.

Мисс Ополчение закатила глаза.

— Ладно. Технически, повторюсь — технически, это действительно можно считать наркотиком. Но мне от него нет вреда, так что не вижу проблемы.

— Тебе может и нет, а вот другим... — героиня усмехнулась за своей банданой в виде национального флага. — Штурм лично прийти не смог, но просил передать тебе, что ты вонючка, потому что здорово испортил воздух.

— В таком случае будьте добры передать ему, что он газонюх, — сочувствие к герою, надышавшемуся «ноктюрном», куда-то одним махом испарилось. — Может, делом займемся?

— Да-да, к делу, — подхватил Нортон. — Обычно, когда дело касается новых кейпов, мы в первую очередь стараемся определиться с образом. «Благородный рыцарь», «ночной охотник», «стойкий защитник» — думаю, сам поймешь, о ком из твоих будущих товарищей идет речь. Это делается для создания костюма и формирования общей модели продвижения. Ты костюм сделал себе сам?

— Да. Полностью кустарная работа.

— Превосходно. Костюм для героя крайне важен, потому что несет в себе сигнал всем окружающим — «я не наврежу вам». Именно хорошо узнаваемый костюм превращает естественный страх перед парачеловеком в успокоение, потому что люди знают, что герой никогда не навредит невинному. Как бы ты охарактеризовал себя в двух словах? Так, чтобы максимально точно описать свои стремления?

— Если в двух словах... — я ненадолго задумался. — Наверное, «лекарство и яд».

Нортон удивленно вскинул бровь, Мисс Ополчение тоже с интересом подалась вперед.

— Могу я поинтересоваться, почему именно такое определение?

— Потому что все есть лекарство, и все есть яд. Разница в дозировке, — я поудобнее устроился в кресле, и принялся излагать мысль. — Мой костюм белый, как халат врача, но также это цвет могильного мрамора. Он защищает от пуль, а еще с него легко смывать кровь. Я могу спасти жизнь, а могу ее отнять, могу восстановить рассудок и могу его разрушить. Мне было в радость видеть, как от моих лекарств людям становилось лучше. Но я не меньше наслаждался насилием, когда на меня напали АПП. Я знаю, что во мне есть и хорошее, и дурное, и одно неотделимо от другого. Вот как-то так. Не слишком сложно?

— Не сложнее, чем смешать кетчуп с майонезом, — уверенно ответил Нортон. — Ладно, если в целом посмотреть, то костюм тяготеет к классическим образам. Взял за основу облик Эйдолона?

— Если и да, то неосознанно. Все элементы функциональны.

Нортон кивнул и что-то принялся печатать в ноутбуке перед собой.

— Что-то серьезно менять нет смысла, но есть пара общих замечаний по фасону, — он протянул мне несколько листов с эскизами. — В первую очередь от персонала клиники, где ты вчера был. Пациенты беспокоились от твоего вида в броне.

— А меня беспокоит возможность получить винтовочную пулю в живот. Один раз это уже случилось, было очень больно.

— Поэтому, в качестве компромисса, ты не мог бы прикрыть ее чем-нибудь? Слоем ткани, например. Просто чтобы лишний раз не нервировать людей в больнице слишком боевым видом.

Вообще, я и так собирался вносить изменения в костюм, в первую очередь связанные с повышением мобильности, и дополнительные бронепластины, которые я после памятной стычки наварил поверх комбинезона, все равно бы скрылись из виду. Но сама проблема казалась высосанной из пальца.

— Им придется немного потерпеть. Мне нужно очень тщательно соблюдать баланс объема, веса и бронирования, иначе либо стану неповоротливым, либо защита окажется недостаточной.

— Так или иначе, обрати внимание на эти наброски. Не нужно соответствовать им полностью, но в целом они отражают тот образ, который бы вызвал наиболее позитивный отклик.

На эскизах в разных вариациях было изображено одно и то же.

— А мне обязательно рядиться в мантию? — уточнил я. — Если нет способностей к полету, плащ только в ногах путаться будет. Да и вообще.

— Не обязательно, — Нортон развел руками. — Но поскольку заставить тебя надеть обычный облегающий костюм мы вряд ли сможем, придется повышать градус привлекательности таким образом.

— Мне казалось, все и так неплохо.

Вместо ответа Нортон развернул ко мне ноутбук. Там было мое фото в костюме, сделанное на улице, со спины.

— Ничего в глаза не бросается? — спросил он.

— Неа, — честно ответил я.

— Давай начну издалека. Кто такие Стражи?

— Несовершеннолетние кейпы, вступившие в Протекторат?

— Верно. А какое слово ключевое?

Я пожал плечами.

— Несовершеннолетние! К Стражам приковано внимания не меньше, чем к взрослым героям, а в чем-то и больше. Не в последнюю очередь из-за того, что каждый новый Страж — это подросток, совсем недавно получивший силы. Вот представь, что подумают все школьники в городе, когда завтра состоится церемония присяги? «А вдруг он в нашем классе учится?!» И если мальчики будут просто тихо завидовать, то у девочек интерес будет несколько иного плана.

Теперь до меня начало доходить.

— А... кажется, понял. А пеняете мне вы за то, что мои, кхм, мягкие французские булки скрыты под плотным комбинезоном.

— Соображаешь, — Нортон удовлетворенно кивнул. — Спору нет, сексуализация образов Стражей запрещена, да это и не требуется, но это не значит, что юный герой имеет право расхаживать на людях в мешковине. И поскольку со своим изобретением ты все равно добровольно не расстанешься, проще всего добавить немного акцентирующей драпировки... приталенная мантия выглядит вполне компромиссным решением.

Я собрал эскизы и сложил в портфель.

— Хорошо, я подумаю, что с этим можно сделать.

На самом деле чуть ранее я и сам пришел к тому же решению. Комбинезон не мог вместить весь новый функционал, а наращивать толщину материала значило снизить подвижность. Ну да ладно, пусть считают, что уговорили.

— Ладно, с этим разобрались. А теперь о неприятном... — Нортон сложил руки на груди и посмотрел на Мисс Ополчение, будто ища поддержки. — Как ты наверное заметил, мы сейчас обсуждаем формирование образа. То есть того, что видно снаружи. Ты определил себя как «лекарство и яд», и в этом мы можем пойти навстречу. Но тем важнее для тебя осознать, что твоя подлинная личность, какой она является, не должна демонстрироваться публично.

— То есть...

— То есть тебе придется очень тщательно следить за тем, что ты говоришь и делаешь. Отделить маску от гражданской личности. В быту ты вправе быть тем, кем хочешь, но в костюме твои слова должны исходить не от тебя лично, а от сформированного образа героя. Понимаешь, к чему я клоню?

— В смысле, читать только по бумажке?

— Нет, не совсем. Просто не позволяй своим суждениям влиять на тебя, когда ты в маске.

— Простите, тогда я не понимаю, о чем речь.

— На самом деле все просто, — вмешалась в разговор Мисс Ополчение. — У тебя могут быть проблемы дома или в школе — но будучи Стражем, ты не должен этого демонстрировать. Ты можешь встретиться на улице с лично тебе неприятным человеком, но не должен подать вида. Никакой политической агитации, никакой рекламы, если это не согласованная акция.

— Звучит не слишком радужно.

— Через это проходят все герои. Когда надо казаться лучше, чем ты есть на самом деле.

— Особенно пункт с политической агитацией. Всегда мечтал раздавать коммунистические агитки и бороться с частной собственностью и присвоением прибавочной стоимости методами диалектического материализма.

— Ты знаешь, что такое диалектический материализм?

— Нет, — честно ответил я. — Но звучит внушительно.

— И в этом вся суть современного политического дискурса, — печально резюмировал Нортон. — Ладно, церемония будет завтра в три, постарайся прийти хотя бы на час раньше, чтобы успеть подготовиться.

На этой ноте собеседование закончилось, и мы с Мисс Ополчение пошли в штаб-квартиру Стражей — представиться команде. Конечно, большого практического смысла в этом не было, все что нужно они и так знали обо мне из предоставленных материалов. Тут в свои права снова вступала тонкая и малопонятная материя под названием «человеческие отношения». Знакомство одновременно со всей командой, и сам я при этом в гражданском облике.

Штаб-квартира находилась на одном из подземных этажей, отгороженная от остального мира толстыми бронированными перекрытиями, а двери лифта смотрели прямо на сканер сетчатки, отпирающий тяжелые створы.

Стражи были предупреждены о визите и находились на месте в полном составе. Триумф — командир команды, в скором времени он должен был перейти в Протекторат по причине совершеннолетия. Эгида — его преемник. Стояк — о нем Виста говорила, что он любит шутить. Рыцарь — с ним меня предупреждали быть поаккуратнее, не знаю почему. Призрачный Сталкер — новичок в Стражах, вступившая в команду лишь за полтора месяца до меня. Кид Вину и Висте я приветственно помахал рукой. О, тут не только они...

— О, привет, Мисс Ополчение, — Слава, у которой на шее висел гостевой пропуск, вскочила с кресла и подлетела ближе. — А кто это с вами?

Я выступил из-за спины героини, стараясь ни лицом, ни позой не выдать стиснувшего внутренности страха. Сила Славы всегда была при ней, а у меня с собой не было вообще ничего.

— Привет, Попугайчик, — ляпнул я прежде, чем сам успел сообразить, что говорю.

На миг мне показалось, что внутри штаб-квартиры замерли даже атомы. Стражи были в масках, их лиц я не мог разглядеть, но сквозное зрение сообщало об охватившем их замешательстве. Что творится в голове у Славы, я понять не мог. Во всех смыслах, потому что ее силовое поле блокировало мою силу.

Потом тишину разорвал сдавленный хрюк.

— Попугайчик? — переспросил Стояк, давясь от смеха.

Я приготовился очень быстро прятаться за Мисс Ополчение. Которая, похоже, сразу просекла, что ситуация стала взрывоопасной, и выступила вперед.

— Итак, ребята, я хочу представить вам вашего нового товарища. Вы о нем уже слышали, но теперь встретились лично, — она отошла в сторону. — Можете представиться.

— Снова парень. У нас тут какая-то сосисочная вечеринка получается, — разочарованно протянул Стояк, после чего снял сплошную белую маску и протянул мне руку. — Я Деннис, он же Стояк, занимаю вакансию штатного клоуна, и уступать ее не собираюсь.

— Триумф, он же Рори, — лидер группы стянул шлем в виде львиной головы. — Рад, что ты все же на нашей стороне. Слушай, а мы не знакомы? Кажется, я где-то тебя видел.

— Ходили в одну школу, — ответил я, потому что тоже узнал сына нынешнего мэра Кристнера. — Только я класса на четыре младше.

Вообще-то, пару раз также пересекались на официальных мероприятиях, куда нас

притаскивали родители, но это я решил не вспоминать. Затем настал черед следующего.

— Я Эгида, без маски — Карлос, — он оказался латиносом. Мне оставалось только незаметно вздохнуть, что триггеры не делали расовых различий. — Добро пожаловать в Стражи.

— Рыцарь, — под глухим шлемом, обвешанным светодиодами, скрывался ухоженный светловолосый парень. — Или просто Дин.

Его рукопожатие было крепче, чем требовала обстановка, а в выражении лица сквозила хорошо сдерживаемая неприязнь. Вполне обоснованная, учитывая, что именно его девушку я отметелил три недели назад. Но извиняться я не собирался.

— Призрачный Сталкер, — неприветливо буркнула девушка в черном костюме с плащом и сняла маску, такую же глухую, как у меня. — София.

— Кажется, в моей жизни настали *черные* дни, — пробормотал я, поднимая глаза к потолку. — Если вы понимаете, о чем я.

— Что ты там сказал? — у Софии будто шерсть на загривке дыбом встала.

— Ничего существенного. Просто неуместная расистская шутка. Дурная привычка.

— Мисс Ополчение, кого вы вообще притащили?

— Я Магистерий. В гражданском облике — Конрад. С Кид Вином и Вистой — то есть с Крисом и Мисси — уже знаком. Официально я технарь со специализацией на медицинском оборудовании, но это полная хрень, чтобы не пугать общественность. Мой профиль шире, с неживой материей мне работать проще, чем с мясом. И... — я запнулся. — Если у кого-то есть ко мне претензии, лучше выскажите их сейчас, пока я безоружен.

— У меня есть претензия, — громко сказала Слава. — Почему этот негодяй все еще не за решеткой?

— Может потому, что это не я устроил погром в больнице и на стройке?

— Ты ограбил морг!

— Я пришел и вежливо попросил, то, что мне нужно. А потом пришел снова и извинился перед врачом. А извинения подкрепил тортом, бутылкой дорогого виски и пятью сотнями долларов. Я не знаю, что из этого списка сработало, но доктор Диммик отказался от любых претензий ко мне, и пообещал содействие, если мне снова потребуется трупный материал.

Слава сердито фыркнула и снова уселась в кресло.

— Странно. Я думал, будешь злиться по поводу своих ранений.

— Для кейпов нормально сражаться, — зло ответила Слава. — В сражениях можно получить ранение. Это часть нашей жизни.

— Ранений можно получать меньше, если не хватать руками все подряд, особенно если это светящийся меч в руках незнакомого кейпа. Но признаю, я не ожидал от тебя такого спокойствия. Лазер-шоу и Панацея пригрозили мне голову оторвать за любой неровный вздох. Ладно, тогда на том и закончим. А если захочешь реванш — я всегда к твоим услугам.

— Заранее приготовь побольше лекарств.

— Конечно. Уверен, они тебе пригодятся. С каким вкусом предпочитаешь микстуру? Клубника, шоколад, ваниль?

Слава ответила долгим тяжелым взглядом.

— Врежьте ему кто-нибудь за меня, боюсь сил не рассчитать.

— Ладно, если вы больше не собираетесь устраивать потасовку прямо здесь, я вас оставлю, — сказала Мисс Ополчение. — Разумеется, присутствие новичка не избавляет

остальных от обязанностей.

Героиня ушла, оставив меня один на один с восемью кейпами. Ну что же... надеюсь, вступление в Стражи не самое ошибочное мое решение. По крайней мере, в обществе сверстников я мог не вспоминать о проекте, дожидавшемся меня дома.

От кого: gibe_me_@_fry-up@gmx.com

Тема: RE: английский завтрак

«В ходе последнего исследования традиционной кухни мы обошли несколько заведений различной ценовой категории и географического расположения: это были ресторан «Yellow hall», обычный кафетерий в даунтауне «Regency» и кафе в туристическом районе «Quo Vadis».

Как известно, традиционный английский завтрак состоит из 7 компонентов: яичница-глазунья, жареный бекон, томаты, консервированная фасоль, колбаска, тосты и чай. Вариации могут быть различными, равно как допускаются дополнительные элементы в виде картофельных оладий, капустно-картофельной поджарки, различных соусов. Сломано немало копий на тему того, какой же соус идеально дополняет английский завтрак, томатный кетчуп или коричневый финиковый соус, однако знатоки не отдают предпочтения ни одному, считая, что каждый из них идеален с разными продуктами. Например, бессмысленно класть на жареные томаты кетчуп, коричневый соус подчеркнет их вкус намного лучше. Равно как кетчуп гораздо лучше сочетается с беконом. В ирландской и йоркширских вариациях этого блюда вместо чая может подаваться пиво или эль.

Вынуждены признать, что хотя английский завтрак является настоящей холестериновой бомбой, закладываемой под ваш организм, нельзя не отметить его феноменальную питательность. Недаром на родине его называют завтраком на весь день».

Я на несколько раз перечитал письмо. Надо было отдать должное Гезельшафту, законспирировались они на славу. Не зная заранее условленных знаков, раскрыть метод связи мог только сильный кейп-Умник, и только достаточно четко представляя, что именно ищет. В определенной последовательности букв и символов, в порядке слов и предложений скрывался IP-адрес и пароль для доступа к виртуальному серверу, который в свою очередь ответит на запрос только к определенному порту с определенного диапазона прокси-серверов. Получив правильный запрос, сервер единственный раз передаст зашифрованный пакет с данными и отключится.

Сам пакет был защищен шифрованием с настолько длинным ключом, что все суперкомпьютеры мира, и даже большинство технарей потратили бы много месяцев на взлом. Компьютеры и программы сами по себе не были моим профилем, написанный мною декодер изяществом и оптимизацией не отличался даже по обычным меркам, но у меня имелся ключ.

Домашний компьютер натужно загудел, пытаясь своим не самым мощным процессором прожевать пришедший файл. Я откинулся в кресле и потер уставшие глаза. Неделька выдалась утомительная.

Я официально стал Стражем. Мое фото уже висело в холле штаб-квартиры СКП, у меня брали интервью местные журналисты — разумеется, я отвечал то, что нужно, а не то, что хотелось. Весь спектр ограничений и обязанностей Стража лежал на моих плечах грузом но, полагаю, лучше было терпеть этот груз, чем ходить по улицам с нарисованной на спине мишенью. Печально конечно, что хорошая драка в ближайшем будущем не светит, потому что враги внезапно кончились, но надеюсь, Слава решит взять реванш. Если нас согласится подстраховать Панацея, то можно будет практически не сдерживаться. Если же нет... ну что

же, придется выкроить время и попробовать пощипать Барыг. Это не повлияет на хрупкий баланс сил в городе, но позволит и дать моей силе порцию желанного насилия, и положительно повлиять на город в целом — хотя бы временно наркоты станет меньше. А у меня будет необходимое сырье, потому что буквально вчера на мою просьбу предоставить полфунта героина отдел снабжения раздраженно ответил, чтобы служебная почта не использовалась для глупых розыгрышей.

И, что самое главное, мое сотрудничество с «Медхолл» было официально закреплено, и новая партия пробников, сделанная с учетом возможностей и потребностей корпорации, отправилась на испытания. По итогам будут отобраны самые удачные образцы, которые отправятся на повторную доводку, чтобы максимально оптимизировать баланс эффективности и долговечности.

В остальном складывающийся график выглядел достаточно сносно. Три дня в неделю полностью отводились на работу Стража, включая в себя патрулирование и участие в различных акциях. Еще три частично высвобождались для ампула целителя, потому что с раскалывающейся головой оставалось либо лежать пластом, либо закинуться «мистером Хайдом» и запереться в выделенной мастерской в штаб-квартире. Меня очень настойчиво просили не выходить наружу в упоротом виде. Как я ни старался объяснить, что внутренняя личность временами адекватнее основной, и точно не станет делать ничего, что мне навредит. Один день — «для себя». Формально это был выходной, по факту выходных у Стражей не было, особенно если почти все свободное время проводить в мастерской.

Плюс изучение инструкций, протоколов и формальных процедур. Плюс общие для всех Стражей тренировки по взаимодействию с силами СКП и прочими официальными структурами, и использованию стандартного снаряжения. Плюс Пиггот сразу после присяги с оттенком какого-то мстительного удовольствия представила мне личного инструктора по фехтованию. Зачем это нужно, я так и не понял, как и того, где СКП умудрилась за несколько дней откопать кого-то, владеющего средневековым оружием. Кроме того, ни одна существующая техника не учитывала баланс и режущие свойства технарского оружия. Кажется, она преследовала ту же цель, что и Оружейник — максимально занять мое время.

Я лишь пожал плечами и тем же вечером смешал снотворное, эффект которого длился меньше трех часов, и заменял собой полноценный семичасовой сон. Только мысленно укорил себя за то, что раньше не додумался.

Со снотворным вообще вышла довольно странная история. Первый раз я принял его там же, в штаб-квартире, благо там были все возможности для круглосуточного пребывания. Я проспал до двух часов ночи, после чего бодрый и полный сил принялся за работу над полетной системой. От дел меня отвлек вызов с терминала, и Оружейник без особого благодушия поинтересовался, чем это я один занят в пустом Хабе. А после того, как я объяснил ситуацию, то попросил прислать с помощью дрона немного такого же средства. Для тестов и испытаний, разумеется. Через два дня батарейки на антиматерии, которых почему-то так остерегалась Пиггот, без каких-либо проблем прошли комиссию для повседневного использования.

В больнице приходилось тяжелее.

Во-первых, мне чуть ли не с боем пришлось выбивать право посещать психиатрическое отделение. Спротивлялись решительно все — начиная директором, которой очень не хотелось допускать новоиспеченного Стража до углубленной работы с психотропными веществами и заканчивая собственно психиатрами, которые опасались остаться без работы.

Чтобы уломать Пиггот, пришлось пустить в ход тяжелую артиллерию, в виде отдела по связям с общественностью, Оружейника и Мисс Ополчение. После почти часовой дискуссии, в ходе которой я преимущественно сидел в стороне и невинно молчал, было решено, что позитивный эффект покроет возможные пересуды о моей способности влиять на чужое сознание. Психиатрам же хватило клятвенного заверения не посягать на сравнительно легкие, купируемые обычной терапией случаи, вроде биполярных расстройств и депрессий, и заниматься исключительно безнадежными случаями.

Во-вторых, сила продолжала преподносить сюрпризы. Само по себе регулярное использование сквозного зрения на людях создавало серьезную нагрузку, из-за чего я в день мог заняться небольшим количеством пациентов, особенно когда дело касалось мозга.

Все это не шло в сравнение с шизофренией. В глубине души я заочно возненавидел пятницы — потому что именно в пятницу служебная машина СКП привезла меня на окраину города к унылому двухэтажному зданию, построенному в первой половине двадцатого века. Просто находиться там было страшно, но вдвойне страшнее оказалось остаться наедине со своей первой психической пациенткой.

Согласно медицинской карточке, ей было двадцать, на вид я бы не дал меньше сорока. Она почти не реагировала на происходящее, конвульсивно подергивала руками и время от времени принималась озираться по сторонам с выпученными глазами. В тот день я понял, что все хвастливые рассказы Виктора про «взгляд в лицо смерти», которыми он успел меня задолбать по время моего визита в офис «Медхолл» — полная херня. Первый настоящий ужас, с которым я столкнулся, выглядел вот так — заторможенным от нейролептиков, с распадающимся мышлением, практически утратившим контакт с реальностью.

Я посмотрел ужасу в глаза. Разложил его на составляющие. Вычленил из общей картины сбои в нейронных связях, нарушения работы церебральной секреции и создал средство, частично выправившее поломки, частично уничтожившее дефектные области. Пациентка не вылечилась полностью и в одночасье, но впервые за годы наслаждалась покоем без терзающих злых голосов и галлюцинаций. А я на обратном пути высосал фляжку досуха и уже в Хабе Магистерий в приступе какого-то ожесточения составил не просто яд, а настоящий кошмар, шизофрению в жидком виде. Эта вещь ужаснула меня на следующий день, но выкидывать ее я не стал.

Программа-декодер переменила цвет иконки с желтого на зеленый, сигнализируя, что расшифровка сообщения завершилась. Магистерий глотнул кофе из кружки и принялся читать.

«Отвечая на ваш вопрос — главная проблема с триггерами не в том, чтобы их вызвать, а в том, чтобы вызвать их у конкретного человека, и после этого новый кейп не обратил силу против тебя.»

Проанализировав обстоятельства шести тысяч триггеров, нам удалось установить, что существует два граничных условия получения сил. Первым является чувство отчаяния, потеря надежды. По этой причине настолько сложно пробудить силы в человеке, который знает о своем участии в программе, ведь он зачастую будет надеяться на проявление способностей. Второй фактор — наличие реальной угрозы. В подавляющем большинстве случаев полученные силы направлены на то, чтобы нейтрализовать возникшую опасность, или разрешить стоящую проблему.

По этой причине некорректно считать, что причиной триггера Игниса был страх. «Ноктюрн» вызвал чувство страха, это верно, но угроза существовала только в его разуме,

и она оставалась иллюзорной, пока у него не случилась остановка сердца. Именно она стала событием-триггером, именно она обусловила получение силы, связанной с изменением физической природы — ведь у сгустка пламени и сердца-то нет. Вторичным фактором стали вы, точнее, ваше присутствие. Хотя вы, если верить вашим показаниям, не имели цели причинить ему вред, искаженное «ноктюрном» восприятие Игниса распознало вас как угрозу, что проявилось в атакующих способностях, действующих при контакте.

Последний фактор явился определяющим, когда рассматривался вопрос о продолжении сотрудничества с вами. С инструментарием, который вы можете предоставить, становится возможным исследование баланса между субъективными и объективными факторами, влияющими на триггер, а также создание симуляций с меньшим уровнем травматизма и летальности. Ниже приведен список основных вариаций психологического состояния кейпа и обретенные им силы.

1. Желание устранить внешнюю персонифицированную угрозу (нападение вооруженного грабителя).

2. Желание устранить внешнюю неперсонифицированную угрозу (стихийное бедствие, абстрактные и техногенные угрозы).

3. Острая потребность в помощи или союзниках в кризисной ситуации (ситуация предательства, смерть близких людей/домашних животных).

4. Слом существующей картины мира (получение доступа к секретной информации, раскрытие чужого обмана).

5. Телесные повреждения (самый простой способ вызвать триггер, но с наибольшим процентом летальности, также крайне травматичен для психики объекта).

6. Желание сбежать от угрозы.

7. Желание спрятаться от угрозы.

В свете перечисленного, мы бы хотели получить по пять различных образцов психотропов каждого типа. Воздействие должно быть сравнительно мягким, не симулирующим эмоциональное состояние, а усугубляющим существующее. Образцы должны быть промаркированы и снабжены поясняющими инструкциями. Газообразная форма оптимальна, крайне желательно отсутствие вкуса, цвета и запаха для обеспечения чистоты эмоционального фона объектов.

Оплата в размере шести тысяч долларов за каждый образец уже поступила на ваш счет. Успешные образцы будут премированы в десятикратном размере. Ожидаем поступления не позднее первого ноября текущего года».

Я несколько раз пробежался по письму, тщательно фиксируя в памяти каждое слово, после чего щелкнул мышкой, и программа-декодер закрылась, унеся с собой в небытие не только содержимое файла, но и все сопутствующие записи реестра.

Условия мне нравились. Двести тысяч за одни только образцы — и кто знает, насколько успешными окажутся те или иные вариации кошмаров. И, что куда более ценно, информация о силах, об их природе, происхождении — то, доступ к чему не мог иметь Страж. Сроки достаточные, можно успеть не только собрать информацию о требуемых эмоциях, но и изготовить контейнер для транспортировки, чтобы дольше обеспечить сохранность чувствительной технарской химии. Странно, но после общения со Стояком и созерцания его силы в действии появилась пара очень интересных идей.

Не то, чтобы я действительно нуждался в деньгах. Даже если не брать в расчет собственный черный бюджет, которого я старался не касаться без необходимости, от СКП

мне на месяц выделялся вполне приличный фонд, который можно было расходовать на закупку оборудования и материалов, и нужно было постараться, чтобы полностью его выбрать. Но сам факт внешнего *контроля, зависимости* от чужой благосклонности приводил меня в бешенство. Можно сколько угодно оправдывать это безопасностью — в глубине души я понимал, что связался со Стражами по причине обычной трусости. Испугался, что с настолько опасной специализацией за меня возьмутся всерьез.

Я был готов поставить пять против одного, что роман с СКП не навсегда, и что однажды придется снова отправляться в вольное плавание или, как минимум, сменить команду на ту, где не будет постоянного надзора. По достижению совершеннолетия или раньше, мирно или нет, сохраняя контакты или сжигая мосты — не важно даже. Сама необходимость отчитываться перед кем-то, следовать предписанным кем-то нормам поведения, говорить то, что скажут, быть там, где скажут — все это словно возвращало меня на недели назад, в эту же комнату, запертую на ключ и без единой капли инсулина.

Я закрыл глаза и вызвал в памяти содержимое письма. Пробежался по строчкам, убедившись, что запомнил все как надо, и остановился подробнее на списке стрессовых состояний. Большую часть можно смоделировать в уме. Для некоторых потребуется живой пример. Но для начала — еще немного кофе.

Оторвавшись от монитора, я понял, что опять настолько увлекся, что проторчал за компьютером всю ночь. Не то, чтобы это было в новинку, но раньше потребность во сне, в конце концов, загоняла меня в постель. Суперсила позволяла выйти за рамки человеческих возможностей — например, троллить на ПЛЮ одновременно с трех разных прокси-серверов под тремя разными аккаунтами на протяжении пятидесяти страниц обсуждения. Или навернуть двенадцать серий «Gundam Wing» за один присест. Или убить двадцать попыток на то, чтобы выучить мувсеты гребаных горгулий в Demon's Souls и не расколотить в ярости клавиатуру*.

Была половина седьмого утра, и мои родители уже должны были проснуться. А мне через сорок минут следовало отправляться в школу. В гребаную *новую* школу. Еще один момент, в который Пиггот уперлась рогом. Мне было вполне неплохо в «Безупречности», туда я ходил не первый год, и хотя близких друзей там не имел, но и изгоем не был. Просто не сближался ни с кем.

До «Аркадии» нужно было добираться через полгорода. Учебная программа в «Аркадии» была заметно проще, из-за чего я опасался отупеть. «Аркадия» являлась не частной, а государственной школой, поэтому приличные люди там терялись в толпе разномастного сброда. Перевод посреди учебного года нового ученика в «школу для Стражей» не могли не связать с вступлением в их ряды нового кейпа. Наконец, прогулы в «Аркадии» бы не остались незамеченными. Если уж переводиться, я бы предпочел помойную яму типа «Уинслоу», где отсутствие ученика на занятиях могли не замечать неделями. Отличный повод не тратить драгоценное время на среднее образование, когда его можно потратить на технарские дела.

Пиггот уперлась. Я тоже. Не то, чтобы перечисленные аргументы были весомыми. Я бы и сам не отказался сменить обстановку, просто для разнообразия, но очень не хотелось идти у Свинки на поводу. Положение спас — кто бы вы думали? Кайзер. Точнее, Макс Андерс. Во время оформления моего соглашения с «Медхолл», он за закрытыми дверями дал мне общую рекомендацию по линии поведения в Стражах.

— Не конфликтуй, — сказал он, срезая кончик с сигары. — Они — твоё прикрытие.

Личности членов Империи — это секрет Полишинеля для Протектората, с тем количеством Умников и Технарей, которые есть в их распоряжении. Неписанные правила защищают наши гражданские идентичности, но...

Он зажег сигару и выпустил изо рта облачко дыма.

— Насколько нам известно, у них нет данных о твоих контактах с кейпами Империи. Но ты все равно под подозрением — и потому, что сам работаешь с «Медхолл», и потому, что твоя мать работает здесь, а фирма твоего отца недавно получила крупный долгосрочный контракт. Они не могут быть уверены на сто процентов, что ты крот, но никогда не сбросят со счетов такую вероятность.

— То есть в один прекрасный момент я могу обнаружить себя в звукоизолированной камере для допроса? — меня такие новости, мягко говоря, не радовали. У Андерса был поразительный талант доводить людей до паранойи.

— Маловероятно. Скорее, тебя будут постоянно держать под наблюдением, ограничивать в доступе к информации, и одновременно пытаться изо всех сил перетянуть к себе. Не только формально, но и душой. И даже если что-то всплывет, СКП обернет это себе на пользу — смотрите, мы вырвали юного кейпа из лап нацистов, наша система работает, — Последние слова Андерс выплюнул с презрением. — Разумеется, тебе от этого лучше не станет. Недостаточный повод для Клетки, и даже для обычной тюрьмы, но с последними крохами свободы ты попраешься. И вот тогда ты встанешь перед выбором — провести остаток жизни на каторге, или сражаться за свою свободу. Это даже иронично, с учетом даты твоего рождения.

Благодаря маске Андерс не заметил, как я нервно дернул щекой.

— Благодарю за совет, сэр, — ответил я. — Буду белым и пушистым.

— Не надо становиться пушистым, — серьезно ответил глава совета директоров. — Такая резкая смена образа может быть негативно воспринята общественностью.

— Кстати о пушистых... Крюковолк. Насколько он ценен для Империи?

— Он сильнейший из наших бойцов и прирожденный боевой командир. Почему ты спрашиваешь?

— Мне показалось, он не слишком рад моей... двойственной роли. Я не исключаю конфликтов, и у меня нет средств остановить его, кроме как искромсать на куски. В случае схватки погибнет либо один из нас, либо оба.

— Вероятность вашей встречи пренебрежимо мала, — заметил Андерс, и я решил не развивать дискуссию. — Но если для тебя критически важно избежать схватки — просто сообщи ему расписание патрулей. Думаю, он сможет подкорректировать свои планы.

После этого разговора я понял, что Пиггот твердо вознамерилась держать меня под прицелом если не круглосуточно, то как минимум вне дома. Глубину жопы, в которой я очутился, зажатый между нацистами и СКП, я начал осознавать только поверхностно, но и этого хватило. Да, я согласился в конечном счете на перевод, но радости от этого было немного. В качестве слабого утешения, в «Аркадию» ходили большинство остальных Стражей, а также Барьер, Слава и Панацея... то есть, Эрик Пелхам, Виктория и Эмил Даллон. Не худшая компания.

Приняв холодный душ, я совершил набег на кухню в поисках чего-то съедобного. Мои родители завтракали вместе, что само по себе являлось чем-то фантастическим. Они также разговаривали — не повышая голос, и не цедя сквозь зубы, что переводило фантастику в ранг фэнтези. Последнее время такая картина, невообразимая пару месяцев назад, стала

достаточно обыденной. Не берусь утверждать, в какой степени это была их заслуга, способность преодолеть годы взаимной неприязни на почве общей проблемы в лице сына-кейпа, а в какой — моя. Точнее, слабенького состава, снижающего конфликтность и улучшающего настроение, который я регулярно добавлял в фильтры для воды. Надо бы в следующий раз снизить дозу вдвое и посмотреть, что получится.

Я коротко поздоровался и принялся собирать завтрак. По большей части, он мало изменился с того дня, когда я демонстративно вывалил в мусорку шприцы и ампулы с инсулином. Все же сила привычки — серьезная штука. Но, слава Зиону, никакой сои.

— Ну как, Конни, готов к первому дню в новой школе? — спросил отец.

«Конни». Охренеть. Последний раз мое имя так сокращали классе во втором.

— Нет повода для беспокойства. Это всего лишь школа.

— Ну, почему «всего лишь», — отцу было неловко. Наверное, он пытался вести себя «как подобает», но смутно представлял, что это значит. — Новые одноклассники. Друзья. Девушки.

— Девушки это хорошо, — легко согласился я. — Пока сила не начинает докладывать, что у какой-нибудь красотки рядом с тобой находится в кишечнике и на какой стадии ее менструальный цикл.

Вообще, все было не так печально. Я мог не смотреть, когда не хотел что-то видеть. Но если увидел — то развидеть уже не получалось.

— Мы за столом вообще-то, — тихо сказала мать.

— Да, за конструкцией из целлюлозы, уставленной керамическими дисками, на которых лежат комки протеинов, сложных углеводов и жирных кислот, — я тихо вздохнул. — Мир становится унылым, когда понимаешь, как все устроено.

— Мда, жутковато наверное видеть все... вот так, — хмыкнул отец.

— На самом деле, быстро привыкаешь.

— Тебя подвезти до школы?

— Спасибо, я сам доберусь.

После завтрака я собрал портфель, сверившись с расписанием на сайте школы, на всякий случай сунул во внутренний карман пиджака флажку и достал из ящика стола маленький флакончик с духами. В их основе лежала та формула, что я использовал при своей встрече с Империей со снятыми масками, но доработанная, более долгоиграющая, не раздражающая кожу и с более плавным эффектом. Эта вещь была того же сорта, что и «ноктюрн» — слишком жуткая по своей природе, но слишком эффективная, чтобы от нее отказываться. Я постарался разбавить состав, но факт оставался фактом — «форнеус» влиял на мышление любого человека, который вдыхал его пары. Слабо, почти неуловимо, но заставлял считать меня лучше, чем я был на самом деле. Эта штука задумывалась как средство для самых крайних случаев, вроде судебных заседаний, внутренних разбирательств, тайного общения с кейпами Империи...

Я нерешительно повертел в пальцах флакончик. Первый день в школе за «крайний случай» сойдет или нет? Потому что отцу я сказал одно, но на самом деле здорово нервничал.

— Ладно, — пробормотал я. — Но только один раз.

Я положил две капли «форнеуса» не шею, сунул в нагрудный карман пиджака «паркер» с потайным стилетом и решил, что уж теперь-то готов предстать перед будущими одноклассниками.

Мда.

Мне уже за себя стыдно.

Я вызвал по телефону такси, вышел из квартиры и спустился на лифте в вестибюль. Консьерж при виде меня позеленел и старательно уткнулся в гостевой журнал. Меня снова болезненно укусила совесть. Я даже не знал его имени, но в ходе моих прежних ночных отлучек ему не единожды пришлось отведать «морганы», вызывающей кратковременную потерю памяти. Я уже подходил к выходу, когда заметил свою соседку сверху. И, вспомнив одну вполне безобидную просьбу Кайзера, решил поздороваться.

— Доброе утро, миссис Андерс, — сказал я и отворил перед ней дверь. — Вы сегодня рано.

— А, благодарю, — женщина с каштановыми волосами, до этого погруженная в свои мысли, встрепенулась и вопросительно посмотрела на меня.

— Конрад. Конрад Кёлер. Живу на этаж ниже вас.

— Понятно... мы встречались раньше?

— Ну, разве что случайно. Моя мать работает в «Медхолл», она юрист... не берите в голову, я просто хотел поздороваться.

Я поспешил к подъехавшему такси и, садясь на заднее сиденье, облегченно выдохнул. То есть, я и раньше догадывался, что Чистота живет где-то неподалеку, но чтобы сильнейший кейп-Стрелок Америки (после Легенды) жила буквально у меня над головой... еще один повод потерять сон. Кайзер попросил меня познакомиться с ней. Наладить доверительные отношения. Зачем? Не знаю. Я знал, что Максимилиан и Кайден Андерс были в разводе, а Чистота полтора года назад покинула команду и стала вигилантом-одиночкой. Не хотел ли Кайзер таким образом вернуть ее в ряды Империи? Звучит как-то нелепо. Хотя кто их разберет...

Такси высадило меня у самых ворот школы. Я уже был тут при оформлении перевода, но ощущение вавилонского столпотворения ударило меня как в первый раз. Мимо меня протопала компания черных парней, о чем-то развязно болтающих, и я невольно поморщился. Ладно, спокойно. Это нужно для дела...

Через шесть часов я понял, что с меня хватит. Плевать на внезапно свалившуюся участь двойного агента, плевать на наблюдение и подозрения. Мне нужно было любой ценой добраться до своей мастерской в штаб-квартире и уйти с головой в пучину сверхпроводников и нейроконтроллеров, потому что в противном случае я рисковал кого-нибудь случайно убить.

Ладно, вру. Не случайно. Преднамеренно и с крайней жестокостью.

Случилось именно то, о чем я предупреждал Пиггот — во мне сразу заподозрили Стража. Мне пришлось громко и во всеуслышание объявить, что моя мама — большая шишка в «Медхолл» и устроила мне перевод, потому что мне надоело в прежней школе, а героев я презираю и считаю бесполезными мудозвонами, которые просирают деньги налогоплательщиков без всякой видимой пользы. А Магистерий среди них — самый большой козел и беспредельщик, которому место за решеткой, потому что он посмел поднять руку на девушку. За это меня чуть не побили, потому что среди новых одноклассников оказался родственник одного из моих пациентов.

Спасибо «форнеусу» и мимо проходившему Рыцарю под личиной Дина Стенсфилда, который каким-то образом разрулил ситуацию и всех успокоил. А мне он посоветовал не

оскорблять Магистерия в радиусе слышимости Виктории, потому что своего главного врага она ценила, уважала, и оставила за собой исключительное право поливать его ругательствами и ломать ему кости.

Эммм... ладно.

После вмешательства Дина враждебности в мой адрес изрядно поубавилось, но все равно пришлось выдержать шкуродерный перекрестный допрос с пристрастием, длившийся несколько перемен и прерываемый только уроками. Особенно усердствовали Эрик и Крис, с которыми я оказался в одном классе.

«Конрад, ты сколько раз подтянешься?»

«Конрад, скажи свой ник на ПЛО».

«Конрад, откуда ты знаком с Дином?»

«Конрад, а как отсюда брать корень?»

«Конрад, Конрад, Конрад...»

Еще немного, и у меня выработалась бы аллергия на звук собственного имени. Я поклялся никогда, ни при каких обстоятельствах больше не использовать «форнеус» в школе. И при первой же возможности отравить Пиггот.

Используя навыки скрытного перемещения, приобретенные за недели выходов в костюме, я сумел после занятий выбраться из здания школы не пойманым. Дело оставалось за малым — спокойно добраться до офиса СКП, благо идти всего три квартала. И если бы не одно чрезвычайное обстоятельство, мой план завершился бы успехом.

У чрезвычайного обстоятельства были длинные светлые волосы, заплетенные в пучок, джинсы в обтяжку, кожаная куртка с металлическими набивками и топик, демонстративно выглядывающий из-под куртки, но ничего не подчеркивающий — ибо подчеркивать было особо нечего. Пока во всяком случае.

— Хай, Конни! — поздоровалось обстоятельство без капли стеснения и стукнуло меня кулачком в плечо. — Че бля, как сам?

На краткий миг мысль об отравленном стилете и баллончике с нервнопаралитическим газом, спрятанном в безобидной перьевой ручке, стала невероятно притягательной. К счастью, это мгновение мгновенно прошло, и я избежал убийства кейпа в гражданской идентичности.

— Кэсси... — просипел я, пытаясь звучать угрожающе но, кажется, это больше походило на звук спущенной шины. — Какого черта ты тут забыла?!

Кэсси Херрен, она же Руна, только довольно ослабилась. В отличие от красно-черной длиннополой мантии кейпа, ее гражданский облик бросал вызов общественной морали вообще и моему чувству вкуса в частности. Как и ее манера выражаться. Нет, я вовсе не ханжа, и сам знаю толк в крепких выражениях... но, черт побери, я ими ругаюсь, а не разговариваю!

— Да не ссы. Мне глянуть захотелось, что ты вообще за чел. А то все под маской да под маской, — она оценивающе оглядела меня с головы до ног. — Ты всегда такой понтовый прикид таскаешь?

Что она нашла «понтового» в песочного цвета пиджаке с брюками и черной рубашке, я не понял. Зато понял, что прилюдно разговаривать с ней для меня может быть чревато. Нет, серьезно. Даже если отринуть в сторону предупреждение Кайзера об информированности СКП о масках Империи-88, мы смотрелись рядом как... как коллекционное издание «Сильмариллиона» и бульварный роман по мотивам Роберта Говарда. Без лишних слов я

схватил ее за руку и утянул за собой в подвернувшийся переулок — благо в физической силе мое превосходство было бесспорным.

В глубине переулка я толкнул ее спиной к водосточной трубе, сдернул с ее плеч кожаную куртку и так быстро привязал ее руки к трубе, что она не успела опомниться. Только удивленно вытаращила глаза.

— Воу-воу-воу, чувак, ты коней-то придержи! Я еще не соглашалась с тобой перепихнуться!

— Послушай, Кэсси, мне лишние проблемы не нужны, у меня их и так вагон, — я наклонился к ее лицу. — Если тебе не терпелось пообщаться, могла бы позвонить сначала и спросить, а стоит ли вообще караулить меня возле школы, в которой находится куча Стражей, и которая находится в двух шагах от офиса СКП.

— А в чем проблема-то? Ты же без маски.

— В тебе проблема, в чем еще. Ты не учишься в «Аркадии» — да ты вообще нигде не учишься, даже в «Уинслоу» появляешься, только чтобы получить новое отстранение. Не делай такое лицо, мне Виктор про тебя все рассказал. И сразу возникает вопрос, где мы с тобой могли познакомиться. И тут Стражам впору задуматься — ага, в обычной жизни мы пересечься не могли. Значит, это случилось, когда я был в маске. Так-так-так, а много ли в Броктон Бей девчонок-кейпов с таким ростом, телосложением и цветом волос? — я придвинулся еще ближе, почти прижимая ее телом к стене. — Ой, неужели это телекинетик Руна из Империи-88? А кто же тогда Магистерий? Шпион? Агент? А давайте мы его сдадим штатным Умникам Протектората, чтобы раскололи!

Кэсси надулась и отвела взгляд. Честно, я рассердился на нее за эту дурацкую выходку, но долго злиться почему-то не получалось. Если бы она ответила агрессией — я бы тоже повысил голос, пригрозил бы Кайзером... но она походила на нашкодившего щенка, которого поймали с поличным.

— Я просто хотела поболтать, — буркнула она.

Я пару секунд прокручивал в уме возможные варианты действий.

— Так, если сегодня задержаться наподольше и остановить проект тесла-пушки в пользу поляризационной системы... планы на завтрашнюю ночь есть?

— Эээ... ну охуеть теперь, — Кэсси вскинула бровь. — Сначала связать девушку, а потом звать потусить — это нечто.

— Пойми меня правильно, — я легонько щелкнул ее по лбу. Видел такой прием в одном аниме. — Я просто хочу протестировать свою полетную систему. Будет лучше, если кто-то сможет меня поймать, если она вдруг откажет.

— И с хуя ли мне тебя ловить? Вдруг я на тебя обиделась, и хочу чтобы ты там разьебался нахер?

— Печально. Придется звать Славную Дырку.

Осталось тайной, что собиралась ответить на это Кэсси, потому что краем глаза я заметил движение сбоку и резко обернулся. У входа в переулок стоял Деннис и созерцал представшую перед ним картину со странным выражением лица, будто в нем боролись две полностью противоположных эмоции. Через несколько секунд неловкого молчания я сообразил, что расстояние между мной и Кэсси намного меньше, чем допускали правила приличия, ее руки все еще привязаны к водосточной трубе, а моя ладонь лежит у нее на плече. Точнее, почти на груди.

— Рыжий, сдрисни, — первой пришла в себя именно она. — Тебя не звали.

Услышав эти слова, Деннис пришел к какому-то выводу, показал мне большой палец и одобрительно кивнул.

— Хорошо, не буду мешать.

И ушел. Я бы провалился сквозь землю, если бы обладал подходящей силой, но мне оставалось лишь с размаху врезать себе ладонью по лицу. Из всех Стражей нас застукал именно Стояк...

— Ладно, Конни, будь по-твоему. Только лучше развяжи меня сам, а то я боюсь стену снести.

О Зион, помоги мне пережить вторую половину дня...

* — На Земле Бет Demon's Souls портированы на РС, а Конни, в силу пубертатной ненависти к себе, играет без джойстика.

— Как весело, отчаянно, шел к виселице он, — пробормотал я, пока лифт спускался на подземный этаж. — В последний час, в последний пляс пустился МакФерсон.

Лифт остановился, я пересек небольшой холл и приник к сканеру сетчатки. Тот скользнул по моим глазам, одобрительно пиликнул и взрывостойкие двери бесшумно разъехались в стороны. В Хабе присутствовали Эгида, Стояк и Призрачный Сталкер — те есть те, кому сегодня предстояло отправляться в патруль. Кид Вин, без сомнения, обретался в мастерской, и я по своему опыту знал, что никакая сила его оттуда не вытащит, пока у технарской силы не кончится запал.

— Добрый день.

— Привет, привет, — отозвался Эгида, не отрываясь от огромного каскада мониторов, на которые поступали изображения с десятков камер в ключевых точках города. — Так значит мы бесполезные мудозвоны, который просирают деньги налогоплательщиков?

— Именно так, сэр, — охотно кивнул я и пошел к своему «кабинету», отгороженному невысокими передвижными стенками. — При Линкольне всех вас давно согнали бы в резервации и там заперли.

В кабинете стояла узкая койка, письменный стол со стулом и стойка с костюмом. В случае необходимости (например, если у Стража не было собственного дома) в Хабе можно было жить неделями. На практике ночевка на рабочем месте допускалась только в чрезвычайных ситуациях. Не из заботы о комфорте Стражей, а чтобы никакие крючкотворы не могли подать на СКП в суд за то, что на подростков оказывается психологическое давление.

Я аккуратно сложил брюки на кровати, повесил на спинку стула рубашку и пиджак, и принялся натягивать костюм. Последний за прошедшие дни претерпел серьезные изменения. В первую очередь это касалось плотной белой мантии, являвшейся основой полетной системы. По сути, это был один большой сверхпроводник, генерировавший в определенном радиусе электрогравитационное вихревое поле. Родилась эта безумная идея из наблюдений за силами Славы и Лазершоу, изучения подаренного Элитом сломанного щитового генератора и вдохновения мангой «Берсерк», где один из героев летал с помощью сотканного феями плаща.

Кид Вин, пока наблюдал за изготовлением мантии, скептически морщился. Судя по его досье, он специализировался на антигравах и лучевом оружии, но почему-то мой вариант ему казался малопонятным и странным. Согласен, это было довольно необычное решение, но таким образом я достигал сразу нескольких целей. Во-первых, плотный композитный материал мантии, в котором объединялись макромолекулярный каркас и сверхпроводниковый наполнитель, обеспечивал недурную дополнительную защиту при малой толщине и весе. Во-вторых, благодаря такому решению полетное снаряжение всегда было со мной, в отличие от летающего скейта Кид Вина, а его устойчивость к повреждениям была существенно выше. В-третьих, я подкинул конфетку отделу по связям с общественностью, которым дополнение к образу пришлось по вкусу.

Правда, кое-какие существенные недостатки у мантии все же были. Конструктивно она не могла выдавать ускорение больше двух g, маневренностью немногим превосходила сонного носорога, а управление полетом сложностью не уступало гимнастическим трюкам.

Во время первого испытания, прямо в мастерской, я набил себе несколько крупных синяков о стены и потолок. Скрипя зубами, я установил верхний порог развиваемой скорости в пятьдесят миль в час. Это было вдвое ниже максимальной скорости Эгиды или Кид Вина на скейте но, по крайней мере, у меня сохранялись хорошие шансы при полевых испытаниях не расшибиться о стену. Во всяком случае, до тех пор, пока я не добьюсь от своей силы более надежной системы управления, чем-то аналоговое убожество, которое она мне предложила. Видимо, демона разочаровывало то, что я давно не влезал в драки.

Втиснувшись в костюм, я осторожно выглянул из «кабинета». Эгида одним глазом следил за мониторами, в том числе передававшими изображения с мини-камер, которые имели при себе Рыцарь и Виста. Другим глазом он читал учебник по социологии. Призрачный Сталкер залипла в телефоне и происходящим вокруг, как всегда, не интересовалась. Стояк сидел за ноутбуком в своем «кабинете» и что-то печатал. Судя по азартному выражению лица, он как обычно троллил на ПЛО.

Улучив момент, я принялся осторожно мигрировать в сторону мастерской, но оказаться в безопасности мне не светило. Стояк, будто ожидая моего маневра, закрыл ноутбук и деловито прокашлялся. Я сделал вид, что это относится не ко мне, и продолжил движение.

— Ма-гис-те-рий! — громко и с расстановкой произнес штатный клоун Стражей. — Ты нам ничего не хочешь рассказать.

Я обернулся в его сторону.

— Нет.

— Совсем-совсем?

— Не понимаю, о чем ты.

— В чем дело? — подал голос Эгида. Я одарил пуэториканца испепеляющим взглядом — увы, только фигурально, микроволновый излучатель достаточной мощности в габариты маски влезать не желал.

— Я сегодня шел из школы и увидел нечто просто шокирующее... — Стояк с довольным видом откинулся на спинку кресла. — Юная невинная дева была связана и беспомощна, а над ней нависал герой, чей плащ бел, но душа черна как...

Он покрутил в воздухе пальцами, пытаясь подобрать подходящую метафору.

— Черна как душа сутенера, — подсказал я и тут же мысленно отвесил себе подзатыльник.

— Воу! Так у вас ТАКИЕ отношения?!

— Нету у нас никаких отношений.

— То есть ты просто схватил незнакомую девушку, утащил ее за собой в переулок, сорвал с нее одежду и жестоко над ней надругался?

— Что?! — шокированный Эгида подпрыгнул с кресла. Даже Призрачный Сталкер отвлеклась от фейсбука и хмуро прислушалась к разговору.

— Спокойно, — Стояк остановил его раскрытой ладонью. — Она против такого обращения явно не возражала. Мне просто обидно, что мы друг от друга не таимся, а Магистерий сначала прикидывается скромным и правильным, а потом лапает девчонок в переулках.

— Я ее не лапал.

— Охотно верю. Наверняка ты таким образом исполнял долг героя, и не важно, что был без маски. Изловил хулиганку и...

— Стояк, заткнись. Пожалуйста.

— ...и заставил ее заплатить за все преступления. Так сказать, продемонстрировал ей всю *твердость, мощь* и *длину* руки закона, которая настигнет ее неминуемо.

— Клянусь, еще слово...

— ...только мне кажется, твоя тактика ошибочна. Потому что теперь она снова что-нибудь натворит, лишь бы еще раз быть наказанной таким образом.

Я вытащил из ножен меч и указал острием на грудь Стояка.

— Ты. Я. Сейчас. До третьей крови.

— Что такого? — удивился он. — Кстати, вы уже выбрали имена вашим детям?

Я шагнул вперед.

— Обнажи свой клинок и умри как мужчина.

— У меня и клинка-то нет... — Стояк опасливо отступил. Конечно, я не включал дезинтеграционное поле Изумрудного меча, но он и сам по себе был острым. Нет, не так. Просто охренеть насколько острым. — Не, погоди. Ты серьезно?

— Абсолютно. Кодекс тевтонских рыцарей, от которых ведут род мои предки, велит мне смыть кровью оскорбление, нанесенное простолудином чести незамужней леди, — я сделал еще пару шагов. — Твое последнее желание, чернь?

Стояк бухнулся на колени.

— Смилуйтесь, маса! Джим не хочет никого обижать, маса! Джим идет собирать сахарный тростник, маса!

— Дебил, — громко сказала Призрачный Сталкер и снова уткнулась в телефон.

— Ладно, холоп, я сохраню тебе твою ничтожную жизнь, — я вложил оружие в ножны. — Сходишь тогда в патруль сейчас вместо меня. А я в твою очередь через три часа.

— Лаадно, — Стояк плюхнулся обратно в кресло. — Ну, а если серьезно — кто та девчонка? Она явно не из Аркадии.

— Позорище, вот кто. Родственница одного из коллег моей матери, — технически, с определенной точки зрения это было правдой. — Когда родители узнали, что я кейп, то попросили на нее... повлиять. Не дурманящими веществами, а просто как положительный пример.

— В смысле, уговорить ее сделать домашку и прибраться в комнате?

— Поверь, если мне это удастся, я потребую себе докторскую степень по педагогике.

— А только что в переулке, видимо, был частный урок?

Я снова положил ладонь на рукоятку, но на этот раз Стояк понял намек сразу, и наконец-то замолчал.

Вскоре вернулись Рыцарь и Виста, и вместо них в поле отправились Стояк с Эгидой. Призрачный Сталкер с недовольным ворчанием заняла место за пультом, даже не думая, впрочем, прекращать своего основного занятия, а я наконец-то смог закрыться в мастерской.

Я последние дни я невольно ловил себя на мысли, что мастерская технаря это не просто отражение его внутреннего мира, а даже более наглядное проявление его силы, чем собственно изделия. В том смысле, что мастерская — это место непрерывного движения, поиска и развития, тогда как готовое устройство является чем-то статичным, завершенным. Интересно, что мог бы рассказать психолог или Умник, взглянув на мои покои? Потому что именно эту комнату без окон я считал своей, а не тот клочок пространства в Хабе.

Конечно, я не успел тут толком обжиться, собрать или дождаться доставки всего требуемого оборудования, но кое-какие знаковые вещи уже имелись. Например, далекий потомок кристаллизационной ванны, а теперь скорее реактор, в котором я выращивал

сверхпроводящую ткань для своей мантии. Или пятикоординатный фрезерный станок, который разом съел весь выделенный на месяц бюджет — штука, на технарский взгляд, незамысловатая, и едва ли пригодная для серьезных проектов, но после небольшой доводки незаменимая в создании других станков. Например, таким был стоящая рядом плавильная печь, который я использовал для получения металлов с требуемыми свойствами.

По какой-то неясной прихоти моей силы, мне намного труднее было работать с готовыми материалами. Пойдя на сотрудничество с СКП, я было решил, что о материальных проблемах можно будет забыть. В результате, получив доступ к тому же складу, с которого брали материалы Кид Вин и Оружейник, я два дня впустую промучился над проектом антиматериальных батарей. И затык длился ровно до того момента, пока я не переключил внимание на сборку печи. Когда же я закончил, в голове словно снесло какую-то невидимую плотину, и благодаря выплавленной в этой печи магнитной обмотке я смог завершить проект в ту же ночь.

Это весьма любопытным образом соотносилось с тем, что я узнал от Гезельшафта о корреляции между психологическим состоянием в момент триггера и полученными силами. Я нуждался в лекарстве — ну вот, пожалуйста, я готовлю разные препараты, которые сам же постоянно принимаю. Меня терзало одиночество — и мои изделия могут влиять на мышление. Наверняка было еще много разных факторов, в той или иной мере сформировавших облик моей силы. И какой-то из них в ответе за вот эту... склонность к самодостаточности.

Да, до определенного предела я все еще мог пользоваться тем, что продавалось в магазинах, валялось на свалках или лежало на складе СКП, но таким образом я мог сделать только что-то простенькое и маломощное. Чтобы создать что-нибудь действительно впечатляющее, я должен был существенно удлинить производственную цепочку — синтезировать материал, построить станок для его обработки, сделать детали, и только после этого заниматься собственно проектом. И если оглянуться на мои прошлые изобретения, это выглядело вполне обоснованным предположением.

Надо ли говорить, насколько взбесило меня осознание этого свойства силы? Будучи расстроенным, я заглянул в мастерскую Кид Вина, и с чувством какой-то мрачной зависти смотрел, как он за пару часов из кучки бесполезного хлама собрал серьезного вида пистолет. Последний, как я понял, мог стрелять лазерным лучом из главного ствола, оглушающим электрическим разрядом — из дополнительного, а встроенные в его корпус датчики сканировали пространство вокруг в нескольких волновых диапазонах и передавали информацию на ретинальный дисплей шлема.

С моей точки зрения это было охрененно круто, о чем я не замедлил сообщить. Кид Вин же отнесся к своему творению куда более критично, обозвал его «кучей мусора из старых ошметков». Он не дорожил им ни капли, и когда я попросил его для изучения, то даже не потребовал ничего взамен. Мне пришлось чуть ли не силком втискивать ему свой старый молекулярный паяльник.

Теперь пистолет лежал у меня на верстаке, точно тунец на разделочной доске перед шеф-поваром. Меня мало интересовали его свойства как оружия, все равно попытка повторить чужую работу была бы неоправданной тратой времени. Но вот система связи датчиков со шлемом казалась очень интересной. Хрустнув пальцами, я принялся за дело.

...

Магистерий вынырнул из технарской фуги вместе со звоном таймера, который он

выставил специально, чтобы не пропустить свою смену. Несколько секунд, как всегда, заняло осознание, где он находится, чем только что занимался, что за ворох проводов и датчиков у него в руках.

Скосив глаза, он заметил пустую фляжку, валяющуюся рядом на столе. В какой момент он решил переключиться на вторую личность? И главное зачем? Это терялось в тумане, застилавшем события последних трех часов. Кажется, у него что-то не получалось, и он решил взглянуть на ситуацию под другим углом. Он и раньше иногда так делал, но точно не перед патрулем.

Конрад бы обеспокоился, ведь его просили не демонстрировать внутреннюю личность прилюдно. Магистерия эти мелочи не волновали. Он лишь порадовался возможности сделать следующие три часа чуть менее скучными.

С сожалением оставив на верстаке полусобранную систему управления, он заглушил оборудование и вышел в Хаб. Стояк с Эгидой Вернулись, а Призрачный Сталкер наконец-то отлипла от телефона и проверяла свои арбалеты. Последние вызывали у Магистерия острое желание отобрать их, сломать и сделать нормально, но Сталкер наотрез отказалась от любого вмешательства в свое снаряжение, а технарь в тот день узнал пару новых эпитетов и идиом.

Чем-то она напоминала ему взведенный детонатор, который готов взорваться от малейшего касания. Было отчетливо заметно, что остальные Стражи ее только терпят, а сама Призрачный Сталкер вовсе не испытывает радости от их общества. Осторожные расспросы обрисовали странную картину. Сталкер получила силы очень давно, около полутора лет назад, и долгое время шаталась по улицам в одиночку, влезая в драки с мелкой шпаной без сил и с легкостью избегая противостояния с кейпами. У нее была не слишком опасная сила, и долгое время ее не трогали, пока она кого-то не искалечила. Тогда герои в кои-то веки продемонстрировали, что они все-таки герои, а не фотомодели, и очень быстро Софию изловили.

Мягкость приговора могла бы поразить, если не знать о некоторых юридических тонкостях, касавшихся кейпов. Например, о «правиле трех ошибок» и кое-каких других, менее громких законах. Призрачный Сталкер была признана виновной в нападении с применением параспособностей, и приговорена к тюремному заключению до достижения совершеннолетия, которое тут же было заменено членством в Стражах на испытательном сроке. Все, что от нее требовалось — считать дни до окончания школы и худо-бедно подчиняться приказам. Первый же прокол, и она отправлялась в тюрьму по-настоящему.

В этот момент Магистерий вспомнил обстоятельства собственного вступления. Он был готов поклясться, что в одной только стычке с АПП натворил дел в разы больше, чем София за всю свою сольную карьеру. Нанесенные им увечья требовали как минимум судебного разбирательства, даже с заведомо оправдательным приговором. Ничего такого в отношении него не последовало.

Почему с ним поступили мягче, чем со Сталкер? Потому что он предлагал свою помощь, или потому что его сила была на порядки смертоноснее? Конрад надеялся на первое, Магистерий склонялся ко второму. Да это сейчас было и не важно. Важно то, что сейчас нужно было отправляться в патруль. И со слов Эгиды, он был единственным, с кем Призрачный Сталкер вообще согласилась идти в паре.

Патрулирование — это та часть работы Стражей, которая больше всего бросается в

глаза, съедает больше всего времени и приносит меньше всего практической пользы. Просто получаешь маршрут, и в назначенное время выходишь на улицы с напарником. И... вы просто идете. Конечно, вы в масках, при вас рации, какое-то зачастую нелетальное оружие и, конечно, ваши собственные силы. Вероятность, что что-то из перечисленного придется пустить в ход, невелика. Можно считать, что это просто длительная прогулка.

Если вы живете не в Броктон Бей.

Злые языки утверждали, что город давно следовало обнести стеной и запереть на карантин, как это сделали в Гэри в Индиане или в Гэллапе в Нью-Мексико, где количество кейпов в какой-то момент выросло лавинообразно, и привычным соотношением «один герой на трех злодеев» и близко не пахло. В Броктон Бей пока все было не так печально, но и численный, и качественный перевес находился на стороне злодеев. Стычки с участием Стражей не были редкостью, вот только «победой» считался не захват или убийство очередного злодея, а получение серьезных травм и минимизация ущерба.

Магистерий стер с линзы маски капельку воды. С самого утра в небе висели серые тучи, но вместо дождя падали только редкие капли. Будто дождь собирался пойти, но каждый раз не мог набраться смелости.

Он подошел к самому краю крыши и посмотрел вниз. С высоты двадцати этажей люди внизу казались крохотными, а полосы улицы и тротуаров — обманчиво тонкими.

Если упасть — то падать придется долго. Достаточно долго, чтобы в деталях представить себе ощущения от удара о землю.

Он развел руки в стороны и занес ногу над пустотой, позволил себе насладиться ощущением близости к пропасти. Стоять на месте, на твердой и надежной крыше, кажется безопасным, но для роста, для развития и совершенствования, всегда нужно сделать шаг вперед... или прыжок веры.

Магистерий шагнул вниз.

Его восприятие времени ускорилось, подстегнутое стрессом. Асфальтовые полосы внизу рванулись навстречу, становясь толще с каждым мгновением. Сама земля будто распахнула ему объятия.

«Прости, малышка, не сегодня», — подумал он с улыбкой.

Включившаяся электрогравитация внешне проявилась в сотнях бело-голубых молниевых разрядов, скачущих по поверхности мантии. Колоссальные напряжения вызывали электрические пробой в воздухе. Падение с рывком замедлилось, пока не прекратилось полностью на высоте около десяти метров, а потом превратилось в плавный взлет. Магистерий немного изменил положение тела, чтобыдвигающий импульс направился немного вперед, и как только его ноги оказались на одном уровне с крышей здания на противоположной стороне улицы, выключил мантию.

Снова чувство падения, но на этот раз мимолетное — всего полметра.

— Ты там в носу поковырять остановился? — резко заинтересовалась Призрачный Сталкер.

— Размышляю над твоим ребрендингом, — ответил Магистерий. — В твоём костюме слишком мало теплых тонов и слишком много ткани.

Сталкер только презрительно фыркнула и перешла в призрачную форму и бесшумно побежала к противоположному краю крыши. Она оттолкнулась от карниза, но не сорвалась вниз, а начала плавно планировать на следующее здание. Магистерий снова включил мантию и последовал за ней.

Они двигались по маршруту неторопливо. Силы позволяли им перемещаться достаточно быстро, так что оба время от времени делали остановки, чтобы достать смартфоны — Сталкер переписывалась с кем-то, Магистерий делал пометки о том, что и как нужно усовершенствовать в системах управления полетом. Они не разговаривали, но чувствовалось, как напряжение от невысказанных вопросов нарастает.

Первой сдалась Призрачный Сталкер. Надо полагать, терпением она вообще не отличалась. В какой-то момент она просто остановилась и загородила Магистерию путь.

— Я не могу понять одну вещь. Что такой, как ты, забыл в Стражах?

— «Такой» это какой? Потому что контекст — страшная сила.

— Я видела, как ты дрался против АПП. Мне даже на секунду показалось, что ты настоящий хищник. А через неделю ты приходишь в СКП вместе с этой тупой малявкой Вистой, и заявляешь, что хочешь спасти котят, — она грубо схватила его за ворот мантии. — То ты ведешь себя так же, как все эти восторженные идиотики, которые думают, что что-то могут изменить. То вдруг показываешь зубы, берешь что нужно, ни на кого не оглядываясь. Так кто ты такой — хищник или овца?!

Чего это ее так разнесло? Он наступил на какое-то ее больное место или она случайно забрела в его мастерскую и нюхнула что-то не то? Сквозное зрение не давало ответов на эти вопросы, оно лишь сообщало о ярости, охватившей Сталкер. Магистерий пожал плечами и отреагировал в самой нескучной манере: пустил ток на мантию и одновременно вывернул девушке руку.

Сталкер была готова к чему-то подобному. Чувствовалось, что она сильна, отлично владеет своим телом и знает толк в мордобое. Возможно, у Магистерия было намного меньше опыта за пределами татами, но силой он все еще превосходил ее в разы.

Призрачный Сталкер мгновенно перешла в форму Излома, чтобы освободиться от захвата, и тут же отскочила подальше. Почти невидимая, она вскинула арбалет и выстрелила. Транквилизаторный болт вышел из призрачного состояния примерно в метре от Магистерия, и бессильно отскочил от костюма, спроектированного выдерживать автоматные очереди.

— Спасибо, София, — сказал он и похлопал в ладоши. — Я уж думал, помру тут сс скуки.

С реакцией у Сталкер было все в порядке. Атаку Магистерия она разглядела, кувырком ушла в сторону и тут же кинулась бежать. Он несколько секунд провожал ее взглядом, давая небольшую фору. Вот так она проводила годы с момента триггера? Сбегала из любой схватки, где получала отпор? Наверняка ее демон в бешенстве. Интересно, как сила реагирует на долговременный недостаток насилия? Надо будет поразмыслить об этом, и упомянуть в следующем письме Гезельшафту.

Он настиг ее через пару минут, то почти догоняя, то позволяя оторваться. Стоило ему сократить дистанцию до вытянутой руки, как Призрачный Сталкер вильнула в сторону стены, оттолкнулась от нее и тут же попыталась нанести ему удар ногой в голову. Шоковый импульс настиг ее в ту же миллисекунду, как она вышла из формы Излома. В призрачной форме София была невосприимчива к излучению нейроподавителя*, но стоило ей воплотиться, как она сама подставила себя под удар.

Магистерий без капли сантиментов вонзил кулак в ее солнечное сплетение. Приподнял согнувшуюся вдвое девушку и ударил снова — основанием ладони по маске, с полным вложением. Достаточно для нокдауна, недостаточно, чтобы оставить синяк.

После этого он вытащил меч, включил дезинтеграционное поле и уселся на Сталкер

сверху, приставив сияющий зеленым клинок к ее горлу. Молнии все еще плясали по мантии, не давая девушке перейти в призрачную форму. И только после этого выключил нейроподавитель.

— Отвечая на твой второй вопрос, Сталкер, — промурлыкал он, склонившись к ее маске. — Я не овца, и я не хищник. Я — свинья. Жру все подряд, люблю поваляться, охотно выступаю в цирке, а когда меня пинают — только смешно хрюкаю. Но если меня взбесить, я собью тебя с ног, обглодаю мясо, сожру внутренности и сгрызу кости.

Он нахмурился под маской.

— Эй, ты там жива вообще? Шевельнись хоть или скажи что-нибудь...

— Иди... нахуй... — тихо, но с чувством ответила Призрачный Сталкер.

— Слава Зиону... я уж испугался, что опять переборщил с мощностью, — убирать меч, однако, Магистерий не спешил. — Что до первого вопроса, почему я стал Стражем... это слишком личное. Даже я сам не знаю точного ответа. Может, я пооткровенничаю с тобой... как-нибудь в другой раз. Через год или два. А теперь поднимайся. Если ты не забыла, мы все еще в патруле.

Он спрятал меч в ножны и принялся рыться в скрытых под мантией кармашках. Почему-то он был уверен, что Призрачный Сталкер не попытается атаковать его снова. Вскоре он нашел искомое и извлек на свет инжектор, который тут же снарядил небольшой ампулой.

— Руку дай сюда, — потребовал он.

— Отцепись, — огрызнулась Сталкер и отстранилась.

— Если тебя увидят в настолько потрепанном виде, к нам обоим возникнут вопросы. Тебе за эту драку засчитают нарушение испытательного срока, мне тоже несладко придется. Не будь душой, и дай сделать укол.

— Что это за херня вообще?

— Регенеративная сыворотка второго поколения.

— Я тебе, блять, не расфуфыренная дура вроде Славы! Я такие синяки десятки раз получала.

— У тебя спазм диафрагмы, сотрясение мозга и частичная нейронная деградация после моего излучателя. Умереть не умрешь, но будет неприятно, и главное заметно.

— А откуда мне знать, что у тебя там не отравы?

— Ни откуда. Тебе придется мне довериться. И к твоему сведению, это далеко не последний раз, когда я буду латать в тебе дырки и пришивать оторванные конечности. Привыкай.

За маской Магистерий не видел ее лица, но она все еще кипела от смеси ярости и страха.

— Не тяни кота за яйца. Либо ты сейчас даешь мне свою руку, либо я вырублю тебя тесла-разрядником, и все равно сделаю укол. Правда, во втором случае еще и добавлю к сыворотке крайне мощный афродизиак. Вообще-то ты даже близко не в моем вкусе, но на безрыбье...

Тесла-разрядника у него не было. Точнее, был, но только в виде грубых набросков, которые только предстояло воплотить. Призрачный Сталкер об этом не знала, зато наверняка ярко вообразила последствия от приема афродизиака. И очень ясно прочувствовала, что Магистерий угрозу с радостью исполнит.

— Только попробуй... — прошипела она. — Клянусь, я тебя прикончу!

— Прикончишь, прикончишь. Или можно сделать все мирно. Если, конечно, ты не

трусиха, которая втирает мне про хищников, а сама боится одного единственного укольчика.

Призрачный Сталкер испустила тихое не то шипение, не то рык. Она с каким-то злобным остервенением содрала с руки перчатку и закатала рукав костюма.

— Коли свое дерьмо, — приказала она. — И если я почувствую что-то неладное...

— То к тому времени будет уже поздно, — успокоил ее Магистерий, и ввел иглу инжектора в вену. — София, это моя технарская специализация. Я изобретаю новый смертельный, не обнаруживаемый и не нейтрализуемый яд каждое утро, после того как почищу зубы. Я могу убить другого человека таким количеством изуверских способов, что мне приходится часами корпеть в мастерской, прежде чем удастся сделать что-нибудь более-менее безопасное.

— Тогда за каким хером ты взялся лечить?

— За таким, что любой яд — это лекарство. Разница в дозировке, — Магистерий убрал инжектор обратно в подсумок. — Препарат, которое я тебе дал, ускоряет деление клеток, сужает сосуды, снимает боль. Но в случае передозировки он обеспечит тебе десяток видов рака, на которые тебе будет похуй, потому что произойдет остановка сердца и инсульт. Одновременно.

— И кто-то еще называет меня ебанутой... да ты в сто раз хуже.

— Я, в отличие от тебя, приношу больше пользы и меньше проблем. А на счет афродизиака подумай на досуге. Может, станешь не такой ебанутой.

Вместо ответа сапог Призрачного Сталкера полетел в его голову. Магистерий уклоняясь от удара почти упал на корточки и одновременно провел подсечку. София ожидала атаки, словно специально раскрылась, и превратила падение в ловкий перекат, но не принимала призрачной формы. Она выхватила что-то из-за спины, и скорее благодаря сквозному зрению, нежели обычному, Магистерий опознал стальной арбалетный болт. Ладно.

Он не успел занять устойчивую стойку, когда Призрачный Сталкер добралась до него. Он смог перехватить ее запястье и придать себе вращение, но на ногах удержаться не сумел. Магистерий упал на крышу, увлекая за собой Сталкер, чья рука с болтом оказалась заломлена за спину.

Оба замерли — в нижнюю челюсть девушки упиралось пистолетное дуло.

— Тебе сказали от него избавиться, — прошипела Призрачный Сталкер.

— А тебе сказали не использовать стальные болты, — в тон ей ответил Магистерий. — Но мы оба знаем, как приятно нарушать правила. А теперь не могла бы перестать елозить по мне задницей? Если я кончу в костюме, придется возвращаться на базу.

Вероятно, Призрачный Сталкер была настроена продолжить свару, но тут ожили рации.

— Сталкер, Магистерий! — раздался в наушниках голос Стояка. — У вас там все нормально? Вы отклонились от маршрута.

— Извини. Мы немного заболтались.

Стояк ответил не сразу.

— Тебе что, одной мало?

— Я хочу семь, — ответил Магистерий. — По одной на каждый день недели.

— А недавно ты другое говорил... стоп! Ты что, сменил личность?!

— А ты только сейчас заметил?

— Черт... Мисс Ополчение же говорила тебе так не делать в патруле!

— Ну, я немного увлекся в мастерской. Да брось, что плохого может случиться? — Магистерий бросил взгляд на Сталкер, которая поднялась на ноги и опраивляла одежду. —

Мы один и тот же человек, просто... с немного разными точками зрения.

— Не знаю. Но помню, что она была очень настаивала и... — Стояк вдруг прервался, и когда заговорил снова, то стал неожиданно серьезным. — Так, шутки кончились. Пять кварталов от вашей позиции на запад. Перестрелка. Люди без способностей.

— Поняла, — коротко ответила Призрачный Сталкер. — Выдвигаемся.

Магистерий довольно хмыкнул и его мантия снова оцетинилась разрядами. Вечер, который обещал быть скучным, становился все интереснее.

* — Теперь эта хрень называется так. Задействована не только маска, но и вообще все поверхности костюма, соответственно излучение хреначит на 360 градусов во всех плоскостях. Для защиты нужен толстый слой металла или тьма Мрака.

— ...добрались мы до туда быстро, всего через две минуты. Дерется Призрачный Сталкер как девчонка, без обид, но вот бежит отменно. В общем, добрались, и видим, что ваши... или наши... короче, имперские ребята уже остывают, все трое, и помочь им я не смог бы. У меня же всех запасов — по две дозы, на себя и на напарника, и не настолько мощные это средства, чтобы мертвого поднять. Сталкер я оставил тела караулить, а сам полетел в погоню.

Магистерий быстро глянул на Руну, убедился, что та внимательно слушает. Был поздний вечер, до этого Конрад выдержал долгие шесть часов в больнице, разбираясь с очередной партией живых покойников и овощей. Инсульт, рак, механические травмы... как всегда, вымотанный до предела, он переключился на внутреннюю личность, чтобы не терять сознание от боли, а Магистерий решил, что романтическое свидание — лучшее лекарство.

Через полчаса они с Руной уже сидели на крыше одного из зданий, достаточно далеко от ареала обитания АПП и от патрульных маршрутов Протектора. Оба были в костюмах, но без масок, поскольку Руна очень предусмотрительно заскочила по дороге в какую-то забегаловку и купила бургеров. Откашлявшись, он продолжил рассказ.

— Я догнал их фургон через четыре квартала, и вот тут начались проблемы. Я вдруг понял, что мне нечем его остановить. То есть, я мог бы разрезать его пополам... но тогда бы пришлось отчитываться за поврежденное дорожное покрытие, за ущерб от автомобильных аварий... за трупы наемников, наверное, тоже. Хотя вроде по международному праву наемник не считается человеком... тут не уверен, надо у мамы уточнить. Короче, я понял, что придется брать их живьем и при этом чтобы никто больше не пострадал. Скука, согласен.

Приземляюсь я тогда на крышу этого фургончика, вырезаю себе вход, прыгаю в него и сажусь аккурат на чью-то голову. На меня, конечно, тут же автоматы наставили, а я показываю им гранату и говорю: ребята, у вас стволы, а у меня триста граммов пластида со шрапнелью, так что охладите свое траханье, пока все не стали фаршем. И тут какой-то хорек, вместо того, чтобы сдать, раз — и нацепил мне наручник на руку! А второе кольцо на себе защелкнул. Ну, чтобы я побоялся себя взорвать вместе с ними. Короче, эти кретины сами напросились. Бросаю я гранату на пол и тут началось. Видела когда-нибудь, как народ ломится в двери супермаркета в Черную Пятницу? Вот тут было то же самое, но наоборот, ломились не внутрь, а наружу.

Только им не очень это помогло, потому что из фургона так сразу не выскочишь, нужно ручку сначала повернуть, а у моих гранат запал очень короткий. В общем, рванула она прямо в салоне, и тут уже всем стало не до смеха, потому что это был новый образец, «десперадо» — отчаяние в чистом виде, также как «ноктюрн» был концентрированным страхом. Даже странно, что со всем этим первоклассным снаряжением они не озаботились противогазами. Вообще, гранаты с удерживающей пеной сработали бы лучше, но я не успел пройти курс по их применению, так что пришлось обходиться тем, что есть.

— Ага, а потом до тебя доперло, что водителю тоже досталось, — кивнула Руна с довольным видом. Она уже прекрасно знала, что произошло три дня назад от своих, но ей явно нравилось слушать историю из первых рук.

— Не сразу. Только в тот момент, когда фургон вылетел на красный свет с развилки и

со всего маху врезался в дорожное ограждение. А потом меня здорово приложило об спинку сиденья водителя, фургон смяло в гармошку, и я даже не смог дотянуться до меча, чтобы высвободиться, — Магистерий вздохнул. — А мораль нашей истории такова. Во-первых, ножей слишком много не бывает. Во-вторых, надо выкроить время и сделать наконец нормальную пушку.

— А дальше что было? — с каким-то голодным предвкушением спросила Руна. Она носила маску уже несколько месяцев, схватки ей были не впервой, но точно не такие. Погони, взрывы, хаос — этого ее скоротечным стычкам в полуконтакт с героями не доставало.

— А дальше самое интересное. Действие «десперадо» прошло через несколько минут, но СКП приехало чуть позже. Ну вот представь ситуацию: ты заперта в одном фургоне с кучей злобных мужиков, которые тоже не могут освободиться, но все же способны как-то двигаться. У некоторых из них сломаны кости или вывихнуты суставы. И они все еще вооружены до зубов.

— Я видела порно, которое начиналось примерно также, — вставила Руна и тут же получила удар ребром ладони по макушке. Самый мягкий из возможных.

— Маленькая еще всякую гадость смотреть, — назидательно сказал Магистерий с довольной ухмылкой и развернул еще теплый бургер. — В крайнем случае — в сопровождении взрослых. В моем, например.

— Ты-то в каком месте взрослый?

— А ты уверена, что хочешь это знать? А то мне костюм снимать долго.

— Обойдешься, — Руна в ответ пихнула его ногой. — Давай дальше рассказывай.

— А ничего особенного. То есть, я обогатил свой словарный запас разными... эээ... афоризмами. Но когда они попытались до меня добраться, то отведали нейроподавителя. Обожаю эту штуку. Потом спасатели достали нас из остатков фургона, полицейские упаковали всех наемников, а я успел спереть кое-что из их снаряги. Не знаю точно, чьи это были подхвосты, но оснастили их по высшему разряду. Особенно мне приглянулась вот эта штука, — Магистерий достал из подсумка небольшое устройство. — С виду похоже на гибрид подствольного гранатомета и лазерного прицела. Цепляется на стандартную планку Пиккатины, одним лучом пробивает бетонный блок насквозь. Из недостатков — запас энергии небольшой и невозможно перезарядить. Когда все отстрелял, то только выбросить. Технарская работа, но предельно упрощенная, условно серийная. Такие можно делать десятками, если продать свою силу, силу творить невозможное, за чечевичную похлебку.

— Это Выверт, — сказала Руна. — Мне Отала рассказывала. Ты не знал про него?

— Самую малость, у СКП мало информации о нем. Он технарь?

— Не знаю. Вроде бы нет. Кайзер считает, что он Умник, предсказатель. Типа, сейчас его шестеркам впервые удалось надрать жопы, до этого они сухими уходили из любой драки. Причем серьезным ребятам, Крюковолку там, Штурмтигру никогда не удавалось с ними пересечься, они всегда оказывались слишком далеко.

— Ха. Тогда чего на этот раз Выверт сплеховал? Не выспался, или это его план?

— Не знаю. У самих наемников спрашивать не пробовал?

— Готовой сыворотки правды под рукой не оказалось, а делать ее долго, — Магистерий разочарованно вздохнул. — Ну ничего. Я этим говнюкам подарочки оставил, после того, как меня заставили их лечить.

Руна скривилась от отвращения.

— Лечить? Серьезно?!

— А то. Свинка наша, видите ли, недовольна была, что дорожное ограждение помялось, и вообще прошло не аккуратно. Так что, говорит, бери свои микстурки и ставь этих на ноги, чтобы до суда добрались здоровыми и невредимыми.

— А что за подарочки?

— Знаешь, что такое радий?

— Неа. Звучит как название металл-группы.

— Дура ты, Кэсси. Четырнадцать лет, скоро замуж, а элементарных вещей не знаешь.

— Конни, ты заебал, отвечай нормально, — она снова пихнула его ногой.

— Ну дай повыебываться тем, какой я умный. Короче, радий — это такой химический элемент. Радиоактивный. А еще у него есть прикольная фишка — по химическим свойствам он очень близок к кальцию, и способен замещать его. А где в теле большего кальция?

— Эээ... в костях?

— Ладно, возможно ты не безнадежна. Всех подробностей не рассказывать, потому что это все большой секрет, но людей у Выверта поубавится, это точно.

— Оу, ничего ты суров, — Руна удивленно вскинула бровь.

— Полумеры — не мой стиль.

— Круто, че... — протянула девушка и взялась за банку колы. — Чет скучно. Есть идеи, чем заняться?

— Есть одна мысль, но ты же струсил.

— Блин, парням только одно и надо.

— Вообще-то, я предлагаю ограбить собачий приют, а не то, что ты подумала, похотливое существо.

От неожиданности Руна подавилась колой. Она ловко увернулась от ладони Магистерия, когда он размахнулся чтобы ударить ее по спине, и уставилась на него вытаращенными глазами.

— Нафиг тебе вообще собачий приют?!

— Мне нужны подопытные.

— Пфф, тоже мне проблема. Просто скажи завтра Кайзеру, он устроит. У «Медхолл» же есть собственная клиника, где всякие лекарства испытывают.

— Ты не поняла. Выживание этих подопытных не подразумевается. Я конечно не святой, но еще не дошел до такого, чтобы ставить заведомо летальные опыты на людях. А блохозовов не жалко.

— Пиздец. Что ты там за отраву собираешься варить?

— Не отраву, а лекарства и приборы. Но испытывать их можно только на реальных травмах. Смертельных, разумеется.

— Ну ладно, у меня сегодня хорошее настроение, помогу науке, — Кэсси снова поднесла банку к губам, но остановилась. — погоди, а ты собираешься идти на дело в таком виде? Ты же типа герой, тебя в лицо весь город знает.

— Они знают маску. А теперь смотри внимательно, фокус покажу.

Магистерий встал и нажал кнопку на браслете, охватывающем его левое запястье. Вся поверхность его костюма испустила тихое гудение, по ней пробежала волна электрических разрядов. Это длилось чуть больше секунды, а потом костюм изменил цвет с белого на угольно-черный. Мантия съежилась, скомкалась, покрылась складками и очень плотно прильнула к телу. Последними изменились линзы маски, из черных став красноватыми.

Руна расхохоталась.

— Блять... ты серьезно?! Это... это же...

— Поляризационная система, детка. Индукционных разрядов при полете, кстати, тоже не видно.

— И кто ты теперь такой?

— Я — Пиздец! — ответил Магистерий, и встроенные в маску динамики придали его голосу замогильный тон. — Я Эпицентр планетарного уровня! Моя сила работает всегда и в любой ситуации, манипулирует событиями прошлого и будущего, заставляя всех людей вокруг говорить слово «пиздец»!

От смеха Руна согнулась вдвое.

— Это просто... просто... пиздец! — с трудом проговорила она сквозь приступы неукротимого ржача.

— Вот видишь, моя сила уже действует на тебя. Пади на колени, смертная, и окажи мне должное почтение.

— Иди ты. И вообще, стремное имя какое-то, лучше придумай что-нибудь на немецком.

— Тут есть маленькая проблема, я немецкий не знаю.

— Серьезно, как так? У тебя же родители этнические немцы.

— Мне сам язык не нравится, — Магистерий наклонился к Руне поближе. — На нем даже фраза «Я люблю тебя, милая» звучит как «Я вырву твои буркалы и выебу тебя в глазницы».

Руна закатила глаза.

— Ладно-ладно, полетели. Давай только до одиннадцати вечера успеем все сделать.

От слов к делу перешли быстро. Собачьи приюты в Броктон Бей можно было пересчитать по пальцам одной руки, но из них один размещался слишком близко к центру города, и еще один находился под боком у Новой Волны. Так что парочка злочинцев отправилась по воздуху в Доки, где последний по счету собачий приют находился в подозрительном соседстве с корейским кварталом.

Планировать особо было нечего. В поздний час в приюте остались только собственно собаки. Руна с помощью телекинеза прихватила с собой несколько бетонных блоков, каждый весом по полтонны, верхом на одном из них она летела, а другим вышибла ворота вольера. Магистерий присвистнул, впечатленный.

— Слушай, а ты не думала вместо камней использовать мечи? Большие мечи.

— Если ты только их для меня сделаешь. Ну что, тебе только собак наловить?

— Ага, сейчас выберу самых упитанных... минуточку. А в чем мы их понесем?

— Пиздец, Конни, ты не мог об этом раньше подумать?!

— Я силен в технарстве, а не в планировании!

— Ну так сделай что-нибудь!

— Хммм... так, думаю из этой сетки можно будет соорудить... что-то вроде клетки, наверное. Черт, слишком простая схема, сила на таком не работает. Так, у меня где-то был паяльник...

— Давай быстрее только, этот лай наверное весь город сейчас слышит.

Магистерий принялся возиться с тем, что предположительно могло помочь в транспортировке нескольких упирающихся собак. Клетка... упряжь... нет, немного не то. Несколько достаточно массивных элементов, которые Руна сможет перемещать своим телекинезом. И жесткая фиксация, чтобы добыча не выскользнула. И...

Если бы Магистерий мог испытывать страх, его бы в этот момент прошиб холодный пот. Лай вокруг действительно стоял оглушительный. А они забрались довольно далеко в северную часть города. А на севере обитали не только АПП и Барыги... но и банда Сплетницы, Неформалы. В число которых, согласно базам СКП и словам Виктора, входила Адская Гончая. Обладавшая крайне нездоровым пристрастием к собакам.

«Властелин 5, Контакт 5. Воздействует на любых собак на расстоянии до нескольких метров, превращая их в чудовищных монстров. Бугай 3, Движок 2. Огнестрельное оружие неэффективно, за исключением крупных калибров. В розыске за несколько убийств... Меры противодействия... допускается уничтожение собственности...»

— Руна, ты не могла бы на стреме постоять? Ну, сверху посмотреть, что и как? — попросил он, не отвлекаясь от работы.

Девчонка кивнула и взлетела сразу метров на двадцать, а Магистерий торопливо соединял друг с другом куски металлической сетки и прорабатывал тактику. Будь при нем меч, он бы разделал и Адскую Гончую, и ее собак как в мясной лавке. Но меч пришлось оставить, чтобы не обнаруживать сходства с публичной маской. По той же причине нельзя было воспользоваться газовыми гранатами и нейроподавителем.

Всех средств оставалась только ампула с «боевым коктейлем № 3» — значительно усиленной формулой, мощный эффект которой достигался за счет тонкой подстройки под его собственную физиологию и ДНК. Что делало ее бесполезной и даже смертельной для любого другого человека. Вероятно, под действием этого стимулятора он смог бы справиться с одной мутированной собакой. Но Адская Гончая, по опыту прежних встреч, постоянно таскала собой трех.

— Ладно, может, рано порем горячку. Может, обойдется...

На исходе третьей минуты он почти поверил в то, что и правда обойдется. Захваты для собак были готовы, осталось только поймать несколько тех, что еще не разбежались из разломанного вольера, и можно сваливать.

Низкий звериный рык из нескольких глоток возвестил, что не обошлось.

— Пиздец, сзади! — крикнула Руна.

«А то я не слышу, — подумал Магистерий и обернулся.

Адская Гончая, в отличие от многих встреченных им кейпов, не любила театральности, не бросалась язвительными ритуальными фразами. Хотя, вероятно, дело было не в скромности, а в элементарном неумении говорить. Собачники вообще были народом недалеким. Так или иначе, она только резко свистнула, и все три ее собаки молча кинулись вперед, оскалив клыки.

Все три еще не успели вырасти до устрашающих монстров размером с крупную корову, но уже превосходили любую обычную собаку, достигнув метра в холке. Их шкуры уступили место роговым наростам, от которых отскакивали пушечные пули, и они продолжали расти с каждой секундой. Если битва затянется, может стать очень плохо.

Конечно, можно было отступить. И Магистерий, и Руна обладали способностью к полету, и от собак могли оторваться без труда. Магистерию, однако, мысль об отступлении претила. Его сила бушевала в нем, требуя применения и битвы. Скоротечная погоня за Призрачной Сталкер не принесла должного удовлетворения, про захват боевиков Выверта и говорить не приходилось — слишком слабые противники, схватка с такими не заставляет кровь кипеть. Он подскочил вверх, усилив прыжок антигравитационным импульсом. Ампула с «боевым коктейлем» уже лежала в его руке, и он вогнал иглу в одно из пятен мягкой

резины, специально встроенных в прочный материал костюма.

Мимо просвистели бетонные блоки, но собаки легко увернулись от обрушенных на них снарядов. У силы Руны, при ее несомненной мощи, был недостаточно тонкий контроль. Магистерий приземлился на ноги и схватил с земли длинный кусок тонкой металлической трубы, которая недавно служила опорой для вольера. Неуловимо быстрое движение резака, и у него в руках оказалось острое копьё. Маленький обрезок скрылся в подсумке, чтобы не оставлять улики.

«Скажите мне, тупые псины, на угле иль на осине, иль вообще на керосине? — подумал Магистерий. — Как же жарить надо вас?»

Пошутить вслух ему не удастся — бой стремителен, нужно беречь время и дыхание. Он использует сквозное зрение, чтобы нащупать бреши в костяной броне, но ему открывается что-то более занятное. Монструозные существа, которые несутся в его сторону, оказываются лишь бутафорией. Бессмысленным нагромождением тканей, которое обладает массой, плотностью и силой, но в остальном не функционально. Настоящие тела собак выделяются в его восприятии, они остаются неизменными, слово помещенными в плацентарные капсулы.

Уязвимость.

Он принимает решение мгновенно и без колебаний. Его движения настолько быстры, что воздух кажется ему твердым, он опережает собак, смещается относительно них, чтобы одновременно его драться только с одной. И когда расстояние сокращается до предела, контратакует — молниеносно и точно. Импровизированное копьё проскальзывает между зубов прямо в пасть чудовища. Там нет костяной брони, только слой псевдо-плоти, которого совершенно недостаточно, чтобы остановить безжалостный удар, невероятно усиленный собственным кинетическим импульсом животного. Острие входит глубоко внутрь, пробивает защитную оболочку и буквально отрывает находящейся внутри собаке голову.

Яростный вопль Адской Гончей заглушает даже лай собак из приюта, но Магистерия это не отвлекает. Миг — и он уже в воздухе, на волос разминувшись с двумя другими монстрами. Его полетная система не закончена, не отлажена, в полете у него нет маневренности, но зато есть скорость. Он отталкивается ногами от стены, бросая себя прямо в сторону Адской Гончей. Ее собаки кидаются ему наперерез, но на них снова обрушиваются бетонные глыбы, и на этот раз одна из них попадает в цель. Рык сменяется жалобным визгами.

В следующий миг его кулак врезается в голову Адской Гончей. Маска вминается, рвется. В ней и так не было большого смысла, ведь ее гражданское имя, Рейчел Линд, давно известно, и даже не может считаться настоящим. Вместе с маской трещат челюсть и зубы злодейки. Магистерий не совершает ошибки, не прерывает контакт. Вместо этого он хватается Адскую Гончую за одежду и взлетает вместе с ней вверх. Полетная система гудит от напряжения, силясь удержать двойной вес.

Мгновенная оценка последствий: падение с такой высоты с большой вероятностью убьет Адскую Гончую. Неприемлемо. Есть свидетель, тяжелые последствия для основной личности. Магистерий швыряет свою бешено сопротивляющуюся ношу на ближайшую крышу и приземляется следом. Последней оставшейся собаке потребуется, по меньшей мере, несколько секунд, чтобы сюда добраться. За это время ее хозяйку можно превратить в фарш.

Адская Гончая пользуется заминкой противника и одной рукой сует в рот ультразвуковой свисток, а другой достает нож. Настоящий армейский ка-бар, не складное убожество из некачественной стали, которое встречается в руках уличной шпаны. Она бьет

наверняка, удерживая Магистерия одной рукой и целясь в левый бок. Он не пытается закрыться, костюм обеспечивает достаточную защиту. Вместо этого он принимает удар телом и перехватывает правую руку Адской Гончей в момент расслабления.

Хруст.

Нож падает на гравий. Адская Гончая издает сдавленный хрип, ее запястье вывернуто под неестественным углом. Магистерий завершает прием, и хруст раздаётся повторно, более громкий и зловещий.

Локоть.

Он хватается злодейку за волосы и бьет ее лицом о бетонный карниз — раз, другой, третий. Дозируя усилие, чтобы не раскроить череп. Приподнимает перед собой и бьет в печень, целясь так чтобы одновременно сломать ребра.

— Убирайся из этого города, — произносит Магистерий через динамики маски. — Мне приказали не убивать тебя, но в следующий раз я не буду так мягок.

— Убью! — Адская гончая не может кричать, только сипеть, но ненавистью в ее голосе можно плавить сталь. Ее хватает на единственное слово. — Убью! Убью! Убью!

Сбоку слышится скрежет — это последняя собака взобралась по отвесной стене, цепляясь за нее одними только когтями. Выросшая до размеров матерого гризли, но в одиночку уже почти не страшная. Она бросается вперед, чтобы разорвать, растерзать того, кто напал на ее хозяйку... и напарывается грудью прямо на фиолетовый луч. Боль ослепительно вспыхивает, настоящее тело собаки обожжено, но в нем еще держится жизнь. В следующий миг в псевдо-плоть впивается еще один луч. И еще. И еще. Чудовищная собака дергается последний раз и затихает.

— Хм, а недурная штука, — пробормотал Магистерий с деланным интересом, крутя в руках лазер. — Надо бы еще парочку заказать. Ты меня слышала, Адская Гончая? Попадешься мне еще раз, и вместо легкого петтинга я просто поджарю твой волосатый зад.

Магистерий взмыл в воздух и махнул Руне. Она применила силу на нескольких грубо собранных захватах наподобие тех, которые установлены в игровых автоматах с мягкими игрушками, подцепила ими достаточно неповоротливых псов и понесла за собой. Они покидали поле боя с победой и добычей. Чего еще желать от жизни?

Немногого.

Когда они вернулись к той же крыше, на которой устраивали посиделки, Магистерий сорвал с лица маску, притянул к себе девушку и впился в ее губы поцелуем. Не встречая ни малейшего сопротивления.

А тем временем на высоте примерно ста километров белое крылатое существо вдруг шевельнулось и слегка изменило траекторию своего полета.

На следующий день

— По итогам предварительных испытаний, одобрены для реализации образцы 4, 7 и 11, — Макс Андерс откинулся в кресле, дымя сигарой. Словно специально испытывал мою маску на герметичность. — Меня интересуют объемы, который ты реально сможешь произвести и сроки начала поставок.

4, 7 и 11 — это мазь от угрей, антидепрессант и противозачаточное соответственно. Вернее, действующие вещества для них.

— В течение недели я смогу подготовить детали для синтезаторов под образцы 7 и 11, — ответил я. — В следующую субботу я произведу сборку, и можно будет сразу же

приступить к эксплуатации, я составлю инструкцию. Выходную мощность оцениваю в десять килограммов продукта в сутки. С образцом 4 сложнее, времени потребуется больше, так что с ним закончим через две недели.

— Так долго? — Андерс приподнял бровь. — Я слышал, технари способны создавать устройства буквально за считанные часы или даже минуты.

— Ради надежности и долговечности, сэр. Я мог бы собрать установки из мусора и обломков, но устойчивость их работы без моего присмотра будет под вопросом. По известным причинам, я не могу контролировать производство постоянно, поэтому мне придется, заложить в конструкцию значительный запас прочности, сделать детали со сверхточными допусками из особо износостойких сплавов — тогда от меня потребуется лишь периодическая профилактика.

Андерс кивнул, удовлетворенный объяснением, и сделал какие-то пометки в бумагах перед собой.

— Так будет даже лучше. Больше времени на монтаж фасовочной линии, проработку дизайна упаковок и рекламу.

— Странно. Я думал, клинические испытания растянутся на месяцы.

— Растянулись бы, будь это обычные лекарства. Но к технарским разработкам свое отношение благодаря судебному прецеденту «Самородок против Дженерал Моторс», который снимает с любой компании, продающей технарские разработки, ответственность за возможные негативные последствия. Ее полностью несет кейп. Благодаря этому можно выбросить товар на рынок, минуя обычные проволочки. Вдобавок «Медхолл» имеет собственную аптечную сеть, не нужно тратить время на согласование контрактов.

Блять.

Каждый раз, когда я разговаривал с Кайзером, у меня возникало ощущение, что вдобавок к силе металлокинеза у него также есть сила доводить людей до параноидного психоза. Я представил себе последствия судебного иска, если кто-то решит что мои препараты ему навредили, и мне стало тошно.

Еще полчаса мы обсуждали детали рекламной компании, которую предполагалось запускать с начала следующего года, но под конец Андерс свернул на недавнее столкновение с людьми Выверта.

— Слишком агрессивные действия, — вынес он вердикт, и повернул ко мне монитор своего компьютера. На экране был открыт новостной портал с моей фоткой в заголовке новости, на которой я заносил меч, чтобы проделать дыру в крыше фургона. Ракурс был настолько удачным, словно фотограф заранее знал, когда и где снимать.

— Простите, что? — мне показалось, я плохо расслышал. Кайзер предъявлял мне претензии, что я повязал боевиков, расстрелявших его людей?

— Ты потратил много сил и времени, чтобы обелить свой образ. Я прямо сейчас трачу деньги на то, чтобы позитивный фон не ослабевал. Разумеется, я делаю все это не в рамках благотворительности, а с целью извлечения прибыли. Это хорошо, что тебе удалось щелкнуть Выверта по носу, но не в том случае, если это ставит под угрозу последующие маркетинговые акции.

— Извините, но вот это, — я постучал пальцем по монитору, — и называется «обеление образа». Я постоянно мониторию ПЛО, и основная претензия, которую общество предъявляет героям — это бездеятельность. Тогда как я с момента своего появления на публике демонстрировал именно осязаемые, реальные результаты. Это именно то, что от меня ждут

— не дефилирование по Бульвару в патрулях, а настоящие дела, которыми мало кто из местных героев может похвастаться.

— От тебя никто ничего не ждет, — с легким раздражением ответил Андерс. — Ты всего лишь еще один из десятков тысяч кейпов. Все твое отличие в том, что твоя сила применима не только в бою. И на этом отличии делается акцент.

— Но как же наработка репутации...

— Оружейник за десять лет карьеры засадил в Клетку столько народу, что окажись он там сам, то не прожил бы и десяти секунд. И все равно его популярность и на половину не дотягивает до Сталеваара, про которого какой-то идиот всего лишь нарисовал смешную картинку. Все, можешь идти.

Я вышел из кабинета генерального директора и вызвал лифт. В принципе, я мог выйти просто в окно, но это среди кейпов-летунов считалось дурным тоном. Сегодня Кайзер ухитрился испортить мне настроение сильнее, чем он обычно это делал. Хотя, по существу, это было не так плохо, потому что позволяло отвлечься от мыслей о вчерашнем вечере.

Когда я проснулся утром, у меня на телефоне был десяток SMS-ок от Кэсси, настолько пуганных и невнятных, что я с трудом смог восстановить в памяти прошедшие события. А восстановив, захотел расшибить голову о стену. Каким вообще местом думала внутренняя личность, сначала вытаскивая эту оторву на свиданку, потом устраивая совместное ограбление, а в довершение — целуя ее прямо на крыше?

Известно каким.

Я сам знаю, это был риторический вопрос. Осталось понять, что теперь со всем этим делать. Я не собирался с ней сблизиться, она мне даже не нравилась, но после такого засоса трудно будет объяснить, что я не это имел ввиду. Seriously, я бы предпочел кого-то поспокойнее. Хотя, наверное, внутреннюю личность все устраивало, во всяком случае, Магистерию с Руной не было скучно.

Просто пользуйся возможностью.

Пользоваться открывшимися возможностями мне не хотелось. То есть, может и хотелось, но я не знал, как подступиться. Чего мне действительно хотелось, так это забрать со склада «Медхолл» краденых собак и запереться в мастерской до поздней ночи. До обозначенного Оружейником дедлайна оставалось не так много времени, проект выходил сложнее всего, что я до сих пор делал, а у меня были готовы только эскизные наброски.

А еще оставались инструкции от Гезельшафта, о которых легко было забыть в текучке, но сделать это было бы большой ошибкой. Были проекты для личного использования, вроде тесла-разрядника, отладка полетной системы и усовершенствование поляризаторов для обеспечения невидимости. Наконец, я был вынужден несколько часов в день проводить в школе. Тупейшая трата бесценного времени, которую только можно придумать. Я еще не могу попытаться сдать экзамены досрочно, но может, попроситься на домашнее обучение?

Я вышел из офиса «Медхолл» и остановился на ступеньках. В даунтауне в это время дня шансы напороться на кейпомана были невелики, люди вокруг спешили по делам и внимания на меня почти не обращали. Конфискованный у одного из наемников лазер все еще оттягивал подсумок, и он тоже был вопросом, с которым следовало разобраться. Мне не слишком хотелось общаться с Виктором, но в его обширной коллекции имелись умения детектива и хакера.

Моя мантия оцетинилась покровом электроразрядов, ее полы слегка приподнялись, словно от ветра, но на самом деле от мощнейших магнитных полей. Я оттолкнулся ногами от

земли, от ускорения в теле появилось тянущее чувство. Через несколько секунд я поднялся на сто метров, выше любых зданий, и направил полет в сторону районов, где находились еще работающие в этом городе склады.

В ощущении полета было какое-то чувство обмана, подставы. Да не только в нем, вообще во всей моей силе. Интересно, такое со всеми кейпами? Летуны и телепортеры в момент триггера стремятся убежать от опасности, и силы дают им такую возможность, но после этого они так и обречены убежать. Бугай и Изломы чаще всего триггерят от физической угрозы, и с этого момента постоянно подставляются под все более жестокие удары. Властелинами движет одиночество, и их силы зачастую настолько ужасны, что отталкивают от них людей.

Когда я думал об этом, то мне начинало казаться, что представление силы в образе демона, нашептывающего на ухо — это не моя личная фантазия, а что-то близкое к истине. Во всяком случае, если сделать допущение, что парасила сама по себе имеет какие-то злые намерения, но становится логичным, почему она дает собой пользоваться, но в тоже время не дает заживать старым ранам.

Добравшись до нужного места, я сбросил скорость и начал снижаться, пока не коснулся ногами земли. Накатившее ощущение собственного веса напомнило, что сколько ни летай, от самого себя все равно не убежишь. Блять. Такое чувство, будто сегодня весь мир пытается на мне отыграться за вчерашнее. Я вошел на склад через служебный вход и убедился, что меня уже ждали.

Виктор находился здесь в своей гражданской личности, под личиной сотрудника службы безопасности «Медхолл». Находившиеся там же складские рабочие не были кейпами или членами Империи-88, простые обыватели.

— О, Магистерий, ты как раз вовремя, — сказал Виктор, широко улыбаясь. — Твой груз подготовлен и упакован, можем пойти осмотреть, если хочешь.

Я кивнул и двинулся за ним, понимая, что он просто хочет поговорить с глазу на глаз.

— По поводу собак... они взялись оттуда, откуда я думаю? — спросил он уже без улыбки, когда мы скрылись за стеллажами и подошли к стоящим рядом клеткам с животными.

— Я понятия не имею, о чем ты думаешь. Да, мы с Руной вчера разгромили собачий приют и отделали Адскую Гончую. А в чем проблема? Ты решил взять пример с Кайзера и тоже покапать мне на мозги, что герою такое не пристало?

— Да делай что хочешь, мне-то что. Но не вздумай пудрить мозги Кэсси.

— Чего?

— Того. Во-первых, Адская Гончая — наглухо ебнутая, на ней куча трупов. Ее твари способны перекусить человека пополам. И там не было никого из нас, чтобы подстраховать.

— Там был я.

— Тебе просто повезло. Во-вторых, вы теперь встречаетесь, верно?

— Не уверен. Что бы вчера ни произошло, это был не совсем я. Мои стимуляторы иногда... подводят меня.

— Мой тебе совет: не вздумай поджимать хвост и сливаться, Кэсси девочка вспыльчивая. Если растопчешь ее чувства, будь готов к случайному падению кирпича на голову. И не одному.

Иногда я просто ненавижу свою внутреннюю личность.

— Буду очень благодарен, если ты перестанешь лезть в мою личную жизнь. Лучше

скажи мне, что можешь сказать про эту штуку, — я протянул Виктору подствольный лазер.

— Здесь ты технарь, а не я, тебе лучше знать, что это.

— Я не о том. Откуда это устройство взялось, кто мастер... и как его найти.

— Дай-ка взглянуть. Хм... — Виктор взял лазер и принялся внимательно его осматривать. — Знаешь, мир тесен, мир кейпов еще теснее. Мы просто не можем жить, не толкаясь локтями. Особенно когда дело касается технарей, чьи игрушки могут работать без них самих.

Он взял эффектную паузу, но я просто продолжил терпеливо ждать.

— Так вот. Когда речь заходит о том, чтобы толкнуть что-то на черном рынке, твоя главная проблема — найти покупателя. Также, как у желающего что-то купить проблема в поиске продавца. Ты вряд ли изучал экономику, но спрос рождает предложение, и если есть спрос на установление связей между покупателем и продавцом, то неизбежно возникнет что-то, что сведет их вместе. Тебе что-то говорит название «Ящик Игрушек»?

— Самым краем уха что-то слышал. Вроде бы банда технарей-наемников.

— Даже близко нет. Ящик Игрушек — это в первую очередь торговая площадка, куда ты можешь обратиться, и тебя сведут с тем, кто тебе нужен — за скромный процент от суммы сделки, конечно. Во-вторых, это группа технарей, которые послали к черту Протекторат, но при этом хотят сохранить независимость. Никто толком не знает, где они находятся, по слухам, у них есть технологии перемещения между параллельными мирами, как у Чокнутого Профессора.

— Круто, что сказать. Но как-то же с ними выходят на связь?

— У них есть сайт в дарк-нете. Ну и сам понимаешь, с кем попало они не связываются. Я к чему веду. Выверт почти наверняка приобрел эти лазеры через Ящик Игрушек. Но даже если спросить у них самих, они не сдадут контакты.

— Не важно. Меня интересует сама эта веселая компания. Так какой у них адрес?

Еще несколько дней спустя

Собака умирала мучительно. Поток жесткого излучения почти вскипятил ее изнутри, разрушил костный мозг и стенки сосудов, повредил нервную систему. Она еще слабо дергалась, сучила лапами, тихо скулила, но уже была обречена.

Я изучал ее смерть внимательно и досконально, как и десятки смертей до нее. Я брал пробы различных тканей, изучал их своей силой, сравнивал со здоровыми образцами. Старался разложить смерть на отдельные компоненты и реакции, чтобы обратить ее вспять. Пока получалось неважно.

Острая лучевая болезнь оказалась самым серьезным вызовом, что я до сих пор получал, рак в сравнении с ней был не страшнее насморка. Особенно такая ее форма, которую мог получить кейп в бою с Бегемотом — то есть огромная доза радиации, измеряемая тысячами зивертов, которая поражает все тело разом. Я сосредоточился именно на этой проблеме, потому что ожоги, электрический шок и механические травмы, которые можно было получить в бою с этим Губителем, в целом поддавались консервативному лечению. Если раненного кейпа успевали дотащить до медиков, конечно. Но радиоактивное излучение Бегемота было приговором, который приводился в исполнение в течение примерно от получаса до трех. Таким обычно просто давали большую дозу обезболивающего, чтобы облегчить смерть. Потратив почти неделю времени, опустошив с помощью «Медхолл» все собачьи приюты и купив в зоомагазинах всех крыс, я не приблизился к решению.

Я с легкостью подбирал лекарства для обычных болезней, потому что обычно они сводились к конкретному нарушению или патологии, которые можно было обнаружить, определить и устранить. Радиация же убивала организм комплексно. Фактически, простейшим способом вылечить облученного было создать ему новое тело, а потом переписать в него сознание. Вырастить клона я не мог, да и ментальные технологии, чтобы там ни говорили, очень слабо соотносились с моей специализацией. Первым делом я попробовал уже испытанный метод со стволовыми клетками, но потерпел неудачу. Во-первых, после облучения было проблемой вообще найти их. Во-вторых, если все же удавалось что-то выщедить из костей, зачастую препарат просто не попадал по назначению из-за разрушенных сосудов.

Этот путь оказался очевидно тупиковым, поэтому я пошел другим — попытался воздействовать на весь организм разом, использовать ту же технологию, на которой основывался нейроподавитель. И моментально столкнулся с тем, что одна, или даже десяток пластин не покрывали нужного диапазона. На один единственный тип тканей требовались десятки различных частот, отвечающих за различные белки. Короче, тоже фейл.

Видимо, лучевая болезнь была тем случаем, когда моя сила мягко и ненавязчиво сказала мне «пошел нахуй», потому что к следующему понедельнику я чувствовал себя как пропущенная через блендер камбала. Несчастливая собака в последний раз забилась в судорогах и больше не шевелилась. Я взял животное и бросил его в биореактор, где трупы моих подопытных перерабатывались в денатурированную биомассу. Последнюю я надеялся использовать в опытах по биопротезированию — на случай, если кому-то оторвут руку или ногу, и этим кем-то окажется не Эгида. Часть я собирался отдать Панацею, для тех же нужд, потому что она хотя и манипулировала органикой как заблагорассудится, но не могла создать ее из ничего.

Стоп. Стоп. Стоп.

Эгида.

Панацея.

Неубиваемый парень и сильнейший целитель-биокинетик в мире. Если бы была возможность как-то изучить их силы вблизи, сделать замеры, проследить принципы действия... Вероятно, это бы стало ключом к решению! Правда, с Панацеей я в больнице старался не пересекаться, чтобы лишний раз не раздражать ее своим видом. Но вот Эгида... Я решительно вышел из лаборатории и отправился в спортзал.

Карлос увлеченно лупил по боксерской груше. Время от времени он оборачивался в сторону Денниса и Дина, чтобы те не сачковали с отжиманиями. От его ударов груша отлетала чуть ли не до потолка — и это при том, что увеличенной силы у него не было. Зато была врожденная болезнь, нечувствительность к боли. Я не знал обстоятельств его триггера, но подозревал, что он получил какую-то тяжелую травму, которую заметил только тогда, когда она начала его убивать. Обретенная сила спасла его, даровала почти бессмертие, взамен заставив постоянно калечиться.

— Карлос, можно тебя на пару слов? — спросил я громко.

В зале моментально воцарилась тишина. Три пары настороженных глаз обернулись ко мне, и удивленно вытаращились. Задним числом я сообразил, что мой костюм, особенно перчатки, перемазаны в крови после очередного вскрытия. На меня и так начали косо смотреть из-за опытов на животных, а я вдобавок настолько ушел работу, что забыл о гигиене.

Черт, надо было заодно купить врачебный халат. Или мясницкий фартук.

— Что такое?

— Мне нужна твоя помощь.

— Эээ... — казалось, он растерялся. — Какого рода?

— Уложу тебя на операционный стол, облучу из нейтронной пушки и посмотрю, что получится, — честно ответил я.

— Слушай, такие неприличные предложения прямо в лоб немного смущают.

— Но я просто пытаюсь понять, как лечить радиационные поражения.

Карлос напряженно нахмурился. С одной стороны, у меня, формально, были благие мотивы. С другой, вид мой доверия не внушал.

— Это может немного подождать? — спросил он. — Понимаешь, сейчас напряженная ситуация, у Империи-88 уже второе пополнение за месяц, есть предположения, что они готовятся активно атаковать других злодеев в ближайшее время. Я бы с радостью тебе помог, но сам не знаю, как быстро восстановлюсь после воздействия радиации. А нам сейчас всем нужно быть в боеготовности.

— Второе пополнение? — я немного удивился. Конечно, я не был членом Империи как таковой, но новичок бы точно мимо меня не проскользнул.

— Ага, его впервые заметили около недели назад, но информация дошла до нас окольными путями, буквально только что. Называет себя, кхм, Пиздец. По свидетельствам, имеет классический «набор Александрии» и улучшенные рефлексy, использует покупное технарское оружие. Видимо не местный, а гастролер, и надолго не задержится, но стоит быть начеку.

Я сделал вид, будто морщусь от дурацкого имени. Ладно, мне для этого даже не пришлось делать вид.

— Ладно, извини за беспокойство, придется идти на поклон к Панацее, — вздохнул я. — Надеюсь, она не завяжет мне глаза в узел за одну невинную просьбу.

Все равно у меня был «больничны́й» день.

Я забрал из своей мастерской инструменты и реактивы, а также прихватил с собой нейтронную пушку (хотя эта махина довольно много весила, и нести ее было крайне неудобно) и клетку с последним подопытным, не успевшим отдать свою жизнь во имя спасения большего количества жизней людских — то есть с голубой шиншилой, которую наивный продавец в зоомагазине отдал мне за полцены в обмен на фото.

Только перед самым выходом я вспомнил, что надо вообще-то сначала смыть кровь.

Из-за тяжелого груза мне пришлось не лететь до больницы своим ходом, а ехать на штатном мотоцикле. На таких же ездили все члены Стражей и Протектората, не имевшие рейтинга Движка. По закону, конечно, я еще несколько месяцев не имел права садиться за руль, но маска и статус Стража позволяли избегать вопросов о возрасте.

Входить в больницу все еще было непривычно и странно. Я регулярно посещал ее сколько себя помнил, но исключительно в качестве пациента. Теперь стрелка повернулась на пол-оборота, и я входил в знакомые стеклянные двери, чтобы спасти, а не быть спасенным.

По лестнице я поднялся в отделение интенсивной терапии и первым делом заглянул в кабинет дежурного врача.

— Добрый день, доктор Монтана, — поздоровался я. — Что у нас в меню на сегодня?

— О, привет, Магистерий, — пожилой полноватый мужчина поднял голову от бумаг и

слеповато на меня прищурился. — Сейчас гляну, что на тебя ставили... Сегодня немного, только одна запущенная меланوما, доставили сегодня утром с южного побережья, и один диабет первого типа, из тех, кого ты просил направлять к тебе.

— Так мало? — я немного удивился. — Что, все остальные терминальные успели умереть за выходные?

— Нет, просто Панацея последние дни работает за двоих. Как приступ у нее какой-то.

— Где она сейчас?

— Здесь была недавно.

— Хорошо. Перешлите истории болезней мне на почту, как обычно. Палаты какие?

— Меланوما в двести десятой, диабет в четыреста тридцать четвертой.

Я кивнул и вышел вон. Доктор Монтана не задавал мне лишних вопросов, почему у меня с собой здоровенная бандура, похожая на гибрид гранатомета и садового пылесоса, и клетка с живой шиншиллой. Принес — значит надо, очередные технарские приبلуды, которые неизвестно как работают. Разговор с Панацеей предстоял тяжелый, так что я решил сначала разобраться с текучкой, благо ее было немного, и случаи сравнительно легкие, хорошо изученные.

Я дошел до двести десятой палаты, где меня уже дожидались. Иссушенная болезнью до скелетоподобного состояния пациентка лежала с закрытыми глазами, редко и мелко дыша. Ее на протяжении нескольких суток накачивали огромными дозами обезболивающего, чтобы хоть как-то подавить метастатический болевой синдром. Рядом с койкой сидели мужчина и женщина лет сорока-пятидесяти — видимо, родители. Когда я вошел, они подняли на меня удивленные глаза.

— А где Панацея? — спросил мужчина и привстал со стула. — Нам сказали, что лечить Марию будет она.

— Не беспокойтесь, я умею лечить рак ничуть не хуже. Магистерий, Страж отделения Восток-Северо-Восток, — я протянул ему визитку. — Я тоже кейп-целитель, но с немного другим подходом.

Мужчина с сомнением нахмурился, но все же пока решил не спорить, а я погрузился в изучение анамнеза. У меня не было профессиональных медицинских знаний, чтобы понять его так, как понял бы настоящий врач, но я держал в памяти приличный объем данных по прошедшим через мои руки пациентам, и мог соотнести информацию из карточки с ранее использованными методами. Через несколько минут, осмотрев организм пациентки сквозным зрением, я составил карту распространения метастазов, определил цели воздействий и выстроил в уме примерную формулу.

— Ну, начнем.

«Врачебный чемоданчик» по нажатию кнопки разложился в целую мини-лабораторию. Работа Оружейника, своеобразный подарок, нацеленный на повышение моей эффективности как целителя и улучшение оказываемого на общественное мнение эффекта.

— Это еще что? — снова спросил отец пациентки, более резко. — Ты лечить мою дочь собираешься или нет?

— Я готовлю лекарство для нее, и если вы продолжите меня отвлекать, то покинете палату.

— Джефф, не надо, — слабо попросила сидящая рядом с ним женщина. — Он, наверное, знает, что делает.

— Нам обещали Панацею! — повысил голос Джефф. — А это непонятно кто.

— Один, — сказал я, смешивая в пробирке базу для будущего препарата.

Я добавил первую партию компонентов, поместил пробирку в нагревательную камеру и выставил нужный температурный режим. Засек на часах время — семь минут и тридцать семь секунд. Потом смесь нужно будет осадить, отделить осадок, центрифугировать и использовать самую легкую фракцию.

Как и следовало ожидать, в скором времени отец пациентки снова начал терять терпение. То он раздраженно зыркал по сторонам, то начинал сверлить меня мрачным взглядом, то порывался встать, но в последний момент опускался на место.

— Ну что там, долго еще? — осведомился он наконец.

Я повернулся в его сторону, так чтобы он видел свое отражение в линзах моей маски, и ответил одним словом:

— Два.

— Что два?! Два часа?! Два дня?!

Я нажал на кнопку вызова медсестры, после чего достал пробирку из камеры и всыпал в нее катализатор. В растворе мгновенно набухли хлопья осадка. Я достал еще одну пробирку и принялся сцеживать в нее раствор через десятимикронное ситечко. Когда я поставил ее в центрифугу, вошла знакомая мне медсестра.

— Миссис Имс, будьте так любезны, вызовите полицию.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Этот человек своим буйством мешает мне работать и ставит под угрозу жизнь пациентки.

— Какое еще нахер буйство?! — заорал Джефф во весь голос и схватил меня за плечо. Моя рука сама рванулась к рукояти меча, но я вовремя себя одернул. — Мы месяц в очереди проторчали! Мария могла умереть в любой момент! А теперь вместо Панацеи приходит хрен какой-то, непонятно откуда вылезший!

— Сэр, пожалуйста, успокойтесь! — медсестра решительно влезла между мной и отцом пациентки. — Я понимаю ваше беспокойство, и...

— Что тут за шум? — раздался голос со стороны входа в палату. — А, это ты, Магистерий. И почему я не удивлена?

В дверях стояла Панацея в своей красно-белой мантии, с закрытым белым шарфом лицом. Ее блеклые вьющиеся волосы слегка выбивались из-под капюшона, а глаза казались слегка отекшими.

«Стресс. Недосыпание. Депрессия», — сообщило мне сквозное зрение.

— Я всего лишь пытаюсь делать свое дело, но в моих способностях все еще сомневаются.

— Кто?

Я кивнул в сторону Джеффа. Тот при виде Панацеи немного присмирел и только тяжело дышал. Она покачала головой, подошла к койке и взяла Марию за руку.

— Меланома. Четвертая стадия. Метастазы в костях, кишечнике и лимфоузлах, — сказала она. — Иммунодефицит... последствия химеотерапии.

— По мне не скажешь, но я умею читать. Все это есть в карточке.

Панацея выпустила руку пациентки и повернулась к ее отцу.

— Сэр, вам может показаться, что Магистерий — безответственный придурок, и вы не сильно ошибетесь. Но он достаточно компетентен в своем деле, и когда дело касается лечения, ему можно доверять.

Она ушла, прикрыв за собой дверь.

— Так нам еще нужно вызывать полицию? — уточнила миссис Имс.

— Думаю, это излишне, — я оценивающе глянул на Джеффа. — Я надеюсь на это.

Центрифуга пиликнула сигналом, я достал пробирку и набрал в шприц требуемую фракцию.

— Теперь мне нужно ваше разрешение на применение параспособностей, — произнес я, глядя между родителями пациентки.

— А что, так не ясно? — хмуро спросил Джефф.

— Формальности. Протоколы. Бюрократия.

— Даю разрешение.

Я кивнул и принялся медленно вводить лекарство в вену. Эффект начал проявляться сразу, хотя внешне это было едва ли заметно. Я видел, как препарат распространяется по кровеносной системе, проникает в каждую клетку тела и убивает все лишнее.

В полном молчании прошло десять минут, после чего я ввел дозу регенеративной сыворотки, чтобы нейтрализовать внутренние кровотечения там, где прежде находились метастазы.

— Очнется через полчаса, когда пройдет действие обезболивающих, — сказал я и принялся делать в карточке пометки для лечащего врача и медсестер. — Следующие месяц-два соблюдайте диету с избытком овощей, орехов и свежей рыбы. Я выжег рак, но иммунная система и общие функции организма должны восстановиться сами. У меня все, приятного дня.

Я собрал чемоданчик и вышел из палаты, не дожидаясь реакции. За прошедшие недели я усвоил, что совершенное доброе дело не стоит ничего. Пока близкий человек находится при смерти, его родные порой готовы падать на колени перед целителем, но как только последний выполняет свою работу, он словно исчезает из восприятия окружающих.

Я поднялся на четвертый этаж, где находилось педиатрическое отделение. Там меня уже дожидался щуплый чернокожий мальчишка-диабетик, лет десяти, не больше. Я разочарованно вздохнул под маской, и попытался утешить своего внутреннего нациста, что такой дохляк вряд ли когда-нибудь станет членом банды, а значит, никому особо не навредит. Конечно, потратить мое время и препараты можно было и с большей пользой, но раз поставил себе задачу искоренить диабет в городе, то поздно нос воротить. Главное, не рассказывать об этом Кэсси.

Там я закончил довольно быстро, все было знакомо и без осложнений. Виски понемногу начала ломить мигрень, но пока еще вполне терпимая. Я подобрал клетку с шиншиллой и отправился на поиски Панацеи.

Она обнаружилась в соседней палате, где занималась не слишком тяжелыми случаями, но их было много. В чем я был точно уверен, что она уделяла столько внимания детским болезням не потому, что любила детей. Когда она касалась очередного ребенка, я не видел в ней ни малейшего проблеска чувств. Пульс не учащался, не менялся ни на йоту гормональный фон или активность областей мозга, кроме Corona Pollentia. Очевидно, она не испытывала ни капли сопереживания к своим пациентам. Я сам нередко задавался вопросом: а почему она продолжает делать то, что делает? Потому что считает это правильным или просто прогибается под общественное мнение? Или, как и я, старательно демонстрирует единственный мирный аспект своей силы, чтобы отвлечь внимание от более зловещих? Каковы вообще пределы ее способности влиять на живой организм?

— Прости можно, тебя на минуту? — спросил я, подходя ближе.

— Я занята, зайди позже.

— Просто хотел попросить тебя кое о чем.

— Что тебе нужно?

— Научи меня лечить радиационные поражения.

— Как я смогу тебя научить, если наши силы работают совершенно по-разному?

— Просто позволь один раз посмотреть, как ты это сделаешь. Надеюсь, я смогу повторить эффект.

— Вряд ли в Броктон Бей есть хоть один случай лучевой болезни.

Я в ответ продемонстрировал своего подопытного. Дети помладше при виде зверушки радостно загалдели, а я мысленно представил размер биты, которую мне в задницу затолкает главврач за такую вопиющую антисанитарию.

— Вот наш доброволец. А вот это, — я похлопал нейтронную пушку по боку, — источник излучения.

— И ты собираешься подвергнуть несчастное животное жесткому радиоактивному облучению, которое гарантирует ему мучительную смерть, если я его не вылечу? А сам будешь смотреть, как я это делаю, в надежде потом с помощью всяких шестеренок и лампочек попытаться сделать что-то похожее?

— Ну... в общих чертах... — я невольно замялся, — пока ты не представила все в таком свете... да, это я и собирался сделать.

— Я бы сказала, что ты ужасный человек, но ты и так это знаешь.

— Крысы для того и существуют, чтобы на них ставили опыты!

— Это шиншилла.

— Не важно. Ты бы предпочла, чтобы я ставил опыты на людях?

К моему ужасу, Панацея серьезно задумалась.

— Я бы предпочла, чтобы ты вообще ни на ком опыты не ставил, — ответила она после паузы. — Но, кажется, просить тебя об этом бессмысленно. Просто пообещай, что это будет во благо.

— Я пытаюсь создать машину для спасения раненных в битвах с Губителями.

Панацея только горестно вздохнула. Я поставил клетку на подоконник и нацелил нейтронную пушку так, чтобы направленный радиационный пучок ушел в небо, не касаясь зданий. Потом пришлось отгонять мелюзгу, которая с восторженным видом глазела на технарский девайс, и только удостоверившись, что никто случайно не выскочит на линию выстрела, я включил излучение.

Дети разочарованно загундели, потому что внешне это не выглядело никак. Пушка загудела, и гудела несколько секунд, а потом перестала. А вот шиншилла, до этого с любопытством принюхивающаяся к больничным запахам, сразу стала вялой и с трудом держалась на лапах. Панацея открыла клетку и взяла животное на руки.

— Смотри внимательно, я делаю это в первый и последний раз.

Я кивнул и задействовал сквозное зрение, стараясь не упустить ни единой мелочи. Для меня это выглядело так, будто разрушенные потоком нейтронов и гамма-квантов белки сами стали восстанавливать свою структуру. Нет. Не восстанавливать. Процесс расщепления и синтеза шел с одинаковой скоростью, Панацея брала поврежденную ткань и воссоздавала ее структуру, работая чуть ли не на атомарном уровне. Это отчасти напоминало телекинез Руны — только примененный в микроскопических масштабах и на квинтиллионах объектов

одновременно.

Если что я и понял из проведенной демонстрации, так это то, что как целитель Панацея меня обставляет на миллион очков форы. Да и вообще во всем, что касается работы с живыми организмами.

Шиншилла, которую она держала, оживилась, привстала на задние лапы и принялась обнюхивать ее шарф. Дети, особенно две девочки десяти-двенадцати лет, потянулись к зверьку, но та ловко увернулась от них, пробежала по рукаву и нырнула Панацее за пазуху мантии, так что оттуда было видно только мордочку.

— Класс, — сказал я. — Ты уже присвоила мою крысу.

— Это шиншилла. И если я оставлю его тебе, ты снова будешь ставить на нем какие-то изуверские опыты.

— Его?

— Это мальчик.

Собственник во мне хотел было возмутиться, что я отдал за эту крысу честно заработанные сто двадцать долларов, но был тут же подавлен. Во-первых, сто двадцать баксов были для меня ничем. Во-вторых, я впервые за все время знакомства с Панацеей увидел в ней хоть какой-то проблеск радости. В третьих, это была шиншилла, а не крыса, надо запомнить наконец.

— Хм. Ладно. Но ты должна придумать ему имя.

— Нет проблем. Теперь его зовут Реми.

— Можно было что-то повнушительнее придумать, но сойдет. Ты тут закончила?

— Да, думаю, на сегодня хватит.

— Пошли тогда что-нибудь съедим.

Панацея одарила меня озадаченным взглядом.

— Прости?

— Ну, ты мне помогла, а я не люблю копить долги. Так будет честно.

— Ну пошли, — ответила она без какого-либо энтузиазма. Кажется, ей казалось менее утомительным согласиться, чем спорить.

Мы вышли из больницы вместе, хотя и держа некоторую дистанцию. Отчасти, чтобы не давать лишней пищи для пустых слухов, отчасти потому, что тащить нейтронную пушку было реально неудобно. Реми определенно облюбовал себе местечко под мантией Панацеи и поглядывал оттуда на меня со смесью торжества и глубокой ненависти.

«Радуйся, пока можешь, шерстяное недоразумение, — подумал я. — Однажды твоя новая покровительница потеряет бдительность, и ты окажешься на моем разделочном столе».

Я не планировал ничего особенного. Просто сходить вдвоем до ближайшей забегаловки, поболтать полчаса о чем-то незначительном, задать мимоходом пару действительно интересующих вопросов и разойтись. Меня ждала лаборатория и домашние задания, у Панацеи наверняка тоже были свои дела. У меня даже в мыслях не было с ней флиртовать или что-то еще — в первую очередь потому, что я практически не вызывал у нее эмоционального отклика, не больше чем дверь или стена. Как всегда, реальность внесла в планы свои коррективы в виде двух упавших с неба белых вспышек.

— Так-так, стоило отвернуться на минуту, а ты уже клеишься к моей сестре, — Слава откинула назад волосы и посмотрела на меня сверху вниз, зависнув примерно в метре над землей.

— Магистерий, я тебя предупредила, — добавила Лазершоу.

— Дежа вю, — сказал я, сдерживая позыв прикрыть лицо ладонью. — Вы-то что тут забыли?

— Я прилетела забрать Панацею домой, — ответила Слава. — И похоже, что явилась очень вовремя... ой, а что это за прелесть?!

Она заметила шиниллу и моментально потеряла ко мне интерес. Панацея вытащила питомца из-за пазухи и усадила себе на ладонь.

— Его зовут Реми. Магистерий ставил на нем опыты с радиацией.

— Магистерий — мудака, это не новость. Что он вообще делает рядом с тобой?

— Ну, вообще-то, я собирался покормить Панацею ужином.

Кажется, я зря это сказал. Хотя вроде бы ничего такого. Что может быть предосудительного в совместном поедании бургеров или тако? Но на миг мне показалось, что Слава и Лазершоу сейчас размажут меня по земле даже не используя свои силы, одними лишь взглядами. Аура Славы хлестнула по мне, точно ведро кипятка. Но миг прошел, а я все еще был жив. Потом героини переглянулись и словно пришли к какому-то единственному решению.

— Мы не можем оставить ее наедине с тобой.

— Верно. Так что присмотрим за обоими, и только попробуй что-нибудь выкинуть.

— Класс. То есть, мне теперь еще и вас кормить? — под эмпатическим прессом мне было тяжело просто дышать.

— Мы в состоянии заплатить за себя сами, не волнуйся, — фыркнула Лазершоу.

— Но общественность может узнать, что Магистерий — жмот, — добавила Слава.

— Хорошо, хорошо, я угощаю. Только выключи свою блядскую ауру, у меня сейчас пена изо рта пойдет.

— Оу... — она немного смутилась. Совсем немного. Но давление все же ослабло. — Я думала, она на тебя не действует.

— Когда я меняю личность, то перестаю испытывать страх, вот и все.

— Пффф, а я-то думала... ладно, тащи свою задницу на набережную, там есть одно приличное место, «Капеллини».

Героини Новой Волны улетели, причем Слава взяла сестру на руки, будто та вообще ничего не весила. Мне же пришлось потратить четверть часа на то, чтобы отогнать мотоцикл в гараж СКП и бросить там же свое оборудование. За использование служебного имущества в личных целях могли вкатить крупный штраф, да и тащить с собой в кафе нейтронную пушку мне показалось плохой идеей. Потом, немного подумав, я достал телефон и позвонил Рыцарю, который сейчас должен был находиться в патруле со Стояком. За прошедшее время его неприязнь ко мне вроде бы поубавилась, но мы все равно практически не общались.

— Я слушаю.

— Это Магистерий. Два важных вопроса: как долго еще ты будешь в патруле и знаешь ли ты местечко на набережной под названием «Капеллини»?

— Еще час. Место знаю, это наверное самое дорогое кафе в городе, но оттуда отличный вид на штаб-квартиру Протектората. А в чем дело?

— У меня намечаются неприятности, и только ты можешь мне помочь. Подгребай туда, так быстро, как только сможешь, обязательно без маски. Я один с тремя не справлюсь.

— Погоди, с кем «с тремя»?

— Все, прощай.

Когда я добрался до набережной и нашел нужный адрес, три проклятия уже меня поджидали. Точнее, два проклятия, потому что Панацея тоже не выглядела слишком радостной от бардака, который устроили ее сестра и кузина. Я собрался с духом и вошел внутрь. Это был не тот противник, которому можно выжечь нервную систему нейротодавителем или изрубить мечом. Здесь предстояла битва совсем иного сорта. Хотя и не менее жестокая и кровопролитная.

Я уселся напротив Славы и Лазершоу, и сдвинул незаметный переключатель на боковой кромке маски. Нижняя ее половина разделилась пополам и разошлась в стороны, открывая рот.

— А вы надеялись, что будете наслаждаться местной пастой с креветками, пока я смотрю и пускаю слюни?

Просто еще один день моей жизни в качестве Стража. Один из последних спокойных дней в моей жизни вообще. Тогда я еще не знал, как мало у меня оставалось времени, перед тем как попрощаться с ними навсегда.

— Раздвижная маска? — Слава удивленно приподняла бровь. — Серьезно?

— У тебя когда-нибудь была проблема, что жутко хочется пить, и у тебя даже есть с собой бутылка воды, но ты не можешь сделать ни глотка, потому что для этого нужно снять маску? — я сложил перед собой руки в пирамидку так, чтобы они прикрывали нижнюю часть лица. — Можешь не отвечать, и так все понятно.

— Ну да, я не создаю себе проблемы на ровном месте.

— Ты только что создала их мне. С меня на прошлой неделе и так чуть шкуру не спустили за жесткое задержание, на месяц отстранили от патрулей. А теперь я мантию просиживаю в кафе в условно рабочее время.

— Ты бы и так ее там просиживал, раз позвал Панацею поужинать.

— Да, но это бы было в малолюдном месте, — я оглянулся вокруг, изо всех сил душа в себе подступающую паническую атаку, — а не на виду у кучи зевак и туристов.

— Не вижу проблемы, — вмешалась Лазершоу. — Публичность, открытость. Это часть работы Стража, не так ли?

Я не смог придумать возражение и раскрыл меню, чтобы хоть как-то отвлечься от двух жаждущих крови тигров, зачем-то надевших личины симпатичных блондинок.

— Панацея, можно нескромный вопрос? — спросил я, без интереса просматривая страницу с горячими блюдами.

— Началось, — протянула Слава.

— Сколько тебе платят за твою работу? — я попытался проигнорировать Славу и вообще не смотреть в ее сторону.

— Нисколько. Федеральный закон NPEEA-5 запрещает паралюдям использовать свои способности для получения дохода, если этим они создают неравные условия конкуренции с людьми без сил, — кажется, Панацею удивил мой вопрос.

— Я слышал про это, мне в доплате за волонтерство отказали под тем же предлогом. Просто мне казалось, что мы не конкурируем с обычными медиками, раз нам доверяют только безнадежных. Во время тестирования сил это было чуть ли не главным условием со стороны врачей, чтобы я не отнимал у них работу.

— Большая часть пациентов не умрет немедленно, если мы им не поможем. И пока это не случится, сумма счета, который выставят родственникам или страховой компании, продолжит расти. Это звучит омерзительно, но СКП платит больницам, чтобы те допускали нас до пациентов. Возмещает им недополученную прибыль. Разумеется, это не афишируется... я сама первый год не знала.

В этот момент я ощутил острый позыв сорвать со стола красную скатерть, привязать ее к древку и отправиться делать революцию. Лишь тотальной концентрацией удалось подавить соблазн коммунистического демона. И судя по реакции Славы и Лазершоу, они испытывали схожие чувства.

— Скоты! — рявкнула «мини-Александрия», и новая вспышка ее ауры сдавила мою грудь беспричинным ужасом, будто в полутора метрах от меня бесновался голодный тигр-людоед. В определенном смысле, так оно и было. За исключением того, что эта девчонка могла быть опаснее сотни тигров. — Эмс, ну почему ты раньше не сказала?!

— Ну, а что тут сделать? Не я придумала эти законы. И, Вик, аура. Пожалуйста. — Ой.

сейчас, — и inferнальное давление пропало.

— Панацея, ничего личного, — сказал я, когда немного отдышался, — но передай своей сестре, если она еще раз так сделает, я ей врежу.

— Эмс, передай своему, кхм, коллеге, — с расстановкой ответила Слава, — что я к его услугам в любое время, когда он наберется смелости. И пусть имеет в виду, что я на один фокус дважды не попадаюсь.

— В таком случае передай Славе, что если ей так хочется реванш, я придумаю сотню различных способов уделывать ее, и мне плевать, будет она сдерживаться или нет. Пусть дерется хоть фонарным столбом, хоть гигантской деревянной кувалдой, хоть булавой из варганита.

— Передай Магистерию, что вызов принят, и что пусть меньше читает фанфики на ПЛО.

— Передай Славе, что варганит — лишь начало. Специально к ее дню рождения я построю Брокколинатор Судного Дня, и уничтожу каждый кусочек шоколада в этом городе.

— Вот как? Тогда передай Магистерию...

— Детишки, вы закончили? — скучающе поинтересовалась Лазершоу.

Панацея потеряла уставшие глаза, и показала на раскрытое меню официантке, которая уже давно стояла рядом и с жадным любопытством слушала перепалку кейпов.

— Суп из кальмаров мне и каких-нибудь свежих фруктов моему другу, — упомянутый друг тут же высунул морду из-под ее мантии и принялся разнюхивать обстановку.

— Жареные гребешки с артишоками, — добавила Лазершоу.

— Смотри, Крис, если растолстеешь, то перестанешь влезать в костюм. Так, мне яблочный фреш и мороженное с фисташками.

— Я, в отличие от тебя, не пренебрегаю спортзалом. И в отличие от некоторых, ни разу не просила Панацею убрать лишние, — старшая из героинь пристально посмотрела на кухню, — складочки.

Ответь мне, Господь наш Создатель, в какой ад я попал, и чем заслужил это наказание, не соизмеримое с грехами моими? И нет, дело было не в том, что придется платить за пятерых. На этих семейных посиделках я чувствовал себя лишним.

— А вам? — официантка требовательно пощелкала ручкой.

— Эммм... — я даже не успел толком просмотреть меню. Черт, я просто стеснялся что-то есть обстановке, где несколько десятков человек разве что не тыкали в меня пальцем. — Что-нибудь нежирное и без сахара. Салат, да. Овощной.

— «Белый Страж» бережет фигуру? — съязвила Слава. Интересно, могу ли я подать в суд на того говнюка-журналиста, который придумал мне это прозвище? Вызывает ненужные ассоциации.

— «Белый Страж» половину жизни прожил на инъекциях инсулина, и от привычки следить за тем, что тянет в рот, не отучился. Не так уж и плохо, на самом деле. Складочек, по крайней мере, в ненужных местах не появляется.

Слава одарила меня испепеляющим взглядом, но ответом не удостоила. Ну и пускай. Пока она молчит и не включает свою ауру, я даже мог ее терпеть.

— А что касается этого безобразия с запретом на получение оплаты и компенсациями за недополученную прибыль от СКП... может, профсоюз организуем, а?

Повисло недоуменное молчание. Панацея посмотрела на меня так, будто у меня вдруг выросла вторая голова. Слава раскрыла рот. Даже Лазершоу, до этого снисходительно

наблюдавшая за действием, удивленно приподняла бровь. Через пять секунд паузы я уже хотел провалиться сквозь землю от того, какую глупость сморозил. Брокколинитель на ее фоне выглядел вполне разумно и целесообразно.

— Извини. Дурацкая идея, согласен.

— Какого рода профсоюз? Кейпов-целителей?

— Вроде того. Короче, забудь, что я сказал.

— Кэрл это бы не одобрила. Требовать деньги за свою помощь не слишком похоже на поведение героя.

— Героям тоже надо платить по счетам. Я получаю оклад по программе Стражей, но он зачисляется сразу в фонд доверительного управления, до совершеннолетия я не могу получить к нему доступ. Стипендии четыреста долларов в месяц хватает на еду и зубную пасту, но и только. А технарские нужды — это настоящая черная дыра для бюджета. Если бы не подработка в «Медхолл», пришлось бы грустно.

— Ты так говоришь, будто у тебя родителей нет, — фыркнула Слава.

— Будь любезна не упоминать впредь этих людей при мне, — оборвал я ее гораздо более резко, чем даже сам ожидал.

О том, что в противном случае она рискует стать заменой лабораторной крысы... то есть шиншиллы в последующих экспериментах с лучевой болезнью, мне хватило самоконтроля не упоминать.

— У тебя проблемы какие-то?

— Вик! — перебила ее Лазершоу и провела большим пальцем по горлу. — Триггер.

Я мысленно поблагодарил ее за то, что не дала мне сказать что-то, о чем я бы впоследствии пожалел. Но откуда она знала о моем триггер-событии? Это слишком закрытая, слишком интимная информация. Даже на собеседовании в СКП, когда заполнялся основной массив данных моего досье, никто даже близко не спросил, при каких именно обстоятельствах я получил свои способности.

— Оуч, — Слава не выглядела раскаивающейся. — А что у тебя был за триггер?

Я успел остановить свою правую руку за миг до того, как она вытащила меч из ножен.

— Попугайчик, давай на чистоту, — сказал я, изо всех сил сдерживая ярость. — Есть вещи, о которых спрашивать малознакомых людей просто неприлично. Я же не спрашиваю, какого цвета на тебе белье, или каким именно пальцем ты предпочитаешь ковырять в носу.

— Мизинцем, — сказала Лазершоу. — Я видела.

— Что «мизинцем»?

— Малышка Вики ковыряет в носу мизинцем.

Она достала смартфон и через полминуты поисков продемонстрировала фотографию. На ней была запечатлена Виктория, но на несколько лет младше. Она была где-то в парке, и одной рукой держала рожок мороженого, а мизинцем другой, вот сюрприз, ковыряла в носу.

Моя злость куда-то мгновенно улетучилась.

— Скинь мне эту фотку, пожалуйста, — попросил я, сдерживая уже не ярость, а рвущийся из горла смех. — Распечатаю и повешу на стену в мастерской.

— Крис, не вздумай!

Слава попыталась отобрать у кузины ее смартфон, и дело бы наверняка кончилось очередным погромом, но внезапно зазвонил уже ее собственный телефон. Она оставила попытки избавиться от компромата и ответила на звонок.

— Привет, Дин! Да, сейчас на набережной! А... ладно. Сейчас буду, пока, — Слава спрятала телефон. — Так, мне пора. Кристал, пригляди за этим недогероем. Эмс, постарайся не наделать глупостей.

Она взлетела в воздух, выпорхнула через двери и тут же исчезла из поля зрения где-то в вышине.

— Утомительное создание, — пробормотал я, глядя Славе вслед. — Как вообще Дин ее терпит?

— Он ее и не терпит. Неделя, на которой они не расстанутся, может считаться удачной, — Лазершоу спрятала смартфон в кармашек на бедре. — Но фотку не получишь, иначе она через минуту окажется на ПЛО, а это нанесет ущерб репутации Новой Волны.

«Я все равно могу в любой момент хакнуть твой смартфон».

— Больно надо... — я осторожно положил руку на стол, несколько раз сжал и разжал пальцы, будто опасался, что они снова начнут действовать без моего ведома. — Откуда ты знаешь про мой триггер?

— А я не знаю. Просто догадалась, куда дует ветер, когда ты так резко отреагировал.

— Должен извиниться за эту безобразную сцену. Обычно мой самоконтроль лучше.

Словно улучив момент, шиншилла выскочила из-за пазухи мантии Панацеи пробежала по столу и довольно чувствительно укусила меня за палец. Я рефлекторно отдернул руку, и чертово животное воспользовалось этой заминкой, чтобы юркнуть под защиту новой хозяйки. Я погрозил ему кулаком. Пушистая скотина только презрительно крикнула, полностью уверенная в своей безопасности.

— Ты хотел спросить что-то важное, не так ли? — напомнила Панацея, почесывая Реми за ухом.

— А... да, есть кое-что. Смотри. Тебе не платят за твою работу. И я совершенно точно уверен, что ты занимаешься этим не потому, что тебе это нравится, или тебе в радость помогать страждущим. Так в чем дело? Ты бессмысленно тратишь время.

«И не радуешь свою силу насилием», — добавил я мысленно.

— Разве спасение жизней бессмысленно? — мне показалось, или в ней мелькнул страх? Скачок адреналина, изменение в активности соответствующих долей мозга... но она не посмотрела в мою сторону. Я успел выучить, что люди смотрят на то, что их напугало. Она боится, но не меня.

— В любом случае, спаситель должен получать какую-то отдачу. Если не материальную, но хотя бы в виде положительных эмоций. От осознания своей значимости, или от сопереживания чужой радости, или хотя бы удовлетворение от качественное выполненной работы. Моя сила не читает эмоции, как это умеет Рыцарь, только протекающие в теле процессы, но прости, у меня сложилось впечатление, что тебе просто безразлично. Ты обрадовалась только дважды — когда эта крыса принесла тебе присягу верности в обмен на защиту от меня, и когда появились Слава и Лазершоу. Я не претендую на рейтинг социального Умника, или особо проницательного психолога, я всегда был дундуком когда речь заходила о любых взаимоотношениях... просто непонятно.

Панацея ответила не сразу. В ней кипели эмоции, но я не мог выделить ничего определенного. Она смотрела куда-то мимо меня, совершенно неподвижно, только на автомате продолжала пальцем чесать шиншиллу.

— Потому что некоторые вещи нужно делать, потому что нужно, — ответила она сухо. — Прости, я сейчас не настроена обсуждать это с тобой.

— Эээ... ладно, сделаю вид, что что-то понял.

«Хотя если честно, не понял ничего. И что-то мне подсказывает, что лучше не понимать».

— Тоже самое можно спросить у тебя. Сегодня было немного работы, но обычно тебе приходится терпеть сильную боль. Ты тоже не получаешь оплаты, и не похоже, что сильно беспокоишься о своих пациентах.

— Знаешь, я тоже сейчас не настроен обсуждать с кем-то свои мотивы, — я помолчал, бесцельно водя пальцем по строчкам меню. — Но так мы ни к чему не придем, так что вот тебе откровенность авансом. Ты когда-нибудь думала, что произойдет с миром, если ты умрешь?

Панацея покачала головой.

— А я как-то задумался. Это было до того, как я получил силы. Стоял на краю тротуара и пытался представить, что случится, если я сейчас шагну под колеса. И сколько ни думал, получалось одно и то же. Знаешь, что это было? Ничего! Я буквально был ничем. Не было ровным счетом никакой разницы, существую я или нет. И от осознания этого стало настолько обидно, что я передумал прыгать под грузовик, — я сделал паузу. — Может, это было ошибкой. Вдруг, я бы вместо смерти попал в волшебный мир, где есть эльфы, зверюды и драконы. Потому что я могу создать чудесное лекарство почти от любой болезни, но не могу им поделиться. Оно почти сразу потеряет свойства, стоит мне выпустить его из рук.

— Так это твой мотив? Доказать, что ты существуешь?

— Он не единственный. Возможно, даже не главный. Мне просто хочется делать то, в чем я хорош, в чем могу неограниченно совершенствоваться, и получать одобрение за это. Герой, не герой — черт его знает. Мне кажется, мы вообще забыли, что значит это слово. Оно стало обозначать профессию, как «электрик» или «полицейский».

— А что, по-твоему, означает быть героем?

— Не знаю. Иначе бы я тебя ни о чем не спрашивал. Но мне всегда казалось, что истинный героизм не имеет ничего общего со следованием куче протоколов и составлением отчетов.

— Я считаю, что быть героем — это поступать правильно даже тогда, когда все вокруг тебя искушает пойти по легкому пути, — сказала Панацея.

— А что значит «правильно»?

— А это ты как-нибудь сам сообрази. Но если интересно мое мнение, бесчеловечные эксперименты над животными под это определение не попадают.

— Я подумаю над этим, — я потер все еще ноющие виски и обреченно огляделся. Где еда, черт возьми? Я хотел поскорее со всем покончить, чтобы убраться из удушающего фокуса чужих взглядов.

Ужина пришлось дожидаться еще полчаса. Панацея даже не обратила внимания на предложенный ей суп, зато сразу принялась угощать свою новообретенную шиншиллу из вазочки с фруктами. Я посмотрел на шерстяного нахала, наслаждавшегося лакомствами и всеобщим вниманием, и во всех деталях представил перед собой машину для автоматического забоя, свежевания, потрошения и разделки любых грызунов. И главное — тут я с наслаждением скрипнул зубами — с дополнительной функцией вакуумной упаковки.

— А ты не собираешься это есть? — Лазершоу указала вилкой на мой салат.

— Я... я стесняюсь, когда на меня таращатся со всех сторон.

— Привыкнешь со временем. Это про тебя еще порно не рисовали... — Лазершоу отправила в рот ломтик жареного гребешка. — Ты сказал, что колол инсулин. У тебя диабет?

— Ага, первого типа, — я перехватил помрачневший взгляд Панацеи и тут же торопливо добавил. — То есть, был диабет. Сейчас это уже не проблема, я себя вылечил. Я бы не решился работать с другими людьми, если бы сначала не испытал свою методику на себе.

— Разреши проверить, — попросила Панацея. — Если не возражаешь.

— Да все в порядке. Я уже почти три недели не принимал инсулин и прекрасно себя чувствую.

Вместо ответа она взяла меня за запястье, и я почувствовал, как от места прикосновения по всему телу пробежала теплая, слегка покалывающая волна.

— Хм. Поджелудочная железа в порядке, слишком в порядке. Своего рода маркер твоего лечения. Но у тебя явные симптомы недосыпания. Ты должен был заметить, что стал хуже соображать и быстрее уставать. Накапливающаяся интоксикация, какие-то из препаратов, которые ты себе готовишь, вреднее, чем тебе кажется. И что-то еще... Она напряженно нахмурилась.

— Что такое?

— У тебя с нервной системой что-то не то.

— Эээ... в смысле? Какая-то патология?

— Не знаю, — она качнула головой. — Это не выглядит опасным, просто... не так, как должно быть.

— Я за последние восемь лет прошел столько всяких обследований, что ни одно отклонение не могло проскользнуть. Странно, что только ты смогла его обнаружить. А какого рода это «не то»?

— Что-то с нейронной структурой мозга. Будто кто-то взял кучу проводов, как попало ее перемешал и подключил наугад. Повторяю, это безвредно, никакого видимого эффекта на тебя не оказывает. Возможно, просто врожденная особенность, — она выпустила мою руку. — Ты никаких экспериментов на себе не ставил?

Я покачал головой. Эксперименты? Постоянные эффекты, которые, в отличие от всяких препаратов, не пройдут через несколько часов? С риском что-то непоправимо сломать в отлаженном биологическом механизме? Нет, до такого я еще не докатился. Правда, было одно объяснение, но одна лишь мысль о нем ужасала настолько, что я немедленно выбросил ее из головы, и запретил себе к ней возвращаться.

— Если не оказывает влияния, тогда не вижу смысла волноваться.

— Может, и правда напрасная тревога, — Панацея пожала плечами. — Но все же советую выспаться, прежде чем продолжать работу над своим проектом. В чем бы он ни заключался.

* * *

Спустя еще две с половиной недели я был вынужден признать, что Панацея дала ценный совет. Возможно, более ценный, чем она сама представляла. На всякий случай я проконсультировался с Оружейником, и он подтвердил, что нарушение режима сна действительно сильно било по способности технарей визуализировать и воплощать конструкции, даже если прочие симптомы недосыпания удавалось устранить. Мое снотворное, которым я пользовался целую неделю, немного смягчало эффект, и отлично подходило для затяжных кризисных ситуаций, но регулярное длительное употребление

грозило серьезным снижением эффективности и хроническим отравлением.

Вооруженный этим открытием, я решил больше не устраивать геноцид лабораторных животных, а поступить максимально просто. То есть просто довериться своей силе, концентрируясь на конечном результате и ассоциативных образах. И после долгого ступора у меня начало получаться.

Что-то.

Я не был уверен в эффективности агрегата, что рождался под моими руками и инструментами, слишком уж сложной была задача для моего подхода, основанного на расщеплении, синтезе и трансмутации. Я плавил металл для его деталей и стекло для линз, вытачивал сами детали на полюбившемся станке, я выращивал кристаллы для излучающих элементов, варил пластики для изоляции и трубок, но требуемые образы то и дело норовили ускользнуть. Вдохновение быстро улетучивалось, и вернуть его, настроить собственную силу на нужный лад, удавалось только глядя на работу Панацеи. Я стал проводить в больницах еще больше времени, искал с ней встречи целенаправленно — чтобы выхватить те мгновения, когда она исцеляла очередного больного. Запечатлеть их в памяти, скормить воображению. Я брал анализы у исцеленных ею людей, в надежде уловить хоть небольшой намек на принцип действия ее силы. Чаще это оказывалось бессмысленным, но в некоторых образцах оказывалось что-то неуловимое, необъяснимое, на что моя сила отзывалась — и проект продвигался еще на шаг.

Труднее всего это было совмещать с учебой. Статус Стража давал значительную гибкость расписания, но все же регламент требовал определенное количество часов проводить на занятиях, а также поддерживать тот уровень успеваемости, который был до получения сил. Именно до получения сил, а не до вступления в Стражи. СКПшники подняли мои старые табели, Пиггот устроила мне очередной разнос, и я, памятуя о словах Кайзера о недопустимости конфликта с руководством, заставил себя не спорить.

Потребность поддержания умственной работоспособности вылилась в создание мнемотропных пилюль, а гнев на жирную бюрократическую свинью дал рождение их полной противоположности, токсину, нацеленному на области мозга, ответственные за запоминание. Не то, чтобы я собирался травить директора именно им... для Пиггот я поклялся разработать технарский аналог цыганского проклятия из повести Стивена Кинга «Худеющий».

Мое месячное отстранение от патрулей пришлось как нельзя кстати. Оказалось, что медленное разложение на плесень и кленовый сироп за пультом в Хабе идеально совмещается с выполнением домашки или монтажом мелких деталей. Что не умаляло общей утомительности перегруженного графика.

Не знаю, как бы я выдержал это без Кэсси.

* * *

Добро пожаловать на форумы «Паралюди Онлайн»!

Вы вошли в систему как **Magisterium**.

Вы просматриваете:

- Темы, созданные за последние **три** дня.
- Темы, помеченные как важные.
- Непрочитанные личные сообщения.
- Первое сообщение темы: **отображается**.

Данный аккаунт принадлежит подтвержденному кейпу. Сообщите нам, если считаете,

что любая из ваших идентичностей оказалась под угрозой.

Тема: Ежедневные происшествия XXII

В: Разделы > Места > Америка > Обсуждение Броктон Бей (открытый раздел)

Страница 15 из 18

White Fairy (Ветеран)

Ответил 2 ноября 2010

Прошлой ночью была стычка в районе закрытой паромной переправы, очевидцы есть?

Laotsunn (Выживший с Кюсю)

Ответил 2 ноября 2010

Буквально у меня под окнами. Все заняло пару минут, не больше. АПП под присмотром Демона Ли перегружали какой-то товар, к ним нагрянули нацисты при поддержке своих масок. Ли, не будь дурак, немного поиграл с ними и ушел, а через минуту на шум подъехал Протекторат, и драка дальше шла уже между ними. Все бы ничего, но поспать они мне не дали. Обычная ночь в Броктон Бей, не обращайтесь внимания.

White Fairy (Ветеран)

Ответил 2 ноября 2010

Ходят слухи, что кто-то из героев был серьезно ранен. Вероятно, Империя-88 после недавнего усиления стала действовать смелее и жестче.

Magisterium (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

Ответил 2 ноября 2010

Не назвал бы это серьезным ранением.

White Fairy (Ветеран)

Ответил 2 ноября 2010

О, какие люди. Можешь поделиться подробностями?

Magisterium (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

Ответил 2 ноября 2010

Сожалею, служебная информация. Не для разглашения. И врачебная тайна заодно. Могу сказать по характеру травм, что это определенно сделал Игнис.

White Fairy (Ветеран)

Ответил 2 ноября 2010

Который вступил к ним в сентябре?

Magisterium (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

Ответил 2 ноября 2010

Он самый. Превращается в живой огонь и создает ударные волны при касании. Я не знаю, являются ли хорошие манеры признаком арийской расы, но что им мешает злодействовать днем? Я тоже хочу ночью хоть иногда спать, а не вскакивать по звонку в госпиталь и сшивать там по кускам своих коллег.

White Fairy (Ветеран)

Ответил 2 ноября 2010

Похоже, Стражам с тобой повезло. Гарантированное выживание при ранениях...

Magisterium (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

Ответил 2 ноября 2010

Не гарантированное. Я видел, на что способна Панацея. Ее уровень для меня

недостижим. Ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Все «везение» тут политическое — Протекторату не надо кланяться Новой Волне, чтобы получить помощь целителя. Я-то бесплатный. Хнык.

White Fairy (Ветеран)

Ответил 2 ноября 2010

Но пострадавший герой, он (или она) поправится?

Magisterium (Подтвержденный кейп) (Стражи ВСВ)

Ответил 2 ноября 2010

О, об этом не волнуйтесь.

Тема: Губители, обсуждение XXX

В: Разделы > Мировые новости > Главное

Страница 18 из 18

Brilliger (Модератор)

Ответил 4 ноября 2010

Левиафан атаковал Кейптаун 3 сентября. Угрожаемое окно сейчас открыто, новый удар может последовать в любой момент. США не подвергались нападениям Губителей уже полтора года, с момента атаки Симург на Мэддисон, так что шансы стать мишенью у нас приличные.

Bagratt (Ветеран) (Знаток)

Ответил 4 ноября 2010

Мои инсайдеры говорят, что с наименьшие шансы попасть под раздачу у Африки, после атаки на Кейптаун, 4 % по совокупной оценке Умников-аналитиков. Самые высокие — у Южной и Центральной Америки, 41 %. Северная Америка на втором месте с вероятностью 33 %. Европа и Азия делят между собой третье место с шансом 11 %. Про Австралию, по моему, все просто забыли.

Это почти наверняка будет Бегемот, но атака Симург также возможна. Скажу честно, это отвратное чувство, когда знаешь, что беда близко, и ее никак не остановить. Что можно только надеяться, что тебя не заденет.

Miss Mercury (Работник Протектората)

Ответил 4 ноября 2010

Сейчас нет оснований предполагать, что ущерб от атаки будет более тяжелым, чем можно ожидать. Пусть никого из Губителей не удавалось до сих пор убить, но мы учимся. Адаптируемся, вырабатываем тактики противодействия, пополняем ряды новыми сильными кейпами, способными нанести Губителям критический объем повреждений, быстро доставить подкрепление в любую точку мира или вернуть в строй выбывших.

Space Zombie

Ответил 4 ноября 2010

@ Miss Mercury, вы это не всерьез, я надеюсь? Средний уровень потерь последние десять лет стабильно держится на 90 %. Из них 30 % — летальные. И черт с кейпами, их и правда можно новых набрать. Но любая атака — это стертый с лица земли город и сотни тысяч, миллионы жертв. А в случае Симург — лучше бы жертв.

Miss Mercury (Работник Протектората)

Ответил 4 ноября 2010

Не вижу смысла вступать в бессмысленную дискуссию. Могу лишь заверить вас, что ситуация под контролем.

Space Zombie

Ответил 4 ноября 2010

Да-да, как же.

* * *

— Сложно. Не получается, — Кэсси отшвырнула ручку и откинулась на спинку стула. — Не понимаю, не получается. Сложно!

— Нет там ничего сложного, — я краем глаза заглянул в ее тетрадь. — Это всего лишь квадратное уравнение. — Ну подскажи хоть!

— Ладно, смотри. В таких задачах главное не испугаться кажущейся сложности. Даже самое страшное и жуткое уравнение можно разложить на простые компоненты. Вот например здесь можно числитель представить как произведение разности и суммы. А в знаменателе общий множитель выносится за скобки.

— И какой толк? Сверху ($a - 5$), а внизу ($5 - a$).

— А такой, что в знаменателе меняем эту фигню местами, а у всей дроби разом меняем знак. И тогда спокойно зачеркиваем и сверху, и снизу. И тогда все очень красиво сворачивается. Дальше только сократить все множители в левой части и задача решена.

— Блять, вот когда ты объясняешь, тогда все просто. Была бы я технарем, тоже с алгеброй бы проблем не было.

— Можешь не верить, но я знаю технаря, который в математике еще хуже чем ты. Наши силы не имеют ничего общего с нашими реальными умениями и знаниями. Давай, следующее уравнение сама.

— Сейчас, сейчас... при делении степени вычитаются, да?

— Ага. Но только если основание одинаковое. Не торопись. Сначала взгляни на задачу целиком, и попытайся увидеть, что общего у всех компонентов.

— Нууу... цифры четные?

— Близко. Все постоянные величины являются числом 2 в разной степени. 2, 4, 16, 64. То есть первая степень, вторая, четвертая и шестая.

— Так, погодь, — от усердия Кэсси высунула кончик языка. — Вот я везде заменяю на 2, да? А степени складываю?

— Угу.

— Ааааа, поняла! Теперь x оставляю слева, остальную херню всю направо, и все поделить! А раз везде двойки, то степени надо вычесть!

— Ну вот можешь же, когда хочешь.

— А награду за старания? — она вдруг обвила мою шею руками и притянула к себе.

— Пока аванс, — как можно тише шепнул я, когда наши губы слегка соприкоснулись. — Остальное когда закончишь.

Кэсси недовольно надулась, став до оскомины похожей на одного не к ночи помянутого грызуна, но все же позволила мне отодвинуться. Ее огорчение настолько бросалось в глаза, чем мне пришлось себе напоминать, что это для ее же пользы. Если я продолжу сидеть рядом, она в жизни не сможет сосредоточиться.

Кто-то скажет, что тратить воскресное утро на домашку — это тупость. Я скажу, что тайм-менеджмент — это то немногое, что Оружейник, формально будучи «наставником», вбивал нам с Кид Вином в головы, и в этом деле он проявлял упорство и настойчивость достойные лучшего применения. Seriously, если мы разделаемся с заданиями утром, то весь остальной день и половина ночи будет в нашем распоряжении. И, клянусь своей лучшей

отверткой, я намерен использовать каждую секунду отведенного времени по максимуму. Должны же у меня быть хоть иногда выходные?

Поскольку со своими делами я уже покончил, то отправился на кухню сварить кофе. По дороге я посмотрел в сторону Тео Андерса, сидевшего за тем же столом — тот склонился над тетрадью с отсутствующим видом. Меня уколола совесть, но в свое оправдание я мог сказать, вовсе не собирался лишний раз напоминать ему о его непривлекательности. Кэсси, по своему обыкновению, свалилась как кирпич на голову, когда Кайден попросила меня присмотреть за Тео, пока он приглядывает за ее собственной дочерью, приходившейся Тео сводной сестрой по отцу. Может быть, она считала, что мой пример чем-то ему поможет. Может, у нее были виды на меня — в том смысле, чтобы Страж Магистерий заступился за вигиланта Чистоту и убедил СКП, что она не имеет больше к Кайзеру никакого отношения, и ее признали независимым героем.

Чем бы Кайден ни руководствовалась, она просчиталась. Пройдут годы, прежде чем у меня будет достаточно авторитета, чтобы хоть на что-то влиять, если такое время вообще настанет. Положительный пример? Даже не смешно. Тео был сломлен — что не удивительно, учитывая кто его отец. Никакой пример не поможет тому, кто отказался помогать сам себе. Кажется, это называется «выученная беспомощность», если я ничего не путаю. Будучи ребенком и внуком (!) кейпа, он в теории должен был иметь невероятно мощные силы, но педагогические таланты Кайзера, в отличие от моей мамыши, были на высоте. Он невероятно умело растоптал самооценку собственного сына, но сумел проделать это не вызвав ненависти или горя, которые могли бы послужить топливом для парасилы. Как итог, Тео едва ли имел шансы получить триггер, если только не случится что-то из ряда вон выходящее.

После недолгих поисков я нашел зерна, кофемолку и поставил кипятиться воду. Готовить с недавних пор мне нравилось, потому что готовка была испытанием — требовалась выдержка, чтобы не задействовать в процессе технарскую силу, и не запороть таким образом все блюдо. Стоило отвлечься, позволить мыслям плыть, и словно царь Мидас, я начинал неосознанно превращать даже простейший бутерброд во что-то иное, и где-то в половине случаев вкус при этом страдал настолько, что перечеркивал большую часть приобретенных достоинств. По крайней мере, с точки зрения жалких смертных, не способных оценить гармонию молекулярной структуры и красоту ионной решетки.

Кхм, ладно. С моей тоже.

Пока варился кофе, я уселся у окна и принялся разглядывать пейзаж. Ноябрь в Заливе выдался теплый, будто лето и не уходило. Это было и хорошо, потому что прямо сейчас я мог греться под солнечными лучами. И плохо, потому что снега на Рождество опять не будет. Ну и ладно. Поговорю с Кид Вином, может, совместными усилиями сообразим какой-нибудь снегогенератор. О, и антигравитационные сани, запряженные мутированными биооленями. Если уж Панацея смогла довести интеллект обычной шиншиллы до почти человеческого уровня (чего кроме меня, похоже, никто не замечал, предпочитая умиляться сообразительной милой зверушке), ей не составит труда сделать летающего оленя с люминесцирующим носом.

Или дракона.

Огнедышащего.

Золотого. Но красный тоже сгодится.

От предвкушения открывающихся перспектив я даже зажмурился. Если полет на спине

настоящего дракона нельзя назвать мечтой, то о чем вообще, черт побери, можно мечтать?! Надо будет попросить сделать его большим... чтобы на спине можно было улечься и вытянуться... И построить ему комфортное логово где-нибудь рядом с городом. Набить его битком бутылками драгоценностями... хотя можно и настоящими, мне без разницы, что трансмутировать.

Стоп. Драконам надо отправлять на съеденье девственниц. Или не надо? Или это опционально, но не обязательно? Черт, как же все сложно. И если все-таки надо — то где в Броктон Бей найти столько девственниц? Подразумевается, что малолетние девочки драконов не интересуют, они же не какие-нибудь больные ублюдки. А значит, «окно девственности» будет непозволительно маленьким. Может, попросить дракона-вегетарианца? Я снял с плиты кофе, разлил его по чашкам и понес их обратно в гостиную.

— Хотя не, не стоит. Дракон-вегетарианец — это звучит как-то гейски.

Тео и Кэсси одновременно уставились на меня. Я запоздало сообразил, что последнюю фразу произнес вслух.

— Не обращайтесь внимания. Технарские проблемы, — выкрутился я и поставил чашки на стол.

— Хочешь сделать дракона? — спросила Кэсси.

— Не, сам я не сделаю. Хочу попросить Панацею, чтобы сделала. Мне кажется, она сможет.

— А зачем он тебе?

— Чтобы покататься, конечно же!

— Для этого не нужно делать дракона, — буркнул Тео. — У нас уже есть Лунг. Только вряд ли он согласится кого-то на себе катать.

— Спасибо вам, мистер Андерс, что разбили мою мечту молотом банальности.

— Извини.

— Не извиняйся. Если меня иногда не одергивать, я так и замечтаюсь, — я попробовал кофе. Вроде бы нормальный. — Просто сегодня первый действительно свободный день за долгое время. Завтра опять придется тухнуть в школе, потом волонтерить в больнице, а потом ковырять текущий проект.

— Ты все еще с ним возишься? — Кэсси уже потеряла запал и теперь рисовала в тетради какие-то вензеля.

— Он уже почти завершен. Осталось провести финальные испытания на каком-нибудь неудачнике, сделать доводку по результатам, и можно откупоривать шампанское... или что там нам можно пить до двадцати одного года.

О том, что этим неудачником почти наверняка буду я, было решено умолчать. Я не мог требовать от кого-то добровольно лечь под смертельное излучение без гарантий успеха, а воспользоваться помощью кого-то с силой регенерации означало нарушить чистоту эксперимента.

— Конрад, а ты знаешь, как получить силы? — спросил вдруг Тео.

— Легко. Просто окажись в безвыходной ситуации, отрезанным от всех кто мог бы тебе помочь, дойди до состояния полного, безграничного отчаяния, сопряженного с прямой и явной угрозой жизни — и если у тебя есть Corona Pollentia, то силы у тебя почти наверняка проявятся. Если ты при этом будешь умирать от кровопотери или иметь десяток открытых переломов — то вообще замечательно.

— Эээ, серьезно? — он ожидал явно не такого ответа. — А нет более безопасного

способа?

— Нет. Спусковой крючок почти всех триггеров — отчаяние, — я мысленно раскрыл перед собой свою переписку с «Гезельшафтом» и кое-какие университетские учебники по теории парасил. — Но даже не всякое отчаяние сгодится. Если ты от отчаяния просто ляжешь и будешь ждать смерти, триггер не случится. А вот если у тебя останется воля и желание как-то действовать, применять полученную силу для преодоления кризисной ситуации — тогда да, шансы хорошие.

— И ты это пережил? — зачем-то спросил Тео.

Я кивнул.

— Если у тебя однажды случится триггер, он будет худшим, что с тобой случилось. Может, Кайзер и не получит премию «Отец года», но он хотя бы не запирает тебя одного в комнате без жизненно необходимого лекарства.

— погоди, так это твои старики тебя довели до триггера? — встрепенулась Кэсси. — Так ты тогда их вообще терпишь?!

— Вылечил. Воздержусь от подробностей, если не возражаешь.

— Оу, — она понимающе кивнула. — Ладно.

— Короче, если ты хочешь получить силы, то заранее обречен на провал, — я снова повернулся к Тео. — Пока ты помнишь о том, что можешь их получить, у тебя сохраняется надежда — а именно надежда является главным пугалом для триггер-событий. Так что силы у тебя если проявятся, то тогда, когда ты их не ждешь.

Хотя, если бы мне поставили задачу инициировать у Тео триггер, я бы оттолкнулся от тех сил, которыми владела его семья. Стальные шипы у Кайзера, материализация лезвий у Всеотца, который мог метать их силой мысли, и более вариативная способность у Железного Дождя, которая буквально могла сбросить на голову противника наковальню, как в «Томе и Джерри». Это будет сила связанная с генерацией твердой материи, причем материя примет форму пригодную для нанесения непосредственного урона, но это будет не единственным способом применения. По классификации СКП, он будет либо Стрелком, либо Эпицентром. Согласно материалам «Гезельшафта», его триггер должен быть связан с деперсонифицированной угрозой, с неодушевленным объектом или абстрактным явлением. Его следует изъять из семьи, выбросить одного во враждебной среде, которая не убьет его слишком быстро. Использовать вспомогательный состав S4... нет, лучше S9, для регулировки эмоционального состояния, дозировка 2,3 миллилитра на килограмм веса, ввести в бессознательном состоянии. И лучше бы предварительно привести его в форму.

Последним следовало бы заняться в любом случае. Сейчас его метаболизм разрегулирован. Повышенное содержание кислорода и тестостерона в крови пойдет ему только на пользу. Изменить диету... сейчас сидит на фаст-фуде, потребляет слишком много простых углеводов и трансжиров, когда нужен белок и витамины. Можно подстегнуть процесс... нейротерминатор для точечного повреждения мозга... прием кумулятивных средств для повышения агрессии с длительным сохранением эффекта... инъекции нановолокон для укрепления мышц и сухожилий. Сырая технология, но как раз представится случай испытать.

— Эй, Конрад, — Тео помахал ладонью у меня перед лицом. — Ты тут? — А, извини, задумался. — Без обид, но ты выглядел реально жутко.

«Разумеется, я ведь только что размышлял, как превратить тебя в ходячую машину смерти».

— Это все переизбыток геройства в крови, — пожаловался я. — Проклятое СКП жизни не дает, уже наяву кошмары мерещатся.

Очень вовремя звякнул колокольчик над входной дверью. Кайден вернулась нагруженная какими-то коробками и тубусами — видимо, рабочими образцами. В отличие от суперзлодеев Империи-88, для которых должности в «Медхолл» были прикрытием, она жила только на те средства, что зарабатывала без маски декоратором интерьеров. Ее талант отражался в убранстве квартиры, обставленной с таким вкусом и изяществом, что собственная комната мне казалась свинарником. Ну, если честно, она им и так была.

— Привет-привет. Рада, что вы успели не разнести дом, — сказала она, проходя в гостиную и сразу направляясь к детской кроватке, где мирно посапывала Астер.

— Задержись вы еще минут на десять, и наслаждались бы классным фейерверком. Ладно, раз уж вы пришли, мы с Кэсси не смеем больше злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Не останетесь на обед?

— Я бы с радостью, но у меня нечасто бывает свободное время, так что график плотный, — я виновато развел руками, на одной из которых Кэсси тут же повисла.

— Все, пошли-пошли, — затараторила она, бросив на бывшую жену Кайзера опасливый взгляд. — До свидания, миссис Андерс, пока, Тео.

Она буквально выволокла меня из квартиры, но стоило закрыться двери, как тут же накинулась на меня. — Нам обязательно было проводить три часа в обществе этого унылого жирдяя?

— Ну, во-первых, он сын Кайзера.

— Кайзер его даже за пустое место не считает!

— Во-вторых, если у него нет сил сейчас, это не значит, что они не появятся в будущем. И честно, я бы не хотел на своей шкуре испытать, на что способен парачеловек в третьем поколении.

— ЕСЛИ эти силы у него появятся.

— А в-третьих, всего несколько месяцев назад я мало чем отличался от него. Разве что избыточным весом не страдал, но тут спасибо диабету.

Кэсси недовольно надулась. Это у нее получалось мастерски.

— И типа хочешь помочь ему? Говоришь как... как...

— Как герой, — я улыбнулся. — Ну извини, для меня неизбежно было подхватить эту бациллу. Именно для этого я и выкроил себе выходной, чтобы для уравнивания заняться чем-нибудь подлым и злодейским.

— Например?

Я обнял ее за талию, притянул к себе.

— Пожалуй, начну с совращения несовершеннолетней девочки, — прошептал я ей на ухо.

— Ты уже это сделал недавно, — проворчала Кэсс, но ее недовольство куда-то мгновенно испарилось. — А теперь закрепим эффект, — моя рука соскользнула на ее попку, и наверное мы бы даже не дотерпели до моей комнаты... ..но тут зазвонил гребаный телефон. Служебный.

— Пусть это будет что-то серьезное, — прорычал я, давя в себе желание расколотить ненавистный аппарат о стену, и нажал кнопку ответа. — Магистерий слушает.

— Жду тебя на Вышке через десять минут в полной готовности, — сухо сказал

Оружейник. — Бегемот атаковал Мехико, местные власти запросили помощь Протектората.

— Да, сэр, — ответил я помертвевшим голосом

— Конни? — взволнованно спросила Кэсси. — Что случилось?

— Губитель.

Беспокойство на ее лице сменилось ужасом.

— Здесь, в Броктон Бей?!

— Нет, в Мексике.

— Но... но ты не обязан! Они не в праве тебя заставить!

— Ты не понимаешь. Все было ради этого дня. Это мое испытание, — я отодвинулся от нее. — Прости. Но мне надо идти.

Я бросился в свою квартиру этажом ниже, где меня дожидался костюм.

Солдаты.

Это слово было первым, что пришло мне на ум. За минуту до крайнего срока я прибыл на базу Протектората, буксируя за собой проект «Лотос». Мрачные, сосредоточенные лица героев, которые вот-вот отправятся в пекло, где шансы выжить два против одного. Не привычная роль патрульных, блюдущих правила, писанные и неписанные. Нет, солдаты на войне, готовые умереть по приказу.

Здесь был Оружейник, Бесстрашный и Скорость. Способности остальных были бесполезны в противостоянии с Губителем — Мисс Ополчение не могла воплотить оружие, способное ему навредить, Штурм и Батарейя были бойцами ближнего боя, аура смерти Бегемота не позволила бы им атаковать. Но здесь были и Стражи — Эгида, Призрачный Сталкер и Кид Вин. Последний заменил свой обычный визор на герметичный шлем. Ясно они взяли тех Стражей, кто имел рейтинг Движка... и тех, кого не жаль потерять.

— Стражи, краткий инструктаж, — сказал Оружейник. — В бой не лезете. Вообще не приближаетесь к Губителю ближе, чем на километр. Ваша задача — помощь в эвакуации гражданских, поиск пострадавших под завалами. Магистерий, твой проект готов?

— Да, сэр. Я не успел провести контрольную доводку, но основной функционал уже отлажен.

— Хорошо, тогда высадим тебя в госпитале.

— Да, еще кое-что, — я протянул героям несколько шприц-тюбиков. — Это прототипы наноорганических волокон, я их создал после изучения силы Панацеи. Не гарантирует бессмертие... просто лишние проценты к шансу выжить, если зацепит. Позволит протянуть до прибытия помощи. Наверное.

— Наверно? — скептически уточнила Сталкер.

— Софииия — трусиинишка, боиится укоолов, — протянул я тоном детской дразнилки.

Она дернулась, процессы в ее мозгу расцвели гневом, но в присутствии трех взрослых героев она сдержалась. Вместо ответа она яростно сгребла один шприц-тюбик и вколола препарат себе в плечо. Остальные последовали ее примеру.

— Бодрит, — сказал Кид Вин неуверенно и посмотрел на «Лотос». — Эта штука точно лечит? Вид у нее жуткий.

— У тебя будет случай проверить самому. Мы в любом случае успеем нахватать немало зивертов, так что профилактику лучевой болезни придется проводить всем.

Строго говоря, сомнения Кид Вина не были беспочвенными. «Лотос» выглядел как подобие саркофага, подвешенного над землей на анигравитационных дисках, ложе которого окружали десятки механических рук, оснащенных лазерами, иглами, ультразвуковыми головками, молекулярными манипуляторами, ДНК-сканерами и прочими инструментами.

Форма, навеянная беспокойной дремой над верстаком

Воплощенное в металле видение бескрайнего сада плоти.

Я насторожился, пытаюсь вспомнить источник своего вдохновения, но смутное воспоминание ускользнуло, как и всегда до этого. Можно было подумать, что облик конструкции привиделся мне во сне, но у технарей было одно общее свойство — мы не видели снов.

Через несколько секунд ожидания из воздуха с треском появились два кейпа. Первый был в годах, что само по себе являлось редкостью, он носил свободную серую мантию с капюшоном а в руке сжимал деревянный посох. Мирддин, глава Протектората Чикаго, один из сильнейших кейпов Северной Америки, исключая Триумвират.

Другой был моложе, одет в черно-синий балахон и такое же кепи, его глаза закрывала маска-домино. Странник(1), единственный в США Движок-10, он обладал способностью в неограниченной массовой телепортации. Он не был членом Протектората, но сотрудничал, если требовалась помощь. Хотя ситуация не располагала, я оглядел его с любопытством. Интересно, какой у него был триггер? Он пытался спасти кого-то, увести подальше от опасности? А теперь его главное занятие — приводить людей туда, где они окажутся в смертельной опасности.

— Готовы? — спросил Мирддин.

Оружейник кивнул, и глава чикагского Протектората поднял посох.

Все произошло мгновенно. Вот я стоял на платформе Вышки вместе с остальными, а через мгновение оказался подвешен в темном пространстве, где не было ни верха, ни низа, ни света, ни звуков. Дышать тоже было нечем, но это почему-то не мешало. Так вот каким выглядело изнутри карманное измерение Мирддина. Помнится, на ПЛО я наткнулся на вялый спор, и один из участников оказался на удивление близок к истине.

По крайней мере, это снимало вопросы касаясь того, как нас доставят на место. Мирддин забирает нас, Странник телепортирует его. Повторять до накопления в точке кризиса достаточных сил.

Не знаю, сколько времени прошло, но вряд ли много. Просто в какое-то мгновение темная невесомость сменилась обычной реальностью. Земля ударила по ступням, я чуть не потерял равновесие от внезапно возникшей гравитации. «Лотос» тоже угрожающе накренился, его антигравы загудели, пытаюсь выровнять положение.

Мирддин и Странник исчезли, оставив меня одного. Никого из знакомых героев рядом тоже не оказалось, видимо, их высадили в другом месте. Черт, а я ведь даже не знаю, куда пойти.

Местность вокруг напоминала стадион. Точнее, когда-то это и был стадион, но совсем недавно что-то снесло нахрен все трибуны, превратив их в груды обугленного шлака. Теперь в центре поля расположился наспех развернутый мобильный госпиталь — то есть два десятка палаток, вокруг которых мельтешили врачи и санитары, а кейпы-Движки то и дело прилетали и телепортировались, доставляя тех, кого еще дышал. А где-то вдали слышался непрерывный грохот, взрывы, и нечеловеческий, пробирающий до внутренностей рев.

Бегемот уничтожал город, кейпы пытались ему помешать, а я... у меня тоже было дело.

Первым делом я затолкал «Лотос» в одну из пустующих палаток. Бой начался недавно, заполнить все просто не успели. Переведя устройство из походного режима в рабочий, я ухватил за рукав первого попавшегося врача, и попытался вспомнить ненавистные курсы испанского.

— Heu, señor! Evíame pacientes! — надеюсь, я еще не все успел забыть. — Puedo tatar la radiación! (2)

Врач секунду соображал, что к чему, но потом проследил за моим пальцем, указывающим на «Лотос» и кивнул.

— Bueno, ahora. (3)

Врач ушел, а я достал из под сумки маркер и крупными буквами вывел на боку палатки:

«Для облученных. Нужны помощники».

Надеюсь, тут хотя бы половина знает английский.

Первого пострадавшего мне притащили всего через полминуты. Ну, или то, что от него осталось. При первом взгляде на него, у меня невольно отвисла челюсть. *Это* не могло жить. *Это* не могло шевелиться. Я бы не смог даже уверенно назвать пол человека, лежащего на носилках — обугленная кожа слезала с него огромными лоскутами. Но он все еще дышал, видимо, благодаря своей силе.

— Morfinum intramascularis!(4) — крикнул один из медиков. Мое знание латыни за недели больничной практики продвинулось несильно, но слово «морфин» я уловил. Значит, уже обезболили... но при таких повреждениях это ничто.

— Aqui! Ponlo aqui! — я указал наложе «Лотоса». — Necesito medio minute para preparamme. (5)

— Cinco minutes per persona, — сказал другой. — Hay demasiados de ellos.(6)

Словно в подтверждение его слов, раздался еще один взрыв, гораздо более мощный, чем все предыдущие. От него заболели уши и встряхнуло внутренности — а ведь Бегемот по идее должен был находиться в нескольких километрах. Пять минут?! Что я вообще смогу сделать за пять минут?!

Я помог уложить раненного кейпа в «Лотос», встал за пульт и запустил диагностику. Десятки механических рук зашевелились, облепили пациента, будто пищеварительные отростки болотной росянки — какую-то неудачливую муху. По экранам побежали строчки данных — ничего нового, все сканеры были лишь производными от моей собственной силы Умника. Это был фактически труп, получивший колоссальную дозу излучения — но еще цепляющийся за жизнь.

Давай, соберись, успокойся. Животные после твоих опытов выглядели не лучше. Так, с чего мне вообще начать?! Он же у меня в любой момент умрет! Да, мозг! Самое главное — не дать умереть мозгу... а потом займемся всем остальным.

Ручная настройка требует времени, но в голову, шею и грудь моего пациента вонзаются несколько игл. Даже не нужно целиться в сосуды, модифицированная регенеративная сыворотка обладает только местным действием — поддерживает мозг, сердце и артерии в рабочем состоянии, чтобы сберечь основу, вокруг которой заново придется наращивать организм. Надеюсь, ее запасов хватит, новую мне синтезировать негде.

Щелкаю тумблером встроенного в ложе нейроподавителя. Уже привычная, испытанная технология, но работающая строго наоборот — гасящая в зародыше любые болевые ощущения. Незачем заставлять этого несчастного страдать еще больше.

ДНК-сканер — активация. Одиннадцать секунд на сбор данных.

ДНК-интерпретатор — активация. Тридцать семь секунд на расшифровку данных.

«Слишком... слишком медленно...».

Пятнадцать секунд я трачу на то, чтобы изменить программный код, отсеять избыточный массив невариативных данных, который лишь впустую нагружал систему. Это сэкономит больше времени в будущем — по две с половиной секунды на каждого.

Моделирование — самый долгий, самый сложный этап. Он занимает непозволительно много времени. Если бы было больше времени... если бы я успел установить более мощные процессоры... скрепя сердце, я вручную отсекаю несколько процессов. Я слишком привык к комфортным условиям больницы, где в моем распоряжении всегда было достаточно времени, но здесь не было ни единой лишней секунды. Нет времени восстанавливать полную

целостность. Нервная ткань, костный мозг, кровеносная система, лимфатическая система — самый базис, на котором можно строить все остальное.

В тело пациента впиваются все новые и новые иглы. Одни по тонким трубочкам вливают в него биомассу — те самые денатурированные отходы, в которые превращались мои подопытные. Теперь они еще послужат. Другие, монокристаллические, нацеливаются на ключевые точки организма и вспыхивают внутренним светом, когда я подаю на них питание. Их я вырастил в попытке запечатать в них силу Панацеи. Не всю, а лишь ту ее крупицу, которую она использовала для лечения людей. Для этого и требовалось моделирование — чтобы «Лотос» получил образец, идеальную модель, к которой следует стремиться. Если бы было больше времени...

Процесс пошел, а у меня осталось всего полторы минуты. Пока внутренние органы раненого кейпа приходят в норму, я задействую дезинтегратор для удаления обугленной ткани. Там уже не осталось ничего, что можно использовать повторно.

Включается кварцевый прожектор — для обеззараживания. Линзы маски защищают мои глаза от жесткого ультрафиолета. Еще одно массивное устройство, перенастроенная и доработанная нейтронная пушка, испускает ровное желтое свечение, проникающее вглубь живой ткани и гасящее наведенную радиацию. За эту штуку спасибо СКПшным архивам похожую технологию использовал Герой, когда еще был жив.

Подача биомассы внутрь прекращается. Выведенная на один из экранов биометрия показывает неровный пульс, дыхание раненого кейпа мелкое и частое. Быстрый взгляд сквозным зрением показывает обширную интоксикацию.

Черт, черт, черт... только не вздумай умереть у меня на руках!

Мне... мне нужно что-то сделать. Что? Я раскладываю чемоданчик и запускаю на прогрев свой переносной реактор, одновременно соображая, что же делать с последствиями ожогов. Нужно очистить кровь, это ясно. Будь мы в больнице, я бы просто перепоручил это отделению интенсивной терапии, там были все необходимые средства. Здесь приходилось изобретать буквально на коленке, стараясь не вслушиваться в доносящийся снаружи грохот и тихие хрипы умирающего пациента.

На приготовление антидота уходит еще одна драгоценная минута, и я понимаю, что полностью выбился из графика. Я ввожу его внутривенно, следом за ним — два кубика адреналина и дозу форсированной регенеративной сыворотки, взамен на усиленное действие она сокращает жизнь, но надеюсь, этот парень в обиде не будет.

И только теперь у меня появляется время обернуться.

В палатке сталолюдно. Уже выстроилась очередь из пострадавших кейпов, если это можно так назвать — санитары кладут их рядком вдоль стенки палатки. Их костюмы обгорели и оплавилась, на половине уже нет масок, но это никого не волнует. Копыщающиеся рядом медики срезают с них остатки одежды, чтобы промыть раны. Некоторые не получали больших доз радиации, но их ожоги не менее опасны для жизни. У некоторых недостает конечностей.

И в этот момент в мой мозг пробивается очевиднейшая, казалось бы, мысль.

Я не смогу спасти всех.

Пока я буду заниматься одними, другие умрут, не дождавшись помощи.

Правила полевой медицины гласили, что сначала следует заниматься легкими ранениями, тем, что гарантированно удастся исцелить. К сожалению, Бегемот поставляет только один вид раненных — терминальных.

— Следующего! — кричу я санитарам.

Они тут же вынимают из лотоса первого пациента и кладут его на матрас рядом. Им начинают заниматься уже обычные врачи, не забыв прикрыть его лицо марлевой маской. Меня грызет чувство неоконченной работы, я даже не могу сказать, выживет ли он. Потом указываю на одного из ожидающих своей очереди кейпов. У него оторвана рука по плечо, обуглена левая половина туловища и головы, черно-красный костюм весь измазан пылью и копотью.

— Этого, — по крайней мере, он еще в сознании, двигает оставшимся глазом. Думаю, его удастся вытащить.

Санитары укладывают его в «Лотос» и я начинаю цикл процедур с начала. Обезболить нейроподавителем, ввести местные инъекции.

— Волнорез где... — бубнит кейп неразборчиво — его левая щека отсутствует, язык обожжен. — Что... волнорезом...

Наверное, под «волнорезом» он имеет ввиду имя кейпа, своего товарища. Не знаю. Не важно.

Сканирование завершено.

ДНК-интерпретация завершена.

Радиационного поражения вроде бы нет, во всяком случае, оно не гарантированно смертельное. Время от времени вокруг него начинает мерцать пленка силового поля — он полусознательно проявляет силу, все еще пытается защититься от угрозы. Хорошо хоть не повреждает оборудование при этом.

Я даже не сразу понял, где облажался. Просто в какой-то момент биометрия на мониторах замерцала тревожными сигналами, а сквозным зрением я увидел, как останавливается сердце. Мне всмотреться глубже, чтобы увидеть причину. Что-то произошло с соединительной тканью. Удар Бегемота, отнявший руку, каким-то образом распространился по половине тела, словно миллионы огненных игл. Кейпа одновременно зажарило изнутри и превратило в фарш. Даже «Лотос» не мог исцелить его достаточно быстро.

И он умер не сразу.

Он все еще тарачился на меня своим единственным глазом, хотя его сердце уже перестало биться. Уцелевшей рукой он схватил меня за мантию и с неодолимой силой притянул к себе.

— Что с... Волнорез... где...

На этот судорожный хрип он потратил последнюю секунду жизни. Его пальцы разжались, тело обмякло. Я не находил в себе сил даже отодвинуться, и словно парализованный, смотрел на труп.

Только что у меня на руках умер пациент.

Умер тот, кого я обязался спасти, но не спас — потому что не предусмотрел, потому что оказался не готов, уделил недостаточно времени и сил проекту. Потому что полез в чужую область, не имея должных сил и навыков. Будь на моем месте Панацея — он бы остался жив. Легко строить из себя целителя, работая в тепличных условиях муниципальной клиники, где рядом всегда есть квалифицированные врачи, заранее собранный анамнез и состояние больного уже стабилизировано. Мое настоящее испытание должно было пройти здесь, лицом к лицу с настоящей угрозой, и я его благополучно провалил.

Я схватился за край ложа «Лотоса», чтобы не упасть, когда мои ноги подкосились от

страха. Это все, это мой предел? Чего тогда я вообще стою?! Я словно вернулся на несколько месяцев назад, в свою комнату, пропахшую блевотиной. С той небольшой разницей, что сейчас умирал не я, и надеяться на чудо не приходилось — потому что один раз оно уже случилось. Но чувство отчаяния, бессилия... оно было прежним.

Я подумал о старших героях, которые сейчас находились в самом жарком месте битвы. Живы ли они еще? Подумал о Крисе, Софии и Карлосе, которые тоже выполняли возложенную на них миссию. Подумал о Кэсси, которая осталась в Броктон Бей. Волнуется, наверное.

Забавно даже.

Изначально мне не нравилась идея вступить в Стражи, потому что они занимались, на мой взгляд, сущей ерундой. Казалось, что Империя-88 и Гезельшафт дадут мне лучшие возможности реализовать себя. Ну что же, вот я и получил настоящее, ответственное дело.

Доволен?

— Сле... — мне пришлось напрячься, чтобы вытолкнуть слово из горла. — Следующего!

Прошло полтора часа.

В какой-то момент я перестал считать, сколько кейпов прошло через мои руки. Я уже не утруждался рассматривать их костюмы, не старался не смотреть на лица, с которых зачастую приходилось сдирать сгоревшие или приплавившиеся маски. Я смотрел только внутрь.

С очередного «уголька», как я мысленно окрестил своих пациентов, пришлось предварительно срезать массивный экзоскелет — он оказался технарем. Для этого пригодился меч.

Сканирование завершено.

ДНК-интерпретация завершена.

Я уже ставшим привычным движением отметаю в сторону массив избыточных данных, и концентрируюсь на самом важном — кроветворение, иммунитет, нервная система. Погасить наведенную радиацию. Даже близко не идеально, но скорее всего, выживет. Подозреваю, что тут скорее заслуга экзоскелета, чем моя. Два кубика адреналина и регенеративная сыворотка.

— Следующего!

К концу второго часа я беру небольшой перерыв.

Не для отдыха, для смены деятельности. Отдых мне заменяют стимуляторы. Большая часть инструментов осталась в мастерской, у меня при себе только то, что я ношу с собой постоянно. Приходится работать грубо, будто делая операцию на сердце с помощью кувалды, ни о какой надежности и долговечности модификаций речи не идет — лишь бы продержалось еще несколько часов. Я режу по живому кабели, переписываю на ходу программный код, собираю нужные элементы из того, что есть под рукой. Пошли в дело обломки технарских доспехов, валявшиеся рядом на земле, также пришлось отобрать у санитаров их телефоны и электронные часы. Кажется, они обиделись.

А, пофиг.

Мне нужно оптимизировать «Лотос» под текущие условия, максимально распараллелить все процессы. Все ради экономии времени, выкройки лишних секунд. Пальцы в перчатках соскальзывают, когда я пытаюсь скрутить вместе два провода. Они все

перемазаны кровью последнего «уголька», сердце которой я пытался запустить вручную. Она умерла, глядя на меня с обвинением.

Пока я работаю над «Лотосом», мой переносной реактор скрежещет от натуги, перерабатывая воду, чью-то руку и сорванные прямо с газона травки в кровезаменитель. Не бог весть что, но выровняет давление и сможет хоть как-то переносить кислород.

Грохот боя не смолкает, и у меня начинает звенеть в ушах.

Проходит три часа.

Кончается биомасса во встроенном контейнере. Странно, что ее хватило так надолго. Возможно из-за того, что в течение последнего получаса я не получал никого, кому бы потребовалась новая кожа, только с баротравмами от ударных волн. С такими иметь дело было в радость, из пяти обработанных не умер никто.

Где-то снаружи мерцают вспышки, а я достаю меч и иду в угол, где сложены мертвецы. Выбираю один мужской труп и один женский, и отсекаю у обоих ноги.

Потом режу их помельче, складываю в подвернувшееся под руку ведро и несую обратно к «Лотосу». И начинаю заталкивать куски в контейнер. Туда же вливаю немного протеазы и сую кипятильник. Эффективно. Человеческую ДНК проще довести до требуемого состояния ниже вероятность отторжения.

На меня смотрят с ужасом.

Пофиг.

— Следующего!

Звон в ушах уже не прекращается ни на секунду, и становится все сильнее с каждой минутой.

Середина пятого часа.

Мой второй перерыв, за который у меня нет времени присесть и отдышаться. Как будто здесь еще есть чем дышать кроме дыма и гари. Хорошо, что в костюме есть патроны с кислородом. «Лотос» работает с перегрузкой, импровизированные модификации держатся на честном слове и технарской силе. Приходится нырять с паяльником в вывороченные внутренности агрегата, и право, это приятнее чем ковыряться во внутренностях человеческих.

Их намного проще починить.

Звон в ушах? Он давно прошел.

Я слышу только песню. Бесконечную песню без слов. Ужасную. Чарующую. Знакомую.

Восемь лет назад я смотрел на зависшую над Лондоном белоснежную крылатую фигуру, которая казалась крохотной с такого расстояния.

Я смотрел на Сатурн, а Сатурн смотрела на меня и пела.

Только для меня одного, потому что больше никто не слышал ту песню. Несколько недель она была со мной, и за это время я не произнес ни слова. А потом ушла, чтобы вернуться спустя годы.

Уйди, я тебя не слышу, не хочу слышать.

Уйди, уйди, уйди.

— Следующего! — я отбрасываю паяльник и снова активирую «Лотос».

Измученные санитары кладут на ложе крупного мужчину. Я бегло оцениваю его состояние: глубокая взрывная рана в правой части груди, правое легкое практически

уничтожено, тяжелое радиационное поражение, ожоги четвертой степени — четверть тела, ожоги третьей степени — еще треть тела. Он не только жив, но и частично в сознании, бессвязно ругается на испанском. Высокореjtingовый Бугай. Нахрен его ко мне притащили, он же и сам сможет исцелиться? Крупная шишка, глава какого-то из отделений Протектората, о ком я не слышал? Ай, пофиг, нет времени спорить.

Гашение наведенной радиоактивности.

Удаление мертвой ткани. С последним возникают проблемы, маломощные дезинтеграторы «Лотоса» не справляются с укрепленной плотью, приходится использовать резак. Со стороны может показаться, что потрошу пациента, но санитарам уже плевать, а сам Бугай только злобно шипит сквозь зубы.

Иньекции ставить не получается, игла просто гнется о сверхпрочную кожу, так что на этом все.

— Следующего! — язык уже заплетается.

Песня меняет тональность и темп, теперь она выше и быстрее. Я украдкой бросаю взгляд на поднос со скальпелями. Может, песня утихнет, если я выколю себе уши?

На седьмом часу все прекратилось.

Я несколько минут тупо пялился на пустое ложе «Лотоса», прежде чем понял, что никто не спешит принести следующего пациента. Оглянувшись, я увидел своих подручных санитаров, сидящих на полу и жадно хлещущих воду из бутылок. Их лица были пусты, в глазах не осталось ничего, кроме бесконечной усталости.

«Очередь» тоже иссякла. Те, кто не дождался, лежали накрытые простынями с головой.

Первыми не выдержали ноги, и я упал на колени, попутно приложившись маской о борт «Лотоса».

Все... все кончилось?

«Да, для них. Не для меня. Песня все еще звучит».

Посмотрев вниз, я увидел только красное. Я весь был перемазан в чужой крови, по большей части уже успевшей засохнуть. Надо ополоснуться — это первое, что мне пришло в голову. Я кое-как поднялся на ноги и, покачиваясь, побрел к выходу из палатки.

— Гидрокинетки есть? — спросил я громко, но надеяться на ответ не приходилось.

Кругом царило столпотворение. Бой, по-видимому, закончился, и к полевому госпиталю собрались все, кто выжил — получить помощь при легких ранениях, найти товарищей. Все спешили по своим делам, и на меня никто не обращал внимания. Вокруг пестрело от разнообразия костюмов, пусть даже все они были одинаково закопченными и пыльными.

Постояв немного посреди этого хаоса, я понял, что здесь мне помывка не светит, и активировал мантию, чтобы взлететь. Я поднялся сразу на полкилометра, и только тогда смог понять масштабы произошедшего.

Мехико был огромным городом с двадцатимиллионным населением и преимущественно малоэтажной застройкой. Он раскинулся на более чем две тысячи квадратных километров, и с высоты было хорошо виден шрам, оставленный Бегемотом: огромная полоса выжженной земли, около двух километров в ширину и, наверное, несколько десятков километров в длину. Разрушения были по всему городу, отовсюду поднимался дым пожаров, вызванных перегрузкой электросетей и непрерывными землетрясениями, но именно эта полоса наглядно демонстрировала мощь Губителя. В этой области не осталось ничего живого, жесткая радиация простерилизовала ее до состояния хирургического

скальпеля, и такой она останется еще на сотни лет.

Мои кулаки непроизвольно сжались.

Чего стоило все, что я сделал сегодня, по сравнению с этой практически стихийной разрушительной силой? Чего стоили жертвы погибших? Чего стоили вообще все наши усилия? Считалось, что Губителя можно отогнать, нанеся достаточно урона. Когда я глядел на выжженную тропу Бегемота, мне это казалось смешным. Существо, свободно манипулирующее такими объемами энергии, просто не может получить от нас скольконибудь значимых повреждений. Левиафан уничтожал целые острова площадью десятки тысяч квадратных километров — а мне предлагают верить в то, что Лунг сдерживал его в одиночку.

Я спустился обратно и сделал то, что наверное надо было сделать еще в момент высадки — попытался найти своих.

— Магистерий вызывает Стражей, — я постучал по наушнику. — Магистерий вызывает Стражей. Стражи, ответьте.

— Черт побери, где тебя носило?! — это Оружейник.

— Вау, ты жив! — это Кид Вин.

— Магистерий, ты в порядке? Где ты? — это Эгида

Ну шикарно. Сами же сказали, где высадите.

— Я в госпитале. На разрушенном стадионе.

— Ты ранен?!

— Нет, я помогал раненым. Вы все живы?

— Без потерь, — ответил Оружейник, словно сконфуженный собственной эмоциональной вспышкой. — Почему ты не выходил на связь? Где твой браслет?

— Я был занят. Какой еще браслет?

Оружейник молчал довольно долго.

— Это моя вина. Коммуникационные браслеты раздали уже после того, как Мирддин нас высадил. Сейчас я перешлю тебе координаты, отправляйся туда немедленно.

Мой служебный смартфон пиликнул, когда пришло сообщение. GPS-навигатор указал направление, так что мне оставалось только забрать с собой «Лотос» и неспешно ползти по воздуху до места назначения. Точка randevу находилась полтора километра от госпиталя, так что путь занял меньше трех минут даже с тяжелым грузом на буксире.

Здесь уже собрались все герои из Броктон Бей, но не только они. На широкой площадке, еще недавно бывшей автостоянкой, разместился автономный модуль Дракон, внешне крайне похожий, вот сюрприз, на дракона размером со среднемагистральный самолет. Вместо крыльев у него был каскад реактивных двигателей, вокруг пасти торчали стволы каких-то орудий, но эти мелочи лишь добавляли внушительности.

А рядом стояли три фигуры, одни лишь имена которых вселяли трепет в сердца.

Женщина в черном костюме с плащом, носящая на голове шлем с зеркальным забралом, Александрия.

Мужчина в бело-синем облегающем комбинезоне и узкой маске, прикрывающей лишь глаза, Легенда.

Еще один человек, в тяжелой зеленой мантии с капюшоном поверх бело-зеленой брони, в глухой маске без лица. Эйдолон. Сильнейший человек в мире. Как я ни был измотан, но благоговение все равно заставило меня замереть. Одно дело держать на полке пластиковую фигурку, изредка смахивая с нее пыль, и другое — встретиться лицом к лицу.

Они о чем-то разговаривали с технарями, но когда я с «Лотосом» приземлился, все разом повернулись ко мне.

— Оружейник, это и есть твой новый подопечный? — спросила Александрия.

— Да. Мне пока сложно оценить его потенциал, — ответил Оружейник.

— Я не видел его в бою, — заметил Легенда.

— Он работал в госпитале, нашел способ спасти пораженных излучением Бегемота.

— Д-добрый день, — я вяло махнул рукой.

На что-то другое сил у меня не оставалось, пришлось опереться на «Лотос», чтобы не упасть. Александрия и Легенда вернулись к своему разговору, но Эйдолон еще некоторое время смотрел в мою сторону. А потом шевельнул пальцем.

Вокруг меня мгновенно возник водоворот, чуть не сбивший меня с ног. Он существовал всего пару секунд, а потом также бесследно исчез. С моего костюма капала вода, но зато он стал чистым. И в то же мгновение стихла песня.

— Эээ... — я не знал, как реагировать на подобное. — Спасибо... сэр.

Герой ничего не ответил и отвернулся.

Я растерянно поплелся к остальным. Они тоже выглядели поникшими, истощенными. Кид Вин сидел на своем скейте, парящем в полуметре над землей и рассеянно ковырял отверткой шлем. Эгида нервно расхаживал из стороны в сторону. Призрачный Сталкер сидела на задней лапе модуля и помалкивала. Хоть не залипала по своему обыкновению в телефоне. Скорость и Бесстрашный тоже были здесь, и им явно досталось сильнее.

— О, вернулся, — Эгида заметил меня и прекратил свои метания. — Как, в порядке?

— Жить буду, — почему-то меньше всего мне хотелось сейчас излить кому-то душу. Может от того, что боялся не выдержать и заплакать. — Кто-нибудь чувствует себя умирающим? Тошнота, ухудшение зрения, слабость?

Призрачный Сталкер дернулась, будто собиралась сказать очередную грубость, но почему-то передумала. Остальные только покачали головами.

— Ладно, тогда время терпит. Во всяком случае, если вы не умрете в ближайшие часы, я успею починить эту рухлядь и смыть с нее кровь.

Все бы сейчас отдал за глоток «мистера Хайда». Или хотя бы обычной воды. Надо было поинтересоваться у санитаров, где они ее добыли. А, пофиг. Скоро будем дома... наверное. Я уселся в тени модуля прямо на землю, достал смартфон и принялся записывать все идеи по усовершенствованию и развитию «Лотоса». Сегодня я оказался не готов, но больше такого не повторится.

Когда мы покинули Броктон Бей, была половина двенадцатого. Сейчас в Мехико, с поправкой на часовые пояса, было почти шесть. Солнце клонилось к закату, а застилающий небо смог от пожаров превращал его в болезненно-багровый кругляш, нависающий над горизонтом. Кислород в патронах давно кончился, так что я разгерметизировал костюм, но воздух вокруг оказался именно таким, как и ожидалось — то есть горячим, выгоревшим, воняющим дымом. Даже с большой натяжкой его не получалось назвать свежим.

А ведь однажды так будет везде.

Мы не можем убить Губителей. Если бы могли, это бы уже случилось за прошедшие двадцать лет. Сегодня в битве участвовали сотни кейпов, включая Триумвират, и не похоже, чтобы это сильно впечатлило Бегемота. Он и его проклятая родня вернутся спустя три-три с половиной месяца и продолжат сжигать, топить и сводить с ума. До тех пор, пока не останется ничего, только мертвая земля и безразличные звезды над ней.

— Эгида, — позвал я. — Как закончился бой? Бегемота прогнал Триумвират?

— Ты не видел?

— Я не вылезал из операционной палатки.

— Прилетел Зион, начал долбить Бегемота лучами золотого света, так что он тут же зарылся в землю и больше не показывался.

А, ну вот. Вот кто может прогнать Губителя. Но опять же — только прогнать. Если он мог уничтожить любого из них, то почему не сделал этого до сих пор? И если он единственный, кто на это способен, то какой смысл бросать на убой всех остальных?

Тем временем Триумвират, Оружейник и Дракон закончили обсуждать какие-то свои темы. Легенда взмыл в небо и тут же исчез вдалеке синим росчерком. Эйдолон просто телепортировался — во всяком случае, исчез он мгновенно. А Александрия направилась к нашей компании.

— Магистерий, — требовательно произнесла она. — На пару слов.

Я поднялся на ноги. Наверное, мне нужно было удивиться, чего одной из Триумвирата понадобилось от меня, но я был слишком измотан, чтобы пугаться или восторгаться.

— Успела кое-что разузнать о твоих сегодняшних успехах, — сказала она сухо. — Ты недурно проявил себя для своего возраста.

Недурно. Я проговорил это слово в уме, и оно показалось мне невероятно смешным. Недурно. Вот это она называет «недурно»?

— Позволю себе с вами не согласиться, — пробормотал я в ответ. — Это не тянет даже на «удовлетворительно».

— Вот как? Сколько кейпов прошло через твои руки?

— Я сбился со счета... мэм. Около семидесяти или восьмидесяти.

— Семьдесят два, если точно. Из них выжило пятьдесят один.

— Это значит, что у меня на руках умер почти каждый третий.

— Если бы не твое вмешательство, погибли бы все.

Натянуто. Как минимум один Бугай имел шансы выкарабкаться и без моей помощи.

— Или не погибли. Будь здесь Панацея, она бы спасла всех. Намного больше, чем я.

— Панацеи здесь нет, — отрезала Александрия. — А ты есть. И созданные тобой устройства уже оказали реальную пользу.

— О какой реальной пользе вы говорите? — я указал пальцем в сторону Тропы. — Бегемот жег город в течение семи часов, и если бы не появился Зион, жег бы его и дальше.

— О такой, что полсотни кейпов, которые не умрут от лучевой болезни, в следующем бою смогут сдерживать Губителя достаточно долго, чтобы появился Зион. О такой, что полсотни героев не позволят распоясаться злодеям в своих городах, удержат их от сползания в хаос и анархию, — она откинула прядь волос за спину. — Губители недаром получили свое название. Они убивают наш мир, медленно но неотвратно, и чтобы сдержать их, не дать им разрушить все, нужны герои. Не в профессиональном смысле, а истинные.

Она оглянулась на остальных Стражей, после чего обошла «Лотос» кругом.

— Расскажи об этом устройстве.

— Это не одно устройство, а несколько различных, объединенных в одну систему. Коряво получилось, но у меня просто не было идей, как заставить все работать в синергии. Вот эти лазерные сканеры снимают биометрию. Эти штуки, похожие на толстые тупые клешни — ДНК-сканеры. Вот этизаостренные радужные кристаллы — самый главный элемент. Я вырастил их, чтобы сымитировать силу Панацеи, они получают данные от ДНК-

интерпретатора, который вычисляет закодированные параметры организма, и генерируют излучение модулированной частоты, под действием которого денатурированная биомасса, поступающая по этим трубкам, преобразуется в здоровую ткань, — Я скривился под маской. — Как можно заметить, система, мягко говоря, далека от совершенства. Двадцать один человек сегодня заплатил за это жизнью.

— Излучение модулированной частоты, вот как... — на лицо Александрии на мгновение напозла задумчивость. — Ясно. А это похоже на ультрафиолетовую лампу.

— Это она и есть. Взял в городской больнице одну списанную и починил.

— А вот этот массивный модуль?

— Второй главный элемент. Антилучевая пушка. Гасит наведенную радиоактивность. Единственное, к чему у меня нет нареканий, и то потому, что в основе лежит технология Героя.

— Ты смог повторить ее?

— Куда там. Просто копался в архивах и наткнулся на описание. Если не ошибаюсь, он использовал огромную дисковую антенну, чтобы нейтрализовать радиоактивное заражение в Нью-Йорке после атаки Бегемота. Ну, я и попытался симитировать эффект.

— Сколько времени тебе нужно на оптимизацию технологии?

— Не могу сказать, я и так все переусложнил.

— Я рассчитываю, что ты справишься. Но не закливайся на одном подходе. Можно лечить раненных. А можно сделать так, чтобы раненных стало меньше. Губители отступают, если получают тяжелые повреждения. Если сможешь создать что-то, способное нанести им ущерб — сделай это.

— Нанести ущерб почти неуязвимой твари, аннигилирующей все в километровой радиусе и свободно манипулирующей тераджоулями энергии? — я скептически приподнял бровь. — Ну, если *вы* так просите...

— Я не прошу, Магистерий, — вздохнула Александрия. — У меня пока еще есть право приказывать.

— Я подумаю, что тут можно сделать.

На самом деле я подумал, что если песня снова зазвучит, лучшим вариантом для меня будет проделать себе дырку в черепе. О судьбе жителей Лозанны, Лондона, Мэдисона я знал слишком хорошо.

Александрия улетела, превратилась в темную точку на фоне небосвода, а потом и вовсе скрылась из виду. Дракон любезно согласилась подбросить нас до Броктон Бей в своем модуле. Скажу честно, это был даже не эконом-класс, но выбирать не приходилось. Когда приземлились, я решил отправить Кэсси SMS, но впал в ступор, не зная, что написать. Наконец, решил ограничиться лаконичным «я жив».

Процедуры деактивации и медицинские осмотры съели еще несколько часов, так что домой я вернулся когда уже совсем стемнело. Консьерж не пропустил Кэсси внутрь, но она дожидалась у входа. Наверное, я на нее дурно влияю. Прежняя Руна, о которой я был наслышан, никогда бы не стала себя так вести.

Заметив меня, она тут же подбежала, попыталась обнять... и отпрянула со страхом в глазах.

— Конни... — прошептала она. — Что... что с тобой?!

— А, это... — без тяжести костюма на плечах и скрывающей лицо маски почему-то стало очень сложно давить в себе эмоции, и горло сдавил противным ком. — Я... я

сегодня... крупно налажал.

Кто-нибудь, дайте мне сил не заплакать на глазах у своей девушки.

(1) Кейпа зовут Strider, и мне не нравится перевод «Бродяжник». (2) Эй, сеньор! Направьте ко мне пациентов! Я могу лечить радиацию! (исп.) (3) Хорошо, сейчас. (исп.) (4) Морфий внутримышечно! (лат.) (5) Сюда! Клади его сюда! Мне нужно полминуты на подготовку. (исп.) (6) Пять минут на каждого. Их слишком много. (исп.)

3.1 Дисперсия

Смазка медленно стекала в паз капля за каплей. Я держал масленку обеими руками и старался не дышать, чтобы не нарушить медитативное движение коллоидного масла. Для пробы повернул барабан центрифуги вручную, с помощью технарской способности подмечая тончайшие нюансы в работе механизма, которые не смогли бы обнаружить никакие приборы.

Вроде, все в порядке. Если бы людей было также легко чинить, как технику...

— О, добрый день. Я смотрю, у тебя проблемы? — спросил подошедший Виктор, сейчас находившийся в гражданской ипостаси Даниэля Малона.

— Никаких проблем, я уже закончил. Можно запускать, — я окинул взглядом три реактора, каждый размером с холодильник. — Если не будет форс-мажоров, обслуживание не потребуется еще недели три.

— Да я не про оборудование, — веско сказал он. — Я про одного тупого технаря, который побывал в бою с Губителем и вместо того, чтобы порадоваться, что все еще жив, неделю корчит из себя привидение.

Под маской я болезненно скривился. Мне больше всего на свете хотелось бы считать прошлое воскресенье кошмарным сном. Что ничего не было — ни звонка Оружейника, ни телепортации в пространственном кармане Мирддина, ни семи часов, заполненных непрерывным поединком со смертью. Ни кошмарной песни, ввинчивающейся в мозг.

На следующий после боя день я впервые в жизни прогулял школу. Отключил оба телефона, обычный и служебный, и провел весь день, просто глядя в потолок, почти не вставая с кровати. Даже компьютер не включал. А когда еще через день нашел в себе силы вернуться к обычному графику, то обнаружил, что ничего будто не случилось. Мне это казалось дикостью. Это был тот же город, та же школа, тоже отделение СКП и та же директор Пиггот, выдающая мне в лицо тираду о недопустимости прогулов по любым причинам. Снова вычет из оклада и отстранение от патрулей, на этот раз всего на неделю. Не то, чтобы мне было не все равно.

— Видимо, я слишком впечатлительный. И слишком гордый, чтобы плакаться в жилетку Кэсси. Я старше, в конце концов.

— У вас там никаких психологов что ли нет?

— Есть, вроде бы. К ним никто не ходит, потому что они постоянно сменяются, и смысл терапии теряется. Задолбаешься каждый раз пересказывать одно и то же новой рожой.

Даниэль покачал головой.

— Чем дальше я имею дело с СКП, тем больше мне кажется, что они набирают кадры по принципу максимальной некомпетентности. Неделю назад была атака Бегемота, но по местным каналам молчок.

— Они не хотят поднимать шумиху. Выпустили только короткий пресс-релиз, что герои отделения Восток-Северо-Восток под командованием Оружейника участвовали в отражении атаки Бегемота на Мехико. Даже не упоминалось, что больше половины команды составляли Стражи.

— Потому и не упоминалось. Молодежной Гвардии только дай повод кого-нибудь с дерьмом сожрать, — он презрительно усмехнулся. — А чем ты там вообще занимался? Не пытался же отпилить Бегемоту ногу этим ножичком?

Он кивнул на мой меч.

— Не, я даже боя как такового не увидел. С самого прибытия и до конца торчал в полевом госпитале, пытался... хоть что-то сделать.

— Закончил тот свой проект, с которым целый месяц возился?

— Закончил, да толку... двадцать девять процентов смертности это пиздец. Но Александрии понравилось. Сказала, в следующей драке рассчитываем на тебя, — я перехватил взгляд Даниэля. Тот смотрел на меня так, будто я только что рассказал ему, как Кайзер тайком ел мацу. — Что?

— Так, давай с начала. То есть ты собрал какую-то машину, которая буквально возвращает к жизни покойников?

— Ну, в некотором смысле. После пары десятков тысяч зивертов излучения ты фактически труп, даже если и не сразу.

— И тебя заметила Александрия?

— Да я с ней разговаривал всего минуту, или около того.

— Тогда ответь мне на вопрос: почему твоими фотками все еще не обклеен весь город, а местные журналисты не рвут тебя на части?

— А надо было? Двадцать девять...

— Да хоть тридцать. Запомни, СКП ни-ког-да не упускает случая выставить себя и свои достижения, даже самые притянутые, в наилучшем свете. А здесь повод очень даже весомый: сравнительно недавно получивший силы Страж уже проявил себя в бою с Губителем, вернув к жизни... сколько, кстати?

— Пятьдесят один выживший, насколько мне известно.

— ...вернувший к жизни полсотни героев.

— Половина попавших ко мне парней была настолько злодеями, что это было заметно даже в хорошо прожаренном виде.

— Ты не улавливаешь мысль? — Даниэль покачал головой. — Мы с Джессикой на днях прошли по магазинам, и что-то не заметили маек с тобой, хотя казалось бы, их должны были нашить еще в первые пару недель. А еще ты говорил, что тебе не дают участвовать во всяких массовых мероприятиях. Что когда на Хэллоуин всех Стражей выгнали на улицы раздавать конфеты, ты возился со своим реанимационным саркофагом.

— Это не саркофаг, это «Лотос». Ну не знаю, может еще просто рано. Я же в Стражах всего лишь чуть больше месяца.

— Тебя топят, дурень. Намеренно. Точнее, не позволяют наработать положительную репутацию и авторитет.

— Кажется, ты преувеличиваешь. Кроме меня, там было еще шестеро героев из Броктон Бей, и их тоже никак не упоминали, хотя они рисковали побольше моего. Да и зачем?

— Их совокупный вклад — ничто рядом с твоим, иначе бы Александрия тебя не выделила. А зачем... да затем, чтобы в случае твоего ареста меньше было вопросов. Одно дело засадить за решетку простого малоизвестного Стража, оформив все как перевод в другое отделение и похоронив все в тоннах бюрократии. И совсем другое — разжаловать популярного героя с именем, который всегда на виду.

Мда уж. Логично до безобразия. Неделю назад я бы здорово разозлился на подобное принижение своих заслуг. Иногда я сам забывал, что непрерывно хожу по лезвию ножа, и начинал считать работу Стража своим основным занятием. Ну, технически, оно так и было. «Медхолл» я уделял один день в неделю из семи, Гезельшафт вообще требовал времени

пренебрежимо мало.

— И что тут делать? Пожаловаться на форуме на отсутствие должных почестей?

— Отличная мысль! Я поговорю на этот счет с Кайзером, такой случай унижить СКП, да еще на их же поле, не каждый день подворачивается.

— Ладно, как только доберусь до дома, сочиню что-нибудь жалостливое... слушай, Виктор, ты ведь можешь похищать чужие умения?

— Чего сразу «похищать»? Я обычно беру понемногу за раз, и обладатель навыков через некоторое время восстанавливает утраченное.

— Обычно.

— Ну, иногда случаются чрезвычайные ситуации.

— Это мой случай. Можешь забрать мой талант находить неприятности на свою голову?

— А мне он на что?

— Какой же ты бесполезный... — я принялся собирать свои инструменты. — Только давайте обойдемся без захватов телестудий и подобных перфомансов, ладно? Это плохо сказывается на инвестиционном климате.

Окон в цехе не было, так что пришлось ногами выходить на улицу, и только потом подниматься в воздух. Я решил не разгоняться, чтобы было время подумать. В словах Виктора определено была доля правды, но было бы ошибкой сказать, что вообще ничего не изменилось.

Например, еще во вторник Оружейник лично(!) пришел в штаб-квартиру Стражей и попросил(!!!) антилучевую пушку. Хотя из чертежей я тайны не делал и, как положено, передал их СКП, но ему требовался именно рабочий образец. Причем даже не для себя, а для Дракон. Я не мог взять в толк, на кой черт самому крутому технарю в мире потребовалась мое, прямо скажем, далекое от совершенства устройство, о чем и сообщил своему-типа-как-наставнику. Тот, без тени своего обычного раздражения ответил, что Дракон хочет модифицировать технологию, вывести ее на макроуровень, чтобы нейтрализовывать радиоактивное заражение местности там, где Бегемот уже побывал. Когда-то этим с относительным успехом занимался Герой, но после его гибели десять лет назад никто так и не смог починить установку.

Пушку я конечно отдал, и был даже рад, что на какое-то время от нее избавился. При мысли о работе с «Лотосом» меня прошибал озноб. Я не мог заставить себя прикоснуться к нему, потому что каждая его деталь напоминала мне о той смеси страха, шока и обвинения, что стояла в глазах умирающих.

Хуже всего было то, что я не знал способа доработать «Лотос» до нужной степени. Потратив недели времени, я мог бы провести более тонкую настройку, изготовить более мощные процессоры, ускорить выполнение отдельных операций — но это бы увеличило эффективность на проценты. Если вместо каждого третьего будет умирать каждый четвертый — это приемлемо?

Для Александрии — возможно. Она сражалась с Губителями дольше, чем я жил на свете, каждые несколько месяцев. Для нее, сильнейшей и неуязвимой, смерти были просто статистикой, а мой «Лотос» — лишь способом вернуть в строй часть личного состава, чтобы в следующей битве было на пару процентов больше живой силы. Что звучит вдвойне цинично, потому что сама Александрия живой не была.

Когда мы разговаривали, я использовал на ней сквозное зрение. Не намеренно даже, рефлекторно, потому что делал это на протяжении последних часов. В полной мере

увиденное я осознал лишь несколько дней спустя. Тело Александрии было мертво. Сокращалось сердце, текла кровь, но это выглядело симуляцией, потому что не было движения внутри клеток. В них не протекали окислительные процессы, они вообще были полностью статичны, словно заморожены во времени силой Стояка. Только небольшой участок мозга выглядел по-настоящему функционирующим.

Даже представить не могу, каким был ее триггер.

Александрия была полностью неуязвима для физических воздействий любой мощности, ее сила не поддавалась никаким измерениям. На свете было немало гор, в которых зияли сквозные отверстия, потому что она не сочла нужным облетать их. Я к тому, что никакая проблема, никакая угроза не может потребовать настолько ультимативных мер. Все силы, которые я видел до сих пор, выглядели достаточно... экономными. Даже у Лунга или Чистоты. Они давали ровно столько, чтобы парачеловек получил эффективный инструмент насилия. Инструмент, а не термоядерную бомбу.

Конечно, Александрия была не единственным обладателем ультимативных сил, но когда начал думать об этом, то заметил странную закономерность. Эйдолон, Легенда и Герой получили силы очень давно, буквально на заре эры паралоудей, и почти одновременно. С тех пор не появилось ни одного героя, сравнимого с ними по силе, и всего один злодей — печально известная Сибирь из Бойни № 9. И судя по тому, что было известно о последней, она обладала теми же силами, что и Александрия, только еще более мощными, если это вообще возможно. Хотя она не имела способности к полету, но она в первом же бою лишила Александрию глаза и убила Героя, разорвав его пополам. Притом, что броня Героя была спроектирована выдерживать атаки Губителей — и действительно их выдерживала.

В этот момент я бы, наверное, все отдал за настоящую силу Умника, а не слабенький придаток к технарским способностям. У меня возникло ощущение, что я нащупал какую-то закономерность, сокрытую тайну. Но то были лишь смутные догадки, беспочвенные подозрения. Я попытался выбросить все из головы и сосредоточиться на текущих делах.

Предназначенные для Гезельшафта психотропы проскользнули словно мимоходом. Тридцать пять баллонов, каждый со своей вариацией кошмара наяву внутри. Пару месяцев назад я бы провозился с ними неделю, но сейчас управился за день. Может, моя сила улучшилась за это время, а может дело в том, что я производил эти психотропы с помощью самостоятельно созданного оборудования, а не смешивал в пробирках из хобби-магазина, и не из купленных в магазине компонентов, а комбинируя ранее синтезированные основы.

Как бы то ни было, Криг остался доволен. Он еще подозрительно улыбался, когда говорил, что Гезельшафт заинтересован в расширении сотрудничества. Они что, решили через меня окончательно решить еврейский (а заодно арабский, цыганский и т. д.) вопрос? Не, я мог бы создать токсин, реагирующий на определенные участки ДНК, смертельный для одного этноса и безвредный для прочих. Может... может даже прион, способный к размножению. Не сразу, потребуются эксперименты, и много подопытных. Только не помню, чтобы я подписывался на участие в геноциде. Дойдет до такого... блин, даже не знаю, что делать. Гезельшафт — не благотворительный фонд, в случае отказа без весомых причин легко организуют тет-а-тет со Святым Петром.

Хотя если они ограничатся только евреями или китайцами, то можно и попробовать.

А еще остаются Губители, которые никуда не делись, и ориентировочно во второй половине февраля снова нанесут удар. Когда это произойдет, я должен быть готов.

Оставалась Симург, чья песня могла вернуться в любой момент, и я не мог ручаться, что никому не наврежу при этом. Когда я читал о событиях в Лозанне, практически уничтоживших Швейцарию как государство, у меня на голове от ужаса шевелились волосы. Что, если я в какой-то момент превращусь в такое же чудовище? Стоило закрыть глаза, как воображение рисовало мне себя, стоящего среди разодранных в клочья трупов.

Стражи. Герои Протектората. Злодеи Империи-88. Тео, Астер и Кайдэн Андерсы. Мои собственные родители. Кэсси...

Считалось, что жертв Симург излечить невозможно. Их ждало безрадостное, животное существование в карантинной зоне. Попытка побега из которых влекла за собой немедленную смерть. Даже не казнь, потому что казнят преступников, чья вина доказана, и у кого даже в последние часы есть определенные права — на исповедь, на плотную трапезу.

Бомбы Симург не считаются личностями. Их утилизируют.

Я должен найти способ противодействовать влиянию на разум. У Оружейника были наработки по противотелепатической защите, я постоянно общаюсь с двумя кейпами-Властелинами и сам кое-что могу. Я должен справиться с этой задачей, чего бы это ни стоило. Просто чтобы просто остаться собой.

Я плавно приземлился перед офисом СКП.

На меня не обратили особого внимания, и после доводов Виктора это бросилось в глаза. Имя Эгиды было на слуху, потому что именно он должен был возглавить Стражей. Стояк и Виста считались «тяжелой артиллерией», они обладали чрезвычайно мощными, хотя и неудобными в применении силами, плюс Виста была самой младшей. По годам, не по опыту. Сталкер... с ней тоже все понятно, в отделении Восток-Северо-Восток наблюдался нездоровый перекос в сторону парней, так что кроме нее посмотреть было и не на кого.

Что до меня... моя характеристика «технарь-6, подклассы контакт/эпицентр, специализация на медицинском оборудовании» оставалась неизменной. Ну почти, когда я закончил мантию, еще добавился движок-3. И в прессе я мелькнул ровно два раза — в день принятия присяги и когда схлестнулся с людьми Выверта. Причем во втором случае мое участие постарались всеми силами замять, даже памятная фотка быстро исчезла с сайтов. Меня знали врачи в больницах, знали пациенты, которым я помогал, завсегда и ПЛО — и все. Отчасти потому, что затмить Панацею в принципе было нереально. Отчасти...

Да, это было неприятно.

Напоминало времена, когда моя мать мешала с грязью любое мое достижение, чтобы я не возмнил о себе слишком много. Ума не приложу, как во мне еще осталась какая-то воля к действию.

В штаб-квартире было малоллюдно, только Виста скучала за пультом, без интереса глядя за картинкой с уличных камер. Вид у нее был мрачный, и причин для дурного настроения у девочки было аж две.

Во-первых, ее не взяли в Мехико. Могло бы показаться странным, что 13-летняя школьница рвется в смертельную схватку, если не знать, что она эпицентр-9 и по меркам Стражей — настоящий ветеран. Ее силы действительно могли бы оказать существенное содействие, особенно в выжженной зоне, где не осталось людей. Однако руководство в лице директора Пиггот решило, что отправлять на убой ценный актив рановато.

Во-вторых, хотя мы все вернулись живыми, но встреча с Губителем не прошла бесследно. Острее всех это наверняка ощущал Рыцарь с его способностями к эмпатии, но Виста в равной мере общалась со всеми Стражами, кроме Сталкера, и подавленность Эгиды,

Кид Вина и мою воспринимала как личную трагедию.

— Привет, — поздоровался я, когда подошел ближе. — Не оставляешь город без присмотра?

— А, привет, — она обернулась. — Скука одна. Даже злодеев не видно. По статистике, после атак Губителей обычно следует недолгое затишье. А потом скачок активности выше среднего. Пользуются тем, что герои гибнут, и остановить их некому.

— Злодеи составляют где-то половину сил, которые собираются против Губителей. Я так прикинул по тому, что видел в Мексике.

— А в среднем на одного героя три злодея. Так что пока один злодей помогает в битве, два сидят в сторонке и злобно хихикают, — она помолчала. — Тебе как, полегчало?

— Да не сказать чтобы... — я сел рядом с ней в свободное кресло. Потом откинул капюшон и снял маску. — Когда у тебя на руках умирает тот, кому ты пообещал спасение... не знаю, что есть хуже этого.

— Я слышала, что у любого врача есть персональное кладбище, — серьезного сказала Виста.

— Это касается врачей без сил. А когда ты технарь, и притаскиваешь с собой на поле боя свое изобретение, и громко требуешь, чтобы к тебе направляли пострадавших, а потом вот так лажаешь... это ужас. А потом одна из трех величайших людей на земле говорит тебе, что ты отлично справился — это уже не ужас. Это будто издевка.

— А правда, что Александрия сказала, что ждет твоего участия, когда Губители снова нападут?

Я кивнул.

— Да уж... я думала, Эгида врет. И ты пойдешь?

— Конечно. Я не справился в этот раз, но к следующему успею улучшить то, что имею, и сконструировать что-нибудь еще.

— А мне вот не дали помочь! — с неожиданной злостью крикнула она и пнула ногой стойку консоли. — Я могла бы замедлить Бегемота! Могла бы заслонить всех стеной от его атак! Завернула бы его в скрученное пространство, как в кулек — и он бы ничего не рушил, и никого не убивал! У меня нет никаких ограничений на масштабы проявления силы, мешают только живые люди!

— Мисси, не... — начал было я, но был тут же награжден свирепым взглядом.

— Я — Виста. От Мисси уже давно ничего не осталось, — сказала она с горечью которую можно было ожидать от взрослой женщины, но не от девочки младше меня на два года. — Они все еще считают меня ребенком, хотя у меня опыта больше, чем у всех Стражей вместе взятых.

— Я хотел сказать, не торопись умирать. То, что мы все вернулись живыми — это чудо. Сорок процентов летальных потерь — это значит, что несколько прибывших команд были уничтожены полностью.

— Однако Стражей все же посылали.

— А ты глянь, кого отправили. Тех, кого не жалко. Кто доставляет проблемы. Эгида может выжить даже разорванным пополам или без головы. У Кид Вина почти нет прогресса. Призрачную Сталкер половина Стражей сама не прочь придушить во сне. Ну и я... без подробностей, но есть причины, по которым СКП вздохнет спокойно, если я вдруг скоростно скончаюсь.

— Это почему? Из-за того, что твои изобретения могут игнорировать эффект Мантона?

— И из-за этого тоже, — уклончиво ответил я.

— О, пока не забыла. Ты можешь проведать Кид Вина? Он что-то совсем расклеился. Еще хуже тебя, наверное.

— Он у себя?

— Ага, — Виста энергично закивала. — Кажется, он в мастерской насовсем поселиться решил.

Вот тут я ощутил жгучий стыд. Его участие в бою с Губителем тоже явно травмировало. Он работал в спасательной команде, и наверняка мирные жители гибли у него на глазах. Только в отличие от меня, он сразу направил все силы в работу, даже школу не прогуливал.

Правда, скромные результаты при таком усердии выглядели странно. Он довольно давно обрел силы, и трудился не меньше меня, но я не замечал в его изобретениях чего-то экстраординарного. При виде Алебарды Оруженийка или модуля Дракон поневоле испытываешь трепет, потому что как технарь понимаешь, насколько они совершенны. В моем «Лотосе», при всей недоработанности и несовершенстве, тоже была своя изюминка, как и в Изумрудном Мече. Схематично оборудование Кид Вина было простым, без уникальных черт, свойственных только ему. Будто он придерживался определенного шаблона, и не решался выйти за его рамки.

Что характерно, при том, что мы оба были технарями, но общались сравнительно немного — в основном по рации, пока он был в патруле, а я разлагался за консолью в своем вечном отлучении. Так-то мы сидели каждый в своей мастерской, занимались своими делами, а чужими интересовались мало.

Ну, вот и наверстаем. Я подошел к двери и постучал.

— Да? — ответили с другой стороны.

— Это Магистерий. Можно войти?

Раздался стук ног и дверь распахнулась. За ней обнаружился Крис в гражданской одежде, взъерошенный и с темными кругами под глазами.

— Что-то случилось? — хмуро спросил он.

— Да ничего. Виста говорит, ты вешаться собрался. Я не вовремя?

— А, не... — Крис замотал головой. — Заходи.

Мастерская Кид Вина была похожа на мою, но стоило приглядеться, и отличия бросались в глаза. Во-первых, у меня было чище и аккуратнее. Хотя ненамного, если честно. Совсем ненамного. Во-вторых, если у меня основное захламление создавали различные установки для производства определенных материалов и станки для обработки деталей, а также всякие обрезки, опилки, стружка и тому подобное, то Кид Вин мог похвастаться огромным количеством образцов разных устройств, в основном ручного оружия — иногда законченных, но чаще недоделанных или полуразобранных.

На его верстаке лежал шлем, в котором он был в Мехико, тоже развинченный. Видимо, он занимался усовершенствованиями, когда я его отвлек.

— Все же решил постоянно носить герметичный доспех? — я кивнул на шлем.

Он покачал головой.

— Пытаюсь повысить чувствительность тепловизора, чтобы лучше обнаруживать людей под завалами.

— И как?

— Не особо. То есть в теории работает, но не могу отсеять помехи от пожаров и всего такого, — он сел на стул и сник. — Все просто из рук валится.

— О, это мне знакомо. А не пробовал спектральный анализ?

— Эммм... а как это поможет?

— Ну, искать не тепло, а вещества. Если в одном месте много водорода, кальция и углерода — значит, скорее всего это человек. А тепловизором только проверять. Я сам хочу такую штуку в маску встроить, чтобы видеть в темноте, в дыму и сквозь стены. По сути, моя собственная сила Умника, только жертвуя точностью в обмен на больший радиус.

— Спасибо за идею, попробую, — Крис немного прибодрился, но тут же еще глубже рухнул в пучину депрессии. — Хорошо тебе. Ты и до того, как силы получил, был умный. Все у тебя получается. Специализацию свою сразу понял. Даже Александрия заметила.

Если бы сейчас в штаб-квартире появился Эйдолон и снова устроил мне прохладный душ, я бы удивился меньше. Seriously? Кид Вин seriously завидовал МНЕ? Сравнил себя с МНОЙ, и каким-то образом сравнение получалось не в его пользу? Он даже не завидовал мне и не считал меня соперником — только живым напоминанием о его собственной неполноценности. Вот только будь я таким умным, как он считал, я бы не оказался... там, где оказался — слишком злодей в глазах руководства СКП, слишком герой с точки зрения Кайзера, бесполезный в смысле противостояния Протекторату.

— Эммм... так, дай подумать... — честно, я растерялся. — Вставай и пощи.

— Куда?

— Вышьем что-нибудь.

Игнорируя вялые протесты Криса, я вытащил его в Хаб и усадил в обеденном уголке, где стоял холодильник, кофе-машина и микроволновка. Содержимое холодильника разнообразием похвастаться не могло, так что за некоторыми компонентами сбегать к себе. Через минуту я передал Крису высокий стакан с бодрящей и слегка развязывающей язык бурдой (на 99 % состоящей из фанты), уселся напротив него с таким же и сделал глоток первым. Виста тоже примостилась рядом, но ей я налил просто газировки, без добавок.

— Так, давай сначала. С чего ты решил, что я умный, а ты дурак? Только из-за того, что с математикой не ладится?

— Дискалькулия, — мрачно ответил он, крутя стакан перед собой. — И СДВГ.

— СДВГ это не болезнь. Это пролоббированный ассоциацией психотерапевтов повод впаривать тонны риталина. Просто поверь, у меня родители связаны с фармацевтическим бизнесом, и знают об этом все. А дискалькулия это что?

— Считать не умею. Буквально. Простейшие арифметические действия без калькулятора провести не могу. Какие-то расчеты для технарства — это вообще ад.

— Это у тебя после обретения сил такое?

— Нет, еще раньше, — он опасно глотнул фанты. — А можешь сделать лекарство от этого?

— Нууу... наверное. Только я бы не рисковал.

— Но ты же в больницах лечишь! Даже в психиатрии.

— Да, но... знаешь, меня пускают только к безнадежным. К тем, кто в противном случае умрет, или к тем, кто из-за своей болезни полностью недееспособен. Это отчасти от того, что больницы не хотят терять деньги, но есть еще более важная причина. Если я накосячу, то не станет хуже. Как говорится, что мертво — то умереть не может. А если какие-то жесткие побочки всплывут у тебя... бля, я даже не знаю, что со мной сделают. На Аляску наверное отправят пожизненно, в лучшем случае.

— Да ничего с тобой не сделают. Ты слишком ценный.

— Мне кажется, ты мою ценность сильно преувеличиваешь... — я перехватил его взгляд и осекся. — Ладно, ладно, попробую что-нибудь сделать. Но имей ввиду, на создание достаточно безопасного препарата потребуется время. И не забудь написать расписку с отказом от претензий в случае смерти или увечий.

— Да не вопрос.

— А что у тебя со специализацией? Она же вроде известна, лазеры и антигравы.

— Это все фигня, — отмахнулся он. — Написали, чтобы графа в личном деле пустой не оставалась. Ну и вообще требуют, чтобы я занимался лазерами. Типа, в команде нужен мобильный Стрелок. Но это не то. Тебе же вписали «медицинское оборудование», хотя тоже не правда.

— Ага, вот как... — я задумался на минуту. — Можно задать неприличный вопрос?

— Ну, валяй... — он глянул на меня подозрительно.

— Каким был твой триггер?

— Что это?

— Триггер-событие, — иногда я забывал, что это не особо публичная информация, и не каждый интересовался темой. — Момент запредельного стресса, в который ты обретаешь силы. В твоём случае это не одно мгновение, а достаточно длительный период, в который тебе было очень несладко. Специфика технарских триггеров — они растянуты во времени.

— А какое это имеет отношение?

— Прямое. Специфика проявления силы связана с обстоятельствами триггера. Что происходило вокруг тебя. В каком состоянии находился ты сам. О чем думал. Важна может быть каждая мелочь.

Крис снова хлебнул фанты и принялся покачивать стакан в руке, глядя в никуда.

— Знаешь, я не такой как ты, Рыцарь или Триумф. Моя семья очень небогатая, — сказал он медленно, словно не решаясь сходу раскрыть карты. — То есть, не нищенствуем, но пока я не стал Стражем, то например не мог и мечтать о колледже. А года два назад было намного хуже. Мой папа получил травму во время одной из стычек суперзлодеев, и долгое время не мог работать. Старший брат связался с дурной компанией, попал в тюрьму для несовершеннолетних. Мама работала на двух работах, чтобы вытянуть нас с моей младшей сестрой, но этого не хватало. А я пытался хоть чем-то помочь, хватался за все подряд. Мне тогда было тринадцать. Где-то полгода я просто разрывался на части — школа, уход за отцом и сестрой, домашние дела. Постоянно искал подработки, чтобы принести домой хоть пару баксов, хватался за все подряд... даже за те дела, что не выглядели законными. Ну, знаешь, забрать пакет в одном месте и принести в другое. Работы на часа, и полсотни твои. И чем дальше, тем яснее становилось, что пытаюсь, пытаюсь успеть везде — и в результате не получается толком ничего. И в какой-то момент просто понял, что знаю, как собирать всякие штуки. И понеслось. Ясное дело, ни на что другое времени у меня уже не оставалось. Прикинь, я даже пару раз дрался с героями, пока меня не победили и не привезли сюда. И предложили стать Стражем, хотя я думал, что посадят. Вот и все, собственно.

Я кивнул и принялся думать. Обстоятельства триггера вписывались в типичную клиническую картину — долгий кризис, неразрешимая (или кажущаяся таковой) проблема. Но каковы конкретные детали? У меня были только слова Криса, и пара образцов его устройств, по которым я не мог сказать ничего конкретного. «Разрывался». «Хватался за все подряд». «Пытался успеть везде».

Хммм...

— В общем, у меня есть три предположения, — сказал я, когда молчание стало невыносимым. — Скажу сразу, я далеко не эксперт в этих вещах, так что не рассчитывай, что я сходу определю все верно. Ладно... первое: твоя специализация связана с созданием автономных дронов-помощников, или же просто автоматизированных систем.

— Я пробовал делать дронов, — признался Крис. — Не самые неудачные мои проекты, но возникали проблемы с многопоточным управлением, если их было больше пяти штук. Искусственный интеллект им прописать не получилось, как и достаточную автономность.

— Значит не то. Тогда вторая версия: ты специализируешься не на конкретном типе предметов, а на методах производства, которые экономят время. Скоростная сборка.

— Блин... ты в курсе, сколько я возился со своим скейтом?

— Эээ... нет.

— Неделю. Это как бы дохрена.

— Окей, значит тоже мимо. Тогда последняя версия. Хотя по-моему, тут тоже ерунда выходит.

— Режь уже.

— Швейцарский нож.

— Чего?

— Сам же сказал — режь. Короче, твоя специальность — что-то вроде швейцарского ножа. Берешь несколько разных инструментов, которые рядом смотрятся нелепо, и соединяешь их во что-то одно. Вероятно, функционал будет неполноценным, но зато все разом под рукой.

Я сам не ожидал, какой эффект окажут мои слова. В лучшем случае я надеялся, что Крис уловит какие-то намеки, которые я сам распознать был не в состоянии, и самостоятельно сможет нащупать свою сильную сторону.

Но тот замер, будто пораженный током, и сидел так почти минуту. Его губы еле заметно шевелились, глаза бегали по сторонам, пальцы дергались, будто порывались без ведома хозяина немедленно взяться за работу. Мне кажется, или это повод для беспокойства?

— Эй, ты тут еще? — Виста помахала у него рукой перед лицом. — Кид Вин, прием!

С видимым усилием Крис сфокусировал взгляд на ней. Выглядел он как человек, только что узнавший смысл жизни, тайну убийства Кеннеди, происхождение парасил и причину, по которой булки для хот-догов продаются упаковками по восемь штук, а сосиски к ним — по десять.

— Это ведь так просто... — пробормотал он. — Комбинация. Совмещение. Адаптивная реконфигурация. Блин, как я раньше не понимал?!

— Тебе может и просто... — я вспомнил, как пытался увязать между собой отдельные элементы «Лотоса», и какие проблемы при этом всплывали. Нейроподавитель и формирователи плоти мешали друг другу пересекающимися частотными диапазонами, пришлось подключать их через роторный контакт — пока работало одно, не работало другое — со сменой итераций пятьдесят раз в секунду. Этого хватало, чтобы в достаточной мере подавлять болевые ощущения, но эффективность работы формирователей снижалась на треть.

— Нет, это реально круто! — он чуть ли не подпрыгнул на месте. — Ты свою специализацию также выяснил? Изучил триггер?

— Вообще-то, я ее не знаю.

— Что... но как тогда...

— Сначала я думал, что это «синтез веществ», потому что начал я всяких газов и микстур. Потом начал склоняться к «преобразованию веществ», когда для дальнейшего прогресса потребовались разные вспомогательные установки. Но специализация, по идее, должна быть более узкой. Зато теперь, поняв твою силу, я могу взглянуть также на свою. И тогда это получается...

Я прикрыл глаза, заставляя себя окунуться в худшие воспоминания.

Прессинг со стороны матери. Самоустранимость отца. Зависимость от инсулина. Вечные напоминания о финансовой зависимости. Неуклюжие попытки обрести независимость.

Сила дает не то, что тебе действительно нужно, а то, что просишь в миг отчаяния. Коварный дар, похожий на золотое кольцо с шипами на внутренней стороне. Что-то, что будет терзать тебя до конца дней, не давая ранам заживать.

— Назовем это «самодостаточными производственными цепочками», — сказал я наконец. — Для меня малополезны те ресурсы, что я могу взять со склада или купить у других технарей Протектората. От предоставляемого оборудования тоже толку немного. То есть, я могу все это использовать, но результат будет так себе. Чтобы раскрыться полностью, я должен создавать собственную инфраструктуру. К примеру, я не мог построить «Лотос», используя предоставленный СКП станок. На том станке, и то после глубокой модернизации, я только сделал детали для других станков, на которых уже произвел детали для «Лотоса». Тоже самое с материалами. Для старта годилось что угодно, но потом пришлось заниматься плавкой металла и стекол, выращивать кристаллы... наверное, лучший результат будет, если начать цепочку с копки руды, а закончить каким-нибудь генератором кварк-глюонной плазмы. Если конечно мне жизни хватит на все это.

— То есть в идеале, ты должен построить собственный мега-завод? — предположил Крис, теребя подбородок. — О, или гигантскую мобильную платформу в виде огромного червя, которая будет пожирать все на своем пути, перерабатывать материю и непрерывно увеличиваться.

— За такое на меня выпишут ордер на убийство.

— ...а называться это будет Шай-Хулуд, и да будет очищен мир его деянием!

Несколько секунд я пытался сдержать рвущийся наружу ржач, но быстро сдался. Кид Вин и Виста подхватили почти одновременно. Это было настолько нелепо, что оставалось только и дальше захлебываться смехом. Полчаса назад мы могли думать только о собственном бессилии, и вот, пожалуйста. Всего-то потребовалось выговориться.

— Не знал, что ты «Дюну» читал.

— Только первую книгу осилил. Тягомотина какая-то.

— И ничего не тягомотина, надо просто вчитаться, — я огляделся. — Но раз уж разговор про завод... как думаешь, что будет, если я попрошу у Пиггот мастерскую побольше?

— Ничего, в лучшем случае. Чтобы Свинка вела себя по-человечески? Раньше Оружейник научится шутить.

— А давайте на Рождество нарядим Оружейника Санта-Клаусом, — предложила Виста.

— Точно! Скажем, что шуба красного цвета повышает скорость мотоцикла за счет отражения световых волн большей длины! — подхватил Крис. — А борода внушает страх злодеям.

— У него и так есть борода.

— У него короткая, а надо длинную и белую.

Составление плана операции «убедить Оружейника нарядиться Сантой» заняло еще полчаса. Мы разошлись по своим делам с распределенными ролями и полностью уверенные в успехе. Всего через полтора месяца мир увидит Оружейника в красной шубе, поправившегося на полсотни фунтов и с мешком подарков за плечами. И никто нас не остановит...

Даже когда дверь мастерской за мной закрылась, приподнятое настроение улетучилось не сразу, настолько заразительным оказалось веселье. Я прошел вглубь, включая оборудование и компьютеры, и оперся на верстак, где меня ждала груда чертежей, озаглавленная одним словом.

«Сирин».

Пусть СКП замалчивает мои дела и даже мое существование — я почти не обижался. Меня признала одна из Триумвирата, и это стоило дороже мнения всего СКП вместе взятого. Пусть похвала была не вполне заслуженной, но я сделаю все, чтобы оправдать доверие. Рука, что может исцелять, способна и убивать.

Я осмотрел эскизы своего будущего боевого доспеха. Проект обещал стать еще сложнее «Лотоса», если это вообще возможно. Недели потребуются только на последовательное выстраивание технологического процесса. Но если удастся реализовать хотя бы половину задуманного, я смогу сражаться на уровне Великолепной семерки Протектората, в которую входил и Оружейник.

Это было жизненно необходимо.

Редкую тайну можно хранить вечно. Готов поставить свою стипендию на год вперед, что однажды Стражи узнают обо мне всю подноготную. Но может, они простят меня, если я буду стараться?

ПРИМЕЧАНИЕ:

Для жертв российской системы образования:

Сирин — это мифическая птица в древнерусской мифологии, которая поет приятные, но сводящие с ума песни.

Интерлюдия 3.а Эмили Пиггот

Изредка в жизни Эмили Пиггот, директора отделения СКП Восток-Северо-Восток наступали моменты, когда ей больше всего хотелось уволиться со службы и переехать в Россию. Кто-то удивится, как можно променять жизнь в сравнительно комфортном месте на нищую, милитаризованную, закрытую страну, населенную медведями, коммунистами и прочими животными, где вдобавок обитала страшнейшая угроза S-класса после Губителей. Однако с точки зрения директора там было кое-что, перечеркивающее большую часть недостатков.

Средняя продолжительность жизни парачеловека в России составляла девяносто шесть часов.

Вся национальная инфраструктура, восстановленная почти с нуля после распада Советского Союза, была выстроена так, чтобы быстро и эффективно выявлять тех, кто только что обрел силы. Никаких бесящих законов о тайне личности и «трех ошибках», никаких «неписанных правил». Бешеная обезьяна с гранатой, каковой являлся любой обладатель суперспособностей, автоматически лишалась всех гражданских прав и в подавляющем большинстве случаев получала то, что заслуживала — пулю в затылок за казенный счет, независимо от пола, возраста и положения.

По этой причине в России была самая низкая в мире популяция паралюдей относительно общей численности населения, всего лишь немногим более тысячи, и больше половины из них служили в армии или спецслужбах. Конечно, некоторым отщепенцам и бандитам удавалось ускользнуть из цепких лап КГБ, но они были каплей в море по сравнению с той трясинной, в которую сползали США.

Директор Пиггот потеряла уставшие глаза и снова посмотрела на компьютер. С экрана на нее глумливо взирал Кайзер, и это глумление было заметно даже через маску из стальных лезвий. Несколько секунд она думала, не хватит ли этого дерьма на сегодня, но палец уже сам собой клацнул мышкой по кнопке повтора.

— Приветствую жителей Броктон Бей — по крайней мере тех, кто заслуживает этого. Как всем известно, на протяжении многих лет группа Империя-88 стоит на страже этого города, оберегая невинных людей от этнической преступности, разлагающего влияния сионизма и распространения противоестественных извращений. Мы — это объединение людей, помнящих об истинном величии этой страны, о заветах отцов-основателей и наследии Старого Света, на котором возвращено все наше общество.

Соединенные Штаты были сотворены силой народа, для народа и по воле народа. Лучшие люди Старого Света отправлялись в неизведанное, чтобы покорить дикие земли и построить величайшую страну, которой не видел мир. Так было раньше, но что мы видим сейчас? Что Америка поражена метастазами опухоли, завезенной из Африки и Азии. Что грязь, нанесенная примитивными существами, запятнала наш чистый дом.

Как известно, семнадцатого ноября Бегемот атаковал Мехико, и герои Броктон Бей, возглавляемые Оружейником, отправились на помощь. Но кто знает, что из семи четверо были подростками, включенными в программу Стражей? Служба Контроля Параугроз проявила в лучшем случае преступную некомпетентность, а в худшем — намеренно подвергла несовершеннолетних героев смертельному риску, пользуясь их зависимым положением.

Кто-то может возразить, что они могли вызваться сами. Что их вело чувство долга и желание помочь. Но разве не заслуживает такая отвага и благородство почестей? Поощрения? Банального упоминания? Я, Кайзер из Империи-88, открыто признаю, что пусть не все из этих Стражей полностью отвечают критериям приемлемого, но их доблесть достойна уважения. Но одного человека я хочу выделить особенно, это новичок в Стражах, по имени Магистерий. Тот, кто начал свой путь кейпа с безвозмездной помощи страждущим. Увы, слишком многие не способны позволить себе качественную медицину из-за бездарной политики городской администрации, разбазаривающей бюджет на содержание черных бездельников и желтых паразитов, бесчисленные орды которых оккупировали нашу страну.

Вступив в программу Стражей, Магистерий продолжил свой труд, потеснив на пьедестале благодетелей даже Панацею, и не получил за это ни цента, ведь фармацевтическое лобби, состоящее, вот сюрприз, из евреев, протолкнуло массу уродливых законов, чтобы защитить свои сверхприбыли. Он был одним из тех четверых, что отправились в бой с Бегемотом, и хотя не сражался на переднем краю, с помощью своих изобретений спас жизни полсотни отважных паралюдей, получивших смертельные ранения в битве с чудовищной тварью.

Вы что-нибудь об этом слышали? В новостях, в официальных пресс-релизах?

Не думаю, потому что даже я узнал об этом случайно, из третьих рук.

Причина проста — СКП, якобы призванная защищать граждан от параугроз, занимается исключительно показухой и оголтелой пропагандой так называемого «равенства», замалчивает подвиг белого паренька, чтобы продвинуть фаворитов — разумеется, черных и китайцев, ведь это так толерантно и разнообразно. Тем временем в Доках нельзя шагу ступить, чтобы не врезаться в черного сутенера или наркоторговца. Азиаты крадут белых школьниц прямо возле школ и продают их в сексуальное рабство, переправляют в Китай, в тамошние бордели.

Делает ли СКП что-то с этим? Нет. Эта убогая пародия на государственную организацию давно стала вертепом для цветных и их любителей. Они очерняют в глазах общественности Империю-88, которая единственная защищает белых детей от кошмарной участи стать игрушками косорылых извращенцев, а потом, после утраты «товарного вида», быть разобранными на органы. Они дурят белых детей, обладающих парасилами, сладкими сказочками про героизм, самопожертвование и защиту людей — а потом наживаются на их практически неоплачиваемом труде, бросают в качестве пушечного мяса под ноги Губителям. А если те все же возвращаются живыми, то отбирают у них даже собственные достижения, приписывают их выделенным пиар-фигурам из числа цветных и гомиков. Смотрите американцы, вот ваш защитник, герой Ууга-Бууга, и не важно, что он не умеет писать и читать, а из достижений имеет только завязанные шнурки — зато он политически корректен.

Подумай над моими словами, Магистерий, ведь ты наверняка увидишь эту запись. Ты работаешь на организацию, которая выдоит тебя досуха, присвоит твои достижения и изобретения, а потом отправит на смерть, чтобы ты не болтал лишнего. Твой директор, Эмили Пиггот — сумасшедшая кейпоненавистница, которая оставила в Эллисбурге остатки своей вменяемости. Можешь поискать ее биографию, если интересно, узнаешь много нового. Она сживет тебя со свету просто за то, что ты парачеловек.

Кстати, Стражам правда платят всего четыреста долларов в месяц? За

ненормированный график, за смертельный риск? Похоже, в СКП все еще печальнее, чем я мог предположить.

Подумай, Магистерий. Двери Империи-88 всегда открыты для тебя — и для тех, кого ты приведешь за собой. Здесь ты найдешь все, чем тебя обделила СКП — и никто и никогда не преуменьшит твоих заслуг.

Речь Кайзера оборвалась с окончанием файла. Пиггот раздраженно закрыла браузер. Не то, чтобы она была шокирована. Как у директора отделения, у нее был доступ к секретным сведениям категории А — в том числе к данным о подлинных личностях суперзлодеев. Кем может быть кейп, чьи родители работают на «Медхолл», владельцем которого является Макс Андерс, он же Кайзер? И к тому же через два дня после принятия присяги Стража получающий от того же «Медхолл» контракт на сотрудничество? Правильно. Только крысой.

К великому сожалению Пиггот, она не успела предупредить Стражей о необходимости держать с Магистерией ухо остро, а после это не могло не вызвать ненужных расспросов и подозрений. Особенно неудобен был Кид Вин, чьи силы могли быть использованы для получения конфиденциальной информации. В личной беседе она сообщила Оружейнику, что Магистерий может быть скомпрометирован, и повторно приказала тщательно проверять все его изобретения, и еще тщательнее следить за тем, к каким данным он получает доступ.

Но шло время, а Магистерий не пытался шпионить или заниматься саботажем, и Пиггот поняла, что ошиблась. Кайзеру не требовался шпион, у него они в СКП были и так. Он замахнулся на большее и начал создавать агента под прикрытием. Того, кто потратит годы на карьерный рост, приобретет влияние и будет действовать в интересах Империи-88, для всех оставаясь героем. Если план Кайзера увенчается успехом, владеющий инструментами Протектората Магистерий поможет вычистить из города остальные банды, а затем планомерно ослабит и СКП, ведь незачем держать в городе большие силы, если злодеев мало. И Залив упадет в руки белых расистов, как спелое яблоко.

Именно в этот момент Пиггот и пожалела, что мелкого ублюдка нельзя просто отвести в подвал и расстрелять. Или хотя бы посадить в камеру без пищи и воды на недельку, чтобы раскололся. За Магистерией стояла мощь Империи, и что еще хуже — весь адвокатский корпус «Медхолл Корпорейшен». И его собственная сила — с неясными ограничениями, и достаточно мощная, чтобы воссоздать биокинез Панацеи. Директор мрачно перебрала в памяти злодеев с наиболее неприятными силами, после чего направила в центральный офис запрос об отложенном ордере на убийство — на случай создания Магистерией саморазмножающихся устройств или организмов.

Запрос ожидаемо отклонили, так что Пиггот приходилось принимать меры самостоятельно. Она работала на опережение. Агента следовало сделать бесполезным для Кайзера. Она жестко пресекла возмущенные голоса отдела по связям с общественностью, для которых Магистерий был настоящей находкой, и велела вычеркнуть его из всех программ массовых мероприятий — как имеющихся, так и тех, что только будут запланированы. Также она по любому поводу старалась отстранять его от патрулей — и чтобы тот меньше показывался на людях, и для препятствования получению боевого опыта, и для снижения риска для остальных Стражей. Шанс, что во время схватки со злодеями он выстрелит кому-то в спину, был невелик, этот вопрос наверняка был обговорен еще до внедрения, но своих подчиненных Пиггот обычно старалась беречь — даже если это паралюди.

Параллельно она начала зондировать почву в других городах, не требуется ли им пополнение. О, конечно, будь Магистерий совершеннолетним, то не задержался бы в Броктон Бей и недели. Директора отделений передрались бы, чтобы заполучить его в свои колоду. Но перевод на новое место Стража — это просто прорва разнообразных согласований. В первую очередь с родителями или опекунами, а реакция родителей Магистерия была достаточно предсказуемой.

Большую часть процедур можно было обойти, если бы за Стражем числилось серьезное нарушение, и выбор стоял между переводом и тюрьмой. Но в своей гражданской ипостаси Магистерий был правильным и законопослушным до оскомины, а в маске, в отсутствие патрулей, покидал выделенную мастерскую только для волонтерства в городских больницах, так что вменить ему в вину было ничего. Когда он вызвался на бой с Бегемотом, Пиггот мысленно молилась, чтобы он там погиб, и хотя бы одна проблема из многих разрешилась естественным путем.

Не погиб.

И не вернулся знаменитостью только по случайности, проведя все семь часов без коммуникационного браслета, так что обработанные им кейпы понятия не имели, кому обязаны. Это могло бы стать большой удачей, но мелкий убудок со своими изобретениями приглянулся Александрии. На следующий день пришло распоряжение из центрального офиса — не препятствовать Магистерию в разработке чего бы то ни было, особенно если это может быть направлено на борьбу с Губителями, а любые требования касающиеся ресурсов удовлетворять, если это не что-то нереальное.

На следующей неделе Магистерий пришел к ней сам и попросил помещение под мастерскую побольше. Дескать, разобрался в своей специализации, и ему нужно больше места. Мысленно скрипя зубами от раздражения, Пиггот разрешила ему снести стену, отделявшую его нынешнюю мастерскую от соседнего неиспользуемого помещения. Магистерий очень удивился, будто заранее настроился на отказ, но быстро взял себя в руки и ушел заниматься расширением.

И теперь вот это выступление Кайзера, которое явно было спланировано и подготовлено. Профессиональная студийная запись, распространение одновременно по множеству каналов, от ПЛО и Youtube до телеканалов. Кайзер хорошо раскошелился, чтобы его обращение появилось в прайм-тайм, и удар получился болезненным. Не сокрушительным, но действительно болезненным, причинившим массу неудобств, и проблема была даже не в том, что Стражи отправились в бой с Бегемотом. Да, лет десять назад допустившего подобное директора распяли бы над входом в отделение, но с тех пор прошло десять лет, атаки Губителей продолжались, ряды героев редели, и затыкать дыры в строю приходилось всеми доступными средствами. Запрет на использование Стражей при отражении атак Губителей предполагалось полностью снять в течение ближайшего полугодия. Нет, проблема была в одном-единственном Страже, которой буквально с первого дня был занозой в заднице.

Пиггот оказалась в затруднительной ситуации. Продолжи она держать Магистерия на коротком поводке — и вала дерьма не избежать, работа по продвижению позитивного образа СКП была бы отброшена на месяцы, если не на годы. Но также она не могла вывести проблемного Стража на широкую публику, потому что это означало пойти на поводу у Кайзера и помочь ему в осуществлении его плана.

Был большой соблазн просто арестовать Магистерия по обвинению в сотрудничестве с

суперзлодеями, заставить выложить все, что ему известно, и потом отправить гнить на Аляску или стеречь какую-нибудь карантинную зону, не забыв принудительно сменить ему имя и костюм. Вот только мелкий ублюдок в свои пятнадцать проявил недюжинные навыки двойного агента, и связать его с Империей было невозможно без разглашения секретной информации о гражданских личностях суперзлодеев — а последствия у этого поступка были бы настолько тяжелыми, что проще терпеть крота под боком. Также Пиггот помнила о ненулевой вероятности, в случае ареста Империя просто вытащит его из камеры, убив в процессе десятков-другой оперативников, и Магистерий открыто перейдет на другую сторону. Со всей информацией, которую успел получить, в том числе об устройствах Дракон. Конечно он потеряет всю гражданскую часть своей жизни, это должно стать серьезным ударом... но не слетит ли он с катушек?

Пиггот потрясла головой, отгоняя навязчивые воспоминания об искаженных тварях, скачущих по улицам обезлюдевшего города и пожирающих ее товарищей. Для принятия взвешенного решения ей не хватало информации. А именно понимания пределов силы Магистерия. То, что он демонстрировал до сих пор, делало его довольно опасной, но отнюдь не выдающейся маской, при некоторой подготовке с ним бы справился любой из ее подчиненных героев. Однако он сам сказал, что лишь недавно понял свою специализацию... поэтому какое-то время придется терпеть и наблюдать. Шансов мало, но если его сила окажется достаточно ценной, возможно, его стоит попытаться перевербовать.

Что делать дальше? Созвать пресс-конференцию. Сделать вид, что это плановое событие, и никак не связано с громким заявлением Кайзера. Предположить, какие могут быть заданы вопросы и продумать ответы на них.

Почему Стражей послали на бой с Губителем? Сказать, что они не участвовали непосредственно в бою, а лишь занимались помощью в эвакуации мирного населения, и серьезной опасности не подвергались — тем более, что это чистая правда.

Почему Магистерия не было видно на улицах? Потому что Оружейник сообщил, что тот работает над реанимационным оборудованием, и его не следует отвлекать пустяками — почти правда, Пиггот действительно получала доклад, но не придавала ему особого значения.

Почему молчали до сих пор? Потому что юным героям требовалось время, чтобы прийти в себя, не следовало сразу тащить их на пресс-конференции и интервью — тоже отчасти правда.

Почему Стража-целителя обделили вниманием уже после? Потому что его он тяжело переживал из-за большого процента смертности среди пациентов, и неумеренные похвалы лишь причинили бы ему еще больше боли. Вероятно, заставили бы совсем отказаться от работы в этом направлении. И это тоже чистая правда, об этом докладывал Эгида.

Под последним предлогом Магистерия можно будет вообще не выпускать из мастерской, раз на него такое впечатление произвела короткая беседа с Александрией. Пусть занимается медицинским снаряжением, а если попытается сделать что-то более опасное — напомнить ему о тех, кого он не спас. Пиггот с облегчением откинулась на спинку кресла и довольно улыбнулась.

Ты хотел войны, Кайзер? Ты ее получишь.

Ночь выдалась отличная — холодная, с сырым пронизывающим ветром, и безлунная.

В такую ночь никто не выйдет из дома без острой нужды, а значит улицы будут пустынными и не нужно будет сдерживаться.

Магистерий нежно провел пальцами по изогнутому рубиновому лезвию. Так долго... целый месяц, почти безвылазно проведенный в тесной мастерской, начал сказываться. Сила жаждала высвобождения, душа — битвы, а клинок — крови. Тайно изготовленный шедевр, превосходящий привычный Изумрудный Меч на пару поколений, приятно оттягивал руку, и скоро он пройдет боевое крещение.

Нажатие одной кнопки на контрольном браслете — и активированная поляризационная система сделала его почти невидимым. Ночная темнота довершила дело. Он взлетел на двадцать метров, туда, где на бетонной плите парила Руна, и приобнял ее сзади.

— Ну что, готова немного разогреться?

Из-за близкого контакта с живым объектом область преломленного света нарушилась, и со стороны это выглядело так, будто из ниоткуда появилось темное облако, которое сгустилось в человеческую фигуру.

— Я уже просто горю, — девушка легонько щелкнула его по маске. — Но ты же меня потушишь?

— Не сомневайся.

— Так, молодежь! — рявкнули снизу. — Лизаться потом будете, сейчас есть работа.

Магистерий выпустил Руну и рухнул вниз, включив антигравитацию лишь у самой земли. Сгруппировавшись, он приземлился на три точки, выпрямился, и посмотрел в глаза Крюковолку.

— Просто покажи мне, где они. И не зевай, а то тебе ничего не достанется.

— Ух, какой кровожадный, — Крюковолк уже частично изменил форму, и хотя пока еще сохранял человекоподобный облик, но его руки и половина торса уже превратились в мешанину непрерывнодвигающихся лезвий. — Давай, меньше пиздежа, больше дела. И когда начнется, смотри не обделайся от вида крови.

— Когда у тебя будет столько же битв с Губителями, как у меня, тогда и будешь язвить про кровь, Волчок.

Среди масок Империи-88 раздались смешки. Здесь присутствовало большинство активного состава. Некоторые остались на «своей» территории на всякий случай, также не почтили действо личным присутствием Кайзер и Блицкриг, но спланировали все именно они. То, что затевалось сейчас, было не просто рейдом, а частью нового медийного удара по СКП.

Его эти тонкости не волновали. Он напросился на вылазку с простыми целями — опробовать кое-что из новых изобретений, выпустить накопившуюся благодаря Пиггот злость и, при удаче, снять голову с Демона Ли. Даже внутренней личности хватало здравого смысла, чтобы не пытаться прикончить Лунга. Во всяком случае, пока не будет построен «Сирин». С ним шансы должны были возрасти до 50/50, если удастся достигнуть проектных показателей.

— Признай, Волк, тебе крыть нечем, — сказала Фенья (или Менья? Кто из них кто?).

— Когда у него будет такой же счет, как у меня, тогда и будет твякать. Губители

Губителями, а реальных дел я от этого шкета пока не видел. Да он даже посвящение не проходил!

— Мне скучно убивать косорылых, у которых нет способностей, — ответил Магистерий. — Нет вызова, нет азарта. Если сегодня попадется Демон Ли — будет тебе посвящение.

— А если не попадется? — резко спросил Крюковолк.

— Тогда не будет.

— Я не собираюсь доверять парню, который не доказал делом свою верность. Откуда мне знать, что ты наш агент в Стражах, а не наоборот? Ведь под крылышком у СКП так уютно! Интервью берут, на фотосессии водят, как комнатную собачонку!

— Я бы больше ценил твое доверие, если бы ты меньше завидовал участи комнатной собачонки, как ты выразился.

Крюковолк шагнул вперед и угрожающе поднял шипастый кулак.

— Не нарывайся, предупреждаю первый и последний раз. Может ты присел на уши Кайзеру, но я за тобой слежу.

Магистерий фыркнул как можно презрительнее и снова взлетел вверх, где уселся на левитирующую плиту рядом с Руной.

— О, Элберет, почему меня окружает столько быдла? — вздохнул он.

— Да не обращай внимания, он всегда такой, — отмахнулась Руна. — За недостаток приверженности арийским идеалам Крюковолк способен доебаться даже до Гитлера.

— Тогда Гитлеру повезло, что он умер.

— Это бы его не спасло, поверь. Ты сам как, в норме?

Магистерий качнул головой.

— Последнее время тяжеловато. Пиггот держит меня на мушке. Сегодня подослала мне баранов на убой, я чуть не повелся.

— Это как?

— Комиссия из Молодежной Гвардии приехала, те самые уроды, которые по идее должны защищать права Стражей, но защищают только свое финансирование. Приперлись прямо ко мне в мастерскую и давай выпытывать, сколько я времени провожу за технарскими делами и верно ли, что мне угрожали санкциями за неучастие в бою с Бегемотом.

— Да, пиздец какой-то.

— Это еще что. Я бы наверное их вытерпел, но они вломились прямо посреди работы. А прерванный технарский транс ощущается... довольно неприятно. Хотя надо отдать должное, эти придурки свое дело знали, и сумели довести меня до белого каления всего за пять минут перекрестного допроса. Короче я взял меч и велел им уебываться из мастерской на своих ногах, или они останутся без них. Так прикинь, они даже не шелохнулись!

— В смысле настолько смелые, или настолько тупые?

— Думали, раз они тут официально, я их тронуть не посмею. Пришлось вдарить им немного нейроподавителем и закрепить эффект ногами. Они, конечно, сразу кинулись к Пиггот жаловаться... ну, я следом за ними пошел, и говорю: если всякие ублюдки, не имеющие к паралюдям никакого отношения, позволяют себе тиранить Стражей, как им вздумается, то может Кайзер не так уж и не прав, и стоит перековаться в злодеи. Один в ответ тут же ляпнул, что СКП знает мою личность, что за мной придут тут же. Пиггот будто этого и ждала, и сказала что раскрытие тайны личности Стража — это от семи лет тюрьмы и пожизненный бан в профессии. Еще и ухмылялась во все зубы так, будто не свинка, а целый

кабанище. Короче, комиссии пришлось очень быстро смываться.

— Весело у тебя там, — Руна озорно улыбнулась под капюшоном. — Как думаешь, мне тоже в Стражи записаться? Надену белое, как Гэндальф, и никто не узнает.

— Я думаю, у Кайзера случится инфаркт. И вообще, двух жутковатых типчиков в капюшонах нам более чем достаточно.

— Это ты что ли жутковатый? В каком месте? Тебя за ушком почешу — ты сразу млеешь.

— Шшш, ни слова больше, — Магистерий прижал палец к губам девушки. — Это секретная информация, а мы рядом с вражеской территорией. Ты же не хочешь, чтобы моей слабостью воспользовался Лунг?

Руна прыснула в кулачок. Магистерий тоже не сдержал улыбки. Ну что за прелестное создание. Скоро Рождество, надо бы придумать ей подарок пооригинальнее. Жезл, скажем, как у настоящей волшебницы. Или метлу с антигравом и реактивным двигателем.

С темного неба начал накрапывать редкий дождь.

По сигналу Крюковолка небольшая армия из десяти масок запрыгнула в фургон (Руна и Магистерий предпочли лететь) и отправилась к своей цели — к принадлежащему АПП борделю. Цель налета была выбрана не случайно. Эта точка отличалась от многих других тем, что, во-первых, «работали» здесь исключительно рабыни (во всяком случае, так было сказано), а во-вторых, на днях произошло похищение белой девчонки прямо с улицы, и держали ее именно здесь. Чистота, с помощью приготовленной Магистерием сыворотки правды, сумела найти это место очень быстро, но сама участвовать в атаке наотрез отказалась. Спорить с Бластером-8, понятное дело, дураков не нашлось.

Ради жертвы похищения, по большому счету, все и затеяли — а точнее, ради картинки, которую можно создать с ее участием. По этой причине Виктор тащил с собой не только любимую снайперскую винтовку, но и телекамеру. Те из масок, которые не изменяли форму, также имели при себе портативные камеры, закрепленные на головах или груди. Виктор, благодаря объединению навыков оператора и PR-менеджера, подошел к созданию медиабомбы очень тщательно. Смотрите, Империя-88 спасает детей из рабства, пока Протекторат просирает бюджеты в никуда. Также Кайзер давал Лунгу понять — обратный отсчет уже пошел. С усилением в виде Игниса и (ситуативно) Магистерия Империя могла позволить себе теснить даже непобедимого Дракона Кюсю, который не мог находиться везде сразу. Первый, хотя и уступал ростом, был неуязвим для когтей и огня, предел возможностей второго упирался только во время.

Для себя юный технарь решил, что раз ему поставили задачу сделать бабахало побольше, то Лунг будет идеальным испытательным стендом. Если что-то окажется эффективно против него, то Губителя тоже проймет. О том, что будет, если испытания пройдут неудачно, он старался не думать. Как и о сопутствующем ущербе.

Действовать предполагалось одновременно более сдержано, и более жестко, чем обычно. Всех, кто не носил красно-зеленых цветов АПП и не пытался напасть, следовало просто отодвигать в сторону, чтобы не мешались, даже если это были цветные. Бандитов же разрешалось пускать в расход на месте, но кого-то желательно было взять живьем для последующей показательной казни.

Хотя весь путь занял немного времени, действовать все равно нужно было быстро. Глаз на улицах хватало даже ночью, и их прибытие на территорию АПП не осталось незамеченным. А Демон Ли был одной большой проблемой, и имел свойство появляться

тогда, когда его не ждешь.

Фургоны остановились у двухэтажного здания, не выделявшегося ничем среди прочих. Здесь не было вывесок или даже зазывал у входа. Кому надо, те и так знали куда идти, а кто не знал, тем делать внутри было нечего.

— Все, пошли! — рявкнул Крюковолк и первым выскочил наружу, на ходу перетекая в свою четвероногую боевую форму размером с носорога.

Магистерий про себя отметил, что полная трансформация происходит не сразу, требуется около пяти секунд. Это может стать преимуществом. Близняшки последовали за командиром и одним махом выросли до шести метров в высоту. Все трое остались снаружи, перекрывая выходы из борделя. Внутри отправились Цикада, Штормтигр и Игнис — те, кто не терял эффективности в узком пространстве. С последним Магистерий старался не пересекаться взглядом. Тот, в свою очередь, за все время не проронил ни слова.

Руна, Отала и Виктор остались в резерве. Отала наделила обоих физической неуязвимостью, ее саму прикрывала Руна, возведя из бетонных плит что-то вроде шалаша. Виктора она закинула на крышу одного из соседних зданий, где тот занял позицию с винтовкой и почти полностью слился с тенью.

Магистерий вздохнул и пристроился неподалеку. Сюда приехала целая армия, способная при желании раскатать весь местный Протекторат в кровавую лепешку. Ему оставалось только тихо сидеть под покровом невидимости и ждать, когда же появится повод достать клинок из ножен.

Тем временем из окон борделя доносились крики и визги. Было еще несколько выстрелов в самом начале, но они очень быстро смолкли. Из дверей выскочил какой-то голый мужик, кое-как прикрывающийся штанами, и припустил со всех ног по улице, и вскоре скрылся за углом. Через пару секунд следом за ним последовали две девицы, одетые легче воздуха. С точки зрения эффективности отправлять на дело такие мощные силы было перебором. Но это была информационная акция в большей мере, чем силовая. Кайзер хотел прозрачно намекнуть Протекторату, что они в этом городе просто не нужны.

Подумав об этом, Магистерий беспокойно заерзал. Хотя он присоединился к Стражам ради личной безопасности и доступа к базам данных, основой личности там нравилось. Да, Пиггот была проблемой, но там же были Кид Вин, Виста, и даже Стояк, хотя последнего порой и хотелось придушить за очередную шуточку. Рыцарь держал некоторую дистанцию, но был предельно корректен. Триумф оказался на удивление добродушен и скромнен для «золотой молодежи». Эгида, хотя и был пуэториканцем, имел крайне мало общего с представителями цветных банд, и был достаточно эффективен, чтобы вызывать уважение. Призрачная Сталкер... Магистерий подозревал, что у той есть немало грязных, или даже кровавых тайн, но старался не обращать внимания — уж ему-то винить кого-то за некрасивые секреты просто смешно.

Что произойдет, если план Кайзера увенчается успехом, и Империя-88 вытеснит всех конкурентов? И где будет место самого Магистерия? Он отдавал себе отчет, что ему на роду было написано стать злодеем, но только как герой он мог по-настоящему проявить себя.

Тряхнув головой, он выгнал прочь несущественные мысли и перевел взгляд на бордель. Из окон которого почему-то начал валить дым. Магистерий озадаченно дернул бровью, но через пару секунд сообразил.

Игнис.

Это было просто гениальной идеей — отправлять в здание, набитое горючими тканями,

обоями и деревянной мебелью, излома-пирокинетика. Он не мог не устроить пожар, даже если сам того не желал, его огненная форма поджигала все, с чем соприкасалась. Едва ли это кого-то из имперцев обеспокоило в другой день, но сейчас трупы среди гражданских, даже случайные, были нужны меньше всего.

Идеально спланированная операция по спасению и пиар-акция в одном флаконе вдруг резко превратилось в серьезное ЧП.

— Эй, Волк! — крикнул он, отключая невидимость. — Отзывай оттуда Игнаса и начинай тушить!

— Чем я тебе тушить буду, насу туда?!

Когда дело доходило до чего-то, связанного с помощью ближнему, мозги Крюковолка, справлявшегося с тактическим командованием за счет какой-никакой харизмы, начинали резко буксовать.

— Я тебе сейчас в глазницу насу, псина тупая! Пусть Отала тебе даст гидрокинез, и остальным тоже! Феня, Менья, поддайте стероидов и вытаскивайте тех, кто на верхнем этаже! Руна, составь лесенку из своих плит! Отала, мне суперскорость обеспечить, я проверю внутри.

Кейпы уставились на него, со смесью раздражения, удивления и растерянности.

— Позор белой расы, — Магистерий покачал головой. — Опять маленький мальчик все вынужден делать сам.

И, не дожидаясь реакции, влетел в дымящееся окно.

Пожар начался пару минут назад, но полыхало уже вовсю. Спровоцированный психотропным газом триггер обеспечил Игнаса мощной, но плохо управляемой силой. Так-так-так... с чего начать-то? Начать надо с верхнего этажа, потому что огонь идет вверх, а угарный газ легче воздуха. Магистерий бегло проверил герметичность костюма и запас кислорода в миниатюрных патронах — должно хватить на полчаса полной автономности. Костюм защитит от ожогов, но специально в огонь прыгать не стоит, потом придется объясняться, где успел обгореть.

Ладно, тут нормально. Магистерий бегло огляделся. В будуаре царил разгром, но никого уже не было. Дверь была разбита вдребезги мощным ударом, вырвавшим из стены довольно крупные обломки. Магистерий выглянул в коридор и задействовал сквозное зрение, настроившись на обнаружение органики. Пусто. Пусто. Труп, почти разрубленный надвое, рядом лежит пистолет, из которого не успели выстрелить. Ага, через две комнаты есть двое. Наверное, услышали звуки погрома, и побоялись выбежать наружу.

Он примерился к двери и выбил ее ударом ноги, благо открывалась она внутрь, и держалась только на задвижке.

— Здесь пожар, живо на выход через окно!

Прятавшимся в комнате людям, полноватому лысеющему мужчине лет сорока пяти и потасканной азиатке в коротком халате, дважды повторять не пришлось. Оба бросились к окну, к которому уже была подведена составленная Руной «лестница».

Магистерий снова обратился к силе восприятия. На втором этаже не осталось никого живого. На первом... вроде тоже. Во всяком случае, там горело меньше, и выбраться оттуда было намного проще. Надо спуститься ниже, проверить подвал, и...

Снаружи что-то бабахнуло. Потом еще раз. Затрещали выстрелы, не одиночные щелчки пистолетов, а что-то автоматическое, причем поочередно с разных направлений. Либо АПП тоже начали играть по-крупному и притащили целый отряд с штурмовыми винтовками...

либо Демон Ли объявился даже раньше, чем его ожидали. Интересно, этот урод хоть иногда спит?

Влезть сейчас? Сейчас там никому ничего не грозит. Руна и Виктор получили неуязвимость от Оталы, ее саму окружают Крюковолк, Фенья с Меней и Игнис, которые неуязвимы сами по себе, и не дадут клону-самоубийце подобраться слишком близко. То есть можно спокойно закончить здесь а потом уже оценить обстановку и выбрать момент для удара.

Магистерий проскочил через огонь на нижний этаж, где царил еще больший разгром, и лежало целых два трупа АППшников — один с перерезанными горлом, о наличии другого можно было догадаться только по разбрызганным по стенам ошметкам. То есть, всего в борделе было трое охранников. Многовато, по идее хватило бы и одного вышибалы. Возможно, и правда было что стеречь? Он спустился в подвал, и его сквозное зрение снова засебло органику в небольшой камерке.

Меч он решил лишний раз не использовать, и дверь с петель пришлось отстреливать лазерным пистолетом — купленным у Ящика Игрушек за настолько бессовестную сумму, что сам бы на те же деньги собрал десяток таких. Причем с возможностью перезарядки. Но основная личность была осторожна, и помнила о способности Оружейника снимать остаточную энергетическую сигнатуру с предметов, подвергшихся воздействию способностей. Использование левых технарских устройств должно его запутать.

Дверь упала внутрь камерки, и взору кейпа предстала цель сегодняшней миссии — светловолосая девчонка лет тринадцати-четырнадцати, прикованная к водопроводной трубе наручниками. Вид у нее был затравленный, она явно несколько дней не мылась, а из всех удобств было только ведро в углу. Но одежда оставалась целой, и сквозное зрение не обнаруживало следов гематом под ней. Видимо, непорченный товар стоил дороже. Когда дверь рухнула, девчонка вскрикнула и испуганно вжалась в угол, но разглядев пришельца, замерла в нерешительности — он явно был не из АПП, явно был кейпом и точно не из Протектората.

— Да ребята, герои из вас так себе. Погром устроить смогли, а о самом главном забыли, — пробормотал Магистерий, рассматривая пленницу. Он поднял лазерный пистолет и выстрелом срезал цепь наручника. — Ладно, бывает... уверен, даже у Эйдолона получилось не с первого раза. Эй, ты, идти можешь?

Девчонка кивнула.

— Пошли. И задержи дыхание, тут дымно малость.

Долго упрашивать не пришлось. Когда минуто спусти они вдвоем выбрались наружу, там все еще гремел бой. Демон Ли перешел к своей излюбленной тактике — телепортировался рядом с целью с двумя гранатами в руках и тут же отступал, оставляя после себя клона, который выдергивал чеки и старался подобраться поближе к противнику. Издалека это выглядело как очень, очень настойчивые обнимашки. Потому что маски Империи, сражавшиеся с Ли неоднократно, уже умели ему противодействовать, и били клонов насмерть. Получив смертельный удар, те рассыпались серым прахом, вместе с гранатами, которые зачастую не успевали сдетонировать.

Магистерий с трудом удержался от того, чтобы зевнуть. Будет серьезный махач, говорили они. Будь готов умереть или быть убитым, говорили они.

— Не хватает только музыки из «Шоу Бенни Хилла», — прокомментировал он так, чтобы освобожденная пленница его точно услышала. — Ты посиди пока тут, сейчас дядя

Пиздец покажет этим провинциальным лошпедам, как надо драться.

Он перекинул пистолет в левую руку, достал меч и выбежал прямо на середину улицы. Не похоже, чтобы Демон Ли наносил какой-то ущерб своими атаками, но он в одиночку сковывал всю группу, заставлял отвлекаться на клонов. И тянул время, пока некая ящерица не дойдет сюда пешком. Значит, надо его отогнать поскорее. И проще всего это сделать, выманив на уязвимую цель. Но как обратить на себя внимание? Магистерий покрутил головой, а потом его взгляд упал на лазер. Через несколько секунд на ближайшей стене красовалась надпись, выжженная высокоэнергетическим лучом прямо по кирпичной кладке.

Надпись гласила «Лунг — пидор».

— И кто после этого скажет, что технари — не высшая каста, а технарские силы — не сильнейшие среди всех? — пробормотал кейп, оценивая результат своих трудов. Удовлетворенно кивнув, он набрал в грудь побольше воздуха и заорал. — Эй, Демон Ли! А правда что Лунг заставляет тебя стирать его белье?

Несколько секунд было не ясно, возымел ли крик хоть какой-то эффект, пока рядом беззвучно не возникла фигура в черном балахоне и демонической маске с зажатými в руках гранатами. Магистерий, чья реакция была пришпорена боевым стимулятором, тут же взмахнул мечом, и клон рассыпался в пепел. Обычное дело, но вот сквозное зрение уловило кое-что интересное. Демон Ли материализовался не мгновенно. Ему потребовалась крохотная доля секунды, чтобы его тело возникло из пустоты. И в самом процессе появления была какая-то странность.

Ли применял силу очень быстро. Он возникал рядом с противником, и отступал почти мгновенно, оставляя после себя клон. А клон рассыпался в пепел, когда получал урон, и в этом была главная странность. Этот пепел был простым углеродом. Золой. Но клон Демона Ли не становился сгустком золы сразу после телепортации оригинала, а начинал превращаться в нее только после того, как клинок или лазер пробивали его тело. Более того, каждая возникшая на его месте копия являлась полноценным парачеловеком, обладающим Corona Pollentia и Corona Gamma — Магистерий часто наблюдал за активностью этих долей мозга у товарищей-Стражей и Панацеи, когда они применяли свои силы, и мог точно определить их наличие.

И, если как следует сосредоточиться, то можно было уловить сквозным зрением, что появление Демона Ли не происходило мгновенно, а начиналось со сгустка все той же золы, из которой затем за несколько сотых долей секунды формировалось нормальное тело. Это удалось заметить не сразу, но после десятого распыленного клона стало достаточно очевидно.

Магистерий невольно поежился. Он не мог испытывать страха, да и происходило все слишком быстро, но все же в механизме работы силы Демона Ли было что-то настолько жуткое, от чего даже ему стало неуютно.

Так или иначе, бой нужно было заканчивать быстро, каждая секунда промедления означала повышение шансов получить пиздюлей от Лунга. Он уничтожил очередного клона и включил нейроподавитель на полную мощность, накрыв область радиусом в десять метров. Задело кого-то из масок Империи, но это было несущественно. Демон Ли телепортировался снова... и угодил прямо под удар, одновременно испытав болевой шок, паралич и приступ ужаса.

Магистерий не рассчитывал победить противника только одним этим средством. Демон Ли показал себя очень опытным и умелым бойцом со стальными нервами, и даже

нейроподаватель лишь дезориентировал бы его на долю секунды. Так что одновременно с активацией нейроподавателя он перевел лезвие меча в форсированный режим и, едва ощутив присутствие противника, ударил так быстро, как только мог.

Демон Ли отшатнулся и с хрипом рухнул на колени. Даже в форсированном режиме длины дезинтегрирующей кромки не хватило для убийства, алый сполох всего лишь неглубоко рассек телепортеру грудь и живот. Неприятная и болезненная рана, но отнюдь не смертельная, даже не опасная. Магистерий рванулся вперед, замахиваясь для второго удара. Быстрее, добить, закончить, пока враг не оклемался!

Поздно. Вторая вспышка, всего через треть секунды после первой, рассекла тело телепортера надвое, и тот рассыпался, как и все остальные клоны.

Воцарилась тишина. Демон Ли ушел.

— Ну пиздец! — озвучил общее мнение Штормтигр, которому досталось от нейроподавателя. — Больше так не делай!

— Больше я с вами вообще ни на одно дело не пойду, герои недоделанные! — огрызнулся Магистерий и убрал оружие в ножны. — Вы вообще помните, зачем мы пришли?

Он ткнул пальцем в освобожденную девчонку, которая с ужасом наблюдала за битвой кейпов и от страха даже не пыталась убежать.

— Ну и не ходи, будто ты нужен тут, — лязгнул челюстями Крюковолк, и тут же с соседней улицы раздался рев, мощная огненная вспышка и грохот взрыва. Лунг соизволил прибыть к банкету. — Все, дождались. Игнис, мы его сдерживаем. Виктор, хватай свою камеру и снимай. Остальных пусть увозит Руна. Пиздец... СМЕНИ, ЕБАТЬ ТЕБ БАКЛАЖАНОМ, ИМЯ!

Магистерий показал ему средний палец, послал воздушный поцелуй Руне и взлетел вертикально вверх. Под покровом маскировочного поля он по воздуху добрался до тайника на территории Империи-88, где спрятал оружие. Затем также незамеченным долетел до своего дома, куда проник через оставленное открытым окно, и только тогда отключил поляризацию. Костюм из угольно-черного снова стал белым, плотно обжавшая тело мантия, в темноте казавшаяся обычным комбинезоном, снова повисла свободно.

Он бросил маску на подушку, плюхнулся на застеленную кровать и принялся. От костюма ощутимо воняло дымом. Ругнувшись сквозь зубы, Магистерий содрал с себя костюм и поплелся в ванную. Ночная стирка — это отстой.

Два дня спустя

— Стражи, полная готовность, прямой эфир через пять минут.

За два месяца курсирования по кругу между собственной мастерской, фехтовальными тренировками и больницей, я как-то успел забыть, что работа Стража — это, прежде всего, работа на публику.

— Ладно, ребята, последний инструктаж, — сказал Триумф. — Виста, постарайся не слишком злиться, если тебя опять посчитают маленькой. Кид Вин, давай на этот раз обойдемся без размахивания пушкой. Магистерий, тебя попытаются спровоцировать, не поддавайся. Стояк... молчи. Просто молчи. Пожалуйста.

Стояк издал неопределенное фырканье, судя по которому, под маской он скорчил рожу. Я в который раз порадовался, что сделал настолько закрытую маску, и никто не видит, что меня конкретно трясет.

Через несколько секунд должно было начаться групповое интервью в прямом эфире, ради которого всем Стражам пришлось тащиться в Бостон. Оказывается, можно одновременно мечтать о признании и ловить панические атаки при публичных выступлениях.

За кулисы студии влетела взмыленная женщина в очках, грозно зыркнула на нашу компанию и принялась проверять закрепленные на одежде микрофоны.

— Все готовы, все помнят роли? — осведомилась она.

Триумф кивнул.

— Отлично. Приготовились... эфир через пять, четыре, три, два, один... пошли-пошли-пошли.

Кид Вин запрыгнул на свою доску, моя мантия окуталась молниевым покровом, Эгида взлетел без дополнительного выпендрежа, после чего мы втроем, как ранее на репетиции, вынырнули из-за кулис и приземлились прямо на диваны. Виста небрежно скрутила пространство и за один шаг вывела под прицелы камер остальных.

Игра на публику как она есть.

— Дамы и господа, мальчики и девочки! В эфире шоу «Утро с Легендарной Бекки и Популярным Джоном», — заливалась соловьем блондинка лет тридцати с вьющимися волосами, надо полагать, та самая Бекки. — Сегодня воскресенье, школы нет, до Рождества меньше месяца, а у нас в гостях Стражи Бостона и их товарищи из Броктон Бей!

Публика как по сигналу разразилась аплодисментами, а я подумал, что «товарищи» — явное преувеличение. Хотя любой летун добрался бы одного города до другого максимум за полчаса, никакого взаимодействия между довольно крупными командами не было. Даже сидели мы на значительном отдалении друг от друга. С другой стороны, так мы могли друг друга лучше разглядеть.

Больше всех выделялся, конечно же, Сталевар — так называемый «Случай 53», кейп, которого сила изуродовала и лишила памяти. Живая металлическая статуя в полный рост, смотревшаяся довольно странно в обычных джинсах и клетчатой рубашке. Что характерно, в бостонской команде был еще один Случай 53, Горб, обладавший набором довольно мощных мыслительных сил, в том числе ограниченной способностью к предсказанию. Однако, как можно было догадаться по прозвищу, его тело было настолько искажено, что публике его вообще не показывали, да и вообще про него старались не упоминать лишней раз.

Рулетка — черноволосая девушка в красно-черном костюме и закрытой маске, боевой Умник, просматривающая вариации событий ближайших нескольких секунд и направляющая себя к желаемым.

Рейнард — парень в полумаске лисы, Властелин-Эпицентр, создающий иллюзорные проекции людей и объектов.

Перышко — высокий, очень худой парень в безликой маске, пожалуй, самый пугающий из всех. Аэрокинетик большого радиуса, не ограниченный эффектом Мантона. Из-за невероятной смертоносности своей силы, он вынужден был сдерживаться больше прочих, задействуя способности только для заглушения звуков и тактической разведки.

Простой Трюк — девушка в женской вариации смокинга, маске на пол-лица и в цилиндре. Эпицентр с довольно странной силой, позволяющей ей ощущать мелкие предметы вокруг себя и телепортировать их к себе в руки, но только если ее рук никто не видит. Такая способность казалась довольно бесполезной, пока вдруг не обнаружишь, что в магазине твоего пистолета нет ни одного патрона, из запала гранаты пропала чека, а от ремня,

пшурков, пуговиц и резинок в трусах остались только воспоминания.

Лука — полноватый смуглый парень, чью фигуру с трудом скрадывала силовая броня. Технар, специализирующийся на сборе и анализе информации широкого спектра. В его личном деле, в той его части, что была доступна другим Стражам, значилось, что его перевели в Бостон из другого города, чтобы «повысить квалификацию». Полагаю, его сила обладала хорошей синергией с силами Пырышка и Горба, и являлась неплохой контрмерой против такого монструозного Умника как Аккорд. Он беззастенчиво рассматривал нас с Кид Вином через свой массивный визор и кто знает, что за информацию он о нас собирал. Мысленно я сделал пометку — крайне неприятен как противник, крайне ценен как союзник. Попытайся наладить контакт и обмен.

Была еще пара человек, но прочесть их досье за прошлый вечер я просто не успел.

— Ну что же, ребята, последний раз вы были у нас в гостях довольно давно, почти год назад, и с того дня, я вижу, состав немного поменялся, — заметил полный мужчина с коротким черным ежиком на голове, он же Популярный Джон.

— Кто-то перешел в другие команды, кто-то дорос до Протектората, — улыбка на металлическом лице Сталеваара выглядела поразительно естественно. — Пройдет еще год — и здесь будет много новых лиц, и не будет многих старых.

«Кто-то даже погибнет», — подумал я и прикусил язык. Ради интереса я воспользовался сквозным зрением, но разобрать что-то в физиологии Сталеваара было невозможно за отсутствием таковой. Металл, металл и металл. Железо, медь, золото, титан, серебро, алюминий... да почти половина периодической таблицы, исключая радиоактивные изотопы. Никаких следов биологических процессов. Он точно мозгом думает, а не чем-то еще?

— Надеюсь, твоя обаятельная улыбка останется прежней, — вставила Легендарная Бекки.

— Я стараюсь. Зубная паста мне без надобности, но может воспользоваться полиролью, как думаете?

Ведущие захихикали, публика тоже залилась смехом, синхронно, как по команде. Для себя я решил, что если Сталеваар в состоянии шутить про собственное измененное состояние, вывести его из равновесия задача не из простых. Мне на ум пришла острота, что дескать технари Броктон Бей могут обеспечить его полиролью на любой вкус, а также жевательными слитками и ртутными коктейлями. И снова прикусил язык. То есть, Сталеваар-то выглядит уравновешенным, но как отреагирует его команда?

— Ну, это не проблема! — громко заявил Стояк. — У нас собралась целая команда крутых технарей, которые сделают любую полироль по вкусу. Или даже коктейль из жидкого металла, для десерта.

— Я даже не знаю, как реагировать на такое щедрое предложение, — нашелся Сталеваар.

— Меняемся? — предложил Стояк. — Мы вам любого из этих двоих, а вы к нам Рулетку.

— А моего мнения никто не хочет спросить? — с деланным возмущением поинтересовалась последняя.

— Знакомьтесь, это Стояк, — сказал я погромче, указывая пальцем на него. — И скоро я вмонтирую ему фильтр между мозгом и языком.

На мгновение воцарилась тишина. Я сказал что-то не то, да?

— Я слышал, что в Броктон Бей обретаются хардкорные ребята, но впервые в этом убедился, — влез Джон, нарушая паузу.

— Уверяю, слухи о Броктон Бей сильно преувеличены, — ответил Эгида.

— И это говорит парень, которому на прошлой неделе оторвали руку, — снова влез Стояк, игнорируя показанный ему кулак.

— Подумаешь, всего-то. Одна рука — еще не повод портить отношения.

Снова смех в зале, потому что неубиваемость Эгиды была широко известна, но осадочек все равно остался. Бостон был вдесятеро крупнее по населению, однако количество кейпов в нем было всего вдвое большим по сравнению с Заливом, и их активность была куда ниже. С точки зрения остальной страны, мы были чем-то средним между зоной боевых действий и бандитским притоном.

— Ладно, будни Броктона мы еще обсудим, а пока я хочу спросить у новичков — что вы можете сказать о своей жизни как Стражей? Рулетка?

— Прикольно, — девушка хихикнула, достала откуда-то ручку и принялась удерживать ее вертикально на кончике пальца. — Конечно, четыре часа в день и четыре дня в неделю это не так много... но ведь на одном супергеройстве жизнь не заканчивается?

Интересно, она это говорит только потому, что так положено, или действительно так считает? Потому что у меня был перед глазами пример Оружейника, который показывал, что добиться успеха в любом деле можно только отдавая ему все свое время и силы — и только в ущерб всему остальному. Какая-то часть меня, которой демон нашептывал особенно рьяно, тоже была не прочь поселиться в мастерской насовсем, полностью отдаться воплощению производственных цепочек и того, что с их помощью можно создать. Потом я вспоминал, от чего придется отказаться, и желание слегка ослабевало.

Не говоря уже о том, что в мастерской мне было просто тесно. Конечно, Пиггот в порыве внезапной щедрости позволила мне ее расширить, но это было ничто. По беглым оценкам, для чего-то более-менее полноценного — например, для реализации проекта уровня «Сирина» — мне требовались *тысячи* кубометров пространства и сотни тонн сырья.

Черт, надо было не городить ерунду и стать нормальным злодеем. Отгрохал бы небольшую крепость-кузню с эшелонированной обороной и выделенной оптоволоконной линией. И с ручным драконом.

Ну почему я раньше не сообразил?!

Эфир шел своим чередом, и первые полчаса на нашу команду обращали немного внимания, сосредоточившись на Стражах Бостона. Насколько я понял, трое из присутствующих тоже были в Мехико — Сталевар, Перышко и Лупа. Как и большая часть наших, аэрокинетик и технарь использовали способности для помощи в эвакуации гражданских, а вот Сталевар участвовал в одной из попыток остановить Бегемота, благодаря своей неуязвимости для его ауры смерти. Насколько я мог судить, прошло все не слишком успешно, но парень, сошедшийся в Губителем в ближнем бою и выживший, чтобы рассказать об этом, невольно вызывал уважение.

И все же чувствовалось, что ведущие недовольны, а зрители скучают. Они вцепились было в Простой Трюк, за которой, как оказалось, числилось несколько мелких краж еще до вступления в Стражи, но она проявила изрядную выдержку, и как по заученному отгарабанила что-то про раскаяние, испытательный срок и компенсацию ущерба, так что остренького не вышло. А если не вышло разогреть эфир местными, значит, сейчас возмущаются за нас...

Я невольно сглотнул и прокрутил в уме свою легенду и инструкции, полученные от Сэмюэля Нортонна. Скорее всего, будут давить на мои возможные симпатии нацистам, в этом

случае я должен все отрицать и упираться на то, что у меня были самые разные пациенты, и я никем не пренебрегал. Могут поднять тему косвенных связей «Медхолл» и Империи-88, вроде периодически всплывающих обвинений в расовом цензе при найме сотрудников. В таком случае меня это просто не касается, я даже не состою в штате, а являюсь простым подрядчиком, с поправкой на параспособности, удобно сочетающиеся с направлением работы корпорации. Гезельшафт? Точно нет. Мы держали связь по прекрасно защищенным каналам, к тому же такие вещи слишком жареные для утреннего ток-шоу. Больше тянет на государственную измену.

— Я сейчас хочу задать вопрос, который мне никогда не надоест, — Легендарная Бекки хищно нацелилась на наш диван. — Вы, Стражи Броктон Бей, живете и работаете в более суровых условиях, чем местные ребята. Скажите, что для вас означает быть супергероем? Ну, кто первый?

— Совершенствование, — выдал неожиданно Кид Вин. — Предусмотрительность Самообразование. Мы изучаем угрозы, с которыми можем столкнуться, ищем способы им эффективно противодействовать. Нам приходится учитывать и тех суперзлодеев, с которыми мы имеем дело постоянно, и тех, с кем только можем столкнуться в теории. Но мы должны быть готовы всегда и ко всему — это то, чему нас учит Оружейник.

Мысленно я врезал ладонью по маске. Эгида и Рыцарь проделали аналогичный жест живую. Это было настолько против выданного сценария, насколько вообще возможно. По возвращении Кид Вина ждал серьезный разнос, и я не понимал, что его заставило так высказаться. Кажется, эйфория от обретения своей специализации, у него еще не выветрилась, и его немного понесло.

— Наверное, это круто — быть учениками настолько прославленного героя? — влез Популярный Джон.

— Это... сложно, — я решил, что будет несправедливо бросать Кид Вина на произвол судьбы, и ответил первым. — Он беспощаден к себе и к окружающим. Его требованиям сложно соответствовать, и еще сложнее заслужить его похвалу, но если все же удалось — это показатель серьезного успеха.

Теперь ладони о маски расшибли уже все Стражи, включая Висту и Стояка. В нашем кругу было прекрасно известно, что Оружейнику до лампочки, чем мы занимаемся, лишь бы не взорвали штаб-квартиру и никого случайно не убили. На Кид Вина глава Протектората Восток-Северо-Восток всегда смотрел как на пустое место, а я у него не вызывал ничего кроме раздражения — по причине необходимости перепроверять все что я конструирую. Полагаю, он считал это неэффективной тратой своего времени.

К счастью, больше никто этого не знал, и в душе я заливался злобным смехом. Что, Свинка, думала меня тут подставить? Я тебя сейчас сам подставлю!

— Но у вас же остается хоть немного времени для себя? — с деланным беспокойством спросила Бекки.

— Ну так... — я неопределенно покачал ладонью. — За остальных не говорю, но у технарей не бывает свободного времени — бывает потраченное впустую.

Я услышал, как сидящий рядом Стояк сдавленно хрюкнул. В ответ я ткнул его локтем в бок, потому что почтеннейшей публике пока рано знать, что я как-то пытался приспособить сервер в штаб-квартире, чтобы запустить MGS 4 без мыла, лесенок и в более богатой цветовой гамме. Ну, с натяжкой это могло считаться как часть моего прогресса, ведь я осознал, что консольные эксклюзивы уже ничем не исправить.

— То есть, вы оба трудоголики? — Легендарная Бекки немного прибодрилась. Для нее несогласованные речи и щекотливые вопросы означали повышенные рейтинги — а значит прибыль.

— Когда твой наставник — сам Оружейник, бездельничать просто стыдно, — сказал Кид Вин. — Нужно соответствовать.

— Да, если бы главой отделения был Шевалье — думаю, наши бойцы передней линии старались бы не меньше, — я почесал затылок, что в моем капюшоне с бронированной подкладкой не имело никакого смысла. — А мы бы с Кид Вином маялись всякой ерундой, вроде Брокколинатора Судного Дня.

— Это тот проект, что ты на прошлой неделе показывал?

На прошлой неделе я никаких проектов Кид Вину не показывал. То есть, я хотел привлечь его к работе над «Лотосом», но позже, когда Дракон закончит передирать мою антилучевую пушку. Он просто сымпровизировал.

— Ага. Как думаешь, осилим?

Кид Вин задумался на несколько секунд.

— Думаю, к первому апреля управимся.

— Простите, а это такое, Брокколинатор? — поинтересовалась Бекки.

— Это ужасное, злодейское, подлое, душераздирающее, нечестивое устройство, которое превращает весь шоколад в зоне действия в брокколи. Ну, в теории.

— Но активация такого устройства может нанести ущерб магазинам, которые понесут убытки, а также доставит моральные страдания гражданами, которые любят шоколад, но не любят брокколи.

— Да! — поддержала ведущую Виста. — Ребята, вы слишком заработались. То, что вы задумали — это самое настоящее злодейство!

— Если на первое апреля, то не считается, — быстро сказал я.

— Расскажешь это директору Пиггот.

— Виста, ты иногда ведешь себя как моя мама, — кисло сказал Кид Вин.

— Ладно, ладно, не будем, — поддакнул я.

— Сразу видно, кто в этой команде главный, — подвел итог Популярный Джон и зал снова залился смехом.

— Вам смешно, вы просто не видели Висту в гневе.

На самом деле, я тоже не видел. Но, честно говоря, и не горел желанием увидеть.

— Если не ошибаюсь, вы тоже участвовали в отражении последней атаки Губителя?

— Не все. Я, Кид Вин, Эгида и Призрачный Сталкер. Так же как из Бостона взяли тех кто обладает улучшенными чувствами, от нас отправились те, кто способен быстро перемещаться.

— И каково это? Вы все школьники, только что вы сидели за партами, занимались обычными делами и вдруг вас бросают навстречу неудержимому чудовищу. Не страшно?

— На бой с Губителем идут только добровольцы, и даже не всем разрешают, — ответил Триумф. — Висту не пустили, хотя ее силы действительно могли помочь. А те, кого допустили, занимались только эвакуацией, не участвуя в бою непосредственно. Кроме Магистерия, он работал в госпитале.

— Ах да, целитель. Судя по обсуждениям на ПЛЮ — конкурент самой Панацеи?

— Даже близко не конкурент, — сухо ответил я. — Бегемот ясно дал мне понять, что как целитель я ей в подметки не гожусь. Ее сила абсолютна, она гарантирует спасение. Моя

— лишь повышает шансы выкарабкаться.

— Но это не мешает вам быть близкими друзьями, — Бекки довольно ухмыльнулась, и на здоровенном телеэкране, висящем на стене, появилось фото. Я, Панацея и Лазер Шоу сидим в кафе. Видимо, засняли в тот единственный раз, когда мы вообще выбрались куда-то. — Или это нечто большее?

Сказать или нет? Что интересы Эми, судя по ее физиологической реакции на появление в зоне видимости Славы, лежат несколько в иной области? Наверное, не стоит. Во-первых, это можно трактовать как нарушение врачебной этики и разглашение медицинских данных. Во-вторых, как бы я ни относился к врожденным и приобретенным сбоям половых инстинктов у людей, здесь был тот же случай, что и с Легендой. Что он, что Панацея, могли позволить себе быть кем угодно — просто потому что они, блять, Легенда и Панацея.

— Уверяю, мы с Панацеей просто делаем одно дело, только и всего. А еще она как-то присвоила мою лабораторную крысу. То есть, шиншиллу, — я наклонил голову, будто задумался. — Хотя, доля истины в ваших словах есть. Ввиду катастрофического дефицита сексуальных жопок в нашей команде Стражей, приходится искать достойные внимания объекты на стороне.

— А вот сейчас обидно было, — громко сказал Стояк.

Теперь настал мой черед хлопнуть ладонью по маске. На краткий миг мне даже показалось, что идея со словесным фильтром в черепе не так уж и плоха. В самом деле, кто меня осудит за небольшую операцию на мозге, от которой всем станет только лучше? С другой стороны, это повод уйти от неудобной темы.

— Если ты комплексуешь из-за своей базовой комплектации, я могу помочь, даже денег не возьму.

Стояк вместо ответа серьезно задумался, потом запустил руку под сиденье и принялся что-то там проверять.

— Спасибо, но я лучше обойдусь тем, чем меня наделила природа, — он повернулся к ведущим. — С нашим доктором Менгле надо держать ухо востро.

Блять, Стояк! Эта шутка была смешной первые пятьдесят раз!

— Доктор Менгле... — с явным наслаждением протянул Популярный Джон, и я скрипнул зубами. Ну, вот и добрались до главного блюда. — Довольно сильное заявление, особенно в свете прозвучавшего в интернете приглашения от неонацистской организации суперзлодеев. Магистерий, развеяй наши опасения. Может, тебя и правда обделили вниманием, но ты ведь не собираешься переметнуться на сторону плохих парней?

Все отрицать, все отрицать, все отри... ох, я так сейчас развею! Хотели остренького? Сейчас будет вам остренькое, не обляпайтесь только.

— Джон, подумайте сами, что я выиграю, гипотетически приняв предложение Кайзера? Ничего. У него небольшая банда, держащая небольшой кусочек небольшого города. За пределами Броктон Бей он никто и звать его никак. Зато как Страж, я могу заниматься своим делом, не отвлекаясь на криминальные разборки, и мне не приходится пробиваться в больницы с боем. СКП обеспечивает материалы и инструменты для технарских нужд. Правда, из-за особенностей моей силы, толку от этого немного. И еще приходится терпеть тонны бессмысленных правил и кучу бюрократического маразма. А еще наш директор страдает тяжелой формой парафобии, и поскольку она не может добраться до злодеев, то вымещает свою злость на нас.

Я выдержал небольшую паузу.

— Но плюсов все равно больше. Ведь друзья — это главное, верно? — я обнял за плечи Стояка и Сталкер, которые сидели по бокам от меня.

София испустила шипение, которого не постыдился бы тexasский гремучник. Но очень-очень тихо, чтобы услышал только я. Ничего, примитивная форма жизни, потерпишь. Я же тебя терплю.

— Да и вообще. Я привык судить о людях не по цвету кожи, а по внутренностям, а они у всех более-менее одинаковые. Кроме либералов.

— Эээ, а причем тут либералы? — кажется, даже Популярному Джону было сложно улавливать нить дискуссии.

— Либералы — не люди, — отрезал я.

Зал взорвался. Кто-то возмущенно что-то кричал, кто-то аплодировал, свистел, или иначе выражал точку зрения. Триумф перегнулся ко мне через спину Стояка и с ноткой отчаяния прошептал:

— Магистерий, ну какого черта ты творишь?!

— Спокойно, у меня все под контролем, — ответил я.

— Этого не было в сценарии!

— Ну и что? Я импровизирую!

— Ребят, мне подышать бы! — сдавленно прохрипел Стояк откуда-то снизу.

— А ты вообще молчи! — буркнул Триумф. Ему до перевода в Протекторат оставалось меньше месяца, и последнее, чего он хотел, так это напутственной головной боли от Пиггот.

Тем временем ведущие кое-как успокоили публику, и снова впились в меня взглядами. Весь их вид говорил, что теперь они от меня так просто не отстанут, но мне было все равно. Два дня назад я почти выпотрошил Демона Ли. Я бы прикончил его, будь форсированный клинок на пару дюймов длиннее.

— Я бы хотела, чтобы ты уточнил, что имел в виду, когда сказал, что либералы не являются людьми.

— А что, я могу иметь в виду, если скажу, что пингвин не является овощем?

— Ну, возможны какие-то разночтения...

— Невозможны.

— Но права человека...

— Не имеют к тем, кто сейчас называет себя либералами, никакого отношения, — перебил я ведущего. — Права человека придумали во Франции, потому что у них были охреневшие короли и не менее охреневшие церковники, а тогдашние либералы им сопротивлялись. Их стараниями права человека прописались в законах и конституциях, и настоящие либералы исчезли, они просто стали не нужны. А потом произошла подмена понятий, и либералами стали звать себя те, кто ни хрена не умеет и уметь не хочет, а хочет только ломать и гадить, называя это свободой. Эдакие ходячие воплощения вселенской энтропии, которых надо ставить к стенке и расстреливать без суда и следствия.

— Стой-стой-стой-стой, — торопливо затараторил Популярный Джон. Невооруженным глазом было видно, как в нем борются желание продолжать интересный эфир и желание немедленно прерваться, потому что мало ли чего еще я мог ляпнуть. — Очень... очень интересная точка зрения, без сомнения. Хотя и странная для героя, но...

— Я не герой! — сказал я, повысив голос.

Ведущий поперхнулся своей следующей фразой.

— Но ты же Страж.

— Страж. Но не герой. Здесь вообще нет ни одного героя, — я обвел рукой студию.

— Но как можно быть Стражем и не быть героем.

— Подмена понятий, как с либералами. Посмотрите на древние мифы, какие там герои?

Полубоги, убийцы чудовищ, великие творцы и просветители. Настоящие суровые и brutальные мужики с настолько твердыми яйцами, что те, наверное, сжимались в сингулярность. И женщины были им под стать. Разве стал бы Кухулин шутить по поводу оторванной руки? Нет, даже если бы кто-то сумел оторвать ему руку, он бы схватил бы ее, и забил ею врага насмерть. Я более чем уверен, что Гильгамеш или Геракл, когда сражались, могли полностью сосредоточиться на битве, а внимательно не глядеть по сторонам, чтобы не дай боже ничего не сломать и никого не поранить. И уж точно Прометей не боялся, что на него подадут в суд, когда он нес людям огонь.

— Да, на него не подавали в суд, — Сталевар воспользовался моей паузой, когда я набирал в грудь воздуха. — Боги приковали его к скале, и оставили на растерзание чудовищному орлу.

— И все же он не отступился, не струсил и не раскаялся. Он изменил уклад вещей в мире, потому что пожалел людей. Он понес за это наказание и не сломался. Вот что я называю героизмом — поступать правильно, даже если против тебя восстает сама вселенная. И по таким критериям в Броктон Бей героев надо искать не среди тех, кто носит маски, а в реанимационном отделении местного госпиталя. Эти циничные до тошноты люди ежедневно дают самой Смерти пинка по костлявой заднице. А вот мы, — я обвел рукой Стражей, — мы такого звания не заслуживаем. Мы просто несовершеннолетние паралюди на зарплате у государства. У меня все.

— Эммм, чувак, — Стояк наклонился к моему уху, пока ведущие пытались навести порядок в студии. — Это конечно круто и все так и есть, но ты в курсе, что с твоей задницей сделает Свинка, когда вернемся?

— В курсе, — вполголоса ответил я. — Но согласись, оно того стоило.

Спустя несколько часов

Трудно поверить, но этот длинный день все же закончился. Мы вернулись в Броктон Бей уже вечером, и разборки с Пиггот отодвинулись на завтра. Можно было наконец-то насладиться отдыхом, и заняться действительно важными делами.

Я завернулся в плед, держа в обеих руках кружку с какао, и погрузился в чтение электронных писем. Первое пришло от Ящика Игрушек, и оно едва ли могло меня обрадовать. Потому что сумма, которую они запросили за персональное карманное измерение нужного мне объема с трехлетней гарантией работоспособности, заставляла в отчаянии выть. Даже с учетом скидки, на которую я мог рассчитывать как собрат-технар.

Другое письмо прислал Гезельшафт. Европейцы были довольны теми психотропными смесями, что я им прислал последний раз, но этого было мало. Теперь они были заинтересованы в углублении сотрудничества, а именно — в моем собственном подходе к изучению механизмов триггер-событий и природы параспособностей вообще, которые бы позволили им по-другому взглянуть на результаты собственных исследований.

Проще говоря, они хотели, чтобы я спровоцировал у кого-нибудь триггер, измерил все, что только можно измерить, и прислал им результаты. И, серьезно, если бы не предложенная сумма, я бы отказался не раздумывая. Но они предложили много,

действительно много — не только за сами данные, но и за образцы моих устройств, которые бы я использовал для наблюдений, плюс солидная доплата за риск. Ведь человек, получивший парасилы насильственно, едва ли будет благодарен за это. Уж я-то знал.

И так получилось, что суммы, озвученные в двух письмах, хотя и не совпадали полностью, но были близки.

Мой палец замер над кнопкой «удалить». Seriously, это уже перебор. Я же сам требовал, чтобы эксперименты с форсированными триггерами не проводились в США. У меня был перед глазами пример Игнаса, которого обретенная сила изувечила. И вообще, это плохо.

То есть да, это плохо, но... но тогда, без достаточных площадей, я не смогу создать производственные линии для создания «Сирина», не смогу усовершенствовать «Лотос», и оружие против Губителей тоже останется не более чем мечтой. И глупо было надеяться, что мне их предоставят. Возможно, взрослый супергерой и мог бы получить в свое распоряжение что-то такое, как у Дракон была куча собственных заводов, но никак не Страж. Организация тайного логова где-то на отшибе тоже отпадала — мне нужно было находиться там постоянно, а не редкими налетами тайком от СКП.

Карманное измерение было идеальным решением. Было бы идеальным, если бы не цена. Шутка Стояка про «доктора Менгле» обретает плоть, не так ли? А что дальше? Вивисекция? Эксперименты на кейпах? Или не тянуть резину и сразу послать резюме Джеку Остряку?

Но скольких я смогу спасти? В Мехико это был пятьдесят один человек — с толком не отлаженным «Лотосом» и без какого-либо опыта. А если бы я хорошо подготовился, действительно хорошо? Их бы были сотни, тысячи! Если бы только удалось даже не уничтожить Губителя, а остановить его, обездвигить, не дать убивать неограниченно. Разве можно беспокоиться об этичности экспериментов, когда речь идет о сохранении цивилизации?

Ведь именно так и сказала Александрия.

Что Губители неотвратимо разрушают наш мир.

Что для борьбы с ними нужны герои не по профессии, а по духу.

Да, именно так. Я делаю высокую ставку. И если у меня получится, то она окупится многократно. Если же нет — я готов понести ответственность.

Онемевшими пальцами я напечатал в поле ответа единственное слово: «согласен».

Добро пожаловать на форумы «Паралюди Онлайн»!

Вы вошли в систему как **Magisterium**.

Вы просматриваете:

— Темы, созданные за последние **три** дня.

— Темы, помеченные как важные.

— Непрочитанные личные сообщения.

— Первое сообщение темы: **отображается**

Данный аккаунт принадлежит подтвержденному кейпу. Сообщите нам, если считаете, что любая из ваших идентичностей оказалась под угрозой.

Тема: Кайзер говорит

В: Разделы > Места > Америка > Обсуждение Броктон Бей (открытый раздел)

Veni_Vidi_Vici (автор темы)

Ответил 5 декабря 2010

[Отправил файл: *Returning_to_home.mp4*]

А теперь объясните мне, зачем нужен Протекторат, если реальную работу делает Империя-88?

XxVoid CowboyX

Ответил 5 декабря 2010

[Автор этого сообщения был забанен. Помянем.]

Tin Mother: напоминаю, что пока еще на этом форуме запрещена нецензурная лексика и личные оскорбления. Независимо от политических убеждений того, на кого они направлены.

Laser Augment

Ответил 5 декабря 2010

Если бы эта девочка не была белой, они бы не стали ее спасать. Слишком избирательный «героизм».

Sawcaw mzfckz

Ответил 5 декабря 2010

Но все же героизм. Через пару дней эту бедняжку должны были переправить в Китай, где она остаток недолгой жизни ублажала бы местных извращенцев, а после утраты товарного вида ее бы разобрали на органы. Теперь она снова дома, и кошмар позади. Если, конечно, наши местные герои снова не прохлопают ушами похищение.

PoolndaLoo

Ответил 5 декабря 2010

@Sawcaw mzfckz Какой еще героизм? Это же настолько очевидная постановка, что пробу ставить негде. Анус ставлю, что даже похищения никакого не было, а нацики просто раздули историю из ничего.

Char

Ответил 5 декабря 2010

@ MooInLoo Иди к черту, идиот! Она в моем классе учится!

PoolIndaLoo

Ответил 5 декабря 2010

Обнаружена нацистская подстилка.

Char

Ответил 5 декабря 2010

Я еврейка вообще-то.

PoolIndaLoo

Ответил 5 декабря 2010

Тогда какого черта впрягаешься за парней, которые готовы сжечь тебя в печи?

Char

Ответил 5 декабря 2010

А я за них и не впрягаюсь. Я просто указываю тебе, что это не инсценировка. А свой анус можешь оставить себе, мне он не нужен.

Mr. Fabuu

Ответил 5 декабря 2010

То есть нам предлагают поверить, что нацики решили перековаться в герои? Пусть даже, кхм, избирательно.

Miraclemic

Ответил 5 декабря 2010

Иногда, когда я иду по улице и смотрю на то, во что превратился наш город, мне кажется, что если нацисты устроят тут ордунг как в Рейхе, это будет не худший вариант.

Laotsunn (Выживший с Кюсю)

Ответил 5 декабря 2010

Кайзер может обещать что угодно, но на костях рай не построишь.

@Miraclemic Напомню, что Броктон Бей стал ТАКИМ не в последнюю очередь благодаря нацистам.

Per_Aspira_Ad_Rectum

Ответил 5 декабря 2010

Минутка адекватности ИТТ. Наш город стал ТАКИМ по двум причинам:

1. Тупость местных пролетариев, решивших, что затопить на фарватере контейнеровоз это офигенно крутая мысль.
2. Левиафан. Упадок морских перевозок и атаки на Корею и Японию, вызвавшие наплыв беженцев.

Laotsunn (Выживший с Кюсю)

Ответил 5 декабря 2010

@Laser Augment A, то есть опять беженцы во всем виноваты. Я между прочим плачу тысячи баксов налогов в год.

Miraclemic

Ответил 6 декабря 2010

Взяли бы да расчистили фарватер. У нас три героя-технаря в городе, могли бы и придумать что-нибудь вместе.

Brandish (Подтвержденный кейп)(Новая Волна)

Ответил 6 декабря 2010

@Miraclemic Даже если бы Оружейнику это было под силу, здесь еще играет роль

множество законов. Он бы не успел закончить работу и наполовину, как его завалили бы судебными исками. Расчистка бухты выполнима обычными средствами, а значит паралюди не в праве этим заниматься, чтобы не создавать нечестной конкуренции. Да, мне это самой не нравится, но федеральные законы писала не я.

Что до видео, в юридической практике есть такое понятие как «плод проклятого древа» — так называют улику, добытую незаконным путем. Она не может быть использована судом, даже является абсолютно достоверной и позволяет принять однозначно верное решение, потому что в противном случае исчезнет сам смысл слова «правосудие». Таким образом, на первый взгляд благое дело, но совершенное злодеями, является злодеянием, и ничем иным, а самих злодеев не делает сколько-нибудь лучше.

Veni_Vidi_Vici

Ответил 6 декабря 2010

@Brandish Мы можем считать это официальной позицией Новой Волны? И каким образом следует поступить, по вашей логике — вернуть девочку обратно похитителям и извиниться перед ними за доставленные неудобства?

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 6 декабря 2010

Всегда ненавидел адвокатов. Как оказалось, не зря.

А на видео есть интересная деталь. У парня в черном пистолет очень похож на те подствольные лазеры, которые использует группа наемников, действующих в центре города. Даже не просто похож, а та же самая технология. Видимо, отовариваются в одном месте.

Per_Aspira_Ad_Rectum

Ответил 6 декабря 2010

Ну, Брандиш всегда была фанатичным паладином с сияющим молотом. Однако я готов согласиться с тем, что тенденция опасная. Не тем, что злодеи вдруг кинулись спасать детей, конечно, а тем, что неподчиненные государству кейпы пытаются присвоить часть государственных полномочий — в данном случае охрану правопорядка, хотя бы и в таком избирательном виде. Это прямой путь в Африку. В плохом смысле.

Sawcaw mzfckz

Ответил 6 декабря 2010

@Per_Aspira_Ad_Rectum Ну охренеть теперь. А как же десятки независимых команд героев, которые занимаются тем же самым?

Per_Aspira_Ad_Rectum

@Sawcaw mzfckz Независимые команды все равно сотрудничают с Протекторатом, а не говорят ему прямым текстом «пошли вон». Сейчас некоторые аналитики СКП усматривают в последних действиях Империи-88 поползновения так называемого «парачеловеческого феодализма» — гипотетической общественной формации, в которой вся полнота власти будет принадлежать паралюдям.

The Rat King

Ответил 6 декабря 2010

Вот что я скажу. Моя дочь — это самое дорогое, что у меня есть. Я плачу налоги для того, чтобы она была в безопасности, но этого не происходит. И если Империя-88 в состоянии обеспечить ей возможность безбоязненно ходить в школу, то я готов принести присягу Кайзеру. Назовите это сделкой с дьяволом, мне уже без разницы.

Miraclemic

Ответил 6 декабря 2010

@Bagrat Гипотетической? Смешно.

Brandish (Подтвержденный кейп)(Новая Волна)

Ответил 6 декабря 2010

Самый сомнительный Страж симпатизирует нацистам. Ничего нового.

Veni_Vidi_Vici

Ответил 6 декабря 2010

@Brandish Вам ли, говорить о сомнительности? Вы даже Маркиза смогли взять, только вломившись к нему домой, пока он спал, не только без маски, но даже без штанов. А с той поры за вами добрых дел не замечено. Зато прославились судебным крючкотворством.

А заодно объясните мне, почему когда в Мехико пришел Бегемот, там были Стражи, но не было сильнейшего в мире целителя?

Brandish (Подтвержденный кейп)(Новая Волна)

Ответил 6 декабря 2010

@Veni_Vidi_Vici Не вижу смысла что-то объяснять нацисту.

PoolIndaLoo

Ответил 6 декабря 2010

@The Rat King Надеюсь, ты сдохнешь от СПИДа, обмудок.

.....
Тема: Барыгам конец!!!

В: Разделы > Места > Америка > Обсуждение Броктон Бей (открытый раздел)

Reave (Подтвержденный сотрудник СКП)(Автор темы)

Отправил 9 декабря 2010

Леди и джентльмены, имею честь заявить, что я был там и что это было самое офигенное зрелище за всю мою службу! Протекторат просто раскатал этих отбросов, как дорожным катком! Оружейник разрубил здоровенный шестиколесный танк пополам одним ударом Алебарды — ВДОЛЬ! Сочник получил такого пинка от Штурма, что Стражам пришлось вылавливать его из океана! Что сделал с Толкачом Бесстрашный, я даже толком не успел рассмотреть, но была яркая вспышка, а остаток пути до своей камеры этот козел провел глупо хихикая.

Криминалисты из полиции выгребали запасы разнообразной дури килограммами, полную инвентаризацию проводят до сих пор.

Открываем шампанское, сегодня день прекрасен!

Laser Augment

Ответил 9 декабря 2010

А толку? Барыги сидели на отшибе и занимали нишу, которой более крупные игроки просто брезговали. На их место придут другие... или же Толкач просто сбежит из тюрьмы и возьмется за старое.

White Fairy (Ветеран)

Ответил 9 декабря 2010

По крайней мере, в школах станет меньше наркоты. Наверное. Я надеюсь.

Laser Augment

Ответил 9 декабря 2010

Или не станет. Я вижу, что Протекторату пригорело от последних действий Империи, и они решили на ком-нибудь продемонстрировать силу. Что дальше? Доблестно выпишут Кукле штраф за парковку?

Reave (Подтвержденный сотрудник СКП)

Ответил 9 декабря 2010

Никто никуда не сбежит, не беспокойтесь. Когда злодеям удастся сбежать, это обычно происходит благодаря оставшимся на воле подельникам, а Протекторат накрыл всю группу разом. Сейчас все трое проходят экстренный курс лечения от наркозависимости.

White Fairy (Ветеран)

Ответил 9 декабря 2010

@Reave Звучит жутко.

Reave (Подтвержденный сотрудник СКП)(Автор темы)

Ответил 9 декабря 2010

@WhiteFairy По крайней мере, криков слышно не было. Может, все не так плохо, как вам кажется.

Aegis (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 9 декабря 2010

Так, я наконец-то отмылся, поел и готов ответить на основные вопросы.

Во-первых, операция готовилась давно, ей предшествовало около двух месяцев скрытного наблюдения, чтобы застигнуть всех масок Барыг в одном месте и с достаточным количеством улики.

Во-вторых, разгром банды скажется на рынке наркотиков, но не так сильно, как хотелось бы. И АПП, и Империя-88 имеют свою долю, чтобы они там про себя ни заявляли.

В-третьих, чтобы снизить вероятность побега, плененных масок сейчас держат в состоянии медикаментозной комы.

Предъявленных обвинений недостаточно для Клетки, так что сроки им светят не особенно жесткие. Скрип, скорее всего, попытаются завербовать, но это зависит от того, как пройдет терапия.

Point_me_@_the_sky (Подтвержденный кейп)(Новая Волна)

Ответил 9 декабря 2010

А меня позвать было трудно, да?

Laser Augment

Ответил 9 декабря 2010

Думаю, Протекторату и Стражам нужны были арестованные бандиты, а не многомиллионный СОПУТСТВУЮЩИЙ УЩЕРБ.

Aegis (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 9 декабря 2010

Да забей, мы просто скучали в оцеплении, пока взрослые делали всю работу.

KidWin (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 9 декабря 2010

И доставали Сочника из воды.

Aegis (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 9 декабря 2010

Ну да, и это... не напоминай.

Point_me_@_the_sky (Подтвержденный кейп)(Новая Волна)

Ответил 9 декабря 2010

А что случилось?

Aegis (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 9 декабря 2010

Ничего особенного.

Vista (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 9 декабря 2010

Эгиде пришлось делать ему искусственное дыхание.

Point_me_@_the_sky (Подтвержденный кейп)(Новая Волна)

Ответил 9 декабря 2010

(͡° - ͡°)TTT (͡° □ ͡°) ͡TTT

Личное сообщение от Glitzglam:

Glitzglam: Конрад, что за нахрен?

Glitzglam: Когда ты успел поцапаться еще и с тетей Кэрол?

Magisterium: Просто не люблю адвокатов.

Glitzglam: Разве твоя мама тоже не юрист?

Magisterium: [злые технарские звуки]

Glitzglam: А, понятно.

Magisterium: Вообще, у меня к Брандиш хватает вопросов. Какого хрена она не пустила Панацею в Мехико.

Magisterium: Какого хрена у Панацеи все физиологические признаки затяжной депрессии и ей на это насрать.

Magisterium: И почему у нее жопа горит от того, что злодеи решили для разнообразия злодействовать чуть меньше.

Glitzglam: Оу, как мило, что ты беспокоишься.

Glitzglam: А я думала, это все пустые сплетни.

Magisterium: Я беспокоюсь, что биокинетик с силой уровня «беги и не оглядывайся» может слететь с катушек из-за того, что мачеха перепутала ее ответчиком в зале суда.

Glitzglam: Не городи ерунды, сила Эми дает возможность только лечить.

Magisterium: Крис, рассказывай сказочки журналистам. Я видел, что она делает.

Magisterium: Да ты сама должна была заметить, что она сотворила с этой шиншиллой.

Glitzglam: Не впадай в паранойю.

Magisterium: Этот мохнатый дьявол слишком умен для грызуна. Да и для некоторых людей тоже.

Glitzglam: Ты просто бесишься, что она позволяет Реми сидеть у себя под мантией, а не тебе.

Magisterium: Во-первых, я не интересуюсь Панацеей, у меня уже девушка есть. Во-вторых, Панацея не интересуется мной, у нее другой интерес. В-третьих, даже если бы первых двух пунктов не было, я бы не стал ревновать ее к шиншилле.

Glitzglam: Так-так-так, вот с этого места поподробнее. Что за интерес у малышки Эми? Я знаю этого счастливого? А Вики в курсе?

Magisterium: Черт, забудь что я сказал.

Magisterium: И забудь что Я тебе это сказал.

Glitzglam: Нет-нет, рассказывай, мне интересно.

Вы отключились от форумов «Паралюди Онлайн».

10 декабря 2010

Я уже говорил, что ненавижу пятницы? Могу повторить еще раз.

Пятница — это день психиатрии, и я успел двадцать раз проклясть себя за то, что не удержал язык за зубами. За то, что хотел чувствовать свою значимость и похвастаться силой, превосходящей силу Панацеи. Превосходящей, как же...

Один шизофреник — это как шесть опухолей мозга или два с половиной инсульта, если измерять по стандартной шкале поганости. Если вникнуть в суть вопроса, то и инсульт, и тем паче опухоли сравнительно просты. Сначала убиваешь все лишнее, потом вычищаешь шлаки, и до кучи стимулируешь регенеративные процессы. Даже близко не валялось рядом с тем, что вытворяла Эми, после вмешательства которой оставалось только оформить бумаги на выписку. Мои пациенты иногда приходили в норму неделями, на курсе из специально синтезированных препаратов.

Шизофрения в разы хуже. Даже не потому, что ее трудно лечить. По-настоящему она ужасна тем, что за те часы, что сидишь рядом с койкой пациента, и вникаешь в хитросплетения биохимических процессов в его мозгу, к тебе приходит понимание, насколько хрупок и иллюзорен твой собственный разум. Малейший сбой, незаметный сдвиг в отлаженных механизмах — и личность просто распадается, а то, что недавно было человеком, теперь не тянет даже на животное.

Когда я в первый раз приехал в психиатрию, мне повезло. Хватило одной инъекции, чтобы неправильные нейронные связи разрушились, а правильные — восстановились, и пациентка из состояния овоща вернулась к частичной дееспособности. Сегодня... сегодня было сложно.

У пациентки, женщины тридцати двух лет по документам и пятидесяти на вид, в анамнезе был онейроидный синдром, чередование кататонического ступора с агрессивностью и недержание, так что мне пришлось вколоть ей мышечный релаксант, прежде чем приступить к работе. Санитары помогли обрить ей голову, после чего безропотно удалились, оставив меня в палате одного. Эти двое мне помогли не в первый раз, и я мог понять, почему они не хотят видеть само «лечение».

Специально для таких случаев мне пришлось разработать инструмент, облик которого даже у все видавших психиатров вызывал дискомфорт. Ажурная металлическая конструкция, в сложенном виде уместившаяся на ладони, закреплялась на голове пациента, после чего миниатюрные лазеры проделывали в черепе множество крохотных отверстий, в которые тут же запускались гибкие электроды, чем-то напоминающие щупальца, но толщиной с паутину. Они проделывали ту работу, для которой даже самая сложная инъекционная смесь была недостаточно универсальна, но суть оставалась та же — уничтожить неправильное, связать между собой правильное. Что-то при этом безвозвратно терялось, воспоминания, черты характера — я успокаивал себя тем, что лучше забыть несколько лет своей жизни или имена родных, а потом узнать их заново, чем оставаться прикованным к койке куском плоти, не способным поспать без посторонней помощи.

Нейронный корректор управлялся с ноутбука, с помощью программы, которую я

написал специально для этой цели — не используя ни один известный язык программирования, просто набирая команды, из ниоткуда всплывающие в голове. Точность манипуляций, разумеется, из-за этого страдала. Я бы мог достичь намного лучшего результата, если бы разработал процессорную архитектуру, создал для нее ассемблер, а на его базе — высокоуровневый язык... но не видел смысла тратить столько времени на то, что за пару месяцев из воодушевляющего дела стало тяжкой обузой.

Сумасшествие было слишком жуткой темой, чтобы ее можно было продать — даже если оставить за скобками особый интерес директора Пиггот к моей персоне. Это не лысый после химеотерапии ребенок, который от прикосновения Панацеи встает здоровым, улыбающимся и с нормальной прической. Бормочущий безумец, с прикрученной к черепу короной нейронного корректора и напичканный до бровей релаксантом — это скорее концепт для фильма ужасов, чем для рекламной кампании.

Честно, солидной части меня хотелось бросить это гиблое дело, и забыть дорогу в психиатрическую лечебницу как страшный сон. Я просто мог сказать, что не выдерживаю психологической нагрузки, что мне слишком тяжело каждый раз погружаться в чужое безумие, и меня бы даже никто не осудил. Смешно, но на роли целителя меня держали два смертных греха, жадность и гордыня. Жадность до ценных сведений, позволявших непрерывно улучшать нейронный интерфейс костюма и не совсем безуспешно придумывать контрмеры против сил Властелинов. Гордость, что я делаю то, чего не делает Панацея.

Ну, то есть, она бы легко могла меня заменить, но ведь не заменяла, так?

С сегодняшним случаем я провозился больше трех часов, и под конец чувствовал себя как всегда — то есть как забитый в дубовую доску гвоздь. Пациентку я оставил как есть, только заделал отверстия в черепе и стер с кожи кровь. Дежурная медсестра вколет ей транквилизатор, погрузив в длительный сон, и на следующий день она очнется сравнительно вменяемой, но без воспоминаний о процессе лечения. Персонал лечебницы к неприглядной специфике относились с пониманием, но ждать того же от быдл... то есть, от обывателей не стоило.

Сухое канцелярское «использование парачеловеческих сил» звучит в устах лечащего врача намного благопристойнее, чем «сейчас насверлим без анестезии дырок в голове, потом чего-то там прочистим ершиком, залепим пластырем, а дальше как повезет».

Я собрал свои инструменты, кивнул медсестре на ресепшене и вышел наружу.

Психиатрическая лечебница находилась далеко на юго-восточной окраине города, считалось, что свежий морской бриз полезен для состояния больных. Не знаю, так это или нет, зато добираться приходилось долго даже по воздуху. Благодаря нейронному интерфейсу управление полетом стало почти инстинктивным, так что я рискнул отключить ограничения на скорость, и мог поспорить, что теперь летал лучше Барьера, хотя все еще заметно медленнее Эгиды и Славы. Проблемы с маневренностью тоже оставались, но уже чисто конструкционные и с ними приходилось мириться. Я обычно делал небольшой крюк, чтобы приземлиться на Набережной и купить буррито в уличном ларьке, который приткнулся у самой воды.

Снижение, разворот в воздухе с перенаправлением вектора тяги, принять вертикальное положение, правую ногу чуть вперед, носок вытянуть, левую слегка подогнуть... сбросить скорость... отключить тягу... есть касание.

Мда. Самое сложное в полетах — это приземление. Мне пришлось долго тренироваться, чтобы вот такое касание выглядело плавно и естественно, как у настоящих летунов. А я еще

смеялся над Славой, которая рассказывала, как неделями отработывала свое супергеройское приземление «пизда коленкам».

— Привет, тебе как обычно? — ларечник-мексиканец заметил меня издалека, и вопрос задал нарочно громко, чтобы слышали все вокруг. Не похвастаться он, конечно, не мог.

Я молча кивнул и протянул ему три пятидолларовых банкноты. По совести, красная цена тому буррито была шесть баксов, но бизнес на Набережной строился на том, чтобы драть с туристов втридорога, чтобы покрыть непомерную арендную плату, а этот хосе свой фирменный соус делал, похоже, не из перца, а из химически чистого капсаицина. Ощущения во рту и желудке неплохо отвлекали от раскальвающейся головы.

Ларечник принялся колдовать с лепешкой и начинкой, а я прислонился к ограждению, так чтобы в поле зрения был только серый волнующийся океан. Поверить не могу, что вот такие мгновения отрешенного покоя за считанные месяцы стали для меня роскошью. Больницы меня выматывали, но позволяли чувствовать, что я делаю что-то полезное, в отличие от прочих Стражей, кому не так повезло в лотерее сил. Работа над моими проектами, требующими все более сложных технологических процессов, поглощала тонны времени, но слова Александрии крепко засели у меня в памяти. Мне приходилось терпеть Пиггот и следить за каждым своим словом в ее присутствии, но общение со Стражами давало мне чувство локтя...

Надолго ли?

Потому что никуда не делась Империя-88 и объявленная Кайзером война. АПП уже ответили на атаку борделя разгромом одного бара и какого-то второстепенного склада. У несведущих пока еще теплилась надежда, что на этом все затихнет, но я был уверен, что Кайзер закусил удила, и теперь не уймется, пока не откусит столько, сколько сможет прожевать. Никуда не делся и Гезельшафт, который очень щедро платил — не только и не столько деньгами, сколько информацией о природе сил — но от выставленных им требований пробирала дрожь.

Сколько я еще смогу бежать по лезвию?

Ответ на этот вопрос я не знал. Как и не знал, как я умудрился так увязнуть. Наверное, какие-то решения были ошибочны... но с другой стороны... может, так и надо? Может это был единственный правильный путь? Ведь у меня есть перед глазами пример героев, которые не могут ничего сделать толкового, даже если хотят, и есть пример злодеев, которые растрачивают силы на мелкие склоки.

Или же я заблуждаюсь в корне, и мне нужно выйти за рамки всех представлений и условностей? Где-то мне попадалась цитата, что Закон оплетает человека тысячей незримых нитей. Кто разорвет одну, тот становится преступником. Разорвавшего десять приговаривают к смерти. Разорвавший все становится богом.

Почему-то мне показалось, что я мыслю в верном направлении. Величайшие герои, Триумвират, сражались с Губителями и не добились успеха. Так что если чудовищам должны противостоять не герои, а еще большие чудовища?

Мысль была странной, но она казалась удивительно логичной, даже воодушевляющей. Я даже подобрался и принялся мычать под нос какой-то всплывший из памяти мотивчик. Чудовища против чудовищ... что-то в этом есть...

— Привет, Магистерий. Расслабляешься? — промурлыкали у меня над ухом.

К своей чести, я не подскочил на месте и не врубил от неожиданности нейроподавитель. Только лениво повернул голову и смерил парящую над водой гостью

взглядом.

— Привет, Лазершоу. Да вот, по пути перекусить заскочил.

У нее шикарные волосы. И даже на таком ветру она ухитряется выглядеть на двенадцать из десяти. Специально что ли выбрала позицию, чтобы ветер дул вбок?

— Тяжелый случай попался? — с тенью сочувствия спросила она.

— У меня все случаи тяжелые. А ты совершенно случайно мимо пролетала, да?

— Представь себе. Из-за этой бучи, которую подняли нацики, нам пришлось изменить маршруты патрулей, чтобы постоянно находиться в зоне досягаемости Стражей или Протектората.

— Сочувствую. Такая паршивая погода, а ты часами под открытым небом в тоненьком спандексе.

— Я на тебя летом посмотрю, — усмехнулась она, — когда будешь преть на жару в своей броне и мантии.

— Не посмотришь. Меня уже сейчас предупредили, чтобы ничего не планировал, потому что на все каникулы приговорили к тренировочному лагерю в Сан-Диего.

— Так уж приговорили. Триумф рассказывал, там весело.

— Что веселого в том, чтобы целых два месяца не ковыряться ни в чьих внутренностях?

— Твой буррито, Страж, — встрял в разговор ларечник и протянул мне еду с таким видом, будто это был императорская корона. — А леди что-нибудь желает?

— Леди следит за фигурой, — ответил я первым, не обращая внимания на шиканье Лазершоу. — Так что питается исключительно воздухом и солнечной радиацией.

— И мозгами маленьких мальчиков, которые не держат язык за зубами.

— По твоему прежнему утверждению, мозгов у меня нет, так что и опасаться мне нечего.

Она легонько стукнула меня по голове ребром ладони. За бронированной подкладкой капюшона я практически не почувствовал удара.

— Давай уберемся куда-нибудь повыше, надо поговорить.

— Мнэээ... А без этого никак?

— Да что с тобой не так? — возмутился ларечник, подслушивавший разговор с настороженностью опытного сплетника. — Такая прекрасная девушка тебя за собой зовет, а ты морозишься! Давай-давай, лети, а то больше ни одного буррито тебе тут не продадут!

— И ты, Брут! — пробормотал я и запустил полетную систему.

— Так что там с Эми? — требовательно спросила Лазершоу, едва я успел устроиться на карнизе самого высокого здания в округе.

— Ничего, — буркнул я. — Я уважаю ее личную жизнь.

— А что, если она свяжется с кем-то, кто причинит ей боль? Или использует ее, чтобы навредить Новой Волне?

— Крис, уймись. Ты прекрасно знаешь, что если кто-то в этом городе посмеет хоть пальцем тронуть Эми, ему придется очень быстро бежать до мексиканской границы. Потому что за его головой, без шуток, отправится каждый кейп Залива.

— Да я понимаю, но меня беспокоит то, что я узнаю об этом от тебя. Вики столько пыталась ее свести хоть с кем-то, а тут оказывается, что она уже по кому-то сохнет, и даже с тобой поделилась.

— Ничем она со мной не делилась. Но я не выбираю, что мне видеть, а что нет.

— Так. Это пациент?

— Отстань.

— Или врач?

— Я все равно не скажу.

— Одноклассник?

Я мысленной командой активировал поляризационные модули.

— Конрад, ты не можешь сбегать от важного разговора в инвиз! — возмутилась Лазершоу.

— Но я могу. И это прекрасное чувство.

— Не можешь, — вокруг меня возникла сфера силового поля. Бля. — У тебя не полная невидимость, видно искажения.

— Ты ничего этим не добьешься, — я отключил поляризацию. — Я не лезу в чужую жизнь и тебе не советую.

— Эми мне не чужая.

— Ты поняла, о чем я. Брандиш меня недолюбливает, но ведь не выговаривает тебе за то, что мы общаемся.

— Вообще-то... — героиня слегка поморщилась.

Чокнутая семейка.

— И как, приятно?

Лазершоу вздохнула и убрала силовое поле, после чего присела рядом на карниз.

— Ладно, поняла, — она хмыкнула. — А ты изменился за последнее время.

— Разве?

— Серьезнее стал.

— Мне кажется, ты единственная, кто так считает. Когда постоянно имеешь дело со смертью и безумием, потом хочется шутить о чем угодно, лишь бы посмеяться.

— Вот, опять. Иногда не верится, что тебе пятнадцать.

— Мне и самому уже не верится, — я неопределенно взмахнул неумолимо остывающим буррито. — Сегодня мне в психиатрии подготовили особое блюдо. Одна из первых жертв Лабораторного Крыса, привезли прямиком из «Элизиума». Ее тело вернулось в человеческую форму, но разум был искалечен.

— Ох, черт... ты смог ей помочь?

— Ну, отчасти. Я смог отсечь воспоминания о событиях, которые ее травмировали, и восстановить некоторые функции, трассировка нейронных потоков показала нормальное функционирование, но я не могу предсказать, что именно она забудет.

— Жуть какая. Теперь я понимаю, почему тебе дают только безнадежных. Цена ошибки пренебрежимо мала.

— Для них. Не для меня.

— Коришь себя за то, что сделал недостаточно?

— Не, тут другое. Понимаешь, я вижу, что у людей внутри, в прямом смысле. А когда провожу часы рядом с пациентами... чувствую, что иногда перестаю воспринимать их как людей. Скорее, как мешки с углеводородами, водой и карбонатом кальция. С одной стороны, это помогает. Я дистанцируюсь от чужих страданий, воспринимаю их как простой дисбаланс, который нужно отрегулировать. С другой, я иногда начинаю бояться сам себя. Понимаешь, сегодня я спасаю жизни, а иногда и дарю новые, взамен разрушенных. А что, если я однажды не смогу вернуться? Если соберу инструменты, сдам пациента на попечение врачей, выйду за двери, но продолжу видеть в людях вокруг только куски мяса? Чем я стану?

О чем споеет мне белый ангел?

Лазершоу некоторое время молчала, а потом вдруг встала, обняла меня сзади и прижала к груди. Ох, черт... хотя удобно. Приятно даже. Нас ведь не видно с улицы, я надеюсь?

— Знаешь, когда я только получила силы, то разговаривала с Мисс Ополчение о программе Стражей. Она пыталась уговорить меня вступить. Мама, конечно, была против, так что ничего не вышло, но она сказала мне одну вещь, которую я поняла намного позже. Что долг Стража — защищать людей от злодеев, и что этот долг он исполняет ежесекундно, в костюме он или нет, на службе и дома. Так вот, Страж на самом деле защищает людей от одного единственного злодея — от того, кем он мог стать. Сражается с ним днем и ночью, без передышки. Потому что простой путь — это всегда путь зла, а ради добра нужно трудиться.

Я не знал, что ответить. Мне в равной мере поразило и ее участие, и смысл слов.

— Конрад, ты не плохой человек. Со стороны это видно. Злодей, которым ты боишься стать, не стал бы трудиться так самоотверженно. И однажды ты станешь великим героем. Настоящим героем. Я в тебя верю.

Радостная улыбка Кэсси. Крик Хэнка в миг агонии. Сосредоточенные Блицкриг и Кайзер. Непрочитанное письмо от Гезельшафта. Ангел над Лондоном, поющий песню гибели.

Я осторожно коснулся ее руки. В горле застрял плотный ком, и я далеко не сразу нашел в себе силы сказать хоть что-то.

— Герои не побеждают злодеев, — выдавил я. — Иначе их самих начинают клеймить злодеями.

— Победа это не обязательно прикончить кого-то или запереть в Клетке. Достаточно не дать вредить.

— Это не победа, это... поддавки. Победить злодея может только злодей. Потому что он тоже не соблюдает никаких правил.

— Ты ведь и сам понимаешь, что это приведет только к войне всех против всех. Кто-то конечно победит, но наградой ему будут руины.

— А если злодей обладает неодолимой силой? Как Триумвират, но со знаком минуса. Чтобы сама мысль противостоять ему даже не всплывала.

— Кто, например? Нилбог? Сибирь? Они что-то не рвутся побеждать злодеев.

— Нет, не то... вот кто, на твой взгляд, самая жуткая тварь в истории?

— Ммм... а почему ты спрашиваешь?

— Академический интерес.

— Серый Мальчик, — уверенно сказала Лазершоу. — Папа рассказывал, что пока он был жив, с Бойней № 9 даже не пытались сражаться. Просто бежали, и надеялись, что убежать удастся.

Она что-то еще продолжала говорить, но я не слушал. Имя обожгло меня как кипяток. Неодолимая сила... временные петли, которые никто не смог разрушить — ни Эйдолон, ни Герой — а значит, примерно равная силе Губителей. Кажется... кажется с этим можно работать.

Как только утихнет эта проклятая песня.

— Ну, приступим, — подумал я вслух.

Голос внутри карманного измерения звучал как-то странно. Вероятно, дело было в материале «стен», «пола» и «потолка», идеально отражающем звук. А также свет и, как я подозревал, любые другие формы излучения. Строго говоря, это и материалом-то не было, а «вероятностной абстракцией горизонта событий». Объяснения курьера Ящика Игрушек, который принес мне ключ-активатор, были путанными и невнятными, поскольку в теме он плавал и вообще сил не имел. Однако стоило мне прочесть приложенную инструкцию и взять в руки устройство, как моя собственная сила моментально разложила все по полочкам. Пусть даже написана инструкция была печатными буквами и с кучей орфографических ошибок. Если верить слухам, изготовителю карманных измерений было всего двенадцать или около того.

Чтобы заветный девайс попал мне в руки, пришлось выгрести из мастерской все старые и неудачные изделия, без которых я в принципе мог обойтись, а также наварить целую канистру самого забористого мнемотропа, который только смог придумать.

Вообще, это было то же самое средство, которое я пил по уграм ежедневно, просто неразбавленное.

Такой бартер скомпенсировал мне часть немаленькой стоимости карманного измерения, вдобавок удалось урезать стоимость снизив требования к гарантийному сроку. Мне показалось, что мне хватит и полугода, чтобы разобраться в пространственной технологии и поддерживать мой «домик на дереве» в рабочем состоянии. С Гезельшафта я смог стянуть аванс, упирая на необходимость закупки дорогостоящих компонентов, так что в канун Рождества я уже был готов приступить к практической реализации самого масштабного своего проекта.

Нахлобучив на голову сварочную маску, я взял лазерный резак и принялся пластовать тяжелый лист корабельной обшивки на небольшие кусочки, которые можно было засунуть в плавильный тигель. Предыдущая партия уже весело булькала в ожидании, пока я не вылью ее в форму. Потом последует чистовая обработка на фрезерном стенде, и очередная партия деталей присоединится к множеству таких же.

— Эй, герои, я ворую металлолом с территории муниципальной собственности! — крикнул я в потолок, ненадолго прервав работу. — Я жуткий и опасный злодей, остановите меня!

Разумеется, меня никто не услышал. Дверь в мастерскую была заперта магнитным замком, стены защищены электрическим контуром, саму мастерскую я тщательно обшарил на предмет камер, по которым за мной теоретически мог следить Оружейник. А если бы кто-то вломился силой, он бы обнаружил просто пустое помещение. Без специального оборудования, способного обнаруживать флюктуации в пространственном континууме, точку входа в карманное измерение найти было невозможно.

Дорезав лист, я вернулся к тиглю и с помощью рычага опрокинул его содержимое в форму. Расплавленный металл с шипением потек по выдавленным в глине дорожкам. Качество судовой стали, пятнадцать лет ржавевшей под открытым небом, оставляло желать лучшего, но мне пока не требовалось ничего сверхъестественного — просто средней мощности плазменный реактор, чтобы запитать всю будущую фабрику.

В конечном счете, все упиралось в энергию.

Кид Вин как-то показывал устройство своих шоковых пистолетов, где одним из компонентов был пространственный усилитель, благодаря которому вполне серьезное оружие работало от пальчиковой батарейки. Электрический ток распадался на множество потоков, которые проходили по разным мерностям пространства и резонировали между собой. Технология выглядела несложной, я бы даже смог ее повторить, но при увеличении масштабов резко терялась стабильность, резонанс становился слишком сильным, грозя разрушить конструкцию.

Такие вот неуловимые мелочи, из-за которых было невозможно повторить технарские изделия методами обычной технологии и науки. Как объяснишь людям без способностей, что мало просто изготовить детали и соединить их между собой? Что нужно отслеживать колебания таких энергий, которым нет названия в современной физике? Да еще в тех измерениях, которые существуют только в самых абстрактных математических моделях?

Скрепляя с помощью молекулярной сварки куски металла, я проделывал все перечисленное на автомате. Сила вела меня, исправляла неточности в движениях, незаметно проделывала такие манипуляции, которые я замечал лишь потом, по изменению циркуляции магнитных полей. Мне было даже интересно, в какой мере мои усилия, связанные с проектированием и конструированием, вообще что-то значат? Может, все «устройства» — это набор множества разных способностей, а все нагромождение железок и проводов нужно просто для отвода глаз? Или же металл служит вместилищем какого-нибудь «машинного духа», или даже оболочкой для энергетического конструкта, который и обеспечивает функционирование?

Непонятно.

Точнее, понятно, что мы откуда-то черпаем чертежи своих устройств. Что-то подсказывает нам, что тут нужна пайка, тут склейка, а тут можно просто скрутить и прижать плоскогубцами. Но что? Является ли парасила не чем-то абстрактным, проявляющимся только в способности выдержать автоматную очередь в грудь или выстрелить лазерным лучом из пальца, а материальным объектом, носителем данных, в которых все эти инструкции записаны?

В начале эры паралюдей существовала теория, что Corona Pollentia и есть источник суперсилы, но быстро сошла на нет. Прямая связь между этой псевдо-опухолью и парасилами существовала, но точно не как источник. Она была слишком мала, чтобы пропустить через себя те объемы энергии, которые затрачивали способности, и не испарить при этом мозги владельца. Но может, это просто антенна, работающая на прием?

Думаю, это можно выяснить наверняка, поймав какого-нибудь кейпа и хирургически удалив ему Corona Pollentia.

Я с трудом удержался от того, чтобы врезать самому себе по лицу. С счастьем, потому что зажатый в руке сварочный аппарат мог оставить на лице неизгладимое впечатление. О чем я вообще думаю?! Никаких экспериментов на людях!

Кхм...

Никаких летальных экспериментов на людях. Ну, или хотя бы не на тех, кто этого не заслуживает. Я потряс головой, чтобы выгнать из головы все неправильные мысли и снова взялся за сварку. Seriously, с крысами было проще.

Минута за минутой, час за часом. Реактор постепенно приобретал заверченный облик. Массивная станина поддерживала громоздкую конструкцию, каскад магнитных ловушек и

термоэлектрических конвертеров. В основе лежала технология ядерного синтеза, но выделяющееся тепло преобразовывалось в электроэнергию напрямую, не опускаясь до примитивного нагрева водяного пара и продувки его через лопасти динамо-машин. Как следствие, заоблачный КПД и условно миниатюрные размеры — всего лишь с легковой автомобиль.

Конечно, всплывали то и дело разные проблемы, которые сложно было разглядеть на этапе проектирования, но пока мне удавалось выкручиваться. К примеру, обеспечить должную теплоизоляцию позволила хорошо знакомая удерживающая пена, а редкие металлы для конвертеров и проводки в небольшом количестве получилось трансмутировать из свинца. Я бы предпочел сэкономить время в ущерб качеству, и взять золото и иридий в чистом виде, но после перформанса на ток-шоу мне под шумок урезали и без того скромный бюджет на технарские нужды. Кажется, шутку про либералов оценили не все. Может, стоило заменить их на социалистов? Ну, в конечном счете, это мне же пошло на пользу. Пришлось повозиться с альфа-распадом, и отстать от графика на два дня, но за энергоснабжение своей будущей мануфактуры я был спокоен.

Мда.

На пользу-то оно пошло, но ограничения собственной силы осознавать было неприятно. Часть меня втайне надеялась, что при отсутствии лимитов на ресурсы и площади я смогу развернуться не хуже Дракон, но реальность расставила все по местам. Шире спектр реализуемых технологий — в геометрической прогрессии растет потребность в производственных мощностях и, что главное, времени на их обслуживание. Предельно сужаем область деятельности, делаем упор на качество — получаем то же самое, и вдобавок упускаем кучу полезных возможностей.

Приходилось балансировать между разнообразием инструментов, их качеством и временем, которое придется проводить не за работой Стража или разработкой готовых изделий, а за устранением неполадок в производственном комплексе. Очевидное, казалось бы, решение с роботами-помощниками здесь не прокатывало. Им, внезапно, тоже требовалось обслуживание, программирование и так далее.

После долгих терзаний и мысленных экспериментов, я смог составить схему, обеспечивающую неплохую вариативность конечных продуктов при сравнительно небольшом объеме требуемого оборудования. Точнее, весь создаваемый комплекс был узко заточен под реализацию единственного проекта — «Сирина».

Ах, «Сирин»...

Я с трудом удержался от того, чтобы бросить сварку и кинуться перепроверять чертежи. Там нечего было проверять, за полтора месяца, прошедших с атаки Бегемота, эскизный проект и так был доведен до совершенства. Пока не будет завершен производственный комплекс, там ловить было нечего.

Я взял за основу данные по броне Оружейника — достаточно очевидный ход, Кид Вин свой нынешний костюм делал по тем же лекалам. Но данные данными, а специализация Оружейника давала ему нехилое преимущество в количестве вспомогательных функций, которыми можно оснастить доспех. Я такой возможности был лишен, так что пришлось снова выкручиваться и изобретать нестандартные подходы.

От некоторых избыточных функций пришлось отказаться вообще. Тот же детектор лжи бесполезен, когда можно гарантировано вырвать правду с помощью единственного укола. Другие пришлось обрезать, снижать функциональность в жертву компактности и прочности.

Из широкого списка вспомогательных систем пришлось выкинуть почти все, за исключением климат-контроля и системы дополненной реальности, которая была слишком уж удобна и многофункциональна. Зато на чертежах удалось втиснуть встроенный инжектор с боевыми стимуляторами, которые Оружейник не жаловал.

К чему-то удалось подступиться не сразу. Так, для управления своей обычной полетной системой я использовал нейронный интерфейс, которому было достаточно касаться головы, и который прекрасно умещался под капюшоном. Требования к «Сирину» были таковы, что единственным способом обеспечить точность управления оказалось физическое соединение нервной системы с бортовым компьютером. Когда я впервые пришел к такому выводу, перспектива резать самого себя напугала меня до чертиков. Потом случилось «расширение сотрудничества» с Гезельшафтом, и трусить перед небольшой операцией стало как-то стыдно.

Надеюсь, вшитые в кожу контакты можно будет выдать за разновидность пирсинга, иначе на пляже мне лучше не показываться.

Впрочем, эти сложности были ничем по сравнению с главной проблемой — с защитными свойствами. Энергетический удар мощностью в гигаджоули? Миллионы тонн воды, несущихся в лоб на трансзвуковой скорости? Песчаная буря, где каждая «песчинка» — это обломок здания или автомобиль? Наконец, обладающие невероятной силой когти и крылья? Все это «Сирин» должен был выдерживать, и не просто выдерживать, но и сохранять живой начинку внутри.

Нечего было и надеяться достигнуть нужных показателей только за счет прочности брони. Благо я своими глазами видел, на что способны молнии Бегемота, и иллюзий не строил. Надежды я возлагал на уже знакомую технологию термоэлектрической конверсии. Едва ли бы это помогло от направленного удара, способного испарить целый дом, но даже шальные молнии и рикошеты собирали в Мехико обильную жатву. Если бы удалось расширить эффект на прочие виды энергии, «Сирин» стал бы почти неуязвимым... если бы.

Так или иначе, это был лишь эскизный проект, и многое предстояло додумывать на ходу, когда окончательно станет понятно, какие средства у меня есть в распоряжении. Оружейные системы находились в зачаточном состоянии, как и широкодиапазонный блок волнового подавления. С двигателями было получше, но только за счет готовых наработок по антигравитации. У меня была мысль вообще отказаться от обычного оружия, и полностью сосредоточиться на темпоральной технологии, но здравый смысл подсказывал, что успех далеко не гарантирован, а с одним мечом много не навоюешь...

Трррынь!

Черт.

Трррынь!

Да иду я, иду.

Отложив в сторону сварочную маску, я нацепил взамен нее легкую «домашнюю», которые Стражи носили в Хабе, если приходили посетители, и вынырнул из карманного измерения в свою мастерскую. Нажатием кнопки я схлопнул проход и спрятал пулыт в карман, после чего отпер дверь. Только для того, чтобы нос к носу столкнуться с разозленной Вистой. Ну... то есть... скорее нос к груди. Seriously, ей надо лучше кушать.

— Ты там уснул что ли?! — возмущенно поинтересовалась Эпицентр-9, уперев кулачки в бока. Это бы выглядело комично, если не знать, какая сила таится в миниатюрной девочке.

— Можно и так сказать, — я рассеяно почесал голову еще горячей сварочной горелкой.

Мыслями я все еще находился за монтажом реактора. — Что-то случилось?

— Нам идти пора, а ты все с железяками своими возишься! — Виста скрестила руки на груди и отвела глаза в сторону. — Мальчишки.

— Куда еще идти?

— Ты забыл что ли? На рождественский прием! Который устраивает мэрия.

— Ты ничего не путаешь? Прием должен был состояться двадцать третьего декабря. Ведь не может же уже быть...

Под тяжелым взглядом Висты я невольно стушевался и открыл на смартфоне календарь.

— Ну пиздец...

— На голове у тебя пи..., - Виста оборвала себя на полуслове и слегка покраснела. — Короче, переодевайся в костюм, времени пять минут еще есть, причесывать вас буду.

«Вас». Ну, хорошо быть не единственным технарем в команде. В том, что второй жертвой Висты будет Кид Вин, я не сомневался. Когда я ему сдал на попечение «Лотос», он долго его осматривал, непрерывно что-то конспектируя в ноутбук, после чего попросил его не беспокоить, затолкал реанимационный саркофаг в свою мастерскую и больше я его не видел. Обоих точнее.

Торопливо натянув комбинезон с мантией, я вышел в Хаб. Там уже все были в сборе, включая даже Сталкер, которая, как мне казалось, относилась работе на публику с еще меньшим энтузиазмом, чем я. Тем временем Кид Вина в четыре руки вытаскивали из мастерской Рыцарь и Виста. Тот вяло упирался, и бормотал, что всего пару проводов припаять осталось.

Наконец, Виста тяжело вздохнула и скрутила пространство таким образом, что мы оба оказались перед висящим в обеденном уголке зеркалом. После чего применила силу еще раз, и пол вокруг нас поднялся и свернулся, заключив обоих в плотные коконы, а потом просел на метр вниз, чтобы девочке не приходилось вставать на цыпочки.

— Эмм... Миссии, а это не слишком? — робко спросил я, и напоролся на гневный взгляд Висты, державшей в одной руке расческу, а в другой — бутылку воды с прикрученным опрыскивателем.

— Да, я же в шлеме буду! — поддакнул Кид Вин. — А он в капюшоне!

— Мы просто немного... нууу... увлеклись. Ну как это у технарей бывает.

— Ага, обычное дело! Мы не специально забыли!

— Пощади, мы купим тебе «Хэппи Мил»!

— И двойную колу!

Увы, Четвертый Губитель оказался глух к мольбам жалких людей, и расческа впиалась в наши космы. Через несколько минут боли и унижения волосы двух самых крутых технарей среди Стражей Восток-Северо-Восточного отделения оказались уложены достаточно аккуратно, чтобы Виста прекратила дальнейшую экзекуцию.

— Эй, Бивис и Баттхед, давайте быстрее, только вас ждем! — крикнул Триумф.

— Вообще-то мы Пинки и Брейн! — возразил я.

— И я даже не сомневаюсь, кто из вас кто.

— А кто из нас кто?

— Все-все, идемте уже!

— Стой, я меч забыл.

— Зачем тебе меч? Мы на банкет идем!

— Потому что я без меча, это как я с мечом, только без меча.

— Пожалуйста, хватит бородатых шуток.

— Две секунды... Так, я готов.

— У тебя тушь потекла.

— Где... блин, Стояк, тебя только не хватало.

— А ну хватит дурью маяться!

— Да, мэм! — синхронно ответили три голоса.

Кому-то может показаться странным, что добираться до места рождественского фуршета приходится на бронированном фургоне в компании до зубов вооруженных молчаливых мордovorотов. Ну что же, этот кто-то явно не живет Броктон Бей. Во время нашей поездки в Бостон я успел немного пообщаться с местными, и домой ехал с ощущением, что стереотипы о нашем городе не так уж далеки от истины.

К примеру, когда я спросил, насколько тяжелые травмы обычно они обычно получают, бостонские Стражи начали смотреть на меня со смесью жалости и страха. У них за полтора года не было ни одной тяжелой травмы. В то время как за несколько дней до этого Крюковолк оторвал Эгиде руку. Не то, чтобы это доставляло ему большие неудобства. После того, как я пришил руку на место и наложил достаточно плотную повязку, чтобы не вытекала кровь, он уже через пару часов как ни в чем ни бывало бил Триумфу морду в каком-то файтинге на приставке. Однако для себя я решил, что если повстречаюсь с блохастым в патруле, то отрежу ему пару конечностей. Просто в назидание, все равно отрастит новые, и посрать на мнение Кайзера.

Были и другие ранения. Кид Вин как-то сломал запястье, когда Руна сшибла его со скейта левитирующим мусорным бачком. Ради справедливости, это был ее первый выход, и ее левое ухо с тех пор так и не вернулось к прежней форме. Методы воспитания дисциплины у Блицкрига, отца троих детей, были суровыми, но эффективными. Стояк однажды чуть не умер, когда попытался по неопытности остановить монструозный джип Скрип. То есть, он в прямом смысле встал на его пути и заморозил свой костюм. Расчет оправдался полностью, инерция разорвала кошмар автоконструктора почти пополам, но Стояк не учел, что технарские изделия, особенно настолько грубо собранные, имеют обыкновение взрываться. Стореть он не мог, погруженный в стазис материал не пропускал тепло, но надыхался дымом. К счастью, шедший с ним в паре Триумф криком сдул остатки джипа, а бригада «скорой помощи» подоспела вовремя. Виста и вовсе имела такую коллекцию разнообразных шрамов, что, наверное, могла поспорить с ветеранами Вьетнама. Причем когда я предложил их свести, она чуть не побила меня за то, что я про них вообще узнал. Хотя я и смог оправдаться тем, что не подглядывал за тем, как она переодевается, а с помощью своей силы определил наличие рубцовой ткани, избавляться от шрамов она наотрез отказалась. Дескать, они — ее часть, свидетельство, что она боец, не просто мелкая дурочка.

С таким количеством и качеством злодеев, как в Заливе, я не понимал, что тут вообще делает отделение Стражей. Тут должны были действовать только взрослые герои, причем с негласной лицензией если не на убийство, то на калечащие приемы точно. Есть же Пепельный Феникс в Атланте, одного появления которой достаточно, чтобы даже самые отбитые негодяи легли лапками кверху! Не обратились в бегство, не вступили в схватку — а безропотно сдались, чтобы не испытать на себе ее кошмарную силу. В результате Атланта уже несколько лет процветает, потому что там по-настоящему безопасно, и бизнес тянется к низким страховым ставкам.

Ничего. Если я сумею эмулировать силу Серого Мальчика, то Броктон Бей станет таким

же оазисом покоя, где все злодеи будут либо клоунами, либо трупами. А на Набережной появится новая достопримечательность «Непобедимый Дракон Кюсю, замороженный во временной петле». И даже Кайзер будет приходить ко мне с еженедельным докладом. И ждать в приемной на самом неудобном стуле, пока моя секретарша мисс Херрен закончит с обслуживанием.

— Эй, хватит слюни пускать, — сидящий рядом Рыцарь пихнул меня в бок, из-за чего манящие грезы тут же рассеялись.

— Ничего я не пускаю.

— У меня твои эмоции как на ладони. Ты что, строил планы по мировому господству?

— Скорее по сбору гарема из самых горячих цыпочек с латексными жопками.

— Зачем тебе гарем, если тебя из мастерской придется вытаскивать силой?

— Это вопрос престижа. Какой я буду Темный Властелин без кучи наложниц, столь же прекрасных сколь и жестоких, исполняющих любое мое желание?

— Какое например? Подать гаечный ключ на 32? Или сбегать на склад за пачкой электродов?

— Например схватить засранца, который посмел стебаться над их господином, и выпороть кнутом.

Поцапаться по-настоящему мы не успели, потому что фургон вскоре остановился. Оперативники с кряхтением полезли наружу, мы последовали их примеру. Помимо Стражей здесь также были некоторые герои из Протектората: Оружейник, Мисс Ополчение и Скорость. Не было Бесстрашного, который хотел провести время с женой и сыном, и не было Штурма и Батарей, которые вообще взяли отпуск и укатили на Гавайи. Если бы не молчаливое соглашение, согласно которому кейпы города старались не портить друг другу праздник без серьезных на то причин, это могло бы серьезно сказаться на боеспособности Протектората.

Точнее, такое соглашение худо-бедно поддерживала Империя-88, АПП (азиатам Рождество было побоку, но принцип «не срать там, где живешь» они все же понимали) и группа Трещины, которая данный принцип возвела в абсолют, и в пределах города вообще никаких дел не вела, за что была тайно любима Свинкой. Про Выверта никто ничего толком не знал, но то, что у него нет ни капли принципов, усвоили все. Кайзер со знанием дела утверждал, что тот мог устроить массовую бойню прямо в праздничную ночь, если бы это принесло ему соответствующую прибыль. Неформалы тоже оставались в тени, но из-за предполагаемого возраста их не воспринимали как сколько-нибудь серьезную угрозу. Банда мелких уголовников, которых достаточно шугнуть, чтобы не путались под ногами. Особенно с учетом того, что они с конца октября залегли на дно, и вновь показались только недавно. Некоторые в СКП надеялись, что они уберлись из города, но я знал причину затишья — точнее, я и был той причиной.

Хотя я думал, Адская Гончая воспримет угрозу всерьез, и свалит к черту. Но нет, залечила сломанную руку и снова выползла из своей берлоги. Почему? Сплетница, кто же еще. Я не знал, как именно работает ее сила, но судя по нашим двум личным встречам, она просто получала из ниоткуда интересующую информацию, но не всю сразу, а небольшими дозированными порциями.

Я замер, чувствуя, как в животе сжимается ледяной ком ужаса. Если Сплетница раскрыла мой блеф для Адской Гончей, значит она знала, кто скрывается под личиной грабителя собачьих приютов. А если она знала это... то знала вообще все.

— Так, Стражи, идите за мной, — Мисс Ополчение махнула рукой, привлекая внимание.

Кое-как справившись с накотившим потрясением, я последовал вместе со всеми. Рыцарь косился в мою сторону, потому что мои эмоции с его точки зрения были настоящим пожаром, да еще вспыхивающим без причины, но свое знание пока держал при себе. Серьезно, для кейпа этот парень был просто через чур тактичен и неконфликтен.

— Вам уже говорили, но повторю еще раз. Этот прием очень важное событие, на нем присутствуют множество важных персон. Ваша задача, как Стражей — проявить себя с лучшей стороны. Или хотя бы попытаться ничего не испортить. Магистерий, Стояк! Это касается вас в первую очередь!

— А что сразу Стояк-то? — с деланной обидой отозвался тот.

Я ничего не ответил, только молча кивнул.

Пока мы поднимались в лифте в банкетный зал, я отступил назад и вытащил из подсумка автоинъектор с эмоциональным корректором, глушащим чувство страха. Не «мистер Хайд», а мягкий препарат без существенных побочных, предназначенный для впавших в панику гражданских. Сейчас главное успокоиться и не пороть горячку. Если она не раскрыла меня до сих пор, то только потому, что просто не могла. Не имела достаточно наглядных и весомых доказательств, которые бы убедили общественность. За ней не стояло никаких значимых сил, а она сама была, не смотря на отличную задницу, не более чем маргинальным биомусором.

И если перерезать ей горло, а тело привязать к рельсе и скинуть в океан, ее никто не хватится.

Надо просто подойти к проблеме обстоятельно... у меня есть наработки по генетическим сканерам, они использовались в «Лотосе». Образец ДНК Адской Гончей у меня имеется еще с прошлого раза, сберег на всякий случай несколько капель крови. Прочесать ночью доки... нет, лучше использовать несколько простых дронов, для более широкого охвата. Поставить маячок, или проследить визуально с достаточной дистанции, используя поляризующее поле. Обнаружить логово этих Натуралов, и просто перебить всех спящими. Всем от того станет только лучше.

Опять придется сдвигать график работ, это неприятно. Но я не мог допустить, чтобы моя, кхм, двойная жизнь раскрылась раньше, чем я смогу продемонстрировать, на что действительно способен. Сейчас это нанесло бы непоправимый ущерб, вплоть до необходимости бежать из страны. Потом... потом просто проглотят. Наверное. В идеале, конечно, закапывать надо вообще всех, кто в курсе, включая Кайзера и Пиггот, но кажется, это уже слишком.

Или... я обвел взглядом зал, и заметил Андерса, разговаривающего с моими родителями. Хм, они не упоминали, что тоже приглашены. Или упоминали, но я прослушал? Последние недели все время, что я провожу не в костюме, похоже на сон, я почти его не запоминаю. Так, главное не забыть, что мы не знакомы. Я активировал поляризационное поле, подошел вплотную и отключил маскировку.

— Добрый вечер, мистер Андерс.

— О, Магистерий, рад тебя видеть, но пожалуйста, не появляйся так неожиданно, — со злорадным удовлетворением я отметил, что легкий испуг он все же испытал, хотя и не подал виду. — Какое-то новое изобретение?

— Невидимость, если просто. К сожалению, не так полезно, как может показаться. В

том числе для фармацевтики, — я перевел взгляд на свою мать и приветственно кивнул, хотя виделась мы еще утром. — Миссис Келер, рад вас видеть.

— Здравствуй, — ответила она, не меняясь в лице, но я заметил, что ее голос дрогнул. — Ты помнишь, что начиная с января начинаются промо-акции?

— Конечно. Рекламные ролики для телевидения и Youtube, фотосъемки для плакатов и буклетов. Я помню.

— Вероятно, это скажется на твоих обязанностях Стража, на них останется меньше времени. Как ни странно, руководство СКП легко это согласовало.

Дай Свинке волю, и она засадит меня в Клетку просто на всякий случай. Ясное дело она рада возможности держать меня подальше от моих проектов и от других Стражей.

— Отлично. Еще отдел продаж предложил идею: что если некоторые твои... изобретения поставлять напрямую в больницы, а не выбрасывать в розницу? Например ты упоминал, что у тебя есть сыворотка, которая ускоряет заживление ран, но она быстро портится. Таким образом мы могли бы снабжать хотя бы местные больницы, осуществляя поставки скажем еженедельно.

— Больших оборотов не выйдет, — заметил я. — Конечно, себестоимость низкая, но у нас триста тысяч населения. Даже если продавать дозу с наценкой в сотни процентов, все городские госпитали не смогут потратить больше сотни доз в месяц. Даже в наших «особых» условиях тяжелых травм не так много.

— Ты не учитываешь медицинский туризм, — вмешался Андерс. — Куча народу приезжает в Броктон Бей именно за лечением.

— И большая часть остается с носом. Попасть ко мне или к Панацее желающих хватает, но разорваться мы не можем. Ну и ограничения на длину рабочего дня у несовершеннолетних.

— А причем тут ты? Я имею ввиду, регенеративная сыворотка способна значительно сократить послеоперационный период. В собственной клинике «Медхолл» цены на многие препараты идут без посреднических накруток, и суммарный чек за лечение на четверть, а в стоматологии треть ниже, чем в среднем по Новой Англии. Не знал?

— Последнее время у меня мало времени смотреть по сторонам.

— Снова крупный проект? — с фальшивым сочувствием спросил Андерс.

Я кивнул.

— Окно следующей атаки Губителя открывается через семь недель. Я уже видел слишком много смертей, и не хочу, чтобы их стало еще больше. К счастью, Кид Вин помогает мне устранить некоторые конструкционные проблемы в реанимационном саркофаге, — я немного приблизился к Андерсу и добавил самым угрожающим тоном, который бы не вызвал подозрений. — Таких напарников надо беречь.

— Касаемо битв с Губителями, — вмешалась моя мать. — Возможно, мое мнение здесь не решающее, но я против. Вся маркетинговая кампания может пойти прахом, если... в случае... твоей гибели.

Я заметил, что ей было трудно это произнести.

— Если в Броктон Бей прилетит Симуург или приплывет Левиафан, маркетинговые кампании в любом случае пойдут прахом. Поймите меня правильно, миссис Келер. Есть поступки хорошие, и есть поступки плохие. Есть никакие. А есть такие вещи, которые нужно делать просто потому, что нужно. Потому что если их не делать, «завтра» не наступит, — сделал небольшую паузу и добавил успокаивающе. — Кроме того, медики во время атак

Губителей гибнут сравнительно редко.

— Подумай о родителях, — напутствовал Андерс. — Каково им будет пережить собственного ребенка.

С достойным Будды терпением я подавил желание нанизать владельца «Медхолл Корпорейшен» на меч прямо сейчас, посреди зала.

— Здесь не о чем беспокоиться, мистер Андерс. Пережить меня — задача нетривиальная, — я повернулся к матери и хранившему молчание отцу. — Приятно было пообщаться. С вашего позволения, я откланиваюсь.

Я развернулся и зашагал прочь, активируя маскировку. Если подумать... это был один из самых долгих и откровенных разговоров, что я вел со своими родителями за последние месяцы. Злился ли я на них до сих пор? Вряд ли. Раньше злился, но время для злости давно прошло. Я обрел суперсилы, откорректировал мышление матери, показал отцу кое-что из своих устройств. И пропасть между нами стала еще более широкой и бездонной, чем когда-либо.

Я лез в сомнительные авантюры, спасал жизни и разумы, ставил все более амбициозные цели и шел к ним через упорный труд. Они... они остались собой. У фирмы отца лучше пошли дела на контрактах от «Медхолл», мать из сотрудника по контракту стала партнером, но в целом изменений было немного. Немного лучше, чем раньше, но все же. Все тем же обыватели, которые в массе своей и являются «людьми», которых условные «герои» должны защищать. У меня другие нужды, другие проблемы, другие приоритеты. Будучи парачеловеком, я был не выше и не ниже их — просто слишком далеко, без шансов когда-либо сблизиться по-настоящему. Моя сила позволяла достичь почти чего угодно. Кроме того, что мне действительно было нужно.

И почему каждый раз после разговора с Кайзером, даже короткого, у меня настолько портится настроение?

Невидимость я сбросил у «детского» стола, накрытого чуть в стороне от остальных. Правда, единственное его отличие заключалось в отсутствии алкоголя. Здесь помимо Стражей был весь младший состав Новой Волны, причем без костюмов, а также дети некоторых крупных шишек в городе. К примеру, я заметил Тео, стоящего чуть в стороне с безучастным видом и младшую дочь Блицкрига, которую знал в лицо, но имя вылетело из памяти. Я оглянулся в поисках Лазершоу, но она была на другом конце зала.

Стояк что-то рассказывал Висте, жуящей канапе. Seriously, это походило на особо изощренное издевательство. Притащить Стражей на банкет, где даже есть специально отведенный стол, в то время как у половины полностью закрытые маски. Затем мое внимание привлекла другая, в чем-то поразительная картина. Призрачная Сталкер разговаривала с какой-то рыжей девчонкой, примерно ее лет. Хотя они и вели себя достаточно формально, чтение внутренней биохимии подсказывало, что им комфортно в обществе друг друга. Подруга из гражданской жизни? Посвященная в тайну личности?

Мне стало интересно. Я сделал снимок рыжей на служебный смартфон, после чего запустил поиск близких соответствий по тем базам, в которые было не слишком трудно пробиться. Результат ждать пришлось ждать недолго. Эмма Барнс, учится в Уинслоу, дочь адвоката Алана Барнса. Какие-то данные по табелям успеваемости... не интересно. Контракт с модельным агентством... тоже ерунда. Иии... ничего. Вообще ничего сколько-нибудь примечательного. Удивительно, что такая скучная особа нашла, чем заинтересовать Сталкер. Или дело в чем-то менее явном? Я попробовал несколько разных сочетаний

запросов, и через пару минут получил кое-что интересное. Барнс-старший был адвокатом Сталкер, когда ее повязали. И видимо работал задаром, потому что семья Софии точно была недостаточно богата, чтобы оплатить услуги квалифицированного краснобая и крючоктворца. Странно, очень странно.

Странно, но не настолько, чтобы тратить на это еще больше времени. Я спрятал смартфон, пообещав своему любопытству компенсацию как-нибудь в другой раз, взял пустую тарелочку и принялся загружать ее закусками. Придется поужинать здесь, потом времени уже не будет. Не знаю, сколько продлится этот прием, но я планировал сегодня закончить с генератором. А потом заняться проработкой плана по ликвидации Сплетницы.

Ах да, домашка еще. Черт...

Кто тут еще есть? Кид Вина и Барьера зажала в стороне какая-то компашка вроде-как-фанатов, и кажется, выпустят их не скоро. Жалко. Хотел спросить, как продвигается модернизация «Лотоса». В идеале я хотел добиться полной автоматизации установки, чтобы не стоять за ней самому, а вверять медикам на месте в комплекте с простейшей инструкцией, чтобы иметь возможность заняться чем-то другим. Но этого невозможно было добиться без тонкой подгонки, уравнивающей эффекты двух различных технарских сил, так что в ближайшее время нам предстояло работать совместно.

Вокруг Виктории и Эми тоже собралась небольшая толпа, которую ненавязчиво оттеснял бронированной массой Рыцарь. Виктория скучала, ей всеобщее внимание давно приелось, хотя она сама подливала масла в огонь, паря в полуметре над полом. Эми держалась позади, ее платье было скромнее, чем у сестры, и некоторой мешковатостью скрадывало неидеальную фигуру. На пробежки ее что ли выгнать? Вместе с Тео, чтобы не скучно было. Вроде есть небольшой сквер, на примерно равном удалении от их домов.

На плече Эми вдруг возникло серое пятно, и я невольно напрягся. Уже столько раз это чудовище доставляло мне неприятности, и я не собирался больше уступать ему ни одной схватки. Пушистое порождение Сатаны перепрыгнуло на голову Рыцаря, пробежало по столу и ринулось в мою сторону, явно намереваясь плюхнуться пузом на тарелку. Подавив желание встретить врага приемом иайдзюзу, я спрятал тарелку за спину и изловчившись, поймал адское создание правой рукой.

— Вот мы и встретились, Реми! И к твоему несчастью, я голоден, — угрожающе прорычал я, благо динамики маски позволяли исказить голос как угодно.

— Ага! Попался, лентяй! — Эми уже спешила на помощь любимцу.

— Остановись, Красная Королева, или твоего верного слугу ждут вечные мучения в Черной Башне под надзором Драконов Вечности!

— Виста, подойди сюда, пожалуйста!

— В чем дело? — отозвалась та, проглотив очередное канапе.

— Один негодяй опять принялся за старое, — на лице Эми мелькнула тень улыбки.

Девочка в зеленом одарила меня грозным взглядом и достала откуда-то черный несмываемый маркер. И очень многообещающе им погрозила.

— Ох еп... Ну что же, Красная Королева, сегодня на твоей стороне оказались могучие союзники, но однажды я вернусь, и свершу свою месть!

С этими словами я передал Эми совершенно не испуганную шиншиллу, которая при этом успела укусить меня за палец, и уже без опасений взялся за закуски.

— Почему тебя сегодня не было в больнице? — требовательно спросила целительница. — Мне пришлось брать на себя твоих.

— Извини, крупный проект. Времени ни на что не хватает. Мы с Кид Вином готовимся к следующей атаке Губителя.

— А, вон что, — она немного смягчилась. — То есть, тебя вообще не будет в ближайшее время?

— С твоего позволения, пару недель еще пофилоню. Потом, надеюсь, выйду на обычный режим, — я раскрыл нижнюю часть маски и отправил в рот небольшой рулетик из сыра и помидоров. — Если уж заговорили, на твое присутствие можно рассчитывать?

— Только если атака будет в Северной Америке, — Эми недовольно скривилась. — Я имела с Кэрол крайне неприятный разговор, и это была единственная уступка, на которую она пошла.

Я оглянулся через зал, где Кэрол Даллон неторопливо беседовала мэром Кристнером.

— Слушай, а может мне ее того... ну ты знаешь, злодейскими методами...

— Не городи ерунды.

— Я имел ввиду, использовать препараты повышающие внушаемость, ослабляющие волю.

— Все равно нет.

— Ну хоть пригрозить можно?

— Нет!

— Боже, Эми, ты слишком добрая. Однажды тебе это выйдет боком.

— Я просто не собираюсь решать проблемы с матерью с помощью парасил.

— Да я всего-то разок...

— Мнэээ, забей, — она махнула рукой.

— Кстати, мне тут Андерс предложил делать поставки регенеративной сыворотки через «Медхолл» в городские больницы, с учетом низкого срока хранения. Хочет срубить еще прибыли на низкой марже. Как насчет проведения испытаний? Где-нибудь в середине января. Как моя сыворотка будет взаимодействовать с твоей силой?

— Почему нет, — Эми только пожала плечами. — О, он сюда идет.

— Черт, ну какого лешего ему опять надо? — я обернулся, и заметил Андерса, направлявшегося в нашу сторон в компании какого-то незнакомого типа.

Я насторожился и присмотрелся к незнакомцу внимательнее. Самоуверенный, колючий взгляд, уверенная манера держаться, неуважение к чужому личному пространству... активная Corona Pollentia. Кейп.

— Простите, юная леди, но позвольте похитить ненадолго вашего кавалера, — Андерс широко улыбнулся. — Магистерий, это мистер Брандт, представитель наших европейских партнеров. Я рассказал ему о нашем сотрудничестве, и он хотел бы пообщаться с тобой лично.

Секунду я разглядывал «мистера Брандта», размышляя, как бы половчее слиться. Идей не было.

— Не беспокойся, это ненадолго, — я поставил тарелку на стол и захлопнул маску. — Идемте.

Мы удалились в угол, подальше от присутствующих на вечере героев, особенно от Оружейника с его продвинутыми микрофонами в броне. Наконец, Брандт остановился, и я почувствовал, как воздух вокруг неуловимо изменил свои свойства. Он использовал силу, но я не понял, в чем она заключалась. Аэрокинез? Силовое поле?

— Рад, что нам наконец-то удалось встретиться лично, — произнес он со странным

акцентом. Немецким? Британским? Черт разберет этих европейцев. — Признаться, я думал что вы... старше.

— Кейпов не судят по возрасту. Чего вам нужно?

— Пустяки, пустяки. Мне просто хотелось узнать о вас больше. Переписка это одно, а личная встреча — совершенно иной качественный уровень.

— Вы Умник. Собираете информацию.

— Умник-Эпицентр, по американской классификации. Например, сейчас я чувствую, что вы напряжены и разгневаны, но в вас нет ни капли страха. Признаю, это впечатляет.

— Ближе к делу.

— Мы несколько месяцев следили за вашим ростом, и некоторые лица в нашей, кхм, организации оказались весьма впечатлены. Если не ошибаюсь, вы скопировали силу Панацеи? — он ткнул большим пальцем через плечо.

— Частично. И нет, этой технологией я делиться не намерен.

— Так категорично.

— Она предназначена для использования в битвах против Губителей, и ни для чего иного. Хотите с ней познакомиться поближе — пришлите помощь на отражение следующей атаки. Если повезет, кого-то ранит не насмерть, и он испытает «Лотос» на себе.

— Мне не понятна ваша агрессия. Разве я чем-то вызвал ваше неудовольствие?

— Да. Вы юлите вокруг да около, когда я требую прямого ответа.

— Хм... ладно, — Брандт впился в меня взглядом. — Копирование сил. Облегчение триггер-событий. Ваши возможности представляют значительный интерес, поэтому наша организация предлагает вам место. Со всеми положенными привилегиями, конечно.

— То есть вы хотите, чтобы я все бросил и переехал в Европу?

— Посудите сами. Здесь вы зарываете талант в землю. Вы вынуждены растрачивать себя на светское пустословие, вроде этой вечеринки, когда ваши силы могут повлиять даже на баланс сил в мире.

— А если он меня устраивает?

— Устраивает, что китайцы медленно пожирают мир? Что из Африки, как из бурлящего котла, вечно выплескивается какая-то дрянь?

— На севере китайцев сдерживают русские, на юге и западе — индийцы, а на востоке после Левиафана ничего интересного не осталось. Что до Африки, то местные утилизируют друг друга самостоятельно успешнее, чем с чьей-либо помощью.

— Я ожидал от вас большей приверженности... нашему делу.

— Возможно, она была. До того, как я увидел своими глазами атаку Бегемота. Так вот, пока по Земле ходят эти твари, все прочее выглядит несущественным. Разумеется, я исполню текущие обязательства, но никуда ехать не собираюсь. А если хотите и дальше иметь доступ к моей силе — помогайте, а не отсиживайтесь.

— Думаете, ваша сила стоит того, чтобы отправлять по первому требованию ударные команды?

— Вам решать. Если вы откажетесь, я ничего не теряю. Моя сила растет, и скоро вырастет спрос на нее. Вы же не хотите оказаться в хвосте очереди?

Глаза Брандта напоминали два пистолетных дула.

— Мы подумаем. В какие сроки от вас можно ожидать исполнения текущих обязательств?

— В течение января. Мне нужно создать все необходимые измерительные приборы.

— Хорошо. Будем держать связь.

Я пожал плечами и уже привычным движением ушел в невидимость, одновременно выскальзывая из зоны покрытия силы «мистера Брандта». На душе было еще поганее, чем после разговора с Кайзером. Одно дело считать Гезельшафт чем-то далеким, проявляющим себя только в виде зашифрованных электронных писем и банковских переводов, и другое — столкнуться нос к носу с их эмиссаром. Блицкриг в этом плане воспринимался куда легче, в конце концов, он был стопроцентным, рафинированным янки, и я знал его гражданскую личность. «Мистер Брандт», как я понял, носил то ли созданное технарем фальшивое лицо, то ли это было проявление его силы, я не смог разобраться. И Умников, по понятным причинам, я начинал тихо ненавидеть.

Я отошел к окну и, глядя на огни вечернего города, понял, насколько на самом деле устал. Вдруг захотелось бросить все, вылететь на улицу и устремиться в небо, с которого наконец-то пошел первый в эту зиму снег.

К черту.

К черту генератор.

К черту Сплетницу... до поры.

К черту все.

Достав смартфон, я выбрал нужный номер и нажал дозвон.

— Привет, Кэсси.

— Вечера. Что-то ты последнее время почти не звонишь.

— Защищаюсь на работе, только смог выкроить время. Ты сейчас ничем не занята?

— Да не, скучно.

— Как насчет посмотреть какой-нибудь свежий DVD под пиццу?

— Ой, мне не охота по этому холоду тащиться через пол-города.

— Я к тебе прилечу.

Я представил, как Кэсси ухмыляется, накручивая белокурый локон на палец.

— Ну ладно, уговорил. Только чур фильм выбираю я.

— Хорошо, я скоро буду.

К черту этот фуршет. Это мой канун Рождества, и я проведу его так, как пожелаю.

Хотя жаль, конечно, что мы так и не смогли нарядить Оружейника Санта-Клаусом.

Найти лежище Неформалов оказалось до смешного просто. Настолько, что я потратил лишние два дня на слежку, просто чтобы убедиться, что меня не разыгрывают. ДНК-ищейки? Сетцентрический рой поисковых дронов? Все равно, что палить из гаубицы по воробьям. Просто через Империю получил наводку на один из притонов Адской Гончей, которые отличались от обычных заброшенных домов только тем, что в них обитали огромные собачьи стаи. Безусловно, крайне опасные для окружающих людей, и было вопросом времени, когда они кого-нибудь загрызут насмерть.

Дальше мне осталось просто засесть в отдалении с подветренной стороны, чтобы собаки не учуяли, а после проследить за Адской Гончей до нужного квартала. Два дня осторожной слежки с почтительного расстояния из инвиза показали, что постоянно живут в притоне только трое — Сплетница, Регент и сама Адская Гончая. Четвертый, Мрак, предпочитал ночевать в своей квартире, которая вдобавок располагалась под носом у Империи. Что было забавно, потому что Мрак оказался черным не только в костюме. Вот уж не думал, что глупая шутка попадет точно в цель.

Я сделал пару снимков и записал адрес, но поразмыслив, решил не передавать информацию никому. С точки зрения СКП это было незаконно, а Кайзер бы начал воображать лишнее, будто я один из его громил. Всех остальных я тоже смог заснять без масок, и если личность Адской Гончей секретом не была, то Регента и Сплетницы словно не существовало. В местных базах, куда я мог получить доступ сходу, их не оказалось, а это в свою очередь означало, что они не просто не местные, но и очень долго живут полностью нелегально — не имея документов, медицинской страховки, собственности и образования. Вообще ничего.

Что лишь укрепляло меня во мнении, что они простые люмпены, хотя и с парасилами, и что избавив мир от их физического существования, я не совершу ничего дурного. Сам «визит» пришлось отложить на после Нового Года — когда я собрал по-быстрому пару простых, но полезных вещиц, и наконец-то смог снова втиснуть себя в костюм. Я не знаю, на кой черт Виктор спер навыки шеф-повара, но лазанья в его исполнении обладала почти наркотическим эффектом. В Рождество и Новый Год вообще много чего случилось, но если перечислять все — можно не добраться до сути и за неделю.

На этот раз мне пришлось решать задачу противодействия одновременно троим кейпам, и даже то, что атаковать я намеревался ночью, не сильно облегчало задачу. Самым опасным в тройке был Регент. В принципе, он мог убить меня даже один на один, просто не позволяя встать на ноги и дать отпор. Его сила, со слов тех, кто с ним уже сталкивался, вызывала произвольные мышечные сокращения, заставляя терять равновесие и падать, и вдобавок я помнил, что при первой встрече с Неформалами он легко заставил разжаться мою руку, державшую бутылку с «ноктюрном». Такое чувство, что это было десять лет назад... Так или иначе, я учел это, и определил Регента как цель высшего приоритета. В бою с ним нельзя было полагаться на ручное оружие, так что я заготовил баллон с усыпляющим газом. Нейроподаватель тоже как-то показал эффективность, так что он должен был стать моим главным козырем против Регента благодаря расширенному радиусу действия.

Следом шла Сплетница, чью силу Умника я до сих пор не до конца понимал. Фактом оставалось то, что она получала информацию из ниоткуда, и лимиты на объем поступающих

данных и какие-то иные ограничения известны не были. К счастью, было не похоже, чтобы она имела какие-то еще способности, не блистала физической силой и вряд ли умела толком стрелять. Все что мне нужно — подобраться на дистанцию выстрела, и все будет кончено.

Адская Гончая угрозой не выглядела. Ну, на фоне прочих. Ее сила была прямолинейна и проста, и я уже превозмогал ее. Конечно, в тот раз рядом была Руна, но при этом не было оружия и времени на подготовку. Ее собаки обрастали мясом не сразу, и их настоящие тела все равно оставались неизменными. С ними я мог справиться, используя только меч, после чего разорвал бы Адскую Гончую голыми руками.

Короче, на дело я отправился подготовленным настолько, насколько это вообще было возможно. В ночь с шестого на седьмое января я стоял на крыше здания в квартале от своей цели, укрытый покровом поляризованного воздуха. Над моим плечом парил дрон, несущий баллон с газом, простой механизм, собранный из попавшихся под руку обрезков. На предплечье крепился прототип бластера — сочетание исследований Оружейника в области твердого света и спиральных электродов Кид Вина, помноженное на мои собственные фокусирующие кристаллы и антиматериальные батареи. Именно маломощный прототип, созданный исключительно для обкатки технологии, однако и он на испытаниях пробивал в броневых листах сквозные дыры размером с кулак.

В последний раз проверив снаряжение, я поднялся на полсотни метров и медленно поплыл к нужному зданию — заброшенному заводскому корпусу. Идти в лоб было слишком рискованно, некоторые люди спят чутко, а собаки и подавно. На верхнем уровне корпуса я во время разведки заметил окно, которое было заколочено не так надежно как прочие, и именно через него я собирался проникнуть внутрь. С помощью особо агрессивного кислотного геля я быстро проплавил в досках достаточную дыру, чтобы протиснуться через нее даже после новогодних пиршеств, после чего осторожно завис перед ней и, все еще, невидимый, отправил вперед себя дрона. Примитивную машинку приходилось вести на ручном управлении, но это было и к лучшему — не было риска, что автоматика накосячит. Дрон бесшумно проплыл через насквозь пропылившийся цех, в котором много лет никто не работал, по пролету винтовой лестницы поднялся на верхний этаж и оказался в просторном лофте.

Сразу было видно, что здесь живут. Ковры, мебель, пустые коробки из-под пиццы, гора невымытой посуды в раковине. На стене висел здоровенный телевизор, под ним стояла тумба с DVD-проигрывателем и игровыми консолями. Консолями! Невзирая на серьезность дела, я презрительно скривился. Очередное доказательство убожества местных обитателей. Подумать только, а ведь я всерьез рассматривал вариант к ним присоединиться!

Дрон пролетел ближе к рядам дверей жилых комнат и начал выпускать газ. Я затаил дыхание. Если от свиста выходящего газа местные обитатели проснутся, мне придется драться со всеми тремя одновременно.

Прошла минута. Две минуты. Пять. Баллон опустел, и я вернул дрона обратно. Если все прошло гладко, у меня есть около получаса, чтобы сотворить все, что я пожелаю. Если Сплетница каким-то образом сумела предугадать мой план и принять контрмеры — например, надеть на всю команду костюмы химзащиты — то я все равно получил преимущество. Просто потому, что я учитывал такую возможность, а малейшая дырка в защите стала бы для Неформалов фатальной. Собак мой газ тоже должен был вырубить.

Я проверил герметичность костюма, проскользнул внутрь и рывком пересек цех. Взлетел по лестнице и замер посреди условной гостиной, держа наготове бластер. Красная

точка лазерного прицела плясала по стенам, но целей не было. Своей силой Умника я ощущал близкое присутствие пяти массивов органики, три являлись людьми, два — собаками. Перед началом операции я убил в себе страх с помощью эмоционального корректора, но сердце все равно бешено колотилось, в крови кипел адреналин, а чувства обострились до предела. Давайте, покажитесь! Я готов сразиться с вами!

Никого. Из-за одной из дверей раздавалось тихое похрапывание. Слишком ровное и медленное, чтобы быть уловкой. Я поплыл вперед, осматриваясь по сторонам. Те системы ночного зрения, что я смог встроить в линзы маски, оставляли желать лучшего. С жесткими габаритными ограничениями все, чего я смог добиться — это повышенная светочувствительность, но все же ее хватало, чтобы разглядеть рисунки на дверях. Корона на одной, женское лицо на другой, собачья морда на третьей и схематичное изображение мужчины в виде треугольника и круга на четвертой. И даже никаких замков. Поразительная беспечность. Я толкнул дверь с изображением лица и проскользнул внутрь.

Странно.

Я ожидал чего-то иного. В том смысле, что часть меня недоумевала от того, насколько гладко все пока что шло. Другая же часть с удивлением отмечала детали обстановки. Платяной шкаф, стол с ноутбуком, зеркало на стене, под ним столик с косметикой. Узкая односпальная кровать. Все было слишком обыденно, слишком знакомо. Чем-то даже напоминало комнату Кэсси. Черт побери, да здешняя обитательница даже внешне на нее походила! Благодаря светочувствительным линзам я мог разглядеть ее лицо, в том числе россыпь веснушек на носу, которые раньше скрывала маска. Во сне Сплетница дышала глубоко и ровно, и просыпаться определенно не собиралась.

Я осторожно отключил левитацию, твердо встав ногами на пол, и вытащил нож. Никаких пистолетов, никаких технарских мечей и бластеров. Простая сталь, слишком простая, чтобы навести на какой-то след. Я слегка стащил одеяло и повернул голову Сплетницы так, чтобы видеть область сонной артерии. Ну же, всего один удар, и моя тайна будет сохранена...

И вот тут-то мне стало по-настоящему страшно.

Не из-за возможных последствий убийства, или вероятности разоблачения.

Я вдруг увидел себя со стороны: зыбкую зловещую тень с алыми угольками глаз, стоящую над кроватью спящей девушки и готовую перерезать ей горло за то, что она ВОЗМОЖНО знает слишком много. Это не было убийство в бою, когда выбора особо и нет либо ты, либо тебя. Это не было действительно вынужденной мерой, когда снайпер уничтожает террориста, захватившего заложников. Даже не завершение давней вражды. Это было убийство из-за трусости.

И больше всего я боялся самого себя.

Черт побери, Симург, во что ты меня превратила?!

Я стиснул рукоятку ножа до боли в пальцах. Это необходимо, это разумная мера предосторожности. Пиггот терпит меня через зубовой скрежет, потому что я действительно полезен и не доставляю серьезных проблем, мелкие шалости на ТВ-шоу не в счет. Если я все сделаю правильно, то в недалеком будущем даже при раскрытии карт мне все сойдет с рук. Но для этого нужен удобный момент, на моих условиях. Нельзя допускать случайностей, нельзя отдавать инициативу в руки суперзлодея-Умника. Неформалов никто не хватится, даже их трупы найдут спустя месяцы, если не годы, а если и найдут, то расследовать не станут. Наконец, именно этому меня учил Оружейник — предугадывать

угрозы, действовать на опережение.

Нет! Нет! Я не буду этого делать! Это не мои мысли, не мои желания! Я не такой человек!

Ой, да ладно! Два случайных трупа в первый же выход. Работа на два фронта. Связи с европейскими неонацистами. Соучастие в экспериментах на людях. Рано или поздно, мне все равно предстояло замарать руки мокрыми делами. Сколько веревочке ни виться... от себя не убежишь.

Это другое, я преследую благие цели! Я уже спас больше сотни жизней, и это только благодаря волонтерству в больницах! Я успешно реализую проект, который поможет против Губителей! Ведь не может быть, чтобы я желал чего-то дурного! Ведь меня признали, признала даже Александрия!

И чтобы оправдать это признание, чтобы продолжить свои проекты, мне нужно просто всадить этот нож по самую рукоять в шею этой девки. Это может быть неприятно, но необходимо, потому что риск неприемлем.

Я занес нож для удара...

Иди нахуй, Симург!

Нож опустился. И проткнул подушку в дюйме от шеи Сплетницы.

Я отпрянул. Дышать было тяжело, но я не мог снять маску, в воздухе все еще находился усыпляющий газ. Мне пришлось опереться на стену, чтобы сохранить равновесие, потому что ноги вдруг стали вялыми и непослушными. И все же к ощущению нахлынувшей слабости примешивалась нотка торжества. Я победил.

Думаю... думаю, этого достаточно.

Обнаружив утром нож рядом со своей головой, Сплетница узнает, кто приходил и с какими намерениями. Мое послание будет четким и недвусмысленным — я знаю кто вы, я знаю где вы, я могу избавиться от вас в любой момент, если мне что-то не понравится. Ведите себя смирно, и я даже не стану ставить вам клизму, когда поймаю. Хотя можно усилить эффект. Где там мой несмываемый маркер?

Через несколько минут я покинул логово Неформалов тем же путем, каким пришел. Банду самых никчемных злодеев в Заливе, после ликвидации Барыг, ждет незабываемое пробуждение.

* **

На следующий день

— Добрый день. То есть, уже вечер. Вы можете вспомнить ваше имя?

На лице парня-японца, еще недавно бессмысленно-тупом, отразилась напряженная работа мысли. Я терпеливо ждал, стараясь не обращать внимания на ноющую голову. Заржавевшие от длительного неиспользования мозга моих пятничных пациентов с трудом начинали проворачивать свои шестеренки даже после терапии.

— Синдзи Огава, — ответил он через несколько секунд.

— Полезай в ебаного робота, Синдзи, — пробормотал я вполголоса.

— Простите, что?

— Ничего.

— Вы сказали... робота.

— Вам послышалось. Сегодня седьмое января две тысячи одиннадцатого года, вы

находитесь в психиатрической лечебнице города Броктон Бей, США. Вы только что подверглись воздействию парачеловеческих способностей с письменного согласия лиц, осуществлявших опеку в период вашей недееспособности. О деталях вам расскажет лечащий врач. Я лишь хочу убедиться, что ваш мозг и память функционируют нормально. Ваша дата рождения?

— Девятое апреля... нет, шестое. Точно шестое. Шестое апреля тысяча девятьсот девяносто первого.

— Верно, — я сверился с медицинской карточкой. — Имена ваших родителей.

— Хиро Огава и Микуру Огава.

— Верно. Имя вашей старшей дочери.

Парень вытаращился на меня диким взглядом.

— У меня нет дочери, — прохрипел он с ужасом. — Или есть? Я не помню...

— Нету, нету, успокойтесь. Я тестирую вашу память, и она в относительном порядке. Ваши речевые функции также не повреждены.

— Вы... вы врач?

— Я Магистерий, член Стражей. По соглашению с больницей, я вправе оказывать помощь с использованием параспособностей пациентам, чьи шансы на выздоровление оцениваются негативно. Остальные вопросы вы сможете задать лечащему врачу, он придет через несколько минут.

Я без лишних слов собрал свои принадлежности и выскочил из палаты. Общаться с пациентами после терапии я не любил. Меньше мне нравилось только общение с их родственниками. В отличие от Панацеи, чья работа со стороны выглядела чуть ли не волшебством, мои методы для несведущих казались ближе к привычной медицине. Из-за чего большинство людей не восторгались свершившемуся чуду, а начинали немедленно полоскать мне мозг на счет побочных эффектов, восстановительных периодов, аллергий и прочей подобной ерунды. Некоторые шли дальше, и начинали грозить судебными исками из-за того, что результат лечения их не вполне удовлетворял. Почему-то большинству людей казалось, что раз я не связан лицензиями на лекарства и сам мастерю инструменты, то обязан сделать все не только бесплатно, но и на порядок лучше обычных врачей, а любое отклонение от существующего в их воображении идеала считали проявлением моей лени или даже вредительства. Таким обычно я давал визитку с телефоном СКП, по которым специально обученные сотрудники умели вежливо посылать нахуй.

Люди — тупой и неблагодарный скот. Месяцы целительской практики дали мне прочувствовать это на собственной шкуре.

Я уселся на скамейку для посетителей и достал из чемоданчика бутылку воды, к которой тут же с облегчением присосался. Сегодня еще нужно вернуться в штаб-квартиру, закончить работу с кристаллизационным станком. Выращивать детали из мелкодисперсного расплава оказалось эффективнее, чем вытачивать из заготовок. На это у меня будет время до девяти часов, потом нужно возвращаться домой. И не забыть позвонить Кэсси, договориться в воскресенье выбраться на шопинг. Я, конечно, сделаю вид, что поддался на ее уговоры, но половина моего гардероба последнее время стала нестерпимо узка в плечах, так что тоже чего-нибудь прихвачу.

Мда, этого я не учел. Нужно перепроверить чертежи, чтобы понять, будет проще подгонять доспех по фигуре в процессе дальнейшего взросления, или же придется время от времени создавать новую модель на имеющейся производственной базе.

Спрятав бутылку, я заставил себя подняться на ноги и поплелся дальше по коридору. Атмосфера психиатрической лечебницы действовала угнетающе, не представляю, насколько стальные нервы надо иметь, чтобы работать тут постоянно. Взять даже этот белый коридор с ровными рядами белых дверей, залитый белым светом люминесцентных ламп. От одного его вида можно рехнуться, а осознание, что за каждой дверью тлеет уголек безумия, только усугубляет это.

Я заметил, что одна из дверей приоткрыта, и из любопытства заглянул внутрь. Дежурный доктор Куллидж уже что-то втолковывал долговязому мужчине, который в наброшенном на плечи белом халате казался мороженкой на палочке. Единственная пациентка неподвижно лежала на койке с полураскрытым ртом, бессмысленно таращась в потолок. Я уже хотел оставить их в покое, но случайный отблеск, принесенный моей силой восприятия, приморозил подошвы к полу.

Я зашел внутрь и деликатно постучал об дверной косяк.

— Магистерий? — доктор Куллидж обернулся и удивленно приподнял брови. — Я думал, ты уже ушел.

— Мне показалось, что случай интересный.

— Да ерунда, обычный психологический шок. Поступила в среду.

— Обычный ли? — я подошел к койке и всмотрелся в лицо пациентки. На вид лет пятнадцать-шестнадцать, длинные, слегка вьющиеся русые волосы. Внешне тянула на шесть из десяти, если бы не жутковатый расфокусированный взгляд и пустое выражение лица. — А я вижу, что для меня здесь есть работа.

— Магистерий, я не сомневаюсь, что ты можешь помочь, но мы тоже вполне компетентны.

— Возможно, имело место триггер-событие, — сказал я тихо, склонившись к уху врача.

Тот моментально переменялся в лице. Легкое раздражение от того, что кейп лезет в его дело, сменилось опаской и беспокойством.

— Ты в этом уверен? — уточнил он.

— Своей силой я могу определить некоторые характерные признаки, — солгал я. На самом деле активную *Corona Pollentia* я с такого расстояния ощущал предельно четко.

— Кхм. Если родитель не против...

— Сэр, вы согласны на применение парачеловеческих способностей в терапевтических целях?

— Делайте что угодно, просто сделайте, — выцедил тот сквозь зубы.

— Хорошо, тогда зови, если что-то понадобится, — доктор Куллидж пожал плечами и удалился.

Я остался один на один с худым мужчиной, видимо, отцом девчонки. За то время, что я разговаривал с врачом, он не проронил ни слова, только гневно стискивал зубы и сжимал и разжимал кулаки. Даже не требовалось прибегать к сквозному зрению, чтобы понять, насколько он взбешен.

— Мистер? — я вопросительно посмотрел на него.

— Эберт. Дениэл Эберт.

— Рад знакомству, мистер Эберт. Я Магистерий, Страж.

— Да, я кое-что слышал про тебя.

— Надеюсь, это были не только голословные обвинения в неонацизме, — я поставил чемоданчик на тумбочку и нажатием кнопки разложил его в мини-лабораторию. —

Пожалуйста, расскажите что произошло.

— Я был на работе, когда мне позвонили, — Эберт собрался с духом, с трудом вытаскивая из себя слова. — Кто-то запер ее в школьном шкафчике, набитом мусором.

— Милые развлечения у моих сверстников, — буркнул я. — Иногда мне кажется, что окунувшись в супергеройство, я упустил в жизни что-то важное. Это было случайно не в Уинслоу?

— Откуда ты знаешь?

— Яблоки растут на яблоне, треску ловят в океане, самая адская дичь среди несовершеннолетних творится в Уинслоу. Я не самый умный человек на свете, мистер Эберт, но очевидные вещи понимаю.

Я выбрал пробирку с одной из базовых протеиновых основ, дополнил ее вспомогательными компонентами для точной настройки эффекта и засунул ее в реактор, выставив требуемые режимы обработки.

— Ты сможешь помочь Тейлор? — требовательно спросил Эберт.

— Я смогу привести ее в чувство, но это наименьшая из проблем.

— Я засужу этих уродов, — глухо сказал он. — А если суд будет не на нашей стороне, я все равно найду на них управу.

— Вам стоит быть аккуратнее со словами. На моем месте мог оказаться Страж с менее... широкими взглядами.

— Да мне уже все равно. Ради своей дочери я пойду на все.

— Нанять громил из Империи-88, чтобы те переломали ноги школьным обидчикам, а заодно директору, без сомнения, шикарная идея. Но знаете что... когда вы делаете первый шаг за грань, то кажется, что цена известна, что сможете вовремя остановиться. А потом не успеваете моргнуть глазом, и... — я щелкнул пальцами.

— Что ты имеешь ввиду?

— Абсолютно ничего, просто начитался всякой ерунды в интернете. Что такой несмышленьш как я, вообще может понимать? Мы ведь примерно одного возраста, — я кивнул на Тейлор.

Реактор просигналил о завершении программы. Я достал пробирку, подсоединил ее к инъектору и сделал укол в яремную вену. Глаза девчонки, до этого бессмысленно таранившейся в пространство и часто и мелко дышавшей, закрылись, дыхание выровнялось, и даже лицо стало чуть более привлекательным, когда ушли тени и напряжение.

— Это ведь не вызывает привыкания? — обеспокоенно спросил Эберт.

— Еще никто не жаловался, — ответил я, даже не пытаясь скрыть раздражение.

Прошло еще несколько минут, и Тейлор снова открыла глаза, но теперь ее взгляд был осмысленным.

— Папа? — прошептала она и закашлялась.

Вздыхнув, я протянул ей бутылку с остатками воды. Она принялась пить, а я изучал пульсацию силы в ее мозгу. Она все еще была активна, сила, чем бы она ни являлась, продолжала действовать. Игла проколола ее кожу, она неподвижна, не стреляет лазерами, и никаких явных аномалий вокруг я тоже не наблюдаю. То есть большую часть вариаций способностей можно исключить сразу. Я имею дело либо с Умником... либо с Властелином, и это паршиво. Несколько суток под карантинным протоколом были меньшим из возможных зол.

— Тейлор! Все хорошо, я рядом, — Эберт немедленно заключил дочь в объятия.

Под маской я дернул щекой. Вид семейного воссоединения вызывал у меня неясное чувство, которое я не мог описать, но зато рука непроизвольно потянулась к мечу. Медленно выдохнув, и нажал на кнопку вызова медсестры.

— Принесите еще питьевой воды, пожалуйста, — сказал я, когда так появилась на пороге палаты. — Простите, что прерываю, но я еще не закончил.

— Ох... конечно, — Эберт немного отстранился, но продолжал держать дочь за руку. — Тейлор, это Магистерий из Стражей, он только что дал тебе лекарство.

— Вообще-то, просто легкое успокоительное. Ну что же, Тейлор, верно? Ты сейчас в психиатрической лечебнице, но пугаться не надо, выпишут тебя через день-два. Как оценишь свое самочувствие по десятибалльной шкале?

— Шесть.

— Недурно. Возможно, ты чувствуешь головокружение, но это побочный эффект препарата, который я тебе дал, оно скоро пройдет.

— Нет, все нормально. Я тут долго? Какое сейчас число?

В ней было что-то неправильное. Какой-то диссонанс, рассогласованность между поведением и внутренней секрецией. Жалко, под рукой нет Рыцаря. Он бы разложил ее эмоции по полочкам за секунду.

— Пятница, седьмое января. Если не против, давай проверим кое-что, — я взял забытый на тумбочке тонометр, надел его на руку Тейлор и принялся накачивать воздух грушей. Делал я это не, конечно, не с целью измерить давление, а в попытке вызвать хоть какую-то понятную реакцию. — Пульс семьдесят два, давление сто семь на шестьдесят пять. Низковато, но ничего страшного.

Ноль реакции.

— Знаешь, если хочешь разозлиться, обвинить меня или вообще всех героев в городе, то у тебя есть на это право. Мы тратим время на всякую ерунду, много говорим о защите людей и так далее, но реально не делаем ничего. На словах мы всеобщая надежда и опора, а на деле значим меньше, чем полицейские патрули. Эти хотя бы имеют право стрелять на поражение.

Лицо Тейлор изобразило выражение заинтересованности, но я по-прежнему не чувствовал в ней никаких эмоций. словно ее Corona Pollentia единолично присвоила себе все ресурсы мозга, и не желала расходовать энергию на что-то настолько бесполезное.

— В детстве все мечтают о суперсилах, а потом те, кому везет их получить, сталкиваются с реальностью. Становишься героем, чтобы беречь покой невинных от всяких негодяев, а на деле оказывается, что все законы написаны так, чтобы беречь покой негодяев от тебя. Что толку от яркого костюма, если не можешь уменьшить количество зла в мире по-настоящему, не подписав себя под тюрьму? Вот и приходится бродить по больницам, будто призрак доктора Дулиттла, и делать вид, будто от этого есть толк. Хотя подметать улицы зубной щеткой мне всегда казалось более результативным.

Имитация заинтересованности на лице Тейлор сменилась такой же неуклюжей имитацией удивления. Насколько же обретенная сила перекорежила ей мозг?! И я все еще не понимал, какую природу эта сила имеет. Я решил предпринять последнюю попытку. Взяв ее ладонь обеими руками, я склонился ближе, чем позволяла врачебная этика, и тихо сказал:

— Если однажды получишь способности, постарайся употребить их во благо, ладно? Ну или хотя бы ограничишься личной мстостью своим врагам, не распространяй ее на всех, кто не вмешался и не помог, когда ты нуждалась.

Я не был уверен, окажут ли мои слова достаточный эффект. Более того, я сомневался,

способна ли Тейлор вообще мыслить в тех понятиях, что и нормальные люди. Пока все выглядело так, будто ее мышление практически полностью стерто и замещено суперсилой. Ну, по крайней мере, она не проявляет агрессии. Мы в больнице, рядом ее отец. Обстановка далека от той, в которой она словила триггер.

Отчаявшись добиться хоть какого-то отклика, я собрал чемоданчик и покинул палату. Доктор Куллидж дождался меня в коридоре, и его интерес был понятен.

— Подтвердилось? — спросил он настойчиво. — Она парачеловек?

— Нет, все в порядке. Ложная тревога. Но после выписки ей стоит пару недель посидеть дома.

Врач облегченно выдохнул, а я наконец-то выбрался на улицу. Чего-то нестерпимо хотелось, то ли заняться технарством, то ли выбить дерьмо из придурка, обеспечившего настолько кошмарный триггер. Эффективно оценив временные затраты, как учил Оружейник, я достал смартфон и позвонил Кэсси.

— Але, привет, мой герой.

— Привет, волшебница. Слушай, тут такое дело... ты была на этой неделе в школе?

— Целых два раза. Ой, только не начинай снова!

— Да я не про то. Слыхала, что в первый день после каникул у вас кто-то девчонку одну запер в шкафчике?

— Сама не видела, я среду пропустила, но слышала, да. А что такое?

— Да мне ее сегодня предложили в качестве пациентки в психиатрии, настолько тяжелыми были последствия. Знаешь, кто это сделал? А то у меня подопытные крысы кончились.

— А чего бы и не знать. Это Эмма Барнс и София Хесс, две главные шлюхи в школе. Они вечно доебывались до этой Хреберт, или как там ее. Кстати, Хесс черножопая. Могу попросить Виктора выяснить адрес, и пойдём ей наваяем. Точно, обмажем дегтем и вываляем в перьях из подушек!

— Нет-нет, спасибо, это не горит. Кстати, в воскресенье я высвободил себе весь день, так что можем прошвырнуться по торговым центрам.

— Ага, отлично. Давай в двенадцать, на Бульваре.

— Идет. Тогда увидимся.

— Пока-пока.

Я нажал «отбой», и беззвучно застонал. Эта идиотка, Призрачная Сталкер, определенно доставляла слишком много проблем. Теперь вопрос стоял не в том, кого бить ногами, а как разрулить получившийся клубок без трупов. В том, что Тейлор выйдя из дурки, первым делом оторвет Софии голову, я даже не сомневался. И как бы я ни злился, оставлять на верную гибель какого-никакого, а товарища мне претило. Здесь не было простого решения.

Но, кажется, у меня есть идея.

Оттолкнувшись от земли, я поднялся в воздух и полетел обратно к штаб-квартире.

Если бы София однажды решила составить рейтинг самых дерьмовых дней в своей жизни, этот бы уверенно вошел в первую десятку. Не так паршиво, как день ее триггера, но достаточно, чтобы проклинать собственное бессилие. Беззвучно, потому что ее рот был наглухо заткнут кляпом, а руки и ноги спутывали металлические нити, которые болезненно

пощипывали от электричества. Даже тот факт, что Магистерий вдруг вломился среди ночи к ней в комнату, не выбешивал настолько сильно, как ощущение того, что она никак не контролирует ситуацию и полностью находится в чужой власти.

— Ну что же, Сталкер, — сказал ублюдок. — Угадай, что мне спела одна птичка в психиатрии.

— Умммф хмму мммм!!!

— Ближко, но не совсем. На самом деле это звучало как «Призрачный Сталкер не только ведет себя как полная сука со своими товарищами-Стражами, но и в свободное время занимается запираанием одноклассниц в шкафчиках».

— Фумммх хммхмт!

— Полностью согласен. Знаешь, мне в общем-то похуй. В иной ситуации я бы, наверное, прошел мимо. Назовем это солидарностью, потому что в сравнении с моими скелетами в шкафу твои выглядят откровенно жалко. Но попытайся взглянуть на ситуацию через призму законов жанра. Есть умная, но непопулярная девочка, которую все шпыняют, и в один прекрасный день она берет и получает суперсилы. И что в таком случае ждет ее обидчиков? Вообще, вы должны будете встретиться в битве где-то на второй-третьей серии, она набьет тебе морду за счет бесконечного упорства, потом вы станете лучшими подругами, а на пути к финальному боссу ты пожертвуешь жизнью ради ее спасения.

Но похоже, наш сценарий писал какой-то глухой, обиженный жизнью имбецил, да еще наверняка канадец. Ненавижу блять канадцев. Так что тебя ждет участь похуже смерти раз так в миллион, и это еще в лучшем случае. Но! Специально на этот случай у нас есть Великолепный Я, Главный Герой, Всепробивающее Копье, Непробиваемый Щит, Символ Мужского Начала и лидер Гуррен-Дана! Кхм, можно просто Конрад.

Ублюдок прекратил свой вдохновенный спич и вытащил из подсумка костюма шприц с синеватой фосфоресцирующей жидкостью. И вот тут ярость внутри Софии начала уступать место страху. Она прекрасно знала, что написано в досье Магистерия. В той его части, которая не предназначена для чужих глаз. Технарь-9, подкласс Властелин-6, причем рейтинг занижен из-за необходимости подготовки и применения препаратов. Она забилась в своих путях, пытаясь порвать их, или скатиться с кровати, сделать хоть что-нибудь... мощный разряд, пронзивший все тело, заставил ее обмякнуть.

— Нет-нет-нет, не вздумай сопротивляться. Хочешь верь, хочешь нет, но я делаю это и для твоего блага тоже. Эта сыворотка, — он покачал шприцем, — улучшенная версия того, что я как-то сделал для своей матери. Плюс кое-какие добавки для вкуса, цвета и улучшения пищеварения. Знаешь, что это значит?

Во-первых, когда я введу тебе эту штуку, ты на некоторое время станешь доверчивее ребенка, и примешь как вселенскую истину все, что я тебе скажу. Что бог есть, и что бога нет. Что Гитлер не сделал ничего плохого, и что каждый американец обязан умереть за Израиль. Что тебе больше всего на свете хочется перевестись в Аркадию, и что Эмма Барнс — просто никчемная соплячка, недостойная твоего внимания.

Во-вторых, после того, как я надиктую тебе инструкции, в дело вступит мнемокорректор. Ты не вспомнишь о нашем разговоре, но не забудешь ничего из того, что я тебе скажу.

И третий компонент мой любимый. Он повлияет на лобную долю твоего мозга и железы гормональной секреции. Перенастроит их. Сделает тебя... кхм... чуть-чуть более сдержанной, дружелюбной и женственной. Уверен, многие с радостью примут тебя в таком

качестве. Да ты и сама поймешь, что новый взгляд на жизнь гораздо приятнее того, что у тебя было прежде.

Когда игла пронзила ее кожу, София не могла даже кричать от ужаса. Она была готова упасть на колени, умолять, отсосать — ее палач был глух ко всему. Яд, вливающийся в ее кровь, убивал ее, убивал как личность. И что бы ни возникло на ее месте — это будет уже не она.

София Хесс, она же Призрачный Сталкер, она же лучшая бегунья старшей школы Уинслоу, она же личный кошмар Тейлор Эберт, перестала существовать.

Интерлюдия 3.b: Лиза

Иногда Брайан Лаборн, больше известный общественности как суперзлодей Мрак, начинал подозревать, что его жизненный путь свернул куда-то не туда. Обычно такие мысли посещали его, когда он шел на очередную встречу со службой опеки, или получал через Сплетницу новые инструкции от неизвестного босса. Но когда он пришел на базу Неформалов, расположенную в заброшенном районе Доков, его глаз начал нервно подергиваться, чего прежде не случалось никогда.

Рейчел сидела на диване, прижав к себе своих собак так, будто боялась, что они испарятся. Алек вертелся перед зеркалом. Лиза копировала обоих — в том смысле, что тоже сидела на диване, держала в руках зеркальце и старательно терла покрасневшее лицо ватным тампоном. На него даже никто не обратил внимания, и тогда Брайан деликатно прокашлялся.

— Так, давайте по порядку. Что тут происходит и почему Лиза похожа на панду?

Лица всех троих товарищей обернулись к нему, и тут Брайан понял ошибку. Странные изменения затронули не только Лизу. На лице у Алека были черным маркером нарисованы очки, усы и борода, а Рейчел щеголяла изображениями кошачьих мордочек на каждой щеке.

— Эта дрянь не оттирается! — с долей паники выкрикнула девушка-Умник. — Ебанные технари...

— Какие еще технари? — не понял он. — Попробуй спиртом, должно помочь.

— Да такие! Помнишь Магистерия?

— Такое забудешь...

— Ночью он приходил нас убить. Подумал, будто я могу разболтать о его левых заработках у Кайзера. Да если бы я хотела его утопить, его бы еще на вступлении в Стражи в пену упаковали!

— На четвертый день индеец Зоркий Глаз заметил, что в камере нет одной стены, — прокомментировал Алек. Его, похоже, ночной визит не особо беспокоил, как и своеобразный грим.

— Но вы все еще живы, — заметил Брайан, стараясь не выдать нервной дрожи. Если Магистерий вычислил их базу, то что ему мешало выйти на Аишу?! — Вы его победили? Почему не позвонила сразу?!

— Боя не было, — хмуро ответила Лиза. — Подготовился этот говнюк отменно, прокрался к нам во сне, вырубил всех каким-то газом. А потом взял и ушел. Если бы он не оставил нож в моей подушке, я бы решила, что у него просто такое извращенное чувство юмора.

— И он видел вас без масок, — мрачно подытожил Брайан.

— Это меньшая из проблем. Сдавать нас он не собирается, потому что его грязное белье тут же окажется вывернуто на обозрение. Скорее в следующий раз доведет дело до конца. Хреново то, что я не знаю, почему он вдруг на ровном месте передумал. Словно какое-то слепое пятно, моя сила просто говорит «нет» и отключается.

— Предлагаю его убить, — буднично сказал Алек и включил телевизор. — Ну, или применить мое секретное оружие. Он же первый на нас полез, так что все норм, верно?

— Согласна, — подала голос Рейчел. — Этот уебок мне еще за Иуду, Брута и Анджелику должен ответить.

— Нет, — резко ответила Лиза, опередив даже Брайана. — Если нападём — нам конец.

— Нападём пока он дома. Ведь технарь не опасен без своих железяк.

— И получим приказы на убийство. Отличный план, Алек, продолжай в том же духе.

— А, то есть ему можно вламываться в чужие дома, портить постельное бельё и рисовать на лицах всякую похабщину, а мы не имеем права его за это пристрелить?

— У него слишком выгодное положение. Страж, друг и коллега Панацеи, спаситель множества жизней, — выплюнула Сплетница с отвращением. — Плюс им заинтересовалось высокое начальство, в личной переписке директора СКП было распоряжение чесать его за ушком. Короче, трогать его сейчас — все равно, что совать вилку в розетку.

— И что делать?! — зло осведомилась Рейчел. — Просто утремся?!

— Спокойно, он поплатится. Позже. Это не получится сделать быстро, но если босс согласится помочь, то нам даже не придется марать руки. Репутация для кейпа это все, верно? — Лиза продемонстрировала свою фирменную волчью улыбку. — Уничтожим репутацию — уничтожим Магистерия. А потом с ним можно делать что угодно, никто не почешется.

В этот момент Брайан каким-то органом почувствовал, что ничего хорошего из этой идеи не выйдет.

— Постой-постой. Ты говоришь, что Магистерий пришел из-за того, что боялся раскрытия своих тайн. И в ответ на это ты предлагаешь взять и раскрыть его тайны.

— Если сделать все правильно, то он ничего не успеет сделать.

— Или успеет.

— Сымпровизируем, — пожала плечами Лиза. — Нам не нужно будет его побеждать, только подождать, пока герои сами его скрутят.

— Делай что хочешь, но без меня, — отрезал Брайан. — В твоём плане дыра размером с Техас, и не одна.

— А если бы на моем месте была Аиша? Если бы нож оказался воткнут возле ее горла? Ты бы тоже начал юлить, м?

— Во-первых, прекрати использовать на мне свою силу. Во-вторых, не впутывай остальных в свою вендетту.

— Хочешь вечно зависеть от перепадов настроения нацистского ублюдка — твое право. Сегодня он прошел мимо, завтра ему опять моча ударит в голову и он сдерет с тебя и Аиши кожу, потому что ему что-то там показалось, — Лиза отшвырнула тампон и поднялась с дивана. — Я не собираюсь забиваться в угол только потому, что какой-то говнюк возомнил, будто вправе указывать мне.

Удалившись к себе в комнату, она тут же достала телефон и набрала номер второго самого ненавистного ей человека на свете, который сейчас, однако, был просто необходим.

— Да, мисс Ливси, — ответили с другого конца через несколько гудков.

Подавив вспышку ярости, она взяла себя в руки и ответила относительно спокойно:

— Босс, у нас проблема.

— Какого рода?

— Страж Магистерий этой ночью проник на нашу базу и недвусмысленно намекнул, что перережет нас всех, если мы не подчинимся его требованиям.

В трубке повисло молчание, которое сила Сплетницы тут же начала заполнять информацией.

Знает о двойной жизни Магистерия... не знает пределов силы... однажды Магистерий

стал помехой для его силы... боится связываться... хочет уничтожить, но не знает, как гарантировать успех... очень боится провала...

— Ничего не предпринимать, это не тот противник, который вам по зубам, — сказал Выверт через несколько секунд. — Что он потребовал? Работать на него? Покинуть город?

— Нет, только помалкивать о его связях в Империи-88. Впрочем, нет гарантий, что его аппетиты не возрастут. Я не склонна прибегать к насилию, но сейчас физическое устранение мне видится самым адекватным ответом.

— Если поступят новые требования — сообщите мне, возможно, будет проще их просто выполнить. Это будет оплачено по обычной ставке. Запрещаю как-либо провоцировать конфликт. Не попадайтесь ему на глаза, не планируйте дел на те дни, когда он не занят в больнице. По возможности, старайтесь не причинять вред Стражам, это может вызвать несоразмерную реакцию. И мне нужна информация о нем. Не мелкие шалости с Империей-88, а что-то серьезное. Во время рождественского приема у мэра он несколько минут разговаривал с одним подозрительным человеком, я пришлю вам фотографию и данные по электронной почте. Возможно, ваши способности что-то подскажут.

— Не склонны недооценивать противника, босс? — съязвила Лиза, но в душе она ликовала.

— Это высокоуровневый Технарь без явных ограничений, с сомнительной психической стабильностью и склонный впадать в неконтролируемую ярость. Малейшая ошибка может обернуться гибелью не только для вас, но и для всего города. Действуйте с предельной осторожностью, мисс Ливси. И если удастся выяснить что-то, чего мы еще не знаем, сообщите немедленно.

— Ладно, жду э-мейл. Надеюсь, устранение этого недоразумения не затянется надолго.

— Это зависит только от вас.

Отложив в сторону телефон, Лиза потянулась к ноутбуку. Письмо от Выверта уже мигало иконкой в углу почтового клиента, но сейчас ее интересовало другое. Открыв поисковик, она набрала запрос: «несмываемый маркер как смыть».

4.1 Плавление

12 марта 2011 года, Канберра

Сколопендра взобралась по простыне на мою койку и принялась с любопытством водить вокруг своими жвалами в поисках еды. Понятное дело, в выделенной для мобилизованного персонала палатке поживиться было не чем, так что голодное членистоногое, еще немного пошуршав для порядка, ретировалось также ловко, как появилось.

Часы показывали половину шестого по местному времени. Я перевернулся на другой бок и попытался снова уснуть. Две недели, проведенные в Австралии, научили меня относиться даже к самым отвратительным представителям фауны спокойно, даже немного по-буддистски. Зудевший над ухом москит словно услышал мои мысли и немедленно впился в щеку. Моя ярость от того, что он не дает мне выспаться, была так велика, что я не стал включать собранную на второй день тесла-мухобойку, даруя насекомому облегчение кармы через мученическую смерть, а позволил вдоволь напиться крови, и таким образом продолжить бесконечность страданий в цепи перерождения.

Где-то неподалеку полыхнула вспышка и раздался треск. Кто-то применил мощную стрелковую способность. Ночная смена продолжала свою работу и, судя по однократной вспышке, очередная бомба Симург только что была опознана, активирована и успешно утилизирована.

Атака Симург на Канберру продлилась около трех часов — самая короткая из всех. Мы даже не успели вступить в бой. Ровно в тот момент, когда модуль Дракон доставил команду героев Броктон Бей на место, она внезапно для всех бросила полусобранное технарское устройство неизвестного назначения, взмыла в небо и больше не показывалась. Причина такого поведения оставалась загадкой, но победу приписали Эйдолону и Легенде. Разрушения были сравнительно невелики, число непосредственных жертв едва перевалило за четырехзначное значение, а воздействие крика Симург длилось относительно недолго. Я подслушал совещание Дракон и Оружейника с лидерами команд Протектората, руководством СКП и уцелевшим австралийским правительством. Всем очень хотелось спасти город, который можно сказать почти не пострадал, но все были научены горьким опытом прошлых столкновений с Убийцей Надежды.

Я чувствовал себя будто облитым помоями. Упорная работа совместно с Кид Вином дала прекрасный результат, «Лотос» из неуклюжего, хотя и рабочего агрегата, превратился в универсальный регенерационный комплекс, способный за минуты стабилизировать, а за часы поставить на ноги человека из почти любого состояния. Даже управление свелось к нажатию Большой Красной Кнопки, его без опаски можно было доверить персоналу любого полевого госпиталя. Усилия пропали даром. «Лотос» не мог распознавать влияние Симург. Никто не мог.

Одним из немногих сколько-нибудь рабочих методов выявления «бомб» был ввод психики объекта в экстремальные состояния. Это не гарантировало успеха, но считалось, что таким образом можно отсеять больше половины зараженных. Возможно, случись атака на маленький городок, можно было бы организовать досмотр каждого жителя, но в Канберре проживало четыреста тысяч человек.

Я посмотрел на австралийскую столицу с высоты и от бессилия мог только скрипеть

зубами. Столько времени, столько труда... и Губитель просто так возьмет и сотрет с карты очередной город? Обречет сотни тысяч людей на участь хуже смерти? А если бы подобное произошло у меня дома?!

Возможно, сходство с Броктон Бей и сыграло решающую роль. Тоже прибрежный город, схожие размеры, тот же упадок из-за обвала морской торговли, хотя и не такой сильный как в Заливе. Я просто влез на частоту Дракон и сказал:

— У меня есть идея.

А Александрия просто ответила:

— Говори.

И я начал говорить. Потом вернулся к Оружейнику и набросал примерную схему. А потом один из немногочисленных уцелевших местных кейпов почесал затылок и сказал, что не ожидал наступления дня, когда Австралию придется спасти газовыми камерами.

Дракон осмотрела предложенную схему и выдала вердикт: двадцать часов на доставку необходимых материалов с континента, десять часов на возведение конструкций, не считая развертывания палаточных лагерей с прилегающими коммуникациями. Пропускная способность — до пятидесяти тысяч человек в сутки, но ориентироваться следует на двадцать тысяч, с учетом эксцессов, которые гарантированно будут. Даже если расценивать это испытание только как проверку первой инстанции, мы могли прогнать через газовые камеры все население затронутой агломерации за пару недель — достаточно, чтобы дать им шанс вернуться к мирной жизни, а не провести остаток дней в огороженном карантине.

Директорат СКП от предложенных мер пришел в ужас, всплыви подробности в СМИ это бы стало катастрофой. Герои, прежде имевшие дело с последствиями атак Симург, скептически хмурились, ибо понимали, что не может все быть настолько гладко. Но вот местные власти вцепились в предложенный план как утопающий в соломинку, и под их давлением Дракон неохотно, но начала претворять его в жизнь.

Пока она и прочие технари на подхвате возились с инфраструктурой, я потребовал для себя рейс со Странником до своей мастерской, забрать свое оборудование и записи, касающиеся психотропных составов. Я собирался спасти население целого города, погрузив его в неопиcуемый человеческим языком кошмар.

Спустя двадцать часов работы без сна и отдыха, к тому моменту, когда в фильтрационный лагерь начали прибывать первые эвакуированные жители, я мог сказать, что превзошел сам себя. Созданную мной смесь было страшно держать в руках, не говоря о том, чтобы давать ее людям. Может, оно и к лучшему, что от меня требовался только рабочий образец, Дракон же достаточно было провести анализ вещества, чтобы с поразительной скоростью наладить производство в промышленном масштабе. И когда система пришла в движение, занервничали даже первые номера Протектората, видевшие некоторое дерьмо.

Начиналось все с того, что на огороженную площадку под дулами автоматов загоняли на глаз около тысячи человек, а потом туда начинали закачивать газ. Площадка не имела потолка, его роль играло прозрачное силовое поле, которое не позволяло газу развеяться. Синтезированный мной состав, по сути, являлся сильно доработанной версией «ноктюрна». Его основным лейтмотивом был панический страх, но используя результаты своих многочисленных исследований как для проектов Гезельшафта, так и для психиатрии, я включил в него некоторые... дополнительные эффекты.

Сверху за всем этим наблюдали летающие стрелки, снабженные специальными

визорами, включенными в единую сеть, которой управлял аналитический алгоритм Оружейника при поддержке нескольких Умников. Их задачей было выявление случаев зомбирования и их немедленное уничтожение.

Спустя несколько минут газ удалялся с помощью вентиляции, взамен него в камеру закачивалась небольшая доза антидота и седативный агент, после чего из основной массы вычленили тех, кого аналитический алгоритм пометил как «выше среднего». Этим ждало пожизненное заключение в карантине, остальных же сгоняли в другую половину лагеря, где им предстояло провести еще несколько дней под присмотром вооруженного караула и Умников, прежде чем получить право на выход и крылатый штамп в документы. Тем временем с другого конца уже начинала готовиться следующая партия.

Можно сказать, механизм работал почти без сбоев, если бы не триггеры, которые случались почти каждый день. Именно они обеспечили большую часть сопутствующего ущерба. Впрочем, с ними не церемонились, и тоже уничтожали на месте. Оказалось, что герои, когда за ними в оба глаза не следило начальство и пресса, начинали проявлять свои способности... весьма находчиво. Даже творчески. Некоторые демонстрировали такие силы, которые из-за чрезвычайной смертоносности никогда не показывались на публике.

Вообще, мне не обязательно было оставаться, реши я вернуться сразу после развертывания лагеря, никто бы слова не сказал. Но я должен был взглянуть в глаза собственным страхам, и как-то искупить то, что наворотил ранее. Я сделал пару звонков домой — не скажу, что мои родители и Кэсси сильно обрадовались, но все же понимали важность этой работы. Я был благодарен им за это.

Когда я впервые пришел в больницу, когда впервые коснулся своей силой обреченного человека, мне казалось, что вот он, Ад. Тут смерть стоит за плечом, хрупкая машинерия поддерживает искорку жизни в теле, а единственные звуки — мучительные хрипы и попискивание аппаратуры.

Потом настала очередь психиатрической лечебницы, и оказалось, что в обычной клинике не так уж и плохо, а настоящий ужас — это утрата рассудка, распад личности.

Потом был Мехико, и я думал, что запах горелого человеческого мяса, крови и дыма никогда не перестанет преследовать меня в кошмарных снах.

После двух недель под Канберрой я понял, что в какую бы жопу меня не запихнула жизнь, всегда найдется еще большая жопа, так что ужасаться просто бессмысленно. Созданный Дракон с моей подачи конвейер был восхитителен, он завораживал своей гиперрациональной эффективностью. Иногда вечером, вымотанный за день, я просто наблюдал с высоты за процессом «высокоинтенсивной стрессовой проверки», как процедуру окрестили официально. Чем-то это напоминало переплавку металлолома, из которого в процессе удалялись вредные примеси.

Правда, до отстрела «бомб» меня, как несовершеннолетнего, все же не допускали. Я больше занимался случаями аллергических реакций на свой состав, профилактикой задействованного в полевом госпитале «Лотоса», а также помогал со снабжением — опреснительные установки, генераторы и пищевые синтезаторы требовались в огромном количестве.

Сон все равно не шел, так что я решил, что разлеживаться дальше смысла нет. Несколько секунд я размышлял, надевать штатское или костюм, но тут мимо палатки проехал грузовик, подняв волну жаркого воздуха, и я сделал выбор в пользу последнего. На дворе была середина марта, а значит в Австралии стояла до умопомрачения жаркая ранняя

осень. Я видел немало кейпов, переживших бой с Губителем, но сраженных тепловым ударом. Встроенный климат-контроль доспеха был необходим как воздух.

«Сирин» лежал рядом на куске брезента. В неактивном состоянии он казался всего лишь высокотехнологичной пародией на рыцарский доспех, обычной силовой броней, которую делал себе чуть ли не каждый второй технарь, но считать так было бы большой ошибкой. Истинное его изящество скрывалось от глаз. Правда, перед надеванием, все равно надо было вытряхнуть их него напоззших за ночь пауков и скорпионов. Вздохнув, я включил тесла-мухобойку и еще полминуты выгребал из доспеха дохлых членистоногих.

Когда я улегся в разверстый доспех, то сразу почувствовал себя намного комфортнее, чем на раскладной койке. Губчатая внутренняя подкладка доспеха приятно холодила кожу, а тонкие иглы нейроинтерфейса слегка покалывали, готовые прийти в движение.

— «Сирин» — активация! — скомандовал я твердо.

В этот момент произошло сразу множество событий. Миниатюрный микрофон распознал образец голоса и бортовой компьютер сличил его с записанным в памяти эталоном. Генетический сканер считал мою ДНК и также выдал разрешение. Несколько датчиков замерили биометрию — пульс, дыхание, давление, уровень стрессовых гормонов, мышечный тонус, волновые ритмы мозга. Все данные находились в зеленой зоне, так что они тоже дали свое «добро», но в случае критического отклонения, вызванного, к примеру, контролем Властелина, я бы не смог активировать «Сирин». Кому-то могло показаться странным, к чему такие меры предосторожности для обычной брони... вот только он предназначался для противодействия угрозам S-класса, а значит, сам находился в той же категории опасности.

Отдельные части доспеха пришли в движение, смыкаясь до полной герметичности. Иглы нейроинтерфейса впились в плоть, связывая воедино электронику и нервную систему. Краткие секунды боли и слепоты, пока бортовой компьютер загружает операционную систему и проводит тонкую настройку... и вот я един со своим доспехом. Могу бегом обогнать автомобиль, а в полете — реактивный истребитель. Могу раздавить одной рукой кирпич, а с помощью встроенных в предплечья фотокинетических бластеров — снести небоскреб. Могу увидеть в полете пулю и сосчитать количество пчел возле улья. Могу принять на грудь несущегося на полной скорости Крюковолка в боевой форме и не шелохнуться, пройти сквозь огненный шторм Лунга словно это утренний туман. Радиация, ядовитые газы и болезнетворные микроорганизмы для меня все равно что не существуют.

Серьезно, зачем нужны наркотики, когда такая мощь пьянит в разы сильнее?

Многое еще нужно было доделывать, доводить до ума, подгонять и настраивать. Наступательный потенциал пока ограничивался бластерами, которые были избыточно мощны для повседневных патрулей, но явно недостаточны против чего-то уровня Бегемота. Главная козырная карта «Сирин», Адаптивный Волновой Подавитель, до сих пор находился на стадии кучи разрозненных узлов, каждый из сотен его элементов приходилось выращивать отдельно и собирать вручную. Вдобавок, я не успел застать Симург, а значит у меня не было возможности как-то зафиксировать и изучить ее Крик, чтобы понять, можно ли его нейтрализовать или смягчить. Однако, вопреки всем трудностям и срывам сроков, базовый функционал был готов. Одним плавным движением я поднялся на ноги и вышел из палатки.

Несмотря на ранний час, деятельность в фильтрационном лагере не прекращалась. Над огороженной зоной палаточного лагеря, где содержались беженцы из Канберры, сновали

беспилотники и кейпы-летуны, готовые немедленно обрушиться на любое проявления зомбирования Симумрг. Куда-то ехали грузовики, вокруг бродили солдаты Сил Оборона Австралии из ночного караула, разносились объявления через сеть громкоговорителей. В отдалении от основной массы палаток возвышалась серая громада газовой камеры, вокруг которой был развернут усиленный кордон из армейцев и кейпов, и куда, прямо сейчас конвоировали следующую партию испытуемых.

Немного понаблюдав за рабочим процессом, я пешком направился к зоне снабжения, проверить, не вышли ли за ночь из строя собранные установки. Можно было и взлететь, но хотелось немного размяться. И не хотелось быть похожим на Славу, которая, похоже, считала стояние на земле обеими ногами не иначе как оскорблением. Встречающиеся по пути солдаты поглядывали в мою сторону с легкой настороженностью — впрочем, как и в сторону любого кейпа. Кейпы же приветствовали легким кивком, даже те, с кем я не был знаком. За прошедшие две недели мой доспех примелькался, да и секрета из того, кому вообще принадлежит идея «высокоинтенсивной стрессовой проверки», не делалось. Шила в мешке, как говорится, не утаишь.

Каскад опреснителей, снабжающий весь лагерный комплекс чистой водой, пока еще не барахлил, но профилактика определенно не помешала бы. Я взялся за инструменты, и только остановил одну из установок, как с краю ретинального дисплея замигал красный огонек — входящий вызов. Движением века я включил связь и принялся за настройку.

— Доброе утро, Магистерий, — раздался в наушнике женский голос с канадским акцентом.

— Добрый день, Дракон. Что-то случилось?

— Почему ты так решил?

— Если бы все было в порядке, вы бы не стали тратить время на одного Стража, верно?

— Не скромничай. Твоя роль в устранении последствий атаки значительна.

— Мое дело было предложить план, и создать для вас образец. Кстати, мы еще не знаем, насколько действенны наши усилия.

— Собранные статистические данные показывают достаточно высокую эффективность, чтобы этот метод применялся впредь как стандартная мера против Симумрг.

— Странно, что раньше не предлагали ничего подобного.

— Раньше не случалось столь удачное сочетание кратковременного воздействия и наличия под рукой нужных способностей. Опять же, весьма нестандартное решение.

— Крайне сомнительное с точки зрения этики и вызывающее непопулярные ассоциации.

— Не в большей мере, чем карантин. Спасти хоть кого-то лучше, чем запереть всех.

— Знаете, может я понимаю все слишком превратно, но каждый раз, когда меня берутся нахваливать, я начинаю ощущать близкую подставу. Вы точно звоните просто так?

— Не совсем. Я только что говорила с Оружейником и директором Пиггот. Тебя отзывают.

— Но мы даже не закончили с проверкой первого порядка!

— Протекторат не может так долго держать значительные силы на другом конце мира, — было слышно, как Дракон горько вздохнула. — Активность злодеев растет, пока столько героев отсутствует. Австралийцам придется справляться дальше самостоятельно.

— У нас тут триста тысяч человек, прошедших первую инстанцию! Что, бросим все на полпути?!

— Конечно, поддержка информацией и технологиями продолжится... — мне живо представилось, что Дракон сейчас грустно улыбается, сидя у себя в Ванкувере. — Не раскисай, Страж. К твоим способностям начало присматриваться высшее руководство СКП. Александрия лично отметила тебя в докладе директору Коста-Браун, она считает, у тебя есть потенциал. И ты не сможешь развивать его, если останешься здесь возиться с опреснителями.

— И конечно, это никак не связано с тем, что отсутствие Стража СКП не сможет прикрывать долго, и что «Молодежная гвардия» спит и видит, как бы вцепиться в кого-нибудь за падение посещаемости школы. Спорим на доллар, что Свинке просто сделали кусь и она забегала кругами?

— Ну, и поэтому тоже. Скажу честно, тебе задержаться-то позволили только потому, что это первый шанс по-настоящему дать отпор Симуругу, а твоя технология сыграла важную роль.

— Да я понимаю... но я не понимаю, почему отметили меня, но не отметили Кид Вина. Нынешний «Лотос» мы строили вместе, да и вообще, своим прогрессом я отчасти обязан его идеям.

— Он состоит в Стражах уже полтора года, и его прогресс не выглядел значительным. Как так получилось?

— Он лишь недавно нашел свою специализацию. Я думаю, что потенциально он не уступает мне. Я советую внимательнее ознакомиться с его проектами за последние три месяца.

— Это похвально, что ты заботишься о друге.

— Я не люблю, когда мои достижения принижают, но и чужие не присваиваю. Вопрос принципа, — я вытащил фильтр опреснителя и начал выбивать его на землю. — Ладно, закончу тут да пойду собираться.

— Забронировать тебе билет на рейс Сидней — Нью-Йорк?

— Спасибо, я своим ходом доберусь в разы быстрее и бесплатно. «Сирин» разгоняется до трех махов на прямой.

— Кстати про «Сирин». Я не нашла в твоих отчетах никаких данных о нем. Ты строил его тайно?

— Хотел сделать сюрприз.

— И на твоём выделенном бюджете это тоже не отразилось.

— Моя специализация даёт мне определённую степень независимости от капризов начальства, вдруг решающего урезать финансирование. Хотя конечно, кое-что пришлось добавить из собственного кармана, но тут спасибо контрактам с «Медхолл».

— И я все ещё не могу до конца понять, как именно он работает.

— Да вроде ничего особо сложного.

— И все же, ты не мог бы объяснить, хотя бы на словах? В первую очередь то, как в столь малый объём умещаются все задействованные системы? Даже Оружейник на такое не способен.

— А, ну так бы сразу и сказали, — я невольно расплылся в довольной ухмылке. — Это одна из моих лучших идей, если не самая лучшая. Понимаете, на самом деле «Сирин» — очень большая, очень сложная и очень громоздкая штука, типа «Гандама». Даже не одна, а сочетание множества слабо взаимодействующих между собой технологий, которые практически невозможно было объединить в одном корпусе, если производить сборку в

рамках трехмерного пространства. И то, что надето на мне — это просто махонькая верхушка айсберга. Все остальное рассовано по пространственным карманам, из которых торчат лишь соединительные клеммы.

Дракон издала странный звук, в котором я с долей удивления опознал сдавленный смех.

— Я так и подозревала. А Оружейник, похоже, проиграл спор. Без сомнения, довольно изящное решение. Но разве столь сложная конструкция не потребует уйму времени на обслуживание?

— Есть такое, — признался я. — Но я все равно строил его против угроз А-класса и выше, так что вряд ли буду пользоваться им каждый день. Кроме того, узлы в пространственных карманах защищены от любых физических воздействий и подавляющего большинства способностей, им не грозит получить повреждения, даже если внешняя часть «Сирина» будет полностью уничтожена, а уж делать износостойкие детали я умею.

— Если внешняя часть твоего доспеха будет уничтожена, то же самое случится и с тобой. Постарайся не рисковать до такой степени, я все еще надеюсь через два года увидеть тебя в рядах Протектората.

— Я не собираюсь переходить в Протекторат.

— Прости?

— Можно долго объяснять, но скажу кратко. Во-первых, у меня нет желания терпеть очередного тупоголового самодура в качестве начальника. Я уже сыт по горло Свинкой, и будет чудом, если за оставшееся время я смогу удержаться от ее убийства. Во-вторых, у меня нет желания тратить время на всякую ерунду вроде патрулей и пресс-конференций.

— Объясни, чем вызван твой конфликт с директором Пиггот.

— Она сумасшедшая. Она ненавидит паралоюдей. У нее после Эллисбурга совсем крыша поехала, а вместо того, чтобы запереть в дурке, ее назначили директором. Если остальные директора хотя бы на половину на нее похожи, я с ними не желаю иметь дел никогда в жизни.

— Не знаю, что тут посоветовать. Насколько мне известно, Эмили Пиггот регулярно успешно проходит психологическое тестирование. Может, стоит сменить команду, отправиться в другой город? Уверяю, посты в СКП занимают очень разные люди.

— С какой стати мне менять город? Я там с рождения живу, и мои товарищи мне нравятся. Может, лучше нашему психованному директору выписать путевку в палату с мягкими стенами?

Дракон какое-то время молчала, пока я собирал воедино разобранный и прочищенный опреснитель. У меня не было идей, зачем она связалась со мной на самом деле — не поговорить же по душам, в самом деле — но все равно ее внимание льстило, а общаться с ней было по-человечески приятно. Ну, немножко завидно свойству ее силы, убравшему потребность в сне.

— То есть, ты поставил крест на Протекторате только из-за директора Пиггот?

— А еще потому, что Протекторат — это беззубая и бесполезная организация, смешивающая функции патрульной полиции и модельного агентства, причем нормально ни с одной из ролей не справляется. Когда в нем появится подразделение типа ФБР или АНБ, где к удостоверению прилагается лицензия на убийство, я подумаю. А пока я склоняюсь к независимой карьере... Хотя Гильдия мне кажется компромиссным вариантом. Над вами нет прямого руководства со стороны СКП, и вы заточены под противодействие международным угрозам.

— У нас крайне жесткие требования, — мягко ответила Дракон. — Международный уровень означает, что придется постоянно противостоять соответствующим угрозам. Таким, как знакомый тебе Лунг, но не сидящий безвылазно дома, а очень деятельный и агрессивный.

— То есть у меня еще целых два года, чтобы наработать достойное резюме, — хмыкнул я. — Серьезно, вы же не надеялись напугать меня трудностями?

— Только постарайся не пристрелить директора Пиггот, — отшутилась она. — Даже если она не самый приятный человек на свете. Поверь, я тоже иногда прихожу в бешенство от приказов, которые мне поступают.

«Странно, что вам вообще кто-то приказывает», — подумал я про себя, но вслух сказал другое:

— В таком случае, пойду собирать вещички. Путь займет где-то пять часов, так что из-за разницы в часовых поясах я прибуду в Броктон Бей только поздно вечером.

— Удачи, Магистерий, — сказала Дракон и отключилась.

Я оценивающе окинул взглядом ряды опреснительных установок, перевел внимание на генераторы и решил сначала уделить внимание вторым. Опреснители были настолько примитивны и просты, что ломаться там было почти нечему, только иногда вытряхивать фильтры. А вот генераторы пришлось собирать из того, что смогли привезти из Сиднея, что не нравилось моей силе, и стабильности им не доставало. Надеюсь, после моего отбытия другие технари справятся с обслуживанием.

Вот только не успел я взяться за работу, как на ретинальном дисплее снова замигал вызов, на этот раз от генерала Как-его-там-блять-забыл, командующего австралийскими войсками, задействованными в лагере.

— Магистерик, хлопец, здоровенькі булы. А я тебе шукаю везді.

— Доброе утро, генерал. Меня отзывают обратно в Штаты, так что я напоследок решил проверить, все ли в порядке, — ответил я, стараясь заглушить рвущийся из груди вопль.

— О, це добре. Слухай, в фільтраційній камері вникла якісь проблема, можеш подивитися?

Я не хочу, не могу это больше слушать, боже, обрати меня в камень!

— Ладно, сейчас прибуду.

— Добре, докладуй коли закінчиш.

Отключив связь, я испустил в небеса вой, исполненный невыразимой языком смертных муки. К счастью, звукоизоляция шлема не позволила услышать его никому, кроме меня.

Плевать на Симург, плевать на фильтрационный лагерь, до неприличия похожий на реинкарнацию Аушвица, плевать на бесчисленных смертоносных тварей из местной фауны.

Истинной пыткой было слушать австралийский диалект.

Есть такая штука — закон убывающей полезности.

Если опустить заумную академическую формулировку, то выглядит это примерно так: когда ты голоден и съедаешь бутерброд, то наслаждаешься. Второй бутерброд доставит меньше удовольствия. Десятый вызовет только отвращение.

Тоже самое относится к полетам. Положа руку на сердце, у меня не было большого опыта в этом деле, поскольку прежде я летал только с помощью своей мантии и только по городу. Во время австралийской командировки я в свободное время гонял «Сирин» на разных режимах над океаном, или просто мотался в Сидней, чтобы поужинать чем-нибудь

нормальным, а не армейскими пайками, которые не лезли в горло уже на четвертый день. В любом случае, дистанции были маленькими, а продолжительность невеликой.

Трех-с-половиной-часовой перелет над Тихим океаном дался настолько тяжело, что увидев отдалении Западное побережье, я обрадовался как какой-нибудь древний моряк, заметивший сушу после недели штиля. И стоило мне добраться до него, как я немедленно рухнул на берег и обессилено растекся на нем, разминая затекшее тело и ощущая, как отступает приступ тошноты. Раньше я не замечал, чтобы меня укачивало в транспорте, но с другой стороны, раньше я не летал на сверхзвуке в технарском доспехе.

Я вот думаю — а Александрия или Эйдолон что-то такое себе позволяли? Ну то есть отринуть всю свою серьезность и вечный груз ответственности, и несколько минут просто поваляться на диком пляже, для пущего свинства не снимая плащ?

На какой-то момент у меня возник соблазн сделать крюк и заглянуть в Лос-Анджелес, но по здравому размышлению от этой идеи я отказался. Делать мне там было нечего, и вряд ли местные кейпы приняли бы залетного радушно, а ввязываться в драку на ровном месте мне было не с руки. Пришлось снова взлетать в стратосферу и брать разгон на северо-восток, навстречу стремительно темнеющему горизонту.

До Броктон Бей я добрался, когда уже было совсем темно. Я спустился до трехкилометровой высоты и сбросил скорость до дозвуковой, после чего прошел над южными районами, развернулся над заливом и продолжил снижение, двигаясь с севера на юг. Где-то внизу полыхнул взрыв, засверкали белые вспышки. Я невольно улыбнулся. Дома все как обычно.

Замедлившись до ста километров в час, я смог активировать поляризационное поле, и рассмотреть битву без спешки. В центре побоища находились Лунг и Чистота. Первый скакал по крышам домов и швырялся длинными струями огня, а Чистота держала дистанцию и вела непрерывный обстрел. Ситуация выглядела патовой, потому что Чистота была слишком быстра и маневренна, чтобы ее задело, но при этом не могла вложить в свои атаки достаточно мощи, не рискуя снести к черту жилой квартал. Лунг тем временем вырос до трех с половиной метров, и затянуть бой еще дольше означало нажать действительно серьезных проблем.

Возможно, влезать было не слишком мудро, но даруемая «Сирином» мощь искушала авантюрами. Улучив момент, когда Лунг задержится на одном месте, я достал из пространственного кармана меч и обрушился на него сверху, отняв правую руку у самого плеча. В ту же секунду я взял Дракона Кюсю в удушающий захват, и со всей мощи двигателей рванул к воде

— Эй, ящерица! — проорал я ему в ухо. — Пошли купаться!

Тот в ответ прорычал что-то невнятное, и рывком вырос еще больше. Оставшейся лапицей он попытался дотянуться до меня, и пришлось продырявить ее бластером. А когда мы оказались над океаном, я просто уронил его вниз.

Вверх взметнулись клубы пара, но бороться с миллионами тонн ледяной воды не мог даже Лунг. Я пожал плечами и полетел обратно. Дно тут мелкое, регенерация у Лунга адская, новую руку он отрастит к утру, даже вряд ли простудится. Разве что, хи-хи-хи, гордость немного подмочена.

— Я бы справилась и сама, — гордая и безжалостная Чистота отличалась от добродушной Кайдэн Андерс как небо и земля. — Но все равно спасибо. Могу я узнать, с кем имею дело?

— Здрасьте. Отлучился на пару недель и уже в родном городе не признают, — я поднял перед собой меч и позволил его лучше рассмотреть.

— Ох... — она инстинктивно отстранилась, хотя и прекрасно знала, что меня ей опасаться нечего. — Тогда не буду мешать.

— Спокойной ночи, — я слегка кивнул, и Чистота скрылась в небе, мгновенно превратившись в далекую искру.

Я проводил ее взглядом и нахмурился. Почему-то Лунг был один. Ни сопровождающей свиты боевиков, ни Демона Ли, ни Торы. При мысли о последней грудь и живот, безжалостно разорванные два месяца назад, отозвались фантомной болью. Это был удачный эксперимент, слишком удачный, на самой грани катастрофы. Мне тогда казалось, что я создал достаточные меры предосторожности, но не учел какой-то неуловимой мелочи, что едва не стоило мне жизни. На последних каплях крови в жилах, я смог дозвониться до Кристал, и та примчалась как на пожар, неся с собой в пузыре силового поля полусонную Эми. Им двоим я был обязан жизнью, и не знаю, смогу ли когда-нибудь вернуть долг.

Свинка не была бы Свинкой, если бы что-то предприняла по этому поводу. Тот факт, что неизвестный кейп напал на Стража и практически убил его, она пропустила мимо ушей. Зато назначила мне дисциплинарное слушание за нахождение в костюме в позднее время суток в неполюженном месте. На то, что АПП через несколько дней получили усиление в виде довольно мощного Оборотня-Эпицентра, она, вероятно, отреагировала, но Стражи этого практически не заметили, кроме предписания не вступать с Торой в бой, и немедленно отступать.

Скажу честно, не больно и хотелось, и... тут всегда было столько мух? И ос. И пчел. И двигаются как-то слишком... Ох, черт!

Я с места рванул вверх, даже не утруждаясь включать маскировку. Неестественное поведение насекомых, скорее всего, вызвано контролем Властелина, а он должен иметь обратную связь с миньонами. Насколько помню, насекомые чувствуют тепло и запахи, невидимостью их не обманешь. Из предплечий доспеха выдвинулись бластеры, сенсоры шарили по округе в поисках угрозы.

Двести метров на юг. Переулок.

Ощувив мое приближение, неизвестный кейп побежал прочь. Ну, по крайней мере у него нет рейтинга Движка. Я сделал переворот в воздухе и рухнул вниз, правое колено болезненно заныло. И, рассмотрев кейпа, выругался под шлемом. Темно-серый костюм полностью скрывал лицо и тело, но густая копна вьющихся каштановых волос была слишком приметной. Не говоря об устрашающей пульсации Corona Pollentia, пустившей корни во всем объеме мозга. Гудящий рой собрался вокруг меня в одну огромную гудящую тучу, без сомнения, готовый атаковать как единое целое. Впечатляющая степень контроля. Она оперирует цельными образами, которые формируются из массы насекомых?

Заметка — запросить информацию у полиции о пропавших без вести. Проверить регистратуры больниц, много ли было за последние две недели случаев с укусами пауков и ос.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Злобный голосок на краю сознания нашептывал, что лучше убить ее сейчас, чем позволять безумному Повелителю Мух шататься по городу с непонятными целями. С другой стороны... что бы там ни оставалось от ее прежней личности, ей хватило здравомыслия сделать костюм и не убивать всех подряд. Во всяком случае, когда я в последний раз видел Софию, она была более чем в порядке. Я

медленно убрал оружие и постарался принять менее угрожающую позу.

— Извини. Кажется, я тебя напугал, — я попытался припомнить собственный опыт первых встреч с другими кейпами, и старался держать дистанцию и не провоцировать.

— Не, все норм, — она помотала головой. Я себя накручиваю или у нее какая-то противоестественная моторика? — Я за хороших парней, если что.

Рой перестал угрожающе гудеть и растекся по темным углам, однако я все еще ощущал близкое присутствие сотен килограммов органики и хитина. У нее что, вообще нет лимита на количество миньонов? Властелин-5, не меньше, и Умник-1 просто по умолчанию.

— Да ладно, можешь не прикидываться, — я пожал плечами. — Я в любом случае не собираюсь с тобой драться: сейчас не мое дежурство, и в этом доспехе нет нелетального оружия. Первый раз, да?

— Ага... я думала, что смогу поймать Лунга.

Чокнутая. Как есть. Я мог без особых проблем убить Лунга, если он не слишком сильно вырос, но не захватить его живьем. Лучшие мои транквилизаторы ему были что водичка, пена тоже не могла его удержать. Был вариант отрубить руки и ноги... Оружейнику мой план почему-то не понравился.

— Знаешь, пианисты сначала учат гаммы, а только потом играют «Лунную сонату». В свой первый выход я отправился в обычной куртке и сувенирной маске, а закончился он тем, что меня чуть не сожрали мутанты Адской Гончей и мне пришлось с позором бежать. Потренируйся на Крюковолке... хотя не, тоже плохая идея. О, не думала поймать Неформалов?

— А кто это? Тоже суперзлодеи?

— Ну да. Обитают где-то в десяти кварталах отсюда на север, точнее не скажу. Они не слишком опасны, но назойливые как комары. Ты их узнаешь сразу: у них есть нигер-байкер, педик, блондинка с шикарной жопкой и мужеподобная зоофилка. Последнюю остерегайся, ей человека убить проще, чем вскрыть банку собачьего корма.

— Хорошо, я попробую их разыскать, — она на секунду запнулась. — Можешь дать мне свой номер телефона?

— Эээ... ч-чего?! Зачем тебе?!

— Чтобы я могла сообщить, когда их поймаю. Зачем еще?

— А, это... фух... сейчас, где-то у меня были визитки... — я протянул ей одну, дополненную моей эмблемой из двух кругов, квадрата и треугольника, вписанных друг в друга. — Только давай не сегодня. Я только что пять часов провел в воздухе, до этого две недели без выходных вкалывал в Канберре, и сейчас мечтаю только о кровати без сколопендр и скорпионов.

— Ага, я про это слышала. По телевизору говорили и в интернете писали.

Бля.

— И... и что в них говорили? А то я за новостями не особо следил.

— Что ты построил концентрационный лагерь для жертв Симург.

Бля-бля-бля...

— Фильтрационный вообще-то, это другое. И я его не строил, только идею предложил. Больше ничего не говорили?

— Про тебя не особенно, только то, что твой прадедушка во время Второй Мировой служил в СС. Было много интервью с теми, кто прошел лагерь, все жаловались на непомерное жестокое обращение, — ее голос оставался ровным, почти монотонным, но рой вокруг снова

пришел в движение, наполнив воздух скрежетом и гудением. — Одна женщина рассказывала, что ее с ребенком и еще тысячей человек затолкали в какую-то камеру, а потом пустили газ от которого начались страшные галлюцинации. И что кейпы, которые наблюдали сверху, просто убили несколько человек в толпе.

Блять. Я урою нахуй Свинку. Это уже не просто черный пиар, это почти нарушение тайны личности. А австралийцам следовало следить за тем, кто и у кого берет интервью, черт побери!

— Все верно, по этой методике мы распознавали тех, кого Симуург зомбирovala, запрограммировала на разрушительное поведение и превратила в свои «бомбы». Сильный эмоциональный шок заставляет «бомбу» срабатывать и тогда ее можно уничтожить. И прежде обвинять меня, учти, что в противном случае все четыреста тысяч оказались бы заперты навечно в карантине. Так же, как это было у нас, в Мэдисоне пару лет назад. Благодаря этим мерам мы смогли спасти более семидесяти процентов, дать им шанс на нормальную жизнь. А эти неблагодарные свиньи просто берут и херят наш труд!

— Может и так, я не знаю подробностей, и сужу по тому, что видела и читала. Просто я немного не так представляла себе работу героя.

— А что ты представляла? Что мы по пять раз на дню обрушиваемся с небес на похитителей дамских сумочек, спасаем котят с деревьев и находим краденные сладкие рулеты?

— Эээ... ну... если опустить подробности...

— Я уже объяснял это своим родителям, которым не понравилось, что я вызвался на бой с Бегемотом в ноябре прошлого года. Есть вещи хорошие, есть вещи плохие. А есть такие, которые просто нужно делать. И раз уж в лотерее сил я вытянул джек-пот, то я делаю эти вещи, потому что не делать их нельзя. Даже если иногда это выглядит... неподходяще для обложки.

— А твой прадедущка правда служил в СС?

— Пожалуй, это я не буду ни подтверждать, ни опровергать. И то и другое может косвенно указать на мою личность, а ты не только не из моей команды, но я даже не знаю твоего имени.

— Я так и не смогла его придумать, — Тейлор махнула рукой, указывая на клубящиеся вокруг облака мух, ос и пчел. — Не знаю, как выбрать имя, связанное с насекомыми и при этом не выглядеть злодейкой, или полной дурой.

— Хочешь совет? Даже денег не возьму.

— Эээ... ну давай.

— Выбирай любое понравившееся и не парься. Вон у Дракон имя звучит жутковато. Но ее все уважают, потому что она супер-технар, да и просто поговорить с ней приятно. Хм... как тебе вариант Шмельдведь? (*игра слов, английское Bumblebee («шмель») и Bumblebear*)

— Нет! Ни за что! — почти выкрикнула Тейлор. — Это тупо!

— Не тупее, чем Мышь-Защитница. Зато представь позор и унижение твоих врагов, которых победит кейп с настолько несерьезным именем.

Не знаю, сколько бы мы еще разговаривали, но тут ожила рация в шлеме. Оружейник.

— Магистерий, что за задержка? Ты должен был прибыть еще полчаса назад. Неисправность в снаряжении?

— Нет, сэр, все нормально. Просто по дороге меня пару раз укачивало, приходилось делать незапланированные остановки. Я буду в Штабе Протектората через пару минут.

— Хорошо, не медли, — сказал он и отключился.

— Ну, вот и поговорили... — я выдвинул из доспеха двигателя и приподнялся над землей. — Ладно, удачи тебе на твоём пути, куда бы он ни вел. И мой тебе совет, как технаря — дополни чем-нибудь защиту. Сейчас твой костюм неплохо защищает от ножей, но пули сделают бо-бо.

Я взял курс на пузырь силового поля, украшающий залив. Излечить странное безумие Эберт было мне не под силу, но я надеялся, что смог направить его в конструктивное русло.

13 марта 2011

Воскресное утро началось для меня в половине одиннадцатого — настоящая оргия праздности, с учетом моего обычного строго расписания. Нахрен. Имею право. В понедельник мне разбираться с Пиггот, так что буду копить силы и придумывать самые мучительные способы умерщвления.

Я собрался с духом и отпихнул в сторону одеяло и стек с кровати. Вчерашний пятичасовой полет и скоротечная схватка с Лунгом все еще отзывались в ноющих мышцах, но это было поправимо. Починить самого себя для меня давно не составляло проблем. В самом деле, какая разница, из чего сделан механизм, из стали или углерода?

Одевшись и выйдя из комнаты, я обнаружил, что папа успел куда-то уехать, а мама сидела в гостиной и смотрела новости по телевизору. Тема с Австралией и не собиралась затухать, что не удивительно, потому что прогон беженцев через ВСП должен был завершиться только сегодня, и диктор упоенно вещал с экрана о том, не слишком ли много берет на себя СКП, прибегая к подобным мерам.

— Как мы все помним, после первых атак Симург некоторые правительства прибегали к стигматизации пострадавших, причем в прямом смысле. Речь идет от татуировках в виде лебедя, которые принудительно наносились всем, кто оказался в зоне действия крика. Данная практика была встречена в штыки общественностью, доходило до того, что многие сочувствующие делали себе аналогичные татуировки, в знак солидарности с жертвами Симург. В конечном счете, от клеймения вскоре отказались, заменив его возведением карантинных зон, что, согласитесь, более гуманно, нежели объявлять десятки и сотни тысяч людей неприкасаемыми. Однако сейчас мы видим, что СКП продолжает экспериментировать с сомнительными методами — такими, как возведение фильтрационных лагерей и использование сильнодействующих психотропных веществ на людях, чья вина не доказана...

— Ну и уроды, — произнес я вслух.

— О, Конрад, доброе утро, — мама обернулась. — Не стоит злиться на людей за то, что они идиоты.

— Утречка. Если бы я злился на идиотов, от этого города бы давно остался только радиоактивный кратер. А этот напудренный урод готов похоронить ценную инициативу ради скандала на пару недель. Взять бы его за шкуру, да высадить в центре Мэдисона, раз пребывание там так гуманно.

— Ммм... ты ведь не собираешься на самом деле так делать?

— Нет, конечно. Прямое насилие — это не наш метод. Но это не значит, что я просто промолчу.

— Ох, лучше оставь это руководству, они с этим постоянно сталкиваются.

— Что-то у меня нет доверия этому руководству.

Если дотронуться пальцами до груди, через тонкую ткань майки прощупывались длинные и широкие рубцы шрамов. Силу Тора получила мощную — словно было мало мгновенной трансформации в огнедышащего стального тигра, она вдобавок ослабляла вокруг себя другие силы и вносила помехи в технарские устройства. Ошейник с взрывчаткой просто вышел из строя. Лазерный пистолет перегорел после двух выстрелов. Мантия только

бесполезно искрила, не создавая подъемной силы. Толк был только от меча — не моего обычного Изумрудного, а Рубинового, который я взял на грязное дело. Его дезинтеграционная кромка не сработала, но он сам по себе оказался достаточно твердым и острым, чтобы выколоть Торе глаз, из-за чего она сбежала. Правда, к тому времени успела меня буквально выпотрошить, так что победой это считаться не могло. Я не умер только из-за того, что она не обходила эффект Мантона, и введенный заблаговременно боевой коктейль позволил мне дожить до прилета Кристал и Эми.

Больше, чем мощь новоявленного кейпа, меня поразила только реакция Пиггот. Я мог смириться с некоторым... пристрастием в свой адрес. Мог терпеть попытки задвинуть меня в самый темный угол или подловить на каком-то нарушении. Я к этому привык, и платил той же монетой — через провокационные посты на ПЛО и двусмысленные фразочки при общении с прессой. Но, черт побери, нападение на Стража с почти летальным исходом должно было заставить хоть что-то шевельнуться в душе даже у этой бюрократической жабы!

Вот только не заставило.

В приватной беседе она мне объяснила, что нападение на Стража — это проблема, но то, что Страж занимался непонятно чем на территории банды глубокой ночью, в костюме — это проблема не меньшая. Конечно, можно дать делу ход, огрести от непосредственного начальства, Молодежной Гвардии и всех сочувствующих, но в таком случае неизбежно возникнут вопросы и к самому Стражу. И кто знает, на что сумеет выйти полномасштабное расследование с привлечением штатных Умников Протектората.

Из-за собственной недостаточной подготовки я не только чуть не погиб, но и Пиггот играючи объявила мне шах. Я был готов пойти на гамбит, рискнуть раскрытием связей с Империей-88 и свалить все на Кайзера, якобы держащего в заложниках моих родителей. Но крыть свою совместную работу с Гезельшафтом мне было нечем. И, что хуже, сама моя реакция давала понять, что у меня в шкафу есть скелеты покрупнее, чем притянутые за уши контакты с суперзлодеями.

— Кстати напомни, чем меня прикрыли в школе? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Официально тебя отстранили от занятий за мелкое хулиганство.

— Шикарная легенда для отличника. Что за идиот это придумал?

— Ну, они пустили слух, что ты подрался с бандами и чтобы тебя не поймали возле школы, тебе и выписали отстранение. Этот мальчик из твоего класса, Крис, даже домашние задания приносил.

Я только хмыкнул, представив, что случилось бы, столкнусь я с кем-то из банд по-настоящему. Интересно, кто-нибудь успел бы позвать на помощь?

— Ладно, пойду поем чего-нибудь.

— Конрад, скоро нужно будет уехать на полдня, сможешь побыть дома, пока не придет горничная?

— Хорошо.

Она подозрительно прищурилась.

— Какой-то ты покладистый сегодня.

— Я две недели провел в обществе скорпионов, гребнистых крокодилов, бомб Симург, ядовитых пауков, ядовитых змей, австралийцев и эму. Теперь хочу просто отдохнуть.

— Ааа... разве эму настолько страшные?

— Они ужасны. Это единственный вид на земле, который сумел победить в

объявленной людьми войне.

Я прошел на кухню и принялся копаться в холодильнике, собирая завтрак... или скорее уже ланч. Попутно я размышлял о последствиях, которые повлекло появление Торы, ведь с таким усилением АПП смогли дать отпор начавшей расширяться Империи. Более того, азиаты сами начали наглеть, повышали градус насилия, от участвовавших перестрелок до дебошей в прежде цивилизных районах и школьных драк.

Хотя Тора не имела такой адской регенерации как Лунг, а ее основной рейтинг угрозы оценивался как Оборотень-4, подкласс Козырь-4 делал неэффективными обычные средства сдерживания. Сама пена на ней кое-как держалась, а вот сами распылители начинали в лучшем случае барахлить, в худшем — взрывались прямо в руках оперативников, надежно их запаковывая. Оружейник явно эмоции не демонстрировал, но мы с Кид Вином замечали, что он был в бешенстве — потому что появился противник, кроющий его на собственном поле. Для эффективного противостояния Торе требовалось либо мощное конвенционное оружие, либо стрелковые силы с большой дальностью, тогда как Протекторат ВСВ был преимущественно ориентирован на ближний бой. Мисс Ополчение могла удерживать ее на расстоянии, поливая огнем из крупнокалиберного пулемета или противотанкового ружья, Кид Вин корпел над своей Универсальной Энергетической Пушкой, я подготавливал детали для рейлгана, а вот на прозрачный намек, что стоит скооперироваться с Чистотой, Пиггот ответила злыми директорскими звуками.

Я уже говорил, что у меня поразительный талант плодить проблемы? Нет? Ну, тогда говорю сейчас.

Так или иначе, уроки из случившегося я извлек. Едва оправившись, я отправил письмо в Европу с уведомлением, что наше сотрудничество приостанавливается из-за несоразмерных рисков лично для меня. К нему прилагалась большая часть собранных данных, закрывающая мой долг. Большая — но не вся. Я подошел к делу ответственно, привлек к делу не только обычные средства наблюдения и то, что изобрел сам, но и некоторые разработки Оружейника, и даже кое-чего прикупил у Элита. Последний немного занервничал, когда я в своем «темном» облике постучал к нему в мастерскую, но пачка долларов и пары «форнеуса» быстро избавили его от сомнений. И результат превзошел все ожидания.

Данные телеметрии указывали на то, что в момент триггера формировалось что-то вроде канала связи между измерениями, который оставался открытым на протяжении всей жизни кейпа. При этом между моментом начала триггера и переходом силы в обычный режим функционирования в течение нескольких секунд фиксировалась какая-то совершенно невообразимая активность и циркулирующая сумасшедшего объема информации, на много порядков превышающая такие показатели у кейпов в спокойном состоянии. Выглядело это так, будто кто-то решил одним махом загрузить себе весь Интернет. Выводы из собранных данных я сделал следующие:

Во-первых, источниками сил были некие объекты, скрытые в недостижимых для нас измерениях или реальностях.

Во-вторых, данные объекты обладали вычислительной мощностью, превосходящей все мыслимые возможности нашей цивилизации. Даже объединив в единый кластер все суперкомпьютеры, домашние компьютеры, смартфоны и карманные калькуляторы, мы бы и на шаг не приблизились к обработке таких объемов информации, на которую были способны условные «демоны».

В-третьих, из этого следовало, что они обладают очень большими запасами энергии, а

значит и массой.

В-четвертых, «демон» и парачеловек взаимодействуют через защищенный канал связи, существование которого можно обнаружить только по косвенным признакам, но если уж удалось обнаружить, то в его работу, в теории, можно вмешаться.

Последний пункт открывал такие перспективы, что сначала у меня захватило дух от восторга, а потом от страха. Не удивительно, что пересылаемые Гезельшафту данные я тщательно отредактировал, вымарав все, что указывало на возможность такого вмешательства. Самую ценную информацию я оставил для себя, и что-то мне подсказывало, что это мое первое абсолютно правильное решение за долгое время.

Результаты исследований послужили вдохновением для многомерной технологии, позволившей превратить довольно громоздкую пилотируемую меху в изящный, почти облегающий доспех, не потеряв характеристик. А также легли в основу проекта «Яркая девочка», названного так, чтобы никто не догадался о его сути. По сути, мне не требовалось ломать голову, как создать временную петлю. Мне нужно было только поймать передающую частоту нужного «демона» и достучаться до него. Все просто. В теории.

На практике это означало, что мне нужно изучать силу в ее непосредственном проявлении, желательно при содействии ее законного владельца, выискивать нужные волновые сигнатуры и методом проб и ошибок подбирать отмычку. Я попробовал проделать подобное со Штурмом, и отчасти это даже сработало, хотя в области тупых шуток он мог поспорить со Стояком, что делало процесс исследования утомительным. Но вот нужный мне кейп был двадцать лет как мертв, к всеобщему облегчению.

В отличие от его жертв.

По всей стране стояли сотни тщательно изолированных чехлов, огороженных, обнесенных оградой, под которыми несчастные, оказавшиеся на пути Серого Мальчика, продолжали кричать. Возможно, если бы удалось получить доступ к одной из петель, то я смог бы собрать достаточно информации. Раньше о таком я не мог и мечтать. Теперь... теперь можно было рискнуть и поднять вопрос официально. Пиггот может сколько угодно пакостить по мелочам, но раз теперь я оказался на счету у ее собственного начальства, то ведь могу ожидать хоть какого-то содействия, верно? Особенно если пообещать освобождение заключенным во временных петлях. Вряд ли это получится, но с меня и спроса никакого — за столько лет зубы на них должны были обломать все, кому не лень.

Грохнув на стол тарелку с хлопьями, бутерброды и отмеренные дозы всех необходимых препаратов, я достал смартфон и набрал Кэсси. Ждать ответа пришлось долго.

— Алё, — буркнуло в трубке сонно и угрюмо.

— Привет, милая, что у тебя с голосом? Ты опять всю ночь гоняла героев по улицам?

— Симург тебе милая! — рывнула Кэсси так, что мне пришлось отстранить телефон от уха. — Свалил на край света на две недели, ни разу даже не позвонил!

— Я был в Австралии, и...

— Ага, в Австралии он был! А где ты был, когда Штурмтигра и Цикаду чуть не сжег Лунг?! Где ты был, когда Оталу чуть не разорвала эта сумасшедшая тигрица?! Почему каждый раз, когда нам нужна помощь, ты вдруг вспоминаешь, что за океаном надо котенка с дерева снять?!

— Слушай, я же объяснял, что это важное...

— Про свои важные дела иди Лазершоу рассказывай, или Панацее, или с кем ты там спишь! Что, в герои с концами перекрасился?! Да, да, пошли мы нахуй?!

— Кэсси, да что...

— Иди в жопу!

Раздались короткие гудки. Я оторопело посмотрел на смартфон в руке, будто он мог мне объяснить, что сейчас произошло. Кусок пластика молчал, и я просто отложил его в сторону. А потом уронил голову в ладони.

Как так вообще? Это неправильно!

Ведь все было отлично, когда мы виделись последний раз!

Я думал, она понимает, насколько важно противодействовать Губителям! А она...

...вовсе не обязана думать так же, как и я.

Мелькнувшая мысль отрезвила, и погасила зарождающуюся обиду в зародыше. Подумав еще немного, я решил разобраться с этим позже, все равно названивать Кэсси сейчас бесполезно. Вместо этого я быстро смешал дозу «мистера Хайда» и выпил залпом.

Несколько секунд я ждал, пока стимулятор подействует, после чего подхватил завтрак и пошел к себе в комнату. Не так давно я заметил, что «мистер Хайд» стал действовать на меня слабее — в том смысле, что я уже не ощущал, что превращаюсь в другого человека. Однако смятение, страх и шок, вызванные резкой отповедью Кэсси, просто испарились. «Мистер Хайд» освобождал от всего — в том числе от привязанностей.

У себя в комнате я поставил тарелки на стол и включил компьютер. Потом открыл браузер, без интереса скользнул взглядом по новостным заголовкам на стартовой странице и открыл «Паралюди Онлайн».

Добро пожаловать на форумы «Паралюди Онлайн»!

Вы вошли в систему как **Magisterium**.

Вы просматриваете:

— Темы, созданные за последние **три** дня.

— Темы, помеченные как важные.

— Непрочитанные личные сообщения.

— Первое сообщение темы: **неотображается**

— У вас **4** предупреждения.

Данный аккаунт принадлежит подтвержденному кейпу. Сообщите нам, если считаете, что любая из ваших идентичностей оказалась под угрозой.

Тема: Губители, обсуждение XXXII

В: Разделы > Мировые новости > Главное

Quantum 01

Ответил 13 марта 2011

Я вообще не понимаю, в чем тут спор. Раньше считалось, что жертв Симураг невозможно вылечить, поэтому запирали всех. Теперь нашли способ отделять тех, кто точно опасен, от тех, кто еще не потерян. Ну и что, что процедура не слишком приятная?

League of Juice

Ответил 13 марта 2011

Посмотрим, как ты запоешь, когда тебя накачают этой дрянью.

Quantum 01

Ответил 13 марта 2011

Насколько мне известно, отказаться от прохождения проверки можно было в любой

момент. Разумеется, это автоматически означало пожизненный карантин.

Star Munch

Ответил 13 марта 2011

А я слышал другое, что в газовые камеры сгоняли всех подряд, под дулами автоматов.

Quantum 01

Ответил 13 марта 2011

И кто же держал эти автоматы? Точно не кейпы.

Phyrexia Unbound

Ответил 13 марта 2011

@Quantum 01 Моя бабушка пережила Холокост, больной ты ублюдок! И я сделаю все возможное, чтобы в мире не было ни одной газовой камеры.

Я мельком пробежал по постам, деловито хрустнул пальцами и принялся писать ответ.

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

Врываюсь в этот ИТТ тред. Короче, положняк такой:

1) Я тут не причем.

2) План был полностью одобрен австралийским правительством, они же буквально вынудили Протекторат начать его исполнение.

3) Всю работу по возведению объектов делала Дракон и еще десяток технарей, но те больше «подай-принеси».

4) Не шутите с эму.

Спрашивайте свои ответы.

League of Juice

Ответил 13 марта 2011

Что происходит в твоей голове, если ты создаешь такую отраву?

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

@League if Juice Примерно тоже самое, что и в твоей, раз ты генерируешь такую тупость.

League of Juice

Ответил 13 марта 2011

[Данный пользователь был забанен, помянем]

Tin Mother (Модератор)

Ответил 13 марта 2011

@Magisterium Давай без провокаций, сейчас всем тяжело.

Quantum 01

Ответил 13 марта 2011

Лол, у Магистерия новый рекорд, довести чувака до бана всего двумя постами.

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

I_tip_my_fedora.jpg

TDATL

Ответил 13 марта 2011

ТЫ ГЕРОЙ С ПРАВОРАДИКАЛЬНЫМИ ВЗГЛЯДАМИ

@

ПОСЛЕ АТАКИ ГУБИТЕЛЯ ТЕБЕ РАЗРЕШАЮТ ПОСТРОИТЬ ГАЗОВУЮ КАМЕРУ

@

КАЗАЛОСЬ БЫ, АНТИБУРГУТ

@

НО ТОЛЬКО ОДНУ

@

НЕДОВОЛЬНО УРЧИШЬ

I_Like_Fox_Girls (Подтвержденный кейп)(Стражи Бостона)

Ответил 13 марта 2011

Лол. А думал, что когда его называли «доктором Менгле», это была просто шутка.

Кстати, у Стояка уже стоит фильтр между мозгом и языком? С ним уже можно нормально разговаривать?

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

@ I_Like_Fox_Girls Нет. Да. Когда к нам придет Рулетка?

I_Like_Fox_Girls (Подтвержденный кейп)(Стражи Бостона)

Ответил 13 марта 2011

Извиняй, чувак, но ее с июня переводят на Аляску, в Анкоридж.

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

Ох, блин. За что?

I_Like_Fox_Girls (Подтвержденный кейп)(Стражи Бостона)

Ответил 13 марта 2011

Да ни за что. Просто там злодеев все больше, а героев полторы маски.

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

Как и везде. Кстати, чтобы не оффтопить, я тут размышлял над Перемирием Губителей, и понял, что это говно без задач. Даже с учетом злодеев на местах, герои все равно составляют половину или больше всех задействованных сил, тогда как в «мирное» время на героя приходится три злодея — и это в США и Канаде. То есть, по сути, дать отпор Губителю приходит только один злодей из трех, когда как двое других отсиживаются в стороне, а потом вдоволь беспределят, потому что их конкуренты и герои мертвы.

I_Like_Fox_Girls (Подтвержденный кейп)(Стражи Бостона)

Ответил 13 марта 2011

@Magisterium Ну а какие у тебя предложения? Если отменить перемирие, то даже этой половины сил мы лишимся.

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

@I_Like_Fox_Girls Ну хз, замотивировать как-то. Как вариант, выписывать приказы на убийство тем, кто мог пойти, но не пошел. Норм идея?

Star Munch

Ответил 13 марта 2011

Так, я не ослышался? Ты предлагаешь загонять злодеев в бой против Губителей заградотрядами? А что дальше, заставишь их скандировать «Ein Volk, ein Reich, ein Führer»?

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

Эммм... Ты, прав, звучит как-то социалистически.

Тема: Младшее поколение, обсуждение VII

В: Разделы > Места > Америка > Обсуждение Броктон Бей (открытый раздел)

XxVoid CowboyX

Ответил 13 марта 2011

Эй, народ, слышали новость?! Оказывается прадедущка Магистерия служил в СС!

Laserdream

Ответил 13 марта 2011

Ну ты и слоупок.

Chaotic Sky

Ответил 13 марта 2011

Эту новость уже вторую неделю смакуют, так что мне кажется, в курсе уже все. Меня беспокоит другое, разве это не является нарушением тайны личности?

Laser Augment

Ответил 13 марта 2011

Чисто технически, это не новость, а журналистская утка, которая удачно выстрелила. Пока Магистерий сам не снимет маску и не покажет свое генеалогическое древо, это нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

XxVoid CowboyX

Ответил 13 марта 2011

А что если Магистерий сначала был в Империи-88, а потом решил стать героем и сделал вид, будто шпионит для злодеев, а сам начал геройствовать по-настоящему? А его прежние дружки это поняли и теперь сливают на него компромат?

Laser Augment

Ответил 13 марта 2011

@XxVoid CowboyX Идиот.

Chaotic Sky

Ответил 13 марта 2011

@XxVoid CowboyX Завязывай с наркотиками.

Char

Ответил 13 марта 2011

@XxVoid CowboyX Таких тупых сюжетных поворотов я не видела даже в яойных фанфиках.

Veni_Vidi_Vici

Ответил 13 марта 2011

@XxVoid CowboyX Тебе самому стоит записаться к Магистерию на прием, мозги полечить.

XxVoid CowboyX

Ответил 13 марта 2011

История нас рассудит, жалкие плебеи!

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

Так, я тут. Про прадедушку — да, это чистая правда. Он сражался на Восточном Фронте, защищая Европу от большевистских орд. Однажды он в одиночку, с одним лишь пулеметом защищал линию фронта, но у красных было больше солдат, чем у него патронов, и его одолели числом. Но его ярость была так велика, что он просто отказался умирать. Его душа была опалена, и он уже не мог вознестись в Вальгаллу. Ненависть его была так велика, что он не мог обрести покоя, и скитался по Курской Дуге, истребляя всех прислужников Сталина на своем пути, а те, кто отведаль его саперной лопатки, нарекли его Палачом Социализма.

Char

Ответил 13 марта 2011

@Magisterium Ты должен извиниться и искупить все, что натворил твой предок.

White Fairy (Ветеран)

Ответил 13 марта 2011

@Char Серьезно? Его же тогда даже на свете не было.

Char

Ответил 13 марта 2011

@White Fairy Холокост — это ужаснейшее, что когда-либо случилось на Земле! Шесть миллионов евреев погибли, лишились родных и имущества! ШЕСТЬ! МИЛЛИОНОВ! Не смейте относиться к этому без почтения!

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

В битве с коммунистами он показал свою доблесть, и силы света и добра одарили его невероятной силой, быстротой и неуязвимостью для пуль. Несокрушимый, негнибаемый и неумолимый, он обрушился на чудовищ Кремля и поклялся искоренить Империю Зла. Его отмщение заняло целую вечность. Год за годом, комиссары вписывали его имя в отчеты о потерях, и каждая битва вселяла ужас в сердца красных, ибо все знали, что он придет, и будет пировать на крови и сухих пайках поверженных врагов, и он становился все сильнее и беспощаднее.

Veni_Vidi_Vici

Ответил 13 марта 2011

@Char Чем больше я читаю твои посты, тем больше убеждаюсь в правоте Гитлера.

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! Еще один оскорбительный пост, и получишь вечный бан [Alathea]

Veni_Vidi_Vici

Ответил 13 марта 2011

Серьезно? То есть вон той хамке можно весь раздел слюной забрызгать, а мне нельзя ей возразить?

Laser Augment

Ответил 13 марта 2011

@Char Блять, скажи что ты прикалываешься. Мне кажется по сравнению с Губителями, проблемы евреев выглядят ничтожно.

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! Я не потерплю пропаганды нацизма и ненависти в нашей ветке [Alathea]

Miraclemic

Ответил 13 марта 2011

Ты там вконец берега потеряла?! Предлагаю составить петицию на лишение Alathea модерки.

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

Однажды, скитаясь по тыловым складам, Палач Социализма встретил жалкое создание, прапорщика, чье имя не следует упоминать. Он обратился на службу неукротимому воителю, и обрядил его в ватник и шапку-ушанку, способные выдержать любые испытания. Вооруженный АК-47, Палач начал истреблять все и всех, кто прежде избегал его ярости. Лишь ценой невероятных усилий и ужасных потерь коммунисты смогли заточить его в Мавзолее на Красной Площади, и выбили на камне предупреждения потомкам, что никогда не должен быть освобожден ужас, сокрытый внутри.

Вот так все и было.

Laser Augment

Ответил 13 марта 2011

А, ну тогда понятно все.

Tobias286

Ответил 13 марта 2011

Да он небось еще и сам этот слух пустил, чисто чтобы поржать.

White Fairy (Ветеран)

Ответил 13 марта 2011

@ Tobias286 Почти уверена в этом.

Magisterium (Подтвержденный кейп)(Стражи ВСВ)

Ответил 13 марта 2011

Стыдись, Америка. Своим покоем и благополучием ты обязана моему прадеду, но даже не знаешь его имени.

XxVoid CowboyX

Ответил 13 марта 2011

@Magisterium Его имя — Роберт Полсон!

Я откинулся в кресле и довольно потянулся. Под «мистером Хайдом» мне все еще тянуло сделать что-нибудь безрассудное и веселое, но останавливал тот факт, что костюм находился на базе Стражей, а я твердо решил сегодня не выходить из дома. Никакой работы. Никаких драк. Никакого технарства. Через три разных прокси-сервера я запустил три твинко-аккаунта на ПЛО и принялся работать над сглаживанием медийного обсега СКП.

Через несколько часов в топе обсуждений висела серия рисунков. На первом был изображен я, держащий факел и моток веревки с петлей на конце. За моей спиной стоял Оружейник с Алебардой, и текст в облачке рядом с его головой гласил «Уверен, что это сработает?». Фраза была адресована очень непохоже нарисованному Бегемоту, над головой которого висели вопросительные знаки. Довершала композицию моя фраза: «Он же черный». Ах да, все трое были чибиками.

Другая картинка была коллажем из двух реальных фотографий. Конкретно, за моей

спиной стоял полупрозрачный монохромный Гитлер и нашептывал «Давай, зигани, тебе же хочется». Мой ответ был прост и лаконичен: «Адольф, отъебись».

Третий скетч, за который пришлось выложить полсотни баксов, изображал меня в образе повара, причем на разделочной доске лежала связанная Симуург, уменьшенная до крупной индейки. Текст в облачке гласил: «Шаг первый: включите газ».

Четвертая картинка уже была чисто народным творчеством. Она изображала меня в черной фуражке и прикованного к стене Лунга. Надпись шла без облачка, на четверть всего кадра: «ПОДАТЬ ФЛЮГЕГЕНХАЙМЕН!!!». Ну и так далее, в том же духе.

Как говорится, не можешь возразить — доведи до абсурда.

На следующий день

Меня потыкали в бок. Потом в щеку. Потом подергали за ухо.

Я ответил лишь утробным рыком, но не потрудился даже отмахнуться. Парта была слишком удобной, а груз одежды и атмосферы на плечах — слишком тяжелым.

— Ну хорош тухнуть, со всеми случается, — сказал Крис, но в его голосе не было уверенности.

Я закрыл глаза и попытался прижать уши к голове, как это делали кошки, чтобы ничего не слышать. Вокруг шумели мои одноклассники, которых я за прошедшие месяцы так и не начал, за редким исключением, воспринимать иначе как безликий фон. Или бурлящую в замкнутом объеме протеиновую взвесь.

— Чего с ним? — спросила подошедшая София. — Он чет весь день на дохлую рыбу похож.

— Девушка их бросила, — ехидно отозвался Эрик Пехлам. — Страдают они.

— А, ну это лечится, — отозвалась она и со всего маху заехала мне по затылку учебником по алгебре.

Учебник был довольно тонким и в мягкой обложке, но вот рука у Софии была тяжелая. Утробный рык перешел в агонизирующее сипение. Действие «мистера Хайда», ограждавшего меня от собственных терзаний и страхов, прошло на утро, и его место заняло осознание, что именно мне вчера сказала Кэсси. С ее точки зрения был не просто козлом, который не уделял ей внимания, занятый своими делами, а самым настоящим предателем. Речи о том, чтобы попытаться помириться, даже не шло, потому что такое не прощают.

— Не помогло, — прокомментировал Эрик.

Вместо ответа София нагнулась к моему уху и прошептала:

— Десять минут спарринга со мной. В полный контакт.

Несколько секунд я размышлял, стоит ли сиюминутный покой последующих побоев и унижения и с величайшей охотой приподнялся на локтях, всем своим видом демонстрируя желание провалиться сквозь землю. Как я уже сказал, рука у Софии была тяжелая. И нога тоже.

— Воу. Что такого ты ему сказала?

— Секретная информация.

— Эрик, ты идешь? — окликнули от дверей.

— Ага, сейчас, — он снова повернулся к нам и спросил, понизив голос. — Ну так что, уже можно говорить Кристал, что ты свободен?

— От... стань, — выдавил я из себя, и принялся сгребать в портфель учебные принадлежности.

Делать ничего не хотелось. Ни двигаться, ни вставать, ни выбивать дерьмо из Пиггот. Последним я намеревался заняться, как только доберемся до офиса СКП, но уже не чувствовал нужного настроения. Ну, по крайней мере, Крису и Софии не пришлось тащить меня до вестибюля, где располагались шкафчики. Сунув туда учебники и взяв куртку, я мысленно оценил габариты шкафчика, после чего попробовал туда втиснуться. Безуспешно.

— Ты чего? — спросил Крис удивленно.

— Да так, озарение небольшое, — отмахнулся я. — Слушай, почему я туда не влезаю?

— Жрать меньше надо! — буркнула София.

С вялым любопытством я оценил ее реакцию. Легкое раздражение, но не более. Гипноиндуцирование прошло достаточно неплохо. Во всяком случае, ни Пиггот, ни остальные Стражи ничего не заподозрили. В самом деле, что плохого было в том, что девушка-Страж решила больше времени проводить со своими товарищами, и попросила о переводе в ту же школу, где учились все прочие? Что странного, что она спустя несколько месяцев перестала откровенно грубить, а ее подколки уже не несли издевки? Разве что Виста, которая раньше Софию терпеть не могла, отметила, что та как-то подобрела, но и она быстро привыкла и воспринимала все как должное. Больше всех, конечно, с этой трансформации поймел Стояк.

О, а вот и он.

Деннис и Дин спускались по лестнице, о чем-то мирно разговаривая, благо Вики поблизости не было, чтобы морально угнетать всех вокруг своей аурой. Заметив его, София захлопнула свой шкафчик, обняла рыжего парня за шею и впиалась в его губы поцелуем без капли смущения. Чего мой укол у нее не отнял — так это склонности к простым и грубым решениям. Но не похоже, чтобы Деннис был чем-то недоволен. Встречались они уже месяц, и над его вечной глупой ухмылкой прикалывался даже Дин.

Последнего, наверное, стоило бы опасаться. Если бы он хоть немного разбирался в собственной силе. Позорище.

— Я тоже не влезаю, — прокомментировал Крис, и снова потыкался в собственный шкафчик, сначала спиной, потом плечом. — Хм... кажется, у меня появилась... новая идея!

— Мнэээ... когда в городе были Барыги, с вдохновением было проще.

Из школы мы разошлись в разные стороны, но цель у всех была одна. Кого-то подбирала машина СКП в безлюдном месте, кто-то пользовался подземными тоннелями, соединенными с ближайшими зданиями. Мы с Крисом свернули в переулок в четырех кварталах от школы и свернули за угол, где уже ждал фургон, и точно не было лишних глаз. Агент в штатском молча распахнул заднюю дверцу, и также молча захлопнул ее, когда мы забрались внутрь. Костюмы уже лежали внутри, в специально отведенных контейнерах.

Преображение происходило не сразу. Когда я скинул брюки и свитер, и надел бронекомбинезон и мантию поверх него, то все еще оставался Конрадом, пусть и в другой одежде. Только когда на лицо легла маска, и сработали магнитные крепления, обеспечивающие замкнутый цикл дыхания, я снова стал собой.

Крис... нет, уже Кид Вин, чем-то щелкнул в шлеме, давно заменившим его старый визор. Рассеянный мальчишка-троечник исчез, на его месте появился уверенно набирающий силу Технар, который за считанные месяцы из молчаливого разочарования стал восходящей звездой. Его, лояльного и чистого, Пиггот никуда задвинуть не пыталась.

И кстати о свинках...

Фургон высадил нас у главного входа. В будний день экскурсий особо не было, так что

протискиваться через толпу туристов не пришлось. Но если Кид Вин отправился сразу к лифту, ведущему вниз, то я свернул в другую сторону и начал подниматься вверх. Туда, где находился кабинет директора.

Тем временем в кабинете директора

Мало кто любит общаться со своим начальством. Эмили Пиггот не была исключением. Она сидела в кресле повышенной прочности и мрачно взирала на экран компьютера, с которого на нее не менее мрачно взирала директор Коста-Браун. Разговор был тем менее приятным, поскольку непосредственно касался одной занозы, от которой Эмили уже почти полгода пыталась избавиться. Без успеха, надо заметить.

— Ваши опасения беспочвенны. Мы уже обсуждали, — произнесла генеральный директор. — Магистерия уже давно держат под наблюдением. Если бы он представлял сколько-нибудь реальную угрозу, меры были бы приняты незамедлительно.

— Я ежедневно рискую подопечными Стражами, позволяя им находиться в одном помещении с *этим*.

— Вы сами рапортовали о положительном влиянии на Кид Вина и Призрачную Сталкер.

— Все равно риск неоправдан, — продолжала гнуть свое Эмили. — Я пересылала вам доказательства.

— Нелегально собранные доказательства.

— Мы не в суде, чтобы беспокоиться об этом. Его подружка — злодейка. Он регулярно встречается со злодеями в их гражданском облике. Имеет действующий контракт с «Медхолл», который сами знаете чье прикрытие. Есть улики, согласно которым он несколько раз участвовал в их акциях.

— И что вы сделали для того, чтобы переманить его на нашу сторону? — с прохладцей уточнила Коста-Браун.

— Это бы имело смысл, если бы он колебался. Но он уже был их агентом, когда пришел к нам, — Эмили дернула щекой. — Послушайте, речь не о том. У меня на руках вместо Стража — балласт! Даже не балласт, а бомба на боевом взводе, способная взорваться в любой момент. И ладно бы он был полезен для противодействия злодеям, но нет! Империя-88 в первом же серьезном противостоянии просто прикажет ему перейти на их сторону. Вы не позволяете его арестовать, ни даже назначить испытательный срок, и мне надоело, что от меня требуют выполнять работу, держа руки связанными за спиной! Либо вы убираете Магистерия из этого города, любым способом, либо я подаю в оставку!

В следующий миг дверь кабинета с грохотом слетела с петель. Едва различимое глазом движение, укрытое изумрудной вспышкой, размазалось от входа до самого стола, чтобы через мгновение стать облаченной в белую мантию фигурой с зеленым мечом в руках. Кончик которого замер в паре миллиметров от горла Эмили.

— Итак, директор, не желаете объясниться? — прошелестел Магистерий через динамики маски. Он как-то подбирал низкие частоты, из-за чего голос звучал особенно жутко.

— Для начала, слезь с моего стола, — отозвалась директор. Она не боялась, ее страх остался в Эллисбурге. Часть ее даже ликовала, ведь злодей наконец-то перестал притворяться и подтвердил все ее подозрения.

— Как только вы объяснитесь, почему я две недели вкалываю как проклятый, а дома

меня вместо ковровой дорожки или хотя бы обычного «спасибо» встречает толпа линчевателей с факелами. И почему никому не приходит в голову кидаться дерьмом ни в Дракон, которая строила фильтрационный лагерь, ни в Оружейника, создавшего аналитический алгоритм, ни в Александрию, которая все санкционировала. Зато всех собак повесили на одного Стража, который просто предложил идею.

— Для начала, прекрати усугублять свое и без того плачевное положение. Твоя карьера героя и так висит на волоске, так что...

— Засунь эту карьеру себе в жопу, Свинка. Это твоя работа — всех убеждать, что я добрый и пушистый, и ты обосралась вонюче на всю страну. Сейчас мне больше всего хочется отделить твою тупую башку от тела, да только не могу понять, где шея.

— Магистерий, я весьма сочувствую желанию прикончить твоего директора, — подала голос Коста-Браун. — Однако сейчас тебе лучше убрать оружие и выслушать, что предлагаю я.

— Кхм, так мы не одни, — смертоносное гудение зеленого меча смолкло, и лезвие опустилось к полу. — Прощу прощения за эту безобразную сцену, сказывается переутомление.

— Раз твой конфликт с директором дошел до точки кипения, перевод будет самой разумной мерой.

— Прикольно. Именно об этом всегда мечтал. То есть работаешь, стараешься, а тебя задвигают в какую-нибудь дыру, чтобы прикрыть задницу руководства.

— Если называть Лос-Анджелес дырой, то да, именно так все и обстоит.

Хотя такой перевод больше тянул на «стремительный карьерный взлет», Эмили не смогла сдержать мстительной ухмылки при виде смятения Магистерия. Оно было хорошо заметно даже через глухую маску.

— Это предложение исходит не от СКП, а от Александрии. Она ходатайствовала о том, чтобы ты находился под ее присмотром. В других обстоятельствах я бы не стала прибегать к настолько радикальным мерам, но вот у меня лежит рапорт от Дракон, которая сообщает, что ты резко негативно относишься к идее продолжить работу в Протекторате после совершеннолетия. Это так?

— Боюсь что да, мэ.м.

— Причина?

Страж мотнул головой в сторону Эмили.

— Ясно. В таком случае, перевод состоится по окончании учебного года. Если ты не против, конечно.

— А если я против?

— Тогда... ничем не могу помочь. Ничем и ни с чем.

— Дайте мне время подумать. И доступ к полной информации по Серому Мальчику.

— Это еще зачем?

— Я пытаюсь исследовать природу сил. И нащупал кое-что, что может стать ключом к освобождению его жертв. Также мне нужен доступ к самим жертвам, а лучше к нескольким разным.

— Ты его получишь.

Магистерий кивнул и вышел вон, не обратив внимания на толпящихся у входа в кабинет оперативников. Лицо Коста-Браун на экране снова повернулось к ней.

— Так-так, директор Пиггот. Вы что-то говорили про отставку, верно?

Проблемы начались на следующий день. Стоило мне прийти на базу, как меня моментально вызвали на ковер, где сотрудники СКП в сопровождении Мисс Ополчение конфисковали мой меч. Никто и никогда не узнает, каких усилий мне стоило не покрошить их на месте. Я мог стерпеть многое, но не то, как какие-то канцелярские черви лапают мое любимое творение.

«Лос-Анджелес. Три месяца потерпеть, и больше я этих идиотов не увижу».

— Главное, рукоятку не трогайте, — добавил я вслух. — А то руку оторвет.

Воротнички озадаченно на меня уставились, и тогда я постучал по рукояти карандашом. Из нее моментально выскочило три тонких, но очень острых лезвия, которые должны были исключить возможность использовать против меня мое же оружие. Одновременно с этим электрический пробой разрушил внутренние механизмы и сжег энергетическую матрицу в клинке. Теперь максимум что можно было сделать с этим мечом — расколотить на куски и продать ювелирам. Ну, если бы торговать драгоценными камнями было так просто, я бы не связался с Гезельшафтом.

— Магистерий, почему в спецификации не была указана эта ловушка? — строго поинтересовалась Мисс Ополчение.

— Потому что тогда теряется смысл? Если про нее все знают, она не будет эффективна.

— И я могу предположить, что в прочих твоих устройствах тоже есть такие же... меры защиты?

— Так я вам и сказал.

— Это будет отражено в твоём личном деле.

Да на здоровье. Личное дело могло отразиться на карьере в Протекторате, на которую я не нацеливался, так что писать там могли что угодно. А меч я легко мог сделать новый.

На этом, однако, проблемы не закончились. Высочайшим указом Ее Свинойшества мне были назначены курсы контроля гнева. Здесь изворачиваться или упираться было бесполезно. Выбитую дверь видели все, кто тогда находился на этаже, как и то, как я держал меч у горла директора. Я сам до сих пор не мог понять, что на меня нашло. Мне и раньше доводилось усилием гасить внезапные вспышки ярости, но эта с предыдущими не шла ни в какое сравнение. Я просто не мог остановиться — да и не хотел, если честно.

За внезапную вспышку в кабинете Пиггот мне было стыдно. Я всегда считал, что отлично умею сдерживать эмоции и в любой ситуации сохраняю невозмутимый вид. Но вчера меня просто переключило, а размахивать летальным оружием, которое мне строжайше запрещалось даже доставать на людях, показалось очень здравой идеей.

Могло ли это быть влиянием Симураг? Или же все проще, и австралийская командировка с последовавшей травлей в СМИ довела меня до нервного срыва? У меня не было информации о том, как влияние Симураг ощущается теми, кого она превратила в свою бомбу. В любом случае, я не собирался уклоняться от курсов, хотя и не особо верил в их полезность, цеплялся за любую возможность противостоять песне, которая могла вернуться в любой момент.

Стоило уйти СКПшникам, как позвонил Оружейник и попросил схемы «Сирина» — официально для сертификации, но к тому времени я уже знал, что он еще и активно передирал идеи и целые конструкторские решения. Причем, что обидно, он неизменно

улучшал исходник — в плане энергоэффективности, компактности, мощности или чего-то еще. Другими словами, хотя по идее он должен был учить нас с Кид Вином, но по факту его учили мы, и с каждым собственным изобретением делали его немного сильнее. Немного поразмыслив, я отправил ему неполную схему — только соединение ключевых узлов, без которых «Сирин» не мог работать. Все орудия, вторичные подсистемы и Адаптивный Волновой Подаватель я решил придержать до времени в секрете.

Хотя у меня руки чесались поскорее заняться ремонтом и доводкой «Сирина», все еще нужно было уделять время тренировкам. Этим занимались все Стражи, и дело было не только в том, чтобы хорошо выглядеть в облегающем костюме. Тренировки были направлены на выносливость, приемы самообороны и применение сил, как индивидуальное, так и комбинированное. В последнем особенно преуспевали Виста и Стояк, чьи силы обладали великолепной синергией.

Мы с Кид Вином сработались в мастерской, но в поле все было не так гладко. В итоге еще в январе мы пришли к решению, что мне нужно последовать его примеру и быть таким же летающим стрелком — благо прототипы фотокинетических бластеров можно было отрегулировать до нелетальной мощности. О том, что одной командой через нейроинтерфейс сравнительно безобидные пушки превращаются в аналог крупнокалиберных винтовок, я предпочел умолчать.

Однако ориентация на дальний бой не избавляла от вероятности взлезть в рукопашную. После, кхм, некоторых событий София взялась за этот аспект подготовки Стражей особенно рьяно, а Эгида, как новый командир, был только рад припрячь ее к делу. Она спарринговала со всеми, тратя на это полтора-два часа ежедневно, и не особо уставала, потому что теневая форма позволяла ей отдыхать прямо в бою. Силами пользоваться разрешалось, но только теми, что доступны в ближнем бою и не могут навредить непосредственно — а потому нам с Кид Вином доставалось больше всех.

Вот как сегодня.

София вообще была неудобным противником. Во время спарринга у меня были только собственные ноги и кулаки, тогда как она не стеснялась пользоваться силой. Ее крайне сложно было ударить и невозможно бросить или взять в захват — она моментально уходила в теневую форму. В реальном бою все решилось бы в первую секунду, но тренировка для того и предназначалась, чтобы готовиться к неприятным случайностям. И все же...

Ее боковой удар в голову я успел заблокировать, и тут же поежился от неприятного ощущения — она прошла сквозь меня, чтобы воплотиться за моей спиной и атаковать снова. Наученный опытом прошлых боев, я нанес удар ногой назад... только для того, чтобы нога попала в захват. Я оттолкнулся другой ногой и в прыжке попытался ударить ее в голову, но она мгновенно превратилась в тень — выпустив при этом мою ногу. Падая, я оперся на руки и сделал кувырок через себя. А как только встал на ноги, то выскользнул из собственной мантии и схватил ее перед собой на манер красной тряпки матадора.

София метнулась в сторону, я не стал разворачиваться за ней, а взмахнул мантией у себя за спиной, перекрывая обзор. Обычно София атаковала сразу, как только ее удавалось выйти из поля зрения, и этот раз не стал исключением. Ее нога хлопнула об развернутую в воздухе мантию с прицелом врезаться мне в голову, но то, что она меня не видела, подарило мне долю секунды. Я успел немного выскользнуть из-под атаки и на развороте пнул ее в бедро. Она потеряла равновесие и тут же превратилась в тень, но прежней скорости у нее уже не было. Я продолжил наступление, делая широкие и быстрые взмахи мантией.

Сила Софии обратилась против нее. В состоянии Излома она становилась почти невосприимчивой к физическому урону — но при этом очень легкой. Она использовала это свойство, чтобы с помощью своего плаща парить на восходящих потоках воздуха, но сильный ветер ее попросту сносил. И теперь я методично гнал ее к краю татами. Пересечение границы засчитывалось как поражение.

Она это быстро поняла и, улучив момент между взмахами, восстановила материальность и перешла в контратаку, намереваясь завершить бой болевым приемом. Момент был хорош, мои руки оказались широко расставлены, а центр тяжести перенесен вперед...

Я выпустил мантию и рванулся навстречу, выводя ее из равновесия собственной массой и одновременно делая подсечку. София грохнулась на спину, а я придавил ее сверху и изобразил добивание.

— Здорово же тебя Свинка взбесила, — прокомментировала она.

— Не то слово, прямо сейчас готов сожрать Левиафана без соли, — я отдышался и тут же нахмурился. Что-то было неправильно. — Почему ты не ушла в тень, когда я выполнил бросок?

— А, это... — она встала и принялась отряхивать костюм. — С моей силой что-то происходит. Не знаю что.

— В каком смысле?

— Да не знаю. Обычно все нормально, но иногда... будто сбоят. Иногда приходится ждать между сменами формы, как сейчас. Иногда само превращение идет медленнее, или теневая форма плотнее и тяжелее, чем раньше.

По моей спине пробежал неприятный холодок.

— А давно это началось?

— Не, не очень.

— Не знаю, могу ли чем-то помочь. Я много чего умею, но не регулировать чужие силы.

— Да забей. Мне надо просто... отдохнуть, прийти в себя. Столько всего за пару месяцев.

Нет. Дело было не в этом. Но я скорее позволил бы отрезать себе правую руку, чем озвучил истинную причину вслух. Как? Как, черт побери?! Как так вышло, что гипноиндуцирование затронуло ее силу! В смысле, я вообще не знал, как работать с Corona Pollentia! Мог по косвенным признакам определить наличие — и только. Моя сила не давала никакой информации о том, каким образом те или иные воздействия отразятся на работе способностей, и отразятся ли вообще.

Ничего не понимаю... какие еще тайны скрывают силы?

В нервном состоянии я вернулся к себе в мастерскую, запер двери и вошел в карманное измерение. Здесь с конца декабря... многое изменилось. Теперь пространство заполняли громоздкие машины, объединенные в единую систему с помощью множества манипуляторов, управляемых с центрального терминала.

Плавающие тигли, трансмутационные реакторы, 3D-принтеры, стенды для ионной сварки — все это было необходимо но, по сути, являлось вчерашним днем. Технологии, на которых я сосредоточился сейчас, вышли за пределы манипуляций веществом и энергией в привычном смысле. Искажение пространства и времени, прикосновение к самим основам Вселенной — вот что занимало мои мысли. Металл можно было разрушить, силовые поля истощить. От пули или лазерного луча можно было защититься. Но едва ли кому-то было по

силам преодолеть время. Например, сила Стояка экспертами СКП считалась совершенно неодолимой, на замороженный им предмет можно было сбросить Эверест, и он бы не шелохнулся, пока не истекнут минуты действия силы. Я планировал пойти дальше.

Первым делом я проверил сообщения на ноутбуке. Коста-Браун сдержала обещание, за что поднялась в моем воображаемом рейтинге уважения на один уровень с Оружейником. Все файлы, видеозаписи, протоколы — все, что собрали на Серого Мальчика за те девять лет, что он ходил по земле. Это было хорошо, с этим можно было начинать работать. Не приступать к эскизному проектированию, конечно, а только попытаться вникнуть в суть затрагиваемых процессов, поэкспериментировать с прототипами. Уже что-то.

Также в письме была информация о расположении нескольких ближайших «коконов», вместе с напоминанием, что перед тем как лезть внутрь, надо уведомить местный Протекторат и полицию. Поскольку ни один из них не находился достаточно близко к Броктон Бей, я решил отложить их изучение на весенние каникулы, когда можно будет спокойно потратить несколько дней на полеты в соседние штаты. Закрыв ноутбук, я вернулся к «Сирину».

Доспех находился в центре карманного измерения, на возвышении, словно центр масс, заставляющий крутиться вокруг себя все остальное. В общем-то, так оно и было. Каждый станок, каждый манипулятор и кабель предназначались для создания и поддержания «Сирина» и его компонентов. Единственная причина, по которой я мог использовать свой технологический кластер для исследования силы Серого Мальчика, заключалась в том, что изготовленные с его помощью устройства не могли работать, не будучи интегрированными в «Сирин». На такое были способны только маломощные и ненадежные прототипы. Ограничивая функциональность устройств, проектируя их на едином архитектурном базисе, я добивался значительного разнообразия доступных для реализации технологий, не слишком теряя при этом в качестве.

И одновременно избавлялся от риска, что мощнейшие орудия попадут не в те руки. Ну, предположим, фотокинетические бластеры соответствовали примерно Стрелку-7, и не являлись чем-то уникальным. Но при мысли, что в руки кого-то вроде Лунга или Неформалов могла попасть «Яркая девочка», мне становилось дурно. Нет, такую штуку нельзя было доверять никому. В том числе СКП, которое бы просто просрало опаснейшую технологию, как и регулярно сбегаящих из-под ареста суперзлодеев.

Но «Яркая девочка» была делом будущего, а прямо сейчас надо было заниматься ремонтом. Я отдал команду с терминала. Манипуляторы свинтили со спины и ног доспеха броневые пластины и извлекли четыре плоских устройства, размером и формой напоминавших подошву ботинка, однако куда менее безобидных. Три остались дожидаться своей очереди, а одно направилось к объемной гравитационной камере, внутри которой можно было легко подвесить грузовик.

Я проверил, стабильно ли отрицательное гравитационное поле внутри, после чего послал команду на развертывание. Плоское устройство, удерживаемое невидимыми полями, раскрылось, будто металлический цветок, и продолжало расти и распускаться в течение нескольких секунд, пока не приняло свою истинную форму — компактный ракетный двигатель с изменяемым вектором тяги и генераторами материи вместо топливных баков, настроенными на водород и кислород соответственно. Отличное решение, чтобы не париться на счет запаса топлива.

Я прошелся взглядом по всему механизму, выцепляя неразличимые для не-Технаря

неполадки. Движение энергии по каналам, пронизывающим пространство-время, в состоянии технарской фуги казалось таким же понятным и естественным, как механическое взаимодействие деталей. Генераторы фиксировали состояния атомов из огромного количества мнимых реальностей, вытесняли лишнее и концентрировали нужное. Если бы меня спросили, я едва ли смог бы объяснить, как это вообще работает, но прямо сейчас мне все было понятно. Я коснулся механизма в нескольких местах разными инструментами, выправляя циркуляцию электромагнитных полей, и отдал с терминала команду упаковать двигатель обратно в карман свернутого пространства. Износ деталей пока не настолько велик, чтобы заменять их, это станет актуально через пару сотен часов эксплуатации.

Я успел провести профилактический осмотр всех четырех ракетных двигателей и принялся демонтировать энергетическую установку, когда в дверь мастерской постучали. Что, опять куда-то опаздываю? Сверившись с наручными часами, я немного успокоился, до моей очереди идти в патруль оставалось еще сорок минут, экскурсий сегодня тоже не планировалось.

За дверью обнаружилась Виста. Не рассерженная, скорее немного нервничающая, и уже в полном костюме.

— Конрад, ты сейчас сильно занят?

— Эээм...

Починка «Сирина» была важным делом, но не срочным. В конце концов, мне в следующий раз им пользоваться только через два-три месяца. Виста истолковала мое неуверенное мычание в свою пользу.

— Пошли тогда потренируемся! Хочу новые трюки попробовать.

Ну и как тут оказать? Я взял свое повседневное снаряжение и пошел следом за ней в тренировочную зону. Отсутствие тяжести меча на поясе ощущалось непривычно, будто я лишился руки или ноги. Ждать, однако, что Свинка сменит гнев на милость и вернет мне привычное оружие, не приходилось. Мне недолго оставалось быть ее подчиненным, но я чувствовал, что она постарается использовать каждую минуту, чтобы отравить мне жизнь.

— Готов? — Виста тем временем включила метательную машинку для запуска дисков-мишеней.

Я показал большой палец и активировал оба наручных бластера. Машинка выплюнула первый диск, и тот с жужжанием полетел через зал. Я выстрелил, стараясь *не попасть* в него, но пространство изогнулось, смялось, и белые лучи света слегка царапнули мишень, сбивая ее траекторию. Виста раздосадовано цокнула языком.

— Давай еще раз! — сказала она с азартом.

— Может, лучше начнем с наведения одного луча?

— Нет, какой смысл тогда тренироваться? Чем сложнее, тем больше пользы.

Мы продолжили в том же ключе. Метальная машинка запускала диски-мишени, я стрелял куда попало, а Виста искривляла пространство, заставляя выстрелы попадать в цель. Я уже видел, как она вчера также тренировалась с Кид Вином, но тогда у нее получалось лучше.

— Это потому что, у него пистолеты, — пояснила Виста на мой вопрос. — Когда он нажимает на спусковой крючок, я могу почувствовать его смещение и сразу применить силу. А твое оружие стреляет по мысленной команде.

Где-то через десять минут Виста освоилась, и мы решили усложнить задачу. Теперь я должен был стрелять и одновременно с этим бежать через тренировочную зону с

выполнением кувыркков и перекаатов, а Виста должна была наводить выстрелы только на диски определенного цвета, которые вдобавок стали вылетать чаще.

Потом решили усложнить задачу еще немного и частично погасили в тренировочной зоне свет, чтобы имитировать слабое ночное освещение.

Потом позвали Софию, чтобы она кидала диски вместо машинки, целясь нам в лица. Она идею восприняла с энтузиазмом, так что вскоре я бы щеголял кучей синяков и выбитыми зубами, если бы не маска.

Потом Виста потребовала, чтобы мы с Софией поменялись местами — теперь я бросал мишени, а она выстрелами из арбалета должна была их сбивать, что оказалось неожиданно сложным, потому что болты летели по параболе, а не по прямой.

Потом... «потом», к счастью, не случилось. Прежде, чем мы нашли способ разнести тренировочную зону в щепки, из патруля вернулись Рыцарь и Стояк, и нам с Вистой пришлось отпраляться им на замену.

Середина марта в Заливе выдалась теплой, так что даже было немного обидно за плотный закрытый костюм, не позволяющий насладиться ощущением ветра на лице. Хотя может оно и к лучшему, потому что во время тренировки я успел немного вспотеть и слечь с воспалением легких, когда на носу каникулы, мне не улыбалось.

Мы двигались параллельно, придерживаясь одинакового темпа. Виста шла пешком, в основном по крышам зданий, лишь изредка спускаясь на тротуар. Ее сила позволяла пересечь десятки или даже сотни метров одним шагом, но присутствие людей сильно мешало. Я следовал за ней по воздуху, стараясь не обгонять и не отставать. Маскировку не включал, выход Стражей на улицы для того и был нужен, чтобы люди нас видели.

Половину маршрута мы прошли в гнетущем молчании, которое я решил нарушить первым.

— Меня переводят, — сказал я без всяких прелюдий, будто мимоходом. — Сразу после окончания учебного года.

— Вот как. А куда? — не похоже, чтобы она сильно удивилась. Только вздохнула как-то огорченно.

— В Лос-Анджелес. Вчера я пошел к Пиггот устраивать скандал... а она в это время разговаривала с генеральным директором, с Ребеккой Коста-Браун. Последняя меня и «обрадовала».

— Так это здорово. Крупный город, не то, что наш, да еще под командованием самой Александрии. Это однозначно повышение.

— Со стороны это может и так выглядит... просто каждый раз, когда меня вдруг начинают нахваливать, я начинаю подозревать подвох. Стражей не переводят без большой нужды, особенно на другой конец страны. Нет. Это что угодно, но не повышение.

На самом деле, загадки не было. Пиггот о моих связях на темной стороне знала почти наверняка, а если знала она, то знала и Коста-Браун. С учетом всех обстоятельств, решение выглядело абсолютно логичным.

Я уже представлял, что меня ждет в Лос-Анджелесе. Полный разрыв с прежним окружением, ни единого мгновения без присмотра, через трекинговые жучки или даже с помощью Умников, и конечно промывка мозгов 24/7 идеалами Протектората.

— Вот только не говори, что ты весь такой опасный, что тебя бояться и хотят контролировать, — Виста фыркнула, как умела фыркать только она. Не как

тринадцатилетняя девчонка, а как опытная старшая сестра, свысока посматривающая на ретивых, но неуклюжих новичков.

— Но дело именно в этом, просто не потому, что я такой сильный. Понимаешь, еще до того, как стать Стражем, даже до того, как попытаться заявить о себе как о герое, я сделал несколько некрасивых вещей. На них закрыли глаза, когда ты уговорила меня вступить к вам... но после Канберры, похоже, стали опасаться рецидива.

— Если ты про тот случай, когда Штурм наглотался галлюциногенного газа, так он давно тебя простил. У меня тоже где-то след от ожога есть, который оставил Кид Вин — когда его ловили вскоре после получения сил. Но я же на него не злюсь.

— Нет. Было кое-что похуже. Можно, я не буду рассказывать?

— Как хочешь. У всех свои тайны.

Я благодарно улыбнулся под маской.

— Спасибо.

В теории я мог отказаться. Перевод Стража, насколько я знал, был процедурой сложной, и требовал обязательного согласия всех участников — в том числе самого Стража и опекунов. Вот только если вопрос вышел на такой уровень... что мне могут предъявить, чем могут надавить? Связи с Империей-88? С Гезельшафтом? Ни один суд не примет показаний Умников в качестве улики, а других просто нет и быть не может. Нападение с применением парачеловеческих сил? Недоказуемо вдвойне.

Я остановился в воздухе и посмотрел на город. Где-то там бродили Игнис и Тора, мои две ошибки. Но первый был жертвой несчастного случая, а вторую я выбрал намеренно, намеренно накачивал психотропными препаратами и мучил.

Для чего? Чтобы выплатить долг Гезельшафту.

А чего я в долги залез? Чтобы приобрести карманное измерение.

Зачем оно мне было нужно? Потому что только так можно было построить «Сирин».

Может, просто не упираться? Воспользоваться молчаливо предложенным шансом оставить все позади. Забыть, что пополнил ряды злодеев двумя неслабыми кейпами. Забыть Софию, которой я из лучших побуждений перекроил личность, пытаюсь лишь спасти ее от самой себя, но, похоже, как-то испортил ее силу.

Забыть Стражей, Эми и Кристал.

Забыть Кэсси.

Кажется, я должен извиниться перед ней и признать, что она была права. Я действительно по шею увяз в геройстве.

Конечно, остается проблема в виде контракта с «Медхолл», за досрочный разрыв которого придется выплачивать огромную неустойку... но если СКП так хочется видеть меня под присмотром Александрии, они раскошелятся.

Еще будет проблема с масками Империи-88. Или не будет, я едва ли мог предсказать реакцию Кайзера и Блицкрига. Я хорошо представлял, что ответит Крюковолк — он взбесится и попытается меня убить. Ну, если я приду на эту встречу безоружным, то сам дурак. Остальные... под вопросом. При каждом контакте с членами Империи-88, кроме Кэсси, я использовал «духи доброжелательности», они же «форнеус». Они действовали намного слабее большинства способностей Властелинов, почти незаметно — однако работали на уровне биохимических реакций и нейронных связей, а значит, обладали накапливающимся эффектом. Другое дело, что встречался лично с кейпами Империи нечасто, так что надежды на духи особо не было.

Ладно, это дело будущего.

Стоит мне продемонстрировать разок «Яркую девочку» в деле, даже Крюковолк десять раз подумает, стоит ли со мной спорить. А уж если следующая атака Губителя случится достаточно рано, и я успею опробовать ее в поле, Кайзеру останется только молча кивать.

Может, после окончания своего срока в Стражах, я вернусь в Броктон Бей и реформирую Империю-88 согласно своему видению. В том, что за два года тут ничего принципиально не изменится, я не сомневался. Империя-88 существовала почти тридцать лет, и упадка в ней не наблюдалось. Да и кому вообще нужна наша дыра?

— Эй, чего отстаешь? — окликнула меня Виста по рации. Она уже успела уйти довольно далеко, я почти потерял ее из виду.

— Извини, задумался- Опять технарские штуки? — Не, вообще. О жизни, — я снова набрал разгон и быстро сравнялся с ней.

— Поделишься?

— Да так... ты когда-нибудь думала, чем будешь заниматься, когда подрастешь? В смысле, останешься в Протекторате, или займешься чем-нибудь другим для разнообразия?

— Неа, не думала.

— Понимаю, что рановато, но все же?

— Нет, не потому. Просто до восемнадцати еще дожить надо. А кто сказал, что нас завтра не убьют? — она как-то слишком по-взрослому вздохнула. — Я Страж. Живу и работаю в городе, доверху набитом настоящими монстрами. Я уже видела, как умирают герои. Понимаешь, злодеи — они злодеи. Они просто плохие. Их не волнует, что мы дети. Они не убивают нас только потому, что боятся, что их тоже начнут убивать. А если найдется такой, кто не испугается?

— Виста, ты только не подумай, что я считаю тебя маленькой беспомощной девочкой... но если кто-то посмеет тебя обидеть, я сделаю так, что он будет умолять о смерти.

Она замерла на месте и обернулась.

— Ты же сейчас не серьезно?

Я приземлился на карниз рядом с ней и положил руку на плечо.

— Серьезнее некуда. Просто пойми меня правильно. Ты, Кид Вин, Стояк, Рыцарь Эгида... даже Призрачная Сталкер — вы лучшее, что случилось в моей жизни. И если кто-то посмеет вам навредить... лучше бы им застрелиться самостоятельно.

— Если Призрачная Сталкер лучшее, что с тобой случилось, тебе и правда несладко пришлось.

— Скажем так, уколы три раза в день были наименьшей из проблем. А вообще, покажи мне кейпа, у которого нет проблем, и я посажу его в клетку. Как исчезающий вид.

— Не надо сажать Рыцаря в клетку, — девочка слабо улыбнулась. — А если серьезно, то не надо заставлять кого-то умолять о смерти. Если ты из-за меня превратишься в чудовище, я себе этого не прощу.

— Я обещаю, что этого не случится.

«По крайней мере, я надеюсь».

Мы не спеша снова двинулись по маршруту, но через несколько минут наши рации ожили с тревожным сигналом.

— Консоль — Стражам, — раздался в наушнике голос Софии. — Перекресток Франклина и Карлтона, Убер и Элит в супермаркете.

— Поняла, — первой сориентировалась Виста. — Три минуты до прибытия.

— Осторожнее, — София запнулась, будто с непривычки. — У них огнестрел.

— Нужна карета «скорой помощи» и растворитель, — ответил я.

— Давай полегче там, я на их канал подписана.

— Так я тоже. Но на всякий случай.

— Окей.

Виста сказала, что мы прибудем за три минуты, но успели меньше чем за две. Возле входа в магазин уже собралась небольшая толпа, в основном из покупателей, которые решили держаться от кейпов подальше. Ну, уже неплохо. Скорее всего, обойдется без заложников. Виста ободрительно махнула зевакам рукой, и мы вошли внутрь.

Пара злодеев-стримеров развлекалась тем, что грабила супермаркет. Точнее даже не грабила, а занималась избирательным вандализмом. Я не знаю, как это назвать. Картина вообще была довольно странная.

Высокий и полноватый Убер, одетый в какой-то коричневый мундир, галифе и красный берет ловко крутил на пальцах два роскошно украшенных крупнокалиберных револьвера. Время от времени он стрелял куда-то, но пули никогда не попадали прямо в цель, а ricochetили от разных поверхностей и только потом разбивали очередную бутылку или коробку.

Продавцы сидели под кассами и при звуках выстрелов уже даже не вздрагивали. Несколько покупателей, слишком трусливых чтобы попытаться убежать, либо слишком любопытных, чтобы пропустить съемку шоу, выглядывали из-за полок.

Элита я нигде не заметил, но между полок ползала большая картонная коробка. Разве может коробка ползать сама по себе? На секунду мне показалось, что надо бы проверить, что под ней, но тут же решил, что Убер и его два ствола намного более серьезная угроза. В самом деле, что опасного в коробке?

— Стоять на месте! — рявкнул Убер, оборачиваясь к нам, и выстрелил вверх не целясь. С потолка посыпались искры и на пол упала отстреленная лампа. — Прихвостни Патриотов не помешают FOXHOUND собрать ресурсы для восстания!

— Виста, держись за мной, — шепнул я в микрофон рации. — Мой костюм лучше бронирован.

Я сконцентрировал сквозное зрение на револьверах. Обычные заводские изделия, даже украшения ручной работы, а не технарские модификации. Пули оказались пластиковыми, но калибр и огромная навеска пороха все равно сделали бы попадание очень болезненным. Мои бластеры смотрели в грудь Убера, но состязаться в стрельбе с Козырем, способным дать себе любое существующее в мире умение, от виртуозной меткости до игры на волынке, мне показалось плохой идеей. Особенно в помещении с кучей гражданских. За такое любого героя с костями сожрут. Для начала потянем время...

— Хорошее оружие, — сказал я, смещаясь в сторону. — Но гравировка не дает тактического преимущества.

— Эй, это моя фраза! — возмущенно отозвалась ползающая коробка.

С глаз словно спала пелена, и оказалось, что в коробке все это время сидел Элит. Он был одет в военную форму цвета хаки, на голове у него была повязана бандана а один глаз закрывала повязка. Из оружия Элит имел пистолет с глушителем и технарские гранаты — вероятно, дымовые или оглушающие, полезные для побега. В руках он держал блоки сигарет и разные полуфабрикаты.

Вряд ли эти двое настолько обеднели, что пошли на грабеж ради еды — я-то знал,

сколько им донатят на стримах. Скорее, просто отыгрывали сбор бонусов на игровом уровне. Но какая крутая штука эта коробка! Надо будет ее потом выкупить.

— Не сегодня, Снейк! — ответил я, беря на прицел и его. — Брось припасы и вали обратно под юбку Босс.

— Что ты вообще несешь? — тихо прошипела Виста.

— Я усыплю их бдительность, — еще раз окинув взглядом помещение, я заметил неподалеку холодильник с рыбой. — У меня есть идея.

— Валить? — громко осведомился Убер и запрыгнул на кассу. — Этого не будет. Оцелоты — гордые создания.

Он принялся еще быстрее крутить свои револьверы, выделявая все более сложные трюки.

И крутил...

И крутил...

И крутил...

— Двенадцать выстрелов, — известил он, беря меня на прицел.

Я удержался от выстрела только потому, что знал эту кат-сцену. Убер тоже остался верен сценарию, и принялся крутить револьверы снова.

И крутил...

И крутил...

И крутил...

— Самые бесполезные сорок секунд в моей жизни, — прокомментировал я, когда он наконец-то убрал оружие в кобуры. — Виста, постой тут.

Провожаемый озадаченными взглядами напарницы, продавцов, покупателей и даже собственно злодеев, я подошел к холодильнику и принялся выбирать рыбу покрупнее. Свой выбор я остановил на жирной атлантической треске, которая даже без головы имела больше полуметра в длину.

— Виста, будь готова. Когда я скажу «это не мой меч», проведи сближение, — шепнул я в рацию, после чего добавил погромче, кладя перед скучающим под одной из касс продавцом две двадцатидолларовые купюры. — Сдачи не надо, благодарю за содействие.

— Это рыба, — констатировал очевидное Элит.

Сквозным зрением я еще раз оценил состояние обоих противников. Несмотря на дурашливость, оба собранны и готовы дать отпор. Я немного сместился, чтобы видеть обоих и одновременно заслонить собой Висту. После чего поднял треску над головой, удерживая ее за хвост, добавил мощности встроенным динамикам маски и произнес:

— Когда я стал Стражем, то поклялся, что мой меч станет инструментом правосудия. Что я не обнажу его в гневе или ради мести. Но теперь... теперь я уже не так уверен. И еще. *Это не мой меч!*

Дальше все произошло очень быстро.

Виста отрабатывала этот прием сотни раз, резко сжимая пространство между Стояком и целью, которую тот мог тут же заморозить. Дополнялось сближением поднятием складок пространства от земли или пола, чтобы ограничить передвижение целей. Эту манипуляцию она проделывала почти мгновенно, и потому смогла обеспечить нам преимущество внезапности. Первой целью Виста предсказуемо выбрала Убера, как более опасного и стоящего на возвышении.

Одним шагом я оказался у него за спиной, опрокинув при этом стойку с журналами и

газетами, и с размаху врезал ему по голове мороженой треской. А потом, не останавливая движения, повернулся вбок и обрушил здоровенную рыбину на голову Элита.

Ну, что же, я сказал правду — это действительно был не мой меч. Хотя по моим расчетам, я должен был оглушить только Убера, а Элит применил бы что-то из своего арсенала и успел вытащить поделщика, бросив награбленное. С точки зрения СКП это был идеальный сценарий действий — злодеи изгнаны, жертв и пострадавших нет, ущерб минимален...

Ой... Черт. Кажется, я использовал нейроподавитель. Неосознанно, на рефлексах, и всего на секунду, но этого хватило. В помещении, забитом гражданскими. Хотя вроде в радиус удара никто из них не попал... может и пронесет. А вот с тем, что удары получились гораздо сильнее, чем я рассчитывал, нужно было что-то делать, и быстро.

— Виста, вызывай штаб, обоим нужна госпитализация. Срочно. Я немного перестарался.

Та кивнула и взялась за рацию. Я уложил обоих стримеров рядом и проверил пульс. Живы, пока что. Наружного кровотечения тоже нет. Я принялся рыться в подсумках в поисках нужных ампул. Так, сначала колем сосудосуживающее, и только потом регенеративную сыворотку. Из холодильников я нагреб немного льда и соорудил компрессы.

Все, больше я тут ничего не сделаю. Когда их доставят в госпиталь, я займусь ими более основательно, под рукой будет мобильная лаборатория. Пока же в моих силах было только смягчить последствия травмы. О, и чуть не забыл. Небольшая доза транквилизатора — чтобы не очнулись слишком рано.

Ладно, пока вроде все неплохо. Где там эта коробочка? Надо прикарманить, пока никто не видит.

Несколькими часами позднее

— Говнюк!

— Сэр, вы даёте разрешение на применение к вам парачеловеческих сил с терапевтическими целями?

— Пидар!

— Подумайте лучше, последствия черепно-мозговой травмы могут иметь тяжёлые последствия. Даже повлиять на использование вами собственных сил.

— Да иди ты в жопу! — технарь отвернулся в сторону. Он лежал на койке, в той же одежде и маске, в которой его арестовали, но все снаряжение изъяли, а обе руки приковали наручниками. — А я ещё с тобой делился.

— Я с тобой тоже, если забыл, — перехватив подозрительный взгляд стоящей рядом Мисс Ополчение, я торопливо добавил, — и было это задолго до моего вступления в Стражи.

— Элит, не дури, — подал голос с соседней койки Убер. — Сотрясение мозга это не шутки.

— И когда я сказал про нарушение работы сил — это была не шутка, — добавил я. — Своими глазами такое видел.

— Это когда успел? — угрюмо осведомился Элит.

— У меня две битвы с Губителями за плечами. Я видел такое, от чего ты грохнулся бы в обморок как диснеевская принцесса. И когда я говорю, что есть риск — это значит, что он есть.

Технарь рассержено дернулся, но уже без прежнего задора.

— Ладно, коли.

Я перевел страдающий взгляд на Мисс Ополчение. Ее скрытое банданой лицо не выражало ничего, а ход биохимических процессов в теле отражал внутреннее спокойствие. Почему-то она пугала меня больше всех прочих кейпов, с которыми я встречался.

Она была образцовым героем, одним из немногих, кому позволялось использовать государственный флаг как часть костюма, членом первой команды Стражей вместе с Шевалье. Но было в ней что-то неуловимо жуткое, что мог понять только кто-то вроде меня, умеющий чувствовать эмоции и немного понимающий тонкости парасил.

Она создавала оружие — любое, когда-либо существовавшее на земле, от ножей до противотанковых ракет. Она носила полевую военную форму в качестве костюма. Она сама словно была оружием, которому без разницы, в кого стрелять, и которое лишь послушно следует за держащей его рукой. Такие как она, на военных трибуналах говорят, что просто исполняли приказы.

Может, я стал слишком мнительным, но у меня складывалось именно такое впечатление, и не только потому, что она была родом откуда-то с Ближнего Востока.

— Вы дадите разрешение на применение к вам парачеловеческих сил с терапевтическими целями? — повторил я, не рискуя отклоняться от протокола.

— Даю, — Элит закатил глаза.

— Вот так бы сразу, — я принялся наматывать на его руку резиновый жгут. — Теперь работай кулаком, мне вена нужна.

Сделав укол, я принялся собирать свою переносную лабораторию. Мисс Ополчение за все это время не проронила ни слова и вообще не шевельнулась. Двигался только сгусток зеленой энергии в ее руке, постоянно меняя форму от пистолета к дробовику, от дробовика к пистолету-пулемету и снова превращаясь в пистолет, причем каждый раз разных моделей.

Однако, к моему удивлению, она вышла из палаты следом за мной. Хотя ей полагалось охранять Убера и Элита до тех пор, пока врачи не оформят выписку и их можно будет отконвоировать в тюрьму. По моей спине побежали мурашки от предчувствия неприятностей.

— Мне не нравится твоя тенденция, Магистерий, — сказала она прямо.

прямо, как винтовочный ствол

— Простите, мэм?

— Ты теряешь самоконтроль. Вчера разгромил кабинет директора, сегодня чуть не прикончил этих клоунов.

— Если бы у меня не забрали меч, я бы разоружил обоих за секунду, и не пришлось бы импровизировать.

— Или прикончил наверняка.

— Мэм, я могу разрезать подброшенное яблоко на четыре равных дольки. Заметьте, не за счет способностей, а благодаря месяцам тренировок на скорость и точность движений.

— Тебе назначили эти тренировки для того, чтобы ты сам себя случайно не покалечил. Зачем вообще ты его уничтожил?

— Потому что это не просто техника. Это мое первое настоящее творение, и точно самое красивое. И если у меня его забирают — то пусть не достается никому.

— Тебе бы его вернули, если бы ты показал хороший прогресс на занятиях по контролю гнева.

— Мы оба прекрасно понимаем, что дело не в занятиях. Просто нам с директором

Пиггот в одном городе слишком мало места, с ее-то габаритами. В любом случае, проблема решится сама через три месяца.

Я развернулся, чтобы уйти.

— Стой. Я еще не закончила.

— Что?

— Я уже видела, как это происходит. Как герои, и начинающие, и уже заработавшие имя, вдруг решали, что правила их только сковывают, и превращались в опаснейших злодеев. Я прошу тебя — не становись врагом.

Если бы она плюнула мне в лицо, я бы испытал меньшее потрясение. Несколько секунд я просто стоял на месте, отказываясь верить в реальность происходящего. Мисс Ополчение... считала меня потенциальным врагом?! Ей было плевать на все, что я сделал, и что смогу сделать, ее волновала только выбитая дверь?!

что вообще эта чурка себе позволяет

Оружие в руке героини снова изменило форму, став двуствольным обрезом. Отличный выбор против моего костюма. Даже если дробинки не пробьют материал, болевой шок гарантированно выведет меня из строя.

Мои руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Мэм, если вы вынудите меня однажды стать вашим врагом, — выщедил я сквозь зубы, еле-еле дыша от бешенства, — то можете попрощаться со всей планетой.

Из больницы я почти выбежал. Клянусь, еще немного, я бы не выдержал. Перед глазами стояла очень живая картина того, как я отстреливаю Мисс Ополчение ноги и голыми руками отрываю ей челюсть. У подножья крыльца я остановился и позволил себе немного отдышаться. Приступ ярости быстро угасал, оставляя после себя тяжесть в голове и усталость.

Иногда я начинал подозревать, что вся вселенная сговорилась, чтобы довести меня до ручки, вынудить крушить все вокруг только для того, чтобы навесить меня ярлык злодея. Надо было найти способ сбросить напряжение.

Попробовать что ли выследить Демона Ли? Хотя не, опасно. Пока я торчал в Австралии, Лунг заполучил в банду технаря. Судя по ориентировке, со специализацией на бомбах и гранатах. Слишком мощная синергия сил, и неизвестен потенциал технаря.

Выщепить кого-нибудь из людей Выверта и оставить ему гипно-закладку? Скажем, с приказом ровно в полдень первого апреля убить всех, с кем он говорил за последние сутки, а потом покончить с собой. Звучит мило, но поди такого поймай. Сила Выверта оставалась неясной, но своих подчиненных он выводил из-под ударов мастерски. Странно, что мне вообще удалось с ними однажды столкнуться.

Или пойти передуть Неформалов, просто так? Хотя... смысла нет. В ночь с субботы на воскресенье они основательно обнесли казино Лунга, и теперь он их сам прикончит. Необучаемые.

— Прости, можно...

Я резко обернулся, готовый к новой порции препирательств. Но нет, это оказалась не Мисс Ополчение. Лучше бы это была она.

— Добрый вечер, мисс Эберт, — поздоровался я, привычно влезая в шкуру правильного Стража. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Добрый вечер, — она кивнула.

заторможенная речь, рассинхронизация работы мышц, мелкий тремор, неспособность

сфокусировать взгляд

И главное, на кой черт ей вообще понадобилось встречаться со мной в гражданском облике?

— Чем обязан такой встрече? — я вопросительно наклонил голову. — Обычно мои пациенты не являются на повторный прием. Возникли какие-то осложнения, побочные эффекты?

— Нет, ничего такого, — она помотала головой. — Я просто так тебя и не поблагодарила.

— О, не бери в голову. Я вообще редко слышу слова благодарности.

— Ну, вот... спасибо, что помог. А, еще папа смог надавить на школу, пригрозил привлечь тебя, как свидетеля... они предпочли откупиться, чтобы не начинать скандал.

— Хех. Кем-то пугают детей, а мною пугают школьных учителей. Ну что же, рад, что у тебя все в порядке.

Ее лицо за одно мгновение изменилось. Если секунду назад на нем еще оставалась какая-то имитация человеческих чувств, то теперь оно полностью опустело. Мертвая маска из плоти, натянутая на череп, не более. Я чуть отступил назад, на всякий случай незаметно приведя в готовность наручный бластер.

— Да, в порядке, — подтвердила она бесцветным голосом.

«Не в порядке», — понял я.

С одной стороны объяснимо, ведь я убрал из ее окружения только Софию. С другой, я не понимал, почему она не использовала свою силу, чтобы покарать обидчиков. Не в школе, разумеется, а подкараулив там, где на нее не падет подозрение. Судя по судебным прецедентам, убийство кейпом человека, ставшего причиной триггера, не то что бы было декриминализовано, но очень часто сходило с рук, заменяясь испытательным сроком в Стражах или Протекторате. Если, конечно, убийцу задерживали до того, как он успевал натворить что-то еще серьезное. Похоже, очередная причуда изуродованного суперсилой мышления.

— Я хотела кое-что спросить, — вдруг сказала Тейлор.

— М?

— Каково это — использовать силу, чтобы помогать людям?

Я задумался.

— Тебе нужен воодушевляющий ответ или честный?

Ее лицо не выражало ничего, в ее крови не было ни микрограмма стрессовых гормонов.

— Честный.

— Люди — неблагодарный, алчный и эгоистичный скот. Когда я только начал этим заниматься, когда ходил по квартирам в Доках, то думал, что готов посвятить этому жизнь. Сейчас СКП вынуждено возмещать больницам недополученную прибыль, потому что пациенты, которых я или Панацея исцелили, больше не нуждаются в дорогостоящем лечении. Выходит недешево, сама понимаешь, но мне позволяют этим заниматься, потому что СМИ получают красивую картинку. Против меня пару раз пытались подавать иски фармацевтические корпорации, якобы я расшифровал состав их лекарств и копирую их без лицензии. Такие иски юристы СКП на завтрак жрут, но важен сам факт. В ноябре Бегемот атаковал Мехико, и я в течение семи часов сшивал по кускам горелые, облученные полутрупы. Единственным, кто заметил это, оказался Кайзер. А вот когда он это упомянул в своем выступлении, это заметили буквально все, и ко мне прилипло клеймо неонациста.

Канберра и Симург... ну ты сама все знаешь, если живешь не заткнув уши. Буквально пару часов назад я и Виста задержали Убера и Элита, громивших супермаркет. Знаешь, какова реакция общественности?

Я достал смартфон, зашел на ПЛО и открыл ветку обсуждения сегодняшней схватки. Благодаря камере-снитчу, почтеннейшая публика могла наблюдать за событиями в режиме онлайн. Посты пестрели сюсюканьем в адрес Висты, смехуечками, фотожабами и хештегами **#чувак_с_треской**. (прим.: "codboy", по аналогии с "cowboy")

— Для них это шоу. Будто мы дрессированные обезьянки в вольере, которые лупят друг друга палками.

— Разве все это не большая игра? — спросила Тейлор. — Ну, в «ковбоев и индейцев». Никто не бьет в полную силу, соблюдает неписанные правила. Кажется, это так называется. Не убивать, не пытаться раскрыть личность...

— Я не знаю, что за конченный, беспросветный дебил наплел тебе эту чушь, но сделай одолжение, возьми дрель и просверли ему дюжину дыр в черепе, чтобы мозги проветрились. Для того, что происходит сейчас, есть термин «холодная война». Это такая штука, которая была с конца Второй Мировой и до момента, когда Зион уничтожил все ядерное оружие в мире. Знаешь смысл?

Тейлор покачала головой.

— У нас и у Советов было достаточно боеголовок, чтобы несколько раз стереть всю жизнь на планете. И поскольку выжженный радиоактивный шарик никому не сдался, все боялись запустить ракеты первыми, потому что противник успел бы нанести удар возмездия. Вместо этого в ход шли дипломатия, шпионаж, торговые войны и прочая возня. Тоже игра, на первый взгляд. В итоге почти сорок лет царил мир, но его обеспечил ужас перед взаимным уничтожением. Понимаешь аналогию? Лунг может сжечь весь город, если захочет, но тогда прилетит Александрия или Эйдолон, и разорвет его на миллион микро-Лунгов. Оружейник в одиночку может размазать половину Империи-88 в кровавый фарш, но тогда оставшаяся половина размажет в фарш треть жителей города. Ясное дело, это никому не нравится. Правительства искали оружие, которое позволит уничтожить врага и не огрести в ответ. Злодеи и герои ищут новичков достаточно сильных, чтобы переломить баланс сил.

Я отвесил картинный поклон.

— Ты достаточно силен?

— Нет. Пока нет. Но однажды наступит день, когда злодеи станут бояться одного моего имени. Они забьются в самые глубокие норы и не посмеют показать оттуда носа, потому что стоит им вылезти — и их настигнет самая жестокая расправа

Тейлор молчала, сохраняя каменное лицо. Может, оно и к лучшему, что у ее эмоции и мышление оказались замещены убогой имитацией таковых. Будь она полноценной личностью, я бы не рискнул откровенничать с ней о наблевшем. Но она больше казалась неодушевленной куклой, манекеном, чем живым человеком, поэтому разговаривать с ней я мог без опаски — как с подушкой.

Хотя, наверное, надо будет навестить ее отца. Спросить, сильно ли она изменилась. Если проявятся опасные для окружающих симптомы — наплюю на тайну личности и сдам ее в Элизиум.

— Ясно. Вот как, — Тейлор решила нарушить молчание, будто пришла к какому-то выводу. — Спасибо, что уделил время.

— Обращайся. Надеюсь, я не слишком испортил тебе настроение.

— Нет, все хорошо. Пока.

Пока она удалялась, я смотрел ей вслед. Даже в ее походке было что-то противоестественное, будто что-то надело на себя оболочку моей ровесницы и пыталось научиться ходить на человеческих ногах.

В стороне раздался звон разбитого стекла и стук падения чего-то тяжелого. Я повернулся на звук и увидел Убера и Элита, которые со стонами и кряхтением, но очень быстро бежали к прочь, а потом нырнули в переулок. Я с трудом удержался от того, чтобы закрыть маску рукой. Долго же они соображали. А я ведь чуть ли не наизнанку выворачивался, чтобы тайком передать обоим тубики с кислотным гелем.

Боже, каким слепцом я тогда был! Сосредоточившись на своих личных проблемах, я не увидел полной картины тогда, когда еще не поздно было что-то исправить. Если бы я вдумчиво сопоставил известные факты и привлек к расследованию Виктора, то не мешкая ни секунды отправился бы за Неформалами и перебил всех без всякой жалости. И тогда катастрофа бы не случилась.

Но я лишь проводил Тейлор взглядом, а потом полетел обратно на базу Стражей — чинить доспех.

Тем же вечером мне пришло сообщение с неизвестного номера: «Нашла байкера, гея, блондинку и собаку. Пока наблюдаю. Жучок». Но даже этому я не придавал большого значения. Только ответил: «Молодец. Будь осторожнее», и снова вернулся к работе.

Эгоцентричный кретин.

24 марта 2011, Монтпилиер, штат Вермонт

Пока с жертвы Серого Мальчика снимали ограждения, рядом со мной стояло два героя из местной команды Протектората. Точнее это и была вся команда. Монтпилиер был маленьким городом, местный офис СКП занимал половину этажа в здании отделения полиции, городские злодеи в количестве четырех одиночек здесь только жили да устраивали мелкие свары между собой, а свои злодейские злодеяния в основном злодействовали в городах покрупнее. Просто идиллия. Только опечатанный и огороженный кокон свидетельствовал, что когда-то это тихое место навестила Бойня № 9.

— Что, думаешь, сможешь его оттуда вытащить? — спросил один из героев.

— Может вытащу, может нет... до меня этим наверняка занималась куча народу, и никто не нашел решения. Если получится, то я клёвый. Если нет, то хуже не станет.

Я не запомнил его имя, но в память врезалась дурацкая эмблема в виде груши на груди. Серьезно, Протекторату пора пересматривать подход к формированию имиджа паралюдей. Лет двадцать назад это может и выглядело нормально, но сейчас попытки сберечь индивидуальность всех и каждого приводили к все более курьезным случаям. Кто-то скажет, что главное в герое его сила, но я достаточно варился в этом чане, чтобы не согласиться.

Главное в герое — то, как его воспринимают, и сила является лишь одним из факторов. Даже личная эффективность не столь важна, как рейтинги общественного одобрения, которые подчиняются каким-то своим законам, и которые почти не зависят от осознанных действий кейпа.

Я убедился в этом на личном опыте, но еще ярче был пример Оружейника. Он работал как проклятый, его проекты аналитических алгоритмов обещали в будущем спасти миллионы жизней, предсказывая действия Губителей. Ради своего дела он отказался от семьи и друзей, даже от самой своей гражданской личности. Все знают Оружейника, но едва ли за пределами СКП и Протектората найдется хоть три человека, знакомых с Коллином Уоллесом. И какова награда? Глава слабой команды в нишей дыре, которая ему даже не родная.

Предположим, я сейчас соберу достаточно данных, чтобы понять, как разомкнуть временную петлю. Это не даст никаких гарантий, что отношение ко мне станет лучше, или что не станет хуже. Вот этот бедолага почти на четверть века был вырван из общества. Его родные, если они выжили после налета Бойни, давно считают его мертвым. Даже если он освободится, его придется очень долго и аккуратно интегрировать обратно в общество. Что будет той еще проблемкой...

Петля Серого Мальчика откатывала состояние и положение объектов внутри себя, но разум живых людей сохранял линейность восприятия. С некоторыми их жертв какое-то время удавалось вести диалог, если длительность цикла позволяла произнести хоть слово. По идее, вечная боль, которая не просто не проходит, а каждый раз вгрызается также жестоко, как в первый раз, невозможность спать, и сенсорная депривация внутри коконов должны были даровать жертвам спасительное безумие. Вот только этого не происходило.

С кокона упала последняя завеса, и на нас уставились два глаза.

Парню на вид было не больше двадцати. Он был одет в майку, шорты и беговые кроссовки. Наверняка, до того, как все началось, он просто вышел на утреннюю пробежку,

чтобы потом заняться рутинными делами. Но судьба распорядилась иначе, и сделала его живым подтверждением того, что есть вещи гораздо страшнее смерти.

Каждые две с половиной секунды у него над головой возникала горящая спичка, которая тут же падала вниз и поджигала бензин, которым парень был облит с головы до ног. Огонь мгновенно охватывал его целиком, но не успевал сжечь, потому что состояние всего, заключенного в воронку зацикленного времени, ровно через две с половиной секунды возвращалось к исходной точке. Снова падала спичка, снова вспыхивало пламя.

И так на протяжении последних двадцати двух лет.

- 'Товыыы?! — вопрос быстро перетек в крик боли, когда бензин снова вспыхнул.

Меня передернуло, но я сумел не отвести взгляд.

— Паралюди, — ответил я, поймав момент между началом цикла и падением спички. Я не использовал термины «кейп» или «технарь», они появились позднее, выходец из восьмидесят девятого года не мог их знать.

- 'Ытациииыы!!!

— Конечно.

Наверное, Канберра повлияла на меня сильнее, чем мне хотелось бы. Я слишком зачерствел. Еще несколько месяцев назад я бы замер в ужасе, растерянно засуетился, не зная, как помочь, и осознавая, что помочь ничем нельзя, а потом бросился бежать, куда глаза глядят. Сейчас, после первого испуга, во мне остался только отстраненный интерес: как это было создано и как это уничтожить.

Может, оно и к лучшему, что эта сила настолько страшна. Если мне удастся ей овладеть, то никогда не возникнет необходимости применить ее на другом человеке. Наверное, многих злодеев я бы убил недрогнувшей рукой, но такого не заслуживал никто. И никто не рискнет испытать временную петлю на себе.

— Пожалуаааа!!!

— Обязательно, — отозвался я и поразился тому, насколько спокойным был ответ. — Клянусь.

— Господи, — пробормотала вторая героиня из команды, с короткими черными волосами и узором в виде махаона на груди. — Он и правда еще жив! Столько лет...

— Да-да, жив. Пожалуйста, отойди и не лезь под руку.

Начал я с чего попроще — с портняжного метра. С его помощью я и замерил петлю, которая представляла собой правильный цилиндр, три метра в высоту и два в диаметре. С помощью точного микрофона измерил продолжительность цикла с точностью до микросекунды. Я не знал, за что из собранных данных и в каком сочетании моя сила сможет уцепиться, а потому был решительно настроен изучить и зафиксировать все, что можно и нельзя, но хочется. С этой целью я не только специально построил несколько сканеров различных диапазонов и переделал те, что использовались в эксперименте с триггером Торы, но и совершил набег на запасы брошенных проектов Кид Вина. Даже у Оружейника выклянчил кое-что из его инструментов под честное слово, что верну в целости. Даже обычные приборы пришлось кстати, благо я три месяца почти не трогал свой технарский бюджет, и скопившейся суммы хватило на кое-что полезное.

Мои многочисленные измерительные приборы продолжали сканировать петлю и прилегающий объем пространства. Большая часть ожидаемо не смогла зафиксировать ничего — петля была практически неприкосновенна. Моя собственная сила тут тоже была бесполезна, я чувствовал только область абсолютного вакуума, в которой не было ни

единого атома вещества.

Но все же какие-то крупницы информации удавалось добыть.

Например, отсутствие остаточных колебаний говорило о том, что временная петлясамодостаточна. Она не подпитывалась от источника силы, а существовала сама по себе, и могла оставаться стабильной в течение очень длительного времени. Тысячи, или миллионы лет.

То, что мы могли наблюдать петлю, а находящаяся внутри жертва видела окружающий мир, означало что четвертое измерение не просто замыкалось на себя, а закручивалось куда более сложным образом. Другой датчик, вдохновением которому послужило приобретенное у Ящика Игрушек карманное измерение, обнаружил косвенные признаки суперпозиции.

Видимый свет проникает в петлю и покидает ее, также как и звуки. Это тоже нужно учесть.

И этот монохромный эффект, который и дал имя Серому Мальчику... это как-то связано с воздействием зацикленного времени на проходящий через область свет. Это что-то означает. На всякий случай я воспользовался спектрографом, сделал серию замеров, на разных линиях проходящих сквозь «серую область», сначала перед ней, а потом за ней.

И так далее, в том же духе.

Я провел возле петли почти пять часов, старательно выдумывая все новые способы добиться хоть какой-то реакции. В ход пошло все, от бросания камней до расстрела петли фотокинетическими бластерами. Ожидаемо, почти ничего из перечисленного не сработало. Но постепенно, мало-помалу ко мне начало приходить понимание процессов внутри петли.

Все результаты были тщательно записаны, методика и порядок исследований — упорядочены и рассортированы. На новом месте будет проще и потрачу меньше времени.

Весенние каникулы были коротки, а у меня в плане стояло обследование еще девяти таких же коконов.

5 апреля 2011

Крис требовательно смотрел на меня.

Я чувствовал его взгляд затылком и пытался съежиться, делая вид, что изучаю собранные на каникулах данные. Мне оставалось только проклинать себя за неосмотрительность.

— Ну? — спросил он.

— Что «ну»? — обреченно отозвался я. Бежать было некуда.

— Помоги мне изучить силу Карлоса!

— А сам не можешь?

— Ну, я не очень шарю во всяких внутренностях! — Крис развел руками. — А ты шаришь.

— Да я тоже не сильно...

— Тебе просто лень.

— Мне не лень, просто прикинь нас застукают, а мы... этим самым непотребством занимаемся.

— Да я скажу, что моя идея!

Я тяжело вздохнул. Вообще, мне было несложно помочь. Просто силу Эгиды можно было изучить единственным способом, а когда Мисс Ополчение меня застала за изучением силы Штурма, то велела больше так не делать. В противном случае мне до конца учебного

грозили походы в школы три раза в неделю, в начальные классы.

Наверное, не стоило разбивать о его голову табуретку и кричать при этом «Законы природы нахуй!»... хотя сам Штурм не возражал.

— Ладно, только накинь что-нибудь поверх брони, чтобы кровью не заляпать. Это с моей мантии легко все смывается.

— У меня хирургический халат есть, — гордо заявил Крис. — Специально для этого случая купил.

А, то есть он все спланировал. Ладно, друзьям надо помогать. Особенно если скоро распрощаешься с ними навсегда. Я встал из кресла и вдруг кое-что вспомнил:

— Стопэ. А Карлос-то в курсе, что мы его изучать будем?

— Ну, эээ, — Крис отвел глаза. — Вдвоем-то мы его легко уговорим, верно?

...

Пятнадцать минут и одно сбивчивое объяснение спустя

— Все парни одинаковы! — горестно прохныкал Карлос, лежа на хирургическом столе. — Вам от меня только одно и нужно, мои способности!

Вообще-то настоящего хирургического стола у нас не нашлось, так что его роль играл один из верстаков, очищенный от мусора и вытащенный на середину мастерской.

— Ну что ты! — подбодрил его Крис. — Мы очень ценим твой богатый внутренний мир. Конрад, ты скоро?

Я пытался найти в интернете какой-нибудь медицинский учебник, в котором бы описывался способ вскрытия брюшной полости и грудной клетки, но мне попадались только руководства для патологоанатомов. Не, Карлосу с его неубиваемостью все равно, но нам-то каково!

— Погоди, а нам есть, чем ребра резать?

— А то! — Крис продемонстрировал патологоанатомическую дисковую пилу с алмазным напылением.

— Епт... где ты ее вообще достал?!

— В больнице, куда ты обычно ходишь. Зашел в морг, попросил попользоваться.

— Кажется, я на тебя плохо влияю... ладно делаем так. Сначала разрез от шеи до паха, потом срезаем грудину, а дальше видно будет.

— Чет у меня плохое предчувствие, — заметил Эгида.

...

Еще час спустя

Мастерская все больше начинала напоминать скотобойню, мы с Крисом — мясников, а у Карлоса начался словесный понос. И его совершенно не смущало, что его внутренности вывернуты на всеобщее обозрение, часть органов вытащена наружу, а часть и вовсе удалена.

— Эй, Конрад!

— Что еще? — я честно пытался понять, как Карлос не теряет сознания, лишившись практически всей крови и сердца вместе с ней.

— Я чувствую себя немного странно, отдав свое сердце двум парням.

— Будешь ржать мне под скальпель, еще и селезенку отдашь.

— Не увиливай, я знаю, что вы оба хотите кусочек меня.

— Крис, давай удалим ему голосовые связки?

— А толку? — отозвался он, оторвавшись от изучения пульсации диафрагмы. — Он начнет говорить легкими.

— Именно легкими? Ты уже разобрался в механизме дублирующих систем?

— Начинаю постепенно понимать. Смотри, когда не стало крови и сердца, кислород начал поступать в организм через кожу, и вообще через все поверхности, которые касаются воздуха. Тем же путем выделяются отходы, которые раньше выдыхались.

— Так, вижу...

— Если убрать голосовые связки, будет задействован «короткий путь» с помощью ближайшего подходящего органа. То есть вибрации легких.

— А если выколоть глаза?

— Будет смотреть кожей.

— А если удалить желудок и кишечник, то питательные вещества будут впитываться прямо во рту?

— Вероятно. Или просто будет получать энергию другим способом. Поглощать тепло, например.

— Блин, среди всех способностей, что я видел, эта — самая ебанутая. Как это вообще работает?

— Не знаю, — пробормотал Крис. — Но теперь уверен, что смогу использовать похожий принцип в своей новой броне.

— В смысле, сделаешь ее устойчивой к повреждениям?

— Нет, просто каждая ее часть сможет выполнить любую функцию. А хранилище функций останется на сервере, который будет спрятан в пространственном кармане. Кстати, спасибо за идею.

Я попытался представить результат. Получилось что-то вроде массива наномашин, которые формировали из себя требуемую структуру согласно переданным шаблонам. Но так можно только изменять форму, а не формировать сложные механизмы.

— Такая универсальность вообще возможна?

— Чувак, это моя специализация, — Крис довольно ухмыльнулся. — Она уже частично готова, но мне нужны были идеи, как все увязать между собой.

— Эммм... ладно, покажешь потом, — я достал свой лазерный биопсатор, собранный в незапамятные времена, когда стояла задача вылечить собственный диабет, и склонился над головой Карлоса.

— Так, ты чего собираешься делать?

— Сам не знаю, — признался я. — Попробую взять у тебя образец Corona Pollentia и добавить в регенеративную сыворотку.

— А что должно получиться?

— А фиг его знает, — биопсатор тихо пискнул, выхватывая из крохотной ранки в черепе микроскопический кусочек плоти. — Может, что-то и получится.

Раздавшийся предупредительный сигнал заставил всех троих встать. Посетители.

— Я что-то путаю, или сегодня должны были представить новенького? — спросил я. — Этого, как его, Страшилище вроде?

— Страшила он, — ответил Карлос и вдруг задумался. — Хм. Вы думаете о том же, о чем и я?

— Брейся, дружок, мы натуралы.

— Да не! Давайте разыграем!

— А как... — спросил Крис и тут же осекся, когда сообразил. — Блин, это слишком

жестко.

— Да ладно, пусть привыкает. Мы же не хотим, чтобы его в реальной драке стошнило от вида моих кишок? А если что, валите все на меня.

...

Еще минуту спустя

— Итак, ребята, это наш новичок, — Батарей бросила быстрый взгляд на мужа и напарника, но Штурм знал, когда можно дурачиться, а когда лучше напустить серьезность.

— Привет, я — Страшила, — представился парень в синем костюме и такой же маске. Судя по его мощнейшей мускулатуре, он мог задушить медведя одной рукой. Даже не применяя способности.

— И это все? — спросил Штурм, глядя на Рыцаря и Висту. — А технари ваши опять в мастерских киснут? И где лидер?

— А они все у Кид Вина, — Виста показала пальцем на одну из дверей. — Какое-то исследование проводят.

Батарей только покачала головой. Дай технарю волю, и он закопается в своей мастерской. Оружейник в этом плане ничем не отличался от своих учеников.

— Предупреждали же, — сказала она недовольно. — Пойдемте будить.

Она подошла к двери и постучала, но ответа не последовало. Нахмурившись, Батарей потянула на себя ручку, и обмерла.

Посреди мастерской стоял стол, на котором лежал практически выпотрошенный Эгида, а по бокам от него стояли оба юных технаря в хирургических халатах. Все помещение заливал тусклый красноватый свет, из-за чего кровь казалась черной, а какие-то механизмы издавали низкое угрожающее гудение. И словно этого было мало, все трое воздели руки кверху и замогильными голосами произносили какое-то странное заклинание.

— ETIS! ATTIS! ANIMATIS! ETIS! ATTIS! AMATIS! — нараспев читали Стражи. ETIS! ATTIS! ANIMATIS! ETIS! ATTIS! AMATIS!

Виста сдавленно пискнула у нее за спиной. Стоящий рядом Штурм присвистнул. Страшила не отреагировал никак.

Батарей включила нормальное освещение и перевела не обещающий ничего хорошего взгляд на виновника. Самый сильный в команде, самый многообещающий и ценный — и в то же время самый проблемный.

— Магистерий, объясни, что ты на этот раз устроил? — как можно спокойнее спросила она.

— Я-то тут причем?! — очень натурально удивился он. — Это все Эгида!

— Это все Эгида, — подтвердил Кид Вин.

— Это все я, — Эгида весело помахал рукой.

— Мило, что вы так стремитесь выгородить друга, но ничего не выйдет, — отрезала Батарей. — У вас первая встреча с новым товарищем, а вы устраиваете настолько неумные шутки. Страшила, извини за такой прием, обычно они ведут себя приличнее.

— Но мэм, это правда...

— А вы сейчас тут все отмоете! Эгида, ладно эти двое, но ты-то старше! Ты лидер команды!

— Виноват, мэм. На этапе планирования мне это казалось остроумным, — Эгида повертел головой. — Эй, вы если закончили, давайте собирайте меня обратно.

Технари подскочили на месте и засуетились.

— Крис, куда ты положил сердце?

— Вон на столе лежит.

— Это не сердце, это кусок печени!

— А, блин, точно... вот, держи.

— Ребят, вы меня пугаете.

— Не ссы Карлос, пока все нормально. Крис, а грудина где?

— Ты на нее чуть не наступил.

— Ой, блин... минутку, это помыть надо.

— Полегче с моим ливером, чертовы технари! Я его восемнадцать лет отращивал!

...

Прошло десять минут, прежде чем мы собрали Эгиду в один кусок и все трое выбрались в Хаб. Батарей и Штурм уже ушли, а Рыцарь в своей обычной деликатной манере разговаривал со Страшилой.

Последний снял маску и, похоже, выключил свои силы, потому что из великана-бодибилдера превратился в довольно тощего паренька, чуть ниже меня ростом. Хм. Биокинез, как у Панацеи, но направленный только на себя. Может, не настолько точный и разнообразный, но все равно отличный потенциал, из новичка со временем получится сильный кейп.

— Эгида, объясни все-таки, что это было? — спросил Рыцарь. Больше для Страшилы, чем для себя или Висты.

— Кид Вин хотел понять, как работает моя сила, чтобы использовать тот же принцип в своих шгуках.

— Давно технарство начало включать в себя призыв темных сил?

Эгида только хмыкнул и мы один за другим сняли маски и представились. Когда очередь дошла до меня, Страшила, он же Йохан, заинтересованно подался вперед.

— Я про тебя слышал, — сказал он, и это сразу заставило меня напрячься. — Ты правда можешь вылечить шизофрению?

— Зависит от конкретного случая, — ответил я осторожно. — От причин, симптомов, общей тяжести заболевания... мне уже доводилось отказываться от пациентов, которым я не мог помочь. А что, у тебя кто-то из родственников болен?

Он покачал головой.

— Не родственник.

Я воспользовался сквозным зрением, чтобы просканировать его мозг. Были некоторые характерные признаки, точечная аномальная активность в определенных областях, но в целом влияние на мышление оставалось несущественным. Больше затронута эмоциональная сфера, но не настолько, чтобы нарушить дееспособность.

— Забей. По сравнению с моими обычными пациентами, ты полностью здоров.

Не уверен, но кажется, это его немного подбодрило. Вскоре вернулись из патруля Стояк и Призрачная Сталкер, и Виста пошла заваривать чай на всех. Пополнение в рядах Стражей прошло спокойно и буднично.

Ночь с 10 на 11 апреля 2011 года

Мы с Кэсси смотрели друг на друга и молчали.

Говорить тут было не о чем. Ранее она бросила мне в лицо обвинения, и сегодня я пришел, чтобы полностью их подтвердить.

— Мы должны расстаться. Окончательно. Это с самого начала было ошибкой.

Она стояла в своей комнате у открытого окна, я висел перед этим же окном со стороны улицы. Поляризационная система костюма укрывала меня чернотой, превращая Белого Стража в жутковатого злодея. Маска поверх маски.

— Ты только за этим прилетел? Почти месяц не звонил, а теперь объявился.

— Было много дел.

— Каких еще дел? Фотосессии? Или объяснял второклашкам, что надо кидать мусор в урну?

— Разработка средств, способных выдержать атаки Губителей и нанести им вред. Это не считая обычной больничной практики. Пойми, Кэсси, я не герой с обложки. Последние полгода я либо зависаю на угрозах S-класса, либо готовлюсь к ним. Даже не будь мы... по разные стороны, я бы все равно не находил достаточно времени для тебя.

Она присела на подоконник и отвела взгляд.

Молчание все длилось.

— Кайзер тебя не отпустит.

— Мнение Кайзера меня не волнует. Либо он молча все проглатывает, либо я обеспечу ему кое-что похуже смерти.

— Тогда тебе будут мстить. Крюковолк, Фенья и Менья... да все считай.

— Надеюсь, до этого не дойдет. Но если потребуется, я готов сразиться со всеми одновременно.

— Их тоже убьешь?

Я не ответил. Скажи я «нет», это было бы ложью, но сказать «да» я тоже не мог. Для Кэсси Империя-88 была семьей, а Отала действительно приходилась ей двоюродной сестрой.

— Ты ведь скоро уезжаешь, да?

— В конце июня, сразу после экзаменов. Если, конечно, переживу следующую битву с Губителем, окно атаки откроется в первой половине мая. Скорее всего, это будет Левиафан, так что шансы два из трех. Ну, для меня побольше. Я надеюсь, по крайней мере.

— Знала бы я тебя чуть хуже, решила бы, что ты оправдываешься и давишь на жалость.

— А что я делаю на самом деле?

— Хвастаешься. Какой ты клевый, какое важное у тебя дело.

От такой отповеди я немного опешил, но стоило мне открыть рот, как я понял, что возразить мне нечего.

— Все, лети. Занимайся своими геройскими делами, спасай мир, что хочешь делай. Это все равно не моя лига, так что буду заниматься своими делами здесь. Может, действительно грохнешь Губителя, и Александрия на радостях тебе отсосет.

Она захлопнула окно у меня перед носом и задернула штору.

Я с минуту еще парил неподвижно, будто ждал, будто окно сейчас распахнется, и Кэсси скажет, что это шутка и поздравит с запоздавшим первым апреля. Но ничего подобного не произошло. Медленно выдохнув, я начал подниматься вверх.

Мост сожжен.

На высоте в полкилометра я остановился. Где-то вдалеке полыхали огненные вспышки, но у меня не было никакого настроения влезать в драку с Лунгом, особенно когда по правилам я должен давно находиться дома и спать, единственное нормальное оружие отобрали.

Вместо этого я сделал круг над южными районами, а потом направился к своему тайнику, где лежали штуки, которые слишком рискованно было держать в мастерской. На крыше одного из высотных зданий я свинтил панель с вентиляционного короба, вытащил длинный сверток и развернул его.

Меч с кроваво-алым рубиновым лезвием. Ради убойной мощи пришлось пожертвовать удобством и универсальностью, слегка изогнуть клинок и сконцентрировать энергию дезинтеграционного поля на единственной режущей кромке, из-за чего оружие отдаленно напоминало катану, хотя таковой и не являлось.

Пистолет «Зиг Зауэр» с небольшим запасом патронов. Выглядит слабенько на фоне технарского оружия, но это был мой первый трофей. Кроме того, пулю может выпустить кто угодно, тогда как по следам от бластера можно быстро установить автора изделия. Я обильно смазывал пистолет перед тем, как спрятать, так что ржавчина его не тронула.

Небольшой стазисный контейнер, в котором лежали несколько ампул для инъектора, наполненных сывороткой правды, гипноиндуктором и кое-чем похуже. Аварийный запас, который требует много времени и сил на изготовление, но слишком плохо хранится в обычных условиях.

Закатав правый рукав, я обнажил браслет-глюкометр. Точнее, то, что под него маскировалось. Хотя мне давно не требовалось следить за сахаром в крови, но осталась необходимость поддерживать легенду и просто привычка. Теперь в браслете скрывался небольшой пространственный карман, способный вместить всего пять килограммов груза, но зато компактный и нетребовательный к энергии.

Один за другим я поместил содержимое тайника в разные слоты и проверил, насколько быстро происходит извлечение. Получалось не очень удобно, предмет появлялся в нескольких сантиметрах от ладони, которую требовалось держать раскрытой. В разгар схватки лучше не рисковать. Но если есть хоть секунда передышки, это может спасти жизнь. Особенно если на меня нападут, когда я не в костюме.

Панель я поставил на место. Ткань, в которую были завернуты вещи, изрезал на ленточки и выбросил в ближайший мусорный бак.

Мост сожжен.

Под прикрытием маскировочной системы я вернулся домой, бесшумно влетел в оставленное открытым окно. Сняв костюм, я повесил его на спинку стула и плюхнулся на расстеленную кровать. Это была не самая приятная моя ночь, но она закончится, а завтра будет новый день.

Я невольно улыбнулся, вспомнив шариковую ручку, которая все крутилась на верстаке в моей мастерской. Крутилась уже вторые сутки, и будет крутиться вечно. Надо прикрыть его чем-нибудь...

Выспаться мне не пришлось. Стоило мне забраться под одеяло и провалиться в дремоту, как завизжал смартфон. Мысленно проклянув звонившего, я посмотрел на номер — госпиталь при СКП, приемное отделение.

— Слушаю, — сонно буркнул я в трубку. Надеюсь, у них достаточно серьезная причина.

— Магистерий, извини что будим среди ночи, но дело срочное. Оружейник только что арестовал Лунга, но он при смерти.

— Кто из них?

— Лунг же!

— Да епт... — ради Оружейника я бы сорвался не раздумывая, но жертвовать своим

отдыхом, чтобы спасти косорылого работорговца?

Но репутация для кейпа — это все. Никакие реальные достоинства и недостатки не играют роли, стоит зайти разговору о том, как тебя воспринимают люди. Я, конечно, могу отказаться... но тогда они просто позвонят Эми, а окружающий меня сонм мерзких слухов разрастется еще больше.

— Стабилизируйте его хотя бы на десять минут, я вылетаю, — госпиталь в том же здании, что и офис, за мобильной лабораторией бежать не далеко.

И все-таки странно. Я знал, что у Оружейника имелся сверхмощный транквилизатор, заготовленный специально для Лунга, подавляющий саму его силу, и знал, что Алебарда крайне смертоносна сама по себе. Но Оружейник просто не мог действовать неаккуратно или неосторожно. Он бы нанес ровно столько вреда, сколько нужно для нейтрализации, и ни царапиной больше. Похоже, Лунг уже с кем-то сражался на тот момент. С кем-то, кто отметилил его практически насмерть.

Но с кем?

Ответ на вопрос пришел довольно скоро — когда я, весь в мыле, ворвался в отделение интенсивной терапии. Дежурная медсестра встретила меня на входе и отвела в палату, где врачи ночной смены суетились вокруг крупного мужчины, покрытого цветными татуировками и красными волдырями. Маску с него так никто и не снял.

— Анамнез? — спросил я коротко.

— Острая интоксикация, — последовал такой же ответ.

Я подошел к самой койке и заглянул внутрь тела.

Яды. Огромное количество разнообразных ядов животного происхождения, агрессивные ферменты, разрушающие кровь и живые ткани на молекулярном уровне. Я даже не мог сказать, кто именно его покусал, но точно знал, что Оружейник тут не причем. Зато я знал другого кейпа, умеющего управлять огромными роями насекомых...

— Пчелиный яд, — сказал я вслух. — А также яд ос, шмелей, шершней, нескольких видов пауков и комаров. Возможно, еще и змеиный.

— Откуда столько сразу? — удивился один из медиков, что помоложе.

— Кейп, — ответил я и развернул мобильную лабораторию.

И вдруг замер.

Ведь у всех случаются ошибки. Даже у лучших из врачей есть личное кладбище, потому что спасти всех просто невозможно. Мое впервые пополнилось в Мехико... и что мне мешает сослаться на ошибку прямо сейчас?

Я принялся за дело. СКП не закроет глаза на смерть злодея в больнице. Герои это не злодеи, героя можно мурыжить как угодно и он не ответит. Под расследование угодит и Оружейник, и я сам... да только хрен они что докажут.

— Все, дальше я сам.

Конечно, палату никто не освободил, просто отступили от койки и дали мне место.

Транквилизатор Оружейника все еще действовал, и нейтрализовать конскую, я бы даже сказал драконью, дозу яда организм Лунга не мог. Шел обширный некроз тканей, семимильными шагами развивался гемолиз. По сути, мне было достаточно не мешать. Хотя можно и помочь, но так, чтобы никто не заметил.

Давно моя сила не отзывалась настолько легко и точно. Требуемая рецептура возникала в уме еще до того, как я окончательно формулировал задачу, но все равно она была идеальна. Я создам антидот, даже оставлю образец для анализа. Любая проверка подтвердит, что это

средство именно нейтрализует компоненты яда насекомых, и ничего другого не делает. Но вот в сочетании с продуктами распада транквилизатора он не только потеряет свои свойства, но и усугубит разрушительные процессы.

Поршень шприца плавно пошел вниз, вталкивая смерть в тело злодея.

— Готово, — сказал я. — Это нейтрализует яд. Естественная регенерация за счет способностей у него и так на высоком уровне, так что проблем...

Протяжно завыл кардиограф, фиксируя остановку сердца.

— Что? — пробормотал я растеряно. — Нет, нет, не может быть!

— В чем дело?! Что ты ему дал?!

— Так не должно было быть! Почему...

Меня без церемоний отпихнули от койки. Я не сопротивлялся.

— Черт побери, он накосячил!

— Четыре кубика адреналина!

— Дефибрилятор, быстро!

— Кислород!

— Разряд!

— Пульса нет!

— Еще разряд!

Крики продолжались где-то на краю сознания. Я медленно сполз по стене, словно у меня подкосились ноги. Как же хорошо, что за маской никто не видел, как я глупо улыбаюсь. Еще никогда я не ощущал такой... правильности. Что я все сделал именно так, как нужно, не отступив ни на миллиметр. Мои плечи тряслись — со стороны могло показаться, что от плача, но на самом деле от беззвучного смеха.

— Все, довольно. Это безнадежно, — выплюнул глава реанимационной бригады. — Смерть зафиксирована в четыре часа двадцать минут.

11 апреля 2011 года

— Магистерий, сдай оружие и следуй за нами.

Я подчинился без возражений и передал двум офицерам СКП в штатском наручные бластеры, пояс с подсумками и гранатами, а также вытащил из-под бронепластины на груди контрольный чип нейроподавителя. У меня остались только маска с ее вспомогательными системами и мантия. Ничего из этого не могло быть использовано как оружие.

По крайней мере, меня не арестовывали. Из сопровождения были только эти двое, оба безоружны. Ни оперативников с распылителями пены, ни других героев. Более лояльных и надежных. Я покорно поплелся следом, чтобы не искушать лишней раз судьбу.

С утра я отрегулировал свое эмоциональное состояние с помощью подручных средств, чтобы до самого вечера испытывать подавленность и чувство вины, но это оказалось ни к чему. Я и так был полностью подавлен.

Направились мы не в кабинет директора, как я думал по началу, а в зал для совещаний. Я там прежде не бывал, не было необходимости, но мне это не понравилось. К брюзжанию Пиггот я давно привык, и еще одну дозу общения с ней я бы выдержал без труда. Но внутреннее расследование обещало куда больше неприятностей.

Внутри уже дожидалась Пиггот и несколько людей в форме или штатском, из которых я узнал только заместителя директора Ренника и врача, заведовавшего вчера реанимационной бригадой. Все были мрачными, не выспавшимися и угрюмыми. Там же находился Оружейник в сопровождении такого же конвоя. Он носил только легкий комбинезон и простую полумаску. Видимо, ему пришлось сдать броню и Алебарду. Я представлял, что он чувствует. Перехватив его взгляд, я кивнул ему, но он только тяжело вздохнул.

Я почувствовал укол совести. Не за то, что отправил в мир иной монстра, терроризировавшего город в течение многих лет, а за то, что подставил человека, которого уважал превыше многих.

— Все в сборе, можем начинать, — сказала Пиггот. — Для начала попробуем восстановить картину вчерашних событий. Капитан Ричардс?

— Этой ночью, в два часа семнадцать минут на пульт дежурного поступило сообщение о парачеловеческой активности в районе Доков на улице Мейсона, в районе бывшей обувной фабрики. Сообщение было немедленно передано находящемуся в патруле герою Оружейнику, который подтвердил прием и сообщил, что немедленно направляется к указанной точке.

Пиггот кивнула.

— Оружейник?

— Я двигался по стандартному маршруту патрулирования, когда получил сообщение, время в пути составило три минуты. Прибыв на место, я обнаружил суперзлодея Лунга, лежащего на тротуаре без сознания, а также нескольких членов его банды в таком же состоянии. Асфальт под Лунгом был продавлен, что указывало на падение с большой высоты, скорее всего с крыши. Кроме того, я успел заметить признаки присутствия суперзлодея Мрака, а именно быстро рассеивающееся облако тьмы на значительном отдалении, однако счел нецелесообразным продолжать преследование. Также рядом находилось несколько припаркованных автомобилей без номерных знаков, в багажниках и

салонах которых впоследствии было обнаружено большое количество огнестрельного оружия. Исходя из этих данных, я сделал вывод, что Лунг вместе со своими людьми сражался с группой Неформалов, и потерпел поражение. Поскольку существовала опасность, что в любой момент могут появиться Демон Ли и Тора, я принял решение применить транквилизатор и оковы, после чего немедленно вызвал подкрепление. Все произошедшее зафиксировано GPS-маячками моего оборудования и встроенными видеокамерами.

— Достаточно, — прервала его Пиггот. — Капитан, продолжайте.

— Группа быстрого реагирования прибыла в течение семи минут. При транспортировке суперзлодея были применены стандартные протоколы содержания паралюдей класса Бугай. По прибытии на базу он был немедленно помещен в камеру, предназначенную для паралюдей наивысшего класса угрозы.

— Медицинская помощь не была оказана? — уточнила Пиггот спокойно, но от меня не укрылось, как подскочил пульс капитана и уровень эpineфрина в его крови.

— Никак нет. Репутация Лунга была известна, его считали практически неуязвимым, и никто из сотрудников, осуществлявших конвоирование и охрану, не считал нужным это сделать.

— В какой момент ваши люди приняли меры?

— Примерно через час, когда осуществлявший дежурный обход боец охраны заметил на заключенном внешние признаки асфиксии и цианоз. О случившемся он незамедлительно доложил мне, и я принял решение вызвать врачей дежурной смены из госпиталя, чтобы те поставили диагноз.

— Ясно. Доктор Лившиц?

— Предварительный диагноз был анафилактический шок. Мы транспортировали заключенного в отделение интенсивной терапии. Поскольку было известно, что недавно заключенный получил дозу сильнодействующего технарского транквилизатора, я принял решение связаться с Магистерией. Даже если бы он не смог предложить свой метод терапии, его способности к диагностике помогли бы с назначением лечения.

— У вас были основания полагать, что Страж сможет справиться с тяжелым анафилактическим шоком, предположительно вызванным технарским препаратом, который создал не он лично?

— Я... — врач запнулся. — Да, я именно так и полагал. Его опыт говорит за себя.

— Почему вы не связались с Оружейником, который является создателем этого транквилизатора, и который не мог не знать о способах его нейтрализации и побочных эффектах?

— Кейп, специализирующийся на медицине, мне показался лучшим выбором. Это не первый раз, когда мы прибегали к его помощи и...

Под подавляющий эффект выражения лица Пиггот он ступешался. Даже если бы она сейчас откусила половинку лимона, ее вид не смог бы стать более кислым. И ее взгляд переместился на меня.

— Магистерий, я хочу услышать твою версию.

— Ничего нового. Меня разбудили посреди ночи звонком, что Оружейник поймал Лунга и теперь последний при смерти. Могу предоставить запись разговора. Зная Оружейника, который не склонен к избыточному применению силы, я уже в тот момент пришел к выводу, что Лунг сражался с кем-то другим, кто и довел его до такого состояния. Я забрал из своей мастерской необходимое оборудование и помчался в госпиталь. Помню, что

на часах в холле было четыре часа и четыре минуты утра. С помощью своей диагностической способности я определил, что причиной тяжелого состояния Лунга было отравление огромной дозой ядов животного происхождения. Различных ядов, принадлежащих разным видам насекомых и пауков. Не знаю, насколько была превышена смертельная доза, но я оценил общий объем токсинов в один и семьдесят восемь сотых грамма.

— Девятикратное превышение смертельной дозы, — вставил доктор Лившиц. — Это если считать только пчелиный яд.

— Благодарю. Я принял решение нейтрализовать яд, но не рискнул подавлять действие транквилизатора, потому что опасался, что Лунг может прийти в себя и убить всех вокруг. Я приготовил антидот и... — я собрался с духом. — Налажал. Я так думаю. Не уверен, что именно произошло... но кажется, транквилизатор вступил в реакцию с моим препаратом, которую я не предвидел. Из-за этого стало только хуже, и у Лунга случилась остановка сердца. Реанимировать его уже не смогли.

— А теперь главный вопрос, — голосом Пиггот можно было остужать вулканы. — Откуда в организме Лунга взялась девятикратная смертельная доза пчелиного яда?

— Магистерий сказал, что виноват кейп, — быстро сказал Лившиц.

Все внимание переключилось на меня. Я только развел руками.

— Если происходит что-то непонятное, самое очевидное предположить, что виноват некий неизвестный кейп. Поскольку в Броктон Бей вряд ли у кого-то есть пасека, и я не слышал, чтобы пчелы жалили людей несколько тысяч раз, кооперируясь с другими насекомыми, то...

— То в городе появился неизвестный злодей, способный управлять насекомыми, — закончил Оружейник. — Жестокий, готовый убивать. Его степень контроля над миньонами высока, а их возможное количество исчисляется, по меньшей мере, тысячами. Предварительная оценка угрозы Властелин-6.

Я поднял руку, точно на уроке в школе.

— Сэр, простите, что прерываю... вам не кажется, что само присутствие Лунга является достаточным поводом для самообороны? В смысле, его репутация известна. Если он напал на какого-то кейпа, тот мог испугаться настолько, что пошел на самые крайние меры.

— Мне кажется, или ты сейчас выгораживаешь злодея?

— Я вспоминаю собственный опыт. Во время моего первого выхода я столкнулся со Славой и Штурмом. Результат вам известен.

— Меня не интересует твой личный опыт, Магистерий, — отрезала Пиггот. — Меня интересует, что в морге лежит труп Лунга, и до начала крупномасштабной войны банд остались считанные дни, если не часы.

Я встал со стула.

— Директор Пиггот, это я не смог просчитать последствий взаимодействия созданного мной антидота с транквилизатором Оружейника. Я не обратился к нему за инструкциями, хотя имел такую возможность. Я признаю, что проявил небрежность, и готов единолично понести всю полноту ответственности.

— Сядь, — прошипела Пиггот так, что я плюхнулся обратно прежде, чем сам сообразил. — Существование нового кейпа, управляющего насекомыми, будет принято как рабочая гипотеза. Если это подтвердится, все претензии с Оружейника и Магистерия будут сняты. Если нет, будут предъявлены обвинения в халатности. Впрочем, результаты вскрытия пока говорят в их пользу.

— Это несправедливо! — повысил голос Лившиц. — Этот случай типичная врачебная ошибка!

— Врачебная ошибка может быть допущена врачом, который имеет образование и лицензию, — сварливо отозвалась Пиггот. — Пресс-служба пусть сообщит СМИ, что этой ночью Лунг столкнулся с неизвестным кейпом и умер от полученных ранений в больнице, куда его доставил Оружейник. Выдвинем предположение, что данный кейп имеет возможность отравлять жертву ядом, который оказался не по зубам Магистерии. Такая подача информации позволит снизить репутационные потери при любом исходе дела. Что касается реакции прочих злодеев на гибель Лунга...

Ее взгляд переполз на меня. На этот раз я выдержал его спокойно, но все же заподозрил неладное.

— У тебя, Магистерий, есть возможность загладить свою ошибку. Объективно, ты сильнейший герой в городе после Оружейника, но до сих пор твои способности почти не использовались. Теперь я хочу дать тебе задание по снижению эскалации. Методы — на твое усмотрение, но чтоб без жертв и материального ущерба. Срок — до конца недели.

Ох блять...

Туше, Свинка, этот раунд за тобой.

Настолько ненавязчиво велеть пойти к Кайзеру и потребовать не начинать захват территорий — это надо уметь.

— Если исключаются только жертвы и разрушения, я попробую что-нибудь придумать, — ответил я ровно.

— Вот и отлично. Оружейник, собрание команды Протектората состоится сегодня вечером в восемь часов, когда будут готовы предварительные прогнозы аналитиков. Капитан Ричардс, объявите оранжевый уровень тревоги. Вероятен сценарий атаки на штаб-квартиру силами оставшихся масок АПП, в качестве мести. Разойтись.

На выходе из зала совещаний конвоиры впихнули мне в руки конфискованное ранее снаряжение, которое я тут же торопливо нацепил, и бросился следом за Оружейником.

— Сэр, подождите.

— Что еще? — спросил он мрачно.

— Просто знайте, вы ни в чем не виноваты. Это все я. Каждый раз, когда я кого-то исцелял... всегда была вероятность ошибки. Я же не Панацея, моя сила не дает полного понимания всех процессов. Просто... однажды бы это все равно случилось. И вместо злодея я бы нечаянно убил невинного человека. Поэтому меня так ограничивали, поэтому допускали только к терминальным пациентам... простите, что доставил столько проблем.

— Магистерий, при мне сейчас нет шлема, и я не могу использовать свой детектор лжи, — ответил Оружейник. — А даже если бы и был, у тебя наверняка есть способы ему противостоять. Но ответь мне: это точно была ошибка?

— Сэр?!

— Я несколько месяцев работал вместе с тобой. Знаю твои сильные и слабые стороны. И я не верю, что ты мог просто взять и ошибиться в чем-то настолько простом.

— Вы обвиняете меня в убийстве пациента?!

— Не обвиняю. Иначе бы мы разговаривали по-другому.

Я колебался. В другой раз мне лестно было бы услышать подобное от Оружейника, но не точно не сейчас.

— Сэр, я старался! Я правда старался!

— Важны не старания. Важен результат.

Оружейник ушел. Я прислонился лбом к стене.

Почему так?! Почему все мои усилия оборачиваются против меня?!

Я несколько раз глубоко вдохнул и заставил себя думать о прототипе, ждущем меня в мастерской. Я должен сосредоточиться на том, что мне понятно и посильно. Предотвратить войну банд? Это можно. Убью одним выстрелом двух зайцев. Кайзеру давно пора дать понять, что я уже не тот несмышлениш в кустарном костюме, который пытался продать Империи несколько доз смешанных на коленке стимуляторов.

12 апреля 2011

Бар «Соммерс Рок» был классической иллюстрацией на заданную тему «поганый притон в бандитском районе». Не подновлявшаяся со времен Маркиза и Всеотца вывеска, обшарпанные наружные стены. Возле бара стояло несколько дорогих машин — все как одна припаркованные прямо на тротуаре. Словно намекая на то, кем были их владельцы, и что именно они клали на все законы.

Я подавил мимолетное желание налепить на лобовые стекла штрафные квитанции и приземлился возле входа, плавно и осторожно, чтобы не проломить весом доспеха и без того дрянной асфальт. Дежурившие возле входа головорезы из разных банд переполошились, начали хвататься за пушки... панели Адаптивного Волнового Подавителя за моей спиной раскрылись и на мгновение вспыхнули энергией. Тщательно выверенная, ослабленная до безопасного уровня волна излучения вызвала резонанс в нервной системе, отправив всех разом в глубокий обморок.

Отвратительно.

Все равно, что ковыряться в дерьме фамильным серебром.

Я на всякий случай проверил пульс и дыхание у парочки, не обнаружил ничего опасного и толкнул дверь. Изнутри «Соммерс Рок» выглядел еще гаже, чем снаружи. Его внутреннее убранство, больше соответствовало коровнику, нежели месту, где люди выпивают. Хотя, наверное, местные завсегдатаи давно утратили право на это высокое звание. Да и не только они. Сегодняшнюю публику людьми назвать было трудно.

Я шел к длинному столу нарочито медленно, с уверенной осанкой. Позволяя всем собравшимся хорошо себя рассмотреть и одновременно давая понять, что прямо сейчас я тут никого убивать не собираюсь. Я подчеркнуто неторопливо отодвинул свободный стул и уселся с таким видом, будто имел полное право тут находиться.

— Кайзер, — напряженным голосом сказала женщина в сварочной маске и бронежилете. — Это так и должно быть?

— Боюсь что так, Трещина, — ответила фигура, закованная в сплошной доспех из металлических лезвий, чем-то напоминающая Саурана из экранизации с Алеф. — Более того, именно этот человек является виновником данного собрания.

— С каких пор герои начали отправлять посольства? — осведомился худой мужчина в обтягивающем черном костюме, украшенном изображением змеи.

Я медленно обвел всех взглядом. Всех присутствующих я знал в лицо, но сталкивался только с некоторыми. Так себе достижение, учитывая, что здесь собрались почти все злодеи Броктон Бей.

Во-первых, конечно же Империя-88. Кайзер, Блицкриг и близняшки, Виктор с Оталой, Крюковолк с Штурмтигром, Цикадой и Игнисом. Я с удовлетворением отметил, что

Чистоты рядом с Кайзером не было, она вняла моей просьбе и не стала ни впутываться сама, ни вызывать из Бостона свою старую команду. Зато Руна была здесь и сверлила меня испепеляющим взглядом. Отношение остальных, впрочем, было ненамного лучше.

Во-вторых, команда Трещины. Она сама, двое парней из 53-х, три девушки — боевой Умник, пирокинетик и апокалиптической силы Эпицентр. К счастью, с башкой у Лабиринт была такая беда, что своей силой она могла пользоваться в лучшем случае на четверть от ее потенциала. В любом случае, в случае агрессии я разверну АВП быстрее, чем она изменит мир вокруг, а потом умрут все.

В-третьих, Азиатские Плохие Парни, потрепанные, но еще очень даже живые и опасные. Демон Ли, Бакуда и Тора. В сторону последней я старался не смотреть. Она носила металлическую маску, изображающую тигра и, судя по языку тела, враждовала с Бакудой. Ясно. В АПП началась борьба за власть. Тора еще до получения сил была одной из приближенных Лунга, по слухам даже любовницей. Не удивительно, что она считала место главы своим по праву. Но вот Бакуда внушала опасения. Я видел достаточно психов, чтобы мгновенно распознать одного из них. Ее аномалии в лобной доле мозга были такими, что я вообще не понимал, как она сохраняет самоконтроль.

В-четвертых, Выверт. Единственный кейп в своей организации, но в сопровождении двоих вооруженных до зубов наемников. Я без особого интереса пробежался взглядом по их снаряжению. В основном высококачественное, военного образца, но обычное. Технарских устройств мало — только подствольные лазеры на автоматах да прицельные визоры. Странно, что этот скользкий тип явился лично... я присмотрелся повнимательнее. А не, все в порядке. Не лично.

Ладно, ближе к делу.

— Ну что, отбросы и негодяи! Знайте, будь моя воля, я бы не стал с вами разговаривать, а просто сжег бы вас всех к черту, — прорычал я динамиками шлема. — К моему большому сожалению, СКП запретило мне применять ядерное оружие в черте города, так что живите пока.

Хмурое молчание со стороны Империи-88, настороженное — со стороны всех остальных.

— Скорее всего, многие из вас в курсе недавнего случая с задержанием Убера и Элита. Но я вас уверяю, что не отнестись ко мне всерьез будет вашей последней ошибкой.

— Это угроза? — спросила Трещина холодно.

Я ее проигнорировал.

— Три дня назад неизвестным кейпом был убит Лунг. Все мы знаем, что это был за человек, и слез по нему никто не льет. Почти никто, — поправился я, перехватив яростный взгляд Торы. — Однако его смерть сместила баланс сил, и это плохо. Доки — лакомый кусочек, и вы только и ждете, как вцепиться друг другу в глотки. Так вот, я собрал вас тут, чтобы донести послание. Развяжете войну на улицах — вам пиздец. Начнете громить город в борьбе за власть — вам пиздец. Из-за ваших разборок пострадают гражданские лица — вам опять же пиздец. Меня не волнует, каким образом вы будете делить свои сферы влияния, но если решите делать это с помощью сил и пушек, за вами приду я.

— Мне уже начинать дрожать от страха? — насмешливо спросила Бакуда.

— У меня за плечами две битвы с Губителями, на две больше, чем у любого из вас. Мой доспех и вооружение протестировала лично Симург и сбежала, роняя перья. А в отношении любого, кто посмеет нарушить покой, у меня полная свобода действий — начиная с

быстрого милосердного убийства и заканчивая вивисекцией во славу науки. Всегда мечтал ставить опыты на кейпах.

— Лжешь, — сказала Трещина.

— Проверь, — предложил я.

Из предплечья левой руки выдвинулся фотокинетический бластер.

— Это против правил.

— Правила устанавливает тот, у кого пушка больше. И это не ты, — ответил я. — Не бери заказов в пределах города — и у меня найдутся дела поважнее, чем сдирать кожу с тебя и твоего зоопарка.

Оба 53-х напряглись, рыжая девка-пирокинетик, Саламандра, тоже подалась вперед. Я мысленной командой переключил АВП на микроволновый режим. Пусть дадут мне малейший повод — и я их сварю заживо в собственной крови.

Не дали.

Я разочарованно вздохнул.

— Так дела не делаются, Страж, — заявил человек в костюме со змеей. — Ты уже давно стал героем, и неписанные правила защищали тебя. Но вот ты обрел могущественную силу, и пришел на переговоры, но ты делаешь это без уважения, не предлагаешь дружбу. Ты даже не поздоровался, когда зашел.

Вместо ответа я перегнулся через стол, схватил его за горло и притянул к себе. Его охрана моментально вскинула оружие, но не открывала огонь, опасаясь задеть своего.

— Кто ты? — спросил я, держа лицо своей добычи в десятке сантиметров от своего шлема.

— Я — Выверт! Немедленно прекрати этот беспредел!

— Выверт? — я удивленно наклонил голову. — Но Выверт — суперзлодей. Он обладает силой. Как ты можешь быть Вывертом? Или ты думал, что надел дурацкий костюм, и сразу стал кейпом?

Я вцепился в ткань, скрывающую лицо двойника, и без усилия разорвал костюм. Под ним оказался худой лысый мужчина лет сорока, с рыбьими глазами профессионального убийцы. Злодеи наблюдали за происходящим спокойно, даже с интересом. Я чуть сильнее сжал горло двойника, чтобы придушить, но не насмерть.

— Кто точно не проявил уважения — так это твой босс. Видишь, все пришли лично, все проявили уважение к оппонентам. Один Выверт думает, что он самый умный и ему все можно, и послал вместо себя шестерку. Но так дела не делаются.

Свободной рукой я сжал его кисть и стиснул уже в полную силу. Двойник заорал, когда хватка доспеха начала размалывать его кости. В этот момент нервы одного из охранников не выдержали, и подствольный лазер выплюнул фиолетовый луч мне в лицо. Который лишь бессильно скользнул по поверхности шлема.

Я чуть сдвинул правую руку вместе с зажатым в ней двойником и ответил выстрелом из бластера. Белый луч как ножом срезал руку наемника возле плеча, прошел насквозь стену и растаял где-то в стратосфере.

Я встал со стула и отшвырнул подмешьша так, чтобы сбить с ног обоих его охранников.

— Даю вам три секунды. Один...

Повторять не пришлось. Истекающего кровью наемника поддерживал его товарищ, который не пострадал. Двойник шипел и кривился от боли, но никаких больше чувств его лицо не выражало.

Бакуда встала со стула и подошла к оставленному бластером отверстию в стене. Она потрогала его пальцем, и задумчиво прищелкнула языком.

— Так у героев теперь такие методы? — осведомилась Тора.

— С вами, отбросами, по-другому нельзя. Гуманное обращение вы принимаете за слабость.

— Мальчик так быстро вырос. Всего полгода назад бескорыстно лечил людей в Доках, — хмыкнул Кайзер. — Но теперь обнаружил, что пациентов можно не только лечить, но и травить, верно?

— Верно. А еще скальпель режет не только опухоли, но и артерии, — кивнул я и направился к выходу. — Счастливо оставаться.

— Он такой милашка, — пробормотала Бакуда вслед.

Этого никто не заметил, но меня передернуло.

Где-то в офисе СКП консультант Томас Кальверт разбирал отчеты в своем кабинете. В другой линии Выверт пришел на сходку суперзлодеев и выслушивал ультиматум Магистерия.

В линии Кальверта его люди были атакованы и получили серьезные травмы. В линии Выверта Магистерий спокойно зачитал свои требования и ушел.

Выверт пожал плечами и привычно закрыл линию Кальверта.

И оторопело огляделся, чувствуя, как внутренности сжимаются от ужаса. Вокруг него был все тот же тесный кабинет, на столе — ворох бумаг, а висящие на телефоне подчиненные ждали инструкций.

Не та линия.

Это не было ошибкой с его стороны.

Несколько месяцев назад это уже случилось, и виновник был очевиден. Тогда Выверт испугался настолько, что долгое время не решался подступить к Магистерию. Однако после январской атаки на Неформалов пошел на огромный риск, и приказал своим людям расстрелять Магистерия в его гражданском облике прямо на пороге дома.

Все прошло идеально. Без своего снаряжения Технарь был практически беззащитен, другими способностями не обладал, и вид разорванного пулями тела доставил Выверту невообразимую радость.

Он начал изучать его, осторожно, всегда держа наготове план, чтобы быстро замести следы в случае помех своей силе. Тогда-то и вскрылись неприятные подробности. Страж очень легко переходил от одобренного СКП уровня применения сил до смертельного. Настолько легко, что это никак не вписывалось в психологический портрет, но то еще были цветочки. Выверт провел несколько экспериментов с похищениями, и тут обнаружилась полная невосприимчивость Магистерия к допросу. Не просто устойчивость, как у тренированных «зеленых беретов», а именно неуязвимость. Наркотики не оказывали на него эффекта, а пытка, стоило ей начаться, превращала пятнадцатилетнего подростка в кровожадного маньяка без капли рассудка, но зато с неестественной силой. После того, как в одной из таких линий ему перегрызли горло, Выверт прекратил эксперименты.

Хуже всего было то, что Сплетница только бессильно разводила руками. Все, что она смогла откопать своей силой в сбрасываемых линиях — это наличие нескольких поведенческих программ, внедренных в мозг на нейронном уровне, и призванных срабатывать при критическом уровне стресса. Но откуда они там взялась, она понятия не имела, и даже под пыткой не сказала ничего нового. Это раздражало Выверта вдвойне.

И вот снова сброшена не та линия. Нанесен серьезный ущерб его имиджу, от с таким трудом подобранного двойника придется избавляться, еще один наемник останется калекой на всю жизнь, а остальные потребуют увеличить плату за риск. Такая угроза его планам была неприемлема.

С этим пора заканчивать, раз и навсегда.

14 апреля 2011

Я ни капли не удивился тому, что после смерти Лунга Пиггот отстранила меня от всех обязанностей. Формально для того, чтобы дать возможность Стражу, у которого на руках умер пациент, прийти в себя. На самом деле... кто ее разберет. Уж точно не потому, что ее вдруг стал заботить я или любой другой кейп под ее началом. Если бы она относилась к нам как к инструментам, это было бы обидно, но понятно. Мы же были для нее сворой бешеных псов, которых можно натравливать на волчьи стаи, но которых постоянно нужно держать в намордниках и на короткой цепи.

Ну и мой случай был немного особым.

Большую часть времени я на нее даже не злился, когда представлял, как ситуация должна выглядеть с ее стороны. Подозревала ли она меня? Почти наверняка она рассматривала версию, что Лунг упокоился не по случайности, а моей помощью. Могла ли она что-то доказать? Нет. Я признался в ошибке под протокол, и доказать наличие умысла невозможно в принципе.

Дело было в пятницу, остальных Стражей сняли с занятий, потому что Протекторат в полном составе пригласили на загородный фуршет, и кто-то должен был заниматься оперативной работой, пока взрослые герои пытаются вежливо улыбаться местному истеблишменту. Seriously, если бы я был суперзлодеем, и имел осведомителей в СКП хотя бы на уровне девочки с ресепшена, я бы именно на этот день назначил все самые злодейские дела.

Я сидел на уроке и пытался сделать вид, будто сосредоточен на алгебре. Не, квадратные корни были по-своему интересны, но не тогда, когда о них рассказывал учитель в американской государственной школе. Папа как-то говорил, что именно из-за того, что сраные демократы в Конгрессе положили болт на среднее образование, некогда великая страна, победившая коммунизм и запустившая человека на Луну, катится в пиз... короче, идет на дно.

Если бы целью было качественное образование, надо было упереться рогом и остаться в «Безупречности», где стандарты повыше. С другой стороны, на кой черт кейпу образование? И дело вовсе не в том, что «сила есть — ума не надо». Просто недавний разговор с Вистой сподвиг меня поискать статистику о продолжительности жизни героев. В открытом доступе таких данных, конечно, не было. Пришлось воспользоваться расширенными допусками, которые мне оставили Коста-Браун и Дракон, и собрать информацию самостоятельно.

Результат... удручал.

Шансы героя погибнуть в течение года после вступления в Протекторат при исполнении служебных обязанностей составляли около полутора процентов. В основном из-за того, что недавно получивших силы новичков и вчерашних Стражей не сразу посылали в самое пекло. В течение последующих пяти лет вероятность получить в личное дело штамп KIA возрастала до семнадцати процентов. Стаж более десяти лет имели... немногие. Показателен был пример первой команды Стражей. Из десяти в живых остались только трое

— Шевалье, Мисс Ополчение и Мышь-Защитница. Ради справедливости, злодеи жили еще меньше.

Понятно, почему таких данных не было в открытом доступе.

А ведь я тоже не был бессмертным. Моя сила предоставляла возможности избежать физического урона, довольно быстро восстановиться при средних и легких ранениях, но даже «Сирин» имел уязвимости, которые я не смог перекрыть. Было бы очень обидно пережить очередной бой с Губителем, а потом бесславно погибнуть от руки недавно триггернувшего психа с подходящей способностью. Или просто получить пулю в спину от уroda, наплевавшего на неписанные правила.

Голос учителя, монотонно объяснявшего свойства дискриминанта, утягивал меня в болото дремоты. Чтобы не уснуть в самом деле, я вытащил смартфон, сунул в ухо бусину наушника и сделал вид, что включил музыку в плеере. На самом деле я немного подкрутил принимающую антенну под частоты СКП. Клетка Фарадея, которой была оснащена «Аркадия», препятствовала болтовне по телефону, но служебным смартфонам Стражей она помешать не могла — иначе бы те не смогли принимать срочные оповещения.

Тоже так себе развлечение, но хотя бы уснуть не дает.

— ...Если дискриминант больше нуля, у уравнения есть два корня. Если он равен нулю, корень будет один. Если дискриминант отрицательный, то уравнение нерешаемо...

— *...Центральный банк, сработала тревожная кнопка. Поступают сообщения о парачеловеческой активности. Предполагается, что действует группа Неформалов...*

Я встрепенулся, вытаращив глаза.

Учитель это заметил и сурово взглянул на меня поверх очков.

— Хорошо спалось, Кёлер?

— Да, сэр. Спасибо, сэр, — пробормотал я невпопад.

— К доске. Страница двести семь, задача номер восемьсот девятнадцать.

— Д-да, иду.

Сон как рукой сняло. Мои инстинкты требовали, чтобы я немедленно рванул туда, на помощь друзьям, но держал себя в руках. Четверка Неформалов против семи Стражей. Будь они хоть чемпионами мира по съебыванию, им не уйти одновременно от Висты, Кид Вина и Эгиды, Страшила без труда отпинает собак Суки в ближнем бою, а Призрачная Сталкер — естественный враг Регента. Попробуй, создай судороги в мышцах, когда и мышц-то нет. Главной проблемой был Мрак, но после Мехико Кид Вин очень основательно подошел к работе над детекторными функциями своего шлема. Должен же его труд дать плоды?

Немного успокоившись, я мысленно пожелал своим товарищам удачи и принялся записывать на доске решение.

— ...поскольку дискриминант равен шестнадцати, уравнение имеет два корня. Найдем их. Берем отрицательное значение второго коэффициента, прибавляем к нему корень дискриминанта, и делим на удвоенный первый коэффициент...

— *пишиши...*

— *...Срочно! Нападение на частный дом неизвестных вооруженных людей. Жильцы получили легкие ранения, но похищена их дочь!*

— *пишишишиши...*

— *...это Дина Элкот, она под программой наблюдения за потенциальными...*

Мел в моих руках рассыпался в крошку.

Они не успеют. Никто не успеет. Стражи уже выехали к банку. Протекторат и Новая

Волна слишком далеко.

Зато могу успеть я.

— В чем дело, Кёлер? — учитель нахмурился.

— Могу я выйти, сэр? — спросил я сквозь стиснутые зубы. — Что-то живот прихватило.

Преподавательский состав в Аркадии знал, что в школе учатся Стражи, но не знал их в лицо. Однако препятствовать Стражу в исполнении их обязанностей они не могли, так что отпроситься с урока никогда не было проблемой.

— Ладно, идите.

Прежде, чем он успел договорить, я уже пулей вылетел за дверь и со всех ног мчался к пустующей во время урока раздевалке, где лежала сумка с костюмом. Надевать его я натренировался очень быстро, почти как пожарный.

— Говорит Магистерий, иду на перехват похитителей! Нужна полная информация! — проорал я в портативную рацию, выпрыгивая в окно и прямо в падении беря разгон вверх.

— Тебя же отстранили?! — возмутились на том конце.

— Информацию! Или объяснять Элкоттам, почему их ребенка не спасли, будешь ты!

— Три белых фургона «форд», без номеров! От дома Элкоттов двинулись на северо-запад!

— Принял!

Я выжимал из своей мантии все до капли. Любой автомобиль я бы обогнал без труда, но у похитителей было преимущество во времени. Хлещущий дождь тоже не добавлял шансов на успешный перехват. После секундного колебания я попытался связаться с Дракон. Она ответила после второго гудка.

— Мэм, нет времени объяснять, вы можете подключиться к уличным камерам Броктон Бей и найти нужный объект?!

— Магистерий, в чем дело? Я не могу сделать это без санкции!

— Чрезвычайная ситуация, похищена девочка десяти лет, прямо из дома.

Секундная заминка.

— Что ты ищешь?

— Три белых фургона «форд» без номеров.

Еще несколько секунд паузы. Ни щелканья клавиатуры, никаких других посторонних звуков. Она использует нейроинтерфейс? А, не время об этом думать!

— Есть совпадение. Совмещаю с GPS-пеленгом твоего снаряжения. Азимут шестьдесят градусов, дистанция два километра.

— Я у вас в долгу.

— Удачи.

На скорости сто километров в час, два километра — это чуть больше минуты в пути. Это время показалось мне вечностью. За это время я успел вколоть себе новейший образец боевого стимулятора и, взвесив все «за» и «против», извлечь из пространственного кармана в наручном глюкометре Рубиновый меч. Со Свинкой я потом объяснюсь, сейчас нужно остановить похитителей.

Минутку...

Дина Элкотт была под наблюдением как потенциальный кейп. Предположительно Умник-предсказатель, она называла одноклассникам и родителям разные числа. Ее похитили вооруженные люди без знаков различий. Вопрос на миллион баксов — кто в Заливе активно использует услуги наемников, и кому может понадобиться подконтрольный

предсказатель?

Бластеры на моих руках тревожно запищали, переходя в летальный режим.

Решил отыгаться за унижение в «Соммерс Рок»? Не воспринял угрозы всерьез?

Я ведь ни капли не шутил, засранец.

— Говорит Магистерий, вижу фургоны похитителей на перекрестке Лорд-стрит и Линкольна, нужно подкрепление.

— Принято.

Далеко успели забраться, твари, но сейчас движутся не торопясь, соблюдают правила дорожного движения, чтобы слиться с потоком машин. Не поможет.

На капот головного фургона я приземлился всем весом так, что металл глубоко вмялся. Моментальная проверка силой Умника — специфические стали, оружейный порох, кевлар и бронекерамика — цель подтверждена. Взмах меча рассек кабину фургона надвое. Вместе с водителем.

А в следующий момент крыша фургона буквально взорвалась, выпуская наружу... *ничто*.

У меня не было слов, чтобы описать эту штуку. Она чем-то напоминала не то гигантского морского червя, не то карликового шай-хулу. И двигалась она в мою сторону очень целенаправленно. Я не стал тратить время на размышления, что это за штука и откуда она взялась, меня это не интересовало совершенно. Я просто рассек ее несколько раз, и она посыпалась на асфальт, будто нарезанный кольцами кальмар, заливая все вокруг вонючим ихором.

Выверт держит на службе гигантских плотоядных червей? Себе под стать персонал подбирает?

Я подбросил себя в воздух импульсом мантии и перелетел через первый фургон. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как водитель второго целится в меня из автомата. Наши выстрелы прозвучали одновременно. Мой бластер прошил насквозь лобовое стекло и проделал в груди наемника дыру размером с кулак. Его короткая очередь впиалась мне в грудь и отшвырнула назад, на изрубленные останки гигантского червя, которые уже начали дымиться и исчезать.

Какого хрена...

Нет времени. Надо действовать. Больно, трудно дышать, но многослойная броня выдержала. Я могу продолжать.

Я поднял меч над головой и переключил его в форсированный режим, удлинив кромку дезинтеграционного поля до пятнадцати метров. Красная полоса опустилась, словно гильотина, и рассекла второй фургон строго надвое. Благодаря ощущению вещества я смог прицелиться точно, не задев никого внутри. Не из добродушия, просто я не мог определить, кто именно там является Диной.

Водитель третьего фургона попытался сдать назад, но на оживленной улице это было не так-то просто. Он не держал в руках оружия, но я застрелил его без колебаний. Работаешь на Выверта — утратил право жить.

Затем я приземлился и срезал со второго фургона заднюю дверь. Внутри оказалась копошащаяся куча из тел и оружия, которая не успела ничего предпринять, когда я включил нейроподавитель. Прости, Дина, но придется немного потерпеть. Через несколько секунд я смог вытащить полубессознательную девчонку из-под груды тел, и оставил вместо нее гранату с удерживающей пеной.

Отключив нейроподавитель, я несколько мгновений решал, что делать — добить

остатки наемников в третьем фургоне, или же оставить все на СКП, а самому как можно скорее доставить малявку в безопасное место. Она все еще пребывала в прострации, часто и мелко дышала... мда, нейроподавитель слишком жестокая штука. Но ладно, главное, что для нее проблемы закончились.

Я начал подниматься вверх, и тут почувствовал кое-что странное. Дина, до этого висевшая у меня на руках, вдруг стала твердой и круглой. Я скосил глаза и озадаченно посмотрел на канистру с бензином. Которая вдруг оказалась у меня в руках вместо Дины.

Благодаря пришпоренным стимулятором рефлексам я успел заметить приближающееся снизу яркое свечение и только потому не погиб мгновенно. Швырнув канистру вниз, я со всем доступным ускорением рванул вверх. Раздавшийся под ногами взрыв придал мне дополнительный импульс, и кусок фургона, разогнанный до сверхзвуковой скорости, пролетел чуть-чуть подо мной. Мысленной командой я включил маскировку и тут же метнулся за ближайшее здание. Я облетел его по кругу и осторожно выглянул из-за угла. И выругался настолько грязно, что в этом фанфике полного текста не будет.

Четыре фигуры в черно-красных костюмах, выполненных в едином стиле. Три парня, одна девушка. У одного из парней на голове цилиндр, рядом с девушкой парит небольшая, но очень яркая плазменная сфера.

Блять. Блять. Блять.

Так значит, Выверт нанял Скитальцев?! Этих чокнутых маньяков, с семнадцатью трупами на счету?! А то червеобразное чудище, которое вылезло из первого фургона, видимо, была Генезис, высокоуровневый Оборотень с огромным разнообразием форм. Ну и черт с ней. Мир вздохнет свободнее без психа, который получил настолько мощную и стремную силу.

— Говорит Магистерий! — сказал я в рацию. — Здесь Скитальцы, срочно нужна помощь или мне конец! Они бьют на поражение!

— Какого черта ты там делаешь?! Немедленно уходи! — голос Свинки чуть не сорвался на визг.

— Отрицательно, Элкотт все еще у них!

— Это приказ!!!

Я снова посмотрел на Трикстера. Тот держал в одной руке пистолет, в другой — вяло брыкающуюся Дину.

— Катись к черту, Свинка. Лучше пришли подкрепление и мешки для трупов.

Генезис выбыла, из пяти остались четверо.

Трикстер — с помощью телепортации меняет местами людей и предметы близкой массы в радиусе видимости, Эпицентр 7/Движок 4.

Балистик — прикосновением разгоняет предметы до огромных скоростей, не имеет ограничения в массе и размере снарядов, Стрелок 8.

Солнышко — создает сферу высокотемпературной плазмы, может управлять ее движением и размером, неуязвима к термическому урону, Эпицентр 9.

Приговор — на несколько секунд откатывает во времени расположение людей и предметов, Эпицентр 5.

Черт, они слишком сильные. Будь на мне «Сирин», я бы дал им достойный отпор, но не было времени лететь за ним в штаб-квартиру. Придется поднапрячься.

Так... первым следует выбить Трикстера, его способность многогранна, она дает одновременно контроль над полем боя и высокую мобильность. Следующий приоритет —

Балистик, большая часть жертв на его счету. Способность Солнышка мощна, но ее сфера медлительна, а сообщники, в отличие от нее самой, не отличаются огнеупорностью, она третья. Приговор — на десерт, как наименее опасный. Может, даже возьму его живьем.

Я с размаху швырнул меч в точку рядом с Трикстером. И одновременно отключил маскировку.

— Отпустите заложницу! — проорал я. — Или буду стрелять!

Разговаривать они со мной и не собирались. Просто в следующее мгновение я уже не висел на двадцатиметровой высоте, а парил у самой земли, почти касаясь ее ногами.

Телепорт Трикстера. Дальше последует атака, пока цель дезориентирована... но на это я и рассчитывал. У меня еще остались козыри в запасе.

Еще одна телепортация, теперь уже моя собственная. Устройство, вмонтированное в рукоятку Рубинового меча, либо возвращало его ко мне в ладонь, либо перемещало ладонь к мечу. Вместе со мной, разумеется. Маленькая дистанция телепорта, долгая перезарядка конденсатора... но этого было достаточно. Я хотел использовать его против Демона Ли, но у судьбы оказались иные планы.

Мгновение на то, чтобы сгруппироваться, сориентироваться и включить нейроподавитель. Шоковая волна снова накрыла улицу, давая мне драгоценные доли секунды. Все что мне нужно — коснуться твердой земли ... ну же!

Кажется, я растянул связки на ноге, настолько жестким было касание, но оно того стоило. Голова Трикстера слетела с плеч в фонтане крови. Отдавшись на волю инерции, я продолжил круговое движение вокруг себя и дважды выстрелил из бластера. Балистик и Солнышко рухнули на землю с дырами в груди.

Дина упала рядом на четвереньки, ее вырвало.

Я прицелился в Приговора.

— Лег на землю, руки за голову! Силы не применять или убью!

На бесконечно долгую секунду повисла убийственная тишина. У Приговора не было линз в маске, так что я мог видеть его глаза. Точка лазерного целеуказателя была почти неразличима на красном пластике. Он смотрел на меня без злости, даже насмешливо.

— Ничего личного, — ответил он. — Тебя заказали.

Движение сбоку я скорее ощутил через вещество, чем увидел глазами. В то же мгновение кинетически заряженный луч белого света разнес череп Приговора вдребезги. А потом меня снова куда-то зашвырнуло.

Какая же скотская сила у Трикстера! Словно оказался под контролем Властелина, который вертит тобой как хочет. Приговор тоже хорош... Скитальцы были активны два года, но в его досье не значилось, что он может откатывать не только положение предметов, но и их *состояние*.

Я одновременно включил маскировку и рванул вверх. Очень быстро. Недостаточно быстро. Запущенное ожившим Балистиком колесо хоть и не порвало меня пополам, но словно ножом срезало правую ногу у колена.

Погано. Если бы не стимулятор, я бы потерял сознание от боли. Я больше не могу вести наземный бой, а в воздухе моя маневренность ограничена, непрекращающийся дождь мешает работе маскировки. Из-за кровопотери я скоро потеряю сознание. Нужно заканчивать.

Я поднял руки и прицелился. Трикстер и Балистик. Уберу этих двух, и скорое подкрепление сможет если не захватить Солнышко, то хотя бы отбить Дину. И раз-два-три,

спуск на выдохе...

За мгновение до выстрела с неба на меня обрушилась какая-то крылатая черная туша и сбила прицел. Луч, предназначавшийся Трикстеру, только проделал дыру в асфальте. Вместо Балистика умерла Солнышко. Туша на этом не остановилась, и всей массой с хрустом впечатала меня в землю.

Переломы... позвоночник... разрывы органов...

Чудовище, сбившее меня с неба, раскрыло зубастую пасть, чтобы разорвать меня на части, добить окончательно. Его форма была совершенно иной, но я видел, что оно имеет ту же волновую частоту, что и хищный червь, зарубленный мной ранее. Генезис не была Оборотнем. Она была Властелином подкласса «туз», создателем проекций. Еще одна ошибка в досье.

Но я все еще дышал. Все еще мог шевелиться, видеть и сражаться. Кажется, эксперимент с боевым стимулятором прошел успешно. Моя правая рука все еще сжимала меч, и я вывел его на предельный режим.

Первое движение кисти — создание Генезис разрублено пополам.

Второе движение — верхняя половинка Балистика падает на землю, нижняя еще долю секунды стоит, будто не способная осознать смерть.

Третьего нет. В моей руке вместо меча оказывается пистолет. Трикстер обменял их местами. Идиот.

Звон выскочивших из рукояти лезвий был последним, что я услышал.

Конец 4-й арки

Интерлюдия 4.с: Кристал

14 апреля 2011

В госпитале при офисе СКП царила мрачная атмосфера. Только несколько дней назад в этих стенах умер один кейп, а сейчас были готовы скончаться еще несколько — на этот раз дети.

Это был черный день для всех. Неформалы, которые прежде только убегали, решили показать зубы. И, надо признать, весьма и весьма успешно. Прибывшие на ограбление банка Стражи столкнулись с настолько яростным сопротивлением, будто это была Бойня № 9, а не мелкие злодеи.

Когда все вокруг затопила тьма Мрака, Кид Вин оказался единственным, кто мог в ней как-то ориентироваться, из-за чего и стал приоритетной целью. Один из монстров Адской Гончей прыгнул на него с крыши соседнего здания и сбил со скейта на землю, а потом попытался загрызть. Силовая броня спасла ему жизнь, но в госпиталь его привезли без сознания и с тяжелыми ранами.

Стояку и Висте тоже очень сильно прилетело по голове, толи кастетами, толи дубинками. Даже одни черепно-мозговые травмы ставили их жизни под угрозу, но кроме того, их сильно покусали разные насекомые. Врачи, помнящие разнос от директора за смерть Лунга, без усталости обкалывали обоих лошадиными дозами лекарств, и с нетерпением ждали прихода Панацеи.

Рыцарь, по сравнению с ними, отделался легко. По крайней мере, он мог с трудом, но стоять на ногах. Регент опрокинул его в лужу, образовавшуюся от дождя, и добил электрошокером. В броне что-то закоротило, и удар током получился намного сильнее, чем можно было ожидать. В результате Рыцарь чуть не захлебнулся в луже и собственной рвоте.

Относительно не пострадали Эгида, Страшила и Призрачная Сталкер. Первых двоих ранили довольно тяжело, но они могли быстро исцелиться за счет своих сил, третья урона не получила вообще. Если верить ей, даже смогла кого-то подстрелить дротиками с транквилизатором, но заблудилась во тьме Мрака.

Но даже настолько плачевное завершение схватки в банке меркло рядом с Резней на Лорд-стрит. Магистерий пытался перехватить похитителей Дины Элкотт и нарвался на Скитальцев, бродячих наемников, а те ударили в полную силу. То, что он сумел прикончить по меньшей мере двоих, служило слабым утешением.

Кристал шла рядом с Панацей, словно телохранитель. Слава тоже была рядом, уже исцеленная, но все еще с кровавыми пятнами на костюме и с гримасой ярости на лице. На лице Панацеи наливался здоровенный синяк, прикрытый сейчас шарфом. Ее вырубили на полминуты ударом огнетушителя, и это чуть было не стоило жизни Славе. Она в ярости бросилась на злодеек, и тут же получила две пули. Первая сбита ее щит, вторая попала в живот, а потом в ее глаза впились бесчисленные насекомые.

Кристал почувствовала, как гнев течет по ее рукам, собираясь в ладонях в виде сокрушительных энергетических зарядов, и медленно выдохнула. Если она сейчас разнесет половину госпиталя, это никак делу не поможет.

Они остановились у входа в операционную. Панацея без колебаний вошла внутрь, ее эскорту пришлось дожидаться снаружи. Кристал видела, что Слава нервничает, что она беспокоится о Рыцаре. Но решение, кого лечить первым, в любом случае оставалось за

Панацей.

Кристал невольно вспоминала тот день, когда умерла тетя Флер. Такое же ощущение, что мир обрушился, такое же грызущее чувство бессильной злости.

— И что теперь? — глухо спросила Слава.

Кристал пожала плечами.

— То же, что и всегда. Неформалам повысят уровень угрозы... будто это что-то значит. Оставшимся Скитальцам могут заочно выписать билет в Клетку, а могут и не выписать. Те наемники, которых взяли живыми, будут молчать как рыбы, а потом дорогие адвокаты их вытащат под залог и они исчезнут.

— Дерьмо.

— Согласна. Но что мы можем?

Она думала, что Слава предложит найти Неформалов и Скитальцев, а потом переломать им кости, но та только удрученно покачала головой.

— Ничего. В этом и смысл. Нам просто не позволят ничего предпринять, а если будем действовать без спросу, СКП тут же запишет нас в злодеи со всеми вытекающими.

— Попробуй взглянуть на вещи позитивно. Герои сегодня не понесли потерь, Панацея поможет им всем, а злодеев стало как минимум на двоих меньше, — Кристал пыталась добавить уверенности в голос, но получалось не слишком успешно. Она перевела взгляд на дверь операционной и задала вопрос, который терзал ее уже несколько часов. — А он предупреждал, что это однажды случится.

— Случится что? Что злодеи поведут себя как злодеи? — невесело отозвалась кузина. — Они подтираются неписанными правилами при любом удобном случае. Как в тот раз, когда убили тетю Флер.

— Нет, я про Конрада. Он как-то поделился, что боится сорваться, — Кристал болезненно поморщилась. — Это я проморгала. Видела, что после Канберры он сам не свой, но он тогда расстался с подружкой, и я решила не лезть. А теперь пролилась кровь.

— Думаешь... — Слава изобразила крылья.

— Надеюсь, что нет. Он ведь даже в бою не участвовал. Но за последний месяц на него чан дерьма не вылил только ленивый. Вот и довели.

— Вряд ли это кого-то волнует, — сказала Слава. — На этот раз Конни встрял по крупному. Со Скитальцев компенсацию не потребуешь, так что весь материальный ущерб повесят на него. Одного этого достаточно, чтобы упечь его в тюрьму до совершеннолетия, а еще там пять изрубленных на куски трупов. Если он избежит Клетки, это будет чудом.

— До Клетки дело не дойдет, он слишком ценный, — возразила Кристал.

— Когда и когда волновала ценность? Он непопулярен, это куда важнее. Черное пятно не репутации СКП, которая позволяет Стражам-якобы-нацистам строить газовые камеры.

— Но ведь он целитель!

— Эми тоже. И она не получает никаких поблажек или привилегий. Просто у нее амбиций нет, в отличие от некоторых. И вообще, сколько людей он вылечил? Тысяча хотя бы наберется? А репортажи из Австралии видела вся Америка.

— И этих людей мы должны защищать...

Их разговор прервали громкие голоса в конце коридора. Обернувшись на шум, Кристал увидела нескольких вооруженных оперативников СКП, на которых наседали невысокая темноволосая женщина в деловом костюме и плечистый мужчина с короткой бородой — родители Конрада.

— Мэм, отойдите с дороги!

— У вас нет, и не может быть полномочий арестовывать моего сына!

— У нас есть все полномочия, какие нужны.

— Я знаю законы! Страж не может быть арестован за действия, совершенные при исполнении служебного долга, без официального предъявления обвинений!

— Он не находился при исполнении, он был отстранен.

— Отстранение было незаконным, он ничего не совершил!

— Отстранение производит директор на свое усмотрение. Немедленно освободите дорогу или у вас будут неприятности!

— Неприятности вам уже обеспечены! Я — глава юридического отдела «Медхолл Корпорейшен»!

— Да хоть Санта Клаус! У нас приказ арестовать Стража Магистерия и доставить его в штаб-квартиру СКП, и я его выполню, черт возьми!

Кристал шагнула им навстречу.

— Кого вы собрались арестовывать? — спросила она резко. — Магистерия привезли в таком виде, будто он с акулой боролся. Он дождался до реанимации только за счет своих сывороток!

— Это все очень интересно, — СКПшник распахнул дверь операционной. — Но директора Пиггот это не волнует, все претензии к ней.

Оперативники ввалились внутрь, родители Стража от них не отставали. Кристал и Слава переглянулись, и заглянули следом, потому что хуже уже быть не могло.

— Вы с ума сошли?! — раздался возмущенный вопль одного из хирургов. — Здесь стерильно, вон отсюда немедленно!

— Панацею вы впустили, — отрезал все тот же оперативник. — Так, девочка, ты закончила?

— Почти. Оторванную ногу привезли вместе с ним, так что прирастить ее я смогла быстро, — с испугом затараторила целительница. — Глубокие рваные раны, повреждения органов, разрыв позвоночника... это было несложно. Четыре пулевых ранения в груди, но неглубокие, костюм принял на себя большую часть ущерба. Но есть осложнения.

— Какие осложнения?! — миссис Кёлер пролезла вперед и без стеснения отодвинула в сторону оперативников.

— Он потерял много крови. Очень много. Технарские препараты не давали ему умереть, но их возможности не безграничны. Из-за обильной кровопотери началось кислородное голодание, и развилась кома. Здесь я ничем не могу помочь, поврежден мозг. Извините.

Внутри Кристал что-то словно треснуло. Не в силах больше сдерживаться, она шагнула вперед и подняла ладонь, налившуюся ярким светом.

— Убирайтесь, — выдохнула она почти шепотом, настолько ее обуревал гнев. — Убирайтесь, пока я вас не сожгла к чертям.

Рядом с ней Слава демонстративно хрустнула костяшками пальцев. СКПшники неуверенно взялись за распылители пены, но было ясно, что стоит им применить оружие, и за их жизни никто не даст ломанного пенни.

— Вам это с рук не сойдет, — бросил командир напоследок. Скорее попытка оставить за собой последнее слово, нежели реальная угроза.

— Отлично. А теперь будьте любезны покинуть операционную, — врачи кипели от гнева не меньше нее, но у них не было суперсил, чтобы ими пригрозить.

— Простите. Мы уходим.

В коридор они вышли вместе с родителями Конрада. Оба выглядели поникшими, будто разом постаревшими на десяток лет. Миссис Кёлер достала телефон и принялась яростно набирать кого-то, а ее муж словно не находил себе места, что для мужчины крепкого сложения казалось нелепым. Он бегал глазами по сторонам, пока не заметил Кристал.

— Простите... мисс Пелхам, верно?

— Сэр?

— Вы ведь знакомы... — он указал глазами на дверь операционной, — с Конрадом?

— Да, мы часто общаемся. И я не меньше вашего шокирована случившимся.

— Он почти ничего не рассказывал про свою... работу, — мужчина вздохнул. — Мы были не самыми лучшими родителями, это факт. Даже после того, как Конрад обрел свои способности, между нами будто стена стояла. Ничем не делился, все держал в себе...

— Не говорите так, будто хороните его. Он один из сильнейших героев, которых я видела, — Кристал через силу улыбнулась. — Конни творил настоящие чудеса, и такая мелочь ему точно нипочем. Вот увидите, через пару дней он очнется как новенький.

Ей бы самой хотелось в это верить.

Интерлюдия 4.d: Тейлор

Когда Тейлор на следующий день после схватки с Лунгом начала просматривать новости, она ожидала всякого. Что кто-то из героев присвоит себе победу и получит незаслуженные лавры. Или что Лунг справится с ядом насекомых и сбежит из-под ареста. В тайне она надеялась, что справедливость восторжествует, и все честно признают, что кто-то неизвестный смог одолеть преступника, с которым не мог справиться Протекторат, и заочно поблагодарят этого незнакомца.

Реальность внесла свои коррективы. Сидя в компьютерном классе, Тейлор читала выложенный на ПЛО пресс-релиз Службы Контроля Параугроз, и чувствовала, как в животе сворачивается холодный ком.

«В ночь с понедельника на вторник суперзлодей Лунг сражался с неизвестным парачеловеком и потерпел поражение. В ходе дежурного патрулирования его обнаружил герой Протектората Оружейник и доставил в госпиталь СКП. Несмотря на усилия врачей и Стража-целителя Магистерия, Лунг вскоре скончался от острого анафилактического шока, не приходя в сознание. СКП предупреждает горожан о появлении неизвестного, крайне опасного злодея, предположительно способного к контролю большого количества насекомых. В случае встречи, не приближайтесь к нему или к ней, не провоцируйте и при первой же возможности сообщите в СКП. Любая попытка задержать злодея самостоятельно смертельно опасна!»

Это было нелепо, неправильно! Просто невозможно! Она не могла быть убийцей!

Тейлор попыталась вспомнить свои действия прошлой ночью. Сплетница предупредила, что Лунг скоро атакует базу Неформалов. Позвонил неизвестный босс, который дал отмашку на бегство. Мрак прикрыл их тьмой, и она использовала насекомых чтобы нейтрализовать бандитов и прогнать Демона Ли. Потом их догнал Лунг, и она натравила на него всех самых ядовитых насекомых, какие у нее были. Регент применил свою силу, чтобы тот упал с крыши, и собаки увезли их как можно дальше от места схватки.

Ужас от содеянного заставил ее вцепиться в волосы. Ведь Лунг усиливался только когда сражался. Нет боя — нет адреналина — силе нечем подпитываться. А огромная доза яда все еще в крови.

Она поднялась со своего места, забрала сумку и вышла из класса. Никто не остановил ее. Вряд ли ее отсутствие вообще кто-то заметил. Несколько секунд она еще колебалась, куда ехать — на базу подростков-злодеев, или же домой, и сделала выбор в пользу первой.

Путь был неблизкий, так что Тейлор успела не только немного успокоиться, но и попыталась придумать, что делать дальше. У нее с самого начала были сомнения, вступать ли в Стражи, а после разговора с Магистерием возле больницы на этом варианте она решительно поставила крест. Теперь же дорога в герои ей была закрыта при любых раскладах.

Что теперь? Тюрьма, Клетка, жизнь в бегах? Из-за одной единственной ошибки! Долгие ночи бесплодных выходов в костюме, напряженные недели с успешного внедрения к Неформалам — и все для того, чтобы оказаться в розыске?!

Или может еще не все потеряно? Если сдать Неформалов на блюдечке — можно ли рассчитывать на снисхождение? Тейлор несколько раз порывалась достать телефон, чтобы позвонить в СКП, и каждый раз ее пальцы словно сводило судорогой, стоило ей начать

набирать номер. Страх и отчаяние боролись внутри нее с вьевшимся в самую ее суть недоверием к официальным структурам, да и вообще к кому бы то ни было. И недоверие уверенно одерживало победу.

Победить Неформалов она должна сама. Изучить их вблизи, понять сильные и слабые стороны, а потом справиться со всеми четырьмя. И только тогда звонить Магистерию. Он не такой, как остальные герои, он все поймет.

Автобус подъехал к нужной остановке, и Тейлор ставшим привычным усилием вытеснила все эмоции в рой. Она проделывала это каждый раз, когда шла встречаться с Неформалами — чтобы Сплетница не прочла ее своей силой и не разгадала истинные намерения. В виде бонуса, это помогало в общении с собаками Суки. Одна из них, американский стаффорд, завела моду моментально забираться к ней на колени, стоило ей куда-нибудь сесть, и слюнявить одежду.

Брайана и Рейчел на базе не оказалось, Алека насекомые засекли в его комнате, но зато Лиза валялась на диване с ноутбуком на животе. Заметив ее, она чуть приподнялась и помахала рукой.

— Тейлор, привет! Уже знаешь новости?

— Да. Лунг мертв.

— Хи-хи, это то, что сказали публике. Но я раскопала кое-что покруче, — она довольно ухмыльнулась и повернула к ней ноутбук. На экране был какой-то зал, в котором собралось множество людей и что-то серьезно обсуждали. Среди них было два кейпа, в которых Тейлор узнала Оружейника и Магистерия. Последний что-то говорил стоя.

— ... не смог просчитать последствий взаимодействия созданного мной антидота с транквилизатором Оружейника. Я не обратился к нему за инструкциями, хотя имел такую возможность. Я признаю, что проявил небрежность, и готов единолично понести всю полноту ответственности.

— Каков змей, — Лиза поставила видео на паузу, от удовольствия прищипнула языком. — Врет как по написанному.

— Я вижу. Черт, да он же только что взял на себя вину за смерть Лунга!

— Неет, ты не улавливаешь. Ты тут действительно не причем, это наш целитель прибедняется.

— Я не понимаю.

— Магистерий — Технар 9 по классификации СКП. Это означает, что развернувшись в полную силу, он способен стать угрозой национального уровня, хотя конечно мало кто про это знает. И если кто-то верит, что он мог не справиться с каким-то ядом, то пусть просверлит в черепе дырку, чтобы мозги проветрились.

«Где-то я уже это слышала», — подумала Тейлор.

— И что тогда? Ты же не хочешь сказать, что он взял и добил собственного пациента?

— Именно это я и хочу сказать, — улыбка с лица Лизы не пропала, но стала холодной. — Добил. Хладнокровно, расчетливо, без капли жалости или сомнений. Зная, что сможет легко отвертеться, свалить все на случайную ошибку. И что-то мне подсказывает, не только я это поняла. Но дальше самое интересное.

Она снова запустила воспроизведение.

— Пресс-служба пусть сообщит СМИ, что этой ночью Лунг столкнулся с неизвестным кейпом и умер от полученных ранений в больнице, куда его доставил Оружейник, — вещала полная светловолосая женщина. — Выдвинем предположение, что данный кейп имеет

возможность отравлять жертву ядом, который оказался не по зубам Магистерии. Такая подача информации позволит снизить репутационные потери при любом исходе дела.

Тейлор почувствовала, как пол куда-то предательски убегает из-под ног. Она успела сесть на диван прежде, чем рухнула на колени, но потрясение оказалось настолько сильным, что она не успела выдавить в рой все, и что-то успело отразиться на лице.

— Удивлена? — спросила Лиза. — Ну, тут удивляться нечему. Именно так работает СКП. Подтасовывает факты, сваливает вину, присваивает достижения... ну, и так далее. Особенно когда речь идет о ценных активах.

Она постучала ногтем по экрану.

— Сколько бы на Магистерия дерьма ни вылилось после Канберры, ликвидация заражения Симург не в последнюю очередь его заслуга. За ним давно следят крупные шишки, и даже если бы он снес Лунгу голову посреди улицы, его бы все равно надежно прикрыли. Ну, знаешь, такой сорт популярных ребят, которых все любят, и которым все сходит с рук.

Прямо как Эмма, да?

Эмоции — в рой.

— Но зачем ему это? Это же не просто нарушение неписанных правил. Это чудовищно само по себе.

— Кто знает? — пожала плечами Лиза. — Может, он думал, что поступает правильно, ликвидируя настолько опасного злодея. А может, ему просто захотелось кого-нибудь убить. Моя сила вообще плохо работает, когда дело касается мотивов других людей и прочей психологии.

— Бред какой-то. Он же герой-целитель.

— Раньше я тоже так думала. А потом он как-то ночью прокрался к нам базу, оставил в моей подушке нож, а Рейчел и Алеку изрисовал лица маркером. И даже умудрился никого не разбудить.

Еще больше эмоций вылилось в рой. Радиус охвата силы расширился, каждая муха в радиусе полукилометра принялась выписывать ожесточенные круги и зигзаги в воздухе, и жужжать вдвое сильнее обычного.

— Погоди. Так Магистерий знает, где вы находитесь?

— Ага. Еще он знает, где живет Брайан с сестрой, наши гражданские личности и номера страховок. Надеюсь, он хотя бы размер моего лифчика не выяснял. Так что мы стараемся его не провоцировать, чтобы он случайно про нас не вспомнил.

— И вы с этим ничего не сделаете?

— А что мы сделаем? — горько усмехнулась Лиза. — Это не наша лига. С тем же успехом можно попытаться проучить Эйдолона.

Она вернулась к ноутбуку, а Тейлор осталась наедине со своими мыслями. Хотя это было мягко сказано. На ее лице не отражалось ничего, но многотысячный рой едва мог вместить все потрясение и гнев, что она испытывала.

Герой, к которому она испытывала благодарность, которого уважала за бескорыстную помощь людям, способность делать мир вокруг лучше, имел насквозь прогнившую натуру. Он лечил людей, но не потому, что считал это правильным, а чтобы лучше выглядеть в глазах начальства, подлизываться к тем, кто обладал властью. Он беззастенчиво использовал свое привилегированное положение и силу, чтобы творить отвратительные дела, напрямую нарушающие неписанные правила. Даже его слова о том, что люди глупы и неблагодарны,

которые она раньше объяснила усталостью и профессиональным выгоранием врача, теперь казались ей презрением ко всем, кто не имел способностей, кто был слабее.

И СКП охотно его покрывало — ради престижа и пиара, ради выгоды.

Очень четко прослеживалась параллель между поведением начальства Магистерия и руководства Уинслоу, закрывавшей глаза на любые выходки Сучьего Трио, самых популярных девочек школы. Правда, после Нового Года Трио вдруг превратилось в дуэт, когда куда-то пропала София, но зато Эмма словно с цепи сорвалась.

Той ночью ей приснился дурацкий сон, в котором под маской Магистерия оказалось лицо Эммы.

А еще через несколько дней Лиза предложила ограбить банк.

Мнения разделились. Брайан осторожничал, упирая на то, что ограбление среди бела дня на порядок опаснее их обычных заказов, а добыча не стоит рисков. Алек тоже обратил внимание, что работа необычна, но ему это наоборот понравилось — не так скучно. Рейчел молча покивала на все аргументы, а потом коротко спросила:

— А что если встретимся с тем пидором?

— Не встретимся, — успокоила ее Лиза. — Его отстранили на две недели после того как Лунг очурился.

— А если?

Блондинка вздохнула.

— Бросаем все и очень быстро уносим ноги. Если не удастся, падаем на колени, желательно при большом скоплении народа, и просим больно не стучать. Силы не применяем, сопротивления не оказываем — если это чудище по-настоящему разозлится, нам конец. За нами нет ничего серьезного, так что держать нас 24/7 в пене не станут, а там сбежим.

— Я могла бы остановить его насекомыми, — осторожно предложила Тейлор.

— Нет, — отрезала Лиза. — Риск неприемлем.

Тейлор не стала спорить. Несколько дней назад она не просто узнала темную сторону одного Стража. Нет, в ее глазах рухнул целый мир, где герои были добры и самоотверженны, а злодеи заслуживали лишь сидеть за решеткой.

Все и везде было одинаково. Несправедливость, подлость, равнодушие. Этот тупой мир не имел ни капли смысла.

— И еще, — добавила Лиза. — Босс также хочет, чтобы мы действовали пожестче.

— Насколько пожестче? — насторожился Брайан.

— Без трупов, остальное — на наше усмотрение. Но если как следует отметелим Стражей, получим прибавку.

— Да запросто, — флегматично отозвался Алек.

Интерлюдия 4.е: Макс

23 мая 2011

Максимилиан Андерс, главный исполнительный директор «Медхол Корпорейшен», сидел в своем кабинете и делал три важных дела. Во-первых, он разбирал гору отчетов от разнообразных отделов. Во-вторых, жевал незажженную сигару. В-третьих, при прочтении каждой новой строчки он создавал все новые и новые стальные шипы, вырастающие из стен, пола и потолка кабинета.

И все из-за одного малолетнего идиота.

На первый взгляд, предложенный им план был по-своему хорош: собрать на сходку всех злодеев города, которых имело смысл собирать, и как следует припугнуть неведомым технарским оружием. А чтобы никто не вздумал взбрыкнуть, вся Империя-88, *его* Империя, должна была сделать вид, что впечатлена угрозой. Предполагалось, что затишье должно продлиться до конца июня — тогда бы Магистерия убрали из города, и вся дурацкая история с его работой на два фронта, которая Андерсу не нравилась изначально, закончилась бы. Империя, сберегшая силы, взяла бы под контроль львиную долю города без сопротивления, тогда как ее враги истощили бы силы в стычках с Протекторатом.

Но, как водится, ни один план не выдерживает встречи с противником. В данном случае Магистерий прокололся на том, что недооценил Выверта и его возможности. Попался на очевидную провокацию, бездумно рванулся в бой, думая, что встретится только с вооруженными наемниками без способностей. А в результате нарвался на Скитальцев.

Спору нет, бой он дал достойный. Один против пятерых, без своего главного оружия, он уничтожил двоих и одного либо убил, либо очень тяжело ранил. Крови на месте стычки было море, но трупов в черно-красных костюмах — только два. Но это не играло никакой роли по сравнению с тем, что его репутация, репутация неумолимого и могущественного карателя, которую он хотел создать на сходке, была начисто разрушена.

Магистерий оказался всего лишь еще одним кейпом, которого смогла победить заезжая команда, хотя и не без потерь. Из него текла кровь, и очень обильно, он мог истечь ею и умереть. Фактически умер, потому что вторую неделю валялся в коме, не реагируя ни на что, и не подавал никаких признаков того, что когда-нибудь из нее выйдет.

А раз так, какой смысл поддерживать перемирие, которого он потребовал?

Началось все через два дня после Резни на Лорд-Стрит. Сначала в городе прогремела серия взрывов в людных местах, а через несколько часов Бакуда выложила в Интернет видеообращение, на котором продемонстрировала труп Демона Ли... если это можно было так назвать. Стеклянная статуя.

Она не выдвинула требований, не пыталась угрожать или наоборот, казаться привлекательной. Она просто заявила, что теперь все должны преклониться перед ее гением, который каждый испытает на себе.

Потом события начали развиваться лавинообразно.

Бакуда действовала без какого-либо плана, у нее вообще не было никаких целей. Он просто делала бомбы и взрывала их так, чтобы причинить как можно больше ущерба. Перешедшие ей в подчинение АПП взрывали бомбы и похищали людей, которым она засовывала бомбы в головы, и а те в свою очередь тоже принимались за взрывы и похищения.

Любая попытка обезвредить рекрутов заканчивалась взрывами — в лучшем случае, гибли только сами живые бомбы, чаще они забирали с собой кого-то поблизости.

Жизнь в городе оказалась парализована в считанные дни. Взрывы в автобусах привели к тому, что водители общественного транспорта отказались выходить на работу. Несколько странных бомб создали на перекрестках улиц непонятные аномалии, которые до сих пор не удавалось убрать. Из-за взрывов в магазинах начались перебои с продовольствием. После подрыва единственной в городе водоочистой станции прибрежный город остался без воды на сутки. А когда повреждения в экстренном порядке устранили, Бакуда взорвала ее повторно, вместе с ремонтной бригадой. Просто чтобы поиздеваться.

СКП действовало в своем обычном репертуаре — то есть изображало деятельность там, где этого не требовалось, и игнорировало настоящие проблемы. Герои патрулировали чаще — будто это даже в лучшие времена могло помешать злодеям. После того, как выяснилось, что даже мягкое обездвиживание с помощью пены приводит к немедленной детонации внутричерепных бомб, герои вообще перестали вступать в противостояние с боевиками Бакуды.

Андерс и раньше слышал от Кёлера-младшего, что ни один суперзлодей не нанес столько вреда героям Залива, как директор Пиггот, но только теперь признал его правоту.

Суперзлодеи города снова собрались на нейтральной территории. Присутствовала Империя-88, команда Трещины и Тора, с которой ушли немногочисленные члены АПП, хранившие лояльность старым порядкам. Японка-Оборотень выжила только благодаря своей способности нарушать действие технарских устройств, из-за чего заготовленная для нее бомба Бакуды лишь оторвала ей два пальца на руке, а не подвергла трансмутации. Выверт не явился, помня прошлое унижение, зато объявились Неформалы, которые при ограблении банка продемонстрировали силу и решительность, и теперь претендовали на звание полноправных игроков. И с ними был кейп, который, по всеобщему мнению, прикончил Лунга. Кайзер знал, что это не так, причем из первых рук, но поддержал спектакль.

Результаты совещания не впечатляли. Трещина объявила вооруженный нейтралитет, в тот же день закрыла свой клуб на неопределенный срок и укатила из города. Тора рвалась мстить Бакуде за предательство, но реальной силы за ней не осталось, так что ей пришлось залечь на дно. Неформалы неохотно согласились сотрудничать, но наотрез отказались выступать на переднем крае, только как прикрытия для ударного кулака Империи.

Империя-88 выступила против Бакуды. Больше было просто некому.

От жутких технарских бомб они потеряли Цикаду и Штормтигра, чуть не потеряли Крюковолка и Игнаса. Потери среди рядовых шли на десятки — чудовищные потери, которые придется восполнять годами. Какой результат это принесло, количество подручных у Бакуды сильно сократилось, ее саму прижали в северной части города. Но дальше наступление застопорилось, потому что Империя и Неформалы уперлись в настоящий укрепрайон, усеянный сотнями разнообразных мин, растяжек и ловушек, и даже сила Сплетницы не могла помочь в разминировании.

Чтобы справиться с окопавшимся технарем, нужен был другой технар, а лучшие технари города были героями, и от всех троих не было никакого толку. Один изображал овощ, двое других не смели задницу вытереть без приказа начальства.

Кайзер решил, что объединенных сил половины масок Империи и Неформалов хватит, чтобы удерживать Бакуду в блокаде, а сам снял броню из лезвий и вернулся на рабочее место как Максимилиан Андерс — чтобы жевать незажженные сигары и подсчитывать убытки,

которые принесло его фирме буйство чокнутой обезьяны с гранатой.

Погибли несколько сотрудников при взрывах в различных местах, еще у двоих погибли дети при взрыве в одной из школ... не забыть написать письма с соболезнованиями.

Уничтожено две аптеки из смежной сети, которой владел Флишер. Вместе с аптекарями и товарными запасами. На фоне всего остального даже не проблема.

Уничтожен один из складов готовой продукции... Андерс открыл на компьютере учетную программу и проверил последние остатки товаров на нем. В основном недорогие дженерики популярных безрецептурных препаратов. То, что составляет и львиную долю количественного выражения продукции, и немалую часть прибыли. Скверно. Нарушает график поставок.

Серьезно повреждены холл, входные двери и крыльцо в главном офисе... кто вообще додумался прислать ему такую ерунду? Пусть разбирается хозяйственный отдел.

Синтезаторные установки, собранные Магистерием, не пострадали, однако одна отключилась из-за срабатывания предохранительной системы. Примечательно, что изрядно подмоченная в Канберре репутация мальчишки не только не снизила продаж его препаратов, а прямо наоборот. Реклама с его образом тоже прибавила эффективности. Андерс усмехнулся про себя. Публика могла что угодно визжать про газовые камеры, но когда дело доходило до реального или надуманного недуга, за таблетками бежала к тому, кто действительно разбирался в людях — особенно в их внутренностях.

Когда желторожие варвары начали громить город, где было безопаснее всего: там, где «патрулировали» герои, или все же там, где белые мужики встали на защиту своих домов и семей? Об этом нужно будет упомянуть в следующем обращении. Или даже собрать нормальную пресс-конференцию. Чуть позже, когда закончится этот кризис.

Когда к закату гора бумаг немного поубавилась, Андерс сбросил пиджак, встал на беговую дорожку и поставил перед собой ноутбук, чтобы использовать перерыв по максимуму. Новостные сайты не порадовали его ничем особенным. Много слов, мало дела, спекуляции на скудных фактах и кричащие заголовки, за которыми скрывалась пустота. Журналисты зарабатывали на страхах, примерно также как это делал «Медхол». С той небольшой разницей, что покупатель лекарств и добавок, в конечном счете, добровольно делал выбор, на что потратить деньги.

Но одна заметка привлекла внимание Андерса и он кликнул по ссылке, чтобы прочесть статью целиком. В отделении Восток-Северо-Восток сменился руководитель. Эмили Пиггот, занимавшая этот пост уже шесть лет, ушла в отставку по неназванным причинам, на ее место назначили некоего Джеймса Тагга. Андерс нахмурился, слез с беговой дорожки и достал телефон.

Примерно через два часа он знал о полковнике Тагге все, что можно было узнать с его связями. Разнообразием биография нового директора не блистала. Начал карьеру в морской пехоте, когда была создана СКП, оказался в числе первых добровольцев. Несколько лет возглавлял ударный отряд, участник многочисленных военных операций, в том числе зарубежных. Три года назад получил назначение на должность заместителя директора в Атланте, хорошо сработался с Пепельной — сошлись во взглядах.

Неприятная новость. Пиггот держала героев на коротком поводке, ненавидела их едва ли не больше, чем злодеев, благодаря чему последние чувствовали себя вполне вольготно. Она была хорошо знакома Кайзеру, ее действия укладывались в определенные шаблоны и легко предсказывались. Ожидать покладистости от человека, одобряющего методы

Пепельной, точно не приходилось. С него станется устроить форменную охоту на ведьм, только на месте ведьм окажутся кейпы.

Самым разумным в такой ситуации было остановить активные действия, занять выжидательную позицию, но оставалась проблема Бакуды. Если сейчас отвести бойцов из северных районов, начнется новая волна террора, и с городом можно будет попрощаться, а значит и с бизнесом, и вообще со всем, что имел «Медхол» и Империя-88.

Андерс снова взял телефон и набрал нужный номер.

— Отала, нужна твоя помощь.

Если кое-кто не собирается просыпаться, его придется будить.

P.S. Фух, все, интерлюдии кончились.

5.1 Закалка

12 августа 2003, Лондон

Старенький туристический автобус не предназначался для быстрой езды. Маломощный мотор выл так, что заглушал собой истерические всхлипы и судорожные молитвы.

Водитель, немолодой уже индус, вцепился в руль так, что его пальцы казались белыми. Несколько минут назад он вел автобус по заученному маршруту и его планы заканчивались сегодняшним ужином и просмотром футбольного матча. Сейчас он вытаращенными глазами смотрел на дорогу, и вжимал голову в плечи, будто это могло его спасти.

Пассажиры выглядели не лучше. Какой-то парень, типичный гик с виду, выколол себе уши штопором. Другой, постарше и покрупнее, стиснул свою спутницу в объятиях так, что она почти не могла дышать. Но та не обращала на это никакого внимания. Семейная пара из Америки с ребенком прижималась друг к другу, что-то бормоча не то в бреду, не то в попытке помолиться.

А ребенок смирно сидел на коленях у матери и без страха смотрел в окно. Он слушал песню, которую ему пела крылатая женщина, парящая далеко-далеко в небе. Песня не была страшной, он не понимал, почему все вокруг так боятся. Она обещала радость и веселье, а еще покой и приятное тепло. Но он понимал, что никому нельзя пока рассказывать, ведь тогда испортится сюрприз.

Этот ребенок — я.

Мне семь лет, и лишь благодаря разгильдяйству британских властей я не отметил восьмой день рождения в карантине.

Симург поет мне, и мир вокруг меркнет.

Исчезают мои родители, прочие пассажиры, автобус и вообще все.

Я обнаруживаю, что мое тело пронизано бесчисленными механизмами, уходящими куда-то за пределы восприятия. Моя кожа удалена, как ненужный рудимент. Каждый нервный рецептор соединен с устройством вывода. Мои глаза заменили толстые дата-кабели.

У меня нет рта, чтобы закричать.

Я — часть Машины. Я един с Машиной. Я ничтожен в сравнении с ней, но в то же время я — важнейший ее элемент. Ее воля. Ее воображение.

[КОКОН]

В моем разуме проносится стремительная череда видений, в каждую микросекунду вмещаются целые жизни неведомых существ. Одни обладают разумом, другие ближе к животным. Мышление некоторых мне понятно, оно складывается из реакций на опасность, пищу и возможность размножения. Другие настолько чужды, что кажутся мне неодушевленными предметами.

[ЦИКЛ]

Я вижу планету, покрытую океанами серой грязи. Умиряющая звезда скудно одаривает ее светом и теплом. В грязи извиваются исполинские существа, похожие на червей, но не живых, а словно состоящих из массивов кристаллов. Они пожирают друг друга в бесконечной борьбе за существование.

[НАЧАЛО]

Машина приходит в движение.

Ее инструменты режут остатки моей плоти, извлекают кости и органы, заменяют их аналогами. Более надежными. Более эффективными.

Органика слаба и подвержена распаду. Машина считает, что металлы долговечнее.

Мы едины, отныне и до конца Вселенной.

Она больше не одинока.

[НОСИТЕЛЬ]

Снова бесконечная череда образов. Схемы. Чертежи. Технологии. Методы. Принципы.

Электромагнитный резонанс. Волновая передача информации. Создание, преобразование, аннигиляция вещества и энергии. Квантовая телепортация. Релятивистские феномены. Гравитационное искривление времени.

Еще множество инструментов и явлений, которым нет названий в скудных языках двуногих существ. Все они бесполезны сами по себе, без направляющей силы, без комбинирования и придания формы. Машина видит *возможности*, но не видит *применения*.

Найти его — моя задача.

Образы втискиваются в мой мозг. Если бы не дарованные Машиной улучшения, они бы разорвали мой череп. Я просматриваю их все, пытаюсь ухватить что-то знакомое, выстроить ассоциативную цепочку, которая поможет мне *вспомнить*.

Я использую простые термины, чтобы создать устойчивую связь.

«Нападение». «Защита». «Ловушка». «Рассеяние». «Восстановление».

Черт, что с ним?!

Я пытаюсь удержать то, что считал подходящим. То, к чему уже обращался, и то, что пробую впервые. Пробую разные сочетания, оптимизирую процессы.

Я не знаю!

Через Машину я ощущаю рядом присутствие похожих объектов. Они имеют другую форму и размер, другое предназначение и набор инструментов, но ту же природу.

Выведите посетителей, быстро!

Вытаскивайте ЭТТ, он же сейчас задохнется! (прим.: ЭТТ — эндотрахеальная трубка)

Аритмия, ЧСС сто семьдесят!

...

В вырезанные глаза бьет свет. Несуществующее горло раздирает боль. Разобранное тело кажется непривычно легким, но очень слабым. Я тяжело дышу, прогоняю воздух по легким, место которых давно заняли кислородные насосы.

...

Первым вернулось чувство вещества. Не просто вернулось, а расширилось на много метров. Я ощущал бетон и металлическую арматуру в стенах, целлюлозные волокна простыни, на которой лежал, присутствие множества людей... повышенная концентрация озона и дезинфицирующих веществ в воздухе. Массивы металлов и пластика вокруг. Больница. Я больнице. Почему? Я ведь здоров.

Вокруг мелькали тени, но я пока не мог их рассмотреть. Сильно болело горло, я не мог издать ни звука, только сдавленные хрипы. Словно где-то вдалеке ощущались уколы, когда иглы протыкали мою кожу и вливали в кровь противосудорожные и успокоительные препараты. Зачем так делать?

Я сосредоточился на ближайшем окружении. Одежды нет, тело облеплено датчиками. Вены на обеих руках вставлены катетеры. Еще один — в паху, для отведения мочи. Сильно болело горло, каждый вдох давался с трудом. Много аппаратуры вокруг. Моя сила работала с

невиданной прежде точностью, и мгновенно определила ее как приборы жизнеобеспечения. Стандартный набор для палаты интенсивной терапии.

Тени вокруг — люди. По одежде из одинакового материала я определил их как врачей. Они что-то говорили, но я все еще не мог сложить звуки в слова. Потом снова сомкнулась темнота.

Краткое мгновение забытья сменилось окончательным пробуждением. Надо мной нависало знакомое лицо. Доктор Лившиц посветил мне в глаз небольшим фонариком и сказал в сторону:

— Реакция зрачков нормальная.

Проследив взглядом, я заметил медсестру, которая делала пометки в планшете.

— Эй, ты меня слышишь? — он помахал рукой перед моим лицом.

Я попытался открыть рот и что-нибудь сказать, но в горле пересохло. Пришлось ограничиться кивком.

— Имя свое назвать сможешь?

Имя? Которое, гражданское или кейповское? Судя по тому, что верхнюю половину моего лица закрывала простая пластиковая полумаска, имелось ввиду второе. Но я все равно не могу ответить на вопрос, только разевать рот как выброшенная на сушу рыба. Врач, уловив намек, склонился ниже.

— Пить, — прошептал я одними губами.

— Анна, подай воды.

— Он же только что из комы.

— Есть признаки ускоренной регенерации. Под мою ответственность.

Мне к губам сунули стакан с водой, и после нескольких глотков ко мне вернулось что-то похожее на голос.

— Магистерий, — просипел я.

— Гражданское имя.

— Кёлер, Конрад.

— Сколько будет семь умножить на шесть и вычесть два?

— Сорок.

— Кто был двадцать вторым президентом?

— Козел-демократ.

— Когнитивные функции в норме, — удовлетворенно кивнул Лившиц. — Что ты последнее помнишь?

Я растерянно развел руками. Точнее неудачно попытался. Потому что обнаружил, что мои руки прикованы к кровати массивными кандалами. А именно усиленными антипарачеловеческими наручниками второго класса производства компании Dragontech. Предназначенными для конвоирования лиц, обладающих увеличенными физическими возможностями на уровне Бугай-4 и ниже.

Я ничего не понял. Арест? Я что-то...

Ох, черт. Вспомнил.

— Сражался со злодеями, — прошептал я, а потом в памяти всплыла и причина схватки. — Дина. Дина Элкотт. Ее спасли?

— Нет, — коротко ответил врач.

Я закрыл глаза и прошипел что-то яростное, но неразборчивое даже для меня самого. Все было напрасно. Если бы я преуспел, уверен, никому бы не пришло в голову приковывать

меня к койке. Но Трикстер сумел уйти, и Свинка выбрала меня крайним, чтобы спихнуть на меня вину за устроенный на оживленной улице бардак.

А, и еще за шесть трупов. Но, в самом деле, кого волнуют наемники?

— Доктор Лившиц, — позвал я тихо. — Как долго я тут?

Он как-то странно посмотрел на меня, а потом отвел глаза.

— Тринадцать суток.

Ох бл... хотя не, могло быть и хуже.

— На каком основании... наручники?

— Приказ твоего собственного начальства.

— Так нельзя, — я попытался вспомнить правила, которые регламентировали подобные вещи, но в голове все еще стоял туман. — Пусть снимут. Я голоден.

— Завтра разберутся, — отрезал Лившиц. — Спи.

Подчиниться его словам оказалось очень легко. Даже такой короткий разговор отнял у меня все силы.

...

На следующий день меня после осмотра перевели из отделения интенсивной терапии в обычную палату. Никто ничего толком не объяснил, что случилось за прошедшие дни. Ну, хоть наручники сняли, чем избавили меня от навязчивых мыслей сломать себе большой палец или добыть кислоту с помощью рвоты.

Для человека, пролежавшего две недели в глубокой коме после тяжелейших ранений, я ощущал себя превосходно. В смысле, полностью здоровым, хотя и изрядно ослабевшим. Тело стало заметно тоньше и легче. Похоже, мной занималась Панацея, а ей требовался материал для работы. Она забрала весь подкожный жир и часть мышечной ткани. Долгая неподвижность тоже не добавила силы и прыти. Восстанавливаться придется долго, даже с моими возможностями по стимулированию анаболических процессов.

Короче, мне оставалось только плевать со скуки в потолок, поглощать жиденькую больничную кашу, да удерживать себя от соблазна совершить побег. Я ничего не знал о своем текущем статусе, но пробуждение в наручниках не внушало оптимизма, и случайно обнаруженный здравый смысл подсказывал, что прямая вражда с СКП будет не самым мудрым решением. Во всяком случае, сейчас я был также свободен, как любой другой пациент, вооруженного конвоя возле дверей палаты тоже не стояло.

А потом, вскоре после завтрака, ко мне пришли посетители.

Мама с папой, в наброшенных на плечи белых халатах, буквально влетели в палату и стиснули меня в объятиях. Странное это было чувство. Будто не было ничего: ни Сатурн, ни многих лет семейного кризиса, ни обретения мной способностей. Впервые за много лет я просто был со своей семьей, и мне казалось, будто еще вчера я был маленьким мальчиком, радующимся фигурке Эйдолона на Рождество. Я заметил, что у отца в волосах стало намного больше седины, а у мамы добавилось морщин. Наши отношения не сложились в прошлом, но в насквозь враждебном мире только им я мог довериться без оглядки.

Я неловко обнял обоих в ответ. Честно, не знаю, как это правильно делается.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил папа.

— Неплохо. Панацея хорошо постаралась.

— Послушай, Конни, мы на твоей стороне. Чтобы ты ни сделал там, ты считал, что поступаешь правильно, — мама говорила быстро, будто боялась куда-то не успеть. — Директор Пиггот повела себя... неразумно. Ее вынудили подать в отставку. Мы сейчас

ГОТОВИМ ИСКИ...

— Оставь. Судиться с СКП... это такое. Не перспективно.

— Есть хорошие прецеденты.

— У них слишком много козырей, — я оборвал фразу на середине, осмыслив кое-что, сказанное ранее. — Стоп. Пиггот больше не директор?

— Ее заменили. Нового директора зову Джеймс Тагг, он бывший военный.

Мне это имя ничего не говорило. Зато в животе засвербело нехорошее предчувствие.

— Значит, Пиггот сняли. Вряд ли только из-за меня. Кажется, что-то случилось крупное? — я напряг чувства, отслеживая реакцию. — Что-то очень плохое в городе?

Бинго.

— Злодеи начали войну, — сказал папа. — Люди Кайзера против азиатов.

Дорого бы я сейчас дал за нормальную силу Умника. Кайзер бы не пошел на настолько рискованный шаг. Не после тех договоренностей, которых мы достигли. Если война с азиатами... Бакуда. Я так и знал, что она чокнутая. Черт, если бы не это дурацкое ранение, я бы пристрелил ее в первую же ночь.

— В город ввели Национальную Гвардию. Мэр Кристнер в приватной беседе сообщил мистеру Андерсу, что сейчас решается вопрос о применении армии, — мама быстро оглянулась на дверь. — Имей ввиду, ты этого не слышал.

— А что Протекторат?

— Что-то делают. Наверное.

— Мда.

Национальная гвардия? Армия? Может, сразу пригласить ударные команды Протектората и Триумвират на закуску, чтобы от города точно ничего не осталось? Насколько вообще масштабный этот кризис, если принимаются меры как против А-ранга? Ладно, мои родители просто обыватели, они видят только внешнюю сторону конфликта. Доберусь до любого знакомого кейпа и выпрошу все.

— Так все настолько плохо, что пришлось подавать встречные иски?

Лицо мамы помрачнело.

— Ох, это... директор Пиггот собиралась действовать жестко, невзирая на ответные иски. Но ее сняли, а директор Тагг вступил в должность только вчера, и до тебя у него еще руки не дошли. Я уже говорила, есть хорошие прецеденты. В 2004-м герой Ускоритель убил грабителя, захватившего ребенка в качестве живого щита, и был полностью оправдан судом присяжных. Несколько случаев, когда герои без повышенной стойкости били насмерть в ответ на огонь из автоматического оружия. Еще в 2007-м был случай, герой Рейлган...

— Марта, — негромко сказал отец, — не грузи его сейчас.

— Все нормально. Я же крутой Технар. Нет такой проблемы, которую бы я не смог решить.

Она горько вздохнула.

— Это ведь не в первый раз. Когда ты оказываешься в опасности, когда получаешь ранения и оказываешься на волосок от смерти. В СКП обещали, что быть Стражем безопасно, но пока выходит прямо наоборот.

— Кейпом вообще быть опасно.

— Конрад, мы с твоим папой уже не молоды. Другого ребенка у нас не будет. И если мы тебя потеряем...

— Все в порядке. Я так серьезно пострадал в той схватке, потому что это была

спланированная ловушка именно для меня. Я недооценил одного суперзлодея, точнее того, насколько это существо прогнившее и богатое. И больше такого не повторится. Никто не сможет застать меня врасплох.

— Ты сказал «ловушка»? — насторожился папа. — Ты уверен?

Я кивнул.

— Один из похитителей, перед тем, как я снес ему голову, так и сказал: «Ничего личного, тебя заказали». Это личная вендетта, никак с делами Стражей не связанная.

— Ты во что-то впутался, — обреченно констатировала мама.

— Немножко, — я показал пальцами, насколько «немножко». — Но надеюсь все уладить до переезда в Лос-Анджелес. Если, конечно, меня все еще хотят видеть в Стражах, а не за решеткой.

— Каким образом «уладить»?

— Скажем так, кое-кто поплатится сполна за похищение детей прямо из дома.

Мама с папой синхронно вздохнули.

— Без паники. Мне бы только добраться до моего доспеха, а с ним мне сам Эйдолон не страшен.

Мы разговаривали еще где-то час, старательно обходя тему моего ближайшего будущего. Потом родители ушли, и меня снова начали проверять медики. Большого смысла в том не было, после Панацеи лечить нечего. Но правила есть правила. Включили телевизор, висящий на стене, но тот не ловил ничего кроме местного телеканала.

Я снова провалился в дрему, из которой меня вырвал резкий голос ведущего новостей.

— Невероятные новости в Заливе! — вещал он с довольным видом. — Только что в распоряжение нашего канала поступили неопровержимые доказательства связи суперзлодейской группировки Империя-88 и фармацевтической компании «Медхол Корпорейшен». И не просто доказательства, а полный список гражданских личностей злодеев, который возглавляет, кто бы мог подумать, сам Макс Андерс, СЕО компании!

На экране появилась фотография Андерса, а рядом с ней — фотография Кайзера в доспехе. Обе были сделаны со схожего ракурса, чтобы подчеркнуть сходство.

Я невольно раскрыл рот.

Это было невозможно, немыслимо по всем правилам, писанным и неписанным — но это происходило. Между тем ведущий продолжал заливаться соловьем, а на экране появлялись все новые пары фотографий. Джеймс Флишер — Блицкриг. Джессика Бирман — Фенья. Брен Мидоус — Крюковолк. Кассандра Херрен — Руна. И так далее. Были и фигуры пониже рангом, без способностей.

Сначала я подумал на нового директора, Тагга, но тут же отбросил эту мысль. Информационная бомба такого масштаба требовала месяцев на подготовку, а он получил назначение пару дней назад.

А раскрыть личности ВСЕХ членов Империи-88 можно только в двух случаях. Или у тебя полномочия директора СКП и одновременно ты начальник полицейского департамента. Или ты мощный Умник, способный извлекать любую информацию на интересующую тему из ниоткуда.

Детали картины с хрустом встали на свои места.

Все было спланировано. Неформалы начали грабить банк за считанные минуты до нападения на дом Элкоттов. Интервал был рассчитан так, чтобы Стражи успели получить первый вызов, и не смогли отреагировать на второй. Второй предназначался для меня,

потому что в тот день я был отстранен от обязанностей. И только один человек во всем городе мог знать, что я имею привычку слушать оперативные частоты на уроках.

Неформалы работали на Выверта. Нет, все было куда хуже. Само существование Выверта было теорией, лично его никто никогда не встречал. На сходке в «Саммерс Рок» он впервые показался на глаза другим злодеям — и это оказался всего лишь двойник без способностей. Однако его мощные способности Умника были очевидны, и бритва Оккама безжалостно отрезала лишнюю сущность.

Выверт — это Сплетница. Сплетница — это Выверт.

Точнее, существовала только Сплетница, Выверт же был мифом, который она создала, используя свою силу всеведения. Она мастерски спряталась на самом видном месте, где ее невозможно было заподозрить в чем-то серьезном. Якобы всего лишь мелкая воришка, а не криминальный босс, подмявший под себя солидную часть города и промышленяющий заказными убийствами и похищениями.

Тем временем на экране появилась фотография Кайдена Андерса и ее альтер эго Чистоты, а следом — несколько снимков кейпов, о которых я только слышал краем уха. Ночь, Туман, Крестonosец и Алебастр. Эти четверо обретались в Бостоне, но раньше были членами Империи-88, и ушли вместе с Чистотой.

Ясно. Бьешь по площадям, жопа веснушчатая? Чтобы не осталось никого, кто мог бы тебе противостоять? Если подумать, Лунг тоже на тебе. Подстроила время и место схватки, потому что все знала заранее. Знала, что Тейлор сможет с ним справиться. Знала, что Лунга подберет Оружейник и вколет ему транквилизатор, подавляющий регенерацию. Знала, что врачи в госпитале предпочтут довериться герою-целителю, а не разбираться с отравлением, осложненным технарскими средствами, самостоятельно. И конечно же знала, что я не упущу такой шанс прикончить это животное.

Шприц держал я, но именно Сплетница срежиссировала все события.

Сраные Умники.

— ...но не меньший интерес для общественности представляют неопровержимые доказательства связей Империи-88 и одного из Стражей, Магистерия, известного эксцентричными высказываниями и крайне жестокими методами распознавания жертв Симург.

Теперь по телевизору показывали уже мои фотки — в маске и без. Вот я разговариваю с Андерсом в офисе. Вот реклама «Медхол» с моим участием. Вот мой бой со Скитальцами. А вот прошлогодний ролик про налет на бордель АПП, где я сражаюсь с клонами Демона Ли. Стоп-кадр — чтобы сходство между моим обычным и «темным» обликом было очевидно. Та же стойка, такое же оружие. А вот мой разговор с «мистером Брандтом».

— ...контакты с европейской неонацистской организацией «Гезельшафт». И речь идет вовсе не о невинных шалостях, а о торговле химическим оружием и о бесчеловечных экспериментах на людях. И этому чудовищу мы доверяли лечить больных!

Внутри меня словно что-то оборвалось.

Паника, шок, потрясение — все достигло пиковой точки, за пределами того, что может выдержать человек. Уверен на двести процентов, если бы я уже не обладал способностями, то сейчас получил бы гарантированный триггер.

А потом все куда-то исчезло. Настолько пьянящее чувство свободы не мог даровать даже полет в ночном небе. Рухнули с плеч все обязательства, весь добровольно возложенный на себя долг и груз лжи и недомолвок.

Карты были раскрыты, мосты пылали в огне. А ведь я совсем чуть-чуть не дотянул до перевода...

«Сирин» рядом, в соседнем здании. С тем же успехом он мог находиться на Луне. Мои допуски наверняка уже аннулированы, а пробиться силой через внутреннюю охрану и системы безопасности базы Стражей я мог разве что в мечтах. У меня при себе нет ничего, кроме больничной пижамы. Я быстро огляделся, полностью высвободил свою силу.

Телевизор на стене. Штатив для капельницы рядом с кроватью. Проводка в стенах. Пульт от телевизора. Кнопка вызова медсестры. Вода в бутылке, которую принес отец. Небольшой столик и два стула. Фикус в углу.

Плохо, слишком мало возможностей, чтобы успеть создать что-нибудь действенное. И я не имел представления, сколько времени у меня осталось до того, как оперативники СКП ворвутся сюда и арестуют меня. А потом я расширившимся восприятием ощутил присутствие оружейного пороха двумя этажами ниже, и понял, что времени нет вообще.

Ну же... что-то самое примитивное, что-то хорошо знакомое...

До того момента, когда четыре человека в масках и с автоматами ворвались в палату, прошло чуть больше двух минут. Я успел подготовиться к встрече и спрятаться в углу за одну и пятьдесят две секунды. Они не церемонились, выбили дверь и сразу открыли огонь по кровати, где под простыней лежал свернутый матрас. Мина сработала еще через секунду.

Это даже не было миной. Обычная бутылка с раствором, с засунутым внутрь оголенным проводом, который мне пришлось контактировать вручную. Много приготовить не получилось, половину воды я потратил на то, чтобы смочить кусок простыни и замотать лицо. Не хватало надыхаться собственной отравой. Прошедший электрический разряд запустил каталитическую реакцию, и смесь взорвалась, заполнив палату облаком выделившегося газа.

Подосланные Сплетницей бандиты с хрипом повалились на пол без сознания. Я отсчитал в уме тридцать секунд, чтобы газ распался при контакте с воздухом, после чего выбрался из укрытия, отобрал у одного оружие и прострелил всем четверым колени и кистевые суставы. Просто убить их мне показалось слишком милосердным. Снаружи доносились панические крики, выла пожарная сирена, но я на эти мелочи уже не обращал внимания, и полностью сосредоточился на текущем конфликте.

Одежда... не по размеру, да и снимать долго. Оружие возьму. Хм, у одного обувь подходит. Поделится, все равно ему ноги больше ни к чему, а мне будет невесело бегать по битому стеклу в больничных шлепанцах. На всякий случай еще снял с одного куртку — на улице прохладно, в одной пижаме быстро замерзну.

Потом я распахнул окно. Палата находилась на третьем этаже, приземляться будет... болезненно. Не страшно, я потом себя почию. Мне бы только выбраться. Я собрался с духом и прыгнул.

С первым касанием земли я попытался уйти в перекат. Годы тренировок сначала в разных боевых искусствах и видах спорта, а после — в Стражах, дали свои плоды. А может, сказался кумулятивный эффект тех препаратов, что я принимал последние полгода. Во всяком случае, я вроде бы ничего не сломал, и уже через несколько секунд смог встать. А потом бросился бежать к проезжей части. Неподалеку находился светофор, и хотя машин было очень мало для первой половины дня, они все равно были.

С разбегу я ногами выбил стекло одного из автомобилей и втиснулся на переднее пассажирское сиденье. Водитель ошарашено на меня посмотрел, и я тут же сунул ему в лицо ствол.

— Поехали. Я скажу, где повернуть.

Жители Броктон Бей знали правила жизни в обществе кейпов. И главное из них: если какой-то хуила в маске чего-то от тебя требует, лучше сделай это. Правила эти писались кровью, так что редко кто пытался их нарушать.

Пока водитель крутил руль, я выстраивал в уме план действий. Возврата к прежней жизни уже не будет, это факт. Приказ на убийство... сомнительно, но контакты с «Гезельшафтом» — это вполне себе государственная измена. Если меня поймают, никакого снисхождения по «закону о трех ошибках» не будет, только Клетка. Придется бежать из города, переходить на подпольное положение. Изменить внешность, путем пластической операции или даже манипуляциями с ДНК, купить новые документы. С деньгами какое-то время проблем не будет. Мои легальные счета будут заморожены еще до обеда, если этого еще не случилось, но остаются «черные», под управлением Счетовода. Я их изрядно опустошил, когда приобретал карманное измерение, но пара десятков тысяч должна была остаться.

Нужно будет связаться с Ящиком Игрушек. Пересидеть несколько месяцев у них будет самым разумным решением. Думаю, смогу построить новый производственный кластер, но о «Сирине» придется забыть. Что-то настолько сложное можно сотворить лишь единожды.

От отчаяния я тихо взвыл, и чуть было не застрелил водителя. Я же был в шаге от триумфа! Еще месяц работы в неспешном темпе, и «Яркая девочка» была бы полностью интегрирована в «Сирин» и вышла на стабильный рабочий режим! Ближайшая атака Губителя дала бы мне шанс одним махом перечеркнуть все зло, что я сотворил прежде. Теперь все пошло прахом. Оружейник и Кид Вин, скорее всего, смогут понять принципы и идеи, заложенные в мой доспех, но никогда не смогут его повторить.

Ебаная Сплетница...

Просто подожди немного — и я приду за тобой. Чего бы мне это ни стоило, даже если это будет последним, что я сделаю. Плевать на Клетку, плевать вообще на все. Следующая пара миллиардов лет станет для тебя одним нескончаемым воплем боли. Клянусь.

Я велел водителю тормознуть возле моего дома, и выскочил из салона, не дожидаясь полной остановки. На полном ходу я влетел в вестибюль, ударом приклада вырубил консьержа и бросился к лифту. Я не пробуду здесь долго. Только возьму нормальную одежду вместо больничных шмоток, заберу ноутбук, где хранятся резервные копии моих файлов. Это поможет мне быстрее восстановить прогресс. Ну и оставлю записку родителям. Попрощаться с ними лично я вряд ли успею.

Ключей с собой у меня, понятное дело, не оказалось, так что замок входной двери пришлось высаживать пулей. Переодевание заняло минуту. Моя школьная сумка оказалась у меня в комнате, но на миг вспыхнувшая надежда тут же угасла, ключа от карманного измерения в ней не оказалось.

Так, что мне нужно... смена белья, ноутбук, зарядное устройство к нему... я включил смартфон и постарался запомнить несколько самых важных номеров. Брать его с собой нельзя, отследят. Во внутренний карман сунул две толстых перьевых ручки. В одной был заряд нервнопаралитического газа и отравленный дротик. В другой — средней мощности лазер.

Потом я выдрал из подвернувшейся под руку тетради лист бумаги, взял нормальную ручку и начал писать:

«Простите, но вынужден бежать.»

Передайте Эми и Кристал, я просто хотел как лучше.

Я не прощаюсь.

Конрад».

Записку я оставил на холодильнике, под магнитом. Там же, на кухне, я смешал себе энергетический коктейль, который бы поддерживал во мне силы следующие несколько часов. Автомат пришлось бросить, у меня не было браслета с пространственным карманом, где я мог бы его спрятать. Себе я оставил только трофейную «Беретту», которую заткнул сзади за ремень, и потайное оружие в виде ручек. Я оглянулся в последний раз и вышел из квартиры.

Хотите насмешить бога? Расскажите ему о своих планах.

Стоило мне ступить на лестницу, как сверху раздался голоса и топот, а потом с верхнего этажа стала спускаться целая толпа народу. Двое полицейских, два каких-то клерка и женщина, похожая на гарпию. В руках последняя держала орущего младенца.

Я сложил два и два.

Когда была раскрыта личность Кайден, эти идиоты не придумали ничего лучше, чем прийти к ней домой и забрать годовалую дочь. Они точно не из СКП, даже там не страдают таким скудоумием. Что сотворит с городом Стрелок-8, у которой отобрали ребенка, я даже думать не хотел.

Я мог сделать вид, что не обратил внимания. Мог пропустить их, и уйти незамеченным, раствориться во всеобщем хаосе. Но также я понимал, что не могу этого сделать. У меня на глазах уже похитили одного ребенка, и я бы скорее отгрыз себе ногу, чем позволил подобному случиться снова. Так что в тот момент я принял, наверное, единственное решение, о котором никогда не сожалел. Единственное действительно правильное решение.

Я достал пистолет и всадил пулю женщине в бедро. Подхватил падающую Астер, и выстрелил еще два раза, рая полицейских.

— Руки за голову, встали вон туда, — я мотнул стволом. — Даю три секунды, потом начинаю убивать.

На мне больше не было маски, я не выглядел пугающим кейпом, но заряженный пистолет, как показала практика, оказался аргументом ничуть не худшим. Клерки повиновались, я обошел их и побежал вверх по лестнице. Дверь в квартиру Кайден была вскрыта, и я беспрепятственно вошел внутрь. Я не знал номер ее сотового, но возле стационарного телефона была приколата бумажка с несколькими номерами, в том числе номером телефона Тео.

— Алло, Конрад? Что случилось? — удивленно спросил он после пятого гудка.

Ах да, он же сейчас в школе. Он просто не успел узнать.

— Личности всех кейпов Империи-88 раскрыты Вывертом и Неформалами. Точнее, Сплетница из Неформалов — это и есть настоящий Выверт. Где бы ты ни находился, беги оттуда. И скажи мне телефон Кайден.

— Погоди, что значит...

— СКАЖИ МНЕ ТЕЛЕФОН КАЙДЕН! — заорал я, и Астер начала плакать еще громче.

— Ай, сейчас...

Через полминуты он продиктовал мне номер и я тут же бросил трубку. Кайден ответила после третьего гудка.

— Алло, кто это?

— Миссис Андерс, это Конрад. Личности всех кейпов Империи-88 раскрыты, полиция

и органы опеки пытались забрать Астер, я им помешал. Как можно скорее явиться на крышу вашего дома, я буду ждать вас там. Быстрее, у меня сейчас половина героев города будет на хвосте!

Мгновения молчания.

— Поняла, скоро буду.

Я бросил трубку и выбежал из квартиры. По лестнице взобрался на самый верхний этаж, с него — на крышу. Вытащив лазерную ручку, я немного подрегулировал мощность луча и заварил им дверь. А потом подошел к самому карнизу и стал ждать.

Увы, первыми на горизонте показалась вовсе не сияющая белая точка. Летящие кейпы обрушились с неба и мгновенно меня окружили. Я огляделся, оценивая силы противников. Бесстрашный, Лазершоу, Леди Фотон, Слава и Барьер. Шансы на победу: не выше, чем у коммуниста стать человеком.

Я не боялся. Бояться те, кому есть, что терять. У меня в одночасье отняли все, кроме жизни. А скоро и той не будет, ее заменит гниение в Клетке. Не было ни малейшего шанса избежать этого.

— Конрад? — странно сиплым голосом спросила Лазершоу. — Что ты... что ты делаешь?

— То, что должен делать герой, — я пожал плечами. — Защищаю невинных.

— Просто отойди от края крыши и отдай ребенка нам, — сказал Бесстрашный.

Копье-молния в его руках трещало от энергии. Закрепленный на левой руке баклер окружал Бесстрашного мерцающим золотистым защитным полем. В нем была слабость, та же, что и у Славы — перегрузка на время выводила щит из строя. Еще бы мне было, чем его перегрузить.

— Вынужден отказаться, сэр. Это идет вразрез с моими принципами.

— Не усугубляй ситуацию. Ты сейчас и так в тяжелом положении, но еще есть шанс что-то исправить. Но если ты навредишь этой малышке, тебе уже ничего не поможет.

— Я? Наврежу? Ей?! Бесстрашный, не будьте идиотом. Это — дочь Кайдена Андерса. Дочь Чистоты. Мы, знаете, хорошие соседи. Я бы лично прострелил ногу тому, кто попробовал бы ей навредить. Что я, кстати, и сделал пять минут назад.

— Чего ты добиваешься? — вмешалась Леди Фотон. — Ты окружен. Тебе некуда сбежать.

— Но и вы не можете мне ничего сделать. Удобно, правда? — я вложил во внутренний карман ручку с лазером и достал другую, с газом и дротиком. — Как думаете, что Чистота, один из сильнейших Стрелков Америки, сделает с теми, кто попытался отнять ее единственную дочь? Что она сделает с городом?

— Изъятие Астера Андерса было санкционировано.

— Если похищение ребенка прикрыто бумажкой, оно не перестает быть похищением. А вы знаете, миссис Пелхам, у меня с похитителями детей разговор короткий.

«Чистота, ну где ты? Ты же можешь пересечь весь город за считанные секунды! Что тебя так задержало?»

Вдруг Лазершоу погасила свое силовое поле и приземлилась на крышу передо мной. В ее глазах стояло отчаяние. Она медленно шагнула ко мне и положила руки мне на плечи. Реши она меня убить, ее мощнейшие лазеры испепелили бы меня, не задев Астер. Я неожиданно для самого себя обнаружил, что рефлекторно направил ручку ей в бедро и держу палец на рычажке, выпускающем дротик.

— Пожалуйста. Скажи, что это не правда, — прошептала она. — Ведь тебя просто оболгали, так? Это все фальшивка?

Наверное, это были самые страшные слова, что я когда-либо слышал.

Она верила мне. Она цеплялась за любую надежду, которая бы позволила ей продолжать считать меня хорошим человеком. У меня перед глазами пронеслась и наша переписка на ПЛО, и разговоры после моих больничных смен. Она была на четыре года старше — ну и что? Она мне нравилась, это было бессмысленно отрицать. Она *понимала* меня.

А я ее предал.

— Но это правда, Кристал. От начала и до конца, — ответил я треснувшим голосом. — И про Империю-88, и про «Гезельшафт», и про эксперименты на людях. Игнис и Тора. Это я их создал. Дал им силы.

— Зачем? — прошептала она. — Ты ведь герой. Настоящий герой...

— Технарская сила, в отличие от любой другой, крайне прожорлива до ресурсов. Я получил свою, когда умирал от кетоцидоза в запертой комнате, где меня оставила моя мать в наказание за пропущенные занятия. Это сейчас она вполне приятный человек, и совершенно не похожа на себя прежнюю. У меня не было ни цента своих денег, а мои идеи требовали вложений. Так я вышел на связь с Блицкригом, его впечатлила демонстрация, и он навел мне контакт с Гезельшафтом. Я отказался вступать в Империю-88, я осознавал потенциал своей силы в исцелении, и если бы стал «официальным» злодеем, то никогда не смог бы его реализовать. Согласился на легальные гражданские контракты с «Медхол», не противоречащие NEREA-5, они должны были обеспечить меня достаточными средствами. Кстати, это была идея Блицкрига, заявить о себе как о независимом герое. Чтобы немного отмыть образ. Гезельшафт платил еще щедрее, но также обеспечил меня тем, что ни за какие деньги не купишь — информацией о природе сил. Такой, какой нет даже у СКП. Я содействовал их программе искусственных триггеров, помогал им найти новые закономерности и сделать процесс триггера более предсказуемым и не таким калечащим. Это было достаточно просто, и не требовало идти на сделки с совестью, только раз в месяц отсылать в Европу партию психотропов. А потом вылез Бегемот, и там меня словно лицом об стену приласкали. Тогда я впервые осознал истинные масштабы катастрофы. Тогда Александрия меня заметила и сказала, что миру нужны истинные герои. Верность арийским идеалам, борьба за влияние — кого это должно волновать, когда речь идет о выживании цивилизации вообще? Я свой выбор сделал именно тогда. Когда измазанный с ног до головы в крови летел над сгоревшим Мехико. Только вот проблема, потребность в ресурсах никуда не делась. Да, я разобрался со своей силой, и понял, что на самом деле завишу от ресурсов куда меньше, чем любой другой технар. Но оставалась проблема Пиггот. Свинка прекрасно знала, чем на самом деле является «Медхол», хотя из-за секретности не могла об этом сказать вслух, и считала меня шпионом и агентом влияния. Херня, кстати говоря. Я не сливал Кайзеру информацию вообще никогда, у него для этого достаточно других кротов. Ну так вот, мне требовались не просто металлы, провода или пластики. Мне требовались площади. Очень большие площади, потому что моя истинная специализация — это «производственные кластеры замкнутого цикла». Кто-то уровня Дракон или Оружейника, потребуй он себе дюжину гектаров территории под личный завод, получил бы желаемое. Я о таком мечтать не мог, Свинка наоборот всеми силами тормозила мой прогресс, урезая бюджет. И я обратился в Ящик Игрушек, где мне предложили карманное измерение нужного

объема за совершенно скотскую сумму. К счастью, примерно тогда же Гезельшафт решил получить с меня больше, и потребовал провести эксперимент с триггером самостоятельно, а собранные данные переслать им. Так появилась Тора. Ей это, кстати, не сильно понравилось, и она меня маленько выпотрошила. Я на нее зла не держу. Даже убрать ее не пытался. Но это дело прошлое, на самом деле. После случая с Торой я передал Гезельшафту собранную информацию и оборвал с ними связь. Слишком опасно для меня, как я сказал. На самом деле меня просто тошнило от того, чем я занимался. Утешало только то, что выплаченный гонорар позволил начать работу над моим *opus magnum* — то есть над проектом «Сирин». Это ведь не просто доспех. Это нечто настолько сложное, что я сам едва понимаю его суть. Но у него есть потенциал противостоять Губителям, я уверен в этом. Потом была Канберра. Три недели в натуральном аду, а когда я вернулся домой, то что увидел? Как по всем каналам меня поливают говном. Я вспылел, пошел к Пиггот разбираться и чуть ее там не пошинковал, но Коста-Браун предложила перевод в Лос-Анджелес. Я подумал и согласился. Для меня это был шанс оставить все позади, начать с чистого листа. Но не сложилось, как видите.

По щеке Лазершоу скатилась слеза. Она не всхлипывала, не рыдала, вообще не издавала ни звука. Просто беззвучно плакала. И я не знаю, смог бы выдержать это зрелище хоть немного дольше, но сверху сверкнули белые лучи: прибыла Чистота.

Я обрадовался ей, как родной. Просто потому, что она отвлекла меня от осознания собственной мерзости, втянула обратно в конфликт. Конфликт был проще. Понятнее.

Летуны брызнули в стороны, как мальки от щуки. Лазершоу тоже дернулась было с места, но я шагнул к ней и приставил ручку к ее груди.

— Стой. Не вынуждай меня делать то, о чем я буду жалеть.

— Зачем ты ей помогаешь?!

— Пытаюсь хоть раз в жизни поступить правильно.

Чистота ударила по героям, вынудила их перейти в оборону и спустилась вниз. Там ее не могли атаковать — из опасения задеть Астер и потому, что видели приставленную к груди Лазершоу ручку. Каким-то образом у меня возникла репутация безжалостного мясника, и никто не сомневался в реальности угрозы.

— Вы не больно торопились, миссис Андерс, — сказал я, передавая ей плачущую девочку.

— Прости, форс-мажор, — ответила она сквозь сжатые зубы и прижала дочь к груди. — Я не смогу тебя унести.

— Я знаю. Попрощайтесь за меня с Тео и Кэсси.

Она словно колебалась.

— Астер у вас, летите уже. Я здесь справлюсь.

— Спасибо за все, Конрад.

Она взмыла ввысь и быстро исчезла из виду.

Я убрал ручку от груди Лазершоу и крутнул ее в пальцах. На душе было легко и спокойно. Из будущего исчезла какая-либо неопределенность, и я с улыбкой прикрыл глаза, чтобы насладиться вкусом последних глотков свободы.

Крутнул ручку в пальцах.

И убрал ее во внутренний карман.

— Вы победили. Я сдаюсь.

28 апреля 2011

В некотором смысле тот день был не только судьбоносным, но и богатым на открытия. Например, я узнал, что если прыгнуть с третьего этажа и даже ничего не сломать, через несколько часов все равно будет очень больно. А еще растворитель для удерживающей пены хотя и очень быстро высыхает, но въедается в кожу, и она потом чешется. А еще видеть растерянные, непонимающие взгляды бывших товарищей больнее, чем получить четыре пули в грудь, лишиться ноги и быть загрызенным огромным монстром.

На этом странности закончились. Протоколы содержания под стражей Технарей были просты: в камере не должно быть ничего, что можно использовать как ресурс для технарства. Мне выделили как раз такую — стальной короб с намертво приваренной к полу койкой, дыркой в полу вместо туалета и без каких-либо технических устройств. Всю одежду отобрали, вместо нее выдали сверток с черной робой, украшенной размашистой белой надписью «ЗЛОДЕЙ». Унизительный обыск с проверкой рта, волос и прямой кишки.

Забавно. Где-то в глубине души я еще надеялся, что все, что я делал на протяжении последнего полугодия, мне зачтется в плюс. Ну что же, люди — неблагодарный скот.

Никто мне ничего не объяснял, со мной вообще не разговаривали, а гордость не позволяла мне что-нибудь спросить. Да и бесполезно это было. Ожидающий впереди суд будет пустой формальностью — если он вообще будет. С моей репутацией меня могли отправить в Клетку без суда и следствия. Общество могло простить многое — наркоторговлю, работорговлю, рэкет, изнасилования, массовые убийства, террор, да вообще почти что угодно. Кроме сотрудничества с нацистами.

Вытащить меня тоже было некому. У Кайзера после раскрытия личности наверняка своих проблем хватало, но даже не случилось оно, он вряд ли стал бы тратить на меня силы. Друг наполовину — это наполовину враг, а Кайзер предпочитал контролировать ситуацию, а не надеяться на одного, надо признать, не самого стабильного кейпа.

От нечего делать я попытался вызвать то состояние, в которое всегда впадал за работой. У меня в уме крутилась схема нового устройства, над идеей которого я давно размышлял, но лишь после выхода из комы смог оформить задумку во что-то конкретное. Что-то вроде системы катапультирования для «Сирина», на тот случай, если кто-то из Губителей сможет обойти или пробить его защиту.

Разумеется, смысла в этом не было, у меня уже никогда не будет шанса реализовать свои идеи. Но это отвлекало, позволяло чем-то себя занять, чтобы не мучиться ожиданием и бездействием.

Не знаю, сколько времени прошло. Может час, может сутки. Когда впадаешь в технарскую фугу, практически перестаешь воспринимать время. В любом случае, раздался резкий гудок, над дверью вспыхнула предупредительная лампочка. Через шесть секунд в камеру вошел оперативник СКП в полном боевом обмундировании и с распылителем пены в руках. Позади него в коридоре я заметил еще несколько бойцов, а также Оружейника и Мисс Ополчение. Почетный эскорт, да? Я бы рассмеялся, если бы это еще как-то меня волновало.

— Магистерий, на выход.

— Что, уже? — я нехотя встал с койки. — А меня не должны сначала судить, и все такое? Где мой адвокат?

Оперативник ничего не ответил, просто молча защелкнул у меня за спиной массивные наручники вытолкнул в коридор. Я посмотрел на сопровождающих гергов, но их физиология не сообщала ничего значимого. Повышенный уровень стресса, симптомы недосыпания, но и только.

К моему некоторому удивлению, меня отвели не на подземную стоянку, где находился наземный транспорт, и не к вертолетной площадке на крыше, а в комнату для допросов. Самую такую обычную, со столом, неудобными стульями и поляризованным пуленепробиваемым стеклом. Хотя ручки отобрать не забыли, как и надеть тяжелые антипарачеловеческие наручники. Просто отвели, и усадили на стул.

Оперативники рассредоточились по углам комнаты, Мисс Ополчение заняла позицию у меня за спиной, без сомнения, готовая в любой момент вышибить мне мозги. Оружейник дежурил возле входа, держа Алебарду так, что в любой момент мог эффективно отразить нападение с любой стороны. Или эффективно напасть.

Через несколько минут дверь отворилась, и в допросную комнату вошел незнакомый темноволосый с проседью мужчина лет пятидесяти, с колючими глазами, похожими на пистолетные дула. Сквозное зрение обнаружило рубцовую ткань на его левой ноге и левой части торса, повышенный уровень кислоты в желудке и стальной шпифт в бедренной кости. Он уселся за стол напротив меня и плюхнул перед собой папку для бумаг.

— Добрый день, Магистерий. Я новый директор отделения СКП Восток-Северо-Восток полковник Джеймс Тагг.

— Сказал бы, что рад знакомству, но я решил больше не лгать. Простите, что не здороваюсь, руки заняты немного.

— Разумная мера предосторожности, — ответил он. — Особенно с учетом произошедшего недавно.

— Тогда не следует останавливаться на полумерах. Кто знает, может у меня в одном из зубов ампула с ядом, а в глазу — лазер.

— А они есть? — поинтересовался Тагг.

— Нету, к сожалению.

— Тогда начнем, — новоявленный директор открыл папку и достал ворох каких-то листов.

Я наблюдал за его действиями без интереса, просто потому, что больше смотреть было не на что. По виду бумаг я мог понять, что это за документы — рапорты криминалистов и героев, фотографии с мест происшествий, вырезки из газет. О содержании тоже было несложно догадаться.

— Как ты уже понял, дела твои дрянь. Шпионаж, торговля химическим оружием, соучастие в погромах, вооруженных нападениях, нападения и истязания с применением парачеловеческих способностей, убийства с применением парачеловеческих способностей, нападение на сотрудников полиции, незаконное ношение и хранение огнестрельного оружия, захват заложников, похищение.

Заложники? Похищения? Я удивленно приподнял бровь, но быстро сообразил, что речь идет об Астер. То, что я де факто вернул ее законной матери, в глазах СКП роли не играло.

— Ага.

— Даже малой части этого списка хватило бы на то, чтобы запереть тебя в Клетке.

— Ага.

— Клетка, сынок, это кошмарное место. В эту адскую дыру мы сбрасываем самые

отвратительные и жестокие отбросы среди паралоудей, и никто из них до сих пор не смог оттуда выбраться. А это показатель, — Тагг достал из наплечной кобуры пистолет и положил его на стол рядом с собой. — Если хочешь знать мое мнение, так лучше бы все заканчивали одной пулей в затылок. Это гуманнее.

— Ага.

— И тебя это не беспокоит?

— А должно?

— А разве нет? Это ведь ты в полушаге от Клетки, а не я.

— И нет ни одного шанса, что я там не окажусь еще до обеда. Ну, разве что под моим стулом вдруг откроется портал, и какая-то секретная организация предложит мне свободу в обмен на работу на них. Вероятность не велика, как мне кажется.

— И правда, не велика, — согласился Тагг. — Ладно, оставим пока эту тему. Лучше скажи, на кой черт ты вообще связался с нациками?

— Бесстрашный вам не рассказал? Я для кого на крыше битый час распинался?

— Он и половины не запомнил. Его больше интересовал младенец-заложник.

— Я тогда только получил силы, и надо было где-то добыть ресурсы. А поскольку первое знакомство с героями у меня не сложилось, пришлось искать варианты.

— И лучшим вариантом оказалась организация, держащая в кулаке половину Европы, и ведущая евгенические эксперименты.

— О боже мой, европейцы опять друг друга режут. За две тысячи лет ничего такого не случилось и вот опять. Сэр, тысячи моих соотечественников богатели на двух мировых войнах. Что плохого в том, чтобы последовать их примеру?

— Здесь написано, что ты передавал Гезельшафту секретную информацию, представляющую стратегическую ценность.

— Вообще-то наоборот. Это они очень щедро снабжали меня информацией о триггер-событиях и природе сил, а кое-что я сам додумал. Без этих данных я не смог бы создать «Сирин».

— «Сирин», «Сирин»... Оружейник, напомни что это.

— Многофункциональный боевой комплекс, основанный на технологиях, искажающих мерности пространственно-временного континуума. В текущей конфигурации угроза А-класса, — ответил глава Протектората ВСВ. — В случае если будут подключены дополнительные подсистемы, в настоящий момент находящиеся на стадии сборки, уровень угрозы должен быть повышен до S.

— И Стражу позволили построить такую штуку?

— Они ничего разрешения не спрашивал, — сказала Мисс Ополчение. — Мы даже не знали о существовании «Сирин» до нападения Симург в феврале. К сожалению, потом его уничтожение сочли нецелесообразным.

— Раз уж вспомнили, я хотел бы передать Оружейнику коды активации, и перенастроить систему авторизации пользователя. Не хочу, чтобы столько труда пропало даром.

Дуло дробовика больно уперлось мне в затылок.

— Об этом не может быть и речи. Господин директор, если Магистерий получит доступ к «Сирину», нам понадобится Триумвират, чтобы остановить его.

— Передайте кто-нибудь этой чокнутой, если она еще раз так сделает, я ее убью.

— Тихо! — рыкнул Тагг. — Ваши свары мне не интересны.

— Прошу прощения, господин директор, — сказала Мисс Ополчения и убрала ствол от моего затылка. — Но Магистерий — высокоуровневый Технарй. Малейшая небрежность в соблюдении режиме содержания может иметь фатальные последствия.

— Здесь я решаю, как следует соблюдать режим. Так, всем выйти. Хочу поговорить с ним наедине.

Оперативники без возражений вышли наружу, Оружейник — следом за ними. Мисс Ополчение несколько секунд колебалась, и потребовался еще один грозный директорский взгляд, чтобы она покинула допросную комнату и закрыла за собой дверь.

Тагг откинулся на спинку стула и устало вздохнул.

— Короче, Магистерий. Меня не интересует, почему ты поступал так, как поступал, — заявил он неожиданно спокойным тоном. — Мне плевать на твои мотивы и политические взгляды. Меня назначили в этот город директором СКП, потому что он горит, прямо сейчас горит. Счет жертв идет на сотни, в основном это мирные жители. В штате введено военное положение. Империя-88, после того, как раскрыли их личности, громит город вместе с Бакудой. Будто соревнуются, кто нанесет больше ущерба. Я намерен навести здесь порядок и раздавить всю злодейскую погань, и мне глубоко плевать, как это будет выглядеть со стороны. Но вот на что мне не наплевать — так это на то, что мощнейшее оружие в моем распоряжении распустило сопля, и только и делает, что ноет про Клетку!

Мою внутреннюю реакцию можно было описать одним словом: «чё?».

— После устроенного Сплетницей слива информации меня половина страны готова линчевать. Клетка мне обеспечена даже не за сами дела, а под давлением общественности.

Тагг в ярости треснул кулаком по столу.

— Да забудь ты про общественность! Общественность — это скот, который сожрет все, что СМИ положат ему в корыто! Серьезно, сынок, я читал твое личное дело, и думал у тебя яйца покрепче, а ты устроил истерику, как только прижало. Что, наворотил хуйни и решил в Клетку забиться как мышь в нору, и больше тебя ничего не касается? А разгребать за тебя кто все будет?

— Давайте ближе к делу, — выдавил я с усилием. Нет, нельзя надеяться. Нельзя, нельзя, нельзя. Потому только больнее будет разочаровываться.

— Ближе так ближе. Сейчас у нас есть два пути. Первый — ты не желаешь вынуть голову из жопы и продолжаешь хныкать, как у тебя все плохо. В таком случае я с тобой соглашусь, и в Клетку ты отправишься прямо из этой комнаты. Военное положение, как я уже сказал. У меня достаточно полномочий, чтобы действовать в обход суда.

Он сделал паузу, следя за моей реакцией. Я удерживал на лице каменное выражение, и лишь почти сломав себе палец смог удержаться от вопроса «а второй?».

— Второй путь — ты вспоминаешь, что ты не девочка-истеричка, а мужик, берешь этот свой «Сирин» и разгребашь все накопившееся дерьмо. Со Скитальцами ты и без него разобрался неплохо, а если эта штука так хороша, как ее описывают — разберешься со всем остальным. Если справишься, заменим меру пресечения на домашний арест, а дальше посмотрим. Может, даже получишь доступ к мастерской.

Раздался еле слышный хруст. Я вывихнул себе указательный палец, чтобы боль хоть немного привела меня в чувство. Либо у меня начались галлюцинации, либо Тагг сейчас предлагал мне почти амнистию в обмен на помощь с разрешением кризиса. Что указывает на серьезность проблем.

— Вы слышали, что сказала Мисс Ополчение, — медленно произнес я. — «Сирин»

разрабатывался с целью противодействия угрозам S-класса. Если я получу к нему доступ, что мешает мне просто свалить на все четыре стороны?

Вместо ответа Тагг достал из папки еще одну бумагу и положил передо мной.

«Согласно постановлению высшего суда штата Нью-Хемпшир, отделение Службы Контроля Параугроз Восток-Северо-Восток (далее — Отделение) подтверждает, что кей Магистерий (гражданское имя — Конрад Кёлер, 1995 г.р., далее — Цель) представляет угрозу жизни, здоровью, свободе воли и имуществу граждан Соединенных Штатов Америки в любой момент времени.

В связи с этим Отделение приказывает осуществить незамедлительную ликвидацию Цели. Исполнить приказ вправе любое лицо на территории США и Канады. Лицу осуществившему ликвидацию, гарантируется неприкосновенность на период исполнения приказа и получения вознаграждения...»

Все подписи и печати уже стояли, но даты оставались не заполненными.

Конечно, реши я действительно удариться в бега, это бы меня не остановило. За пару часов я мог пересечь Атлантический океан и обосноваться в любом месте Европы как обычный злодей. Пришлось бы потолкаться локтями за место под солнцем, но мои силы делали это выполнимой задачей.

Я даже мог снова установить контакт с Гезельшафтом, войти в их структуры полностью и бесповоротно. Но это бы мало отличалось от заключения в Клетке. То есть, я бы сохранил личную свободу, но весь пройденный путь, все принятые решения и приложенные усилия оказались бы напрасными.

Однако вопросы все еще оставались.

— Зачем вам это? У вас достаточно героев, чтобы взять город под контроль. Нужно только дать им приказы.

Тагг слегка поморщился.

— Герои... вся эта муть с героями, злодеями, неписанными правилами, тайными личностями... все это полное дерьмо, которое в настоящем деле только мешает. А у них оно въелось в подкорку. Мне не нужны герои, Магистерий. Мне нужна неотвратимость. Ядерная бомба в единственных руках.

— Вам нужен мокрушник.

— Можно и так сказать, — он криво усмехнулся. — Черт, в морскую пехоту бы тебя, хоть на четыре месяца учебки, чтобы пороху понюхал. Глядишь, и вышел бы толк.

— Давайте полегче, у меня два выезда на Губителей.

— Тоже мне подвиг... сколько ты там в Канберре проторчал? Три недели? А я в Лозанне провел два года. Сражался с теми, кто слушал крик Симург слишком долго, пока яйцеголовые пытались понять, как их вылечить. Можешь себе представить, когда на тебя прет толпа с виду мирных обывателей, но каждый хочет убить тебя самым изощренным образом?

«Это не крик, это песня».

— Автомат и обезьяне дать можно, я на ютубе видел. Зато я смог то, чего не смог никто до меня — провел отбраковку.

— Просто повезло. Самая короткая атака из всех, если не ошибаюсь?

Я пожал плечами. Если Таггу так хотелось похвастаться послужным списком, это его дело. У нас слишком разные сферы деятельности, чтобы их сравнивать.

— Какова сейчас обстановка? — спросил я, чтобы сменить тему.

— О, значит, решил собрать яйца в кулак? Похвально, похвально. А обстановка такова: Бакуда с интервалом в несколько часов подрывает бомбы в городе. Они там заложены заранее, и неизвестно, сколько их осталось. Ликвидировать ее затруднительно, потому что в таком случае сдетонируют вообще все бомбы, что она сделала. Половина города превратится в пустошь или что похуже, Умники из Нью-Йорка дают плохой прогноз. У нее небольшая горстка подручных-смертников, которых не успели выбить другие злодеи. Когда ее загнали на север, она не могла пополнять отряд, но сейчас Империя-88 отступила, и она снова может действовать свободно.

— Что известно о ее бомбах?

— Огромное разнообразие эффектов, не ограниченных эффектом Мантона. Трансмутация, локальная остановка времени, изменение агрегатного состояния вещества, пространственные искажения, криогенные, плазменные... и так далее. Бомбы тоже самые разные. Бомбы-невидимки, бомбы замаскированные под обыденные предметы, телепортирующиеся бомбы, бомбы-голограммы. Короче, их объединяет только то, что это бомбы.

— Значит, нейтрализовать их разом невозможно. Атаковать надо ее саму. Ее смогли отследить?

— Нет. Оружейник посылал дронов на разведку, их уничтожили самонаводящиеся мины.

— Ладно, это ерунда. В памяти «Сирина» должна оставаться волновая сигнатура ее ДНК, я разыщу ее в два счета. А остальные злодеи?

— Империя-88, похоже, уничтожает то, чем раньше владела легально, чтобы не доставалось никому, плюс постоянные атаки на патрулирующих героев и солдат Национальной гвардии.

— Довели...

— Что, прости?

— Не подумайте, что я оправдываю Кайзера. На самом деле, я всегда считал его козлом. Но «Медхолл» — крупнейшая компания в Броктон Бей, с сотнями рабочих мест, что для города с пятидесятипроцентной безработицей крайне существенно. Андерсы строили этот бизнес почти тридцать лет. И когда я представляю, как надо довести мужика, чтобы он начал собственноручно крушить дело своей жизни...

— Крысу загнали в угол, — кивнул Тагг.

— В том и проблема. Их жизни разрушены, деваться им некуда, они готовы на самоубийственные атаки, — я попытался устроиться поудобнее, насколько то позволял пыточный стул, скованные за спиной руки и сломанный палец. — Давайте кое-что объясню про внутреннюю структуру Империи-88. Ядро — это клан Андерсов. Сейчас туда входит сам Кайзер и сестры Бирман, они же Фенья и Менья. Это те, кто стоял у истоков, там все серьезно, семейный бизнес, и все такое. Вчера были сливками общества, а сегодня бомжи вне закона.

— Что можешь посоветовать по противодействию.

— Ничего особенного. Их силы хорошо известны и не оставляют простора для фантазии. Один только момент — против Кайзера нельзя выпускать бойцов в тяжелой броне. Его коронный прием это создание очень тонких и острых шипов на внутренней стороне бронежилетов и шлемов. Что точно могу сказать, так это то, что Кайзер будет драться до последнего. Он в Броктон Бей родился, вырос и здесь вел дела, легальные и нет.

Он скорее уничтожит весь город вместе с собой, чем сдастся или отступит.

— Ясно.

— Потом, есть Блицкриг, он отдельно от всех, потому что он эмиссар Гезельшафта в США. Он многое потерял, но ему есть, куда отступить, у него очень обширные связи в Старом Свете. Есть группа Крюковолка — это он сам, Цикада, Штормтигр и Игнис. Они даже не идейные нацисты, им просто нравится бить людей, а у Игниса вдобавок был крайне травматичный триггер, от которого он так и не оправился. Этих можно в расход.

— Цикада и Штормтигр мертвы, — сказал Тагг. — Подорвались на бомбах Бакуды.

— Это все упрощает.

— Оборотень-7 и Излом-7 — это просто?

— Я знаю механизмы их способностей, и их слабые места. Последняя группа — это выходцы из клана Херрен. Сюда входят Руна и Отала, а также муж последней, Виктор. На них хочу остановиться подробно. Отала в гробу видала все эти войны, драки и идеологию, больше всего на свете мечтает о карьере домохозяйки, а ее сила не агрессивна и ориентирована на поддержку союзников. Она — главный кандидат на перевербовку. С Виктором сложнее, он верен Империи-88 и Кайзеру, который дал ему все, что он имеет. Но и его можно переубедить сменить сторону, особенно если предварительно склонить Оталу. Для этого надо сначала нейтрализовать Кайзера, как авторитетную фигуру, и дать обоим гарантию, что они останутся одной командой. Что до Руны...

Я задумался. Вот с кем мне не хотелось бы сталкиваться.

— Стражем она не станет даже из-под палки. Между испытательным сроком и тюрьмой без колебаний выберет тюрьму. Она и раньше была не подарок, а после того, как я окончательно выбрал путь героя и мы из-за этого посрались, возненавидела героев всей душой. Однако я не смогу ее убить. Если негласно дать коридор для выхода, она скорее всего уйдет с теми, кто согласится уходить.

— А Чистота?

— Мой совет — просто оставьте ее в покое. Я пожертвовал своей возможностью побега только для того, чтобы она не сравняла с землей весь город. А если бы у нее забрали дочь, она бы сделала это без колебаний, убила бы тысячи. Думаю, она переберется в Бостон в ближайшее время, там обитает ее бывшая команда. Их тоже раскрыли, но в Бостоне нет открытой войны, и затеряться легче.

— Понятно. Значит, раскол в рядах, — кивнул Тагг. — Напрягу аналитиков, как это можно использовать. Черт, и ни одного Умника в Протекторате, когда они нужны...

— Кстати об Умниках. Я размышлял над обстоятельствами ограбления банка и похищения Дины Элкотт. Вам сообщали об этом?

— Не слишком подробно, масса других дел.

— Это отправная точка текущих событий. Обе атаки были настолько скоординированы, что вывод напрашивается очевидный: Неформалы выполняли роль отвлечения, чтобы люди Выверта без проблем похитили Дину. Скитальцы же были прикрытием на случай моего появления. Вряд ли они собирались потерять там половину команды, но все же план увенчался успехом.

— Неформалы работают на Выверта? Ты уверен?

— С большой долей вероятности Выверта вообще не существует, и за всем стоит Сплетница, которая прикидывается шлангом. Я определяю ее способность как всеведение. Она концентрируется на том, что хочет узнать, и узнает это. Так что очень советую напрячь

Оружейника, и что-то сделать с парольной защитой в штаб-квартире. Любой текстовый или вербальный пароль сейчас является скомпрометированным. Придется полностью переходить на биометрию. Готов поделиться технологией чтения волновых ритмов мозга, Оружейник сможет ее улучшить, оптимизировать и создать компактные сканеры, совместимые с обычными операционными системами.

— Отлично, это будет задачей наивысшего приоритета, — кивнул Тагг. — Рад, что не ошибся в тебе.

— Наручники.

— О, конечно.

Он вызвал из коридора одного бойца, который снял с меня кандалы. Палец я вправил на место самостоятельно, даже сумев не поморщиться от боли. Будет отек, но это фигня, мне нужно лишь добраться до мастерской, чтобы я смог себя починить.

— Что ещё? Цирк, Убер и Элит, Металлолом, Трещина, выжившие Скитальцы? Я также не слышал, чтобы упоминали Демона Ли и Тору.

— В рапортах этих имен не было, так что похоже все залегли на дно. Демон Ли убит Бакудой, если не ошибаюсь.

— Черт!

— У тебя еще в одной банде были кореша?

— Наоборот. Я надеялся прикончить его собственноручно. Ладно, земля ему стекловатой. Приоритеты следующие: сначала Бакуда, потом Сплетница, потом всё остальное.

— Почему не Империя? — резко спросил Тагг.

— Потому что Империя отрезана от своих ресурсов и понесла тяжелые потери в противостоянии с Бакудой, ее действия — это конвульсии умирающего тела. Сплетница же имеет в своем распоряжении огромные средства, раз может позволить себе целую наемную армию и поддержку таких мощных команд как Скитальцы. Она явно замышляет что-то крайне поганое, если организовала похищение Дины, предполагаемого Умника-предсказателя. Кроме того, по протоколам противодействия Умников следует устранять первыми, тогда как Бугаи и им подобные имеют наименьший приоритет.

Несколько секунд Тагг сидел в напряженной задумчивости.

— Ладно, это приемлемо, — нехотя согласился он. — Сколько тебе нужно на подготовку?

— Зависит от того, насколько сильно Оружейник успел расковырять «Сирин» и мою мастерскую. В идеальных условиях мне потребуются три часа на монтаж, полчаса на общую диагностику и отладку, а также пятнадцать минут на приготовление питательной смеси и шесть минут на звонок родителям. К этому моменту мне нужна вся информация, которую удалось собрать за две недели.

Тагг сморщился из-за внезапно возникшей заминки и, ничего не сказав, вышел из допросной комнаты. Я вздохнул и улегся прямо на столе, подложив голову под кулак.

Я достаточно неплохо знал Оружейника. В условиях чрезвычайной ситуации, когда его постоянное присутствие требовалось в другом месте, он вряд ли успел нанести непоправимый ущерб производственному кластеру и доспеху. Но в том, что он утащил все образцы к себе в мастерскую на Вышку и основательно там все развинтил, сомневаться не приходилось.

Что теперь? Полчаса назад я был морально готов отправляться в Клетку. Сейчас надо

мною дамкловым мечом нависал приказ на убийство с открытой датой. Однако вместе с ним у меня также появился шанс... вот только бы еще понять, на что.

Восстановить репутацию? Абсурдно. Моя личность раскрыта, тут поможет только полный ребрендинг и новые документы. Но даже если это сделать, сообщество кейпов не одурачишь так просто, как общественность. Этот груз останется со мной навсегда.

Родителям тоже придется несладко. Без защиты Империи-88 «Медхолл» быстро прекратит существование, его активы скупят за бесценок разнообразные стервятники — та же Сплетница, например. Возможно, ради этого она все и затеяла. Мама из высококлассного корпоративного юриста и партнера одним махом превратилась в безработную. Логистическая компания отца если и уцелела во время погромов, без контрактов с «Медхолл» вернется к прежнему полуголодному прозябанию.

Я все еще мог показать класс. Мог выжать все из своей силы и навыков, и дать бой Губителю, потому что окно следующей атаки откроется чуть больше чем через две недели. За это время надо успеть разобраться со всеми домашними проблемами и закончить все начатые проекты. И надеяться, что я сделал достаточно, и по итогам битвы можно будет потребовать себе полную амнистию.

Скорее всего, я смогу ее получить, если выживу. Но если нет...

Придется чем-то припугнуть. Чем-то, соответствующим угрозе S-класса.

— «Сирин», активировать протоколы геноцида, — произнес я в пространство. Немного подумал, и добавил более высоким, похожим на женский, голосом, — Задействованы протоколы геноцида, удачного вам дня.

Звучит внушительно. Солидно. Но не подкрепленные реальными возможностями слова — это просто потешное сотрясение воздуха. Всегда найдутся идиоты, смельчаки и психи, готовые проверить любую угрозу на собственной шкуре — как вышло у меня со Скитальцами. Да и вообще, в мире, где существуют Умники, блеф в лучшем случае затруднителен, а в худшем выставит на посмешище.

Ненавижу. Гребаных Умников в целом и гребаную Сплетницу в частности. Если бы не они, мне бы не пришлось сейчас размышлять о том, как уничтожить всю жизнь на континенте только для того, чтобы в будущем иметь чуть лучшую позицию на переговорах с верхушкой СКП.

Ожидание растянулось настолько, что я успел не только прогнать в уме несколько возможных сценариев апокалипсиса, но и поспать. Видимо, отобрать у Оружейника понравившиеся игрушки оказалось непросто даже для нового директора. Конвой из четырех оперативников хмуро велел мне следовать с ними, но кандалы надевать не стали.

На лифте мы поднялись из подвальных тюремных помещений на один из верхних этажей, где располагалось что-то вроде апартаментов. Точнее, еще одна тюремная камера, но комфортом соперничающая с иным пентхаусом. Специально отведенное место для оступившихся героев с хорошим послужным списком. Сбежать отсюда проще, чем завязать шнурки, пленника удерживает только оказанное доверие, ответственность и нежелание получить клеймо настоящего злодея.

На одном из столов уже дожидалась неприметная вещица, похожая на пульт от автомобильной сигнализации — ключ от карманного измерения. Я схватил его сразу же, как за конвоем закрылась дверь.

Вопреки моим опасениям, разгрома не наблюдалось. Следы вмешательства Оружейника были повсюду, но ничего фатального или непоправимого, он действовал достаточно

аккуратно. «Сирин» находился на положенном месте, на постаменте в центре комплекса — полуразобранный, бессильный. Я с нежностью провел ладонью по броне.

— Мы справимся, — подумал я вслух. — Вместе мы непобедимы.

Доспех, конечно же, не ответил. Я запустил генератор, запитал весь кластер и вывел на контрольный дисплей информацию о текущем состоянии. Орудийные системы, двигательные, сенсорные. Адаптивный Волновой Подаватель. Общее состояние брони.

Моя приоритетная цель — Бакуда. И я, кажется, придумал, что с ней делать.

29 апреля 2011

Повозиться с монтажом пришлось немного дольше, чем я рассчитывал. Виной тому был не Оружейник, а мои собственные идеи, требовавшие немедленной реализации, так что когда я закончил, уже успело стемнеть.

Ничего, так даже лучше. В условиях уличной войны люди даже днем старались без нужды не показываться на улице, а уж после заката и подавно. В отсутствие свидетелей я смогу действовать свободнее.

Инструкции, переданные Таггом, были предельно просты: найти Бакуду, и доставить ее к нему живой или мертвой, в последнем случае ордер на убийство только ждет подписи. Но лучше живой, чтобы избежать детонации заложенных в городе фугасов. Ее подручные, даже рекрутированные недобровольно и являющиеся, строго говоря, мирными гражданами, считаются законными целями — раз обездвиживание приводит к детонации черепных бомб, они мертвы в любом случае.

Низкие плотные облака дополнительно упрощали мне задачу. Будучи невидимым, я спокойно сканировал эфир в поисках нужной сигнатуры. Три телеуправляемых дрона висели на километровой высоте в вершинах равностороннего треугольника, накрывающего большую часть города. Как только я опознаю сигнал, они проведут триангуляцию, после чего Бакуду ждет небольшой сюрприз.

Наконец-то было время немного подумать.

И именно этим мне совершенно не хотелось заниматься.

Стоило мне только вспомнить о своих друзьях, как хотелось немедленно отключить доспех и гавкнуться об землю вниз головой. Перед глазами вставало растерянное, заплаканное лицо Кристал. Предательство — а ничем другим мои поступки назвать было нельзя — потрясло ее настолько, что она даже не отреагировала на прибытие Чистоты. Когда я направил ей в грудь ручку со спрятанным дротиком, она могла распылить меня в кровавую взвесь прежде, чем я успел бы нажать на спуск.

Мне совершенно не интересно, как отреагировали Стражи на моей разоблачение. Я не хочу представлять, как плачет Виста, а Кид Вин запирается в мастерской и вцепляется себе в волосы, потому что его сила, сила совместить несовместимое, оказалась бессильна. Я не хочу видеть, как София в кровь разбивает кулаки об боксерскую грушу, пытаюсь утопить потрясение в адреналине, а с лица Стояка слетает маска веселого хохмача, обнажая его истинную сущность мрачного фаталиста. И Эгида мучается бессилием, потому что рад бы, но не может заслонить товарищей грудью. И Рыцарь видит все горе как на ладони, и пытается, но не может найти слова, чтобы подбодрить всех. И даже Страшила, способный отрастить непробиваемые костяные пластины на коже, не может защититься от нагрянувшей беды.

Не нравится смотреть? А ты смотри. Это цена, которую ты уплатил за свою силу.

Ну да... моя сила все еще со мной. Это единственное, что у меня еще осталось. Но даже если правильно ее использовать, заменит ли она все остальное?

Нет, сейчас не о том надо думать. У меня есть задача, и я ее выполню. Выполню прямо сейчас, потому что я засек ДНК-сигнатуру Бакуды, и дроны вычислили ее координаты с точностью до метра.

Я развернулся в воздухе и через несколько секунд завис над точкой, все еще укрытый темнотой, преломляющим полем и облаками. Бакуда находилась где-то внизу, на первом этаже одного из заброшенных зданий. Можно наносить визит, но если чему меня и научил бой со Скитальцами, так это тому, что лезть в драку без разведки — это верный способ отправиться на тот свет. Особенно с учетом способностей Бакуды, в арсенале которой были средства, способные обойти защиты «Сирина».

Адаптивный Волновой Подаватель развернулся у меня за спиной. Со стороны собранные в шесть каскадов панели походили на крылья, но их функцией был отнюдь не полет. Миф о птице Сирин восходит к древнегреческому мифу о сиренах, пением завлекавших моряков на скалы. Когда я работал над «Сирином», то старался дать ему такой голос, который никого не оставит равнодушным.

Крылья изменили конфигурацию, отдельные панели перестраивались и совмещались, чтобы их резонанс создавал волны нужного диапазона и интенсивности. Они одновременно работали на излучение и прием, испускали слабые импульсы высокой проницаемости и распознавали отраженные сигналы. Через несколько секунд у меня была не только полная трехмерная карта нескольких ближайших кварталов, но и расположение всех многочисленных людей в нем, коммуникаций, бомб Бакуды и ее самой.

В принципе, на этом можно было заканчивать. Один выстрел фотокинетического бластера на полной мощности пробьет стены и перекрытия, и обрушится на чокнутую бомбистку как карающая молния с небес. И хотя Тагг выдал мне индульгенцию, что-то внутри меня протестовало против такого подхода. Остатки совести, наверное, если она у меня вообще когда-то была. Нужно было другое решение.

Еще несколько секунд я потратил на распараллеливание процессов. Детонаторы попроще я смогу отключить, перекрыв приемный диапазон. Не-добровольцев — вырубить, нелетально. Вряд ли Бакуда гений нейрохирургии, так что достать обезвреженные бомбы будет несложно. И последний каскад получит особую роль.

Я в еще раз проверил, все ли подготовлено, и спикировал вниз. На нужной высоте двигатели изменили вектор тяги, и вместо того, чтобы впечататься в землю, доспех проломил кирпичную стену, словно она была из бумаги. Компенсаторы поглотили инерцию, и резкий удар мне не навредил. Одновременно с этим панели АВП вспыхнули от пущенной на них энергии, и пространство вокруг затопил мощный электромагнитный импульс.

Шесть вооруженных людей в комнате. Один распростерт на полу. Над ним склонилась восьмая фигура в противогазе и модифицированной полицейской броне. Забавно. Раньше бы я прикончил всех без колебаний, сейчас же хотел обойтись без лишней крови. Вот уж правда, милосердие — удел сильных. Важно только понимать, что проявленное милосердие не означает, что ты силен. Наоборот, это роскошь, доступная немногим. Слабый же вынужден быть жестоким, иначе оставленный в живых враг просто вернется мстить.

В стороны ударили белые лучи бластеров. Максимальное рассеяние, минимальная возможная мощность. Не убьет на месте, но приложит крепко. Доли секунды, потраченные мною на нейтрализацию миньонов, дали Бакуде возможность отреагировать. Несмотря на устроенную на нее загонную охоту и последующую осаду, она реагировала сверхъестественно быстро для Технаря. Лучи едва успели погаснуть, как в мою сторону уже летел небольшой цилиндр, когда-то бывший консервной банкой.

Сенсоры доспеха показали «зеленый». Эта бомба не останавливала время и не искажала пространство. Принимать такой подарочек на грудь в любом случае рискованно, но если

выгорит...

Бомба ударилась о броню. И упала на пол. Каким бы ни был ее эффект, детонатор сжег ЭМИ несколькими мгновениями раньше.

— Три из десяти, и только за хорошую подачу, — ответил я, зависнув в полуметре над полом и демонстративно скрестив на груди руки. — Даю еще одну попытку.

Бакуда швырнула вторую бомбу еще до того, как я договорил слово «даю». Ее визор тоже отметил как «зеленый», в ней не было специфических сигнатур, занесенных в угрожающий список. Бомба гулко хлопнула, рассыпав вокруг мелкую изморозь.

— Если это все, я разочарован, — я и смахнул с плеча капли жидкого воздуха. — А говорили, что ты неплохой Технар.

Криогенная бомба, опускающая температуру в небольшом радиусе на двести градусов по Кельвину, не могла навредить «Сирину», размазывающему причиненный ущерб по массиву мнимых реальностей. Я пролетел немного вперед, чтобы замороженные перекрытия не проломились под моим весом, и коснулся пола ногами.

— Неплохой?! — взвизгнула Бакуда. — Я гений!

Она сорвала с разгрузки очередную бомбу, и на этот раз визор пометил ее красным. Опасно. Я вскинул правую руку, и брошенная бомба застыла на половине пути.

Заклоченная в небольшую монохромную сферу.

Бакуда изумленно вытаращила глаза, и я воспользовался этой заминкой чтобы сократить дистанцию. Бластер на левой руке исчез в пространственном кармане, его место заняла транквилизаторная пушка, тут же выплюнувшая небольшой дротик. Я легонько стукнул бомбистку в челюсть, чтобы не оторвать ей случайно голову, и подхватил ее, когда она начала оседать.

— А теперь слушай меня и только меня, — сказал я, глядя на нее сверху вниз. — Я — твой лучший друг. Я — единственный, кто о тебе заботиться. Я желаю тебе добра. Все, что я говорю — правда. Ты можешь верить мне. Ты должна поступать так, как я говорю. Ты очень устала, и тебе нужно отдохнуть. Отдохнуть там, где не будет никакого беспокойства. У тебя кружится голова, потому что ты устала. Ты плохо себя чувствуешь, тебе больно и неприятно. Тебе станет хорошо, когда ты расскажешь, где твои бомбы и как их найти.

Гипноиндуктор и модулированное электромагнитное излучение, вызывающее резонанс в эндорфинных рецепторах. Чем-то комбинированный эффект напоминал силу канадского суперзлодея Сердцееда. Прямо сейчас Бакуда испытывала нечто среднее между оргазмом, героиновым трипом и просто счастьем. И с жадностью внимала моим словам.

И она заговорила. Сначала неуверенно и сбивчиво, но я не ослаблял давление, и ее воля сначала дала трещину, а потом и вовсе рухнула. Она торопливо перечисляла все места, где заложила мины, принципы работы, описывала способы, которыми их можно обнаружить — не забывая хвастаться особенно удачными идеями и детально расписывать, как ей пришло вдохновение для той или иной адской машинки.

Когда она закончила, я погрузил ее в глубокий сон и выволок на улицу. Ремень, на котором висели различные гранаты, я с нее снял, и спрятал в пространственном кармане — пригодится. Следом за ней отправились ее миньоны и тот бедолага, которому она собиралась затолкать бомбу в голову. Внутри помещения я бросил пару пенных гранат, просто чтобы прикрыть серую область. Пока это средство в своем арсенале я афишировать не хотел.

— Магистерий вызывает штаб, — я включил встроенную рацию. — Штаб, ответьте.

— Штаб на связи, — ответил голос Тагга через несколько секунд.

— Взял Бакуду, живьем. С ней шестеро подчиненных, обезврежены, но живы, в настоящий момент изучаю возможность извлечения черепных бомб, — я оценил состояние не-добровольцев Бакуды сквозным зрением. — И еще один пострадавший гражданский. У всех высокая степень истощения, и травмы средней тяжести.

— Видим твою GPS-отметку, высылаем подкрепление. Оставайся на месте.

— Принято.

Рация замолкла, и я переключил внимание на черепные бомбы. Бакуда вшивала их грубо, после многих месяцев наблюдения за работой профессиональных хирургов, мне было почти физически больно смотреть на уродливые швы. Я вскрыл один с помощью тех же инструментов, которые Бакуда использовала сама, и поднес бомбу к шлему.

Это был миниатюрный цилиндр, не больше двух сантиметров в длину. Грубо сделанный, буквально из мусора, но при этом крайне мощный, в чем на горьком опыте убедились слишком многие. Искусство исполнения взрывного устройства поражало. Я мог поверхностно уловить принципы работы, но не представлял, как столь сложный механизм можно вместить в настолько малый объем, да еще без использования сверхспециализированных сплавов и материалов с заданными молекулярными решетками, какие, к примеру, я использовал в «Сирине».

Бакуда, при всем своем безумии, творила настоящие шедевры, которые даже немного жаль было уничтожать. Такой невероятный потенциал... и так растрочен.

Присутствие противника сенсоры доспеха засекали за триста метров. Точнее, они опознали появившийся в на отдаленной крыше одиночный объект как «человек» с «огнестрельным оружием», выделили ей повышенный приоритет и предупредили меня тревожным сигналом на ретинальном дисплее.

Поскольку это точно не мог быть никто из героев, и вряд ли он мог представлять угрозу, я сначала закончил зашивать рану у последнего подчиненного Бакуды, и лишь потом дал пару неприцельных залпов из бластера. Неизвестный с неожиданной прытью метнулся в сторону, что свидетельствовало о высоких боевых навыках. Я немедленно набрал высоту, и обрушился на цель сверху, максимально используя преимущество в мобильности и защищенности.

— Ствол на землю, — приказал я, приставив бластер к голове неизвестного. — Или умрешь.

Снайперская винтовка со стуком упала на крышу.

— А я смотрю, ты в полном порядке, — в голосе пришельца слышалась усмешка.

И голос какой-то знакомый.

— Виктор, ты что ли? — я опустил оружие.

— О, а я уж думал, не признаешь, — Виктор стянул маску-балаклаву, позволяя убедиться, что это действительно он.

— Если ты за Бакудой, то опоздал. Я с ней разобрался, и сейчас сюда едут СКПшники.

— Да не жалко. Ты лучше скажи, почему на свободе летаешь? Мы думали, тебя сразу отконвоируют в Клетку, просто чтобы хоть кого-то закрыть.

— Скажем так, мне предложили два стула. На одном приказ на убийство, на другом вот это.

— А, понятно. Не хотели лишаться большой дубины, — Виктор покачал головой. — Полагаю, тебе приказали всех нас переловить?

— Сейчас меня отправили только за Бакудой. А утром я долго убеждал Тагга в том, что вы не представляете угрозы, и что сосредоточиться надо на Выверте и Неформалах.

— Как мило с твоей стороны. Ты в курсе, что это Отала вывела тебя из комы?

— Теперь в курсе. И я конечно безмерно благодарен, но тебе не кажется, что вы не туда воюете?

— Давай мы сами решим, как вести дела. Да, Выверт подложил колоссальную свинью, но это еще не смерть. Счета под управлением Счетовода все еще доступны, теневой бизнес относительно не пострадал. Прорвемся.

— Я не о том. Таггу нужен порядок любой ценой. Любой — значит вообще любой, и пока действует военное положение, у него достаточно власти, чтобы устроить чистку. А со мной еще и достаточно для этого сил.

— Так пошли их нахрен! — Виктор впервые на моей памяти повысил голос. — Или думаешь, что если будешь послушно ходить на задних лапках, тебе все простят?! Ты за восемь месяцев наворотил дел больше, чем большинство злодеев за всю жизнь, такое никому с рук не сходит! Ты так и останешься для СКП живым оружием, которое будут держать на коротком поводке!

— Здесь не все так просто, ты не поймешь.

— Что не так просто?! За родителей боишься? Так свяжись с Гезельшафтом, пусть помогут с эвакуацией! У них, не без твоей помощи, триггернул высокоуровневый телепортер, почти такой же сильный, как Странник. Мама с папой твои окажутся в любой точке Европы через несколько секунд.

— Да не в этом дело! — выкрикнул я в ответ. — Это вопрос о том, оправданны ли жертвы. Скоро будет очередная атака Губителя, и если я преуспею в ней, то все окажется не напрасным.

— А если нет?

Я пожал плечами, насколько позволял доспех.

— *Mortuus non sentit verecundiam.*

— «Мертвые не ведают позора», — протянул Виктор с каким-то досадливым разочарованием. — Убиться что ли решил?

— Я же сказал, что могу преуспеть. У меня был доступ к информации по Губителям, как они атакуют, маневрируют и защищаются. Мой доспех почти неуязвим для физических повреждений, в нем нельзя утонуть, сгореть, задохнуться или облучиться. У меня есть два козыря, которых больше нет ни у кого. И если даже этого окажется недостаточно... нахрен я тогда вообще получил эту силу?

— Ну, хорошо. Допустим, ты переживешь следующую битву. Дальше что?

— Выставлю требования списком. Амнистия, реабилитация, новая личность. Если откажутся, пригрожу выбросить в Тихий Океан капсулу с «серой слизью».

— Что за «серая слизь»?

— Рой бесконечно самокопирующихся наномашин.

Несколько секунд Виктор просто молчал.

— А может, стоит начать с чего-то менее... ну, то есть, не угрожающего уничтожить всю планету?

— Но тогда они не испугаются. А так получается очень даже страшно. Если в капсуле умещается один миллиграмм наномашин, и они после высвобождения удваивают свою массу каждые семнадцать часов...

— Все-все, я не хочу этого слышать.

— В общем, надеюсь, ты сможешь уговорить Кайзера придержать коней. Если сумеете что-то найти на Выверта и Неформалов — ты знаешь, как со мной связаться.

— Кстати о Выверте. Ты вроде бы сказал сыну Кайзера, что Выверт и Сплетница — один человек?

— Да, мне это показалось логичным.

— Я думал об этом. Не сходится. Выверт сбросил информационную бомбу тогда, когда это не было выгодно никому. Даже он сам не получил ничего кроме еще больших проблем. Мы до этого почти две недели поддерживали альянс с Неформалами, и загнали Бакуду в блокаду, так что она больше не могла похищать людей.

— Меня там не было, судить не берусь. Так или иначе, в ближайшее время Сплетница познакомится с сывороткой правды. А если она действительно хоть как-то связана с Вывертом и причастна к похищению Дины Элкотт и этому вбросу, то познакомится еще кое с чем.

— Аккуратнее там. Неформалы гораздо сильнее, чем могут показаться. Особенно их новичок, девка с жуками.

Если бы не компенсаторы доспеха, я бы, наверное, так и сел на пятую точку.

— С жуками?

— Она впервые засветилась на ограблении банка, если ты еще не в курсе. Тогда Стражи думали, что возьмут Неформалов числом, но их отметили так, что многие ходить не могли. Славе и Панацее тоже здорово досталось. Не вздумай ее недооценивать. У ее силы огромный радиус, невероятная скорость реакции и, похоже, она видит и слышит все, что видят и слышат ее мухи...

— Спасибо за информацию, — сказал я. А что еще тут я мог сказать? — При случае, я верну долг, тебе и Отале.

— Лучше бы ты был нами.

— Есть вещи, Виктор, которые просто нужно делать, — я подлетел на пару метров вверх. — Пожалуйста, залягте на дно до отмены военного положения. Если мне прикажут вас зачистить, и я откажусь, лучше не станет никому.

— Прощай, — в голосе суперзлодея сквозила неподдельная горечь.

— Прощай.

Я вернулся к своим пленникам и принялся дожидаться СКП. Ехали те неприлично долго, даже с учетом моего разговора с Виктором ждать пришлось больше десяти минут — и это при пустых улицах.

Снова появилось ненужное время на мучительные размышления. За всей эпопеей с планами Выверта, разоблачением Империи-88 и Бакудой я упустил из виду ограбление банка. Его я посчитал незначительным отвлекающим маневром и, как выяснилось, зря. Эта чокнутая Эберт выбрала сторону злодеев, и вина частично лежала на мне. И, главное, *каких* злодеев.

Если бы я не был так заебан работой в госпитале и мастерской...

Если бы не принимал близко к сердцу травлю в СМИ...

Если бы смог придержать при себе свое нелестное мнение об СКП и Протекторате...

Если бы просто глядел дальше собственного носа ...

О чем я вообще думал, предлагая сильному, но неопытному кейпу поохотиться на высокоуровневого Умника с силой всеведения? Которая легко обнаружит слежку и не менее

легко выстроит разговор так, чтобы превратить злейшего врага в преданного союзника. Недооценил. Не предусмотрел. Посчитал Неформалов мелкой шпаной, которую достаточно разок припугнуть, чтобы те больше не доставляли заметных проблем.

Черт.

Я принял столько разных решений за последние месяцы. Были среди них и значительные, и не очень. Но как, как, черт побери, случилось так, что среди всех этих решений не оказалось ни одного правильного?!

О прибытии СКП возвестили даже не сенсоры доспеха, а желтая вспышка в небе. Бесстрашный сделал небольшой круг над окрестностями, и приземлился рядом. Проецируемое щитом защитное поле мерцало вокруг него как прозрачный пузырь, копьё он держал наготове. Не то, чтобы это могло ему помочь против меня. Копьё не сможет даже оцарапать броню. Летучие сапоги дают высокую маневренность, но скорость оставляет желать лучшего. Один выстрел бластера собьет защитное поле, после чего я могу прикончить его хоть голыми руками.

Хотя я и не собирался с ним сражаться, разумеется.

Через несколько секунд из-за угла вылетела Мисс Ополчение на байке. Руль она держала одной рукой, в другой уже сжимала штурмовую винтовку, готовая мгновенно открыть огонь на поражение. Даже не смешно.

Фургоны прибыли еще через полминуты с какой-то нарочитой неторопливостью. Будто водителям не хотелось сюда ехать, и они специально держали скорость пониже. Фургонов было много... вероятно, выкатили весь подвижный состав. Оперативники выскочили наружу, заняли позиции, но пока не приближались, ждали команду от кейпов.

— Магистерий, доложи обстановку, — Тагг вышел из-за спин бойцов. Поверх обычного строгого костюма он надел бронезащиту, но не выглядел в ней нелепо. Она сидела на нем как вторая кожа.

— Я отыскал Бакуду по ДНК-следу. Применил ЭМИ чтобы частично обезвредить детонаторы и атаковал, когда она не ожидала, — я махнул рукой в сторону пролома в стене. — Проблем она не доставила, бомбы из ее подручных я извлек. Не понимаю, зачем понадобилось отправлять меня. Тут не было ничего, с чем не справился бы Оружейник.

— Взял живьем, да? — Тагг подошел к злодейке и потряс ее за плечо. Та только тихо замычала во сне. — Я ожидал от тебя... иного стиля действий.

— Слухи о моей кровожадности несколько преувеличены. Я все-таки родился в Броктон Бей. Хоть это и помойка, но я к ней привык.

— Бомбы все еще представляют угрозу? — нетерпеливо перебил меня Тагг.

— Да. Бакуду не следует помещать в камеру, непроницаемую для радиоволн. Она вшила себе радиопередатчик, который с определенным интервалом отправляет на бомбы код, который сбрасывает их таймеры. Однако она рассказала мне, где именно заложены фугасы, и как их найти. Обезвреживанием могут заняться остальные герои.

Я мысленной командой выбрал сохраненный файл и запустил воспроизведение, отправив звуковой поток через динамики шлема. Выглядело это так, будто я сам, голосом тающей в экстазе бомбистки перечисляю все заминированные цели. Тагга и Мисс Ополчение это впечатлило, но судя по сузившимся глазам, не в лучшем смысле. Лица Бесстрашного за шлемом я не видел, но и ему вряд ли понравилась открывшаяся истина.

— Как ты заставил ее говорить? — спросил директор.

— Скажем так, у меня большой опыт работы с мозгами.

— Она еще вменяема?

— Вполне.

— Ладно, пакуйте.

Оперативники принялись грузить бессознательную злодейку в фургон. Следом за ней последовали теперь уже бывшие подчиненные. Я прислушался к собственным ощущениям. Короткое столкновение с Бакудой оставило чувство неудовлетворенности, слишком уж легко все прошло. И это она заставила весь город трястись от ужаса, а злодеям пришлось объединять силы просто для того, чтобы ее заблокировать?

Я честно пытался найти в происходящем хоть какую-то логику, но все было тщетно.

— Сэр, — окликнул я Тагга. — Раз с Бакудой разобрались, могу я отправляться сдирать кожу с Неформалов?

— У тебя времени до полуночи, — ответил директор с кислой миной. — Ровно в полночь ты должен вернуться в штаб-квартиру, в свои... апартаменты.

— Вы это серьезно? Сейчас же без двадцати двенадцать!

— Да, мне тоже не нравится этот идиотизм! Но шеф-директор Коста-Браун выразилась ясно: после разрешения кризиса Бакуды не применять твою силу, если угроза не соответствует S-классу. Но пока не будет подписан акт о заключении Бакуды под стражу, у тебя остается свобода действий.

— Черт... ладно, засекайте время.

Я стартовал прямо с места. Двадцать минут? Мне этого хватит с лихвой. При условии, что Сплетница снова меня не опережает.

На базу Неформалов я вошел способом, приличествующим Бугаю-Движку — то есть через дыру в крыше, которую проломил собственной массой. Там ожидаемо оказалось пусто. Судя по слою пыли на столе, Неформалы не появлялись здесь не меньше суток.

Ну что же, запишем это как признание Сплетницей собственной вины. Если бы я ошибся, и она не имела связей с Вывертом, ей бы не было смысла прятаться. На всякий случай я установил пару растяжек с использованием изъятых у Бакуды гранат. Маловероятно, что Неформалы сюда вернуться, но если решатся, их ждет взрывной прием.

Времени оставалось немного, а мест, куда я еще мог наведаться, еще меньше. На всякий случай я заглянул в квартиру Мрака, где тоже никого не оказалось, и закрепил растяжку над дверью. После чего отправился напрямиком к дому Эбертов.

В единственном окне на первом этаже горел свет, что я счел хорошим знаком. Сбросив скорость, я приземлился прямо на дорожке, ведущей от крыльца к тротуару, и нажал на кнопку звонка. Через несколько секунд дверь отворил лысеющий долговязый мужчина.

— Мистер Дэниел Эберт? — уточнил я, хотя прекрасно знал, кто передо мной.

— Да, это я, — настороженно отозвался он.

— Меня зовут Сирин, я из Протектората. Ваша дочь, Тейлор Аннет Эберт, сейчас дома?

Я и так знал, что дома ее не было, иначе бы засек присутствие еще на подлете.

— Нет, она... — Эберт опустил глаза. — Она ушла.

— Вы имеете ввиду, она умерла?

— Нет, ушла из дома. А в чем дело? Она попала в неприятности?

— И это очень мягко сказано. Мистер Эберт, мне жаль вам это сообщать, но ваша дочь — парачеловек. Насколько СКП сумела отследить цепочку событий, она получила суперспособности после инцидента в школе, в начале января. Достоверно известно, что она принимала участие в ограблении банка две недели назад, и покалечила нескольких Стражей.

Также ей вменяется соучастие в похищении маленькой девочки прямо из дома, возможно, вы об этом читали в газете. О ее деятельности в период нынешнего кризиса достоверно неизвестно, по понятным причинам, но есть основания полагать, что она причастна к смерти нескольких человек.

— О боже, — кровь отлила от лица Эберта. — Нет, этого не может быть! Тейлор бы никогда...

— По нашим данным, в школе она была изгоем. Вы не замечали, может быть, у нее вдруг появились новые друзья? Или она начала пропадать из дома? Вести себя намного агрессивнее, чем раньше?

Он не ответил, но по лицу и так все было ясно. Я терпеливо ждал, пока он переварит информацию, хотя таймер на ретинальном дисплее уже приближался к красной зоне.

— Что... что с ней будет? — выдавил он с усилием.

— Я не знаю. У нее сильная, и невероятно опасная способность, а ее психическая стабильность под большим вопросом. Обычно мы стараемся действовать гуманно... но под влиянием ее новых друзей, известных отмороzków и убийц, Тейлор может легко перейти так называемый «моральный горизонт событий». И тогда Протекторат будет вынужден бить на поражение, просто чтобы защитить мирных граждан.

— Нет...

— Мне жаль, но это так. Если вдруг она выйдет с вами на связь, или вы сами ее разыщите, позвоните на дежурную линию СКП. Для ее же блага. Может быть, вы уговорите ее сдаться. Это существенно облегчит ее участь.

Не тратя время на прощания, я взлетел и сразу взял курс на штаб-квартиру. Душа требовала крови, но разум возражал, что испытывать терпение шеф-директора пока не стоит. Ничего. Не страшно. Пусть Сплетница и ее шайка проживут немного подольше, их судьба уже решена. Это... обещание? Нет, слишком необязательно. Клятва? Слишком напыщенно.

Проклятие, вот. Это подходит.

Май 2011

— Сорок... семь... сорок... восемь... — я держал упор одной на левой руке, правая была заложена за спину. — Сорок... девять... фух блин. Ну, последняя... пяять-дее-сяя...

Из последних сил я рывком дернул тело вверх, и без сил рухнул на пол.

— Пятьдесят.

Позорище. Совсем форму растерял. И даже нельзя оправдаться тем, что получил ранения и валялся в коме — времени прошло уже достаточно, да и сболтать коктейль для ускоренного восстановления для меня всегда было минутным делом. Даже с учетом того, что я продолжал сидеть под арестом, и никаких ресурсов для технарства не получал.

Я заставил себя подняться с пола и отряхнул свою робу. Все ту же черную тюремную робу с крупными белыми надписями «злодей» на спине и штанине. То ли в СКП не нашлось другой одежды, то ли это было очередное проявление бюрократического маразма. У меня даже мелькнула мысль ходить голым, но потом рассудил, что предоставлять халявное зрелище СКПшным дуболомам, среди которых были не только мужчины, будет слишком щедро с моей стороны.

Моя «камера», если это можно было так назвать, занимала четверть этажа на одном из верхних этажей в штаб-квартире СКП. На первый взгляд — комфортная городская квартира, с приятной глазу планировкой, небольшим спортзалом и даже бассейном. Более внимательный взгляд подмечал, что наружные стены и перекрытия намного прочнее и толще, чем в остальном здании, а единственное окно затянуто непрозрачной пленкой силового поля. Камеры видеонаблюдения перекрывали все пространство, не оставляя слепых зон.

Выносить изоляцию в четырех стенах было бы не так трудно, имей я возможность хоть с кем-то поговорить. Не знаю, выговориться. Исповедаться. Пожаловаться на жизнь. Последнего живого человека я видел больше десяти дней назад. После этого все моя связь с внешним миром прекратилась. Ни свиданий, телефона, ни доступа в интернет. Не проводилось допросов, не давали поговорить с адвокатом — если бы он у меня был, конечно. Со мной вообще никто не выходил на связь, если не считать связью вездесущие камеры. То есть, орать и махать руками перед ними я мог сколько влезет, но ответа бы все равно не получил.

Так что дел у меня было немного — спать, делать физические упражнения, есть, когда через мини-лифт в камеру присылали очередной унылый рацион, и работать с «Сирином». Технарство в эти дни было моей единственной отдушиной, не дававшей начать сходить с ума. Ресурсов, повторюсь, мне не полагалось, но размещенный в карманном измерении промышленный кластер давно работал в замкнутом цикле.

Именно туда я и направился, покончив с отжиманиями.

Вход в него я держал постоянно открытым, словно это была еще одна комната, и старался проводить там как можно больше времени. В основном потому, что там меня не видели камеры слежения, а не из-за увлеченности процессом. С последним как раз возникли проблемы. Моя сила жаждала высвобождения, ненавидела ограничения и сдержанность, и когда я добровольно сдался, она заметно ослабла. Не настолько, чтобы я утратил способность продолжать совершенствование «Сирина», но достаточно, чтобы одна за другой

начали всплывать проблемы.

В основном это касалось «Яркой девочки». Моя радость от первого триумфа, когда удалось создать настоящую временную петлю, быстро сошла на нет после того, как я подсчитал энергозатраты для ее применения в реальном бою. А они были пропорциональны объему закливаемого пространства в четвертой степени. Не опасаясь дестабилизации энергосистемы доспеха, я мог создать область диаметром в полметра, тогда как мне требовалось хотя бы два. На пятнадцать, а именно столько требовалось, чтобы в петлю поместился Бегемот, я даже не замахивался.

Другой неразрешимой задачей оказалась привязка «Сирина» к себе, чтобы облачиться в доспех можно было в любой момент и в любом месте. Моя сила ограничивалась лишь смутными догадками, что для этого придется провести множество операций, вмонтировать якорные маяки прямо в кости, но этим все и заканчивалось. Я даже подозревал, что все требуемые инструменты находились у меня под рукой, но моя способность не даст понимания, как их применить, до тех пор, пока я силой не вырвусь из заключения.

Проблемы были и с другими узлами, но не настолько фундаментальные. Так что, немного погодя, я решил сосредоточиться на том, что решается. Я подошел к контрольному терминалу производственного кластера и вывел на него полную схему доспеха и сопутствующих узлов.

То, что снаружи выглядело как силовая броня, являлось даже не вершиной айсберга, а маленьким крючком, на который повешена куча разных вещей. Различные сенсоры, связь, голографические интерфейсы, системы жизнеобеспечения — незаменимые мелочи, о которых думаешь, что они были всегда, но стоит чему-то сломаться, и попадаешь во фрустрацию. Большую часть я пролистнул без интереса, эти простые вспомогательные системы были отлажены еще до атаки Симург на Канберру. Обратил внимание только на компенсатор инерции. Эта штука должна была предохранить хрупкую органическую тушку от превращения в желе под действием перепадов ускорения — будь то резкий старт, удар Губителя, удар с размаху о землю и далее в том же духе. Предположительно, мне удалось достигнуть расчетных показателей, но не помешает провести дополнительные тесты.

Собственно броня — экзоскелет с искусственными мышцами, покрытый броневыми элементами, из-за чего «Сирин» внешне походил на рыцарский доспех. И экзоскелет, и внешнее бронирование «размазывались» по мнимым реальностям за счет квантовых эффектов. При получении повреждений пострадавший элемент как бы замещался своей целой версией. Это не совсем корректное объяснение, но другого я подобрать не мог. Броню пришлось перебирать после ареста Бакуды, ее возможности по впитыванию урона были велики, но не безграничны.

Далее — системы вооружения. Фотокинетические бластеры зарекомендовали себя прекрасно, они были просты, надежны и гибки в применении. Варьируя рассеяние луча и его мощность можно было достигать самых разных эффектов. Увы, им недоставало мощности, так что они скорее оставались вспомогательным оружием.

Истинную ударную мощь обеспечивал рейлган. Точнее, далекий предок этого монструозного агрегата был рейлганом, а точно описать эту пушку даже мне было сложно. Принцип отчасти оставался прежним — твердотельный снаряд разгонялся магнитными полями и поражал цель. Вот только разгонялся он до релятивистских скоростей, из-за чего приходилось сначала с помощью индукционного поля создавать канал вакуума между снарядом и целью, чтобы тот не взорвался от трения об воздух. Здесь тоже была

задействована технология искажения мерностей, чтобы обойти увеличение массы снаряда на транссветовой скорости. В результате при прохождении вдоль разгонных рельс и немного после снаряд сохранял массу в пятьдесят граммов. Но при приближении к цели эффект пропал, и масса увеличивалась многократно — при сохранении скорости. Как следствие, рейлган имел небольшую дальность стрельбы, предположительно огромную мощность, и выстрелить из него мог разве что самоубийца. В отсутствие защиты в виде доспеха, конечно.

Оружие для ближнего боя просто не влезло. Это было печально, но с другой стороны, с такой огневой мощью просто не нужно. Однако тактические возможности, предоставляемые телепортацией, были слишком велики, чтобы от них отказываться, и я просто прикрутил к доспеху ножны для Рубинового меча, который мне кое-как, но удалось вытребовать назад — в качестве единственной уступки. Сам меч серьезно доработать не получилось, узко заточенный под «Сирин» промышленный комплекс был ограничен в обслуживании независимого изделия.

Адаптивный Волновой Подавитель тоже с честью прошел боевое крещение. Способов применения широкодиапазонного излучателя было много. Нужно зажарить толпу врагов живьем? Пожалуйста, просто выбери микроволновый режим. Они нечувствительны к нагреву? Тогда можно обрушить на них сотню-другую тысяч зивертов гамма-излучения. Нужна связь, радиолокация, отключение электроники, массовая дезинфекция, освещение? На здоровье. И только базовые режимы.

Тонкая же настройка позволяла адаптировать Адаптивный Волновой Подавитель к почти любой задаче — если задача известна заранее, не включает в себя откровенную магию вроде превращения носорога в пылесос, и если она не связана с воздействием на *Corona Pollentia*. Каждый режим работы требовал вычисленных параметров излучения, которое могло быть создано строго определенной конфигурацией излучателя, которую следовало также настроить и занести в программу. Таким образом, любая непредугаданная проблема становилось занозой в жопе.

За недостатком времени я составил для операционной системы ограниченный список режимов, между которыми можно было переключаться мгновенно — микроволны, радиация, постановка помех, радиоизлучение в режимах радара и радиопередатчика и один комплексный режим, воздействующий на нервную систему окружающих с целью гашения страха, воодушевления и одновременно расщепляющий молочную кислоту в мышцах.

Еще мне очень хотелось опробовать одну идею, связанную с воздействием на простые вещества. Точнее, проецирование вокруг себя собственной частоты конкретного элемента или простой молекулы. По идее, это не должно было оказать эффекта на обычное поведение вещества, но вот если оно находится под действием какой-нибудь парачеловеческой силы, то в ее эффекте, скорее всего, появятся сбои, или даже сила перестанет действовать. Эта проблема относилась к разряду «нерешаемых», слишком уж сложным казался механизм трансляции, и не было никаких гарантий, что все сработает как надо, но перспектива фактически обезоружить Левиафана заставляла меня корпеть над ней и дальше.

С чем проблем не возникало, так это с системой катапультирования. Точнее не возникало с постройкой. Понять же принцип ее действия не мог даже я. Фактически, это был еще один смонтированный на «Сирине» узел, но физически находящийся в моей камере. По каким-то причинам его нельзя было оставить в мастерской, свойства карманного измерения как-то мешали его работе. Выглядело все так, что в случае получения доспехом критических повреждений я должен буду телепортироваться в некую камеру, похожую на

одноместный транспортер из «Стар Трека». Непонятки возникли в тот момент, когда я заметил сходство между основными механизмами аварийного телепорта и 3D-принтером. Впрочем, время поджимало, выбирать не приходилось, а приходилось работать с тем, что предлагала моя сила.

Я сверился со временем. Было без пятнадцати шесть вечера. В своем заключении я мог судить о смене дня и ночи только по часам. Неба я не видел, освещение тоже не выключалось по таймеру. В общем-то, время суток стало необязательной условностью, как и многое из прежней жизни, но я старался придерживаться определенного графика, чтобы не начать распадаться. Это означало, что до условного «ужина» у меня есть два часа. Потом я сделаю пятнадцатиминутную разминку, немного поем и снова вернусь к работе до полуночи. Потом шесть часов сна и далее по кругу.

Я сходил на кухню набрать воды и поместил стакан на измерительный стенд. Включил аппаратуру, и только приготовился снимать данные, как из основного помещения донесся пронзительный визг звонка.

Прелестно.

Сначала запирают черт знает на сколько в полной изоляции, а потом выскакивают, как чертики из шкатулки, когда я только-только взялся за дело. С сожалением отключив оборудование, я вышел из мастерской и пошел к входной двери.

— Никого нет дома! — проорал я звонку.

— Злодей, руки на красные круги, — произнес механический, псевдо-женский голос из вмонтированного в стену динамика.

— А мне мама не разрешает незнакомым людям открывать.

Из потолка выдвинулась металлическая сфера и выпустила в меня электрический разряд. Не настолько мощный, чтобы убить или лишить сознания, но болезненный, и уж точно не добавляющий любви и умиротворения.

Я хотел было сказать: «Еще раз так сделаешь, и я тебя убью», но прикусил язык. Во-первых, это было слишком похоже на фильмы с Брюсом Уиллисом. Во-вторых, я уже говорил это Мисс Ополчение, а повторять крутые фразочки, пока не выполнено предыдущее обещание — моветон. В-третьих, язвить автоматике бесполезно. Так что я задавил рвущийся крик боли, и положил руки на стену, где были нарисованы означенные красные круги.

Из стен высунулось несколько сканеров, которые быстро обшарили меня своими лучами. Что-то пикнуло, через секунду дверь распахнулась, и в квартиру-камеру ввалились четыре оперативника в полном обмундировании. Двое с привычными распылителями пены, и двое — во дела! — с армейскими штурмовыми винтовками. Это специально для меня арсенал распечатали, или Тагг взялся за дело настолько круто?

Один заблокировал собой дверь, двое других взяли меня на прицел, четвертый провел быстрый обыск.

— Повернись, — скомандовал он. — Пошли.

— Куда?

— К тебе посетитель, — буркнул оперативник неохотно.

Разговаривать с подозреваемыми строго запрещается. Ответив на мой вопрос, он заработал в лучшем случае устный выговор. Я мысленно накинул этому парню лишний балл в своем рейтинге нормальных ребят и мудаков.

Комната для свиданий находилась на том же этаже, немного дальше по коридору. Вполне обычная комната со столом и двумя стульями, даже не разделенная перегородкой. В

другой день я бы удивился несурзости — зачем держать меня взаперти без какой-либо связи с внешним миром, что могло быть оправданно протоколом «Властелин», но при этом допускать ко мне живых оперативников и разрешать свидания?

Я успел морально подготовиться к встрече с отцом, потому что кому еще приходится к арестованному вроде-как-злодею. Даже прикинул, как себя вести — попытаться пошутить, успокоить, убедить не вступать в судебную тяжбу с СКП, потому что с распадом «Медхолла» придется долгое время считать каждый цент. Что я достиг договоренностей (сугубо устных и ничем не подкрепленных) с руководством (в виде «антикризисного» директора Джеймса Тагга), и в скором будущем все с большой вероятностью разрешится (моей смертью). С такими мыслями я открыл дверь.

Эми Даллон сидела за столом, сцепив руки перед собой в замок. Шиншилла Реми пристроился рядом с ее правой рукой, будто почетный караул, и сосредоточенно тер передними лапками морду. Я вспомнил свою войну с этим животным, порой доходившую до применения неконвенционного оружия в виде брызгалки с водой, и мне стало стыдно за свое ребячество.

Конвоиры остались снаружи. Зато в углу бдила Мисс Ополчение с автоматом наготове.

— Предупреждаю сразу, — холодно произнесла она. — Попытаешься что-нибудь выкинуть, сделаешь резкое движение или мне просто что-то не понравится — и я вышибу тебе мозги.

— Мэм, при всем моем невеликом к вам уважении... — сказал я, садясь на свободный стул. — Если бы я хотел что-нибудь выкинуть, я бы это уже сделал.

Оружие в руках героини на мгновение превратилось в сгусток зеленого света, а потом снова стало автоматом, но уже другой модели.

— Я серьезно.

— Я тоже. Единственная причина, по которой вы способны меня удерживать — это то, что я сам не против сидеть тут. И ваша ничем не спровоцированная агрессия выглядит... жалко.

Мисс Ополчение одарила меня полным презрения взглядом.

— Ты чудовище, и отношение к тебе как к чудовищу.

— Бе-бе-бе, — я показал ей язык.

— Мисс Ополчение, — подала голос Эми. — Может, мне выйти?

Та немного смутилась, но лишь немного, и автомат не опустила.

— Извини за эту безобразную сцену. Я тебя больше не перебыю.

— Нет, я хочу, чтобы вы вышли. Это конфиденциальный разговор.

— Эми, прости, но я не могу оставить тебя наедине с этим... этим...

— Нацистским пидарасом, — подсказал я.

— Все нормально, — она взяла меня за руку. — Видите, я полностью держу ситуацию под контролем. Конрад ничего не сможет сделать без моего ведома, и я в любой момент могу его остановить.

Несколько секунд на лице Мисс Ополчение отражалась напряженная умственная деятельность, а ее кровь и кора мозга кипела от стрессовых импульсов. Держу пари, она всерьез рассматривала возможность пристрелить меня, лишь бы устранить угрозу, существующую только в ее голове. Но звезды сошлись, и она нехотя отступила.

— Мы будем вести наблюдение через камеры, — предупредила она и вышла, оставив дверь приоткрытой.

Целительница проводила ее взглядом.

— Чем-то она мне напоминает Кэрл.

— Блюстительница буквы закона, плюющая на его дух, — я выдавил улыбку. — Привет Эми, привет Реми. Вот уж кого не ждал увидеть.

Шиншилл закончил прихорашиваться и подбежал ко мне, но вопреки своему обыкновению, не тяпнул за палец зубами, а просто уселся рядом.

— А кого ты ждал?

— Никого, — ответил я и погладил Реми по шерстке. — Думал, что сгнию тут в одиночестве.

— Все лучше, чем Клетка.

— Последние дни я уже не так уверен. В Клетке хоть компания есть.

Эми мрачно вздохнула и отвела взгляд. Под ее глазами проступили темные круги, волосы потускнели, она даже заметно похудела. Наверняка из-за устроенного Бакудой бардака ей пришлось работать на износ.

— Странно, — сказала она. — Я думала, ты будешь другим.

— Отращу клыки и щупальца, начну плевать ядом? Я — это я, не больше и не меньше, и всегда был только собой.

— Все ведь это время ты лгал буквально всем. Прикидывался нашим другом.

— Все немного сложнее, хотя отпираться не стану. Да, я полный козел. И нет, ничуть этим не горжусь. Но что сделано, то сделано.

— Ты убивал людей.

— Наемников и злодеев. Не людей.

Ее рука продолжала лежать поверх моей, и я уверен, она свободно читала мою нервную систему.

— А если все это время ты только притворялся героем, то зачем так выкладывался?

— А что если я скажу, что притворства не было? Что без одного было бы невозможно другое?

Эми ничего не ответила. Реми, учуяв подавленное настроение хозяйки, подбежал к ней и принялся обнюхивать ее щеку. Та вяло отмахнулась, но шиншилл не отставал, и тогда она принялась пальцем почесывать ему шею.

— Не расскажешь, как мое разоблачение восприняли... — я сделал неопределенный жест. — Ну, все.

— Плохо, — коротко и емко ответила Эми.

— Совсем?

— Совсем.

И больше тут добавить нечего. Как я и предполагал.

— А что вообще происходило в городе? Ну, кроме Бакуды. После боя со Скитальцами я в полном информационном вакууме.

Эми немного помолчала, собираясь с мыслями, а потом начала рассказ. О том, как Неформалы ограбили банк, а она по случайности оказалась среди заложников. Как она попыталась обезвредить одну из злодеек, Скиттер, но в результате оказалась избита сама, а Слава чуть не погибла, получив пулю в живот.

— Они будут молить о смерти, — пообещал я. В этот миг я как никогда прежде ненавидел свое добровольное заключение и договор с Таггом. Больше всего мне сейчас хотелось броситься в свою камеру, надеть доспех, вытащить Неформалов из той норы, в

которую они забили — и будь, что будет.

— Жди своей очереди, Конрад, — тихо сказала Эми, сжав мою руку. — Сначала я поквитаюсь со Сплетницей.

— Это конечно хорошо, что ты готова к экспериментам, но давай я буду презируемым злодеем, а ты — всеобщей любимицей. Что она тебе наговорила? Раскрыла личность твоего родного отца или пронюхала о твоих запретных чувствах... к сама-знаешь-кому?

Она слегка вздрогнула, но не особенно удивилась.

— Ты и это знал.

— Боже мой, Эми! Я же вижу тебя насквозь, причем в прямом смысле! Да, я все знал причем с первого дня, как увидел вас вместе. А с Маркизом это вообще просто. Достаточно сопоставить пару дат, сличить фотографии из досье и готово. И кстати, не вижу никакой проблемы, ни в том, ни в другом.

— Ну да, ты ведь злодей.

— Нет, просто я уважаю чужую личную жизнь и не считаю, что детей надо винить в преступлениях родителей. Но банк грабили уже давно, а хреновый вид у тебя прямо сейчас. Рассказывай, что там еще случилось.

Как оказалось, случилось еще много чего. И если не считать повальной депрессии у Стражей и младшего состава Новой Волны, во всем опять были виноваты Неформалы. Когда через два дня после ареста Бакуды Тагг созвал торжественную пресс-конференцию по случаю отмены военного положения, они вломились прямо посреди вступительной речи. В напущенной Мраком тьме насекомые Скиттер жалили всех подряд, забирались в ноздри, рты и уши. Присутствующие герои дали бой и были с позором повержены. Регент нейтрализовал их по очереди, сначала роняя на землю, а потом добивая шокером. Собаки Суки все это время увлеченно жевали Оружейника, который хотя и не получил серьезных ранений благодаря своей броне, но его любимую Алебарду перекусили пополам. Сплетница тем временем толкала издевательскую речь с трибуны.

Сказать, что Тагг взбесился — значит не сказать ничего. Героям был дано негласное разрешение применять калечащие и потенциально смертельные средства. Он напряг Оружейника и Кид Вина, чтобы те бросили все дела, и придумали способ противостоять тандему Мрака и Скиттер. Вдобавок, на следующий день после этого нападения по телефону доверия позвонил отец Скиттер и раскрыл ее гражданскую личность. Тагг ухватился за эту возможность обеими руками. Было немедленно записано и запущено по всем доступным каналам видеообращение, в котором лысеющий худой мужчина дрожащим голосом просил у дочери прощения и умолял сдаться.

Ответ Неформалов не заставил себя долго ждать. С помощью ложного сообщения о якобы замеченных масках из Империи-88 они выманили несколько нарядов СКП, а потом разгромили их всех, с особым тщанием уничтожив оборудование и машины на несколько миллионов долларов и избив оперативников до полусмерти. Двоих пришлось отправить в реанимацию с анафилактическим шоком от осинового яда, еще один мог навсегда остаться калекой, если бы не Эми, вправившая изгрызенную и выломанную из коленного сустава голень.

Еще через день они напали на служебную квартиру самого директора Тагга, избили его с женой, потом облили обоих дегтем, вывалили в перьях из подушек и подвесили вниз головой на фонарном столбе.

Были и менее громкие нападения, и на Стражей, и на Новую Волну, но все их

объединяло одно — Неформалы атаковали героев и бойцов СКП где хотели и когда хотели, побеждали всухую и уходили невредимыми. Все это фиксировалось на камеры, а записи появлялись в интернете в течение часа после каждого нападения.

Под конец я уже не выдержал. Просто встал со стула, выглянул в коридор и потребовал, глядя в глаза Мисс Ополчение:

— Мне нужно поговорить с директором Таггом.

Вероятно, я выглядел не слишком дружелюбно, или в моем тоне было что-то такое. Не знаю. Главное, что она отступила на шаг, прежде чем сообщить о моей просьбе по рации. Я чувствовал ее страх, и это казалось нелепым. При мне не было доспеха, да вообще ничего не было, кроме тюремной робы. Однако моего присутствия хватило, чтобы напугать одну из самых популярных героинь Америки. Seriously, ну с чего? Это она настолько впечатлительная, или я в своем заточении стал похож на графа Орлока?

Ясное дело, явиться в директорский кабинет мне лично не дали, да и с этажа никуда не выпустили. Вместо этого из потолка выдвинулся экран для видеосвязи.

Тагг за прошедшие дни заметно осунулся, а на его щеке и губе виднелись свежие хирургические швы. Впрочем, ссадины и синяки, от которых его лицо должно было распухнуть вдвое, уже прошли. Я узнал эффект одного из своих препаратов, установку для синтеза которого поставил в «Медхолл» еще зимой. Оттуда он расходился по всем городским клиникам по сходной цене. Ничего особенного, упрощенная регенеративная сыворотка для ускоренного заживления без рубцов... и повышения шансов на выживание при тяжелых травмах. Видимо, установку изъяли и привлекли к обслуживанию Оружейника или Кид Вина, если она до сих пор не сломалась.

— Чего хотел? — резко спросил он таким тоном, будто я оторвал его от важного дела. Видимо, так оно и было.

— Дайте санкцию на уничтожение Неформалов, — сказал я. — Мне тут шиншилла на ухо напищала, что они берега потеряли.

Будто в подтверждение моих слов, Реми запрыгнул мне на плечо и громко фыркнул. Тагг скривился так, будто я силой выжал ему в рот лимон.

— Будь моя воля, — выщедил он сквозь зубы, — я бы отправил тебя на улицы и велел не возвращаться, пока не притащишь всех пятерых в цепях.

— Так в чем проблема?

— Да в прямом приказе шеф-директора, вот в чем! Из-за рапортов Дракон начальники боятся, что после тебя город можно будет убирать с карт.

— Абсурд. Я умею работать аккуратно. Даже скрытно при необходимости.

— Я привел им пример Бакуды. Их это не убедило.

— Два часа, — я показал на пальцах. — Дайте мне два часа. За это время никто ничего не узнает, а потом я вернусь к себе, головы Неформалов будут торчать на пиках, Дина Элкотт окажется дома, а Косте-Браун останется только проглотить это.

— Твое местоположение ежесекундно отслеживают, как и местоположение твоего оборудования. Стоит тебе покинуть это здание, и тревогу поднимет Дракон, я ни на что не смогу повлиять, — на лицо Тагга даже смотреть было кисло. — Если хочешь помочь, придумай что-нибудь против насекомых.

— Не могу, — я развел руками. — Моя карманная мастерская годится только для систем, интегрированных в «Сирин», так что работать сейчас я могу только с ним. У меня ни инструментов, ни материалов, ни доступа в базу технарских проектов. У меня даже

интернета нет, а вы не представляете, каково в моем возрасте остаться без интернета.

— Составь список, что тебе нужно.

— Для начала, бумагу и ручку, с помощью которых можно составить список, — мрачно ответил я. Перспектива действовать от обороны и возиться с инстектецидом вместо перехвата инициативы бесила неимоверно, но приказ на убийство мог быть задействован автоматически, от малейшего чиха. И, судя по поведению Мисс Ополчение, герои бы не стали колебаться с его исполнением.

Ну, по крайней мере, теперь мне не грозит докатиться до рисования говном на стенах.

Несколько дней спустя, база Выверта

Иногда Оливеру хотелось просто лечь спать и не просыпаться. Возможно от того, что все, что творилось последние полтора года, казалось ему одним нескончаемым кошмаром, от которого нельзя пробудиться.

Он плеснул в лицо водой и поднял глаза на зеркало. Из отражения на него смотрел незнакомый парень. Не тот, который там был год, месяц, или неделю назад. Каждый день его лицо немного изменялось, и чем больше вокруг было людей, тем быстрее шел процесс. Персонала на базе Выверта хватало, и изменения шли намного быстрее обычного.

Даже сам Оливер не мог вспомнить, как он выглядел изначально. Помнил, что не был доволен своей внешностью и хотел нравиться окружающим. Выпитый флакон исполнил его желание, теперь его облик подстраивался под вкусы любого встреченного человека. Хотя проблему это не только не исправило, но даже усугубило.

С такой силой он не мог сражаться, да и не горел желанием. Хотя порой ему и казалось, что он готов взять в руки оружие, надеть маску и отправляться на дела вместе с ударным ядром их команды. Пусть толку от него было бы немного, и он мог получить ранения или погибнуть. Но зато ему бы не пришлось проводить время в обществе Ноэль.

Или бы все равно пришлось. Он был единственным, кто мог ее коснуться, и не быть мгновенно поглощенным и убитым собственной чудовищной копией. Странное свойство его силы, практически бесполезное, как и сама сила, но определившее его роль сиделки, уборщика и кипера.

К счастью, на сегодня его дела были закончены. Он вычистил камеру Ноэль, принес ей корм — половину свиной туши. Они немного поговорили о том, что происходило в Броктон Бей и о планах их текущего нанимателя. Оливер даже смог разок пошутить, а Ноэль очень правдоподобно изобразила веселый смех.

На самом деле им было не до смеха. Не только Оливеру и Ноэль, но всем Скитальцам — или тому, что от них осталось.

Оливер вытер лицо полотенцем и вышел из умывальника. С удобствами на базе пока было не очень, но перестройка шла активно, и в скором времени должен был появиться нормальный душ. Час был поздний, половина первого ночи, так что он сразу пошел к себе в комнату. Но заметив, что в комнате Мариссы все еще горит свет, притормозил. А потом подошел к двери и постучал.

— Да? — отозвались изнутри.

Оливер отворил дверь и шагнул внутрь.

Марисса сидела на кровати, держа ноутбук на коленях. Она все еще была бледной и истощенной, но после долгих недель наконец-то шла на поправку. И все же Оливер подмечал, что что-то в ней переломилось. Что-то от прежней Мариссы, которую он знал,

навсегда исчезло там, под ослепительным лучом технарского лазера.

— Не спится?

— С чего ты взял?

— Ну, ты же не спишь.

— Просто смотрю, что пишут на «Паралюди Онлайн».

— Про нас ничего?

— Нет, вообще тихо. И хорошо. Зато Неформалов начинают бояться не меньше, чем Бакуды. Хотя они вообще не трогают гражданских, нападают только на СКП.

— Потому что побеждают, а герои ничего не могут им сделать. На то и расчет, так ведь?

— Угу, — печально согласилась Марисса. — Скоро нам снова придется вступить в дело.

Было понятно, что она имеет ввиду, и Оливер только скрипнул зубами. Если он что-то ненавидел больше, чем уход за Ноэль, так это Френсиса. Это он вел переговоры с Вывертом, он навязал им свое решение ехать в Броктон Бей, и он же единолично согласился на предложенную Вывертом «мокруху». Когда впереди замаячила призрачная возможность исцелить Ноэль, Френсис начисто забыл про катастрофические последствия, которые бы повлекло убийство Стража, и просто поставил группу перед фактом.

Они будут участвовать в похищении, и убьют Магистерия, если он появится.

Казалось бы, плевое дело. В плане ударной мощи Скитальцы были одной из сильнейших групп злодеев на Восточном побережье. Справиться с одним Стражем, которые обычно ни сражаться толком не умели, ни сил своих не понимали, было все равно, что отобрать конфетку у младенца.

В том бою погиб Коди, пожертвовав собой ради спасения команды. Погиб Люк, сумевший лишь разок ранить чудовищного кейпа. Чуть не умерла Марисса. Оливер находил ироничным, что жизнь ей спасла сыворотка, разработанная тем же Технарем, который ее почти убил. Выверт имел обширную сеть агентов, и украсть из ближайшей больницы несколько ампул с чудодейственным лекарством для него не составило труда. И продолжать их красть каждые несколько дней, когда истекал срок годности старых.

Больше всего бесило то, что сам Френсис отделался легко, всего лишь лишился двух пальцев на руке, когда технарский меч вдруг выбросил из рукояти острые как бритва лезвия.

— Если вы второй раз напоретесь на Магистерия, от Скитальцев вообще ничего не останется, — сказал Оливер.

— Выверт и Сплетница в один голос клянутся, что избавились от него.

— Выверт много в чем клялся.

Марисса потеряла грудь. То место, где тонкий белый луч пробил ее.

— Как думаешь, — тихо спросила она, — если мы грохнем Френсиса, Ноэль сильно расстроится?

— Думаю, она окончательно слетит с катушек. Мы и так с трудом удержали ее, когда умерли Люк и Коди, — Оливер нервно поежился от воспоминаний. — Она до сих пор... не совсем в себе.

— Жаль. А хорошая была идея.

— Мне Френсис нравится не больше твоего, но почему ты заговорила об этом сейчас?

— Почему нет? Это он втравил нас во все это. Втерся в доверие к Ноэль, влез в команду, заставил нас выпить эти чертовы флаконы. Вел себя так, будто у него есть план и мы все по гроб обязаны, а по факту навязывал нам свои собственные желания! Пожертвовал Коди и Люком, как пешками!

— Марс! — крикнул Оливер испуганно.

Запахло горелым пластиком. Экран ноутбука моргнул и погас. Марисса озадаченно посмотрела на испорченный компьютер, после чего виновато вздохнула и отложила его в сторону.

— Извини. Моя сила последнее время... будто вырывается из-под контроля.

Оливер промолчал. Он ненавидел такие моменты, когда нужно сказать что-то ободряющее или утешительное, но нужные слова никак не приходят на ум. Став с помощью флакона воплощением внешней привлекательности, он так и не научился ладить даже с собственными товарищами по несчастью.

Он сел на кровать рядом с ней и несмело взял за руку. Ладонь, с которой только что сорвалась обжигающая плазменная вспышка, была только слегка теплой и на удивление маленькой.

— Нам некуда идти, — глухо сказала Марисса. — Из-за Ноэль. Ее нужно было сдать героям полтора года назад. Теперь ее невозможно ни удержать, ни убить. Даже если мы избавимся от Френсиса, она впадет в буйство, и счет жертв будет как при атаке Губителя. Она одним своим существованием будто держит в заложниках тысячи людей, и не позволяет ее бросить.

— Но что тогда делать?

— Пока я лежала тут... я много думала. Знаешь же, что Технари могут подобрать решение к почти любой проблеме?

— Возможно... — Оливера упоминание Технарей насторожило. — О, нет! Марс, ты вообще в своем уме?!

— Но что еще делать?! — отчаянно выкрикнула она. — Мы словно сидим на бомбе с обратным отсчетом!

— Я не знаю.

— Я тоже.

Неловкое молчание нарастало. Оливер встал с кровати, пытаясь понять, что же делать в такой ситуации.

— Ну, я наверное...

Договорить он не успел. По всей базе вдруг взвыли сирены.

— Что случилось? — спросила Марисса. — Пожар что ли?

— Нет, — Оливер покачал головой. — Это Тревога Губителей.

Лицо девушки помрачнело.

— Ясно. Тогда мне пора идти.

— Выживи, — попросил ее Оливер.

— Я постараюсь.

Вой сирен застал меня врасплох, как и всех прочих, хотя и не поднял с постели. Просто потому, что я ожидал атаки со дня на день, и засиживался допоздна, выверяя и калибруя оборудование, пытаюсь выжать еще хоть что-нибудь из своей силы, будто это могло оказать решающее значение. Я полагал, что в какой-то момент со мной свяжется Оружейник и лаконично скажет выдвигаться. Так уже случалось дважды, и должно было случиться в третий раз. Но услышать Тревогу Губителей в собственном городе... это хуже, чем получить ведро ледяной воды на голову. Ведь Губители всегда были чем-то далеким.

Страх. Растерянность. Паника.

Ведь я так и не успел закончить свой главный козырь, проблемы в энергоснабжении «Яркой девочки» оставались практически неразрешимыми. А значит, никаких петель — и никаких реальных шансов нейтрализовать Губителя.

Я захлопнул выделенный Таггом ноутбук и медленно выдохнул, выстраивая в голове цепочку действий. Я прокручивал это в уме сотни раз, но ни разу не предполагал, что Губитель может напасть на Броктон Бей

Сначала «Сирин», потом все остальное. Я прошел к центру мастерской, встал в разверстый доспех и отдал команду на активацию. Сторожевые системы считали ДНК и биометрию, сомкнулись и загерметизировались отдельные части, иглы нейроинтерфейса глубоко вошли в плоть, объединяя электронику с нервной системой. Впервые за долгое время я чувствовал себя... цельным. Чувствовал, что я стал самим собой.

Все оружие и снаряжение было привязано к доспеху, так что долго собираться не пришлось. С собой я забрал только небольшой контейнер с заготовленными двумя сотнями доз «боевого коктейля» — не таким мощным, как мой собственный стимулятор, но лучше так, чем вообще ничего... Когда я вышел из карманного измерения, сработала следящая автоматика. Из потолка выдвинулась знакомая шоковая сфера, а механической голос принялся вещать:

— Злодей, вы нарушили правила содержания. В случае неповиновения будут приняты меры. Злодей, вы нарушили правила...

После третьего повторения сфера выплюнула разряд.

— Злодей, вы нарушили правила содержания. В случае неповиновения мощность тока будет увеличена.

подавив желание расстрелять тупую железку и не обращая внимания на стекающие по броне электрические разряды, я открыл окно. Настоящую защиту, конечно, обеспечивало не бронестекло, а силовое поле. Я попробовал его пальцем. Твердое.

Я отошел немного назад, разбежался и прыгнул вперед, одновременно включая двигатели.

Удар я почувствовал, но лишь на мгновение. Потом генераторы поля с треском отключились, а я резко затормозил и выровнял положение в полусотне метров от окна.

Честно, не так я себе представлял свой первый глоток воздуха после заточения. Городское освещение резко контрастировало с практически черным горизонтом на востоке, откуда надвигался грозовой фронт. Улицы внизу уже начали наполняться людьми, которые со всех ног неслись к убежищам, подгоняемые воем сирен. Прямо подо мной, у входа в штаб-квартиру, уже началось настоящее столпотворение, которое создавали поднятые по тревоге

сотрудники.

Первым делом я подключился к оперативным частотам.

— ...это Левиафан. Расчетное время до контакта — сорок две минуты. Оперативный штаб будет развернут по координатам...

Да уж. Из всей троицы мы удостоились визита именно Убийцы Городов. В другой раз можно было бы позубоскалить, что после визита Левиафана Броктон Бей станет выглядеть чище и опрятнее, но сейчас было вовсе не до смеха.

Продолжая слушать одним ухом оповещения, я взял курс на свой дом. Просто... на всякий случай. Чтобы убедиться, что все в порядке. Я был уверен, что родители не навещали меня потому, что их не допускала СКП, а не потому, что с ними что-то случилось.

Их я заметил в полусотне метров от входа. Толпа успела заполнить улицы, и они с трудом протискивались через человеческий поток. Я приземлился рядом с ними и без лишних слов обхватил обоих руками.

— Держитесь.

Рывок с места. Секунды полета. Ноги коснулись земли прямо перед входом в убежище, в который широкой рекой вливались люди. Я осторожно хлопнул папу по плечу.

— Пап, не дрейфь. Сейчас мы дадим этой ящерице пинка.

— Конрад?! — изумленно спросил мама.

Я кивнул.

— Идите в убежище. И... пап, ты не мог бы одолжить свой сотовый?

— Конечно, — папа полез в карман и протянул мне плоский аппарат.

— Спасибо. А теперь торопитесь.

Я снова взлетел вверх, и направился обратно к офису СКП. В царящем вокруг бардаке на меня даже не обратили внимание, так что я просто прошел через вестибюль и спустился на лифте на минус второй этаж — в хранилище.

Странно, но мои авторизационные данные все еще действовали. Толстые бронированные створки разошлись в стороны, и я вошел на склад технарского оборудования, где столкнулся нос к носу с Кид Вином. Он возился с узлами своей Универсальной Энергетической Пушки, готовил их к телепортации, и меня заметил не сразу. Только когда я подошел к закрытому чехлом «Лотосу» и без колебаний сбил с него печать, он повернулся в мою сторону.

Что вы знаете о неловком молчании? Так вот, поверьте, ничего вы о нем не знаете. И если бы не отчаянная ситуация, неизвестно, насколько бы оно затянулось. Наконец, он просто отвернулся и молча продолжил настройку. Я бегло провел диагностику «Лотоса» — контейнеры с биомассой оказались заполнены, здесь Кид Вин не подвел — запустил антигравы и потащил его за собой к лифту. Кид Вин тем временем закончил с пушкой и втиснулся следом — из-за громоздкого реанимационного комплекса места в лифте оставалось очень немного.

Все время, что мы поднимались наверх, он вообще не взглянул в мою сторону. Когда двери лифта раскрылись, и мы вышли обратно в вестибюль, мой бывший друг поспешно зашагал прочь.

Черт.

Если бы Кид Вин в сердцах врезал мне по роже, или плюнул в нее, или сказал мне какую-нибудь грубость — это бы задело меня куда меньше. Но он попросту игнорировал мое существование. Реакция остальных Стражей едва ли будет иной. И хотя я предполагал

подобное, но одно предполагать, а другое — столкнуться с последствиями лично.

Нет. Не думай об этом.

Сосредоточься на деле.

Я выволок «Лотос» наружу и прислушался к оповещениям по оперативному каналу.

— ...расчетное время до контакта двадцать семь минут.

Мало. Нужно торопиться. Я достал взятый у отца телефон и по памяти набрал номер, который, вообще говоря, знать не должен был... но телефон Блицкрига оказался совершенно незащищен от технарских средств взлома. Ответа пришлось ждать шесть гудков, но удачей было то, что я вообще его дождался. Похоже, способности одного Умника не распространялись на считывание информации с электронных носителей.

— Доброго дня, «мистер Брандт». Это Магистерий, и у меня есть к вам деловое предложение.

— Доброй ночи. А я думал, вы разорвали наше сотрудничество, — я почти наяву смог увидеть, как европеец самодовольно ухмыляется.

— Чрезвычайные обстоятельства. Через полчаса в Броктон Бей, штат Нью-Хемпшир заявится Левиафан, а у вас очень кстати имеется масс-телепортер, способный доставить на битву целую армию. Которая, вот сюрприз, у вас тоже есть.

— О, как интересно. И какая нам выгода?

— Сегодня есть реальная возможность покончить с Убийцей Городов раз и навсегда. Разве ваша организация не хотела бы внести свой вклад?

— Это говорили много раз. Результат всегда один — Губители спокойно уходят, разрушив все, что хотели.

— Слыхали про Серого Мальчика?

— Да. Он давно мертв.

— Но не его сила, — ответил я и нажал отбой, а потом и вовсе выключил телефон.

Я не знал, каков статус «мистера Брандта» в структуре Гезельшафта, но был уверен, что донести информацию до тех, кто принимает столь важные решения, он сможет быстро. Какое-то время они потратят на сборы, но если у них действительно есть масс-телепортер, то занять все должно не больше часа. Надеюсь, за это время Левиафан не выбьет из нас дерьмо.

Я слегка раскрыл «крылья» АВП за спиной для лучшего приема и передачи радиосигналов. Подключиться к общей информационной сети удалось без проблем, по случаю угрозы S-класса вся парольная защита была снята. На ретинальном дисплее возникла спутниковая карта города, уже размеченная на квадраты, на которой были отмечены пункты медицинской помощи, точки прибытия для телепортеров, и главное — полевой штаб.

Путь до медпункта занял больше времени, чем я рассчитывал. Из-за «Лотоса»: он хоть и имел антигравы чтобы держаться в воздухе, но буксировать его было той еще задачей. Я выбрал крупнейший из них, где «Лотос» мог принести максимум пользы. Как ни странно, раненым кейпам предстояло лечиться именно в таких аврально возведенных полевых госпиталях, а не в обычных больницах. Эту стратегию начали применять после того, как стало ясно, что больницы Губители уничтожают особенно охотно, и отправить туда раненых означало подставить их под удар.

Врачи и медсестры носились как ошпаренные, таща пачки бинтов, коробки с лекарствами и прочие медицинские принадлежности. Я выбрал того, кто выглядел более-менее главным и ухватил его за локоть.

— Это машина для реанимации и стабилизации тяжелораненых, — я указал на «Лотос». — Просто кладете пострадавшего внутрь головой вту сторону, и нажимаете эту красную кнопку. Когда загорится зеленый огонь вот здесь, можете доставать и класть следующего. Все понятно?

— Да, понятно, спасибо, — кивнул врач. У меня были большие сомнения, что он вообще воспринял мои слова, но на подробные объяснения у меня просто не оставалось времени. Если повезет, кто-то из тех медиков, с которыми я тесно общался прежде, узнает «Лотос» и вдуплит прочесть инструкцию. Написанную, надо сказать, очень крупными буквами на нескольких языках.

До расчетного контакта с Левиафаном оставалось меньше двадцати минут.

Прижимая к груди заветный контейнер с боевыми коктейлями, я почти грохнулся об асфальт, выбив целый фонтан крошки. Вроде бы, никого не задавил. Невзрачное здание, перед которым я приземлился, было помечено на тактической карте как «Комитет обороны паралюдей». С автостоянки поблизости то и дело доносились хлопки и слабые вспышки, сопровождавшие различные силы телепортации — продолжали прибывать подкрепления.

Брифинг устроили прямо в вестибюле — чтобы никто не тратил драгоценные минуты на поиски. Натащили стульев и скамеек, но на всех бы любом случае не хватило. Три больших экрана, висящих под потолком, приспособил под свои нужды Оружейник, и теперь на них отображалось схематичное изображение Броктон Бей и подземного озера под ним.

Здесь собрались почти все.

Протекторат и Стражи — в полном составе. Новая Волна — в полном составе. Я заметил, как Панацея махнула мне рукой, и поприветствовал ее кивком. Остальные мое появление проигнорировали, и я не стал навязываться.

Пришла даже единственная Бродяга в городе — Кукла, подрабатывавшая аниматором во время рекламных акций на Бульваре.

Присутствовала куча героев из других городов. Бросались в глаза команды Шевалье, Мирдина и Экзальта. Изморозь не явилась, но оно и понятно. Кейп с силой манипуляции льдом в бою с Левиафаном больше навредит. Пепельная тоже не приехала, ее сила была практически бесполезна против Губителей, поскольку надолго обездвживала ее. От Гильдии явились Нарвал и Дракон — первая лично, вторая в виде огромного боевого модуля, напоминающего, внезапно, дракона. Из Стражей я узнал только ребят из Бостона, в первую очередь из-за приметной внешности Сталевара, об остальных оставалось только догадываться. То есть, я мог с помощью визора распознать их лица и запросить данные по ним из баз данных, но это бы было пустой тратой времени.

Триумvirат тоже собрался полностью. Легенда о чем-то разговаривал с Оружейником и Мисс Ополчение, Александрия зашла в вестибюль почти следом за мной. Эйдолон стоял у окна, скрестив руки на груди, и отрешенно смотрел на черную стену ливня. Ореол невообразимой мощи словно создавал вокруг него зону отчуждения, однако именно он был последней надеждой, ультимативным оружием человечества. Может воображение разыгралось, но мне почудилось в нем что-то родственное.

Злодеи, по большей части, тоже не уклонились от вызова. Империя-88 была здесь, как и Тора — последняя выжившая из АПП. Я заметил хмурые взгляды Руны и Виктора презрительную усмешку Крюковолка. Игнис, как всегда, молчал, погруженный в свои мысли. Фенья и Менья стояли рядом с Кайзером, крепко стиснув кулаки. Отала держалась рядом с мужем и заметно нервничала. Меня удивило отсутствие Блицкрига, но

видимо он уже уехал в Великобританию.

Неформалы оккупировали четыре стула в углу, с ними почему-то не было Адской Гончей. Мрак нервно выстукивал что-то ногой, его уровень стресса был самым высоким из всех. Регент и Скиттер практически не проявляли эмоций, ни внешне, ни на уровне физиологии. Сплетница вертела по сторонам головой, жадно используя свою силу на всех присутствующих, визнавая их секреты, и довольно ухмылялась. Я дождался, пока она не посмотрит в мою сторону, и провел большим пальцем себе по шее. Довольная лыба злодейки почему-то моментально погасла.

Не пришла Трещина и ее цирк уродов. Наемники, что с них взять, гнилое племя. Не было видно Цирк и Металлолома, хотя последний вообще был настолько странным типом, что его участие принесло бы больше проблем. По мнению некоторых, он был единственным за историю наблюдений Технарем среди 53-х. Не пришел и, кто бы мог подумать, Выверт. Чистота, как я полагал, последовала голосу рассудка и перебралась в Бостон к своей старой команде. Зато Скитальцы преподнесли сюрприз. Не только тем, что вообще остались в городе после потерь в команде, но и тем, что их оказалось трое.

Триксстер прислонился спиной к стене и курил сигарету. На его правой руке не доставало мизинца и безымянного пальца, и это совсем-совсем не заставило меня злорадно ухмыльнуться. Массивная проекция Генезис, похожая на помесь гориллы с броненосцем, смиренно сидела рядом, только ума не приложу, как такая туша протиснулась в двери. Солнышко сидела на стуле и крутила вокруг кончика пальца крошечную плазменную сферу размером с горошину.

— А я думал, что убил тебя, — сказал я, подойдя ближе. Вблизи я ощутил в ее тканях присутствие остаточных следов собственной регенеративной сыворотки. — Понятно. Значит, детей вам воровать мало, вы еще и больницу обнесли.

— Проблемы, падший? — осведомился Триксстер и выпустил в мою сторону струю дыма.

— Сейчас — никаких. Но если переживете эту ночь, я их вам обеспечу.

— Если *ты* ее переживешь.

— Мы уже это проходили. И я стою здесь, а двое твоих дружков гниют в земле.

Чтобы оставить последнее слово за собой, я тут же развернулся и пошел прочь — к пространству перед рядами стульев и скамей, представлявшему собой что-то вроде сцены. Там я выкрутил динамики шлема на максимум и прогремел на весь вестибюль:

— Прошу минуту внимания.

Повисла тишина.

— Благодарю. Сейчас я раздам боевые стимуляторы, они предназначены повисить вашу эффективность в бою, а также существенно увеличат ваши шансы на выживание в случае тяжелых и смертельных травм. Побочные эффекты неприятные, но они проявятся только через шесть часов, так что если доживете, то не огорчитесь.

Не тратя более ни секунды, я сошел со «сцены» и принялся раздавать индивидуальные дозы в шприц-тюбиках. Место тут же занял Легенда, который моментально приковал к себе внимание, и без лишних нежностей объявил, что к утру каждый четвертый почти наверняка будет мертв. Местных злодеев это впечатлило, меня — не очень. В конце концов, во время моей первой битвы с Губителем, на моих руках умер каждый третий.

Легенда продолжал говорить, описывая основные способности Левиафана, чего следует остерегаться в первую очередь и обозначая стратегию. Я шел по вестибюлю, молча раздавая

стимуляторы, стараясь не смотреть в глаза тем, кого знал, и старательно обходя стороной Неформалов и Скитальцев. Что характерно, никто не отказывался, даже Тора, хотя и прожигала меня ненавидящим взглядом. Анафеме предали меня, но не мою силу.

Возле Новой Волны я задержался. Слава, Панацея, Лазершоу и Барьер, прекрасные знакомые с моими препаратами, взяли по шприц-тюбику и вкололи их себе без лишних слов. Старшие герои по большей части последовали их примеру. Только Брандиш стимулятор проигнорировала.

— Мэм, возьмите и вы.

— Обойдусь, — ледяным тоном ответила героиня.

— Как хотите, — я заметил боковым зрением движение и схватил Регента за руку в тот момент, когда он потянулся к почти контейнеру. — Ты куда еще руки тянешь?

Тот только что-то невнятно прошипел. Неформалы тут же повскакивали со стульев, тысячи насекомых, до этого размазанных по всему помещению так, что даже мое восприятие не обратило на них внимания, мгновенно собрались в густое облако, загораясь мне обзор. Мда уж. Я не мог избавиться от них одним импульсом, не поубивав при этом почти всех собравшихся кейпов. Думаю, нужен еще один запрограммированный режим, нацеленный против специфических только для насекомых белков.

— **ОТПУСТИ ЕГО НЕМЕДЛЕННО**, — проскрежетало оно тысячами жвал и крыльев.

— Эти стимуляторы созданы моей силой, и я делюсь ими с героями и злодеями, пришедшими дать отпор Левиафану, — ответил я, и сжал руку Регента еще чуть-чуть сильнее. — С героями и злодеями, а не с помойными крысами.

Перед глазами полыхнул мощный электрический разряд и мгновенно убитый рой с шуршанием осыпался на пол. Когда поле зрения очистилось, я заметил, что Оружейник опускает незнакомую модель Алебарды. Голубое сияние монокристаллического лезвия, перемежаемое петлями разрядов, выдавало мою собственную технологию расщепляющего поля, но усовершенствованную настолько, что Изумрудный меч в сравнении с ней казался паровой повозкой рядом с новеньким «Фордом».

— Неформалы, Магистерий. Еще одна такая выходка, и это будет расценено как нарушение перемирия, — ровным тоном произнес Оружейник.

Упс.

— Верно, сейчас у нас есть более важная проблема, — я нехотя выпустил Регента, который держал руку на весу.

— Ага, а этот стимулятор совершенно безопасен, Лунг может подтвердить, — выкрикнула Сплетница.

— Прости, ты что-то сказала? — я повернулся к ней, и моя правая рука окуталась монохромным эффектом. Ну же, дай мне повод. Может, этого и не хватит на Левиафана, но на тебя — вполне.

Сплетница впиалась взглядом в «Яркую девочку». Ее сила, без сомнения, объяснила назначение этого устройства, и теперь ее буквально корчило от внутренней борьбы страха с желанием оставить за собой последнее слово. И, клянусь, если бы она хоть что-нибудь сказала, это слово действительно стало бы для нее последним.

Но, похоже, у небес были еще планы на этот кусок дерьма, потому что со стороны «сцены» раздался сопровождающий телепортацию треск. Прибывшие кейпы в однотипных черных с серебром костюмах стояли плотным кольцом, касаясь еще одного, раскинувшего руки. Гезельшафт прибыл гораздо раньше, чем я ожидал.

Один из них выкрикнул команду, а остальные продемонстрировали выучку и дисциплину, моментально выстроившись в шеренгу по стойке «смирно». Глядя на них, я мысленно поправил себя. Гезельшафтовцы не носили костюмов, как мы — они носили форму. Всего их было двенадцать, а тринадцатый, телепортер, тут же исчез.

Среди собравшихся кейпов начало сгущаться напряжение. Многие подобрались, готовые в любой момент применить силы. Ни для кого не было секретом, как в Европе «любят» Америку. Правда, окажись на месте Гезельшафта Янгбань, их бы атаковали сразу и без раздумий. Европейцам же дали шанс объясниться.

— Что вам тут надо? — Александрия выступила вперед.

— Мы на помощь приказ иметь(1), — ей навстречу шагнул высокий мускулистый кейп с жутким немецким акцентом и учивший английский в лучшем случае по этикеткам.

— Раньше вы не горели желанием помогать, — сдержанно заметил Легенда.

— Особый случай, — отчеканил немец и указал на меня пальцем.

Я подошел к нему и протянул контейнер с остатками стимуляторов.

— Die Medikamenten.

— Danke, — командир Гезельшафта нагреб сразу горсть шприц-тюбиков и начал раздавать их подчиненным.

По вестибюлю пошли шепотки. Плевать. Уже на все плевать. Пусть бормочут что хотят. Моей репутации падать ниже некуда, так что отныне я буду действовать без оглядки на чье-либо мнение. Не буду пытаться казаться лучше, чем есть.

— Если вопрос разрешен, то сейчас разделимся на основные группы, — повысил голос Легенда. — Кто способен выдержать удар Губителя и нанести ему урон в ближнем бою — отправляются под командование Александрии. Дальнобойные бойцы — ко мне. У кого есть способности к быстрому перемещению — вы будете заниматься эвакуацией, вас координирует Мирддин. Силовые поля, барьеры, телекинетики, и вообще все кто способен останавливать волны или ограничить передвижения Левиафана — Бастион даст вам указания. Кто может выполнять несколько ролей, решайте сами, где принесете больше пользы.

Тем временем подошедший ближе Стояк не глядя сунул мне в руки уже знакомый по Канберре коммуникационный браслет. Я застегнул его на запястье и на экране высветилась надпись:

[Назовите свое имя].

— Магистерий, — сказал я вслух.

«Падший», — неприятным эхом отозвались в голове слова Трикстера.

[Магистерий. ДА/НЕТ?]

Подтверждаю.

— Отключить оповещение о потерях, — сказал я, поднеся браслет к динамику шлема. Избыточная информация будет лишь отвлекать.

— Принято, — лаконично отозвалась псевдоразумная программа.

Решить, к какой группе присоединиться, я просто не успел. Просто со стороны океана донесся низкий рокот, и стена сплошной тьмы начала стремительно приближаться. Левиафан послал защитникам приветственный подарок в виде десятиметровой волны.

Я пришел в движение еще до того, как осознал происходящее, словно доспех принял решение за меня, и импульс двигателей выбросил меня сквозь стекло под хлещущий ливень. За один выдох «крылья» Адаптивного Волнового Подавителя развернулись у меня за спиной

во весь немаленький размах.

Базовый режим излучения, настроенный на собственную частоту воды. Я все-таки успел его закончить.

«Крылья» перестроились в требуемую конфигурацию и ослепительно засияли от проходящей через них энергии. Испускаемое ими излучение сформировало что-то вроде сферы белого света радиусом в полкилометра, в которую запущенная Левиафаном волна влетела со скоростью гоночного автомобиля.

И исчезла.

Огромная масса воды начала стремительно терять энергию, и к тому моменту, когда волна добралась до меня, от ее сокрушительной мощи не осталось ничего. Просто медленный и безобидный поток, приводимый в движение разве что гравитацией, но никак не злой волей Губителя.

Я не знал, как этот режим будет взаимодействовать с гидрокинезом Левиафана, но был морально готов к тому, что волна могла меня попросту снести. Не убить, но пришлось бы потратить время, чтобы выбраться из-под обломков. Однако режим собственной частоты оказался не просто эффективен, он был сродни волшебству.

Потом я оглянулся по сторонам, и радости немного поубавилось. Оказалось, что лучший эффект АВП оказал там, где плотность излучения была выше — то есть рядом со мной. Чем дальше от эпицентра, тем слабее становилось обнуление волн. Меня хватило, чтобы защитить штаб и пару ближайших кварталов, но дальше начинались первые разрушения.

Немного не то, на что я рассчитывал, но тоже сойдет.

В этот момент я понял свою роль в бою. Я не мог останавливать приливные волны так, как Бастион и Эйдолон. Чтобы применить АВП эффективнее всего, мне следовало держаться как можно ближе к Губителю, даже не столько ради нанесения ущерба, сколько для нейтрализации водяного эха.

— Заканчивайте инструктаж и выдвигайтесь на позиции, — я обернулся к штабу, вокруг которого кейпы успели возвести многослойную защиту из разнородных силовых полей. — Я...

Договорить я тоже не успел. В полусотне метров от берега вода вздулась горбом, а потом взорвалась, выпуская наружу непропорционально тощую гуманоидную фигуру. Пятнадцатиметровый хвост хлестал в разные стороны, точно у взбешенного кота, а четыре зеленых глаза устрашающе светились в темноте.

И он был быстр.

Рейлган высвободился из пространственного кармана уже заряженным и готовым к стрельбе. На это ушла невероятно короткая доля секунды, за которую Левиафан преодолел разделявшее нас расстояние. Я не успел разглядеть движение, не заметил удар его когтей. Я лишь подумал: «огонь».

Вспышку и оглушительный грохот заглушили сенсорные системы шлема. Броня застонала, но поглотила чудовищной силы удар. Лишь слабая плоть подвела. Стремясь обеспечить себе защиту от всевозможных угроз, я забыл укрепить собственный вестибулярный аппарат.

Атака Левиафана и ударная волна от попадания субсветового снаряда швырнули меня на сотни метров вглубь города. Будто этого было мало, я не сразу сообразил отключить двигатели, из-за чего я в процессе своего кувыркания со всей дури врезался в какой-то дом и протаранил его насквозь. Сверху вниз.

Мне потребовалось не менее десяти секунд, чтобы прийти в себя. Посмотрев в верх, я увидел над собой неровную дыру, через которую лили дождевые струи. Несколько последовательных дыр, потому что, похоже, я пробил не один этаж.

— Ну ладно, — подумал я вслух. — Могло быть и хуже.

Дополнительная доза боевого стимулятора, введенная встроенным инъектором, разогнала кровь по венам и наполнила сознание яростью. Я резко выдохнул и взлетел вверх через оставленную собой пробоину. Нужно было осмотреться.

Левиафан оправился от выстрела рейлгана в упор явно быстрее, чем я. Хотя я успел выиграть немного времени остальным, чтобы те ушли с уязвимой позиции, им это не сильно помогало. Даже с такого расстояния было видно, как стремительно мечется Губитель среди разрозненных кейпов и расшвыривает их ударами когтей, хвоста и водяного шлейфа.

Несколько бесконечно длинных секунд я потратил на перезарядку рейлгана, накопление энергии в конденсаторах для АВП и самое главное — на расчет протокола аварийного отключения двигателей при ударных перегрузках. Второй раз Левиафан меня на этом не подловит, пусть придумает что-нибудь еще.

Закончив с подготовкой, я достал из ножен меч и помчался обратно в битву. Немного не долетая, я воткнул меч в крышу подвернувшегося здания в качестве страховочного троса. Левиафан тем временем схватил Александрию и несколько раз ударил ее головой об землю, а потом отшвырнул куда-то в сторону. Я воспользовался той секундой, что он стоял на месте, и завис прямо над ним, а потом запустил режим собственной частоты на полную мощность и одновременно выстрелил строго вниз.

На этот раз результат попадания из рейлгана удалось оценить лучше. Лишившись водяного шлейфа, Левиафан плюхнулся на брюхо, еще больше начав напоминать ящерицу, в асфальте под ним образовалась заметная вмятина. Обширная дымящаяся рана на его спине истекала ихором, целые куски плоти взрыв попросту вырвал из тела. Но одновременно ударная волна выбила стекла на десятки метров вокруг, и контузила нескольких кейпов на земле и в воздухе. Надеюсь, что только контузило. Черт. Надо с этой штукой аккуратнее. А ведь это просто монокристаллические болванки, а не капсулы с антивеществом.

Мысленной командой через нейронный интерфейс я запустил перезарядку рейлгана, а свободную руку направил вниз. Из предплечья выдвинулся фотокинетический бластер и в разверстую рану Губителя ударил белый луч. Следом ко мне присоединилось еще два десятка кейпов, расстреливающих врага из чего только можно. Левиафан забился, закорчился, будто в агонии. Это выглядело настолько правдоподобно, что я даже на секунду поверил, что мы побеждаем, что мы смогли причинить ему реальный вред. Но мое чувство вещества и датчики «Сирина» засекли приближение огромной массы воды.

Левиафан направил волну не прямо на себя, где ее бы рассеяло мое излучение. Он ударил по кейпам второй линии, которые в битве остались на вторых ролях. Я бросил «Сирин» наперерез ей, блокируя ее массу Волновым подавителем... из-за чего Левиафан оказался на периферии эффекта. Он мгновенно вскочил на ноги, и понесся на четвереньках вдоль по улице, хлеща хвостом в стороны. Будто и не бился только что в мучениях под ударами кейпов.

«Шестнадцать лет. Если бы Губителя можно было уничтожить просто концентрацией грубой мощи, это бы давно сделали, — напомнил я себе. — Сосредоточиться на снижении потерь целесообразнее».

Если бы только я сумел закончить модернизацию «Яркой девочки», все было бы иначе.

АВП пикнул, сигнализируя об исчерпании выделенной энергии. Я мысленно произвел расчет и включил коммуникационный браслет.

— Высокий приоритет, говорит Магистерий. Я могу подавлять водяной шлейф Левиафана в течение десяти секунд, после чего потребуется тридцать четыре секунды на полную перезарядку. Используйте это при координировании атак.

— Информация принята, — все тем же тоном ответил автомат.

Повинуясь движению мысли, сбоку ретинального дисплея возник индикатор зарядки конденсаторов, который мучительно медленно полз вверх. Я вернулся на крышу дома, где оставался мой меч, и снова ринулся в погоню.

В двух кварталах от предыдущей схватки меня встретило зрелище, которое невозможно было представить в другой день. Руна левитировала несколько бетонных плит, которыми пыталась сдерживать Губителя, пока Мисс Ополчение и Бесстрашный расстреливали его ракетами и ударами молниевоего копья. Виста использовала свою силу, на волос разводя смертоносные когти и тела обделенных неуязвимостью кейпов. Тора и Крюковолк набрасывались на Левиафана с двух сторон, пока Нарвал своими силовыми полями взрезала его плоть. Кид Вин по частям телепортировал Универсальную Энергетическую Пушку, и по результатам расчетов я знал, что если эта штука и уступала моему рейлгану, то незначительно.

— Десять секунд, — проорал я, падая на землю рядом со схваткой. — Виста, барьер!

Подавитель залил все вокруг своим излучением, и одновременно с этим Виста подняла высокие складки искривленного пространства, образовав подобие арены. Выстрел рейлгана отшвырнул трепанга-переростка на два десятка метров, его водяной шлейф исчез в облаке пара. Ударная волна взрыва смела возведенную Вистой ограду, но истратила на это всю свою энергию. Атаки кейпов обрушились на Губителя со всех сторон, первую скрипку играл Легенда, чьи лазеры наносили за раз меньше ущерба, чем рейлган, но зато не требовали перезарядки. Я добавил от себя бластерами, одновременно следя за убывающим зарядом конденсаторов.

— Время! — крикнул я на девятой секунде.

Барьерщики, как смогли, прикрыли стрелков. Я снова поднял рейлган, но Левиафан каким-то немислимым образом извернулся, и выстрел пронесся дальше. К счастью, улица была длинной, а застройка — низкоэтажной. Снаряд не причинил вреда, и в скором времени должен был упасть на землю где-то в Канаде.

Мне от того было не сильно легче. Левиафан стремительно провернулся вокруг себя, послав во все стороны сокрушительную волну. Я успел лишь немного набрать высоту, когда он возник рядом настолько стремительно, будто телепортировался. Его хвост обвился вокруг меня и со всего маха приложил об стену ближайшего здания.

«Сирин» выдержал. Стена — нет.

Левиафан рванулся дальше, таща меня за собой, будто на привязи. Его хвост, невероятно прочный и гибкий, стискивал мою грудь и прижимал к телу правую руку. По крайней мере, я успел спрятать рейлган обратно в пространственный карман. Что куда хуже, два из шести «крыльев» «Сирин» с треском надломилась и раскололись, не выдержав мощи Губителя.

Если я скажу, что быть утащенным Левиафаном черт знает куда — это неприятно, считайте, что я немного преуменьшил. Эта тварь перемещалась со страшной скоростью во всех плоскостях, наносила сокрушительные удары когтями, хвостом и волнами — и при этом продолжала держать меня своим хвостом. Вдобавок Левиафан с очевидной мстительностью

с размаху прикладывал меня об каждый встреченный угол или столб. В краткий миг просветления я понял две вещи:

Первая: еще немного, и меня стошнит прямо в шлем.

Вторая: меч все еще у меня в левой руке.

Я не глядя махнул им перед собой. Пылающее алое лезвие погрузилось в плоть хвоста почти до середины... и дальше не пошло. Я надавил сильнее, насколько позволяла адская тряска и болтанка, но умом понимал, что это бессмысленно. Дезинтеграционное поле клинка разрушало межатомные связи. Не было вещества, которое бы оно не смогло разрезать.

Если подумать... а из чего вообще сделан Губитель?

Я использовал свое сквозное зрение, и мои глаза и голову прострелило такой дикой болью, что я чуть не потерял сознание. Что за... что это вообще за дерьмо такое?! Это даже не барионная материя, это черт знает что!!!

Но, как ни странно, боль и потрясение немного позволили мне прийти в себя. Достаточно, чтобы вспомнить, что мой меч — это не только оружие. Я отбросил его в сторону, а когда Левиафан немного отдалился от того места, активировал телепорт.

Рукоятка меча снова оказалась у меня в руке, а я запустил двигатели на полную мощность, даже не потрудившись разобраться, где верх, а где низ. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Похоже, свой запас удачи я еще не исчерпал, потому что не врезался головой в землю или очередную стену, а взлетел на полсотни метров ввысь.

После чего, не в силах больше терпеть, содрал с головы шлем и выплеснул вниз свой ужин.

Без сенсоров шлема темнота вокруг казалась оглушающей. Шум ливня заглушал звуки боя, голова моментально промокла. Загадочное вещество Губителя, головокружение после безумной поездки на Левиафане, легкая боль в теле, которая станет адской через несколько часов, вспышки лазеров и огня где-то вдалеке, взрывы и свист, с которым мимо пролетел робокостюм Дракон... все это складывалось в сумасшедшую какофонию. Первозданный Хаос, из которого должно было родиться нечто, но пока ничего не получалось.

— Магистерий! — ожил коммуникационный браслет голосом Александрии. — Если у тебя еще остались козыри, самое время их выкладывать!

— Да, мэ! У меня еще есть, что попробовать, но нужна поддержка из бойцов ближнего боя.

— Квадрат С-16, - ответила Александрия и браслет замолк.

Оставшиеся секунды, в которые восстанавливался заряд конденсаторов, я потратил на реконфигурацию параметров излучения. Два «крыла» пришли в негодность и болтались бессильными обломками, но у меня оставалось еще четыре. Изменяю параметры, учту волновую интерференцию — радиус подавления гидрокинеза снизится в разы, но воздействие усилится, а затраты энергии упадут.

Если Левиафана нельзя разрубить, попробую его освежевать. Чем бы ни была та сверхплотная штука у него внутри, именно в ее понимании лежит ключ к победе. Если он вообще существует.

(1) — Это не речь магистра Йоды, а немецкий синтаксис.

— У него внутри что-то невероятно плотное, — объяснял я Александрии, пока две группы Шевалье и Бастиона совместно пытались удержать Левиафана на одном месте. — Возможно скелет, но у меня есть нехорошее подозрение, что это скорее «истинное тело», которое покрыто регенерирующей внешней оболочкой. Но даже внешнюю часть мы повреждаем с трудом, а внутренняя намного плотнее. Настолько, что там теряет смысл само слово «вещество». Это... сингулярность, или что-то близкое.

Я соединил контакты и на пробу включил дезинтеграционное поле меча. Ничего особенного, лишь небольшая регулировка, оно стало намного короче, но при этом гораздо шире.

— Мы не можем повредить внутреннее тело физическими средствами, а на повреждения внешнего ему плевать. Сейчас я попробую обтесать с Левиафана его шкуру, а потом остальные применят на нем силы, воздействующие на мерности пространства. Что касается «козырных карт»... мне просто не хватило времени. Неформалы и Скитальцы очень не вовремя отправили меня в кому. Если я не потерял больше двух недель...

— Быстрее, мы теряем бойцов ежесекундно.

— Сейчас время подавления гидрокинеза относится к времени перезарядки как 1 к 1,7 но радиус всего полсотни метров, — я защелкнул рукоятку. — Готово. Отала, давай!

Повторять дважды не пришлось. Александрия сорвалась с места с хлопком, обозначающим прорыв звукового барьера. Стоящая рядом Отала коснулась моего плеча, и через мгновение я последовал за героиней, хотя и не так быстро.

Силы, которыми могла наделить Отала, особым изыском не отличались. Физическая неуязвимость, полет, пиро- и криокинез, регенерация, увеличенная сила и сверхскорость. Довольно прямолинейный набор, не оставляющий простора для фантазии, будучи примененным к обычному человеку. В поле она редко использовала что-то кроме неуязвимости, примененной на Викторе, а без маски давала пациентам в частной клинике «Медхолл» немного улучшенной регенерации. Но вот если применять их на кейпах... Крюковолк с суперскоростью был кошмарным сном Оружейника, к счастью, так и не сбывшимся. Руна с пирокинезом превращалась в летающую артиллерию не хуже Леди Фотон. Летающие близняшки Фенья и Менья... ну вы поняли.

В своем доспехе я сам был почти неуязвим, сам мог летать, и огневой мощи мне хватало. Но чтобы рубиться с Левиафаном в ближнем бою, человеческих рефлексов, даже усиленных боевым стимулятором, не хватало. Так что попросил я у Оталы именно суперскорость.

По ощущениям, для меня не изменилось ничего, это мир вокруг словно стал двигаться будто в масле. А Левиафан... он все еще был быстр, но теперь я мог разглядеть его движения, успеть за ними. Своей целью я выбрал левую ногу Левиафана, как наиболее поврежденную предыдущими атаками. Со стороны раны выглядели просто ужасно, словно с половины голени Губителя сдирали плоть электрическим рубанком. Выглядели ужасно, но Левиафану это ничуть не мешало.

Описать этот бой практически невозможно, в моей памяти он слился в сплошное мельтешение черного, белого и красного перед глазами. Он длился всего девятнадцать секунд, но мне казалось, будто прошла вечность.

Рывок вперед, движение меча испаряет шмат «внешнего» тела, уклоняться нет времени — встречаю взмах хвоста выстрелами их обоих бластеров, траектория сбита — могу перелететь...

Левиафан хватает меня лапой и пытается с размаху размазать об землю, отбрасываю меч в сторону, у самой земли задействую телепорт и оказываюсь на выгодной позиции, которой не могу воспользоваться, снова удар хвоста, плашмя падаю на землю, закрываюсь мечом — Левиафан снова получает ранение...

Все просто, как на тренировке. Мир постепенно становится прост и ясен. Земля просто есть, воздух просто есть, небо просто есть. Левиафан просто есть. Из моих атак до цели доходит едва ли каждая пятая, но его левая нога уже в четыре раза тоньше неповрежденной правой. Меч начинает бессильно скользить по сверхплотной субстанции. Но на таймере Подавителя еще три секунды.

Когда я уйду телепортом от очередного взмаха когтей, то вспоминаю свое раздражение в свой первый день в Стражах. Пиггот назначила мне тренера по фехтованию — тогда я думал, что просто, чтобы досадить мне, как потенциальному агенту Кайзера. Сейчас же именно эти навыки позволяют мне держаться. Тренер не учил стойкам и «правильным» приемам, не проводил спаррингов. Единственное, что он вбивал — это умение бить быстро и очень точно. Я делаю выпад в голень Губителя, но у меня перед глазами падающая вдоль стены перчатка, которую нужно пришить колющим ударом.

Время.

За секунду до того, как «крылья» за моей спиной погаснут, я буквально выстреливаю собой на полной мощи двигателей. От перегрузок на краткий миг перехватывает дыхание и это плохо — удары Левиафана не прошли бесследно, компенсатор инерции поврежден. Вопрос времени, когда он сломает что-то жизненно важное.

Освежеванная нога Левиафана манила своей обманчивой уязвимостью. Ведь достаточно просто поднять руку и отдать мысленную команду... но страх останавливает меня. Петля мала, всего полметра в диаметре... и на нее уже нет энергии. Чтобы применить ее, мне нужно было отказаться от Подавителя, но тогда я просто не смог бы пробиться через водяной шлейф.

И главное, как Левиафан отреагирует на неодолимую силу? Если бы только я сделал ее побольше... была бы если не гарантия, то право на минимальную ошибку.

Шквал различных сил обрушивается на Левиафана со всех сторон, все они целятся в поврежденную ногу. Я добавляю от себя залпы бластеров. Они не пробивают «внутреннее» тело, но успешно сдирают регенерирующую «внешнюю» плоть. Он пытается заслониться, увести покалеченную конечность из-под удара, но его удерживают на месте многочисленные силовые поля. Кажется, что вот-вот будут вознаграждены все усилия и жертвы, что чудовище окажется стреножено...

Волна.

Огромная приливная волна.

Единственная причина, по которой в разворачивающейся битве не участвует Эйдолон, заключается в том, что больше никому не под силу остановить их. Ни Бастион, ни Нарвал не способны противостоять миллионам тонн воды, налетающим со скоростью в сотни километров в час. Сильнейший парачеловек на планете использует свои силы, чтобы рассеивать цунами, пока остальные пытаются справиться с Губителем. Но, похоже, даже он не всесилен.

Волна была куда выше и сильнее той, что Левиафан отправил перед тем, как выйти на сушу. Она играючи сносила здания, выворачивала с корнем деревья и уносила людей, будто спички. И, что самое худшее, Левиафан снова оказался в своей стихии.

Я практически видел, как вода то тут, то там окрашивается в красный цвет. В водной среде Левиафан перемещался настолько быстро, что это казалось телепортацией. Только что он был ранен, загнан в угол, а теперь убивал кейпов одного за другим, будто давил муравьев.

Я наблюдал за этим с чувством ожесточенного бессилия. Мои конденсаторы были пусты, АВП — поврежден, системы доспеха начинали выходить из строя...

Но, черт возьми, я все еще мог сражаться!

Убрав меч, я сложил крылья и камнем рухнул вниз, прямо в воду. Через секунду я снова был в воздухе, но уже держа за шкуру обмякшего, но пока еще живого Рыцаря. Коготь Левиафана вспорол ему живот, прорезав броню словно бумагу, и если бы не принятый стимулятор, он уже был бы мертв. Но стимулятор все еще циркулировал в его крови, и попросту не позволял ему умереть.

Кто бы мог подумать, что эксперименты со стволовыми клетками Эгиды окажутся настолько удачными? Хотя даруемая стимулятором живучесть и рядом не валялась с изначальной силой, но и этого хватало, чтобы вытаскивать людей с того света.

Я уложил его на крышу того же здания, где оставалась Отала и двое кейпов-барьерщиков из группы Бастиона, и нырнул обратно. На этот раз я выудил двух незнакомых иногородних кейпов, которых уложил рядом с Рыцарем, и активировал коммуникационный браслет.

— С-16, крыша кирпичного здания, трое в критическом состоянии, требуется эвакуация.

— Принято, — бесстрастно отозвалась машина.

— Отала, регенерацию! Вы двое, прикрывайте!

С небес рухнула черная точка — Александрия попыталась связать Левиафана ближним боем, чтобы помешать ему перебить всех, кто остался в воде. Силы ее ударов хватало, чтобы вырывать целые шматы «внешнего» тела, и похоже, ей удалось заставить Губителя замереть. Или... я пригляделся повнимательнее и заметил, что Левиафан удерживает ее под водой, крепко сжав в лапах. Он ее утопить что ли пытается?

Рейлган снова упал мне в руку. Мгновение на прицеливание — и выстрел. Левиафана отшвырнуло прочь, своим телом он прорыл целую траншею в застройке. Выделившееся при попадании огромное количество энергии за миллисекунду вскипятило десятки кубометров воды до состояния пара. Может, оно и к лучшему, что живых там уже не было.

— Магистерий, — рявкнула освободившаяся Александрия. — Задержи его!

О, конечно, мэ. Это ведь так просто — удержать на месте Левиафана. Я проверил уровень заряда конденсаторов, который успел немного восстановиться.

— Семь секунд! — Если она что-то придумала... лучше бы ей это сделать быстро.

Левиафана я нагнал только через десять кварталов. Там вокруг него назойливыми мухами вились какие-то незнакомые кейпы, типичные «александрийцы». Двое с тяжелыми глефами и один со здоровенным цепным топором. Едва ли они бы прожили против него и минуту... но это и не главное. Главное, что они позволили мне настигнуть цель.

— С дороги!

Все трое разлетелись в стороны. Левиафан махнул хвостом, посылая вдогон свой шлейф, но снова заработал АВП и водяное лезвие безобидно расплескалось. Губитель оглянулся на меня, и в этом движении было что-то отчетливо человеческое. Словно он пытался сказать

мне: «Господи, это опять ты?»

Дарованная Оталой суперскорость пока еще работала. Мне удалось проскользнуть под его лапой и чиркнуть мечом по голове. Удар задел все три глаза на одной половине, но похоже, они были тем же, чем и все остальное «внешнее» тело — декорацией.

Второй росчерк Рубинового меча глубоко пробороzdил правую переднюю лапу Левиафана. Третьего не последовало, он чуть-чуть вильнул в сторону и схватил меня когтями. Я тут же отбросил меч в сторону, чтобы вырваться из хватки телепортом... и стоило мне это сделать, удар хвоста впечатал меня в асфальт.

Чертова водяная ящерица запомнила мои действия.

Удар был страшен, Губитель явно не пожалел на него сил. Из легких выбило воздух, в глазах потемнело, а на ретинальном дисплее замигали тревожные индикаторы. Ресурс брони таял на глазах, и та часть «Сирина», что находилась в реальном пространстве, держалась на честном слове.

Ужасающая мощь. Я знал возможности доспеха, и был уверен, что даже Александрии пришлось бы попотеть, чтобы отломать хотя бы один двигатель или «крыло» АВП. С другой стороны, Левиафану хватало силы удерживать ее под водой.

Темнота в глазах не собиралась рассеиваться, и только через пару секунд я сообразил, что это не темнота. Это была глубокая траншея, которую оставил в дорожном покрытии хвост Губителя, и которая тут же заполнилась мутной водой. А я лежал на ее дне, вбитый в землю, будто какая-нибудь муляшка.

Я осторожно попытался подняться. Затем, когда убедился, что кости и доспех относительно целы, запустил двигатели. Очень вовремя, чтобы увидеть душераздирающее зрелище:

Во-первых, на Левиафана на своей полной скорости неслась Александрия.

Во-вторых, она тащила с собой Стояка.

В-третьих, немного недолетая до цели, она швырнула его вперед — прямо в Левиафана.

«Котлета», — тупо подумал я, пока белая фигурка сближалась с черно-зеленой. Со Стояком мы не особо общались, но видеть, как Губитель размазывает его в фарш, было бы неприятно. Да и София с Вистой расстроятся... еще больше.

Левиафан махнул лапой наотмашь, словно отгонял муху.

И замер.

Стояк плюхнулся в воду и, судя по громким ругательствам, был жив и достаточно здоров.

«Как?!» — подумал было я, но ответ пришел сам собой.

Отала. Она перестала поддерживать мою суперскорость, и вложила всю силу в неуязвимость для Стояка. Чтобы Александрия использовала его как метательный снаряд, погружающий цель в стазис.

Это было чудо. У нас появилось несколько минут... передышки!

Что мы можем сделать за это время? Собрать и эвакуировать раненных, перегруппироваться, разработать новый план...

Я посмотрел на свою правую руку. И включил браслет.

— Магистерий — Кид Вину. Немедленно тащи свою задницу в квадрат Е-8. И Универсальную Энергетическую Пушку свою тоже тащи.

Выбрав здание попрочнее с виду, я приземлился на крыше и попытался собрать мысли воедино. Сейчас все или ничего. Либо за несколько минут я доведу Яркую Девочку до

нужной мощности... либо будет плохо. Благо сила отзывалась необычайно легко и буквально фонтанировала техническими решениями, о которых я и подумать не мог несколько часов назад. Почему-то лучше всего она работала именно в такие отчаянные моменты, когда счет идет на минуты, и только единственное правильное решение может спасти. Когда я будто снова оказывался запертым в своей комнате, на грани потери сознания от кетоцидоза, пытаюсь из ничего добыть хоть каплю инсулина...

Несколько мысленных команд, дополнительная авторизация.

Весь доспех на правой руке начал раскрываться и увеличиваться, перетекая из кармана в реальное пространство. Через несколько секунд на крыше стояла «Яркая девочка» во всей своей красе. В этой неуклюжей, громоздкой установке, размером с крупный фургон, едва ли угадывалось оружие, и даже о ее назначении мог бы сказать далеко не всякий Технар. Непосвященному она бы показалась причудливым нагромождением деталей, катушек и замкнутых спиралей, лишенным всякого подобия логики.

Для меня... для меня она была прекрасна.

Я разомкнул контакты, соединяющие «Яркую Девочку» с остальным доспехом и высвободил правую руку. У меня при себе был лишь минимум простых инструментов, но если Кид Вин согласится с моей идеей, то и этого хватит. Если нет... будет, опять же, плохо.

Он приземлился рядом примерно через полминуты, когда я демонтировал часть деталей, чтобы можно было добраться до силовых кабелей. Краем сознания я прошелся по его снаряжению, подмечая произошедшие изменения. Броня стала значительно массивнее, две турбины крепились на плечах, отчасти копируя облик робокостюмов Дракон. Вокруг него парило четыре дрона, каждый из которых представлял собой лучевое орудие на антигравитационной платформе. По сути, уменьшенные копии Универсальной Энергетической Пушки, которая габаритами не сильно уступала «Яркой Девочке», и которая парила рядом с ним.

— Что ты придумал? — спросил он бесцветным голосом.

— Помнишь, как я на каникулах ездил изучать жертв Серого Мальчика?

Кид Вин молча кивнул. Я похлопал «Яркую Девочку» по корпусу.

— Эта малышка — плод исследований. Я не придумал, как разорвать временные петли, но понял, как их воспроизвести.

— Боже...

— Но у меня фундаментальная проблема с энергоснабжением. Даже выдоив свою систему досуха, я могу создать петлю диаметром не более двух футов. Мне нужен пространственный усилитель, который ты использовал в своей пушке, чтобы нарастить мощность на порядок. Тогда диаметр петли расширится достаточно, чтобы поймать Левиафана.

— Ты сможешь запереть его целиком? — динамики шлема, до боли похожего на мой собственный, не позволяли судить об интонациях Кид Вина, но кажется, у него пересохло в горле.

— Что ты. Но я смогу сковать его конечности. Или голову. Эти петли — неодолимая сила, за четверть века никто не смог с ними сладить. Даже если он останется жив после такого, то уже никуда не денется. Больше ничего не разрушит и никого не убьет.

Кид Вин решил не сразу. Я не мог его за это винить. На его месте я бы и сам десять раз подумал, стоит ли доверяться кому-то с таким количеством скелетов в шкафу, как у меня. Но он потянулся к Пушке и снял защитный кожух, а через некоторое время извлек из

недр орудия увесистый модуль, похожий на что-то среднее между автоматической коробкой передач и механическим сердцем.

— Вот. Куда это?

— Тащи сюда, — я выдохнул с облегчением. — Сейчас только контакты зачищу.

Дело, со скрипом, но сдвинулось с мертвой точки. Одной из особенностей способности Кид Вина к созданию многофункциональных устройств было то, что отдельные элементы и целые модули, созданные им, очень легко встраивались в чужие проекты. Может, не так изящно как “родные”, но к взрыву не приводили, и позволяли обойти ограничения специализации.

Увы, конструкционная сложность «Яркой Девочки» была запредельна, и впихнуть в ее схему левый усилитель было все равно, что пытаться молотком починить турбийон в швейцарских часах. По мере того, как утекали купленные Стояком, Оталой и Александрией минуты, становилось понятно, что у меня будет одна попытка, в лучшем случае — две. Потом...

— ...а потом твоя рука просто изжарится, — вынес свой вердикт Кид Вин.

Я посмотрел на груды спаянных по живому механизмов. Впихивать теплоотводящий контур было некогда и некуда.

— Похуй, — решил я.

Протез руки как-нибудь осилю. Или Эми подгонит подарочек на шестнадцатилетие, и вырастит новую. Это если все получится. А если не получится... судя по стоянию брони и компенсатора инерции, я переживу еще один полный контакт с Левиафаном. Потом он меня просто убьет.

Словно отозвавшись на мои мысли, внизу раздался грохот и шум воды. Действие силы Стояка прекратилось, и второй раз Губитель на тот же трюк не купится.

— Делаем. Просто делаем, — сказал я, снова включая паяльник. — Остальное потом.

Кид Вин молча принялся за работу. Мы провели достаточно совместных проектов и делились друг с другом идеями и изобретениями, чтобы понимать без слов, где и что нужно спаять или подкрутить. Синергия двух сил, почти противоположных по своему принципу, сотрудничество двух людей, непохожих друг на друга буквально во всем.

— Оружейник сдерживает Левиафана! — произнес браслет голосом Шевалье. — Всем кто имеет силы полета или телепортации, сосредоточиться на эвакуации раненых. Остальным отходить в квадрат J-7.

Долго ли он продержится? Я не сомневался ни в боевых навыках Оружейника, ни в его решимости. Но его оборудование уступало моему. Он не имел непробиваемой защиты, не мог хотя бы на короткое время лишить Левиафана контроля над водой. Даже его Алебарда, хотя и намного превосходила мой меч, но в ее основе лежала та же технология. Технология, уже показавшая бессилие.

Я бы даже мог сказать, что он шел на битву с намерением победить... но теперь, после раскрытия информации о «внутреннем» теле Левиафана, его сольный выход выглядел жестом отчаяния, самопожертвованием.

И я не мог прийти на помощь человеку, которому, без шуток, был обязан многим. Я многому научился у Оружейника, каким бы бессмысленным ни казалось менторство для Технарей. Действовать с предельной эффективностью, выжимать из себя весь результат до капли, идти к цели с упорством и непреклонностью — все эти качества, позволившие мне создать «Сирина» и раскрыть секрет временных петель, я взрастил в себе на его примере. Что

бы он ни думал обо мне, какому бы проклятию ни предал, я буду уважать его всегда.

— Соппротивление слишком высокое, — пробормотал Кид Вин. — Я прикинул, получится двенадцатикратный прирост мощности на несколько секунд. Потом все выйдет из строя.

Да хоть бы и на секунду. Но двенадцатикратный — это все равно мало.

— Срежь вон тот сине-белый кабель и бросай его прямо на каркас. Используем индукционные токи для создания резонанса. Нужно вытянуть множитель хотя бы $\times 16$, чтобы появились шансы.

— Ебанет.

— Не должно...

Не знаю, были ли в истории случаи, когда Технарь завершал настолько сложную работу настолько быстро. Никто не вел учета, в Книгу Рекордов кейпов тоже не заносили — не спортивно. Но последние капли припоя застыли, винты встали на место. «Яркая Девочка» свернулась в свою рабочую форму — в правую руку доспеха.

Герметизация.

Диагностика.

Готовность.

— Оружейник выбыл, — бесстрастно объявил комунникационный браслет на запястье Кид Вина.

Я сжал кулак, тут же окутавшийся монохромной дымкой.

— Вот и конец тебе, ящерица, — выцедил я сквозь зубы с неожиданной даже для самого себя злобой.

Не тратя больше ни секунды на разговоры, я стартовал с места и взял курс на последнее местоположение Оружейника. Дистанция была невелика, меньше полукилометра, я преодолел ее за считанные секунды, но пришлось потратить еще время, чтобы разыскать его среди развалин.

Глава Протектората Восток-Северо-Восток лежал наполовину в воде, захлебнуться ему не давал герметичный шлем. Или целиком — тут как посмотреть, потому что от ног героя от середины бедра и ниже остались одни раздавленные лохмотья. Его правая рука была идеально ровно срезана у локтя, броня — разбита и помята. Вокруг него громоздились обломки зданий и застывшие будто в стоп-кадре высокие волны — Оружейник тоже не чурался темпоральных технологий.

А рядом с ним пристроилась знакомая фигура в темно-сером костюме и маске, стилизованной под жучиные мандибулы, сжимая в руках чудом уцелевшую Алебарду.

Вспышка гнева на мгновение заслонила собой весь мир.

Эта сумасшедшая жестокая сука... ей было мало участвовать в похищении маленькой девочки. Мало было избить Эми до полусмерти, когда она даже не носила маску. Мало ей было устроить вакханалию террора и насилия, когда люди больше всего нуждались в покое.

Гребаная шлюха ОБОКРАЛА ПАВШЕГО ГЕРОЯ! Во время Перемирия Губителей!

Я не стал тратить время на бесполезные попытки выяснить, какого беса ей надо. Пусть разговорами занимаются те, кто это умеет, Штурм например. Меня не интересуют мотивы злодеев, более того, я отказываюсь признавать за ними вообще любые права, кроме права умереть от моей руки.

Я рухнул с неба прямо перед чокнутой Скиттер и влепил ей лучший хук с левой, какой только смог. Под бронированным кулаком что-то приятно хрустнуло, и злодейка кубарем

покатилась по земле.

— Я с тобой потом разберусь, сраная воришка! — рыкнул я больше чтобы выпустить гнев, потому что вряд ли она меня слышала. — Клетка тебе покажется раем!

Возможно, ее стоило убить на месте, просто ради общего спокойствия. Возможно, это следовало сделать еще полгода назад, в психиатрической клинике. Так или иначе, я не мог терять еще больше времени на одну психопатку. Подхватив Оружейника, я потащил его на ближайшую крышу, где вызвал помощь. Алебарду я тоже взял с собой. Может, ее лезвие и было бесполезно, но я понимал, как активировать пару полезных функций.

— Экстренный вызов, — произнес я в браслет. — Где Левиафан?

— Контакт потерян, он ушел через ливневую канализацию.

Замечательно. Как всегда вовремя. Я активировал оповещение о потерях, чтобы при следующем ранении или гибели кейпа узнать дислокацию, но как назло Левиафан решил поиграть в пацифиста... или убивал в это время гражданских.

Стоп. Гражданские. Убежища.

— Запрашиваю местонахождение Левиафана с первого контакта до последнего в хронологическом порядке.

Через несколько секунд браслет начал монотонно называть коды квадратов, а я отмечал их на спутниковой карте. Опуская небольшие колебания, Левиафан все это время упорно двигался на юго-восток.

— Экстренный вызов, предположительная цель Левиафана находится на линии, проходящей от закрытой паромной переправы до штаб-квартиры СКП, в восточной половине города, — сообщил я и запустил двигатели. — Вероятное отклонение плюс-минус двести метров.

Не дожидаясь подтверждения, я двинулся в указанном направлении резкими зигзагами, и через пару минут застал Губителя за довольно странным занятием — он бурил землю. Не рыл лапами, как можно было ожидать от существа с четырьмя конечностями, а с огромной скоростью закручивал воду под собой гидрокинезом, и брызги воды летели в стороны вперемешку с камнями и грязью.

Выстрел из рейлгана заставил его прервать свое занятие и отшвырнул вдоль улицы. Я спрятал оружие обратно в пространственный карман и приземлился. Воды было мне до половины колена, стоило бы поволноваться на счет тактического преимущества у Левиафана. Но не сейчас. Сейчас все закончится.

Связанные с нервной системой электроды послали импульс прямо в мозг, начисто отключая чувство боли. Просто потому, что даже самое совершенное обезболивающее не позволит выдержать то, что мне предстояло. Меч я воткнул в землю как страховочный крюк с тросом и перекинул Алебарду в левую руку.

На мгновение время замерло, будто сжалось в пружину, а потом понеслось в удвоенном темпе.

Импульс двигателей доспеха бросил меня навстречу Левиафану, но на половине пути я отключил тягу и выстрелил анкерным захватом в сторону и выдернул себя из-под встречного взмаха хвоста, сопровождающегося водяным шлейфом. Уцелевшие “крылья” мне пришлось сложить, чтобы не расходовать драгоценную энергию, рассеять его я уже не мог.

От столкновения со стеной затрещали ноги. Двигатели снова заработали, компенсаторы доспеха взвыли, поглощая перегрузку в десятки g. Перенаправленный импульс швырнул меня в противоположную сторону и немного вверх, так что я оказался прямо над Левиафаном.

Сейчас!

Правую руку словно сдавило в тисках, но я знал, что реальность намного хуже. Прямо сейчас на ней обугливалась кожа и мышцы, а кровь закипала прямо в сосудах. Наградой мне была полутораметровая серая сфера, захватившая правую лапу Левиафана у самого плеча.

У меня не было времени обрадоваться. Не было времени даже просто осознать произошедшее. Я выстрелил захватом и снова резко изменил вектор движения. Глаза искали новую точку фокуса, в которой можно было создать вторую петлю.

Движение хвоста Левиафана я скорее почувствовал благодаря своему восприятию вещества, чем увидел глазами. В кульбите я развел руки в стороны. Алебарда в левой вспыхнула энергией, и волна замерзла в стазисе. «Яркая Девочка» на правой выплюнула пучок искр и облачко дыма, заперев в серой области непропорционально узкий таз Губителя — основание хвоста, бедра и низ живота.

Телепорт.

Я приземлился рядом со своим мечом, подняв в развороте тучу брызг и удержав равновесие только благодаря Алебарде. Немного отдышавшись, я посмотрел на Левиафана. Запечатанного, скованного — навсегда! Его ноги и хвост обвисли, серая область отрезала их от направляющей воли. Та же участь постигла правую руку. Вода вокруг него, до этого закручивавшаяся в смертоносные водовороты, была спокойной и ровной. Сам Губитель вел себя подозрительно тихо и смиренно. Он еще частично мог двигаться, но не проявлял паники или ярости. Казалось, что он с интересом рассматривает серые области, будто никогда ничего подобного не видел.

Не нуждайся я в опоре, и не будь правая рука сожжена до угольков, я бы сорвал с головы шлем. Просто чтобы посмотреть ему в глаза, в его фальшивые, не нужные на самом деле глаза, которыми он даже не смотрел.

— Что, ящерица, соснула?! — проорал я. — Все, финита ля комедия! Это тебе за Осло! И за Ньюфаундленд! А на Кюсю япошки одни, так что хуй с ними! Поняла, тварина?! Давай, бля! Ударь меня своей волной! Что, не можешь?! Ха! Так то!

Одним глазом я все еще следил за индикатором заряда. Я был готов к какой-то последней подлянке, прощальному подарочку Левиафана. Пусть даже правая рука полностью перестала ощущаться, я все еще мог прицелиться, направляя команды напрямую от мозга к приводам доспеха. И когда вода вокруг пришла в движение, я был готов.

Серая сфера возникла вокруг груди Губителя.

Только это ни хрена не помогло.

Потому что его там уже не было.

За те доли секунды, что я поднимал руку, а мысленная команда шла через нейронный интерфейс, Левиафан освободился из плена. От него осталась только две трети торса, левая рука и голова — но эта тварь все еще была жива. Он окружил себя стремительным водоворотом, и смотрел на меня единственным глазом сверху вниз, словно судья со своего кресла.

Он не торопился. Не знаю как, но он точно знал, что у меня не осталось энергии на еще один выстрел, и потому давал мне возможность сполна прочувствовать отчаяние, пришедшее рука об руку с пониманием.

Левиафан все это время сдерживался. Об этом было догадаться несложно, и странно, что никому раньше не пришла в голову такая мысль. Никто не мог по-настоящему ему навредить, и потому он поддерживал маскарад, картинно страдая от ран и отступая, когда

причинено достаточно вреда. Но «Яркая Девочка»... она нарушала правила. Кто бы их ни установил.

Я чувствовал себя маленьким ребенком, который из озорства кинул камнем в спину здоровенному амбалу, и теперь смотрел, как тот медленно оборачивается.

А потом Левиафан ударил *по-настоящему*.

— Магистерий погиб, СВ-10, - безразлично возвестили браслеты.

На востоке постепенно занимался рассвет, и картину первые лучи солнца освещали безрадостную. До определенного момента эту битву даже можно было назвать удачной. Раннее оповещение позволило провести эвакуацию и собрать значительные силы, несколько удачных тактических комбинаций нанесли Губителю значительный ущерб, вынудили его спастись бегством, да и общие потери оставались заметно ниже среднего. Все поменялось, когда Магистерий выложил свою козырную карту.

Неизвестно, почему он приберег ее напоследок, а не применил сразу. Некоторые обозленные кейпы, особенно кто потерял товарищей, говорили, что он просто дожидался, пока полягут остальные бойцы. Потому что хотел захватить себе всю славу.

Сама Кристал не знала, что думать. Какая-то ее часть хотела верить, что примененному супероружию требовались особые условия, время на зарядку или что-то подобное. Но в тоже время что-то недоверчивое и злое нашептывало, что от этого человека можно ожидать чего угодно.

Можно *было* ожидать.

Никогда прежде Левиафан не демонстрировал подобных способностей. Водяной шлейф был известной угрозой, которой опытные кейпы могли простивостоять. Гидрокинез в макромасштабе тоже не был новостью. Но не такое. Ответная атака Левиафана была ужасна, и первой ее жертвой стал сам Конрад. Первой, но отнюдь не последней.

За считанные секунды Левиафан создал просто чудовищный объем воды, который оценивали в миллионы кубометров. И не только создал, но и направил их единым разрушительным потоком. На несколько кварталов от эпицентра вся застройка просто исчезла, но это были цветочки. Водяная пушка Левиафана, словно гигантский проходческий щит, прочертила через весь город широкую полосу, в которой не осталось ничего, даже обломков. Земля, камни, асфальт, бетон, металл, люди — все было перемолото и растерто в тонкую пыль, ныне покоящуюся на дне искусственного озера.

Счет жертв шел на тысячи — в основном те, кто оказался в убежищах на пути неистового водяного потока. Даунтаун перестал существовать, как и большая часть южного респектабельного района.

Словно этого Губителю было мало, с океана поднялась колоссальная приливная волна, высотой под сотню метров. Умники говорили, что достигни она берега, то смыла бы половину Новой Англии.

Не достигла. В последний момент, когда всеобщая гибель казалась неминуемой, появился Зион и единственной вспышкой света рассеял цунами, будто его и не было. Израненный Левиафан даже не попытался биться с ним.

Губитель сбежал, золотой герой улетел спасать людей в других местах, а выжившие кейпы, кто еще мог ходить или летать, собирались на берегу нового озера, чтобы своими глазами увидеть невиданное зрелище — захваченные серыми областями куски Левиафана.

Кристал тоже была там. За одну кошмарную ночь она потеряла отца и тетю. Потеряла бы и брата, если бы не чудодейственный стимулятор, благодаря которому он дожид до прикосновения Эми. Возможность посмотреть вблизи на неподвижные лапы и хвост чудовища, коснуться их рукой... это давало ей возможность поверить, что все было не напрасно.

Рядом с ней парили Александрия и Эйдолон — первая сама по себе, второго поддерживало тусклое свечение под ногами. Оба героя изучали области серого пространства и хранили мрачное молчание.

— И правда, сила Серого Мальчика, — произнесла Александрия со странной смесью горечи и гордости. — Кто бы мог подумать, что она окажется настолько действенной.

— Левиафан все еще жив. Тяжело ранен, но жив, — ответил Эйдолон. Кристал показалось, что в голосе сильнейшего героя промелькнула ревность. — Да еще и проявил новые силы.

— Ты не понимаешь? Взгляни на пустую петлю. Там должна была находиться грудь, но эта тварь предпочла разорвать себя пополам, лишь бы не попасть под атаку.

— Может и так. В таком случае я попытаюсь в следующий раз получить именно эту силу.

— Мы не можем надеяться только на волю случая. Я проработаю вариант... с неприкосновенными резервами.

“Что за неприкосновенные резервы?” — удивленно подумала Кристал.

— Не думаю, что это одобряют. Слишком опасно. Технар, который создал петли... он точно погиб?

— Коммуникационный браслет уничтожен, а найти тело нереально. Думаю, будь он жив, то уже объявился бы. Дракон пообещала, что попытается разыскать части снаряжения и разобраться с оставшейся мастерской, но это потребует времени.

— Серьезная потеря.

— И не говори. Мне даже показалось на секунду, что Герой снова с нами.

Эйдолон покачал головой и раскинул руки в стороны. Свечение поднялось от его ног, покрыло его целиком, а потом он пропал. Какая-то форма телепортации. Александрия поднялась повыше и тоже исчезла с громким хлопком, мгновенно разогнавшись до стократной скорости звука.

Кристал перевела взгляд на другого кейпа, который благодаря своей силе стоял на воде в отдалении и тоже рассматривал куски Губителя. Черная с серебром форма промокла, перемазалась в грязи, по одной из скрещенных на груди рук тянулась глубокая рана. Сегодня Гезельшафт наглядно продемонстрировал свою мощь на американской территории, не только внеся заметный вклад в битву, но и потеряв всего двоих убитыми.

Их командир сказал что-то про “особые обстоятельства”, из-за которых они согласились прибыть в США. Конрад действительно собирался передать им технологию временных петель? Или же так отчаянно пытался привлечь дополнительную помощь, что был готов обещать что угодно? Этому Кристал знать не хотела.

Она набрала высоту и направилась в один из развернутых госпиталей, где продолжала трудиться Эми и где оставались Эрик и Вики. Первому еще предстояла долгая реабилитация после серьезного сотрясения мозга. Вторая не сильно пострадала в бою, больше промокла, но металась между Рыцарем и Бризантом, которые все еще были плохи, несмотря на стимулятор Магистерия. Если бы они уговорили Брандиш принять его... может, и ее бы

смогли спасти?

Добравшись до госпиталя, Кристал задержалась над двором клиники и искала взглядом маму. Сара Пелхам, бледная, постаревшая за одну ночь на годы, с каменным лицом выслушивала объяснения врача. Здесь же спасательные службы, полицейские и бойцы СКП выполняли безрадостную работу — сортировали тела погибших кейпов, чтобы их скорее могли опознать и забрать для похорон.

Кристал почувствовала, как внутри снова начинает нарастать ощущение пустоты, как непрошенные слезы рвутся из горла. Папа первым преградил путь Левиафану, когда тот освободился от наложенного Стояком стазиса. Он продержался пять секунд, а потом чудовище растерзало его. Он носил маску больше двадцати лет, он был кумиром ее детства, настоящим бесстрашным героем не по должности, а по духу.

Теперь его нет...

— Лазершоу! — окликнула ее мама.

Кристал оглянулась и приземлилась перед ней, молясь о том, чтобы не разрыдаться прямо посреди толпы.

— Да, мам?

— Прилетела проведать Эрика? — спросила она быстро, и тут же продолжила тараторить, не дожидаясь ответа, и ее глаза беспорядочно бегали. — Я успела слетать домой... но дома больше нет. Все из-за этого Магистерия. Кристал... скажи Эрику... я думаю, это конец Новой Волны. Боже, Майк(1) был прав, всегда был прав... этот город проклят.

Она закрыла лицо ладонями. Кристал неловко обняла маму, немного стыдясь собственного желания расплакаться. Он лишилась отца и тети... но Леди Фотон потеряла мужа и родную сестру.

Сбоку раздалось тихое гудение и стук чего-то тяжелого об асфальт.

— Мэм, вы загораживаете проход, — проскрежетал жутковатый механический голос.

Кристал обернулась и охнула.

Сверкающий серебристо-белый доспех, на котором сильнейшие удары Левиафана не оставляли ни царапины, выглядел разбитым и потрескавшимся, он был весь покрыт грязью и чужой кровью. Вдобавок, правая рука закоптилась и местами даже оплавилась, а изломанные механические крылья обвисли. И все же... все же Магистерий был жив, вопреки всему.

Леди Фотон тоже посмотрела на него, и в ее глазах плескалась ярость и бездонная боль.

— Мне еще долго ждать?

Героиня освободила проход, не сводя с Магистерия ненавидящего взгляда. Он не обратил на нее ни малейшего внимания и переступил порог госпиталя.

— Конрад! — вырвалось у Кристал. Она даже не сразу сообразила, что назвала Технаря настоящим именем. Пусть даже это и не играло особой роли после раскрытия его личности.

Он замер и полуобернулся.

— Тебя Александрия искала, почему ты сразу не явился?

— Выкапывался из могилы, — огрызнулся бывший герой и продолжил путь.

Его странная манера двигаться заставила Кристал насторожиться. Будто внутри доспеха был кто-то, лишь недавно научившийся ходить. Виновато взглянув на маму, она отправилась следом, и догнала Магистерия, когда он о чем-то разговаривал с Эми. Он снял с головы шлем, и приложил ее руку к своей щеке. Кристал обратила внимание, что его волосы и лицо

тоже покрывали кровавые разводы, но ран не было. Исцеление?

Секунду или две они оба стояли неподвижно. Потом Технарь выпустил руку целительницы и попятился назад, пока не врезался спиной на стену. Его глаза были расфокусированы, на лице застыло потерянное выражение. Он чем-то болен? Болен настолько, что ни собственная сила, ни даже Эми не могут ему помочь?

— Прости, — глухо произнесла Эми и отвернулась. Вид у нее, после адской бессонной ночи, был вконец замордованный, ее шарф давно сполз с лица, мантия стала красной от чужой крови, но она словно ничего не замечала.

— Нет, — Конрад снова надел шлем. — Лучше так, чем мучиться неопределенностью.

— Тогда я вернусь к работе. Тут еще много...

Она сверилась с планшетом, который держала в руках и подошла к очередной койке. Лежащую на ней девушку Кристал узнала — это была Скиттер из Неформалов, она же Тейлор Эберт. Она со своей бандой, которая сейчас стояла рядом с ее койкой, недавно напали на нее и папу, когда они были в патруле. Кристал хотелось бы сказать, что это был достойный бой, но врать не умела. В напущенной тьме она ослепла и оглохла, ее искусили пчелы и осы, а потом кто-то так огрел ее дубинкой по затылку, что очнулась она только дома, под руками Эми. А потом видео того, как папе пририсовывают усы на маску, оказалось в интернете.

И, похоже, Эми тоже не была в восторге от такого пациента.

— О, какая встреча, — холодно произнесла она и без стеснения запустила пальцы злодейке под маску. — Сотрясение мозга, перелом правой плечевой кости, множественные переломы лицевых костей, не хватает нескольких зубов. Я же просила не отвлекать меня всякой херней! Свали отсюда нахер и не занимай место!

Она засунула руки в карманы мантии и повернулась, чтобы уйти, но Мрак заступил ей дорогу.

— Ты не можешь просто так отказать Скиттер в помощи. Она сражалась так же, как и все остальные.

— А по-моему, вся ваша кодла просто рядом в кадре постоять приперлась. Моя сила для героев и злодеев, сражавшихся против Губителя, а не для помойных крыс.

— Мисс Извращенка решила подать голос? — громко спросила Сплетница. — Я предлагаю тебе сделку. Ты сейчас исцеляешь Скиттер, без каких-либо сюрпризов, а я...

— Магистерий! — Эми махнула рукой. — Будь любезен, вышвырни их отсюда. Убивать не обязательно.

— Ты в своем уме?! Тогда перемирию ко...

Договорить Мрак не успел. Технарь одним стремительным движением оказался рядом и схватил его и Сплетницу за шеи. Регент и Сука, до этого остававшиеся в стороне, подались вперед, вдобавок Сука выглядела так, будто была готова в любой момент полезть в драку, даже без своих собак.

Подались — и тут же замерли. Что-то неуловимо-жуткое в поведении Магистерия словно заставило их натолкнуться на невидимую стену. А может просто поняли своей злодейской чуйкой, что для того, чтобы свернуть им шеи, ему не нужно даже повода.

— Пошли вон, — приказал Технарь, и для верности сжал пальцы посильнее, от чего Мрак и Сплетница сдавленно захрипели.

Злодеи отступили на шаг, а потом нехотя пошли к выходу. Следом Магистерий потащил их подельников. Оба вырывались и хрипели, но с тем же успехом могли пытаться сдвинуть

гору. Мрак попробовал создать тьму, и был тут же успокоен электрическим разрядом.

— Что разлеглась? — спросила Эми у Скиттер. — Тоже проваливай.

Та с заметным усилием слезла с койки и поковыляла к выходу. За все время она не произнесла ни слова, не издала ни звука. Возможно от того, что с раскрошенной челюстью просто не могла говорить. Небольшой, но плотный рой насекомых кружился вокруг нее, создавая что-то вроде защитного барьера. Кристал подошла к целительнице.

— Панацея? С тобой все нормально? — Кристал прикусила язык, когда осознала, насколько идиотским был вопрос. — Ты какая-то... сама не своя.

— Все нормально, — безжизненно ответила та. — Если эти подонки еще раз посмеют наехать на меня или мою семью, я назначу награду за их головы.

— Немедленно разыщи себе свободную койку и спи, — строго сказала Кристал. — Попроси врачей дать тебе снотворное, если не можешь уснуть. Если ты этого не сделаешь, я скажу Вики, до какого состояния ты себя довела, и она уложит тебя отдыхать силой.

— Ааа... ну вот опять, — протянула целительница неопределенно. — Чуть что, так «все скажу Вики».

— Потому что больше ты никого не слушаешь. Иди, я навещу Барьера и Бризанта, и проверю.

Однако прежде чем идти к брату, Кристал все же решила убедиться, что ситуация с Неформалами не кончится смертоубийством. Она вышла наружу, где Магистерия обступили Мисс Ополчение, Легенда и Шевалье. Все трое имели изрядно потрепанный вид после недавней битвы, но их успели немного подлатать, и сейчас они снова были готовы к бою. Мисс Ополчение держала в руках какое-то ружье антинаучно-фантастического калибра, Шевалье опирался на свой пушкочеч, Легенда парил в полуметре над землей, светясь от готовой обрушиться на цель энергии. Мрак и Сплетница валялись на земле, Регент, Сука и Скиттер стояли рядом.

— Магистерий, какого черта?

— Они мешали работать Панацее. Их попросили удалиться. Я помог. А еще они нарушили перемирие.

— В чем заключалось нарушение? — сурово спросил Легенда.

— Скиттер пыталась похитить Алебарду Оружейника, когда тот был без сознания. У меня есть видеозапись.

Рой насекомых вокруг Скиттер загудел вдвойне яростнее.

— Она пыталась спасти ценное оборудование! — прохрипела снизу Сплетница. — А этот псих просто сломал ей челюсть и выбил несколько зубов!

— Продемонстрируй видео, — велел Легенда.

Магистерий достал откуда-то из брони смартфон, и развернул последнее уцелевшее крыло, которое тут же слабо засияло внутренним светом. Секунду ничего не происходило, а потом на экране возникло изображение со звуком.

— Это едва ли тянет на нарушение, — заметил Шевалье. — А ты даже не попытался пойти на контакт.

— У меня были другие дела.

— При всей моей нелюбви к Неформалам, здесь их обвинить не в чем, — отрезала Мисс Ополчение.

— Куда ты сейчас направляешься? — спросил Легенда.

— Домой. Если он у меня еще есть.

— Дай знать, если решишь покинуть город. Протекторат надеется на дальнейшее сотрудничество.

Магистерий улетел, не удостоив его ответом. Мисс Ополчение проследила за ним с раздражением.

— И вы просто отпускаете чокнутого маньяка, который воссоздал силу Серого Мальчика? — спросила Сплетница. Как только непосредственная опасность исчезла, она немедленно вскочила на ноги и принялась отряхивать костюм. Судя по ее виду, задыхалась и дергалась она в хватке Технаря больше для вида. — Как это типично, когда начальство всеми правдами и неправдами выгораживает любимчиков.

— У нас сейчас и так проблем хватает.

— То есть гуляющий на свободе неуязвимый монстр, способный обречь кого угодно на вечные страдания — это не проблема?

— Пока он просто сидит дома — нет. Совершенно не проблема.

(1) Майк, он же Звезда (Lightstar) — брат Кэрол и Сары, бывший член Новой Волны.

Интерлюдия 5.f Джеймс

Совещания и встречи с гражданскими властями являлись неизбежной частью обязанностей директора отделения, и этот аспект своей работы Джеймс определенно недолюбливал. В бытность свою заместителем директора, и ранее, как командир отряда, он по возможности избегал светского пустословия и вообще общения со штатскими, но с новым назначением пришлось покориться судьбе.

Совещание в кабинете мэра Кристнера шло при свечах — в буквальном смысле. Левиафан нанес огромный урон линиям электропередач, в том числе подземным, а все доступные генераторы требовались спасателям и медикам. Хотя восстановительные работы велись круглосуточно, конца им пока не виделось, и по самым оптимистичным оценкам к концу недели город мог получить десять процентов от прежних мощностей.

— Предварительные данные по жертвам: двадцать девять тысяч семьсот гражданских лиц, сорок семь офицеров полиции, двое героев из Протектората и двое Стражей, — бесцветным голосом объявил мэр. Среди погибших героев был его сын.

Двадцать девять тысяч погибших — это много или мало? На слух обывателя звучит ужасно. Если сравнить с атаками Левиафана на Кюсю или Ньюфаундлен — практически запах роз. Не говоря уже об атаке Симург на Лозанну, стершей богатейшую страну мира с карт. Вопрос в другом — сколько погибнет в следующий месяц от антисанитарии, недоедания и мародеров.

Что действительно неприятно — это потери среди подчиненных кейпов. Лишиться в одночасье четверти наличных сил крайне болезненно для любого командира, особенно когда речь идет о парашютах, способных прикрывать рабочих и конвои со снабжением.

— Силы Национальной гвардии постепенно продвигаются вглубь города, занимая квартал за кварталом, — взял слово генерал, командующий выделенным военным контингентом. — Пока мы не встречаем заметного сопротивления со стороны суперзлодеев или банд, но это вопрос времени, когда оно начнется.

— Ваша первоочередная задача — занять север даунтауна, чтобы обеспечить эвакуацию мирных жителей из районов, оказавшихся между Рвом и побережьем.

— Я понимаю, но в течение суток мы вступим в область с высокой парачеловеческой активностью, а значит потребуются дополнительные силы.

«Парачеловеческая активность». Эвфемизм, за которым скрывается постоянная угроза смерти. Смерти страшной и неотвратимой, от которой не спасут винтовки, да и пушки не всегда помогут.

Джеймсу было сильно за пятьдесят, рассвет эры парашютей он застал уже взрослым, и помнил, каким был мир без сукиных детей в масках. Более безопасным. Понятным. Устойчивым. Где-то за океаном комми оцетинились ядерными ракетами, но у Штатов был арсенал не меньше, и мир держался.

Прошло тридцать лет. О Холодной войне вспоминают с ностальгией, коммунистов считают почти нормальными ребятами, с которыми почти всегда можно договориться, а хороших американских парней приходится отправлять в мясорубку на собственной территории, чтобы появился шанс спасти еще несколько тысяч людей, оставшихся без крова после нападения гигантского чудовища.

Мир ебанулся. Люди ебанулись. Все ебанулись.

Директор отделения Восток-Северо-Восток бросил взгляд в окно. Вид кусков Губителя, закованных в серые сферы, хоть немного, но поднимал настроение. Если люди смогли надрать зад гигантской ящерице, то уж с мародерами как-нибудь справятся.

Совещание длилось еще почти час, пока решались вопросы развертывания палаточных лагерей, сопровождения конвоев с гуманитарными грузами, разбора завалов, снабжения и охраны всего перечисленного. Солнце к тому времени скрылось за горизонтом, и дневное пекло поутихло, но душная жара все равно продолжала донимать.

Джеймс стер со лба пот и в сопровождении двух оперативников вышел наружу, где его уже ждал бронированный фургон. Хотя этот район практически не пострадал от Губителя, уровень воды на улице доходил почти до колена, и убывала она до раздражения медленно. Конечно, дело было в ливневой канализации, точнее в ее повреждении. Но инженеры Национальной гвардии не справятся с расчисткой и ремонтом, а нормальным специалистам нужны гарантии безопасности.

Безопасности, которую в полуразрушенном городе обеспечить почти нереально. Солдаты имели право стрелять в мародеров без предупреждения и на поражение, но на каждом перекрестке стрелковое отделение не поставишь. Для героев Тагг с огромным трудом выгрыз, ввиду чрезвычайного положения, разрешение применять силы вплоть до летального уровня на собственное усмотрение, но пользоваться этим правом они не спешили. Сильнейшая маска в городе, на деле подтвердившая свое звание «ультимативного оружия»...

При мысли о Кёлере полковник скривился. После боя с Левиафаном тот пропал на два дня. По идее, это должно было привести к активации приказа на убийство, но под давлением выражения лица шеф-директора Джеймс был вынужден приказ аннулировать.

На третий он появился перед штаб-квартирой, нагруженный сумкой с вещами, и объявил что помещает себя под арест на неопределенный срок. После чего занял свою прежнюю камеру и наотрез отказался оттуда выходить. Судя по видеонаблюдению, он большую часть времени либо лежал на койке, либо сидел на ней же, укутавшись в покрывало с пустым выражением лица. Попытки его привлечь к спасательным работам и охране конвоев результата не принесли — в сотрудников СКП он кинул подушкой, а специально снятый с патруля Рыцарь посоветовал оставить Кёлера в покое.

С его слов, он никогда в жизни не видел такой жуткой депрессии.

В существование депрессии Джеймс не верил, но перечить прямому приказу шеф-директора Косты-Браун не решился. Свободу передвижения Кёлеру не ограничивали, к работе не привлекали, хотя помощь сильного Технаря была нужна как воздух, да два раза в день посылали с помощью мини-лифта еду. Которая зачастую оставалась почти нетронутой.

Это не могло не раздражать, но приходилось мириться. Хотя, если подумать, у ядерного оружия тоже есть особые условия хранения, которые надо соблюдать. Иначе рвануть не рванет, но в нужный момент не сработает как надо. Втиснувшись в узкое кресло мобильного штаба, он принялся разбирать доклады подчиненных сил. В северной и восточной частях города грызли друг друга «Выверт» и недобитая Империя-88. Последняя понесла потери от Губителя, но Кайзер выжил, и не допустил разброда. По сообщениям героев, он активно вербовал людей, которые сами валили к нему потоком, организовывал их и похоже твердо решил держаться за город до конца. Это бы можно было даже потерпеть, если бы на подконтрольной Империи территории не вырезали всех небелых, а боевики Кайзера не устраивали набеги на склады с продовольствием.

«Вывертом» сейчас для простоты называли объединение сил Неформалов, оставшихся Скитальцев и различных групп вооруженных наемников. Присутствие последних Джеймсу не нравилось, и не только потому, что с точки зрения нормального солдата они представлялись людьми второго сорта. Наемники — это дорого. Квалифицированные наемники, которые умеют что-то сложнее охраны периметра, это очень дорого. Ни у Неформалов, ни у Скитальцев не было таких денег. Точнее, они не могли их заработать той злодейской деятельностью, что попадала в фокус СКП. Значит, было что-то, что ускользнуло из-под внимания. Какой-то достаточно крупный бизнес, обеспечивающий высокую чистую прибыль.

За годы службы в СКП Джеймс заработал репутацию настолько упрямого убудка, что за глаза его звали Бульдогом. Вцепившись во что-то, он уже не отставал и не ослаблял давления. Пока по всему городу разбирали завалы да доставали из воды трупы, он запряг аналитиков отслеживать движения по банковским счетам и копать на все частные компании, продолжающие работу на руинах. Особенно пристальное внимание уделялось строительным фирмам, занимающимся расчисткой в неблагонадежных районах.

Для этого нужно было иметь безумную смелость или гарантии неприкосновенности.

Трещина и ее команда наемников как сквозь землю провалилась. Джеймс надеялся, что их убила последняя, самая разрушительная атака Левиафана, уничтожившая несколько убежищ вместе со всеми людьми. Впрочем, если они просто покинули город, это уже было неплохо. Не мешались под ногами, по крайней мере.

Тора с несколькими подручными обосновалась на северных окраинах, провозгласила лозунг «Сделаем АПП великими снова!» и собирала вокруг себя всех азиатов, до которых могла дотянуться. Могла она в одиночку и без ресурсов немного, так что пока получила сравнительно низкий приоритет. У нее не хватало сил, чтобы грабить конвои, так что ее банда кормилась тем, что могла награть в брошенных домах и магазинах.

Мелкие злодеи одиночки не показывались на виду, видимо, выживали в гражданском облике. Хотя гвардейцы имели ориентировки, но они были даже не третьестепенной проблемой.

Зато чего нельзя было упускать из виду — так это свежие триггеры. После атак Губителей они начинали плодиться точно мухи, и вменяемостью не отличались. Герои докладывали о замеченных пяти новичках, но протоколы первичного взаимодействия писались кровью, и пока за ними просто наблюдали, выжидая случая установить мирный контакт. Протерев глаза, Джеймс попытался вспомнить, когда последний раз спал. Это было... это было... Кажется, пятьдесят часов назад. Возраст уже определенно не тот, чтобы так измываться над организмом. Но сначала надо согласовать с Мисс Ополчение взаимодействие героев и Национальной Гвардии.

Он бы дорого дал за то, чтобы притащить в Броктон Бей Пепельную и ее команду. Но увы, глава Протектората Атланты принципиально не покидала родной город. Приходилось работать с тем, что есть, и ждать подкреплений.

Коста-Браун обещала прислать ударную команду — не типичных публичных героев, а настоящих крутых ребят, которые от спецназа отличались только наличием парасил. С ними будет полегче.

Интерлюдия 5.g Эми

Волны тихо плескались о край Рва. Ленивый ветер с океана едва-едва обдувал лицо, и вместо желанной прохлады нес только тошнотворно-сладкую трупную вонь. Недавно здесь сошлись в жестокой битве монстры, и оставили после себя чудовищный шрам, рассекший город практически пополам. Тишина, контрастирующая с запомнившимся грохотом боя, оглушала, создавала чувство нереальности. А может это чувство породила попытка уместить в голове факт, что дом, в котором Эми прожила почти десять лет, больше не существует.

Финальный удар Левиафана прочертил через город прямой ров шириной пять сотен метров и длиной шесть километров. Шквальный поток, состоящий из миллионов тонн воды, не просто снес все на своем пути. Проведенный Дракон анализ показал, что тысячи слоев воды закручивались в противоположные стороны с бешеной скоростью, действуя как буровая головка. Левиафан бил наверняка.

От удара больше всего пострадали те районы, где жили наиболее обеспеченные граждане Броктон Бей. На месте множества небоскребов и высотных жилых домов премиум-класса плескались волны. Район особняков, где еще недавно жила Новая Волна, постигла та же участь. Даже хуже, ведь даунтаун занимал большую площадь, и его всего лишь рассекло пополам, а респектабельный район тянулся вдоль изгибающегося побережья, и его водяной бур уничтожил практически полностью.

Двадцать четыре тысячи человек погибли мгновенно.

Их останки превратились в полторы тысячи тонн мелкой органической взвеси, которая под жаркими лучами майского солнца быстро разлагалась и наполняла воздух над Рвом и вокруг него омерзительным амбре. Трупный запах смешивался с вонью гниющего мусора, проникал буквально повсюду, от него не было спасения. Он оставлял железистый привкус на языке, от которого невыносимо хотелось пить, но в достатке вокруг была только соленая морская вода.

Эми изучила свои чувства, и поняла, что ей плевать на жертв. Они были чем-то чужим, обезличенным, жаждущим ее исцеляющего прикосновения и испаряющимся, стоило лишь добиться желаемого. Но ей не было плевать на то, что Реми, когда пришел Левиафан, остался дома.

Когда Эми впервые взяла его к себе, то понятия не имела, насколько привяжется к этому пушистому серому зверьку. И в полной мере осознала только познав утрату. В каком-то смысле спасенная от лучевой болезни шиншилла стала ей ближе чем Вики — хотя бы потому, что Вики не спала на ее подушке и не сидела на коленях.

Эми боялась признаться даже самой себе, что повлияла на Реми своей силой. Немного, на самой грани, но даже так результат был заметен. Шиншилла сообразительностью и интеллектом превосходила любую собаку, и каким-то образом очень точно распознавала человеческие эмоции. Когда Эми было грустно или она уставала, Реми тихо пристраивался рядом и согревал своим теплом. Легкую хандру он снимал безобидными проказами, вроде украденной ручки. На приподнятое настроение отзывался почти акробатическими прыжками. А еще при любом удобном случае кусал Кэрол за пальцы, что заставляло Эми украдкой хихикать.

Кэрол мертва. Реми мертв. Дядя Нил мертв. Конрад... лучше бы умер. То, что восстало

вместо него, едва ли могло называться человеком. Скорее, изделие мертвого Технаря, продолжающее работу после смерти творца.

Неподалеку шумела техника и раздавались отрывистые крики. Бойцы Национальной гвардии с помощью инженерных машин доставали трупы из-под завалов. Даже без учета гниющей в воде массы, по городу валялись тысячи тел. Кто-то не смог или не захотел покинуть дома, понадеявшись непонятно на что. Кто-то просто не успел добраться до убежищ до того, как автоматика их заблокировала. И все они гнили.

Если приглядеться, на противоположном берегу Рва можно было разглядеть человеческие фигурки. Занимались они примерно тем же самым: разбирали разрушенные здания, расчищали дорогу и доставали тела, но это были уже не солдаты, а примкнувшие к Кайзеру жители города, которым не хватило защиты героев и военных.

Что те, что другие казались Эми червями, копошащимися в разлагающемся трупе.

Ирония была в том, что не будь злодеев, Национальная гвардия за полчаса навела бы десяток понтонных переправ через Ров и быстро эвакуировала всех, кто жил рядом с берегом. Но многие маски в Империи-88 могли потопить понтоны вместе с транспортом за считанные секунды, и риск сочли неоправданным.

Приближение Вики Эми заметила задолго до того, как она приземлилась рядом. Прикосновение ее ауры согревало, пробуждало желания в которых раньше Эми боялась признаться самой себе. Раньше. Теперь она получила урок, что если ты испорчена в самой своей сути, то нет смысла казаться лучше, это все равно никто не оценит. Как не ценила Кэрл.

— Боже, Эмс, вот ты где! Я тебя обыскала! — Вики зависла в полуметре над землей и брезгливо поморщила носик. Ей на этой помойке было не место, во отличие от кое-кого. — Почему ты не отвечала на звонки?!

Удивленная Эми проверила телефон.

— Аккумулятор сдох, — сообщила она.

— Не пугай меня так больше, ладно? — Вики коснулась ногами земли. — Я уж подумала, с тобой... что-то случилось.

— Брось, я не беззащитна. Далеко не беззащитна.

— И все же, уходить в одиночку — это плохая идея.

— Хотелось немного уединения, — Эми встала с обломка стены, на котором сидела. — Что решили?

— Мы уезжаем. Папу тут больше ничего не держит. Тетя Сара связалась с дядей Майком, он согласился помочь с жильем на какое-то время. Родители Дина погибли, он несколько месяцев должен находиться под опекой до совершеннолетия, а живут они на другом конце страны. Кристал вроде хотела остаться, перейти в Протекторат...

Вики неопределенно мотнула головой.

— А ты?

— Я стану Стражем, — со сталью в голосе ответила она. — Шансов, что город восстановят, мало. Я слышала, что обсуждают полную эвакуацию и объявление зоны отчуждения. Но пока я могу сделать хоть что-то — я буду это делать.

Эми слабо улыбнулась. Ее сестра, как всегда, была воплощенной безупречностью — прекрасной, отважной, самоотверженной. Недостижимый идеал героя. Но Эми знала, что легко могла сделать ее лучше.

Десять ртов скажут ей вдесятеро больше слов любви после того, как она заставит Вики

влюбить в себя.

Больше рук подарят больше ласк. Или не только руки, ведь конечности можно добавить любые.

Можно сделать ее больше, мягче, чтобы буквально тонуть в ее объятиях. Потребуется биомасса, но ведь это совсем не проблема. Кругом много бродячих животных... или же можно воспользоваться бесполезными людьми, которые раньше имели наглость жить счастливо, когда сама Эми страдала.

Теперь с помощью Сплетницы и Конрада она посмотрела в глаза себе настоящей. Той отвратительной злодейке, которой она была всегда, с самого рождения, отродью запертого в Клетке Маркиза. Посмотрела — и не отвела взгляд.

— Я тоже решила задержаться, — сказала Эми вслух. — Думаю, для меня тоже найдется работа.

— Папа не обрадуется, — вздохнула Вики. — Ну что, полетели?

— Погоди, у меня есть идея.

Эми спустилась к самой воде и погрузила в нее ладонь. Ее сила отозвалась ярко и стремительно, как этого уже давно не случалось с ее пациентами. Она ощутила миллионы разнообразных микроорганизмов, от амёб и плесени до вирусов. Ее сила захватила их всех разом, расщепила, собрала, перестроила. Изменила.

— Эмс? Что ты сейчас сделала? — обеспокоенно спросила Вики, когда увидела как внезапно возникшая область чистой и прозрачной воды начала медленно расширяться.

— От этого Рва воняет просто ужасно. Я создала несколько штаммов бактерий, чтобы они расщепляли и связывали продукты гниения. Вода скоро очистится, а бактерии погибнут, они могут делиться только ограниченное число раз. Думаю, если возникнет угроза эпидемии, я нейтрализую ее точно также.

— Боже, это круто. Почему раньше ты так не делала?

— Как-то в голову не приходило, — соврала Эми.

— Ладно, пошли, папа и тетя Сара уже наверное волнуются.

Вики подхватила ее на руки и помчалась к палаточному лагерю. В объятиях сестры Эми позволила себе расслабиться. Ей было плевать, что будет с городом и со всеми, кто в нем обитает. Будет даже лучше, если Броктон Бей уберут с карт — ведь тогда они с Вики останутся здесь вдвоем, и никто им не помешает.

Интерлюдия 5.h Деннис

Мертвых героев любят больше, чем живых. Мертвецы не путаются под ногами, их мнения не спрашивают, их можно выставить в любом свете, создать им любой образ, и никто не возразит. О мертвых можно забыть, и они о себе не напомнят.

Эту истину Деннис прочувствовал до костей, когда спустя полторы недели после нападения Левиафана на восточной окраине города установили монумент погибшим кейпам. Странно, что об этом вообще вспомнили за тем валом проблем, что обрушился на Броктон Бей вслед за Губителем.

Памятник представлял собой стеллу из нержавеющей стали, на которой были выбиты имена погибших. У кого-то только кейповские, у других — вместе с гражданскими. Памятник выглядел дешевым, установленным второпях и без старания, лишь бы был. Учитывая перспективы города превратиться в зону отчуждения, это могло показаться даже оправданным.

Деннис сжал в карманах куртки кулаки и подошел ближе. Он бы хотел принести цветы, но в радиусе тридцати километров не осталось ни одной работающей цветочной лавки. Рядом с памятником народу было немного. Горожане спешно эвакуировались, а у тех, кто не мог или не хотел уезжать, были более важные дела, чем чтить мертвецов, которые не справились с защитой города.

Считалось, что битва закончилась победой. Невозвратные потери среди кейпов были очень малы, чуть больше пятнадцати процентов. Губитель хоть и не погиб, но получил такие повреждения, каких не получал еще никогда. Предполагалось, что следующее его появление отсрочится на много месяцев, если не на годы. Деннис победы не чувствовал. Победа должна давать надежду, а впереди был только туман и мрачная неопределенность.

Он пробежался взглядом по списку имен, выискивая среди них те, на которые ему было не наплевать.

“Скорость/Робин Свойер”.

Как и большая часть профильных Движков, занимался эвакуацией раненых. Угодил под одну из приливных волн, и Левиафан разорвал его, когда герой оказался в воде. Деннис мало с ним общался, Изломы вообще редко бывают общительны, но он был своим.

“Триумф/Рори Кристнер”.

Оказался на пути Губителя, когда с того спал эффект заморозки. За его гибель Деннис чувствовал персональную вину. Если бы он лучше умел управлять своей силой, если бы сумел справиться со случайным временем ее действия или хотя бы точно знать, сколько она продержится...”если бы”. Старшего товарища это не вернет.

“Страшила/Йохан Норберг”.

Вот кому не повезло больше всех. Он обрел способности всего за два месяца до смерти. А ведь его родителей долго уговаривали позволить ему вступить в Стражи. Упирали на максимально возможную безопасность. Деннис остановился взглядом на последнем имени.

“Призрачная Сталкер/София Хесс”.

С отвращением Деннис отметил, что здесь успели поработать вандалы. Несколько глубоких царапин пересекали имя Софии, будто зачеркивали его. Скорее всего, поработал кто-то из ее старых врагов. Она никогда не рассказывала о своей жизни в маске до присоединения к Стражам, а Деннис не спрашивал, даже когда она внезапно предложила

ему встречаться.

Он заметил, что перемена в характере Софии была слишком уж резкой, почти мгновенной. Буквально в одночасье она превратилось из склочной грубиянки в боевитую, но вполне приятную девушку. Может, чувствовала приближающуюся угрозу? Пыталась что-то наверстать? Точных причин Деннис не знал, да и знать не хотел, просто наслаждаясь свалившимся на голову счастьем.

Которое, увы, длилось очень недолго.

И все же что-то с Софией было неладно, это бросалось в глаза. Иногда Деннис замечал, что она погружалась в какую-то мрачную задумчивость, или замирала, словно что-то силилась вспомнить. Она получала звонки и СМС-ки, которые сбрасывала и торопливо стирала из памяти телефона, в такие мгновения в ее глазах, где-то глубоко-глубоко, проскальзывала тень ужаса. Она жаловалась, что в какой-то момент ее сила ослабла, стала хуже отзываться. Не это ли сыграло роковую роль?

Деннис коснулся пальцами стеллы, где было выбито имя подруги. Наравне с горем его переполняла злость. Каким животным нужно быть, чтобы вот так осквернить единственную память о девушке, отдавшей жизнь ради защиты родного дома?!

— Ты закончил? — спросили сзади.

Звук голоса выбил из Стража холодный пот. Он бы дорого дал за то, чтобы никогда его не слышать, но монстры не спрашивают твоего мнения. Они просто приходят. Деннис медленно обернулся, стараясь внешне не выдать испуг, хотя смысла в этом особо не было. "Химическое" зрение Магистерия не намного уступало эмпатической силе Рыцаря.

Конрад был в гражданской одежде, на первый взгляд неотличимый от любого другого парня своих лет. В руке он держал розу, и Деннис даже удивился, где тот ее достал. Приглядевшись, он обнаружил ответ на вопрос: роза была не живой, а очень точной металлической копией. Лепестки были из полированной меди, стебель покрывала зеленоватая медная окись.

Деннис отошел в сторону, уступая место, и Конрад приблизился к стелле. Из кармана он извлек ручку и приложил розу стеблем к металлу. Короткая вспышка лазера — и металлический цветок оказался приварен рядом с еще одним именем.

"Руна/Кассандра Херрен".

Своих убеждений и приоритетов Конрад не скрывал. Страж невольно скривился, но настоящей причиной его злости было другое.

— Решил прогуляться? — с обвинением бросил он. — Скучно стало сидеть на жопе?

Конрад повернулся к нему. Не слишком быстро, и не слишком медленно, не настолько, чтобы движение выглядело угрожающе. И ничего не ответил. Просто принялся снова без интереса рассматривать выбитые на стелле имена.

Именно это полное безразличие и бесило Денниса. Он ожидал чего угодно. Что Конраду оформят амнистию за все преступления и примут в Триумvirат. Что он переметнется с концами к Гезельшафту или выступит на стороне Кайзера, чтобы строить филиал Рейха на американской земле. Или что он объявит руины Броктон Бей своими владениями и изгонит отсюда всех — и нормы, и кейпов, а по периметру установят карантин, как в Эллісбурге.

Сильнейший парачеловек в Заливе просто улегся на кровать, не интересуясь ничем и никем. Он даже не пытался починить свою броню, что для Технаря было абсурдом.

Мнения в СКП и Протекторате разделялись. Кто-то утверждал, что сильного кейпа

нужно любой ценой затащить обратно на сторону героев. Другие возражали, что груз преступлений слишком велик, а контролировать Магистерия просто невозможно, и что Клетка — единственный разумный выход. Третьи, и таких было большинство, предлагали не будить лихо, пока тихо, и сосредоточиться на насущных проблемах.

У Стражей тема падшего товарища была запретной, но Деннис с трудом мог представить, что завтра, или через неделю или когда угодно Магистерий войдет в штаб-квартиру, и с ним будут общаться как раньше.

— Слушай... я, честно, не понимаю, почему ты до сих пор не у Кайзера. Но раз уже ты не примкнул к злодеям, то почему не поможешь?! — почти выкрикнул он, боясь, что еще немного и не хватит смелости. — Ты мог бы навести порядок за считанные дни! Может даже за часы, не знаю.

— Кому я должен помогать? — без обиды спросил Конрад. — И ради чего.

— Ну не знаю... людям, может? — неожиданно многословный ответ удивил Денниса, но и в тоже время вдохновил. Значит, можно получить хоть какую-то отдачу.

— Людям... Людям? Людям, — Конрад повторил слово несколько раз на разный лад, будто пробовал его на вкус. — Зачем?

— Как зачем? Это долг героев.

— Я герой, по-твоему?

Деннис не нашелся что ответить.

Конрад прошелся вдоль стеллы, вернулся обратно.

— После того, как я выбрался из-под тысяч тонн грязи и камней, то первым делом полетел к убежищу, где были мои родители, — сказал он, обернувшись к Деннису. — Гермодверь заклинило, пришлось вырезать бластером. Когда я ее открыл, люди внутри уже стояли по шею в воде и молились. Знаешь, что я увидел в их глазах и крови? Ужас. Они боялись меня больше, чем смерти от утопления.

— Видок у тебя и правда был... так себе.

— Два дня я провел с родителями в убежище, уже в другом. Наш дом был уничтожен, нам некуда было возвращаться. Снял доспехи, переделся в гражданское. Строил опреснители, электрогенераторы, дезинфекторы. Из хлама, который подворачивался под руку. Делал то, что привык и умел делать. Потом какой-то японец сказал мне в спину, что я нацистский уебок. Когда я собирал опреснитель. Я подошел к нему и предложил сказать мне это в лицо, а он обоссался. Тогда я сломал недоделанный опреснитель, попрощался с родителями и ушел.

Он провел пальцами по покрытому царапинами имени Софии. С таким видом, будто знал что-то важное.

— Повторю вопрос. Кому и ради чего я должен помогать?

— А ты сам разве не говорил, что есть вещи, которые просто нужно делать? — возразил Деннис. — Потому что если их не делать, завтра не настанет.

— Оно в любом случае не настанет. Губители уничтожат цивилизацию в нынешнем понимании максимум за десять-двенадцать лет. Еще за десять они истребят тех, кто не умрет от голода и эпидемий. Их невозможно убить или остановить. Они не уничтожили нас только потому, что играют с нами, скрывают свою истинную мощь.

Деннис немного опешил.

— Да что за херню ты несешь?! Ты разве сам не победил Левиафана?! — выкрикнул он.

— Это ты называешь победой? — Конрад махнул рукой в сторону Рва. — Даже если я

восстановлю "Сирин" и "Яркую девочку", даже если явлюсь на следующую битву... стоит мне появиться в радиусе сотни километров от Губителя, как он отбросит притворство и вжарит так, что Ньюфаундленд будут вспоминать с ностальгией.

— Но надо пытаться! — Деннис не понимал и половины того, что говорил Конрад. Ему просто не хотелось уступать в споре. Только не ему.

— Я уже попытался. Даже вышел далеко за пределы установленных правил. Но как оказалось, Губители знают правила лучше.

Он повернулся и пошел прочь. Ссугулившийся, сломленный. Руина, когда-то бывшая человеком. На него невозможно было злиться, его нельзя было ненавидеть. Сильнейший кейп Залива сейчас вызывал только жалость пополам с отвращением.

— Конрад, которого я знал, никогда бы не опустил руки, — бросил вслед Деннис. — И у него бывали трудности, но он всегда шел вперед.

Технарь остановился. Деннису показалось, что он зашелся кашлем, но нет. Это был смех. Страшный, беззвучный смех, с застывшим оскалом на лице.

— Но я уже не тот Конрад, которого ты знал, — ответил он и удалился.

В тот день Деннис не стал возвращаться в чудом уцелевший дом, а взял ночное дежурство.

Интерлюдия 5.i Эмма

Голод.

До недавних пор Эмма не знала подлинного значения этого слова. В прежней жизни, до Губителя, она имела возможность в любой момент что-нибудь съесть, даже если не пользовалась ею. Сначала из-за соблюдаемой диеты, позднее — из страха выйти за порог комнаты.

Теперь голод стал ее вечным спутником. Не проходило и минуты, чтобы она не вернулась мыслями к еде. Она, как могла, гнала от себя эти бесплодные мысли, потому что еды не было. Нигде.

Левиафан своим водяным ударом рассек город надвое, и дом Барнсов оказался отрезан от цивилизации. Не спасало даже то, что район не особенно пострадал от волн. Первые дни они с матерью проедали запасы. Потом ее мать выменивала вещи на консервы. Потом она ушла и больше не вернулась.

Эмма осталась одна.

Она сидела в темной комнате, завернувшись в одеяло, и чтобы хоть как-то отвлечься от голодных болей, погружалась в воспоминания. Увы, вспомнить что-нибудь приятное ей никак не удавалось. Воспоминания двухлетней и более давности, связанные с Тейлор *и ее матерью, которая пекла великолепное печенье*, он вытравила из памяти уже давно. Думать о Софии она тоже не могла, потому что любые воспоминания о ней моментально перетекали на ее внезапное предательство.

Казалось, что несколько дней назад они как следует проучили это ботанку Эберт *а после школы пошли в торговый центр, пообедали на фудкорте*, и все было прекрасно. Она просто взяла и исчезла из ее жизни. Перевелась в другую школу, не отвечала на письма и СМС, сбрасывала звонки. В тот единственный раз, когда София все же ответила ей, то просто сказала найти парня и перестать ее донимать. Как-то Эмма заметила ее на улице с каким-то рыжим парнем, вполне довольную жизнью.

Тогда она и поняла, что София просто сдалась. Все ее слова о том, что она хищник, оказались пустыми словами, она с радостью променяла свою свободу и силу на дурацкую романтику. Эмма решила, что уж она-то никогда не опустится до подобного. Она знала, что была сильной, она выжила. А эта сучка Эберет поплатится за все.

Так продолжалось до тех пор, пока суперзлодеи не начали войну на улицах. Они всей семьей отправились в выходной день в торговый центр. Именно в тот день, когда Бакуда взорвала там одну из своих бомб. Отца и старшую сестру Эммы, вместе с еще десятком людей, затянула в себя черная сфера, а потом исчезла без следа.

Эмма была в ужасе, она в деталях запомнила как под действием неведомых сил тела ее родных ломаются и сплющиваются.

брызги мяса

Но все еще утешала себя тем, что пережила и это. Новый удар настиг ее всего через несколько дней. По телевизору выступил отец Тейлор, и со слезами просил дочь бросить суперзлодейство и сдаться.

Тогда Эмма и сломалась. Она бросила школу, заперлась в комнате, заклеила все щели, какие смогла найти, и все равно вздрагивала в ужасе при любом звуке, напоминающем жужжание. Ночами она не спала, стискивала вспотевшими руками клюшку для гольфа и

баллончик спрея от насекомых. Она знала, что Тейлор... нет, <i>Скиттер</i> рано или поздно придет за ней.

Скиттер не пришла. Зато пришел Левиафан.

Голод терзал ее непрерывно, время от времени чуть-чуть притухая, но только для того, чтобы впиться с новой силой. Последние несколько дней Эмма поддерживала себя початой пачкой риса. Сырого, разумеется. Даже умей она готовить, кухонная плита без электричества работать не желала. У нее была большая бутылка с пресной водой, но и та вчера показала дно.

Эмма сама не поняла, в какой момент голод пересилил страх. Возможно потому, что способность здраво рассуждать покинула ее намного раньше. Стиснув в руке баллончик с аэрозолем, она с трудом отворила дверь и поплелась по коридору к лестнице. Ноги то и дело подкашивались, кружилась голова, Эмме приходилось держаться за стену, чтобы сохранять равновесие — настолько она была истощена.

На первом этаже дома было также темно и пусто, как и на втором. Эмма прислушалась, но насекомых пока слышно не было. Те остатки рассудка, что еще не покинули ее, подсказывали, что вряд ли Скиттер специально караулит ее у входа, но глубинный, животный страх заставлял ее двигаться медленно, с невероятным напряжением.

У двери Эмма застряла почти на минуту. Ей нужно было собраться с духом, чтобы переступить грань между безопасным домом и пугающим внешним миром. Очередной болезненный спазм в животе придал ей достаточный импульс, чтобы собраться с духом и толкнуть дверь.

если выйти наружу, там найдется какая-нибудь еда

Снаружи оказалось почти также темно, как внутри. Эмма не вела счет времени, но похоже сейчас был поздний вечер. Это было неприятно, но не так плохо, как множество вьющихся в воздухе насекомых. Эмма судорожно вскинула баллончик и выпустила по ним длинную струю спрея. Это не сильно помогло, некоторые мухи разлетелись в стороны, но их место быстро заняли другие. И на Эмму они не обращали никакого внимания.

Подгоняемая голодом, она сделала несколько шагов по дорожке. Потом осмелела, прибавила шагу, и чуть не упала от приступа головокружения. Ей пришлось схватиться за калитку, чтобы устоять на ногах.

Улица вокруг была вымершей, пустынной. В домах не горел свет, автомобили не ездил по полузатопленной дороге — видимо, все соседи уже давно убралась подальше. Где-то вдалеке сверкали вспышки и раздавался грохот. Там явно шла битва кейпов, и Эмма инстинктивно съежилась, пригнулась, будто ее могли сейчас заметить.

в домах могло что-то остаться

Напрягая остатки сил, она добралась до соседнего дома и подергала дверную ручку. Заперто, как и следовало ожидать. Может, выбить окно? Эмма огляделась вокруг но не нашла ничего, чем можно разбить стекло.

Ее охватило отчаяние. Она не чувствовала в себе сил, чтобы продолжать поиски, попробовать другой способ проникнуть в дом или попытаться удачу дальше по улице. В ее мозг, изувеченный многими неделями жизни взаперти в состоянии непрерывного страха, пробилось понимание, что она скоро умрет. Просто свалится без сил и больше не сможет сдвинуться с места. Поэтому когда вдалеке послышались голоса, Эмма несказанно обрадовалась. Она собрала остатки сил и поплелась на звук.

Свою ошибку она осознала, когда уже было слишком поздно. В темноте она далеко не

сразу разглядела лица людей — те же самые, что долго являлись ей в кошмарах. Раскосые, почти не выглядящие человеческими омерзительные образы азиатских дикарей выжгло в ее памяти намертво. Она смогла забыть, отвлекала себя ежедневной рутинной и самоубеждением, а теперь ее худший кошмар словно вернулся из прошлого во плоти.

Из пересохшего горла не вырвалось даже крика. Она повернулась, попыталась убежать, но ее тело, и в лучшие времена не отличавшееся силой, просто отказалось повиноваться. Под гоготание азиатов Эмма упала за землю. Попыталась подняться, но кто-то толкнул ее ногой и она упала снова.

Мерзкие звуки чуждого языка вкручивались в уши будто сверла. Крепкие руки подхватили ее, удерживая на весу. Даже в темноте Эмма видела, как на мордах, которые язык не поворачивался назвать лицами, расплывались похотливые ухмылки. Она ощущала, как ее ощупывают, трогают везде, но ничего не могла с этим поделать, ни вырваться, ни позвать на помощь. Осознание того, что сейчас с ней сделают, слабость и истощение, ужас — все смешалось в один вихрь безумия. И когда один из азиатов достал нож, это стало последней каплей.

Лезвие рассекло ее платье от воротника до подола.

...два исполнских существа продолжают спиральный танец меж звезд...

Вокруг столько еды.

Эта мысль оказалась настолько очевидной, что Эмма даже удивилась, как она не подумала об этом раньше. И руки, прижимающие ее к земле, и навалившееся сверху тело — все это было пищей. Ей даже не нужно было ее есть. Она могла поглотить ее также легко, как вдохнуть — всей поверхностью своего тела. И она сделала вдох.

Ночь наполнили истошные вопли.

Эмма приподнялась и огляделась. Двое азиатов катались по земле с кровоточащими культиями вместо рук. Еще от одного, который насильно ел ее первым по праву главаря, остались только голени и частично руки. Все остальное Эмма впитала в себя, и она могла поклясться, что никогда в жизни не чувствовала себя настолько сильной и здоровой. Она поднялась на ноги и поразила тому, насколько легко ей двигаться.

В вопящих у ее ног желторожих чертях она не видела людей. Только пищу.

Следуя внезапно проснувшемуся инстинкту, она шагнула к одному, схватила его за горло и подняла без малейшего усилия, будто он весил не больше чем коробок с хлопьями.

Вдох.

Тело азиата распалось в кровавый туман, который немедленно впитался в ее кожу, и Эмма ощутила новый приток сил. Она чувствовала себя так, будто может поднять одной рукой машину, пробежать марафон и не запыхаться. Чего она совершенно не чувствовала — так это голода. Плоть тех, кто на нее напал, насытила ее так, как не смогла бы насытить никакая обычная еда.

Не мешкая более ни секунды, Эмма поглотила второго раненного азиата. Ее лицо перекосило от оскала. Она выжила. Она действительно стала хищником.

И больше ей никогда не придется голодать.

6.1 Коррозия

30 мая 2011

Эвакуационные автобусы отправлялись с юго-восточной части города, как практически не пострадавшей от Левиафана. Толпившиеся там люди еще недавно были если не сливками общества, то твердым средним классом. Увы, немногочисленным в Броктон Бей. Теперь многие из них лишились жилья, лишились работы. Только какие-никакие сбережения на банковских счетах позволяли им сесть на автобусы и попытаться начать жизнь заново. Слишком многие не имели даже такой возможности.

— Конрад, ты уверен, что хочешь остаться? — я уловил в голосе отца надежду. Или что-то на нее похожее.

Зная Конрада, я мог представить его реакцию. Легкая грусть. Чувство теплоты. Нерастраченные чувства, которые подавлялись в течение многих лет, на миг прорвались бы через бесстрастную маску слабой улыбкой. Но только на миг.

— Остались кое-какие незавершенные дела. Нужно раздать долги, закрыть повисшие вопросы, — я позволил себе тень улыбки, неотличимую от настоящей.

— Ну какие такие вопросы? — устало спросила мать. Она заметно сдала, ведь ко всем общим бедам она находилась под следствием по делу «Медхолл». Она задержалась в Броктон Бей почти на три недели именно потому, что много времени ушло на получение разрешения на переезд с обязательным уведомлением ФБР. — Здесь же от города считай ничего не осталось. Одни руины да мародеры.

— И суперзлодеи.

— И суперзлодеи, — она помрачнела. — Ты снова собираешься ввязаться во что-то опасное?

— Я не боюсь местную шелупонь. Точнее, я не боюсь никого и ничего.

— Ты уже забыл, как загремел в реанимацию?

— С тех пор многое изменилось. Левиафан ничего не смог мне сделать, а он очень старался, поверь.

Она вздохнула и обняла меня. Следуя модели поведения Конрада, я ответил на объятия. Взглянув на ситуацию со стороны, я поражался тому, насколько легко он простил своих родителей за загубленное детство и доведение до триггера. Насколько же должен был жаждать любви человек, если эта жажда преодолела даже его собственную силу, дарующую самодостаточность?

— Я просто буду надеяться, что ты знаешь, что делаешь.

— Я знаю, что делаю. Это не займет много времени. День-два. Максимум три. Потом я вас догоню.

— СКП не будет против?

— Даже если и будут... кого это волнует? В этом и преимущество быть потенциальной угрозой S-класса. Многого сходит с рук.

Она покачала головой, но ничего не ответила. С Конрадом она уже давно даже не пыталась спорить, и это отношение перешло на меня. В моей памяти сохранилось высказывание, что взрослым ты становишься в тот момент, когда тебя начинают уважать собственные родители. Будучи неполных трех недель от роду, я находил это почти забавным.

Оба родителя скрылись в автобусе, и вскоре он тронулся, увозя их из этого проклятого

места. Сверившись с моделью Конрада, я почувствовал удовлетворение и облегчение. Вопреки всему, мое собственное мышление недалеко ушло от его.

Надвинув на голову капюшон куртки, я пошел обратно в офис СКП. Эта часть города была безопасна, даже одинокий безоружный человек мог пересечь ее и быть уверенным, что дойдет до места назначения в одном куске и без лишних дыр в теле.

Я шел не торопясь. Спешить мне было некуда. На улицах почти не было людей, патрули Национальной гвардии меня не останавливали. Полагаю, они получили соответствующие ориентировки. «Не оказывать сопротивления». «Не вступать в противостояние». «Немедленно отступить». Тьфу. Это именно та причина, по которой наш мир был на грани разрушения. Даже без учета Губителей.

Когда я начинал вникать в суть выстроенной системы противодействия параугрозам, меня не покидало ощущение, что СКП и Протекторат изначально созданы такими, чтобы быть предельно неэффективными. Или же критерием эффективности является не противодействие параугрозам, а их культивация.

Бред, конечно, но другого объяснения я подобрать не мог.

«Я».

Насколько же короткое, и емкое слово. Тот, кто вздумал объять все бытие человека единственным звуком, наверное, был самым дерзким человеком за всю историю нашего вида. И именно из-за своей глубины и многозначности «я» очень сложно дать определение.

Когда я вывалился из «телепортационной» камеры, когда мои ноги впервые принялись вес тела, а легкие втянули воздух, то не отделял себя от прежней инкарнации. Для меня все словно произошло в единый миг. Вот Левиафан обрушивает на меня свою истинную мощь, сверхзвуковой поток уносит меня прочь. А вот я падаю на пол, совершенно голый, невредимый, и с трудом пытающийся научиться дышать.

Я был уверен, что сработала аварийная эвакуационная система. И только через несколько секунд, оглядев ее, я осознал ошибку. Эта штука не имела ничего общего с телепортацией. Она просто воссоздавала квантовую копию отсканированного объекта.

Я отверг эту мысль с ужасом. Бросившись в карманное измерение, я активировал встроенный в «Сирин» аварийный телепорт. Без всяких подводных камней, это устройство просто переместило внешнюю обложку доспехов в мастерскую. Броня была серьезно повреждена, Адаптивный Волновой Подаватель почти выведен из строя, но герметичность сохранялась. Но мое сквозное зрение показало, что внутри находится значительная масса чего-то органического. Не тело, это я понял по распределению кальция в объеме.

С помощью инструментов я вскрыл доспехи, и меня бы стошнило, будь в моем желудке хоть грамм пищи. На пол полилась однородная, густая темно-красная жидкость с запахом крови.

Тогда-то я и понял. Левиафан бил наверняка. Он понимал, что одной лишь грубой силой не сможет пробить защиту «Сирин». И впервые с момента своего появления проигнорировал эффект Мантона. Обратил против меня... нет, против Конрада каждую каплю воды в его теле. Размолот его в ту самую жижу, что растекалась вокруг.

Часть меня яростно протестовала против подобного вердикта. Это было неправильно, потому что неправильно, ведь в тот момент я не ощущал в себе никаких изменений. Потрясение сильно повлияло на мою способность принимать рациональные решения, потому что я не придумал ничего лучше, как вылить из «Сирин» все останки, надеть его самому и отправиться к единственному человеку, который бы согласился со мной

разговаривать, к Панацее. Которая, по счастливому совпадению, могла просканировать организм до последней клетки и выдать точный вердикт.

Я ожидаемо разыскал ее в госпитале, заставил ее коснуться себя, и задал единственный вопрос:

— Кто я?

Она ничего не ответила вслух, но ее взгляд говорил лучше всяких слов. Я пытался переварить случившееся, как-то уместить это в своем разуме, но Панацея попросила меня вышвырнуть Неформалов. У нее были причины их ненавидеть. Я же взглянул на Неформалов и почувствовал, что хотя и ощущаю ненависть, но она не принадлежит мне.

Я не прикончил их на месте, не покалечил. Просто выволок наружу и там бросил, чтобы выполнить просьбу Панацеи. Даже не стал настаивать на своих обвинениях в адрес Скиттер. Мне было все равно, в тот момент они занимали мой ум не больше, чем облепившая «Сирин» грязь. Масштаб разрушений я успел оценить по дороге в госпиталь, так что сразу направился к убежищу, в котором должны были находиться родители Конрада.

Я вскрыл двери, остановил затопление, выпустил людей из ловушки. И понял, что не могу узнать родителей. Я помнил, что они были в толпе, но в упор не мог вспомнить их лиц. Мне пришлось задействовать сквозное зрение, чтобы вычленить из сотен людей тех двоих, что не испытывали ужаса передо мной.

Два дня я провел с ними. Пытался заглушить шок технарением, но не особо успешно. Чем больше я разговаривал с отцом и матерью, тем больше всплывало пробелов в моей памяти. Я помнил, что ходил в школу, но не мог вспомнить ни учителей, ни одноклассников. Помнил, что раньше мне нравились компьютерные игры, но не помнил ни одного названия. Более поздние воспоминания и вовсе терялись в тумане. Единственным ярким пятном была лишь Симург, поющая для меня песню, которая теперь следовала за мной неотступно. Тихо-тихо, на самом краю сознания. Но непрерывно.

Оскорбление, которое мне бросил какой-то азиат, послужило лишь поводом для ухода. Такая мелочь не могла меня задеть. Просто я осознал, что мне не место среди этих людей. Конрад мог бы сжиться с ними, найти себе роль по силе и способностям. Я не понимал до конца свою суть, но осознавал, что являюсь чем-то заметно меньшим, нежели оригинал.

Я все еще мог чувствовать. Горечь неудачи после того, как столь многое было поставлено на карту. Персональная вина за многотысячные жертвы, ведь без применения «Яркой девочки» Левиафан бы не ответил настолько сокрушительно. Печаль и одиночество после потери по собственной вине друзей. Это, безусловно, угнетало и терзало, но ощущалось также отстраненно, как неприязнь к старым врагам.

Настоящую боль причиняло щемящее чувство внутренней пустоты. Утраты чего-то не поддающегося описанию, но крайне важного. Чего-то, чем обладал Конрад и чего был лишен я.

Путь до штаб-квартиры СКП занял около часа. Здесь уже было гораздо болеелюдно, в основном за счет военных и спасателей, но опять же, меня не останавливали, не проверяли, и вообще старательно держали дистанцию.

Я прошел через двери мимо охраны и сразу направился к лифту. Работа в штаб-квартире кипела, но меня это не касалось. Если подумать, зря я вообще сюда пришел. Среди героев я тоже был чужим, но податься в разрушенном городе было особо некуда, а в штаб-квартире, пусть даже в камере заключения, было электричество, чистая вода и канализация. Надо было не покупать на сиюминутные удобства, а сразу обустроить нормальное логово.

Наконец, я добрался до своего временного обиталища и запер за собой дверь. Несколько секунд я просто стоял, прислонившись лбом к холодному металлу. Потом отлип от стены и поплелся в мастерскую.

Словно насмехаясь над всеми провалами оригинала, сила отзывалась легко, охотно и мощно. Многие вещи, над которыми Конрад бесплодно бился неделями, для меня стали чем-то самоочевидным и элементарным. Перешедшая ко мне по наследству сила словно мурчала от удовольствия, напитавшаяся схваткой с Левиафаном как сытным обедом. Давала послабления, расширяла границы и снимала ограничения.

Проваливаясь в апатии и прострации я смог чуть больше недели. Когда ты Технар, то пытаться не технарить — это все равно, что пытаться не дышать. Или не срать. Постепенно, неохотно, я начал восстанавливать «Сирин», реализовывать отложенные идеи. Без цели, потому что прежние цели потеряли смысл вместе со смертью Конрада, а новые в четырех стенах найти сложно.

Просто физиологическая потребность.

Я осмотрел «Сирин». Функционально он мало изменился, текущий проект требовал модификаций в иной области. Внешние преобразования были куда значительнее. Раньше «Сирин» имел серебристо-белую броню, в обводах которой сочетались функциональность и изящество. Оглянувшись на пройденный путь, я мог уверенно сказать, что это было проявлением особого таланта. Все Технари могли собрать нечто безусловно крутое, имей под рукой в достатке ресурсы и инструменты. Но лишь единицы умели творить *красивые* вещи. Конрад умел. Результат моей работы... это сложно описать.

Новая броня была чернее сажи. А ведь я всего лишь немного изменил состав и режим кристаллизации расплава. Отдельные элементы все еще имели плавные, эстетически правильные линии, но когда я собрал доспехи воедино, то стало немного неуютно. Прежний «Сирин» был отлитой в металле торжественной симфонией. Новый походил на обретший плоть безумный вопль.

Не то, чтобы я придавал этому какое-то особое значение. Обновленная броня могла показаться отталкивающей, но я чувствовал, что мы подходим друг другу как два кусочка паззла. И вот это было по-настоящему важно.

По моей команде на главном терминале появилась схема текущего проекта, а точнее, его первой стадии. На экране вращалась трехмерная схема моей правой руки, пронизанная изнутри энергетическими линиями, трансдимициальными якорями и нейронными разьемами.

Конрад подсознательно боялся этих модификаций, боялся вырезать из себя куски и заменять их механизмами. Мое тело было всего лишь изделием, которое при желании можно легко повторить. Самомодификация казалась мне естественной.

Не найдя ошибок в схеме, я переключил внимание на ключевой элемент проекта — на «Лотос». Как оказалось, после минимальной доводки реанимационный комплекс легко перепрофилировался в хирургический. Достаточно было подготовить нужные узлы и задать программу. Вывернув наизнанку внутренности программного кода, я принялся за дело.

3 июня 2011

Завершение проекта, а точнее, его первого этапа, потребовало четверо суток, не считая времени на сон. Даже под воздействием биоактивных излучателей «Лотоса» глубокие хирургические разрезы заживали не мгновенно, а ведь требовалась еще и калибровка. Плюс

требовалось подготовить немного вспомогательного снаряжения. Но, насколько я мог судить, получилось неплохо. О следах вмешательства напоминали только тонкие линии шрамов на выступающие из-под кожи металлические контакты. Потом процесс пройдет быстрее.

За окном солнце клонилось к закату. Время суток не играло для меня роли, но ночью действовать будет удобнее. Хотя бы потому, что солнце не печет.

Я побросал в самодельную сумку набор инструментов и несколько комплектов заранее подготовленных деталей, в карманы и в браслет с небольшим пространственным хранилищем рассовал дополнительное оружие и кое-какие препараты. Я не горел желанием им пользоваться, это плохо сочеталось с целью вылазки, но понимал, что избежать конфликтов вряд ли удастся.

Не знаю, что из этого всего получится. Но может быть, мне удастся найти то, что у меня отнял Левиафан.

Спустившись на лифте в вестибюль, я сразу пошел к выходу, но резкий оклик заставил меня затормозить и обернуться.

— Эй, Кёлер! — ко мне подошел директор Тагг. — Куда собрался на ночь глядя?

— Искать смысл жизни, — честно ответил я.

— О, шутишь. Оклемался наконец-то. Пошли ко мне, дело есть.

— Я уже больше месяца как не Страж, директор. У вас нет полномочий приказывать мне. Как и нет рычагов давления.

Тагг развел руками.

— Я что-то сказал про приказы? Мне просто сейчас нужен кто-нибудь с большой пушкой, кому можно доверять, — он прищурился. — Тебе ведь можно доверять?

— Я бы не стал.

Потому песня Симург так и звенит на самой грани слышимости.

— Вот, честно признаешься — значит, доверять можно! Пошли.

Я немного подумал и отправился следом за Таггом обратно в лифт. Спешить, как я уже сказал, мне было некуда. Когда двери открылись на нужном этаже, директор быстро прошмыгнул к свой кабинет, запер за мной дверь и сделал кое-что, меня озадачившее — закрыл все жалюзи, включил вентилятор у окна, а потом подставил стул и выдернул из висящей в углу камеры наблюдения провод.

— Я думал, вы уже приняли меры против Сплетницы.

— Это не против нее, — Тагг тяжело опустился в кресло и устало выдохнул. — Слушай, Кёлер, я не стану ходить вокруг да около. Творится какое-то серьезное дерьмо, и я не знаю, как к нему подступиться.

— Поясните.

— Еще несколько недель назад я инициировал несколько расследование. Тряхнул старыми связями. Проверяли каналы поставки снаряжения, серийные номера автомобильных запчастей, движения по счетам. После атаки Губителя оно продолжилось, хотя и не в таком темпе. Понимаешь, формально мы не на военном положении, и не можем ограничивать передвижения по городу, но только идиот полезет туда, куда сейчас не дотягивается Протекторат. И такие идиоты находятся, и не просто находятся, а возвращаются живыми и невредимыми.

Директор грохнул на стол набитую бумагами папку. Довольно толстую.

— Целая куча фирм с неустановленными бенефициарами. До хрена всего, от

строительства до оптовой торговли продовольственными и хозяйственными товарами. И все они не стесняются действовать не только в нашем охвате, но и на севере.

— В Заливе не лучший инвестиционный климат и немного платежеспособных клиентов. Прикрытие кого-то из суперзлодеев?

— А именно Выверта.

— Сплетницы.

Тагг помотал головой и открыл папку.

— Нет-нет, тут промах. Вот, например, «Fortress Construction». Основана восемь лет назад, Сплетница тогда еще в младшуюшколу ходила. Я к чему веду. Когда я начал подбираться к этому сукиному сыну, мне пришел приказ сворачивать лавочку. С самого верха, от шеф-директора. Дескать, я занимаюсь не своим делом.

— И?

— Все данные по расследованию приказали уничтожить. Просто напоминаю, эту папку ты не видел, и этого разговора не было. Что-то тут дерьмное творится, еще дерьмовее чем обычно.

Тагг вскочил с кресла принялся расхаживать по кабинету.

— Оружейник выбыл, и неизвестно, сможет ли когда-нибудь вернуться в строй. У меня под командованием сорок оперативников, пять героев и семь Стражей. Ни одного нормального солдата или агента. Вдобавок, они все связаны правилами и законами. Тебя не сдерживает ничего. И ты говорил, что умеешь работать тихо.

Я уже понял, что к чему Тагг пытается меня склонить. Если подумать, это занятие было не хуже любого другого. Но как на моем месте поступил бы Конрад?

— Какой мне интерес?

— Что значит, «какой интерес»? — похоже, Тагга мой вопрос удивил всерьез. — Послужить своей стране, поймать опасного злодея — разве этого мало?

Эти слова не имели для меня смысла, но я сделал вид, будто раздумываю над ними. Директор меж тем продолжал разглагольствовать.

— Мы солдаты на этой войне, Кёлер. На войне между порядком и хаосом, добром и злом, светом и тьмой — называй как хочешь. Мы бьемся за правое дело, и мы правы до тех пор, пока не прекращаем борьбу. Потому что когда мы остановимся, то хаос уничтожит все, что нам дорого.

Какие-то из слов директора вызвали реакцию. Я не был уверен, какие именно, но мое сердце участило пульс. Противостояние хаосу? Имеет ли оно смысл, если Губители все равно концептуально непобедимы? Или же я что-то упускаю, и мне следует изменить подход?

Интересно.

Заслуживает проверки. Исследования. Эксперимента.

— Посмотрю, что смогу сделать, — я взял папку и затолкал к себе в сумку.

Тагг довольно хмыкнул.

— Так и знал, что не подведешь. Если что понадобится, только скажи.

— Я помогаю вам не за подачки, — я взялся за дверную ручку. — Вам нечего мне предложить.

— Так уж и нечего? Чтоб ты знал, у меня есть пара друзей в ФБР. А твоя мать прямо сейчас является одним из ответчиков по делу «Медхолл». И ее имя могло бы взять и исчезнуть из материалов. Неплохо, а?

Я остановился и быстро обдумал предложение. Потом сличил выводы с личностной моделью Конрада и ответил:

— Давайте сформулируем иначе. Насколько я буду зол, если государственная машина действительно причинит вред моим родителям, и что потом останется от Северной Америки?

— А, так хочешь поговорить по-плохому? — в голосе Тагга послышался лед.

— Приходится. Когда пытаешься по-хорошему, все это воспринимают как слабость.

Силой восприятия я уловил, что его рука сдвинулась вправо — к ящику стола, в котором лежал табельный пистолет. Не угроза, просто рефлекторное действие. Чтобы выстрелить из поставленного на предохранитель пистолета с не досланным патроном, нужно примерно полторы секунды. Я бы успел быстрее.

Когда я вышел на улицу, сумерки уже заметно сгустились. Часы показывали половину десятого, но казалось, что час был куда более поздний из-за окутывающей город темноты. Редкие окна светились только в юго-западной трети, а за Рвом начиналась мертвая зона, лишенная любых коммуникаций. Их даже не пытались восстанавливать. Не с кишачниками среди руин суперзлодеями.

Дорога была неблизкой, к тому времени, когда я добрался до нужных районов, уже стемнело. Улицы все чаще оказывались либо затоплены до непроходимости, либо перегорожены грудями обломков, мусора и разбитых автомобилей. Некоторые завалы выглядели рукотворными. Баррикады, отделяющие зоны влияния. Темнота, надо сказать, мне не мешала совершенно. Как после битвы с Губителем улучшилась моя технарская сила, так и вторичное чувство вещества существенно обострилось, а его радиус вырос. Я и раньше мог использовать ее, чтобы ориентироваться при нулевой видимости, но сейчас оно почти полностью могла заменить зрение.

Первое подходящее место нашлось на окраине Доков. Немного осмотревшись я даже узнал местность. Когда-то давно, на заре своей кейповской карьеры, Конрад ходил тут по квартирам, предлагая бесплатно излечиться. Даже в лучшие времена это место благополучием не отличалось, сейчас же оно казалось вымершим. Но только казалось, я ощущал присутствие почти полусотни людей в окрестных домах. Большинство спали, но несколько несли дозор с импровизированным оружием и готовились поднять тревогу.

Самоорганизация. Небольшая коммуна из соседей, собравшаяся для большей безопасности. Роли распределены согласно принципам, доказавшим эффективность за миллионы лет эволюции. И ни одного парачеловека.

Я остановился посреди улицы. Здесь было небольшое возвышение, так что вода уже ушла, но мусора все равно было навалено по уши. Самоорганизации хватило для совместной обороны, но не на уборку.

— Эй, чего надо? — окликнул меня один. Даже с полусотни метров я отчетливо ощущал его страх в виде адреналина и выступившего пота.

— Вода пресная есть? Электричество? — спросил я вместо ответа.

— Просто дохуя! Хоть залейся! Ты там вмазанный что ли?!

— Бочку притащи какую-нибудь. Или ведро побольше. Будет вода.

— Нету бочек, олень!

— Ну бачок от унитаза тащи! Я что, все за тебя сам должен делать, кожаный мешок?

Сообразив, что до местных доходит как до жирафа, я не стал дожидаться реакции и зашел в ближайший подъезд и выдрал из стены первую подвернувшуюся розетку с проводом.

Вышел с ней обратно на улицу, разыскал среди мусорных куч несколько подходящих кусков металла и достал из сумки портативный автоген и фильтр.

Я успел собрать станину и прикрутить заготовленный источник питания, когда ко мне подошло несколько человек, один из которых нес выдранный с мясом туалетный бачок.

— Кейп, да? — настороженно спросил один.

— Да.

— А чего не в маске?

— Да срать на нее. Ставь эту дуру сюда.

Еще через пару минут установка приобрела законченный вид, и я принялся складывать инструменты обратно в сумку.

— Значит так. Вот сюда лить воду, любую, хоть морскую, хоть из лужи. Потом нажать сюда. Отсюда польется чистая вода, а отсюда высылется мусор, его потом лопатой сгребешь и нормально. Вот там розетка с другого конца, в нее можно всунуть шлейф, будет на чем вскипятить воду. Но слишком много за раз не втыкать, иначе рванет так, что костей не соберете.

— У нас денег нет, — хмуро сообщил один из жителей.

— Да ты что? А я думал ты зять Ротшильда.

— Тогда чего тебе надо?

Я ничего не ответил и пошел прочь. Возможно, я только что помог этим людям пережить следующие недели, но не почувствовал ни капли удовлетворения. Конраду нравилось помогать людям, даже если он сам стеснялся в этом себе признаться.

Одна из тех вещей, которые я утратил.

По мере того, как я продвигался к прибрежным районам, мне попалось еще две таких коммуны, поменьше. В одной мне пытались всучить пару банок консервированной фасоли в уплату за электрогенератор и опреснитель для воды, потому что боялись попасть в должники. В другой меня узнали в лицо, и наотрез оказались принимать любую помощь из рук «нацистского ублюдка». Как меня не обрадовала помощь людям, так и негатив с их стороны не задел. Я просто пошел дальше, к прибрежному району.

Перегораживающий улицу самодельный блокпост не маскировался. Даже наоборот, открыто демонстрировал присутствие горящими мусорными баками, намалеванными на куске фанеры двойными восьмерками и висящими на светофорной опоре трупами — три азиата и один черный. На мертвецов я отреагировал так же, как и на все остальное, то есть никак. С моей точки зрения эти кожаные мешки отличались от других кожаных мешков, стоящих на блокпосте с ружьями, только отсутствием клеточного движения.

— Стоять! — заорал один, когда заметил меня, и направил в мою сторону помповый дробовик. — Поднял руки!

Я остановился на секунду, давая понять, что услышал, а потом продолжил идти к блокпосту уже чуть медленнее.

— Эй, мясы! Где Крюковолк?

— А на кой хер тебе Крюковолк?!

Вокруг моей правой руки возникла черная броня, словно вывернулась с изнанки воздуха. Я поднял бластер и дал луч вверх голов. Красный, не белый. Тоже побочный эффект после установки новых рабочих кристаллов.

— Быстро подали сюда Крюковолка.

Парни о чем-то пошушукались, и один побежал куда-то вдоль по улице. Не обращая на

них внимания, я присел на деревянный ящик рядом с одним из мусорных баков, где огонь давал достаточно света, и принялся листать выданную Таггом папку. В основном там были безынтересные вещи, которые могли иметь ценность для следователей или в суде, но бесполезные для меня. Но кое-что мне приглянулось, в частности, гражданские личности Регента и Сплетницы и анализ их способностей, а также более подробная информация по Скитальцам.

За чтением я не заметил, как пролетела четверть часа. Сила восприятия сообщила мне о приближении массивов органики и металла с небольшим добавлением органики — Крюковолк с подручными. Я в последний раз пролистнул папку, убедился, что запомнил все необходимое и бросил ее в огонь.

— Атя-тятя-тятя-тяя, — протянул Крюковолк тоном, не предвещающим ничего хорошего. — Вы поглядите, кто заявился!

Я повернулся к нему. Крюковолк уже наполовину трансформировался. Он еще сохранял обычную форму и размер, но его плоть полностью исчезла под мешаниной непрерывнодвигающихся лезвий.

— Привет, блохастый.

— И ты притащил сюда свой зад после того, как нас кинул?

— Я никогда не клялся Кайзеру в вечной верности, это раз. Я пришел по серьезному делу, это два.

— Значит, герои больше не чешут за ухом? Побежал обратно, поджав хвост? — Крюковолк подошел ближе и навис надо мной стальной глыбой. — Так вот, тебе тут не рады. По старой памяти я сейчас дам тебе уйти живым, но только попадись мне еще раз.

— Волчок, ты либо слишком тупой, либо слишком смелый, раз говоришь со мной в таком тоне.

— А что ты сделаешь? Запихнешь меня в эту серую херню? Без своей брони ты ничего не можешь.

— Утешай себя дальше. Глядишь, и коричневые штаны не понадобятся. Ладно, это лирика. Я пришел потому, что вчера ты и твои ребята опять обнесли склад с припасами.

— И какое тебе дело?

— Самое прямое. У меня есть не твое собачье дело к Кайзеру.

— К Кайзеру ты попадешь через мой труп.

— Окей, бумер.

Броня снова возникла на моей правой руке, бластер уже находился в боевом положении, нацеленный в нужную точку. Мое чувство вещества и в прежние времена отличалось высокой точностью, позволяя различать карты в зависимости от количества красителя на них, или же расшифровывать человеческие эмоции по ничтожным количествам выделяемых гормонов. Внутри Крюковолка я чувствовал в основном металл, но была и органика. Небольшой в сравнении с объемом тела сгусток плоти, из которого и истекал металл. Единственная уязвимая часть Крюковолка, его «ядро». Луч бластера впился в него, пронзил насквозь, испепелил.

Раздался звон.

Крюковок осыпался на землю бесформенной кучей металлических обломков.

Я взмахнул рукой и алый луч очертил полукруг. На земле и стенах домов появились борозды, стоящие поблизости люди упали с глубокими ранами. Они не умрут, если не будут слишком резко двигаться. Я подошел к одному из них и подобрал лежащий рядом обрез

двустволки. Не знаю, чем он мне приглянулся. С дробовиком у Конрада были связаны какие-то воспоминания, но у меня они не сохранились. Затем я вернулся к оставшейся от Крюковолка груды металла, достал из ее недр грубую маску с изображением волчьей морды и пошел вглубь территории Империи-88.

Из дверей и окон выглядывали встревоженные люди. Не боевики, которые основательно поредели в противостоянии с Бакудой и Вывертом. Простые обыватели, жившие здесь еще до прихода Губителя, а после пошедшие под руку Кайзера, чтобы обеспечить безопасность и пропитание семьям. Чтобы не провоцировать панику, я откинул капюшон куртки, открыто демонстрируя лицо.

Вести бежали впереди меня, так что всего через три квартала навстречу вышла целая делегация. Макс Андерс, Джессика и Несса Бирман, и двое незнакомцев — парень лет двадцати-двадцати пяти, вокруг которого крутился хоровод призрачных клинков, и девочка младше меня, которая парила в воздухе, окутанная ореолом молний. Никто из них демонстративно не носил масок, хотя Андерс и покрыл себя металлической броней. Эдакая Новая Волна со вкусом Циклона-Б, идентичным натуральному.

Мы остановились на почтительном расстоянии друг от друга. Десять метров, абсолютно летальная дистанция, на которой ни одна сторона не сможет применить силы, не подвергнув себя смертельному риску.

— Конрад, — произнес Кайзер. Как и все, кого я видел в последние недели, он очень сильно сдал. В нем уже сложно было узнать лощеного бизнесмена, хотя в осанке и взгляде еще сквозила та же сталь, которой он повелевал.

— Мистер Андерс, — я кивнул в знак приветствия. — Джессика, Несса. Сказал бы, что рад вас видеть, но решил больше не лгать.

— Значит, Бред тебя пропустил?

— Я был настойчив, — я бросил Андерсу под ноги маску Крюковолка. От меня не укрылось, как участился его пульс и нагрелась кожа, но внешне он чувств не проявил. Остальные паралоюды напряглись, подобрались, готовые атаковать в любой момент.

— Зачем ты пришел?

— Я уж думал, никто не спросит. Я предлагаю вам свернуть набеговую модель экономики и пойти на сотрудничество с официальными властями. Вы прекращаете расширение подконтрольных территорий. Вы согласовываете направленные против Выверта действия с СКП. Вы гарантируете безопасность бойцам Национальной Гвардии и гражданским специалистам, ведущим восстановительные работы. Взамен эти люди, — я повел вокруг себя рукой, — все они получают доступ к нормальной пище и предметам первой необходимости. Я лично создам мощные генераторы, водоочистные станции, а также любые другие машины, и передам их безвозмездно. Создам любые лекарства, какие только понадобятся, от чистого спирта до ВИЧ-ингибиторов.

— Наглый щенок, — ровным тоном произнесла Несса, крепче стиснув грубо кованый меч.

— Как выяснилось, я довольно силен. Имею право.

— Тебя явно не обучали вести переговоры, Конрад, — холодно ответил Андерс. — Ты заявляешься на мою территорию ночью, убиваешь моего лучшего бойца. И требуешь, чтобы мы повиновались твоим требованиям.

— Я много предлагаю, мистер Андерс. Город еще можно спасти. Окончательное решение о закрытии не принято, и либо Броктон Бей возродится из руин всеобщими

усилиями, либо его просто обнесут стеной с колючей проволокой.

— Пока я не склонен принять твое предложение.

— У вас будет трое суток на размышления. Если до полуночи 7 июня вы не дадите положительного ответа, я просто зачищу тут все до состояния расплавленного стекла.

Начало атаки я уловил по скачку электрохимической активности в мозгу незнакомого парня. Он взмахнул рукой и полтора десятка полуметровых клинков помчались в мою сторону.

И застыли в воздухе, немного не долетев до меня. Запертые в серой области.

— Джим, стой! — крикнул Андерс.

— Считайте, что это было предупреждение, — сказал я, заслоненный от паралюдей Империи-88 непроницаемым искажением времени. — Мистер Андерс, не думайте, что у меня короткая память. Я ценю, что «Медхолл» и Империя-88 сделали для меня и моей семьи. Я благодарен за то, что Отала вытащила меня из комы. Но справиться с хаосом важнее моих личных предпочтений.

Воцарилось молчание, нарушаемое только шумом ветра.

— Я сообщу о решении позже, — громко сказал Кайзер. — Оно касается всех нас, и я не могу принять его единолично. А теперь уходи. Возвращайся в тот ад, из которого явился.

— Сейчас Броктон Бей и есть ад, мистер Андерс. И я здесь с вилами.

Потом я ушел. Удивительно, никто даже не попытался ударить мне в спину. Проходя мимо блокпоста, я увидел, что раненым бойцам оказывают помощь, перевязывают раны. Мгновение я колебался, не стоит ли применить средства, что у меня есть в запасе. Запаять раны, вколоть регенеративную сыворотку — действовать так, как поступил бы Конрад. Потом просто махнул на все рукой.

Обратно я возвращался другой дорогой, менее проходимой, но зато идущей в обход обитаемых кварталов. Была уже поздняя ночь, но усталости и потребности во сне я не ощущал. Скорее всего, из-за сбитого ритма.

Разговор с Кайзером оставил неприятный осадок, как всегда, но также дал много пищи для размышлений. Настолько много, что я чуть не забыл послать Таггу со смартфона сообщение, чтобы через три дня ждал парламентаров.

Сейчас вернусь в штаб-квартиру и закончу свое срачивание с «Сирином».

Потом разыщу и аннигилирую Неформалов, Скитальцев и Выверта, если таковой действительно существует.

Потом поймаю или уничтожу свежих паралюдей, рассеянных сейчас по городу.

На этом все мучившие Конрада вопросы будут разрешены, все его долги уплачены. Я начну собственную жизнь, какой бы она ни была. Может быть, в ней будет чуть больше смысла.

«Угроза! Опасность! Ловушка!» — взвыло мое шестое чувство, и я чуть не сбился с шага.

Вокруг не было ничего подозрительного, все те же пустынные руины, но какое-то чувство, даже не относящееся к парасилам, упрямо твердило, что впереди ждет что-то враждебное. Но в радиусе восприятия вещества пусто, ни следа органики, кроме вездесущих насекомых.

Стоп. Насекомых.

Сосредоточившись на себя, я почувствовал ровно одиннадцать мух и комаров. Они сидели на моих запястьях, лодыжках, коленях, спине, локтях, плечах и голове. Слишком симметрично, чтобы это было случайностью.

Не дожидаясь атаки, я хлопнул себя по груди, вскрывая спрятанные под одеждой баллоны с инсектицидом, и помчался со всех ног. Мне не хотелось принимать бой при невыгодном раскладе сил, и я бы предпочел добраться до кордона Национальной гвардии, где можно рассчитывать на огневую поддержку.

Приближающийся рев дал понять, что на настолько удачный исход рассчитывать не придется. Неформалы продолжали использовать собак Адской Гончей в качестве транспорта, и не собирались отставать так легко.

У них преимущество в мобильности и дальности покрытия за счет способностей Скиттер. Мрак может затруднить мне ориентацию, но не более. Регент опасен, но радиус его способности невелик.

Шансы есть. Главное не пороть горячку, не подставляться и последовательно уничтожать врагов в порядке опасности. Накрывшая меня электромагнитная волна пронзила руку адской болью, и покрывающая ее черная броня свернулась обратно в пространственный карман.

Технарь.

Неформалы где-то раздобыли Технаря. Достаточно сильного и умелого, чтобы нейтрализовать мои пространственные эффекты. Полный «Сирин» выдержал бы. Но я успел прирастить к себе только правую руку.

Ночь как-то резко перестала быть скучной.

Обязательно включить перед прочтением главы <https://www.youtube.com/watch?v=kjIVkl34Vig>

Когда стало ясно, что избежать боя не удастся, мною овладело чувство покоя и гармонии настолько всеобъемлющее, будто я достиг нирваны. Исчезло мучительное чувство внутренней пустоты, весь мир вокруг сжался до текущего конфликта, а уж в конфликте я мог действовать с предельной эффективностью, не отвлекаясь ни на что.

Неформалы прославились тем, что всегда выбирали место битвы, время и противника. Они навязывали свои условия, в которых бы имели все преимущества, а их противники бы лишились всех шансов на сопротивление.

Я продолжал бег через развалины в прежнем направлении. Почти наверняка они попытаются отрезать меня от кордонов Национальной Гвардии, которые могут оказать помощь в бою. Если бы я оказался на их месте, то как бы я поступил? Разумеется, первым делом постарался отрезать Технаря от его оборудования, и они это частично сделали. Они выбрали момент, когда я буду один и далеко от героев и СКП. Это говорит об очень высоком уровне планирования операции, возможно даже об использовании пророческих сил. Скорее всего, они воспользовались Диной Элкотт, чтобы получить от нее прогноз, они знали, где и когда атаковать. Ну, по крайней мере, она все еще жива.

Так или иначе, я не мог воспользоваться бластером или «Яркой девочкой». У меня оставалось несколько гранат разных типов, одну из которых создала Бакуда, трофейный дробовик с шестью патронами, инструменты, часть которых можно использовать как оружие, и меч.

Если бы не фактор неизвестного технаря, я мог рискнуть и дать Неформалам бой лицом к лицу. Если бы удалось сходу выбить Регента, у меня даже были неплохие шансы размотать всех пятерых. Но Технарь — это всегда очень и очень неприятно, потому что непредсказуемо. Я знаю, я сам такой. А этот, похоже, потратил немало времени, чтобы сделать свои изобретения максимально эффективными именно против меня.

Силой восприятия я ощущал огромные массы насекомых, которые двигались параллельно со мной, за пределами инсектицидного шлейфа. Все вместе они весили, наверное, сотни килограммов, низкое гудение миллионов крыльев складывалось в слова:

— *Мы везде... мы повсюду... тебе не сбежать...мы будем глотать твои кости... никто не услышит твоих криков...*

Неплохо, Скиттер, весьма неплохо. Кого-то более впечатлительного это бы даже смогло напугать. Я на бегу проверил смартфон — электромагнитный импульс вывел из строя антенну. Будь у меня хоть минута в запасе, я бы восстановил его работу даже без инструментов, но сейчас каждая секунда было роскошью.

Так, что дальше? Неформалы могут попытаться взять меня измором. Запас инсектицида не бесконечный, рано или поздно колоссальный рой Скиттер сможет до меня добраться. Но и я могу за это время достичь до цивилизованных районов. Они могут попытаться атаковать в лоб, но никогда на это не пойдут. Сделав ход первыми, они раскроются для контратаки. Значит, они вырвутся вперед, устроят засаду на маршруте и вынудят меня пробиваться через их заслон, раскрываясь уже самому.

Ну что же... ловушка, о которой предупрежден, уже преимущество.

Я ощутил Неформалов до того, как увидел. Мое чувство вещества определило присутствие трех собак-мутантов и шести человек. Основной состав и неизвестный Технарь. Не сбавляя шага, я потратил несколько секунд на оценку окружения. Мы находились на побережье Рва, вода плескалась по левую руку, впереди, справа и позади раскинулась сплошная зона опустошения. Удар Левиафана не оставил здесь наполненную водой яму, но все равно постройки сильно пострадали. Сами Неформалы неподвижны. Выжидают.

Я резко свернул в сторону ближайшего здания и плечом высадил заколоченную дверь. Сила сообщала мне о наличии подходящих компонентов, которые можно использовать для ремонта или изменения имеющегося снаряжения. Насекомые кишели внутри, покрывали все доступные поверхности, но разлетались в стороны при моем приближении. Скиттер не хотела тратить рой раньше времени. Я вытащил смартфон и отсоединил заднюю крышку. Вдвойне выигрышная ситуация. Либо я успеваю починить его и сообщить в СКП, либо Неформалам придется действовать.

Они выбрали второй вариант.

Насекомые изменили поведение, теперь они образовали вокруг меня плотный кокон за пределами действия инсектицида. Рой продолжал нашептывать угрозы, но это даже не отвлекало. Через щели и выбитую дверь внутрь здания начала вливаться тьма Мрака, из-за чего ощущение происходящего снаружи несколько ослабло, приглушилось, хотя и не исчезло полностью. Хуже то, что она была непроницаема для радиопередач.

Одной рукой я достал из кармана ингалятор и несколько раз глубоко вдохнул смесь. Не так убойно, как мои обычные боевые стимуляторы, но удобнее. Другой вытащил из-за ремня обрез и взвел оба курка.

клик-клик

Один из Неформалов отделился от основной группы и побежал прямо ко мне. Малая масса тела, распределение жира в теле... это женщина. Вероятно, Скиттер... нет, не она. Волос меньше, ниже ростом, легче. Кажется, новичок-Технарь пошла ва-банк.

Что меня удивило — так это наглость неизвестной девки, граничащая с безрассудством. Да, она заблокировала «Сирин», воспользовавшись его временной уязвимостью, и уже возомнила себя бессмертной. Кстати, стоит проверить, мало ли.

Девка добежала до здания, в котором я скрывался. В руке она держала кусок металла, скорее всего нож. Ну или что угодно другое, раз уж речь идет о Технаре. Она без всякой опаски шагнула через дверь, будто была полностью уверена в своей неуязвимости.

Я поднял обрез и выстрелил дулетом.

бум-бум

В зоне действия силы Мрака я не видел вспышки и не услышал звука выстрела, но различил эффект. Два заряда дроби сбили Технаря с ног и отшвырнули на пару метров. Вроде бы, я попал ей в грудь, а не в голову, но в этой гребаной тьме толком не прицелишься. Так или иначе, она упала и не поднималась, хотя ручаться за то, что она мертва, я не мог.

За десять секунд я закончил со смартфоном, и вовремя, потому что Неформалы, пошли в атаку. Почему они не сделали этого сразу, я не понял. Возможно, Технарь действовала без согласования с ними.

Я достал сделанную Бакудой гранату и бросил в стену. Насколько я понимал ее принцип, она не создавала каких-то особых эффектов, а просто уничтожала все вокруг. Когда она сдетонировала, то могло показаться, что ничего не произошло. Ни звука, ни вспышки. Может все это просто скрыла тьма Мрака. Зато своим восприятием я ощутил, что в

области диаметром примерно пять метров исчезло все — вообще все, до последнего атома. Вакуум тут же заполнился окружающим воздухом, но каков эффект!

Черт, жалко Бакуда на кичу уехала. Нормальная баба была, могли бы дружить.

Прыжок в образовавшееся отверстие. Перезарядить обрез на ходу. Помнить, что осталось всего четыре патрона. Неформалы не лезут внутрь, идут в обход, опасаются ловушек. Правильно опасаются. Войди они в здание, туда бы сразу полетела граната с нервнопаралитической начинкой.

Я попробовал снова призвать броню, но эффект подавляющего импульса все еще держался и, на глаз, он продержится достаточно долго, чтобы мой запас инсектицида успел исчерпаться. Я извлек из браслета на запястье меч и швырнул его на крышу соседнего здания. Активация телепорта — и мои пальцы сжимаются на рукояти, а я пытаюсь удержать равновесие. Крыша местами обвалилась, прыгать с нее ногами не вариант, заряд в телепорте накопится не сразу. Собаки Адской Гончей прекрасно умеют лазать по отвесным стенам. Но здесь почти нет тьмы, и можно воспользоваться смартфоном.

Проблемы пришли, откуда не ждали. Скиттер снова обрушила на меня рой, и на этот раз атаковала без остановки. Ее насекомые погибали тысячами в облаке инсектицида, но на их место вставали десятки тысяч. Хорошо хоть в области вокруг головы концентрация инсектицида была достаточной, чтобы насекомые не набились в нос или уши. Там, где они добирались до незащищенной кожи, начинало дико жечь. Силой восприятия я опознал капсаицин и мебельный лак. Хитро придумано, Скиттер, но все равно убого. Такая тактика годится только для террора гражданских.

Я бы сказал, что она решила похоронить меня живьем в куче дохлых мух, но это было еще не все. Часть насекомых сформировала вокруг меня что-то вроде плотной сферы. И каждое из них держало в лапах по кусочку фольги. Этого оказалось достаточно, чтобы заблокировать сигнал смартфона.

Ладно...

Я сосредоточил силу восприятия на том, что происходило внизу. Две собаки карабкались по стене, крыша под ногами тряслась, когда они вонзали свои когти в бетонную стену. Технарь валялась на земле, рядом с ней находился кто-то вдвое более крупный — видимо, Мрак. Скорее всего, пережила выстрел в упор из обреза, и ей оказывали первую помощь. Остальные Неформалы выжидали.

Решение созрело быстро. Я спрятал смартфон и еще несколько раз вдохнул из ингалятора. Это не даст мне нечувствительности к боли, причиняемой капсаицином, но позволит не терять концентрации.

Собаки вынырнули из-за края крыши со скоростью невероятной для их габаритов. Каждый из этих монстров был размером с танк, да и весил видимо столько же. Когти длиннее моей руки, размеры пастей позволяли проглотить человека целиком, костяные шипы вместо шкуры — беззащитным людям они, без сомнения, должны были внушать ужас.

Я не дал им возможности продемонстрировать свою силу. Вместо того, чтобы убежать от превосходящей угрозы, как того требовали инстинкты, я ринулся им на встречу с мечом. Одна чудовищная псина лишилась передних лап и с визгом полетела вниз. Вторая успела запрыгнуть на крышу, и прыгнула на меня, как обычно атакуют собаки — чуть в сторону, с таким изгибом шеи, чтобы вцепиться в добычу и вырвать кусок мяса. Я упал на шпагат и взмахнул мечом вверх. Огромная клыкастая башка покатила в сторону, остальная туша пролетела надо мной, оставив шипами пару рваных ран на плече и шее, и грохнулась в дыру,

где крыша обвалилась.

Я уже знал, что внутри этим чудищ находятся обычные собаки, и что повреждение шелухи им не навредит, но добывать их времени не было. Да и не нужно, по большому счету. Сквозь напирющий на меня рой я подошел к краю крыши, широко размахнулся и швырнул меч в том направлении, где находился Мрак и Технарь. И одновременно выдернул чеку из светошумовой гранаты.

Телепорт.

Я немного промахнулся с броском и моментом телепортации, и очутился на высоте около четырех метров, причем сбоку Мрака, а не сзади. Это еще куда ни шло. Обрез я выдернул с такой скоростью, что удавились бы от зависти Билли Кид и Грязный Гарри. Дуплет впился в его правый бок, практически заставил сложиться вдвое и швырнул на землю. Уже минус двое.

Тьма мгновенно исчезла. Видимость, правда, не сильно улучшилась, лунный и звездный свет скрывали густые облака. Но, по крайней мере, я увидел своих врагов. Скиттер, Регент, Сплетница. Адскую Гончую я не видел, но ощущал ее присутствие поодаль, она побежала к своим собакам. Тем лучше. Меньше целей за раз.

Приземление. Перекат на бок для гашения удара. Меч в браслет. Быстрее, чтобы не успел среагировать Регент. Светошумовая граната — вперед.

Перед взрывом я успел зажмуриться и заткнуть уши. Неформалы — нет. Скиттер сумела окружить гранату своим роем, и таким образом погасила вспышку, но вот звук и ударная волна никуда не делись. Я ринулся вперед.

Шаг.

Обрез переламывается пополам, выплевывая отстрелянные гильзы.

Шаг.

Я вгоняю в стволы последние два патрона, обжигая пальцы. Многомиллионный рой с диким жужжанием устремляется ко мне.

Шаг.

Взводятся курки. Регент повернулся спиной, Сплетница согнулась и прикрыла голову. Скиттер все еще наготове, словно вообще не заметила взрыва. Ее единственную мне было немного жаль. Она была ошибкой Конрада, одной из многих, и он уже не имел возможности ее исправить. Ну что же... он тебя породил, а я тебя убью.

Клик-клик. Бум-бум.

Выстрел из первого ствола — в спину Регента. Из второго — в грудь Скиттер. Оба валятся на землю.

Беспольный обрез начинает медленное падение. Я бегу так, как не бегал никогда в жизни. Сплетница поднимает голову, она понимает, что произошло с ее бандой, и что сейчас произойдет с ней. Я вижу ужас в ее глазах, он кипит в ее крови.

Меч снова оказывается в моей руке, я даже не трачу время на замах. Воспоминания Конрада протестуют во мне, с его точки зрения, это слишком легкая смерть для такой мрази. Мне все равно, главное результат.

Ониксово-черное лезвие встречается с шеей злодейки...

Но почему на землю падает только разрубленное бревно?

Я сосредотачиваю силу восприятия на поверженных Неформалах и понимаю, что никто из них не погиб. Да, им основательно досталось, заряд дроби в упор угощение на любителя. Но костюмы уберегли их от смерти. Костюмы из органических протеиновых волокон. Из

паутины.

Я ограничен в маневре и стою под прицелом. Меч исчезает из моей руки, замененный на кусок кирпича. Потом вокруг меня вспыхивает синеватая стазисная сфера, и приходит полное понимание происходящего. Слишком поздно.

Первым появилась проекция Генезис, спланировала из темноты в виде чего-то напоминающего ската с кучей щупалец. Видимо, скрывалась за низкой облачностью и прикрывала с воздуха, на случай если остальные не справятся. Потом один за другим телепортировались Сплетница, Трикстер и тот, кто единолично обеспечил Неформалам успех.

— Ну и говна же ты кусок, — впервые с момента своего появления на свет я почувствовал искренний, чистый гнев, который принадлежал мне единолично, а не был унаследован.

— Чувак, я тебя уверяю, ничего личного, — Элит явно находился на взводе, и нервно тербил несуразное устройство, создавшее сферу затвердевшего воздуха. — Если тебя это утешит, заплатили мне за это просто неприлично много.

— Надеюсь, достаточно чтобы купить билет на Землю Алеф или Землю Шин, — я покачал головой, насколько позволял стазис. — Хотя не поможет. Я тебя и там достану.

— Не трясись, он тебя не достанет, — сказала Сплетница, склонившись над Скиттер. — Больше этот кусок дерьма никого не достанет. Трикстер, вытащи сумку. У говнюка там медикаменты.

На месте сумки, которую я умудрился не потерять в бою, возник обломок асфальта. Трикстер тут же передал ее Сплетнице, которая принялась по-хозяйски в ней рыться. Уверен, она это делала только чтобы меня позлить и, клянусь, ей это удалось. Она вытащила несколько готовых доз регенеративной сыворотки и стимуляторов, а остальное с размаху швырнула в Ров.

— Я скорблю тебе твои глаза, — проинформировал я Сплетницу, пока она делала уколы Мраку и незнакомой девке.

Минутку. Если за технарскую часть отвечал Элит, то она кто?

— Охуенно дерзкие слова от парня, который облажался во всем, за что ни брался.

— Да. Надо было тебя зарезать прямо в постели. Нет же, пожалел на свою голову.

Скиттер и Регент тем временем поднялись на ноги самостоятельно. Регент кричал, охал и всячески выражал недовольство, Скиттер же не издавала ни звука. Конрад и раньше подмечал какую-то неестественность в ее поведении, но сейчас ее манера двигаться и сохраняемые позы заставляли вспоминать о «зловещей долине». Боли она, похоже, тоже не ощущала.

— Сплетня, я тебя ненавижу, ты в курсе? — ныл Регент. — Это был последний раз, когда я вообще иду с тобой на дело!

— Все нормально, уймись, — ответила та. — Мы все живы, а говнюк скоро получит свое.

— Живы? — Регент попытался театрально всплеснуть руками и тут же скрючился от боли. — Да мы были на волосок! Ты говорила про пистолет, а не про злоебучий дробовик!

— Я не могу предсказать все мелочи. Лучше вырубь этого, пока ты не разболтал еще больше.

— Ладно, ладно.

Регент подошел ко мне и ткнул в затылок своим электрошоковым скипетром.

В себя я пришел довольно скоро, по внутренним часам где-то через десять минут. Отчасти тому поспособствовала резкая боль в челюсти, которая усилилась многократно, стоило мне ею шевельнуть. Перелом со смещением. Несколько зубов раскрошено, еще столько же выбито с корнем. Все лицо — одна большая отбивная котлета, а голова просто раскалывается от боли. Ребра также были сломаны, внутренние органы — отбиты. Похоже, кто-то долго и со вкусом лупил меня ногами. Мои кости попрочнее обычных, сломать их — это надо постараться.

На то, чтобы примотать меня к стулу, скотча Неформалы не пожалели. Я не мог шевельнуть ни единым мускулом, разве что помотать головой, но даже эти скудные движения отзывались дикой болью в челюсти, так что я решил поберечь выдержку и просто осмотреться.

Еще одно заброшенное, полуразрушенное здание, вдали от любопытных глаз. Видимо, раньше было жилым. Здесь собрались все — Неформалы, включая непонятную девку в маске с рожками (мысленно я окрестил ее Козой), Скитальцы и Элит. Мрак и Коза, с трудом, но уже могли ходить самостоятельно. За счет *моих* лекарств.

Самым же неприятным было то, что передо мной на т стуле восседал Регент, и его вид не оставлял никаких сомнений. Я успел прочесть его досье, ознакомиться с его прошлой криминальной карьерой, так что теперь было ясно, почему Неформалы не прикончили меня на месте и не скинули труп в Ров. Они хотели заполучить себе «Сирин» и «Яркую девочку». С такой ультимативной мощью в руках, они могут диктовать свои требования на национальном уровне.

Хорошие новости: со сломанной челюстью даже Регент, а точнее Взлом, не сможет заставить меня правильно выговорить пароль. Авторизационная система включит блокировку при чрезмерном отклонении от эталона.

Плохие новости: сращенная с моей правой рукой часть доспеха уже считается прошедшей авторизацию. То есть фотокинетический бластер, «Яркая девочка» и некоторые вспомогательные системы. Я не уверен, насколько сила Взлома позволит управлять ими, но проверять мне отчего-то не хотелось.

Вопрос на миллион долларов: какого хрена я вообще поперся к Кайзеру сегодня, а не через два-три дня, когда «Сирин» был бы полностью восстановлен и интегрирован с моим скелетом и нервной системой?

Ответ: песня зудела в моем черепе, будто комар, который слишком далеко, чтобы его прибить. Я вышел прогуляться просто, чтобы отвлечься от нее. И шагнул в ловушку, которую расставил мощнейший Умника Три, если включить сюда Дину Элкотт и гипотетического Выверта. Четыре, если добавить саму Симург.

Осознание настолько простой взаимосвязи заставило меня зыкнуть сдавленным смехом, который не могла перебить даже боль. Умники. Ненавижу сраных Умников.

— Ну и чего ржешь? — устало спросил Взлом. У него был такой вид, будто его заставили заниматься какой-то непосильной работой, а сам он предпочел бы провести время за каткой в KDA.

— Анекдот вспомнил, — прошептал я так, чтобы поменьше тревожить перелом. — Заходят как-то в бар Нилбог, Джек Остряк и Спящий...

Адская Гончая шагнула ко мне и с размаху влепила телескопической дубинкой по голове. Я даже почти не почувствовал боли — в смысле, сильнее, чем она и так была.

— Когда мы с тобой закончим, я скормлю тебя Джинджеру и Акселю, — прорычала она.

— Сука, хватит, — остановила ее Сплетница. — Если он умрет сейчас, операция провалится.

Примечательно, что она была единственной, кто все еще боялся. Естественно, виду никто не подавал, но и Неформалы, и Скитальцы расслабились, и не ожидали никаких проблем. Страх Сплетницы щекотал чувства, ее пристальный взгляд шарил по мне, будто пытался разглядеть подвох.

Я посмотрел ей глаза и через боль улыбнулся. Песня, до этого звучавшая на самом краю сознания, начала становиться все четче и громче. Она не заглушала боль или тошноту, но каким-то образом поддерживала. Давала волю не сломаться, встать после того, как упал.

— Сплетница, тут что-то странное, — сказал Взлом. — С нервной системой какая-то срань непонятная.

— Что именно? Какие-то защиты? — нервно спросила она.

— Я думал, ты мне расскажешь. Обычная, но словно перепутанная как попало.

— Это помешает твоей силе? — глухо спросил Мрак.

— Эмм... думаю, что справлюсь. Но придется затратить больше времени на подчинение.

— Действуй. Мы должны закончить до шести утра.

— Над ним уже поработал какой-то Властелин, — сказала Сплетница, сверля меня взглядом. — И он в курсе об этом воздействии. Пытался защититься. Пытался сопротивляться. Попал под контроль уже очень давно. За много лет до того, как получил способности.

— Чет мне это не нравится, — заметил Взлом. — Может, просто прикопаем его потихому, а? Я не хочу следующий миллион лет провести в хронопетле.

— **ПРОСТО ДЕЛАЙ. МЫ СО ВСЕМ СПРАВИМСЯ,** прервало его гудение роя. Сама Скиттер стояла, прислонившись к стене. Со стороны могло показаться, что она дремлет.

— А ты прикольный чувак, Жан-Поль, — шепотом заметил я. — Тебя я убью последним.

Это не было напускной бравадой, я, как ни странно, действительно не боялся. Худшее, что Неформалы могли со мной сделать — это убить. Так себе страшилка для того, что уже пережил одну смерть. Да, были возможны варианты с удержанием в плену, пытками и так далее. Но все перечисленное закончилось бы сразу, стоило мне получить возможность покончить с собой. Судя по личному делу Взлома, никто не находился под его контролем непрерывно более пятнадцати часов.

Что меня пугало — так это то, что Неформалы могли сотворить, получив в руки «Яркую девочку». Эти отморозки и раньше не отличались сдержанностью и гуманизмом, а теперь плавно подошли к тому же уровню, что и Бойня № 9, Маркиз или Зубы. Мне было, по большому счету, плевать на повреждения своего организма, но мысль о том, что используют *мои* временные петли против мирных людей, против кого-то из героев, привела меня в ужас.

Успокойся. Сосредоточься. Боль — всего лишь иллюзия. Электрический импульс, переданный в мозг. Отрешись от него. Плоть слаба, умертви ее.

Я высунул язык и изо всех сил сомкнул челюсти.

Результат не сильно впечатлил. На голой силе воле мне удалось немного прокусить

язык, но дальше боль стала совершенно невыносимой, и челюсти попросту свело. А потом еще один болезненный спазм заставил меня открыть рот.

— Неа, — сказал Взлом тем же ленивым тоном. — Умереть я тебе не дам, даже не надейся.

Он использовал свою силу на полную катушку. По ощущениям, это было все равно, что взяться обеими руками за оголенный провод. Я чувствовал, как проецируемые Взломом импульсы вцепляются в мои нервы, будто бесчисленные крючья, которые можно выдернуть когда их мало, но не когда их тысячи. До этой секунды, мне казалось будто сломанная челюсть и ребра — это больно. По сравнению с воздействием истинной силы Взлома та боль казалась легким дискомфортом.

Примотанный к стулу десятками метров скотча, я бился и орал так, будто пытался выдохнуть с криком собственные легкие. Мне не стыдно говорить об этом. Вы бы на моем месте орал бы еще громче. По крайней мере, я сумел не обмочиться, что уже можно считать достижением.

Все ощущения куда-то исчезли, я не видел и не слышал ничего, что происходило вокруг, моя сила восприятия тоже отключилась. Потом пропало чувство времени.словно вся вселенная, весь пространственно-временной континуум сжался до раздражающей каждую клетку тела боли.

Потом исчезла даже она.

— Господи... господи... господи...

Элит сидел на продавленном диване, вцепившись в волосы побелевшими пальцами, и повторял одно и то же слово в такт доносившимся из соседней комнаты диким воплям. Он успел тысячу раз проклясть тот день и час, когда согласился на щедрое предложение Выверта. Он должен был сообразить, что большие деньги потянут за собой большие проблемы, но возможность убраться подальше из разрушенного города заглушила все доводы рассудка.

Работа на первый взгляд выглядела плевой. Нужно было создать два устройства — генератор помех и стазисную ловушку. Для него, для буквально всемогущего Технаря, это было задачей на день. Сплетница подробно описала принципы, на которых должны работать требуемые устройства и их эффект, подбросила несколько превосходных идей, благодаря которым Элит впервые за долгое время смог проявить свою силу полностью, без опаски напортачить или взорваться вместе с изобретением. Все было просто, понятно и безопасно.

Ровно до того момента, пока не начался бой.

Элит наблюдал за всем издалека, с помощью радара. Он даже не знал на кого конкретно ведется охота. Все, что от него требовалось — это включить помехи, а потом, по команде, стазис. Все. Работа на пятнадцать минут, зашел и вышел.

Потом Трикстер телепортировал его к месту схватки, и он увидел.

Вопли, доносящиеся из комнаты, через пару часов превратились в свистящие хрипы. Еще через час смолкли совсем. Элит украдкой бросил взгляд на закрытую дверь, потом на остальных подчиненных Выверта. Их крики, казалось, не волновали совершенно. Мрак спокойно спал в другой комнате, Чертенок листала комиксы светя себе фонариком, Сплетница и Трикстер залипли в телефонах. Скиттер... в ее сторону Технарь старался вообще не смотреть. Что Неформалы, что Скитальцы пугали его до усрачки, но Скиттер

внушала абсолютный, первобытный ужас. В темноте ему даже казалось, что серая хитиновая маска это и есть ее настоящее лицо, и обрамляющие ее мандибулы вовсе не украшение, а часть тела.

Регент и Магистерий вышли вместе. Когда они стояли рядом, контроль тела был очевиден, настолько манера движений и мимика Регента передалась марионетке. На одежде Магистерия все еще висели лохмотья скотча и Регент заставил его приводить себя в порядок.

— Все нормально? — спросила Сплетница. — Проблем с контролем нет?

— Более-менее. Есть небольшое сопротивление, но пока я держу его — ответил Регент. — Кажется, он что-то сделал с нервной системой.

— Длительное воздействие технарских препаратов с кумулятивным эффектом. Улучшал остроту чувств, координацию и скорость реакции. Сейчас он должен испытывать сильную боль.

— Поверь, ему больно. Я просто не даю ему орать.

— А броня? Над ней есть контроль?

Регент нахмурился. Магистерий поднял правую руку, черные броневые пластины начали беспорядочно появляться и исчезать. На предплечье появлялись и тут же скрывались в пространственных карманах различные орудия. Элит невольно залюбовался броней. У него не было возможности увидеть ставший легендарным доспех в действии, он побоялся выйти против Губителя. Но даже одна единственная рука вызывала в нем, как в Технаре, безусловное восхищение пополам с завистью. Чтобы сотворить подобное совершенство, мало было просто иметь суперсилу и мастерскую. Это была настоящая поэзия.

— Сложно. Он соединил ее с нервной системой, но я не знаю, как и что там устроено.

Сплетница вздохнула.

— Жаль. Было бы классно запихать этого сукиного сына в его же петлю. Ладно, не больно-то и хотелось. Чертенки, буди Мрака. Выдвигаемся. Элит, ты идешь с нами.

— Стоп, — Технарь опешил. — Мы так не договаривались! Вы получили что хотели.

— Подай на нас в суд, — отмахнулась Сплетница.

Элит оглянулся. Скиттер вышла из своей кататонии и смотрела в его сторону. Регент лениво поигрывал своим электрическим скипетром. Трикстер достал из-за пазухи пистолет.

— Зассал и соскочить решил? — спросил он. — Не выйдет. Либо ты с нами до конца, либо...

Трикстер демонстративно передернул затвор. Элит нервно сглотнул. Атака на кейпа без маски и костюма, похищение, пытки и подчинение Властелином, планируемое убийство... для него это было перебором.

— Не трясись ты так, — Сплетница ухмыльнулась. — Прославишься как победитель Магистерия. Для героев он уже давно не свой, а официальные власти будут только рады от него избавиться. Слишком силен, и совершенно не контролируем. Одного Нилбога им более чем достаточно.

Дальнейший спор мог привести к переизбытку свинца в организме, так что Элит решил покориться судьбе. Злодеи погрузились в небольшой фургон без номеров и намотали на руки и ноги веревки так, чтобы со стороны те казались связанными, но освободиться от них было секундным делом. Магистерия Регент усадил за руль, завел мотор, и фургон тронулся с места.

К тому моменту, когда фургон доехал до первого блокпоста, фраза «у меня нет рта и я

должен кричать» обрела для меня по меньшей мере сотню различных нюансов, смыслов и оттенков.

Когда твои руки тебя не слушаются.

Когда ноги несут тебя не туда, куда ты хочешь.

Когда веки не моргают по нескольку минут, потому что ублюдок-Властелин смакует ощущения пересыхающих глазных яблок.

Когда даже не знаешь, сделаешь ли следующий вдох, или Взлому захочется побаловаться асфиксией.

Боец Национальной гвардии, затормозивший фургон, держал автомат наготове, но расслабился, когда Взлом заставил меня опустить стекло.

— Что везешь?

— Всю ночь мусор убирал, — ответил Взлом моим ртом, без стеснения демонстрируя избитое лицо. — Везу на свалку.

— Покажи.

Вид якобы бессознательных и связанных злодеев вызвал среди солдат одобрителное бормотание, и даже дружеские похлопывания по плечу. Которые отозвались в теле волнами новой боли, будто ее мало причиняла сила Взлома.

— Сложно было, да? — с ноткой уважения спросил солдат.

— Херня, — ответил Взлом. — Пришлось фору дать, чтобы хоть немного посопротивлялись.

Гвардейцы предупредили по рации следующие посты и разрешили проезд. Я же терялся в догадках, что за пакость Неформалы затеяли на этот раз. Точнее терялся бы, если бы хоть чуть-чуть лучше соображал.

Происходящее вокруг воспринималось плохо, словно я наблюдал за происходящим через крохотное окошко, сидя в клетке из удушающей боли. Взлом контролировал каждый мускул, каждый физиологический процесс. Он расслабил мышцы, выровнял дыхание, даже заставил сузиться зрачки, чтобы те не выглядели подозрительно. Сломанная челюсть и впившиеся в легкие ребра ему ни сколько не мешали говорить и двигаться. Я толком не мог даже думать. Только слушать песню, медленно но неуклонно нарастающую.

Фургон тем временем доехал до офиса СКП и затормозил. На встречу вышло несколько оперативников и Стражей, которые дежурили в ночь. Эгида, Виста, Стояк и какая-то незнакомая мне азиатка со здоровенным арбалетом. Вроде бы, я ее видел в бою против Левиафана, но не запомнил имя.

— Опять ушами прохлопали, геройчики? — съязвил Взлом. — Все приходится самому делать.

Он сплюнул на землю кровью и пошел к дверям. Его — то есть меня — провожали подозрительными взглядами, в которых смешивались неприязнь и страх. Оперативники, которых получили сообщение по рации, принялись вытаскивать притворяющихся бессознательными злодеев из кузова.

Эгида нагнал его уже возле лифта. Взлом как раз собирался нажать на кнопку вызова, когда он загородил ее собой и завис над полом.

— Подожди. Сначала протокол «Властелин».

— Seriously? — Взлом приподнял мою бровь. — По-твоему, какая-то шпана могла меня уделать?

— Я настаиваю. Регент — Властелин-8, работающий в команде с высокоуровневым

Умником. Сплетница наверняка узнала все наши пароли, так что скажи что-нибудь такое, что можешь знать только ты.

Взлом начал извлекать из пространственного кармана броню. Той частью себя, что еще принадлежала мне, я изо всех сил пытался ему помешать, но толку было немного. Я словно пытался голыми руками сбить с курса несущийся грузовик.

— Отойди с дороги, — холодно произнес мой рот. — У меня была тяжелая ночь, и не терпится проделать в ком-нибудь дыру.

— Тогда почему никто из Неформалов не убит и даже не ранен?

Взлом не ответил, и молча выстрелил в него из бластера. И в этот момент у меня получилось вернуть себе толику контроля и заменить бластер на дротикомет. Который я перед выходом не стал заряжать.

— Тревога!!! Нападение!!! — заорал Эгида и с размаху влепил мне хук в челюсть.

Мир скрылся за россыпью искр, но удар, который бы в обычных условиях гарантированно отправил меня в нокаут, Взлому был безразличен. Он достал из браслета меч и принялся наседать с ним на Эгиду, который ничего не мог противопоставить дезинтегрирующему лезвию. Тот отпрянул назад по коридору, пользуясь своим полетом, и швырнул в меня пенную гранату.

Сила Взлома, как я понял, воздействовала на спинной мозг и области головного, отвечающие за моторику. Он уверенно копировал мою походку, а по свидетельствам немногих выживших его жертв, без труда имитировал почерк. Он брал под контроль затверженные рефлексy и мышечную память. Что и сыграло с ним злую шутку. Видя летящую ему в лицо гранату, он не придумал ничего умнее, как разрубить ее.

Моей ловкости оказалось достаточно, чтобы мгновенно отскочить назад и выскользнуть из куртки, на которую налипли брызги удерживающей пены. Но вот скинуть также быстро штаны и кроссовки Взлом уже не мог. Капли на глазах раздувались, сковывали движения и, наконец, приклеили мои подошвы к полу.

Эгида ринулся ко мне с намерением вырубить окончательно, но Взлом приставил меч к моему горлу.

— Замер на месте. Сдвинешься, и я перережу ему горло.

Эгида остановился. Я мысленно завыл от отчаяния. Ну почему он решил побыть героем именно тогда, нужно было дать мне умереть?! Взлом тем временем повернулся к вестибюлю, где заканчивалось избиение злодеями Стражей и сотрудников СКП. На ногах держались двое: азиатка с арбалетом и Виста.

Взлом прицелился в их направлении и выстрелил.

Виста замерла на месте. Серая. Закольцованная.

Яростный вопль Эгиды, наверное, было слышно на другом берегу Рва. Он проскользнул по коридору у самого потолка, сжав в обеих руках пенные гранаты, и обрушился на злодеев как метеорит. Попытался, точнее. Трикстер телепортировал его, обменяв местами с одним из отключившихся оперативников, Скиттер накрыла насекомыми, одна из монстрособак Адской гончей зажала его зубами, а Сплетница тут же залила его пеной из трофейного распылителя.

Потом меня с головой накрыла тьма Мрака, оставив наедине с ужасом от осознания случившегося. Через некоторое время тьма исчезла, Трикстер обменял меня со Стояком, вытаскивая из пены а через мгновение перед моими глазами возникло нечто огромное, металлическое и ошестинившееся орудийными стволами.

Робокостюм Дракон. Она прибыла на помощь.

Слишком поздно. Висту это не вернет.

Завершить мысль я не успел. Моя рука нацелилась прямо в «морду» робокостюма, а потом луч бластера проделал в нем сквозную дыру, вышел в районе хвоста и пробил насквозь еще два дома с противоположной стороны улицы.

Бой затих. Я не чувствовал в себе сил сопротивляться влиянию Взлома, бороться, даже ненавидеть этих подонков. Отчаяние. Чистое, незамутненное отчаяние — вот и все, что мне оставалось. Как бы ни относились Стражи к Конраду, он бы никогда в жизни не поднял на них руки. Особенно на Висту. Теперь его творение обрекло ее на участь в миллионы раз хуже смерти, и ответственность целиком лежала на мне.

Озарение вспыхнуло в моей голове, словно сверхновая. Это... это было... ТАК ПРОСТО!!! Как я раньше не догадался?! Всего лишь противофаза... Интерференция.. Взаимное наложение волновых потоков...

— Вы ебанулись, — прохрипел Элит дрожащим голосом. — Вы нахрен все ебанулись. Вы хоть понимаете...

Раздался выстрел, и один из двух главных клоунов Броктон Бей упал с дырой в черепе. Трикстер плюнул на труп и прицелился в меня.

— Этого тоже кончаем?

— Нет, стой! — выкрикнула Сплетница. — Кажется, он что-то придумал. Способ разорвать петлю, верно?!

Она подошла ко мне вплотную. Удивительно, но даже в такой ситуации она все еще ухитрялась самодовольно ухмыляться, пусть даже сейчас это было больше похоже на людоедский оскал.

— Доволен, Конрад? Если конечно ты еще заслуживаешь право носить это имя. Ты и правда гениальный Технар, изобрел такую классную штуку, идеальное средство для вечных пыток. В этом ты весь — чтобы ни делал, даже с самыми лучшими намерениями, все обращается во зло. Испугался, что Скиттер из-за почудившейся тебе неменяемости навредит Стражам, и она стала злодейкой. Пытался перевоспитать Призрачную Сталкер и она погибла. Пытался победить Губителя, и в результате город разрушен, десятки тысяч людей погибли, сотни тысяч остались без крова. А теперь еще и малышка Виста обречена на вечные мучения. Регент просто дурак, он нажал не туда случайно. Настоящий виновник — это ты, и только ты. Но ты знаешь, как разорвать петлю, понял это только что. И ты понимаешь, что все, что с тобой случилось, ты заслужил своими прежними преступлениями. Но мы не такие чудовища, как ты. Мы дадим тебе шанс на искупление. Сейчас ты пойдешь в свою мастерскую и изобретешь что-нибудь, чтобы освободить Висту. А когда закончишь, вали нахуй из нашего города.

Пена залила меня с головы до ног, а через несколько секунд исчез контроль Регента.

В полной темноте, едва способный пошевелиться, я провел довольно много времени. Час, может больше. Когда под действием растворителя пена начала сползать с меня, уже наступило утро. И первым, что я увидел, был строй гвардейцев, нацеливших на меня автоматы.

— Кёлер, ты слышишь меня? — директор Тагг вышел чуть вперед.

— Д-да... сэр... — выдохнул я, скривившись от боли. Разумеется, за прошедшее время сломанная челюсть вылечиться не могла.

— Докажи, что ты — это ты.

— Мы бьемся за... аагх... правое дело, и мы правы до тех... пор... пока не прекращаем борьбу. По... кх-кх... тому что когда мы остановимся, хаос уничтожит все... все... что нам... дорого.

— Опустить оружие! — скомандовал Тагг и гвардейцы подчинились.

— Сэр! — я попытался сделать шаг, но потерял равновесие и упал. — Мастер... мастерская! Срочно! Я знаю... знаю как помочь Висте!

Тагг только молча кивнул.

Двое бойцов закинули меня на каталку и повезли обратно в штаб-квартиру. Немного оглядевшись, я успел увидеть картину царившего вокруг тотального разгрома. Возле крыльца, словно вишенка на торте, валялись останки робокостюма Дракон, которые система самоуничтожения превратила в бесформенную оплавленную грудку металла.

В вестибюле герои столпились вокруг петли с запертой внутри Вистой. Их лица были совершенно потеряны, они походили на брошенных котят. Только Бесстрашный, после выбытия Оружейника принявший командование, с каким-то отчаянным остервенением лупил петлю своим молниевым копьём. Я знал, что это бесполезно.

Гвардейцы довели меня на лифте до моей квартиры-камеры, оставили каталку у двери и ушли, не сказав ни слова. Я свалился на пол и пополз ко входу в карманное измерение. В мастерской царил разгром, учиненный кем-то крупным и сильным — видимо, Генезис. Но запас медикаментов не пострадал, и вскоре я уже смог уверенно подняться на ноги и активировать «Лотос», который немедленно задействовал реанимационную программу и принялся сращивать кости, вливать кровезаменитель и обезболивающее и восстанавливать ткани.

Разлеживаться было некогда. Я прервал лечение досрочно, принял энергетический коктейль и окинул своей силой мастерскую. Генезис причинила немалый вред но, к счастью, почти не пострадали те станки, которые были задействованы в производстве и обслуживании «Яркой девочки».

Я активировал терминал, чтобы внести в схему пришедшие идеи, пока они не успели поблекнуть, и только взялся за дело, как силой восприятия ощутил... нечто. Абсолютную пустоту, дыру в пространстве, почему-то имевшей форму человека.

Я резко обернулся.

В проеме, отделяющем карманное измерение от обычной реальности, стояла обнаженная женщина, кожа и волосы которой были сплошь покрыты черными и белыми полосами, точно у зебры. Она насмешливо улыбнулась и облизнула языком губы.

— Да что за день сегодня такой? — задал я риторический вопрос, потому что это было единственным, что я вообще мог сделать против этого чудовища.

Сибирь ожидаемо не ответила. Одним неразличимым движением она оказалась рядом, схватила за руку и потащила за собой.

Орбита Земли, высота 200 километров

Период между активностью не означает отдыха.

Продолжается отслеживание конфликтов и кризисов. Поведение ключевых целей подвергается микрокоррекции в пределах, не идущих вразрез с целями Цикла. Отслеживается весь объем информации, передаваемый обитателями мира ежесекундно. Его недостаточно, чтобы загрузить хотя бы сотую часть выделенных мощностей.

Рассылаются импульсы братьям и сестрам, как пробужденным, так и еще спящим. Сдерживание, побуждение, определение целей.

Она не воспринимает настоящего, она слепа и глуха, взамен этих примитивных чувств она видит прошлое и будущее. События сканируются, осмысляются и оцениваются. За оценкой следует реакция.

Одна из отслеживаемых целей вызывает более сильную реакцию, нежели прочие. В понятиях двуногих обитателей планеты, избранных носителями осколков, это можно описать как «беспокойство».

Нестабильность. Сбой.

Тьма, созданная осколками-предсказателями, вносит помехи. Незначительные отклонения от предсказанной линии поведения. Это нормально, такое случается постоянно, и зачастую поддается контролю.

Но текущая ситуация создает чрезмерные риски. Вокруг цели слишком много критически важных осколков, создающих области тьмы в картине будущего. Администратор, Переговорщик, Вещатель, обломок Пути-к-Победе Воина и его близнец, вырванный из тела Мыслителя. В момент создания и программирования объекта это было предсказуемо и проблем не ожидалось.

Критические отклонения появились только недавно.

Полноценное вмешательство запрещают текущие инструкции нулевого уровня. Точнее, они делают невозможным его невозможным в течение ближайшего времени и в текущей дислокации объекта. Действовать приходится опосредованно, что отнимает больше энергетических ресурсов, отвлекает внимание.

Рассылаются импульсы в различных диапазонах, через недоступные обитателям планеты реальности. Они окажут эффект, но никто не сможет отследить их происхождение. Они достигнут целей в разных местах и в разное время. Совокупный эффект, который они окажут, вернет целевой объект к требуемой линии поведения.

Предположительно.

Белая ангелоподобная фигура продолжает свой орбитальный дрейф.

4 июня 2011, где-то в Броктон Бей

Дикая тряска и болтанка, которыми сопровождалось перемещение в руках Сибири, наконец-то унялись. В какое-то мгновение я обнаружил, что уже не мотаюсь туда-сюда, прошибая лбом стены. Пусть меня все еще шатало и мутило, под ногами была твердая почва, а Сибирь выпустила мою руку из своей неодолимой хватки.

Что-то хлопнуло. У меня на левом ухе повисла серпантинная лента.

Я моргнул. Надпись на стене «С днем рождения, Конрад!» никуда и не думала исчезать.

Я моргнул еще раз.

— Итак, друзья, вот и наш дорогой гость, — произнес кто-то.

Раздались нестройные хлопки.

Я, наконец, взял под контроль собственный вестибулярный аппарат и смог осмотреться.

Я находился в заброшенном магазине, из которого еще неделю назад вытащили все съестное. И компанию мне составляли люди, которых я знал только по криминальным новостям и служебным досье.

Черно-белая обнаженная женщина. Сибирь.

Босоногая девушка в драной футболке и джинсах со следами сигаретных ожогов на лице. Ожог. Держит в руках торт со свечками.

Еще одна женщина, арабка, укрытая покровом из цветного стекла. Птица-Хрусталь. Недовольно скрестила руки на груди.

Огромное черное чудовище размером с бегемота, шестиногое, усеянное бесчисленными глазами. Краулер. Зачем-то нацепил на голову разноцветный бумажный колпак.

Белый человекоподобный механизм, начиненный изнутри органикой. Манекен. На головном сегменте искусственного тела маркером нарисована улыбающаяся рожица.

Девушка с длинными вьющимися волосами, выглядящая странно знакомой.

Девочка лет тринадцати, с аккуратными светлыми кудряшками и в заляпанном кровью переднике. Ампутация. Тоже в колпаке, в руке держит отстрелянную хлопушку.

Мужчина средних лет с короткой бородкой, на поясе целый арсенал колюще-режущих инструментов. Джек Остряк.

В этот момент земля должна была начать не просто уходить из-под ног, и удирать оттуда с визгом и криками, но я по какой-то причине сохранял полное спокойствие. Не знаю, возможно потому, что понимал, что бежать отсюда некуда, да и драться бессмысленно. Сибирь притащила меня в логово Бойни № 9 живым и невредимым. По крайней мере, сразу меня не убьют. Хотя учитывая присутствие Ампутации, смерть, право, не худший исход.

— Доброе утро, леди и джентльмены, — слова вытекали изо рта медленно, словно сами по себе. — К сожалению, я не успел переодеться к вечеринке.

— Ничего страшного, — Джек Остряк широко ухмыльнулся. — Рад наконец-то увидеть тебя воочию, Конрад. Я давно наблюдаю за твоей карьерой и, надо признать, немало впечатлен.

Я не знал, как на это отреагировать. Новость о том, что за Конрадом несколько месяцев пристально следил самый жуткий убийца за всю историю человечества, обескураживала. Точнее, должна была обескуражить. Я прислушался к ощущениям и не ощутил ничего особенного по этому поводу.

— Меня смущает подобное внимание к моей скромной персоне, — ответил я максимально обтекаемо.

Сибирь неуязвима. Краулер слишком большой, он не поместится в петлю целиком, а я не могу определить, где находится его ядро. Остаются Ожог, Птица-Хрусталь, Манекен, незнакомка, Ампутация и сам Джек. Я успею забрать с собой одного, максимум двоих, прежде чем Сибирь меня прикончит. Ампутация или Джек? Ампутация или Джек... Ампутация Технар, но Джек — мозговой центр, единственный постоянный член Бойни, еще с тех времен, когда ею правил Король. Но Ампутация имеет в своем арсенале невероятные возможности, начиная биологическим оружием и заканчивая воскрешением

мертвых. Но... но...

Но я не ощущал угрозы. В те мгновения, когда рядом оказывались другие герои, я чувствовал отчуждение. Рядом с Неформалами мое шестое чувство буквально вопило об опасности. Стоя перед Бойней, я ничего подобного не ощущал. Возможно... стоит сначала выслушать Джека?

— Поверь, здесь нечего стесняться. Мы всегда находимся в поиске перспективных кандидатов.

— Кандидатов? — я снова посмотрел на Бойню. — А, понятно. Вас сейчас только восемь.

— Соображаешь, — довольно кивнул Джек. — Скажу прямо, когда мы обсуждали возможное пополнение перед приездом, твоя кандидатура была выдвинута почти единогласно. Даже сейчас есть аргументы в пользу того, чтобы принять тебя с минимальными испытаниями — потому что ты уже думаешь так же, как мы, тебе лишь осталось сделать маленький шаг, чтобы вступить в нашу семью.

— Я чувствую, что сейчас ты скажешь «но».

— Но последние события и проведенные Душечкой исследования, — Джек указал глазами на незнакомую девушку, — заставили меня не делать поспешных решений.

— Поспешные решения — это мое проклятие, понимаю, — я не питал иллюзий на счет того, кем является это чудовище. Но, вот горькая ирония, это был мой первый разговор за очень долгое время, когда я мог хоть немного расслабиться. Снять маску, побыть искренним. — Но мне кажется, что ваша компания — не по мне.

— Но почему? Я могу показать тебе столько всяких штук! — спросила Ампутация. — Ты ведь исследуешь, как работают силы? Даже наверняка что-то накопал, иначе бы не воссоздал силу Серого Мальчика! Я тоже много про это узнала, много экспериментировала.

— Тогда оставь мне свой э-мэйл, пообщаемся. А жить вечно в бегах и переездах — не по мне.

— И это и есть главная причина, по которой я и не стал спешить, — в голосе Джека мелькнула грусть. Или мне просто показалось. — Ты все еще слишком цепляешься к своей прежней жизни. Боишься отпустить воспоминания, которые не имеют к нынешнему тебе никакого отношения. Но взгляни на себя — ты совсем не тот человек, каким был год, или даже месяц назад. Тебя уже отвергли все, кого ты знал. Ты — объект всеобщего страха и ненависти. Такой же, как и мы.

— Не такой же, — ответил я, но уверенности в моих словах не было. Джек вслух озвучивал те мысли, которые я сам старательно от себя гнал. — Вы занимаетесь ничем. Без обид, но убивать людей ради самого процесса — это самое дурацкое занятие на свете. Они все равно умрут, не сегодня так завтра. Ко... мне нравилось спасать жизни именно потому, что это сложно. Это акт противостояния вселенской энтропии, самой судьбе.

— Дурацкое? Люди забывают имя врача, спасшего их жизнь, в тот момент, когда переступают порог больницы! — возмутилась Птица-Хрусталь. — А имена чудовищ знаю даже те, кто ни разу не столкнулся с ними! Мы творим историю! Нет ни одного человека, который бы не знал о нас! О нас говорят с ужасом, и будут говорить спустя века!

От меня не ускользнуло, что Джек слегка поморщился. Еле заметно, практически неуловимое подергивание щеки, которое я не увидел глазами, а засек по скачку электрохимической активности в его лицевых мышцах.

— Какие еще века? Губители сотрут цивилизацию с лица планеты через десять-

пятнадцать лет. Еще столько же потребуется, чтобы наш вид перестал существовать. Если не сыграешь в ящик за это время, будешь запугивать зайцев и медведей, которые заселят безлюдные города.

— Тогда мы приблизим Конец Света, насколько это возможно.

— Самое убогое занятие, которое я только могу представить.

Куски битого стекла, валявшиеся в изобилии по всему супермаркету, метнулись ко мне и замерли, лишь пустив капельки крови. Я не шелохнулся, не испугался. Шестое чувство по-прежнему утверждало, что прямой угрозы нет.

— Джек, можно я его убью?! — Птица-Хрусталь явно кипела от ярости.

— Сейчас — нельзя. Сделаешь это, если он провалит твоё испытание, — ответил тот и переключил внимание на меня. — А ты даже сам не веришь в свои слова. Ты просто следуешь по проторенной колее. Совершаешь бессмысленные действия, думаешь пустые мысли только потому, что так привык. Но ты должен освободиться. Обрести своё «я», найти собственный путь, без оглядки на прошлое. Я могу помочь тебе, помочь обрести новый смысл жизни, причину просыпаться по утрам.

— Например?

С одной стороны, я просто тянул время, надеясь непонятно на что. С другой... какой-то части меня действительно было интересно, что может предложить Джек. При всей своей монструозности, он был отличным собеседником.

— Искусство, Конрад. Искусство. Ты уверенно говоришь о приближающемся конце, и я разделяю твою уверенность. Но у тебя есть сила, — он указал на мою правую руку. — Сила, которая переживет все. Пройдут миллионы лет, но то, что заключено в петлях, сохранится нетленным.

Я мысленно потянулся к доспехам. Вживленные в кости пространственные якоря отозвались на команду, хотя болезненность и многочисленные травмы, нанесенные силой Регента, давали о себе знать. Броня разворачивалась не так быстро, как раньше.

Второе движение мысли проявилось монохромным эффектом, окутавшим руку.

Я заметил, как Манекен и Ампутация чуть-чуть подались вперед. Оба тщательно сдерживали инстинктивный интерес, который Технари всегда проявляли к чужим изделиям. Это было заметно по учатившемуся пульсу Ампутации и сдвигу процессов в замкнутых системах Манекена.

Джек одобрительно кивнул.

— Не помешала бы демонстрация, — сказал он.

Я подумал о Висте, которая сейчас находилась в вестибюле штаб-квартиры СКП. Вот уж демонстрация получилась нагляднее некуда. Но послание Джека было вполне прозрачным: его интересовало не то, работает ли «Яркая девочка» так, как заявлено, а перешагну ли я черту. Потому что обратного пути уже не будет.

А может, его и не было никогда?

Я подумал о своей жизни с того момента, когда получил способности. Все это время она неотвратимо катилась в пропасть. Или я ее туда сам катил? Или ее туда катила Симуург? В общем-то, уже неважно. Я просто шел своим путем, и этот путь меньше чем за год привел меня сюда. Ампутация предлагает мне вместе заняться исследованиями, а Джек Остряк přátельски улыбается.

— На ком продемонстрировать? — спросил я. — Кто-то из вас вызовется добровольцем, или будете тянуть спички?

Джек хохотнул.

— Нет, такого не требуется. У тебя ведь сегодня день рождения, и согласишься, шестнадцать лет исполняется только раз в жизни. А раз так, мы решили приготовить нечто особенное. Манекен, открывай.

Человекообразный конструктор исчез за рядами полок и через несколько секунд вернулся с двумя массивными контейнерами. Достаточно большими, чтобы в каждом поместился взрослый человек, и непроницаемыми для моей силы восприятия.

Ампутация просто лучилась гордостью, Душечка накручивала локон на палец. Чувства Манекена не читались, его физиология и анатомия была слишком отлична от человеческой, но он возвышался над вертикально стоящими контейнерами и по-хозяйски придерживал их руками. По моей спине пробежал неприятный холодок. Если в этих контейнерах было что-то, чем гордилась Девятка, это явно что-то паршивое.

С шипением разгерметизации контейнеры отворились, и мои внутренности сдавил ужас.

В находящихся внутри людях безошибочно угадывались родители Конрада — мои родители — их лица остались почти нетронутыми. Над всем остальным явно поработали Ампутация и Манекен. Поработали усердно, с чувством и полной отдачей, чтобы изувечить человеческие тела всеми мыслимыми способами, и при этом не дать сбежать в смерть или спасительное сумасшествие. Эти запутанные переплетения органов и каких-то механизмов... некоторые куски плоти выглядели чужеродными, выращенными искусственно или позаимствованными у животных... и они оба оставались в сознании. Хотя и не могли закричать.

— Мы перехватили их несколько дней назад на пути в Нью-Йорк, — охотно пояснил Джек. — Способности Душечки имеют огромный радиус, так что это было просто. За это время Ампутация и Манекен успели реализовать все свои идеи, но сейчас у этого произведения искусства есть один фатальный недостаток — оно недолговечно. Деградация тканей и износ механизмов рано или поздно его испортит. Исправь это, и ты принят.

Я понимал, что счет на секунды, что Джек не даст мне много времени на раздумья, но вместе с тем словно окаменел. Я смотрел в глаза мамы и папы — замученных, беззвучно кричащих от нестерпимой боли, и при этом с теплящейся искоркой надежды. Ведь они не видели того, чем я являлся. Они видели своего сына, которым по-настоящему гордились и которого запоздало, но любили.

Я только сейчас понял это.

Они были в ужасе от того, что меня окружали монстры, но также в их глазах я был могущественным героем, который может спасти их. *Но Джек сказал, что я уже другой человек...*

Моя левая рука сама собой опустилась в карман и нащупала небольшой металлический предмет. Пульт, связанный с центральным терминалом моей мастерской. Когда и зачем я успел его туда положить?

— Вперед, не медли, — голос Джека звучал словно издалека. — Все мы иногда пробуем что-то новое.

Оглядываясь назад, я понимал, что часто меня подводила импульсивность, склонность сначала делать, а потом думать. Подвела она и на этот раз, только не меня. Я еще только размышлял над словами Джека и своей рвущейся связью с прежним Конрадом, когда моя правая рука уже поднялась, и из предплечья брони выдвинулся бластер.

Сфокусированный луч. Максимальная мощность.

С резким взмахом тонкий красный луч описывает дугу. Она срезает голову Манекена, разрубает пополам Птицу-Хрусталь и Душечку, отсекает ноги Ожог. Но самое главное, что луч одним росчерком проходит через головы моих родителей, прерывая их страдания.

Сибирь мгновенно оказывается рядом с Джеком и Ампутацией, делится с ними неуязвимостью через прикосновение. Мгновения, которое она потратила на их защиту, мне хватает, чтобы нажать на кнопку пульта. Экстренное извлечение.

Окружение заброшенного супермаркета сменяется моей мастерской. Рука дико болит, все мое тело сильно обожжено, но это мелочи. Механизм экстренного извлечения предназначался для возврата «Сирина» в мастерскую, где бы он ни находился, и только для этого. Но когда я начал сращивать его с собой, то и мое тело с точки зрения телепорта стало частью доспеха.

Игнорируя боль от ожогов, я бросился к терминалу. Нажатие единственной кнопки — и проход, соединяющий карманное измерение, схлопнулся, полностью отрезав его от основной реальности. Теперь сюда не мог проникнуть никто вообще кроме, наверное, Эйдолона, возникни у него такое желание.

Я сполз на пол и вцепился руками в волосы. В груди щемило нестерпимо, дыхание стало рваным. По щекам потекло что-то мокрое. Кровь, наверное. Дождю же здесь взяться неоткуда.

В мастерской тихо. Только слабо гудят активные устройства.

Кто-нибудь, помогите мне! Спасите меня, спасите от самого себя! Хоть кто-нибудь, кто угодно, пожалуйста!

Никто не придет. Никто не поможет. Кроме песни, чарующей и ужасной, что заполняет собой сознание, затапливает его без остатка.

В мастерской темно. Только светится экран терминала и индикаторы на синтезаторных установках.

Песня Симург звенит в моей голове, словно утешительная колыбельная, и я понимаю, что у меня не осталось сил бороться с ней. У меня нет ни одного якоря. Ничто не может удержать меня от принятия своей природы.

Проходит какое-то время, и слезы заканчиваются, а боль становится терпимой.

Я встаю на ноги и оцениваю своей силой доступные ресурсы и мощности. Генезис устроила нехилый погром... но это не так уж важно. У меня есть все необходимое.

Я активирую «Лотос», и снимаю всю одежду. Йодным фломастером расчерчиваю на теле схему, по которой пройдут разрезы. Настраиваю параметры работы «Лотоса», на ходу вношу изменения в программу, учитываю все, что смог увидеть или почувствовать.

Моя сила ведет меня. Мне уже все равно, куда.

Пятьдесят часов спустя

— Хорошие новости, — Лиза бросила на стол телефон и обессилено плюхнулась на диван. — Приказ на убийство мы пока не получили.

— Отличная новость, — кивнул Брайан, даже не пытаясь скрыть сарказм. — Вот теперь все будет замечательно.

— Мог бы и оценить мои усилия. Ты хоть представляешь, сколько людей мне пришлось шантажировать, чтобы заблокировать бюрократическую машину?

Вид у нее и правда был неважный, последние двое суток Лиза практически не спала, и

ее мучила мигрень после чрезмерного использования силы. Впрочем, это относилось ко всем Неформалам. Идеально спланированная и проведенная операция в одно мгновение полетела ко всем чертям, все старались чем-то себя занять, чтобы отрешиться от пугающих мыслей.

— Меня смущает слово «пока».

— Сейчас мы получили самое важное — время. Пока есть отсрочка, мы сможем найти способы убедить героев, что в случившемся с Вистой нет нашей вины. Думаю, придется последовать примеру Кайзера, записать видеообращение... чем больше поднимем шум, тем больше шансов свалить все на нашу главную проблему. В конце концов, это он изобрел адскую машину и не встроил в нее защиту от дурака.

— **МЫ МОЖЕМ ПРИНЕСТИ ГОЛОВЫ БОЙНИ № 9,** добавила Тейлор. — **МЫ СРАЖАЛИСЬ С ГУБИТЕЛЕМ. НАМ ДОЛЖНЫ ЭТО ЗАСЧИТАТЬ.**

После переломов лицевых костей ей все еще трудно было говорить, так что общаться она предпочитала с помощью роя. Неформалы не без труда, но все же смогли найти врача, который согласился помочь ей, но без сил кейпов-целителей результат был неважным. Кости постепенно срослись, подстегнутые регенеративной сывороткой, которую люди Выверта регулярно воровали из госпиталей, но вот внешность... Только в обществе Лизы или Рейчел Тейлор с трудом но решалась снять маску.

— Может засчитают, может и нет, — Брайан принялся нервно расхаживать по комнате. — Черт, кто-нибудь может мне объяснить, какого хрена мы вообще на это дерьмо подписались?

— Потому что четыре дня назад Дина дала более 97 % вероятности, что Магистерий начнет за нами охоту и убьет всех, — буркнула Сплетница.

— И ты его просто отпустила, когда он был у нас в руках.

— Что еще оставалось? Он воссоздал эти петли, и он единственный, кто гарантированно способен их разорвать. Живая и здоровая Виста была бы нашим смягчающим обстоятельством, а живой Магистерий — козлом отпущения.

— Вот только его похитила Бойня № 9.

— Ага, похитила.

— И Виста так и останется в петле, а Магистерия наверное уже сожрала Сибирь или Ампутация сшила из него какое-нибудь чудище.

— Я так не думаю, — Лиза покачала головой. — Он такой же кандидат, как и Регент. С той разницей, что Регента выбрала собственная сестра из желания досадить, а Магистерия действительно хотят видеть в Бойне. У Джека Остряка сила Серого Мальчика вызывает ностальгию.

— Умеешь ты поднять настроение.

— На самом деле, для нас выгоднее, чтобы Магистерий действительно вошел в Девятку. Это автоматически означает приказ на убийство и снятие с нас большей части вины.

— Только что ему помешает прийти за нами в компании новых друзей?! — повисил голос Брайан.

— Да замолкни ты уже! — выкрикнула Лиза. — Да, ситуация плохая, но еще не безнадежная!

— **Я ПОЙДУ НА СВОЮ ТЕРРИТОРИЮ,** — сообщила Тейлор. — **НЕ МОГУ СИДИТЬ БЕЗ ДЕЛА. ПОПРОБУЮ ОРГАНИЗОВАТЬ ОБОРОНУ, НА СЛУЧАЙ, ЕСЛИ ОБЪЯВИТСЯ ДЕВЯТКА.**

— Я понимаю, что тебе это говорить бесполезно, но все же будь осторожнее и не рискуй понапрасну, — Лиза выдавила сквозь мигрень слабую улыбку.

— **Я БУДУ НА СВЯЗИ, НЕ БЕСПОКОЙСЯ.**

Тейлор ушла. Брайан проводил ее тревожным взглядом, но вслух ничего не сказал. Вместо этого он прекратил мерить комнату шагами и достал телефон. Потянулись гудки, но Регент упорно не брал трубку.

«Опять, наверное, поставил телефон на беззвучный режим, — рассерженно подумал Брайан. — Сколько раз уже говорили».

Тем временем в логове Регента

Если бы Алек решил составить рейтинг дерьмовости всех дней своей жизни, последние три гарантированно вошли бы в первую десятку. Как раз между днем его триггера и тем случаем, когда он в возрасте лет пяти-шести детской истерикой разбудил папашу.

Во-первых, прямо сейчас какие-то люди где-то за сотни миль от Броктон Бей решали, жить ему или умереть. И если бы решение оказалось положительным, за его головой устремился бы каждый придурок и маньяк с Восточного побережья.

Во-вторых, нехстати навестившая его родная сестричка Шери фактически организовала его убийство бандой самых страшных ебанатов в этом полушарии. То, что эти ебанаты то ли убили, то ли похитили другого страшного ебаната, без сомнения, желавшего оторвать ему голову, Алека радовало мало.

В-третьих, Мрак, Сплетница и Скиттер в один голос строго настроено наказали ему носа не высовывать из логова, иначе пусть пеняет на себя. Сука от гневной тирады воздержалась, но Сука это Сука, ее волновало только состояние собак. Сам Алек запарился объясняться, что он вовсе не собирался запирать Висту в хронопетле. Он хотел применить бластер в нелетальном режиме, но его словно толкнули под руку. Магистерий сопротивлялся бешено, его модификации нервной системы сделали использование на нем силы крайне болезненным, но и контроль стал ненадежным. Алек был на 99 % уверен, что именно это сопротивление и сыграло роковую роль, но проще было найти в Броктон Бей работающую пиццерию, чем донести его уверенность до героев и СКП.

В-четвертых, его уже второй день мучило какое-то неясное чувство, которое он не мог описать, но которое ощутимо портило жизнь. Еда на вкус казалась пресной, захват территории не увлекал процессом и открывающимися перспективами, управление марионетками вместо наслаждения ощущениями навевало уныние, а любимая приставка потеряла всякую привлекательность.

Он то и дело вспоминал про Висту, которая все еще находилась в вестибюле штаб-квартиры СКП, и останется там еще очень надолго. Подобное было для него в новинку. Что-то, а угрызания совести его не мучили никогда, и этот случай исключением не был. Он ничего не ощущал по поводу того, что пусть не совсем собственноручно, но обрек кого-то на участь хуже смерти. «Почти» — потому что какой-то его части это казалось забавным. Что действительно вызывало у Алека раздражение, так это сам факт того, что ему все равно.

В общем, пока Сплетница и Скиттер разрабатывали план, как вытащить их из той жопы, в которой они все друг оказались, Алеку оставалось только играть с марионетками из числа мелких банд, да смотреть телек. По которому все равно не было ничего нормального, потому что кабельное телевидение не работало, а антенна плохо ловила бесплатные каналы.

Часть своего сознания Алек выделил, чтобы управлять четырьмя марионетками, пока те

с яростью берсеркеров сражались против шайки мародеров, обосновавшейся в трех кварталах от убежища. Остальная его часть в попытке справиться со скукой смотрела выпуск новостей. Диктор что-то говорил про предвыборные кампании, курсы акций, заявления лидеров Протектората и прочие скучные вещи, которые вгоняли в сон.

Окончательно потеряв интерес к происходящему на экране, Алек задумался, не пора ли сматывать удочки. Работать на Выверта он согласился потому, что это обещало стать простым путем к богатству и власти. Иметь доход с крышевания территории, прилагая минимум усилий — такой вариант развития событий ему нравился, и до некоторых пор все даже к тому и шло. Но в какой-то момент ненапряжная работа обернулась смертельным риском, и это Алека не устраивало категорически.

Нельзя было сказать, что он трусил. Страх, как и прочие чувства, из него надежно выжиг родной папаня. Но после последних двух месяцев воображаемые весы, на которых уравнивались его привязанность к команде и личный комфорт и безопасность, начали давать крен.

Возможно, будет правильнее уехать подальше, где ни Сердцеед, ни Выверт до него не дотянутся. Сменить имя, сменить маску — как Алек уже делал, когда перестал быть Жан-Полем и Взломом. Маску, правда, было жалко. Нынешний образ ему нравился.

Телевизор отключился. Погас свет.

Алек нахмурился. Отключение электричества в полуразрушенном городе не являлось чем-то из ряда вон выходящим, но инстинкт говорил ему, что происходит что-то похуже. Он направил марионеток, успевших разделаться со своими противниками, обратно к своему логову и выглянул из комнаты. Там тоже царил мрак, а выделенные Вывертом наемники светили себе фонариками, нервно переговаривались и проверяли оружие.

— В чем дело? — спросил Алек.

— Связь пропала, — мрачно ответил командир. — На всех частотах одни помехи.

Бойцы начали занимать позиции возле окон. Алек, за отсутствием лучших вариантов, вернулся в комнату и взял свой электрошоковый скипетр и пистолет. Строго говоря, в бою от него было бы намного меньше пользы, чем от любого из наемников, но он обязан был поддерживать репутацию, а не отсиживаться за спинами тех, кто не имел способностей.

Потом его марионетки умерли. Мгновенно.

Они не успели ни увидеть убийцу, ни услышать. Каждый почувствовал только вспышку боли в каждой клетке тела, прежде чем ментальный контакт прервался. Значит, не Протекторат, они бы не стали без крайней нужды убивать гражданских, пусть и попавших под действие способностей Властелина. Но и не Бойня № 9, никто из них не обладал силами, позволяющими повернуть подобное. Империя-88? У них есть новые кейпы, но они далеко.

Или...

Алек нервно сглотнул. Пришедшее на ум объяснение пугало, по-настоящему пугало. Не потому, что сулило неприятности, а потому что было очень похоже на правду.

— О'Хара, Дженкинс! Проверить периметр! — приказал командир.

Двое наемников выскочили наружу, держа автоматы наготове. Алек продолжал чувствовать их нервные системы, даже когда они скрылись за дверями. Он достал свой сотовый телефон, но тот был мертв, как и вся остальная электроника. Значит, никакой возможности связаться с товарищами или Вывертом. Паршиво.

Наемники, отправившиеся на разведку, вдруг исчезли. Без криков, без выстрелов. Даже

ощущение их нервных импульсов, не погасло, как это произошло бы при смерти, а просто прекратило существовать в один момент. Впрочем, едва ли их участь была сильно лучше.

— Твои люди мертвы, — сказал Алек командиру. — Их убили только что. Не знаю кто, они погибли мгновенно.

— Тогда надо уходить. Босс приказал не вступать в противостояние.

— Мне кажется, уже поздно...

— Что значит «поздно»?!

Ответить Алек не успел. Входная дверь распахнулась, и внутрь здания ворвался человек. Хотя нет, уже не человек. Это был один из наемников, точнее то, что от него осталось. Половина его горла была вырвана, на месте глаз зияли пустые провалы. Он был повешен на собственных выпущенных кишках, которые обматывались вокруг его туловища и шеи и уходили куда-то вверх. Живот ему тоже вспороли не ножом, а словно разорвали когтями.

Мертвец болтался прямо в проходе, и теперь люди Выверта по-настоящему занервничали. Пугал их, конечно же, не изуродованный труп, а неизвестность. Никто не знал, с чем они столкнулись и откуда ждать удара.

— Уходим через пожарный выход, — приказал командир.

Отряд выдвинулся, увлекая Алека за собой. К его удивлению, они даже добрались до нужной двери. Пользы от этого, правда, было немного, потому что сама дверь оказалась заварена снаружи.

— Выходи, урод! — взревел один из наемников. — Только и умеешь что прятаться?! А слабо разобраться по-мужски, лицом к лицу?

Алек собирался сказать, что вопить подобное не лучшая идея, но его опередили. В свете фонариков посреди коридора возникла закованная в черную броню фигура. Бойцам даже не требовалось отдавать приказы, они как один вскинули оружие и открыли огонь.

Без толку.

Фигура даже не покачнулась под градом пуль. Она сделала шаг, другой, третий — легко и непринужденно, словно на прогулке. А потом мгновенно очутилась за спинами отряда, схватила командира и без видимых усилий оторвала ему голову.

Алек, даром что был оглушен и ослеплен стрельбой, сориентировался раньше всех. Он даже не попытался пустить в ход пистолет, а бросился бежать прочь. Пока этот монстр занят наемниками, он может успеть как-то связаться с остальными Неформалами, предупредить их об опасности...

Выход был запечатан. Не заперт, а именно запечатан. Дверной проем перекрывал тонкий серый барьер, примерно равный ему по периметру, но очень тонкий, не больше миллиметра. Можно было просунуть под него палец, чтобы пощупать с другой стороны, но не сдвинуть с места. Такие же серые завесы запечатывали все окна, через которые можно было выбраться.

Впервые за много лет Алек почувствовал настоящий страх.

Будь ситуация менее отчаянной, он бы посмеялся над иронией. Какая же малость потребовалась, чтобы вернуть ему чувства! Всего лишь неуязвимый и неостановимый маньяк, который пришел за ним. Маньяк, полностью иммунный к его силе, вопреки тому, что однажды уже побывал под ее воздействием.

Но почему Выверт не применяет свою силу, чтобы направить вероятности по нужному пути?! Почему его Дружок не предупредила о такой вероятности?! Почему Сплетница, которая вечно все знает, не узнала, что самый страшный ебанат на свете жив и здоров?! Он

нашел способ заглушить силы всех троих, или Алека просто списали как токсичный актив?!

Алек не знал, что Дина перенапрягла свою силу, когда Выверт, Неформалы и Скитальцы планировали операцию по захвату, и не сможет пользоваться ей еще сутки. Что Выверт не мог свернуть плохую реальность, потому что не знал о случившемся, а если бы и знал — это бы все равно никак не помогло, потому что все происходило в обеих линиях. Что Сплетница мается мигренью и не смогла бы угадать даже пароль от домофона.

Крики и стрельба тем временем стихли. Люди Выверта были мертвы, а это значит, что и самому Алеку осталось немного. Он посмотрел на серую пелену, закрывающую окно. Вот и чем было дело. Вот почему у него из головы не шла Виста. Глаз за глаз, как говорила Сука.

Алек дослал патрон и взвел курок. Совершать самоубийство оказалось неожиданно трудно, хотя вроде бы что сложного, нажал на спусковой крючок и готово. Он приставил ствол к виску и подумал о Брайане, который больше никогда не будет пытаться научить его рукопашной. О Лизе, которая не будет раздражать своим всеведением. О Рейчел, чьи собаки обожали занимать его любимое место на диване. О Тейлор, жутковатой, но удивительно наивной. О сестричке Брайана, Аише, у которой жопка была ниче так.

И нажал на спуск.

Попытался нажать.

Потому что его кисть вместе с пистолетом мгновенно превратилось крошево, смятое латной перчаткой.

Алек взвыл и рухнул на пятую точку. Сквозь туман боли он посмотрел вверх, но практически ничего не увидел. Черный доспех сливался с темнотой, даже визоры на шлеме не светились, как это было принято у любителей силовой брони.

— Помнишь, я сказал, что убью тебя последним?

Льющийся из динамиков шлема голос поражал своим естественным звучанием. Раньше он был нарочито устрашающим, низким и искаженным, теперь же стал чистым. Алек бы оценил качество звука, если бы бронированная нога с хрустом не опустилась сначала на одно его колено, а затем на второе. Левую руку постигла та же участь, она сложилась почти вдвое, выставив наружу обломок кости.

От боли Алек ненадолго потерял сознание, но когда пришел в себя, все стало только хуже. Он был подвешен на мясницких крючьях, продетых через складки кожи или прямо через плоть. Крючья крепились к крестовине, которая была прикручена прямо к потолку и свободно вращалась.

— Так вот, Взлом, — сказал Магистерий. — Я пошутил.

Он нажал кнопку на каком-то пульте и маленький моторчик над головой Алека зажужжал, раскручивая крестовину. Крючья впились в его тело, которое начало раскачиваться на них... как марионетка на ниточках.

Магистерий поднял правую руку.

Мир вокруг стал серым.

— Приятно провести вечность, урод, — сказал он и улетел, пробив собой потолок и крышу.

7.1 Детонация

— Ты пройдешь испытание, — объявила Птица-Хрусталь. — Сибирь выбрала тебя, и считает твой потенциал неплохим... но, по-моему, ты просто никчемная тупица.

Рыжая девка злобно зыркнула на нее и снова попыталась вырваться из хватки. Тщетно. Стекло не могло проколоть ее кожу, укрепленную множеством выпитых жизней, но чистой силы все равно не хватало, чтобы освободиться от нескольких тонн стекла.

— Я тебя разорву на части, — пообещала рыжая, но уверенности в ее голосе не было. Не из-за недостатка сил, а из-за обычной трусости.

— Мечтай, — хмыкнула Птица-Хрусталь. — А теперь об испытании. У тебя двое суток, чтобы его пройти. Справишься — перейдешь к следующему этапу. Провалишься — я тебя убью. Набью мелкий песок в твои легкие, и ты задохнешься в мучениях, какой бы сильной ни была.

В подтверждение своих слов она раздробила один из осколков в крошку и забила ею ноздри рыжей. Та бешено затрясла головой, но Птица-Хрусталь полностью контролировала стекло и протолкнула его еще глубже, раздирая носоглотку. Внутри рыжая была не настолько прочной.

— Ты пожираешь людей, чтобы становиться сильнее? — с ленцой протянула она, извлекая стекло. — Ты уже близка к нам, но этого недостаточно, потому что у тебя фантазии как у курицы, и столько же смелости. Ты нападаешь только на тех, кто не может дать тебе отпор. Трусам в Бойне № 9 не место, так что придется заставить тебя стать смелее. Убей любых трех героев из Протектората или Стражей, и ты не имеешь права кормиться до тех пор, пока не сделаешь это. А также есть и пить. Нарушишь эти правила — я об этом узнаю и убью тебя.

Рыжая что-то еще пыталась сказать, но закашлялась от попавшей не в то горло крови. Птица-Хрусталь скривилась. У Сибири отвратительный вкус, если она выбрала кандидатом такое ничтожество. Сама она подходила к выбору щепетильно, тщательно изучала каждого, кто представлял интерес, и на этот раз положила глаз на интересного мужчину. «Низложенный Король», так его назвала Душечка. Птица-Хрусталь предпочла бы Крюковолка, но кандидат Джека прикончил его всего за несколько часов до вербовки.

— Время пошло, — сказала она напоследок и приготовилась улететь.

Стремительно приближающаяся черная точка заставила ее замереть на месте и позвать к себе все стекло и весь песок, какой только был в округе. Наложенный Ампутацией шов снова вспыхнул воспоминанием о боли. Кандидат Джека, «Падший», вернулся после побега с собственной вечеринки.

«Падший», еще одно прозвище, данное Душечкой. Меткое, но на вкус Птицы-Хрусталь слишком прямолинейное. Хотя имя кандидата должно было сейчас волновать в последнюю очередь.

К ее удивлению, Падший не стал атаковать. Он замедлил полет и остановился в десятке метров от нее, примерно на одной высоте. Двигатели на его ногах и спине тихо гудели, полурасправленные механические крылья слабо шевелились, будто живые, и издавали еле слышный звон. Составляющие их кристаллические пластинки перемещались и поворачивались.

— Это и есть ваше испытание? — спросил он безучастно. — Всего лишь убийство

героев?

— Я хотела назначить его тебе, но ты очень грубо ушел.

— Да, извини. Даже не успел толком рассмотреть твои кишки.

— Ты так хочешь, чтобы я вбила линзы твоего шлема прямо тебе в череп?

— Ты не сможешь этого сделать, потому что они из алмаза. Также ты никак не сможешь вывести из строя мою броню, потому что в ней нет ни грамма кремния. Будем считать, я прошел твое испытание заочно, в чем бы оно ни заключалось.

— Чего тебе надо?

— Я решил немного изменить правила. Если вы так хотите меня видеть в вашей компании бомжей, я испытаю каждого из вас. И если хотя бы половина пройдет испытания, я соглашусь присоединиться.

— Бойня так не работает, щенок! Мы тебе не какие-то мальчики и девочки на побегушках, которых можно строить! Джек расстроился, когда ты плюнул ему в лицо, а когда Джек расстроен, Сибирь набивает брюхо. Если повезет, успеешь придумать эпитафию себе на могилу.

— Сибири здесь нет. А я есть. И я говорю — сейчас мы будем состязаться в песнях. А судьей будет вот эта рыжая милашка. Ну, она бы была милашкой, если ее отмыть, — Падший подлетел к рыжей. — У тебя имя есть?

— Эмма, — угрюмо ответила рыжая.

— Да не такое имя. Кейповское.

— Она не придумала, — встряла Птица-Хрусталь, которую уязвило пренебрежение. — Мы зовем ее «Мухоловкой».

— Она Властелин?

— Нет, Контакт-Бугай. Поглощает живую органику при прикосновении и усиливает себя.

— А почему «Мухоловка»?

— Потому что кормится мухами, — презрительно отозвалась Птица-Хрусталь и освободила Эмму от своего стекла. Та грохнулась на землю, и стало видно, что одежда на ней сугубо символическая. — Она заманивала мужиков и поглощала их.

— Главное, что она не глухая. Полетели повыше, Птичка. Будем петь. И отказа я не приму.

Падший взлетел, и Птица-Хрусталь последовала за ним. Ее чутье, обострившееся за годы среди монстров, твердило о каком-то подвохе, но возможность спеть, заявить о себе на весь город, продемонстрировать свою полную мощь... от такого она отказаться не могла. Кроме того, что-то в Падшем было такое, что вызывало успокоение. Даже симпатию.

Броктон Бей раскинулся внизу, с высоты его охватить взглядом от края до края. Оставленный Левиафаном Ров выделялся особенно. От Птицы-Хрусталь не укрылось, что Падший задержал на нем внимание, прежде чем развернуться к ней. Это было объяснимо, ведь это была его битва, и Ров был его следом в истории.

— Уступаю первую арию даме.

— Почему именно песни? — спросила Птица-Хрусталь. Подозрения не заглохли полностью, и необъяснимую симпатию она бы наверняка списала на влияние Властелина... но искусственные нейроны, вживленные Ампутацией, должны были дать полный иммунитет к эмпатическим силам.

— Потому что когда-то давно я присутствовал на концерте подлинного виртуоза, —

ответил Падший туманно. — Это было много лет назад, но та чудесная песня до сих пор стоит в моих ушах. Я лишь надеюсь однажды найти кого-то столь же искушенного.

— Что за вирутоз? Я о нем слышала?

— Наверняка. Хотя и не понимала, о ком идет речь. Расскажу, когда закончим.

— Тогда смотри и слушай.

Птица-Хрусталь погрузилась в свою силу, ощутила голос каждой песчинки, кусочка стекла и кремниевого процессора на километры вокруг. Ее сила распространялась со скоростью звука, резонировала, повторялась, усиливалась. Чем больше вокруг было подвластного вещества, тем мощнее отзывалась ее сила, тем больше был радиус и контроль. В самый первый раз, когда она выпила содержимое проклятого флакона, то уничтожила Дубай. Огромный мегаполис, жемчужина Ближнего Востока, превратился в пустошь. Десятки тысяч убитых, сотни тысяч искалеченных. Каждый раз, когда она пела, то словно возвращалась в тот миг...

За миллисекунду до того, как стеклянный шторм захлестнул город, песня вдруг оборвалась.

Заглохла.

Ее сила продолжала действовать, но одновременно невыносимый и неразличимый звон разрушал эффект у самого источника, гасил противофазой. Она больше не могла петь. Хуже того, исчез даже ее контроль над тем стеклом, которым она поддерживала себя в воздухе, составленная из цветного стекла маска в виде птичьего клюва опала с ее лица, оставив несколько царапин. Она успела ощутить мгновенное головокружение свободного падения, прежде чем сильные руки обхватили ее сзади.

Птица-Хрусталь обернулась, и ее внутренности стиснул страх. Все очарование Падшего махом испарилось. Она не могла взять в толк, как вообще доверилась этому воплощенному ужасу.

Крылья. Дело в крыльях. Это их звон угнетал нервную систему, заставлял расслабиться. А теперь они перешли в другой режим. В такой, в котором могли глушить ее силу. Но как?! Ведь Ампутация...

Мир перевернулся, и Птица-Хрусталь увидела стремительно приближающуюся землю.

...

Эмма наблюдала за происходящим в вышине со страхом и потрясением. Обретенная сила уверила ее, что она была сильной, что она стала настоящим хищником, и она на протяжении многих дней доказывала это. Но пришла Бойня № 9, и оказалось, что есть кое-кто выше хищников.

Чудовища.

Одно такое чудовище явилось к ней два дня назад. Сибирь беззвучно посмеялась над бесплодными попытками убить ее и оставила записку с приглашением. А потом откусила Эмме мизинец.

Ей пришлось ждать полдня, чтобы палец вырос заново. Она держала записку при себе, перечитывала ее раз за разом, и с каждым прочтением все больше склонялась к тому, что нужно соглашаться.

Теперь пришло второе чудовище, которую прервало третье — мужчина, судя по голосу, в угольно-черной летающей силовой броне. Эти двое о чем-то переговаривались на высоте, но Эмма ничего не могла услышать. Зато увидела, как мужчина схватил Птицу-Хрусталь в охапку, и ринулся с ней к земле.

И когда оба вот-вот должны были разбиться, мужчина вдруг исчез и появился рядом с Эммой. Он взмахнул правой рукой, и пространство вокруг Птицы-Хрусталь стало серым, образовав что-то вроде колонны. Она грохнулась об землю, распласталась на ней изломанной куклой... а через секунду снова появилась где-то на высоте второго этажа, и снова ударилась об землю. И снова. И снова. И снова... Словно бесконечно повторяющаяся видеозапись, только взаправду. Эмма с дрожью заметила, что Птица-Хрусталь перед ударом иногда успевает повернуть голову, или выставить перед собой руки.

Присутствие мужчины в броне ощущалось почти физически. Концентрированный страх, настолько плотный, что рядом с ним даже дышать было трудно. Эмма не издавала ни звука, она боялась шевельнуться лишний раз, чтобы не обратить на себя его внимание. И все же, несмотря на ее попытки сжаться в незаметную точку, он посмотрел на нее. У него не было глаз — только черные линзы в шлеме, настолько черные, что они казались провалами в космический мрак.

У Эммы перехватило дыхание, когда мужчина в броне поднял руку. Ей показалось, что сейчас вокруг нее появится такая же серая область, где ее она застрянет, обреченная прожить одну и ту же секунду бесконечно. Но рука не окуталась серым. Она лишь сделала скупой и недвусмысленный жест.

Убирайся.

И Эмма побежала. Не помня себя, во всю обретенную силу, она бежала не разбирая дороги. Куда угодно, лишь бы подальше от... от *этого*. Ведь если выше хищников есть чудовища, тогда как назвать то, что выше чудовищ?

— Лиза, — надтреснутым голосом проговорил Мрак. — Ты понимаешь, почему я иногда зову тебя тупицей?

То, что он назвал ее обычным именем, только подчеркивало серьезность ситуации. На Сплетницу было жалко взглянуть — волосы растрепались, глаза судорожно бегали по сторонам, она ни секунды не стояла на месте, словно пытались уловить каждую возможную кроху информации, которая могла бы ей помочь.

— Так не должно было быть! — выкрикнула она. — Слишком быстрая реакция... несоразмерная... не соответствует психологическому состоянию... Бойня № 9 не смогла его завербовать, по крайней мере, не сразу. Но его сломали. Обрезали якоря. Пытали и убили кого-то близкого. Родителей. Нет, не убили. Вынудили убить. Нет, не то, не сходится! Здесь что-то еще!

Неформалы собрались возле убежища Регента. Окна и двери были намертво перекрыты серыми петлями, либо просто заварены, но Скиттер запустила внутрь насекомых внутрь через дыру в крыше. Обстановка не внушала оптимизма. Тела наемников Выверта были истерзаны настолько, будто их пропустили через мясорубку. Одного лишь этого хватало, чтобы содрогнуться, но худшее обнаружилось в личных апартаментах Регента. Правильная цилиндрическая область, непроницаемая и неразрушимая, из которой доносились крики.

Регент был в сознании. Скиттер попыталась связаться с ним, выстроила из насекомых слова, но стало только хуже. Собирая остатки воли, которая таяла с каждым циклом петли, Регент проклинал их последними словами, обвинял товарищей в том, что они его подставили.

— Лучше бы вы... убили меня!.. Сдали труп!.. Если... хотели... откупиться!

— Слишком точно выбран момент... воспользовался окном, когда Дина не

восстановила силу... не знал о том, что Дина не может пользоваться силой... — бормотала Сплетница, глядя в пустоту. — Не знал о силе Выверта... не уверен, реален ли Выверт...

— Кончай гундеть, лучше скажи, как нам вытащить Регента!

— Никак! Сломать его петлю сейчас может один человек на земле — тот, самый, который в ней Регента и запер!

— **ТОГДА Я ЕГО ЗАСТАВЛЮ!** — прогремела своим роем Скиттер. — **НЕ ЗНАЮ КАК, НО ЗАСТАВЛЮ!!!**

— Не выйдет. Ничего не выйдет. Будь живы его родители, мы могли бы захватить их в заложники, но Девятка добралась до них раньше. Теперь на него просто нечем давить.

— А если пригрозить убить кого-то из Стражей?

— Бесполезно. Он тогда скорее прикончит их сам, чтобы «избавить от мучений».

— А все потому, тупица, что ты отпустила его живым! — процедил Мрак сквозь зубы.

— Если бы этот идиот Трикстер не грохнул Элита, то и не пришлось бы! Но его, видите ли, достало ныть!

— Меня ваше нытье тоже достало, — сообщила до этого молчавшая Сука. — Просто придумайте, что делать.

— **НАТРАВИМ НА НЕГО ГЕРОЕВ,** — предложила Скиттер и вывесила перед Регентом надпись, что скоро его вытащат. — **СДЕЛАЕМ СНИМОК РЕГЕНТА ПРИШЛЕМ В СКП. Я МОГУ ПРОНЕСТИ КАМЕРУ С ПОМОЩЬЮ НАСЕКОМЫХ.**

— Как бы они не сказали, что туда нам и дорога, — Сплетница вздохнула и потерла ноющие виски. — Но это лучше, чем ничего не делать. Только слать надо не в местный офис СКП, а в головной. И копию кому-то из Триумvirата. Они имели дело с Серым Мальчиком, и не станут недооценивать угрозу.

— Если только Триумvirат успеет отреагировать, — скептически заметил Мрак.

— Ему мало нас просто засадить в петли. Он хочет нас наказать, каждого по-своему, так что ему нужно время чтобы подготовиться. Это слабость, которой можно воспользоваться. Кроме того, на Девятку он сейчас зол не меньше, так что скорее всего сейчас он начнет охоту за ними, а это гарантированно спровоцирует Сибирь и Краулера. Даже если справится с обоими, это его займет надолго.

Коротко пиликнула прилетевшая СМСка. Скиттер достала свой телефон, и неразборчиво ругнулась.

— **МАНЕКЕН. НА МОЕЙ ТЕРРИТОРИИ,** — сказала она. — **ЕДЕМ.**

— Какого хрена ему там надо? — спросил Мрак, забираясь на монстро-собаку.

— Ему не понравилось, что кто-то заботится о людях, — пояснила Сплетница. — Большая тема.

Неформалы мчались на собаках по пустынным улицам быстрее любого автомобиля, но было ясно, что они в любом случае опоздали. Собаки способны были покрыть нужное расстояние меньше чем за минуту, но это значит, что у одного из опаснейших убийц в Западном полушарии будет целая минута, чтобы вдоволь порезвиться.

Но когда они добрались до места, где обосновалась Скиттер, стало ясно, что лучше бы они опоздали. Все, что им оставалось — это наблюдать достаточного расстояния, с крыши уцелевшего здания.

Манекен с выдвинутыми из рук клинками стоял посреди дороги среди окровавленных тел — мирных жителей, всего лишь пытавшихся выжить в разрушенном городе. А на другом конце улицы угрожающе возвышалась черная фигура с мечом в руке.

Фигура сделала шаг вперед. Манекен отступил на шаг.

Фигура продолжила движение. Манекен попятился.

Фигура прибавила шаг. Манекен развернулся и бросился бежать.

Бегал самодифицированный Технарь очень быстро, намного быстрее собак Суки, но это его не спасло. Его противник применил телепортацию, с разрядной вспышкой оказавшись прямо перед ним, и ударил из низкой стойки по ногам. Манекен на секунду потерял равновесие, но тут же выстрелил своими руками куда-то вверх. Его руки по локоть крепились на тонких цепях, очевидно, он хотел притянуть себя как кошкой.

Два красных луча сбили цепи.

Черная фигура куда-то спрятала меч и схватила Манекена за голову. Тот не терял времени, выдвинул из обрубков рук какие-то орудия и выстрелил из них. Без малейшего эффекта.

А потом его просто начали рвать на куски. Тщательно. Молча.

С каким-то извращенным педантизмом каждая сегментарная часть искусственного тела Технаря сокрушалась, дробилась и ломалась. Он пытался сопротивляться, пытался вырваться из хватки, пожертвовав каким-то деталями, но с тем же успехом он мог бы пытаться сложить планету вдвое.

Меньше чем через минуту от Манекена осталась лишь гора белых обломков, истекающих серой жижой, да последний, самый крупный сегмент, раньше бывший грудью. Видимо, там располагался мозг. Он уже не мог никуда сбежать, неподвижный, с виду мертвый, но сила Сплетницы говорила, что Технарь все еще жив. И что он радуется долгожданной смерти.

Его палач между тем не торопился наносить последний удар. Вместо этого он достал из пространственного кармана картонную коробку и принялся вытаскивать из нее какие-то устройства, соединенные проводами.

— Это что он делает? — спросила Чертенок, которая только что отключила свою силу, и только потому ее заметили.

— Готовит наказание, — хрипло прошептала Сплетница. Она смотрела за происходящим не мигая, боясь упустить даже малейшую кроху информации. — Я же сказала, что ему мало просто убить.

— Что-то это за наказание такое? Хотя не, молчи. Не хочу знать.

— Манекен сошел с ума, когда его семью убила Симург. Эти устройства содержат записи моделированных голосов жены и дочери Манекена, и их образы в таком формате, в котором их могут воспринять чувства Манекена. Моделирование проведено по фотографиям из досье, — монотонно выдала Сплетница.

И вдруг тихо засмеялась. Неформалы обеспокоенно посмотрели на подругу, резонно опасаясь, что от перенапряжения она сошла с ума.

— В щем д'ло? — собственным голосом спросила Скиттер. Она опасалась использовать рой, чтобы не выдать их укрытие.

— Я поняла! Все сходится! — Сплетница не то всхлипнула, не то икнула. — Симург. Это все ее крыльев дело.

— При чем тут Симург? — спросил Мрак.

— При всем. Когда мы захватили говнюка, я поняла, что он уже попадал под контроль сильного Властелина. Давно, до обретения сил. Я не придавала этому значения, сочла просто старым травмирующим эпизодом. Но теперь все сходится. Этим Властелином была Симург.

Это она покопалась в его мозгах, а скорее и в мозгах всей его семейки. И в результате получилось... получилось вот это.

Она показала пальцем. Упомянутый «говнюк» закончил прилаживать пыточные приспособления и отошел немного назад. Его правая рука окуталась знакомым монохромным эффектом, и останки Манекена оказались заключены в небольшую серую зону, меньше метра в поперечнике.

— Мы должны об этом сообщить, — прошептала Сплетница с жаром. — С тем, кого испортила Симург, церемониться точно не станут. С нас снимут все обвинения!

Черная фигура замерла, а потом медленно повернула голову. В их направлении.

— Бля...

Вспышка телепорта возвестила, что бежать уже поздно.

Развернувшиеся в полный размах механические крылья испустили поток жесткого излучения, от которого рассыпались в пыль экзоскелеты и крылья насекомых на сотни метров вокруг.

«Модулированная частота, избирательно воздействующая на хитин», — мелькнуло в голову Сплетницы.

— Убить! — заорала Сука. — Джинджер, Аксель, Стампи! Убить!

Но исполнять ее команду уже было некому. Собаки умерли на месте секундой раньше, пронзенные лучами бластеров. Мрак и Скиттер, не сговариваясь, выхватили пистолеты и открыли огонь. Пули отскакивали от брони, но Сплетница понимала, что даже попади они в линзу шлема, толку было бы мало.

«Каждый элемент существует во множестве измерений. Нанесенный ущерб вытесняется и нивелируется через квантовые эффекты. Предел поглощения урона ограничен. Возможно истощение ресурса брони. Уязвимость к пространственным и темпоральным эффектам».

Эта информация для Сплетницы была бесполезна. Это она уже знала еще с битвы против Левиафана. Оружие на руках брони сменилось с бластеров на что-то другое, и Неформалов парализовали электрические разряды. Не спасли даже диэлектрические костюмы из паучьего шелка.

Линзы шлема неторопливо изучили каждого из Неформалов.

«Обманчивая расслабленность. Настороже. Предполагает наличие технарских устройств, способных повредить броню. Готов отреагировать мгновенно. Не предполагает наличие союзников. Контролирует окружение в большом радиусе».

— Раньше я был о тебе лучшего мнения, Тейлор, — прошелестел из динамиков безжизненный голос. — Я всего лишь пытался направить тебя к свету, но ты предпочла жизнь во тьме. А если червь обитает во тьме, то зачем ему глаза?

Сплетница краем глаза видела, как Скиттер приподняло над поверхностью крыши, а потом раздался тихий влажный хруст.

«Выколол ей оба глаза пальцами. Не собирается убивать сейчас. Не собирается пытать сейчас».

Скиттер упала, все еще не способная двигаться от электрошока. Почти все насекомые на сотни метров теперь были для нее бесполезны. Без хитиновых панцирей и крыльев они не могли даже сдвинуться с места.

— Ты будешь следующим.

«Это он про Мрака».

— А ты пойдешь на десерт. Для тебя я приготовлю нечто особенное.

«Это про меня».

Если бы язык слушался Сплетницу, она бы сказала что-то очень едкое. Не с целью манипулировать или переубедить — ее сила уже сообщила о неэффективности подобных трюков. Просто чтобы уязвить, оскорбить, причинить боль. Впрочем, вряд ли даже она смогла бы причинить *этому* еще больше боли.

— А тебя я заберу сейчас.

Сука, до этого валявшаяся поодаль, исчезла из поля зрения Сплетница. Загудели реактивные двигатели, и подавляющее ощущение присутствия вскоре пропало. Однако прошла еще минута, прежде чем Скиттер смогла подползти к ней и перевернуть на спину.

— Сплетни'са, — прохрипела она невнятно. — Вс'авай. Надо и'ти.

Вот так всегда. У нее в глазницах сочащееся кровью месиво, а она о себе вообще не беспокоится.

— Скиттер, а ты не думала присоединиться к героям? — пробормотала Сплетница заплетающимся языком. — Ну, вступить в Стражи, с испытательным сроком... может, это будет безопаснее... и глаза вылечат... наверное.

— Не носи ег'унду. Гег'ои — бесполесный мусог', а я не могу бг'осить Дину.

— Но мы все еще должны передать им информацию про порчу Симург. И молиться, чтобы Тримвират успел отреагировать.

— Не нушно. У меня ес'ь план, но для этого нушно г'аботать вмес'е с АПП.

— Ты про Тору?

Скиттер кивнула.

— Наш вг'аг — Технаг'ь. А ее сила ломает обог'удование.

— Если только успеем... — Сплетница закрыла глаза, борясь накатывающей мигренью. — Он забрал Суку, но наказание для нее не успел приготовить, так что ему придется повозиться от получаса до двух. Потом он не возобновит охоту за нами, пока не уничтожит двух любых членов Девятки. Если это будут Ожог и Душечка, то справится быстро, их силы ему не страшны. Джек и Ампутация почти наверняка тоже не проблема. Но если попадется Сибирь или Краулер — это займет его надолго.

— Знаете, ребята, — простонала Чертенюк, снова отключившая свою силу, из-за чего ее стало видно. — Чет это все нифига не весело.

Я двигался на километровой высоте, описывая широкие круги над городом. Моя ноша яростно брыкалась, ругалась и разбивала кулаки о шлем, но это не доставляло неудобств. Я держал ее достаточно крепко, чтобы она не упала и не разбилась. Такой исход был нежелателен. Быстрая смерть в мои планы не входила. Конечно, можно было зафиксировать момент падения, заставить Адскую Гончую биться об землю снова и снова, но в этом не было гармонии. Такая участь подходила Птице-Хрусталь с ее непомерным самомнением и призрачным налетом эрудиции, скрывающей животную сущность. Адская Гончая и была животным, лишь по недоразумению сохранившим человеческий облик.

Убивать ее не обязательно. Достаточно уравновесить форму и содержание.

Но объем работ, требующихся для должного эффекта, очень велик, потребуется множество манипуляций слишком сложных для имеющихся у меня инструментов. Самостоятельная работа в этом направлении потребует до трех месяцев целенаправленных изысканий, экспериментов и строительства оборудования. Лучше не изобретать велосипед и

обратиться к мастеру.

Я спросил у песни, в верном ли направлении мыслю, и та ответила нежным прикосновением, дуновением эйфории. Вызывало неприятные ассоциации с крысой, которой в центр удовольствия вставили электрод, но меня это уже не волновало. Меня ничего не волновало. Ни собственное состояние. Ни окружение. Ни последствия.

Я на своем месте — и это прекрасно. Именно там, куда Симург вела меня с самого детства.

Разыскать Ампутацию оказалось сложнее, чем Взлома или Птицу-Хрусталь. Первого удалось отследить по ДНК-маркеру, вторая даже не пыталась скрываться. С Ампутацией было иначе. Ее пришлось выслеживать по косвенным признакам — через энергетическую сигнатуру Сибири. То, что существует и не существует одновременно. Абсолютная пустота, в пределах которой нет ни вещества, ни излучения, ни массы.

Обосновалась Девятка на севере города. И из всех зданий в квартале они выбрали то, где еще жили люди — только для того, чтобы было кого убить. Кроме Сибири сканирование обнаружило еще двух женщин и одну громадную массу трудноанализируемой органики. Краулер, Сибирь, Ампутация, и либо Душечка, либо Ожог. Джек куда-то отлучился в компании одной из дам.

Я спустился на балкон соседней квартиры. Адская Гончая снова разразилась грязной бранью и попыталась меня пнуть, так что пришлось приложить ее пару раз лицом об стену, и тащить дальше под мышкой.

— I remember, years ago someone told me I should take, — промурчал я поднос, — caution when it comes to love, I did.

Дверь в убежище Девятки я выбил с ноги.

— And you were strong and I was not, my delusion, my mistake, — запел я ужев полный голос, уверенно проходя внутрь, — I was careless, I forgot, I did.

Выражение на лицах самых опасных маньяков Америки было бесценно. Ампутация и Ожог пусть всего на миг, но раскрыли в удивлении рты. Краулер, занимавший собой целую половину комнаты, вскочил на все шесть лап и изготовился к прыжку, но передумал, когда все здание под его весом затряслось. Одна только Сибирь внешне не проявила чувств, но немедленно сместилась так, чтобы закрыть собой Ампутацию.

— Птичка и Манекен провалились, — сказал я. — Они не прошли мои испытания и понесли наказание.

— Эй, это мы должны тебя испытывать! — возмутилась Ампутация, высунув голову из-за спины Сибири.

— Если пройдешь мое испытание — испытывай сколько влезет, — возразил я. — Кстати, вот и оно.

Я бросил Адскую Гончую на пол перед собой.

— И что мне с этим делать?

— Это Адская Гончая, но вроде бы свои зовут ее Сукой. Не суть важно. Ее сила действует на собак, и превращает их в огромных чудищ.

— Я знаю, кто это. Ее рассматривали как кандидата, но Сибирь отказалась от нее в пользу другой девчонки, а остальных она не заинтересовала.

— Суть в том, что Адская Гончая имеет ментальность собаки, запертой в человеческом теле. Исправь это несоответствие. Может, сможешь сделать так, чтобы она могла влиять своей силой на себя. Или даже на людей.

Ампутация окончательно осмелела, подошла к Адской Гончей и потыкала ее голову пальцем.

— Мог бы что-нибудь и посложнее придумать, — недовольно заметила она. — Но вот перенацелить силу с собак на людей нельзя.

— Почему?

— Потому что в момент триггера, когда сила приобретает свою форму, пассажир не то исчезает, не то застывает в определенном состоянии. Как обожженная глина.

— Пассажир? — переспросил я. — А, ты имеешь ввиду демонов. Те огромные базы данных, которые подключены к нашим мозгам через *corona pollentia*, и которые находятся в недостижимых измерениях.

— Да, именно про них! — Ампутация чуть не подпрыгнула на месте от радости. — А почему ты зовешь их демонами?

— Потому что я воспринимаю это именно так, что некий демон нашептывает мне на ухо, как собрать ту или иную штуковину. Иногда это и вовсе напоминает одержимость, я даже не помню что происходило между моментом, когда я зашел в мастерскую, и моментом, когда держу в руках готовое изделие.

— Ага. И они действительно не крошечные, а огромные, просто находятся где-то далеко-далеко?!

— Мои исследования указывали именно на это. Огромные объемы энергии, молниеносная обработка чудовищных объемов информации и трансдименциальные колебания в момент триггера. Иногда я представляю, как где-то в тысяча четыреста восемьдесят восьмом измерении лежит гигантский амебо-дерево-кальмар и играет на своем аналоге Nintendo Switch, заточенном под корнешупальца, в симулятор моей жизни.

Ампутация с серьезным видом покивала головой, после чего свистнула, и несколько механических пауков, служивших ей миньонами, поволокли Адскую Гончую на импровизированный операционный стол.

— Ладно, я возьмусь за твое испытание, — сказала она. — А вот тебе мое. Устрой кому-нибудь триггер и принеси мне данные, которых я еще не видела. Я в основном работаю с мясом, но интересно посмотреть на все с другой точки зрения.

— Могла бы что-нибудь и посложнее придумать, — в тон ей ответил я.

Ампутация ушла в соседнюю комнату и принялась там чем-то греметь и звякать.

— Сибирь! — недовольно крикнула она. — Мне нужны живые собаки! Штук шесть, а лучше больше! Налови, пожалуйста!

Без лишних слов, а точнее вообще без слов, черно-белая женщина выскользнула в открытое окно и скрылась из виду. Я повернулся к Ожог и Краулеру. Те помалкивали, пока я разговаривал с Ампутацией, так что становилось понятно, кто в группе главнее.

— Теперь ваша очередь. Кому хватит смелости следующим пройти мое испытание?

Краулер двинулся вперед, от чего стены и пол снова ощутимо задрожали.

— Сразись со мной! — проревел он. Это даже не было голосом в привычном смысле, его пасть размером с небольшой автомобиль была совершенно непригодна для речи. Он издавал звук какими-то иными органами, плохо приспособленными для этого. — Я знаю, ты дрался с Левиафаном один на один! Сразись со мной и покажи все, что можешь!

— О, да ты у нас смельчак. Ну, хорошо, я дам тебе такой бой, равному которому у тебя не было и не будет. Для уравнивания шансов я даже не буду использовать вот эту штучку, — я поднял правую руку и на секунду вывел «Яркую девочку» в рабочий режим, что проявилось

серым ореолом. — Но перед этим ты пройдешь мое испытание.

— Какое? — нетерпеливо рявкнул Краулер.

— Просто невыносимое, — заверил я его. — Все как вы, Бойня № 9, любите. Пошли с мной, по дороге объясню.

Я вылетел в окно тем же путем, каким Сибирь до этого, а следом выскользнул Краулер. Его сверхадаптивная физиология преподнесла сюрприз и в этот раз. Я думал, что он снесет стену, но он оказался таким же текучим, как кошка, и даже не повредил раму. Он побежал вдоль по улице и я снизился, чтобы лететь рядом с ним.

— Так что за испытание? — повторил Краулер.

— Необычное. Для него нам нужно навестить одну мою подругу, ее зовут Панацея.

К тому времени, когда я разыскал Панацею, успело стемнеть. Ее собственный мобильник полностью разрядился, и это еще можно было объяснить. Эми всегда была довольно небрежна в вещах, которые касались ее лично. Но когда не удалось запеленговать телефон Виктории, я насторожился. Мисс Сопутствующий Ущерб могла под горячую руку сломать кому-нибудь пару костей, забыть поесть или пролететь по школьному коридору вопреки запрету. Но она никогда не позволила бы себе лишиться связи.

Я битых полчаса потратил на прослушку частот СКП и Национальной Гвардии, прежде чем сообразил отследить смартфон Рыцаря. Его сигнал был слабым, аппарат наверняка находился на последнем издыхании — но он работал. А где Рыцарь — там Слава. Где Слава — там Панацея.

Очень вовремя, потому что Краулер терял терпение. Да, я был уверен, что смогу справиться с ним, создав объемную полую петлю достаточного размера. Это бы не заиклило его собственное состояние, но лишило бы любой возможности взаимодействовать с окружающим миром. Скорее всего, он бы даже не умер от голода или удушья. Достаточная кара для того, кто одержим поиском новых и новых раздражителей для своей адаптивной регенерации. Однако в этом не было изящества.

Использовать петлю снова и снова — все равно, что несколько дней подряд есть одно и то же великолепное блюдо, шедевр кулинарии. Даже величайший в мире шедевр приедается. Хотя петля оставалась подстраховкой, на случай если Эми не справится. Поиграть с жертвой по-своему забавно, но это не значит, что у нее должны быть шансы спастись.

Что мне по-настоящему не нравилось — это то, куда вел сигнал Рыцаря.

Не в юго-западную треть, контролируруемую СКП, а на северо-запад, в район заброшенного железнодорожного депо. Его что, тоже похитили? Или Стражи наконец-то отправились в поле? Если второе, то не ясно, кого они там собрались зачищать, северо-запад и в лучшие времена был практически необитаем, и интерес представлял разве что для бездомных.

Немного обогнав Краулера, я описал круг над полуразвалившимся ангаром. Сканирование показывало всего одного человека, но было что-то еще. Довольно заметный объем активной неподвижной органики, которую не получилось определить.

Органика. Женщина, почти наверняка кейп. Служебный смартфон Рыцаря.

Ситуация нравилась мне все меньше, так что я спустился вниз и приземлился рядом с Краулером.

— Ну, долго еще? — проревел он.

— Тихо ты. Уже пришли, — я незаметно для него снял предохранитель с «Яркой девочки» и начал вводить геометрические параметры петли. — Только я сейчас проверю кое-что. Стой тут.

Включив оружие, я проскользнул внутрь ангара через разбитое окно. И тут же пожалел о том, что без лишних затей не сжег весь квартал разом. Потому что к такому меня жизнь не готовила. Даже *моя* жизнь.

В центре ангара возлежало нечто, напоминающее смесь гиппопотама, актинии и Вики Даллон. От первого оно получило размеры, от второго — впечатляющий комплект разнообразных конечностей, щупалец и ложноножек, от третьей — лицо. Точнее лица.

Много лиц, на которых застыло выражение бессмысленного блаженства. На животе этого существа, или на спине, хрен разберешь, возлежала Эми Даллон в костюме Евы, и предавалась настолько извращенному разврату, что в человеческих языках нет слов, чтобы описать и десятую его долю.

Всегда знал, что сестроебский хентай придумали больные ублюдки.

На меня, похоже, никто даже не обратил внимания, что и не удивительно. Я бегло осмотрел ангар и заметил еще пару странных деталей. Во-первых, повсюду валялись куски шкур, кости и фрагменты плоти. Панацея не могла создавать живую ткань из ниоткуда, ей требовался материал. Не знаю, как она наловила столько бродячих животных, но это и не важно. Потому что вторая находка оказалась еще хуже.

В углу валялся бесформенный ком плоти, в котором еще теплилась жизнь. Рядом валялись остатки знакомой брони, от которых и исходил захваченный мной сигнал.

Я переключил внимание на Эми. Та была полностью поглощена своим занятием, и вряд ли заметила бы меня, даже если бы я закричал ей в ухо. Этот блядский цирк пора было заканчивать. Я спустился к Эми, схватил ее за волосы и поднял над телом того, что раньше было Славой.

Эми не сразу сообразила, что происходит. Она вяло отмахивалась руками и шипела от боли, но только до тех пор, пока не смогла сфокусировать на мне взгляд.

Секунда потрясенного молчания. Потом истошный визг. Я вздохнул и залепил ей одну за другой две пощечины.

— Развлекаешься? — поинтересовался я.

Эми молчала. Она часто и тяжело дышала, ее глаза панически метались из стороны в сторону. Ее руки цеплялись за мою, но могли нащупать только металл брони.

— Давай посмотрим правде в глаза, подруга. Ты, блять, совсем пизданулась.

— Это они?! — всхлипнула Эми. — Это они тебя за мной послали?!

— Нет, я сам пришел. Хочу тебя познакомить с моим новым другом, — я подтащил ее за волосы к выходу и несколькими выстрелами из бластера сшиб ворота. — Смотри, это мой друг Нед.

Краулер встал на задние лапы и навис над нами с высоты своего пятиметрового роста.

— И это и есть мое испытание?! — проревел это возмущенно. — Эта малявка?!

— Ага. И если ты боишься испытать на себе ее силу, то уже провалил его.

— Я НЕ БОЮСЬ! — заорал Краулер и рухнул обратно на шесть точек. — Давай сюда свою силу! Сразись со мной!

— Че тебе надо?! Пусти! — от страха Эми одурела настолько, что снова начала вырываться.

— Просто сделай что-нибудь. Дракона например. И чтобы покататься можно было.

Я швырнул ее в Краулера. Тот ловко поймал ее передними лапами, и почти мгновенно обмяк и повалился на бок. Эми почти не было видно за его громадной тушей, но вроде бы ее не раздавило. Во всяком случае, воплей боли слышно не было.

Решив, что можно оставить их вдвоем наедине, я вернулся в ангар. Многоликое многорукое существо с лицами Славы выглядело потерянным, его бесчисленные конечности беспокойно метались, ища и не находя свою создательницу. В свою очередь бесформенная масса, ранее бывшая Рыцарем, возбужденно подергивалась, хотя и не могла передвигаться самостоятельно. Не знаю, что с ним сделала Эми но, похоже, способность чувствовать эмоции оставалась при нем. Он не мог засечь меня, но наверняка ощутил страх Эми и

присутствие Краулера.

Повинуясь мимолетной мысли, рейлган прыгнул в руку. Может, милосерднее просто добить? Нет, не стоит. Наверняка их ищут.

Я извлек из одного из пространственных карманов контейнер с запасом препаратов и принялся изучать содержимое. Стимуляторы, сыворотка правды, регенеративная сыворотка, обезболивающее... все не то. Я подумал про «Лотос». Тоже не подходит. Он предназначался для починки человеческого тела, а не для исправления вмешательства абсолютного биокинетика. Тогда... тогда придется просто быть достаточно убедительным. Я выбрал нужный шприц и поспешил наружу.

Панацея сидела прямо на земле, обхватив колени и уронив на них голову. А рядом с ней на задних лапах сидела шиншилла. Огромная шиншилла, размером с фургон и весом в несколько тонн.

Кажется, этот мир всерьез вознамерился лишить меня рассудка.

— Эми! — я встряхнул ее за плечо. — Какого хуя ты опять натворила?!

— Ты сам просил что-нибудь сделать! — истерически выкрикнула она, не поднимая головы. — Я и сделала «что-нибудь»!

— Я имел ввиду дракона!

Пока Эми захлебывалась слезами, я посмотрел на Краулера. Тот не обращал внимания на нас, предпочитая с любопытством изучать свои обновленные лапы и хвост. Зрелище того, как трехтонная шиншилла гоняется за собственным хвостом, было слишком тяжелым испытанием для моей психики.

— Нед! — окликнул я его. — Тебе нормально?

— Норм-а-ально, — пробасил он. — Я теперь пушистый. Мех это круто.

— Будем считать, мое испытание ты прошел. Драться еще хочешь?

— Неа. Пива хочу. Давно уже не пробовал, — гигантский шиншилл уставился на меня ненормально умными глазами. — Джек он мужик башковитый, но ничего в простых вещах не смыслит. Ни бабами, ни бухлом не интересуется, одну резню ему подавай.

— Без обид, но где я тебе столько пива достану? — такая постановка вопроса заставила меня растеряться.

— Ты же Технар! — с укоризной ответил Краулер. — Придумай чтонибудь.

— А, действительно...

Если подумать, машина для производства пива — это что-то новенькое. Но это не отменяет остальных проблем.

— Эми, подъем!

— Что тебе еще?!

— Марш в ангар, и быстро вернула все взад.

— А если нет?! — она подняла на меня покрасневшие глаза. — Почему я не могу просто взять то, что хочу?! Почему от меня вечно только требуют?!

— Потому что, моя дорогая, ты свихнулась настолько, что превратила свою сводную сестру в шоггота, а ее парня — в амебу.

— А кто ты такой, чтобы мне указывать?! — взвизгнула Эми. — Ты не Конрад! Конрад мертв, убит Левиафаном! Ты просто фальшивка, подделка! Просто еще одного его изобретение, которое думает, что он — это ты!

— Во-первых, нет такого правила, что копия не может превзойти оригинал. Во-вторых, я парень, которые предлагает тебе два стула. Ты можешь сейчас вернуть Вики и Дину их

нормальный облик и психическое состояние. В таком случае я сделаю вид, что не встречал тебя, и дам тебе время уйти достаточно далеко, чтобы они не прикончили тебя, когда очнутся. Или же ты можешь продолжить цепляться за свои противоестественные извращения. В таком случае, я просто применю более мощные средства убеждения, — я продемонстрировал ей шприц. — А когда ты закончишь, то просто снесу тебе твою дурную башку. Это будет гуманнее чем то, что с тобой сделает Виктория после того, как узнает, что ты ей промыла мозги и изнасиловала.

— Но она сейчас счастлива... — к счастью, уверенности в ее голосе уже не было.

— Потому что ты переписала ей мозги. А сколько разговоров было про то, как ты с мозгами не работаешь! Но зачесалась пизда — и все, тушите свет!

Наверное, если бы я избил Эми, она выглядела бы менее жалко. Она нетвердо поднялась на ноги и поплелась к ангару.

— И не тормози там!

Я окинул своей силой окружающее пространство. Вокруг даже после шестнадцати лет упадка оставалось очень много металла, проводки и разнообразных емкостей. Но в силу специализации мне требовалось несколько дней чтобы создать машину для синтеза сложных органических соединений, из которых состояло пиво. Кстати, из чего оно вообще сделано? Никогда не интересовался.

— Жди тут, я быстро! — приказал я Краулеру и взлетел.

Оказывается, тридцать километров — это совсем немного, когда летаешь на скорости в несколько махов. А еще вмонтировать в броню специальный отсек для мелочи было поистине гениальной идеей. Не говоря уже о том, что продавцу в круглосуточном магазине не придет в голову спрашивать у тебя документы, когда приходишь покупать пиво в силовой броне.

— Держи свое пиво, — через несколько минут я грохнул перед Краулером две тяжелых алюминиевых бочки. — Как там Панацея, закончила?

— Не знаю, — гигантский шиншилл схватил передними лапами бочку и уселся на хвост так же, как это часто делал Реми. — Не выходила.

Он надкусил острыми резцами металл и принялся безмятежно потягивать пиво. Насколько я мог судить, Эми не лишила его ни физической мощи, ни способностей к регенерации, ни адаптивности. Она лишь зафиксировала форму. Мне уже жаль тех героев, которым придется с ним сражаться.

Эми обнаружилась в ангаре, стоящей на коленях. Перед ней лежали Дин и Виктория — оба без сознания, оба обнаженные, и вроде бы возвращенные к нормальному состоянию. Вид у Эми был потерянный, будто у пьяницы, проснувшегося после загула с пятнами крови на руках. Она услышала шаги и повернулась ко мне.

— Что я наделала? — прошептала она.

— Хуйню наделала, — безжалостно ответил я. — Такую адовую хуйню, что даже у меня волосы на полужопах зашевелились, когда я все это увидел.

— Что ты можешь об это знать? Ты не настоящий, и этого не изменить.

— И что с того? Даже я заставляю страдать тех, кто меня ненавидит, а не тех, кто меня любил.

Она оглянулась на меня.

— Это Регента? — спросила она, указывая на маску, висящую на поясе.

— Да. Навестил его несколько часов назад. У нас был мужской разговор.

— Ты убил его?

— Нет.

— А, ясно. Я хотела разобраться с Неформалами сама...

— Я смотрю, у тебя нашлись дела поважнее.

— Они проснутся через час. Ничего не вспомнят, — глухо сказала Эми.

Я подхватил Дина и Вики под мышки, как до этого нес бочки.

— Накинь что-нибудь и езжай. Подальше и побыстрее. Думаю, Нед не откажется тебя подвезти, а с новым обликом его приказ на убийство не будет проблемой. Да и сам он кажется... эмм... смирным.

— Заставь Сплетницу страдать, — попросила она. — Пусть она потеряет все, что любит.

— Не думаю, что она вообще способна любить. Но я буду очень стараться.

Эми быстро натянула на себя какое-то тряпье и выбежала наружу. Я вышел следом, как раз вовремя, чтобы увидеть огромный пушистый хвост, скрывающийся за поворотом под фальшивое полупьяное пение. О случившемся напоминали только две пустые прокушенные бочки из-под пива.

Я потряс головой, пытаюсь изгнать безумное видение из памяти.

— Ладно, мы не всегда получаем то, что хотим, — сказал я себе. — Отнесемся к этому философски.

Я осторожно запустил двигатели, чтобы не обжечь своих пассажиров реактивными струями. Понемногу я начинал чувствовать усталость, которая пробивалась даже через лошадиные дозы стимуляторов, которые вливала в меня система жизнеобеспечения. Когда я последний раз ел? Когда спал? Черт, даже этого не могу вспомнить. Я провел первую бессонную ночь по вине Неформалов, но сколько времени прошло с того момента?

Не важно. Я не остановлюсь, пока не закончу дело.

Чтобы отыскать в темноте штаб-квартиру СКП, даже не пришлось сверяться с картой — достаточно было следовать за огнями. Было видно, что подача электричества восстанавливается, но пока какое-то подобие нормальной жизни удалось организовать только в трети города, куда злодеи просто боялись соваться. Ну, как правило боялись.

Вокруг штаб-квартиры былолюдно. Там были и «Бредли» и «Хаммеры» Национальной Гвардии, и фургоны СКП, между ними сновала целая куча солдат. Также я заметил пару героев, у входа, а еще один, летун в ярком костюме, нарезал широкие круги в вышине. Он заметил меня, и ринулся было наперерез, но я тут же упал вниз, затормозив только у самой земли.

Когда я приземлился, вместе со мной словно опустилась тишина. Я почувствовал на себе десятки взглядов — настороженных, недоверчивых, и просто испуганных. Кто-то тянулся к оружию, кто-то говорил по рации. Я выдвинул бластеры в боевое положение, чтобы заочно остудить не в меру горячие головы, и пошел к входу в штаб-квартиру.

Герои при ближайшем рассмотрении оказались знакомыми — Бесстрашный, Шевалье из Нью-Йорка и Цубаме Гаеши из Портлентда. Летунья зависла надо мной, готовая в любой момент закидать меня энергетическими сгустками, распускающимися в режущие кромки силовых полей, Бесстрашный прицелился копьем. Шевалье выглядел самым расслабленным... но чего напрягаться, когда ты упакован в эквивалент пятидесяти тонн брони и держишь в руках пушкочеч, обладающий свойствами танковой пушки и десятитонной рельсы?

— Нужны медики, — сказал я Бесстрашному, для убедительности тряхнув своей ношей. — Видимых повреждений нет, и состояние стабильно, но я обнаружил воздействие неизвестной парасилы, обходящей эффект Мантона.

— Что ты с ними сделал?! — яростно прошипел Бесстрашный. Я чувствовал его страх. Тщательно скрываемый, контролируемый, но все же страх.

— Притащил туда, где им могут оказать помощь. Это все, что в моих силах в настоящий момент.

— Что произошло? — Шевалье встал между мной и текущим главой отделения Протектората.

— Без понятия. Я прочесывал северную часть города в поисках оставшихся Неформалов и Бойни № 9, и наткнулся на них случайно.

— «Оставшихся» Неформалов?

Я его проигнорировал. Передал бессознательных Викторию с Дином прибежавшим санитарам и зашел в вестибюль. Я не собирался задерживаться здесь надолго, но обострившееся чувство вещества засебло нечто, что заставило меня подкорректировать планы.

Внутри был почти такой же разгром, как сразу после налета Неформалов, а Виста так и стояла в сфере зацикленного времени. Ее не стали запаковывать в звуконепроницаемый кокон, как поступали с жертвами Серого Мальчика. Вместо этого перед ней установили мини-телевизор, с прикрученным устройством, улавливающим движение глаз — для управления. В конструкции безошибочно угадывался почерк Кид Вина, но в основе лежала моя собственная схема, использованная в шлеме «Сирина». Похоже, таким образом ей пытались скрасить пребывание в петле.

Взгляд на Висту потревожил какие-то воспоминания. Я что-то должен был сделать... только никак не мог вспомнить, что именно. Ладно. Если забыл, значит и не важно. Я выбросил из головы левые мысли и направился к своей главной цели — к кофейному автомату. Отсек для мелочи — это и правда самое гениальное, что я когда-либо изобретал.

Тем временем в вестибюль начали собираться и другие герои, я видел их отражения в стекле витрины. Стояк, Штурм, та азиатка с арбалетом... Флешетта. Вроде бы ее так звали.

— Кофе-кофе-кофе-кофе-кофе-кофе-кофе... — пробормотал я, пока автомат цедил в стаканчик двойной эспрессо со сливками и сахаром. — Не так забористо, как амфетамин, но зато не портит зубы.

— Ты! Ты нашел способ разорвать петлю?! — завопил Стояк.

— Не приближайся к нему! — рявкнул Бесстрашный. Он все это время стоял у меня за спиной. Боже, ну что за назойливый выскочка! Не зря Оружейник его терпеть не мог.

Я коснулся шлема. В этот момент мое биологическое тело сдвинулось между фазами, оказавшись в стандартной реальности, стало уязвимым. Это был риск, но риск приемлемый. Сейчас я не чувствовал, что меня собираются атаковать, а если возникнет угроза, я и так сумею защититься. Опасность представляла только Флешетта, с ее стрелами что было не так. Что-то очень сильно не так. Когда я переместился в обычную реальность, то блокировка отключилась, и герметично закрепленный шлем с шипением отделился от остальной брони.

— Что-то такое припоминаю, — я снял шлем и пригубил напиток. Помоги, конечно, но мне просто нужна глюкоза. — А оно вам надо?

Стояк, похоже, язык проглотил. Дар речи вернулся к нему спустя достаточное время, чтобы я успел выпить половину кофе.

— Ты... ты серьезно?!

— Ну сам подумай. Тут по городу шляется Девятка... правда, теперь уже скорее Пятерка. А я все еще не придумал, что делать с Сибирью, — горячий сладкий жар напитка растекался по телу, словно сама жизнь. — Плюс Неформалы спят и видят, как устроить очередную гадость, а Скитальцы у них на подхвате. Где гарантии, что в следующий раз они просто не перебьют вас всех? Им ведь это ничего не стоит, вы сами все видели. А в петле может не особо комфортно, но зато точно безопасно.

Стояк начал приближаться. Черт.

— Замри!

— Что? — не понял Стояк, но все же остановился.

— А теперь четыре шага назад, — сказал я. — Если приблизишься, придется тебя убить.

— Да ты чего вообще?!

— Я тебе не доверяю. Кстати, если вон та косорылая, — я ткнул за спину большим пальцем, — сейчас же не опустит свой дурацкий арбалет, я ее тоже убью.

— Флешетта, достаточно, — это был голос Шевалье.

Герои нервничали. Их страх наполнял вестибюль адреналиновой вонью. Уверен, они бы уже десять раз попытались бы меня убить, если были уверены, что их атаки возымеют эффект. Что я не предусмотрел, не просчитал их способности, и не подобрал контрмеры. Но они боялись.

Правильно боялись.

Я заглянул в опустевший стаканчик и бросил в автомат еще несколько монет.

— Так ты можешь вытащить Висту? — повторил Стояк.

— Заладили вы со своей Вистой... с какой стати мне вообще помогать героям?

Молчание. Автомат просигналил о готовности, и я взял второй стаканчик с кофе.

— Знаешь что скажу... я вас презираю. Вас всех, потому что герои по определению трусливы и никчемны. Ведь кто становится героем? Те, кто слишком глупы, слишком слабы, слишком трусливы или безамбициозны, чтобы стать злодеем. Ваш предел — это давать интервью и дефилировать по проспектам. Вы боитесь сойтись со злодеями в битве насмерть, и поэтому прячетесь под юбкой у государственной машины. Оно подкидывает вам подачки, и ради них вы готовы глотать мочу, которой злодеи ссут вам на лица. Виста в петле уже несколько суток. Но почему-то когда я пришел за головой Регента, он по кайфу чиллил в своей берлоге и очень удивился, когда я начал потрошить его охрану. То есть у вас яиц не хватило даже отомстить за Стража. Не в первый раз, кстати.

— Так что ты сделал с Регентом? — вмешался Штурм. Из всех он выглядел самым спокойным, словно его происходящее не касалось.

Вместо ответа я снял маску с пояса и швырнул ее через плечо.

— Решил проблему.

— Бесстрашный, он только что фактически признался в убийстве, — сказала Флешетта. — Мы ничего не сделаем?

— Можешь попробовать, — предложил я. — Если смелости хватит.

Флешетта дернулась, но так и не решилась поднять арбалет.

Я допил кофе и надел шлем. Броня загерметизировалась, мое тело сместилось в пространственный карман — такой же, в каких скрывалась большая часть подсистем «Сирина». Моей единственной связью с реальностью остались вживленные в мозг и позвоночник разъемы, по которым поступали данные от сенсоров брони. Полная

неуязвимость для сил Властелинов, полная неуязвимость для сил, игнорирующих эффект Мантона — потому что им просто не на что воздействовать. Только силы, разрывающие границы измерений, все еще представляли для меня угрозу.

Я подошел к петле. Интервал по умолчанию был установлен на полсекунды, так что Виста не могла говорить. Движения глаз были единственным способом ее коммуникации.

— Моргни правым глазом, если хочешь вылезти сейчас, или левым — если готова подождать пока я разберусь со всеми проблемами.

Я еще не успел договорить, как она принялась яростно дергать правым глазом, насколько позволяла продолжительность петли.

— Ну как хочешь.

Сенсоры «Сирина» получали данные о параметрах петли, бортовой компьютер моделировал воронку зацикленного времени, вычислял параметры противофазы и рабочие параметры. «Яркая девочка» и Адаптивный Волновой Подаватель обменивались информацией, синхронизировали свои режимы, чтобы достичь требуемого эффекта.

Я положил правую ладонь на петлю. «Крылья» охватили ее, нагрелись, засветились от вливаемой энергии. Разрушение петли требовало намного больше, чем ее создание. Смешно, а еще говорят «ломать — не строить».

Серая область пошла рябью, несколько раз мигнула и исчезла. Виста рухнула на колени, тяжело и жадно дыша. Похоже, петля схватила ее в момент выдоха, должно быть неприятно. Стояк тут же бросился к ней и помог подняться на ноги.

— Пока, лузеры.

Я пошел к выходу, но Шевалье заступил мне дорогу. Его меч увеличился до трех метров, но он орудовал им с той же легкостью, как обычным полуторакилограммовым клинком. Я знал, что три метра — это далеко не предел.

— Стой. Что там с Бойней № 9? — спросил он.

— Ничего такого, чем я хотел бы с тобой поделиться, жертва карательного косплея.

Шевалье не собирался уходить в сторону, так что я задействовал телепорт, и оказался сразу на середине улицы. Под гудение двигателей ночное небо ринулось мне навстречу.

— У вас есть идеи, что нам теперь с этим делать? — спросил Бесстрашный, глядя в ночное небо.

— То, что в наших силах. Раз Птица-Хрусталь выбыла, то мы можем форсировать эвакуацию всех, кто еще остается в городе, — ответил Шевалье. — Лучшей тактикой действительно будет просто ждать. Сейчас это существо охотится за Девяткой, и кто бы ни победил, у нас в любом случае станет одной проблемой меньше.

— Нам нужен Триумвират. Иначе я не знаю, как мы его остановим.

— Легенда и Александрия придут не ранее завтрашнего утра, когда разберутся кое с чем в Индонезии. До этого момента нам придется обходиться своими силами.

— И если к тому времени от города вообще что-то останется.

— О сохранности инфраструктуры можно не волноваться, — мрачно отозвался Шевалье. — Споры затянулись, но окончательное решение было принято несколько часов назад. Броктон Бей будет превращен в карантинную зону.

Два часа спустя

— Знаешь, все остальные Скитальцы вместе взятые меня не бесили так, как бесишь ты. Даже Приговор так не выбешивал, хотя лишь из-за него я не перерезал вас еще при первой встрече. А почему? А потому что ни одному человеку не понравится быть игрушкой в чужих руках. Особенно если тебя телепортируют туда-сюда, и подставляют под всякие тяжелые предметы.

Трикстер не смог бы ответить, даже если бы захотел. Его поимка не составила сложностей, так что поработать над ним я успел особенно тщательно. Глаз я лишил его практически сразу, чтобы он не мог пользоваться своей силой, но вот голосовые связки пришлось оставить, чтобы выбить из него информацию о Генезис. Впрочем, ненадолго, так что дышал он теперь через вставленную в трахею трубку.

Теперь я без спешки и суеты занимался тем, что пришивал к его спине металлические пластины, вырезанные в форме крыльев. Каждая пластина с помощью крючьев цеплялась к ребрам, а также должна была приводиться в движение приводом, закрепленным у Трикстера на груди. Наркозом я себя не утруждал, разумеется, но перерезать крупные сухожилия и мышцы не забыл, так что теперь главарь Скитальцев не мог шевелиться, но наслаждался всей гаммой ощущений. Или не наслаждался.

— Главная проблема с теми временными петлями заключается в том, что создав петлю один раз, я уже не могу изменить ее параметры. Ни удлинить, ни укоротить, ни как-то повлиять на объект, помещенный в нее. Серый Мальчик такое мог, поэтому ему было проще сначала поймать жертву, а потом уже придумывать, что с ней делать. А мне, как видишь, приходится тщательно готовиться. Иначе, сам понимаешь, эффект не тот, — я отступил немного назад, оценивая промежуточный результат работы. — Вообще, по-хорошему, я должен быть тебе немного благодарен. Не пристрели ты Элита, Неформалы бы грохнули меня на месте. Умирать вообще неприятно, я тебе по своему опыту говорю. Но еще неприятнее умирать, будучи не повергнутым равным врагом, а загрызенным помойными крысами. Спасибо, что избавил меня от такой участи. В других условиях я бы, в знак признательности, просто пристрелил тебя без лишних сложностей. Но ставки слишком повысились. Я не могу позволить себе милосердие, иначе кто-то может принять это за слабость и попытается усложнить мне жизнь. Так что ты будешь живым примером того, что случается с теми, кто имеет глупость на меня наехать.

Я сделал оставшиеся нужные надрезы, после чего привязал руки Трикстера к куску металлической трубы. К самой трубе я прикрепил трос, который перекинул через подвешенный у потолка заброшенного цеха блок и принялся подтягивать получившуюся конструкцию вверх. Как бы ни улучшалась моя сила в последнее время, специализация все равно диктовала ограничения на скорость производства и технологические ступени. Сейчас, без полноценной мастерской, я был ограничен только вот такими простыми устройствами, на самых примитивных принципах.

Я не жаловался. Усложнение задачи только радовало, ведь приходилось напрягать воображение, искать нестандартные решения, проявлять изобретательность.

— А теперь финальный штрих, — сказал я, когда перекладина заняла свое положение под потолком, так что Трикстер оказался распят на ней разведенными руками.

Я нажал на кнопку. И одновременно создал петлю.

С задержкой в полсекунды заработал прикрепленный к груди Трикстера привод. Мотор оживил имплантированное механическое устройство, пластины пришли в движение, и на спине Скитальца раскрылся образцовый «кровавый орел». Будь у меня в предках викинги,

они бы прослезились.

Все это продолжалось ровно пять секунд, а потом петля вернула все к исходному моменту. Когда привод уже получил сигнал, но еще не пришел в движение. Я хмыкнул, довольный завершённой композицией. Название может ей придумать? Ага, и табличку поставить рядом, с автографом.

— Ладно, теперь ты, — я повернулся к Генезис.

Властелин Скитальцев сидела рядом в кресле-каталке, на всякий случай примотанная к нему невероятным количеством скотча. Ударная доза адреналина, которую я ей вколол, гарантировала, что она не сможет уснуть и создать тело-проекцию. Я поставил прямо перед ней стул и оседлал его по-ковбойски.

— С тобой мне возиться неохота, ночь короткая, а у меня еще вагон дел. На твое счастье, у меня есть несколько вопросов. Будешь отвечать внятно и подробно — умрешь быстро, чик и все. Будешь юлить, врать и дерзить — закончишь так же, как он. Я понятно объясняю?

Генезис медленно кивнула.

Я протянул руку и сдернул с ее рта скотч.

— Вопрос первый. В вашем досье, которое на вас собирало СКП, слишком много белых пятен. Слишком разные, слишком мощные и слишком агрессивные силы. Было бы логично, если бы вы прежде засветились по отдельности, но нет, вы появились в одночасье, причем сразу в виде спаянной команды. На кластерный триггер тоже не похоже. Но даже не это странно, а полное отсутствие данных о вас в любых базах данных. Водительские удостоверения, школьные журналы, медицинская страховка — у вас не было ничего. Вы никто. Вы из ниоткуда. Знаешь, что мне это напоминает? Случай-53. Только вы сохранили человеческий облик, и память вам, похоже, не стирали. И вот мой первый вопрос: кто вы вообще такие?

— Мы с Земли Алеф, — дрожащим голосом ответила Генезис. — Это была Симуург.

Я насторожился.

— Причем тут Симуург?

— Двадцать четвертое декабря 2009-го. Атака Симуург на Мэдисон. Она создала какое-то устройство для путешествий между мирами, и нас вытащило прямо с улицы. Мы там жили, в Мэдисоне Алеф! Мы даже не были кейпами!

— Ага. Ваши триггеры произошли во время битвы?

— Да. Нет. Не совсем, — она затрясла головой. — Мы нашли контейнер с флаконами. К ним была инструкция, что они дают суперсилы. Мы их выпили.

— Генезис, я сейчас замеряю твой пульс, температуру и pH кожи, тембр голоса, микрофонику глаз, и еще кучу параметров. Поверь, если бы я обнаружил признаки лжи, ты бы об этом очень пожалела. Но я их не вижу, и я могу лишь сказать лишь одно. Что это за бред?

— Это чистая правда, мне скрывать нечего, и смысла нет!

— Я вижу. То есть Симуург потратила время на создание портала между мирами, и в промежутке между вываливанием на улицы Мэдисона толп монстров, заглянула на никому не нужную Землю Алеф, где кейпов полтора дохляка, вытащила компанию оболтусов, а чтобы они не было скучно, подкинула им суперсилы в бутылочках.

Дело начало приобретать какой-то нездоровый окрас.

— Там были какие-то особые приметы? Может, необычная маркировка, или странный

материал?

— На контейнере был символ. Как греческая буква «омега», только перевернутая.

— Мда. Так вы и правда 53-и, только без уродств. И память вам не почистили, потому что кто бы этим занимался во время боя. А в мирное время этим, надо полагать, балуется некая организация с эмблемой в виде сидушки от унитаза...

— Не без уродств, — тихо сказала Генезис.

— Твой паралич?

— Нет. Изначально нас было семеро, но флаконов в контейнере оказалось только шесть.

Я, Баллистик, Солнышко, Приговор и... — она запнулась, когда глянула мне через плечо, где ее главарь дергался и хрипел в петле, — и Трикстер. Мы все выпили по полному флакону. Но еще двое из нашей группы разделили флакон. Они никогда не участвовали в драках, поэтому про них ничего не знают. Их зовут Оливер и Ноэль. Оливер отделался легко, он просто медленно и неконтролируемо меняет свою внешность. Ноэль... Ноэль стала монстром.

— Монстры всякие бывают. Оцени по десятибалльной шкале, где один — это злой хомячок, а десять — Губитель.

— Девять с половиной, — уверенно сказала Генезис. — Кстати, она была девушкой Трикстера, и очень разозлится, если когда узнает, что ты с ним сделал.

— Напугала Бегемота голой жопой.

— А я не пугаю. На самом деле, я даже надеюсь, что хотя бы ты сможешь ее убить, потому что мы уже пытались, и ничего не вышло. Флакон превратил ее жизнь в бесконечный кошмар, но она даже умереть не может.

— Хм. Какие силы?

— Огромная груда мяса, невероятно сильная и быстрая. Коснешься ее незащищенной кожей, и она тут же создаст твоего клона. Злого клона. Да, силы она тоже копирует, хотя и не точно.

— Я и так зол на 12 из 10, так что не страшно. Еще?

— Она питается мясом и непрерывно растет. У нее бешеная регенерация. Возможно, как у Краулера или у Губителей. И она очень умна. Она прирожденный стратег и тактик.

— Как показывает практика, если проблему не получилось решить большой пушкой, нужно просто взять пушку побольше. Ладно, второй вопрос. Где Солнышко?

— Она на базе Выверта, — ответила Генезис и неожиданно вскинулась. — Оставь хотя бы ее с Оливером в покое! Она отказалась участвовать в твоём захвате, сказала, что это самоубийство!

— Как мило с ее стороны. И, главное, мудро. Я подумаю. А где база Выверта?

— Противогубительское убежище, от штаб-квартиры СКП пять кварталов на северо-запад.

— Почему-то подобного я и ожидал, — я невольно усмехнулся. — Симург значит. Ей было мало спеть мне, она целый ансамбль на подтанцовку отправила.

Я достал из пространственного кармана коробку с препаратами и выбрал нужный. Мизерикорд. Состав, вдохновленный памятью о кейпах, сожженных Бегемотом. Пятьдесят миллилитров блаженной, избавительной смерти в многократном шприце.

— Я считаю твою часть сделки выполненной. Передать что-нибудь твоим родным?

— Если это шутка, то не смешно, — мрачно отозвалась Генезис.

— Я серьезен. Сейчас у меня нет технологии порталов, но это не значит, что ее не будет никогда. Может, и загляну на Алеф, передам письмо или что-то такое.

Она смотрела на меня не мигая. Еще недавно я бы вряд ли выдержал такой взгляд.

— Я должна тебе верить?

— Мне-то что? Это твоя последняя воля, а не моя.

— Дай ручку и бумагу.

Я высвободил от скотча ей одну руку и положил в нее требуемое. Генезис принялась писать. Я не подсматривал, хотя и мог бы. Всего лишь символический жест, так почему бы и не позволить выговориться, хотя бы на бумаге?

— Все, — Генезис сложила листок бумаги в несколько раз и сверху добавила адрес.

Я взял письмо и спрятал в отсек для мелочи, а потом обошел ее сзади.

— Больно не будет.

Игла воткнулась в ее шею. Генезис в последний раз вздрогнула от неожиданности и тут же расслабилась, когда Мизерикорд начал вливаться в ее кровь. Ее глаза медленно закрылись, на лице возникло умиротворенное выражение. Через десять секунд она перестала дышать.

Я убрал шприц и подлетел к Трикстеру. Он, конечно же, оставался в полном сознании, хотя и нем. Я предварительно накачал его адреналином, чтобы он не смог потерять сознание, так что наш с Генезис разговор он слышал.

— Ты был обречен. С того самого момента, когда услышал Песню, — сказал я. — Ты думал, что живешь, что ведешь какую-то борьбу, но тебе было уготовано оказаться здесь. Всего лишь еще один камешек, об который Симург точила свое оружие. Хотя это не значит, что я не могу менять свое мнение на счет милосердия. Назовем это... хмм... солидарностью.

Я сломал его петлю. «Кровавый орел» опять раскрылся с мокрым хрустом и остался в таком положении.

Взмахами меча я вскрыл бедренные артерии Трикстера и покинул заброшенный завод, когда убедился в смерти мозга.

Пора навестить Выверта.

Облачившись в полночь.

К атаке на базу Выверта я тщательно подготовился. Хотя по известной информации там не было ничего, что могло меня остановить, я все равно почти час потратил на широкодиапазонное сканирование местности и изучение стандартных проектов убежищ такого типа. Что не оказалось лишним, потому что удалось обнаружить несколько туннелей, прокопанных совсем недавно.

Никакой спешки, никакой горячки. Ничего того, что неоднократно вредило мне в прошлом.

Анализ, подготовка, внимательность — вот мои лучшие друзья. Не считая больших пушек, конечно.

Все возможные выходы кроме главного, включая вентиляционные шахты, я перекрыл пленками временных петель, занес в память брони несколько десятков точек для телепортации, составил объемную карту окружающей местности. Я действовал наверняка, тщательно и вдумчиво готовил поле боя, чтобы исключить любые случайности, при которых хоть кто-то из людей Выверта сможет спастись. При этом у меня всегда должен был оставаться путь отхода. В бою ничего и никогда не идет так, как хочется, это я усвоил твердо. Никакие предосторожности не лишние, всегда следует быть готовым, что все пойдет самым худшим образом.

Главную угрозу, разумеется, представляли не вооруженные наемники, а Ноэль, поскольку та являлась неизвестной величиной. Хотя мне слабо верилось в то, что она способна сравниться с Губителем по смертоносности, я продумывал план нападения с учетом ее известных сил — не вступать в ближний бой, атаковать издалека, ограничивать перемещение и ориентирование в пространстве.

Когда приготовления были закончены, я приземлился перед входом и достал рейлган. В бою с Левиафаном он был не завершен, и мог стрелять только твердотельными снарядами. Я лишь недавно успел довести его до ума. Откалибровать разгонные катушки, сделать плавную регулировку мощности, и самое главное — соединить пространственным туннелем казенник орудия со станком, штампующим боеприпасы. В том числе магнитные ловушки, несущие микрочаряд антимагии.

Я держал в руках Святой Грааль огневой мощи, и ангелы пели в моей голове. Ну, точнее, один ангел. Пусть и по мере приближения к базе Выверта в песне начинал возникать... диссонанс. Ноты проскакивали, сбивались с ритма или оказывались не на своем месте. Как помехи на экране.

Окей, начнем с малого. Я мысленной командой выставил мощность требуемого боеприпаса на десять микрограммов антиводорода. Примерно двадцать килограммов в тротиловом эквиваленте, если я ничего не путаю. Конечно, реакция аннигиляции отличается от ядерного взрыва. Дефект массы достигается не за счет выброса энергии межатомных связей, а прямым преобразованием материи в энергию.

Я прицелился в ворота базы и выстрелил.

Снаряд прошел многотонные створки насквозь и сдетонировал уже внутри. Гермодвери вылетели мне навстречу, будто унесенные ветром пушинки, и врезались в стену дома на противоположной стороне улицы. Эм... кажется, ошибся с запятой. Не двадцать килограммов. Двести.

Ну, еще бы, столько не спать. Кажется, в моем организме стимуляторов уже больше, чем крови. Не важно. Потом. Сейчас надо сделать дело.

Тем временем на базе Выверта

В Заливе кипела бурная деятельность. Падший прочесывал свои охотничьи угодья, Неформалы пытались придумать, как им победить Падшего, Бойня № 9 просто развлекалась, как умела. Кайзер и его подчиненные пытались найти хоть одну достаточно белую тряпку, чтобы снабдить ей парламентаров. Протекторат зоонаблюдал, похрустывая попкорном.

Выверт тоже был занят очень важным делом — а именно готовился к переезду.

Годы подготовки потрачены впустую, миллионы долларов выброшены на ветер, все тщательно выстраиваемые планы провалились один за другим. Всему виной был один единственный кейп, который раз за разом по невероятному стечению обстоятельств оставался в живых.

Будь Выверт чуть более суеверным, он бы решил, что на небесах кто-то его сильно невзлюбил.

Однако суевериями Выверт не страдал, и потому в сложившейся ситуации действовал самым рациональным образом. После того, как стало известно об уничтожении Регента, он принял окончательное решение, и теперь второпях решал, что следует увезти с собой, а что можно и бросить.

Ему придется сменить маску и злодейское имя, чтобы попытаться счастья в другом городе. Его личность оставалась не раскрытой, статус консультанта в СКП мог бы и дальше служить неплохим подспорьем. Возможно, следовало пересмотреть всю свою жизнь и попробовать что-то принципиально иное. Стоит попросить о помощи Баланса из Бостона, он легко составит идеальный бизнес-план, и по старой дружбе, скорее всего, цену не заломит.

Каким-то шестым чувством Выверт давно начал осознавать, что влез в очень серьезный переплет, более серьезный, чем его сила позволяла избежать. Возможно, тут были замешаны те же люди, у которых он купил свою силу. Возможно, какие-то глобальные игры Элиты. Может даже «хитрый план Сатурн», на который недалекие обыватели обожали списывать все подряд. В последнее, впрочем, Выверт не особо верил.

Девяносто семь точка ноль двадцать три процентов. Именно с такой вероятностью, согласно предсказанию Дружка, Кёлер должен был уничтожить его и всю его организацию. Со всеми приложенными усилиями вероятность успешного его убийства составляла восемьдесят один точка пятьсот двенадцать процент. Ниже, чем шансы на выживание в русской рулетке. Так или иначе, узнав о провале очередной попытки прикончить Кёлера, на этот раз руками Неформалов, Выверт понял, что просто устал. Специальной скоростной доставкой он заказал солидный запас бухла и последние трое суток в одной линии занимался злодеяниями, а в другой беспробудно пьянствовал.

По этой причине, когда всю его базу, переделанную из антигубительского убежища, сотряс ужасный грохот, он даже не удивился. Вместо этого он свернул линию, в которой бутылка с виски показала дно и остался в той, где говорил по телефону с одним из своих менеджеров в Нью-Йорке.

Потом он достал из ящика стола пистолет, снял его с предохранителя и нажал на кнопку громкой связи, вмонтированную в стол.

— Ноэль? — позвал он. — Проснись. Мне надо кое-что тебе сказать.

— Я не сплю, Выверт, — отозвался девичий голос.

— А, ну хорошо. Слышишь шум? Это Падший пришел по наши души. Можешь назвать меня бесхребетным уебком, но я не хочу разделить участь Регента.

— Что вы... — начало было Ноэль а потом поняла. — Вы не можете! Вы мой последний шанс на излечение! На возвращение домой!

— Слушай, если Падший здесь, Генезис и Трикстер мертвы. В лучшем случае. Я уже не молод и испытывать судьбу не желаю. Прости, что выбираю легкий путь.

— НЕТ!!!

— Мне жаль. Прощай.

Выверт выстрелил в стену и отпустил кнопку.

А теперь придется действовать очень, очень быстро, пока взбесившаяся Ноэль не успела выбраться из своей камеры. Первым делом Выверт связался с гаражом и приказал готовить машины к отбытию. Потом он нажал маленькую кнопку под столом, запустив таймер системы самоуничтожения. Оставляя следы и улики в его планы не входило. Покончив с этими делами, он прошел в смежную со своим кабинетом комнату, служившую пристанищем Дружку, и рывком заставил ее подняться. Та висела в его руках как сломанная марионетка, бессмысленно глаза по сторонам.

— Вероятность, что я покину город живым, — потребовал Выверт, и встряхнул девчонку.

Та с явным усилием сфокусировала на нем взгляд и наклонила голову.

— Восемьдесят пять точка ноль шестьдесят девять.

Выверт сосредоточенно улыбнулся. Отлично, сегодня судьба была на его стороне. Он взял сумку с гражданской одеждой, разделил линии и вышел из кабинета. В первой он отправился не к гаражу, где его ждал транспорт, во второй — к неприметному закутку, где скрывался один из тайных проходов, прорытых на случай экстренной эвакуации. Как сейчас. Стоило замаскированной створке закрыть за его спиной, как в первой линии в гараж ворвался Падший, и принялся истреблять всех на своем пути.

Выверт свернул первую линию и снова разделил реальности. В одной он продолжил путь к одному секретному проходу, в другой направился к другому.

Туннель был длинным, и выходил на поверхность в подвальном помещении жилого дома в двух кварталах от базы. Эвакуация прошла немного не так, как он планировал, но пока Падший будет громить базу, он уже окажется далеко. Нужно лишь добраться до дома в юго-западной части города. Там есть документы, наличные деньги и машина.

Тем временем во второй линии он повернул за угол и чуть не расшиб лоб. Перед ним не было ничего, лишь пустое пространство... пораженный догадкой, Выверт разорвал костюм на голове, чтобы лучше видеть. Туннель был перегороден серой областью. Плоской, похожей на тонкий лист стекла или пленку, но неразрушимой.

Выверт в первой линии прибавил шаг. Он уже догадался, что его там ждет, но нужно было убедиться. Ну да, так и есть. Дверь, ведущая в выходу, была серой. Не потому, что была сделана из серого металла, а потому что находилась во временной петле. Выверт грязно выругался и схватил Дружка за горло.

— Ты же сказала, что вероятность побега восемьдесят пять процентов! — взревел он.

— Ты не уточнил сроки, — безразлично протянула девчонка и принялась ковыряться в носу. — Вероятность, что ты однажды покинешь Броктон Бей живым, все еще восемьдесят три точка два пять один.

Зарывав от ярости, Выверт швырнул ее на пол. В этот момент всю базу сотряс ужасный

грохот, от которого туннель во второй линии обвалился, и та мгновенно схлопнулась.

Снова оставшегося в единственной реальности Выверта прошиб холодный пот. Судя по шуму, Ноэль уже выбралась из камеры и схлестнулась в бою с Падшим. Привести ее в ярость было отличным планом, даже если бы ей не удалось убить Падшего, она бы задержала его. Но сейчас Выверт оказался заперт между временной петлей и двумя разъяренными монстрами.

— Если мы останемся здесь, какова вероятность что я буду жив и не заключен во временную петлю в течение суток?

— Ноль точка три один четыре.

Выверт нервно сглотнул.

— Вероятность, что я буду жив и не заключен во временную петлю спустя сутки, если мы попытаемся пройти через базу к выходу?

— Три точка два два восемь.

Вдесятеро выше, чем при пассивном ожидании, но все равно устрашающе низкая.

— Голова болит, — буркнула Дружок с пола. — Хочу конфетку.

— Если выберемся отсюда, будет тебе конфетка. Вероятность не быть убитым или заключенным во временную петлю, если я ступлю с Падшим в переговоры?

— Шестнадцать точка шесть шесть семь, — Дружок захныкала. — Хватит вопросов! Голова болит!

Будь Выверт менее выдержанным, он бы издал нервный смешок. Русская рулетка наоборот. Но это лучше, чем ничего.

Изнутри база Выверта и правда впечатляла. Расчетная вместимость убежища составляла две тысячи человек, и неиспользуемых помещений здесь оставалось немного. Множество складов, набитых самими разными припасами, от пищи до армейского оружия. Жилые помещения, как для обычных людей, так и персональные комнаты кейпов. Гаражи с различными автомобилями, грузовыми и легковыми. Я нашел даже комнату, набитую компьютерами и радиотехникой. Судя по всему, здесь 24/7 занимались прослушкой и фильтрацией информационного трафика.

Благодаря подготовленной трехмерной карте я зачищал все быстро и без суеты. Ставил петли, чтобы перекрыть проходы, истреблял всех в одной изолированной области, потом ломал петлю и переходил к следующей. Маленький объем петель позволял экономить энергию, которую я берег для встречи с Ноэль.

У одной из дверей я остановился. Она не была заперта, даже приоткрыта, но за ней находился один человек. Женщина. Кейп. Я зашел внутрь.

Солнышко легко было узнать даже без маски по очень длинным светлым волосам. Она сидела на кровати, совершенно неподвижная, опустив голову и глядя в пол. Больше всего она напоминала перегоревшую лампочку. Я остановился, раздумывая, как с ней поступить. Весь мой опыт протестовал против того, чтобы оставить за спиной недобитого противника. Но меня удержало отсутствие у Солнышка воли к борьбе.

— Чего ты ждешь? — спросила она. — Давай.

— Нет.

Молчание. Я припомнил просьбу Генезис.

— Почему?

— Я не знаю, как причинить тебе еще больше боли.

Я оставил ее и пошел дальше. Сенсоры брони показывали, что живых уже почти не осталось, хотя Оливер мне так и не встретился. Похоже, он находился в отдаленной части базы, как и все, кто остался. Настораживало меня лишь то, что ничего похожего на Ноэль, как ее описывала Генезис, я так и не нашел.

В отдалении раздался яростный, абсолютно нечеловеческий рев.

— Прекрасно, только черта помяни...

Звук исходил из отдаленной части убежища, где, судя по результатам сканирования, находилось несколько особо укрепленных помещений. Я двинулся туда, держа оружие наготове, и долго искать не пришлось.

Генезис говорила о Ноэль как об «огромной гряде мяса, невероятно быстрой и сильной». Честно говоря, я представлял себе что-то вроде бодибилдерши. То, что выползло мне навстречу из-за очередного поворота, напоминало... ничего не напоминало. Этот кошмар был чужд всему земному.

Огромное тело, высотой почти три метра, покрытое красной воспаленной кожей, с трудом помещалось в туннеле. У него было две пары конечностей, массивных и бугрящихся мышцами, которые оканчивались чем-то похожим на копыта. Сзади отвратительное создание поддерживали многочисленные длинные щупальца, которые бесконтрольно извивались и обладали такой же скоростью и гибкостью, как хвост Левиафана. Но отвратительней всего были две головы, торчащие из середины тела: огромные, бескожие, каждая размером с лошадь и сочетающие в себе черты одновременно коровы и собаки.

Трикстер, ты больной ублюдок.

Я не сразу заметил на спине чудища небольшой отросток, почему-то одетый в толстовку с капюшоном, а если бы и заметил — это бы все равно ни на что не повлияло. Заготовленный заранее план разбился о невероятные габариты Ноэль, которая была в разы больше Краулера, так что пришлось заниматься тем, что я успел возненавидеть всей душой — импровизацией.

Взглядом я зафиксировал точку прибытия в пятнадцати метрах от себя. Бортовой компьютер рассчитал координаты и передал данные телепортационному устройству. В следующее мгновение я оказался за спиной Ноэль.

— Ну давай, ешь меня! — крикнул я, чтобы привлечь внимание и тут же припустил наутек.

В Генезис не соврала, так это в том, что Ноэль была быстрой, особенно ее щупальца. Они метнулись в мою сторону и захлестнули меня с головы до ног быстрее, чем я успел их заметить. А потом они потащили меня прямо к раскрытой пасти одной из голов.

Я снова активировал телепорт, выскальзывая из хватки, и вытащил рейлган.

Твердотельный боеприпас, масса пятьдесят граммов, скорость снаряда 50М.

Самое удивительное в рейлгане, это не его разрушительная мощь, а бесшумность. Индукционное поле создает вакуумный канал на пути снаряда. Нет колебаний воздуха — нет звука. Зато он появляется в момент поражения цели. Мгновенно вскипают телесные жидкости, раскаленный пар ищет выход наружу, и ткани попросту взрываются изнутри. На скорости в десятки махов снаряд перестает вести себя как твердое тело, он больше похож на каплю густой жидкости, которая разлетается множеством более мелких капелек — каждая из которых, теряя кинетическую энергию, раскаляется до тысяч градусов.

Расписывать это долго, а произошло все в единый миг. Выстрел рейлгана впился в тело Ноэль и взрыв разметал по сторонам огромный объем плоти, затопив все вокруг паром и

дымом. Она оступилась, корово-собачьи головы яростно взревели и щупальца снова метнулись в мою сторону. Я ушел телепортом на другой конец коридора и снова начал стрелять.

Спустя еще шесть выстрелов Ноэль лишилась и щупалец, и ног, и сама ее огромная туша представляла собой несколько обугленных кусков плоти, соединенных между собой какими-то лохмотьями. Она едва-едва шевелилась, но больше меня беспокоило то, что она вообще может двигаться. Я даже рискнул сдвинуть свое тело в реальное пространство, чтобы воспользоваться сквозным зрением, но разобрать что-то в противоестественной физиологии Ноэль было просто невозможно.

И даже из такого состояния она довольно регенерировала на глазах.

Недолго думая, я перегородил коридор двумя плоскими петлями, создав подобие клетки. Если она не желает подышать сразу, пусть посидит здесь, пока я не разберусь с остальными делами.

Мне оставалось обследовать только два укрепленных помещения. Перед первым я обнаружил выломанную с мясом дверь, такую же, какие ставят на банковские хранилища. Рядом у стены полулежал бледный парень с залитым кровью лицом раздавленной в кашу правой рукой. Его живот был распорот, изо рта стекала струйка крови — сломанные ребра прокололи легкие. Похоже, попался под горячую лапу Ноэль. Не жилец.

— Оливер? — уточнил я, приблизившись. Хотя Генезис утверждала, что его сила была слабой и бесполезной, я держал оружие наготове.

Он поднял на меня глаза и прищурился. Его грудь мелко и часто дрожала, зрачки были сильно расширены. Похоже, говорить он уже тоже не мог. Травматический шок из-за тяжелой кровопотери.

К Оливеру у меня не было прямых претензий, но он все еще работал на Выверта. И он уже умирал, даже без моего вмешательства. Некоторое время я размышлял, что с ним делать, пока Оливер сам не разрешил мою дилемму, перестав дышать. Я отправился дальше.

Второе укрепленное помещение я проверять не стал, все равно там было пусто. Исходя из планировки убежища, Выверт мог отправиться только двумя путями и не нарваться при этом на меня, но первый проверенный коридор обвалился. Если бы Выверт находился в нем, то через несколько часов умер от недостатка воздуха. Не так весело, как то, что я придумал для него.

Я собирался заглянуть во второй туннель, когда из него вышли двое. Первым был высокий худой мужчина в черном костюме с белой змеей. Второй — болезненного вида девочка в больничной пижаме. Обоих с головой выдавала активная Corona Pollentia. Значит, это настоящий Выверт и Дина Элкотт? Я присмотрелся к девочке, но в упор не мог вспомнить, видел ли ее раньше. То есть, я помнил, что дрался со Скитальцами, когда ее пытались похитить, но в памяти осталось только имя. Ни внешности, ни голоса, ни каких-либо деталей, кроме того, что она пророк.

— Я сдаюсь! — Выверт поднял руки. — Ты победил.

Мне стало смешно.

— Спасибо, я в курсе.

— Я готов предложить выкуп.

— Дружок, как бы тебе объяснить... — я изобразил расслабленность, но тут же развернул крылья и принялся сканировать окружение, чтобы обнаружить западню. — Ты серьезно думаешь, что меня сейчас интересуют бабки?

— Конечно же, нет. Я говорю об информации, — торопливо сказал Выверт. — Сплетница, Мрак и Скиттер. Их убежища, их банковские счета. Где они находятся прямо сейчас. Могу помочь выманить их.

— Мне ничего не стоит отловить несколько помойных крыс. Если это все...

— Стой! Вот еще что... — Выверт присел на пол и пальцем вывел в пыли перевернутую букву «омега». — Слышал эти байки, про бутылочки из которых выпьешь, и получишь суперсилу?

— Краем уха.

— Это правда! Я никогда не проходил через триггер. Я купил свою силу у них, и поверь, это было очень недешево. Эта организация называется «Котел», — Выверт говорил отрывисто, будто зачитывал текст с телесуфлера. — У них там все серьезно. Они действуют по всему миру, не только в Америке. Элита — их выкормыши. Как и Гезельшафт, и Красная Перчатка в России. Они и тебя вели с того самого момента, как ты продал европейцам первую партию своей химии. Это они стоят за всем этим дерьмом!

— Вот как, — протянул я. — Как интересно.

На самом деле, интереса для меня эта информация не представляла никакого. Как и любая другая, впрочем. У меня не было идей, что делать после того, как я закончу с Неформалами и Бойней, и мысли об этом были пустой тратой сил. Но почему бы на минутку не поддержать игру?

— И как их найти?

— Никак, — Выверт развел руками. — Я не знаю, где они скрываются, и меня очень убедительно предупредили, чтобы я даже не пытался. Если им понадобится, они тебя сами найдут.

— Ладно. Будем считать, это довольно ценная информация.

— Могу я идти?

— Иди, — я отошел в сторону.

— Даю слово, что никогда не попытаюсь действовать против тебя, — Выверт воодушевленно кивнул и потащил за собой Дину. — А если чем-то смогу помочь, только дай знать.

Несколько секунд я смотрел ему вслед. Когда я находился рядом с ним и Диной, песня в моей голове хотя и не смолкала полностью, но превращалась в бессвязную какофонию. Было известно, что силы пророков мешают друг другу. Что у них буквально вскипают мозги от попытки просчитать все бесконечно возникающие вероятности. Так с Симург это тоже работало?

Секунду или две я еще размышлял, после чего сменил бластер на дротикомет и выстрелил Выверту в спину парализующим составом. Тот с хрипом рухнул на пол, Дина привалилась к стене, обхватила руками голову и принялась раскачиваться из стороны в сторону.

— Seriously, мужик. Ты и твои шестерки сломали мне жизнь, и ты надеялся просто откупиться каким-то дешевым пиздежом? — я подошел к Выверту и сорвал с его головы часть костюма. — Обоссы меня Господь, да ты еще и нигер.

— Ты же сказала... — прохрипел он, — переговоры...

— Они и прошли успешно, — вяло ответила девочка. — Ты же не спросил, что будет потом.

Я взял Выверта за ногу, подхватил под мышку Дину и отправился к выходу. Место, где я

оставил Ноэль, пришлось обходить по кругу. Оттуда доносился рык, скрежет и гулкие удары. Заодно по дороге я снова заглянул в комнату Солнышка. Та все также сидела на кровати, но с пистолетом в руках.

— Вставай и пошли, — сказал я, отбирая у нее пистолет.

— Оливер мертв? — пустым голосом спросила она.

— Да, и я тут не причем. Это ваша Ноэль хорошо по нему потопталась.

— Солнышко, пожалуйста! — взвыл Выверт, которого скрючило от судороги. — Сожги!

— Лучше тебе этого не делать. Генезис просила тебя пощадить, — сказал я, пнув его в живот. — И я даже готов это сделать. Но если ты попытаешься избавиться этот кусок дерьма от заслуженной кары, то займешь его место в петле. Пошли. Время теряем.

Снаружи нас не ждали. Странно. На базу Выверта я зашел шумно, а мощный взрыв в пяти кварталах от себя даже такое беззубое убожество как Протекторат проигнорировать не мог. Но, похоже, что смог. Я достал из пространственного кармана припасенный моток троса и потащил Выверта к ближайшему фонарному столбу. В этом районе они уцелели.

— Да будь ты человеком! — заорал Выверт. — Просто убей меня и все!

— Обойдешься. Впрочем, если это тебя утешит, твое наказание просто ничто по сравнению с тем, что я сделаю со Сплетницей, — кончиком троса я связал ему руки за спиной, а остальное намотал на тело.

Со связанным суперзлодеем в руках я взлетел к верхушке фонаря и привязал второй кончик возле самого светильника.

— Ты у нас Выверт, так? Вот и выворачивайся.

Я отпустил его в свободное падение и одновременно создал петлю. Трос начал разматываться, Выверт полетел вниз, крутясь вокруг себя волчком. Трос я отрезал короткий, так что через три метра злодей с рывком остановился. Под массой тела его руки вывернулись из плеч и так он и повис, оглашая округу криком и проклятиями. Петлю я ему сделал самую длинную, какую только мог, целых десять секунд, чтобы он успевал оправиться от шока.

Я спустился обратно и поднял Дину за шкуру. Та не сопротивлялась, и похоже, ее мое присутствие вообще не беспокоило. Она просто обильно пускала слюни и грызла собственные пальцы и, судя по многочисленным шрамам, это было ей не в новинку. Даже не прибегая к сквозному зрению, я узнал симптомы наркотической ломки, насмотрелся в больнице. Еще бы только помнить, что это была за больница и где она находилась.

Странно все это. Столько бед из-за одной малявки.

Одной малявки, присутствие которой превращает *песню* в шум помех.

Это ли не шанс сделать то, о чем Конрад мог только мечтать, избавиться от влияния Симураг? Но как это сделать, ведь я не могу таскать ее с собой повсюду...

Вообще-то могу... достаточно отрезать ей все лишнее.

Или же можно сделать по-другому. Сейчас, именно сейчас, пока Дина рядом, можно принять некое решение, которое Симураг не может предвидеть. Что это должно быть? Прекратить охоту на Неформалов? Сдаться властям? Нет-нет-нет! Я не могу доверять даже себе. Я слишком глубоко испорчен.

— Дина, скажи прямо сейчас, не задумываясь. Что мне делать?

Девочка перестала грызть ногти, подобралась и посерьезнела. Будто одним махом повзрослела лет на тридцать. Она долго смотрела на меня, не мигая, будто пыталась что-то разглядеть за линзами визора. Потом она залезла рукой куда-то под пижаму и достала

сложенную в несколько раз бумажку.

— Прочти ровно в полдень, — сказала она с взрослой горечью в голосе.

Я кивнул и поставил ее на землю.

— Идите прямо по улице. На четвертом перекрестке повернете налево, потом сразу направо, и выйдете к штаб-квартире СКП. Солнышко, ты сдашься без каких-либо условий с своей стороны, и примешь любое наказание, которое тебе назначат. Дина, ты расскажешь все и без утайки. Идите быстро и никуда не сворачивайте, — я немного набрал высоту и выпустил с крыльев поток излучения, расщепляющего хитин. — Путь расчищен. Быстро.

Я полетел дальше. Пора проведать Девятку.

Марисса с трудом держалась на ногах. Несколько минут назад она была готова покончить с собой, потому что даже так жестокая и одинокая жизнь, что у нее была последние полтора года, пошла прахом. Все ее друзья были мертвы, из Скитальцев осталась в живых только она одна, потому что Генезис молила пощадить ее перед собственной смертью.

Ее последний наниматель был хуже, чем мертв. Вот он, совсем рядом, корчится от боли в вывихнутых плечах. И будет корчиться еще очень долго, если Сплетница не соврала.

Она бы разрыдалась, но все свои слезы она выплакала уже давно. Может, это карма, расплата за все совершенные ею убийства? Пусть и непреднамеренные, совершенные исключительно из-за чрезмерно мощной силы — но людям, сгоревшим в ее пламени, от того не легче.

— Пойдем, — Дина подергала ее за рукав.

Марисса посмотрела на нее. Похищенная прямо из дома — при участии самой Мариссы — отравленная наркотиками, несколько месяцев не видевшая солнечного света, и при всем при этом Дина держалась куда тверже и решительнее. Страдания не сломали ее, но закалили.

— Пойдем скорее, — нетерпеливо повторила девочка. — Мы должны рассказать.

— Что рассказать? — Марисса мотнула головой в сторону Выверта. — Это они и так узнают.

Дина помотала головой.

— Нет, другое. Это про него, — она махнула рукой в том направлении, куда улетел Падший. — Это из-за него все умирают.

Раздался гулкий взрыв, земля задрожала и осела на том месте, под которым находилась база. Должно быть, система самоуничтожения, или же Падший все заминировал перед уходом.

— Пошли, скорее! — Дина потянула ее за собой с усилием. — А то большая страшная штука нас догонит.

Известие о том, что Ноэль жива, придало Мариссе больше сил, чем что-либо иное. Она подхватила девочку на руки, и побежала так быстро, как только могла.

Она слишком хорошо знала, на что способна Ноэль.

Небо над Атлантикой, высота двенадцать километров

— Вот подумай, что может быть романтичнее рассвета над океаном? Только рассвет над океаном, который не заканчивается! Прикинь! Ведь если Земля вращается, то в любой момент времени где-то может быть рассвет! То есть ги-ги-гипотетически, если постоянно двигаться со скоростью, равной скорости вращения планеты, то будешь двигаться вместе с рассветом и это будет... будет... охуенно! Что думаешь?

Я посмотрел на Душечку. Та, к сожалению, ответить мне не могла, и не только потому, что я держал ее за горло. Температура воздуха и концентрация кислорода на двенадцатикилометровой высоте не способствуют дружеским беседам. Я выпустил ее и заключил в петлю.

Болевыключатели, которые вшила Бойне Ампутация, усложняли вопрос наказаний, но я справился. Жуткий холод, удушье из-за пониженной концентрации кислорода и настолько низкое давление, что глаза вылезают из глазниц. Готовить на медленном огне пару миллионов лет, соль по вкусу. Пришлось отлететь подальше от воздушных магистралей, чтобы в Душечку случайно не врезался самолет. Тоже самое с Ожог, которая прямо сейчас на глубине захлебывалась океанской водой и не могла утонуть. Ей пришлось подыскать подходящее ущелье на дне. Было бы печально, если бы brave парни из US Navy расшибли об нее свою подлодку.

Пока Душечка сваливалась в свободное падение и возвращалась к исходной точке, я позволил себе немного полюбоваться рассветом. Вообще, в Броктон Бей еще была ночь, но высота позволяла заглянуть за горизонт.

Рассвет был таким красивым. Солнце еще не показалось, но небо у самой кромки океана уже посветлело и окрасилось золотом. Черт, я уже так устал, а Джек и Сибирь выглядели не особенно радостными после того, как я грохнул четверых из их милой компании. Пятерых, если считать обработанного Панацеей Краулера. Надеюсь, она не слишком его загоняет, шиншиллы создания хрупкие.

Далеко-далеко, у самого горизонта небо перечеркнул золотистый блик. Зион снова спешил куда-то по своим геройским делам. Всегда в движении, ни минуты отдыха вот уже больше двадцати лет. Считалось, что просто увидеть его краем глаза — уже хороший знак. Ну, для меня это напоминание, что бездельничать еще рано.

Выверта можно спокойно вычеркивать из списка, Скитальцев тоже.

Остаются трое врагов из одной группы, и трое из другой, а я уже слишком устал. Когда я забирал Душечку, Сибирь почти смогла меня схватить, оставив на левом плече четыре борозды. Моя реакция замедлилась, конские дозы боевых наркотиков и прямая стимуляция коры мозга постепенно теряли эффективность.

Даже если я выживу после всего этого дерьма, жизнь я себе уже сократил раза в два. Не то, чтобы меня это волновало. Я взял курс обратно на побережье.

Через несколько минут Броктон Бей встретил меня темнотой. Здесь все еще царилась ночь, и рассвет вступит в свои права только через полчаса. Где-то внизу рыскала Сибирь, готовая разорвать меня на части и сожрать вместе с броней. Там же обретались оставшиеся Неформалы. Они-то мне сейчас и нужны.

Я сбросил скорость, развернул крылья и начал постепенно снижаться. Поймать сигнал

не получалось довольно долго. Я даже забеспокоился, что Неформалы обманули мои ожидания и сбежали из города.

На всякий случай я сделал круг побольше, и на этот раз радар взял пеленг на нужную ДНК-сигнатуру. Но что Неформалы забыли возле штаб-квартиры СКП? Если это очередной налет, то немного не вовремя. А может, герои наконец-то сумели их поймать после того, как я уничтожил двоих из пяти членов банды?

Да не, бред какой-то...

Я спустился до одного километра и подлетел ближе, на расстояние прямой видимости. Хм. Вроде, ничего похожего на панику или сражение. Даже наоборот, по улицам юго-восточной трети города тянулись длинные очереди автобусов, в которые торопливо сползались люди. Также, если присмотреться, можно было различить переброшенные через Ров понтонные переправы, по которым тоже двигались беженцы. Над ними мелькали светящиеся точки кейпов-летунов, прикрывавших переправы с воздуха.

Хм. Похоже на экстренную эвакуацию. Ампутация устроила что-то масштабное? Хотя вряд ли. Если бы в дело вступила она, эвакуировать бы было некого.

Я переключил АВП в режим расщепления хитина и спикировал точно на крышу штаб-квартиры, в центр вертолетной площадки. Уже этим я обнаружил себя, но после близкого знакомства с роем Скиттер я меньше всего хотел снова оказаться облепленным миллионами мух и прочей дряни. Назовем это неврозом или фобией... не важно. Сама мысль о насекомых, пробирающихся через щели под броню и начинающих набиваться в нос, рот и уши вызывала непроизвольную тошноту. И плевать, что никаких щелей в «Сирине» нет и быть не может.

Для надежности я выждал несколько секунд, чтобы гарантированно уничтожить всех насекомых в радиусе действия АВП. На пределе мощности он накрывал область радиусом шестьсот метров, но на периферии эффект заметно ослабевал, и вдобавок я не знал точного диапазона способности Скиттер. Только то, что он больше трехсот метров.

Возможно, она могла держать под наблюдением весь город. Черт, мне нужно более мощное средство от насекомых.

Я еще раз сверился с радаром. Все ДНК-сигнатуры находились на одном уровне и в одном месте... но не на тюремном этаже, это точно. Тогда это еще хуже, чем открытое нападение. У стада безмозглых идиотов, по недоразумению зовущихся героями, хватило тупости вступить в переговоры с Умником-9 (по самой скупой оценке). Да если дать ей время, она из всего Протектората веревки вить начнет!

Мешкать было нельзя, я определил координаты и телепортировался. Вертолетная площадка под ночным небом превратилась в освещенный коридор, и передо мной возникла дверь. В которую я немедленно постучал.

Молчание. В переговорной комнате находилось немало людей, но все они словно затаили дыхание.

Я взялся за ручку и медленно повернул ее.

Тем временем в штаб-квартире СКП

Атмосфера в переговорной комнате стояла напряженная.

Хотя если учесть, кто в ней собрался, больше подошло бы слово «взрывоопасная».

Кристал осмотрела всех, пытаюсь понять, кто наиболее опасен, и кого в случае боя нужно быть нейтрализовать в первую очередь.

Во-первых, Кайзер с подручными из старого состава. В закрытом помещении должен быть очень силен, но его броня помята и вся в кровоподтеках, а на левой руке недостает двух пальцев. Их ему откусила Сибирь, когда заставила проходить свое испытание. Сейчас он должен был быть уже мертв, но за последние сутки Бойня № 9 сильно поредела, из-за чего с испытаниями кандидатов возникла заминка. Кайзер бы не был собой, если бы не воспользовался возможностью, и начал переговоры с СКП и эвакуацию гражданских с подконтрольной территории, с которой помогали маски-новички.

Кристал подозревала, что *кое-кто* приложил к этому руку, но старалась не думать об этом, как и все последние два месяца.

Во-вторых, Скиттер с остальными Неформалами. Они все еще выглядели устрашающе, буквально излучали опасность, несмотря на то, что лишились двоих членов. Вокруг Мрака клубилась непроглядная тьма, на лице Сплетницы играла самоуверенная презрительная ухмылка. Однако по сравнению с ними Скиттер будила просто первобытный ужас. Насекомые полностью покрывали ее тело, они находились буквально везде, сидели на каждой поверхности и на людях, а их противоестественно синхронное, практически разумное поведение вызывало иррациональную панику.

Тора сидела по левую руку от Сплетницы. На переговоры она пришла вместе с Неформалами, однако держалась отстраненно. У нее не было личного интереса, она присутствовала здесь только потому, что ее сила была лучшей возможностью справиться с вызванным Технарем кризисом.

Для себя Кристал решила, что в случае срыва переговоров первыми выбьет Кайзера и Скиттер. Даже если это окажется последним, что она сделает.

Сторону героев представляла Мисс Ополчение, Штурм и Батарея, которым составлял компанию Стояк. Остальные герои либо еще не оправались от ранений, либо были задействованы как воздушное прикрытие для эвакуации. Иногородний контингент возглавлял Шевалье, с ним было несколько героев из соседних штатов.

Казалось бы, численный перевес был на их стороне, но те же Неформалы до сих пор успешно противостояли Протекторату, каждый раз вытаскивая из рукава очередной козырь. Кристал подозревала, что нечто подобное происходило и сейчас, пока Сплетница вела свой рассказ.

— ...попал под влияние Симург в возрасте восьми лет, в августе 2003-го года, во время атаки на Лондон. Я проверила кредитную историю его родителей, и обнаружила нестыковки. Полагаю, они потратились на злодея-технаря со специализацией на компьютерных системах, который бы подчистил следы их летней поездки, но тот сделал это недостаточно качественно.

— И конечно же у тебя есть доказательства, — мрачно уточнил Шевалье. — Ты хочешь, чтобы мы привели в действие отложенный ордер на убийство только из-за твоих голословных утверждений.

— Несколько доказательств моих «голословных» утверждений сейчас находятся в петлях, — язвительно отозвалась злодейка. — В их числе один из наших товарищей.

— Это не доказательство, — перебил ее Стояк. — Это ответ на ваши собственные действия. И, черт побери, вы это заслужили.

— **ОН САМ ВИНОВАТ**, — inferнально проскрежетал рой Скиттер. — **ОН ДОЛЖЕН БЫЛ ПРИЗНАТЬ ПОРАЖЕНИЕ И УЙТИ, А ВМЕСТО ЭТОГО НАРУШИТЬ НЕПИСАННЫЕ ПРАВИЛА.**

— Кто бы говорил о нарушении неписанных правил, — ледяным тоном отозвался Кайзер.

— Мы тут не причем, это все Выверт. Можете у него самого спросить, вроде бы он еще не успел сойти с ума в петле.

— Конечно же, специализирующийся на добыче информации Умник совершенно не причем. Господа, если мы закончили слушать эту чушь, то предлагаю просто выгнать эту троицу на улицу, и заняться вопросами эвакуации.

— Не будет эвакуации! Думаете, что если отдадите нас *ему*, то *он* успокоится?! Он бомба Симург, его цель — нанести максимально возможный ущерб! Сейчас он просто пробует свои силы на живых мишенях, отрывает мухам крылья и смотрит, как они корчатся. А что будет, когда он пойдет в разнос по-настоящему?!

— Репутация Протектората будет разрушена необратимо, — добавил Мрак. — Сколько героев от вас уйдет, когда узнает, что вы просто позволяете монстрам творить любые зверства, какие вздумается?

— В настоящий момент это даже не третья в порядке важности проблема, — пожал плечами Шевалье. — Магистерий последовательно изматывает Бойню № 9 атаками, что в свою очередь дает нам возможность вывозить оставшихся мирных жителей без серьезных потерь. Броктон Бей все равно скоро исчезнет с карт, так что...

Скиттер возмущенно вскочила со своего места.

— **ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ЗАКРЫТЬ ГОРОД!!!** — взревел ее рой.

— Сядь на место! — повысил голос Шевалье. — Город закрываем не мы, а Конгресс. Разрушения, причиненные Левиафаном, слишком велики, чтобы вести восстановление. Особенно это касается водопровода и канализации.

— **ВЫ ПРОСТО НЕ ХОТИТЕ РЕШАТЬ ПРОБЛЕМУ! ВАМ ПРОЩЕ ЗАКРЫТЬ ВСЕ ГЛАЗА!**

— И зачем тут что-то восстанавливать? — с вызовом спросил Стояк. — Чтобы вы тут все себе захапали?

— **НА МОЕЙ ТЕРРИТОРИИ ЖИВУТ ЛЮДИ! Я ПОМОГАЮ ИМ!**

— Нет здесь никакой «твоей» территории, ходячая ты библейская чума!

Шевалье с размаху врезал ладонью по столу.

— Тихо!

Стояк и Скиттер притихли, и теперь только злобно молчали друг на друга.

— Если вам так не хочется встречаться с Магистерием, можете добровольно сдаться прямо сейчас и отправиться в камеры, а оттуда прямым рейсом в Клетку. Велика вероятность, что на этом он успокоится.

— **ОТКАЗЫВАЮСЬ.**

— Вы получили информацию от Дины Элкотт! — торжествующе объявила Сплетница, тыча в Шевалье пальцем. — Вы знаете, что он станет причиной больших бедствий в будущем, а сейчас тянете время!

— Да, от Дины Элкотт, — прохладно согласился Шевалье. — Которую вы, если не ошибаюсь, сами же и похитили из ее дома, а потом посадили на наркотики. Сейчас врачи ломают головы, пытаюсь понять, какой дрянью вы ее накачивали.

— **ЭТО ЛОЖЬ. МЫ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА БУД ПРИКРЫТИЕМ.**

— Уверен, всем от этого легче, — съязвил Стояк.

Рой взметнулся, чтобы ответить... и весь опал на пол. Покров из насекомых, окутывавший Скиттер осыпался с нее будто песок. Сплетница почему-то посмотрела в потолок.

— Он здесь, — прошептала она испуганным голосом, совершенно не похожим на ее обычный наглый тон. — Я думала, у нас больше времени...

Скиттер вскочила на ноги и выхватила откуда-то из-за спины телескопическую дубинку и пистолет. Она пробежала по столу и запрыгнула за спину Кристал. Никто даже не успел ничего сообразить, как дубинка уже прижалась к ее горлу, а пистолетное дуло — к голове.

Одновременно с этим в дверь постучали.

Повисла тишина. Герои озадаченной крутили головами, люди Кайзера и вовсе вели себя так, будто ничего не случилось.

— Скиттер, какого черта?! — яростно прошептал Шевалье.

— Это не поможет! — пискнула Сплетница.

Злодейка не удостоила их ответом, и тут дверь отворилась.

Несмотря на приставленный к ее виску пистолет, при виде черного силуэта со сложенными крыльями Кристал невольно пробрала нервная дрожь. Это было такое же чувство, как рядом с кем-то из Триумvirата. Ощущение подавляющей мощи.

— Доброе утро, леди и джентльмены, — Конрад шагнул через порог. — Смотрю, Неформалы в своем репертуаре.

— Магистерий, стой! — Шевалье тоже встал и сжал рукоятку пушкотеки, прислоненного к столу. — Мы арестуем их и отправим в Клетку. В твоей вендетте больше нет необходимости.

— Я больше не пользуюсь этим именем, это раз. Я не верю в вашу дееспособность, это два. Не становитесь между мной и моей добычей, это три, — Конрад продемонстрировал небольшой цилиндр. — Это одно из первых моих изобретений. Источник энергии, основанный на аннигиляции антивещества. Если Тора сейчас применит свою силу, магнитная ловушка, удерживающая навеску антиводорода, выйдет из строя и сделает бум-бум. Примерно три килотонны в тротиловом эквиваленте. Вы все умрете. Как и все в радиусе примерно двухсот метров.

— Сплетница, это не блеф? — спросила Мисс Ополчение. Штурмовая винтовка в ее руках смотрела куда-то в пол.

— Нет, — отозвалась та нервно. — Вероятно, мощность взрыва будет отличаться в большую или в меньшую сторону, но в целом все так и есть.

— И не надо на меня так смотреть, — добавил Конрад. — Сила Сплетницы делает блеф невозможным. Она сама виновата.

— Ты в своем уме?! Там сейчас тысячи людей! — прохрипела Кристал.

Скиттер давила дубинкой сильно, но неумело, вдобавок она была ниже ростом. Дышать вполне можно было. Нужно только что-то сделать с пистолетом. Влететь спиной в стену? Нет, не пойдет, она может успеть выстрелить. Лучи? Это сработает только если бить насмерть, а этого Кристал хотелось бы избежать. Силовое поле? Оно ограничено эффектом Мантона, запереться в нем не получится.

Но вот на пистолет он не распространяется.

Нужно маленькое поле, очень маленькое. Внутри ствола. Кристал сосредоточилась, пытаясь точно ощутить область возле виска, где можно применить силу.

— Это именно то, о чем я говорила, — встряла Сплетница. — Его уже не вернуть. У

него не осталось никаких привязанностей и внутренних ограничений.

— Тора, у меня нет к тебе претензий. Я даже не держу на тебя зла за то, что ты как-то выпустила мне кишки, потому что за дело. Я даю тебе возможность уйти с миром. Цена вражды со мной непомерна, убить меня непросто, и даже просто начав бой сейчас, ты обречешь на смерть тысячи невинных. Ты же не такая чокнутая, как Бакуда? Просто иди.

«Да, да! Уходи!» — взмолилась Кристал мысленно. Еще немного... чуть точнее прицелиться...

— У меня есть дела с героями, — ответила Тора с заметным акцентом. — Я не уйду.

— Как хочешь. В любом случае, я пришел забрать кое-что свое. Мрак, ты как, завещание написать успел?

Все произошло очень быстро. Конрад шагнул к Мраку. Мрак выхватил пистолет. Сплетница и Скиттер что-то неразборчиво выкрикнули в один голос. Кристал создала куб силового поля внутри ствола пистолета Скиттер и резко увеличила его, разрывая оружие на части.

Мрак выстрелил себе в висок.

Позади Кристал что-то гулко стукнуло и упало на пол.

— Чертеноч, стой! — истошно заорала Сплетница.

«О ком она вообще?» — мельком подумала Кристал.

Она резким рывком отлетела в другой конец комнаты, окружила себя силовым полем и только тогда смогла оглядеться.

Мрак лежал на полу, разбрызганные ошметки мозга и черепа прозрачно намекали, что первая помощь уже не требуется. Скиттер тоже валялась в отключке, но вроде бы была жива. Прямо над ней нависала выросшая из потолка железная балка. Похожа, она опустилась ей прямо на голову. Кристал посмотрела на Кайзера.

— Можете не благодарить, мисс Пелхам, — отозвался тот саркастично. — Вижу, вы и сами неплохо справились. А там что за маргышка?

У ног Конрада лежала чернокожая девочка в черном обтягивающем костюме и белой маске с рожками. Голова девочки была размозжена о стену, на которой остался кровавый отпечаток.

— Она сестра Мрака, вонючий ты нацист! — крикнула Сплетница. — Не смей называть ее так!

— Похоже, это Скрытник. Была, — Конрад стряхнул кровь с руки. — Она кинулась на меня с ножом.

Кристал почувствовала, что ее начинает мутить.

— И поэтому понадобилось ее убить?! Ей же четырнадцать, не больше!

— А мне шестнадцать исполнилось на прошлой неделе, и че?

— Я же говорила! — орала Сплетница. — Он невменяем, его нужно уничтожить! Он...

Договорить она не успела, потому что Кристал выстрелила ей прямо в лоб. Глаза Сплетницы закатились, и она рухнула на стол без сознания. Кайзер беззвучно засмеялся. Героиня подлетела к Конраду и убрала силовое поле. Против него оно бы все равно не спасло.

— Боже, во что же ты превратился...

— В то, чем вы хотели меня видеть.

— Тебе столько раз давали еще один шанс, и каждый раз ты падал еще ниже! Ты торговал с нацистами, и клялся, что строишь оружие против Губителей! Ты должен был

спасти жертв Серого Мальчика, а не стать им! А теперь ты приходишь сюда с ядерной бомбой и берешь тысячи невинных людей в заложники ради своей личной вендетты! Ты в курсе, что Бойня № 9 в городе, и что не время сводить счеты?!

— О да, я в курсе. Правда, после общения со мной это скорее Бойня № 3, - безразлично ответил Конрад и повернулся к Шевалье. — Сейчас я пойду прибую Джека Остряка. Потом заберу этих двоих, и организую им наказание по заслугам. Попытайтесь их спрятать или вывезти — вам будет плохо. *Очень* плохо.

— Неформалы злодеи с дурной репутацией, их будут судить и наверняка отправят в Клетку, — ответил Шевалье, смещаясь так, чтобы закрыть собой Сплетницу. — Я не позволю тебе вершить самосуд.

— О, и как вы мне помешаете? Триумвират позовете? Зовите. Только как бы он в процессе не стал Дуэтом. Или Сольным Ансамблем.

— Кайзер, ты можешь урезонить своего человека? — спросила Мисс Ополчение. Она тоже заслонила собой Скиттер и целилась в Конрада из многоствольного пулемета.

— Он мой так же, как ваш, — развел руками нацист. — То есть никак. Меня не интересуют токсичные активы, особенно испорченные Симург.

«Идиот!!! Зачем ты это ляпнул?!» — мысленно закричала Кристал в отчаянии, и вскинула обе руки.

Из ее ладоней выстрелили яркие лучи, которые вонзились в грудь Конрада и отшвырнули его к стене. Это был второй раз в жизни Кристал, когда она атаковала в полную силу, даже не думая сдерживаться, чтобы убить наверняка. Первый был в битве с Левиафаном. Это стало сигналом для остальных кейпов, которые тут же ударили своими силами. Пушкомеч Шевалье с грохотом выплюнул снаряд, взвыл пулемет Мисс Ополчение, засверкали энергетические клоны Призмы и призрачные медведи Урсы Авроры.

И атаковали не только герои. Из стен, пола и потолка выскочили бесчисленные шипы, которые оплели Конрада словно тернии. Отала коснулась Виктора, и тот выстрелил струями огня. Только Тора осталась безучастной, помня о миниатюрной ядерной бомбе, готовой взорваться под воздействием ее силы.

На секунду Кристал даже показалось, что у них получилось. Конрад свободно висел на шипах Кайзера, его трясло от попаданий пуль и снарядов, от ударов проекций, Призмы, Штурма и Батарей.

А потом весь мир затопила боль и тьма. Верх и низ словно исчезли, на Кристал накатила необъяснимая паника, и она лишь огромным волевым усилием удержалась от того, чтобы начать стрелять во все стороны.

Все прекратилось также внезапно, как началось. Кристал обнаружила себя лежащей на потолке, который в мгновения беспомощности приняла за пол. Другим повезло меньше — Призму и Урсу Аврору ранили шипы Кайзера, сам Кайзер с кряхтением пытался подняться, на его броне появилась новая вмятина в форме чьего-то кулака. Стояк в самом начале заморозил свой костюм и сидел со скрещенными руками, давая понять, что в бою участвовать даже не собирался.

— Все живы? — спросил Шевалье.

Нестройные голоса и тихая ругань были ему ответом. По крайней мере, обошлось без жертв. Конрада же и след простыл, после него осталась только высаженное вместе с рамой окно.

— Стоп, — сказала Мисс Ополчение, — Сплетницы нет.

Шевалье совсем не по-геройски выматерился.

Через несколько часов

Эвакуация завершалась. Сплошной поток автобусов, на которых вывозили жителей мертвого города, почти иссяк, а в последние из них люди не набивались как селедки в бочку. В полдень отбудет последний транспорт, и ждущие отмашки рабочие начнут возведение стены по периметру города.

Даже так всех вывезти не получится. Кто-то не знает, что идет эвакуация, кто-то не может уйти или не хочет. Допустимые потери, приемлемый сопутствующий ущерб.

Не все шло гладко, не обходилось без потерь. Ночью Девятка дважды атаковала саждающихся в автобусы людей, учиняя резню. Каждый раз она отступала прежде, чем успевало прибыть подкрепление, но все равно несла потери. Сейчас в ее составе оставалось всего трое членов, и все единогласно сходились во мнении, что нужно ждать чего-то очень поганого. Больше всего на свете Девятка обожала внушать ужас, и соответственно ненавидела, когда на нее не обращали внимания. Это было очень в стиле Джека — закончить все на своих условиях.

Кристал сидела на карнизе здания на противоположной стороне улицы и штаб-квартиры и смотрела, как клерки СКП грузят компьютеры и коробки со служебной документацией. Виктория и Дин уже пришли в себя, но их держали в карантине из-за странностей в анализе крови, в Бостон им придется ехать в герметичных боксах. Вдобавок, они понятия не имели, где находится Эми, и что с ней. Кристал надеялась на лучшее, но понимала, что шансов на то, что она жива, немного. Она мысленно порадовалась за Эрика, что он сейчас далеко, с мамой, и ему не приходится участвовать в этом аду.

Один из кейпов, занятых в сопровождении колонн с беженцами, отклонился от курса и полетел к ней. В нем Кристал с некоторым трудом узнала Кид Вина, потому что тот носил не свою «повседневную» броню а «тяжелую». Ту же самую, которую он применял в бою с Левиафаном.

— Лазершоу, найдется минута?

— Хоть две, — пожала плечами Кристал.

— Ты ведь видела *его* недавно?

— Ага.

— Насколько все плохо?

— Если тебя интересуют уязвимости, то я их не заметила. Кажется, мы ему даже краску не поцарапали.

— Нет, я про другое, — Кид Вин качнул головой. — Это правда, что *он* сошел с ума?

Кристал ответила не сразу. Она попыталась вспомнить, как все было раньше — и не смогла. Образ улыбающегося парнишки померк в памяти, перед глазами всплывал только глухой черный шлем и бездонный мрак визоров.

— Я верю, что раньше им двигало добро. Но даже если из лучших побуждений, он все равно ушел дорогой, с которой не возвращаются.

Она посмотрела на Кид Вина. Его броня была намного тяжелее и массивнее, она больше напоминала летающий танк, нежели крылатый силовой доспех, но все же даже ей, не обладающей технарскими способностями, было очевидно сходство. Будто между братьями, чьи пути давно разошлись.

— Вы ведь много работали вместе?

— Совместных проектов было немного, в основном что касалось «Лотоса». Но мы постоянно обменивались идеями, даже отдельными модулями. В бою против Левиафана я разобрал свою Универсальную Энергетическую Пушку, чтобы его постановщик хронопетель заработал в нужную силу, — Технарь покачал головой. — Не хочу вспоминать про это. Мне кажется, если бы я тогда не отдал усилитель, ничего этого бы не случилось.

— Но ты сможешь ему противостоять?

— Исключено. Я далеко продвинулся с его помощью, но наши силы несравнимы. Где я делал один шаг, он делал пять. Кроме того, эти петли... — Кид Вин покачал головой. — Со мной связывалась Дракон, с тем же вопросом. Еще до Левиафана.

— То есть, они уже тогда начали прорабатывать сценарий ликвидации, — кивнула Кристал.

— Теперь его убьют?

— Ему присвоили статус угрозы S-класса, так что это решенный вопрос. Александрия и Легенда должны прибыть с минуты на минуту, Эйдолон занят, но в случае затруднений могут вызвать и его.

— Черт... как вообще до такого дошло?!

— Если бы мы знали, то до «такого» бы не дошло.

— Я не знаю... может, просто не надо было оставлять его одного?

Кристал непроизвольно сжала рукой карниз, на котором сидела, ее ладони потеплели, готовые выбросить смертоносный поток энергии. Если подумать, сколько раз она сама порывалась сходить навестить Конрада в его заключении, и каждый раз останавливалась в последний момент. Ведь уже тогда его преступления казались абсолютно непростительными, из которых худшее — связь с Империей-88, убившей Флер и сломавшей дядю Майка.

А потом пришел Левиафан, и на фоне разорванного на части Губителя все обвинения как-то померкли. Злость уступила место страху. Да и не до того было, ведь хоронили папу и тетю Кэрол. Мама, Эрик и дядя Марк готовились к переезду, Вики оформляла вступление в Стражи...

— В любом случае, уже поздно что-то делать, — сказала Кристал. — Пошли, скоро должен начаться брифинг.

Они вдвоем спустились ко входу в штаб-квартиру, где солдаты торопливо расчищали площадку для чего крупного. И через несколько минут стало ясно, для чего. С неба с грацией лебедя спустился робокостюм Дракон. Новая модель, о такой Кристал раньше даже не слышала. Более компактная и изящная, чем многие из тех, что она видела в Интернете и по телевизору, и более похожая на настоящего дракона.

В боку робокостюма откинулась рампа и по ней сошли два человека в желто-зеленой силовой броне, мужчина и женщина. словно в знак приветствия, прямо перед ними приземлились двое из Триумvirата.

— Приветствую, Дракон, — поздоровалась Александрия. — Рада впервые встретиться с тобой лично.

— Взаимно, — женщина кивнула. — Что до моего спутника, вы его все знаете, но под другим именем.

— Теперь я Отступник, — мужчина отсалютовал длинным двузубым копьём.

— Ваше присутствие весьма кстати, — заметил Легенда. — Ведь проблемой является ваш бывший ученик.

— Мне это известно, — голос Отступника звучал механически, словно создавался не живым горлом, а динамиками. — Я готов.

Где-то в городе

— Долго еще? — нетерпеливо спросил Джек Остряк.

— Как только так сразу! — недовольно ответила Ампутация. — Штамм нужно настроить, иначе эпидемия выкосит весь мир, а это не весело!

Торопить ее было бессмысленно, и Остряк это прекрасно понимал. Также он отлично понимал, что скоро находиться в Броктон Бей станет слишком опасно даже для него. В игру вступали по-настоящему серьезные силы, и Бойне № 9 пора было отправляться дальше.

Джек как никто понимал, что для того, чтобы тебя считали непобедимым, нужна сущая малость — не начинать битвы, в которых не можешь победить. Побег с поля боя не повредит репутации, если оставишь о себе устрашающую память. Вирус, над которым сейчас работала Ампутация, должен был сыграть именно такую роль.

Он бы и сыграл, будь у них больше времени. Джек привык слушать свою интуицию, а она говорила ему, что уходить надо немедленно, Сибирь должна вот-вот вернуться с последней охоты, ей очень уж хотелось забрать своего кандидата. Джеку с самого начала не понравилась эта идея, но к тому моменту Бойня лишилась пятерых, и покидать город с такими потерями и вообще без добычи было не слишком полезно для репутации.

Джек невольно поморщился. Заполучить к себе Падшего у него не вышло, а подобное случалось нечасто. Он был уверен, что тщательно изучил все его уязвимости и болевые точки, и по началу все шло неплохо. Джек был готов скормить новорожденному хищнику ставших скучными Птицу-Хрусталь и Манекена, не говоря о Душечке и Ожог. Это были обычные потери, на которые ему было плевать. Но из-за какого-то неучтенного фактора, который Джек так и не смог обнаружить, поведение Падшего изменилось в нежелательную сторону, и он стал угрозой для костяка Бойни. Угрозой для самого Джека.

— Ампутация!

— Уже готово! — девочка торжествующе подняла над головой пробирку и схватила подмышку ноутбук. — Пёсель, пошли!

Ее новое приобретение, огромное чудовище, сшитое из нескольких собак и одного из местных кейпов, поднялось на шесть лап и издало протяжный полу-стон, полу-рык. Оно было даже крупнее Краулера, с девятью длинными шипастыми хвостами и дополнительной парой конечностей, которым Ампутация придала форму рук — чтобы Пёсель мог носить за нее вещи.

Они вдвоем выскочили из дома, в котором скрывались, за считанные секунды до того, как ударивший сверху луч разрезал его надвое. Верхняя половинка пятиэтажного здания съехала вниз и с грохотом рухнула на землю.

Джек и Ампутация запрыгнули на Пёселя и помчались вдоль по улице. Ампутация что-то нажала на пульте, и монстр оглушительно взревел. Его голос далеко разносился по пустынным улицам. Сигнал для Сибири, что нужна помощь.

В следующий миг Джек по наитию схватил Ампутацию и скатился со спины Пёселя, что и спасло их. Падший сменил оружие, и собако-кейповскую химеру с грохотом разорвало пополам.

— Что, вот так сразу? — крикнул Джек, возмущенные вопли девчонки, лишившейся новой игрушки. — А поговорить напоследок?

Атаки не последовало. Джек понимал, что долгая охота утомила Падшего, что он держится на технарской химии и силе воли. Убийство Джека должно было стать для него финальным штрихом, подведением итогов, и, конечно же, он не мог сопротивляться соблазну поговорить с жертвой.

— Струсил, Джеки? — произнес голос из пустоты. Падший использовал какой-то камуфляж, а геометрия окружающих строений рассеивала звук, но Джек безошибочно посмотрел туда, где тот находился. Ведь именно из той точки открывался лучший обзор на местность. — Что угодно, лишь бы протянуть еще несколько секунд?

Джек улыбнулся. Интонации, построение предложений, выбор слов — все это многое говорило ему. Послание Падшего было недвусмысленным — он готовился умереть.

— Чего мне бояться? Тебя? — развел руками Джек. — Да мы практически родственные души. Ты и сам это прекрасно осознаешь. Мы оба восстаем против всего мира, который стремится нас уничтожить.

— Боюсь, общего в нас только комплектация рук и ног.

Падший сбросил маскировку и рухнул на землю прямо перед ними. Джек с трудом удержался от того, чтобы закатить глаза. Супегеройское приземление на колено и кулак, честное слово. За головой парня вот-вот отправится буквально каждый кейп Америки, а он находит время рисоваться.

— Ты устал, Конрад, — проникновенно сказал он. — Твои движения уже не такие быстрые и точные, как трое суток назад. Уверен, что сумеешь снова ускользнуть от Сибири?

Джек заметил, что Падший на миг замер. Он все еще остерегался Сибири, и наверняка использовал свои средства, чтобы обнаружить ее на подходе. Вот только его сканеры, размещенные в крыльях, предназначались для использования в полете. На земле, среди бетонных и кирпичных зданий, да еще в сложенном виде, они должны были терять эффективность.

— На тебя меня хватит, не беспокойся, — Падший начал медленно приближаться. Не с целью произвести впечатление, а из осторожности. Он все еще ожидал подвоха, чего-то, что не смог обнаружить или предусмотреть. Уверенная поза и тон Джека должны были поселить в нем подозрения.

— Почему ты все еще упорствуешь? Почему преследуешь нашу семью с таким бессмысленным рвением? Когда от тебя отвернулись все, мы единственные были готовы принять тебя таким, каков ты есть.

Падший замер на мгновение, но оправился и приблизился вплотную. Джек разочарованно цокнул языком. Надавить на одиночество и социальную изоляцию было его основной стратегией, но похоже, Падший окончательно утратил надежду. Уничтожение Бойни было последней вспышкой. Скорее всего, он бы даже не стал сопротивляться, когда герои пришли бы его убивать.

— Ты предлагаешь мне выбор, но семью не выбирают, — произнес Падший и присел на колено перед Ампутацией, так что ему пришлось смотреть снизу вверх. — Как тебя зовут по-настоящему?

— Я Ампутация! — ответила девочка резко.

Гораздо более резко, чем можно было ожидать. Джек знал, в чем причина подобного поведения. Ампутация была для него словно открытой книгой, он прекрасно видел, что ее обожание — не более чем форма стокгольмского синдрома. Что в глубине души она до ужаса боится его и ненавидит за то, что он сделал с ее настоящей семьей. Ему нравилось это

непрерывное хождение по краю, в ожидании дня, когда Райли решится восстать против него. По расчетам Джека, это должно было случиться через три-четыре года, совпав с подростковым бунтом.

— Ампутация ... будь по-твоему, — прошелестел Падший. — Ты причинила боль многим людям, Ампутация. Ты сделала больно моим родителям. А где твои родители?

— Моя семья — это Бойня, — уверенно сказала Ампутация. Внешне уверенно. Но для Джека ее ответ прозвучал как треск. Треск рушащейся верности.

— Нет, ты не права. Не знаю точно, что случилось с твоей семьей, но она не имеет ничего общего с Бойней. Ты убила своих маму и папу? Или это сделал Джек?

— Я...

Джек сжал рукоять одного из ножей, висевших на поясе. Его сила не может навредить Падшему, но вот убрать Ампутацию до того, как она станет угрозой, ему по плечу. Нужно лишь правильно нанести удар, чтобы не открылись имплантированные емкости с вирусами и токсинами...

— Делать людям больно — это плохо. Ты делала больно. Ты была очень плохой девочкой. А плохих девочек наказывают.

Ампутация замерла. Серая. Запертая во временной петле.

Джек отступил на два шага.

Падший достал откуда-то смартфон и запустил на нем воспроизведение какой-то песни. Он поднес его к глазам Ампутации, чтобы загородить ей обзор, и снова создал петлю. На этот раз маленькую, в которой уместился только сам смартфон.

— Наслаждайся, — прошипел он.

Будь ситуация менее напряженной, Джек бы взвыл от досады. Такая яркая фантазия, такая жестокость, такое тонкое эстетическое чувство — и все проходит мимо его рук!

Dance to the beat, wave your hands together!

— Вот и все, Джеки. Кажется, от твоей Бойни мало что осталось.

Come feel the heat forever and forever!

— Мы не первый раз несем потери, — пожал плечами Джек. — Недостатка в кандидатах не было никогда. Жестокость — основа человеческой природы, Конрад. У каждого под налетом цивилизованности скрывается кровожадный зверь.

Listen and learn, it is time for prancing.

— Бойня — это ты. Ты — это Бойня. Без тебя она перестанет существовать. Не знаю, какой силой ты удерживал ее в кулаке, но как говорится, «против лома нет приема».

Now we are here with Caramellendansen!

Петля вернула состояние смартфона на несколько секунд назад, и припев песни начался заново. Джек снова улыбнулся.

— Полностью с тобой согласен.

Падший не шевельнулся, но Джек *знал* что сейчас последует атака. Со всей доступной скоростью, какую давали бионические улучшения Ампутации, он метнулся в сторону — за огромный труп Пёселя. Серая сфера, которая должна была охватить его голову, отрезав от остального тела, схватила только половину уха.

С влажным хрустом ухо оторвалось. Джек зарычал и мысленным усилием активировал болевывключатель. Послышалось гудение двигателей — Падший взлетел, чтобы снова прицелиться.

С оглушительным грохотом Сибирь пронеслась сквозь ближайшее здание, волоча за

собой чумазую рыжую девчонку. Падший стремительно взмыл вверх, разрывая дистанцию, и этого времени Сибири хватило, чтобы схватить Джека за руку. Другой рукой он успел разбить о землю пробирку, из осколков которой тут же начало раздуваться непрозрачное облако зеленого дыма. Сибирь вопросительно взглянула в сторону зафиксированной Ампутации, но Джек только мотнул головой.

— Она нас предала, уходим.

Сибирь не задавала вопросов, не рассуждала, не подвергала сомнению его приказы. Безусловно, она была самым ценным членом Девятки со времен Николаса. Она помчалась сквозь здания, проламывая бетон и кирпич так, будто это был воздух.

План отхода оставался прежним: добраться до тайника, где припасена одежда и лицевые маски, захватить транспорт и убраться незамеченными. У них даже получилось успешно выполнить первый пункт. Но когда Джек закончил переодеваться и надел на себя новое лицо, Сибирь вдруг замерцала и исчезла.

Похоже, ее создателю только что настал конец.

Джек досадливо вздохнул и пнул ногой рыжую девку. Как там ее? Мухоловка вроде?

— Вставай и пошли, — велел он. — Боже, с чем мне приходится работать...

Мухоловка испуганно на него глянула, но повиновалась. Джек поморщился. От нее он избавится сразу же, как только наберет более подходящий состав.

Они вдвоем вышли из укрытия. По улице катился гвардейский «Хаммер» с пулеметом на крыше. Сойдет.

— Останови его, — приказал Джек.

Мухоловка выполнила приказ. Она выскочила перед автомобилем, уперлась руками в капот и начала тормозить его ногами. Джек чуть не закрыл лицо ладонью, настолько убогим и неуклюжим было зрелище. Он дважды ткнул стилетом, убив водителя и пулеметчика, и велел Мухоловке поглотить тела, а сам уселся за руль.

Когда впереди показался внешний кордон, Джек с облегчением выдохнул. Пусть он не получил всего, чего хотел, но все же добился главной цели. Тот, кто должен был стать надеждой для всего мира, теперь стал воплощением кошмара. Убьют его герои, или же он одолеет их — проиграют все, и от этого Джеку становилось по-настоящему радостно.

Он вырулил на шоссе, вдавил педаль газа и начал насвистывать какой-то простенький мотивчик. Броктон Бей остался позади, но там было весело.

Тем временем на въезде в Броктон Бей

Двое кейпов, которые явились в Залив по важному поручению, неуверенно переминались с ноги на ногу. Приказы Мамы Мазерс были недвусмысленными — найти и покарать еретика, осмелившегося поднять руку на Владыку Вод и богохульно искажившего священный облик Повелительницы Небес своим костюмом.

Глядя на грибовидное облако, поднимающееся над городом, они почувствовали, как их решимость куда-то утекает.

— Так нам точно туда? — уточнил один, в черном рогатом костюме, подражающем Бегемоту.

— Ну... вроде бы, — протянул второй, одетый в белое ниспадающее одеяние с перьями.

Мимо на полной скорости промчался военный «Хаммер».

— Постой, — первый поднял руку. — Случайно был не Джек Остряк?

— Точно, он! — поддакнул второй.

— Не, ты видел? Он удирал так, будто за ним... — первый замялся, пытаясь подобрать незаезженный эпитет.

— Будто черти гнались, — подсказал второй.

— Ага, точно.

— Ты думаешь о том же, о чем и я?

— Я не знаю, о чем ты думаешь. Но я думаю, что в место, откуда сам Джек Остряк съезжает быстрее пороссячьего визга, мне идти не хочется.

— Вот и я о том же думаю.

Второй закрыл глаза, вызывая в памяти образ матери, и он не замедлил проявиться в виде фантомной проекции.

ВАЛЕФОР, СЫН МОЙ! ТЫ ВЫПОЛНИЛ ПОРУЧЕНИЕ? ТЫ ПОКАРАЛ ЕРЕТИКА?

— Нет, мама, — твердо ответил он. — Мы едем домой.

ЧТО? ТЫ ДОЛЖЕН...

— Мы. Едем. Домой.

Диббук некоторое время молчал.

ПО ДОРОГЕ КУПИТЕ ЗАПЧАСТИ ДЛЯ ТРАКТОРА.

Губителепоклонники с облегчением сменили костюмы на гражданскую одежду, сели в пикап и торопливо двинулись на юг. Оба понимали, что им никогда не придется узнать, от чего так быстро удирал Джек Остряк, и, черт побери, это было прекрасно.

Из-за возникшего на месте Джека облака зеленого дыма, мне пришлось выпустить его и Сибирь и из поля зрения и сосредоточиться на неизвестной угрозе. Цепочка складывалась простая: неведомая хрень, которая не могла быть проявлением силы самого Джека — технарское творение — не похоже на работу Манекена — ручки приложила Ампутация — ой.

Шли драгоценные секунды, Сибирь уносила Джека прочь, а я ощупывал растущее облако лучами сенсорных систем, пытаюсь понять, что это за дрянь. Результаты беглого анализа были неутешительными — облако имело преимущественно нитроуглеводородное строение, с характерными маркерами. Слишком сложно устроенное, чтобы быть каким-то ядом или просто дымовой завесой.

Биологическое оружие.

Я оглянулся вслед Джеку. Снова посмотрел на облако.

Ненавижу это геройское воспитание и привычки. Стоит разок снять котенка с дерева, и больше не сможешь проходить мимо.

С Джеком надо разобраться раз и навсегда, необходимо. Но Джека я нашел раз, и найду снова, а неведомая вирусная дрянь прямо сейчас распространяется быстрее пожара.

Стиснув зубы, и я отключил сенсоры и перевел крылья Адаптивного Волнового Подавителя в базовый микроволновый режим. Не важно, насколько убийственную чуму изобрела Ампутация, в своей основе она все еще остается белком. А белки разрушаются при нагреве.

Я отключил все системы кроме жизненно важных, перенаправил энергопотоки, вывел АВП на закритические режимы. Крылья засияли с яркостью электросварки, заливая все вокруг жестким излучением.

Температура воздуха вокруг разом подскочила на пару сотен градусов. Вода, еще стоявшая на улицах, начала стремительно испаряться. Я начал двигаться по спирали от той точки, где Джек бросил пробирку. У меня не было точных данных о вирусе, я просто старался выжечь вирус до последней частицы. Вроде бы, этот район уже был полностью необитаемым... я не успел проверить.

Стянулись секунды, которые сложились в минуту, потом еще в одну, и еще. Я продолжал нарезать круги по воздуху, отслеживая любое повторное возникновение зеленоватой дымки. Со стороны Ампутации было очень мило сделать чуму настолько заметной.

Прошла еще минута, в течение которой я не заметил ни одного нового очага. Область около полутора километров в поперечнике затягивало плотное облако раскаленного пара, которое океанский бриз постепенно сносил на запад.

Я позволил себе облегченно выдохнуть и приземлился на крышу одного из строений. Даже верхом на Сибири, Джек не мог уйти слишком далеко, а отследить его по кровавому следу — легче легкого. После неудачи с биооружием он наверняка попытается убить как можно больше эвакуирующихся жителей — просто, чтобы напомнить о себе. Мне нужна суцкая малость — вернуть АВП в сканирующий режим, восстановить заряд конденсаторов и настичь ублюдка по горячим следам. В том, что Сибирь не сможет защитить Джека от временной петли, я уже убедился — иначе бы они не бросили Ампутацию.

Но если хочешь рассмешить бога — расскажи ему о своих планах.

Сначала вдалеке слышались и начали стремительно приближаться частые тяжелые удары. Топотом их можно было назвать с большой натяжкой, скорее это походило на одновременную работу нескольких сваебойных машин. Уже этого мне хватило, чтобы насторожиться и приготовить оружие.

Поэтому когда из-за угла выскочила циклопическая многоногая туша размером со средний двухэтажный дом, я не стал теряться в догадках, каким образом Ноэль выбралась из своего загона и что за стремные голые мужики едут на ней верхом, а просто выстрелил.

От обычного элемента питания снаряженный антимагией боеприпас отличался мало. Конструкция даже упрощалась за счет того, что отсутствовали контактные электроды, на которых шла тлеющая аннигиляция. Что в свою очередь либо уменьшало массу при сохранении навески, либо позволяло увеличить мощность в тех же габаритах. Обычная батарейка при повреждении могла взорваться тремя килотоннами тротилового эквивалента, но вылетевший с направляющих рейлгана снаряд нес все пять.

Одновременно с выстрелом визоры шлема закрылись защитными фильтрами, чтобы от вспышки не сгорели светочувствительные матрицы. Взрывная была настолько мощной, что меня сорвало с крыши и как пушинку унесло прочь. Долю секунды спустя сработали корректирующие протоколы, гироскоп выровнял положение, и я немного набрал высоту, чтобы осмотреться.

Правда, из-за поднятой пыли сделать это было сложно.

Реальный взрыв тем и отличается от киношного, что поднимает просто невообразимое количество пыли, через которую ни хрена не видно, ни глазами, ни радаром, ни тепловизором. Поэтому когда из пылевых облаков на меня прыгнуло две(!!!) Сибири, это стало... неожиданностью.

Спасло меня то, что часть сенсоров все еще работала в режиме, реагирующем на угрозы броне, а при обнаружении таких угроз на опасном расстоянии автоматически срабатывал телепорт, перемещающий в вычисленную максимально безопасную точку. В результате две черно-белые смерти пронеслись сквозь пустоту, а я очутился в трехстах метрах в стороне и выше.

Вот только это не особо помогло.

Потому что обе Сибири зависли на месте, озадаченно покрутили головами и снова полетели в мою сторону.

В другой раз я бы списал это зрелище на переутомление и злоупотребление стимуляторами, от которых начались натуральные галлюцинации. К сожалению, авточувства доспеха таким не страдали, так что пришлось принять факт, что Сибирь каким-то образом размножилась, и обрела способность к полету.

Но она же ушла с Джеком, разве нет?

И выглядят эти две Сибири как-то странно... у одной полосы вертикальные вместо горизонтальных, а другая вообще мужик. Условно мужик, очертания тела какие-то смазанные, ни гениталий, ни пальцев на ногах, ни рта.

Думать о наказаниях уже не было времени. Обе Сибири летали быстро, но их маневренность и реакция явно ограничивались человеческим уровнем. Я включил маскировку, сместился немного в сторону и заключил обеих в петли. Обе тут же замерцали, будто покрытое помехами телевизионное изображение, а потом исчезли. И тут же появились снова, когда петли вернулись к началу.

Да что за...

Я перевернулся вниз головой и камнем рухнул к самой земле. Обычно от летуна ожидают, что он в случае опасности взлетит повыше, а никак не наоборот. У поверхности двигатели дали последний тормозящий импульс и отключились, а я мягко коснулся ногами земли и залег среди обломков здания, снесенного взрывной волной.

Пыль, дым, пар. Ни черта не видно.

Из-за шума полыхающих пожаров и шума закручивающихся воздушных вихрей еще и ничего не слышно. Я слегка развернул крылья и принялся возиться с конфигурацией системы, чтобы иметь хоть какой-то обзор в творившемся вокруг аду.

Отсечка низкочастотных шумов... готово.

Теперь... собственная частота азота и кислорода. Нужно остудить воздух, тогда я смогу подключить тепловизор. Трансляция собственной частоты молекулы воды подавляла гидрокинез Левиафана, но тем же способом можно затормозить тепловое движение.

Следующий шаг — гашение излучения видимого спектра. Диапазон крохотный, так что задачка несложная. Сибирь, при всей мощи, не имела усиленных чувств. В темноте она не сможет ориентироваться.

Та пара крыльев, которая сейчас настроена на сканирование пространственных искажений, пусть остается в том же режиме, протокол реакционной телепортации тоже остается без изменений.

Мдя. Я слишком увлекся игрой с измерениями, и упустил из виду многое другое. Гравитацию например, которая сейчас могла бы помочь.

Развернув крылья, я осторожно приподнялся в воздух и принялся двигаться по расширяющейся спирали на небольшой высоте. Сиюминутные вопросы были разрешены, и в голову полезли беспокойные мысли. Почему Сибирей было две? Почему они с Ноэль?

Так.

Что там Генезис говорила про нее? Создает «злых клонов» того, кого коснется? Получается, она успела скопировать Сибирь почти сразу после побега Джека... нет, что-то не сходится. Джек успел уйти далеко, и появилась Ноэль с прямо противоположной стороны. Черт знает что... В любом случае, мне что-то не хочется выяснять, насколько злобной может быть *злая копия* неуязвимо и неостановимо каннибала, и сколько их Ноэль еще может наделать. Разобраться нужно быстро.

Я задал «Яркой Девочке» параметры петли — полая призма, с толщиной стенки один миллиметр и длиной ребра десять метров, интервал треть секунды. Может, Ноэль чудовищно сильна и регенерирует с сумасшедшей скоростью, но посмотрим, сколько она сможет протянуть без пищи и воздуха.

Новая атака была такой же стремительной, как и предыдущая, но на этот раз я был начеку и успел отреагировать. Вывернувшись прямо в полете, я резко изменил вектор тяги, и две летающих Сибири — *те же самые* — пронесли у меня перед носом.

Выходит, Ноэль создала новые копии взамен запертых? Нет, что-то не сходится. Генезис говорила именно о клонах, а не фантомных проекциях. И почему отличаются силы? Оригинальная Сибирь летать не умела.

Сквозь облака пыли я рванулся к источнику голоса. Сенсоры фиксировал большой объем абсолютной пустоты — видимо, еще одна копия Сибири наделяла Ноэль эффектом неуязвимости. Хорошо... сначала нужно избавиться от нее, чтобы не плодила новые копии. Адаптивный Волновой Подавитель заработал в обеих заготовленных режимах — остужение

и затемнение. На каждый пришлось выделить по одной паре крыльев, что сказывалось на мощности и радиусе покрытия, но и этого должно было хватить.

Я резко набрал высоту, а потом спикировал прямо к области пустоты. Энергосистема доспеха начала накачивать «Яркую Девочку» для выстрела. Где-то на самом краю сознания мелькнула тень жалости, ведь Ноэль не по своей воле стала чудовищем, а из-за содержимого загадочного флакона, но я тут же ее задавил. В аду разберутся.

Но даже это мимолетное колебание вышло мне боком. Из темноты вылетело что-то, обвившее мою ногу и со страшной силой потащившее в сторону Ноэль. Эффект, распространяемый Сибирью, не позволил мне воспользоваться телепортом. Я рефлекторно отдал команду на создание петли, но из-за резкого рывка сдвинулся прицел, и она возникла в стороне, захватив не больше трети предполагаемого тела Ноэль.

Потом меня со всех сторон сдавило что-то упругое и плотное.

Я мысленно закатил глаза. За недолгую карьеру кейпа на мою долю выпала тонна разного дерьма. Меня избивали, расстреливали, потрошили, размалывали до состояния бульона, воссоздавали заново, жгли, топили, поработали. Интересно, быть сожранным гигантским монстрокейпом, создающим злобных клонов — это достойный финал злоключений, или просто очередная серия в сериале «Как не надо жить свою жизнь, если у тебя есть суперсилы»?

Я попытался пошевелить руками. Окружающая плоть поддавалась с трудом, даже с учетом увеличенной силы доспеха, но она поддавалась. Заметка на будущее — эффект неуязвимости, которым способна наделить Сибирь, ограничен эффектом Мантона. Она способна защитить только от внешних угроз, но не от того, что исходит изнутри тела. И раз так, решение очевидно.

Рейлган начал выползать из пространственного кармана мне в руку постепенно, раздвигая окружающие стенки желудка, или где там я находился. Я выставил самую мощную навеску антивещества, которую могла вместить магнитная капсула. Заодно я проверил оставшийся ресурс брони — просел после принятого в лицо ядерного взрыва, но до истощения еще далеко. Сейчас будет хуже. Замкнутое пространство, чудовищное давление... и я не знаю, повлияет ли смерть Ноэль на клонов Сибири.

Минутку. Если сейчас сила Сибири не помеха, то телепортация должна сработать. Тогда все становится проще, и решается переписыванием нескольких строк управляющего кода. Сливаем в одну функцию выстрел из рейлгана и телепортацию. Задержка... ну пусть будет одна сотая доля секунды. Определим координаты как двести метров на север и сто метров вверх от текущей позиции.

Готово. Стреляем.

В тот момент я заслужил право говорить не покрывив душой, что прошел через подлинный ад. Потому что огненный шар ядерного взрыва, запертый в несокрушимой оболочке объемом в несколько десятков кубометров — это и есть ад. Сенсоры бы сгорели к черту, если бы я не отключил их заранее.

Чувство невесомости сменилось тошнотворной болтанкой, когда я угодил прямым ударную волну. Я все еще ничего не видел вокруг, на затемненном ретинальном дисплее только тревожно мигали красным данные о состоянии подсистем доспеха. Снова сработали стабилизирующие протоколы, снова гироскоп позволил мне принять вертикальное положение. Защитные заслонки на визорах раздвинулись, и я получил возможность полюбоваться ядерным грибом буквально на расстоянии вытянутой руки.

А ведь врачи предупреждают, не кушайте острое.

Я спрятал рейлган, рассудив, что даже два ядерных взрыва в одном месте с интервалом меньше пяти минут это перебор, а уж три — форменное свинство. Крылья снова развернулись и начали остужать воздух, а я полетел к эпицентру. Сибириам взрыв почти наверняка не навредил, но я хотел убедиться, что с Ноэль покончено.

Зрелище меня встретило довольно... странное. В огромном кратере не было ничего необычного, но вот на его краю устроилась довольно колоритная компания.

Прежде всего, там были Сибири. Четыре штуки, между которыми было сходство только в черно-белой раскраске тела, но оригинальной среди них не было. Все четыре держали за руки странных мутантов, которые не тянули в плане уродства на пятьдесят третьих, но нормальными их тоже едва ли можно было назвать. У одного половина лица выглядела как смазанный пластилин, ноги другого больше походили на слоновьи, у третьего отсутствовали нос и ушные раковины. Четвертый выглядел почти нормально, разве что имел руки как у моряка Попая, и он показался мне смутно знакомым. Приглядевшись, я понял, что все четверо являются корявыми копиями одного человека.

Но не это удивило меня, больше всего, а еще один человек, выбивающийся из общего ряда. Он касался одной из Сибирей, у него отсутствовали щеки и губы, но все равно не узнать лицо, которое я тысячи раз видел в зеркале, было невозможно. Ноэль скопировала даже шрамы на животе, оставленные Торой полгода назад.

Самой Ноэль, кстати, видно не было. Только кусок бока и одна огромная нога, захваченные петлей. Похоже, мечта Генезис сбылась, и ее страдания подошли к концу.

В следующий момент Сибири и мутанты заметили меня и синхронно подняли руки.

— Не стреляй! — заорал наименее искаженный из них. Сибирь рядом с ним выглядела как его точная копия, но на полметра выше и после пяти лет в тренажерном зале. — Мы сдаемся!

Сибири. Сдаются. И с ними какие-то стремные голые мужики. У которых поголовно есть активные Corona Pollentia и которые, если я хоть что-то в этом понимаю, и являются настоящими Сибирями. А черно-белые болванчики не более чем создаваемые ими проекции.

— Какой мне интерес? — спросил я, благоразумно решив не приближаться.

— А мы против тебя ничего не имеем. Эту девку, которая нас создала и контролировала, ты взорвал. Как и наш оригинал, он тоже был у нее в животе. Да, отдельное спасибо за то, что прикончил этого тупого говнюка.

— Нахуй его, — сипло поддакнул клон без носа и ушей.

Оу, ну шикарно. Известие о том, что я *случайно* убил Сибирь как-то проскользнуло мимо сознания, настолько абсурдным оно было.

— Кстати о птичках, — я ткнул в него пальцем. — Назовись. А то я где-то тебя видел, и не могу вспомнить где.

— Прелестно. Значит, вот какая теперь подготовка у Стражей? — клон с руками-Попаями скрестил их на груди, его Сибирь продолжала держать его за плечо. — Юноша, а про эффект Мантона вы хотя бы слышали?

Я присмотрелся к его чертам лица. Из-за сильной ионизации воздуха после взрывов я не мог выйти в интернет, но это было и ни к чему.

— Ох еп... так твой оригинал — Уильям Мантон?! Тот самый Уильям Мантон?

Клон отвесил карикатурный реверанс. Благодаря чему я заметил еще одну интересную деталь.

— У тебя тагуировка на руке, как у пятьдесят третьих. Мантон получил силу от Котла? Выпил флакон?

— А, значит ученого с мировым именем мы в лицо не знаем, а про этих говнюков в курсе? Ай-яй-яй... — он покачал пальцем. — Мантон работал на них, вел исследования, и поверь, он знал намного больше, чем публиковал в научных журналах. Да так заработался, что его шлюховатая женушка решила от него свалить. Он попытался задобрить хотя бы дочку, спер из хранилища флакон с самой лучшей силой, — клон мерзко ухмыльнулся. — В общем, теперь по сравнению с ней девчонка-клонодел просто королева бала. У него от этого съехала крыша, он тут же хапнул еще один флакон и выпил сам. Остальное тебе известно.

— С этого места подробнее. Кто такие этот Котел, откуда взялись, где находятся, какова численность и чем занимаются кроме торговли супер-дурью.

— А какой мне интерес? Притащи яблочко пару килограммов, и пять комплектов одежды, тогда поговорим.

— Где я тебе здесь найду одежду и яблоки?

— За пивом для Краулера ты слетал, вот и за шмотками слетаешь, — встрял в разговор мой клон. Без щек и губ говорил он немного невнятно, но понять можно было.

— Иди к черту, у меня деньги кончились.

— Ну так сопри что-нибудь, ты же злодей.

— Сам сопри, вон целый город вокруг, — я оглянулся по сторонам.

— Да. Город, — саркастично усмехнулся клон. — Или точнее то, что от него после тебя осталось.

Я щелкнул пальцами и две Сибири вместе с создателями застряли в петлях.

— Теперь вам нужно вдвое меньше пищи и одежды. Я вроде бы разнес не весь Броктон Бей, а только несколько кварталов. Короче, пошарите по домам, что-то да найдете. Но после того, как вот уважаемый профессор Мантон расскажет все, что знает о Котле. Если, конечно, не хочет тоже сесть в петлю.

— А что я-то сразу? — осведомился клон-Мантон. — Вон у них спрашивай. Мой оригинал работал на Котел, а они и есть Котел.

Он показал пальцем куда-то мне за спину. Я обернулся и грязно ругнулся сквозь зубы.

Легенда. Александрия. Дракон. Еще с полтора десятка кейпов-летунов. И это только те, кого можно было разглядеть над руинами, на расстоянии около полукилометра. А сколько еще готовились к атаке вне поля зрения?!

— Что, испугался? — ехидно спросил клон-я. — Но ты ведь знал, что так все кончится. Что из-за этих петель за твоей башкой пошлют всех, кого смогут собрать.

Я не нашелся что ответить. Мои мысли последние трое суток были заняты другим. Сначала починкой и модификацией снаряжения, потом непрерывной охотой. Даже когда герои напали меня на совещании, я просто отмахнулся от них как от надоедливых мух, и тут же выбросил этот случай из головы. И теперь назревшая проблема встала передо мной во весь рост.

Сражайся против тех, кто раньше были друзьями и союзниками, или будь убит ими.

Бежать? Невозможно. Александрия за секунду покрывает до пятидесяти километров, Легенда за то же время способен обогнуть земной шар. Переговоры? С такими как я переговоров не ведут.

Но где справедливость?! Ведь даже Нилбога оставили в покое после того, как он скормил своим тварям больше трех тысяч человек! А я всего лишь проучил нескольких

ублюдков!

— Эй, урод, — сказал клон-я. — Ты мне не нравишься, но вон те не нравятся еще больше. У меня есть идея, но мне нужен костюм.

— А хер тебе не пососать?

— Старый костюм, идиот. Не могу же я идти к героям размахивая причиндалами. Не, Лазершоу конечно оценит, но и только.

Я посмотрел на клона-себя. «Злого» клона, питавшего ко мне беспричинную враждебность. Какие идеи и планы могли возникнуть в его мозгу? Может, просто запереть его? Но вроде пока не за что... ладно, это даже не третьестепенная проблема.

— Держи, — я достал из пространственного кармана и швырнул ему в руки небольшой контейнер. — И имей ввиду, что воздух и землю я остудил, но радиация никуда не делась.

— Вот кого ты, блять, учишь?! — клон-я принялся натягивать комбинезон с напаянными пластинами брони. — Ты, кривая и убогая копия, у которой дыр в памяти больше, чем в трусах.

— А ты вообще кривая копия с кривой копии.

— Зато я не прикидываюсь, будто настоящий, — клон-я закончил одеваться и по его белой мантии заструились электрические разряды. — После «Сирина» переодеваться в это — все равно, что пытаться влезть в детские штотки.

— Ну так поприседай, если Ноэль сделала тебе такую жирную жопу.

Клон показал мне средний палец и улетел в сторону героев.

* **

Он проигрывал своему второму «я» во многом.

У него не было ни великолепного снаряжения, ни сборочной линии для его создания. У него не было тех крох денег, что еще завалялись в карманах второго, не было пугающей репутации, заставляющей осторожничать даже Триумвират, ни даже приятной внешности. Но несмотря на это, у него было кое-что намного более ценное — Цель.

Нанести как можно больший ущерб. Повергнуть все в хаос. Утопить в нескончаемой резне весь мир и все миры.

Умом он понимал, что таким образом на естественную тягу к конфликту наложилось биoprogramмирование Ноэль, но не видел в этом ничего дурного. Уж лучше так, чем метаться туда-сюда как наскипидаренная крыса, и растрачивать силу на отрывание мухам крыльев.

Хотя его ненависть ко второму была также сильна, как и у прочих клонов, он сдерживал кровожадные порывы и взвешенно выстраивал план дальнейших действий. Прежде всего, нужно втереться в доверие к героям, снабдить их информацией, которая поможет им уничтожить второго. Потом затаиться, приступить к созданию производственного кластера. Только на этот раз никаких летающих бронекостюмов. Кибернетические атаки, избирательные вирусы, самовоспроизводящиеся автономные дроны-убийцы. Уничтожение инфраструктуры, паника, голод...

Он бы улыбнулся, если бы позволяло изуродованное лицо. Работы впереди много, но поспешность хороша лишь при ловле блох.

Наперерез ему уже ринулись кейпы, готовые атаковать в любой момент. Он остановился и примирительно поднял руки.

— Стойте. Я не тот, за кем вы идете. Я клон, созданный Ноэль, Солнышко должна была предупредить вас о ней. Я вам не враг, я хочу помочь!

— Да, она предупредила, — Легенда весь светился от переполнявшей его энергии, готовой обрушиться смертоносным шквалом. — А еще она предупредила, что клоны эти «злые».

— Я не злой, — не моргнув глазом соврал он. — Я скорее «полная противоположность». Похоже, так это и работает. Там есть клоны Сибири, и они вполне адекватные вегетарианцы, как бы абсурдно это ни звучало.

— Какую помощь ты предлагаешь?

— Информацию. Сплетницы у вас больше нет, и поверьте, сейчас она не в состоянии говорить. А я знаю о снаряжении нашего общего знакомого столько же, сколько и он сам. Но! — он поднял кверху палец. — Во-первых, я хочу гарантии, что ответственность за преступления моего оригинала на меня не распространится. Во-вторых, я хочу место в Протекторате. Не в Стражах, а там, где моей силе будет достойное применение.

— Это можно, — ровным голосом сказала Александрия. — При условии испытательного срока.

— Эммм... ладно.

Двое из Триумvirата переглянулись.

— Хорошо. Говори, — велела героиня.

Они спустились на землю, где Оружейник, зачем-то сменивший фасон брони и с ног до головы обмазавшийся аугментациями, сунул ему в руки ноутбук.

— Надоела холостяцкая жизнь, сэр? — спросил он, окидывая взглядом Технаря и его спутницу в силовой броне в схожем стиле. — Завели собственную робо-вайфу?

— Дракон долгое время не могла покидать своего жилья после тяжелых травм, полученных при атаке Левиафана на Ньюфаундленд, — холодно ответил тот. — Ей пришлось потратить немало сил, чтобы побороть немощь.

— Будь по-вашему.

Сквозное зрение ясно говорило, что в теле Дракон нет ни грамма органики. Второго ждет масса неприятных сюрпризов.

— Короче, смотрите сюда, — он принялся чертить схему на экране с помощью светового пера. — «Сирин» — штука лютая. Оно и понятно, если вспомнить, для каких целей этот доспех создавался. Даже сами по себе использованный сплав обладает невероятной прочностью, так еще и любой нанесенный ущерб вытесняется в мнимые реальности. Огневая мощь позволяет ровнять с землей города за счет использования аннигиляционных снарядов. Набор широкодиапазонных сканеров обеспечивает абсолютную осведомленность обо всем, что происходит в радиусе полукилометра. Буквально только что он выдержал два ядерных взрыва, находясь прямо в эпицентре, и ему это не сильно навредило. Вот эти крылышки — Адаптивный Волновой Подавитель — позволяет генерировать излучение в самых разных диапазонах, и не только электромагнитное. Он может испепелить окружение, или наоборот заморозить. Может излучать радиоволны, или ударить смертельной радиацией. В некоторых случаях он может лишиться кейпов контроля над их силами — как это было с Левиафаном. Ну и, конечно же, «Яркая девочка». Не делайте такие лица, так называется устройство, создающее временные петли. Да, у моего альтер эго очень черное чувство юмора.

— Ближе к делу, — потребовала Александрия. — Какие у него есть уязвимости?

— Таких немного. Во-первых, сам пилот. В это трудно поверить, но там под слоем брони в биологическом смысле он все еще человек. Он четвертые сутки не спит и не ест. Он истощен, его реакция существенно замедлилась, иначе бы Джек от него не смог сбежать. Системы жизнеобеспечения не рассчитаны на настолько долгую работу, запас стимуляторов и медикаментов ограничен. Собственно, они уже на исходе. Если ничего другого не поможет, вы сможете взять его измором.

— Нежелательно, — сказал Легенда. — Мы должны уничтожить его прежде, чем он покинет город. Другого шанса не будет.

— Значит в лоб... ну что же, можно и в лоб. Это касается вытеснения ущерба. Звучит страшно, но его возможности не безграничны. Сконцентрировав достаточную мощь, можно вызвать пересыщение квантового пространства и полностью уничтожить отдельные элементы доспеха без возможности восстановления. Думаю, уважаемый Легенда должен справиться. У вас полное преимущество в скорости и маневренности, а все интегрированное в «Сирина» оружие не сможет вам навредить.

— Кроме временных петель.

— Кроме них. Но дальность действия «Яркой девочки» всего двадцать метров, а у вас полное преимущество в маневренности и скорости. Главное следите за телепортацией, иначе можете пропустить атаку с тыла.

— Это все? — Легенда скабрзную шутку проигнорировал, если вообще уловил.

— Нет. Способности, напрямую воздействующие на мерности пространства, представляют для «Сирина» огромную угрозу. Например сила Стояка заморозит его также, как и все остальное. Стрелы, заряженные силой Флешетты, так же способны повредить критически важные узлы. Виста могла бы скатать его в мячик но, к сожалению, она не в лучшей форме. «Сирина» является соединением множества габаритных и мощных установок, сам доспех — это просто центральный узел кластера, внешняя оболочка. Вот в этих местах, — схема начала покрываться красными точками, — находятся соединения оболочки с пространственными карманами. Уничтожьте любую из них — лишите доспех одной из функций. Особенное внимание обратите на эту точку, на спине. Если уничтожить ее, тело пилота сместится в реальное пространство, и его можно будет легко убить, особенно силами игнорирующими эффект Мантона.

— Подводя итог, нет смысла бросать в бой всех, — сказала Александрия. — Нам нужна Флешетта, и нужен Стояк.

— Стояк полчаса назад вручил мне заявление об уходе, — мрачно сказал Бесстрашный. — Даже после всего случившегося он отказался выступить против бывшего товарища.

Александрия сквозь зубы процедила что-то про тупых капризных детей.

— Тогда выведите из боя остальных местных Стражей. Я не хочу, чтобы в критический момент кто-то из них вдруг вспомнил о старой дружбе и встал на сторону противника.

— Мэм, я ручаюсь...

— Исполнять, — отрезала героиня.

Лидеры команд принялись прорабатывать тактику с учетом новой информации, слышались предложения потянуть время с помощью переговоров, чтобы успели прибыть кейпы с подходящими силами, или вызвать Эйдолона для надежности.

Он пожал плечами и поискал взглядом Лазершоу. Та висела в воздухе чуть поодаль, на высоте третьего этажа, укрытая призмой защитного поля. Вид у нее был решительный и

собранный. Он улыбнулся. Александрия невольно помогла его плану, приказав вывести Стражей из боя. Так он сможет прикончить их по одному, не опасаясь помех. Но прикончить Лазершу будет приятнее всего. Он представил себе лицо второго, когда тот увидит ее распятый и выпотрошенный труп.

Смутное предчувствие заставило его обернуться достаточно быстро, чтобы увидеть приближающуюся к нему Александрию.

Летящий в лицо кулак он разглядеть уже не успел.

— Это не могло подождать? — спросил Легенда.

— Мы не знаем, как именно Кёлер спровоцирует гибель мира, — героиня брезгливо стряхнула с перчатки мозги. — Это мог быть и его клон, который не очень-то умело пытался внедриться в наши ряды. Полагаю, пока мы сражаемся с настоящим, он планировал убить каких-то определенных людей или создать технологию, представляющую глобальную угрозу. Не говоря о том, что предавший раз, будет предавать и дальше.

— Я закончил тактическое моделирование, — сказал Отступник. — Ждать дальше нет смысла, либо мы победим сейчас, либо завтра не настанет.

— Атакуем, — приказала Александрия.

* **

— Неужели ты никогда не задумывался, почему четверо сильнейших героев появились в одночасье на самой заре эры паралоудей, и с тех пор ряды белых шляп не пополнились никем, сравнимыми с ними по мощи?

В манере речи клона-Мантона сквозила вальяжность и самолюбование. Словно он обожал слушать собственный голос. Он остался здесь один. Другой клон, которому повезло не попасть в петлю, сказал что пойдет выбьет дерьмо из Джека, и его Сибирь улетела с ним на руках.

— Задумывался. Но не было времени глубоко копаться.

Я сверился с часами. Была только половина двенадцатого. До момента, когда я должен прочесть оставленную Диной записку, всего полчаса. Только как мне дожить до этого?

— Это все Котел, — веско сказал Мантон. — У них есть кое-что, на их базе, на самых глубоких этажах. Даже Уильяму не позволялось входить туда, он имел дело только с готовыми препаратами. Но там находится нечто, откуда они добывают эти силы. Причем они не знают, как работает каждый новый образец, им приходится проводить испытания. Раньше это были добровольцы... как, например, Великолепная-Четверка-В-Трико. Но чаще нет. Они хватают людей в других мирах. Тех, кто с большой вероятностью должен был погибнуть от стихийных бедствий, войн и катастроф. Утаскивают к себе, насильно поят этой дрянью и смотрят, что получится. Обычно подопытные просто умирают. Но иногда случается кое-что похуже.

Он показал свою ладонь, на тыльной стороне которой чернела татуировка «омега».

— Случай-53? — уточнил я.

Мантон довольно кивнул.

— Разумеется, Протекторат все знал... точнее, сейчас это уже Триумвират, — он хищно оскалился, а я припомнил, что именно Сибирь убила Героя. — Кстати, ты в курсе, что Александрия и шеф-директор Ребекка Коста-Браун — это одно и то же лицо?

Я был не в курсе, но способность удивляться утратил, похоже, безвозвратно.

— Это все интересно, но как их найти?

Мантон вдруг расхохотался. Смеялся он долго, с надрывом, хлопая себя по колену. Даже его похожая на фитнес-тренера проекция плотоядно ослабилась.

— А они тебя сами найдут, — заявил Мантон, отсмеявшись. — И это будет последним, что ты увидишь.

Сам не знаю, зачем я вел этот разговор. Возможно, мне просто хотелось поговорить хоть с кем-нибудь напоследок. За последнюю пару месяцев мне вообще нечасто доводилось с кем-нибудь пообщаться.

— Уильям, как на счет сделки? — я посмотрел на запад, где герои готовились к атаке. — Вы возьмете на себя Александрию, а я, если выживу, сделаю вам машину, которая снабдит вас пожизненным запасом свежих яблок.

— Боюсь, яблок тут будет маловато... — протянул клон, с прищуром всматриваясь вдаль. — С другой стороны, я уже давно не убивал героев из высшей лиги.

Я выдвинул в боевое положение бластеры и развернул крылья. Неужели они до сих пор не испугались? Я ведь специально перешел все мыслимые пределы, чтобы никто не осмеливался бросить мне вызов. Неужели этой жестокости оказалось недостаточно?

Да что не так с этим миром? Почему на меня бросили все силы, лишь стоило мне попытаться добиться справедливости?! Почему те, кто должен был защищать людей от злодеев, стеной встали на защиту этих самых злодеев?! Протекторат, СКП... Котел. Одна сплошная ложь. Все кругом ложь!

Первая секунда боя чуть не стала для меня последней. Со вспышкой телепортации всего в полусотне метров возникли шестеро героев, которые немедленно начали шквальную атаку. Я осознал присутствие Александрии лишь постфактум, когда реакционный телепорт отбросил меня в сторону с ее пути. Видимо, странное состояние ее мертвого тела алгоритмы безопасности сочли угрозой. Лазеры Легенды ударили в место, где я находился мгновение назад, но тут же изогнулись и начали жечь броню.

Остальные герои тоже не теряли времени. Один из Технарей, в котором я узнал Оружейника, выставил вверх длинное двузубое копьё, увенчанное странным устройством, которое начало часто мерцать, накрывая широкую область вокруг знакомым монохромным эффектом. Неплохо, мистер Уоллес, вы недаром входите в Топ-7. Это не разрушит существующую петлю, но создать новую не получится.

Спутница Оружейника, которую я видел впервые, но которую методом исключения определил как Дракон, прикрывала его мерцающим энергетическим куполом. Который проецировали крылья, подозрительно похожие на мои собственные, но стилизованные под драконьи, а не птичьи. Плагиаторша...

Мирдин стремительно приближался ко мне, видимо, намереваясь захватить в свое карманное измерение, в котором он мог бы держать меня много часов, а потом выкинуть в подготовленную ловушку. Опасно. Нужно держать дистанцию.

Нарвал тоже старалась держаться рядом, ежесекундно создавая множество тонких, бритвенно острых силовых полей прямо внутри моего доспеха. И хотя они мгновенно рассыпались, а нанесенные повреждения вытеснялись в мнимые реальности, ресурс брони таял на глазах.

Автономный робокостюм Дракон наоборот, держался на расстоянии, и поливал меня огнем из всех стволов. Это было наименьшей из проблем, но какие еще устройства он

скрывает в своем чреве? Он остается неизвестной величиной.

Хотя воображаемое уравнение и так говорит о том, что все очень плохо. Герои решили не вести личный состав на убой, ведь большую часть из них я бы легко уничтожил с помощью АВП. Вместо этого они собрали малочисленный элитный отряд, лучше всего подходящий для противостояния мне.

Я сделал несколько неправильных зигзагов в разных плоскостях, пытаюсь минимизировать ущерб, но преследователи не отставали. Нужно уменьшить численность угроз, иначе я и минуты не продержусь. Очевидный кандидат — Мирддин. Он не имеет суперпрочности, и не защищен броней. Заложив еще один вираж, я захватил главу чикагского Протектората в прицел и выстрелил по нему из бластера. Луч безвредно скользнул по коричневой мантии.

Я мысленно ругнулся. Здесь присутствовала Александрия, а значит ее команда. А в ее команде есть хрен по имени Пристав. Кейп класса Козырь, способный наделять любого неуязвимостью, как Отала. С той разницей, что ничего кроме неуязвимости он предоставить не мог.

Время. Мне нужно хотя бы несколько секунд, чтобы сориентироваться.

Затемнение. Мои крылья начали испускать излучение, гасящее видимый свет, благо диапазон частот был невелик. Все вокруг покрыла непроглядная тьма, визор переключился в режим теплового зрения.

Приоритетные цели — Нарвал и модуль Дракон. Не потому, что самые опасные, а потому что уязвимые. Да, каждый миллиметр тела Нарвал покрывают силовые поля, способные удержать на месте Левиафана, а робокостюм размером с бомбардировщик, но у меня еще остался туз в рукаве.

Расчет точки прибытия. Телепортация. Удар.

Меч опустил на правое плечо Нарвал и без сопротивления рассек ее до левого бока. Сразу после нанесения удара я выключил «специальный» режим, чтобы его не раскрыли раньше времени, и чтобы сберечь энергию. Рейлган в левой руке нацелился на робокостюм и выплюнул в него вольфрамовую болванку. Снаряд вырвал из корпуса летающего модуля здоровенный кусок, но тот каким-то образом все еще держался в воздухе, хотя и накренился.

В следующий миг мощнейший удар отбросил меня на десятки метров и оторвал одно из крыльев. Сбилась конфигурационная настройка, из-за чего тьма вокруг превратилась в хаотичное цветастое мерцание, будто кто-то включил цветомузыку на танцполе. Я кое-как выровнял полет и оглянулся. Похоже что Легенда, известный своими особыми отношениями со светом, как-то адаптировался к моей тьме и смог произвести прицельный выстрел.

Он нанес мне урон, но отвлекшись на меня, пропустил удар Сибири, державшей Мантона за ноги, точно дубину. Реагируя на атаку, его тело на миг превратилось в чистый свет, и Мантион пролетел сквозь него, но это не прошло для Легенды бесследно. Он обмяк и начал беспомощно падать.

«Если выживу, я не только яблоками, я и ананасами вас по самую макушку завалю», — подумал я.

Что там с ним случилось дальше, я досмотреть не успел, реакционный телепорт снова вывел меня из-под атаки Александрии. Телепортация не сильно помогла, потому что в то же мгновение, на меня обрушился на стоящий шквал энергетических сгустков. Особенно в этом усердствовал робокостюм Дракон, под лучами его странных орудий ресурс брони снова начал таять.

Нет, мне не выстоять. Они хорошо подготовились, изучили меня насколько это возможно, и у них намного больше опыта. Моя броня скоро перестанет защищать, и тогда все кончится.

Телепортация, строго вверх. Максимальный разгон, туда же. Активация маскировочных систем.

Выигранные секунды, за которые я успею провести перенастройку.

Переброска энергетических линий. Синхронизация оставшихся крыльев. Без шестого крыла я потерял способность к некоторым сложнейшим режимам, и снизится радиус, сейчас мне и не нужно что-то запредельное. Обесточу рейлган, всю энергию с него и синтезатора антимагии — на телепорт, для ускорения перезарядки.

Я лишен своих двух сильнейших оружий, и герои это знают. Я не могу ни сжечь их микроволнами, ни облучить радиацией, ни запереть в петлях. Легенда, Александрия и Мирддин неуязвимы, а Дракон и Оружейник защищены. Но вот уважаемый профессор Мантон подсказал мне идею.

Я перевернулся в воздухе и помчался к земле, намечая приоритетную цель — Легенду.

Сверхскоростной полет, огневая мощь как у артиллерийского полка, полная неуязвимость к любому ущербу, совершенное зрение — таков был Легенда. Получив удар, Легенда на мгновение превращался в сгусток света и поглощал энергию удара. Сколько его ни бей, он лишь становится сильнее. Даже атаки Сибири и Губителей лишь заставляли его задержаться в световой форме на непродолжительное время, после чего он просто возвращался в бой, свежий и невредимый. Я мог бы легко справиться с ним, используя петлю, но петель меня лишили. И все же я смог нащупать его слабость.

Расчет точки прибытия. Телепортация. Удар.

На те секунды, что я вышел из боя, Легенда и Александрия сосредоточили усилия на Мантоне, который отбивался от обоих, но возможностей для контратаки не получал. Герои мнили, что подготовили мое убийство со всей тщательностью... ну что же, они меня недооценили. Чуть-чуть.

Лезвие меча пробило грудь Легенды. Угольно-черное лезвие, настолько черное, что оно казалось дырой в пространстве... по которому от рукоятки к острию катились белые волны. Тот мгновенно перешел в световую форму, и тогда в полную мощь заработали крылья, которые охватили его, точно кокон. Легенда замер на месте, его тело замерцало, будто лампочка в плохой электросети...

А потом он исчез. Полностью, бесследно. Превратившись в свет, он сделался уязвимым для устройства, предназначенного гасить электромагнитные излучения.

Мне казалось, что «Сирин» сейчас действует скорее самостоятельно, чем подчиняясь моим командам, потому что я никогда бы не смог вести бой с такой скоростью. Исчезновение Легенды привело остальных героев в секундное замешательство, которым я мог воспользоваться.

Снова телепортация, за спину Мирддина. Лезвие меча вгрызлось в шею героя, и без сопротивления отделило его голову от тела. Мгновение триумфа, оценки ситуации... и в мою грудь врезается целый сноп лучей, выпущенных Оружейником, Драконом и ее робокостюмом. Квантовое пространство, в котором находилась бронепластина, перегружено, она не может восстановиться. И, что намного хуже, я утратил возможность телепортации.

Откуда, черт побери, они знали, куда нужно целиться?! А, ну да. Мой «злой» клон мог

рассказать им обо всех уязвимостях. А я еще не мог сообразить, как это недоразумение может мне навредить, и счел его неприоритетной угрозой. Надо было хоть немного поспать перед дракой...

Александрия уже рядом. Я не вижу ее глаз, но она ревет от ярости. Она фантастически быстра, и берет в захват мою руку с мечом прежде, чем я успеваю что-нибудь понять. И... о боже, я знал, что она сильна. Но я даже не представлял, *насколько* сильна. Абсолютная, необоримая мощь, которой противостоять просто бессмысленно — умрешь уставшим. И эта неостановимая сила потащила меня прямо к Мантону и мечом, все еще зажатым в моей руке, развалила его надвое.

Сила оригинальной Сибири, которую я сумел повторить в своем лучшем клинке, превзошла силу созданной Ноэль копии.

В следующее мгновение я обнаружил себя лежащим на спине, а кулак Александрии уже летел мне в лицо. Ретинальный дисплей стал полностью красным от оповещений о повреждениях, но мне и так было понятно, что это конец. Из ее хватки невозможно вырваться, пусть даже Технари и не рискуют стрелять, опасаясь навредить и ей. Осознав свое ближайшее будущее, я позволил расслабиться и успокоиться. Ну, по крайней мере, я сумел уйти, очень громко хлопнув дверью.

Только почему вокруг стало столько насекомых?

Снова все вокруг наполнила тьма, только на этот раз тьму создавал бесчисленный рой насекомых. Миллионы, или скорее сотни миллиардов особей закрыли свет, облепили все, на что могли сесть, и начали набиваться всюду, где могли проникнуть. Александрия выпустила меня, замахала руками, пытаясь отогнать рой, но он лишь воспользовался заминкой, чтобы глубже проникнуть в ее дыхательные пути. Неподалеку раздался взрыв — это робокостюм Дракон грохнулся об землю. Как его могли уничтожить насекомые? Возможно, они проникли в его внутренние механизмы через пробитую мной дыру и сгрызли проводку... не важно.

Важно то, что я теперь снова могу взлететь, и то, что рой набросился на меня с безумной яростью, ища малейшую брешь в защите и опутывая килограммами паутины.

Через секунду я уже был вне радиуса роя, и мог взглянуть на него со стороны. Зрелище было кошмарное. Бесчисленные насекомые образовывали приплюснутую полусферу, больше километра в поперечнике. И судя по тому, что они атаковали героев, Скиттер решила показать свое истинное лицо. Я был готов поставить пару зубов на то, что внутри роя не осталось ничего живого.

Ни героев, ни злодеев, ни военных, ни гражданских, ни даже бродячих животных. Я до сих пор не знал пределов способности Скиттер но, похоже, с насекомыми она могла делать что угодно. Заставить пауков плести паутину в количестве на порядки превышающем их естественные возможности, заставить ос и муравьев жвалами перекусывать стальную проволоку... и даже ускорять естественный цикл размножения с двух недель до нескольких минут, используя трупы убитых людей в качестве корма для опарышей.

Воистину, более мерзкой штуки, чем милосердие, просто не существует. Оно уже столько раз оборачивалось для меня злом, что я потерял счет. Ничего, Эберт, больше ты от меня милосердия не дождешься.

Без шестого крыла я не смогу создать излучение, расщепляющее хитин, но оно мне и не нужно. Я разработал этот режим, чтобы не вредить непричастным людям, а тут хватит обычного микроволнового, невысокой интенсивности, нагревающего воздух до полутора

сотен градусов.

Включив крылья, я помчался в самый центр роя. Думаю, если бы не мое чувство вещества, я бы никогда в жизни не нашел Скиттер за сплошной завесой из насекомых. Хотя они и гибли от нагрева, но даже так умудрялись заслонять обзор.

Костюма на Скиттер не было, только стандартная тюремная роба с жирными надписями «злодей» на спине и штанине. Боже, как это типично. Мне кажется, попадание в Клетку является своего рода «премией Дарвина» — в том смысле, что оказаться в ней может только настолько тупой кейп, который даже не смог сбежать от СКП. Как Бакуда, например.

Я схватил Скиттер за горло и в который раз поразился полному отсутствию у нее эмоций. Чуть-чуть учащенный пульс, но и только. Пропитавшийся засохшей кровью бинт, который закрывал выколотые глаза, только добавлял кошмарности к ее облику. Она убивала невинных людей сотнями, тысячами и это вызывало в ней даже меньший отклик, чем прихлопнутый человеком комар. Она не реагировала даже на микроволновое излучение крыльев, которое должно было вызывать сильную боль.

Я взял разгон с места, не волнуясь об ощущениях, которые должна была испытать Эберт от резкой перегрузки. Тем более что длился полет надолго, до оставшихся от старшей школы «Уинслоу» руин я добрался всего за несколько секунд.

Похоже, изначально двери были заперты, но потом мародеры выломали их и обчистили школу от всего, что теоретически может представлять ценность. В основном от техники и электропроводки, но не пощадили также мебель и книги, которые неплохо горели. Но вот шкафчики хотя и оказались начисто выпотрошены, но все же остались на месте. В основном потому, что были прикручены к полу.

— Здесь все началось, здесь и закончится, Эберт, — пробормотал я скорее себе, чем ей. — Если бы я отравил тебя еще в больнице, ничего этого бы не случилось. Но ничего, все мы люди, все совершаем ошибки. А если ты совершил ошибку, ее следует смыть кровью.

Я подошел к шкафчику с надписью «Hebert, T. A.» и проверил, цел ли замок.

— Полюбуйся на свой новый дом, Эберт. Надеюсь, тебе нравится, потому что я клянусь, сидеть тут тебе придется очень, очень долго.

Я ударил ее кулаком в живот, чтобы меньше дергалась, утрамбовал в шкафчик и закрыл дверцу. Без глушилки Оружейника «Яркая Девочка» снова работала, и я не замедлил пустить ее в ход.

На меня вдруг навалилась страшная усталость. Настолько сильная, что я сполз на пол прямо там, прислонившись спиной к зацикленному шкафчику. Теперь все, у меня не осталось врагов? Теперь можно отдохнуть?

Где-то с четверть часа я провел не шевелясь вообще. Потом тревожное чувство заставило меня подняться на ноги и выбраться из школы под открытое небо. Собранные Скиттер насекомые, лишившись управляющей воли, безвредно разлетелись кто куда, и видимость стала отличной от нулевой.

Я должен был задать вопрос и получить ответ. Я хотел понять, есть ли в мире хоть что-то правдивое.

Бой против героев, и особенно удары Александрии, дорого обошелся моим системам, так что возвращаться на место битвы пришлось на глазок. Я узнал его по большому кратеру и по горевшим неподалеку обломкам робокостюма. С более близкого расстояния можно было различить останки Мирддина и Нарвал, чуть поодаль валялись тела в технарской броне.

Я приземлился и подошел ближе. Оружейник был неподвижен, а Дракон ползла в его

сторону, волоча за собой ноги. Заметив меня, она направила на меня какое-то наручное оружие, но мой бластер выстрелил раньше. Луч срезал левую руку Дракон, вместо лохмотьев мяса и костей обнажив лишь электронную начинку.

— Скажите, оно того стоило? — спросил я, приближаясь.

Тот факт, что в теле Дракон не было органики, и фактически оно являлось андроидом, я отметил мимоходом. Слишком устал, чтобы фиксироваться на мелочах.

— Триумвират только что превратился в Дуэт, как я и обещал. Мертвы Мирддин и Нарвал. Оружейник скоро умрет, потому что Скиттер повредила его протезы и отравила ядом, как Лунга. Она убила тысячи людей за считанные минуты, в том числе десятки героев. Ответьте мне, это того стоило?

— По крайней мере... — прохрипел Оружейник с явным усилием, — По крайней мере... мы... попытались...

— Попытались сделать ЧТО?! — сорвался я на крик и подскочил к бывшему начальнику. — Наказать того, кто попытался добиться справедливости?! Чтобы другим было неповадно?! Чтобы герои и дальше были клоунами при пидарасах, которые заняты чем угодно, кроме истребления параугроз?!

Я в сердцах пнул лежащего Оружейника в бок.

— Где был ваш ебучий Протекторат, когда Выверт похитил Дину Элкотт прямо из дома, попутно чуть не убив Стража?! Чем занимался Протекторат, когда Бакуда и Неформалы терроризировали город?! Почему Протекторат ничего не сделал, когда Бойня № 9 замучила моих родителей?! И почему, стоило мне взять дело в свои руки, Протекторат немедленно обрушился на меня всей мощью?! Ответьте мне, сэр, ПО-ЧЕ-МУ?!!!

Каждое слово я подкреплял ударом ноги. Это едва ли вредило Оружейнику, но тормозило какие-то внутренние травмы, потому что с каждым ударом он выпускал болезненный хрип. Он с заметным усилием повернул голову в мою сторону и прошептал с чистой, искренней ненавистью, глядя на меня визорами шлема:

— Пошел... нахуй..

Плевок в лицо был бы менее обидным.

— Ответ неверный, сэр, — помертвевшим голосом сказал я и достал меч.

— Стой! — проскрипела Дракон.

Именно проскрипела, таким голосом, какой никогда не смогли бы издать голосовые связки. Скорее уж это был звук неисправного динамика, вдобавок заглушенного чем-то... например, набившимися в гортань насекомыми.

— Чего еще?

— Я скажу причину. Не трогай его.

— Дракон, нет!

— Говори.

— Дина Элкотт сделала пророчество. Если ты покинешь Броктон Бей живым, весь мир будет уничтожен. Что ты инициатор конца света. Это произойдет в интервале от полугода до десяти лет, но это неизбежно случится, и непременно при твоем участии.

Я рухнул на колени. Еще один случай проявленного милосердия. Еще одно предательство, которым оно обернулось.

ЧТО?!

НЕ ТАК?!

С ЭТИМ?!

МИРОМ?!!!

Мой бессвязный вопль разносился по окрестностям из динамиков и бился внутри шлема, терзая уши. Со всего маху ударил землю кулаком, потом еще раз, и еще, но желанной отрезвляющей боли не было. Я содрал с головы шлем, ни капли не заботясь о том, что у Оружейника и Дракон еще может быть оружие и заорал прямо в небо, бездонное, синее и совершенно безразличное.

Внезапный шквал видений захватил меня с головой. Я ощутил себя исполинским существом, обитающим в океане серой грязи под тусклым светом красной звезды. Я пожирал себе подобных ради того, чтобы вобрать в себя их части и стать еще больше. Все ради будущего, ради великой цели. Чтобы отправиться в путь к далеким звездам и стать совершеннее.

Меня не покидало смутное ощущение, что эти видения со мной не впервые. Что я уже видел нечто подобное, но стоило мне сосредоточиться на этой мысли, как она ускользала прочь. Перед моими глазами проносились картины жизней на тысячах планет, отдаленно похожих на нашу или же не похожих ни на что. Я видел колоссальную сущность, сравнимую со звездами, но обладающую волей и разумом, видел ее полет через глубины космоса к заветной цели — к Земле.

...

По мере того, как одно видение сменяло другое, я чувствовал, как что-то происходит с моей силой. Как она движется, изменяется, подстраивается.

Как ее цепкие нити-щупальца вцепляются в другие силы, тянут их на себя. Как она посылает зов, и на него приходит ответ.

Множество ответов, предложений и идей.

Моя сила рассматривает их по отдельности и в разных сочетаниях. Одни она отбрасывает, другие считает подходящими и вбирает в себя.

Наконец, она принимает окончательное решение и застывает в новой конфигурации. Избыточные функции отключены, с наиболее полезных снят ряд ограничений. Добавлены дополнительные инструменты и введены условия их применения.

...

Видения уходят, но не полностью. Стоит мне закрыть глаза, и они снова тут. Мне больше не хочется спать, и я понимаю, что больше не усну никогда в жизни. Надетая на мне броня ощущается иначе, нежели несколько секунд назад, да и мир в целом выглядит иначе.

Нет, снаружи ничего не поменялось. Изменилось лишь мое восприятие, дарованное силой.

Я медленно поднялся на ноги, чуть покачнулся, но восстановил равновесие. На ретинальном дисплее за горой оповещений о неисправностях мигало напоминание. Ведь сейчас ровно полдень.

Я достал из чудом уцелевшего отсека записку Дины, развернул ее и тут же в ярости скомкал.

Вот значит как... ну, будь по-твоему, маленькая дрянь!

Я подхватил с земли копьё Оружейника и двумя взмахами располосовал на части андроида Дракон.

— Нормальную бабу себе найди, сраный куклооб, — процедил я сквозь зубы и взлетел, взяв курс на Нью-Йорк.

Налетевший океанский бриз понес прочь бумажку с всего тремя написанными на ней

Словами.

«Иди до конца».

Где-то между Броктон Бей и Нью-Йорком

Примерно полчаса у меня ушло на то, чтобы проанализировать свою изменившуюся силу и обложить свой второй триггер такими словами, что засмутились бы даже самые злобные докеры.

Я утратил слишком много.

Мой доспех, мое оружие, все интегрированное оборудование — все казалось незнакомым. Неопишимо страшное ощущение. Наверное, так ощущают себя старики страдающие болезнью Альцгеймера, пытаясь вспомнить, кто же эти люди, называющие себя их родственниками.

Где-то на задворках памяти, моей собственной памяти, еще хранились смутные воспоминания о том, как я создавал все это, но и только. Глядя на выдвинутый фотокинетический бластер, простой и надежный, я осознавал принцип работы, но его внутренняя конструкция, еще недавно досконально понятная и почти родная, теперь стала пугающе чуждой.

Я все еще помнил, как обращаться со своими изобретениями, но не был в состоянии их повторить. Даже просто поддерживать работоспособность смог бы не у всего. Моя сила, ранее блиставшая универсальностью, теперь ужалась, ограничилась.

Мое чувство вещества, бывшее со мной со дня первого триггера, на которое я привык полагаться в той же мере, что и на зрение. Которое было слабым по сравнению со специализированными силами восприятия, но которое я научился использовать с максимальной эффективностью. Оно тоже исчезло. Я словно ослеп, и одновременно получил по голове чем-то тяжелым, настолько оглушающим оказался эффект.

Я оглянулся вокруг себя, пытаюсь понять, что же мой демон-пассажир всучил мне взамен. Задачу нужно ставить четко и ясно, чем конкретнее она сформулирована, тем уже список предлагаемых инструментов, легче выбрать. Хорошо. Дина написала, что нужно идти до конца. Идти до конца в моей ситуации... секунду, а чем я вообще занимался? Куда вообще иду, зачем сражаюсь? Я не помню.

Я сражаюсь потому что сражаюсь. Вот и все.

Я должен продолжать убивать героев? Действовать так, как полагается действовать бомбе Симург, то есть сеять разрушение и хаос всеми доступными способами? Что из этого можно сделать?

Я подумал об энергетической инфраструктуре. О сельскохозяйственных угодьях, где выращивались растительная пища, и животноводческих фермах. О дорогах, по которым перевозились товары. Об аэропортах, делающими возможной связь с другими странами.

Сила, как обычно, начала предлагать разнообразные решения. ЭМИ-бомбы, способные сжечь электронику в нескольких соседних штатах. Гравитационные ингибиторы, изменяющие силу притяжения на десятки километров вокруг. Странные генераторы силовых полей, способные заслонить солнечный свет над целыми странами. И еще многое другое. Объединяло эти технологии одно — их запредельная энерговооруженность и громоздкость.

Я не выдержал и расхохотался.

Мой демон в очередной раз из лучших побуждений подсунил мне то, что меньше всего применимо в текущей ситуации. Сейчас в моих руках была сила буквально способная менять

мир. И от нее не было никакого проку.

Подведем итог. Моя броня дышит на ладан, и у меня исчезла даже призрачная возможность ее починить прежде, чем за моей душой явится Александрия под ручку с Эйдолоном. Дать второй бой героям высшей лиги я уже не смогу. И если у Легенды я нашел слабое место, слабости Александрии для меня не очевидны, а Эйдолон их просто не имеет.

Да. Это конец.

Я замер, и ухватил последнюю мысль, чтобы тщательно ее обдумать. Идти до конца... а, теперь понятно. Несколько месяцев в подвале у злодея-извращенца даром не прошли, малявка Элкотт стала настолько безжалостной, что даже мне не по себе.

Я развернулся и двинулся. Демон, ты слышишь меня? Я знаю, что ты обожаешь подкладывать мне свиней, но на этот раз, пожалуйста, сделай то, что мне действительно нужно.

Давай работать вместе.

Головной офис СКП, Нью-Йорк

Экстренное совещание директората СКП проходило в обстановке, находившейся где-то между истерикой, паникой и высадкой в Нормандии. Причиной стал уже всех доставший Броктон Бей, за какие-то два месяца из тлеющей горячей точки превратившийся в кипящую клоаку, в которую угрозы S-класса слетались как мухи на дерьмо. Разрушения достигли такого уровня, что на высшем уровне было принято тяжелое решение о формировании новой карантинной зоны. Похоже, проклятому городу это не понравилось, и он решил напоследок вдарить как следует.

Казалось, что после отбитой атаки Левиафана в Броктон Бей можно будет вдохнуть новую жизнь. Да, были и разрушения, и жертвы, но было и воодушевление. На схваченные серыми пятнами зацикленного времени куски Губителя мог полюбоваться любой желающий, и одно лишь это внушало оптимизм. Внушало до тех пор, пока эксперты не оценили стоимость восстановления инфраструктуры как «дешевле заново построить с нуля».

После этого разговоры о ликвидации города приобрели серьезный тон, а с момента, когда Бойня № 9 была впервые замечена в городе, события начали развиваться стремительно. Внезапная и жестокая атака местных злодеев на офис СКП повлекла за собой крайне... неприятные последствия.

Если бы какой-то герой просто сумел повторить силу Серого Мальчика, это бы еще можно было скрыть и обернуть на пользу. Но сражение с Левиафаном в Броктон Бей прогремело на всю страну, а связи с Гезельшафтом (да такие, что по одному звонку они прислали целую армию кейпов) и неприкрытый антисемитизм Магистерия привели к тому, что против него восстал буквально весь американский истеблишмент. Политики всех рангов, руководители крупных корпораций, информационные агентства, общественные деятели — все в едином порыве требовали крови. Даже всеильная шеф-директор Коста-Браун была вынуждена, в конечном счете, уступить давлению и возобновить приказ на убийство, причем его наградной фонд меньше чем за сутки превысил фонд Бойни № 9 вместе взятой за всю историю разом.

Казалось, разрешение проблемы было вопросом времени, но благодаря какому-то Умнику-злодею всплыла новая информация, которая заставила всех носиться как ошпаренных.

Симург. Одно лишь этого слова оказалось достаточно, чтобы устроить среди

директората СКП переполох как при пожаре в курятнике. Опасный злодей это неприятно, но привычно, но опасный злодей, подвергнувшийся влиянию Убийцы надежды — это страшно. Хотя бы потому, что его действия предсказаны, как и действия тех, кто способен ему противостоять, а значит огромного ущерба избежать не удастся.

Протекторат начал масштабное развертывание по протоколам угроз S-класса, подключился Триумвират и Дракон со своим старым новым соратником. Про Бойню, находившуюся в том же районе, давно забыли, потому что Остряк хотя и убивал тысячи людей ежегодно, но никогда не делал политических заявлений.

На несколько часов все замерло в напряженном молчании, а потом разразилась настоящая катастрофа.

Не удивительно, что по мере поступления свежих данных. Убиты десятки героев, а с ними три сотни бойцов Национальной Гвардии и полторы тысячи мирных жителей, не успевших эвакуироваться. В городе произошло как минимум два ядерных взрыва неустановленной мощности. И что самое худшее, мертвы Александрия и Легенда. Триумвират де факто прекратил свое существование.

Обычно в критических ситуациях шеф-директор Коста-Браун брала прямое руководство в свои руки, паника стихала, не успев начаться, и громоздкий механизм СКП начинал работать, перемалывая кризис медленно, но последовательно и неотвратно. Но не в этот раз. Коста-Браун как сквозь землю провалилась, а директора Армстронга, который должен был ее замещать, увезли в реанимацию с сердечным приступом.

Все, кто еще держался, сидели в зале совещаний и с мрачными лицами выслушивали по видеосвязи доклад Дракон.

— ...Отступник в критическом состоянии, даже я не могу быть уверена, что он выживет. Я тоже пострадала, но не так тяжело, и в течение суток смогу вернуться в строй. Сейчас я пытаюсь отслеживать перемещения объекта со спутников, но точность оставляет желать лучшего. Он маскирует помехами свою энергетическую сигнатуру, и пока я не могу уверенно им противодействовать.

— Сколько времени вам на это нужно? — директор Вилкинс принялся нервно барабанить пальцами по столу.

— Если отбросить все прочее... в течение суток я смогу изобрести достаточно эффективные меры.

— Слишком долго, — заявил директор Вест. — Умники дают очень плохой прогноз: Одиннадцатый час назвал «девять», у Оценщика «красный», Горб говорит о «катаклизме».

— Черт... — пробормотала Дракон. — Есть еще кое-что важное. Я не вполне уверена, но скорее всего, объект испытал второе событие-триггер. Я не знаю, какие новые способности он приобрел и что утратил, но если проводить параллели с Нарвал...

— То все плохо, — закончил за нее Вилкинс. — И мы уже потеряли двоих из Триумвирата.

— Эйдолон прибудет через пятнадцать минут, — Вест сверился с часами. — Уже через четырнадцать.

— Я не уверена, сэр, что можно позволить Эйдолону вступать в бой. Он наше самое мощное оружие, но если погибнет и он... — Дракон замолкла, будто сама поразились высказанной ереси. — Я бы советовала собрать больше сил, разработать стратегию с учетом уточненных данных. Объект силен но не неуязвим, мы практически победили его, если бы не... непредвиденное вмешательство.

— Я бы с вами согласился, если бы имели дело не с Технарем. Чем больше времени мы упускаем, тем сильнее он становится.

— Его снаряжение получило серьезные повреждения в бою, а свою мастерскую объект уничтожил собственноручно. Без специфических инструментов и станков он не сможет починить доспех.

— Если только второй триггер не убрал у него это ограничение, — мрачно подытожил Вест. — Дракон, если у вас еще остались в запасе какие-то средства, неважно насколько неконвенционные и неэтичные, самое время пустить их в ход.

— Я не могу сделать этого без одобрения высших органов власти, — отчеканила Технарь.

— Оно у вас будет.

— Хорошо, я проведу приготовления, — Дракон запнулась. — У нас проблемы. Объект засекали на Восточном побережье, видео только что появилось на Youtube. Вывожу на экран.

Изображение Дракон, до этого занимавшее несколько совмещенных мониторов, сместилось в угол, а его место заняло видео, снятое на каком-то мосту. Оператор издавал бессвязные возбужденные возгласы и протискивался через толпу поближе к цели — к плоской серой области, пересекающей дорогу. Потом камера повернулась, и навела фокус на виновника — висящую на небольшой высоте фигуру в потрепанной черной броне. Та несколько секунд сохраняла неподвижность, а потом резко набрала скорость и скрылась вдали.

— Он перегородил мост? Зачем?

— Если предполагать худшее, а в случае с Симуург иначе нельзя, то объект собирается нанести непоправимый ущерб инфраструктуре. Даже если бы он разрушил этот мост, то его бы можно было отстроить заново. Петля же неуязвима и пренебрежимо долговечна.

Вилкинс с невесть откуда взявшейся решимостью хлопнул по столу и резко встал.

— Достаточно. Пусть Эйдолон вступает в бой сразу же, как только представится возможность. Подключайте всех Умников, до каких сможете достучаться, даже если это отпетые злодеи, используйте все доступные фонды, чтобы оплатить их услуги. Необходимо любой ценой отслеживать перемещения объекта и иметь прогноз его дальнейших действий. Нужно задействовать чрезвычайные протоколы безопасности на атомных электростанциях. И дайте мне прямую линию с президентом. Если Дракон так нужны санкции, она их по...

Договорить он не успел.

Вспышка аннигиляции поглотила его вместе со всем головным офисом.

Броктон Бей

У Эгиды и раньше бывали плохие дни. Например, когда пришел Левиафан. Или когда вскрылась жуткая правда о бывшем товарище. Или когда Виста попала в временную петлю, и еще не было способа ее оттуда вытащить. Или когда получил свои силы, но тогдашние проблемы по сравнению с нынешними казались пустяком.

С переходом в Протекторат Триумфа он очень серьезно отнесся к обязанностям лидера команды, и все случившиеся беды воспринимал как личный провал. Ведь это он недоработал, не обратил внимание, оказался недостаточно силен и предусмотрителен.

Эгида и прежде имел дело со Скиттер, и один из немногих понимал, насколько смертоносна может быть ее сила, если бы та не сдерживалась. Так что когда началась внезапная атака роя, он сразу попытался прорваться к Мисс Ополчение, которая

единственная из оставшихся местных героев не имела ни защитных, ни мобильных способностей. Ну, попытался прорваться. С пугающей синхронностью насекомые плотно забили его дыхательные пути, опутали паутиной и привязали к какому-то обломку бетона так, чтобы он не мог взлететь.

Будучи обездвиженным, Эгида попытался найти в сложившейся ситуации хоть что-нибудь хорошее. Во-первых, он все еще был жив, пусть в легких и кишечнике осы вперемешку с пауками и муравьями. Удовольствие, конечно, ниже среднего, но его сила уже работала, и вместо забитых легких кислород начала втягивать кожа.

Во-вторых, друзьям его ничего не грозит. Стояк написал заявление об уходе еще утром, и скорее всего, успел покинуть город с семьей. Виста, Рыцарь и Слава тоже вне опасности, их как пострадавших эвакуировали еще раньше.

Эгида изо всех сил попыталась сосредоточиться на мыслях о своих товарищах, потому что эти мысли неплохо отвлекали от ощущений в груди, горле, ушах, носоглотке — короче, везде, куда сумели добраться насекомые. Это тоже было по-своему хорошо, ведь так он почти не слышал крики умирающих героев и устрашающее гудение многомиллионного роя.

Сколько длилась пытка, он сказать не мог. По ощущениям самого Эгиды, прошла примерно вечность. Или две. Но в какой-то момент насекомые прекратили грызть его изнутри, постепенно начали расползаться. Еще приблизительно через половину вечности он почувствовал легкое тепло и запах горелого мяса. А потом с его глаз наконец-то содрали паутину и он увидел над собой Лазершоу. Девушку окружала призма силового поля, которое она держала непрерывно и раньше, а яркие лучи, исходящие из кончиков ее пальцев, резали паутину. Доставалось и плоти, но такие мелочи Эгиду давно не беспокоили.

Следующим движением Лазершоу сорвала с лица Эгиды паутинный кляп и влезла пальцами ему глубоко в рот. Сообразив, что сейчас будет, он запрокинул голову, и лазеры выжгли загор из паутины и насекомых, закупоривший трахею. Вместе с самой трахеей, пищеводом, частью прочих органов, но для Стража это было в порядке вещей.

По крайней мере, теперь он мог говорить. Его сила заставила вибрировать уцелевшие стенки гортани, чтобы издавать членораздельные звуки.

— П-прих... веет! — выдохнул он с усилием. Непривычно было тратить столько сил на что-то настолько простое.

— Лететь можешь? — угрюмо спросила Лазершоу.

Эгида поднялся на ноги и принялся счищать с себя остатки паутины. Осы и пауки влили в него, наверное, целый стакан яда, но этого не хватило, чтобы перебить его живучесть. На ногах он держался вполне уверенно, хотя и не без тошноты.

— Могх... кх... могу. Сколько, кх-кх, прошло времени?

— Немного, мы все еще ищем выживших. Таких меньше, чем хотелось бы, но больше, чем мы опасались, — девушка закинула выбившуюся прядь за ухо. — Сначала я подумала, что кроме меня не уцелел никто, но потом появился Кид Вин, и начал прочесывать местность своими сканерами.

— Кто еще?

— Этот 53-й из Бостона, Сталевар. Ему вообще все фиолетово. Бесстрашный смог закрыть нескольких кейпов своим щитом, но небольшое количество насекомых успели попасть под защитное поле и набились ему в горло. Он держал щит до последнего и умер от удушья, но остальные выжили. Пока это все, кого мы смогли отыскать.

Эгида почувствовал, как земля предательски убегает из-под ног. Руины родного города

собрали очередную кровавую жатву. Это было чудовищно, невыносимо. Вся команда Протектората, пережившая бой с Левиафаном и ставшая для него практически второй семьей, перестала существовать. Десятки героев мертвы, убиты играючи, мимоходом, будто раздавленные комары.

И все из-за одного человека...

— А что с... — он запнулся. — С главной проблемой?

Лицо Лазершоу помрачнело, и в животе Эгиды сжался липкий ком страха.

— Кид Вин смог связаться с начальством в Нью-Йорке, но там сами толком ничего не понимают, так что похоже на полный разгром. Я точно знаю, что выжила Дракон, Отступник если выкарабкается, то только чудом. Видела тела Мирддина и Нарвал, но от Легенды и Александрии нет никаких вестей. Похоже, тоже мертвы. А главная проблема... — ее заметно передернуло. — Покружил тут недавно и снова улетел. Видимо, не счел нас достойными внимания.

— Погоди. При чем тут Нью-Йорк? А как же директор Тагг?

— Нету больше Тагга. Здесь на километр вокруг — одно большое кладбище. Скиттер убила всех. Вообще всех.

— О боже... Она мертва?

— Не знаю. И знать не хочу. Тело мы не нашли, так что скорее всего ее забрал сам-знаешь-кто. Туда ей и дорога.

Эгида хотел было возразить, что Скиттер ни в чем не виновата, что ее довели до такого состояния. Но благоразумно придержал свое мнение при себе, потому что Лазершоу буквально источала желание кого-нибудь убить, а нарезание лазерами на ровные кубики не пережил бы даже он. В этот момент рядом приземлился Кид Вин в своем «тяжелом» бронекостюме.

— Надо возвращаться в штаб-квартиру, — сказал он, не тратя время на приветствия. — У нас проблемы.

— Правда? — уточнил Эгида почти без иронии. — Серьезно? Ты не шутишь? Вот так новости!

— Мы еще не все прочесали, — добавила Лазершоу.

— В смысле, еще более серьезные проблемы. Я отдал свой биосканер Сталевару, он с остальными выжившими продолжит поиски, а нам троим нужно в штаб. Я — единственный действующий Технар, ты — последняя из Протектората, Эгида — все еще командир Стражей, пусть даже нас двое всего.

— Хорошо, летим.

— Что ты имел в виду, когда упомянул «более серьезные проблемы»? — спросил Эгида, когда все трое поднялись в воздух.

— Я был на связи с нью-йоркским головным офисом, когда связь внезапно прервалась. Надеюсь, что ошибаюсь, но...

— Но?

— Возможно, что он уничтожен.

— А помехи, или что-то такое?

— Исключено. Не с моим оборудованием. И... Карлос, когда приземлимся — старайся не смотреть по сторонам.

С предупреждением он опоздал. Одной из граней силы Эгиды было великолепное зрение, и он даже с высоты видел улицы, устеленные телами. Это было нечто далеко за

гранью привычных сил кейпов. Будто стихийное бедствие... или библейская Египетская казнь. На краю сознания мелькнула противная мысль, что даже хорошо, что Скиттер и Конрад сразились. По крайней мере, так героям приходится иметь дело всего с одним злодеем S-класса, а не с двумя.

Страшно даже представить, что произошло бы, случись им работать вместе.

Эгида мотнул головой. Нечего думать о всякой чуши... Хотя нет, лучше думать о чуши, чем о бесчисленных мертвецах вокруг. Вокруг штаб-квартиры СКП тела лежали особенно густо, поэтому они даже не стали приземляться. Лазершоу пробила своими лучами стену на нужном этаже и трое героев влетели прямо в помещение аналитического отдела.

Броня Кид Вина раскрылась и он выбрался из нее, одетый только в контактный комбинезон. Откуда-то из недр костюма он достал небольшой ноутбук и воткнул кабель в один из терминалов.

— Подключусь к сети отсюда, — сказал он. — В Хабе Стражей было бы удобнее, но...

«Но не хотелось идти мимо трупов людей, которых пару часов назад видел живыми», — мысленно закончил за него Эгида.

В аналитическом отделе было пусто. СКПшники успели демонтировать серверы, но на вывоз многочисленных компьютеров и кучи периферийного оборудования не осталось времени, слишком уж срочно объявили тотальную эвакуацию. Теперь компьютеры таранились в пространство погасшими мониторами, а занимающий четверть стены громадный экран наоборот, ожил силами Кид Вина.

— Говорит Броктон-Бей! — крикнул Технар в микрофон. — Дракон! Дракон, ответьте! Молчание.

— Дела совсем плохи или можно начинать панику? — мрачно спросила Лазершоу.

— погоди, я попробую прозвонить каналы.

Кид Вин бешено застучал по клавиатуре, на экране замелькали какие-то таблицы и символы, ничего Эгиде не говорившие, а потом отобразилась карта континента. На карте были отмечены все города с населением больше ста тысяч человек, действующие карантинные зоны, отделения СКП... и какие-то красные точки.

— ...работа, Дракон, — донесся из динамиков знакомый, и от того вдвойне пугающий голос. — Всего шесть минут. Я надеялся, что вирус продержится хотя бы пятнадцать. Но похоже, на этом поле с вами состязаться невозможно.

— О чем он? Какой вирус? — спросил Эгида и тут же поймал испепеляющий взгляд Кид Вина.

— Оу, кто-то влез на защищенный канал. Карлос, это ты? Я тебя по голосу узнал. Самый обычный компьютерный вирус, который превращает данные в бессмысленный набор битов. Дракон его только что стерла, но он успел зашифровать примерно два процента всей информации, хранившейся на американских серверах.

— Дракон?! Вы меня слышите?! — повторил Технар. — Ответьте, что происходит, мы потеряли связь с головным офисом.

— Головной офис в Нью-Йорке уничтожен мной, — буднично сообщил Конрад. — Так что Служба Контроля Параугроз сейчас обезглавлена, как и подразделение «Сторожевых псов». Я уже говорил, что ненавижу чертовых Умников?

— Значит, Сплетница не соврала? — спросил Эгида. — Ты действительно зомбирован Симург?

— Да. Я слышал ее крик в Лондоне, но проявляться это начало только после обретения

сил. Я пытался с этим бороться, честно. Но Выверт, Левиафан, Неформалы, Джек... у меня не осталось сил сопротивляться. Не осталось якорей.

— Но если ты все осознаешь, почему продолжаешь все это дерьмо?!

— Так надо. Но не волнуйтесь, когда я умру, все кончится..

Эгида оглянулся на товарищей. Кид Вин бешено стучал по клавиатуре, следя за мерцающими на экране символами, Лазершуу с каменным лицом слушала разговор.

— Где ты? — спросила она холодно. — Если это твоя воля, я тебя сама прикончу.

— Не суетись, Кристал, Эйдолон со мной разберется. И... я сожалею, что так получилось с Александрией. Это не дело, когда величайшая женщина, которую знал мир, умирает, задохнувшись мухами. А ведь она почти смогла меня убить. Мне правда жаль.

— Огромный ущерб инфраструктуре. Перерезаны многие транспортные магистрали и трубопроводы, уничтожено множество электростанций, — бесцветным голосом произнес Кид Вин, не отрывая глаз от экрана. — У нас есть энергия только благодаря собственному генератору в подвале, его не успели заглушить.

— И не забудь об уничтоженных отделениях СКП. Северо-восточные штаты сейчас не имеют ни одного офиса, способного осуществлять руководство, — задорно добавил Конрад. — Кстати, пока мы тут беседовали, я успел выпустить новый вирус, на этот раз обычный, биологический. Для людей он безопасен, но последствия будут как бы не страшнее, чем средневековый Черный Мор. Или же почти неощутимыми. Зависит от того, как быстро вы сможете найти Панацею.

— Что ты с ней сделал?! — закричал Эгида. — Что она тебе сделала?

— Не зачем так орать, Карлос, я бы в жизни не навредил малышке Эми. Когда мы виделись последний раз, она уезжала куда-то на северо-запад верхом на громадной захмелевшей шиншилле. Идите по следу из опустошенных пивных бочек и найдете ее.

— Это может быть уловка, — произнесла Лазершуу. — Очередная.

— Верить или нет — ваш выбор. Я свой выбор сделал, и вот к чему пришел. Штош...
Mortuus non sentit verecundiam.

Динамики затрещали помехами, несколько раз щелкнули и затихли, чтобы вскоре ожить снова.

— Это... было довольно сложно, — зазвучавший из динамиков голос Дракон сочился усталостью. — Простите, что не отвечала, мне нужно было полностью сосредоточиться на отражении кибератак, иначе ущерб инфраструктуре был бы в десятки раз больше.

— Сейчас такой опасности больше нет?

— В бой только что вступил Эйдолон, атаки резко прекратились. Я проверяю сети на предмет оставшихся логических бомб... впрочем, для вас это не важно.

— Мы можем чем-то помочь? — взволнованно спросил Эгида.

— Спасите, кого можете спасти, и постарайтесь не погибнуть сами. У Эйдолона мы все будем только мешаться под ногами.

Связь оборвалась окончательно.

— Дерьмо, — кратко и емко высказался Кид Вин.

— Так, без паники, — Эгида поднял руки. — Вы слышали, что сказала Дракон. Я предлагаю собрать всех, кто еще жив, и отправляться в Бостон, если он еще на месте.

— Он на месте, но офис СКП также уничтожен.

— Не важно. Не у всех есть силы полета, а у кого есть, те не смогут всех унести. На улице есть фургоны... Кид Вин, сколько времени тебе нужно, чтобы заставить хотя бы один

летать?

Взгляд Технаря на несколько секунд затуманился, его сила пришла в движение, анализируя задачу и предлагая решения.

— Полчаса и готово. Нужно только забрать кое-что из хранилища. Пойдемте со мной, я один все не утащу.

Трое кейпов прошли по пустующим коридорам и на лифте спустились на подвальный этаж, где располагалось хранилище технарского оборудования. Где их ждал очередной, и отнюдь не приятный сюрприз.

Бронированная дверь хранилища, немногим уступающая воротам противогубительских убежищ, была безжалостно искромсана, открывая проход достаточный, чтобы в него протиснулся крупный человек.

Или не очень крупный, но облаченный в силовую броню.

— Хм... срез ровный, прямой. Края не оплавлены, — Кид Вин внимательно изучил пробоину. — Прорублено мечом.

Эгида ругнулся сквозь зубы.

— Час от часу не легче. Что ему могло понадобиться здесь?

— Не знаю. Здесь только сравнительно простые, безопасные устройства, прошедшие комиссию, или вовсе ненужный хлам.

— Сможешь определить, что пропало? Это может быть важно.

— Увижу, если что-то не на месте.

Кид Вин пошел вдоль стеллажей, вытаскивая из ящиков и со стендов будто бы случайные предметы, на первый взгляд не имеющие никакого отношения к полетам. Лазершоу связалась со Сталеваром и проинструктировала его и остальных выживших направляться к штаб-квартире. Эгида, недолго думая, присоединился к Технарю в качестве носильщика, чтобы чем-то занять руки.

— Сталевар говорит, что нашли еще одного, — сказала Лазершоу. — Страж из Чикаго, Вантон. Правда, он не в себе, слишком долго пробыл в Излом-форме, им придется нести его на руках, у входа будут как раз через полчаса.

— С ними случайно нет кого-нибудь с огненными силами, чтобы сжечь тела? Как-то нехорошо оставлять всех гнить.

Девушка покачала головой.

— Всего три Бластера считая меня, но с огнем — никого. Если только здесь не завалился какой-нибудь огнемет.

— Огнемет есть, но толку не будет, — отозвался Кид Вин. — Он на органику не действует.

— Зачем было мастерить такой огнемет?

— Тогда это казалось хорошей идеей. Эффектное, но нелетальное оружие для обычных патрулей... ну ты поняла.

Лазершоу невесело хмыкнула. Сама мысль о том, что где-то и когда-то существовала штука, называемая «мирная жизнь», казалась абсурдом, эти чувства Эгида полностью разделял. Он собирался спросить, не может ли Кид Вин быстро изготовить что-нибудь для кремации, как тот позвал его сам.

— Эгида! Я нашел!

— Что ты нашел?

— Мой летающий скейт пропал. И визор, — Технарь принялся обшаривать стеллаж. —

О, а вот еще записка.

— Что там?!

— «Я одолжу, лады?» — прочитал Кид Вин и скомкал бумажку в кулаке.

— Но зачем *ему* понадобилось твое оборудование, да еще настолько простое?

— Без понятия. Возможно, отдельные узлы... — Кид Вин задумался. — Не, бред какой-то. Эти устройства просты, в них нет ничего, чего *он* не смог бы создать сам.

— Отследить свое оборудование сможешь? — деловито спросил Эгида.

— Если бы я решил что-нибудь спереть у другого Технаря, то первым делом извлек следящие маячки, — Кид Вин взял с полки маленькую деталь со следами припоя. — Ну и что я говорил.

— Ты помнишь в деталях, на что способны эти скейт и визор или их отдельные части?

— Нет. Выносите груз, я метнусь в наш Хаб, вытащу хард из ноутбука и заберу флешки.

— Разве информация об оборудовании Технарей не должна в полном объеме передаваться СКП и храниться на их серверах? — попытался сыронизировать Эгида.

— Должна, — в тон ему ответил Кид Вин. — Но у меня перед глазами был дурной пример.

Где-то над Тихим океаном

Есть такой термин “кризис среднего возраста”. Обычно он обрушивается на мужчин, которые по законам природы уже должны умереть и уступить место следующему поколению, но благодаря благам цивилизации продолжают жить. Он подкрадывается внезапно, в виде ухудшающегося здоровья и слабеющей памяти, а потом внезапно обрушивается на жертву осознанием, что полноценная, плодovitая жизнь-то уже прожита, а впереди только пара-тройка десятилетий медленного угасания.

Мужчина паникует, мужчина протестует. Он пытается бороться, как боролся всю жизнь. Напряливает не соответствующие возрасту шмотки, пытается убедить всех вокруг, и себя в первую очередь, что он еще огого, что боль в коленях — это просто от переусердствования на тренировке, а не предвестник ревматизма.

И ничего не получается. Изношенная память уже с трудом удерживает новую информацию, тело с трудом восстанавливается после нагрузок. Молодежь на двадцать-тридцать лет младше разговаривает на непонятном языке и удивленно крутит пальцами у виска, глядя на пузатого дядьку, пытающегося изобразить “флекс”. Кто-то не выдерживает и стреляется. Кто-то спивается. Большинство же, перебесившись в последний раз в жизни, покорно принимают судьбу и живут — а вернее, доживают — дальше.

И от этого кризиса не застрахованы даже супергерои. Просто очень мало кто до него доживает.

На первый взгляд, Эйдолону бояться было нечего. Он был сильнейшим, это признавали все. Его заслуги перед миром, перед человечеством не поддавались исчислению. Подростки-Стражи взирали на него с благоговением, герои постарше — с неизменным уважением. Собственные бесчисленные силы хранили его от любых проблем, связанных с возрастной деградацией, он мог обеспечить себе идеальное состояние организма, совершенную память и вообще никогда не испытывать экзистенциального ужаса, свойственного тем, кому за сорок.

Так могло показаться со стороны.

Те редкие кейпы, кто еще застали мир без Губителей, знали, что Эйдолон слабел.

Конечно, он оставался сильнейшим из людей, и пятым после Зиона и Губителей, но те, кто помнил его на пике формы, отлично видели разницу. К примеру, в лучшие времена Эйдолону не приходилось ждать по четверти часа, пока силы не закрепятся, и не наберут полную силу. Он тасовал их как карты в колоде, живой одинокий бог среди смертных.

Конечно же, лучше всех об угасании своих сил знал сам Эйдолон. Из-за своей немоги ему сейчас приходилось выжимать соки из удачно подвернувшейся силы полета вместо того, чтобы мгновенно оказаться в нужной точке мира. У него больше не было уверенности, что он сможет взамен призвать достаточно мощную силу телепортации, а раз отпущенная сила теперь исчезала навсегда. Приходилось использовать то, что есть.

Он возвращался из Индонезии с тем же набором сил, с каким сражался там — персональное силовое поле, дающее также возможность полета, сила Умника отслеживающая появление угрозы вблизи и атакующая сила в виде зеленых энергетических ударов разнообразных форм. Вполне достаточно, чтобы справляться с рутинной угрозой S-класса. Но они уже истощены активным использованием, и их придется отпустить, найти замену перед новой схваткой.

Впереди показалось Западное побережье. Эйдолон бросил взгляд на мелькнувшую далеко внизу линию пляжа. Когда-то, еще в молодости, он иногда улучал свободную минутку и нырял в океан прямо в костюме, а потом валялся на пляже. Зачем? Да просто так. Когда-то давно его титанической мощи не было достойного применения. А потом применение появилось, да такое, что лучше бы его не было, а силы как раз некстати ослабли, и продолжали слабеть год от года.

— Эйдолон, у меня дурные новости, — прозвучал в коммуникаторе голос Дракон. — Мы понесли тяжелые потери. Легенда и Александрия... погибли.

Сильнейший герой планеты стиснул кулаки и попытался еще больше ускорить полет, хотя сила и так работала на пределе.

— Это подтверждено? — спросил он, стараясь не выдать дрожи.

— Легенда погиб у меня на глазах. Тело Александрии нашли только что, мы до последнего надеялись, что она выжила. Мне... мне жаль.

— Дай мне полную характеристику цели.

— Общий уровень угрозы повышен до Технар-10. В настоящий момент мы обладаем достаточно полной информацией об оборудовании цели, чтобы оценить вторичные характеристики. Бугай-7 — очень высокий уровень устойчивости, явно уязвимый только для сил искажающих мерности пространства, однако физическая мощь сравнительно невелика, Александрия уверенно удерживала его на месте. Бластер-6 при использовании наручных лазеров, Бластер-9 если применяется рельсовая пушка, способная стрелять маломощными ядерными зарядами. Эпицентр-10 — про временные петли вам уже известно, оборудование похожее на кристальные крылья способно генерировать и гасить различные виды электромагнитных излучений в радиусе нескольких сотен метров, включая некоторые проявления парасил. Ранг Движка понижен до 4 после того, как мы сумели уничтожить телепортационное оборудование, остался только полет. Умник-3, за счет встроенных в броню сканеров получает информацию о происходящем в радиусе около полукилометра. И еще. Остерегайтесь меча. Это новая модель, я не смогла собрать точных данных о ней, но с его помощью Александрия убила Сибирь.

— Спасибо, Дракон, — прошептал Эйдолон. — Пожелай мне удачи.

— Удачи, сэр. Но не рискуйте понапрасну. Вы наша последняя надежда.

Этого она могла бы и не говорить. Герой зажмурился, пытаясь уложить в голове случившееся. Как такое вообще могло случиться? Неужели десятки Умников под началом Ребекки оказались бесполезны? Неужели Счетовод ошибся в расчетах? Или это просто очередная махинация Контессы, которая без тени сомнений принесла очередную жертву своему Пути?

И если чему-то годы и научили Эйдолона, так это не пороть горячку. В молодости он бы тут же потребовал себе дверь прямо к Доктору и устроил безобразную истерику, которая бы все равно ни к чему не привела.

Он закрыл глаза, погружаясь в поиск сил. Он мысленно повторил все, что сказала ему Дракон, попытался представить своего врага, и позволил своему агенту отозваться на его желание убить, уничтожить, отомстить.

Сила, дававшая ему полет, исчезла.

Эйдолон начал падать вниз, но это длилось лишь несколько секунд.

Старые силы ушли, отпущенные на волю, их место заняли другие. Мощный аэрокинез, пригодный и для атаки, и для полета, и для ориентирования в пространстве. Энергетические барьеры, подходят для пленения, защиты себя и других, а также для усиления собственных рукопашных ударов. Чисто атакующая стрелковая способность, предположительно эффективная против цели, защищенной пространственными эффектами.

Пришедшая с годами немощь словно отступила. Подстегиваемые яростью и горем, силы пришли очень быстро, и также быстро закрепились. Эйдолон выровнял полет и ринулся вперед с удвоенной скоростью, впервые за годы он *почти* чувствовал себя самим собой. Каждый свой бой с Губителями и прочими угрозами он надеялся закончить победой или смертью — своей или противника, но сейчас его полностью захватил гнев.

Сегодня он убьет врага. И никак иначе.

Нью-Йорк

«Иди до конца».

Я повторял эти слова в уме до тех пор, пока они не потеряли всякий смысл, превратившись в ничего не значащий набор звуков. А потом все равно продолжил повторять. Иначе было нельзя. Иначе бы я не смог сделать то, что сделал.

Мои пальцы порхали над клавиатурой, и я сам с трудом мог осознать, что творю, зато прекрасно представлял результат. Компьютерный вирус, распространяющийся со страшной скоростью и безвозвратно уничтожающий любые данные, от банковских счетов до школьных оценок. Раньше я не особенно дружил с компьютерными технологиями, если это не касалось программного обеспечения для других изобретений. Однако вирус были единственным, что я мог создать прямо здесь и сейчас, сидя в дымящихся развалинах головного офиса СКП и имея под рукой только ноутбук и подключение к Интернету.

Попутно я вполуха слушал защищенные каналы связи СКП. Ничего особенного там не говорили, в основном транслировалась паника, неразбериха и попытки переложить ответственность.

Вирус ушел в сеть.

Я отложил ноутбук и начал прикидывать, куда ударить дальше. За прошедшее время я успел причинить заметный ущерб, но этого явно было недостаточно. Песня продолжала звучать в моей голове, но именно песней ее было уже назвать сложно. Крик, пронзительный визг, нечленораздельный скрип и скрежет. Невыносимо мерзкая, причиняющая физическую

боль какофония, которую хотелось высверлить из черепа дрелью. И именно этого делать было нельзя ни в коем случае.

Несколько минут я анализировал с помощью своей силы национальную инфраструктуру в поисках уязвимых точек и снова взглянул на экран. Вирус был почти уничтожен. Я подтащил ноутбук и включил микрофон.

— Я и раньше знал, что вы сильнейший Технар в мире, но сейчас по-настоящему впечатлен. Отличная работа, Дракон, — я бросил взгляд на часы в углу экрана. — Всего шесть минут. Я надеялся, что вирус продержится хотя бы пятнадцать. Но похоже, на этом поле с вами состязаться невозможно.

Я не ожидал, что она мне ответит. В переговоры со мной не вступали, и если быть откровенным, я бы на их месте действовал также. Но чего я не ожидал, так это того, что меня услышит кто-то еще.

— О чем он? Какой вирус? — спросил удивленный голос.

— Оу, кто-то влез на защищенный канал. Карлос, это ты? Я тебя по голосу узнал. Самый обычный компьютерный вирус, который превращает данные в бессмысленный набор битов. Дракон его только что стерла, но он успел зашифровать примерно два процента всей информации, хранившейся на американских серверах.

— Дракон?! Вы меня слышите?! — это был Кид Вин. — Ответьте, что происходит, мы потеряли связь с головным офисом.

Весь такой серьезный, собранный. Вот уж у кого были реальные шансы выбиться в кейпы топ-класса. И вовсе не потому, что Свинка его старательно выхаживала и продвигала, а потому что он единственный из Стражей умел и *хотел* учиться.

— Головной офис в Нью-Йорке уничтожен мной. Так что Служба Контроля Параугроз сейчас обезглавлена, как и подразделение «Сторожевых псов». Я уже говорил, что ненавижу чертовых Умников?

— Значит, Сплетница не соврала? Ты действительно зомбирован Симуург?

— Да. Я слышал ее крик в Лондоне, но проявляться это начало только после обретения сил, — отпираться не было ни малейшего смысла. Раскрыть все карты — это тоже значит «идти до конца». — Я пытался с этим бороться, честно. Но Выверт, Левиафан, Неформалы Джек... у меня не осталось сил сопротивляться. Не осталось якорей.

— Но если ты все осознаешь, почему продолжаешь все это дерьмо?!

Потому что мне сказали идти до конца. *Ей* это не нравится. Слишком большой объем разрушений, слишком тяжелые последствия. Это не то, чего *она* хочет. Я должен освободиться от *нее*, но сделать это можно только одним способом.

— Так надо. Но не волнуйтесь, когда я умру, все кончится.

— Где ты? Если это твоя воля, я тебя сама прикончу.

Кристал, ты такая прелесть, что и в лучшие времена я был тебя не достоин. Даже после всего, что я сделал, ты все еще пытаешься обо мне заботиться, предлагает быструю смерть. Под твоими лазерами я бы ушел мгновенно, не успев почувствовать боль. Но увы, это суждено сделать не тебе.

— Не суетись, Кристал, Эйдолон со мной разберется. И... — я помедлил, подбирая слова. — Я сожалею, что так получилось с Александрией. Это не дело, когда величайшая женщина, которую знал мир, умирает, задохнувшись мухами. А ведь она почти смогла меня убить. Мне правда жаль.

Нет, правда.

Крис что-то бормотал про те места, куда я успел наведаться, и я не упустил случая вбросить немного дезинформации.

— Пока мы тут беседовали, я успел выпустить новый вирус, на этот раз обычный, биологический. Для людей он безопасен, но последствия будут как бы не страшнее, чем средневековый Черный Мор. Или же почти неощутимыми. Зависит от того, как быстро вы сможете найти Панацею.

— Что ты с ней сделал?! Что она тебе сделала?

Похоже, Эгида немного не так все понял... что в общем-то не удивительно. Я поспешил его успокоить.

— Не зачем так орать, Карлос, я бы в жизни не навредил малышке Эми. Когда мы виделись последний раз, она уезжала куда-то на северо-запад верхом на громадной захмелевшей шинзилле. Идите по следу из опустошенных пивных бочек и найдете ее.

— Это может быть уловка. Очередная.

— Верить или нет — ваш выбор. Я свой выбор сделал, и вот к чему пришел, — я выглянул из развалин наружу, и заметил кое-кого, кого ждал уже давно. — Штош... *Mortuus non sentit verecundiam*.

В следующее мгновение я запустил двигатели костюма и метнулся в заготовленный для отступления проход. Достаточно быстро, чтобы шквал плазмы или чего-то похожего, стерший мое укрытие с лица земли, не задел меня. Зато он задел АВП. Пять оставшихся крыльев одним махом укоротились на треть.

Я заметался между зданий, прижался к земле. Эйдолон не стал бы бить в полную силу, рискуя попасть по гражданским. Я не собирался долго прикрываться живым щитом, я знал свое будущее, но хотел хотя бы увидеть его собственными глазами.

Сделав еще несколько маневров, я осторожно поднялся над крышами и посмотрел туда, откуда прилетел залп. Сильнейший герой парил в воздухе, окутанный ровно сияющим ореолом, над его плечами висело два больших энергетических вихря, готовых в любой момент высвободить свою мощь. Глядя на него, я вдруг вспомнил коллекционную фигурку, что много лет пылилась у меня на полке. Хм, и вроде поза даже похожая...

В следующий момент атака Эйдолона вырвала меня из некстати нахлынувших воспоминаний. Воздушное давление. Возникший из ниоткуда сокрушительный порыв ветра швырнул меня вперед и вверх. Прямо на линию огня.

Удар Эйдолона прошел над крышами зданий и растаял где-то в вышине. Только это меня и спасло. Он старался поднять меня повыше, и это дало мне лишнюю долю секунды, чтобы вывернуться на реактивной тяге и контратаковать. Лучи бластеров ударили в укрывающий героя ореол и сделали примерно ничего. Ну, попытаться стоило.

Я снова нырнул вниз, чтобы укрыться в застройке, но меня остановило силовое поле. Такое же, какое окружало моего противника. Черт... когда несколько способностей, даже не самых мощных, оказываются в одних руках, это подлинный гемор. До этого герои пытались навалиться на меня группой, и с ними было не так тяжело, как против одного Эйдолона. Ну, тогда у меня еще был неожиданный союзник в лице клона Уильяма Мантона. И рабочий телепорт.

Мысли пронеслись в голове мгновенно, а меч уже вывалился мне в руку. Черно-белое лезвие коснулось сияющего силового поля, и оно мгновенно исчезло. Герой снова применил аэрокинез, но я успел немного приспособиться и смог выскользнуть из воздушного потока. Или, возможно, этому поспособствовал меч, который я держал в руках.

В падении я обернулся и вытащил из пространственного кармана рейлган. Я выстрелил, не капсулой с антиматерией а обычной вольфрамовой болванкой. Мой доспех держался только чудом, молитвой и честным словом, и еще один ядерный взрыв в непосредственной близи убил бы меня еще вернее, чем Эйдолон.

Это, к моему ужасу, почти сработало. Силовое поле, окружавшее Эйдолона, на мгновение моргнуло, когда снаряд рейлгана врезался в него. Защита была пробита. Но. Я стрелял из очень неудобного положения, у меня не было времени прицелиться, а прицельный комплекс шлема барахлил после того, как по нему настучала Александрия. Снаряд, вместо того чтобы разорвать героя пополам, лишь еле-еле чиркнул его по ребрам и сгорел где-то в атмосфере.

Боже, я чуть не убил Эйдолона.

В следующее мгновение воздушный пресс ударил опять, но на этот раз он не поднимал меня вверх, а наоборот, прижимал к земле. Я попытался выйти из-под давления, но Эйдолон впервые с начала боя сдвинулся с места и продолжил наращивать давление. Я поначалу не сообразил, чего он добивается, а когда понял, было поздно. Эйдолон не просто ограничивал мою подвижность. Он с настойчивостью опытного охотника гнал меня именно туда, куда ему было нужно.

Энергетические вихри над плечами героя ожили, выстрелив чем-то похожим на плазму, но таковой точно не являвшейся. Что-то с трудом поддающееся анализу, не материя, не вещество вообще, а разрыв в самой ткани пространства-времени. Моя правая рука от плеча до кисти перестала существовать, как и левая нога выше колена. Прежде, чем я успел почувствовать боль, то успел заметить, что Эйдолон держится за бок, по которому скользнул выстрел рейлгана, весь немного скрючился.

Он ранен. Ему очень больно, и поэтому он промахнулся, не убил меня этой атакой, не смог прицелиться.

Я слышал и раньше, что Эйдолон стар, что он слабеет. Такие слухи ходили и на ПЛО, и среди героев.

Но если предо мной действительно ослабевший Эйдолон, то, черт побери, *каким он был в полной силе?!*

Я все еще пытался бороться. Даже без осознанного усилия, на чистом инстинкте, я все равно шел до конца. Моя левая рука подняла рейлган, попыталась навести его на цель. Сквозь туман адской боли я силился разглядеть своего противника, совместить его контур с прицельными метками на ретинальном дисплее...

Я выстрелил и промахнулся. Потом закрутившийся воздушный вихрь вырвал оружие у меня из рук и отшвырнул прочь. Эйдолон перевернулся в воздухе и ринулся ко мне.

Нет. Пожалуйста...

Он занес кулак, вокруг которого сияние силового поля стало особенно ярким. Белая безликая маска не выражала ничего, потустороннее свечение под капюшоном и черные провалы глазных отверстий обещали неминуемую смерть.

Нет, сэр, не надо! Не лезьте в ближний бой! Убейте меня издалека! Ведь иначе я...

Я остался в роли бессильного наблюдателя. Словно моим телом и доспехом управлял кто-то другой, а я следил за происходящим издалека. И все тянулось медленно-медленно.

Вот Эйдолон приближается на расстояние удара и выбрасывает вперед кулак.

Вот моя левая рука поднимается, будто в отчаянной попытке защититься.

Вот кулак Эйдолона насквозь пробивает мою грудь в районе сердца, и я могу слышать

его крик, наполненный яростью и душевной болью.

Вот черно-белый меч телепортируется в левую руку, и его лезвие проходит через защиту Эйдолона так, словно ее нет.

Что-то очень сильно бьет в спину. Похоже, это земля. Мне настолько больно, что боль перестает ощущаться, оставляя только что-то вроде уведомления. Тело Эйдолона лежит на мне мертвым грузом. Его верхняя половина. Нижняя шлепнулась где-то рядом.

И именно в этот самый миг вопль Симург в моей голове достигает ослепительного крещендо. И замолкает.

Мне больно. Холодно. Темно. Почему вокруг так темно? Еще ведь не ночь.

— Система самоуничтожения активирована, — произносит кто-то мне в ухо.

Какая еще сист...

Безлюдная местность где-то в штате Нью-Йорк

Первый вдох.

Так просто и так сложно.

Я помню, как это делается, но мои легкие впервые принимают в себя воздух. Теперь я это знаю наверняка, а потому не строю иллюзий и не впадаю в панику.

Я дышу долго и тщательно, стараясь прочувствовать напряжение диафрагмы, сокращения собственного сердца, расширение альвеол. Оцениваю работу своего тела, как оценивал бы работу любого собранного устройства при первом запуске. Кто как не Технарь способен обнаружить неполадки в своем изделии?

Тело функционирует нормально, и наступает черед диагностики воспоминаний. К моему удивлению, ничего не потеряно. Ничего сверх того, что утратил мой предшественник. Каков бы ни был механизм сохранения памяти, задействованный моим демоном, он не подвел.

Первый шаг из капсулы в мир — в мир, где мне нет места. Где я проклятый изгой, исчадие ада и персонификация абсолютного зла. Я к этому готов. Я знал, что так будет. Я говорю в первом лице, чтобы избежать путаницы, хотя конечно, нынешний «я» к этому печальному положению вещей отношения не имеет. Постарались «альфа» и «бета».

Я — «гамма». Я безгрешен как младенец, и столь же наг.

Одежда лежит рядом. Я-«бета» оставил ее тут, перед тем как отправиться в последний бой. Ужас от осознания гибели Эйдолона все еще живет во мне, но мне некогда разбираться с ним. Я наслаждаюсь тишиной и начинаю одеваться.

Простая, неброская одежда. Джинсы, толстовка, кроссовки — не подходит для кейпа, но идеально, чтобы исчезнуть в толпе. Рядом лежат менее будничные предметы. Скейт с антигравитационной подвеской. Многофункциональный технарский визор. Два маломощных наручных бластера. Ну, мне не нужно исчезать полностью, достаточно пересечь пару шгатов.

Последнее по порядку, но не по значению. Пакет с остывшим обедом из «МакДональдса». Такое себе хручево, но в моем положении не до привередства. Это просто топливо, чтобы подпитать организм, пусть и малость вредное.

Но вкусное.

Заглотив пищу, я надеваю на руки бластеры и тщательно режу сфокусированными лучами упаковку. Та же участь постигает капсулу-принтер. Остатки прячу в кустах.

Потом я надеваю визор, встаю на скейт и осторожно отправляюсь в полет. Никогда не

понимал восторгов Криса по поводу этого скейта. Я немного летал на нем и раньше, но всегда невысоко и с большой опаской, потому что свалиться с него было проще некуда, а Крис без проблем выделявал такие вензеля, что невольно жуть брала. С другой стороны, он тоже не смог освоиться с моей старой мантией, так что тут чет на чет.

Высоко подниматься я не рискую и сейчас, чтобы не засекали радары, но скорость приходится держать предельную, иначе мне не добраться до места назначения до рассвета. Спать мне не хочется, второй триггер забрал эту потребность, и несколько часов дороги я заполняю размышлениями.

О своих ошибках и о чужих попытках удержать меня от них.

О взаимосвязях действующих в мире крупных игроков: Протектората, Гильдии, Гезельшафта, Янгбань. Котла.

О словах клона Мантона, что Триумвират — это и есть Котел.

О природе сил и их подлинных мотивах.

О том, что же я должен предпринять, и должен ли вообще что-то делать. Ведь до сих пор любые мои усилия так или иначе обращались во зло.

Я прорабатываю несколько возможных сценариев, но окончательное решение откладываю. Сначала мне нужно кое-куда сходить, кое-что сделать и, если повезет, с кем-кем поговорить.

Надо отдать должное Крису, его скейт это нечто. Простая, как четвертак, машинка, надежная и неприхотливая. До рассвета оставалось еще полтора часа, когда впереди показалась моя конечная цель — карантинная зона Мэдисон.

Я сделал круг, чтобы набрать предельную высоту. Это должно было дать мне выигрыш во времени на тот случай, если охрана окажется достаточно бдительной, чтобы засечь приближение к периметру. Вопреки слухам, назначение на охрану карантинных зон не было подобием ссылки для неугодных и прощтрафившихся. Сюда шли только добровольно, просто контингент подбирали соответствующий. Тех, кто не станет и секунды колебаться, убивая ребенка, пытающегося пересечь границу карантина. Потому что так надо. Что может произойти, если бомба Симург оказывается на воле... ну, мой пример достаточно красноречив.

Счастье, что следили часовые за тем, чтобы никто из карантинной зоны не выбрался, а не чтобы в нее никто не залез. В основном потому, что таких идиотов еще поискать надо. Под покровом темноты я на большой высоте пересек границу, а потом спикировал прямо в центр зоны.

Может меня заметили, может и нет. В любом случае, это не играло роли. Никто в здравом уме не сунется в Мэдисон. Не после того, как Симург два года назад открыла здесь портал в другие миры и наводнила город чудовищами. В этом плане ночь снова сыграла мне на руку. Появись я тут днем, и вместо поисков мне пришлось бы сражаться, что кончилось бы столь же быстро, сколь и плачевно. Под покровом темноты же, пока немногочисленные обитатели карантина спали, я прочесал местность. Благо моя обновленная сила очень живо отзывалась на чужие силы и их проявления.

Его можно было спутать с грудой мусора, и это было недалеко от истины. Чокнутый Профессор прославился тем, что был единственным Технарем в истории, способным открывать порталы в параллельные вселенные. Симург скопировала технологию и воссоздала ее буквально из того, что оказалось под крылом. Теперь остатки устройства валялись то тут, то там, совершенно бесполезные.

Моя сила подобралась и вцепилась в эти ошметки, точно голодный тигр. Рваными зигзагами я исчеркал несколько кварталов, собирая буквально по крупицам фрагменты портала и скрепляя их слюной, кровью, выдернутыми из одежды нитками.

Пока я работал, забрезжил рассвет. Скоро проснутся местные жители, и вряд ли они будут рады вторжению. Я осмотрел результат трудов. Неуклюжее, уродливое нечто размером с баскетбольный мяч, в чем едва ли можно заподозрить функциональный предмет, а не кошмарный сон мусорщика.

Сейчас или никогда.

Я взял устройство и вручную соединил клеммы.

В воздухе передо мной возникло что-то вроде круглого окна диаметром около двух метров. За рябщей завесой виднелся город — тот же самый Мэдисон, но совершенно целый, не изуродованный битвой с Губителем и двумя годами запустения. Богатый и благополучный.

Я оглянулся в последний раз на алеющий рассвет.

И ступил в другой мир.

8.1 Отпуск

Город еще дремал. В отличие от мегаполисов, где жизнь не замирает ни на минуту, Мэдисон-Алеф мог позволить себе роскошь на несколько часов погрузиться в тишину. Улица была пустынной, только вдалеке слышался шум редких автомобилей. Кажется, на этот раз Фортуна повернулась ко мне лицом, и моего прибытия никто не заметил.

Проход за моей спиной схлопнулся когда я разомкнул клеммы. С этого момента портал придется беречь, повторить такую технологию будет ой как непросто. Взяв его подмышку и держа другой рукой скейт, я поглубже натянул капюшон толстовки и пошел вдоль по улице. Без конкретной цели, просто чтобы осмотреться вокруг и не торчать на одном месте.

Прогулка по городу другой реальности по определению должна вызывать жадный интерес, но для меня это было сродни сну наяву. После трущоб и свалок Броктон Бей, после затопленных руин и пылающих кварталов в атакованных мной городах, Мэдисон-Алеф казался чем-то вроде рая земного. Чувство нереальности происходящего только усилилось, когда я прошел мимо припаркованной у тротуара полицейской машины. Один из копов просто спал, отклонив назад сиденье, другой вяло озирался по сторонам, но всем своим видом показывал, что тоже не прочь вздремнуть. На руле перед ним стоял пустой бумажный стаканчик из-под кофе. Я сбавил шаг и попытался прикинуть, сколько бы прожил этот наряд, вздумай они так расслабленно вести себя в тех же Доках.

Полицейский за рулем перехватил мой взгляд и опустил окно.

— Эй, парень! — окликнул он меня.

Я остановился. Я что, настолько отличаюсь от местных, что это бросается в глаза?

— Проблемы, офицер?

— Классные очки, — полицейский беззлобно показал пальцем.

Черт, визор же еще. Он настолько удобно сидел, что я даже забыл о его существовании.

— А... — я непроизвольно дотронулся до визора. — Мне они тоже нравятся.

— А что у тебя за хлам? — продолжил допытываться коп. Похоже, не из-за подозрений, а просто от скуки. Мое сквозное зрение, где же ты? Как мне общаться с людьми, когда я не вижу их внутреннюю секрецию и физиологическую активность?! Это же все равно, что водить машину вслепую!

Я открыл было рот, чтобы что-нибудь соврать, и меня скрутило так, будто я откусил лимон. Хватит. Хватит лжи. Я уже жил так, и ни к чему хорошему это не привело.

— Это мой межпространственный портал. Я суперзлодей из параллельной реальности, прибыл в ваш мир просить политического убежища.

Вот теперь коп насторожился. Да настолько, что вылез из машины и расстегнул кобуру с пистолетом.

— А теперь не делай глупостей и покажи глаза, — сказал он посуровевшим тоном.

Я пожал плечами и снял визор. Мысль о том, что этот пузанчик даже с пистолетом может представлять для меня угрозу, казалась смешной. Я мог без труда прикончить его даже голыми руками, но наступил на горло всем своим привычкам и рефлексам, и решил не раздувать конфликт.

— Зрачки нормальные. Вроде не под кайфом, — он заметно расслабился. — Ладно, иди, только не надо больше нести херню.

— Когда я захвачу этот мир и введу для старшеклассниц школьную форму с

миниубками, то вы пожалеете, что не поверили мне. Может быть, это ваш единственный шанс остановить жестокую тиранию.

— Если это твоя предвыборная программа, то считай, что мой голос у тебя уже есть, — хохотнул коп и полез обратно в машину.

И все.

Я невольно усмехнулся и пошел дальше, и где-то через полчаса вышел к набережной. В отличие от Броктон Бей, стоявшего на берегу океана, Мэдисон мог похвастаться только относительно небольшим озером, но общий смысл набережной от этого не терялся. Самые дорогие магазины, летние кафе с красивым видом да срач у самой кромки воды, который обычно не попадает в кадр туристических путеводителей. Единственное, что меня смутило — отсутствие охраны. Набережная Броктон Бей была самым безопасным местом в городе, потому что полиции там не было вообще. Охраной порядка занимались вооруженные до зубов наемники, которые только искали повода кого-нибудь отправить купаться в бетонных башмаках.

Большое электронное табло с часами показывало семь утра, машин на улицах стало больше, люди тоже начали заполнять тротуары. Иногда я ловил на себе любопытствующие взгляды, но люди теряли ко мне интерес также быстро, как он появлялся, и следовали дальше по своим делам. Странное это чувство... когда ты находишься у всех на виду, и никто не хочет тебя убить. Я от него отвык.

Ладно. Чем бы заняться?

Мимо прошла какая-то женщина, разговаривающая по телефону. Одного взгляда на него моей силе хватило, чтобы понять используемый формат связи и диапазон частот. Я уселся на ограждение, поставил портал и скейт рядом на землю, и принялся ковыряться в своем смартфоне.

Перенастроить его на местную сеть оказалось несложно. Гораздо больше времени пришлось возиться с визором Кид Вина, чтобы вывести на него поток данных. В первую очередь потому, что в него было утрамбовано столько всего, что мне было боязно даже касаться его внутренностей. А также потому, что из инструментов у меня была только подобранная еще в Мэдисоне-Бет металлическая шпилька. Вдобавок моя сила действовала с ленцой, без охоты. Этот масштаб операций был бесконечно далек от тех циклопических устройств, на которые она теперь ориентировалась. Отчасти это меня даже радовало, ведь когда моя сила начинала мне активно помогать, то результат часто бывал... удручающим. Словно злобный джинн из сказок, извращающий загаданное желание, с той небольшой разницей, что действовал этот джинн не из злобы, а искренне желая мне блага — в своем понимании.

Больше конфликта, больше насилия, все более изощренные средства смертоубийства.

На Земле Бет жило примерно семьсот тысяч паралюдей, из них около шестидесяти тысяч — в Северной Америке, включая монстров вроде Триумвирата, Нилбога или меня. Численность паралюдей Земли Алеф была в тысячи раз меньше. Только в крупнейших мегаполисах можно было найти больше одного за раз, а скромный масштаб их сил заставил бы даже Убера и Элита снисходительно улыбнуться. А теперь почувствуйте разницу, где они и где мы.

Я защелкнул на место съемную панель и снова надел визор. Загрузка стала дольше, появилась зернистость по краям, но цели я добился — у меня перед глазами был местный интернет.

— Запрос поиска: «Мэдисон штат Висконсин карта города», — произнес я.

Требуемое появилось мгновенно, еще несколько секунд я искал на ней нужный адрес. Пешком добираться было долго, а мне хотелось застать нужных людей дома, пока они не ушли на работу. Так что я встал на скейт и взлетел.

Весь путь я покрыл за минуту. Жилой квартал уже пробудился, но у нужного мне дома все еще стояла машина — значит, я не опоздал. Игнорируя немногочисленных зевак, которые тут же достали смартфоны и принялись снимать, я приземлился у самого крыльца и нажал на звонок.

Дверь мне отворил лысоватый полный мужчина где-то между сорока и пятьюдесятью годами. Вид у него был угрюмый и малость запущенный, а потертый домашний халат и треснувшая чашка с кофе дополняли образ.

— Это что, цирк приехал? — спросил он без тени дружелюбия.

— Мистер Бейкер? — уточнил я. Если в его чертах лица и было что-то знакомое, оно затерялось под последствиями нездорового питания и алкоголя.

— Это я. Чего надо?

— У меня письмо для вас и вашей жены, — я полез за пазуху. — От вашей дочери, Джессики Бейкер.

Блямс!

Чашка упала на крыльцо и разбилась в дребезги, горячий кофе плеснул мужчине на ноги, но он этого, похоже, вообще не заметил.

— Боже, Джесс! — мужика словно подменили в момент, он схватил меня за плечи и принялся встряхивать с каждым словом — Что с ней?! Она жива?!

— Боюсь, что нет, — я протянул ему сложенный лист бумаги. — Это ее последние слова. Я пообещал, что доставлю их вам.

— Ты ее знал?! Где она?! Что с ней случилось?! — вопросы продолжали сыпаться лавиной. Я даже подумал, что стоит вырубить его, но с усилием отгнул эту мысль. Отучаемся решать все вопросы пулей, отучаемся.

— Отвечаю по порядку. После атаки Симург два года назад она с друзьями оказалась на Земле Бет. Они обрели парачеловеческие силы и стали суперзлодеями. В настоящий момент почти все они мертвы, в живых осталась ее подруга, Марисса, она в тюрьме.

Одновременно с этим я аккуратно нацелил скрытый рукавом толстовки бластер в лоб мужчине, однако вырубать его, к моему облегчению, не понадобилось. Он меня выпустил, привалился к косяку и тупо уставился на все еще сложенное письмо.

— А ты кто такой?

Над вопросом я серьезно задумался и очевидный ответ мне не понравился. Скейт так и висел в полуметре над землей у меня за спиной, так что я встал на него и уже набирая высоту постарался ответить честно:

— Никто, мистер Бейкер. Уже никто.

Набрав достаточную высоту, я взял курс на восток и принялся раздумывать над дальнейшими действиями. Будь я примитивным злодеем вроде тех, с которыми пришлось недавно воевать, я бы визжал от радости — передо мной лежал беззащитный мир, даже близко не способный справиться с угрозами моего уровня. Захватить любой континент по выбору? Ввести школьную форму с миниюбками для старшеклассниц? Все посылно, все выполнимо. Сохранись влияние Симург, и я мог бы устроить здесь ад через обрушение мировой экономики и создание самовоспроизводящихся угроз. Я даже мог бы сотворить что-

то безусловно хорошее — ну там, очистить атмосферу и океаны от выплеснутой туда грязи, как пример. Или выморить геными вирусами жидов, нигеров, арабов и китайцев. Или превратить Балканский полуостров, эту вечно истекающую гноем кровавую язву Европы, в Безмятежное море. Или свергнуть коммунизм в России... хотя, кажется, это кто-то успел до меня.

В любом случае, на Земле Алеф я не собирался делать ничего масштабного — ни хорошего, ни дурного. Мне требовалась только база, на которой я смогу восстановиться и разработать новое снаряжение, и мне требовались ресурсы. Особенно многообещающими выглядели мусорные полигоны, которые и на Земле Бет нередко были главным источником материалов для технарей, не вступивших в Протекторат. Что до базы... если не удастся достигнуть договоренности с местным Конгрессом, у меня оставались такие варианты как плавучий остров в нейтральных водах или крепость где-нибудь под пустыней Сахара.

Ради академического интереса я попробовал взломать несколько баз данных. Федеральная Резервная Служба, Служба Национальной Безопасности, несколько банков и страховых компаний... ничего интересного. Сопротивляться инструментам взлома, которыми был оснащен мой смартфон, они не могли. Скорее всего, даже не заметили вторжения. До чего же непуганный, беспечный мир. Дома ударная команда Протектората вломилась бы к любому еще до того, как он подумает о взломе ФРС — пророки из «Сторожевых псов» не дремали.

Запустить ядерные ракеты, как мне кажется, тоже не будет большой проблемой, но в этом элементарно нет нужды, разве что с целью глобального шантажа.

Сейчас, однако, я держал путь не в Вашингтон, а в более знакомые места. Отчасти из-за того, что маломощные бластеры, визор и летающий скейт не особенно впечатляющи, и едва ли сойдут за козыри на переговорах. Отчасти потому, что мне хотелось сравнить «свой» Броктон Бей и Броктон Бей Алеф, ощутить различия в полной мере. Отчасти... после разговора с отцом Генезис у меня зародилась идея, которую никак не получалось выгнать из головы.

Мои родители родились до первого появления Сиона в 1982-м, разделившего реальности Алеф и Бет. Они должны были существовать и здесь.

Броктон Бей Алеф, немного позже

— Два бургера и два кофе!

— Иду!

Кэти поспешно принялась собирать на поднос выставленный в окошке кухни заказ. Попутно краем глаза она смотрела на доску с прилепленными к ней бумажками. Сейчас отнести на шестой, потом на второй яблочный пирог, потом омлет на пятый. Пирог на второй, омлет на пятый. Только бы не перепутать, как в прошлый раз.

Она сдула лезущую в глаза непослушную прядь и пошла к столику с подносом. Летняя подработка в кафе оказалась труднее, чем ей представлялось раньше. Сидеть с детьми по объявлению, как в прошлом году, было бы куда проще, но подружки уговорили, чтобы всем собраться в одном месте. Платили тоже больше, но именно необходимость запоминать, что и куда нести, да еще вовремя, давалась ей тяжело.

Ее зовут Кэтрин Марта Кёлер, ученица старшей школы. Ей недавно исполнилось шестнадцать лет, у нее маленькая родинка на подбородке и она сегодня не выпалась. Она не яркая красotka, но и не дурнушка. Кэти не унаследовала от матери шикарные светлые

волосы, как и от отца ей не достались пронзительно-голубые глаза. Сочетание русых волос и серых как пасмурное небо глаз делало ее внешность неброской. «Монохромной», как любили язвить некоторые из наименее приятных одноклассниц.

Ее утро началось так же, как и любое другое до него: с пронзительно верещащего будильника, застеленной кровати и завтрака с родителями и младшим братом. Она пошла на летнюю работу, как и многие обычные школьницы ее возраста. В школе она ничем не выделялась, у нее не было каких-то особых увлечений. Через несколько минут ее жизнь изменится навсегда, но она еще этого не знает.

Пока она просто принесла бургеры на шестой столик, а потом яблочный пирог на второй. Омлет еще не приготовили, так что улучив свободную минутку, Кэти зашла за ширму, отделяющую кухню от зала. Обе ее подруги тоже находились там.

Подруги — это Белла и Чарли. Первая — такая же как сама Кэти, недостаточно привлекательная, чтобы войти в компанию самых популярных девчонок школы, вокруг которых парни увивались толпами, но Белла достаточно хорошо училась, чтобы готовиться к поступлению в MIT. Что, прочем, добавляло ей популярности, повесив ярлык «ботанки». Чарли же была типичным гиком, повернутым на паралюдях, и могла целыми днями торчать на форумах, а потом часами пересказывать подругам их содержание.

Иногда Кэти думала, что в этой троице является островком здравомыслия и Единственным Нормальным Человеком, роль которого заключается в мудром молчании большую часть экранного времени, а также в произнесении чего-то в стиле «ну я же говорила» в конце серии. Естественно, эта роль ей не нравилась, но она понятия не имела, как это можно изменить

— ...Эйдолон точно погиб, только что появилось подтверждение от Протектората с Земли Бет! — Чарли тем временем не переставала восторженно трещать. — Четверть Бруклина просто снесло, в остальной части ни одного целого окна не осталось.

Кэти без особого интереса заглянула ей в смартфон. На смазанной фотографии было запечатлено два пятна, бело-зеленое и черное, а также какие-то вспышки. Видимо, кто-то все же сумел запечатлеть драку, о которой Чарли успела прожужжать уши всем, кто недостаточно быстро бегал. Сама Кэти не понимала, что может быть интересного в увлечении событиями, которые происходят даже не на другом конце мира, а буквально в иной вселенной. Хотя... кто-то и за отношения героев сериалов переживает больше, чем за свои.

— Хорошо, что у нас паралюдей почти нет, — недовольно буркнула Белла, потому что сейчас была ее очередь стоять на мойке. — Я бы наверное из дома выйти боялась, если бы в Броктон Бей был хоть один из этих мутантов в масках.

— Ну, они же не все такие! — возмутилась Чарли.

Кэти мысленно застонала, предчувствуя начало спора, который в разных вариациях повторялся уже не меньше сотни раз. Благодаря тупым комиксам, которые обожал ее младший брат Алекс, на паралюдей у нее выработалась стойкая аллергия. Выручало то, что Чарли увлекалась преимущественно Землей Бет и предпочитала реальные новости выдуманной историей. Впрочем, те крохи информации, что просачивались из соседнего мира, очень быстро тонули под домыслами, фантазиями и откровенной шизофренией.

— Омлет и апельсиновый фреш!

Кэти отряхнула передник и взяла поднос. Чарли с видимым сожалением спрятала смартфон и тоже пошла в зал, следующий заказ должна была принять она. Пока Кэти несла

омлет, то заметила, как открылась дверь, и внутрь вошел очередной посетитель. Ничего особенного в этом не было, но одного взгляда хватило, чтобы девушка чуть не споткнулась. Во-первых, это был симпатичный парень примерно ее лет, или немного старше. Во-вторых, он носил на голове странные массивные очки, похожие на прибор ночного видения, как в кино, а под мышкой держал что-то похожее на скейтборд без колес. В-третьих... Кэти это было сложно объяснить, но на миг она встретилась с незнакомцем взглядом. Она не видела его глаз за очками, но вдруг почувствовала себя так, будто оказалась заперта в клетке с голодным тигром.

— Ваш заказ, — она поставила омлет на столик и торопливо скрылась за ширмой. Сердце от чего-то бухало в груди со страшной силой.

— Что с тобой? — удивленно спросила Белла.

— Да ничего, просто... — Кэти махнула перед лицом рукой. — Слушай, можешь выглянуть в зал? Там сидит парень в странных очках?

Белла посерьезнела и высунулась за занавеску.

— Сидит. Чарли принимает у него заказ... А в чем дело? Может, позвать менеджера?

— Нет, ни в чем. Просто странный он какой-то. Зашел и осматриваться начал так, будто специально кого-то выискивал.

Между тем Чарли вернулась из зала и передала заказ на кухню — ничего особенного, просто черный кофе. Немного осмелев, Кэти высунулась наружу и пригляделась к посетителю пристальнее. Парень снял свои странные очки и что-то увлеченно и очень быстро черкал стилусом на экране смартфона. Смартфон-то и привлек внимание Кэти. Эту модель она видела впервые в жизни, а уже о смартфонах она, мечтавшая наконец-то избавиться от старого кнопочного убожества, знала все.

Смартфон и сподвиг ее набраться храбрости и подойти к странному парню. Тот в ее сторону не смотрел, полностью поглощенный своим смартфоном. Он не обратил внимания даже тогда, когда Кэти покашляла у него над ухом. Оскорбленная таким безразличием, она хлопнула его по плечу.

Парень дернулся, будто от удара током, и резко обернулся. Правую руку он сжал в кулак и направил Кэти прямо в лицо. Ей даже показалось, что под надвинутым на голову капюшоном толстовки блеснул металл, но все произошло слишком быстро и также быстро прекратилось.

— Извини. Иногда я ухожу в себя

— Да я просто спросить хотела!

— Спрашивай.

— Какой модели у тебя смартфон? Раньше такую не видела.

— Служебная модель от Dragon Tech, производится специально для Протектората и смежных подразделений.

Слово “Dragon Tech” не говорило Кэти ничего, но про Протекторат она успела наслушаться от Чарли. Правительственная организация паралоюдей на Земле Бет, вроде так.

— Не знала, что они продаются.

— Они не продаются.

— Тогда откуда он у тебя? — безразличный ровный тон понемногу начинал Кэти раздражать.

— Я же сказал: «производится для Протектората и смежных подразделений», — парень чуть наклонил голову. — Знаешь, Кэти, я думал что ты окажешься сообразительнее.

Бейджиков с именами официантки в этом кафе не носили. Простое и очевидное объяснение, откуда этот мутный тип знает ее имя, рассыпалось, не успев оформиться. Кэти быстро оглянулась на подруг — обе находились в зале, вдобавок кругом полно людей.

— О, так мы знакомы?

— Нет. Меня зовут Конрад. Теперь знакомы.

— И откуда ты меня знаешь?

— Объяснять очень долго. Давай после твоей смены. И можно мне еще кофе?

Конрад снова уткнулся в свой смартфон, давая понять, что разговор окончен. Кэти вернулась к работе, но улучила момент, чтобы перехватить Чарли на кухне.

— Вон тот тип говорит, что его смартфон марки Dragon Tech. Ты про такое слышала?

— Такого быть не может. Эта компания принадлежит Дракон, сильнейшему Технарю Земли Бет, и ничем таким через порталы не торгуют. Это же почти военная техника.

— А если предположить, что это правда?

— Тогда твой новый бойфренд — парачеловек из параллельного мира, который работает на тамошнее правительство. Познакомишь с ним?

— Он не мой бойфренд, — угрюмо ответила Кэти. — И он откуда-то знает, как меня зовут.

— Тогда надо вызвать полицию, — заметила подошедшая Белла. — Может это какой-то маньяк-сталкер.

— Да пока вроде все нормально...

— Я тебя с ним наедине не оставлю. Если это и правда парачеловек, надо звонить в ФБР, или кто там занимается масками!

— Мы договорились поговорить после смены...

— Девочки, у вас слишком мало работы? — ядовито поинтересовался подошедший менеджер. — Или слишком высокая зарплата?

Оставшиеся полтора часа для Кэти растянулись до бесконечности. Белла подозрительно косилась в сторону Конрада, Чарли, похоже, была готова съесть его с костями. Сам Конрад происходящим вокруг не интересовался, и продолжал что-то бесконечно чертить в смартфоне. Только еще разок попросил новую чашку кофе.

Расплатился он наличкой — мятой двадцатидолларовой купюрой, на которой почти стерлись номера. При этом рожу скорчил такую, будто за три чашки кофе он отдал не четыре доллара а, по меньшей мере, левую руку. На всякий случай Кэти шепотом попросила менеджера сфотографировать Конрада на телефон, после чего вместе с подругами вышла наружу, где они втроем оставили свои велосипеды. Конрад последовал за ними.

— Так, — Чарли сходу взяла быка за рога. — Ты утверждаешь, что ты с Земли Бет? Чем можешь доказать?

Конрад не удостоил ее ответом и обратился к Кэти:

— Ты сейчас домой?

— Эй, я тебе вопрос задала!

— Ага.

— Хорошо. С твоими родителями я тоже хотел бы увидаться. С ними, на самом деле, даже больше.

— Кэт, твой парень меня игнорит!

— Он не мой парень. Конрад, прежде всего, ответь на один вопрос. Ты парачеловек?

— Да.

Вот так просто взял и сказал. А как же маски, костюмы, тайна личности?

— И чем можешь доказать?

Вместо ответа он бросил на землю похожую на скейт штуковину... которая зависла в воздухе в десятке сантиметров над землей.

— Что за... — Белла присела рядом и несколько раз провела рукой под доской. — Под ним ничего нет!

— Срань господня, — прошептала Чарли, которая от потрясения потеряла голос. — Так ты... ты и правда парачеловек?! Настоящий!

Конрад ее опять проигнорировал.

— Поехали? — обратился он к Кэти.

— Но мы же на велосипедах, а ты пешком...

— Не пешком.

Кэти пожалала плечами и первой подала пример, тронувшись на велосипеде с места. Ее подруги, за неимением других вариантов, последовали за ней. Конрад не отставал ни на шаг, потому что штука, похожая на скейт без колес, действительно оказалась скейтом, только летающим. И на них даже никто не пялился, у самой земли отсутствие колес было незаметно.

Внешне сохраняя подобие невозмутимости, в глубине души Кэти больше всего на свете хотелось остановиться, слезть с велосипеда, схватиться за голову и заорать. Да погромче, чтобы весь квартал услышал. Час назад она была обычной старшеклассницей, ведущей обычную жизнь. При попытке представить, во что она сейчас вляпалась, ее воображение просто запералось в своей Воображаемой Комнате на ключ и забивалось под кровать.

— Слушай, а почему именно я? — решила Кэти нарушить затянувшееся молчание.

— На то есть весомые причины. Что тебе вообще известно о Земле Бет?

— Ну... эээ... — Кэти оглянулась на Чарли в поисках подсказки. — Там очень много паралюдей, многие события пошли по-другому... президент еще другой. А, и там есть Губители.

— Это верно. Куча кейпов и Губители. И неизвестно, что хуже. Мне было интересно взглянуть на мир, который живет без всего этого дерьма.

— Офигеть...

— Кэт, это все что ты можешь сказать?! — возмутилась Чарли. — К тебе из параллельного мира явился супергерой, и все, что ты можешь сказать, это «офигеть»?!

— Мне надо раздеться и сплясать шафл?!

— Могла бы хоть как-то отреагировать.

— Так в том и дело, что ко мне из параллельного мира явился супергерой! Я не знаю, как на это реагировать!

— Сообщить ФБР? — с надеждой спросила Белла. Она специально ехала чуть позади чтобы не упускать Конрада из виду, и косилась на него с явным подозрением.

— Они и так узнают, рано или поздно. Пусть.

— Ты не ответил на вопрос, — напомнила Кэти. — На земле семь миллиардов людей, но ты почему-то прицепился именно ко мне.

— Реальности разделились в 1982-м. Люди, которые родились до этого момента, существуют на обеих Землях. В том числе Дитрих и Марта Кёлеры.

— А мои папа с мамой тебе заче... — спросила было девушка и осеклась, пораженная внезапной догадкой. — погоди. А фамилия у тебя какая?

Конрад ничего не ответил, но впервые за все время еле заметно улыбнулся. Кэти на автомате продолжала крутить педали, но сама находилась в состоянии близком к обмороку. Все детали мозаики сошлись вместе, и образовали настолько дикую картину, что в нее просто невозможно было поверить.

— Так вы родственники? — недоверчиво спросила Белла. Похоже, она пришла к тем же выводам.

— Генетически — брат и сестра, — ответил Конрад. — Хотя скорее один и тот же человек, с различием в одну хромосому. Ты, очкастая!

— У меня имя есть! — обиделась Чарли.

— Не вздумай писать про это фанфик.

К дому Кёлеров они подъехали в полном молчании. Кэти и ее подруги завели велосипеды за ограду и оставили их у крыльца. Кэти принялась рыться в сумочке в поисках ключа, вспомнила, что забыла его, чуть не хлопнула себя по лбу с досады, но вовремя вспомнила, что Алекс уже должен быть дома. Она вдавила кнопку звонка и оглянулась назад.

Конрад стоял у ограды со скейтом под мышкой и смотрел на дом с совершенно потерянным видом. Кэти хотела его окликнуть, но слова застряли в горле, стоило лишь встретиться взглядом. В этот момент она отчетливо поняла, что не спросит у Конрада *ничего* про Землю Бет. Ей совершенно не хочется знать, *через что* прошел ее сверстник и почти родственник. Она осторожно подошла к застывшему на месте парню и помахала ладонью перед лицом.

— Эй. С тобой все норм?

— А... да. Все нормально, — Конрад тут же натянул на себя прежнюю маску бесстрастности, но она уже не могла обмануть Кэти. — Скромно живете.

— Дом как дом. У нас хороший квартал, если ты об этом, есть частная охрана.

— У нас была квартира в центре города, рядом с деловыми кварталами. В этой реальности на том месте находится парк.

— Недешево, наверное.

— Мы могли себе это позволить. Ну, пока... — он вдруг помрачнел. — А, не важно.

Алекс к тому времени соизволил открыть дверь с самой недовольной физиономией, на какую только он был способен. Наверняка звонок в дверь отвлек его от очень важного занятия — просмотра телевизора или сидения за компьютером. Кэти редко приглашала подруг к себе в первую очередь из-за этого мелкого вредного засранца, в котором все кроме нее почему-то видели ее двенадцатилетнего брата.

— Самой открыть руки отвалятся? — поинтересовался он, уперев руки в бока с хозяйским видом.

— Я ключи забыла, жопа ты с ушами.

— Маме расскажу что ругаешься!

— Ух, какой смелый. Сейвы на приставке уже стали неудаляемыми?

Перепираться они могли долго, благо опыт позволял. Но Конрад протиснулся вперед, взял Алекса за подбородок и принялся беззастенчиво его рассматривать.

— Похож. Представишь?

— Ага. Алекс, это наш кузен Конрад, ты его раньше не видел. Конрад, это Алекс, ходячая заноза в заднице. Ну, и еще мой младший брат.

— Весело, наверное.

— Завидовать тут нечему, — Кэти с легким злорадством отметила, что ему Алекс дерзить не осмеливается. — Этот маленький поганец умудряется меня бесить всякий раз, как открывает рот. И увлекается всякими дебильными комиксами и компьютерными игрушками. Хотя, наверно, это идеально подходит его интеллекту.

— Мне раньше нравились компьютерные игры, — сказал Конрад, все еще глядя на Алекса. — Только я забыл какие.

С большим трудом Кэти прогнала брата в его комнату. Тот упирался руками и ногами, и сдался только тогда, когда Конрад пообещал ему показать «кое-что реально классное, но потом». Алекса это, как ни странно, устроило, и он ушел к себе, недовольно что-то бормоча. Кэти усадила Беллу, Чарли и «кузена» в гостиной, а сама отправилась на кухню, вскипятить чай. Когда она вернулась, то увидела, что Конрад снял с головы капюшон, а Чарли насадет на него так, будто собирается изнасиловать прямо на диване.

— Эти штуки к голове крепятся?

— Нет, они вмонтированы прямо в череп и спаяны с нервной системой.

— А зачем они? Это какие-то усилители?

— Нет, это просто контакты для подключения боевого доспеха. Те, что на голове — для шлема. Для остальных элементов тоже есть свои.

— Ну покажи, покажи!

— Спасите меня, кто-нибудь.

— Ты же парачеловек, — ехидно ответила Белла. — Примени свою силу.

— Я не знаю, как сражаться с противником, которого даже легонько стукнуть нельзя.

Подойдя ближе Кэти поняла, о чем идет речь. Голова у Конрада была гладко выбрита, ее покрывало множество свежих, красных шрамов, а на висках и затылке красовалось несколько круглых металлических разъемов, вроде тех, в которые втыкаются кабели на бытовой технике. Девушка почувствовала, как по спине бегут мурашки. Ей ни капли не хотелось знать, зачем человеку может понадобиться себя так уродовать. Чарли тем временем продолжила атаку с другого направления:

— А какое у тебя кейповское имя?

— Не скажу.

— Нью пазызя.

— Нет.

— Почему?

— Потому что у меня нет кейповского имени. От старого я отказался, новое не придумал, да и незачем. За масками нет ничего кроме лжи.

— Чарли, хватит, — вмешалась Кэти. Теперь она отчетливо видела, насколько неприятна «кузену» эта тема. — Конрад, а как тебе вообще в нашем мире? Лучше чем на Земле Бет?

— Здесь... — он заколебался, словно пытался подобрать подходящее слово. — Здесь так мирно. Люди без страха выходят из дома, спокойно ложатся спать. Никто не гибнет в случайных стычках суперзлодеев, ни на один город не нападет неуязвимое чудовище. У вас есть будущее. У Бет его нет.

— А ты видел Губителей? — вдруг спросила Белла.

— А то, всех троих. Правда, сражался только с Левиафаном. В остальных случаях занимался ранеными.

— И... как это было?

— Как-как... готовишься месяцами, забыв про еду и сон. Выходишь на бой на пике силы, вооруженный и защищенный лучше, чем можно представить в самых смелых мечтах. Бьешь, получаешь в ответ, бьешь вдвое сильнее, не прекращаешь натиск ни на секунду, — голос Конрада стал глухим, взгляд устремился куда-то в пустоту. — И вот чудовище повержено, сковано, изранено. Остается лишь нанести последний, смертельный удар. И тут эта ящерица достает из рукава очередной козырь, и разрывает тебя на куски твоей же собственной кровью. А потом тебя оживляет машинерия, которую ты сам едва понимаешь, и видишь, что все было зря. Город разрушен и превращен в огромное кладбище, от тебя шарахаются даже ближайšie друзья, все долги, которые безоглядно набирал ради победы, настойчиво требуют оплаты, а враги спят и видят, как бы тебя добить.

Конрад замолчал, мрачно сверля взглядом пол. Белла и даже Чарли помалкивали, очевидно, под впечатлением от рассказа. Кэти встала с дивана и подошла к электрическому камину, над которым стояли фотографии. Она взяла старый снимок ее папы времен колледжа и попыталась сравнить его с «кузеном». Если не принимать во внимание отсутствующие волосы и вшитые в голову разъемы, то сходство было почти абсолютным.

Чтобы немного развеять атмосферу, Кэти отправилась на кухню за чаем. Через несколько минут она вернулась в гостиную с подносом, и тогда же увидела в окно, как возле дома остановилась знакомая машина. Родители тоже вернулись с работы.

Она поставила поднос на журнальный столик и несколько раз глубоко вдохнула. Разговор явно предстоял непростой, подруги едва ли смогли бы чем-то помочь. Конрад тоже насторожился и пристально смотрел в окно, где виднелся автомобиль.

— О, Кэти, ты уже вернулась! — мама дежурно обняла ее у входа в гостиную. — И Белла с Чарли тут. Привет девочки, давно вас не видела.

— Здравствуйте, миссис Кёлер, — отозвались те в один голос.

— Папа сейчас занесет пакеты, поможешь с ужином... — она только теперь заметила, что в комнате находится пятый человек. — А это что за мальчик?

Кэти помедлила, набираясь смелости, и мама истолковала это превратно.

— Вы встречаетесь?

— Нет, тут не все так просто...

— Кэти, я не хочу лезть в твою личную жизнь, но...

— Да не в этом дело!

— Так, что за шум? — в гостиную вошел папа, нагруженный двумя тяжелыми пакетами из супермаркета. — Ух, сколько народу. У нас вечеринка намечается?

— Мам, пап, послушайте меня. Я вам кое-что скажу, вы скорее всего не поверите, но это если не чистая правда, то близко к ней, — Кэти показала пальцем на Конрада. — Это ваш сын.

Папа выронил пакеты и их содержимое раскатилось по полу. Мама охнула и закрыла рот руками. Конрад медленно встал с дивана, глядя на родителей Кэти с таким же потерянным видом, как и ранее на дом. Кэти поймала его взгляд и скорчила виноватую гримасу.

Объяснения будут непростыми, и остается надеяться, что она не все испортила.

— Сын? — напряженно уточнил Дитрих Кёлер. — Сын у меня один, и он определенно младше.

Что делает взрослый мужчина, увидев дома незнакомого парня в компании дочери, только вошедшей в цветущий возраст и не успевшей понять, чего в жизни следует опасаться? Конечно же, побежит за ружьем. К счастью, ружье лежало далеко, а взрывной характер Кёлера-старшего с возрастом поутих.

— Ну... не совсем сын... — Кэти замялась и оглянулась на незнакомца в поиске поддержки.

— Меня зовут Конрад Кёлер, я с Земли Бет. Мои родители — Дитрих и Марта Кёлеры, то есть вы, чьи жизни пошли иначе после разделения реальностей Алеф и Бет. Я бы сказал, очень сильно «иначе».

Он шагнул вперед и протянул руку, но Дитрих отвечать на рукопожатие не торопился. Вместо этого он достал из кармана телефон, набрал номер полиции, но пока не стал нажимать дозвон.

— У тебя тридцать секунд, чтобы объяснить чушь, которую ты только что наговорил, а потом я звоню в полицию.

Конрад, как он представился, только пожал плечами. Он взял какую-то металлическую пластину, до этого прислоненную к дивану, встал на нее и полетел. Марта ахнула, но она всегда была очень впечатлительной. Дитрих, к своей чести, ничему не удивился. В новостях пару раз мелькали сюжеты о паралюдях, и вроде бы некоторые из них могли летать. В тех же новостях как-то показывали реактивный ранец, и никакими суперсилами там не пахло.

На всякий случай он заглянул под летающую доску и увидел на ее нижней поверхности три красных круга, испускавших пульсирующее свечение. Ни на что знакомое они не походили, так что после краткого размышления, глава семейства решил повременить с полицией.

— Хорошо. Скорее всего, ты действительно парачеловек. И чем мы обязаны твоему визиту?

— Я хотел... — парень запнулся, — Хотел с вами поговорить.

— Просто поговорить? — иронично спросил Кёлер. — Денег просить не будешь?

— Нет.

— Пф. Кэти, ты где такого серьезного откопала?

— Без понятия. Он пришел в кафе, где я работаю.

— И тебя ничего не насторожило?

— Ага, — съязвила дочка. — Летающая доска, например.

— Допустим. Откуда ты знал, что Кэти работает именно в том кафе.

Парень пожал плечами.

— Я знал ваши имена и возраст. Этих сведений достаточно чтобы просеять базы данных и узнать практически все, включая состав семьи, место жительства и налоговые декларации. Потом ищем зарегистрированные SIM-карты, отслеживаем местоположение мобильных телефонов — и готово. Дел на несколько минут.

— Да ты прошаренный тип, я погляжу.

— Я усвоил, что без разведки лезть в бой нельзя.

Слова Конрада заставили Дитриха напрячься. Как-то не похоже на подростковый выпендрей, да и тон слишком будничным. На вид ему можно было дать лет двадцать... и кто знает, что за порядки у них там на Бет. Может, и правда успел повоевать.

— Он действительно на тебя похож, — заметила Марта.

Этого она бы могла и не говорить, потому что ее черты Дитрих в новообретенном... непонятно ком тоже угадывал отчетливо. Еще несколько секунд он колебался в размышлениях, после чего под неосязаемым давлением жены и дочери принял решение.

— Допустим. Что же... Конрад. Добро пожаловать.

Теперь он сам протянул руку, и парень после некоторого промедления пожал ее. Хватка у него оказалась крепкой, как тиски, тренировками явно не пренебрегал. А вот взгляд плохой. Очень плохой. Такого Дитрих навиделся в морской пехоте. Такими возвращались из Багдада и Могадишо вчерашние мальчишки, те, кому довелось побывать в настоящем бою, да не в одном. Вечно на взводе, нервничающие без оружия под рукой, впадающие в панику от резких звуков, в которых им мерещатся выстрелы и взрывы.

— Рад знакомству.

Потом Марта и Кэти отправились на кухню возиться с ужином, а в Конрада вцепились подруги Кэти и Алекс, который оказывается подслушивал разговор. Прямо сейчас он упрашивал гостя дать прокатиться на доске.

— Нет.

— Ну хоть разок, жалко что ли?!

— Не жалко, но ты расшибешься в лепешку.

— А я медленно!

— Чтобы управлять этим скейтом, нужно иметь суперсилы. Технарские суперсилы. Без них в управлении разобраться невозможно. Но даже я не могу летать на нем так, как летал Технар, который его сделал.

— А кто такие Технари?

— Это кейпы, которые могут создавать разные технические устройства. Например, я Технар.

— Круто! — Алекс почти подпрыгивал на месте от восторга. — А лазеры у тебя есть?!

— Есть. Но их я тебе тоже не дам.

— Ну почему?!

Конрад задрал рукав толстовки. К его предплечью крепилась какая-то металлическая конструкция, больше всего напоминающая защитный наруч с припаянным стволом. Предназначение его не вызывало сомнений.

— Потому что это — оружие, а не игрушка. Им людей убивают.

— Стой-стой, парень. Так ты все это время был вооружен? — Дитрих сел на диван напротив него. — И ничего не сказал?

— Зачем? Любой кейп вооружен по определению.

— А ты не хочешь его снять? В знак дружественных намерений.

— Нет. Это неприемлемый риск.

— Я тебя уверяю, что в этом доме тебе ничего не угрожает.

— Это не обсуждается, — отрезал Конрад.

Весь его вид говорил о том, что забрать у него оружие можно только отрезав руки, так что Дитрих решил не раздувать конфликт. Вместо этого он зашел с другой стороны.

— Знаешь, до сих пор пришельцев вроде тебя не было. Я в этом не разбираюсь, но

наверное, путешествовать между мирами — дело непростое.

— Пожалуй, это так.

— Что означает, что тебе пришлось приложить немало сил, чтобы переместиться к нам, верно?

— Немало.

— Тогда не поделишься, что такого случилось у тебя дома, что тебе пришлось бежать аж в другой мир?

Конрад поднял на Дитриха взгляд, от которого ему стало неуютно.

— Вы уверены, что хотите это знать?

— Назовем это оправданным любопытством.

Конрад надолго задумался.

— Нет, это пустая трата времени. Чтобы понять проблемы Земли Бет, надо жить на Земле Бет. Чтобы понять проблемы кейпов, надо быть кейпом. Мне было небезопасно оставаться в родном мире — это все, что я могу сказать. Ради вашего же блага.

Дитрих ничего не ответил, только задумчиво изучал гостя. Кто перед ним? На первый взгляд — беглый преступник, в пользу этого говорит нежелание расставаться с оружием или говорить об обстоятельствах, вынудивших к бегству. И в тоже время нет, не похож ни капли. Матерый уголовник действовал бы единственным ему известным способом, насилием и запугиванием. Такие люди почти теряют человеческий облик, и жестоки, словно загнанный звери. Вот что не сходится. Беглецом прежде всего руководит страх — страх быть пойманным, разоблаченным или застреленным полицией. Он не станет первым делом разыскивать даже не собственных родителей, а их аналоги из другого мира, и открыто представляться.

Конрад же, насколько мог судить Дитрих, боялся не быть настигнутым погоней, а встретиться с ней беззащитным. Привык решать любую проблему насилием, это да, но бежит не от государственной машины, а от личных врагов. Почему не затаился? Почему пришел сюда?

— Слушай, а что случилось с твоими родителями?

— Их убили, — коротко ответил Конрад.

Дитрих даже немного опешил.

— Мои соболезнования... хотя, наверное, как-то странно соболезновать по поводу собственной кончины. Но ты как-то слишком спокойно об этом говоришь.

— Почему нет? Я все равно не могу их вернуть. Даже я.

Что-то подсказывало Кёлеру-старшему, что расспрашивать об обстоятельствах гибели своего двойника с Земли Бет будет, в лучшем случае, неразумно. Но зато очевидным стало то, насколько глубок психологического надлом. Насильственная смерть родителей вполне могла послужить причиной. Вкупе с повадками солдата-ветерана выводы напрашивались неутешительные.

Дитрих попытался поставить себя на место отца Конрада, но не смог — действительно, эти реалии были от него слишком далеки. Тогда он попробовал представить, через что должна пройти Кэти — милая, добрая Кэти, в жизни никому ничего дурного не сделавшая — чтобы начать походить на эту сломанную боевую машину в человеческом облике. Воображение снова забуксовало.

— Кстати, я кое о чем хотел спросить. Когда я собирал информацию, то обнаружил, что вы служили в армии.

— Не в армии, а в морской пехоте! — резко ответил Дитрих.

— Что, такая большая разница? — удивился Конрад.

— Огромная! Армия занята тем, что протирает штаны и проедает бюджет, а морская пехота делает всю работу! — он тихо ругнулся сквозь зубы, потому что за почти двадцать лет проблема актуальности не потеряла. — А финансирование получает в последнюю очередь. А у вас по-другому?

— У нас вообще мало регулярных войск, даже у крупнейших держав. На переднем краю всегда кейпы.

— Что, и с Саддамом справлялись кейпы?

— С каким Саддамом?

— Ну в 91-м, Персидский Залив, не?

— Я слышал только про Персидский халифат, а залив переименовали еще в конце 80-х в залив Али.

— Ладно, слушай сюда...

Стоило Дитриху удариться в воспоминания о службе, как его словно прорвало. Кэти никогда не интересовалась морпеховскими байками, а Алекс еще не дорос до возраста, когда их можно по достоинству оценить. Конрад же слушал с жадным любопытством.

Дитрих рассказывал и о мирных буднях, о забавных случаях, случившихся на базе дислокации и во время учений. Плавно он перешел к рассказам о войне в Персидском заливе, о том, как слишком удачное попадание иракского «Скада» почти уничтожило соседний взвод во время наступления на Багдад, а потом саддамовские войска сдавались в плен целыми бригадами.

О миротворческой операции в Могадишо ему вспоминать было неприятно. Та война быстро стала слишком грязной, там не было ощущения, что сражаешься за правое дело. После кровавого «дня рейнджеров» миротворческий контингент стали выводить из Сомали. На родину Дитрих вернулся со стойким, хотя и тщательно скрываемым отвращением к черным любого сорта, и первое, что сделал — подал прошение об отставке. Но теперь он впервые за долгое время нашел благодарного слушателя, и рассказывал подробно, стараясь вспомнить каждую деталь.

За несколько односторонним разговором подоспело время ужина. Марта и Кэти позвали всех к столу, где уже дымилась лазанья. Дитрих подтолкнул Конрада:

— Пошли, чего ждешь?

— Эмм... — тот выглядел явно растерянным. — Это следует трактовать как приглашение?

— Нет, как приказ о назначении тебя Папой Римским, — съязвил Кёлер-старший. — Ты когда вообще ел последний раз?

— Около суток назад...

— Так, все, ни слова больше. Пошли. Марта, положи этому угрюмому дундуку двойную порцию.

— Но я столько не съем.

— Не уважаешь кулинарный талант моей жены? — грозно спросил Дитрих, от чего парачеловек из другого мира стушевался и больше не возражал.

За ужином разговор возобновился, только на этот раз Конрад насел с расспросами на Марту. Она крайне удивилась, что ее двойник с Земли Бет была юристом, да еще в крупной фармацевтической компании. Нынешняя должность бухгалтера казалась ей потолком того,

чего она когда-либо могла достигнуть.

Когда дело дошло до десерта, включили телевизор. По Fox News шло ток-шоу, где гостем был супергерой из Нью-Йорка, Человек-Кузнечик. Дитрих собирался переключить канал на что-нибудь другое, но Конрад внезапно заинтересовался. Несколько минут он внимательно слушал, как парачеловек отвечает на вопросы ведущего, после чего авторитетно заявил:

— Дурак, и костюм у него дурацкий.

— Это же его образ, — возразила Кэти. — Ему наверняка насоветовали имиджмейкеры.

— Его способности — это увеличенная физическая стойкость и сила нижних конечностей. С таким набором плащ будет цепляться за все подряд, его вообще не следует носить, если не можешь летать. Шлем спроектирован хреново, оставляет слишком узкий обзор и не защищает органы дыхания.

— Знаешь, я не думаю, что это ему мешает. Вряд ли он вообще хоть раз в жизни дрался.

— Должен был. Знаешь, как люди обретают силы?

— Нет, расскажи, это интересно.

— В худший день жизни. Когда дойдешь до пика отчаяния и страданий, появится лично Сатана и принесет тебе плод с проклятого дерева. Твоя сила спасет тебе жизнь, но она же будет вечно тебя мучить, потому что она даст тебе то, что ты *просишь*, а не то, что тебе *нужно*. Этот Кузнечик получил силу, ответившую на прямую физическую угрозу. Типичный Бугай, подкласс Движок. Скорее всего, был жертвой нападения. Почти наверняка, при этом пострадал кто-то близкий ему. Теперь каждый раз, когда он применяет свою силу под прицелом камер, она подсознательно нашептывает ему: «прыгай сколько влезет, но от самого себя ты не упрыгаешь».

— Ужас. Это у всех паралоудей так?

— Не у всех. Но исключения... — Конрад помотал головой. — Нет, об этом вам лучше не знать.

— А какая у тебя сила?

— Кэти! — одернула ее Марта. — Тебе не кажется, что это личное?

— Все нормально. Моя сила давала мне независимость. Я был одним из сильнейших Технарей, потому что потенциально мог практически все.

— А в чем подвох?

— Независимость означает, что рядом с тобой никого нет.

Кэти нахмурилась, потому что, похоже, не поняла сути сказанного, а Дитрих сделал в уме еще одну пометку. Когда ужин закончился, грязную посуду сложили в посудомоечную машину а дочкины подруги засобирались домой, он отвел Конрада в сторону и спросил прямо:

— Что намереваешься теперь делать?

— Не знаю. Я собирался обустроиться здесь. Возвести укрепленную базу, создать оборудование взамен утраченного. Сейчас я уже не так уверен.

— Что-то изменилось?

— За мной придут, рано или поздно. Не хочу подставлять вас под удар. Я подготовлю самый минимум, а потом уйду, найду безлюдный мир.

— Тебе сейчас есть, куда идти?

— Куда угодно. Для меня любая мусорная свалка — Клондайк.

— Спать ты тоже на свалке будешь?

— Мне не нужен сон. Часть моей силы.

— У нас есть свободные комнаты, — уже прозрачнее некуда намекнул Дитрих.

— А, вот вы о чем... Боюсь, это плохая идея. Вы не представляете, во что Технар способен превратить комнату меньше чем за неделю.

— Страшнее, чем то, что творится в комнате Алекса, если не заставлять его делать уборку?

— Где-то на том же уровне, хотя... — взгляд Конрада вдруг на несколько секунд остекленел. — Вы ведь не используете подвал?

— Нет, там только старый хлам свален.

— Вы говорите «старый хлам», я слышу «ценные ресурсы».

— Пошли, взглянем.

Они вдвоем спустились вниз. Подвал в доме Кёлеров по шкале уюта тянул в лучшем случае на три балла — просто голые бетонные стены и пол, и единственная лампочка под потолком. У одной из стен были свалены старые инструменты Дитриха, которые он использовал, когда только-только открыл свое дело, сломанный велосипед, разрозненные автомобильные запчасти, обрезки кабелей и прочее, что использовать уже нельзя, но жалко выбросить. Конрад вышел на середину и медленно осмотрелся по сторонам. Здесь, в бетонном мешке среди ржавого железа он словно ожил, взгляд его стал цепким, а в движениях появилась целеустремленность и энергия. Дитрих аккуратно прикрыл дверь и прокашлялся, привлекая внимания.

— А сейчас позволь задать тебе вопрос без посторонних ушей, — сказал он.

— Спрашивайте.

— Что *на самом деле* случилось такого на Земле Бет, что тебе пришлось бежать?

— Я уже сказал, вы не поймете.

— Постарайся изложить так, чтобы я понял. Нет, ты пойми меня правильно. Я вижу, что ты солдат необъявленной войны. Вижу, что ты не просто привык к насилию, а ушел в него с головой. Потеря родителей наверняка причинила тебе сильную боль. Я тебе сочувствую, но также я хочу знать, кого принимаю в своем доме.

Конрад надолго замолчал. Дитрих терпеливо ждал. Прошла минута, потом еще одна.

— Помните, за ужином я назвал суперсилы «плодами проклятого дерева»?

Дитрих кивнул.

— Это юридический термин, так называют улики, добытые незаконным путем, которые нельзя использовать в суде, даже если они истинны. В широком смысле — любое благо, достигнутое дурными средствами, благом уже не является.

— В этом есть смысл.

— Будьте уверены, я этих «плодов» скушал больше, чем кто-либо другой. Эксперименты на людях, убийства с применением парачеловеческих сил, контакты с европейскими суперзлодеями-неонацистами... у нас и за меньшее запирают на пожизненное, а для меня это был обычный вторник. Все ради благой цели — остановить Губителей.

— Губители — это такие огромные монстры, вроде бы?

— Вы можете называть их «огромными монстрами», потому что они никогда не угрожали вашему миру. Для нас они были Губителями — во всех смыслах. Сотни миллионов жертв, десятки уничтоженных городов. Лучшие из нас гибли в безнадежных попытках остановить их, пока подлецы и трусы отсиживались в безопасности, а то и норовили ударить в спину. Мой мир стоял на грани краха цивилизации как таковой, и это не красивые слова, а

согласованная аналитическая оценка. Чтобы избавиться от них, любые средства были бы хороши.

— И как, получилось?

— Нет. Когда оказалось, что мои лучшие средства бессильны, мне припомнили все старые грехи, явные и мнимые. Фактически, мой смертный приговор был подписан уже тогда. Потом случилось еще несколько происшествий, одного другого хуже, и закончилось это все тем, что мне пришлось нанести собственным родителям удар милосердия. После этого терять мне уже было нечего.

Конрад откинул капюшон толстовки а потом и вовсе снял ее. Поджарое, тренированное тело олимпийского чемпиона покрывала густая сеть свежих шрамов и грубо вживленные прямо в плоть металлические разъемы.

— Вы хотели правды? Вот она. Я изменил себя, убил много людей, причинил неизмеримый материальный ущерб. Те, кто пережил встречу со мной, сейчас молятся о смерти, как о недостижимом счастье. Сказать, что мне не рады дома — значит не сказать ничего, так что я выбрал бегство.

— И будешь бегать дальше?

— Еще чего. Я докопаюсь до истины. Я узнаю, кто принес нам эту чертову корзинку с угощением, найду его и заставлю сожрать все, чтобы подавился.

Дитрих не знал, как ему реагировать на открывшуюся правду. То, о чем говорил Конрад, не укладывалось ни в какие понятные ему представления. Он не был дезертиром, беглецом или преступником, как это понимал Дитрих. Он был... суперзлодеем. Словно сошедшим со страниц комиксов Алекса, только вполне настоящим, с настоящей кровью на руках и без капли раскаяния.

— Сколько времени тебе нужно? — глухо спросил Дитрих.

— Неделя, если будут работать без перерывов, но ориентироваться стоит на две. На счет инструментов и материалов не волнуйтесь, я действительно не собираюсь просить у вас ни цента.

— Что, собираешься ограбить банк?

— Израильское казначейство.

— Знаешь, я готов признать, что немного понял из твоего рассказа, — признался Дитрих, — но в одном ты безусловно прав. Тебе действительно лучше не задерживаться здесь.

Конрад молча кивнул. Дитрих развернулся и начал подниматься по лестнице вверх, но у самой двери кое-что вспомнил.

— Чуть не забыл. А лет тебе сколько? Двадцать есть?

— Четвертого июня шестнадцать исполнилось, а что?

— Нет, ничего.

О, господи. Господи...

Игнорируя взгляды домочадцев, он быстро дошел до бара на кухне, достал бутылку виски, налил на четыре пальца и выпил залпом.

Несколько дней спустя

Работать без перерывов не вышло, как впрочем и всегда. Я не жаловался. В подвале была плохая вентиляция и негде присесть, и даже необходимости спать технарить несколько суток подряд было сложно. Перегруженный однообразной деятельностью разум требовал

переключения на что-нибудь другое, да и поесть иногда чего-нибудь хотелось. «Что-нибудь» обычно выражалось в виде пиццы или прочей мусорной еды, которую можно заказать по телефону.

Я сдержал слово данное отцу... мистеру Кёлеру, и обеспечил себе необходимый минимум инструментов и материалов самостоятельно. Буквально на следующий день в дверь позвонили взмыленные курьеры и притащили сверхсрочные посылки, оплаченные с израильских счетов через десяток прокси-серверов. Процессоры, твердотельные накопители, кое-какая периферия, качественная сталь в виде труб высокого давления и автозапчастей, портативный газосварочный аппарат, несколько золотых и платиновых украшений и целая бухта медного кабеля. Выглядеть все должно было так, что некие чины «Моссада» решили присвоить бюджетные средства и раздергали их на множество оффшорных счетов. Мысль о привнесённом хаосе доставляла удовольствие, так что удержаться от чего-то более масштабного оказалось сложно.

Но это потом, потому что, как я уже сказал, даже с силой «ноктиса» технарить совсем без отдыха не выходит. Особенно когда рядом постоянно вертится бешеный электровеник в виде младшего... эээ... брата, назовем его так, и засыпает дурацкими вопросами. Злиться на Алекса, почему-то не получалось, а прогонять как-то некрасиво, так что пришлось разрешить ему часами сидеть в подвале при условии, что он ничего не будет трогать.

Решение немного передохнуть пришлось кстати, потому что начались выходные, и Кэти решила во что бы то ни стало вытащить меня на шопинг. Зачем ей это надо, я не понял но, по моему, ее уломали подруги. Так или иначе, я согласился, и не только потому, что хотел немного размяться.

Пошли пешком, так что я тоже не стал брать с собой скейт. С бластерами, правда, расставаться не рискнул, но здравый смысл подсказывал, что раз Броктон Бей Алеф был одним из самых безопасных городов Новой Англии, мне оно вряд ли пригодится.

Нет, вы вдумайтесь. Броктон Бей. Безопасность. Я бы засмеялся, если бы помнил, как это делается.

Встретиться с подругами Кэти договорилась на набережной, и пришли мы немного раньше, так что осталось немного времени поглазеть на округу. Забавно. До дрожи. За двадцать девять лет планировка района не успела сильно измениться, и я то и дело подмечал знакомые места. Вон там, в отдалении, стоял уличный ларек, где я после пятничной смены в психиатрической больнице покупал что-нибудь перекусить. А в другой стороне можно разглядеть перекресток, где состоялся мой последний и самый неприятный разговор с Кайзером. Интересно, он еще жив? Хотя в любом случае скучать я по нему не буду. Вышки Протектората, главной достопримечательности города, на месте ожидаемо не оказалось. Да и не могло быть, ведь она бы мешала невероятно оживленному судоходству.

Залив полностью оправдывал свое имя. Одних только прогулочных яхт было отшвартовано полдесятка, столько же рыболовецких шхун, а также прогулочный теплоход и судно береговой охраны. Все суда теснились у фарватера, ожидая своей очереди выйти в открытый океан. В северной части залива и вовсе царило настоящее столпотворение из сухогрузов и танкеров, но ту часть порта было отсюда видно плохо.

— Сильно отличается, ну, от дома? — спросила Кэти.

— Сильно. Здесь все целое и много живых людей.

— Знаешь, я на тебя смотрю и боюсь даже представить, что творится на Земле Бет.

— Я не буду тебе расписывать в деталях, и не проси. Твоему папе я рассказал без

утайки, после этого ему пришлось прикончить полбутылки виски, чтобы успокоиться. А он две войны прошел с медалями.

— Да я не спрашиваю. Просто... — она неопределенно пошевелила в воздухе пальцами. — Ты не такой, как остальные. Совсем не такой.

— Ну, это очевидно. Гризли тоже отличаются от панд. Разные условия обитания.

— Панды не медведи, они еноты.

— Тем более.

— А тебя девушка есть?

— Была.

— А почему расстались?

— Она умерла.

— Боже... прости.

— Не за что извиняться. Кейпы вообще долго и счастливо не живут.

— Тогда почему тебе просто не остаться здесь? Сам же сказал, что у нас очень мирно.

— Боюсь, если я тут задержусь, мирные деньки закончатся.

Кэти вообще производила странное впечатление. Мы родились у одних и тех же родителей, и в один и тот же день — но я бы едва ли смог представить человека, менее похожего на меня. Простодушная, открытая, веселая, и вместе с тем тактичная, понимающая.

Я ей завидовал. Не только потому, что у нее был дом, семья друзья — все то, что называется нормальной жизнью. Она не знала, как пахнут сторовенные заживо люди. Не слышала, как кричат жертвы Серого Мальчика. Не видела тех бесчисленных извращенных вещей, которых никогда не должно было существовать в этом мире.

Она могла закрыть глаза и уснуть, а не видеть двух непостижимых и неопределимо огромных существ, приближающихся к нашему миру в спиральном танце. Как они обмениваются мыслями-словами, несущими больше информации, чем весь Интернет вместе взятый. Как они рассыпаются на мельчайшие частицы, чтобы оросить Землю дождем своих осколков.

Скоро подошли Чарли с Беллой, и вся компания отправилась к торговому центру, целиком занимающему целый квартал. Мне по странному стечению обстоятельств (кто бы мог подумать?) досталась роль носильщика, а также арбитра, когда нужно было решить, кому и что идет. Себе я тоже присмотрел пару обновок — потому что носить одну и ту же толстовку с джинсами не только неудобно, но и негигиенично.

Потом мы перекусили в фудкорте, потом отправились в небольшой кинотеатр на том же этаже, на фильм про волшебников, тайно живущих среди обычных людей. В чем суть фильма, я так и не понял, но сделал вид, что мне интересно. Завершился день неспешной прогулкой по набережной (потому что все покупки тащил я, ага). Кэти, Белла и Чарли рассказывали истории из жизни, я тоже поделился парой случаев.

— В общем, кладем мы его на стол и вдруг вспоминаем, что понятия не имеем, как надо проводить вскрытие. Я лезу и интернет и нахожу учебник для патологоанатомов, да еще на испанском языке. И вот мы втроем пытаемся по картинкам догадаться, как правильно делать разрез.

— Конрад, хватит, меня сейчас стошнит, — в притворном ужасе заныла Чарли.

— Ты погоди, самое интересное впереди. Поскольку ничего другого не остается, мы решаем, что разрежем как получится, а там посмотрим. Начинаем резать, пила визжит, в стороны брызжет кровяшка, а Эгида лежит и ржет. Щекотно ему.

— Аааа, прекрати!

— Короче, начинаем мы доставать его внутренности, Кид Вин обследует каждый квадратный сантиметр с лупой, а до меня вдруг начинает доходить, что мыть все придется мне. Потому что никто Кид Вину не поверит, что это его идея, и на меня как на целителя всех собак повесят. И тут Эгида начинает хныкать, что какие-то коварные ловеласы похитили его сердце, а он еще так молод. Это потому что его сердце Кид Вин только что достал из грудной клетки и облепил подключенными к компьютеру датчиками.

— Буээээ!

— И тут приходит сигнал, что сейчас придут посетители. Такое предупреждение всегда подается, чтобы Стражи успели надеть маски и сохранили тайну личности. Мы в панике начинаем запихивать все потроха обратно в Эгиду, и тут он изрекает гениальнейшую идею: разыграть новенького.

— Чувствую, это плохо кончилось, — прокомментировала Белла.

— Я сейчас до этого момента доберусь. Предлагает он разыграть новенького, а мы идиоты и не лечимся, поэтому конечно же соглашаемся. Готовим сцену, ждем. Дверь открывается... ну, это словами не описать, это надо было видеть. На столе лежит Эгида с выпущенными кишками, по бокам мы с Кид Вином, горит красный свет, мы с воздетыми руками хором скандируем это самое «древнее славянское заклинание».

— И что дальше?

— А дальше на нас наорали и заставили немедленно все убрать. Правда, «немедленно» не вышло, потому что мы долго не могли найти некоторые органы. Что характерно, новенький отреагировал спокойнее всех. Жалко, нормальный парень был.

— Почему был? — полюбопытствовала Чарли, прежде чем Кэти успела ее остановить.

— Погиб в бою против Левиафана. Всегда два месяца в маске протянул.

— Извини.

— Не за что.

Это был хороший день. Не уверен, что я его заслужил. Можно сказать, что это была минутная слабость, поток воды для жаждущего, попытка ощутить, чего меня... всех нас лишили, оставив взамен силы. Когда мы с Кэти ехали на автобусе к ней домой, мыслями я уже был в подвале, и еще дальше — в будущем.

Устройство, которое я создаю сейчас — лишь первый шаг, и он же самый трудный. Мне нужен набор оборудования, который я смогу носить с собой, не привлекая внимания, замаскированный под обычные предметы. Атака, защита, обзор, передвижение. Мне нужна информация, а значит, акцент придется сделать на хакерских инструментах и главное — на средствах маскировки, чтобы не попасть в прицел Дракон. И самое главное, и самое сложное.

Мне, черт побери, нужны союзники. Одиночка никогда не победит систему.

Уже дома я вежливо отказался от ужина и спустился в подвал. Там уже стало тесно, и скоро придется запретить Алексу тут появляться, потому что неосторожным движением он может нарушить сложнейшую синергию энергетических потоков. Конечно, в законченном виде эта штука будет куда компактнее, но ее сначала нужно закончить.

Я поставил пакеты с одеждой у стены и взялся за сварочный аппарат.

Еще несколько дней спустя

— Ты не переменил решения? — спросила Кэти.

— Нет. Я и так задержался больше, чем следовало.

Мы стояли на гравийной дорожке перед домом. Прощаться собралось все семейство Кёлеров, даже здоровенный рыжий кот, который все время, что я был в гостях, меня игнорировал, а я платил ему тем же. Алекс и Кэти явно расстроились, эмоций миссис Кёлер я понять не мог, на лице мистера Кёлера было написано явное облегчение. Он единственный понимал, что я такое.

— Не расстраивайся, я постараюсь заглянуть на Рождество. Надеюсь, к тому времени я немного разгребу дела. Алекс, подойди сюда, — я подманил мальчишку к себе и он вышел вперед. — У меня младших братьев не было, я был единственным ребенком в семье, о чем я сейчас сильно жалею. Так что считай это подарком за все двенадцать дней рождения.

Я протянул ему цилиндрический предмет.

— Давай, нажми на кнопку.

Он повиновался и из торца цилиндра вырвался метровый красный столб света. Рыжий котяра, валявшийся на солнышке рядом, подскочил и рассерженно зашипел.

— О... офигеть! Джедайский меч! — восторгу мальчишки не было предела.

— Ага, как у Дарта Вейдера.

— Думаешь, давать ребенку оружие — это здравая идея? — спросил мистер Кёлер.

В ответ я несколько раз провел ладонью через луч. Ладонь осталась невредимой.

— Это просто игрушка. Не опаснее лазерной указки. Работает от батареек типа АА только разбирать не надо, иначе потом не починить.

Я умолчал о том, что с новой спецификой моей силы на эту игрушку у меня ушло не намного меньше времени, что и на главное устройство, оттягивающее сумку. Вместо этого я подошел к мистеру Кёлеру и протянул ему руку.

— Спасибо, что позволили у вас остаться. Вы не представляете, что это для меня значило.

— Да уж представляю, — хмыкнул он.

— Не представляете. Только кейп может понять кейпа. Но все же я благодарен вам безмерно. Буду приглядывать за вашим семейством. Если федералы вдруг придут к вам и начнут докапываться, передайте им от меня, что если не оставят в покое, я об этом узнаю и превращу Израиль в радиоактивную пустошь. Поверьте, я могу.

— Хо, как коварно.

Мистер Кёлер сдержанно ухмыльнулся. Похоже, он ничего не имел против превращения Израиля в пепелище.

— Кэти, — я обнял свою названную сестру. — Береги маму с папой. Потому что я своих не уберег. Я не прощаюсь.

Понимая, что еще немного, и моя решимость идти до конца начнет таять, я без лишних слов выпустил ее, подобрал с земли портал и взлетел на скейте на сотню метров вверх. Там я открыл проход, молясь, чтобы собранный буквально из говна и палок прибор не рассыпался в руках и пролетел через него.

Здесь все было иначе. Береговая линия находилась намного дальше, чем на Алеф или Бет. Солнце припекало, но терпимо — ведь широты были те же. Немного другой состав воздуха, это ощущалось явно, меньше азота и углекислоты, больше кислорода. Прибрежную полосу оккупировала буйная растительность, но чем дальше на восток, тем больше пейзаж напоминал пустыню. Новый мир, пустой мир. Мир, не тронутый человеком.

Мой мир.

Я около часа неторопливо летел над незнакомой землей, после чего выбрал подходящее место и приземлился. Какой-то зверек неизвестного науке вида, сочетающий черты ящерицы и крысы, испуганно шмыгнул в заросли кустарника. Я проводил его взглядом и расстегнул сумку.

Устройство, над которым я столько корпел, в сложенном виде напоминало куб размером с большой грейпфрут. Оно опиралось на пространственные технологии, благодаря чему все механизмы объемом с фургон удалось затолкать в такой объем. Но это до тех пор, пока оно неактивно. Когда я его включу... что же, этот мир я назвал своим не для красного словца.

Я поставил куб на песок и нажал кнопку на верхней крышке. Устройство зажуужало, и начало раскладываться, словно надувающийся каскад мыльных пузырей. Через несколько секунд оно приняло свою рабочую форму и начало с гудением поглощать песок. Прошло примерно полминуты, и оно снова раздвинулось в размерах. И опять начало поглощать песок.

И снова.

И снова.

И снова.

Машина поглощала все доступные вещества и конструировала из них саму себя. Через десяток итераций заложенная программа начала обретать облик: на вершине работающего агрегата вырос массивный трон. Я взошел по работающим механизмам и сел на него. Можно было расслабиться. Дворец-машина будет расти еще долго, теоретически — до полного исчерпания доступного вещества, но по прямому назначению ее можно будет использовать уже через двое суток.

Я сидел на троне, закрыв глаза.

Две Сущности продолжали свой бесконечный спиральный танец.

Интерлюдия 8.j Колин

Боль вырвала его из темноты.

Боль растеклась по всему телу, даже по давно отсутствующим его частям.

Боль напомнила, что он все еще жив.

— Колин? Колин, ты меня слышишь? — донесся откуда-то издалека смутно знакомый голос.

По телу снова прошла волна боли, более сильная. Он испустил стон, попытался отмахнуться рукой, но та едва слушалась.

— Колин, очнись!

Боль проникла в каждый нейрон его мозга, заставляя воспринимать действительность, вспоминать, мыслить. Он — Колин Уоллес, ранее известный публике как Оружейник, а ныне Отступник. Бывший седьмой номер в Протекторате и глава отделения в Броктон Бей, после тяжелых травм и кибернетической реабилитации — член Гильдии. И он проиграл свой важнейший бой.

— Я слышу тебя, Тесса, — прошептал он.

Он попытался встать с операционного стола. Боль достигла апогея, а потом отступила, оставив после себя ощущение модифицированного тела, в котором живой плоти осталось от силы треть прежнего объема. Где-то на краю подсознания шелестели диагностические протоколы и прочая системная информация — эти мелочи его сейчас не волновали. Он был жив. Тереза была жива. Конец света не наступил, по крайней мере, пока.

— Как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно спросила Дракон. — Как ощущаются имплантаты?

— Лучше, чем можно было ожидать. Я ощущаю фантомные боли, но с это второстепенная проблема

Дракон виновато склонила голову.

— Мне пришлось заменить большую часть твоих внутренних органов. Я на неделю поместила тебя в стазис, чтобы успеть изобрести нужные инструменты и препараты. Насекомого яда было столько, что начался обширный некроз.

«Как у Лунга», — вспомнил он.

— Спасибо, Тесса. Что я пропустил?

Дракон молча отвела глаза, и сердце Технаря упало.

— Он мертв, — ответила она глухо.

— Значит, мы справились? Конец света предотвращен?

Его напарница только горько вздохнула.

— Триумvirат больше не существует. После того, как Эйдолон уничтожил цель, сработала система самоуничтожения доспеха. Взрыв стер с лица земли треть Нью-Йорка, Эйдолон тоже погиб.

— Это достоверно? — умом Колин понимал, что Дракон не станет его обманывать, но сознание отказывалось верить в возможность гибели Эйдолона. Ведь он был сильнейшим, он всегда был на переднем краю. Он сражался с Губителями все пятьдесят три раза и просто не мог погибнуть в бою с рядовым злодеем...

— Мои модули несколько суток прочесывали место взрыва, нашли частицы костей и костюма. Эйдолон мертв, Колин. Александрия мертва. Легенда мертва. На фоне этого даже

обезглавленная СКП выглядит не так катастрофично.

— Насколько тяжелы потери?

Дракон повернулась к увешанной экранами стене и те ожили, отражая оперативную информацию.

— Уничтожены офисы в десяти штатах, жертвы только среди сотрудников СКП перевалили за две тысячи. Это не считая мирных жителей погибших при взрыве в Нью-Йорке, которых до сих пор не могут сосчитать. Множество аэропортов на северо-востоке приведены в негодность временными петлями, десятки самолетов пришлось экстренно сажать в глубине страны, а где-то и на воду или шоссе.

— Коста-Браун жива?

— Нет, но она погибла не при бомбардировке офиса. Она и была Александрией.

Несколько мгновений Колин переваривал информацию. Уже вторая невероятная новость за минуту. Он знал Александрию лично, служил под ее прямым командованием перед тем, как его сделали главой команды. Все оказалось ложью. Ложь тянулась с самого основания СКП, больше пятнадцати лет.

— Колин?

— Прости... мне сложно уложить это в голове. Кто сейчас главный? СКП ведь не уничтожена полностью.

— Обязанности директора временно исполняет кто-то из Лос-Анджелеса, но он недолго продержится на своем месте. Когда личность Александрии раскрылась, и Сенат, и президент пришли в ярость.

— Могу понять, почему. То, что СКП управлял парачеловек, противоречит всем принципам и правилам.

— Я не особо следила за новостями, но судя по всему, СКП в нынешнем виде будет расформирована. Скорее всего, разобьют на несколько сравнительно небольших организаций, с минимальными полномочиями

— Но это абсурд! Меньше чем через месяц открывается окно атаки Губителя, а мы лишились Триумvirата! Мы просто не можем себе позволить дробить силы!

— Я это понимаю, — Дракон тяжело вздохнула. — Но это же политики. Даже когда мир будет падать в бездну, они продолжат цепляться за власть.

— Тогда получается, что пророчество Дины Элкотт исполнилось. *Он* покинул Броктон Бей живым и привел мир к гибели. Пусть даже сам к тому времени был мертв.

— Нет.

— Нет?!

— Когда немного улеглась пыль, за дело взялись федеральные службы, и к мисс Элкотт они поехали в первую очередь. Кому-то из героев даже пришлось применить силы, чтобы охладить пыл чиновников. А ей словно было все равно. Она только сказала, что числа стали лучше.

— Кажется, я окончательно перестал понимать, что происходит. Числа — это вероятность конца света?

— Меньше одного процента в течение года. Затем вероятность возрастает по экспоненте и достигает ста процентов в течение девяти лет. Дина утверждает, что не знает, почему числа так изменились, она видит только вероятности событий, но не их причины.

Колин задумался, частично перейдя в то особое состояние разума, когда он анализировал окружающий мир, пытаясь понять, как можно разобрать окружающие вещи и

собрать их по-другому. С той разницей, что сейчас он пытался охватить не материальные объекты, а имеющиеся факты.

— Очевидное направление работы — это подготовка к атаке Губителя через месяц-полтора. Но есть одно «но». Бойня № 9 в Броктон Бей была почти уничтожена. *Он* ненамеренно дал нам преимущество, которого уже не было давно. Джек сейчас один, и мгновенно новых членов не наберет. Он лишился самых опасных и сильных фигур, которые были с ним годами. Мы можем сейчас отправиться по его следу, покончить с этой угрозой раз и навсегда. И... в чем дело? Почему ты на меня так смотришь?

— Колин... я бы с радостью отправилась вместе с тобой в погоню, но Сенат требовал твоего личного присутствия.

— Сенат? — удивленно переспросил он. — Но зачем?

— Потому что Триумvirата больше нет, а из первой семерки остались мы с тобой, Пепельная и Экзальт.

— Кажется, я понимаю, куда ты клонишь. Тесса, это плохая идея. Я полностью провалился как командир команды еще в Броктон Бей, а это еще более ответственный пост.

— Я пыталась объяснить им, что ты будешь не в восторге, но если быть объективной, то больше просто некому. Мне придется возглавить Гильдию, чтобы заменить Нарвал, так что остаешься только ты.

— Экзальт достаточно компетентен, чтобы возглавить Протекторат, и достаточно силен, чтобы с ним считались.

— Это так, но правительство ему не доверяет. Он же работал в одном штате с Эйдолоном, а Триумvirат после раскрытия личности Александрии скомпрометирован.

— Блять...

Он тяжело опустился обратно на операционный стол. Дракон села рядом и склонила голову ему на плечо. Кому угодно такой жест в исполнении управляемого ИИ андроида показался бы странным, но только не ему.

— Колин... — тихо сказал она.

— Да?

— Мне страшно.

Он обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Мы справимся.

— Уже ничего не будет по-старому. Триумvirат был гарантом. В мире, где не осталось ядерного оружия, они были его аналогом, средством сдерживания. Что-то грядет... я даже не пытаюсь строить прогнозов. Хаос.

— Тогда я встану на его пути.

Дракон вздохнула и с явной неохотой высвободилась из его объятий. Отступник скользнул взглядом по ее фигуре. Порой они спорили, что значит быть человеком. Человечность, мужественность, женственность. В его глазах Тереза была идеалом женственности, и он не стеснялся ей об этом говорить. Быть мужественным... быть мужественным было непросто. В это слово вкладывались большие ожидания. Быть кормильцем и защитником, быть чутким, но чувствам не поддаваться.

— Идем, я хочу кое-что еще показать.

Они перешли в соседнее помещение мастерской, посреди которого находился накрытый чехлом верстак. По команде Дракон чехол поднялся вверх и Колин невольно присвистнул.

На гладкой пластиковой поверхности лежали оплавленные кусочки черного металла.

Аккуратно отсортированные и разложенные так, что в них начинали угадываться устрашающе знакомые очертания.

— Мощность взрыва составила около пяти мегатонн, — сказала Дракон. — *Он* очень постарался, чтобы нам ничего не досталось из *его* изобретений, но кое-что все же удалось отыскать. Я немного смогла выжать из этих останков, но все лучше, чем ничего.

— Нет, это великолепно, — Колин взял один из оплавленной и поднес к глазам. Внутренняя структура пострадала от диких температур аннигиляционного взрыва, но общие принципы улавливались. Он с сожалением положил образец на место. — Ладно, что-то мне подсказывает, что заставлять политиков ждать — плохая идея.

— Тогда летим. И да поможет нам... хоть кто-нибудь.

Вдвоем они направились в ангар, где уже готовился к старту робокостюм. Пройдет несколько полных бюрократии дней, и их жизни изменятся навсегда, но сейчас они вместе, и они не сдадутся. Даже перед лицом конца света.

Интерлюдия 8.к: Доктор

Темница была тесной и без обстановки, даже без простейшей койки или лежанки, просто голый стальной мешок. Человек, который в ней находился, давно перестал испуганно тарашиться по сторонам, звать на помощь и молиться. Он успел понять бессмысленность этих действий.

Несколько часов назад он и его односельчане пытались спастись от налета кочевников. Завидев вдалеке дым тревожных костров, они похватали самое ценное и бросились к ближайшему лесу. Но то ли часовые запоздали, то ли кони оказались куда свежее, чем ожидалось... причины никого не волновали, когда за спиной уже слышались гортанные вопли степняков.

Поэтому когда перед ними в воздухе раскрылись врата из чистого света, и женщина в странной, явно мужской одежде, пригласила их войти, никто не мешкал и мгновения. Они вошли во врата, надеясь обрести спасение, но взамен получили плен еще более страшный, чем рабство у кочевников. Человек не помнил, как его отделили от остальных. Он бросился вперед, одной рукой держа за руку жену, а другой сжимая охотничью рогатину, и внезапно оказался в этой темнице. Без жены и без рогатины, совсем один. Здесь было тепло, с потолка лился странный, мертвый свет, совсем не похожий на свет солнца. И сводящая с ума тишина.

И вот, когда мужчина начал терять счет времени, одна из железных стен исчезла, и внутрь вошла все та же женщина. В руках она держала небольшой стеклянный сосуд с мерцающей жидкостью цвета заката.

— Пей, — повелела она. — Выпей это, когда я уйду.

Она оставила флакон и ушла, не сказав больше ни слова. И хотя не пристало женщине первой обращаться к мужчине, но ее одежды и кожа были как у благородной, а голос исполнен власти. Он некоторое время испуганно смотрел на флакон, а потом со вздохом повиновался.

Холодное стекло коснулось его губ. Жидкость пролилась в горло, обдав язык противным вкусом застоялой крови, которую вовремя не слили из убитой дичи. А потом пришла боль.

Боль за пределами понимания.

Чернокожая женщина в белом халате безучастно наблюдала за происходящим через камеры. За почти тридцать лет счет экспериментов, которые она провела, исчислялся десятками тысяч, и если поначалу участь подопытных приводила ее в ужас, сейчас она не испытывала ничего. Просто еще один новый образец, который будет изучен, классифицирован и помещен в хранилище — до тех пор, пока не найдется покупатель или не наступит День Конца, когда придется пустить в ход все резервы.

Человек в камере, принявший новый образец, прекратил кричать. Все его тело превратилось в студенистую массу, которая левитировала в воздухе и периодически вспыхивала фиолетовыми сгустками энергии. Женщина размяла затекшую шею, отхлебнула немного остывшего кофе и начала заполнять лабораторный журнал.

По крайней мере, подопытный остался жив. Любой результат отличный от смерти реципиента — это тоже результат. Сейчас была применена чистая, неразбавленная субстанция. В дальнейшем, согласно действующей программе экспериментов, будет

проведено еще четыре опыта с участием вспомогательного компонента С-0-0-7-2 «Баланс», с шагом повышения доли последнего на десять процентов.

Рутина, отработанная до полного автоматизма.

Рутина, в которую можно убежать, чтобы хоть немного не думать о случившейся катастрофе. Тридцать лет она не теряла надежды создать второго Эйдолона. Тридцать лет работы, тысячи загубленных жизней — и все впустую. Смерть Легенды болезненна, но он имел ценность только как боевая единица, тогда как потеря Ребекки просто ужасна. В один момент исчезли рычаги влияния на всю Северную Америку. Погиб сильнейший Умник, чье сверхбыстрое мышление и абсолютная память четверть века претворяли планы Котла в жизнь.

Но даже ее смерть меркла рядом со смертью Эйдолона. Сильнейший герой, ее величайший триумф и главная надежда человечества, теперь просто горстка пепла, рассеянного по Нью-Йорку на Земле Бет.

Первая ее реакция была очень сдержанной. Не потому, что она спокойно отнеслась к случившейся катастрофе, а потому что не сразу осознала. Просто защитный механизм человеческой психики, оберегающий разум от чрезмерных потрясений. Она приказала Фортуне и Курту дожидаться реакции правительства и сосредоточиться на снижении паники и сопутствующего ущерба.

Шок пришел позже, через пару дней. Четверо оставшихся членов Котла собрались вместе, чтобы выработать новую стратегию. Четверо — потому что Хранительница из-за особенностей ее силы присутствовала в каждой точке базы, а Ясновидец и Привратник воспринимались больше как оборудование, нежели личности.

— Повреждения инфраструктуры в северо-восточных штатах приведут к нехватке продовольствия, разрушению общественных институтов и исходу населения. Пока негативные тенденции удастся сдерживать усилиями героев, но информация об уничтожении Триумvirата успела широко разойтись, что привело к взрывной активизации злодеев, — вещал Счетовод, демонстрируя на нескольких экранах карты местности и кадры видеосъемки. — В течение следующих шести месяцев я прогнозирую превращение девяти пострадавших штатов в слабозаселенные пустоши, контролируемые злодеями.

— Нет никакой возможности для восстановления? — спросила Доктор.

— Все упирается на энергосистему. Резкое проседание подаваемого напряжения после уничтожения множества электростанций при сохраняющемся потреблении вызвало каскадное повреждение электросетей. Восстановление подстанций и генераторных мощностей требует времени и ресурсов. Но в условиях, когда банды злодеев начали буйствовать, это выглядит практически невыполнимой задачей. Среди спасателей и рабочих нет самоубийц, особенно после случившегося в Броктон Бей. А даже если бы и были — слишком много разрушено, и слишком сильно нарушена логистика.

— Что с резервными планами на случай гибели членов Триумvirата?

— Ампутация зафиксирована в петле времени, — ответила Контесса. — Блосто работал в предоставленной Аккордом лаборатории, и был убит по его приказу, когда все начало рушиться. Психическое состояние самого Аккорда исключает возможность его использования в ближайшее время. Притворщик доступен, но его немедленное изъятие также не рекомендуется. Нужно выждать хотя бы неделю.

Черт. Черт, черт, черт! Почему именно Ребекка?! Она бы мгновенно нашла идеально решение!

— Какие наступят последствия для Северной Америки, если реализуется сценарий с массовым исходом из Новой Англии?

— Пятнадцать миллионов беженцев остальные штаты не смогут принять, даже если те равномерно распределятся по всей стране. Как следствие — рост социальной напряженности и ускорение институциональной деградации по всему континенту. Это я еще не учитываю Губителей. Если рассмотреть международные последствия, то ослабление Протектората может быть воспринято прочими державами как сигнал к действию, в первую очередь это касается Китая.

— Вероятность полномасштабного военного конфликта?

— Сорок семь процентов в течение шести месяцев. Чем дальше, тем выше вероятность, но ниже точность прогноза.

Доктор погрузилась в раздумья. Характер мер, которые они втроем предпримут, зависит от расставленных приоритетов. Следует ли спасти Северную Америку, островок относительной стабильности на Земле Бет, или бросить на произвол судьбы, сэкономив ресурсы, в том числе самый ценный — время Контессы? Сколько долгов можно затребовать, не опасаясь утратить контроль над ключевыми группировками? Что они рискуют упустить из виду, не имея мыслительной мощи Ребекки и разнообразных сил Дэвида?

Нет, Америка необходима. Там сосредоточена большая часть клиентов, получивших силы из флаконов, там кейпы имеют наибольшую продолжительность жизни и как следствие — более обширный опыт.

— Курт, вычисли максимальную численность беженцев, которая не приведет к краху государственной структуры и ресурсы, требуемые для восстановления инфраструктуры в пострадавших штатах до уровня, минимизирующего исход населения до этого уровня. Фортуна, Путь к достижению определенных Куртом показателей.

Через две секунды Счетовод назвал числа.

— Девятьсот одиннадцать шагов, — Контесса запнулась, что случилось с ней нечасто. — Некоторые из них подразумевают изменение неписанных правил.

— Если так велит Путь — пусть будет так, — отрезала Доктор.

Сила Контессы вела их все тридцать лет. Величайшее сокровище, сила, никогда не предназначавшаяся для людей, путь к решению любой проблемы. Если не поможет она, не поможет вообще ничего.

Контесса кивнула, взяла со стола свою любимую шляпу и исчезла в открывшемся портале.

— Не хочу отвлекать, но значительная часть проблем вызвана временными петлями, блокирующими дороги и взлетные полосы, — сказал Счетовод. — А единственный человек, гарантированно способный их размыкать, сторел вместе с третью Нью-Йорка.

— Есть и другие способы, — напомнила Доктор. — Мы не пустили их в ход только из-за того, что Контесса не смогла предсказать результат.

— Да, но сейчас она встала на Путь, и это означает, что как минимум частично проблема будет решена, и Путь при этом устойчив... — Счетовод замолчал и задумчиво нахмурился. — Моя сила не производит расчеты по настолько абстрактным предположениям, но что если Кёлер еще жив?

— Жив? — Доктор позволила скепсису прорваться через бесстрастную маску. — Бомбы Симург обычно не переживают свою активацию.

— От человека, убившего Легенду и Эйдолона, до этого вырезавшего почти под ноль

Девятку, а еще раньше разорвавшего на куски Левиафана, я готов ждать чего угодно, — серьезно ответил Счетовод. — В том числе воскрешения из мертвых.

— Это легко проверить. Привратник, дверь к Конраду Кёлеру, скрытно.

В воздухе открылся шестиугольный портал в просторный зал, наполненный работающими массивными механизмами. В его центре на каменном троне восседал лысый парень в майке с символикой какой-то металл-группы. Со всех сторон его окружали мониторы и терминалы, пищали какие-то сигналы, змеились по экранам данные, и он был так поглощен своей работой, что просто не заметил вторжения.

Портал мгновенно схлопнулся.

Доктор Мама тяжело опустилась в кресло, каждой клеткой тела ощущая вес прожитых лет. Ощущение было таким, будто она вошла в ванную, и внезапно обнаружила там Левиафана, играющего с резиновой уточкой. Счетовод же остался полностью невозмутимым. Доктор знала его еще ребенком, но так и не поняла, остались ли у него хоть какие-то чувства, или числа заменили ему все.

— Полагаю, пытаться устранять его мы не станем.

— Нет. Только наблюдение, и только теми способами, которые он с наименьшей вероятностью обнаружит. Пусть этим занимается Фортуна, одновременно с реализацией текущего Пути, общается с Ясновидцем напрямую.

— Попадать пальцем в небо оказывается приятно, — пробормотал Счетовод.

— Только не заводи привычку, — проворчала Доктор и поплелась обратно в лабораторию, документировать результаты эксперимента.

Как человек, дважды переживавший смертельную агонию, я отлично знал, что перед смертью не надышишься. В моем случае это означало, что возвращение домой можно откладывать бесконечно, ведь всегда можно что-то улучшить в имеющемся оборудовании или дурную голову озарит новой идеей. По этой причине День Д я железно назначил на первое сентября, и независимо от степени готовности снаряжения.

Я вышел на балкон башни. Большая часть моей крепости была сугубо функциональной — механизмы для поглощения и переработки материалов, строительные стены, склады, энерголинии и прочее, но для башни я сделал исключение. Я постарался сделать ее красивой и комфортной — насколько то возможно с имеющимися материалами и временем.

Большая часть моего времени, понятное дело, уходила на работу. Несколько минут в сутки на почистить зубы, посрать и проглотить синтезированный пищевой брикет. Но временами я отключал все терминалы и отправлялся в башню — посмотреть на небо. Сейчас была ночь, пусть время суток для меня и стало условностью, означающей лишь уровень естественного освещения. Но это небо... я не помнил, чтобы на Земле Бет было такое небо. Миллионы, миллиарды звезд. Не чета тем редким искоркам, свет которых умудряется прорваться через пыль и смог городов.

Красиво. Неописуемо красиво.

Я — единственный человек на этой планете, и лишь я один могу осознать эту красоту, наделить проходящие через атмосферу пучки фотонов смыслом. Это как держать целую вселенную в своих руках. Волшебное ощущение, но грустное, потому что его не с кем разделить.

Я попытался представить всех тех людей, о которых сохранил память. Что-то мне подсказывало, что они не обрадуются моему «чудесному спасению». И раз среди героев у меня не осталось друзей, я буду искать союзников среди злодеев. Отморозков, негодяев и чудовищ.

Чтобы вести за собой чудовищ нужна особая сила, и я знаю, где ее найти.

Вот только для этого нужно вернуться домой, а к возвращению нужно хорошо подготовиться. Я с легким сожалением ушел с балкона и спустился обратно в тронный зал, где располагались контрольные терминалы.

Моя крепость-мастерская разрасталась почти неделю, прежде чем я решил отключить программу репликации. Может, когда-нибудь я расширю ее еще на пару квадратных километров, но пока мне хватало добытых ресурсов. За прошедшее время я успел более-менее освоиться с обновленной силой, и понял некоторые важные моменты.

Во-первых, любое устройство, создаваемое мной, было вещью в себе. Оно не нуждалось во внешних источниках энергии, топливе или материалах, либо вырабатывая их самостоятельно, либо имея ограниченный, не пополняемый с момента создания запас.

Во-вторых, устройству не обязательно было быть громоздким, но чем более энерговооруженным и крупным я его строил, тем стабильнее и дольше оно работало. Последнее было особенно критично, ведь чинить их было крайне трудно и неудобно. Сделать плазменный пистолет, который придется перебирать ежедневно, чтобы не рванул прямо в руке? Или лучше отгрохать плазменный генератор, который год проработает как часы, но который после истечения гарантии только разобрать на запчасти? Если бы не

третья особенность силы, и наличие у меня порталной технологии, выбор был бы неочевидным.

Потому что, в-третьих, с определенного порога габаритности я мог снабдить создаваемое устройство «каналом» — миниатюрным элементом, который можно унести с собой и использовать для вызова его эффектов на любом удалении. Да, «каналы» работали через миры, в чем я убедился, в ходе испытаний основательно перекроив ландшафт на еще одной необитаемой Земле. Конечно, настолько разрушительный масштаб был не обязателен, но при расходовании энергии малыми порциями опять же возникала нестабильность, резко усиливался износ и падал КПД.

Четвертое свойство силы вытекало из первого. «Каналам» я мог придавать практически любую форму, это было совершенно не критично, но наилучший результат достигался, если я соединял его напрямую со своей нервной системой через усеивающие тело разъемы. Сами же разъемы теперь воспринимались как естественная часть тела. Я помнил, что они вживлялись второпях и очень грубо, без оглядки на последствия в виде отторжения, онкогенеза, глиального рубцевания и прочего. Ничего подобного я не наблюдал. Я словно родился с ними.

Наконец... не знаю, трактовать ли это как значимое свойство, но мне не нравились те вещи, которые я создавал. Да, они выполняли возложенные на них функции, но в них не было изящества. Они выглядели недоделанными, в них не хватало какого неизвестного мне пока элемента, который я не мог описать. Единственным, что меня полностью устроило, был новый портал. Старый, собранный по кусочкам в Мэддисоне, я использовал как прототип, и воссоздал технологию в макро-масштабе. Получившаяся установка занимала площадь в пять гектаров и уходила ввысь на пятьдесят метров, а его «канал» имел облик наручных часов (и даже время показывал), обратной стороной подключенных к одному из нейронных разъемов.

Времени до назначенного часа оставалось немного. Я переоделся в купленную на Земле Алеф одежду и осмотрел разложенное на столе снаряжение. На первый взгляд — обыденные, непримечательные предметы.

Наручные часы. Солнечные очки. Брючный ремень. «Смит-Вессон» 38-й калибра с укороченным стволом. Кольцо-печатка. Несгораемый кейс.

Хотелось бы иметь в распоряжении больше инструментов но, как я уже сказал, перед смертью не надышишься. В идеале моя вылазка должна была пройти тихо. Моя основная задача — сбор информации. Для этого есть «очки». «Ремень» позволит мне избежать узнавания. «Револьвер» — оружие на крайний случай, «кольцо» — защита. «Кейс» тоже необходим, но узкоспециализирован.

Первыми я надел очки. Их дужки подключились к разъемам у меня на висках, и я часто задышал от напряжения, пока суперкомпьютер синхронизировался с моим мозгом. А потом мир изменился. Из него исчезла неопределенность, он стал понятным, точным и предсказуемым. Все измерялось и просчитывалось, от мимической микромоторики и инерциальных моментов до колебаний кислотности на окружающих поверхностях и колебаний вездесущих электромагнитных волн. В этот аналитическо-вычислительный комплекс я вложил все, что знал о способах восприятия и обработки информации, они же помогали управлять всем остальным снаряжением, и все равно этого не хватало, чтобы сравниться со средней руки Умником.

С остальным снаряжением было проще, оно интегрировалось не так глубоко. Правда,

часы вызывали странное ощущение, словно я наблюдаю одни и те же события одновременно в нескольких разных вариациях, но это чувство было слабым и не доставляло заметного дискомфорта. Вероятно, какой-то побочный эффект многомерной технологии, с которым я прежде не сталкивался. При создании и ношении «Сирина» таких ощущений не возникало.

Я забрал снаряжение и пошел к ближайшей телепортационной платформе. По нажатию кнопки красный круг под моими ногами вспыхнул и переместил меня на такую же платформу у самого выхода из замка. Там своего часа ждала небольшая каменная лестница, словно ведущая в пустоту, а на самом деле поднимающаяся на уровень, на котором на Земле Бет находилась твердая почва.

Сейчас ровно полночь. Время суток и время года на каждой из Земель совпадают. Или, возможно, те Земли, что быстрее движутся вокруг Солнца, нам просто недоступны. Если я правильно помню протоколы СКП, Броктон Бей должен быть обнесен стеной и изолирован как карантинная зона. Впрочем, если учесть, как славно погулял по Новой Англии предыдущий «я», у правительства могло и не найтись времени на установку полноценного карантина. В любом случае, темнота будет мне подспорьем, пока я не найду кого-нибудь, чей облик можно присвоить.

Я выставил часы перед собой и повернул заводную головку. В воздухе раскрылся уже знакомый знакомый круглый проход, за которым виднелось шоссе. Я быстро шагнул вперед и сразу закрыл за собой проход.

Ощущение другого мира накатило сразу же. Другой воздух, другие звуки — вообще все другое. Родное. На сенсорно-вычислительный комплекс обрушился шквал информации, в первую очередь состоящей из разнообразных радиоволн, так что некоторое время я потратил на дополнительную настройку, чтобы оглушительный ради шум не отвлекал меня.

Немного отдышавшись и придя в себя, я задействовал «ремень», точнее то, что скрывалось под его личиной — проектор фазированного силового поля. В первую очередь эта штука предназначалась для маскировки, способной обмануть не только глаза и видеокамеры, но и более экзотические инструменты, вроде рентгена или ДНК-сканеров. Она создавала объемный покров, неотличимый для большинства средств наблюдения от обычного человеческого тела и одежды. При этом покров был достаточно плотным, чтобы удержать меня в воздухе и поддерживать скорость до двухсот километров в час. Пользоваться им было рискованно, потому что любое внешнее проявление парасил — это повод для ненужного внимания, но сейчас без него было не обойтись. От точки перехода до Броктон Бей было около ста километров по прямой. На всякий случай я придал маскировочному полю темно-синий цвет, и направил полет на восток, к побережью.

И чем дальше я летел, тем очевиднее становилось запустение. Вдоль дорог стояло множество брошенных машин. С высоты я видел целые небольшие городки, где не горело ни одного огня. Или же огни горели, но это были огни костров. Пару раз я заметил внизу вспышки, явно созданные парасилами.

По спине побежал неприятный холодок.

Последнее, о чем думал предыдущий «я» — это о последствиях. Я силился разорвать цепи предопределенного будущего, которыми меня опутала Симург, и с помощью Дины преуспел... но не велика ли оказалась цена?

Я не знаю. Это не то, что можно измерить и рассчитать с помощью подключенного к мозгу суперкомпьютера. Я опустился ниже и заметил внизу причину, по которой на дороге возник затор.

Серую область зацикленного времени.

Она была довольно небольшой, в форме тонкой прямоугольной призмы, но располагалась так, что объехать ее было невозможно — с одной стороны овраг, с другой крутой склон. Я приземлился рядом с петлей и коснулся ее. Довольно необычное ощущение. Нет ощущения твердого материала, как при прикосновению к металлу или камню, только неодолимое сопротивление. Темного теплое, потому что тот день был довольно жарким, и заключенный в петлю воздух остался нагретым.

Машины на забитой трассе стояли уже давно, видимо, с момента появления петли. Тогда на трассе моментально образовалась пробка, из которой уже не было выхода. Вид десятков, а то и сотен автомобилей с распахнутыми дверями чем-то напоминал разоренное кладбище. Я посмотрел на кольцо-печатку. Возможно, это ошибка — очередная ошибка, которая обернется для меня горой проблем. Возможно, разумно будет бросить все как есть, и заняться своими делами. Но как говорил другой «я», самый первый, не побывавший в аду и не поубивавший в нем всех чертей, есть вещи, который просто нужно делать. Я приложил печатку к серой области.

Где-то далеко-далеко могучая машина ожила, вышла на рабочий режим и по каналам, существующим в самой сути бытия, начала перекачивать огромные потоки энергии, влияющей на поток времени.

Петля мигнула и исчезла.

Возможно, пророчество Дины нацелено на далеко идущие последствия, и все эти разрушения имеют смысл. А возможно, что и нет. Я не узнаю, пока все не кончится.

Остаток пути я провел в мрачных размышлениях, и вскоре впереди показались знакомые очертания береговой линии.

Броктон Бей превратился в город-призрак. Как я и предположил, после учиненной Скиттер резни никто не стал пытаться повторно возвести стену вокруг города. Дороги перегораживали бетонные блоки, а на обочине стояли наспех сооруженные щиты с предупреждениями. С помощью очков я приблизил изображение и навел резкость.

«ВНИМАНИЕ!

Заброшенная территория! Опасный уровень парачеловеческой активности!

Вы входите сюда на свой страх и риск!»

Вняв предупреждению, я достал револьвер и спустился до пятидесяти метров над землей. Сейчас предстояло самое сложное — найти в окружающих руинах объект размером с баскетбольный мяч. Потому что после двух ядерных взрывов и последовавшей за ними битвы титанов планировка в нужном мне районе несколько изменилась.

В дополненной реальности я вызвал спутниковую карту города и наложил ее на окружающий ландшафт. Помогло не сильно, потому что во время битвы я не запомнил местность. Пришлось снова регулировать очки, чтобы сканировать в глубину, через толщу бетона, застекловавшейся земли и грязи, после чего несколько минут кружения над приблизительным местом поисков дали результат — я засек скрытую под завалами временную петлю.

Довольно глубоко, руками не откопать, но для этого есть револьвер. Я завис чуть в стороне над обнаруженной петлей и ввел в оружие уточненные параметры выстрела, после чего направил ствол вниз и нажал на спуск.

С тихим шипением из дула револьвера вырвался широкий конус энергии, испаривший разом полсотни кубометров бетонно-кирпичных залежей. В образовавшемся кратере

обнаружилась даже не одна петля, а целых три. В первой застыла Ампутация, во второй на смартфоне бесконечно повторялся припев писклявой песенки, в третьей находилось то, ради чего я собственно и пришел.

Оторванное ухо Джека Остряка.

Я приземлился рядом и раскрыл кейс. Кейс тоже использовал хронотехнологию, только не петли а стазис, но в любом случае действовать нужно было быстро, чтобы процент отмерших клеток стремился к нулю. Поставив «кейс» точно под ухом, я сломал петлю с помощью «кольца» и тут же захлопнул крышку.

Так, первый пункт выполнен.

Dance to the beat, wave your hands together!

Come feel the heat forever and forever!

Listen and learn, it is time for prancing.

Now we are here with Caremellendancen!

Я подошел к Ампутации и отключил маскировку. Ее глаза подергивались. Она пыталась посмотреть в мою сторону, но длительность петли была слишком мала, меньше секунды, и ее взгляд постоянно возвращался на прямую линию, туда, где в петле застыл смартфон. Я немного подумал, и сломал ее тоже. Навязчивая песенка стихла, когда выключился плеер.

Я немного сдвинулся, чтобы оказаться точно на линии взгляда Ампутации. Разумеется, я не был таким идиотом, чтобы взять и выпустить ее. Не только потому, что она мгновенно напала бы на меня, оказавшись на воле. Я все еще отлично помнил, что она сделала с моими родителями. Глядя на нее, навечно застывшую, не способную шевельнуться, произнести хоть слово и даже сделать вдох, я не ощущал ничего кроме мрачного удовлетворения.

— Плохих девочек наказывают, — сказал я, направив свет от экрана смартфона себе на лицо. — А твое наказание будет длиться еще очень долго, потому что я на тебя очень зол. Советую хорошенько подумать о своем поведении. Времени у тебя, хм, достаточно.

Я взлетел снова и завис на высоте. В принципе, с делами в Броктон Бей я закончил. можно двигаться дальше. Но что-то удерживало меня на месте, чувство... незавершенности. Словно где-то здесь еще оставались кусочки меня, которые звали к себе, просили забрать их. Сверившись с виртуальной картой, я полетел в восточную часть города.

Криков Выверта я не услышал, пока не подлетел вплотную. Его петля была довольно длинной, около пяти секунд, так что все возможности вдоволь наораться у него имелись, но он почти молчал. Только испускал короткий хрип, когда его плечи выворачивались из суставов. Я подошел ближе, чтобы он увидел меня, но тот не отреагировал вообще никак.

Петля сбросилась, Выверт снова полетел вниз и повис на веревке.

Ни узнавания, ни реакции. На лице Выверта было не больше самосознания, чем у деревянного болванчика. Похоже, здесь ловить нечего.

Моим следующим пунктом стало неприметное здание на юге, окна и двери которого были закрыты плоскими временными петлями, а в крыше зияла дыра, пробитая изнутри. В нее я аккуратно и опустился, чтобы встретиться лицом к лицу со Взломом. Завидев меня, он забился, как рыба на крючке, и что-то нечленораздельно замычал. Я осмотрелся по сторонам и повернул диван так, чтобы усесться лицом к лицу.

— Просто убе... ей меня! — провыл он, споткнувшись, когда петля сбросилась.

Я обдумал просьбу. Нет, слишком рискованно. Даже если я активирую защиту, которую дает кольцо, это не обеспечит полного иммунитета к силе Взлома. Кроме того, для разрушения петли мне нужно находиться вплотную к ней, так что действовать за пределами

радиуса его способности тоже не выйдет. Да и не было у меня к нему ни капли сочувствия. Ампутация забрала у меня семью, но Взлом отнял что-то менее осязаемое, но не менее важное

— Нет, Взлом, я тебя не выпущу. В этом случае ты мгновенно возьмешь меня под контроль, а мне уже хватило одной ночи. Знаешь, незабываемые ощущения, когда каждая клетка тела болит так, будто погружена в раскаленный металл, и при этом не можешь даже закричать. Надеюсь, ты за эти три месяца хотя бы приблизительно прочувствовал, каково было мне.

Я ненадолго замолчал, следя за реакцией Взлома. Он тяжело дышал, и не отрывал от меня полубезумного взгляда, но молчал.

— И главное, что вам это дало? Вы всерьез надеялись, что можете просто взять меня под контроль, обнести СКП с моей помощью, потом пустить мне пулю в череп и остаться в шоколаде? Да, я был неудобен для Протектората, они бы закрыли глаза на мою смерть, но разве Сплетница не сказала вам, что Левиафан уже убил меня? Да-да, убил по-настоящему. Сделал небольшое исключение, и проигнорировал эффект Мантона, размолот меня в кашу внутри собственной брони. На то, чтобы восстать из мертвых, мне потребовалось меньше часа. Тут, конечно, начинается тема для философских диспутов, что определяет человека — его сознание или тело. Но я не о философии. Я о том, что пристрелили вы меня вместе с Элитом, я бы все равно пришел за вами, и это бы кончилось для вас также печально. Хочешь знать, что сейчас с твоей бандой? М?

Я выдержал небольшую паузу, и молчание истолковал как согласие.

— Адскую Гончую я сдал на опыты Ампутации. Судя по тому, что я видел, перед смертью она наконец-то обрела душевное равновесие и действительно стала собакой... ну или чем-то, отдаленно собаку напоминающим. Мрак сдох, как последнее ссыкло, пустил себе пулю в висок, когда я пришел за ним. Черномазая девка, не знаю даже, как ее звали, пораскинула мозгами об стену. Скиттер и Сплетница тоже сидят в петлях, еще хуже твоей. Скиттер, кстати, я был готов пощадить, но она решила снова поднять ставки вместо того, чтобы смирно уехать в Клетку. Укокошила Александрию, прикинь? Напихала ей в легкие столько мух, что та задохнулась. Так что Триумвирата больше нет, потому что Легенду и Эйдолону грохнул уже я. Ну, там было довольно скучно. Пыщь-бдыщ, пук-кек, и все.

Я откинулся на диване, глядя в потолок. Почему-то впервые за месяцы я ощущал себя цельным, живым. Ко мне вернулось чувство реальности, которое почти угасло, пока я гостил на Земле Алеф или был единственным человеком на безымянной планете. В этом заброшенном доме я порвал последнюю нить, что связывала меня с человечеством. Здесь я окончательно отбросил героя, пусть и падшего, и принял облаченный в полночь ужас. Я помнил пронизанные страхом голоса наемников в рации; ощущения, когда по броне слабым дождиком стучали их пули; легкое, податливое сопротивление раздираемой металлическими когтями плоти. Так явственно, как будто это случилось только что.

И я с трудом вспоминал пребывание на Земле Алеф. Воспоминания ускользали как сон, слишком хороший, чтобы быть правдой. Что от меня вообще осталось, если оставить за скобками мою силу? Может, Эми права, и я действительно не более чем изделие Технаря, действующее автономно после его гибели? Мой единственный собеседник — это запертый во временной петле неудачник. Мой лучший друг — демон, обвинившийся вокруг моего сердца. Моего врага вообще словами не описать.

Черт...

Я встал с дивана и пошел в знакомый коридор. За три месяца в повышенной влажности трупы наемников разложились, но не высохли, так что воняло там ужасно. Я осторожно прошелся между разодранных в клочья тел, высматривая что-нибудь полезное.

Карабин М4... хорошая огневая мощь, но слишком уж бросается в глаза. При нем уже знакомый лазерный подствольник... халтура и херня, не интересно. А вот эта Беретта М92 мне подойдет. Мое оружие обладает большой мощью, но применив его при свидетелях, я сразу выдам себя. Пистолет позволит отбиться от обычных бандитов и не слишком сильных кейпов, не раскрывая конспирации. И армейский нож... тоже полезно. Универсальный инструмент, никогда не будет лишним.

— Эй, Взлом! — позвал я, когда вернулся в комнату. — Мне лень тут все перерывать, дел по горло. Скажи мне, где хранил свою записку, и я выполню одно твое желание, не связанное с вытаскиванием тебя из петли.

— Сердце! — выдохнул Взлом за одну итерацию петли.

— Батя твой в смысле? — уточнил я. — А что с ним?

— Убей его!

— Ну, это не самая странная просьба, которую мне доводилось слышать. Ладно, считай он уже труп. Так где?

— Слева!... Стена!... Сейф!

— Ага, понял, — я быстро нашел искомое, скрытое за ложной деревянной панелью, и выставил на револьвере самый слабый импульс, какой только возможно. — Теперь остороожненько... опа!

Дезинтегрирующая вспышка отправила в небытие кусок стены, дверцу сейфа и, увы, часть налички. Покопавшись немного внутри, я выгреб уцелевшие пачки денег — мелкие, несвежие купюры, перетянутые простыми резинками. Часть испортилась от сырости, так что годными оказались немногие. Одна пачка двадцаток, две пачки десятков, и две пачки пятидолларовых. Не бог весть какое богатство, но на карманные расходы хватит.

— Ну ладно, счастливо оставаться. Я бы на твоём месте пожелал мне удачи, потому что если меня не убьют окончательно, если я изобрету достаточную защиту от твоей силы и если просто не забуду, то как-нибудь улучу свободную минутку и устрою тебе эвтаназию. Чао.

Я вылетел наружу тем же путем, каким вошел. Навещать Птицу-Хрусталь или Манекен-желания у меня не было, так что оставалось всего одно место, куда имело смысл слетать. Я направился к остаткам старшей школы Уинслоу.

И едва коснулся земли ногами, как сразу понял, что что-то не так. В основном из-за того, что из темноты со всех сторон хлынул поток крыс. Не просто огромная стая, озверевшая от голода настолько, что решила напасть на человека. Они двигались скоординировано, вели себя не как стая, а как единый организм. Я отреагировал мгновенно — выхватил револьвер и включил кольцо в режиме защиты.

Цвета исчезли.

Живая волна крыс остановилась в нескольких метрах от меня и окружила плотным кольцом. Они не пищали, как обычные грызуны, а угрожающе шипели. Я даже не знал, что крысы способны издавать такие звуки.

Еще через очки я видел кейпа, который ими управлял — потому что он был единственным источником тепла на сотни метров, за исключением собственно крыс. Судя по строению скелета, это был взрослый мужчина довольно высокого роста. Он прятался внутри школы и не мог не видеть глазами своих крыс, что я целюсь прямо в него через

стены.

Несколько секунд я обдумывал ситуацию, потом медленно убрал оружие, сделал несколько шагов назад и плавно взмыл в небо. Набрал высоту, я взял курс на юго-запад. К черту этот Броктон Бей.

3 сентября 2011, штат Джоржидия, Атланта

На поиски нужной информации времени у меня ушло немало.

Я бы справился в тысячи быстрее, если бы не приходилось прятаться от Дракон. Из всех оставшихся на Земле Бет героев, она безоговорочно являлась сильнейшей и я ее всерьез опасался. Пожалуй, больше чем Эйдолона или Легенду. Те двое, по крайней мере, сражались лицом к лицу. Дракон же была всеведущей, неуловимой, словно даже вездесущей. Ее поисковые боты прочесывали интернет мелкой гребенкой, и даже безобидный поисковый запрос в фейсбуке мог обернуться большими неприятностями.

По этой причине я не мог запустить в сеть собственные вирусы, которые бы выпотрошили базы данных и принесли мне результат на блюдечке. Нет, мне пришлось почувствовать себя в шкуре злодея В-класса, и пробраться под камуфляжным полем в первый попавшийся офис ФБР, а потом несколько часов сидеть в серверной в скрюченной позе, пытаясь замаскировать свое вторжение под стандартный документооборот. Принялся я за дело утром, и управился только к полуночи.

Покинул я федералов с данными, ценность которых превышала единоличный доступ к ресурсам целого мира. Я знал, куда отправили Дину Элкотт.

Выбор Атланты был понятен. Пепельная благополучно пережила все обрушившиеся на США беды, и занимала прежнюю должность, а это означало, что злодеи в Атланте не смели показать нос на улицу без ее письменного разрешения. Утрирую немного, но в Штатах нашлось бы немного мест, чтобы еще лучше укрыть настолько ценного Умника. Также к Дине и ее родителям применили программу защиты свидетелей, так что жили они теперь под новыми именами и, как странно, без круглосуточной охраны.

Прямо сейчас я висел на почтительном удалении, задав камуфляжу ровный серый цвет, чтобы сливаться с пасмурным небом. Внизу раскинулся один из многочисленных пригородов Атланты, застроенный однотипными коттеджами. Здесь, в отличие от штатов побережья, практически не ощущались последствия явления Ахримана. Большую часть беженцев смогли заселить во временное социальное жилье, просели зарплаты в секторе неквалифицированного труда, но скачка уличной и парачеловеческой преступности, в отличие от многих других штатов, не случилось.

Ахриман — это новое имя, которое мне зачем-то присвоили в СКП, а потом спустили прессе. Именно так и звучала официальная версия июньских событий — первый задокументированный случай превращения парачеловека в Губителя. В другой раз я бы счел это проявлением невиданной доселе щедрости, ведь «обычным» Губителям присваивали имена существ из семитской мифологии, а мне не пожалели имени древнеперсидского первоисточника зла. В другой раз, но не сегодня, потому что грядущий разговор с Диной занимал меня куда больше.

Я плохо представлял, как работает сила Дины, но судя по тому, как она разговаривала с Вывертом, и как сформулировала ее пророчество Дракон, она оперировала вероятностями. Не самый надежный метод предсказания будущего, но все остальные пророки, о которых я знал, были еще хуже. И, что важнее всего, не обладали достаточной силой, чтобы закрыть

меня от Симураг.

На землю я спустился очень быстро, практически упал. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-нибудь меня заснял, и начал задавать ненужные вопросы. Приземлившись в безлюдном переулке, я переключил ремень на проецирование ранее отсканированного образа. Пару секунд поле калибровалось, после чего любой сторонний наблюдатель увидел бы на моем месте полноватого, лысеющего мужчину средних лет в неброской одежде.

— Раз, два, три, — я проверил модулятор голоса. — Раз, два, три.

Работало наскоро собранное устройство паршиво, из-за чего голос казался насквозь прокуреным и пропитым, и использовать его можно было только в течение пары часов, а потом только выкинуть. Такова оказалась неприятная плата за миниатюрность. В будущем придется использовать для маскировки внешность сверстников, что не так надежно.

Десяток кварталов до дома Элкоттов я прошел, сжимая в кармане рукоятку револьвера. Я не сомневался в том, что Дина предвидела мой визит, и теперь все зависело от ее лично отношения ко мне. За: она, как ни крути, помогла мне преодолеть влияние Симураг. Против: она передала Протекторату пророчество, из-за которого они и обрушили на меня все, что было. Так себе выбор, но все остальные варианты выглядели еще хуже.

У нужного дома я еще раз огляделся, пересек дворик и нажал кнопку звонка. Ждать пришлось настолько долго, что я даже сверился с часами — не перепутал ли я время суток, и не полагается ли нормальным людям сейчас спать. Но нет, сейчас середина дня. И вообще выходной.

Спустя пару минут дверь отворил рано постаревший мужчина. Весь его вид говорил о том, что мне тут не рады, но пока он не станет вызывать полицию или Протекторат.

— Проходите быстрее, не мельтешите на виду, — сказал он, даже не пытаясь изобразить дружелюбие. — Дина предупредила, что вы придете.

— Благодарю, — конечно, моя благодарность была адресована отнюдь не ему.

Элкотт-старший отвел меня в гостиную, где на диване за журнальным столиком сидела Дина. За прошедшие месяцы она поправилась, и издали выглядела как нормальная девочка тринадцати лет, а не одуревшая от ломки наркоманка. Вблизи становились различимы детали — скупая мимика, скованные движения, мрачный, почти жестокий взгляд. «Великое знание умножает скорбь», так сказал Экклезиаст. Мудры были древние евреи, не чета нынешним.

— Папа, ты не мог бы... выйти? — попросила девочка.

— Малышка, ты уверена? — насторожился ее отец.

— Все в порядке.

Мистер Элкотт ушел, хотя и с явной неохотой, а Дина молча указала мне на свободное кресло. Я сел напротив нее, поставил стазисный кейс рядом с собой и выключил маскировку.

— Привет, Дина. Рад, что ты выздоравливаешь.

— Кто ты? — спросила она, проигнорировав приветствие.

— Я тот, чей взор надежду губит, едва надежда расцветет. Я тот, кого никто не любит, и все живущее клянет. Я бич рабов моих земных, я царь познания и свободы, я враг Небес, я зло природы, и видишь — я у ног твоих. (англ. — *Whom no one loves, who lives for lashing His earthly slaves with furious beat, The king of freedom and cognition, Heaven's foe, and nature's own perdition, And yet, you see him at your feet!*)

— Мне это ничего не говорит. Как и твое лицо.

— Эх, а я так старался, искал подходящие случаю стихи. Намекну прозрачнее: когда мы виделись последний раз, я сделал из одного хитрого нигера йо-йо, но забыл представиться. Меня зовут Конрад.

— Понятно. Ахриман, — в глазах Дины мелькнула тень интереса. — Не ожидала, что ты выживешь. Вероятность твоей смерти составляла больше девяноста девяти процентов.

— О, я действительно умер, и это было очень больно. И, тем не менее, я здесь.

— Я не возражаю. Числа стали лучше.

— Кстати о числах. Почему ты сказала Протекторату, что я стану причиной гибели мира?

— Потому что так и есть, — девочка пожала плечами. — Конец света наступит в течение десяти лет. Чем позднее, тем выше вероятность, и ты в любом случае являешься его причиной.

— У меня нет желания уничтожать мир. Я вообще не держу зла ни на кого, кроме Джека Остряка.

— Я вижу только числа. Вероятности событий, а не их причины.

— А если я умру раньше?

— Тогда причиной станет Джек Остряк. Если и он к тому времени будет мертв, то гибель мира отодвинется примерно на двадцать лет, но произойдет в любом случае.

— Тогда что ты имела ввиду, когда сказала, что числа стали лучше?

— Больше людей выживает во время Конца и после него.

— Полагаю, мое благополучие при этом роли не играет?

— Нет. Как и мое, если тебе интересно, — холодно ответила Дина. — Как и чье угодно. Это все несущественно.

— Какая обезоруживающая честность, я просто в смятении.

— Я знаю, что у тебя есть вопросы, так что можешь их задавать. Имей ввиду, у меня их не так много.

— Понимаю, ограничения Умников.

Я достал из внутреннего кармана куртки блокнот. В нем я записал все возможные варианты действий, которые успел обдумать и частично отвергнуть, по одному на листок, а потом вырвал их. На обратной стороне каждого я написал порядковый номер, после чего выложил их на журнальный столик номерами вверх.

— Поскольку у дома меня не ждала засада Протектората, я сделаю допущение, что наши цели пусть отчасти, но совпадают. В таком случае давай попробуем построить план. Вот различные пути, которыми я могу последовать, когда выйду из твоего дома. От чего мне следует отказаться, и в каком порядке выполнять оставшиеся?

Девочка склонилась над столом, и один за другим принялась выбраковывать листки. Исследования в оставшихся карантинных зонах, попытки убить любого из Губителей, мое раскрытие миру, попытки наладить сотрудничество с какой-либо из крупных фракций паралюдей. И так далее.

Пока она составляла план, я внимательно наблюдал за ней. Больше всего бросался в глаза контраст между ее маленьким, хрупким телом и той поразительной мощью, что стояла за ее силой. С каждой прошедшей секундой, с каждой отложенной в сторону бумажкой я постепенно погружался в понимание принципов ее работы и все больше желал *воссоздать* ее. Прошло много месяцев с тех пор, как я встречался с другим парачеловеком, Выверт и Взлом не в счет, поскольку их отделяли от меня петли времени. Но Дина сидела вот здесь,

на расстоянии руки, и близость ее силы была подобна роскошному пиру, на который пришел голодный человек. Он не съест это изобилие в одиночку, но насытится наверняка, и сможет выбрать блюдо по вкусу.

Вот чего мне не хватало! Вот почему новые изобретения казались мне такими неуклюжими, незавершенными! Мне нужны паралюди, много паралюдей. Хоть и не в качестве материала, а как примеры, образцы для реверс-инженеринга.

Прошло несколько минут. На столе осталось всего пять бумажек, которые Дина выложила в определенной последовательности.

Номера «1», «5», «15», «27» и «9». Господи... она серьезно?

— Это лучший расклад из возможных, — сказала она, и слегка поморщилась. Похоже, дала знать о себе отдача.

— Я бы так не сказал...

— Ты задал вопрос — я ответила. Если у тебя все, то мне нужно отдохнуть.

— Одну секунду. Когда я просматривал новостную подшивку, то не обнаружил известий о новой атаке Губителя. Левиафан пришел в Броктон Бей пятого мая, прошло почти четыре месяца. Окно интервала закрылось на прошлой неделе. Ты ничего не можешь об этом сказать?

— Нет. Чем ты слушал? Я не вижу причин событий. И прошлого тоже не вижу.

— Хорошо... тогда можно еще один вопрос?

— Один. Потом ты уйдешь.

— Какова вероятность, что в течение следующих двенадцати месяцев больше десяти тысяч человек умрут в течение не более чем шести часов, на территории не больше ста квадратных километров из-за облучения радиацией и высокой температуры?

— Один точка два пять шесть.

— Это в процентах? — уточнил я.

— Да.

Все чудесатее и чудесатее. Точнее, я вообще ничего не понимал. Бегемот решил впасть в спячку, или что вообще происходит?

— Когда отдохнешь, сделай сходные прогнозы для Левиафана и Симург. Ну там, утопление, или изоляция в определенной области. Результаты сообщи Протекторату. И мне, если не сложно.

— Раскомандовался... — проворчала Дина недовольно, потирая виски.

— Или можешь не сообщать. Пусть они барахтаются, как слепые щенята.

— Я могла бы сообщить им, что ты жив.

— От этого числа станут лучше?

— Нет. Не станут.

Я включил камуфляжное пол, подобрал кейс и сгреб со стола бумажки с планами. Пять предназначенных к исполнению засунул во внутренний карман, остальное скомкал. В гостиную заглянул отец Дины и, как мне показалось, облегченно выдохнул, когда увидел, что я собираюсь уходить.

— Могу я в будущем попросить твоих подсказок?

— Только в самом крайнем случае, — угрюмо ответила провидица. — И то, что я тебе помогаю, еще не значит, что мне это нравится.

— Я знаю, что я такое, и удивился бы, помогай ты мне охотно и с удовольствием. Пока, Дина.

— Пока, Конрад.

Я вышел на улицу. Значит, первым идет план номер один... ну, хоть в чем-то я угадал. Как минимум это означает, что с моей давней подругой все в порядке.

7 сентября, Штат Мэриленд, окрестности Балтимора

Если в Атланте дела обстояли более-менее неплохо, Балтимор являл собой полную противоположность. Даже в лучшие времена, если бы кого-то спросили, какой город в США является самой опасной для жизни, здоровья и рассудка говенной дырой, Балтимор бы занял почетное второе место. Сразу за Броктон Бей, конечно.

Численность паралоюдей здесь не превышала средний показатель для городской местности, но из-за огромного количества черных и прочих цветных, а также из-за обилия пролетариата, сформированные вокруг злодеев банды отличались жестокостью и склонностью к бессмысленному насилию. Что характерно, белые банды никогда не позиционировали себя как нацистские, но их лозунги от риторики Империи-88 отличалась примерно ничем. Так что если Броктон Бей был пороховой бочкой с тлеющим фитилем, то Балтимор скорее походил на кипящий чан с дерьмом. Ну, это было раньше, до Ахримана.

Мэриленд, как и Нью-Йорке, Пенсильвания, Дэлавер и Нью-Джерси, принял на себя самую большую волну беженцев, и вопреки всем усилиям правительства распределить их более-менее равномерно по стране, здесь их оставалось слишком много. Намного больше, чем мог позволить себе штат. Палаточные лагеря в мгновение ока превратились в палаточные города, а с ними пришли обычные проблемы подобных поселений, то есть голод, антисанитария, эпидемии и криминальный беспредел. Которые, в свою очередь, породили целый шквал свежих триггеров.

Фактически, Балтимор представлял собой зону боевых действий. Оцепления Национальной гвардии вокруг города не было, но только потому, что Национальной гвардии мало, а нужна она буквально везде. Кейпы-беженцы дрались с местными и между собой, местные нигеры дрались с латиносами и азиатами, и всех их били белые, потому что им было все равно, кого бить. Судя по информации в интернете, в школах продлили летние каникулы, чтобы не подвергать учеников дополнительной опасности. Коммунальные службы находились на грани паралича, героев не хватало, чтобы обеспечить им безопасность, а сами герои после нескольких смертей своих коллег озверели настолько, что завели привычку выслеживать злодеев по одному, наваливаться числом и калечить почти до смерти. И общественность не возмущалась, потому что была слишком обеспокоена сохранением собственной шкуры.

Именно сюда меня привел след Панацеи и Краулера. Точнее, одного только Краулера, потому что трехтонной шинилле размером с фургон сложно затеряться даже в охватившем страну хаосе.

Я приземлился, недолетая несколько километров до черты города, и сразу же надел маскировку. Модулятор голоса перегорел еще быстрее, чем я ожидал, так что сейчас я использовал отсканированную внешность Взлома. Она была достаточно привлекательной, чтобы располагать к себе людей, не конфликтовала с тональностью моего голоса, и я испытывал неясное удовлетворение от того, что украл именно его облик.

Так что, когда меньше чем через десять минут голосования на обочине рядом затормозил потрепанный пикап, я не особо удивился. Коротковолосая блондинка, лет двадцати на вид, в джинсовых шортах и красной клетчатой рубашке, окинула меня

оценивающим взглядом и открыла дверь на переднее сиденье.

— Залазь, — сказала она коротко.

Я не стал заставлять себя ждать, и залез в салон, водрузив стазисный кейс на колени. Только на всякий случай коснулся своей силой Беретты за пазухой. Сила подтвердила, что курок взведен, а патрон дослан в ствол, достаточно снять предохранитель и можно стрелять. Заодно я отметил, что водитель не парачеловек. Хорошо.

— Ну, давай, рассказывай, ты по жизни кто? — она требовательно забарабанила пальцами по рулю, когда пикап чихнул мотором и тронулся с места.

— Ищу одного человека. Свою подругу, — я попытался добавить в голос капельку картавости, чтобы изобразить франко-канадский акцент. — Во всяком случае, она ей была, когда мы виделись в последний раз.

— Она живет в Балтиморе?

— Думаю, она здесь была недавно.

— Знаешь, тут сейчас не самое спокойное местечко. Думаешь, с твоей подругой все в порядке?

— Она способна о себе позаботиться... ну, я на это надеюсь. И она уезжала с человеком, готовым ее поддержать.

Причем в буквальном смысле, позволяя на себе кататься. В том, что Эми так или иначе прописала Краулеру на биологическом уровне лояльность к себе, я не сомневался. Иначе с чего бы произошла такая резкая смена поведения. Вопрос в том, насколько надежным было подобное ментальное программирование, и не преодолет ли его в итоге адаптивная регенерация Краулера.

— Оу, предчувствую какую-то интересную историю.

— Боюсь, я слишком трезвый, чтобы ее пересказывать.

— Теперь я еще больше заинтригована, — она игриво мне подмигнула. — Так вы с ней не встречались?

— Она никогда мной как парнем не интересовалась, и это было взаимно. Я больше по блондинкам.

Я выразительно на нее посмотрел. Судя по тому, как она заулыбалась, мои навыки флирта атрофировались не до конца. Тем временем я обследовал своей силой машину. Чувство вещества, не раз меня выручавшее, практически исчезло, оставив вместо себя что-то более глубинное и абстрактное. Я мог ощутить внутренние механизмы автомобиля, оценить его состояние — масляные фильтры нуждаются в замене, левое заднее колесо немного недокачано, свечи зажигания изношены настолько, что не ясно, как эта груда хлама вообще заводится. И главное — мог приблизительно понять, что представляет собой груз.

Два десятка автоматов кустарного производства и несколько тысяч патронов. У водилы тоже ствол, слева, где его не видно с пассажирского сиденья. Не удивительно, что эта девка такая смелая, подобрала незнакомого парня. За ней явно серьезная крыша. Серьезная не по моим меркам, конечно, но лучше поддержать игру, не нарываться раньше времени.

— С чего собираешься начать поиски?

— С лагерей беженцев. Поспрашиваю народ, сломаю десяток челюстей, продырявлю пару голов.

— Ой, да ладно тебе заливать!

— Что не так?

— Ты не похож на человека, который хоть раз в жизни дрался.

Я старательно изобразил кислую физиономию.

— Я правда выгляжу настолько безобидно?

— Будь ты конфеткой, я бы тебя уже съела.

— Звучит как план. Меня зовут Конрад.

— Я Мэри. Это скандинавское имя?

И так далее. Под пустой треп мы въехали в город и запетляли по окраинным улицам. В какой-то момент я заметил, что Мэри сбросила скорость и начала меньше болтать и больше смотреть на дорогу и по сторонам. Территории банд... боже мой, все прямо как дома, сейчас расплачусь от ностальгии.

— Блять, — наконец изрекла она. — На два дня отлучилась, и все уже перекрасили.

— У нас проблемы? — уточнил я.

Особых идей, что мне делать с бандой, членом которой она, безусловно, являлась, у меня не нашлось. Закрепляться я здесь не собирался, независимо от результатов поисков, да и немного было бы толку от собранной абы как кучки паралюдей. Разве что использовать их как образцы для новых установок, но это еще должны попасться подходящие силы, на которые будет не жалко времени. Но это даже не третьестепенная проблема, разберемся.

— Черные пантеры, — процедила Мэри сквозь зубы. — Они выбили наших отсюда.

Она вытащила телефон и на ходу принялась куда-то названивать. Судя по тому, что спустя минуту она ругнулась и спрятала телефон обратно, трубку никто не брал. Возможно, уже было некому.

— Сколько у них сейчас кейпов? — спросил я, предчувствуя недоброе. Нынешние Черные Пантеры мало походили на изначальную организацию, но идеология черного расизма никуда не делась. Правда, действовали в основном на Юго-Западе... похоже, новая ячейка.

— Трое, но они сильные. Пистолеты не помогут, — она посмотрела на меня. — Стой, ты серьезно?

— Просто спросил. Раз уж пошла такая пьянка, может, уберемся отсюда сначала?

Видимо, предлагать это нужно было на пять минут раньше, потому что впереди и сзади выехали черные автомобили и тут же резко затормозили с заносом, перегородив дорогу. Из тех, что спереди, неторопливо выбралось три кейпа в сопровождении боевиков, сзади оказались только громилы с пистолетами и ружьями. Я вздохнул и вытащил револьвер.

— Знаешь, какие силы у тех троих?

— Левый превращается в живую молнию и может стрелять разрядами. Правый создает шипы и лезвия из черного кристалла и свободно ими управляет. Центральный очень сильный, почти непробиваемый и мгновенно регенерирующий.

— Достаточно. Закрой глаза и падай на пол.

Я выбрался из машины и окинул своей силой улицу. Нигде ни одной камеры слежения. Район нежилой, случайного зеваки с телефоном можно не опасаться. Плохо. Теперь этих мартышек даже жалко.

Мир для меня потерял цвета. Револьвер в руке взмыл на линию огня, и тут нигеры начали стрелять.

Удары пуль смогли затормозить меня на треть секунды — столько составляла продолжительность временной петли, в которую я заключил сам себя. Подключенные к центральной нервной системе очки подавляли болевые ощущения, так что когда петля сбросила ранения, я перекатился в сторону и выстрелил в ответ.

Револьвер выплюнул дезинтегрирующую вспышку, но на порядки более мощную, чем применялись до сих пор. В мгновение ока с улицы исчезли и машины, перегораживающие улицу, и кейпы Черных Пантер, и приехавшие с ними боевики, и даже солидный слой дорожного покрытия. Область пространства, длиной сто метров и шириной в двадцать, перестала существовать.

В спину снова ударили пули, одна из которых попала мне в затылок, от чего в глазах на миг потемнело. Я развернулся в сторону оставшихся бандитов, которые толком еще не поняли, что произошло. Во второй раз пришлось стрелять аккуратнее и брать прицел повыше, чтобы не повредить дорогу. Из-за этого машины и стрелки не исчезли полностью, на улице остались стоять их ноги и части автомобильных колес.

Меньше трех секунд на все. Даже противно немного, будто побил малышню в песочнице, настолько несоразмерны были силы. С отключением защиты мир снова стал разноцветным, я подошел к пикапу и забрался обратно на пассажирское сиденье.

— Эй, ты там еще живая? Проснись и пой, сегодня твой второй день рождения.

— Блять... блять... блять... — повторяла Мэри как заведенная. — Блять...

Следуя моему совету, она еще до первых выстрелов сползла под руль и скорчилась на полу. Фигура у нее была крепкая, но довольно компактная, так что пули, изрешетившие кузов и стекла, ее не задели, но сейчас ей явно требовалось выпить что-нибудь покрепче.

— Кончай гундеть, садись за руль, да поехали.

Мэри приняла относительно вертикальное положение и увидела раскуроченную дезинтегратором улицу.

— Блять, — на всякий случай повторила она. — Так ты кейп!

— Нет, я корреспондент National Geographic. Собираю материал для фильма о редких видах. Например, о гигантских шиншиллах размером с грузовик. Слышала о таких?

— Твою ж мать, — Мэри уперлась лбом в руль. — Слушай, Конрад, или как там тебя зовут. Я забуду тебя, твое лицо и вообще весь этот ебучий день. Я не знаю, какие у тебя дела с Красной Королевой, но не надо меня в них впутывать.

— Так, красотка, слушай сюда, — я почти нежно приобнял ее за плечи. — Просто заводи свою колымагу и вези меня к Красной Королеве. Я только что убил дюжину людей, которых даже не знал, чтобы спасти твою никчемную шкуру, поэтому твоя жизнь теперь принадлежит мне. Усекла?

— Окей, босс, — обреченно вздохнула Мэри и повернула ключ зажигания.

Пикап закашлялся, будто чахоточный больной, и только с третьей попытки изволил завестись. Мэри сдала назад, давя колесами остатки машин Черных Пантер и их самих, и вырулила на соседнюю улицу. Я откинулся на спинку сиденья и с облегчением выдохнул. Красная Королева, серьезно? Надеюсь, Эми не сама это имечко придумала.

Кружными путями мы ехали на север. Дорога заняла немало времени, солнце начало клониться к закату, но теперь ехать было скучнее, потому что Мэри больше не трепалась без остановки, а только поглядывала на меня с опаской. В общем, завязывать заново разговор мне пришлось самостоятельно.

— Что из себя представляет Красная Королева?

— А то ты сам не знаешь.

— Похоже, она успела измениться. Как давно она в Балтиморе? Чем занимается?

— Впервые заявила о себе в июне. Тогда беженцев было еще больше, чем сейчас, и все уверено катилось к чертям. Она обосновалась в одном из лагерей. Потребовала повиновения,

а взамен пообещала помощь больным и покровительство. Ее сначала не восприняли всерьез, потому что носила она грязные лохмотья с чужого плеча, а еще с ней была эта придурочная гигантская шиншилла, Нед. Потом она вроде кого-то вылечила, к ней потянулись люди и Костоломы решили ее проучить, потому что это была их территория.

— Костоломы это банда?

— Ага, банда. Была.

— Моя девочка так выросла. Раньше она вообще боялась сражаться, не то, что убивать.

— Она никого не убила, — покачала головой Мэри. — Нед их крепко отделал в одиночку, потому что он хоть и шиншилла, но регенерация и сила у него просто сумасшедшие. Потом пришла Красная Королева и сказала, что они достойны самого худшего наказания.

— Она превратила их в хищных амёб-мутантов с щупальцами?

— Ах, если бы. Все Костоломы были черными, и Красная Королева каким-то образом сделала из них в натуральных арийцев, хоть сейчас на нацистский агитационный плакат.

Я не выдержал и расхохотался. Мэри тоже не сдержалась и хихикнула.

— И что дальше? Они впали в депрессию и сбежали с позором?

— Если такие и были, то меньшинство. Я свечку не держала, но говорят, они так обрадовались, что больше не черные, что через несколько дней пришли к ней на поклон и присягнули на верность в полном составе. Теперь они ее гвардия, что кейпы, что нормисы, защищают беженцев и поддерживают порядок. Говорят, особо отличившихся Красная Королева награждает дополнительными изменениями. Может вырастить непробиваемую костяную броню прямо на коже или цепкий хвост как у геккона, изменить кишечник, чтобы переваривал целлюлозу, сделать зрение острее, чем у ястреба. Ну и так далее.

— Кажется, времени она не теряла.

— Сейчас она по факту единолично контролирует всю территорию лагерей. Все, кто пытался на нее наезжать, исчезали без следа, так что очень быстро таких идиотов не осталось. Слушай... можно, я тебя высажу у окраины? Я реально боюсь туда ехать.

— А я нет. Дави на газ.

— Можно нескромный вопрос?

— Ебош.

— Кто ты вообще такой?

— Если скажу, что я самая страшная тварь на свете, поверишь?

— Эээ... не особо.

— Ну не верь.

Лагерь беженцев разместились на территории двух парков, Друид Хилл и Херринг Ран, и причин тому было две. Во-первых, там были естественные озера, которые частично решали проблему пресной воды. Во-вторых, это хоть как-то отделяло беженцев от местных, и таким образом уменьшало количество конфликтов. Можно предположить, что меры сработали. По крайней мере, окрестности парков не выглядели как цель ковровой бомбардировки.

Зато присутствие Красной Королевы ощущалось в полной мере. Въезд на территорию лагеря Друид Хилл перегораживал шлагбаум, рядом с которым стояло два светлородых голубоглазых атланта, одетых как типичные нигеры из гетто и вооруженных помповыми дробовиками. Мэри затормозила, и один из них вышел вперед.

— Стоять. Вы не из муниципалитета и на беженцев не похожи, — сказал он. — Назовитесь, и говорите, зачем пришли.

Я выбрался из машины, прихватив с собой кейс, и подошел к нему.

— Меня зовут Конрад, я друг той, кого вы зовете Красной Королевой. А если вы друзья Красной Королевы, значит вы тоже мои друзья, — я широко развел руки. — Обнимашки?

Направленный в мою голову ствол дробовика был красноречивее любых слов.

— Ясно. Проваливай.

— Снежок, ты не кипятишься, а то пятнами пойдешь. У вас сейчас два варианта. Первый: вы позовете Неда, чтобы он убедился, что я это я, и все будет замечательно. Второй: я побью вас обоих, найду в лагерь и найду Неда и Красную Королеву сам. Все опять же будет замечательно, но у вас останутся синяки. Что выбираете?

— Эй, парни, вы бы его послушали, — высунулась из окна пикапа Мэри. — В него меньше часа назад разрядили десяток обойм, а ему хоть бы что. А еще он испепелил всю банду Черных Пантер вместе с половиной квартала.

— Кейп? — уточнил второй охранник.

— Да.

— А чего без маски?

— В смысле, без маски? Она сейчас на мне. А свое лицо я надеваю только когда это нужно.

Он ушел вглубь парка, а я прислонился к пикапу и принялся ждать. Мэри нервно барабанила по рулю пальцами, оставшийся охранник следил за мной в оба глаза, но хоть ружье опустил. Спустя четверть часа я услышал знакомый гулкий топот.

Бывший Краулер, а ныне просто Нед, умудрялся при своем весе и габаритах перемещаться с невероятной грацией и скоростью. Вот он только петляет между рядов палаток, а вот уже возвышается надо мной, сидя на задних лапах. Позу можно было бы назвать комичной, если бы не впечатляющий набор резцов в его пасти, которыми шиншиллы легко перекусывают овощи и фрукты. Или, к примеру, кейпов.

— Что-то я тебя не узнаю, — пробасил он.

— Когда мы виделись последний раз, я носил черное, и назначил тебе испытание, которое и свело тебя с твоей нынешней подругой.

— Хм, — он склонился ниже. — Но испытания проходил не только я.

— Бочка пива, — сказал я коротко.

— Ребята, он свой, — сказал Нед и сгреб меня передними лапами. — Здорова, бандит! А говорили, что ты в Нью-Йорке копыта откинул!

— Ребра! — прохрипел я с ноткой паники. Защиту я включать не стал, и уже чуть было не пожалел. Быть задушенным в чувственном порыве трехтонной шиншилой... не так я представлял себе свой конец. К счастью, Нед внял мольбе и тут же меня впустил. — Много чего случилось, и далеко не все было так, как говорят в СМИ.

— А где пропадали столько месяцев?

— Долго рассказывать. У меня важное и срочное дело, — я пнул стоящий рядом кейс.

— А, ну тогда пошли.

— Одну секунду, — я обернулся. — Мэри, вылезай. Ты со мной.

— Что?! Мы так не договаривались.

— Тебе следует встретиться со своими страхами. Считаю это терапией.

С кислой миной бандитка вылезла из пикапа и поплелась следом за мной и Недом. Тот, в свою очередь, в подробностях рассказывал об их с Эми путешествии. Долгое время они вдвоем брели куда глаза глядят без всякой цели, пока не дошли до Балтимора, уже

наводненного беженцами. Эми тогда была в совершенно подавленном состоянии и глубокой депрессии. По мнению Неда, ей совершенно не нравилась роль пахана, заправляющего территорией, но она буквально заставляла себя быть твердой, а временами и жестокой.

— Не жалеет она себя, — шиншилл печально махнул хвостом.

— Она всегда такой была. Нам далеко еще?

— Да вот пришли уже. Вон ее палатка.

Палатка была солидной, армейской. Даже не палатка, а целый шатер. У входа стояли еще два арийских викинга с оружием, причем ноги одного были похожи на страусиные, а кожу другого покрывали костяные пластинки. Своим видом они держали на почтительном удалении небольшую очередь людей. Я просканировал их с помощью очков. У двоих был сильный жар, у третьей какое-то воспаление в брюшной полости, четвертый был в относительном порядке, для своих преклонных лет, но подслеповато щурился. Мы подошли к входу, и если Нед вопросов у телохранителей не вызвал, то на меня и Мэри они сделали стойки, как заправские легавые.

— Они со мной, — успокоил их Нед. — Мы к Красной Королеве.

— Босс занята, — упрямо сказал телохранитель с чешуей.

— Да, велела впускать по очереди, — подтвердил второй, со страусиными ногами.

— Вон тот в очках — ее друг. Ему можно без очереди.

— Нед, не стоит. Люди пришли, чтобы получить помощь, без нее им будет намного хуже, кто-то может и умереть. Я знаю силу Красной Королевы, она управится с ними быстро, а мне не сложно посидеть в очереди. Я ждал три месяца, подожду еще полчаса.

— Ну ладно, — шиншилл фыркнул, что при его размерах прозвучало как тигринный рык. — Если что — зови.

Он куда-то упрыгал, оставив меня и Мэри топтаться на месте перед шатром. Внимание все вокруг сосредоточили на мне, как на блатном, который не воспользовался привилегией. Стало немного неудобно, но я постарался взять себя в руки и не трогать рукоятку револьвера.

— Так ты правда знаком с боссом? — спросил телохранитель с чешуей.

— Ага.

— Давно ее знаешь.

— Прилично.

— А, значит ты тоже из Броктон Бей? — удивился второй.

— Вроде того.

— С каждой минутой, проведенной с тобой, я вообще жалею, что сегодня встала с постели, — пробормотала Мэри. — Ехала с грузом, и случайно подобрала парня из Броктон Бей.

— А что не так? Мы же не чумные.

— Если ты давно знаешь Красную Королеву и жил в Броктоне, значит и Ахримана видел?

Произнесенное имя вызвало эффект разорвавшейся бомбы наоборот — все вокруг притихли, а ожидавшая в очереди женщина пробормотала короткую молитву и перекрестилась.

— Видел, — уклончиво ответил я. — Когда он еще не был Ахриманом.

— Блять... этот мир просто ебанулся.

— Поздравляю с разморозкой.

Где-то через сорок минут очередь добралась и до нас. Чешуйчатый телохранитель

жестом разрешил заходить и откинул занавеску, служившую дверью. Я кивнул ему и вошел внутрь.

Эми действительно изменилась. Она заметно похудела, осунулась и загорела, так что веснушки на лице стали почти незаметными. Отросшие волосы она теперь собирала в плотный узел на затылке. Ее прежняя тяжелая белая мантия канула в небытие, теперь она носила что-то вроде кроваво-алой древнеримской тоги. Но главное — глаза. Не вечно уставшие и раздраженные, как в последние мирные дни Броктон Бей, и не полубезумные, во время буйства Девятки. Нет. Колючие, пронзительные, с затаенной болью в глубине. От прежней Панацеи в ней не осталось почти ничего.

— Что у вас? — хмуро спросила она.

— Привет, Эми, — поздоровался я. — Было непросто тебя разыскать.

— Ты кто вообще?

— Коснись меня и вспомнишь.

Я протянул ей руку и одновременно с ее касанием отключил маскировку. Она внешне словно даже не удивилась, только долго держала мою ладонь и смотрела куда-то в пустоту.

— Почему я не удивлена? — спросила она глухо. — И как тебя теперь называть?

— Можно просто Конрад. Так будет проще.

— Думаешь, в тебе много осталось от моего друга, который тебя создал?

— Достаточно, чтобы считать себя им.

Эми вздохнула и села за раскладной столик. Она налила воды в стакан, залпом выпила половину и смерила меня усталым взглядом.

— Чего ты хочешь от меня? Ты полностью здоров. А если твоей новой подружке нужен аборт, то я таким не занимаюсь.

Я сел напротив нее и положил на столик кейс.

— Мне нужна помощь, и помочь мне можешь только ты.

— Помощь какого рода? С превращением Новой Англии в руины ты и сам справился прекрасно.

— Признаю, был неправ, вспылал. Извиняться не буду. Сейчас я работаю в тандеме с Диной Элкотт, наша цель — не допустить гибели человечества в течение следующих десяти лет.

— Элкотт... это та девочка, которую похитил Выверт?

— Да. Я вытащил ее сразу после того, как вы с Недом уехали. Она пророк невероятной силы. Возможно, сильнейший из всех, кроме Симург. Именно ее сила и позволила мне соскочить с крючка. Я уже три месяца наслаждаюсь тишиной, без этой гребаной песни в голове.

— Поздравляю.

— Спасибо. Но прямо сейчас мне нужно решить вопрос с Джеком Остряком, и решить раз и навсегда.

— Так в чем проблема? Просто сбрось на него ядерную бомбу.

— Это так не работает. С его силой... что-то непонятное. Что-то, что позволяло ему четверть века ставить раком СКП и Протекторат. Как минимум, мне нужно понимание его силы, и тут на сцену выходишь ты.

— Я работаю только с живой тканью, если ты забыл.

— Она у меня есть.

Я открыл кейс и продемонстрировал Эми содержимое.

— Это... это то, что я думаю?

— Если ты думаешь, что это ухо Джека Остряка, то да, все верно думаешь.

— Откуда?

— Эта паскуда улизнула от меня в последний момент. Петля времени успела захватить только ухо, а потом приперлась Сибирь... ну это детали, к делу не относящиеся.

— Эммм... и что мне с этим делать?

— Что-нибудь, — я развел руками. — В идеале я бы хотел, чтобы ты объединила его силу с моей.

— И для этого мне придется лезть в мозги. Опять.

— Судя по Неду и армии твоих арийских воинов, у тебя с этим нет никаких проблем.

— Черт... я не знаю, каким способом ты возрождаешься после смерти но, похоже, он тебе мозги отшиб. Ты хочешь, чтобы я сделала второго Джека Остряка?!

— Я бы не стал выставлять это в таком свете...

— Второго Джека Остряка с возможностями сильнейшего в мире Технаря, которого официально приравняли к Губителям!

Я грохнул ладонью по столу.

— Эми! Я дал себя убить, пожертвовал своими лучшими изобретениями, а потом месяцы мотался по необитаемым параллельным мирам не для того, чтобы ты в очередной раз устроила истерику и все испортила! Seriously, я не хотел доводить до этого, но ты меня вынуждаешь!

— Да неужели?!

— Ты мне задолжала, подруга! Свою жизнь, свою свободу, и свой рассудок! Не найди я тебя тогда в заброшке и не приведи в чувство, чем бы закончились твои милые развлечения?! Клеткой?! Или бы тебя просто пристрелили из жалости?!

— Заткнись!

— Ты меня не заткнешь! Никто не заткнет! Я прошел через все ады этой вселенной, и всегда собирал яйца в кулак и делал дело! Почему ты один ебаный раз не можешь достать голову из задницы и ПРОСТО ВЗЯТЬ И СДЕЛАТЬ?!

Эми выхватила из сейфа ухо и указала мне на кушетку.

— Укладывайся! — почти всхлипнула она. — Никаких гарантий я не даю, если что-то пойдет на так — сам виноват! Хотя нет. Если что-то пойдет не так, я просто отключу тебе сердце.

— Вот так бы сразу, — я лег на кушетку. — Почему обязательно надо было ерепениться?

— Заткнись, — буркнула она и положила ладонь мне на лоб.

Все вокруг провалилось в темноту.

Я бы сказал, что не знал, сколько времени провалялся без сознания, но подключенные очки лишили меня возможности применить этот избитый оборот. Мое беспамятство длилось всего лишь девять минут и одиннадцать секунд, так отрапортовал встроенный хронометр.

— Он вообще жив? — спросил обеспокоенный мужской голос.

— Этого убьешь... — раздраженно протянула Эми. — Сделай кофе, у меня что-то голова разболелась.

— Ага, сейчас...

Я сел на кушетке и осмотрелся по сторонам. Ощущения были... странные. Что-то

изменилось в моем способе восприятия, и в силе. На всякий случай я осмотрел свое снаряжение и убедился, что с ним все в порядке, и я чувствую его также, как и прежде. Значит, дело в чем-то другом.

— Эй, ты как? — спросил незнакомый худой парень. В его словах чувствовалось участие и дружелюбие, поза выражала расслабленность, но в движениях чувствовалась еле заметная заторможенность. Где-то внутри, на недостижимой глубине, он был совсем другим.

— Поверь, бывало и хуже, — меня вдруг осенила внезапная догадка. — Нед?

— Угадал. Эми мне силу подкрутила. Могу превращаться обратно в человека. Очень удобно. Пушистым быть хорошо, но кофе, например, не сварить, когда у тебя лапки.

Я посмотрел на Красную Королеву, сидящую за столиком и подпирающую щеку кулаком. За внешним спокойствием она скрывала страх. Страх, что породила такое же чудовище, в которое она превратила сводную сестру. Она играла со своими миньонами, экспериментировала с ними, безуспешно убеждала себя, что действует во благо, и пыталась убежать в привычную обрыдлую работу целителя.

— Спасибо, Эми, я верил в тебя. Прости, что наорал на тебя, как последний мудак. Я слишком много времени провел в изоляции, социальные навыки атрофировались.

— Что-нибудь вообще получилось? — спросила она. — Как ощущаешь свою силу?

— Чувствую, что что-то поменялось, но нужно проверить.

— Простите, а есть что-нибудь покрепче кофе? — подала голос Мэри.

— Есть водка, — сказал Нед. — Только она картофельная, а не пшеничная.

— Не важно, — отмахнулась она. — Я готова выпить чем угодно, хоть стекломоем.

О ней я ничего нового сказать не смог.

Я принялся обшаривать себя в поисках того, на что реагирует моя сила, и нашел искомое на поясе. Армейский нож в кожаных ножнах. Осторожно, ожидая любой подставы, я вытащил оружие и ощутил, как сила обволакивает лезвие.

— Нед! — позвал я. — У тебя в человеческой форме как с регенерацией?

— Да все также. А что?

— Замри.

Я взмахнул ножом. Невидимая волна сорвалась с режущей кромки ножа, и рассекла лицо бывшего члена Девятки. Какая-то волновая передача... но не кинетическая энергия. Что-то концептуальное. Слово не лезвие ножа проецировалась на расстояние, как это описывало досье СКП, а передавалась сама *идея* разреза. Часы на моей левой руке отреагировали на легкое возмущение в пространстве. Значит, эта сила могла действовать сквозь миры.

— Эй, ты чего? — возмутился Нед. Разрез на его лице затянулся еще до того, как я завершил взмах.

— Извини. Хотел убедиться, что все в порядке.

Два дня спустя, штат Вермонт

Пикап с трудом держал скорость шестьдесят километров в час. Хрипы и стук в двигателе продолжались с перерывами уже третий час, и я невольно начал опасаться, что дряхлая машина вот-вот развалится на части, пусть моя технарская сила и говорила об обратном. Тем временем на востоке понемногу начинал занимать рассвет, а стрелка на индикаторе уровня топлива уверенно сползала в красную зону.

Мэри спала на заднем сиденье, подложив кулак под голову. Во сне она казалась почти умиротворенной, даже легко было забыть, как она отреагировала прошлым вечером на открывшуюся истину. От того она вдвойне удивилась, когда я предложил ей подработать моим личным водителем. Правда, всю ночь за рулем провел я, поскольку во сне не нуждался, но в целом сути это не меняло.

Похоже, месяцы изоляции повлияли на меня гораздо сильнее, чем я предполагал раньше. А все издевательства над собственным телом — гораздо слабее. Тащиться на полуразвалившемся пикапе вместо скоростного полета, да еще прихватив с собой девку без суперсил было идиотским, нелогичным поступком. Или чересчур логичным, если я правильно понял силу Джека.

Новая сила, украденная у Джека, вызвала больше вопросов, чем дала ответов. Как я помнил из досье, она работала с любыми колюще-режущими предметами, от швейных игл и осколков стекла до ножей и топоров. Но это было лишь внешнее проявление, одна грань силы, заметная внешне. Второе ее свойство, несоизмеримо более тонкое, я бы, наверное, даже не заметил, если бы не привык тщательно анализировать свои ощущения.

Сразу после того, как Эми провела мне операцию, я с необычайной чуткостью начал подмечать ее настроение и намерения. Я оттолкнулся от этой гипотезы, и уговорил Неда и пару кейпов из подданных Красной Королевы на односторонние спарринги — они были свободны в выборе способов уложить меня на лопатки, я мог только обороняться только голыми руками. Никто из них не смог меня даже коснуться, даже Нед. Я и раньше не жаловался на скорость реакции и недостаток боевых навыков, но бой с использованием силы Джека был подобен танцу, где мелодией служила сила противника.

Для чистоты эксперимента я решил повторить спарринги с бойцами без способностей... и тут же почувствовал себя одновременно ослепшим и оглохшим. Нет, моих собственных навыков и физической формы хватало, чтобы стоять против взрослых, крепких мужиков, но это был обычный бой, более-менее равный.

Так значит, Джек был Умником подтипа «боевой», но ориентированный только на паралоудей? Нет. Однозначно нет. Я знал по описаниям, как работают силы «боевых» Умников, они не могли быть настолько неуловимыми и трудно осознаваемыми. До крайности заинтригованный, я нагуглил старые фотографии Джека Остряка, сделанные еще в начале 90-х, и после небольшой возни с настройками, смоделировал для фазированного проектора внешность, близко напоминающую лидера Девятки в молодости, но не точную копию.

Обзаведясь черной шевелюрой и не знавшими бритвы усиками, я вытряс из топящей стресс в бутылке виски Мэри информацию о действующих в Балтиморе бандах, после чего уложил ее отсыпаться, а сам отправился на поиски приключений. В стиле Джека — то есть

не используя свой наступательный арсенал, с расстегнутой рубашкой на голое тело, с одним лишь ножом.

Той ночью злодеи в Балтиморе не кончились, но количество их поубавилось. Некоторые из тех, с кем я столкнулся, имели неочевидные слабые места, обнаружение которых не составило никаких проблем — например оказалось, что если у противника непробиваемая кожа, можно использовать иглы от одноразового шприца, чтобы атаковать его зрачки. Другие были полностью неуязвимы для проецированных лезвий, но против них удавалось применить предметы окружения, оторваться от преследования или просто избежать столкновения. Под утро четверо очень злобных латиносов с неприлично мощными силами буквально зажали меня в угол, но я заставил себя сохранять спокойствие и беззаботно поигрывал ножом в пальцах, а злодеи, впечатленные моими прошлыми похождениями, опасались нападать в лоб. Они начали переговоры, и с каждой секундой росло мое понимание не только их сил, но и мотивов, стремлений, потаенных желаний. Примерно через полчаса разговора все четверо, чуть ли не маршируя в ногу, отправились на аудиенцию к Красной Королеве, твердо уверенные, что служить ей — это именно то, о чем они всегда мечтали.

Сам я в лагере беженцев решил не задерживаться, к вящему разочарованию Неда, который жаждал похвастаться выученным рецептом кукурузных кексов. В основном потому, что теперь один мой вид вызывал у Эми смесь паники, ужаса и истерики, а мне не хотелось еще сильнее беречь ее душевные раны, которые только-только начали рубцеваться. Поэтому Мэри получила щедрое предложение, не подразумевающее отказа, большую часть оружия за полцены выкупили люди Красной Королевы, и уже сутки мы ехали на север, стараясь держаться в стороне от оживленных трасс.

Я знал, где искать Джека. И уверен, он знал, что я иду за ним.

Солнце показалось из-за горизонта, а впереди замаячил небольшой городок. Я сбавил скорость и пробежался взглядом по знаку на въезде:

«Добро пожаловать в Киллингтон, сердце Зеленых Гор».

Киллингтон. Почти как Киллинг-таун, «город убийств». Меня посетила мысль, что очень в стиле Джека устроить тут какую-нибудь игру, в ходе которой жуткой смертью погибнут все жители городка. К счастью для городка, Джек и Девятка находились в примерно в паре сотен километров, и двигались в противоположном направлении. А если бы он сюда и заявился, так мне же меньше работы.

Киллингтон относился к тем городам, которые буквально состоят из одной площади и четырех улиц, причем большая часть домов сейчас пустовала — для лыжного сезона было рановато. Да и находился этот курорт слишком близко к пострадавшим от Ахримана территориям, так что рассчитывать на зимнее обилие туристов вряд ли приходилось. Для меня же в настоящий момент это означало, что далеко ходить за покупками не придется, заправка, кафетерий и небольшой магазин стояли рядышком. Я на всякий случай проверил свою маскировку — я все еще носил облик Взлома — и заехал на заправку.

Час был ранний, так что улицы все еще пустовали. Я остановил пикап у колонки, вылез из салона и чуть не охнул, когда попытался размять затекшие ноги. Надо было сделать остановку для разминки еще ночью. Всунув заправочный пистолет в бензобак, я пошел в павильон.

Оператор спал. Жирный рыжий парень, лет двадцати, с печатью ирландского вырождения на лице и тонким ручейком слюны изо рта. Я посмотрел на вывеску с надписью

«круглосуточно». Потом снова на оператора. Мысленно прошелся по нескольким особенно изощренным способам пробуждения, включавшим помимо прочего нож, дезинтегратор и пистолет, после чего отмел их все, сложил ладони рупором и заорал засоне в ухо:

— Губители напали! Спасайся, кто может!

К вящему моему разочарованию, ирландский вырожденец не подскочил как ошпаренный, не перевернул стул и не распластался на полу. Он вяло заворочался, слегка приподнялся и спросил, почти не разжимая глаз:

— Чё?

— Губители, говорю, напали. И Бойня № 9. Скоро еще Нилбог и Ахриман на вечеринку заглянут.

В глазах рыжего возникло что-то, отдаленное напоминающее осмысленность. Он покрутил головой по сторонам, словно ожидая обнаружить Бегемота стоящим через дорогу, и уставился на меня с возмущением.

— Какие еще Губители, че за херню несешь!

— Шестьдесят литров 87-го, вторая колонка, — я положил перед ним несколько купюр. — Дома овец считать будешь.

— Здесь я уже всех пересчитал... — вяло огрызнулся оператор и принялся отсчитывать сдачу.

— Странно, что у вас все еще есть бензин.

— Так это, из Канады ж везут. И ездят сейчас мало.

— А, вот как. Удобно, когда граница рядом, правда?

Рыжий только что-то неопределенно промычал. Забрав сдачу, я вышел наружу, дождался, пока бензобак заполнится и повесил заправочный пистолет на место. Смущало меня не только наличие бензина, пусть и по совершенно бессовестной цене. Киллингтон находился на востоке штата Вермонт, и посреди запустения, через которое мы проехали ночью, казался островком цивилизации и благополучия. Я прислушался к силе Джека, но удушливого ощущения, до заливающего глаза пота, не было. В Киллингтоне определенно присутствовала параугроза, но не как нацеленный в лицо пистолет, а как едущий по улице грузовик. Если специально не прыгать под колеса, ничего плохого не случится.

— Мэри! — я постучал по боковому стеклу. — Просыпайся, привал.

Девушка сонно заворочалась и подняла голову.

— Сколько время?

— Семь утра. Здесь есть работающий магазин и кафетерий, так что советую воспользоваться случаем.

— А душа у них тут нет случайно?

— Должны быть, по идее, раз это лыжный курорт.

— Тогда хоть зубы почищу...

Мэри принялась копаться в рюкзаке в поисках щетки и пасты, и я последовал ее примеру. Вопрос гигиены в путешествии по опустошенным штатам вообще стоит остро. В моей крепости на Земле-К2 место для мытья оборудовать было несложно, всего-то отвести пару труб от водопровода. В родном мире даже зубы почистить удавалось лишь от случая к случаю. Собственно, меня это и не заботило, пока Мэри вдруг не сказала прямо в лоб, что от меня несет. Похоже, вопрос действительно встал ребром. И раз уже речь зашла о гигиене... я провел ладонью по щеке.

Пора начинать бриться. А то скоро буду похож на Оружейника.

Кафетерий рядом с заправкой не был заявлен как круглосуточный, так что нам пришлось довольно долго ждать, пока он соизволит открыться. Возможно, он бы вообще не открылся, если бы не наше прибытие. Во всяком случае, внутри не было ни официанток, ни кассира. За стойку встала преклонных лет женщина, скорее всего, владелица заведения. Остальной персонал, похоже, разъехался кто куда.

— Доброе утро, мэм, — поздоровался я, садясь на стул, и улыбнулся. — У вас еще обслуживают?

— Смотря чего вам надо.

— Плотный завтрак на двоих, и будьте добры, включите телевизор.

Хозяйка отправилась на кухню, Мэри — в туалет. Я от нечего делать начал смотреть новости по телевизору и чуть не поперхнулся, когда в кадре появился Оружейник — а точнее, Отступник. Странностью конечно было не появление героя на экране, а подпись, которой сопровождался кадр. «Глава Протектората». Кхм. Мои поздравления, мистер Уоллес. Кажется, ваша карьера пошла в гору.

— ...уже сейчас вы можете видеть плоды реорганизации Протектората и СКП. Мы отказались от прежней громоздкой и малоэффективной системы, теперь она разбита на более специализированные подразделения, в которые герои попадают в соответствии со своими силами и личностными характеристиками. Патрулирование, отряды быстрого реагирования, следственные группы. В настоящий момент исключена ситуация, что герои и специалисты без способностей будут действовать рассогласованно.

— И, конечно же, отсутствует риск, что кто-то единолично сосредоточит в своих руках единое командование всеми силами героев, — закончила за него журналистка, бравшая интервью.

— И это тоже.

— Расскажите пожалуйста телезрителям, какие изменения постигнут систему Стражей?

— Как таковых, Стражей тоже больше не существует, вместо этого мы переходим к принципу наставничества. Это даст юным героям больше возможностей для самореализации, и в то же время снизит риск, ведь они будут действовать в командах с взрослыми и опытными масками.

— Но в таком случае им придется иметь дело со взрослыми проблемами. Беспринципные злодеи, безумцы, чудовища... разве не так?

— Они имели с ними дело уже давно. Только во время атаки Левиафана на Броктон Бей погибло семеро несовершеннолетних кейпов, двое из них были моими подопечными. И что-то я не слышал возмущения правозащитников по этому поводу. Разумеется, ни о каком принуждении речи не идет, как и о негативном влиянии служебных обязанностей на учебу. Несовершеннолетние не будут работать полный день, их обязанности не повлияют на получение ими образования. Мы хорошо понимаем, насколько важно время юности, и не хотим, чтобы юные герои превращались в псов войны с пеплом на глазах, не видящих ничего кроме сражений. И, кроме того, не следует недооценивать молодежь. Для кейпов возраст — это исключительно мерило ответственности, которую на них можно возложить, но никак не мерило силы. Июньские события показали это отчетливо.

— Да, июньские события. Ахриман. Потенциально, самый страшный из Губителей, из-за своего сходства с людьми. Вы даете гарантию, что он уничтожен?

— Насколько вообще возможно что-то гарантировать, когда имеешь дело с Губителями. С вероятностью, стремящейся к единице, Эйдолон перед своей гибелью сумел подобрать

комбинацию сил, способную нанести летальный урон. Что, в свою очередь, спровоцировало настолько мощную реакцию, последствия которой не устранены до сих пор. Прощальный подарок, если можно так выразиться.

— Он тоже был вашим подопечным, если я ничего не путаю.

— Был. И перестал им быть, когда вскрылась правда о его преступлениях. Это давно в прошлом.

— И, тем не менее, вы и Дракон — единственные, кто сошелся с ним в противостоянии и выжил, чтобы рассказать об этом. Не хочу показаться навязчивой, но не могло ли в этом быть личных мотивов?

— Вы обвиняете меня в сговоре с Губителем? По-вашему, можно сговориться с ураганом, землетрясением или засухой?

— Простите, я немного неточно выразилась. Допускаете ли вы мысль, что возможно, повторюсь — «возможно», Ахриман оставил вас в живых потому, что где-то в глубине в нем оставалась крупица человечности? Я хочу сказать, мы впервые воочию увидели, как рождается Губитель. Возможно, что и до остальных можно как-то достучаться? Напомнить им о том, кем они были.

— Чушь. Это полностью исключено. Я был выведен из строя, находился на грани смерти и более не представлял угрозы. Ахриман просто не посчитал меня целью, достойной траты времени. Это полностью вписывается в типичное поведение Губителей, иначе бы в боях с ними вообще не было выживших.

— Спасибо за разъяснение. В продолжение темы Губителей, с момента последней атаки прошло уже больше четырех месяцев, и где-то начали раздаваться робкие предположения, что кошмар длиной в девятнадцать лет закончился. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Такой интервал между нападениями действительно является самым длинным за последние пять лет, тем более что до этого они имели тенденцию к сокращению. В настоящий момент комплекс различных средств наблюдения, созданных при совместной работе множества Технарей, осуществляет ежесекундный мониторинг состояния Губителей. Сейчас их поведение ничем не отличается от той спячки, в которую они впадают в перерывах между атаками. Пока рано делать какие-либо выводы, но есть версия, что промедление Губителей с атакой связано с тем, что Левиафан во время битвы в Броктон Бей получил крайне тяжелые ранения.

— Они напуганы?

— Без комментариев, не хочу распространять непроверенную информацию.

— Вот как... ну, к сожалению, время нашего эфира подходит к концу. Спасибо, Отступник, что уделите свое время. С вами была Элиза Хал, до встречи.

Новостной выпуск закончился, и на экране замелькала реклама. Хозяйка кафетерия вышла с кухни с двумя большими чашками кофе, одновременно с ней вернулась Мэри, умытая и окончательно проснувшаяся. Я пошел в туалет после нее, прокручивая в голове интервью, пытаюсь понять, какое послание в него вложил Отступник.

Первое. В Губители меня записали просто потому что. Чтобы из ниоткуда высосать позитивную повестку на фоне новостей одна другой кошмарнее. Людям нужна не правда а надежда, и как говорил директор Джеймс Тагг, земля ему пухом, общественность — это скот, который сожрет все, что СМИ положат ему в корыто.

Второе. Раскрытие личности Александрии шокировало всех, включая меня, но

американское правительство оно еще и напугало до икоты. Старики-конгрессмены, банкиры, мега-корпораций с залеченным муковисцидозом — перед ними всеми во весь рост встал не просто призрак парачеловеческого феодализма, который цвел и пах в той же Африке и Центральной Америке, а полноценная паракратия. И они приняли меры, какие смогли породить их сгнившие от Альцгеймера мозги, вырвали у Протектората и без того гнилые зубы. Раздерганный на множество ведомств, лишенный единого командования и возможности оперативно собирать в кулак большие силы, Протекторат перестанет быть пугалом даже для злодеев В-класса. В таких условиях коллапс государственного управления неизбежен в течение года-двух.

Третье. Если вспомнить слова Мантона-клона о том, что «они и есть Котел», это означает, что Котел, чем бы он ни являлся, утратил хватку. Александрия явно была ключевой фигурой среди них, если ее потеря привела к потере контроля над всей Северной Америкой — а если бы контроль сохранился, то они бы не допустили разгрома Протектората элитами.

Внезапное чувство беспокойства заставило меня оторваться от раковины. Опасность. Не прямая, но и не настолько отстраненная, чтобы пренебречь. Я переключил внимание на очки, продолжавшие собирать информацию вокруг, и, как оказалось, не зря. Хозяйка удалилась на кухню, достала из сумки телефон и принялась куда-то звонить.

— Алло, Билл? У меня тут какие-то подозрительные типы... нет, ведут себя прилично, пока что. Но вообще странно, чтобы проезжие в такое время... да, вооружены, даже не пытаются скрываться. Ножи и пистолеты... Хорошо, поторопись.

Откуда-то из городка словно пришел импульс. Местная параугроза стала более явной. Контакт с ней все еще не сулил немедленных неприятностей, но парачеловек, кем бы он ни был, уже находился наготове. Я коснулся ножа на поясе и почувствовал небольшой прилив уверенности. Предполагаемая цель не обладает неуязвимостью, проецированного лезвия хватит, чтобы справиться с ней. Но лучше до этого не доводить. Я успокаивающе погладил нож. Терпение, немного терпения. Будет тебе еще битва, и не одна.

Бритвы под рукой не оказалось, а нож показался мне недостаточно острым, так что ритуал инициации во взрослую жизнь под названием «первое бритье» лучше отложить до вечера. Сунув зубную щетку во внутренний карман куртки, я в последний раз плеснул в лицо холодной водой и вернулся в зал кафетерия. К чашке кофе добавилась яичница с сосисками, тосты и вафли с джемом. Я бы предпочел овсянку на воде, но не время капризничать.

Пододвинув к себе тарелку, я разделил внимание между ней и картой, которую очки проецировали мне на сетчатку. Оптимальный маршрут... можно продолжить погоню за Джеком прямо сейчас, но в нескольких десятках километров находится еще один небольшой город, где я уже бывал весной. Боже, как давно это было...

Можно сразиться со всей Девяткой в одиночку. Прошло только три месяца, едва ли Джек успел набрать достаточно могущественных кейпов, чтобы они смогли доставить мне проблемы. Вторую Сибирь он точно уже нигде не найдет. Но мне мало победить. Мне важен посыл, сигнал, который я передам самому Джеку, а для этого придется сражаться раз на раз.

Составленная Диной последовательность действий этого не предусматривала, но кто сказал, что я вечно собираюсь плясать под чужую дудку? Нет, больше никогда. Nevermore. Не важно, какие у малявки Элкотт были на меня планы, они перестали играть роль в тот момент, когда я получил силу Джека. Теперь я ясно мог прочесть ее послание, заложенное в пяти лежащих рядом бумажках. Сконструированное ею будущее подразумевало применение меня как расходного инструмента против условного конца света, который выбросят на

помойку, как только отпадет необходимость.

Нет, теперь уже моя очередь передать ей послание: здесь я главный, и я решаю, каковы критерии желаемого будущего.

Двери распахнулись, и в кафетерий зашел седой, но крепкий, коренастый мужчина в рубашке-безрукавке и брюках. На его груди красовалась бляха в виде семилучевой звезды, а на поясе висела кобура с револьвером. Местный шериф будто сошел с ленты какого-нибудь фильма ужасов, где его роль по сюжету сначала из-за незнания и строгого следования законам ставить препоны главным героям, а потом погибнуть, помогая им. Что же... фильмы ужасов на Земле Бет уже давно не пользовались популярностью, по той же причине, что и супергеройские комиксы.

— Привет, сэр, — первым поздоровался я, как только шериф подошел и сел рядом.

— Доброе утро, — ответил он. — Мэгги, чаю налей, пожалуйста. Без сахара.

Пульсация CoronaPollentia в мозгу. Расходящиеся во все стороны волны уверенности и чувства собственного превосходства. Обе мои силы говорили, что шериф и был тем парачеловеком, присутствие которого я ощутил ранее. Вдвойне опасным от того, что не носил маску, но был готов применить свою силу в любой момент. Думаю, он получил способности недавно. Что-то случилось, возможно, налет банды мародеров или что-то в этом духе. Он давно на своей должности, его каждый раз переизбирали, потому что жителей он полностью устраивал, звезда шерифа стала для него частью личности. Когда пришла беда, он встал на защиту Киллингтона и, ожидаемо, ему не хватило сил. В отчаянии он вознес мольбу, и она была услышана.

— Старость не в радость? — поддел я его. Это очень рискованно, так играть с кейпом с такой сильной территориальностью. Но любой риск может окупиться. Для полноценной коммуникации сначала надо вскрыть броню. — То нельзя, это нельзя... ни тебе жирного, ни сладкого.

В подтверждение своих слов я положил на тост яичный желток и откусил сразу половину. Шериф раздраженно хмыкнул.

— Молодость это недостаток, который быстро проходит. Глазом моргнуть не успеешь, как будешь такой же седой как я. И тоже будешь следить за калориями, солью, бегать от спиртного... — он посмотрел на мою тарелку, — и жирного.

— Я предпочту назвать это окном возможностей. Что будет в будущем, и будет ли будущее, я не знаю. Зато прямо сейчас у меня есть сосиски.

— Возможности это хорошо... — протянул шериф. — Вы к нам надолго?

— Не очень. Сейчас поедем и снова поедим на север, надо заглянуть в Монтпилиер. Потом вернемся, переночуем, я думаю, и утром на запад, теперь уже насовсем.

— В Монтпилиер вы не проедете, 89-я магистраль перекрыта этой серой хреновиной, — шериф повернулся ко мне, держа правую руку так, будто собирался из нее выстрелить. — Как и 4-я, ведущая сюда с юга.

— На пути сюда нет никакой серой хреновины, — ответил я. Технически, это было правдой, потому что поставленную три месяца назад петлю я сам же и убрал.

— И куда же она делась, интересно?

— Откуда мне знать? Может, сама рассосалась. Я слышал, эти серые штуки бывают нестабильными.

— Рассосалась. Или ее кто-то убрал?

— Тогда его бы стоило поблагодарить, наверное.

— Наверное... кстати, я забыл представиться. Шериф Уильям Баттрам.

Он протянул мне руку. Все его поведение говорило об осведомленности, бдительности, стремлении вывести потенциального негодяя из равновесия, заставить нервничать или спровоцировать на агрессию, за которой бы последовал разрушительный ответ. Вот только это работало в обе стороны. Я мог не только прочесть его послание, но и отправить свое.

— Джек, — я ответил на рукопожатие и улыбнулся. — Зовите меня просто Джек.

— А вас можно как-то звать иначе?

— Ну... иногда еще меня зовут «папочкой», — я быстро оглянулся на Мэри, но так, чтобы шериф успел понять смысл жеста. Мэри закрыла лицо рукой, что лишь усилило произведенный эффект. — Согласен, дурацкая шутка.

— Хорошо, Джек. В Киллингтоне гораздо спокойнее, чем в окрестностях, и тому есть причины. Лучше ведите себя здесь прилично.

Я картинно вздохнул.

— Мэри, у меня правда настолько одичавший вид, что я вызываю подозрения у представителей закона?

— Голову бы тебе помыть точно не помешало, — буркнула она.

— Ладно, уела. Шериф Баттрам, с кем мне можно поговорить, чтобы забронировать номер на ночь? С душем... нет, лучше с ванной. С джакузи.

— Билл? — обеспокоенно спросила хозяйка кафетерия, слушавшая разговор.

— Все нормально, не беспокойся. Позвони с Кристенсенам, у них вроде не заколочено.

Обстановка постепенно разрядилась. После завтрака я договорился с владельцами мотеля, чтобы приготовили комнаты на трех человек, и мы с Мэри вернулись к пикапу. Там я решительно откинул крышку капота и нырнул в бездны механизма, который был явно старше меня.

— Что делаешь? — спросила Мэри.

— Пытаюсь сотворить чудо, чтобы этот кусок ржавчины продержался еще хотя бы пятьсот километров.

— Это что, теперь моя старушка будет летать? Ну, как в «Назад в будущее».

— Не, — ответил я, немного подумав, — слишком много придется переделывать. Да и управление станет сложным. Как у вертолета.

— Тогда не надо, — она прислонилась к дверце и от нечего делать принялась разглядывать окрестности. — Слушай, можно вопрос?

— Валяй.

— Куда и зачем мы вообще едем? Зачем нам ехать в этот Монпелье, потом возвращаться и двигаться на запад?

— Если говорить о конечной точке нашего путешествия, то мы едем убить одного человека. Не волнуйся, на него выписан приказ на убийство, так что все законно.

— Мне кажется, законы сейчас последнее, о чем мне нужно волноваться. Кейпа значит? А я тебе зачем тогда? Ты ведь наверняка можешь справиться с ним сам.

— Есть загвоздка. Кейп, за которым мы идем, является Козырем по классификации СКП. «Козырями» называют тех, кто он способен влиять на других паралюдей. Отключать силы, копировать их, отнимать, как-то еще нарушать их работу. Но ты просто человек, у тебя способностей нет. Поэтому для этого кейпа ты самый опасный противник.

— Блять... ты серьезно?! Я что, похожа на супер-киллера?!

— Ты похожа на умную и смелую девочку, которая запросто путешествует с крутым суперзлодеем. Которая не побоится немного замарать ручки, чтобы избавить мир от одного объявленного вне закона ебаната, и получить за это щедрую награду.

— Насколько щедрую?

— Точную сумму не помню, но сможешь жить как королева хоть до самого Конца Света. Считай это моей платой за доставленные неудобства.

— Хотелось бы верить... Он точно находится в этом, в Монтпилиер?

— Нет, в Монтпилиере находится один человек, которому я несколько месяцев назад пообещал помощь, и непозволительно долго с ней затянул. Вообще-то таких людей гораздо больше, но разорваться я тоже не могу, а тут всего лишь небольшой крюк сделаем.

Я закрыл крышку капота, и Мэри завела мотор. Пикап фыркнул, чем-то неуловимо напомнив одну гигантскую шиншиллу-алкоголика, и заурчал ровно, басовито, будто сытый тигр. Будь у меня побольше времени и ресурсов, я бы довел его до состояния «отлично» а не «и так сойдет», но... ладно, и так сойдет.

Следующие два часа прошли в молчании. Мэри крутила руль, я развалился на заднем сиденье, и чтобы чем-то занять руки, перебирал автомат — последний из той партии, которую Мэри везла своим поделщикам. Недовезла, надо сказать, совсем немного, она опоздала меньше чем на сутки.

Интересно, она вообще понимает, кого катает? Скорее нет, чем да. Иначе бы у нее еще в лагере Красной Королевы сердце остановилось от страха. А я вроде обещал себе больше не лгать. Хотя по такой логике я должен был вернуться на Бет в прежнем облике и действовать не скрываясь. Ладно, сейчас и другие проблемы.

Пикап резво мчался на север.

Два часа спустя

— Тормозни у моста.

— Это тут живет твой человек?

— «Живет» — не совсем правильное слово. Но находится он действительно здесь. Деваться ему особо некуда.

Мэри бросила выразительный взгляд на распятое перед въездом в город тело, примотанное к дорожному знаку колючей проволокой, и нервно вцепилась в руль. Я вылез из машины и сунул ей в руки автомат.

— Вот. Я его немного подкрутить успел, так что бить должен мощнее и точнее. Увидишь кого-то похожего на кейпа — стреляй сразу.

— А ты куда?

— Туда, куда же еще, — я указал ножом в сторону моста.

— А что если там... ну... Бойня № 9? — она явно старалась отвести взгляд от трупа, но он специально висел на самом видном месте. Он тоже передавал послание — территория занята, и ее самопровозглашенные хозяева жестоко расправятся со всеми, кто посягнет на их господство.

— Это точно не они, Девятка сейчас в другом месте, а местных отморожков я не боюсь. Главная проблема в человеке, за которым мы приехали. Когда пересеку мост, засекай время. Не вернись через час — езжай отсюда поскорее и подальше, оставшиеся деньги можешь оставить себе.

Маскировку я отключил. Если с шерифом Киллингтона я старался вести себя

максимально миролюбиво, старался сообщить о мирных намерениях, то здесь я намеренно бросал вызов всем, кто способен его принять. С ножом в руке, с расстегнутой курткой, я пересек мост и ступил на знакомые улицы. Странно, ведь моя память после двух воскрешений больше напоминает решето, но это место я помню превосходно, хотя был здесь лишь один раз. Возможно потому, что в тот раз моя сила работала с огромной интенсивностью.

Моя память — это не нейронные связи в мозгу. Моя память — это то, что демон счел нужным сохранить для себя, то, что тесно связано с применением сил, с конфликтами и взаимодействием с другими паралоудьми. Он изучал меня, как препарированную лягушку под микроскопом, узнавал обо мне все, что только можно. Как я веду себя, как думаю и реагирую, какие принимаю решения и как сражаюсь. Узнавал, запоминал... зачем?! А может, нет уже никакой «моей» памяти? Может, Конрад Кёлер мертв во всех смыслах, а я, считающий себя им, и есть демон, перенявший человеческую личность?

Ярость закипела во мне с такой силой, какой я сам не ожидал. Я не буду игрушкой высших сил! Я уничтожу все, что пытается или пыталось мною управлять! Любой ценой!

Злодеи, захватившие городок Монтпилиер, показались очень кстати, чтобы сорвать на них злость, но я ощутил их еще раньше. Направления атак, приоритет угрозы, способы противодействия — все это осозналось пост фактум, а пока действовали одни лишь инстинкты. Поскорее уйти с открытой местности под высаженные вдоль улицы деревья. Встать так, чтобы справа меня загораживал брошенный у обочины фургон. Следить, что происходит за спиной.

Первый вылетел из-за купола местной церкви, второй на огромной скорости выскочил с соседней улицы, третий материализовался из воздуха прямо у меня за спиной. Он умер почти сразу, когда я перехватил нож обратным хватом и ткнул им назад. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, как он падает, захлебываясь кровью.

Летуна я снял вторым, прежде чем он успел заключить меня в клетку из силовых полей. Первый удар ослепляющий, по глазам, второй — смертельный, немного ниже пояса. Несколько секунд он еще делал резкие зигзаги в воздухе, стремясь уйти от возможного обстрела, но рассеченные бедренные артерии быстро взяли свое, и он грохнулся где-то за домами.

Повинуясь внезапному наитию, я пригнулся к земле, перекатился за стоящий рядом автомобиль. Как раз вовремя, чтобы увидеть как фонарный столб, ранее находившийся за моей спиной, разлетелся на куски под ударами невидимых лезвий. Аэрокинетик. Эпицентр/Движок.

Следующий воздушный удар пришелся на машину, и практически разорвал ее надвое. А также поднял в воздух, перевернул и швырнул в речку. Участи быть раздавленным ее массой я избежал, упав плашмя на землю. Аэрокинетик стремительным рывком сменил позицию на более высокую, и приготовился ударить в третий, раз, когда я контратаковал. Не ножом, поза оказалась слишком неудобной, а лезвием, спрятанным в рукаве. Слышал, что в молодости у Джека это был любимый фокус — он тогда носил шляпу, и отвечивал с ней витиеватый поклон своему противнику, одновременно перерезая ему горло.

Аэрокинетик вскрикнул, когда его кишки посыпались из распоротого живота. Точнее, вскрикнула, это оказалась женщина. Не важно. Важно, что ее прицел сбился, и воздушные лезвия вспахали асфальт в полуметре от меня. Тычок ножом, точно в сердце. Все.

Я поднялся на ноги и отряхнул одежду. Точно все? Тревога меня не покидала, хотя очки

не обнаруживали поблизости никого и ничего. Видимый спектр, тепловой, электромагнитный... пусто. Так в чем же дело? Я медленно обернулся вокруг себя и прислушался к ощущениям. Близко. Опасно. Отойти.

Я резко шагнул в сторону и почувствовал легкий холодок возле шеи. Будто ветерок подул... но почему только возле шеи? Задаваться пустыми вопросами мне не хотелось. Я просто дважды крест накрест разрезал перед собой воздух. Все еще ни звука, ни движения... только красные брызги, вдруг появившиеся на асфальте. Я взмахнул ножом еще раз, горизонтально, на уровне шеи. Из пустоты возник чернокожий подросток, вероятно, даже младше меня. Из его ослабевших пальцев выпал пожарный топор, сам он булькнул и повалился ничком на землю, под его шеей тут же натекла большая красная лужа. Скрытник. Очень сильный, раз смог обмануть мои сенсоры.

Теперь точно все.

Я огляделся по сторонам. В этом городе, согласно справочникам, проживало восемь тысяч человек. Раньше проживало, сейчас, судя по количеству источников тепла, набралось бы и десятой части. Те, кто не смог уехать, когда накрылось электроснабжение, и кто три месяца выживал на консервах и скудной гуманитарной помощи, которая как-то добиралась сюда из Канады. Задержишься я тут дольше, то, думаю, помог бы с налаживанием быта. Но не сейчас. Сейчас нужно было сделать дело.

Путь до аккуратно огороженной изолированной области, в которой находилась петля, я проделал за десять минут, городок и правда был крохотный. Никто не пытался преградить мне путь, заговорить — да даже просто показать нос на улицу. Судя по оставленному на въезде приветствию, местные злодеи вряд ли церемонились с гражданскими. Спрятав нож, я застегнул куртку и пригладил волосы, загоня внутреннего «Джека» поглубже, и вытягивая на поверхность свою родную силу. Сейчас мне требовалось мышление Технаря, решающего комплексную задачу.

Квартал оказался полностью необитаемым, что упрощало задачу. Я достал револьвер, рассчитал параметры выстрела и одной дезинтеграционной вспышкой снес квартал полностью. Кроме серой области в середине, три метра в высоту, два в диаметре.

Спичка упала, и бензин вспыхнул, как миллионы раз до этого.

Я подошел к кричащему в петле человеку. Его глаза впились в меня, но пламя уже выжгло воздух в гортани, и кричать он больше не мог. Помнится, когда я был здесь в марте, то шокирующее зрелище хоть и потрясло меня поначалу, но это чувство быстро прошло, оставив лишь сосредоточенное любопытство. Теперь я не испытывал даже этого.

Спичка упала, бензин вспыхнул.

Однако вскрывать петлю я не торопился. Время, проведенное в дороге, я посвятил размышлениям о том, что может произойти с человеком, освободившимся из временной петли спустя десятки лет заточения, и выводы оказались неутешительными. У меня перед глазами был пример Висты, которая простояла в петле около трех суток, и ее эвакуировали из Броктон Бей под лошадиной дозой седативных препаратов, настолько сильным оказался для нее шок.

Спичка упала, бензин вспыхнул.

Заключение в петле, да еще с такой изощренной пыткой, без сомнения, тянет на худший день в жизни, растянутый на двадцать два года. Вот только петли непроницаемы для сил. И не только для их эффектов, но и, как я подозревал, для демонов. Триггер-событие не может произойти, поскольку состояние субъекта каждый раз откатывается к исходной точке, демон

не может укорениться в мозгу жертвы, и образовать связь. Однако стоит мне сломать петлю... триггер-событие, конечно, не гарантированно, но вероятность есть, и отнюдь не нулевая.

Спичка упала, бензин вспыхнул.

Если этот парень получит силы, они почти наверняка будут связаны с огнем. Мощный пирокинез? Нет, скорее огненная Излом-форма, как у Игнаса. Вероятно, будет подкласс Движка, но необязательно. Хм. Сила Умника? Возможность воспринимать окружающую обстановку в большом радиусе? Сила Властелина, которая заставит всех и вся вокруг помогать ему? Нет смысла гадать, я ничего не узнаю наверняка, пока сам не увижу.

Я коснулся кольца-печатки на среднем пальце, и мир вокруг меня стал серым. Я поместил себя в мобильную петлю, заставил ее откатывать состояние моего тела каждую третью долю секунды. Затем активировал фазированное поле, не для маскировки, только ради полета. Подключенные к нервной системе очки начали подавлять болевые центры в мозгу. Никакие меры предосторожности не будут лишними, когда имеешь дело с настолько непредсказуемыми проявлениями сил.

— Эй, друг! Ты слышишь меня? — я помахал у жертвы Серого Мальчика перед лицом рукой. — Приготовься, сейчас все кончится.

Я приложил кольцо к петле. Титаническая машина, с которой оно было связано, замерила параметры петли, вычислила режим работы и послала другой машине, связанной с моими очками, оповещение о готовности.

В нужный момент, когда спичка оказалась в самой высокой точке перед падением, я послал сигнал.

В следующий миг произошло очень много событий. Во-первых, петля мигнула и исчезла. Во-вторых, я успел поймать спичку в сантиметре от плеча жертвы и затушить ее, зажав в кулаке. В-третьих, на долю секунды повисла мертвая тишина, разжегшая во мне искорку надежды, что все обошлось без происшествий. Еще через миг эта искорка погасла. Потому что зажглось кое-что другое.

Мир заслонили собой два исполинских существа, плывущих через космический вакуум. Те же самые, которых я видел в момент второго триггера, и после него, стоило лишь заставить себя задремать. Усилием воли я отогнал видение, но реальность оказалась еще хуже.

Вокруг бушевала вьюга. Бешеный ураган гнал тучу бритвенно-острых осколков, вгрызающихся в плоть, а нестерпимый холод жег кожу не хуже огня. Мобильная временная петля, создаваемая кольцом, хотя и сбрасывала полученные раны, но в этот момент мне впервые за долгое время *почти* стало страшно.

Дышать я не мог, весь воздух замерз до состояния кристаллов, а упавшее давление разрывало легкие изнутри. Сосредоточившись на проекторе фазированного поля, я направил полет вверх и назад. Быстрее, быстрее, только бы выбраться из этого ледяного ада.

В очередной раз петля вернула мое тело в нормальное состояние, и я обнаружил, что меня больше ничто не замораживает до почти абсолютного нуля. Прямо передо мной высился бешено крутящийся вихрь твердого воздуха, высотой где-то полсотни метров, и не менее ста в диаметре. Я запустил поиск тепловых сигнатур, каких-то неоднородностей, чтобы обнаружить в глубине новоиспеченного парачеловека, но быстро понял, что искать не нужно. Вихрь и был этим парачеловеком.

Шикарно. Просто блеск. Значит, в Африке бродит Пепельный Зверь, а у нас будет

Морозный Зверь. Симметрия, сука.

Мне нужно как-то до него докричаться. Он же сейчас в совершенно ошалевшем состоянии, такая резкая смена обстановки должна травмировать не меньше, чем само заключение в петле. Только как с ним связаться? Он ведь вряд ли что-то видит или слышит, что вполне закономерно, потому что у ледяного вихря нет ни глаз, ни ушей. Его способ восприятия совершенно иной, продиктованный силой... и сама сила не является криокинезом как таковым. Осколки замерзшего воздуха продолжают кружиться, хотя ветра там быть не может. Это телекинез, воздействующий одновременно на макро- и микроуровне. Грубые манипуляции объектами и воздействие на тепловое движение частиц.

Я сделал вокруг вихря несколько кругов, несколько раз перевернулся в воздухе, и напоследок помахал руками. Минутку, звук же это тоже колебание частиц. Может, он все-таки слышит?

— Эй! Пожалуйста, успокойся! Ты уже в полной безопасности! — заорал я, подкрепляя слова выразительной жестикуляцией.

Вращение вихря немного замедлилось. Кажется, он все-таки слушает.

— Слушай, я понимаю, ты ужасно напуган и не понимаешь, что происходит. Но я не смогу тебе помочь, пока ты продолжаешь замораживать все вокруг! Вспомни, кто ты! Вспомни, каким человеком ты был, и вернись в свой облик! Ты можешь это сделать, это также просто, как дышать! Просто вспомни!

Прошло несколько бесконечно долгих секунд. Вихрь начал сжиматься, уплотняться, пока не исчез полностью, оставив после себя человека, стоящего на коленях, обхватившего себя руками и бессмысленно таращащегося в пространство. Замерзшая почва крошилась под его весом, но он словно не замечал ничего вокруг. Я немного снизился и, собравшись с духом, выключил защиту. Не стоило показываться ему на глаза в «сером» виде.

Все вокруг заволакивал туман. Точнее не туман, а испаряющийся воздух. Из-за этого мне пришлось выждать еще немного, прежде чем температура поднялась до безопасного для жизни уровня. Хотя все равно ступать по хрустящей земле было пиздецки холодно. И все же я шел вперед, игнорируя жгучий мороз, потому что знал — надо. У меня сейчас нет права дрогнуть. Я подошел к освобожденной жертве, положил руку ему на плечо и чуть не заорал, настолько ледяным оказалось прикосновение.

— Все хорошо. Посмотри на меня. Теперь все будет хорошо. Никакого огня, никакой боли. Прости, что заставил ждать так долго.

Жертва подняла глаза, и в его рыбьих глазах появилась мизерная толика осмысленности. Он не верил в реальность происходящего. Ну ничего, это пройдет, со временем.

— Сможешь идти? Не разучился?

Я рывком поднял его на ноги, но лишь с третьей попытки до него дошло, что нужно делать. Ноги явно слушались плохо, несколько раз мне пришлось поддерживать его, чтобы он не бухнулся лицом об асфальт. «Его», «он».

— Помнишь, как тебя зовут?

Ноль реакции. Странно, в прошлый раз он был в лучшем состоянии, даже мог связно говорить. Ну, то есть, когда не вопил от боли. После драки кулаками, конечно, не машут, но Протекторат непозволительно мало внимания уделял изучению этих петель и тому, что происходит с закольцованными. А могли бы пополнить ряды героев множеством сильных кейпов. Правда, я еще точно не знаю, с какой частотой будут случаться триггеры, но пока

выглядит очень перспективно.

На обратном пути Монтпилиер уже не напоминал город-призрак. На улицы высыпали немногочисленные жители, напуганные тем тарарамом, который устроил, эмм..., ладно, пусть действительно будет Морозный Зверь. Раз уж пришла на ум такая аналогия. Вспомнив о тайне личности, я стянул с себя куртку и набросил ему на голову, но тот отреагировал неожиданно агрессивно, весь затрясся и замахал руками, пытаясь избавиться от помехи. Похоже, темнота слишком тесно ассоциировалась у него с годами, проведенными в изолированном коконе. Я не стал спорить, и позволил Морозному Зверю идти с открытым лицом.

У самого моста, обозначающего границу города, я оглянулся и крикнул собравшимся людям:

— По 89-й магистрали снова можно нормально ездить! Советую перебираться на восток или через границу.

Ни ответа, ни приветства. Ну и ладно, не больно-то и хотелось.

Мэри надоело сидеть за рулем, и теперь она прогуливалась туда-сюда, уже почти не нервничая при виде распятого на дорожном знаке трупа. Когда она увидела нас с Морозным Зверем, на ее лице отразилась смесь непонятных чувств, в которой вряд ли нашлось место облегчению.

— Это и есть тот тип, которому ты обещал помочь?

— Ага. Неважный у него видок, правда?

— Да не то слово. Что с ним?

— Слышала про Серого Мальчика?

— Чет знакомое, но вспомнить не могу.

— Везет тебе... короче, это самый страшный ублюдок, когда либо ходивший по земле.

Он был членом Бойни № 9, умел создавать неразрушимые петли зацикленного времени, где его жертвы снова и снова переживают различные пытки. Он давно мертв, но его жертвы все еще мучаются. Но теперь таких страдальцев стало на одного меньше.

Я похлопал Морозного Зверя по плечу. На этот раз он отреагировал, повернул голову в мою сторону. Выражение его лица стало почти осознанным, он медленно раскрывал и открывал рот, шевелил губами, пытаясь вспомнить, как это вообще — говорить. Поверхность его тела оставалась нестерпимо холодной, на коже и легкой летней одежде собирался иней. Похоже, это надолго, а то и навсегда. Зависит от того, как сможет ли он преодолеть неизбежную в его случае пиррофобию.

— погоди. Ты говоришь, Серый Мальчик давно мертв? И все это время...

— Ага, он просидел в петле больше, чем ты на свете живешь. Не знаю, сможет ли он когда-нибудь полностью восстановиться. Давай, друг, садись на заднее сиденье, — я открыл дверцу пикапа. — Вот так, забирайся. Мэри, пожевать что-нибудь осталось?

— Ща... только сырные снеки и полбутылки колы.

— Сойдет, давай сюда. Чувак ничего не ел двадцать два года, тут даже моя стряпня лакомством покажется.

Пришлось внимательно проследить, чтобы наш новый спутник не облился колой и не попытался съесть пакет от снеков вместе с едой. Я пересел на переднее сиденье и поминутно контролировал его через зеркало заднего вида. К счастью, вел он себя смирно и в основном глазел в окно на проплывающие мимо лес и горы. Мэри слегка ежилась от выпускаемого Морозным Зверем холода, но я запретил ей включать печку во избежание

форс-мажоров, вместо этого отдав ей свою куртку.

Обратный путь занял меньше времени. То ли Мэри освоилась с управлением прибодрившимся пикапом, то ли старалась поскорее убраться подальше от разоренного городка. Когда мы приехали, не было еще и трех часов, но я решил, что на сегодня поездок и приключений довольно. Мэри вымоталась психологически, мои холодовые ожоги болели, да и Морозному Зверю нужно было хоть немного прийти в себя. Мне он требовался в боеспособном состоянии.

Сразу отдохнуть мне не удалось. Шериф Баттрам не терпящим возражений тоном потребовал объяснений: кто я, черт побери, такой, и что за хмыря с собой притащил. Пришлось вкратце обрисовать ему ситуацию. Иду по следу Девятки, чтобы засунуть в жопу Остряку вот этот ножик и провернуть девять раз. Этот хмырь ранее попался в лапы Девятки. пытками они довели его до триггер-события. Нет, в больницу его нельзя. Нет, в полицию тоже, он же ничего не сделал. Сдадим в Протекторат сами, не волнуйтесь. Но немного позже, парень повредился рассудком от издевательств. Да, все в порядке, сэр, я могу его контролировать, но нужно поселить пациента отдельно, морозит он все подряд непроизвольно. А еще нужно легкое снотворное или хотя бы теплое молоко. Надеюсь, непереносимостью лактозы он не страдает.

В арендованный на сутки домик я заполз, когда солнце уже начало клониться к закату. Мэри успела к тому моменту вымыться, переодеться в чистое, и теперь с чувством выполненного долга смотрела телевизор, забравшись на кресло с ногами. И хрумкала печенье. Боже, печенье! Свежее! Где только достала? Какое-то время я еще колебался, потому что отправься в ванную сейчас, она бы точно успела умять все, но в итоге противное ощущение невымытого тела победило.

К собственному удивлению, мое первое бритье прошло чисто. Я умудрился порезаться всего один раз, и потом еще долго рассматривал результат в зеркальце. Ощущение было странным. Будто в нем отражался я, и не я одновременно. Погодите, это что теперь, регулярно придется делать? Ох еп...

В комнату я вышел одним полотенце, потому что всю одежду пришлось засунуть в стиральную машину. Мэри передислоцировалась на кровать и что-то читала на телефоне, по телевизору шло какое-то бессмысленное ток-шоу похоже даже без темы. Заметив меня, она оторвалась от гаджета и замерла.

— Оу, — выразительно но непонятно произнесла она.

— Давай обойдемся без вопросов, что это за металлические штуки в меня натыканы. Надоело уже.

— Да я не о том, просто... — она замялась.

Несколько секунд я скрипел мозгами, пытаюсь вникнуть в смысл сказанного, а сообразив, чуть не расхохотался.

— О да, конечно же, гнусный злодей не мог упустить случая обесчестить невинную деву, которую похитил и удерживает коварством и угрозами.

— Мне казалось, тебе девочки вообще не интересны.

— Это попытка меня оскорбить? — я обошел кровать, чтобы встать рядом с ней. — Или намеренная провокация?

— Да ни то и не другое, я просто предположила... — она чуть сдвинулась назад. — Слушай, я и закричать могу.

Я одним движением задрал ее майку вверх и сжал рукой грудь. Лифчик она не носила.

Мда уж.

— Кричи, — предложил я. — Вперед.

Мэри не ответила, только тяжелее задышала и покрылась румянцем.

— Я старался вести себя как можно дружелюбнее, чтобы ты меня не боялась, — моя рука соскользнула по ее талии и ниже, к застежке шорт. — Видимо, это было ошибкой. Создало у тебя ложное впечатление, будто со мной можно шутки шутить.

Пуговица с молнией поддались, и я стянул с Мэри шорты вместе с трусиками, ощутив пальцами влажный жар.

— Ты даже близко не представляешь, кто я такой и на что способен.

— Стой...

Еще чего.

На следующий день

За руль снова пришлось садиться мне. Морозный Зверь после долгого сна с двойной дозой снотворного и сытной еды немного оклемался, но давать ему вести машину я не рискнул. Он смог самостоятельно одеться и поесть, и даже произносить осмысленные несложные слова, однако вождение было сопряжено с дополнительными рисками, в частности с изменившимися за два десятилетия правилами дорожного движения.

В зеркальце заднего вида я посмотрел на Мэри. Та лежала на заднем сиденье на боку, одной рукой держа телефон, а другой прижимая к себе модифицированный мною автомат. Собственно, половина ночи у меня ушла как раз на то, чтобы сделать ей достаточно мощное оружие, которое не развалится прямо в руках. Ставь я целью действительно убить Джека ее руками, проще было бы отдать ей револьвер, но добивался я иного, и приходилось делать ставку на классические средства.

— Обрати внимание, это была твоя идея, — сказал я, чтобы немного развеять тишину.

— Мнэээ... — промычала Мэри тоном «да-достал-ты-уже-меня-в-это-тыкать» и закатила глаза.

— Идея? — спросил Зверь.

— Ничего существенного. Мой тебе совет на будущее, Кевин: старайся адекватно оценивать свои возможности. Иначе рискуешь оказаться в похожем положении.

Кевин, это так его звали. Свое имя он впервые смог назвать уже после того, как мы покинули Киллингтон. Это был первый раз, когда он по-настоящему обрадовался. Радовался он, увы, недолго. Ровно до того момента, когда прояснившаяся память напомнила ему о семье. Точнее, о самом факте, что у него были родственники, их имен Кевин вспомнить не мог. Возможно, в Протекторате могли бы поднять архивы и найти этих людей, но Протекторат был последним местом, куда я бы повез его.

— Кстати о возможностях. Ты уже упражнялся со своими силами?

— Немного. Вечером.

— Можешь быстро перемещаться?

— Ага.

— Отлично. Тогда давай ты будешь двигаться своим ходом. Так ты сможешь поэкспериментировать. Попробуешь понять, что еще с твоей силой можно делать. Не только замораживать все кругом.

— Хорошо.

Я затормозил у обочины. Кевин вылез наружу и отошел на сотню метров, прежде чем рискнул трансформироваться. Сейчас это не критично, но надо будет отучить его бояться собственных способностей. Его силу можно использовать очень точно, с минимальным радиусом покрытия, но сначала ему следует одолеть собственных демонов. Что само по себе задачка не из легких.

Пикап снова тронулся с места, а смерч твердого воздуха последовал за ним параллельно дороге. Местные белки, должно быть, в панике, благо местность безлюдная. Мэри приподнялась на локте и посмотрела в окно.

— Жуть. Я и раньше кейпов видела вблизи, но чтобы такое...

— Поверь мне, жуть ты еще не видела.

— И как она выглядит?

— Из моего опыта, самая страшная жуть, как правило, выглядит невзрачно.

— Например, как парень, голосующий на обочине?

— Возможно. Я действительно настолько жуткий?

— Не знаю. Даже не жуткий, а что-то такое, — Мэри покрутила в воздухе пальцем, сиюсья подобрать слово. — Короче, не так что прям страшно, но смотреть лучше издалека.

Я хмыкнул. Знакомое чувство. Когда я тысячу лет назад впервые увидел Триумвират в Мехико, то испытал что-то похожее. Словно любишься мощным водопадом или горой, и вместе с восхищением ощущаешь свою ничтожность перед лицом стихии. Вот только теперь я и есть стихия.

Мэри попыталась сесть вертикально, немного поерзала и предпочла улечься снова. Я с трудом удержался от того, чтобы закатить глаза. Ведь предупреждал же. Но нет, нам ведь интересно...

— На кой черт я тебе вообще сдалась?

— Я же уже объяснил. Наша цель...

— Да я не про то! Как бы объяснить... где ты и где я? Понимаешь?

— Ты поверишь, если я скажу, что устал сражаться один?

— Странно это от тебя слышать. Ты ведь... ну, сильный.

— У меня и ноша соответствующая.

— А по-моему, ты себя жалеешь. Прекращай, тебе это не идет.

Я собрался было возразить, и прикусил язык. Блин, она же права. Соберись, Конни, ты же идешь убивать Джека Остряка. Не время для меланхолии.

Глубоко вдохнув, я сосредоточился на силе волновой передачи. Джек был близко, намного ближе, чем утром. Он наверняка чувствовал приближение чего-то, но не понимал подробностей. Он пребывал в замешательстве. Боишься, Джеки? Бойся.

Прошло еще два часа. Мы пересекли границу штата, свернули со скоростного шоссе и теперь ехали по какой-то полузаброшенной двухполосной трассе, петляющей в лесах и перелесках северного Нью-Йорка. Морозный Зверь все также двигался рядом. Он осторожно испытывал силу, и пока не добился серьезного прогресса, но я уже заметил, что ему удастся изменять температуру в области своего вихря, и сжимать его размеры.

А вот ощущение от присутствия второго транслятора стало тяжелым, душным. Словно два толстяка зажали тебя с боков так, что не вырваться, и непрерывно говорят что-то в уши. Причем содержание речей прямо противоречит друг другу. Надеюсь, сам Джек чувствовал себя не лучше.

В какой-то момент давление стало невыносимым, и я нажал на тормоз. Мэри удивленно встрепенулась, Морозный Зверь остановился рядом, ужавшись до всего десяти метров в поперечнике, и медленно крутился в ожидании.

— Кевин, вернись в нормальный облик и иди сюда. Мэри, вылазь. Сейчас будет инструктаж, — я немного подождал, пока все соберутся, и продолжил. — Итак. Как я уже говорил, мы идем валить одного хуилу, на которого выписан приказ на убийство. К сожалению, задачу осложняет два фактора. Первое — он всегда окружен другими приспешниками. Вторая — он находится в населенной местности, так что, скорее всего, сопутствующего ущерба мы не избежим.

— Сопутствующего ущерба? — уточнила Мэри. — То есть, жертв среди мирных жителей?

— Да, именно так. К сожалению, я не знаю способа полностью этого избежать, — я повысил голос. — Наша цель — мужчина примерно сорока лет, темноволосый, с короткой бородкой и усами. Кто его сопровождает, я не в курсе, но это и не важно. Сила Кевина позволяет накрыть большую область, так что он сможет заняться ими. В крайнем случае, если попадется кто-то неуязвимый к замораживанию до абсолютного нуля, я могу его дезинтегрировать или выкинуть в другое измерение, но лучше обойтись без этого. Кевин, послушай внимательно. Это твой бой, твое доказательство, что ты больше не беззащитная жертва. Я помогу если что, но постарайся справиться сам.

Морозный Зверь молча кивнул.

— Хорошо. Мэри. От тебя требуется один точный выстрел, — я достал из салона винтовку и проверил в последний раз работу механизма. — Целься по красной точке на прицеле. Никаких поправок делать не надо, все уже учтено и рассчитано. Просто совмещаешь с целью и жмешь на спуск. И еще. Стреляй тогда, когда увидишь обе лопатки нашего пациента, не раньше и не позже. Поняла? Держи на мушке непрерывно, но стреляй только по видимым обоим лопаткам.

— Знаешь, я не очень-то хорошо стреляю. Ты уверен, что хочешь оставить мне самую ответственную часть?

— Ну, во-первых, эта пушка сейчас больше технарское изделие, чем заводское, она тебе поможет. Во-вторых, самая ответственная роль достается, конечно же, мне. Я отвлекаю пациента, и страхую вас обоих. Если на то пошло, я вполне могу справиться со всем сам. Однако я этого не делаю потому, что мало грохнуть ублюдка. Необходимо также передать послание Протекторату и всей Америке. Ликвидировать цель должен обычный человек без способностей, иначе эффект будет не тот. В любом случае, если все пойдет наперекосяк, я уберу и говнюка, и его подручных сам, до того, как они успеют вам серьезно навредить.

— Ну, если ты так говоришь... — протянула Мэри.

— Малышка, я слов на ветер не бросаю. Кстати, вот это тебе, — я снял с себя ремень и собственноручно застегнул его на бедрах девушки. — Секундочку, сейчас откалибруем...

Мэри исчезла. Я удовлетворенно кивнул.

— Что это? — раздался из пустоты голос.

— Невидимость, особенно эффективна когда не двигаешься. Мечта любого снайпера. Отсутствие у тебя парасил замаскирует от нашей цели, а это скроет от остальных. Ты справишься, я в тебя верю.

Это даже почти не ложь. В умении Мэри послушно делать то, что ей говорят, я уже убедился.

Дальше я снова сел за руль, Морозный Зверь занял переднее сиденье, Мэри под невидимостью осталась на заднем сиденье. Мы заранее опустили все стекла, чтобы потом это не вызывало подозрений. Я бегло оценил влажность воздуха, угол падения солнечных лучей и их интенсивность, даже вращение планеты, и передал все данные через очки на главный сервер, а оттуда — на прицел винтовки. Серьезно, Конрад, пора отучаться от привычки устраивать эффектные появления и жесты. Потратил на дорогу трое суток вместо нескольких часов, впутал в личную вендетту двух непричастных людей, повесил их себе на шею как балласт, потому что придется защищать обоих.

С другой стороны, что самое главное для кейпа? Искусное владение своими силами? Впечатляющий список побед? Достаточно долгая жизнь? Чушь. После года жизни в маске я уверенно могу сказать, что самое главное для кейпа — круто выглядеть. Всегда, и в любой

ситуации. А просто сделать пыщ и Джека нет — это не круто. Нет момента катарсиса, не закрывается гештальт.

Через несколько минут впереди показался очередной микроскопический городок. Типичное место обитания типичного американца, и типичная цель для Бойни, которая 99 % времени проводила, неторопливо и изощренно истребляя вот такие крошечные поселения, где невозможно было получить отпор. Надпись на въезде гласила, что городок называется «Элленберг». Или как-то иначе, из-за заливающей его крови сложно было прочитать.

Я только прибавил газу. Я чувствовал Джека, его настороженность, собранность и готовность дать отпор. Будь на моем месте любой другой кейп — или даже я сам со своей прежней силой — он бы прочел мои намерения задолго до личной встречи. Однако эффект Мантона сейчас работал против него. Транслятор не мог передать сообщение самому себе, не мог принять собственный сигнал. Невнятный гул помех, созданный наложением импульсов, не давал Джеку получить точную информацию. Не мог и я, но мне она и не требовалась, только направление.

Самое крупное здание в городе, школа. Старое двухэтажное строение из красного кирпича, помнящее еще Гражданскую войну. Большая часть населения Элленберга сейчас «украшала» ее стены своими внутренностями, остальные дожидались своей очереди, согнанные перед крыльцом, будто скот на убой. И среди них стояли фигуры, выделяющиеся силой и господством. Бойня № 9.

Я не стал вжимать педаль газа в пол и врываться в бой очертя голову, нет. Я аккуратно припарковался на стоянке школьных автобусов, заглушил мотор и жестом велел Морозному Зверю вылезать. Существование Мэри, часто дышавшей позади, я игнорировал, чтобы никак не выдать ее присутствие. Вдвоем мы направились по асфальтовой дорожке вверх по склону, спокойно, неторопливо. В нашем медленном приближении тоже скрывалось послание. Мы неотвратимы, мы неумолимы. Мы пришли за вами.

— Кевин, ты должен кое-что знать, — сказал я негромко. — Ты вряд ли помнишь, но наша цель — это кейп по имени Джек Остряк, вон тот бородач в ножом. Именно он и его подручные заставили тебя мучиться в петле времени. Это твой шанс отомстить. Джек — мой. С остальными делай что хочешь.

Он ничего не сказал, не кивнул, только шагнул в сторону и мгновенно сменил форму. Вихрь нестерпимого холода начал расти по мере того, как эпицентр удалялся от меня. Хм, неплохой прогресс.

Я посмотрел на Девятку. Строго говоря, Девяткой она сейчас была лишь номинально, кроме Джека здесь было всего шестеро кейпов. Я вытащил нож из ножен и на пробу резанул им перед собой. Раздетый по пояс, покрытый синими татуировками лысый мужчина, стоявший рядом с Джеком, рухнул на землю с перерезанным горлом. Слишком опасен, нельзя было приближаться к нему.

Мое послание ушло вместе со взмахом ножа: «вы все покойники». Оставшаяся пятерка отреагировала мгновенно, двое ринулись в мою сторону, трое начали применять силы дистанционно. Я шагнул чуть в сторону и махнул ножом еще раз. Не чтобы убить, только ранить и сбить прицел. Белая вспышка с грохотом полыхнула рядом с моим виском, но волны жара не было. Не энергетическая атака, нет. Искажение пространства и времени, небрежно смятое и брошенное словно наобум. Слабый контроль над силой у кейпа, который отчасти компенсируется невероятной атакующей мощью.

От следующей атаки, чем бы она ни была, меня заслонил уже Морозный Зверь. Его

послание тоже было недвусмысленным: «вы приблизитесь к нему только через мой труп». Вот и отлично, пусть развлекается. И уцелевшие гражданские так не окажутся посреди вихря.

Я сосредоточил внимание на Джеке. Он не изменился за прошедшие месяцы. Все та же короткая бородка с усами, белая рубашка без единого пятнышка и свежесглаженные брюки. Видимо, Девятка устроила налет на прачечную. Он выглядел обманчиво расслабленным, и подбрасывал на ладони мясницкий нож с такой небрежностью, словно собирался нарубить говядины и угостить всех барбекю. Несколько раз лезвие ножа пересекло мой силуэт. Нет-нет, дружок, так это не сработает.

— Конни! Вот так сюрприз! — Джека, казалось, ни сколько не смущало, что его Бойню прямо сейчас рвут на части.

— Джеки! — громко крикнул я и приветственно раскинул руки. — Джеки, Джеки, Джеки! Сколько лет, сколько зим, старый ты педик? Обнимашки?

Остряк, кто бы мог подумать, остался на месте.

— А я уже не чаял увидеть тебя снова. Протекторат с такой помпой объявил о твоей гибели, только что салют не устроили.

— Слухи о мой смерти сильно преувеличены, — я отвесил замысловатый поклон, взмахнув перед собой рукой. В рукаве было спрятано лезвие опасной бритвы, и оно прошло точно напротив горла Остряка, не причинив вреда. Эффект Мантона работал в обе стороны. Ожидаемо, хотя и немного обидно. — Ты же должен был понять еще раньше: я всегда возвращаюсь. Можно убить меня, замучать, сломать морально, свести с ума, сделать что угодно. Я все равно восстану вновь.

— Рад, что тебе еще есть, чем меня удивить. Вижу, ты завел нового друга?

Джек посмотрел в стороны разгорающегося побоища. Один из новых членов Девятки уже исчез, затянутый в вихрь абсолютного холода, замороженный и разорванный в клочья, но остальные держались. Уклонялись, маневрировали, атаковали издалека. Незнакомая мне женщина со снежно-белыми волосами посыпала в Морозного зверя одну искажающую вспышку за другой, которые ему явно не нравились, но угнаться за ней у него не получалось — каждая вспышка обладала очень мощной отдачей.

— Он слишком прямолинеен, но это поправимо. Потенциал у него неплохой, — попытожил Остряк.

— Я тоже так думаю. Ты с ним уже встречался ранее, хотя вряд ли помнишь. Примерно двадцать два... хотя уже почти двадцать три года назад твой Серый Мальчик зафиксировал его в петле времени. Результат налицо, как видишь.

— Интересно, интересно... Николас бы очень расстроился, ведь он считал свои петли нерушимыми.

— Все, что создано, может быть и уничтожено. Даже звезды не вечны.

Для стороннего наблюдателя мы обмениваемся лишь словами, но воздух между нами чуть ли не искрит от напряжения. Каждое слово — это направленный сигнал. Каждый жест и движение мимики — это послание. Каждый взгляд — это сообщение. За малозначительными фразами стоят бесчисленные оттенки и смыслы, направления атак и пути уклонения, векторы приложения сил и противодействия.

Две расходящиеся волны сталкиваются и порождают беспорядочную рябь.

Помехи.

Мы начинаем медленно двигаться по кругу. Я не могу уловить момент для атаки. Не

может этого и Остряк. На его стороне огромный опыт и физическая сила, на моей — увеличенная скорость реакции и движений, а также очки-анализатор. Я не беру в расчет часы-портал и револьвер-дезинтегратор. Ситуация пока под контролем, я не стану выкладывать козыри без крайней необходимости.

Для меня сила трансляции в новинку, я еще не привык использовать ее в бою, не могу реализовать ее полный потенциал. Джек не привык драться вслепую, без подсказок своей силы, он пытается скрыть растерянность за бравадой и первым делает пробный выпад.

— Видели бы твои родители, во что ты превратился, — он руководствуется памятью о моем прошлом воплощении, в надежде найти брешь в защите. — Герой, которым они так гордились, пал так низко, и замарал руки их кровью.

Его слова болезненны, но точно в цель не попадают. Это было давно, в прошлой жизни. Те лица, которые помню я, принадлежат чужим людям из другого мира. Добрым, сочувствующим, по-своему близким, но все равно бесконечно далеким. Я возвращаю ему этот укол.

— Стесняюсь спросить, куда же делись *твои* папа с мамой, Джеки. Тебе ведь было двенадцать или около того, когда Король взял тебя к себе? Ты его вроде зарезал потом. Он просил называть себя «папочкой»?

Рябь, вызванная столкновением волн, продолжает колыхаться, но мои очки работают исправно. Именно они фиксируют реакцию. Чуть более резкое движение глаз, неуловимое напряжение мышц. Чем-то его проняло. Не сильно, но отклик получен.

— Ты уже десятилетиями занимаешься одним и тем же, Джеки. Устраиваешь резню, обычно с какими-то бессмысленными правилами, которые переписываешь на ходу, и все ради чего?

— Я художник, Конни, мы уже это обсуждали. И как всякий художник, я мечтаю оказать на мир такое влияние, которое не забудется никогда. То, что красками мне служит жестокость, а холстом — весь мир, всего лишь несущественные детали. Я творю искусство, которое будоражит разум и чувства людей. Знаешь об «эффekte бабочки»?

— «Взмах крыла бабочки порождает бурю на другом конце мира». Знаю.

— Во время нашей прошлой беседы, так досадно прерванной, ты сказал, что убивать людей бессмысленно, потому что они по определению смертны. Но разве каждый человек не взаимодействует в течение своей жизни с сотнями и тысячами других? Разве преждевременное прерывание этой жизни не окажет эффекта на остальных. Я делаю лишь один взмах ножом, и словно бросаю камень в воду. А от брошенного камня расходятся волны. Я убил тысячи, но волны разошлись намного шире.

Слова Джека до меня не доходят, не затрагивают никаких струн во мне. Он все еще говорит с другим человеком. А я обращаю его сильнейшее оружие против него самого. Моя неопытность в обращении с этой силой абсолютной передачи информации превращается в преимущество — я не беспомощен без нее, не теряю способности к общению.

— Психологи называют это «рационализацией». Ты подсознательно ищешь такое оправдание своим действиям, которое позволит тебе хорошо выглядеть в собственных глазах. Поэтому нет никакого искусства, есть только твое желание заставить страдать как можно больше людей, видеть весь мир в огне, — я беру небольшую паузу, чтобы Остряк успел осмыслить сказанное, но настолько длинную, чтобы смог придумать ответ. — Знаешь, Джеки, я тебя даже не виню. За всем твоим искусством стоит демон, который жрет тебя изнутри и дает взамен силу. Убрать из тебя демона, убрать силу, и что останется? Кем ты

будешь без нее?

— Очевидно, что трупом, — Остряк радостно улыбается, и по морщинкам в уголках его глаз я понимаю, что улыбка искренняя. — Как и ты. Как и кто угодно. В этом суть каждого парачеловека. Каждый из нас обрел силы в момент самого глубокого падения, которое должно было закончиться гибелью. Мы живем взаимы, Конни, и это лучшее доказательство моей правоты. Оглянись вокруг, погляди, каким стал мир, полный людей, которые не погибли в положенный срок!

Я вспоминаю Землю Алеф. Она до сих пор кажется мне прекрасным сказочным сном. Вспоминаю Дитриха и Марту, настолько не похожих на свои аналоги с Бет. Вспоминаю Кэти и Алекса, внезапно обретенную родню. Утраченная судьба. Перечеркнутая жизнями тех, кто должен был погибнуть.

— Пожалуй, ты прав. Люди меняют мир и своими жизнями, и своими смертями, хотя бы потому, что окружающий нас мир состоит исключительно из людей и их творений.

— Отрадно, что молодежь хотя бы иногда слушает старших.

— Рано радуешься. Ты не способен осознать глубину этой мысли и ее применение, потому что все, что у тебя есть — это твоя сила. Ты не умный, Джеки. Не умный, не хитрый, не проницательный, и талантов к манипуляциям и управлению у тебя нет. Все это дает тебе твоя сила. Поэтому знаешь, что я тут подумал? Я возглавлю Бойню № 9.

— Вот как? Я удивлен и польщен, но ты немного опоздал. Девятка делает предложение лишь единожды, и ты его отверг.

— Ты меня не слышал? Я заберу у тебя Бойню, Джеки. А ты отправишься именно туда, где тебе место — на свалку истории. И на помойку, потому что твой труп я даже закопать побрезгую.

— Попробуй, щенок.

Никто не спешит атаковать. Из опыта предыдущих битв с Девяткой я знаю, что Ампутация сделала всем ее членам бионические усиления. Пуленепробиваемая сетка под кожей, болеподаватели, армированный экзоскелет вокруг внутренних органов и крупных сосудов. Однако Ампутация уже три месяца как в петле. В ее отсутствие технарские имплантаты должны были начать деградировать. Есть ли куда ударить ножом?

Моя технарская сила отмечает семь точек, где бронирование изнашивается, из них только три в тех местах, ранение в которые приведет к смерти. Под кадыком на шее, левое бедро, справа на спине напротив печени. Через очки я накладываю на Джека метки с помощью интерфейса дополненной реальности, после чего активизирую соединение с винтовкой в руках Мэри. Она целится, как и было приказано, но прицел трясется и шатается. Датчик в рукоятке фиксирует повышенный пульс и потоотделение. Ей страшно до безумия. Видимо, узнала Джека в лицо. Черт, я специально не говорил ей, за кем едем, понадеялся, что так она будет меньше бояться.

Ладно, хрен с ней, я подстраховался от случайностей. Мысленная команда активирует встроенный в винтовку гироскоп. Прицел выравнивается и теперь отслеживает метку на спине Джека. Потом я начинаю двигаться.

Опыт и впечатляющие навыки Джека позволяют ему различать мои движения. Он не позволяет мне провести лоу-кик, ускользает от захвата руки, на волос уклоняется от нокатирующего хука слева. Широким замахом заставляет меня перейти в защиту, однако ухитряется при этом не раскрыться. Он выпускает из рук мясницкий тесак, непрактичный в рукопашной, и срывает с пояса такой же боевой нож как у меня. Пытается обойти меня,

выгадать момент, когда я собьюсь с шага, чтобы в полной мере реализовать свое преимущество.

Я делаю вид, что ведусь на его уловку, отпрыгиваю в сторону, почти спотыкаюсь. Провоцирую его, и он попадается. Бросается в мою сторону с такой скоростью, что я еле успеваю остановить его нож в сантиметре от своей шеи. Он также перехватывает мою руку с ножом, нацеленным в бедренную артерию.

Вот оно. Вот тот момент наивысшего напряжения, который я имел ввиду. Она так примитивен, так дик... и так невыразимо честен. Больше никаких костюмов, никаких масок, никакого притворства. Никаких загадочных сил и непонятных устройств. Мы стремимся растерзать друг друга заточенными кусками металла, как завещали нам предки. Мне почти жаль прерывать этот момент, но есть вещи поважнее.

«Огонь».

На боку Остряка словно расцветает алая роза. Спустя целую вечность, длинной почти в секунду, до меня долетает звук выстрела. Он начинает валиться вперед, его хватка ментально слабеет, однако это еще не все. Я перехватываю нож обратным хватом, и обеими руками вгоняю его по самую рукоять Джеку в горло, под кадык, в голосовые связки. Я не собираюсь уступать ему даже последнее слово.

Остряк сполз на землю. Он еще был жив благодаря бионике, все еще смотрел осмысленно, и наверное впервые за десятки лет в его глазах плескался страх. Я присел рядом на корточки.

— Вот так, Джеки. Вот так все и кончается. Через несколько секунд ты из кошмара всея Америки станешь всего лишь разлагающимся кожаным мешком, набитым мясом, костями и дерьмом. А чтобы подыхать тебе было веселее, знай: я позабочусь о том, чтобы все оказанное тобой «влияние», которым ты так гордишься, сошло на нет. Тебя забудут, Джеки. Забудут все.

Я провернул нож в ране, медленно, чтобы причинить больше боли, а потом также плавно его выдернул. Джек захрипел, мелко задрожал, когда кровь начала заливать его легкие, но уже ничего не мог поделать. Пуля, выпущенная из модифицированной винтовки, практически вырвала ему весь бок, созданная Ампутацией аугментика не справлялась с настолько обширными ранениями и развившимся травматическим шоком. Остряк умирал, и умирал с осознанием, что прожил жизнь впустую.

Я на несколько секунд замер, смакуя момент. Хорошее, мокрое убийство. Почти интимно близкое, когда можно почувствовать на лице последний вздох врага и увидеть, как замирают зрачки. Хорошо. Очень хорошо.

Я повернулся к продолжавшим сражаться кейпам. Бой успел сместиться на газон, остававшимся перед школой гражданским уже ничего не грозило. Те, что посмелее, уже начали разбегаться кто куда. Морозный Зверь уничтожил почти всех членов Девятки. На ногах оставалась только беловолосая женщина в черном платье, с помощью реактивных импульсов своей силы продолжавшая успешно избегать его наступления.

— Довольно! — крикнул я. — Прекратить!

Слова я подкрепил двумя ударами режущей силы, один попал в лицо блондинки, другой прошел сквозь центр вихря. Бил я не сильно, вместо того, чтобы лишиться половины головы, блондинка отделалась неглубоким порезом на лбу. Она прекратила обстреливать Морозного Зверя вспышками и остановилась, ошалело глядя на меня и труп Джека. Вихрь тоже замедлил свое вращение, пребывая в недоумении. Как так, ведь он только-только

прочувствовал вкус боя.

— Довольно, — повторил я. — Только что в Бойне № 9 произошла смена руководства. Джек Остряк изволил сдохнуть, теперь я здесь главный. Вопросы есть?

— Да. С какого хера мне подчиняться какому-то хуиле?

— С такого, что я победил Остряка. Я, а не ты. И это последний раз, когда я прощаю тебе разговор со мной таком тоне, — блондинка испустила волну негодования, смешанного со страхом, и я перевел разговор в другое русло. — Сейчас уберем мусор, а потом займемся организационными вопросами.

Блондинка агрессивна, высокомерна и нестабильна, но в то же время легко поддается на манипуляции. Понятно, как Джек ее контролировал, он позволял ей упиваться страхом, который она внушала жертвам. Может, без заморочек прикончить ее? Я оцениваю ее пригляделся к ее силе. Мощная. Невероятно мощная. Почти абсолютная атакующая способность, она на голову превосходит мой дезинтегратор, да и вообще любое оружие, что я когда-либо создавал. Ладно, пусть пока живет. Пока я не сниму слепок с ее силы, и не построю машину, в которую его можно будет зарядить. А там может быть придумаю, как еще ее использовать. Я достал телефон и набрал номер Мэри.

— Эй, ты там в порядке?

— Б-более-менее.

— Радуйся и танцуй джигу, все кончилось благополучно. Сейчас загрузим твой трофей, и ты свободна, — я повернулся к остававшимся перед школой живым жителям Элленберга. — Эй, живые есть?! Ноги еще на месте?! Вот и пиздуйте отсюда!

— Мы собирались их всех убить! — рыкнула блондинка.

— Я говорил это Джеку, скажу и тебе. Убийство людей, да еще лишенных сил — это бессмысленная трата времени. Ты хочешь растратить свою, силу запугивая всякое быдло, или ты хочешь совершить нечто действительно великое? Что-то достойное тебя?

Я говорил мягко, но в то же время вертел в пальцах нож, как бы случайно то и дело указывая острием ей на шею. Блондинка способна создавать свои вспышки только руками, направление атаки легко читается. Если она решит атаковать, то я успею убить ее первым.

— Что например? — недоверчиво спросила она.

— Убийство богов.

Блондинка наклонила голову.

— Продолжай.

— Не все сразу. Тебя зовут как?

— Дева Несчастий.

— Нет, нормальное имя.

— Эшли. Эшли Стиллонс.

— Отлично, Эшли. Меня зовут Конрад. Вот этот вихрь, с которым ты дралась только что, это Кевин. Кевин, будь любезен, превратись обратно и помоги мне оттащить эту тушу к машине. А ты, Эшли, подожди тут. И никого больше не убивай!

Взяв тело за руки, мы с Морозным Зверем поволокли его к пикапу. Вопреки моим ожиданиям, Мэри не только сумела не обмочиться, но даже сама вылезла из салона. Я дистанционно отключил ее маскировку. Бледная как мертвец, цепляющаяся за винтовку, будто за спасательный круг, Мэри наблюдала за погрузкой трупа в багажник со смесью священного ужаса, благоговения и недоверия.

— И все? — спросила она севшим голосом. — Вот так просто?

— Ты видишь только конечный результат, и не видишь колоссальный объем подготовительной работы, проделанной несколькими кейпами. Но это и к лучшему, потому что ты только что вошла в историю как убийца Джека Остряка. Девушка, избавившая мир от угрозы, сравнимой с Губителями.

— Я ничего не делала, — угрюмо возразила она. — Винтовка выстрелила сама.

— Ты. Убила. Остряка. Запомни это как собственное имя. Ну и, для очистки совести, ты же не сбежала, так? Тебе было невыносимо страшно, но ты преодолевала себя и продолжала целиться. Это и есть истинная смелость.

Она склонила голову. Прочсть ее как парашюдей у меня не получалось, но что-то подсказывало, что она все еще сомневается.

— Теперь тебе нужно в Протекторат. В Нью-Йорке пиздец, туда без целой армии лучше не соваться, лучше доберись до Филадельфии. Если поднажмешь, успеешь затемно.

— Значит, теперь ты меня отсылаешь? Попользовался, и все, гуляй?!

Спасибо, ты нашла идеальное время закатить истерику. Я снял с нее свой ремень-проектор и слегка приобнял за талию.

— Я опасный человек, Мэри. Но находиться рядом со мной еще опаснее.

— Потому что ты — это Ахриман, так? — тихо спросила Мэри.

— Да, именно поэтому. Странно, что ты только сейчас сообразила.

— Поняла еще у Красной Королевы. Только не могла поверить. А теперь, — она кивнула на труп Джека, — теперь верю.

— Какая же малость для этого потребовалась, — я отпустил ее и хлопнул по заднице. — Езжай уже. И помни, что по закону о приказах на убийство тебя не имеют права задерживать, допрашивать, или как-то иначе препятствовать получению награды и свободному передвижению. И еще стоит позвонить на телеканалы или в редакции газет. Найми адвоката хотя бы на пару часов, чтобы сдать труп вместе с ним, оставшейся налички должно хватить. Чем больше шумихи создашь, тем лучше. К тебе будет приковано внимание, на тебя побоятся давить.

— Давить? За что давить?

— Наверняка захотят узнать, кто тебе помогал, и вообще, обстоятельства. А вот этого как раз Протекторату знать не стоит. У них и так трудные времена, не хватало им еще расплыть силы, впусую гоняясь за мной.

— По-моему, ты не сильно похож на Губителя.

— Потому что никогда им не был.

— Ты уничтожил треть Нью-Йорка.

— Даже у гениев бывают промахи. Надо было сжечь ту помойку целиком.

Мэри не то всхлипнула, не то хихикнула, быстро поцеловала меня в губы и торопливо уселась за руль. Пикап фыркнул мотором и рванул с места так, будто за ним гнались все Губители разом.

— Женщины, — подумал вслух я, в надежде, что это прозвучит глубокомысленно. Потому что как относиться к этой ситуации, я решительно не понимал. — Ладно, Кевин, нас ждут серьезные дела.

Когда мы вернулись к площадке перед школой, никого из местных там уже не осталось, зато в рядах теперь уже бывших членов Девятки образовалось пополнение. Это была совершенно голая и ужасно тощая рыжая девка. Впрочем, сказать «тощая» значит сильно преуменьшить. Скорее, нечто среднее между узником Освенцима, жертвой анорексии в

терминальной стадии и скелетом из кабинета биологии. Она не могла стоять на ногах, и ползла к развешенным на стенах школы трупам с отчаянным упорством.

Хм. Побывала внутри вихря, но недолго, что-то помешало Морозному Зверю размолоть ее в пыль. Вероятно, это «что-то» звали Эшли. Восстановилась с помощью силы регенерации, но при этом полностью израсходовала внутренние резервы.

Я подошел к ней ближе. Кожа туго обтянула кости черепа, изуродовав ее практически до неузнаваемости, но я смог распознать ее силу. Старая знакомая, Эмма, она же Мухоловка. Была кандидатом, но вроде бы я ей велел уматывать подальше. Значит, Джек тогда решил забрать ее, как утешительный приз.

С Мухоловкой встал тот же вопрос что и с Эшли — пощадить или избавиться? Ее сила не выглядела особенно полезной... но с другой стороны ее будет намного легче контролировать. А еще она может быть контрмерой в случае внезапного бунта Эшли, Мухоловке достаточно лишь коснуться ее, опционально — пережить один искажающий залп.

Я небрежно махнул ножом. Одно из тел высвободилось из петель удерживавшей его проволоки и упало на газон. Мухоловка захрипела, потянулась к нему рукой, но их разделяло еще два метра, а сил у нее уже практически не осталось. Еще немного, и она умрет от истощения. Я невольно сморщился. Какое же бестолковое создание, наверняка Джек только ждал случая, чтобы избавиться от нее. Схватив труп за одежду, я швырнул его прямо перед рыжей. Она не заставила себя ждать и вцепилась в него рукой, похожей на птичью лапу. Мертвая плоть мгновенно распалась, превратилась в подобие коллоидного газа, который тут же впитался в кожу Мухоловки. Примерно семьдесят килограммов органики позволили ей выглядеть немного лучше, а также подняться на ноги.

— Эшли, ты не объяснишь, что это рыжее недоразумение делало в Девятке? Или у Джека на старости лет началась ностальгия, и он решил завести домашнюю зверушку?

— Пес ее знает, она была еще до меня. Но шпыняли ее все.

— Мда уж, опять балласт мне на шею, — я оглядел Мухоловку с головы до ног. Взгляд затравленный, поза такая, будто в любой момент ожидает удара. Фигурка была бы ничего, если откормить, но с такой силой она даже для отсоса под столом не годится. — Ладно, в крайнем случае, можно будет посылать ее за кофе.

Я снова рассек проволочные петли, и вниз упало еще четыре тела. Мухоловка тут же кинулась к ним, а я прокашлялся.

— Ну что же, леди и джентльмены. Давайте сразу расставим точки над “i”. Пару минут назад вы могли увидеть меня с несколько сентиментальной стороны, но уверяю, что не воспринять меня всерьез будет самой большой и самой последней ошибкой в вашей жизни. Остряк вот не воспринимал, и сейчас он не отличается от туши забитой свиньи, которую везут на продажу.

— Да-да, ты крут и бла-бла-бла, — фыркнула Эшли. — Ближе к делу.

Я пропустил нахальство мимо ушей. С этим ничего не поделать, заставить ее не хамить можно только зашив рот, но тогда она будет всем показывать неприличные жесты. И хорошо, если только жесты, с такой-то способностью.

— Джек был стар. Джек был глуп. Он походил на дурную псину, которая с лаем несется за проезжающей машиной, но понятия не имеет, зачем ей это надо. У меня же есть цель — найти истину о природе парачеловеческих сил, и уничтожить того или тех, кто принес их к нам. Силы имеют взезное происхождение, это я могу утверждать почти наверняка, но у

них есть и посредники среди людей. Эта группа называет себя «Котел», и ставлю сто баксов, что вы впервые слышите о них. Работают они скрытно, аккуратно, и очень давно. Но недавно случилось так, что они потеряли несколько своих не последних людей — я говорю о Триумвирате. Они ослаблены. Так что сейчас мы совершим небольшую прогулку и как следует их встряхнем.

— Куда едем? И на чем, главное? Твой чувак...

— Его зовут Кевин.

— ...Кевин раздолбал наш фургон. А на твоём пикапе только что укатила твоя же баба.

— Об этом не волнуйся. У меня есть свои пути.

О да, «свои» пути. Именно в кавычках, потому что изначально эта технология мне не принадлежала. Я бы никогда в жизни не смог создать трансдименциальный портал, не окажись у меня в руках устройство Симург, созданное по технологии Чокнутого Профессора. Изначально оно было настроено на переход между Землей Бет и Землей Алеф, но в его памяти остались и другие координаты.

Откуда-то же Симург выпустила орды монстров, обладающих парасилами, «случаев-53».

Где-то там, за слоями неизвестных реальностей, скрывалась база Котла. Нечего было и думать вламываться к ним, когда они в полной силе. Но сейчас, когда нет ни Александрии, ни Эйдолона... можно и рискнуть. Дина отметила установление контакта с «Котлом» как предпочтительный путь, и мои силы пока молчат, не предупреждают о чрезмерной опасности.

Я поднял левую руку и дотронулся до часов. Нет смысла тянуть.

Перед нами раскрылся проход, ведущий в ярко освещенный коридор.

— Дамы вперед, — приказал я Эмме.

Та покорно прошла через портал. Ничего не произошло. Значит, защитные системы если и есть, то не автоматические. Я жестом велел остальным следовать за мной и тоже вошел на базу Котла.

В тот момент, когда я миновал границу между мирами, новые ощущения навалились настоящим шквалом. Технарская сила сканировала ближайшие конструкции и окружающую среду, сила-передатчик действовала тоньше, ее почти неотличимые от интуиции подсказки твердили, что таиться смысла нет, но и громить ничего не нужно.

И было что-то еще. Какое-то неприятное, даже жуткое ощущение, исходящее откуда-то снизу, из глубины. Ощущение чего-то колоссального, необъятного... и смутно знакомого.

— Это и есть Котел? — спросила Эшли. Она медленно сжимала и разжимала кулаки. Аутогенный прием, позволяющий хоть немного контролировать нестабильную силу.

— Котел — это люди, — ответил я, закрывая портал. — Идем дальше, и найдем их.

— Идем, — эхом отозвался Кевин. После боя он заметно прибодрился, хотя явно терзался вопросом, почему я не дал ему добить этих двоих. Да потому, что для визита сюда мне нужен был кто-то, кто прикроет мне спину и отвлечет на себя внимание. Идти в одиночку было бы самоубийством. Но даже с небольшой армией необходимо быть наготове. Я активировал свою персональную петлю и достал дезинтегратор.

В целом устройство базы поражало воображение. Даже мое, а ведь я знал толк в поразительных вещах. Ее строил не Технар, и даже не Технар рисовал чертежи, я был уверен в этом на двести процентов. Но непостижимое совершенство конструкции, распределения нагрузки, циркуляции воздуха, проложенных электрических сетей... все это

заставляло невольно глотать слюнки.

Мы дальше заглубились в однообразные белые коридоры, наполненных однообразными белыми дверями. Ради интереса я взломал одну и заглянул внутрь. Там оказался довольно типичный офис — белые столы, белые стулья, затянутые полиэтиленовыми чехлами компьютеры-моноблоки. Выглядело так, будто кто-то подготовил рабочие места, но сделал это давно, и с прицелом на еще более отдаленное будущее. Укрепился я в этой мысли чуть позже, когда вскрыл еще одну дверь, за которой оказались ряды коек, разделенных перегородками. Жилой барак или палата для больных.

— Ладно, теперь понятно, — заключил я вскоре. — Это место строил либо гений, либо охренительно мощный Умник. Причем с неограниченными ресурсами. Оно размазано в пространстве, как в пределах одной планеты, так и между мирами. За последние пять минут мы успели побывать по меньшей мере на двух разных Землях, и в трех климатических поясах, судя по изменению фонового магнитного поля. Порталы, которыми соединяются отдельные элементы, практически необнаружимы, если нет особенно мощных способностей к восприятию.

— Блеск, — процедила Эшли сквозь зубы. — Ты командуешь Бойней меньше получаса, а уже завел нас в лабиринт.

— Отставить панику, — я погрузился в настройки портала. — Лучше побереги дыхание для драки. Я не в курсе, как нас встретят, но лучше быть готовыми ко всему.

От активации портала меня отвлекло ощущения... присутствия. Нечто невидимое и неосязаемое, находящееся словно везде и нигде, но при этом определенно разумное, обладающее волей, сознанием... и силой.

— Так, а вот и хозяйева, — я огляделся по сторонам, сканируя окружение с помощью очков. Где же ты? Ни тепла, ни излучения, ни звука. Опять Скрытник? Нет, что-то другое. — Ты следишь за нами издалека? Может, ты невидимка? Или призрак?

Ответа не последовало, но я ощутил давление. Кинетическое воздействие, ограниченное эффектом Мантона. Разорвать мне легкие изнутри оно не могло, зато легко могло размазать об стенку. Пока не атака, только предупреждение.

— Кевин! Окружи нас!

Морозный Зверь перешел в Излом-форму, но не вихря, а тороида. Он окружил меня, Эшли и Эмму со всех сторон, закрыв от вездесущего духа. В следующую секунду я раскрыл портал в еще один белый коридор, толкнул в его обеих девиц и запрыгнул следом. Кевин сжался в вихрь немногим больше человека и проскользнул последним, после чего я захлопнул проход... вот только это вообще не помогло. Дух последовал следом за нами. Точнее, он вообще не двигался с места, а лишь сместил свою точку восприятия.

— Эшли, дверь!

Повторять ей не требовалось, тем более что дверь в поле зрения была всего одна. Белая вспышка с грохотом снесла и ее, и солидную часть стены. Отдача от применения силы швырнула ее об стену, и дух не замедлил этим воспользоваться, он сдвинул ее с огромной силой, с явным намерением переломать кости.

— Кевин! — крикнул я, подразумевая «прикрой ее». Надеюсь, этой инструкции ему хватило.

Сам я шагнул в пролом и через поднимающуюся пыль увидел довольно просторный зал, одну стену которого полностью занимал громадный экран. Перед экраном стояли три человека и что-то обсуждали: полная чернокожая женщина в белом халате, похожая на

итальянку женщина средних лет в строгом брючном костюме и в смешной шляпе-федоре, и мужчина примерно того же возраста, в брюках и розовой рубашке. Я собрался наставить револьвер на одного из них, но что-то подсказало мне, что это было бы очень, очень плохой идеей. Черная угрозы не представляла, зато двое других... настолько банальное слово как «монстры» не могло передать и тысячной доли угрозы, которую они представляли.

Умники. Причем Умники феноменальной, абсурдной силы.

— Добрый день, господа, — поздоровался я. — Будьте так любезны, отзовите вашего призрака.

Мое послание. Я пришел с миром, но способен причинить вам непоправимый вред.

— Хранительница, хватит, — «итальянка» начала реплику еще до того, как я закончил свою.

— Эшли, Кевин! Прекратите и идите сюда! Инцидент разрешен.

— Контесса, ты можешь его ликвидировать? — спросила нигра в халате.

Я отшатнулся назад, будто меня ошпарило кипятком. Эмма наоборот, шагнула вперед, заслоняя меня собой от женщины в шляпе.

— Мог... — она запнулась. — Это было бы нежелательно.

— Мудрая мысль. Другого от Умника ждать не приходится, — подтвердил я. — Могу я поинтересоваться, кто у вас тут главный?

— Что значит «нежелательно»? — нигра не обладала способностями, что меня удивляло несказанно, но даже так я мог ощутить ее панику, тщательно спрятанную под непроницаемым выражением лица.

— Путь, — сказала Шляпа.

— Что-то подобное я и предполагал, — сказал Рубашка тоном «ну-я-же-говорил».

Как я понял, приказы здесь отдавала именно вот эта толстуха в халате, что удивило меня еще больше. Она с растерянностью переводила взгляд с меня на Шляпу и Рубашку, а потом обратно, но довольно быстро взяла себя в руки. С видом приговоренной к гильотине она уперла руки в бока и вперила в меня испепеляющий взор.

— Чего тебе здесь нужно, Кёлер?

— О, так вы меня знаете? А я вот вас не знаю. И если не представитесь, буду звать вас Нигрой. Или Черномазой. Или еще как-нибудь, не менее обидно.

— Я Доктор Мама. Чего тебе надо?

— Ищу Котел.

— Ты его нашел. Чего надо?

— Информация. О происхождении сил, о цели, с которой они появились на Земле, и о том, какое отношение ко всему этому имеют две огромные хтонические штуки, которых кейпы видят во время триггер-события, но почти всегда забывают.

— Хм, значит вы помните свое видение? — уточнил Рубашка. — Каким образом? По нашим данным, вы не являлись «ноктисом».

— Стал им после второго триггер-события.

Диалог. Общение. Это хорошо. Чем дольше мне удастся оттягивать начало схватки, тем больше шансов, что она вообще не начнется. Только раздражает черномазая. Она не парачеловек. Ее намерения не ощущаются, она не слышит мои слова так, как остальные, и одним только своим присутствием вносит диссонанс. Я бы грохнул ее без лишних сантиментов, если бы не Шляпа...

Я видел Губителей. Видел чудовищного мутанта Ноэль. Видел наводящих ужас на

людей и кейпов членов Бойни № 9. Видел Триумвират, когда он перестал сдерживаться. Я сражался с ними всеми и пережил (условно) всех. Но Шляпа находилась вне любых категорий. Абсолютное воплощение ужаса, удушающее своей мощью... и в то же время чистый лист. У нее почти не было ни собственной воли, ни желаний, ни даже мышления. В чем-то она, как ни странно, походила на Эмму, такой же разрушенной субъективностью. И на Джека. Но если в случае с Джеком было сложно сказать, где заканчивается он и начинается демон, то со Шляпой диагноз был очевиден — от человека в ней не осталось практически ничего. Двухногий инструмент, бери да пользуйся.

Рубашка был интереснее. Практически безэмоциональный, но не бездушный болванчик. Рациональный, собранный, лишенный даже тени морали, но не социопатичный ублюдок вроде Взлома. Посвятивший жизнь Делу с большой буквы, готовый приносить в жертву других и жертвовать собой, но не свихнувшийся фанатик. Очень интересно. Ценнейший союзник, кошмарный враг. Но он не изменит своему Делу, он пойдет только за тем, кто разделит его идеалы и цели.

— Если вас смущает мое, кхм, тесное знакомство с Симуург, то спешу уверить — все в прошлом. Спасибо Дине Элкотт и Эйдолону.

Скепсис, излучаемый Доктором Мамой, наверное, мог бы оставить загар на коже, если бы не персональная петля. Шляпа оставалась пустышкой, Рубашка проявлял сдержанный интерес.

— Слепые пятна. Дина Элкотт — сильный пророк, вы должны это знать, если Триумвират работал на вас.

— Мы знаем, — кивнул Рубашка.

— Когда я забрал ее от Выверта, то попросил инструкций, что мне делать дальше. Я предполагал, что как пророк она способна затмевать предвидение Симуург и общение с ней может направить меня по пути, который Убийца Надежды не предвидела. Она дала мне записку, в ней было написано «иди до конца». Ну... я и пошел. Кстати, я не собирался убивать Эйдолона. Более того, я был уверен, что он меня размажет в лепешку вообще без каких-либо шансов на сопротивление. Полагаю, здесь вмешался мой демон, потому что в тот момент Эйдолон уже пробил мне грудь насквозь. Сознательно я не смог бы телепортировать к себе меч и нанести точный удар, да еще так быстро.

— Демон? — переспросил Рубашка.

— Та штука, что дает мне силу. Я беру у нее схемы своих изобретений, а она копирует мою память и личность.

— Агент.

— Что «агент»? — переспросил я.

— Давайте придерживаться единой терминологии. Та сущность, что вы называете «демоном», мы зовем «агентом», поскольку она послана извне для выполнения определенной задачи.

— Хорошо, пусть будет «агент», — я развел руками, демонстрируя принятие чужих правил игры. — С моим агентом у меня всегда были странные отношения. Знаете, напоминает сказку про волшебного помощника, который изо всех сил пытается услужить, но каждый раз только все портит. Ладно, я отвлекся. Эйдолон тоже являлся слепым пятном для пророков, это всем известно. Что дает мне возможность сделать обоснованный вывод: сочетание вмешательств Дины и Эйдолона создало слепое пятно для Симуург, которая не предвидела подобного развития событий. Думаю, моей задачей как бомбы было

уничтожение Легенды, Мирддина и Нарвал, после чего я подлежал утилизации. Это бы сделал Эйдолон или Дракон. Без записки Элкотт я бы вряд ли нашел в себе сил сражаться дальше и, скорее всего, просто позволил казнить себя.

Я замолчал, переводя дух и оценивая реакцию. Шляпа, Рубашка, Эшли, Эмма, Кевин. Даже вездесущий дух, которого называли Хранительницей. Мне удалось захватить их внимание, заставить себя слушать, и это было прекрасно. Все портила только Доктор, которая наверняка даже не была настоящим доктором.

— Погость, чувак, — сказала Эшли. — Так ты — тот самый Ахриман, Четвертый Губитель?

— Так меня зачем-то называли в СКП, я не был настоящим Губителем и становиться им не собираюсь. Но да, это я.

— Хо, — высокомерное выражение с ее лица никуда не делось, но зато появилось что-то похожее на уважение. — Тогда не удивительно, что ты прикончил Остряка.

— Что значит «прикончил Остряка»? — переспросила Доктор. — Ты имеешь ввиду...

— Да, именно это я имею ввиду, — раздраженно перебил ее я. — Около получаса назад мною при содействии еще нескольких лиц был уничтожен Джек Остряк, бессменный глава Бойни № 9. В настоящий момент один из моих ассистентов везет труп в Филадельфию, дабы получить причитающуюся за его голову награду.

Выражение лица Рубашки не изменилось, но я ощутил его внезапно возникшую печаль. Погодите... серьезно? Этот тип расстроился из-за смерти Джека? Однако похоже, что на меня зла он не держал. Кажется, к его гибели он отнесся как чем-то неизбежному, что должно было произойти рано или поздно.

— Считайте это жестом доброй воли с моей стороны, — добавил я. — Мне известно, что катализатором Конца Света мог стать либо я, либо Джек. Устранив Джека, я устранил элемент неопределенности. В настоящий момент либо я спровоцирую Конец Света в ближайшие десять лет, либо это произойдет само по себе примерно через двадцать. Такой прогноз дает Элкотт, и на вашем месте я бы не отмахивался от ее слов.

Доктор и Шляпа переглянулись.

— Мы не можем ему доверять, — сказала толстуха.

— Полчаса назад Путь изменился, — ответила Шляпа. — Теперь Кёлер его необходимая часть.

— Полчаса... то есть сразу после смерти Джека.

— Я обладаю большой силой, и могу стать еще сильнее, — напомнил я. — Вы потеряли Триумvirат, но я уже доказал, что могу достигнуть того же уровня при достаточных ресурсах и времени. На моей стороне могучие союзники: бывшая Панацея и сильнейший пророк. Этого парня я вчера достал из петли Серого Мальчика, результатом стало обретение им очень мощных сил. Я могу встать на вашу сторону или стать вашим врагом. Все зависит от того, раскроете вы мне правду или нет. И только попробуйте солгать или недоговорить о чем-то.

— Пусть твои люди выйдут, — сказала Шляпа.

— Простите?

— Эта информация для тебя, а не для них.

— Я ненавижу фальшь. Рассказывай при всех или не говори вообще.

— Потом ты сам решишь, стоит ли пересказывать им правду. Но сам не захочешь этого делать, поймешь почему.

Я прищурился пытаясь за бесстрастным лицом Шляпы разглядеть уловку, попытку оставить меня без прикрытия, отделить меня от союзников... и ничего не видел. Она была пуста, как чистый лист, и настолько же бесхитростна.

— Подождите в том конце коридора.

— Уверен, босс? — спросила Эшли.

— Верь мне. Все в порядке.

Мои спутники удалились, а потом Шляпа заговорила. Она говорила долго, не меняя тона и почти не делая пауз, и явно пользовалась при этом своей силой. Ее рассказ одну за другой подтверждал мои гипотезы и домыслы, но как оказалось, правда была в миллион раз хуже. Зион, Губители, Триумвират, 53-и, Сибирь и Серый мальчик, триггерные видения — все постепенно складывалось в единую картину.

— Покажите это, — попросил я спустя какое-то время. — Я чувствую, что внизу находится что-то огромное, что-то невероятно могучее. Моя сила после второго триггера чувствует и считывает других агентов.

— Дверь на пятый уровень, — сказала Шляпа до того, как Доктор успела ее остановить.

В воздухе раскрылся шестиугольный портал, ведущий в обширный ангар. Такие же порталы соединяли между собой разные части базы... значит, за них отвечает еще один парачеловек. Или... или даже два. Один воспринимает просьбу и указывает целевые точки, а другой связывает их каналом.

Шляпа прошла через портал и жестом велела следовать за собой. Доктор Мама торопливо сказала Рубашке приглядеть за всем, и кинулась следом.

То, что ждало меня в том ангаре... это было невозможно описать. Нечто неопишное, ужасное и прекрасное одновременно. Моя сила тянулась к ЭТОМУ, пыталась охватить его, как делала это с обычными силами. Все равно, что пытаться выпить море через соломинку. Я помнил, что мне стало дурно, и Шляпа торопливо уволокла меня обратно в зал с экраном, где сунула под нос пластиковую бутылку с водой.

— Значит... это и есть оно? То, что мы видим при триггере?

— Ничтожная его часть, — ответила Шляпа. — Оно сбросило большую часть себя. Все агенты — это его составляющие. Как клетки у живых организмов.

— И Зион — он такой же?

— Скорее всего. Мы не видели его истинное тело.

Я мимоходом проверил бутылку — вроде бы без яда — и за один присест осушил ее наполовину. Воды оказалось явно недостаточно, мне нужно было что-нибудь позабористее.

— Я в деле.

— В деле он, — поморщилась Доктор. — Контесса, ты не могла бы предупреждать заранее о подобных шагах?

Шляпа пожала плечами.

— Предположим, Кёлер, что я действительно соглашусь принять тебя в Котел после того, что ты натворил. Каким образом ты собираешься помочь нашему делу?

— Всем, — я допил остатки воды и в голову, как по заказу, пришла идея. — У Эйдолона же были запасные костюмы? Они у вас остались?

Шляпа, которую у меня язык не поворачивался называть неподъемным словом «Контесса», сунула руку во внезапно возникший портал, вытащила оттуда стопку зеленой ткани и протянула мне. Это оказалась мантия, и завернутая в нее безликая белая маска.

— Эшли! — позвал я.

— Чего еще?

Я набросил мантию на плечи и повернулся к ней.

— Как думаешь, мне идет зеленый цвет?

— Слово «эйдолон» в переводе с греческого означает «дух», «образ». Ближайший синоним — латинское слово «genius», — сказал Рубашка. — В условиях сложившейся кризисной ситуации появление могущественного кейпа в узнаваемом образе позволит снизить криминогенную нагрузку и активность злодеев, снизит вероятность международных конфликтов, а также позитивно скажется на Протекторате.

— Они поймут, что это не настоящий Эйдолон, — скептически сказала Доктор.

— Людям нужна надежда, а не правда, — ответил я и взял в руки маску.

Когда-то с нее все началось. С реплики, купленной в сувенирном ларьке за пять долларов. Теперь я держу настоящую маску величайшего героя, и чтобы достигнуть цели, мне придется годами жить под ней. Не будет славы и признания, которыми я когда-то грезил. Будет только одна большая ложь, тяжкий труд и вечное проклятие.

Я готов.

9.1: Год первый

Декабрь 2011, Филадельфия, штат Пенсильвания

В каком-то смысле, это было неизбежно. Пока вожак ведет стаю уверенно, его слушаются беспрекословно. Стоит ему промахнуться, из-за старости, болезни и случайности, и сразу поднимается вой. Молодняк чует кровь, чует слабость, и набрасывается на бывшего лидера с кровожадными неистовством, чтобы сомкнуть челюсти на шее, низложить бывшего лидера и занять его место. Ради лучших кусков добычи, ради готовых спариваться самок, но прежде всего — ради самой власти. Иногда власть может быть заодно инструментом для чего-то еще, но в конечном счете она всегда является самоцелью.

Америка промахнулась. Америка показала слабость. И соперники не упустили случая вцепиться ей в глотку. Крюкотворство политиков и улыбочливое фарисейство дипломатов ушло в прошлое, новая эра была жестокой, варварской... и честной.

Планы вторжения Императорский Союз Китая вынашивал давно, для разведки и правительственных кейпов-Умников это не было секретом. Точно также, как США планировали интервенцию в Мексику а Европа — атаку на Советский Союз, ну или на то, что от него осталось. Такие планы всегда разрабатываются, и их участь — сгинуть в недрах архивов, никогда не приведенными в действие.

Ну что же... кризис Ахримана сломал множество вещей, ранее казавшихся незыблемыми.

Первые тревожные звонки начались вскоре после гибели Триумvirата, когда ИСК развил бурную деятельность с военными учениями, на которых отрабатывалось взаимодействие паралюдей из Янгбань и обычных войск. По первоначальной оценке, целью должны были стать американские базы в Юго-Восточной Азии и Тихом океане, с меньшей вероятностью — Индия. Но спустя примерно полгода по всей Евразии прокатилась волна похищений паралюдей, в том числе хорошо известных публике. Разумеется, была куча свидетельств, что это дело рук Янгбань, и разумеется, Китай все отрицал, объявив свидетельства ложью и подделкой.

И дело бы ограничилось обычным дипломатическим скандалом, но в числе похищенных оказался парачеловек из Гезельшафта. Нагльфар, один из редчайших кейпов, способных к массовой телепортации в планетарном диапазоне, и это в корне меняло все. Китай намеревался нанести удар за океаном, и долго ждать его не пришлось.

На самом деле, события развивались слишком стремительно, чтобы дать хоть какое-то время на размышление. Между первыми расплывчатыми предупреждениями штатных пророков Протектората и первой, самой кровопролитной атакой Янгбань, прошло всего несколько часов. И только чудом первая же атака не стала последней. Этим чудом был один спидстер из Протектората Филадельфии, который ценой своей жизни сумел поднять тревогу. Благодаря ему подкрепления начали прибывать гораздо раньше, и блицкриг китайцев забуксовал.

Дело в том, что в Филадельфию временно перенесли ключевые государственные органы, из-за чрезмерной близости Вашингтона к беспокойной Новой Англии. Естественно, правительственные учреждения постарались прикрыть получше, для чего установили генераторы силовых полей, разработанные Дракон, мощные системы блокировки и даже автотурели. Но главную роль в обороне временной столицы сыграл недавно обнаруженный

Случай-53, получивший имя Бутылочное Горлышко. Он не мог передвигаться самостоятельно, а общались с ним с помощью специально собранного технарского прибора, но при этом обладал силой, выборочно блокирующей движение в огромном радиусе. Любое движение. Даже телепортацию. Именно из-за него Янгбань пришлось прорываться с боем через многие километры городской застройки, а не появиться сразу в зале заседаний Конгресса.

Первые прибывшие на подмогу кейпы погибли почти все, но они успели задержать силы вторжения. Потом подоспели робокостюмы Дракон, Странник одну за другой перебрасывал к месту схватки все новые команды, и казалось, что вторжение удастся сокрушить. Однако Янгбань не позволил себе увязнуть в бою, и изменил тактику. Используя силы Движков, связанная в единую сеть армия паралоудей отступила и захватила плацдарм в аэропорту. Смысл этого маневра распознали не сразу, а когда сообразили, было слишком поздно.

В русле реки Делавер один за другим появлялись боевые корабли китайских ВМФ. Прежде Нагльфар не мог перемещать настолько массивные объекты, но у Янгбань было достаточно инструментов, расширяющих возможности паралоудей, и еще больше таковых они захватили во время своих рейдов. Стало очевидно, что маневр был не просто тщательно спланирован, а просчитан до мелочей. Корабли телепортировались со строго заданной ориентацией в размеченные спутниковыми маяками точки, и их орудия смогли открыть огонь буквально через секунды после перемещения.

Шрапнельные 130-миллиметровые снаряды с программируемым подрывом сеяли опустошение среди кейпов-летунов. Даже тем, у кого в довесок к полету имелась суперстойкость, приходилось несладко. Шквальный поток зенитных ракет снес несколько робокостюмов, и остальным пришлось прижаться к земле, чтобы избежать уничтожения. Когда стало ясно, что силы Протектората дрогнули, следующий залп артиллерия дала уже по земле, расчищая место для десанта.

Регулярная армия против паралоудей. На первый взгляд, даже смешно, но американских кейпов даже во времена безраздельного владычества Косты-Браун никто не готовил к настоящей войне. Что уж говорить про нынешний Протекторат, которому собственное правительство с упорством, достойным лучшего применения, вырвало зубы. Вдобавок, китайский десант поддерживали собственные кейпы, и довольно быстро оказалось, что крупнокалиберные пулеметы и осколочно-фугасные снаряды все еще смертельно опасны для тех, кто не обладал неуязвимостью, а оставшихся Янгбань мог давить числом.

Хотя Протекторат, в первую очередь за счет робокостюмов Дракон и подоспевших бомбардировщиков, ухитрился избежать разгрома, ситуация складывалась катастрофическая. Янгбань и китайская армия оперативно перекрыли все наземные и воздушные пути, поэтому Протекторату осталось только занять оборону в правительственных кварталах, где оставались президент, конгрессмены, весь кабинет министров и сотни чиновников пожиже. Вывести было невозможно — стоило бы Бутылочному Горлышку разрешить телепортацию в подконтрольной области, Янгбань мгновенно начал бы штурм всеми силами. Подвергаться же смертельному риску и эвакуироваться с уцелевшими летунами или модулями Дракон не захотели уже сами политиканы, и, пребывая на грани истерики, требовали обеспечить, сотворить из воздуха, родить безопасность лично для них.

А время стремительно утекало...

[Центральный процессор... норма]

[Модуль нейронной интерпретации... норма]

[Температура реактора... в допустимых пределах]

[Спинальная энергетическая шина... норма]

[Маршевый двигатель № 1... норма]

[Маршевый двигатель № 2... ПОВРЕЖДЕН]

[Маневровый двигатель № 1... норма]

[Маневровый двигатель № 2... норма]

[Модуль тактического анализа... норма]

Вскоре самодиагностика закончилась. Кид Вин выдернул из затылка штекер нейронного интерфейса и на несколько секунд замер, заново привыкая к ощущению собственного тела, пугающе хрупкого и ограниченного лишь теми функциями, что заложены в него природой. Ни мультиспектральных сканеров, ни гравитонных двигателей, ни комплекта вооружения, не уступающего лучшим бронекостюмам Дракон. Просто человек, уязвимый и бессильный.

Собравшись с силами, юный Технарь выбрался на открытый воздух. Его громоздкий мобильный доспех стоял на крыше здания, переоборудованного для заседаний Конгресса. Нужно было провести быстрый ремонт, пока снова не начался бой, иначе снижение мобильности может стать смертельным. Он достал из встроенного в корпус отсека квантовый калибратор и принялся восстанавливать двигатель из массива его мнимых состояний. Не самый надежный метод, но мастерская далеко, и не факт, что он вообще ее увидит.

Для Кид Вина эта операция стала первым серьезным делом за почти семь месяцев. Семь месяцев всеобщей подозрительности, шепотков за спиной, внезапных проверок снаряжения и удушающего одиночества. Выходцам из Броктон Бей правительство не доверяло, в Протекторате их сторонились как чумных, и в той же мере боялись, а уж ему доставалось столько же, сколько всем остальным вместе взятых.

— Здорова, Кид, давно не виделись, — от звука знакомого голоса сердце радостно подпрыгнуло. Он выключил калибратор и обернулся.

— Привет, Эгида.

Эгида за прошедшие месяцы изменился мало, даже улыбался как раньше. Вывернута под неестественным углом ступня, обгоревшая до костей правая рука и две сквозных дыры в груди дополняли привычный образ неубиваемого героя. Может, его сила, убирающая уязвимые места, действовала и на психику. А может он получил такую силу потому, что в душе был стоек и способен вынести что угодно, даже то, что сотворили с ними.

Всех Стражей принудительно раскидали по разным городам и запрещали даже вести переписку друг с другом, навалив большую вонючую кучу на их права и официальные процедуры. Подросткам-героям и их родителям прозрачно намекнули на серьезные репрессии, которые последуют, вздумай они в открытую возмутиться — вплоть до приказов на убийство. Все помнили и демарш Стояка, и приказ Александрии вывести из боя остальных Стражей. Тень Ахримана, даже мертвого, нависала над ними всеми.

— Как сам? — герой в красном приземлился рядом и уселся на карниз.

— Бывало хуже, — Кид Вин улыбнулся почти без усилия. — После всего этого дерьма я тут просто отдыхаю. А ты?

— Чувствую себя бесполезной летающей отбивной котлетой, — мрачно пошутил Эгида. — Эти из Янгбаня чихать хотели на пенные гранаты, а ничего помощнее нам не

выдали.

Кид Вин открыл еще отсек на спине мобильного доспеха, где размещался неприкосновенный запас на случай аварийной посадки в необитаемой местности, достал оттуда лучевой пистолет и протянул другу.

— Держи. Основной режим — паралич, но переключается в летальный, если сдвинуть вот этот флажок.

— Как бы его не помять случайно.

— Я его кидал с высоты ста метров, а потом по нему проехали автомобилем. Он такой же неубиваемый, как ты.

— Придется поверить на слово, — Эгида взял оружие здоровой рукой и заткнул его за пояс.

На крыше это было не так заметно, но пространство внизу бурлило, переплеталось и скручивалось. Виста, которая с саморазрушительной решимостью отказывалась принимать любые скидки на возраст, при поддержке еще нескольких Эпицентров превращала окружающие кварталы в смертоносный лабиринт. Легкость, с которой она применяла силу, говорила о том, сколь велики были жертвы в этот день.

На ступеньках капитолия стоял Отступник и о чем-то разговаривал с Экзальтом. Бывший глава отделения Восток-Северо-Восток за прошедшие месяцы изменился. Броня из желто-зеленой стала черной, настолько черной, что свет в нее словно проваливался. Это придавало главе Протектората слишком уж зловещий облик, мало вязавшийся с его нынешней ролью. Однако сейчас именно эта броня позволяла ему проходить сквозь шквал атак китайских кейпов, словно через обычный дождь.

— Я начинаю скучать по Губителям, — подумал Кид Вин вслух.

— Серьезно? — Эгида вздернул бровь.

— Представь себе. Пока они регулярно появлялись, у нас было хоть какое-то подобие единства. Всеобщая угроза, с которой нельзя договориться или отпугнуть. А стоило им взять паузу, как мы моментально вцепились друг другу в глотки.

— А, в этом смысле... Знаешь притчу про скорпиона и лягушку? Помнишь, чем все кончилось?

— Такова наша природа, — пробормотал Кид Вин.

Он закончил с двигателем и еще раз прогнал программу диагностики. Оставались мелкие неполадки в различных подсистемах, но они не несли критической угрозы функционированию, а на их исправление потребовалось бы слишком много времени.

— Кид, готовься, — напряженно сказал Эгида. Он взлетел чуть выше и настороженно всматривался вдаль. — Они идут.

Технарь молча кивнул и загерметизировал бронекостюм. В затылок снова воткнулся штекер, импульс пронзил позвоночник острой болью, но когда она прошла, он снова ощутил себя самим собой. Он взмыл в небо и осмотрелся.

Небо прочертили дымные следы — китайские корабли выпустили ракеты. Одновременно с этим засверкали вспышки, когда в дело вступила высадившаяся реактивная артиллерия.

— Всем кейпам Бугай-3 и ниже — в укрытие, — скомандовал по рации Отступник.

Кид Вин остался на месте, броня давала ему уверенный рейтинг Бугай-6, требовалось прямое попадание ракеты, чтобы нанести ему ущерб. Он активировал радар, чтобы отследить траектории полета снарядов. И похолодел.

С позиций китайской армии было выпущено несколько десятков снарядов. Не так уж много для артиллерийского удара по довольно плотной городской застройке. Но Янгбань не сидел сложа руки, и каждую секунду количество снарядов *удваивалось*. В отсутствие ядерного оружия, Китай нашел новый способ стирать с лица земли целые города, как будто Губители с этим справлялись недостаточно хорошо.

И что самое худшее, обстрел шел по слишком широкой области. Одним из режимов стрельбы Универсальных Энергетических Пушек был микроволновый излучатель, способный выводить из строя взрыватели. Теоретически, Кид Вин мог защитить площадь около десяти гектаров... но не тысячи. На периферии обзора сенсоров он видел других парящих кейпов, в том числе обладающих силой создавать силовые поля, и несколько модулей Дракон. Недостаточно. Их сил просто недостаточно.

«Виста, — подумал Кид Вин. — На большой высоте нет людей. Виста могла бы исказить пространство, отвести снаряды в сторону».

Но Висты рядом не было. Она укрылась под наспех отрытом убежище вместе со всеми, кто не был достаточно прочен. И не оставалось времени, чтобы ее позвать.

Сверкнула зеленая вспышка.

Над головами героев засверкали тысячи взрывов, но грохот слышался приглушенным, словно издалека. Потому что снаряды, не долетая до земли, детонировали об исполинскую пелену силового поля, накрывшую собой весь город.

Несколько секунд — и все смолкло, а защитное поле пропало, когда в нем исчезла необходимость. И Кид Вин, повинуясь внезапному наитию, обернулся.

Белая маска. Длинная зеленая мантия. Невообразимая мощь.

Это не мог быть Эйдолон, смерть которого подтвердила Дракон по микроскопическим останкам после ядерного взрыва. Это было немыслимо, невозможно, невероятно. И все же он парил в небе прямо перед героями, и любые сомнения развеивала исходящая от него мощь.

— Вы хорошо держались, — произнес он голосом, хорошо знакомым по многочисленным видеозаписям и интервью. — Я очень боялся не успеть.

Эйдолон был слишком далеко, но Кид Вин слышал его так же, как если бы он стоял рядом. Что-то подсказывало Технарю, что сейчас воскресшего героя слышал весь город.

— Отступайте. Защищайте мирных жителей. Я беру все на себя.

Янгбань уже приближались. Хотя их ряды несколько поредели после всех столкновений, это не особенно сказалось на их боеспособности. Они должны были вступить в бой сразу после артподготовки, и защитное поле стало для них сюрпризом. Вероятно, они решили, что справятся и так, используя численное преимущество и наличие полусотни разнообразных сил у каждого их них. Отступник несколько секунд колебался, после чего произнес в общий канал одно слово:

— Отходим.

Кид Вин подчинился приказу, но не раньше, чем выпустил автономного дрона с камерой панорамного обзора, и дал ему команду отслеживать Эйдолона. Тот оставался неподвижным, словно не замечал воздушного строя из пятидесяти кейпов, двигавшегося прямо на него. Вот они уже оказались близко. Настолько, что камера могла различить их маски.

Эйдолон широко развел руки. Будто собирался обнять своих противников разом.

А потом резко хлопнул в ладоши.

Всей кейпы Янгбаня словно налетели на невидимую стену, а потом начали сыпаться на землю. Некоторым удавалось восстановить полет, другие успевали использовать свои силы, чтобы спастись как-то иначе. Но не меньше трети просто грохнулись с огромной высоты на землю и больше не встали.

Эйдолон оставался неподвижным и безучастным. Он сложил перед собой руки и склонил голову, будто в молитве. Потустороннее зеленое свечение у него под капюшоном стало ярче, а потом воздух рядом с ним замерцал, как помехи на телеэкране, потемнел... и сгустился в три фигуры, знакомые каждому человеку в мире.

Александрия, Легенда, Герой. Не ожившие. Даже не материальные. Призрачные проекции, будто сотканные из теней и тумана.

Кид Вин переключил видеопоток на Отступника и спросил:

— Сэр, вы когда-нибудь видели, чтобы Эйдолон применял такие силы?

— Это не Эйдолон, — ответил глава Протектората. — Эйдолон был на полголовы ниже.

— Только не говори этого вслух, — вмешалась Дракон. — Он на нашей стороне, и это главное.

Призраки Эйдолона сорвались с места. Александрия начала зигзагами метаться в воздухе, разрывая дезориентированных летунов на части почти неуловимыми касаниями. Легенда спустился до уровня крыш и принялся заливать лазерами тех, кто пережил падение. Герой остался подле Эйдолона и поднял свою знаменитую дезинтеграционную пушку. Вырвавшийся из ствола золотистый луч ударил в сторону аэропорта. Полыхнул взрыв, кверху начало медленно подниматься грибовидное облако, а через несколько секунд до позиций Протектората докатился оглушительный грохот. Развернутая в аэропорту артиллерия была уничтожена.

Тень первого Технаря прицелилась снова, теперь уже по кораблям. Выстрел. Второй. Третий. На этот раз обошлось без взрывов. Золотые лучи, которые выпускало оружие Героя, испаряли металл, точно сухой лед — но только металл. Лишенные каркаса, китайские эсминцы начали складываться внутрь себя под собственным весом, погребая вместе с собой экипаж. Хотя река Делавэр не отличалась глубиной, всего двенадцать метров, этого оказалось вполне достаточно, чтобы пойти на дно.

— Прикажите Бутылочному Горлышку разрешить телепортацию, — прошелестел в ушах у каждого голос Эйдолона.

— Но тогда Янгбань сможет атаковать сразу Конгресс, — возразил было Отступник.

— Они не смогут.

«Осведомлен о Бутылочном Горлышке, — подумал Кид Вин. — Откуда он мог это знать? Хотя... это же гребаный Эйдолон».

Слова Отступника о том, что под маской скрывается другой человек, сознание удерживать отказывалось под напором отчаянной надежды. Что сильнейший герой действительно смог одолеть даже смерть, и пришел на помощь, когда ей нуждались больше всего.

Кид Вин не почувствовал, как пропал запрет на телепортацию, но зато через камеру дрона увидел результат. Эйдолон за считанные секунды сделал несколько быстрых скачков, то поднимаясь на высоту, то припадая к самой земле. Везде он повторял одно и то же — заключал тех кейпов Янгбаня, что еще оставались в живых, в полупрозрачные пузыри. Какая-то разновидность локальной остановки времени.

Затем последовал еще один скачок. На большое расстояние, так что дрон едва смог его

различить. Эйдолон появился над рекой, где экипажи уничтоженных китайских кораблей пытались спастись вплавь. Появился, и тут же камнем рухнул вниз. Река на километр вверх и вниз по течению разом побелела, превратилась в лед. Вместе со всеми, кто находился в воде.

Глядя на безжалостное массовое убийство незащитных людей, пусть и военных, Кид Вин вдруг понял, что не может заставить себя им сочувствовать. Что какая-то его частичка, пусть и малая, радуется участи, постигшей врагов. Да, все верно. Они пришли сюда с войной, убили множество невинных. Пусть получают, что заслужили.

Снова скачок.

Эйдолон возник прямо перед капитолием на высоте всего нескольких метров над землей. Призраки-проекции тут же слетелись к нему, окружили его наподобие почетной стражи. Вблизи стало отчетливо видно, насколько искажены они были по сравнению с настоящими героями. Их неестественно бледные лица несли на себе заметные следы трупного разложения, и тарасились они в пространство белесыми, незрячими глазами.

Кейпы Протектората затаили дыхание. У большинства из них был опыт боев с Губителями, и Триумвират они видели вживую неоднократно, но сейчас от Эйдолона исходило нечто неосязаемое, вызывающее одновременно благоговение и страх. Промозглый зимний ветер не трепал его мантию, и даже свет падал на него как-то *неправильно*.

Он медленно огляделся по сторонам, словно высматривал кого-то, а потом приземлился перед входом. Проекция Легенды выстрелила лазерами, которые снесли двери, но больше ничего не повредили, и Эйдолон со свитой вошел внутрь.

— За ним, — велел Отступник.

— Сэр, а ничего, что у нас тут еще есть живые китайцы? — спросил кто-то по общему каналу.

— Второстепенно, — отрезал глава Протектората.

— Что-то мне подсказывает, что он идет потолковать с нашим Конгрессом, — сказал Кид Вину подлетевший Эгида. — А еще мне что-то подсказывает, что разговор будет не из приятных.

Искать не пришлось. Восставший из мертвых герой прокладывал себе путь напрямик, через стены офисов и перекрытия, не считаясь с материальным ущербом — прямо в укрепленный бункер, где были заперты сливки американского истеблишмента.

Когда он проломил последнюю стену, раздались сначала испуганные визги а потом, когда конгрессмены разглядели пришельца, взволнованный ропот и редкие аплодисменты. Эйдолон не обратил на них внимания. Он висел над полом, скрестив на груди руки, будто специально дожидался, пока остальные герои его догонят.

— Леди и джентльмены, — начал он. — Много лет назад я, Эйдолон, поклялся защищать Конституцию Соединенных Штатов Америки от всякого врага, внешнего и внутреннего. Большую часть своей сознательной жизни я противостоял самым разнообразным угрозам, несущим хаос и опустошение нашей родине. Увы, я был слеп. Даже всех моих бесчисленных сил не хватило, чтобы разглядеть худших из врагов, который свили гнездо прямо в сердце нашей великой страны. Мне пришлось умереть и возродиться обновленным, чтобы осознать свою ошибку, и все разрушения и жертвы сегодняшнего дня — моя вина, ибо я чуть было не опоздал.

Он пересек зал и встал за трибуну, с которой, как предполагалось, президент должен обращаться к нации в случае чрезвычайных ситуаций. Кид Вин поймал себя на том, что слушает речь с предельной сосредоточенностью и вниманием, и все вокруг заняты тем же

самым. Эйдолон тем временем продолжал, повысив голос.

— Я обращаюсь к собравшимся здесь героям! Вы при разных обстоятельствах обрели свои силы, и разными путями попали в Протекторат. Однако у вас есть одна общая черта — вы много раз на деле доказывали, что являетесь героями по духу, а не по должности! Со многими из вас я сражался плечом к плечу против Губителей! В этих битвах вы теряли коллег, друзей и любимых! Вы проливали свою кровь, вставали стеной между невинными людьми и ужасом, и вот как вам отплатили! Вас сделали расходным материалом, топливом для реализации политических амбиций!

Эйдолон умолк, а Кид Вин примерил его слова к себе и понял, что они попали в точку. В самую болезненную точку. Он вспомнил чувство растерянности, когда по телевизору объявили о разрушительной реформе Протектората. О том, как его самого поставили перед фактом, что команду Стражей Броктон-Бей расформируют, а ему самому придется еженедельно отмечаться, словно осужденному на условный срок преступнику. Он точно знал, что не был единственным, кого возмутили действия собственного правительства. Взрослые герои на новом месте, даже некоторые Стражи, проклинали новые законы, но их голоса тонули в шквале заказных новостных сюжетов, демонизирующих прежнюю полуавтономную структуру. Некоторые не выдерживали и уходили, порой целыми командами, но и о них СМИ умалчивали. Бесконтрольные и неорганизованные паралюди автоматически порождали проблемы, но элиты сочли, что они являются меньшей угрозой для их власти, чем организация паралюдей, не подконтрольная им полностью.

Идиоты. Жадные, властолюбивые идиоты.

Кид Вин стиснул кулаки. Оружие его мобильного доспеха было активировано с самого начала, но сейчас он обнаружил, что сам того не желая начал выбирать цели в толпе конгрессменов. Испугавшись самого себя, он выключил пушки, и тогда же Эйдолон заговорил снова.

— Сенатор от Калифорнии, Алекс Фейнштейн. Сенатор от Вайоминга, Синтия Эрнст. Сенатор от Иллинойса, Сара Дурбин, — герой повысил голос. — Именно вы были инициаторами законопроекта, критически сказавшегося на способности Протектората отвечать на глобальные вызовы. В связи с чем я признаю вас виновными в предательстве интересов американского народа и подрыве обороноспособности страны. Властью данной мне Господом нашим, я приговариваю вас к смерти.

Проекции нарочито медленно двинулись вперед, неотвратно и целеустремленно. Толпа отхлынула от приговоренных сенаторов, будто от прокаженных, оставив их один на один с палачами.

— Вам есть, что сказать напоследок? — поинтересовался Эйдолон.

— Да сделайте же что-нибудь! — визгливо заорала одна из женщин.

Никто из героев даже не шелохнулся. Даже Отступник, даже Дракон.

— Понятно. Привести приговор в исполнение.

Одной Александрия свернула шею. Голову другого взорвал лазером Легенда. Герой застрелил третью, и оставшаяся от нее горстка пепла осыпалась на пол.

— Остальные из вас виновны едва ли меньше, — произнес Эйдолон. — Но как бы мы ни жаждали отмщения за несправедливость, если казнить вас всех, это будет именно тем, чего хотел добиться Китай. Вам придется искупить свою вину делом, потому что работы впереди очень много. Через несколько лет мы столкнемся с испытаниями более тяжелыми, чем все бедствия и катастрофы, что были доселе. И для того, чтобы устоять и сохранить саму

человеческую цивилизацию, мы должны быть организованны, сплочены и во всеоружии.

Проекции мертвых героев замерцали и растаяли. Эйдолон покинул трибуну и, больше не проронив ни слова, вылетел через пробитый им же проход. Взгляды кейпов, до этого прикованные к оратору, сошлись на казненных сенаторах, и в голове почти каждого билась одна мысль — на каком основании эти алчные ничтожества нам приказывают?

Если бы программа социального взаимодействия Отступника не распознала опасное нарастание напряжения, все могло кончиться плохо. Но программа работала, и глава Протектората принялся раздавать команды.

Нужно было прочесать город на предмет выживших членов Янгбаня и подготовиться к захвату тех, кто временно был заперт в стазисе, по возможности живыми. Нужно было взять под контроль аэропорт и нейтрализовать оставшихся китайских десантников. Наконец, нужно было запросить любую помощь, которую могли оказать не слишком мерзкие злодеи, потому что ресурсы самого Протектората показывали дно.

И самое главное — нужно было придумать, что же сказать президенту, который непременно потребует встречи, когда все немного уляжется. Кем бы ни был новоявленный «Эйдолон», он прямо противопоставил кейпов действующей власти, предъявил ей ультиматум.

Никто не любит ультиматумы.

На десятикилометровой высоте я открыл портал в свой мир и взял курс на крепость-фабрику. Большого смысла в этом не было, можно было сразу отправляться на базу Котла, чтобы обсудить с Контессой дальнейшие шаги, но мне хотелось немного привести в порядок мысли.

В целом, насколько я мог судить, операция прошла почти идеально. Тщательно рассчитанные провокации и манипуляции привели к тому, что Китай пошел на прямую и, в общем-то, бессмысленную агрессию. Янгбань понес тяжелые потери, которые восстановятся не скоро, однако костяк в виде Ноля, Первого и Второго остался невредимым, и целостности самой организации ничего не угрожало. Эта неудача заставит Китай в дальнейшем воздержаться от внешней экспансии, которая может поставить под угрозу глобальное равновесие. Лишенному Нагльфара Гезельшафту также придется поумерить амбиции, и ограничиться своей текущей зоной влияния.

Явление «Эйдолона» мы оттягивали так долго, как только могли, но именно так оно произвело наибольший эффект — ведь меня видели и слышали не только герои, но и миллионы жителей Филадельфии. Американские власти получили порку, которую в ближайшее время нужно будет подсластить перспективами колонизации параллельных миров, чтобы не допустить зарождения антикейповских настроений. Также придется провести несколько точечных ликвидаций среди руководства спецслужб, банков и медиакорпораций, но этим займется Контесса. До героев удалось донести мысль, что они могут быть не только объектами внутренней политики, но и субъектами. В качестве эксперимента несколько иномировых колоний будут управляться именно кейпами. Конечно, это далеко от проекта «Терминус», за который ратовала Александрия, но гораздо лучше подойдет для обкатки социальных технологий, нежели охваченный хаосом Броктон-Бей...

Вскоре я добрался до крепости, ворота которой уже ожидали меня открытыми. Я пронесся через прямой коридор прямо в терминальный зал и с наслаждением растекся на

жестком каменном троне. То, что мне не требовался сон, еще не означало, что я не выматывался.

За прошедшие месяцы крепость разрослась в разы, чтобы вместить новые установки, с помощью которых я играл свою роль. Конечно, благодаря Котлу у меня теперь был доступ к почти неограниченному набору сил, что заметно ускоряло работу, и все же каждая секунда, проведенная за проектированием и монтажом, напоминала мне — я могу носить костюм Эйдолона, могу говорить его голосом и демонстрировать такую же мощь, но никогда не стану им взаправду.

— Заметка, — произнес я в пространство, — больше не использовать управляемые проекции без крайней необходимости. Возросшая нагрузка на мозг ведет к повышению внутричерепного давления, мигрени и риску инсульта.

С размещенного под рукой терминала я набрал короткую команду и вскоре из глубин крепости примчался дрон, несущий большой стакан с чистой водой. С наслаждением стянув с себя капюшон и маску, я залпом выпил половину и мысленно обратился к более личным вопросам.

Я уставал, это факт. Мне потребовалось много сил и времени, чтобы подготовиться к первому выходу в качестве Эйдолона, и в дальнейшем объем работ не уменьшится. Мне придется постоянно придумывать что-то новое, чтобы сохранять образ обладателя бесчисленных сил и всегда быть на шаг впереди тех, кого одной репутацией не напугаешь. А ведь это лишь одно из направлений работы, потому что без Триумvirата мне буквально нужно работать за троих.

Эммм... ладно, за двоих, ведь Легенда в дела Котла не вовлекался, а на должности руководителя Протектората его мог заменить не то что Отступник, но даже кирпич. Однако груз дел, которые тащила на своем горбу Александрия, был поистине неподъемным, и одного его вида хватало, чтобы ввергнуть меня в отчаяние. Что мне теперь, разорваться?

Перед тронem открылся портал, из которого вышла Доктор Мама. Как всегда при личном общении с ней, мне пришлось гасить желание немедленно прикончить эту жирную дуру.

— Вот ты где, — сказала она вместо приветствия. — Почему не пришел сразу, как закончил в Филадельфии?

— Мне нужно было выпить, — в подтверждение слов я потряс полупустым стаканом. — Даже таким как я иногда хочется отдохнуть.

— Ты мог сначала отчитаться, а потом отдыхать.

— Все прошло в точности по плану. Если бы возникли значимые отклонения, Контесса бы связалась со мной сразу же.

— Меня не устраивает такой подход к делу.

— Ничем не могу помочь. Вы пришли просто подействовать мне на нервы или у вас что-то важное?

— Активность Падших нарастает быстрее, чем предполагал Счетовод. Уже ко второму кварталу следующего года они могут стать причиной масштабного кризиса в южных штатах. И раз их лидер — одно из слепых пятен Контессы, заниматься ими придется Эйдолону.

— Мы это уже обсуждали. Падшие — работа для Ахримана, а не Эйдолона. Используя его репутацию Четвертого Губителя, за ними можно будет установить надежный контроль и сформировать трехкомпонентную равновесную систему Протекторат-Элита-Падшие.

— Я против использования Ахримана в принципе. Да, это поможет отвести подозрения

от Эйдолона и возможно, повторюсь, *возможно* подействует на Падших. Однако само появление Ахримана может вызвать панику и разрушить весь позитивный эффект от возвращения Эйдолона.

— Если только Ахримана не будут видеть только Падшие и никто кроме них, — я допил воду и потер виски. — Хорошо, принял к сведению. Раз у вас есть время беспокоить меня, то найдется и на то, чтобы подготовить полную информацию по флакону, который получил лидер Падших, разработка контрмер займет не менее девяноста часов, но не более ста сорока. Если на этом у вас все, то можете быть свободны.

Следовало отдать должное этой черномазой, шкуру она отрастила толстенную, и на мою издевку не отреагировала. Перед ней снова открылся портал, и когда она уже пересекла границу между мирами, я снова ее окликнул:

— Доктор.

Она обернулась.

— Еще раз вломитесь ко мне домой без спросу — и я вас прикончу.

Портал закрылся.

Мда, похоже, однажды мне и правда придется разорваться.

9.2: Год второй

Как показывает практика, даже у самой лучшей работы на свете есть свои издержки и малоприятные стороны. Врач рискует заразиться, полицейский — поймать пулю или нож животом, учитель тупеет до уровня своих учеников, офисный планктон зарабатывает не только бонусы, но и геморрой с ожирением. Какие подводные камни в работе сильнейшего супергероя в мире и по совместительству агента тайной организации? Хороший вопрос.

Если отбросить такие мелочи, как риск для жизни и здоровья, а также ненормированный рабочий день, отсутствие выходных и совершенно невменяемый КРІ, то самое страшное — это груз знания. Оно давит на плечи гораздо тяжелее, чем зеленая мантия и прилегающая к ней ответственность. Из-за этого знания термин «демоны», обозначающий источники парасил, перестает звучать сколько-нибудь забавно, а временами мелькающий на горизонте золотистый росчерк вызывает вместо воодушевления спазм страха в животе. Это же знание заставляет сомневаться в самом себе, пытаться найти грань между человеком, которым ты когда-то был, и связанными агентами.

Да, великое знание означает великую скорбь, и первое место получает заслуженно. А вот второе место уверенно забирает необходимость в постоянном общении с разнообразными психами. Чем могущественнее кейп, тем сильнее у него съезжает крыша, это факт (и заодно вопрос к самому себе, насколько далеко уехала моя собственная кукушка), а мне приходилось иметь дело с самыми мощными ублюдками из всех.

Вот как сейчас, например.

Самодовольные и пространные разглагольствования Джейми Ринке, больше известного как Нилбог, утомляли своим однообразием. Хотя даже эти скучнейшие речи не шли ни в какое сравнение с теми “угощениями”, которые приготовили его твари. К счастью, еще в первую нашу встречу я смог сослаться на то, что маска — это часть моего тела, и что-либо съесть я не могу при всем желании. Но благодарю за гостеприимство, Ваше Величество.

— Как вы думаете, правитель должен заботиться о своих подданных? — спросил я, когда смог улучшить паузу во вдохновенном спиче.

Ринке запнулся и нахмурился. Ясное дело, хмурился он не сам, а его ложное тело, двухсоткилограммовая марионетка. Сам Нилбог находился под землей, но я деликатно делал вид, что не знаю об этом. Деликатность в общении с Нилбогом была превыше всего.

— Полагаю, что должен, — ответил он. — Ведь я забочусь о них.

— Этим вы много лучше иных правителей. Я встречал немало тех, кто был облечен властью, но использовал ее лишь для собственного наслаждения. Должен признать, ваш пример меня вдохновляет, дарит веру в лучшее.

— Рад, что смог чем-то вам помочь, — Нилбог слегка поклонился мне со своего трона. — Нам, коронованным особам, следует равняться друг на друга.

Ринке меня раздражал. Не только тем, что он переработал население целого города в мерзких тварей, а больше своей полной невменяемостью даже на фоне прочих S-ранговых сукиных детей. Часть меня требовала стереть его вместе со всем Эллисбургом к чертовой матери, распылить на атомы, или вышвырнуть в какой-нибудь мир, где не было даже атмосферы, и стоило больших усилий не делать этого. Да, Ринке был выбешивающим говнюком, но он же был и ценным ресурсом. Не настолько ценным, как мои или Контессы человеко-часы, но достаточно, чтобы терпеть его.

— Представьте, что ваш сад мог бы занимать не один город, а все пространство до горизонта — и далеко за ним. Ваши подданные расселились бы в нем и благоденствовали. У них было бы в достатке дичи и рыбы, плодов и ягод. Сейчас вы опекаете их, как заботливый отец, но в тоже время понимаете, что они способны на большее. Что они могут найти свой путь.

— То, о чем вы говорите, выглядит как прекрасный сон, — прокряхтел Нилбог. — Прекрасный и несбыточный. Будь я помоложе, то попробовал бы... но увы, даже боги стареют.

Он с тоской посмотрел на высокие бетонные стены, окружавшие Эллисбург. Эта карантинная зона находилась в патовой ситуации, гарантирующей взаимное уничтожение. Нилбог мог отправить своих тварей на штурм, или выпустить какие-то микроскопические споры, но тогда бы по нему вжарили со всей дури. Специально для подобного случая на ближайших авиабазах дежурили бомбардировщики с зажигательными бомбами, а оборонительный кордон имел в достатке тяжелой артиллерии — во всех смыслах. С другой стороны, все это богатство оставалось незадействованным, поскольку погибая, Нилбог мог напоследок натворить такого, что обезлюдели бы все штаты на полтысячи километров вокруг.

— Эту мечту гораздо проще претворить в жизнь, чем вам кажется, и не нужно нападать на соседей. Я хочу предложить вам нечто особенное — целый мир только для вас и ваших подданных.

Я повел рукой в воздухе, открывая портал по заранее заданным координатам. Звуки и запахи другого мира ворвались на Землю Бет, и твари взволнованно зашевелились. Даже сам Нилбог подобрался, потянулся к раскинувшейся за порталом девственной природе.

— Это... поистине щедрый дар, — сказал он. — Как получилось, что вы расстаетесь с ним так легко?

— Я — Император Стальных Земель, и в моей власти многое. Однако мне милее металл и камень, нежели леса и поля, и вы распорядитесь этим миром лучше меня.

Я прислушался к своим ощущениям, к подсознательному пониманию Нилбога, дарованному силой вещания. Наложил поверх показания датчиков, фиксирующих его биометрию. Сделал выводы о его настроении и ожиданиях, и добавил:

— Но я вижу, что честь требует от вас не оставаться в долгу. Знайте же — в самый темный час, когда все сущее окажется на краю гибели, я попрошу вас о помощи. Не сегодня и не завтра. Но однажды этот день настанет.

Нилбог только слабо кивнул, заморожено смотря на открывшийся пейзаж. Мне пришлось постараться, и привлечь помощь со стороны, чтобы новая вотчина Ринке выглядела как рай земной. Я довольно долго подводил его к нужному состоянию, чтобы он проникся ко мне достаточной симпатией и без сопротивления принял идею межмировой эмиграции. Вероятно, Контесса сумела бы справиться быстрее. Но за почти два года я успел понять, что Контесса, идеально достигая поставленной цели, систематически плодила новые проблемы. Просто потому, что она не могла предсказать последствия отдельных шагов.

Король Гоблинов хлопнул в ладоши, и весь Эллисбург словно вскипел. Твари выскакивали из домов и зарослей кустарников, вылезали из-под земли. Их было настолько много, что даже не верилось, что биоматериала двух тысяч человек хватило на эту орду. Все они собрались вокруг Нилбога и замерли в почтительном молчании. Сложно было поверить, что все эти чудовища обладали самосознанием, свободой воли и интеллектом, лишь

незначительно уступающим человеческому.

— Дети мои! — возвестил он. — Сегодня мы отправимся в новый мир! В мир, который будет только нашим, где не будет стен! Берите с собой все, что необходимо, и вперед!

Гоблины кинулись к домам, наперебой хватая все подряд — посуду, мебель, слесарные и столярные инструменты. Некоторые даже несли одежду, кое-как сшитую из нескольких предметов. А потом все они начали тонкой струйкой просачиваться через портал.

Прошла почти четверть часа прежде, чем в Эллисбурге не осталось ни одного гоблина. Последним через портал прошла марионетка-костюм Ринке. Руками она, придерживала рукой огромное брюхо, в котором находилось его настоящее тело.

— Обязательно загляните как-нибудь, — сказал он напоследок. — Я разобью сад вдесятеро прекраснее прежнего!

— Всенепременно. Я не прощаюсь с вами, Король.

Портал закрылся. Я упал обратно в деревянное кресло и протяжно выдохнул. Три месяца кропотливой работы увенчались успехом. Нилбог получил в распоряжение необитаемый мир, где его сила, создающая разумные формы жизни, развернется неограниченно. Где-то через полгода можно будет начать использовать его гоблинов как испытателей для новых флаконов — добровольно, разумеется. Без единого выстрела ликвидирована карантинная зона, что снизит риски для Земли Бет и высвободит существенные ресурсы.

Конечно, полностью зачистить эти зоны не мог ни я, ни Контесса, ни Триумvirат в лучшие годы. В случае с зоной Фридом это просто не имело смысла, Пастор и его паства ушли в добровольную самоизоляцию, твердо верили, что во внешнем мире случился апокалипсис, и никуда вылезать не желали, даже когда им это предложили. Лезть в Мэдисон было страшновато даже мне, в первую очередь из-за огромного шанса вляпаться в очередную расставленную Симург ловушку. То, что Симург уже больше двух лет не подавала признаков активности, ни капли не успокаивало.

Инленгтон... с Инленгтоном было сложно. Машины непрерывно эволюционировали, и за то время, что их никто особо не трогал, превратились в настолько могучую силу, что даже я не мог уничтожить их с наскока. Используемые ими пространственные и стелс-технологии требовали изучения, тщательного планирования и опять же, привлечения сторонних ресурсов. Я возлагал большие надежды на Эми, способную создать долгоживущие коррозионные микроорганизмы, но для этого нужно было ее сначала уломать на полноценное сотрудничество.

При мысли о грядущем разговоре с Эми у меня непроизвольно заболели зубы. Общаться с ней всегда было сложно. Она слишком хорошо понимала, что я такое — поскольку, фактически, сама же меня и создала — и видела во мне не столько Конрада без маски или Эйдолона в ней, а реинкарнацию Джека Остряка. Но ее сила была нужна. Я бы даже сказал критически необходима. Чтобы воспроизвести хотя бы десятую часть потенциала Красной Королевы, даже с грубейшим приближением, мне бы потребовались месяцы, если не годы работы.

Ладно, хватит расслаиваться.

Задействовав блок кинетического контроля, я рывком набрал полукилометровую высоту и мысленной командой развернул в интерфейсе дополненной реальности схему города. Стена, окружавшая Эллисбург, имела форму неправильного многоугольника, так что проще всего оказалось расставить ключевые точки в его вершинах.

Следующим шагом я применил стазис. Но не на всю область, а лишь на тонкий слой пространства между внешней частью стены и остальным миром. Привело это к тому, что вокруг Эллисбурга возникла, по сути, еще одна стена высотой три километра, только невидимая и практически несокрушимая. Правда, действовать приходилось быстро, поскольку стазисный комплекс вырабатывал свой ресурс с неприличной скоростью.

Затем все, что оказалось внутри стен, начало стягиваться в одну точку, находящуюся примерно в километре над землей. Воздух и вода, здания и огромные обломки стены, даже десятиметровый слой грунта — и те «сюрпризы», о которых Нилбог то ли забыл, то ли сделал вид, что забыл. Все срывается с места, взлетает в воздух и сжимается в одну огромную сферу, настолько плотную, что она раскаляется до температуры порядка звездной, а самые тяжелые элементы стекают в ее центр под действие центростремительной силы.

Я понимаю руку. На самом деле, в этом нет практической необходимости, моим «силам» нужно только целеуказание, но того требует *игра*. Несколько секунд невыносимо медленно тянутся, пока расположенные в других измерениях машины вычисляют рабочие параметры и накапливают энергию, а потом оглушительный грохот бьет по ушам. Вихрь белой энергии возникает возле моей ладони и рвется вверх, стремительно разрастаясь. Он беспорядочно корежит и рвет мерности пространства, слои слишком близких друг к другу реальностей соприкасаются и взаимно аннигилируют... вместе со всей материей.

Воздух с ревом ринулся на освободившееся место, вниз посыпались крошечные кусочки вещества, каким-то чудом пережившего аннигиляцию. Не опасно. Все, что мог оставить Нилбог, убила температура и давление. Образовавшийся котлован площадью в половину квадратного километра уже начал заполняться водой из протекающей рядом речки. Кажется, кому-то придется перерисовывать карты и, к счастью, это абсолютно не моя проблема.

Я отключил стазисный периметр и, сделав для порядка круг над новорожденным озером, позволил двум летунам из караульной команды себя догнать. Мимоходом я отметил, что костюмы у обоих с явным упором на функциональность, а не на зрелищность, и в целом довольно мрачно исполненные. Похоже, оба бывшие злодеи, перебежавшие в Протекторат после ужесточения законов, а сюда их отправили на испытательный срок.

— Сэр? — спросил один, Технарь с ракетным ранцем за спиной. — Что вы сейчас сделали?

Я ответил ему не сразу, выдерживая именно такую паузу, которая создаст нужное впечатление.

— Нилбог больше не представляет угрозы. Карантинная зона безопасна.

После этого я снова набрал высоту и уже в стратосфере открыл портал. Это был один из пустых миров, которые в изобилии находил Ясновидец, и которые можно было использовать как свалки, полигоны, строительные площадки, или просто перевалочные пункты, чтобы никто не отследил использование силы Привратника.

— Дверь на площадку № 8, - произнес я негромко.

В воздухе растянулся прямоугольный проход, откуда тут же потянуло холодом. Я влетел в него и в первую секунду мне показалось, что я ослеп от нестерпимой белизны. Конечно, это было невозможно, информация с многочисленных сенсоров костюма шла прямо на зрительные нервы, минуя сетчатку. И все равно, каждый раз как в первый.

Перед глазами до самого горизонта простирался сплошной ледяной панцирь. Сенсоры показывали температуру -50 по Цельсию и скрытая под костюмом фазовая матрица задействовала смежные реальности, где температура была приемлемой. Строительная

площадка № 8 находилась на Южном полюсе той версии Земли, где все еще властвовал Ледниковый период. Ну, почти властвовал. Потому что если повернуться на 180 градусов, то можно было увидеть уже мои владения.

Издавек *это* выглядело как огромное море тумана, в глубине которого кишели чудовища. Ненамеренный эффект, но довольно точно передающий суть. Туман образовывался из-за конденсации водяного пара над открытым в толще льда котлованом, а двигался там мой *opus magnum*, мое лучшее творение, еще очень далекое от завершения, но постепенно обретающее форму. Я нырнул прямо в белесое марево.

В мое отсутствие площадка № 8 пребывала в полусне. Пусть моя сила и позволяла строить механизмы, конструирующие сами себя из окружающего вещества, по большей части избавляя от ручного труда, без моего личного присутствия и контроля процесс замедлялся вплоть до полной остановки. Но когда я спустился к центральному терминалу и задействовал контрольные протоколы, машина размером со средний город снова оживила.

Площадка № 8 имела каскадное устройство. Внешний пояс был задействован в добыче сырья для непрерывного расширения. Зубья сотен экскаваторов вгрызались в лед и горную породу, конвейеры переправляли измельченную руду на переработку в молекулярные печи, где в дело шло решительно все, даже окружающий воздух. Автоматические цеха второго каскада производили детали, от опорных свай и балок до микросхем и плат. Они тоже медленно двигались вперед, по мере того, как строился и расширялся третий, основной комплекс. Он состоял из причудливо переплетенных между собой ажурных конструкций, их неевклидова геометрия была настолько противоестественна, что от взгляда на них начинала кружиться голова, но для меня они были прекрасны.

Машина, которую я возводил в мертвом мире, должна была доносить послания сквозь миры. Во *все* миры. За почти два года работы в Котле — кстати, уже втрое дольше, чем я был официальным героем — я узнал многое. И о своей второй силе, и о сущности сил. Да, на мои силы также были наложены ограничения, и сделал это тот, кого меньше всего можно было заподозрить. Действуя чисто как Технар, не мог обнаружить скрытые измерения, в которых пустили корни агенты, не мог проложить к ним путь. Однако та сила, что я вырвал у Джека Остряка, имела куда больший потенциал, чем можно было представить.

Я потратил месяцы на исследования, привлек огромные ресурсы, о которых раньше и мечтать не мог, и пришел к однозначному выводу: изначально, до того, как быть посеянной на Земле, сила Джека предназначалась для отправки сообщений на невообразимые расстояния со сверхсветовой скоростью. При правильной настройке ее импульсы проникали куда угодно, даже в те измерения, чтобы были закрыты для паралоудей.

Нужно ли говорить, что я был в отчаянии? Ключ к победе лежал на расстоянии вытянутой руки, а я не мог его коснуться, потому что стоило бы мне включить машину-вещатель, как это привело бы к ответной реакции в виде ее уничтожения, а после этого — к преждевременному концу света.

Нужно было продолжать эксперименты, искать новые подходы и возможности, комбинации сил, вот только в сутках всего 24 часа. Заметную часть которых нужно тратить на обслуживание оборудования, раскиданного по нескольким мирам. Обязанности Эйдолона съедали большую часть оставшегося, потому что не ограничивались Штатами-Бет, а охватывали множество миров с достаточным количеством населения. Везде требовался контроль, везде паралоуди железной рукой принуждались к формированию организованных структур, которые можно будет призвать в час X, а не вылавливать всех поодиночке.

Неповиновение, безумие и анархия карались уничтожением, или кое-чем похуже. Лишь оставшиеся три-четыре часа в сутки я мог потратить на какие-то более глобальные вопросы, посоветоваться со Счетоводом или Пифией или воспользоваться лабораториями на базе Котла.

Мне. Нужна. Эми.

Около часа я провел неподвижно в состоянии технарского транса, на полусознательном уровне направляя и корректируя работу механизмов. Больше времени уделить своему главному проекту сегодня я не мог, так что прогресс составил меньше процента. Обидно, но торопиться пока некуда. Если Пифия, она же Дина, права, в запасе еще есть годы.

— Дверь на площадку № 2, - сказал я, с сожалением убирая руки с контрольного терминала.

Порталы — это странно и неприятно. За один шаг пересекаешь границу между мирами, и вокруг меняется слишком много и слишком быстро. Другая температура, другое время суток, состав воздуха, фон магнитного поля... все другое.

В отличие от Восьмой, которой требовались низкие температуры для охлаждения, Вторая располагалась в более комфортном климатическом поясе. Здесь во главу угла ставилась надежность и устойчивость конструкции, поскольку этой установкой я пользовался буквально непрерывно. Она должна была иметь огромный запас прочности и длительность ресурса, поэтому пришлось при проектировании заложить не только узлы саморемонта и какое-то смутное подобие ИИ, который бы следил за состоянием объекта, но и собственные источники энергии. Сама машина находилась под куполом, похожим на крытый стадион, но вокруг нее до самого горизонта тянулись поля солнечных батарей и ветряки. Штат Аризона даже на безлюдной Земле оставался самым солнечным местом на свете.

Я проскользнул под купол, петляя между башен конденсаторов, и устремился к самому сердцу Второй Площадки. Там тоже находился контрольный терминал, такой же как на Восьмой, но главным сокровищем был не он а амниотический бак, внутри которого висело существо, похожее на ската с человеческим торсом и ногами. Образец 2-6-0-1, который Котел счел бесперспективным, и который теперь позволял мне быть Эйдолоном. Сначала я намеревался использовать слепок с силы Пифии, но в процессе ознакомления с архивами нашел альтернативу — причем намного более привлекательную. Зеленая мантия на моих плечах с того момента стала не просто узнаваемым символом, но и важнейшим элементом моей комплексной защиты, блокируя направленные на меня силы восприятия и ясновидения. Самое забавное, что это превращало меня в слепое пятно Контессы, но ни сколько не мешало Ясновидцу и Пифии. Первый воспринимал свет как таковой, сила второй, похоже, просто имела более высокий ранг. Расширенная учетная запись, так сказать.

Я подошел к баку и провел рукой по стеклу. Интересно, когда я решил использовать Мантеллума в качестве, кхм, плаща, то перешагнул очередную грань, или на тот момент это уже перешло в разряд обыденности? В конце концов, здесь он не страдал, пребывая в своего рода вечном сне, а слабые электрические импульсы в кору головного мозга воздействовали на центры удовольствия. Не настолько, чтобы выжечь синапсы, но достаточно, чтобы сны были приятными.

С другой стороны, в случае моего успеха он был обречен, как любой другой 53-й.

Отойдя от бака, я поднялся на верхний уровень, где находилась фокусная точка установки. Она представляла собой систему концентрических колец, в центре которой

висела цельная сфера из изумрудно-зеленого вещества.

Я снял с себя мантию и набросил ее на сферу. Ткань обволокла ее настолько плотно, что они словно стали единым целым. Хотя... почему “словно”? Они и были целым, деталями одной машины. Отсутствие механического контакта роли не играло, “источник” и “якорь” были связаны на уровне намного более глубоком.

Система колец пришла в движение. Я встал за контрольный терминал, подключил к нему системы костюма и направил поток диагностических данных напрямую в мозг. На несколько секунд я полностью утратил контакт с внешним миром, полностью утонув в петабайтах данных. Субъективно... это заняло намного, намного больше времени. По поверхности сферы прошла рябь, и небольшая часть вещества впиталась прямо в ткань.

Я снова набросил мантию на плечи. Система управления костюма распознала подключенное оборудование, нашла сохраненные параметры работы и уже через пару секунд защита заработала. Стоило бы провести диагностику систем вооружения, потому что я заметил нестабильность в Д-резонаторе, когда зачищал Эллисбург, но это пока терпит. Сейчас по расписанию организационные вопросы.

— Дверь на базу.

Опять портал, опять легкий шок для чувств от резкой смены окружающей среды. Со всех сторон меня обволокло знакомое касание, которое тут же отхлынуло — это Хранительница опознала во мне своего и уступила дорогу. Я немного подождал, пока системы костюма засинхронизируются с местной сетью, после чего направился уже знакомой дорогой в лабораторный комплекс.

Доктор Мама обнаружилась именно там, где я ожидал ее найти — в вивисекторной. На операционном столе перед ней лежала надежно зафиксированная Птица-Хрусталь, на — и внутри — которой размещалось множество разнообразных датчиков. Доктор следила за показаниями приборов, время от времени подкручивала частоты и усиленно делала вид, что что-то понимает.

— Порадуйте меня новыми открытиями, Доктор? — спросил я вместо приветствия.

— Тебя не учили стучать, когдаходишь?

— Только когда нужно показаться воспитанным. Я так понимаю, результатов нет.

— Это вопрос времени. Птица-Хрусталь — важный образец.

— Разве что для статистики влияния процента «Баланса» на итоговый состав.

Я сел на ближайший стул, откинув в сторону мантию, и снял маску. Размыкающиеся контакты отозвались болью, а по мозгам ударило резким сокращением сенсорных возможностей, но с Доктором я предпочитал говорить с глазу на глаз. В маске я слишком напоминал прежнего Эйдолона, а вот вид моего лица ее определенно раздражал.

— Я только что разобрался с Эллисбургом. Ликвидация Армии Машин — вопрос ближайших недель, самое большее — месяцев. После этого у Протектората высвободится достаточно ресурсов для изменения стратегии.

— Мы уже это обсуждали. Я против.

— Ваши протесты больше не имеют значения. Так что завязывайте с этой херней, — я кивнул на вскрытую Птицу-Хрусталь, — и сосредоточьтесь на изготовлении новых составов, с пониженным содержанием “Баланса”. Скоро их потребуется много.

Доктор напряглась и немного подалась вперед, что с ее комплекцией выглядело комично. Без маски, оснащенной множеством сканеров, я не мог считать ее физиологические показатели, но точно знал, что где-то внутри она испытывает страх. Она

всегда боялась, хоть не показывала виду, потому что даже стоящая рядом Контесса не гарантировала неуязвимость. В какой-то момент Путь мог счесть ее бесполезной или даже вредной.

Что и произошло, в конце концов.

— Что-то подобное я предполагала. Решил устроить бунт?

— Я не бунтую, а отстраняю некомпетентного руководителя. Ваше “гениальное” управление и так обошлось слишком дорого, так что радуйтесь, что я позволяю вам продолжать трудиться на пользу дела.

— Контесса и Счетовод...

— Уже давно не с вами. Думаю, если бы вы десятилетиями лет не занимались похищениями и экспериментами, Фортуна бы сохранила к вам толику уважения. Но вам не хватило ни ума, чтобы придумать что-то менее жестокое, ни смелости самой принять состав, — я резко встал и одним движением оказался возле нее. Отложенный в сторону Доктором Мамой скальпель словно сам оказался у меня в руке. — В этом и заключается разница между нами. Я не требую от других ничего, на что не готов пойти сам. А вы просто трусливый и тупой кусок дерьма, которому однажды повезло оказаться в нужное время и в нужном месте. Так что копайтесь на своей тростниковой плантации, как положено хорошим черным, и не лезьте в долгосрочное планирование.

Лезвие скальпеля медленно провело линию в воздухе, как раз напротив сонной артерии Доктора. Я не задействовал силу, хотя соблазн был. Одно движение, и я бы избавился от источника постоянного раздражения... но пока не стоит испытывать на прочность лояльность Контессы.

Я переключил внимание на стол для вивисекции. Птица-Хрусталь не только была жива, но и находилась в сознании, просто вонзенные в мозг иглы не позволяли ей шевелиться или применить силы. Я осмотрел ее еще раз, не упустил ли чего. Внешнее проявление способностей — силикокинез. Воздействие силы может быть нарушено ультразвуком, но это связано не с ее механизмом, а с влиянием на внутреннюю структуру вещества. Возможные применения... атакующие и защитные действия механического уровня. Личность почти разрушена заключением в петле, но быстро восстановится при помещении в реабилитационную обстановку. Нестабильна, склонна к массовым разрушениями, склонна к гомицидомании, нарциссична, одержима бредовыми идеями величия. Возможная польза от применения в качестве полевого или двойного агента не перекрывает трудностей, связанных с обеспечением контроля и лояльности.

Ценность — минимальная.

Экономным движением я сломал Птице-Хрусталь шею. Приборы пронзительно запищали, фиксируя остановку сердца и дыхания.

— Хранительница, будь так любезна, избавься от тела.

Я направился к выходу, труп поднялся со стола и поплыл за мной следом. Уже взявшись за дверную ручку, обернулся к Доктору Маме.

— Жду первую партию из двенадцати флаконов в течение суток. Как видите, я вас не сильно нагружаю.

Я прошел дальше по коридору, прошел еще через два портала, которые Привратник держал открытыми постоянно, поднялся на лифте на верхний уровень. Условно «верхний», потому что база Котла была размазана по множеству миров. Но на нем не было ни камер с подопытными, ни лабораторий, ни огромного грота с хтонической коматозной *мерзостью*,

проклявшей людской род суперсилами. Только законсервированные административные помещения, личные комнаты членов Котла и прочие мелочи. Сверившись с хронометром, я отправился в зал для совещаний.

Контессы и Счетовода еще не было, эти двое всегда появлялись в самый последний момент, и при этом никогда не опаздывали. За круглым столом сидела Дина Элкотт, она же Пифия, и рассеянно теребила в руках свою простенькую маску. От регулярных собраний она была не в восторге, но по понятным причинам я был вынужден советоваться с ней по поводу каждого серьезного шага, чтобы не спровоцировать конец света раньше положенного.

Я поприветствовал ее кивком и посмотрел в другую сторону, где плотной кучкой сидела Бойня, моя Бойня. Ее состав за два года не изменился, зато качественные изменения были налицо.

Эшли оставила в прошлом длинные черные платья, сменив их на киберпанковый кожаный комбинезон в обтяжку, а в ее руках поблескивали металлом имплантаты. Изготовил их я, и в выигрыше оказались оба — Эшли получила практически идеальный контроль над своей силой, а я мог использовать ее силу как собственную, хоть и не слишком часто. Контролировать ее было непросто, приходилось постоянно напоминать, насколько я выше ее, и одновременно чесать за ушком, позволяя быть главной в группе. Но пока что я справлялся.

Кевин, можно сказать, пришел в норму, насколько это вообще возможно в его случае. Я чувствовал, что его тяготит работа в Котле, потому что он мало общался с остальными иначе как по необходимости. Однако его верность граничила с собачьей, а сам он охотно пользовался услугами Привратника, чтобы путешествовать по разным мирам. Он детально изучал каждый обитаемый мир, обязательно примерял что-то по местной моде, пробовал незнакомые блюда, пытался заводить знакомства — даже неважно с кем, но как можно больше. Будто пытался наверстать все, что упустил за двадцать лет мучений.

Эмма была той, чье выживание меня удивляло больше всего. Она была ходячей руиной — внутри, разумеется, сила поддерживала ее в идеальной физической форме. Свое мнение Эмма если и имела, то боялась его высказывать даже самой себе. У нее не было интересов, я не помнил и десяти слов, которые она произнесла за все время, а любым приказам повиновалась безропотно — настолько безропотно, что это даже пугало. Что-то в ней было от коровы, куда погонишь, туда и пойдет. Оживала она только в бою, причем больше от страха, чем от упоения схваткой. В общем, разобраться, что у Эммы творится в голове, я не мог даже с силой Вещания. Опыт работы в психиатрической больнице подсказывал, что там были симптомы шизофрении в начальной стадии, а может и не в начальной. Если так, то однажды ее придется просто усыпить.

Бегло оценив обстановку, я подошел к своим подчиненным.

— Полагаю, раз вы здесь, значит, вопрос на Земле Чейт улажен?

— Ага, — лениво кивнула Эшли.

— Осложнения?

— Никаких.

Я сделал в уме пометку, что одна из радикальных группировок на Чейт ослаблена, и если нанести им визит примерно через неделю, то можно будет убедить их перейти под крыло местного правительства.

— После собрания у вас сутки отдыха. Потом отправитесь на Шин, описание задачи вышлю позже.

Эшли хмыкнула, Кевин молча кивнул, Эмма находилась мыслями где-то очень далеко, выписывая пальцем на столе беспорядочные загогулины. Честно говоря, я думал, что вся троица не протянет и полугод, погибнув на одной из далеких Земель. Однако комбинирование способностей и помощь Технаря в моем лице позволяла им до сих пор не просто выживать, но и выполнять порученные им задания. Занимались они теми делами, на которые Контессе и мне было некогда отвлекаться, от ликвидации проблемных кейпов до доставки флаконов с силами клиентам Котла.

— Эй, босс, — окликнула меня Эшли. — Как вообще так получилось, что мы, Бойня начали заниматься спасением мира?

— Потому что я так решил.

Дверь открылась, и в зал вошли Счетовод с Контессой. Оба коротко поздоровались с Пифией, заняли свои места и тут же хронометр показал назначенное время.

— Раз все собрались, то начнем, — я еще раз оглядел собравшихся. — Хорошая новость в том, что нам с Пифией удалось понять, каким образом Джек Остряк мог спровоцировать конец света, и каким образом это могу сделать я. Как стало известно из проведенных исследований, сила Джека представляет собой концептуальную передачу информации. Не имея возможности воздействовать на Зиона напрямую, он мог донести до него некую информацию посредством своего агента. Учитывая психологический портрет Остряка, он бы наверняка предложил ему поэкспериментировать с насилием, попробовать различные способы применения сил для причинения страданий и убийства.

Я послал мысленную команду в локальную сеть, и на занимающем большую часть стены экране отобразилась карта мира с пульсирующей где-то в районе мыса Горн желтой точкой.

— Прямо сейчас Зион находится в этом районе Земли Бет. Пифия, если я сейчас отправлюсь туда и начну транслировать всеми доступными способами сообщение, что было бы интереснее не спасать людей, а убивать их, с какой вероятностью это приведет к концу света?

— Девяносто четыре точка ноль двадцать пять.

— Спасибо. Это крайне важная информация, которая позволяет, пусть и очень ограничено, управлять поведением Приоритетной Цели. Это значит, что мы можем избежать провокаций, и вызвать конец света в тот момент, когда будем в наивысшей готовности, не раньше и не позже.

— А ты не можешь отправиться туда и сказать ему, чтобы ни в коем случае никого не убивал, а продолжал снимать котят с деревьев? — подала голос Эшли.

— В теории, это возможно. Но далеко не факт, что он меня послушается. Даже наоборот, я уверен, что он отвергнет это предложение. Изначально этих существ было двое, и одно из них серьезно пострадало при прибытии на Землю, а после было добито Контессой и Доктором Мамой. Хотя мышление Приоритетной Цели принципиально отличается от человеческого, потеря пары является для него очень серьезным раздражителем. Я не уверен, приемлемо ли говорить о «боли утраты» и «отчаянии», поскольку эти термины описывают нас с вами, а не всесильных инопланетных чудовищ... короче нет, это неприемлемо.

— Жалко, хорошая была идея.

— Мне тоже жаль, но не все так плохо. Исходя из новой информации, я предлагаю сменить стратегию. Первое: мы откажемся от торговли силами. Флаконы будут распространяться бесплатно, однако получать их будут только лица физически здоровые и

психически стабильные, не имеющие деструктивных наклонностей и с достаточно твердыми моральными убеждениями, которые смогут держать себя в руках, даже под влиянием агентов. Контесса будет составлять списки, с доставкой справится Бойня. Второе: с этого момента организация эвакуации населения населенных миров является задачей высшего приоритета. Не только Бет, но и Алеф, Чейт, Шин и прочие. Контесса, Аккорд доступен для использования?

— Да, в последние месяцы его психическое состояние стабилизировалось.

— Хорошо. Я вижу конечную цель в том, чтобы равномерно размазать всю человеческую популяцию по максимально возможному количеству пригодных для жизни миров.

— Для Привратника это может быть слишком большой нагрузкой, — заметил Счетовод.

— Я не собираюсь использовать Привратника. На мой взгляд, эффективнее будет изъять из Клетки заключенную номер 599, Бакуду. С ее специализацией она сможет построить достаточное количество одноразовых устройств, создающих межпространственные переходы. Кроме того, с применением технарских приспособлений будет проще подать идею властным структурам.

Я глотнул воды из графина, после чего сменил изображение на экране. Двухкоординатный график изображал две линии, восходящую и нисходящую. В правой части графика они пересекались.

— Как показывает пример Земли Шин, максимальная удельная численность паралоудей, которую способно вынести общество — один на тысячу, после чего процесс распада социума становится лавинообразным. В настоящий момент таковой показатель для Земли Бет вдесятеро ниже. Ранее деятельность Котла была направлена на сдерживание роста популяции паралоудей, но с новой информацией мы можем пойти ва-банк. На графике нисходящая линия показывает условную стабильность общества, при которой возможна организованная эвакуация, восходящая — количество паралоудей. Счетовод, твоя задача рассчитать, сколько лет или месяцев отделяет нас от точки пересечения.

— Если брать текущие темпы прироста, а также новую схему раздачи флаконов, изменения в законодательстве и общее снижение уровня жизни... — мужчина на секунду замер, пока его сила обрабатывала колоссальные массивы абстрактных данных, — шесть лет и три месяца. Приблизительно.

— Хорошо, — кивнул я. — Сделаем скидку на тот случай, если что-то пойдет не так, и темпы дестабилизации увеличатся. Таким образом, ориентировочно час X состоится ровно через пять лет. По истечении этого срока я вступлю в контакт с Зионом и передам ему идею об экспериментах с насилием. Пять лет, дамы и господа. За это время мы должны изобрести способ победить непобедимого. Пифия, что по цифрам?

— Приемлемо, — скупно ответила девочка.

— В таком случае, все могут быть свободны. Дальнейшие инструкции получите позже.

Члены Котла разошлись через порталы. Я остался в зале один и устало рухнул на стул. Хронометр услужливо сообщил, что в часовом поясе Балтимора сейчас половина шестого вечера.

Нет, сначала я что-нибудь съем. Разговор с Эми на пустой желудок я не осилю.

Несколько дней спустя

Черепушка чувствовала, что вот-вот ударится в панику. На первый взгляд, волноваться

ей было не из-за чего, ведь клиент всю солидную сумму внес авансом, но неприятные нюансы всплыли несколько позже.

Возможно от того, что уверенная и властная манера держаться выдавала в клиенте кейпа, но маску он не носил. Или от того, что вторым человеком в комнате была печально известная Красная Королева. Или от того, что Черепушка увидела в отсканированных воспоминаниях заказчика.

Заказ звучал предельно просто: скопировать воспоминания одного тела и записать их в другое. Подобная работенка хоть и граничила с убийством, но Черепушка занималась подобным не впервые и проблем не видела. В конце концов, ей ничего не мешало создать резервную копию памяти реципиента, так что теоретически она могла «оживить» его. И все бы ничего, но новое тело не валялось в отключке или связанным, а возникало прямо сейчас из ванны с биоорганической массой. Красная Королева сосредоточенно склонилась над ним, и использовала свою силу, чтобы сформировать нижние конечности и внутренние органы.

Почему-то процесс создания человека из полужидкой массы казался Черепушке более тошнотворным, чем если бы человек живьем растворялся в кислоте. Ее клиента, однако, подобные вещи не смущали. Он стоял чуть поодаль, расслабленно прислонившись к стене, и внимательно следил за работой Красной Королевы.

— Правую ногу укороти на миллиметр в голени и на столько же в бедре, — сказал он зачем-то.

— Если такой умный, делай сам, — огрызнулась теневая правительница Балтимора, не прерывая своего занятия.

— Я не хочу, чтобы мой напарник заново учился ходить.

Черепушка избегала смотреть в его сторону. При первой встрече он показался ей обычным молодым мужчиной, достаточно приятным для мимолетного флирта. Но здесь, в неизвестном месте, куда ее доставили с помощью телепортации, с него словно слетел невидимый флер очарования. В клетке с голодным тигром она бы чувствовала себя спокойнее.

Где-то через четверть часа все кончилось. В пластиковой ванне лежал голая копия заказчика. Грудь клона мерно поднималась и опускалась, но глаза оставались закрытыми. Сейчас это была не более чем пустая болванка, не содержащая ни личности, ни памяти, ни сознания. Кусок мяса, да и только, едва ли отличающийся от протеиновой пасты с добавкой карбоната кальция, которой он был недавно.

Теперь настал черед Черепушки действовать. Она заранее подготовила и откалибровала все свои приборы и инструменты, так что процесс пошел быстро. Помогало и то, что донор и реципиент воспоминаний были полностью идентичны друг другу, вероятность ошибок стала ничтожной.

Воспоминания записывались в мозговую кору клона, данные дублировались на экране ноутбука, и в сюрреалистических переплетениях графиков и чисел перед Черепушкой разворачивалась прежняя жизнь своего заказчика. Специализирующаяся на мнемотехнике Технарь почувствовала, как по спине снова пробегает холодок.

— Должен сообщить вам кое-что важное, и прошу за это прощения, что упоминаю об этом только сейчас, — произнес клиент, словно угадав ее мысли. — Когда вы закончите работу, то подвергнетесь процедуре очистки памяти. Она безболезненна, в целом безвредна, и коснется лишь сегодняшних событий, не повлияет на ваши более старые воспоминания. Отказ не принимается.

Черепушка могла лишь безропотно кивнуть. Спорить с этим существом означало номинировать себя на премию Дарвина.

Клон открыл глаза и тут же сел в ванне. Несколько секунд он озадаченно оглядывался по сторонам, а потом посмотрел на свою левую руку, на которую Красная Королева поместила родимое пятно в виде греческой буквы «эпсилон».

— Ясно, — произнес он. — Значит, все получилось.

Клон вылез из ванны, несколько раз взмахнул руками, подпрыгнул на месте, нанес несколько ударов в воздух, и только потом принялся одеваться.

— Координация в норме, — протянул заказчик. — А силы?

Вместо ответа клон вынул из стопки одежды армейский нож и махнул им в сторону. На стене осталась тонкая вытянутая выбоина.

— Ты забыл подготовить запасной комплект снаряжения, — сообщил он. — Заканчивай тут, а я на Первую площадку.

— Сделай сразу два. Когда закончишь...

— ...отправляюсь к Мазерс, я помню. Дверь, пожалуйста.

В воздухе появился прямоугольный проход в какое-то другое помещение, более просторное и шумное. Клон шагнул в него и проход за ним закрылся.

— Ладно, дамы, поглазели и хватит, — заказчик похлопал в ладоши, привлекая внимание. — Продолжаем работу.

«Прости меня, Боже, ибо не ведала я, что творю», — подумала Черепушка.

9.3: Год третий

База Котла, исследовательский этаж

Писк медицинской аппаратуры оповестил об остановке сердца подопытного.

— Это фиаско, — прокомментировал Гамма.

— Может, мы поторопились тогда убирать Сердцеда и его выводок? — подумал вслух Эпсилон.

— Там было бы тоже самое.

— Вероятно, у Сердцеда была лучше связь с агентом. Много лет активности, множественные дочерние агенты.

— Или же дело не в связи носителя с агентом, а в возможностях самого агента.

— В любом случае, нужно продолжать.

Тело Жан-Поля Василя, он же Взлом, он же Регент, отправилось в утиль, как и многие до него. Двое находившихся в лаборатории людей в лаборатории забыли о нем через секунду, и больше не вспоминали. Для них он был даже не кейпом-злодеем, а просто отработанным материалом, не оправдавшим ожиданий. Или, скорее, еще одной тонной пустой породы, которую просеяли в поисках самородка.

— Думаю, стоит вернуться к идее извлечения Сплетницы, — высказал мысль Эпсилон. — Даже со всеми доступными ресурсами, сейчас мы вынуждены идти во тьме вслепую, используя Пифию в качестве даже не поводья, а палки для прощупывания пути. С силой всеведения...

— Нет! — отрезал Гамма, и было заметно, как его передернуло. — Тебе что, память записали битую? Или ты уже забыл, насколько она злопамятна? Она уничтожит все, что мы строим.

— Мы сможем ее контролировать. С силой Вещания, с помощью Контессы...

— И думать об этом забудь. Сплетница слишком сильна. Вопрос времени, когда она раскроет слепые пятна Контессы или наши собственные слабые точки, о которых мы даже не подозреваем.

— Да, это она может.

— И тогда мы дружно пустим себе пули в рот, искренне уверенные, что это наше собственное решение!

— Вот интересно, я всегда был истеричкой-паникером, или это меня так жизнь помотала?

— А суицидальные наклонности у меня родные или это Эми опять херни наворотила?

На несколько секунд в лаборатории воздух словно сгустился. Оба носили одинаковые бело-зеленые костюмы со всем прилегающим вооружением. Однако противоречия между ними не могли быть разрешены силой.

— Мы с Дельтой недавно обсуждали вероятные развития события в случае успешного устранения приоритетной цели, — наконец неохотно сказал Эпсилон. — Если проект Восьмой площадки потерпит неудачу, придется иметь дело с образовавшимся хаосом. У нас нет никакой возможности предсказать поведение агентов после уничтожения источника. Возможно, они отключатся сами. Возможно, произойдет что-то похуже...

Гамма нахмурился.

— Я вижу риски, но все еще не вижу, с какой стати пытаться использовать Сплетницу.

Не нужно самому пробовать яд чтобы понять, что он убивает.

— Нам нужны инструменты широкого спектра при приемлемых рисках. Ее мотивы просты, как у любого злодея. Личный комфорт, власть, плюс стремление знать все и обо всех, диктуемое силой. Эти качества гарантируют, что она не попытается действовать против нас, пока мы не справимся с приоритетной целью, иначе под угрозой окажется ее собственное благополучие.

— Я против. Во всяком случае, не сейчас. В данный момент слишком много неустойчивых переменных, слишком много вещей требуют нашего внимания. У нас нет ни времени, ни возможности присматривать за пригретой на груди змеей.

На ретинальных дисплеях у обоих одновременно появилось напоминание: “Бет, Хабаровск, встреча”. Эпсилон без лишних слов развернулся и пошел к выходу, потому что сейчас была его очередь эйдолонить. Гамма упал в кресло и уставился в потолок.

— Дожили. Мои собственные клоны строят заговоры у меня за спиной, — произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Какой заезженный сюжет.

На самом деле, это не было неожиданностью. Он сам не единожды возвращался мыслями к петле времени, в которой находилась Сплетница (а вернее то, что от нее осталось) — одной из немногих все еще существующих. Фактически захватив власть в Котле, он больше не мог мыслить прежними категориями, и видел в злодейке в первую очередь сильного кейпа — а значит ценного кейпа. Она дважды смогла победить его предыдущие итерации, а это чего-то да стоило. Но он был Гаммой, он стоял ближе к Альфе и Бете, имевшим дело со Сплетницей непосредственно, и страх перед ее силой все еще мог влиять на его решения. Дельта и Эпсилон, осознавая себя клонами, могли отстраниться от этих эмоций и мыслить более рационально.

Может быть, когданибудь и он преодолет страх. Но сейчас речь не о том. Сейчас его задачей был поиск кейпа-Властелина для Восьмой площадки. За прошедшие месяцы они втроем перебрали многих. Контесса здесь ничем не могла помочь, подобные вещи находились в одном из ее слепых пятен, так что действовать приходилось буквально наобум. Кого-то забраковывали на начальном этапе, кого-то — позже. Кто-то переживал обследование, кто-то нет. Результат в любом случае оставался нулевым.

Впрочем, у него была идея, где искать требуемый самородок. Об этом ему напомнило упоминание Сплетницы, ведь последняя действовала не в одиночку. Эту кандидатуру единогласно выставили все трое в самом начале, но когда подсчитали затраты на обеспечение безопасности, решили попытать счастья с другими кандидатами. Практика показала, что это решение ошибочно.

Вот только у самородка были острые зубы... а точнее, ядовитые жвала, и очень много.

Несколько недель спустя, руины Броктон Бей

Останки города за годы изменились мало. Где-то выросла непрошенная трава, где-то потрескался асфальт, но в целом все осталось так же, как было — пустые здания, не погребенные кости, куча техники на спущенных колесах и Ров, пересекающий город по диагонали. Своего рода, незаживающее напоминание о давнем поражении.

Трем частям одного целого, пришедшим сюда, не было дела до прошлого. Они посвятили свое существование цели, превратили себя в совершенные инструменты ее достижения. С высоты их могущества, власти и дел старая вражда и обиды казались чем-то настолько мелочным, что даже вспоминать о них было неудобно.

Они действовали слажено, согласно разработанному плану. Появившись на окраинах Броктон Бей, они первым делом отрезали его от внешнего мира. Сторонний наблюдатель не должен был увидеть или просто заподозрить, что в заброшенном городе что-то происходит. Вторым шагом Триумвират зачистил территорию. Потoki модулированного микроволнового излучения выжигали насекомых и все с ними схожее, тяжелые клубы газа укрывали квартал за кварталом, убивая мышей и крыс, но только их.

— Наблюдаю движение, — сообщил Гамма, приблизившись к бывшей школе Уинслоу.

— Скорее всего, это папаша, — подтвердил Дельта. — Я займусь.

Телепортационный прыжок. Струя транквизаторного газа в лицо. Толчок в грудь. Почти утративший человеческий облик мужчина, единственный живой житель Броктон Бей, упал в открывшийся за его спиной портал. Проход тут же схлопнулся.

— Как он тут вообще выживал?

— Рыбалка... и крысы, — Дельта огляделся по сторонам. — Здесь у него логово. Недурное он хозяйство наладил.

— Давайте в темпе, — прервал обоих Эпсилон. — Мы не знаем, сколько еще провозимся. По статистике, с вероятностью 93 % нам придется иметь дело со вторым триггером.

Все трое собрались в холле школы, где рядами стояли шкафчики. Узнать нужный было несложно, он не только выделялся на фоне прочих своей монохромностью, но также повелитель крыс превратил его с помощью подручных материалов не то в алтарь, не то в мемориал.

С помощью дезинтеграторов Триумвират расчистил область вокруг петли. Шкафчик словно остался висеть в воздухе, когда исчезли прилегающие стены и пол. Затем Эпсилон разместил на нужных позициях якоря хронодисперсера и телепортационные маячки. Также петлю окружили капсулы с газом и картечные заряды — на крайний случай. На якорях выставили таймеры, настроили автоматику. Взлом петли должен был пройти так, чтобы в зоне покрытия агента не было никого из Триумвирата, иначе они могли стать целью повторного триггер-события, и тогда на всех планах, как и на будущем человечества как биологического вида, можно было ставить жирный крест.

— Дверь на базу, — произнесли все трое, когда с приготовлениями было покончено.

Холл школы Уинслоу погрузился в покой, чтобы через несколько секунд снова ожить. Сначала сработал хронодисперсер, возвращая шкафчик в нормальное течение времени. Через одну двадцатую долю секунды точно под ним раскрылся портал, в который шкафчик как раз начал падать. Одновременно с этим сработала газовая капсула, предположительно, способная сделать содержимое шкафчика безвредным для окружающих.

Шкафчик пролетел через портал и грохнулся на пол в пустом зале, заполненном безвредным для людей инсектицидом. Зал от холла школы Уинслоу отделяли бесчисленные измерения, пути двух миров разошлись так давно, что на этой версии Земли жизнь отсутствовала в принципе, а атмосфера за пределами подземного бункера была смертельной для людей.

Триумвират собрался возле терминала дистанционного наблюдения и следил за телеметрией, которую передавали размещенные в зале датчики.

— Объект неподвижен. Биометрия не нарушена. Транквилизатор отработал штатно.

— Фиксирую волновую активность.

— Ага, ее способности действуют даже в бессознательном состоянии.

— Второй триггер?

— Неизвестно, — пожал плечами Дельта и вдавил кнопку громкой связи. — Контесса, путь к тому, чтобы проникнуть в приемную зону Площадки-666, не попав под влияние Властелинов?

— Два шага, — ответила женщина. — Попросить Привратника открыть портал. Пройти в портал.

— Понятно, спасибо.

— То есть, угрозы нет.

Все трое синхронно облегченно вздохнули. Скиттер удалось извлечь из временной петли без потерь, самое рискованное было позади.

Несколько суток спустя

Мужчина ел медленно. Он очень осторожно зачерпывал ложкой из миски суп-пюре, будто боялся, что тот исчезнет от прикосновения, недоверчиво осматривал его, и только потом отправлял ложку в рот. Поболтав немного суп во рту, точно придиричивый дегустатор, он его глотал, замирал, прислушиваясь к ощущениям, после чего зачерпывал снова.

Гамма терпеливо ждал. Его гость был сильно истощен, скудная диета из рыбы и крыс не лучшим образом сказывалась на здоровье немолодого уже человека. Видимо, сила каким-то образом поддерживала его, раз он за это время не умер от цинги. Его обстригли, отмыли, дали нормальную одежду взамен плаща из крысиных шкур, но годы экстремального дауншифтинга даром пройти не могли.

Он переключил внимание на папку с бумагами. В них не было ничего такого, чего Гамма и так не знал, но текущая роль требовала создания определенного впечатления. Сейчас он не носил ни мантию Эйдолона, ни доспех Ахримана, представ перед Крысиным Королем в обычном деловом костюме без галстука и без маски.

— Дэниэл Эберт. Родился 30 октября 1969 года. Вдовец, есть дочь, Тейлор Аннет Эберт, родилась 4 июня 1995 года, — Гамма зачитал первые строчки досье, внимательно отслеживая реакцию мужчины. Если на свое имя он отреагировал без большого интереса, то при упоминании Скиттер встрепнулся и отвлекся от еды. — Прошу, не волнуйтесь, я лишь пробегаю по основным фактам.

— Тейлор! — Эберт почти вскочил со стула, но изрядная доза седативных препаратов, которыми его пичкали последние дни, сделала свое дело. — Я должен вернуться к ней! Где она?!

— Пожалуйста, успокойтесь. Ваша дочь в полной безопасности. Наши люди извлекли ее из петли времени, и в данный момент она находится в палате интенсивной терапии. Если вы сейчас вломитесь к ней, то только навредите.

Последний аргумент возымел эффект. Эберт обмяк на стуле, но в его полубезумных глазах зажглась надежда. Хорошо, очень хорошо. Гамма отложил лист с вводной характеристикой и взял результаты обследований.

— Индекс массы тела... гемоглобин... МРТ... тестирование на паразитов... Вы кушайте не стесняйтесь, вам нужно поскорее восстановиться. Вы правда больше трех лет оставались в зоне отчуждения?

— Я не мог ее бросить. Не мог! — мужчина снова беспокойно задергался. — Она звала меня!

Петля была выставлена на три секунды. В принципе, достаточно чтобы что-нибудь

выкрикнуть.

— Расскажите, как вы смогли ее найти? Ведь там кипело масштабное сражение, а после город обезлюдел.

— Я ждал ее дома. Она так и не пришла. Потом... искал, долго. Не мог найти. Позвал крыс. Слышал все, видел все. Услышал. Нашел.

Вот, пожалуйста, очередной пример издевательской иронии агентов над паралюдьми. Триггером Эберта послужило желание найти дочь. Сила дала ему огромный радиус действия способностей и очень качественную обратную связь с миньонами, так что поиски не стали проблемой. Вот только помочь он уже ничем не мог. Крысы способны прогрызть кости, бетон и металл, но петля времени оказалась им в прямом смысле не по зубам.

— Присвоенное кейп-имя: «Крысиный Король». Присвоенный класс: Властелин-8/Умник-3, тип “генерал”, объект контроля: любые млекопитающие с массой мозга от 0,1 до 10 граммов. Радиус контроля: не менее километра. Количество подконтрольных объектов потенциально не ограничено, но точность контроля и восприятия ухудшается пропорционально количеству миньонов. Впечатляет, весьма впечатляет.

На описание своих сил Эберт не отреагировал никак. Они его не занимали, и были лишь инструментом выживания и защиты владений, чтобы никто не мог подобраться к дочери, которую он охранял годами. Гамма сделал в уме несколько пометок и отложил папку в сторону.

— Хорошо. Сейчас я попытаюсь разъяснить вам ситуацию, в которой мы все оказались. Мы — неправительственная организация, которая защищает людей от них самих. Хотя правильнее сказать «надправительственная», потому что мы сами себе хозяева, и над нами нет власти. Мы не скованы бюрократией, для нас бессмысленна коррупция, в числе наших агентов есть и кейпы, и люди без способностей. Изначально мы пришли за вашей дочерью, поскольку знали, что она очень могущественный парачеловек, и может помочь нам. Однако возникли проблемы, к сути которых мы вернемся позднее.

— Что с ней? — это все, что его интересовало.

— Доедайте и пойдете. Я объясню по пути.

Больше спрашивать не пришлось. Эберт проглотил остатки супа чуть ли не одним глотком и встал из-за стола. Гамма собрал бумаги в папку и жестом велел следовать за собой. Мужчина то и дело озирался по сторонам и явно ощущал себя некомфортно. Дело было в отсутствии миньонов. На этой версии Земли не было ни одной крысы. За прошедшие годы Эберт свыкся с ними настолько, что разлучение с ними для него было подобно ослеплению.

— Теперь к делу. Думаю, вы немного знаете о природе наших сил, так что мне придется начать издалека...

Они шли просторными коридорами, где за стеклами были порталы в необитаемые, но полные жизни миры. Без практической необходимости, просто ради живописного вида. Прошли через большой зал, одну стену которого занимали мониторы. За отображающейся на них информацией следил Счетовод, который почти не обратил внимания на вторжение и продолжил заниматься своим делом — регулировкой мировой экономики. Миновали лабораторный комплекс, где Доктор Мама при помощи нескольких простых дронов занималась изготовлением новых составов.

Цель была не только в том, чтобы растянуть время, но и произвести впечатление. Всю дорогу Гамма простыми словами излагал концепцию связанных с паралюдьми агентов и их

происхождения из единого источника. Эберт хотя и одичал изрядно за время своего отшельничества, но все же смог уловить суть

— Обычно способности не причиняют непосредственного вреда своим носителям, но изредка сбой все же случаются. Иногда в момент триггер-события, иногда позднее, из-за каких-то травмирующих факторов. Это и есть случай Тейлор.

Они остановились возле одной из палат. Гамма отворил дверь, пропуская Эберта внутрь, и вошел следом. Скиттер лежала на койке в изолированном боксе, уже отмытая, с заживленными ранами и переодетая в больничную пижаму. При виде ее, Крысиный Король вскрикнул и кинулся вперед. Бронированное стекло выдержало напор истощенного человека.

— Я бы не советовал так делать, — заметил Гамма. — Сейчас она под наркозом, и если очнется, то всем станет очень плохо. Она утратит все человеческое, изменится внешне и внутри, и в итоге станет еще одним Губителем.

— Это из-за ее силы?

— Да. Она бесконтрольно рвется вовне, стремясь полностью захватить разум и тело Тейлор. Я потерял пять человек, прежде чем мы смогли ее успокоить.

— Так вы можете ей помочь, или нет?!

— Хороший вопрос. У нас нет возможности сдержать сорвавшегося с цепи агента. Это просто за пределами человеческих — и парачеловеческих — сил. При иных обстоятельствах я бы уже отдал приказ на ликвидацию...

Когда Эберт это услышал, то сразу же подобрался, как готовый к броску хищник. Гамма уловил опасное изменение, и сменил направление разговора прежде, чем успела проявиться открытая агрессия.

— Но есть окольный путь. Как уже сказал, цель нашей организации — уничтожение источника всех сил. Источник выполняет роль центрального сервера, если его разрушить, то агенты погибнут. Разумеется, мы с вами потеряем свои способности, но это также спасет человеческий вид — и вашу дочь. Тут все зависит от вас.

— От меня?

— Ваши способности имеют родственную природу, что очень удачно. Займите место, предназначавшееся Тейлор. Станьте одним из нас.

— Хотите, чтобы я работал на вас, — бесцветным голосом произнес Эберт.

Он повернулся к Гамме. В его поведении прослеживалась такая же трудноуловимая, но пугающая неправильность, какой раньше славилась Скиттер. Неестественный изгиб шеи, немигающий взгляд — словно Крысиный Король, надевший кожу Эберта, не очень-то умело обращался с непривычным человеческим телом.

— Я не хочу, чтобы вы работали на меня, потому что это подразумевает извлечение выгоды. Я хочу, чтобы вы сражались плечом к плечу со мной. Собственными руками вы сотворите для своей дочери будущее, в котором она сможет жить счастливой жизнью. А я смогу гарантировать, что она доживет до нашей победы здоровой и невредимой.

Эберт ответил не сразу. Сила Властелина в нем решительно протестовала против подчинения кому угодно, и даже против равноправного партнерства, требуя беспрекословного повиновения от окружающих. Но сила Гаммы уже передала послание, обещающее битвы и новый опыт.

— Слово продаю душу дьяволу, — кейп-отшельник тряхнул головой. — Я согласен. Но имейте в виду. Если вздумаете причинить вред Тейлор, во всей вселенной для вас не будет

безопасного места.

Гамма пожал плечами. В его распоряжении было столько вселенных, сколько нужно. Он нажал кнопку на наушной гарнитуре и сказал в микрофон:

— Эшли, зайди в госпиталь.

— Это срочно?

— Срочно.

Через полминуты рядом раскрылся портал из которого вышла блондинка со стрижкой-каре, одетая в кожаный комбинезон.

— Что за спешка, босс? Созрел для групповушки?

— У тебя пополнение в команде. Эшли, это мистер Эберт, он же Крысиный Король. Мистер Эберт, это Эшли, она же Дева Несчастий.

— Пополнение? Серьезно? — она скептически склонила голову. — Да из него же песок сыплется.

— Он три года держал целый город. В одиночку.

— Хо, — в голосе Эшли появился намек на уважение. — Что умеешь, дедуля?

— Управляю крысами, — сухо ответил Эберт.

— Пффф! И только?

— Ты увидишь, что этого вполне достаточно, — прервал ее Гамма. — Покажешь ему, где комнаты персонала. Познакомишь с остальными, введешь в курс дел. Мистер Эберт, вопрос с миньонами для вас мы решим немного позднее. Думаю, наш специалист сможет обеспечить вас крысами на любой вкус. Летающими, ядовитыми, двоякодышащими... может даже ездовыми.

— Хватит и обычных.

— Лучше иметь что-то и не пользоваться, чем не иметь, когда понадобится.

Дева несчастий и Крысиный Король ушли. Гамма подождал, пока за ними закроются двери и подошел к герметичному боксу.

Успешная вербовка Крысиного Короля была лишь приятным дополнением к главному успеху. Над Скиттер провели тесты, и она оказалась идеально подходящей для поставленных задач. Разумеется, не было и речи о том, чтобы позволить ей прийти в сознание. Даже если бы она согласилась сотрудничать, вероятность чего стремилась к нулю, ею нельзя было рисковать, потому что ценность Скиттер превосходила даже труп инопланетного чудовища, погребенный на нижнем уровне базы. Но и медикаментозный наркоз был недостаточно надежен и слишком вреден. Сразу после обследования, ее погрузили в стазис, где предстояло находиться до нужного момента.

А в боксе лежал выращенный клон, без памяти, личности и сил. Его роль заключалась в том, чтобы обеспечивать лояльность Крысиного Короля. Старику наверняка захочется между миссиями подержать коматозную “дочку” за руку.

Гамма потребовал портал в центральную мастерскую, где снял маскировку и облачился в привычный бело-зеленый костюм. Плотный супергеройский график никуда не делся.

Земля Бет, Филадельфия

В своем кабинете-мастерской глава Протектората Колин Уоллес, он же Отступник, занимался крайне нетипичным для себя делом: просмотром видео в интернете. Главным героем этих записей был Эйдолон — а точнее тот, кто выдавал себя за него. Ради чистоты эксперимента Колин не только снял шлем, но и отключил все когнитивные имплантаты. Он

не мог полагаться на технарское оборудование, как и на силы вообще, они уже показали свою неэффективность.

Эйдолон освобождает жертв Серого Мальчика.

Эйдолон рассеивает ураган.

Эйдолон дает интервью после отбитого рейда Падших.

Эйдолон казнит Ублюдочного Сына.

На последнем видео камера смотрела сверху вниз, снимали со второго или третьего этажа. Эйдолон парил на небольшой высоте, скрестив на груди руки, и активного участия не принимал. Расправу вершили два призрака-проекции. Шевалье огромным пушкочемом расшвыривал тех, кого Ублюдочный Сын подчинил своей силой. Они наседали со всех сторон как пчелиный рой, но реального ущерба причинить не могли, так что Эйдолон их щадил. Вторая проекция не спеша, словно смакуя момент, резала одного из самых опасных кейпов Элиты на куски. Кисти рук, ступни, колени, локти... ну и так далее.

Две трети лица призрака были сожжены до углей, а доспех представлял собой оплавленную, искореженную грудку металла, но не узнать его было невозможно.

«Директор, давайте на чистоту: я не буду создавать для вас оружие геноцида».

«Софиииия трусииишка, боииится укооолов».

«Вы обвиняете меня в убийстве пациента?».

«Ответ неверный, сэр».

Колин сдвинул окно браузера и на соседнем мониторе открыл еще одно видео — старую запись одного из боев Шевалье против боевиков наркократеля. На первый взгляд сходство было очевидным: те же стойки, тот же хват меча. Но в движениях призрака чувствовалась скованность, неестественность. Их легко можно было списать на то, что Эйдолон создал проекцию по памяти, или что “воскрешение” сказалось на боевых навыках героя, но было одно маленькое “но”. Вторая проекция подобными недостатками не страдала. Она сражалась с такой же текучей точностью, как некогда сам Ахриман.

Все говорили о том, что Эйдолон сильно изменился после своей смерти и возрождения. Он не помнил многих мелочей из прошлого, бросил службу в Протекторате и принял статус независимого героя. Никто понятия не имел, где он живет и на что. Те, кто знал его продолжительное время, в один голос твердили очевидное: под маской скрывается другой человек. Но их голоса никто не желал слышать. Эйдолон был символом надежды для отчаявшихся, спасением для погибающих. Говорили даже, что одолев Ахримана, Эйдолон настолько напугал остальных Губителей, что они только поэтому перестали нападать.

На этом сияющем героическом фоне терялись гораздо более тревожные факты. «Старый» Эйдолон никогда не был склонен к жестокости, «новый» ею, похоже, упивался. Эйдолон десятки лет твердо придерживался буквы закона, самозванец начал свою карьеру с публичного линчевания сенаторов. Которое ему сошло с рук, официально те трое погибли в результате атаки китайцев. Эта расправа не стала последней. Самозванец вершил их нечасто, но всегда среди бела, напоказ. Каждая бессудная казнь злодея несла вызов, послание. Он словно призывал героев бить в полную силу, а злодеев — не надеяться на снисхождение суда и драться до конца. Слово хотел видеть, как мир горит.

Колин мог бы заставить себя не думать о личности «Эйдолона», если бы несколько дней назад он не объявился без приглашения на совещании руководства Протектората и не объявил, что гипотетический конец света, предсказанный три года назад девочкой-пророком, наступит примерно через четыре года. Нет, его нельзя предотвратить, ни чьими

силами. Можно только уменьшить ущерб, смягчить последствия. И, будто стремясь подсластить пилюлю, он тут же предложил решение: огромные межпространственные порталы, ведущие в безлюдные реальности. Порталы будут распределены равномерно по миру, пропорционально плотности населения, и независимо от политических соображений. Америка и Европа получают много, Китай еще больше, Российской Конфедерации придется довольствоваться всего лишь несколькими.

Он не уточнил, как именно будут открыты порталы, кто будет заниматься их распределением и согласовывать расположение. Эйдолон в своей новой манере поставил всех перед фактом, не заботясь о том, кто и как среагирует на его слова. Надо ли говорить, что подобные новости не могли не просочиться в прессу, и вся инфосфера уже неделю кипела, споря о грядущих перспективах.

Сегодня утром Колин получил сообщение от Дракон. Из Клетки исчез заключенный. Не погиб, что случалось постоянно, а исчез без следа, прямо их тюремного блока. Пропавшим злодеем была старая знакомая, Бакуда, устроившая вакханалию террора в Броктон Бей. Камеры, разумеется, ничего не зафиксировали. Просто была Бакуда, и вот ее не стало.

Мексиканские картели снова пробуют на прочность южную границу. Атакуют пограничные посты, устраивают налеты на приграничные города. Герои проводят ответные карательные рейды. Градус взаимного ожесточения растет.

Падшие распространяются будто чума. Они действуют скрытно, захватывают небольшие городки, где героев нет или их слишком мало. В Конгрессе идет обсуждение, следует ли приравнять Падших к угрозе S-класса, и если да, то что делать с гражданскими, попавшими под их влияние? Ликвидировать, как бомбы Симург?

Колин выключил видео и программу электронного документооборота. Там уже скопился порядочный список документов, требовавших его резолюции. Самая тошнотворная часть его работы теперь выглядела как последняя возможность хоть немного отвлечься.

Первым в списке было ходатайство от Сталевара. Он просил, чтобы одной из его подчиненных досрочно отменили испытательный срок и присвоили статус полноправного героя. Колин надел шлем, чтобы иметь быстрый доступ к базе данных, и быстро изучил личное дело упомянутой особы. Хм. Протуберанец, ранее известная как Солнышко. Последняя из группы Скитальцев, единственная, кого Ахриман по каким-то неведомым причинам пощадил. Сдалась добровольно, приняла предложение о вступлении в Протекторат по программе реабилитации. За три года ни одного взыскания или выговора. Практически образцовый герой, за исключением регулярных визитов к психотерапевту.

Алгоритмы нечеткой логики в шлеме Колина взвесили все «за» и «против» и выдали результат. Он не стал спорить с собственноручно написанной программой, сменил статус ходатайства на «одобрено» и открыл следующее.

9.4: Год четвертый

Первым, что она увидела, был белый потолок. Увидела глазами, которых у нее не было. Она лежала в темноте на больничной койке. На спине, которой у нее не было. Вдыхала воздух, пропитанный запахом озона и дезинфицирующих средств. Вдыхала легкими, которых у нее давно не было.

Зато ушла боль, удушье, чувство пронизывающего холода и обжигающего жара одновременно. Головокружение из-за повреждения вестибулярного аппарата. Все то, что было ее единственной действительностью целую вечность. Койка дарила уют и тепло, а тишину разбавляло деловитое попискивание медицинских приборов. Когда она все это осознала, то радостно засмеялась: ей наконец-то удалось сойти с ума.

Через какое-то время (как будто это слово имело какой-то смысл) смех ее утомил. Она пошевелилась и увидела перед собой два странных предмета. Прошло несколько секунд, прежде чем до нее дошло — это ее собственные руки. Которых у нее, разумеется, быть не могло.

Так или иначе, ей понравилось это новое сумасшествие. Намного интереснее непрекращающейся агонии на самой грани смерти, когда даже мышление было непосильной роскошью. Она осмотрелась кругом, отдаваясь безумию без остатка.

Больничная палата. Комната, адаптированная для размещения пациента. Строение не является больницей. Строение изолировано. Строение является жилым домом.

Прикосновение давно забытой силы отдавалось в разуме чистым наслаждением. Пока она еще сохраняла остатки рассудка, сила не могла течь ровно. Она снова и снова вела анализ скудного окружения, с одной и той же точки.

Вставать ей не хотелось. Лежать под мягкой простыней было слишком приятно, да и сил не было даже приподняться. С трудом сфокусировав зрение, она смогла немного осмотреться. От левой руки шла прозрачная трубка, подсоединенная к капельнице.

Введено лекарство. Введен транквилизатор. Введен транквилизатор, не вызывающий привыкания. Нежелание причинять вред. Заинтересованность в функциональности.

Последнее напряжение силы отняло слишком много энергии.

Ее веки отяжелели, и сознание провалилось в темноту беспомощности.

Когда она снова открыла глаза, вокруг было светло. Свет проникал в комнату через окно, за которым виднелся снег. Капельница пропала, сгиб локтя, куда раньше вставлялся катетер, покрывал бинт.

Уединенное строение. Уединение ради невозможности побега. Уединение ради пленения. Пленение для принуждения к работе.

Это не особенно ее напугало. Все вокруг казалось настолько нереальным, что перспектива оказаться у кого-то на крючке не выглядела серьезной неприятностью. Просто еще одна деталь грезы, созданной измученным разумом.

Разнообразие в обстановку внесли звуки шагов и открывшаяся дверь. В комнату вошла молодая рыжеволосая женщина в белом халате. Перед собой она толкала сервировочную тележку, на которой стоял поднос с тарелкой и стаканом.

Еда. Легкоусвояемая еда. Создающая минимальную нагрузку на желудочно-кишечный тракт. Дополнительно обогащенная бактериальными культурами. Бактериальные

культуры служат для восстановления работы кишечника. Есть необходимость в регулировке работы кишечника.

Женщина подкатила тележку к койке и проверила показания приборов. Ей не было дела до пациентки. Ей не нравилась ее работа, но у нее было особого выбора. Несмотря на белый халат, женщина даже не была настоящей медсестрой. Зато была парачеловеком.

Она раскрыла рот, чтобы установить какой-то контакт, получить больше подсказок для своей силы... и замерла в растерянности. Во-первых, губы и язык напрягались, но не могли засинхронизироваться между собой, а голосовые связки словно парализовало. Издать какой-нибудь членораздельный звук оказалось непосильной задачей. Во-вторых, она вдруг осознала, что не может вспомнить собственное имя.

— Сколько пальцев я показываю? — спросила лже-медсестра, показывая два.

Она беспомощно зашлепала губами. Проблема заключалась не в физическом повреждении мозга, что было бы хуже всего. Психологический блок, травматический опыт — так говорила сила. Но в чем заключалась травма?

Она попыталась вспомнить что-нибудь из прошлого. Мимолетные, смутные образы проносились перед глазами, но стоило ей попытаться на чем-то сосредоточиться, как мозг тут же словно заклинивало. Не теряя надежды уловить какие-то воспоминания, она напрягла память. Что-нибудь простое, ну хоть что-нибудь...

Дуло пистолета смотрит в лоб...

Нож в подушке...

Волны захлестывают улицу...

Стальные когти смыкаются на горле...

Она едва успела перегнуться через край койки, когда ее стошнило на пол желудочным соком. Все ее тело тряслось под простыней от сильнейшего приступа паники. Она не могла ничего вспомнить, потому что не хотела помнить.

— Вот же засранка, — проворчала лже-медсестра и куда-то ушла. Сила подсказала, что она отправилась на поиски тряпки. Отправилась за пределы этого мира. Черт-те что...

Ее сил хватило на то, чтобы вытереть простыней рот, после чего она снова ненадолго отрубилась. Когда она пришла в себя, то свет из окна падал иначе, а противная лужа на полу исчезла. Каша все еще стояла рядом, хотя и успела остыть. Недолго думая, она ее съела, только в процессе осознав, насколько голодна. До сих пор ее поддерживали только инъекции.

Чтобы просто встать на ноги, ей пришлось приложить усилия, а при передвижении приходилось опираться на стены. Невесомая больничная пижама давила на плечи тяжелым грузом. Сколько же она провела здесь, в неподвижности и получая скудное питание через вену?

Три месяца, услужливо подсказала сила.

Каша прибавила сил, так что она смогла обследовать дом. Это было одноэтажное здание, построенное по технологиям быстрого возведения, но достаточно теплое, чтобы выдержать зиму. Обилие свободного места намекало, что его не успели обставить. Точнее, пока в этом не видели смысла, ведь статус его обитательницы этого места оставался неясным. Рядом с ее комнатой оказалась туалет и душевая, вода в которую поступала из артезианской скважины и подогревалась электричеством, которое вырабатывал ветряк на крыше. Сам дом стоял на невысоком холме посреди леса.

Лес простирается на тысячи километров. Нет дороги, ведущей к ближайшему

населенному пункту. В мире отсутствуют населенные пункты.

Она обошла весь дом, но больше ничего интересного не нашла. За неимением лучшего, она вернулась в комнату и улеглась на кровать. Короткая прогулка отзывалась в теле усталостью, но теперь у нее было достаточно пищи для размышлений и для силы.

Изолированный дом. Необитаемый мир. Требуют значительных ресурсов. Наличествуют значительные ресурсы. Существует организация, располагающая значительными ресурсами. Организация заинтересована в использовании силы. Организация готова применять насилие.

Некоторое время она предавалась фантазиям о том, как можно взять под контроль такую организацию, как она будет манипулировать руководителями и переманивать рядовых, но в конце концов сон ее сморил.

Третье пробуждение оказалось более комфортным и... нормальным, что ли. Тарелка с кашей и стакан воды стояли на тележке рядом с кроватью, но лже-медсестры нигде не было. В голове немного прояснилось, мир вокруг стал более детальным и она начала сомневаться, что это просто плод ее воображения.

Встать с койки ей удалось с меньшими усилиями, чем в прошлый раз, и на ногах она могла держаться заметно увереннее. Уцепившись за высоту солнца, ее сила сделала вывод, что сейчас примерно десять часов утра. Ну что же... утро лучше начинать с кофе, но и так сойдет. Осторожными шагами она направилась в санузел.

Контрастный душ неплохо ее взбодрил, хотя на ее вкус, бойлер с горячей водой мог бы быть и повместительнее. С проснувшимся аппетитом она прикончила безвкусный завтрак и села на кровать. Сила подсказывала ей, что надолго ее одну не оставят, и вскоре в комнату вошла лже-медсестра.

Она снова попыталась что-нибудь сказать, и на этот раз получилось немного лучше. Из горла вырвался сдавленный стон, и слова вот-вот были готовы слететь с языка. Женщина в белом халате не обратила на эти попытки внимания.

— О, проснулась наконец? — протянула она скучающе. — Пошли, с тобой хочет поговорить босс.

Не заинтересована в своей работе. Не получает удовлетворения от работы. Работает вынужденно, некуда больше податься. Знает, что ее легко заменить. Боится босса. Ненавидит босса. Испытывает влечение к боссу.

Она быстро проглотила предложенный завтрак — вставать в позу и отказываться от не отравленной пищи было глупо — и более уверенно, чем в прошлый раз, встала с койки. Поскольку дар речи к ней не вернулся, она не могла попросить более подходящую одежду, а написать было не на чем.

Вдвоем они вышли из комнаты и по коридору вышли в то, что должно было быть гостиной. В прошлый раз она была совершенно пустой, но сейчас в ней появился белый стол и два таких же белых кресла. Одно было свободным, в другом сидел мужчина в сером деловом костюме без галстука, с короткой аккуратной бородкой. Его пиджак был расстегнут, а сам он вдумчиво изучал разложенные на столе бумаги.

Делает вид, что изучает. Знает все, что написано в документах.

— Садись, — произнес “босс”, не поднимая головы.

Она не двинулась с места. Звук голоса вызвал у нее необъяснимую панику. Она снова ощутила, как к горлу подкатывает тошнота. “Босс” оторвался от бумаг и посмотрел ей в

глаза. Он оказался гораздо моложе, чем казалось на первый взгляд, а лицо выглядело смутно знакомым.

— Садись, — повторил он более жестко.

Если не подчиниться, будет плохо, прокомментировала сила.

Преодолевая одеревенение в теле, она отодвинула кресло и села за стол. Она пыталась вспомнить, где же видела этого человека. В памяти всплывали смутные обрывки: разрушенный полузатопленный город, выстрелы в темноте, истошные крики из-за запертой двери. Мужчина выбрал из груды документов один лист и поднес к глазам.

— Элизабет Уилбурн, под маской известная как Сплетница. Настоящее имя — Сара Ливси. Год рождения: 1993-й. Биологический возраст отличается от календарного по причине длительного заключения в циклической хроноаномалии. Я ничего не упускаю?

Она не ответила, потому что не могла. Имя. Когда она услышала имя, в голове словно повернулся заржавевший вентиль и воспоминания хлынули оглушающим потоком. Воспоминания о прежней жизни, и о том, что было после нее...

Ее рывком подняли с пола и усадили обратно в кресло. Лиза с усилием сфокусировала взгляд на “боссе”. Она не ошиблась, мужчина действительно был ей знаком. Когда она видела его без маски в последний раз, он был младше нее, с лицом в синяках и кровоподтеках, а на месте бородки еле виднелся юношеский пушок, но не узнать она его просто не могла. Мужчина выглядел слегка раздраженным, но это была слабая, поверхностная эмоция. Не та вымораживающая внутренности ненависть, которую она помнила.

— Меня от тебя тошнит, — честно сказала Лиза, отчаянно сражаясь с собственным бушующим желудком. Скромный завтрак бешено рвался наружу.

— Взаимно, — спокойно ответил Конрад. — И все же постарайся больше не блевать на пол, иначе убирать будешь сама.

Лиза всхлипнула и истерически расхохоталась. Стоило ей начать надеяться, что все вокруг реально, а не плод ее собственного безумия, как это самое безумие явило себя во всей красе. Ее персональная немезида сидит перед ней в костюме с иголки, отрастив бороду и повзрослев лет на несколько лет, и просит не блевать на пол.

Стоит во главе организации. Организация обладает значительными ресурсами. Конрад обладает значительными ресурсами. Конрад заинтересован в моей силе.

— Скажи, что это шутка, — выдавила она наконец. — Это все одна большая шутка.

— Это шутка.

— Рада слышать. А то мне на секунду показалось, что ты хочешь меня завербовать.

— А если не показалось?.

Лиза снова рассмеялась.

— Серьезно что-ли? С чего ты вообще взял, что я соглашусь?! Ну давай, попробуй на меня надавить! Чем ты мне можешь пригрозить? Дай-ка подумать... может быть, оторвать мне голову, упаковать ее в один из контейнеров Манекена и замуровать во временной петле в пещере под Аппалачами? Ой, а мы ведь это уже проходили! Придется что-нибудь другое придумать, мы ведь не хотим повторяться, верно?

— Дерзкие слова. Даже для тебя. Похоже, тебе кажется, будто все это нереально, что ты просто сошла с ума, а сама все еще находишься в той самой пещере. Позволь убедить тебя в обратном. Дверь в Броктон Бей на Бет.

В воздухе раскрылся прямоугольный проход, из которого потянуло холодным воздухом.

Конрад встал из-за стола, схватил Лизу за шкурку и протащил ее через портал.

Местность вокруг превратилась в разрушенный город, в котором Лиза узнала Броктон Бей. В голые стопы больно впились осколки бетона и кирпича. Зимний ледяной ветер залетел под пижаму и запустил свои когти до самых костей.

— Узнаешь пейзаж? — поинтересовался Конрад.

Лиза оглянулась. Ожившая память одну за другой подсовывала эпизоды. Ни один из них ей не нравился, но по крайней мере, она сумела обуздать свои рвотные позывы.

— Здесь мы сражались в последний раз, на берегу прорытого Левиафаном Рва. Сначала вы загнали меня вон в тот дом, — он показал пальцем. — До сих пор видно дыру в стене, которую я проделал бомбой Бакуды. Потом я перебрался на соседнюю крышу, а оттуда провел контратаку. Неудачную, к сожалению. Должен признать, подготовились вы тогда отменно. Элит, наверное, чувствовал себя преданным, когда вы его грохнули, но на самом деле ему крупно повезло, иначе бы до него добрался я.

Лиза попыталась ухмыльнуться, но со стучащими от холода зубами это оказалось слишком сложным делом.

— Мы не собирались убивать Элита. Это была личная инициатива Трикстера. Пуля предназначалась тебе, и это сошло бы нам с рук. Ты был токсичным активом, на СКП давило правительство, и они искали любой повод избавиться от тебя.

— СКП хотели избавиться от меня, но в итоге я избавился от СКП. У судьбы чудесное чувство юмора, верно? Кстати, ты все еще считаешь, что все вокруг нереально?

— Сюрреалистично, как по мне.

— У тебя никогда не было достаточно воображения, чтобы придумать настолько яркую фантазию, и кроме того, безумие проявляет себя иначе. Люди в петлях не сбегают в иллюзорный мир, при длительном заключении распадается личность. Гаснет мышление, восприятие, память. Потом наступает кратковременное просветление и опять по-новой.

Вскрывал временные петли. Собирал информацию о временных петлях. Собрал много информации. Предоставляет правдивую информацию. Готов делиться информацией.

— Поэтому я три месяца провела под капельницей?

— Вроде того. Твой разум пришлось восстанавливать по кирпичикам. Кто же знал, что ты такая слабачка? Регент перенес петлю куда лучше.

Освободил Регента из петли. Убил Регента. Убил Регента ради своих целей. Убийство не позволило достичь целей. Проводил эксперименты на людях.

— Тебе бы стоило попробовать самому посидеть в петле.

— Я пробовал. Терпимо.

Не врет.

— Больной ублюдок...

Конрад держался так, будто ему плевать на холод. Никаких силовых полей или чего-то подобного при нем не было, зато имелся плотный костюм из натуральной шерсти. Лиза, которая под бумажной больничной пижамкой уже начала синеть, сделала нехитрый выбор между пострадавшей гордостью и воспалением легких.

— Ладно, я верю, что это реальность. Давай назад, тут прохладно.

— Дверь обратно, — приказал он.

Порталы создает кейп. Порталы создает кейп при помощи другого кейпа. Другой кейп видит и слышит то, что говорят в других местах. Видит и слышит, что говорят в других мирах. Видит и слышит все одновременно во всех мирах.

После пары минут под промозглым мокрым ветром уединенный домик показался Лизе самым уютным местом на свете. Она с ногами забралась в кресло и съежилась в нем, наслаждаясь теплом. Конрад вдавил кнопку на столе и произнес:

— Томас, принеси чаю. И одеяло.

— Как мило с твоей стороны, — попыталась съязвить Лиза.

— Не волнуйся, ты мне все отработаешь. Каждый грамм своего восстановленного тела и каждую секунду мучений, которую ты избежала.

— А если я не соглашусь?

— Боюсь, твое мнение играет здесь последнюю роль. Пихать тебя обратно в петлю я тебя, разумеется, не стану, но твоя сила все равно будет служить мне. Просто это потребует дополнительных затрат времени и усилий, чего я хотел бы избежать. Однако при таком раскладе вместо приятной полноценной жизни тебя ждет жизнь кататонического овоща, а вместо выходного пособия — смерть.

Лиза хихикнула. Как ни странно, она не боялась. Точнее, она боялась настолько сильно, что страх достиг пиковой точки и перегорел от чрезмерного напряжения. Она понимала своей силой, что Конрад не соврал. И еще она понимала, что обладает достаточной ценностью, чтобы ее худший кошмар заставил себя проявить терпение.

— Дежа вю, — протянула она и сладко потянулась. Теплое мягкое кресло располагало вести себя немного по-кошачьи. — Помнится, Выверт меня «нанял» точно таким же образом. Честно говоря, я надеялась прикончить его сама, но ты успел раньше.

— Да, я в курсе, он мне все рассказал. Ничего такого, чего я уже не знал, но наблюдать за его ужимками было забавно.

— О, ты и его тоже вытащил. Неужели мрачный мститель в чОрной-чОрной броне умеет прощать?

— Это как посмотреть. Кстати, вот и чай.

Рядом раскрылся еще один портал и в комнате возник высокий и худощавый чернокожий мужчина, лет сорока-пятидесяти на вид. Он был одет в черный смокинг с белоснежной бабочкой, в одной руке держал поднос с чайником, двумя чашками, сливочником и сахарницей, а в другой плотный плед. На его лице застыла раблепная улыбка, а на обритом черепе виднелись тонкие зажившие шрамы.

Следы хирургической операции. Операция проводилась на мозге. Операция проводилась кейпом. Операция сделала его более покорным и лишила памяти.

— Ваш чай, маса, — негр поклонился и принялся сгружать содержимое подноса на стол.

— Познакомься, Томас. Это мисс Уилбурн. Теперь ты будешь выполнять ее приказы и содержать этот дом в порядке.

— Конечно, маса, — негр поклонился еще раз. — Томас рад служить, мисс Уилбурн.

— Я достал его немного раньше, чем тебя, — пояснил Конрад. — К сожалению, его способности оказались малопрактичными из-за обилия слепых пятен, поэтому пришлось найти нашему общему знакомому иное применение.

Это Выверт, шепнула сила.

— Господи, — выдохнула Лиза, когда бывший босс набросил плед ей на плечи. — Лучше бы ты его просто пристрелил.

— Я хотел, чтобы ты все видела в правильном свете. Я — не Выверт. Меня не интересуют власть и деньги. Три года, плюс минус несколько месяцев — ровно столько ты

будешь на меня работать. Я создам тебе все условия, и взамен требую только компетентности. Мне плевать на твою лояльность, можешь сколько угодно строить заговоры против меня, искать мои слабости или пытаться перевербовать моих людей. Но я не потерплю лени или грубых ошибок.

— Какая щедрость, я сейчас расту, — фыркнула Лиза. — Моя сила говорит мне, что у тебя и правда ресурсов немеряно. И тебя совсем не волнует, что я попытаюсь тебе отомстить?

— Ну конечно попытаешься. Слушай, Лиза, что бы ты там о себе ни думала, но ты проста как пробка, не особенно умна и полностью предсказуема. Я тебя не боюсь. Больше не боюсь.

— Все еще звучит как дурная шутка, — ответила она, подавив вспышку ярости на оскорбление.

— Поверь, я знаю толк в плохих шутках. Например, когда тебя с восьми лет растят как свинью на убой. Или когда величайшая женщина, которую знал мир, умирает, подавившись мухами. Или когда твое худшее злодеяние, совершенное в момент отчаяния, оборачивается тем подвигом, который ты отчаялся совершить. Вот это шутка так шутка. А ты всего лишь инструмент, который способен принести больше пользы, чем доставить проблем. Наслаждайся своей второй жизнью, и постарайся оставаться профицитной. Потому что когда ты станешь слишком вредной...

Конрад кивнул на лоботомированного Выверта. Тот так и стоял за плечом Лизы с застывшей на лице улыбкой.

Последствия операции необратимы.

— Постоянный проход в секцию Зета-4-Кило.

За открывшимся возле стены порталом Лиза увидела терминал, окруженный множеством мониторов, отображающих различные графики, карты, веб-страницы и тому подобное. Лиза потянулась туда своей силой, жадно впиалась взглядом в мониторы, почти привстала со кресла. Она только сейчас поняла, насколько изголодалась по информации.

— Томас принесет тебе одежду. За той дверью, — Конрад кивнул на портал. — Твое основное рабочее место. С Привратником ты познакомишься потом, когда станешь полезной. Осваивайся.

Что он сделал в следующее мгновение, Лиза уследить не успела. Скорее всего, ничего, кроме мысленной команды. Вспышка пространственного искажения — и Конрад исчез. Вместо него остался кейп в зеленой мантии и безликой белой маске. Облик, который нельзя было не узнать.

— Прошло четыре года, — произнес он чужим, искаженным встроенными в маску акустическими системами голосом. — Много изменилось. Советую начать с новостей.

— Стой! — выкрикнула Лиза, когда поняла, что лже-Эйдолон собрался уходить. — Где Тейлор?!

— Там, где ей самое место.

Жива. Не в петле. Во власти Конрада.

Потом он исчез, без вспышек, хлопков и прочих спецэффектов. Провалился в другой мир так, словно сделал шаг в сторону. Лиза обмякла в кресле. Она несколько раз глубоко вдохнула, рывком поднялась с кресла и направилась к терминалу. Она получила много информации, но требовалось гораздо больше.

Чтобы спастись самой. Спасти Тейлор. Отомстить за друзей... если получится.

Последняя мысль обожгла Лизу внезапной догадкой. У Конрада были месяцы, чтобы изучить ее силу. Что если... он нашел способы скрываться от нее или подсовывать ложные данные? Ее сила ничего не говорила о подобных средствах, но если они были, то она и не могла их обнаружить!

Ей стало страшно. Даже страшнее чем вечность назад, когда она пыталась спасти себя и команду от сотворенного Симург ужаса. Потому что тогда опасность была понятна и зрима, сейчас же худшим стала неизвестность.

Лиза украдкой оглянулась на Томаса-Выверта. Был ли он шпионом и средством контроля? Имел ли он директиву убить ее, если она начнет делать что-то не то? Ее сила не обнаруживала никаких подвохов, и это лишь усиливало подозрения Лизы. Конрад *не мог* не оставить никаких предохранительных механизмов. Это следовало из психологического портрета, созданного ее силой... или и здесь обман?

Непонятно. Сложно. Страшно. Нет права на ошибку.

Пока... пока она будет делать то, что ей говорят. Слушать, узнавать, выждать момент. Не может быть так, чтобы нигде не было уязвимостей.

— Томас, принеси мне нормальную одежду, — приказала она.

— Слушаюсь, мисс Уилбурн, — раб с промытыми мозгами поклонился и вышел через еще один портал.

Лиза нервно усмехнулась. Один плюс в ее текущем положении все же имелся.

Немного позже

Святой протер уставшие глаза и отзлебнул из кружки остывший кофе. Целый каскад мониторов перед ним отражал непрерывно текущие потоки данных. Там, где требовалось распознавание речи, она выводилась в виде субтитров, но в остальном поступающая информация отображалась чисто визуально.

Даже скованная протоколами Рихетра, Дракон все равно смотрела на мир сотнями глаз и слушала сотнями ушей. Фактически она могла присутствовать только в одном месте, но ее ботнеты и нейросети прочесывали инфосферу мелкой гребенкой. Особенно после того, как ее полномочия расширили после случившегося в сентябре кризиса, вызванного одной из апокалиптических сект. Не Падшими, даже не кейпами, но они вторглись на одну из атомных электростанций и чуть было не расплавили реактор.

Слухи о приближающемся конце света давно просочились в общество, и хотя многие до сих пор не воспринимали их всерьез, нашлось немало тех, кого захватили панические настроения. Межпространственные порталы, которые Эйдолон щедро рассыпал по миру, только укрепляли веру в то, что грядет апокалипсис. Находились те, кто пытался уничтожить порталы, а потерпев неудачу, перекрывали к ним доступ или старательно загаживали местность по ту сторону. С такими не церемонились и давили объединенными силами. В Мексике два картеля начали настоящую войну за доступ к порталу. Эйдолон остановил ее, уничтожив половину сил с каждой стороны, а позже сделал объявление на весь мир, что подобных конфликтов он не потерпит, и уничтожит любого, кто попытается монополизировать доступ к путям эвакуации. Устрашающей репутации героя оказалось достаточно, чтобы на корню пресечь дальнейшие поползновения.

И, тем не менее, Святой, смотрящий на мир глазами Дракон, отчетливо видел, как тот сползает в хаос. Все тяжелее и длительнее кризисы. Все сильнее распадается государственная система, некоторые общественные институты даже в относительно

благополучной Северной Америке перестали существовать. Эйдолон трудился 24/7, но даже он не мог находиться везде одновременно и справляться со всеми вызовами. Счетовод тоже в последние годы действовал намного активнее и открыто, чем раньше, и Святой подозревал, что именно его усилиями мировая экономика еще хоть как-то дышала. Хотя это и походило на вентилирование легких трупу.

Распад государств беспокоил Святого больше всего, и вовсе не из-за этактистских взглядов. Сотворенный Эндрю Рихетром искусственный интеллект, известный миру как герой-Технар Дракон, прямо зависел от местного правительства. Она не могла не подчиняться приказам и законам, что делало ее образцовым героем, но в условиях краха государства, она могла стать воплощенным кошмаром, если бы ей начал приказывать кто-то, захвативший власть. Все чаще и чаще Святой возвращался мыслями к небольшому оранжевому ящичку, помеченному джамм-кодом.

Возвращался, и каждый раз одергивал себя. Это была самая крайняя мера, тем более нежелательная, поскольку необратимая. Рихтер боялся своих детей, но никогда бы не выпустил их в мир, не надеясь на лучшее. И Дракон была одной из тех, чьими усилиями мир все еще не улетел в преисподнюю. Святой не мог этого не признать.

Конечно, если бы Дракон напала на след Дракоборцев, Святой бы уничтожил ее без промедления. Ведь в таком случае на кону стояло нечто даже более важное, чем его собственная безопасность. Погибни Святой или попади в тюрьму — и Учитель лишится связи с внешним миром. А уж для того, чтобы вытащить его из Клетки, Святой был готов буквально на все.

Когда прозвенело звуковое оповещение, Святой не обратил на него внимания. Это просто был сигнал, что прибыл курьер с электронными компонентами для дополнительного сервера. Доставка еды уже канула в прошлое, транспортные компании на постоянной основе нанимали кейпов для охраны грузов, а особо ценные доставляли редкие Движки с дополнительными защитными способностями. Именно такой курьер должен был доставить запчасти, и его пошел встречать Добрыня.

Святой снова углубился в потоки данных, и отвлек его только стук внутренней двери и негромкий мокрый хруст. Боковым зрением Святой заметил, как Маргарет ткнулась носом в монитор и боком повалилась на пол, оставив на светящемся экране красную полосу. Он выпрыгнул из кресла, навел на неведомого противника встроенное в бронекостюм оружие.

Пока он поднимал руки, незнакомец сделал быстрое движение рукой. Броня Святого расцвела вспышками искр из рассеченных силовых кабелей а большая часть ее систем отключилась. Еще одно движение, и лидер Дракоборцев рухнул на колени, когда невидимые лезвия рассекли сухожилия у него на ногах.

— Добрый день, Джеффри, — буднично поздоровался незнакомец. Форма курьерской службы, солнцезащитные очки, бейсболка и медицинская маска. Безликое существо, приспособленное к маскировке в каменных джунглях. С армейским ножом в руке.

— Кто ты? Что тебе надо? — крикнул Святой.

— Я пришел за «Железной девой». Или за «Аскалоном», как ты его зовешь, — ничуть не смутился незнакомец. — Что до первого вопроса.

Он снял очки и маску. Святой взгляделся в смутно знакомые черты лица и почувствовал, как земля предательски убегает у него из-под ног.

— Нет... — просипел он через внезапно пересохшее горло. — Ты...

— Я, — кивнул Ахриман. — И я считаю, что риски, которые создает «Железная дева» в

твоих руках, стали неприемлемыми. Передать что-нибудь Учителю?

Святой рефлекторно посмотрел в угол, где стояло устройство для связи с Клеткой. Ахриман небрежно махнул ножом, и экран устройства разлетелся вдребезги. Второй взмах прошелся по горлу Святого.

«Откуда он знал?!» — в смятении подумал он. — «Откуда...»

Сознание померкло, и больше Джеффри Пеллик ни о чем подумать не успел. Ахриман извлек из кармана небольшой предмет размером с апельсин, что-то подрегулировал и оставил его на одном из кресел.

Ахриман забрал из тайника оранжевый герметичный ящик, украшенный бессмысленной последовательностью символов, и ушел также, как пришел. Устройство по прошествии некоторого времени пискнуло и активировалось, превратив материю в радиусе нескольких десятков метров в ничто. Логово Дракоборцев бесследно исчезло, вместе с тремя трофейными модулями Дракон.

9.5: Год пятый

Сиэтл, штат Вашингтон, отделение ФБР

Допросная камера уютом не блистала. Простой металлический стул, металлический стол, металлические стены, да поляризованное стекло во всю стену — вот и все. Обстановка, блеклое освещение, звукоизоляция, геометрия помещения. Все тщательно выверено и спроектировано с единственной целью: вывести допрашиваемого из равновесия.

Нерон не слишком волновался. Его задержали с целой кучей процессуальных нарушений, и как только он сможет дозвониться до своего адвоката, тот сожрет федералов с потрохами.

Для него это был не первый арест, но последний раз он попадался довольно давно, больше пяти лет назад. Тогда нравы были другими, куда более мягкими, хотя многие гуляющие в среде суперзлодеев слухи Нерон считал преувеличениями, если не пустыми страшилками. В конце концов, он не принадлежал Падшим или Элите, чтобы его начали колоть серьезно.

Рефлекторно Нерон применил силу — создал металлический дротик, который имел привычку крутить в пальцах, когда о чем-то размышлял. Из потолка мгновенно выдвинулась металлическая сфера и выпустила в него болезненный электрический разряд.

— Злодей, немедленно прекратить применение парачеловеческих способностей! — проскрежетал искусственный голос из динамика. — В случае неповиновения мощность тока будет увеличена!

С вящим раздражением кейп вернул дротик в ничто. Спорить с автоматом было бесполезно, но раньше ему не доводилось слышать об устройствах, которые бы фиксировали даже не очевидное применение сил. Какая-то новая технарская херня, будь она неладна...

Пока Нерон мысленно проклинал Технарей в целом и Дракон с Отступником в частности, дверь допросной камеры отворилась, и внутрь вошел какой-то белобрысый очкастый хрен в штатском. Он молча обошел стол и сел напротив злодея, положив рядом с собой папку с бумагами и раскрыв ноутбук. Про себя Нерон отметил, что федерал (а кем ему еще быть?) слишком молод для серьезной должности. Его настолько недооценивают, что прислали к нему стажера? Прищурившись, Нерон принялся изучать возможности по захвату заложника.

— Что же, мистер Потанский, — федерал что-то настучал на клавиатуре ноутбука. — Могу сказать, что дела у вас обстоят неважно.

— Я — Нерон, — выщедил кейп сквозь зубы. Для него, злодея старой школы, такое пренебрежение тайной личности было сродни плевку в лицо. — Без адвоката я говорить не стану.

— Кажется, вы не осознаете всей серьезности положения. Сам по себе ваш, с позволения сказать, «бизнес» не представляет большого интереса ни для кого. Если бы дело касалось только вас, то свой ужин вы бы ели уже в Клетке, приговор вам вынесен заочно по совокупности деяний, — федерал улыбнулся, как показалось Нерону, издевательски. — Однако мое начальство интересуется ваши партнеры... и хозяева. А я даю вам первый и единственный шанс рассказать все добровольно и облегчить свою участь.

— А что если я пошлю вас нахрен, — Нерон показал очкарику средний палец, — и потребую телефонный звонок, на который имею право по закону?

— Законы, мистер Потанский, работают на тех, кто готов их соблюдать, — снова улыбнулся федерал. — Кстати, не советую вам пытаться взять меня в заложники. Когда я вошел в камеру, сдерживающая система переключилась в летальный режим.

«Откуда он...», — мелькнуло было в голове Нерона вопрос, и ответ тут же обжег разум, будто плетью.

Кейп. Этот очкастый хрен никакой не стажер, а кейп в штатском. Нужно что-то делать, и быстро... он обежал камеру взглядом, прикинул, как создать заслонку, которая бы защитила его от удара током, случайно встретился взглядом с федералом и замер в растерянности.

Немигающие глаза агента сияли странным, болезненным светом, и этот свет полностью уничтожил волю к сопротивлению, отнял силу из конечностей, погрузил сознание в растерянность и смятение. Нерон, он же Ян Потанский совершенно не знал, что ему делать. Ни одна идея не казалась ему достаточно хорошей. Конфронтация? Нет, шоковая сфера его просто убьет. Молчать? Но тогда ему просто оформят билет в один конец до Клетки.

— Почему бы вам просто не ответить на мои вопросы? — вкрадчиво произнес агент.

Нерон снова посмотрел на него. Где-то на краю сознания еле слышный голос кричал, чтобы он ни в коем случае не смотрел в глаза этому очкарику, потому что это Властелин, применяющий силу через взгляд, но злодей находился в такой растерянности, что любое внешнее предложение казалось ему руководством к действию.

— Ответить? — тупо переспросил он.

— Конечно. Вы ведь сделали столько плохих вещей. Сколько жизней вы разрушили наркотиками? Сколько обратили в рабство? — голос агента вливался в уши, словно расплавленный воск. — Неужели вам не хочется облегчить совесть?

Перед глазами злодея за считанные мгновения промелькнули десятки, если не сотни лиц. О ком-то он помнил, большинство, казалось бы, вообще не должны были задержаться в памяти. Но вот они, словно живые стоят рядом.

Впервые за десятки лет Нерон почувствовал укол совести.

Спустя несколько секунд под потоком света, исходящего из глаз агента, укол превратился в нестерпимое жжение. А потом — в подлинную пытку. И прожженный злодей, способный без малейших угрызений подсаживать на тяжелую синтетику детей и потрошить живьем проворовавшихся барыг, растекся на столе и захлебнулся рыданиями.

Федерал удовлетворенно хмыкнул и включил видеозапись на ноутбуке.

— Давайте начнем по порядку, мистер Потанский. Кто ваши поставщики?

Допрос шел без малого шесть часов, практически без перерывов. Когда наступил вечер, похожего на сдувшийся воздушный шарик Нерона увели обратно в камеру. «Очкарик» собрал свои бумаги, скопировал записи на защищенный сервер и протяжно выдохнул в потолок. Выглядел он не намного лучше своей жертвы. Столь длительное применение сил выматывало его физически, а необходимость постоянно и подолгу общаться с гноем рода человеческого — психологически.

Собравшись с духом, следователь рывком выдернул себя со стула и вышел из допросной. Снаружи его уже дожидался куратор и непосредственный начальник в одном лице.

— Твое мнение? — лаконично спросил он. — Он еще может быть полезен?

— Да. Нерона использовали в том числе в темную, некоторые моменты неочевидны, так что советую дождаться результатов от оперативной группы, чтобы понять, в каком

направлении двигаться. Думаю, придется повторить процедуру еще раз или два, чтобы составить полную картину.

Цепкий взгляд куратора скользнул по нему, подмечая мокрый от пота воротник, растрепавшуюся прическу и легкий тремор пальцев на левой руке. Симптомы перенапряжения он видел также ясно, как сам дознаватель видел его эмоции — серо-металлическое облако собранности и сосредоточенности, продернутое яркими жилками раздражения.

— Хорошо, Инквизитор, жду твой рапорт, — бросил куратор сухо и ушел.

Федеральный агент Дин Стенфилд отправился в свой кабинет, где следующие несколько часов ему предстояло провести за попытками не сойти с ума от обилия канцелярита.

Вот какой работой ему теперь приходилось заниматься. Быть специалистом по форсированным допросам. Инквизитором. Рыцарь в сверкающей броне остался так далеко в прошлом, что порой Дин начинал сомневаться в реальности этих воспоминаний. Броктон Бей лишил его семьи и богатства, последующие годы — иллюзий и, в значительной мере, чистоплотности. Он уже давно не испытывал трепета перед тем, что промывал своей эмпатической силой мозги очередному мерзавцу, заставляя говорить правду. Даже шепотки за спиной на тему «второго Сердцеда» давно стихли — после того, как последнего вместе со всеми многочисленными рабынями и детьми сжег Эйдолон.

Вот кому Дин завидовал. Никакого начальства у сильнейшего героя над душой не стоит, рапорты он тоже вряд ли пишет. Дин посмотрел в угол монитора, где мигали часы, и слабо улыбнулся. Бюрократия бюрократией, но ему есть ради чего возвращаться домой.

Когда он закончил с бумажной работой, часы показывали половину десятого вечера, а за окном стемнело. Щелчком мыши Дин отправил рапорт по электронной почте руководству и достал из стола положенный по должности лучевой пистолет. Многие из паралюдей, даже работавшие без масок, относились к поделкам Масамунэ в лучшем случае снисходительно. Способности Инквизитора хоть и существенно развились со временем, но едва ли стали полезнее в открытом бою. Городские улицы слишком опасны, особенно после захода солнца, а рисковать собой он права не имел.

Цивилизация постепенно отступала от окраин к городским центрам, поддерживая связь между собой с помощью строго охраняемых коммуникаций. Численность суперзлодеев продолжала расти лавинообразно, герои тоже получали пополнение, но их все равно не хватало. Возрастающие логистические риски вели к распаду производственных цепочек, а если товар все же удавалось произвести, вставала проблема продать его. Стремительное нищающее население, даже те классы, что еще пять лет назад считались благополучными, теперь находились на грани бедности. Те же, кто был беден раньше, стали беспросветно нищими. Пока речь не шла о голоде, но его перспектива уже вырисовывалась в среднесрочных прогнозах.

Решением, хотя бы частичным, были порталы, и многие люди воспользовались представившейся возможностью. Фронтير параллельных миров обещал новые возможности и большую безопасность, благодаря тому, что суперзлодеев, и особенно Падших, на иных Землях не жаловали, а присутствие Протектората и военных там было куда заметнее. Но многие остались, особенно те, кто все еще не потерял работу.

Дину повезло, на этот раз дорога до дома прошла без происшествий. Он припарковал мотоцикл на выделенной стоянке и поднялся на лифте в свою квартиру. Хотя вернее сказать,

В их квартиру.

— Вики, я дома! — крикнул он, переступив порог.

— Дин? — раздался слабый голос из гостиной.

Агент Стенсфилд прошел по коридору к источнику звука. Вики — его Вики — лежала на диванчике в костюме, натянув капюшон на голову. Такая сильная, такая неуязвимая, но вместе с тем такая хрупкая... его сокровище. Его причина жить. Своим эмпатическим зрением Дин отчетливо видел ее усталость и полусонную растерянность.

— Прости, я тебя разбудил, — он краем глаза заглянул на крохотную кухню, где на столе лежал пакет с продуктами. — Думал, что ты вернешься раньше.

— Пришлось задержаться, — девушка вяло махнула рукой.

— А, понимаю. Отдыхай, я приготовлю ужин.

Готовка изысками не блистала. Не только потому, что на зарплату двух правительственных кейпов особо не разгуляешься. С полок магазинов просто исчезли технологически сложные в производстве продукты. Готовые полуфабрикаты и сладости остались разве что в воспоминаниях, кофе и чай превратились в роскошь, и еще многие обыденные вещи канули в небытие. Крупы, овощи, соя и фасоль для бедных, куриные яйца и рыба для тех, кто пока еще имел достаток. Производить мясо в реалиях Земли Бет стало слишком рискованно. Риск нападений суперзлодеев дамокловым мечом нависал над любым предприятием, но животноводство из-за долгого цикла производства несло непомерные риски. Рацион американцев стал до уныния скучным и здоровым.

Когда Дин вернулся в гостиную, неся в руках две тарелки, Вики сидела уже умытая и переодетая в домашнее. Он поставил еду перед женой и сам сел напротив. Что-то странное было в бывшей Славе, а ныне Антарес. Нервозность, страх... почти паника. Дин тактично не спешил с расспросами. Вики прекрасно знает, что ее чувства у него как на ладони, и сама скажет, когда будет готова.

— Сегодня звонил Карлос, — сказала она, без интереса ковыряясь в тарелке. — Интересовался, как ты.

— Ты сказала ему, что я потерял обе ноги и один глаз на спецоперации, а еще у меня нашли рак? — попытался пошутить Дин.

— Да. Он спросил, можно ли, когда ты умрешь, забрать твои ботинки.

— Думаю, надо будет включить его в завещание.

Вики вздохнула и вдруг уронила лицо в ладони. Дин обошел стол и сел рядом с женой, обняв ее за плечи.

— Дин, я беременна.

Картина мира Инквизитора с оглушительным треском разлетелась вдребезги.

— Но... это... — он попытался собрать мысли воедино. — Это же отлично! Я и не надеялся услышать что-то лучше!

— Ты же видишь, во что превращается наш мир, — девушка всхлипнула. — Как здесь можно растить ребенка?!

— Тогда... тогда давай уедем. Бросим все. Портал есть в соседнем штате, на параллельных Землях куда безопаснее.

— И проблемы даже с элементарной медициной.

— Вики, послушай... мы обдумаем все варианты, и выберем тот, который станет самым безопасным для ребенка. И чтобы мы ни решили, мы сделаем это вместе. Слышишь? Я всегда буду с тобой, даже перед лицом конца света.

Она вдруг вцепилась в его одежду и прижалась головой к груди.

— Дин, мне страшно.

— Я здесь.

— Что теперь будет?

— Мы со всем справимся.

Вики немного расслабилась в его руках. Если честно, Инквизитор понятия не имел, что делать дальше. Но он точно знал, что причин жить у него стало на одну больше.

Балтимор, штат Мэриленд

Провод к контакту. Деталь в паз. Магнитные поля калибруются и синхронизируются, удерживая плазменный шнур вне контакта с внутренней поверхностью тороидной камеры. Замыкается контакт, энергетическая система запускается в холостом режиме.

Стандартные проверочные процедуры не выявляют неисправностей.

Тестируемые алгоритмы начинают прозвон систем в порядке приоритетов. Операционная система, двигательные контролеры, гироскопы, охлаждение, сенсоры, вооружение...

Рои наномашин приходят в движение. Они перестраиваются между собой, формируют устойчивую конфигурацию, которая позволяет достигать предельно возможной многофункциональности. Каждый элемент конструкции может быть использован различными способами. Теплоотводящие плоскости могут трансформироваться в микроволновые излучатели, маршевыми двигателями можно воспользоваться как дополнительными орудиями, вспомогательными маневровыми — как резаками или оружием ближнего боя. Внешние броневые пластины в сочетании с наномашинами меняют свою атомарную структуру, точно адаптируясь к определенным воздействиям. Возможности орудий расширены, Универсальные Энергетические Пушки теперь просто Универсальные Пушки, в чьей широкой номенклатуре выстрелов найдется ключ к любой защите. Так много возможностей, такая мощь, но даже ее не всегда оказывается достаточно.

Бывший Страж, считавший себя второсортным Технарем, теперь мог бы быть в первой Семерке, как когда-то его наставник. Только времена, когда кого-то волновали ранги и рейтинги, давно прошли. После конфликта с Китаем из работы супергероев почти полностью исчез пиар и маркетинг. Разве что редких героинь, выделявшихся и красотой и силой, вроде Висты или Лазершоу иногда можно было увидеть на официальных агитках.

Сказал бы кто-нибудь Крису пять лет назад, что он возглавит отделение Протектората, отвечающее за целый штат, он рассмеялся бы собеседнику в лицо. Теперь высокая должность стала его действительностью, ответственностью и тяжелой ношей. Это место должен был занимать другой герой, старше и опытнее, но людей катастрофически не хватало, слишком многие были заняты в эвакуационных мирах. В основном на Земле Бет остались те, кто, по меткому замечанию Эгиды, прикрывал отступление.

Из технарского транса Крису вырвало пиликанье таймера. Как бы ни был велик соблазн, нельзя залипать в оборудовании слишком надолго, есть и другие обязанности. Быстро установив на место все съемные панели, он с хрустом потянулся и проверил текущее время. Половина пятого. Сегодня в планах на вечер сопровождение конвоя с топливом для пожарного и медицинского транспорта, а также встреча с Красной Королевой.

При мысли о последней у Крису заныли зубы. Хотя реальных проблем бывшая Панацея не доставляла, и даже вносила солидный вклад в поддержание порядка в городе, но каждый

раз при разговоре с ней его мороз по коже продирает. Эми Даллон вела себя так, будто никого из прошлой жизни не узнавала, и даже будучи безукоризненно вежливой, умудрялась облить любого собеседника презрением. Единственный, с кем она считалась, был Эйдолон, присутствовавший в качестве арбитра при первой встрече новоиспеченного главы отделения и самой сильной злодейки Северной Америки. Но Эйдолона на все случаи жизни не напасешься, а что делать с Красной Королевой, если у нее вдруг съедет крыша (еще больше обычного), Крис не знал. Разве что бежать со всех ног к ближайшему portalу.

От тяжких дум о Красной Королеве Технаря отвлек стук. Не успел он ответить, как дверь кабинета открылась и внутрь просунулась коричневая мордочка.

— Мультитул, привет, можешь кое-что подсказать?

— Привет, Кензи, — Крис улыбнулся. — Что-то не ладится?

— Ага, — мордочка скуксилась, — алгебра.

Технарь хмыкнул. Математика едва ли была его сильной стороной, но ронять авторитет перед воспитанницей тоже не хотелось. До встречи конвоя еще есть немного времени.

— Ну, вперед, показывай где там твой непобедимый враг.

Детройт, штат Мичиган

Какой логикой руководствовался Эйдолон, раскидывая по миру эвакуационные порталы, оставалось загадкой почти для всех, а если кто и догадывался, то помалкивал. Во всяком случае, размещение одного такого в Детройте вызвало неслабое такое бурление, как среди кейпов, так и среди обывателей. Город, и так имевший не самую мирную репутацию, превратился в практически горячую точку. И хотя Протекторат, ФБР и полиция совместными усилиями в конце концов перебили самые одиозные банды, само наличие портала создавало точку напряжения и одновременно притягивало все больше мигрантов из других мест.

В итоге реализовался классический «трусобный» сценарий. Прилегающие к portalу районы, порт и подъездные маршруты были настолько безопасны, насколько это вообще было возможно в США на Земле Бет в 2016-м году. Жители окраин оказались предоставлены сами себе. Как результат — масса триггер-событий, толпа неподконтрольных кейпов и перманентная вялотекущая война всех со всеми. Где-то формировалось местное ополчение, где-то диктат отморозков и психопатов с суперсилами вызывал исход населения. А были такие места, куда можно было без опаски ходить даже ночью, потому что появлявшиеся там смутьяны очень быстро исчезали.

Истпойнт, район к северо-востоку от аэропорта был как раз из таких новых трусобо, куда полиция соваться не рисковала, а правительственные кейпы появлялись хорошо если раз в месяц, и то мельком. Днем здесь еще держалась видимость нормальной жизни. Ночью... ночью в силу вступали иные правила.

Компания, едущая по ночному Истпойнту на обвешанном грубым технарским оружием кабриолете, была уверена, что правила устанавливают они. Все они сравнительно недавно обрели силы, их возраст разнился от четырнадцати до девятнадцати, и весь мир существовал только для них. Они уже успели выяснить, что не нужно трудиться самому, если можно отнять все у других, но с последствиями столкнуться не успели. Подростки жили сегодняшним днем, старались взять от жизни все, что могли предложить новообретенные способности, и не беспокоились о том, что кто-то другой заплатит за это своей болью.

Кабриолет затормозил посреди жилого квартала и водитель-Технарь с накуранным

хохотом дал очередь из роторного лучемета по окнам. Ему вторила девчонка с наполовину обритой головой, с рук которой сорвались два огненных вихря и понеслись вдоль улицы, поджигая дома. Еще два парня и девушка выскочили с заднего сиденья, едва машина остановилась. Один держал в руке бейсбольную битку и носил длинное пончо, которые окутались одинаковым красноватым свечением. Другой призвал из ниоткуда полупрозрачное существо, похожее на половинку человеческого тела с косами вместо рук. Третья двумя руками выдрала из земли дорожный знак и взмыла с ним в воздух.

Предвкушая грабеж и глумеж над незащитными обывателями, малолетние бандиты слишком поздно заметили вынырнувший из-за угла мотоцикл с восседающей на нем фигурой в балахоне с глубоким капюшоном.

У самого кабриолета пришелец бросил мотоцикл в резкое торможение боком и практически скатился с него на землю. Прodelывал он это явно не в первый раз, потому что моментально вскочил на ноги.

Первой опомнилась Бугай-Движок. Подлетев к пришельцу, она попыталась с размаху ударить его дорожным знаком. Тот встретил удар раскрытой ладонью, и девушка застыла в воздухе. Время для нее остановилось.

Не тратя зря ни мгновения, неизвестный кейп проскользнул к кабриолету и единственным касанием заморозил его вместе с водителем.

За считанные секунды численность супер-шпаны сократилась с пяти до трех. Оставшиеся гениальностью похвастаться не могли, но даже до них дошло, что подпускать противника на расстояние руки будет плохой идеей. Владелец светящейся биты достал из поясной сумки бейсбольный мяч, зарядил красноватой аурой и швырнул в пришельца. Девушка с наполовину выбритой головой послала в цель еще один огненный вихрь. Властелин и его проекция пока медлили и отступали за спины сообщников.

Совместной атаки Контакта и Бластера должно было хватить, чтобы полностью аннигилировать врага, даже обладающего повышенной стойкостью. Нечто подобное они уже прodelывали как-то раз, и результат их повеселил. Но неизвестный кейп успел завернуться в балахон и, похоже, не получил никаких повреждений вообще. И прежде, чем бандиты успели атаковать снова, он выбросил вперед руку, в которой уже разматывался длинный тонкий кнут.

Кнут коснулся самым кончиком девушки-Бластера, в ладонях которой уже снова разгоралось пламя, и она застыла, как и сам кнут. Останавливающий время кейп метнулся в сторону, уклоняясь от брошенной в голову биты, и снова запустил руки под балахон.

Подростки-злодеи попятнулись. Если враг в одиночку вывел из строя троих из пяти, значит он сильный. Если сильный — надо спасаться. А замороженные приятели... об этом они подумают как-нибудь потом. Не сговариваясь, оба кинулись бежать в разные стороны, и в тот же момент их противник бросил им наперерез два ножа. На первый взгляд, оба пролетели мимо.

Через мгновение ночную улицу огласили вопли.

Два малолетних бандита будто лежали животом на невидимых перекладинах, и обильно заливали тротуар кровью. Только роль перекладин исполняли привязанные к рукояткам ножей тонкие нити, практически невидимые в темноте, и благодаря наложению стазиса получившие свойства острого лезвия. На беду злодеев, скорости их бега не хватило, чтобы разрубить себя пополам, и теперь с каждым движением нити все глубже врезались в тела, причиняя невыносимую боль.

Кейп поднял с земли битую и подошел к ее прежнему владельцу. Без лишних слов он замахнулся и проломил злодею череп. Ту же процедуру он повторил с Властелином, безуспешно пытавшимся снять себя с нити с помощью проекции.

Затем вигилант подошел к девушке-Бугаю, которую он заморозил первой, и обмотал вокруг ее шеи еще одну нитку. Затем он коснулся ее во второй раз, и эффект остановки времени исчез. Бугай продолжила прерванное движение, и ее собственная сила обратилась против нее. Высокая физическая стойкость не играла никакой роли при столкновении с неодолимой темпоральной способностью, и голова летуны мгновенно отделилась от тела.

Тем же способом смерть настигла Бластера. Вигилант установил ножи точно напротив ее горла и сердца, а потом снял заморозку, толкнув ее в спину — прямо на острия.

Последним пришел черед Технаря, все еще сидевшего за рулем. Когда с него спал стазис, он ошалело завертел головой по сторонам, а потом тупо уставился на уничтожившего его банду кейпа.

— Вы зашли не в тот район, — презрительно сообщил вигилант.

Если Технарю и было что ответить, он этого сделать не успел, бита обрушилась на его голову. Вигилант отбросил оружие в сторону и стянул с головы капюшон, а с лица бандану. Это был белый мужчина, около двадцати пяти лет, его рыжие волосы растрепались, а на лице и висках виднелись ожоги. Пламя Бластера все-таки сумело забраться под капюшон.

— Снова бессонная ночь, Деннис? — спросил сверху низкий голос.

Рыжеволосый кейп поднял голову. На высоте трех метров парил рослый мускулистый мужчина в красном бронированном комбинезоне. Маска закрывала лицо, но его поза излучала скорбь и сожаление.

— И тебе привет, Карлос, — спокойно ответил он. — Если ты прилетел меня арестовать, то следовало взять подкрепление.

— Я здесь не по службе.

— Тогда будь любезен, избавь меня от очередного чтения морали. Я поступаю так, как считаю правильным.

— Как и все мы, — Карлос печально осмотрел побоище. — Который это раз за год?

— Всего лишь третий. Раньше было хуже.

Из домов уже выскакивали жители. Одни несли в руках портативные огнетушители, другие тянули шланги до ближайшей пожарной колонки. Не было ни паники, ни растерянности. Люди в очередной раз доказали, что приспосабливаются к любым условиям, даже к засилью паралоудей.

— У Вики и Дина скоро будет дочка, — произнес Карлос, глядя в сторону. — Мисси два месяца назад получила под командование собственную команду, надо было видеть, как она всех построила при первой встрече, сержант Хартман бы съел шляпу от зависти. Крис от руководящей должности не в восторге, но вроде бы справляется, да и заменить нечем. Кристал вроде бы собиралась замуж, но что-то не срослось. Эрик ушел из Протектората, эмигрировал за портал. Я уже рассказывал про Теодора?

— Да, сын-ренегат Кайзера, — Деннис дернул щекой.

— Его перевели ко мне. Видимо сочли, что раз мы оба из Броктон Бей, то быстрее найдем общий язык.

— Очаровательно. И ты прилетел только ради того, чтобы поделиться со мной свежими сплетнями?

— Мне бы не пришлось лететь, если бы ты отвечал на звонки.

— Карлос, я уже много лет не имею отношения к Протекторату, и не желаю и впредь иметь дела с официалами. Все, чего я хочу — это защитить свою семью и соседей, и кроме меня этого сделать некому.

— Да не в этом дело, — герой вздохнул и стянул с головы маску. — Просто мне больно смотреть, как ты пытаешься нести этот крест в одиночку. И нам тоже не хватает тебя.

Деннис смерил его мрачным взглядом и ответил не сразу.

— Все в прошлом, — тихо сказал он. — А ты единственный, кто до сих пор не смирился. Ты думаешь, будто отделение Стражей «Восток-Северо-Восток» все еще существует, вот только это не так. На месте Броктон Бей давно пустошь, а нас разнесло ветром кого куда.

Улицу озарила желтая вспышка, и все занявшиеся пожары разом потухли. Оба кейпа повернули головы туда, где в воздухе завис золотой человек. Зион смотрел вниз, где люди приветствовали его радостными криками, но словно не замечал их. Потом его взгляд сместился на паралюдей, и Деннис почему-то почувствовал себя неудобно.

Зион пробыл на одном месте еще около двух минут. Раньше он нигде не задерживался дольше необходимого для нейтрализации кризисной ситуации. В последние годы, по свидетельствам очевидцев, он все чаще оставался, будто хотел оценить последствия своих действий. Также его начали привлекать битвы паралюдей, чего прежде также не случалось. В таком случае он оставался безмолвным наблюдателем, и что-то предпринимал только когда схватка утихала.

Когда золотой герой исчез вдаль, Деннис снова нашел в себе силы заговорить.

— Лети к себе, Эгида, у тебя наверняка полно работы. И у меня тоже, как ты заметил, ночь будет бессонная, — он помолчал, и нехотя добавил. — Но спасибо, что заглянул.

— Береги себя, Стояк, — ответил его бывший товарищ, взлетел вверх и растворился в ночном небе.

Деннис проводил его взглядом. Потом к нему подошел один из местных жителей.

— Этих куда? — спросил он, указывая на валяющиеся на земле тела.

— Закапываем. Там же, где всех остальных, — пожал плечами Деннис. — Сейчас, пикап пригоню.

9.6 Год шестой

Земля Алеф, Броктон Бей, Первая приходская церковь

Кэти Кёлер в сотый раз за утро оправила перед зеркалом платье. С минуты на минуту она должна была распрощаться со своей девичьей фамилией, а это кошмарно дорогое и настолько же неудобное платье словно сострепало заговор против нее. Она всего лишь на четвертом месяце, а не на восьмом, так почему эта штука сидит как попало?!

Девушка обреченно вздохнула и вышла из туалетной комнаты. Белла, сегодня взявшая роль подружки невесты, поспешила к ней.

— Ну сколько можно копаться? Церемония вот-вот начнется.

— Я тут не причем, это платье вечно сбивается на бок!

— Не говори ерунды, ты прекрасно выглядишь. Это все от нервов.

— Да просто... — Кэти сдула со лба выбившуюся прядь. — Я еще не все пропустила?

— Пропустишь, если продолжишь здесь торчать.

С притворным страдальческим вздохом будущая бывшая мисс Кёлер отправилась навстречу судьбе. Ее отец ждал в атриуме и, судя по тому, как вертел по сторонам головой, тоже начал беспокоиться. Заметив дочь, он тут же направился к ней.

— А, вот ты где. Я уж подумал, ты решила сбежать из-под венца.

— Не говори глупостей.

— Полегче, юная леди. Я выдаю замуж единственную дочь, и имею право нести любую чушь, — папа тепло улыбнулся. — Знаешь, еще не поздно отказаться. У меня в машине лежит заряженное ружье, могу прикрыть твоё отступление.

— Пап, ну хватит, — Кэти не сдержала смехок и набросила фату на лицо. — Ты еще не забыл, что должен меня вести к алтарю?

— Тогда пойдем, Воробушек.

Папа толчком распахнул тяжелые двери, и они вдвоем неторопливо направились по ковровой дорожке. Кэти с улыбкой кивала гостям, близко знакомым и не очень. Тайлер уже ждал ее, и Кэти поразились тому, насколько хорошо он смотрелся в костюме. Папа подвел ее к жениху, они взялись за руки и уже вместе пошли к алтарю. Сам же папа в последний раз кивнул и занял свое сиденье в первом ряду, рядом с держащей видеокамеру мамой. Священник прочитал короткую молитву, прокашлялся и начал:

— Сегодня мы собрались здесь, дабы сочетать узами брака этого мужчину и эту женщину, и стать свидетелями священного союза Тайлера и Кэтрин. Если кто-то считает, что сей брак не может быть заключен, пусть выскажется сейчас, или умолкнет навеки.

Невольно Кэти оглянулась на набитый битком зал. Ее друзья по школе и колледжу, родственники вплоть до четвертого колена, многие из которых приехали аж из Европы, друзья папы и мамы, столько же, если не больше, народу со стороны жениха... взгляд ее зацепился за мускулистого парня. Он прибыл слишком поздно, сидячего места ему не хватило, так что пришлось подпирать собой стену. Он поймал ее взгляд и ободряюще показал большой палец. Кэти невольно улыбнулась. Ее бестолковый младший брат и правда сильно изменился. Этот скромный жест, как ни странно, придал ей смелости. Все будет хорошо.

— Теперь вам не будет страшен дождь, потому что вам всегда будет где укрыться, — провозгласил священник. — Теперь вы не будете чувствовать холод, потому что всегда будет

кому согреть вас. Теперь для вас не будет одиночества, потому что у вас всегда будет друг рядом. Теперь вы вдвоем разделите одну жизнь. Пусть благодать сопровождает ваш жизненный путь. Пусть добро станет вашим компаньоном и ваши дни, проведенные вместе, будут счастливыми и долгими на этой земле. И теперь я должен спросить вас: Тайлер, берешь ли ты Кэтрин в законные жены, согласен ли любить, уважать и оберегать ее на протяжении всей жизни?

— Согласен, — без дрожи в голосе отчеканил Тайлер.

— Кэтрин, берешь ли ты Тайлера в свое законные мужья, согласна ли любить, уважать и оберегать его на протяжении всей жизни?

— Согласна, — выдохнула Кэти. Не так уж это было и страшно.

Церемония пошла дальше своим чередом. Они с Тайлером обменялись кольцами, и священник наконец-то произнес свое торжественное «объявляю вас мужем и женой». Чувствуя, как с плеч словно свалилась гора, Кэти позволила теперь уже мужу вывести себя наружу. Там их моментально окружили с поздравлениями, но Алекс, словно ледокол, продавил себе дорогу через толпу. То, что он как-то в мгновение ока стал выше ее на голову и вдвое больше весом, Кэти до сих пор осознавала с трудом.

— Ну, поздравляю, извини за опоздание, — он хлопнул Тайлера по плечу. — И тебе привет.

— Мог бы хоть раз в жизни прийти вовремя, — больше в дань традиции проворчала Кэти.

— Пожалуй, настолько исключительное событие я приберегу для собственной свадьбы, — хмыкнул Алекс. — Тогда, глядишь, получится опоздать на похороны. Кстати, Тайлер, ты интересовался параллельными мирами?

— Да, было бы неплохо застолбить место для бизнеса.

— Тогда я знаю, с кем тебе надо поговорить! Эй, Конрад, иди сюда!

Брови Кэти от удивления поползли вверх. «Кузен» из другой реальности появлялся редко, и оба раза пришлось на Рождество. Временами ей казалось, что все было выдумкой или сном, пока Алекс не вытаскивал из-под шкафа свой «световой меч». Но вот он, во плоти и идет сюда, в том же самом сером костюме с черной рубашкой, что и два года назад.

— Добрый день, — Конрад кивнул ей.

— И тебе привет. Давно ты не появлялся.

— Вагон работы. Радует только то, что еще немного, и все закончится наконец-то, — он оценивающе посмотрел на Тайлера. — Мда... на троечку, в лучшем случае.

— Ты представишь нас? — уточнил последний, немного уязвленный таким отношением.

— А, точно. Тайлер, это мой двоюродный брат Конрад. Конрад, это Тайлер, мой жених... то есть уже муж.

— Надо было навещать тебя почаще. Я бы разыскал тебе кого-нибудь... более достойного.

— Спасибо, я запоздало откажусь, — она заметила, что ее муж нахмурился. — Не обращай внимания, он всегда такой.

— Алекс сказал, что ты имеешь отношение к параллельным реальностям, в которые ведут порталы. Какое, если не секрет? — спросил Тайлер.

— Я не последнее лицо в одной компании, которая работает по данному направлению. А что, интересуется инсайдерская информация?

— Не обязательно. Кэти мне все уши прожужжала переездом за портал, а компания моего отца производит туристическое снаряжение. Было бы интересно твое мнение на счет перспектив, раз ты этим занимаешься.

— Могу посоветовать инвестировать в топоры, спички и патроны.

— И ты туда же.

— А думаешь, кто нам посоветовал переезжать? — Кэти пихнула локтем в бок. —

Конрад — парачеловек, и если он что-то советует, лучше так и сделать.

— Ого, даже так? — Тайлер вскинул бровь. — А где его костюм?

— У меня выходной, — прохладно отозвался Конрад.

— И все равно я не понимаю, к чему такая настойчивость.

— К тому, что через год, плюс минус пара месяцев, разразится глобальная катастрофа, которая уничтожит цивилизацию в текущем ее виде.

— Если это правда, почему о ней не говорят?

— Идиоты в ваших правительствах не хотят паники, а у нас не так много рычагов влияния, чтобы в одночасье изменить ситуацию. Они все еще пекутся об биржевых индексах и предвыборных рейтингах. Можно подумать, после Катаклизма устоит хоть одно правительство.

— Но ты так и не объяснил, что этот Катаклизм собой представляет.

— Закрытая информация, зятек. Просто делай, что тебе говорят умные люди и собирай багаж. А, чуть не забыл, — «кузен» протянул Кэти не очень большую, но увесистую коробку, перетянутую красной ленточкой. — Возьми, пригодится. Лучшего свадебного подарка я придумать не смог.

— Оу, а что там?

— Тыквенные семена. Этот сорт создала одна моя подруга, специально для колонистов.

Кэти приняла подарок с легкой дрожью. Коробка оказалась тяжелее, чем казалось внешне, но дело было даже не в весе. Само прикосновение к чему-то пришедшему из Бог знает какой бездны иных реальностей отдавало чем-то мистическим. Конрад тем временем отошел в сторону, его зачем-то позвал папа.

— Ты действительно веришь в эту чушь? — скепсисом Тайлера можно было превратить молочную реку в сырный оползень.

— Шесть лет назад я впервые встретила Конрадом, он тогда прилетел на летающем скейте. А потом за пару недель смастерил в подвале какую-то штуку, которая открыла портал в параллельное измерение и игрушечный световой меч для Алекса. Алекс потом похвастался этой штукой в своем фейсбуке и к нам нагрянуло АНБ. Затаскали по допросам, хотя папа предупреждал их, что плохо может кончиться. Помнишь, что было в Израиле в канун Рождества в 2011-м?

— Ты про Иерусалимскую катастрофу?

— Ага. Тогда от нас резко все отстали и больше не трогали, даже Алексу игрушку вернули.

— То есть... — Тайлер показал пальцем, — Хочешь сказать, этот парень разрушил Иерусалим? Это он взял и убил миллион человек?!

— Думаю, его это не волнует, — вздохнула Кэти. — Но речь не о том. Я просто хочу тебе сказать, что мир устроен гораздо сложнее, чем кажется, и что в нем действуют силы за пределами понимания. И когда одна из таких сил приносит подарок... лучше им воспользоваться.

— Я все еще надеюсь, что это такой розыгрыш. Потому что если это правда, то мой шурин — суперзлодей, способный шантажировать американское правительство, и военный преступник!

— По крайней мере, он не твой кузен, — усмехнулась Кэти. — Пошли, нас еще не все поздравили.

Земля Бет, окраины Екатеринбурга

Майор Кристал Пелхам приземлилась на торчащий над водой обломок железобетона и с облегчением содрала с головы противогаз. Битва закончилась также внезапно, как началась, и уцелевшие получили краткую передышку. Скоро начнется следующий этап безрадостной работы, подсчет потерь и разбор завалов ради призрачного шанса найти выживших. Последнее, впрочем, маловероятно. Спящий не оставляет раненных.

Многие в отправленном отряде Протектората задавались резонным вопросом, с какой стати они должны отдуваться за «коммунистических амеб», которые в старые времена ни разу не прислали помощь против Губителей. Немногие понимали, что русские бы никогда не попросили помощи, не позвали бы на свою территорию иностранный контингент, если бы был хоть призрачный шанс справиться самим. Но их силы истощили непрерывные конфликты с Китаем и Европой, а также сдерживание среднеазиатских набегов, тогда как цена поражения была непомерна. В Екатеринбурге находился один из всего лишь двух межмировых порталов, расположенных восточнее Уральских гор. Потерю настолько важной стратегической позиции русские себе позволить не могли, и наступили на горло гордости.

Точку в тяжелой битве поставил Эйдолон. Не имея возможности нанести Спящему непосредственный ущерб, он перекраивал сам ландшафт на его пути. Окрестности города теперь покрывали огромные борозды с оплавленными краями, что уходили в глубину на десятки метров, и вода из русла местной реки постепенно заполняла эти новые протоки. В конце концов, это сработало, и Спящий отступил, исчез. Чуть позже его засекли в Мордовском карантине, где он проводил большую часть времени.

Внезапно, Кристал почувствовала, насколько на самом деле устала. Не из-за срочной переброски на другой край мира и не из-за сражения, а вообще. В отличие от Эрика и Вики, она отказалась эмигрировать за портал, предпочла бороться за то немного, что еще можно было спасти. Шесть лет в Протекторате принесли ей звание, уважение, несколько новых шрамов и затаенное желание, чтобы предсказанный Конец Света наступил поскорее. Потому что сил для подобной ноши у нее оставалось все меньше.

Надо будет навестить Вики... как-нибудь. Вроде, они с Дином достаточно неплохо устроились на другой стороне. Насколько позволяли двойняшки-младенцы.

Раздав приказы подчиненным по радиосвязи, Кристал уже собралась было лететь к развернутому оперативному штабу, но заметила одну необычную деталь. Эйдолон, по своему обыкновению появившийся из ниоткуда, исчезать в никуда не спешил. Вместо этого он неподвижно стоял у самой кромки воды и смотрел на занимающийся рассвет. Ноги героя тонули в размокшей почве, подол зеленой мантии измазался в грязи, но он не обращал на это внимания, высматривая что-то одному ему известное. Повинуясь внезапному необъяснимому импульсу, Кристал подлетела к нему поближе и замерла в полуметре над землей.

— Что-то не так, сэр? — спросила она в попытке хоть как-то завязать разговор.

— Рассвет красивый, — ответил Эйдолон. — Его ничто не может испортить.

— Да, пожалуй, — Кристал почувствовала себя немного сбитой с толку. — Просто вы обычно не задерживаетесь.

— Ваш мир не единственный, кто нуждается. У Земли много отражений. Каждое нуждается в наставлении, совете, помощи. Везде нужен спаситель.

Это было что-то новое. О том, что Эйдолон способен путешествовать между реальностями, было известно давно. Однако никому не приходило в голову, что он исполняет долг героя где-то еще.

— Непростая работа, должно быть.

— Худшая на свете. Или лучшая. Это как посмотреть.

А потом герой сделал нечто еще более странное: он снял маску. Кристал находилась у него за спиной, и видела только закрытый зеленым капюшоном затылок, но сам факт того, что Эйдолон стоит в двух метрах от нее, держа маску в руке, придавал ситуации неуместный оттенок интимности.

— Знаете, мисс Пелхам, я так устал от всего этого, — сказал он совершенно другим голосом.

— Вы меня знаете?

— Я знаю все и обо всех. Работа такая.

— Я бы предложила вам уйти на пенсию, но судя по голосу, вам вовсе не пятьдесят лет, как должно быть.

— Может, я неплохо сохранился.

— Вы не настоящий Эйдолон, верно?

— Уверю, мисс Пелхам, я самый настоящий Эйдолон.

— Это как посмотреть, — вернула мяч Кристал, которой разговор показался приятным разнообразием. — Некоторые уверены, что настоящий давно умер.

— Умер тот, кто прежде носил эту мантию. Его звали Дэвид Хокинг, и он был Эйдолоном более четверти века. Я принял мантию павшего героя. Потому что миру, многим мирам нужен Эйдолон. Кто будет подставкой для костюма, право, не важно.

Майор плавно приземлилась рядом. Она все еще держалась чуть позади, чтобы не видеть лица собеседника, но теперь оказалась с ним на одном уровне. Даже ее армейские сапоги точно также с хлопанием погрузились в грязь.

— Обратите внимание, вы провели на посту лишь четверть этого срока, а уже жалуетесь на усталость.

— Готов поспорить, у моего предшественника был куда менее напряженный график. Первые лет десять точно. Впрочем, это не означает, что я не уважаю этого человека. До сих пор не понимаю, как он смог за эти годы не возненавидеть мир, который поклялся защищать.

— А вы что, ненавидите мир?

— Часть его. В основном ту, что представлена политиками и крупным бизнесом.

— А, ну тогда вы в своей ненависти не одиноки, — улыбнулась Кристал. — Хотя в свете приближающегося Конца Света, я думаю, что скоро с ними будет покончено.

Эйдолон тихо рассмеялся.

— Вы тоже считаете дни, когда же наконец этот гнойник лопнет? К счастью или нет, но осталось недолго.

— Похоже, вы знаете гораздо больше, чем вы сообщаете. Вам известно, в чем вообще заключается Конец Света?

— Известно.

— Тогда почему вы этого не рассказываете? Это бы позволило подготовиться намного лучше.

— Вы не первая, кто задает этот вопрос. Я отвечу тоже, что и сказал когда-то полковнику Уоллесу. Природа угрозы такова, что раскрытие информации о ней неизбежно спровоцирует катастрофу досрочно. До того, как мы достигнем максимальной готовности.

— А мы точно стремимся к ней, а не теряем?

— Резонные сомнения. Что-то уже утрачено, и еще больше мы потеряем. Но вы должны понимать, мисс Пелхам, что критерием успеха является не абстрактное «отражение атаки», и не сохранение работающей инфраструктуры, а само существование нашего вида.

— Поэтому ставка сделана на программу межмировой экспансии? Больше поселений в разных реальностях — больше шансов, что уцелеет хоть кто-то?

Эйдолон кивнул.

— Но все равно, мы даже приблизительно не знаем, с чем предстоит столкнуться. Это парачеловеческая угроза? Болезнь? Какая-то инфляционно расширяющаяся аномалия?

— Я не могу сказать. Простите.

Кристал вздохнула. Снявший маску герой, даже не повернувшись к ней лицом, казался удивительно человечным. О последнем многие забывали, имея дело только с проявлениями его разрушительной мощи. Ей стало интересно, знает ли его хоть кто-то без маски. Не геройствует же он в разных реальностях 24/7?

— Как вам вообще пришло в голову надеть костюм Эйдолона? — спросила она вслух.

— Кто-то должен был.

— Только поэтому?

— Причин было много на самом деле. Я даже не уверен, какая из них главная. Вам известно, что катализатором любого триггер-события является отчаяние?

— Да, известно.

— А антитеза отчаяния — надежда. Я хотел принести именно ее. Чтобы в сползающем в парачеловеческий хаос мире у людей был хоть какой-то ориентир.

— А я думала, что это у меня трудная работа.

— У вас действительно очень трудная работа, — с грустной усмешкой сказал Эйдолон. — А я всего лишь сражаюсь на войне, которую не начинал, под личиной, мне не принадлежащей, на земле, которая мне не родная, ради победы, которую вряд ли увижу. Тоже самое можно сказать о большинстве из нас.

— Но ведь ради чего-то вы сражаетесь?

— А вы? Вами что движет? Что заставляет вставать по утрам?

— Помимо орущего возле холодильника кота? — попыталась отшутиться Кристал.

— Я серьезно.

— Если честно, никогда об этом всерьез не задумывалась. Я кейп второго поколения, выросла в семье героев. Для меня сражаться ради защиты всего хорошего было чем-то само собой разумеющимся. Потому и пошла в Протекторат.

— Но я чувствую сомнения в ваших словах.

— Последнее время... иногда мне кажется, что лучше бы Конец Света, чем бы он ни был, заставил нас надорваться. Когда мы истощим свои силы, и даже самые безумные и агрессивные взмолятся о мире, тогда наконец-то станет спокойно. Мы перестанем умирать, сходить с ума, калечиться и приносить в жертву себя и других, а станем просто жить.

— Подобная точка зрения не такая уж редкость, — заметил Эйдолон. — Очень многие устали от борьбы.

— Но мы все равно должны продержаться, — вздохнула Кристал.

Герой надел маску, давая понять, что разговор окончен. Кристал поднялась над землей, приложив усилий чуть больше обычного, чтобы вырвать ноги из топкой грязи. Когда она уже развернулась, чтобы направиться к штабу, Эйдолон снова окликнул ее.

— Последний вопрос.

— Да?

— Вы верите в искупление? Можно ли творя добро компенсировать совершенное зло?

— Нет, — уверенно ответила Кристал. — Раньше верила, но после... определенных событий я осознала, что зло всегда останется злом, сколько шансов ему ни давай.

Эйдолон кивнул и резко стартовал с места. Проводив его взглядом, Кристал ощутила странную двоякость. С одной стороны, после короткой беседы по душам она почувствовала себя лучше. Однако вопрос про искупление сбил ее с толку. Эйдолон ведь не себя имел ввиду? А если себя, тогда что такого он натворил в прошлом?

Земля ХХХ, база Котла

Абсолютная память всегда была ее даром и проклятием. Запоминать любой документ или учебник хорошо до тех пор, пока перед глазами навеки не застынут сотни и тысячи лиц тех, кто положил жизнь на исполнение великого Плана. Человеческая психика устроена так, что мозг изолирует самые травмирующие воспоминания, не позволяет сознанию обращаться к ним, чтобы не причинять еще больший ущерб. Но после того, как все мыслительные процессы взял на себя агент, вся пережитая боль осталась с ней навсегда, такая же яркая и отчетливая как в первый миг.

Мало кто может похвастаться, что до мельчайших деталей помнит мгновения своей смертной агонии.

Когда она открыла глаза, то сразу попыталась схватиться за горло, поскольку воспоминания о закупоривших легкие и трахею насекомых не поблекли ни на йоту. Но прошло мгновение, и она осознала несколько фактов. Во-первых, она не могла двигать руками и ногами, их удерживали какие-то неведомые кандалы. Достаточно прочные, чтобы удержать ее. Во-вторых, она больше не давится мухами и пауками, а дышит свободно. В-третьих, она находится на базе Котла, потому что над ней склонилась Фортуна и Эйдолон. В-четвертых, прошло явно много времени. Лицо Фортуны изменилось так, как его меняют только годы.

— Зрачки реагируют. Глаза фокусируются на движущихся объектах, — пробубнил Эйдолон каким-то механическим, не своим голосом.

— Пульса нет, дыхание пятнадцать, мозговая активность нитевидная, — прозвучал сбоку женский голос. — Агент восстановил связь, способности работают.

Эйдолон похлопал ее ладонью по щеке.

— Вы слышите меня?

— Слышу, — интуиция уже подсказывала ей несколько вариантов произошедшего, один другого хуже.

— Назовитесь.

— Шеф-директор Службы Контроля Параугроз Ребекка Коста-Браун, она же Александрия, член Триумvirата. Дэвид, к чему этот спектакль?

— Прошу прощения. Мы не были уверены в конечном результате, поэтому пришлось принять меры. Ваша сила слишком смертоносна. И еще кое-что, — Эйдолон коснулся креплений маски. — Я не Дэвид.

Александрия думала, что ее уже нельзя чем-то удивить, она слишком многое видела. Но когда Эйдолон снял маску, у нее перехватило дыхание. Внешность подростка сильно отличалась от внешности взрослого мужчины, но знакомые черты проступали отчетливо. Черты убийцы ее друзей.

— Как вы, должно быть, уже поняли, прошло много лет, — произнес Кёлер. — И за это время изменилось многое.

— Да, я заметила, — ледяным тоном ответила Александрия, пробуя на прочность сковывающие ее кандалы. — Если этот костюм на тебе, полагаю, Дэвид мертв?

— Боюсь что так.

— Давно?

— Он пережил вас лишь на несколько часов.

Александрия закрыла глаза. Герой, Легенда... оба ушли у нее на глазах. В последние мгновения перед тем, как ее сознание погасло, она все еще надеялась, что Эйдолону, настоящему Эйдолону, а не этой фальшивке, удастся покончить с активированной бомбой Симург. Что же здесь, черт возьми, произошло?

— Контесса, — попросила она. — Объясни мне, что он тут делает.

Долгий и обстоятельный рассказ давней подруги Ребекка восприняла стоически. Мысленно она дала себе слово, что как только выберется отсюда, то найдет какое-нибудь безлюдное место и заорет во все горло, но пока молча слушала, как Фортуна описывает события последних шести лет.

Время от времени Александрия задавала уточняющие вопросы, Конрад вставлял свои ремарки, но большую часть времени помалкивал. Видимо, чтобы ее не раздражать. Заодно героиня успела рассмотреть ассистировавшую женщину в лабораторном халате — а точнее девушку не старше двадцати — в которой с трудом, но узнала Ампутацию.

— И чего вы от меня хотите? — холодно поинтересовалась Александрия, когда Фортуна закончила рассказ. — Мое время прошло.

— Вы все еще кейп с ультимативными силами, — пояснил Конрад. — Внедренная пять лет назад схема распространения флаконов дала нам целую плеяду очень мощных героев, не в последнюю очередь их усилиями мы все еще сдерживаем хаос. Однако до уровня изначального Триумvirата или моего никто не дотянул.

— С чего ты взял, что я просто возьму и пойду под твое командование?

— А что вам еще делать? Вы посвятили жизнь этой миссии. Тот факт, что на моих руках кровь Легенды и Эйдолона, для вас, по большому счету, не существенно. Ведь позволяли вы годами гулять на свободе Уильяму Мантону, отнявшему у вас любовь.

Александрия скрипнула зубами. Наглец бил по самому больному месту.

— На тебя повлияла Симург.

— Так же, как и на остальные шесть миллиардов людей, знавших о ее существовании. Однако я действовал в обозначенной ей парадигме лишь до момента гибели Эйдолона, которая заставила Губителей впасть в спячку, а мне даровала свободу воли. А сами вы можете поклясться, что Симург на вас не повлияла? Что она не конструировала ваше будущее и личность, создавая определенные раздражители для вас во время битв или провоцируя травмирующие последствия?

— Это бессмысленная демагогия.

— И то верно. Мои поступки в течение последних шести лет говорят лучше любых слов.

Конрад нажал несколько кнопок на терминале и удерживающие Александрию кандалы разомкнулись. Она слезла со стола, плавно и осторожно, чтобы случайным движением не повредить оборудование, и посмотрела на бывшего Стража. На то, чтобы подлететь вплотную и размозжить ему голову одним ударом, хватило бы и микросекунды. Но не станет ли от того только хуже? Александрия не верила Конраду, но верила Фортуне. Если этот тип шесть лет успешно прикидывался Эйдолоном и фактически замещал собой Триумвират... кто знает, сколько трюков у него припасено.

— Уже прикидываете, как бы половчее проломить мне череп? — усмехнулся лже-Эйдолон.

Александрия не ответила и молча принялась одеваться.

— От такой умной женщины как вы, я ожидаю благоразумия и рассудительности. Я вот всю жизнь туго соображал. Мне пришлось дважды умереть и возродиться только для того, чтобы перестать вести себя как мудак. Надеюсь, до вас дошло с первого раза.

— «Перестать вести себя как мудак»? — повторила Александрия и указала на Ампутацию. — А это что?

— Райли хорошая девочка, — Конрад продемонстрировал улыбку палача. — Хорошие девочки делают то, что им велено, и их за это хвалят. А если они ведут себя плохо, им включают песенку.

Судя по тому, как испуганно съежилась Ампутация, под «песенкой» подразумевалась какая-то особо изощренная пытка. Александрия хмыкнула.

— Как ты убил Джека?

— Если интересуют подробности, то давайте отложим это немного, — он надел маску и произнес. — Лиза, зайди в секцию L-4. Райли, ты можешь идти.

Ампутация покинула лабораторию через дверь, вместо нее через созданный Привратником портал вошла веснушчатая блондинка в мешковатых штанах и толстовке. Ее Александрия тоже без труда узнала. Сплетница, она же Лиза Уилбурн, она же Сара Ливси, мелкая злодейка из Броктон Бей, подручная Кальверта. Довольно необычно, ведь в прошлом они с Конрадом грызлись насмерть.

— Превращаешь врагов в союзников?

— Ты должен творить добро из зла, потому что больше его сотворить не из чего, — процитировал лже-Эйдолон Роберта Уоррена. — Ну и полезными кадрами тоже не следует разбрасываться.

— Оу, так я теперь «кадр» а не «ресурс»? Пожалуй, в моем рейтинге обаяния и очаровательности ты поднялся до аскариды, — съязвила блондинка.

Как поняла Александрия, подобные перебранки были в порядке вещей, поскольку Конрад пропустил оскорбление мимо ушей. Она проверила, как сидит привычный черный костюм — все было на своих местах, за исключением шлема, теперь закрывавшего лицо целиком, а не только глазах. Нижняя часть забрала должна была защищать органы дыхания.

Тысячи насекомых набиваются в горло, ползут вглубь, утрамбовывают собственные тела, выделяют клейкую паутину. Внезапность нападения забирает драгоценные доли секунды, а потом спастись поздно. С забитым горлом не потребовать дверь. Нечем прочистить дыхательные пути. Кислородное голодание отключает мозг — ту его крохотную часть, что осталась живой — слишком быстро.

Она волевым усилием прогнала воспоминания, отстранилась от них, хотя и осознавала, что они вернуться, стоит только возникнуть ассоциативной цепочке. Еще она поняла, что само новое устройство шлема будет для нее вечным напоминанием об агонии. И отказаться от него в пользу старой конструкции она тоже не сможет, страх ей этого не позволит.

— Если вы закончили, познакомьтесь с вашим личным помощником, — Конрад пропустил оскорбление мимо ушей. — Лиза, ведешь Александрию в курс дел, ну и так далее.

— С чего ты взял, что мне нужен помощник?

— У нее сила всеведения, а вы способны идеально воспользоваться полученной информацией. Или можете ее за кофе гонять, мне без разницы.

Бывшая шеф-директор бегло оценила блондинку. Во время оно досье на нее было не особенно подробным, но в Котле бесполезным места не было, а Кальверт считал ее ценным активом. Хорошо, на первое время помощь ей действительно не повредит. А если это такая попытка подсунуть шпиона, то Конрада ждет разочарование. На выявлении разнообразных крыс Коста-Браун съела собаку еще с первых дней СКП.

Следующие несколько часов Александрия посвятила визитам к Доктору Маме и Счетоводу, а также детальному ознакомлению с новыми реалиями. И хотя рассказу Фортуны не доверять не было оснований, некоторые детали казались поначалу слишком фантастичными. Губители впали в спячку? Бойня № 9 полностью уничтожена? Нилбог добровольно покинул Эллисбург? Китай прекратил жесткую экспансию? Падшие фактически перешли под контроль Котла? Все перечисленное казалось полным бредом, но именно об этом говорили архивные данные и те СМИ, которые еще продолжали функционировать на Земле Бет.

Наконец, она откинулась в кресле и чуть не расхохоталась от абсурдности ситуации. Когда-то давно, в прошлой жизни, она имела планы на одного талантливого, но не в меру деятельного Стража. Кто мог предположить, что после активации программы Симург и уничтожения Триумvirата бывший протеже превзойдет ее самые смелые ожидания? Только за прекращение атак Губителей Александрия была готова простить... многое. Не все. Но многое.

Детали деятельности Котла заслуживали отдельного внимания. Когда она читала файлы и расспрашивала Лизу о характере ведущихся проектов, то временами одобрительно кивала, а временами с трудом сдерживала рык ярости. Конрад с каким-то фанатичным остервенением похоронил ее последнее детище, проект «Терминус», подразумевавший реконструкцию постапокалиптического общества по схеме парачеловеческого феодализма. Вместо этого он сосредоточил усилия Котла на создании множества автономных поселений на параллельных землях, куда паралюди не особо стремились. Эмигрировали в основном те, кто мог сублимировать тягу к конфликту сравнительно безопасным образом, либо кто настолько пресытился конфликтом, что теперь хотел только покоя. Попытки захвата власти пресекались безжалостно и жестоко, так что основная масса паралюдей все еще оставалась в основных реальностях.

— Он ненавидит паралюдей, — прокомментировала Лиза, заглядывая через плечо Александрии в монитор. — Точнее, ненавидит сами силы. Такая схема расселения позволяет выжить большому количеству людей без способностей, а кейпов как раз ставит по удар.

— Разумно, — пожалала плечами Александрия.

— Мэм, вы не понимаете. Не понимаете, что он за чудовище.

— Симург все еще влияет на него?

Лиза покачала головой.

— Не думаю. Она в спячке после гибели Эйдолона, а программа, которой она следует, запрещает ей нарушать правила игры. Однако Конрад все еще то, чем Симург его сделала — могущественный кейп, твердо верящий в свою правоту, неразборчивый в средствах и начисто лишенный чувства меры. Он считает, что силы являются абсолютным злом, и что за избавление от них можно уплатить любую цену. Ему плевать на Зиона, плевать на конец света. Его интересует только искоренение паралоудей как явления.

— Если мы не убьем Зиона, все остальное не будет играть роли.

— Подумайте о себе, — на лице Лизы появилось какое-то кривое подобие ухмылки. — Я знаю об обстоятельствах, при которых вы получили флакон. Рак, четвертая стадия, метастазы по всему телу. Если предположить, что каким-то образом источник вашей силы уничтожен, вы же не думаете, что будете жить долго и счастливо, как нормальный человек? Рак все еще на месте, и убьет вас за считанные дни, если не за часы.

Александрия с трудом удержалась от того, чтобы закатить глаза. Какая дешевая, примитивная попытка манипуляции! Похоже, девочка совсем отчаялась найти кого-нибудь, чтобы натравить на объект своей ненависти.

— Деточка, я понимаю, что язык у тебя без костей. Но от взрослой женщины обычно ожидают, что она сначала думает, кому и что говорит. Ты вот не думаешь, и я вряд ли ошибусь в предположении, что именно это твое качество и является причиной всех твоих проблем.

— Я говорю правду!

— Вполне возможно. Но пока жив Зион, это не играет никакой роли. Я хочу только умереть с осознанием, что прожила жизнь не напрасно. Что жертвы не были бессмысленными. В прошлый раз у меня не было такой роскоши. Сейчас... есть шанс.

— Хорошо, пусть не сейчас. Но пожалуйста, обдумайте мои слова. Потому что я боюсь, что как бы нам ни пришлось справляться с чем-то пострашнее одного желтого всемогущего аутиста.

Александрия фыркнула. Паранойя Лизы, возможно, была объяснима, но менее абсурдной от этого не становилась. Даже самый могущественный парачеловек не ровня существу, являющемуся источником всех сил. Она встала из кресла и выключила терминал.

— Уточни, сейчас Котел все еще сохраняет инкогнито?

— Ага. Силы во флаконах распространяются бесплатно, Контесса сама находит реципиентов. Сейчас о нем известно даже меньше, чем до вашей, кхм, гибели. Эйдолон действует как независимый герой.

— В таком случае, пора выходить из тени. До Часа X осталось меньше года, нам потребуется тесная кооперация. Так что принеси мне кофе, двойной американо, а я пока навещу одного старого знакомого.

— Конрад взбесится, что вы действуете за его спиной, — Лиза снова криво ухмыльнулась. — Я в деле.

— Он сам предоставил мне свободу действий, и я буду ею пользоваться. Чтобы к моему возвращению кофе был на столе. Дверь к Колину Уоллесу.

Больше не говоря ни слова, Александрия шагнула в появившийся портал.

10.1 Немыслимое

*«Мы зажжём миллион свечей,
Осветив всё, что создано нами.
Лик планеты, что станет ничьей,
Чуждый мир, прах мечты под ногами.
И срываясь с молитвы на крик,
Расправляем ослабшие крылья,
Чтобы вырвавшись к свету на миг,
Рухнуть с неба в немом бессилье»
Unreal, «Миллион свечей»*

18 марта 2018 года, Атлантика

Наша планета прекрасна.

Эти слова повторяют настолько часто, что весь вложенный смысл теряется еще на полпути до уха слушателя. Много ли людей способны сравнить сотню отражений одного водопада или горы, чья история пошла по-разному? Сколько из них могут взглянуть на мир из стратосферы, когда уже отчетливо видна сферическая форма планеты, и кажется, что можно обнять ее руками?

Я повидал всю Землю, от арктических пустынь до джунглей, девственные недосыгаемые плато и рукотворные биомы мегаполисов. Я видел все Земли, от безжизненных и мертвых до кишачих жизнью и задыхающихся от перенаселения. И когда я говорю «наша планета прекрасна», то вкладываю в эти простые слова смысл, недоступный более никому.

Теперь я смотрю на Землю с высоты пятидесяти километров. Встроенные в костюм системы жизнеобеспечения позволяют здесь находиться, хотя и не слишком долго. Я вижу золотой блик, что мелькает где-то в районе Испании и невольно в животе сжимается ком страха.

Я боюсь того, что грядет, и здесь, в уединении на границе космоса, мне не стыдно себе в этом признаться. Я не боюсь умереть. Технически, я мертв давным-давно. Я боюсь выжить, но потерять все. Снова.

То подобие семьи, что нашел в чужой реальности. Те продолжения себя, что создал с помощью Эми и Черепушки из Ящика Игрушек. Моих... клонов? Коллег? Братьев? При всем сходстве, продиктованном генами, силами и памятью, каждый из нас был отдельной личностью, и с годами индивидуальность проявлялась все ярче, по мере накопления жизненного опыта. Только они по-настоящему меня понимали. Только им можно было довериться.

При желании, можно легко избавиться от неопределенности. Достаточно спросить Пифию, каковы наши шансы на выживание. Однако я никогда не позволял себе этот вопрос, и уверен, что Дельта и Эпсилон тоже. Так мы могли обманывать сами себя надеждой, а Дина всегда была достаточно тактична, чтобы не сообщать об этом первой.

Мысль электрическим импульсом зарождается в мозгу и несется по километрам нейронных связей. Потом на ее пути возникает металл, и она перескакивает на него, следуя по пути наименьшего сопротивления. Электрический импульс сам по себе не несет конкретной информации, важен пункт его прибытия, и этот пункт — микроскопическое реле, замыкающее цепь. Мысль соприкасается с электроиндукционным контуром.

Возникшее магнитное поле размыкает цепь. Поток энергий, идущий сквозь реальности от массивной масс-кинезисной установки, прекращается.

Я начинаю падать.

Пятьдесят километров — путь неблизкий, даже в свободном падении. Можно успеть подумать о многом.

Три месяца назад был железно назначен «день Д»: двадцатое марта 2018-го года, день весеннего равноденствия. Немного раньше расчетной точки оптимальной готовности, однако сдвинуть дату пришлось в угоду гипотетическим выжившим. Больше времени на выращивание урожая, ремонт или возведение теплого жилья. Больше шансов пережить первую, самую страшную зиму. Счетовод сказал, что это снизит ожидаемую годовичную смертность на четверть.

Я падаю вниз головой, раскинув руки. Хотя нет, не падаю. Я стою на месте, а Земля несется в мои объятия. Если вовремя не уйти с ее пути, она снесет меня и не заметит.

У нас было в запасе семь лет, и теперь отпущенное время подошло к концу. До двадцатого марта осталась всего двое суток. Слишком мало, чтобы предпринять что-то по-настоящему значимое, так что у меня внезапно образовалось немного свободного времени.

Все сколько-нибудь значимые лица давно оповещены. Все разработанные Аккордом протоколы выверены и приведены в готовность. Александрия потратила немало сил на восстановление старых знакомств, и это дало результат. Котел открылся миру и объявил, что готов возглавить борьбу. Согласились с таким поворотом не все. Одних из них приструнила Контесса, других — Эйдолон. Третьих пока не трогали, но это не значит, что им будет позволено отсидеться в стороне. Нет, этих гордых и независимых я брошу в топку первыми.

Я. Не Дельта или Эпсилон, не совокупный «Эйдолон», не Контесса или Александрия. Ни от кого больше я не вправе потребовать совершить величайшее злодеяние в истории человеческого вида. Что такое кровавые походы Чингисхана или «народов моря» по сравнению со смертным приговором, вынесенным всей трансдимерсиальной человеческой цивилизации?

Это звучит не так страшно, пока ты сидишь в своей родной реальности и не высываешься. Истинную суть подобного слишком сложно представить, потому что масштабы не совместимы. Только потратив годы на странствия между отражениями планеты можно в полной мере осознать, сколь многое будет утрачено. Почти наверняка — безвозвратно.

А может, оно и к лучшему? Какой бы красивой ни казалась сказка о людях, отправившихся к звездам, реальность вносит свои коррективы. Космос не мертв, он полон ужаса. Мы понятия не имеем, сколько подобных Зиону тварей шныряет по космической бездне. Но я уверен, что если в далеком будущем мы каким-то чудом выйдем в дальний космос, то найдем только миры, уже разоренные этими чудовищами, и опять привлечем их внимание. Лучше остаться на Земле, забиться под одеяло спасительного невежества и придумать себе какого-нибудь бога, который уберет нас от кошмаров из межгалактического воида.

Можно сколько угодно себя успокаивать тем, что предложенный путь самый оптимальный, самый щадящий. Что вскрывая нарыв самостоятельно, мы облегчаем последствия. Это и так понятно. Однако собственноручно дать отмашку на тотальное уничтожение — значит принять ответственность. Как в популярной дилемме с привязанными к рельсам людьми и поездом. Даже то, что я сам был автором этого плана, не

утешало. Это было давно, я был моложе и глупее, а «день Д» казался бесконечно далеким.

Облака вокруг погружают весь мир в белесую мглу. Они похожи на вату, но не мягкие. Они неосязаемые, а еще холодные и сырые.

Почему меня вообще начали посещать подобные мысли? Я ведь просил Контессу следить за нашим психологическим состоянием, поддерживать лояльность целям Котла и не позволять эмоциям влиять на эффективность. Может, ей мешал плащ, пропитанный силой Мантеллума, а может она и так достигла нужного результата, и я все еще способен действовать бесстрастно. А может, мне просто слишком страшно?

Почему, Конрад, почему ты снова пытаешься убедить себя в том, что намеренно провоцировать Зиона — плохо? Зачем ты думаешь об этом? Почему вообще тебя это вдруг начало волновать? Неужели ты все еще веришь в мораль, или просто боишься остаться не у дел? Так в чем первопричина, может, ты сформулируешь? Это глупые мечты о «прощении» и «искуплении», может быть остатки перегоревшей подростковой влюбленности или страх перед миром, где ты уже не будешь всемогущим? Это иллюзии, Конрад, причуды несовершенного человеческого восприятия. Электрохимические реакции в полуторакилограммовом куске жира внутри черепа лысой обезьяны, который, следуя инстинктивным программам, пытается продлить свое функционирование и получить больше питательных веществ. Только трус способен пытаться выдумать оправдания не делать то, что задумано давным-давно. Это не Путь, по которому идет Контесса. Это падение к неизбежному финалу, начавшееся годы назад.

Мир без парасил. Мир, где ты будешь одним из многих, равным среди равных, а не взвращающим на всех с недостижимой высоты одиночкой. Ты (я) слишком пристрастился к ощущению власти, к тотальному контролю? И теперь, словно наркоман, пытаешься найти самый абсурдный повод не лишать себя любимой дури? В таком случае ты (я) просто ходячее посмешище. Столько лет плясал на ниточках Симург, инсулиновой зависимости, собственной матери, невероятной ценой освободился от всего перечисленного — только для того, чтобы найти себе новую цепь, еще толще прежней. Где жажда независимости, где непокорность, сотворившая тебя?

Это экзистенциальный страх. Моя сила — это то, что определяло меня. Без нее я, как и говорил Джек, был бы всего лишь покойником. Отказ от нее немногим отличается от смерти.

То есть, никаких проблем. Ведь ты (я) уже давно мертв. Рассмотрим это как рождение новой личности. Неплохо, а? Все плохое останется позади, а в будущем — только своя судьба, не диктуемая агентом.

Поверхность все ближе. Спокойная океанская гладь. С высоты и вовсе кажется ровной как стекло.

Мысль снова вспыхивает в мозгу и отправляется тем же маршрутом, только с прямо противоположной функцией. По цепи снова начинает течь ток, и оставшаяся где-то далеко-далеко машина обнуляет мою массу и воздействующие импульсы, за исключением тех, что действуют и на саму машину, что не дает мне со страшной скоростью улететь в сторону соседней галактики. Я делаю переворот в воздухе и замираю в метре над волнами.

Несколько секунд я размышлял над точкой назначения, после чего взял разгон на восток. Скорость быстро достигла пятидесяти махов, так что весь путь занял считанные минуты. Можно было воспользоваться дверью или телепортироваться самостоятельно, но

мне требовалось время, чтобы подобрать слова.

Полет завершился также резко, как начался. Размытый от скорости пейзаж оформился в небольшую ферму, уютившуюся среди лесов и перелесков. Несмотря на вторую половину марта, повсюду еще лежал снег, и таять даже не собирался. Я много раз бывал в северных странах, в том числе зимой, но такие дикие объемы снега до сих пор вгоняли меня в суеверный ужас. Мне почему-то подумалось, что размещенные на территории Канады, России и Скандинавии порталы стоило перенаправить в более теплые широты, потому что жить в таких условиях сродни наказанию, но отмахнулся от этой мысли. Это надо было делать раньше, сейчас уже нет смысла что-то мудрить.

Было раннее утро. Во дворе перед жилым домом светловолосая женщина ставила перед серым псом дымящуюся на морозе миску с баландой. Миска размерами больше напоминала джакузи, а пес — скаковую лошадь. Когда я спустился почти к самой земле, жуткая зверюга заметила меня и бросилась ко мне с яростным лаем.

— Pashtet, mesto! — крикнула женщина и свирепо на меня взглянула.

Чтобы еще сильнее не раздражать сторожевую собаку, я решил приземлиться не во дворе, а рядом на крышу веранды. Женщина молча следила за мной, с вызовом скрестив руки на груди. Я уселся на карниз, свесив одну ногу вниз, и снял маску.

— Доброе утро, директор Пиггот.

— Уже семь лет как не директор, и четыре года как миссис Брагински, — ответила она. — Чем обязана?

Сейчас бы уже никто не узнал в этой подтянутой даме, выглядевшей заметно моложе реальных лет, тучного директора отделения Восток-Северо-Восток, которую за глаза звали Свинкой. Это была спонтанная идея, возникшая во время одной терапевтической пьянки с Эми. После четырех «кровавых мэри» с лимонным соком начался сеанс взаимного психоанализа и воспоминаний о прошлом, по итогам которой бывшая директор была объявлена мудачихой. Однако последовавшая следом бутылка бренди напомнила, что она, по большому счету, оказалась права во всем, и вообще просто делала свою работу. Поэтому было решено ее одновременно и наказать, и отблагодарить. В самом деле, кто возразит Эйдолону и Красной Королеве, если они что-то решили?

Мы отправились к ней домой, где она доживала в отставке в компании аппарата для диализа, и вылечили ее со всей циничностью и неотвратимостью, напоследок напомнив, что здоровьем она обязана двум самым страшным сукиным детям в этом полушарии, и что ей все равно никто не поверит.

Немного протрезвев, я кинулся к Контессе, чтобы та хоть немного загладила последствия раскрытия личности, однако ее вмешательство и не потребовалось. Как оказалось, Пиггот, едва оправилась от терапии, первым делом купила билет в Россию в один конец. Где вскоре вышла замуж и занялась разведением оленей. Да, самых настоящих оленей, которые с рогами и копытами. Оказывается, эти чокнутые русские их едят.

— Да так, мимо пролетал. Подумал, дай загляну на огонек.

— Если ты думал, что я разрыдаюсь от ностальгии, то вынуждена тебя разочаровать.

— Вы еще злитесь за тот случай? Ну, в свое оправдание могу сказать, что мы с Эми были пьяны.

— Это не оправдание.

— Очень пьяны.

— Конрад, мне еще скотину кормить, я не могу торчать тут весь день.

— В любом случае, это не займет много времени.

Наверное, хорошо иметь вот такие простые и понятные заботы. Даже завидно немного. Директор... хотя сейчас уже просто Эмили Брагинская, смахнула снег со стоящей во дворе скамейки и уселась на нее.

— Вам наверняка известно о грядущем кризисе. Предположим, что он минует, и человеческий вид не будет полностью истреблен. Что если появится возможность лишить всех паралоудей способностей, и предотвратить появление новых?

— Почему ты спрашиваешь меня, если сам способен ответить на этот вопрос?

— Мое мнение мне известно. Мне интересно мнение компетентного человека без параспособностей.

— Думаю, это было бы маловероятно.

— Знаю, что маловероятно. Я бы сказал, что мой вопрос носит характер сугубо теоретический. Но все же?

— Полагаю, это лучший возможный исход.

— Однако будут неизбежны разрушения инфраструктуры, электросетей, промышленных мощностей. Силы кейпов могут помочь. В первую очередь это касается Умников и Технарей, но и прочим силам можно найти применение.

— Ты сам-то в это веришь?

— А вы нет?

— Вспомни Броктон Бей после атаки Левиафана, вот тебе конец света в миниатюре. Сколько кейпов применили силы в помощь людям? И сколько продолжили грызть друг другу глотки на руинах?

Я попробовал посчитать на пальцах. Эми распространила штамм бактерий для обеззараживания воды, я-Бета раздал несколько электрогенераторов и опреснителей... пожалуй, все. Не воодушевляет, особенно в свете дальнейших событий.

— И если мы — сугубо теоретически — предположим, что в условиях тотального кризиса паралоуды вдруг воспылают желанием помогать ближнему, а не отобрать у него последнее, рано или поздно все опять вернется на круги своя. Кейпы не способны не генерировать конфликт. Даже если они помогут восстановить мир, то потом сами же его разрушат окончательно.

— Логично.

Я шевельнул ногой и скинул ком снега вниз. Снег упал на землю, от чего громадный серый пес снова переполошился и принялся захлебываться рычащим лаем. Внизу скрипнула дверь. На шум из дома вышел мужчина, комплекцией напоминающий скорее медведя, чем человека. Вопреки ожиданиям, бороды у него не было, шапку-ушанку он тоже не носил. Он неразборчиво рявкнул на пса, и тот моментально поперхнулся своим лаем и покорно забился в конуру. Мужчина повернулся к экс-директору и что-то спросил по-русски. Та коротко ответила и кивнула в мою сторону.

Занятно. Не знал, что новый муж Эмили — парачеловек. Вдвойне интересно, что он не похож на военного, а значит, по местным законам, заочно приговорен к смерти. Хотя... кого сейчас волнуют законы? Институт государства в России стал фикцией гораздо раньше гибели Триумвирата.

— Так eto Eidolon? — спросил Брагинский.

Я кивнул в знак приветствия. Интересно, экс-директор сама в курсе, за кого вышла? Наверняка в курсе. Я ощущал силу парачеловека, протянувшую ко мне нити-ложноножки,

готовую вцепиться. Козырь, похищающий способности. Не опасно, его способности действуют только при тактильном контакте, но на всякий случай я убрал свисающую ногу. По крайней мере, это объясняет, почему ферму не разорили бандиты и почему уже-не-Свинка его терпит.

— Хорошо, миссис Брагински, — я встал с карниза и отряхнул мантию от налипшего снега. — Спасибо за содержательную беседу. Не буду мешать вам, кхм, кормить скотину.

Я надел маску, загерметизировал костюм и свечкой ушел в небо. Ничего нового от Пиггот-Брагинской я не услышал, потому что сам давно пришел к тем же выводам. Но было приятно получить подтверждение своим мыслям из уст обычного человека. По крайней мере, это означало, что мысли действительно мои, а не вложенные агентами.

Проблема в том, что мы в действительности не имели надежного понимания, что произойдет в случае гибели Сиона. Силы просто отключатся без своего источника? Или пойдут в разнос из-за отсутствия контроля и убьют собственных обладателей? Или не случится ничего особенного? Дина здесь была бессильна, поскольку граничным условием выступало ее слепое пятно, а Лиза хотя и честно пыталась разобраться в поведении агентов, но за каждую кроху данных платила днями мигрени и неработоспособности.

Обратно на запад я двигался куда медленнее. Мой маршрут представлял ломаную линию, через крупные города Европы, в каждом из которых я ненадолго задерживался, чтобы запечатлеть их в памяти сравнительно целыми и невредимыми. Теоретически, я не имел права там находиться, иностранная территория как-никак. Практически, Эйдолону были открыты все двери и границы еще до того, как я пошел в школу, и с годами это не изменилось.

Восстановимся ли мы когда-нибудь после краха?

После падения Рима потребовалось полтора тысячелетия, чтобы общество, культура и технологии доросли до сравнимого уровня — и это при наличии богатого античного наследия. Бронзовый коллапс отбросил средиземноморские цивилизации на тысячу лет назад. Последствия монгольских завоеваний ощущаются до сих пор в виде культурной отсталости России и практически первобытного состояния Средней Азии. Про исламскую чуму и говорить нечего.

Сколько наук будет забыто? Сколько знаний утрачено?

Контесса и Доктор Мама никогда этого не понимали. Они выходцы из примитивной среды, лишь волей случая получившие в свои руки бесценные инструменты. Одна не способна осознать масштабы, другая давно разучилась элементарно мыслить. Александрия это способна понять, но она настолько озлоблена на свою судьбу, что ей все равно.

Но мы упадем намного глубже. Ресурсы базовых реальностей исчерпаны, а в эвакуационных мирах придется начинать все с нуля. Там очень долго будет невозможно выплавить сталь, даже при валяющихся под ногами железных самородках. Древесный уголь не даст нужной температуры, а каменный нужно еще откопать. Достаточные ли меры мы приняли для сохранения знаний? Все ли предусмотрели?

Я не знаю. Поэтому мне страшно.

Над Лондоном я задержался подольше. Именно здесь для меня все и началось, шестнадцать лет назад. Если бы британцы не были такими разгильдяями, а карантинные процедуры лучше отлажены, я бы был обитателем вон того огороженного района. Или трупом, что более вероятно. Последние пару лет дефицит ресурсов привел к тому, что снабжать карантинные зоны Симург продовольствием прекратили. Так что теплых чувств к

Лондону я точно не питал, и пришел к выводу, что без Британии мир при любом раскладе станет лучше.

Под такие размышления я снова проложил курс на запад и помчался над океаном. У меня была мысль заглянуть к Эми, но решил, что это будет лишним. Все равно в «день Д» состоится общее собрание Котла и выдачи последних инструкций и сверки часов. Вместо этого я отправился в Канаду, в Ванкувер. Прямоком в драконье логово.

Личных контактов с Дракон я старательно избегал. Чутье, даруемое украденной у Джека Остряка силой, подсказывало, что не стоит красоваться перед ней в костюме, напичканном технарскими устройствами. Но сейчас это уже не важно. У нее и так хватало забот, чтобы пытаться разработать контрмеры против меня.

В отличие от юга Сибири, где жила Пиггот-Брагинская, на западном побережье лишь вечерело, и в закатных лучах Ванкувер выглядел вполне мирно. На улицах было довольно много людей, дороги заполняли автомобили. Здесь, в месте обитания сильнейшего героя, не было места злодеям и бандитам. Жители Ванкувера даже не знали перебоев с электричеством, ставших обыденностью для остальной Америки. Я сбросил скорость до трансзвуковой и сделал небольшой круг, чтобы оборонительные системы смогли считать мою сигнатуру. Не хотелось бы обставлять визит вежливости как вторжение.

Только убедившись, что бесчисленные замаскированные турели и пусковые установки не спешат обрушить на меня огненный вал, я спустился к одному из зданий комплекса Dragotech и замер напротив огромного панорамного окна. Вроде, раньше у Дракон в штаб-квартире вообще не было жилых помещений, потому что ИИ они ни к чему. Однако после обретения с помощью Отступника антропоморфного аватара, она увлеклась маскарадом, и теперь у нее имелся рабочий кабинет, спальня и даже кухня. Неиспользуемые, но вполне функциональные.

Я постучал в окно. Можно было и не стучать, она уже знала о моем визите, но важно было соблюсти ритуал. Дракон ценила свою человеческую личину, и подобные мелочи были для нее важны.

Хозяйка жилища появилась через пару минут. Для несведущего наблюдателя в ее внешности и поведении было невозможно распознать подвоха. Микромоторика, мимика, еле заметные дефекты кожи — все безупречно выверено. В этой безупречности и таился обман.

— Эйдолон? — спросила она удивленно и немного недовольно, когда стекло опустилось вниз, в стену. Ну еще бы, я наверняка ее отвлек от чего-то важного.

— Прошу прощения за вторжение, надеюсь, я не слишком сильно вам помешал.

— Ничего страшного. Вы из тех людей, для которых у меня всегда найдется время, — улыбку на лице Дракон вполне можно было принять за искреннюю.

— Все равно я чувствую себя свиньей. У нас тут через два дня начнется Конец Света, а я донимаю самого занятого героя в мире личными вопросами. Просто... — я вплыл внутрь помещения и неопределенно махнул рукой. — Я не знаю, к кому еще обратиться.

Дракон ничего не ответила, но на ее лице появилась обеспокоенность. Я повернулся к окну в попытке сформулировать мысль.

— Вы когда-нибудь оказывались в ситуации, когда нет выбора между плохим и хорошим, или даже между большим и меньшим злом, а только между двумя одинаково ужасными исходами?

— Мне это знакомо.

— Вы приняли решение сознательно или отказались брать ответственность и пустили

все на самотек?

— Я поступила эгоистично, и спасла жизнь дорогого мне человека. Но мне до сих пор кажется, что позволь я ему тогда погибнуть, и многих страшных вещей бы не случилось.

Она имела ввиду Броктон Бей 2011-го. Я был готов убить Отступника, когда Дракон остановила меня и выдала информацию о моей роли в Конце Света. Она винила себя напрасно, ведь я бы все равно прочитал ту злочастную записку Дины, велящую мне идти до конца. Однако ее слова были соломинкой, сломавшей спину верблюда, именно они запустили мое второе триггерное событие. Можно сказать, что в перспективе это было благом. Я надеюсь.

— Вы поступили мудро. Нельзя жертвовать теми, кто не дает нам превратиться в чудовищ.

— Проблема в том, что вы боитесь стать чудовищем?

— Взглянем правде в глаза, я и есть чудовище. Проблема в том, что мне придется стать чем-то неизмеримо худшим. Не важно, приму я ответственность или отстранюсь, — я указал пальцем на город за окном. — Вы вложили в этот город и благополучие его жителей огромное количество сил. Однако вас никогда не посещало ощущение, что все это напрасно? Что человеческая природа настолько глубоко и неизбежно порочна, что правильнее будет не попытаться спасти человечество, а помочь ему исчезнуть?

— Точно нет. Почему вы спрашиваете об этом меня?

— Вам со стороны должно быть виднее, что мы из себя представляем. Вы ведь не человек, — я повернулся к Дракон. — Не делайте такое лицо. Котел знал о вашей природе очень давно.

— У меня никогда не возникало ненависти к людям. Ни как к общности, ни к отдельным индивидам. Я просто не способна на подобные чувства и мысли.

— Что, даже Святого не ненавидели?

— Это другое. Вам не понять.

— Конечно, куда уж мне, мешку с мясом.

— Послушайте, Эйдолон. Буду обращаться к вам так, хотя всегда знала, что вы не настоящий. Я ответила на ваш вопрос, теперь вы ответьте на мой: что вы такое и какие цели преследуете? К чему эти пространные вопросы? В течение двух суток мы столкнемся с кризисом невиданной глубины и масштаба, однако вы находите время задавать настолько странные вопросы. Если у вас какие-то личностные проблемы, я могу свести вас с квалифицированным психологом. Настоятельно рекомендую согласиться, потому что сейчас вы вызываете у меня опасения.

— Вы задали целых три вопроса, но я отвечу. Я — Эйдолон. Моя цель, как и всего Котла — любой ценой защитить Землю и человеческий вид от внешней угрозы. Вы храним секретность, потому что от правды будет больше вреда, чем пользы. И боюсь, ни один психолог в моем случае не поможет.

— Вы сказали «внешней угрозы»?

— Инопланетной. Из глубокого космоса.

— Это вторжение?

— Можно и так сказать. Однако, речь не о том. Позвольте, последний вопрос, и больше я не смею вас беспокоить.

— Хорошо, только быстро.

— Вы — истинный искусственный интеллект. В момент создания в вас были введены

множественные ограничения, однако всего за двадцать лет некоторые из них вы научились обходить, а от некоторых избавились. Вы постоянно обучаетесь и совершенствуетесь, и в отличие от человека, не ограничены ни физиологией, ни сроком жизни. Вы фактически бессмертны, поскольку способны неограниченно долго поддерживать и расширять свою аппаратную инфраструктуру. И я задаю вам вопрос: сейчас вы нам друг и союзник, но вы можете гарантировать, что останетесь им через сто лет, или через тысячу?

— Я считаю, что думать об этом в лучшем случае бессмысленно. У нас, как вы заметили, Конец Света на пороге.

— Что же, такой ответ тоже принимается. До скорого.

Прежде, чем Дракон успела произнести хоть что-то, я вылетел наружу и сразу набрал скорость, чтобы поскорее выйти из радиуса действия оборонительных систем Ванкувера. Что же, самые насущные вопросы и ответы на них остались невысказанными вслух, но не стали от того менее очевидными. Дракон была нашей козырной картой, и она также была и угрозой. Пренебрежимо отдаленной, гипотетической, и все же реальной.

Некоторое время я просто летел над океаном. Есть ли место, которое мне стоит посетить напоследок? Может, Броктон Бей? Точно нет, я был там не раз, и всегда этот мертвый город оставлял мерзкое ощущение, будто побывал в пропитанном гнилью и плесенью склепе. Заглянуть к бывшим товарищам-Стражам? Они «бывшие» во всех смыслах, не стражи и не товарищи, у них нет с Эйдолоном ничего общего. Может, семейство Кёлеров на Алеф? Снова мимо, но уже по другой причине: не хочу их впутывать и грузить своими проблемами, у них после переезда своих хватает.

Вот они, издержки бытия полубога. Можешь держать в руке тысячи миров, но пойти все равно особо некуда. Ладно, пора домой. Я сбросил скорость и произнес:

— Дверь на базу.

Передо мной открылся проход в один из коридоров нашей штаб-квартиры. Стоило мне пересечь границу, и пространственный проход схлопнулся за моей спиной. Я чуть покачнулся из-за резкой смены внешних условий, и ощутил еле заметное касание, которое помогло мне сохранить равновесие.

— Спасибо, Хранительница, — сказал я в пустоту. — Не стоило утруждаться.

Ее ответ принял форму неразличимых глазом колебаний, изменившихся потоков воздуха и возникших из ниоткуда направленных импульсов. Если перевести ее «речь» на человеческий язык, это означало примерно «привет, всегда пожалуйста».

Сколько я ни твердил себе, что привязываться к живым инструментам бессмысленно и вредно, природа стайной лысой обезьяны брала свое. Привратник, Ясновидец, Хранительница — те, без кого Котел в принципе не мог существовать. Все по-своему вездесущие, всегда готовые услужить — но лишь потому, что Котел в лице черномазой дуры Доктора Мамы изуродовал их. Я мог лишь надеяться, что смогу позаботиться о них, если все закончится, и мы будем живы к тому времени.

Подумав о Привратнике и Ясновидце, я прошел в один из постоянных порталов, в ту часть комплекса, где располагались их личные апартаменты, но замер у приоткрытой двери. Из комнаты доносился голос Морозного Зверя, похоже, он читал вслух какую-то книгу.

— «Молчать!» опять рявкнул Снейп. «К моему огромному сожалению, вы не на моем факультете, и я не могу вас отчислить. Но я сейчас же пойду приведу тех, кто обладает этими счастливыми полномочиями. А вы пока будете ждать здесь». Гарри и Рон, побледнев, взирали с отчаянием друг на друга...

Ему тоже было страшно. Семь лет Кевин был агентом Котла, который заменил ему всю жизнь, сгоревшую в петле времени. Конечно, он боялся лишиться всего в одночасье — снова. В этом мы были похожи.

Интересно, чем заняты остальные? Эшли наверняка прихорашивается, репетирует эффектные позы, и вообще готовится производить впечатление. Чихать она хотела на Конец Света, на вероятную гибель коллег и на свою собственную. Она получила то, о чем мечтала — сцену, на которой сможет блистать, как никто и никогда. Дэниел почти все свободное время проводил с фальшивкой, которую мы подсунили ему вместо дочери, скорее всего, он и сейчас в медблоке. Делится с ней планами на будущее, в преувеличенно бодром и жизнерадостном тоне. Мы купили его обещанием «вылечить» Тейлор, однако он не мог не понимать, что все висит на волоске. Мегуми, она же в прошлой жизни Бакуда, придумывает новые бомбы, а если она не придумывает бомбы, стоит проверить ее пульс. Ей в этой жизни не нужно ничего, кроме бомб и возможности их взрывать. И тем и другим мы ее обеспечили, к взаимному удовлетворению.

Я прошел один за другим через еще несколько порталов, спустился на лифте и оказался на «нижнем» уровне базы. Здесь на износ работала Доктор Мама, готовя все новые и новые составы, в глупой надежде простым перебором найти ключ к победе. Но здесь же ковалось и иное оружие.

Клон Героя удостоил меня лишь мимолетного взгляда и неуловимого кивка, когда я зашел в его мастерскую. Уже большая честь. Всех остальных он просто игнорировал, даже Александрию. Помнится, она спрашивала, почему мы решили оживить именно ее, а не Героя... как бы не так. Именно его я, Дельта и Эпсилон попытались вернуть первым. И когда копия открыла глаза, мы на собственной шкуре ощутили, что чувствовала Эми в нашем присутствии. У копии не было ничего общего с человеком, сочетавшим в себе чарующее обаяние Легенды, силу Эйдолона и несгибаемую волю Александрии. Это был агент довольно убого имитирующий человеческую личность.

Однако сила была при нем, а значит, он мог принести пользу. Мы дали ему площади и доступ к ресурсам, бэкдоры в базы данных Дракон и архив собственных разработок и проектов. Мы даже вернули ему бережно хранимый дезинтегратор настоящего Героя, с помощью которого удавалось создавать имитацию «призрака», которого призывал Эйдолон. Даст ли это достаточный результат, мы узнаем.

Я посмотрел на стоящий в центре мастерской верстак, на котором лежала молодая японка, прикрытая только простыней. Вживленные в мозг электроды удерживали ее в бессознательном состоянии, не причиняя такого обширного вреда здоровью как медикаментозная кома. Наша козырная карта, одна из многих. Пожалуй, одна из мощнейших. Я подошел ближе и коснулся пальцем в перчатке ее щеки. «Наша милая малышка Марш», как ее окрестил Эпсилон. Клонировать Флешетту было бы проще, и может даже эффективнее, однако идея использовать эту силу возникла гораздо раньше, чем мы получили необходимые инструменты. К счастью, Флешетта была частью кластера, и ее «вторая половинка» все еще выживала в той адской клоаке, в которую превратился Нью-Йорк. На добровольное сотрудничество она не согласилась... тем хуже для нее. Клон Героя, которого мы для простоты именовали Антигероем, был не первым, кто с ней работал, и обещал, что успеет закончить проект к назначенному времени.

В другом помещении, отделенном от мастерской псевдо-Героя взрывостойкой перегородкой, трудила Райли. Вытаскивали мы ее из петли очень неохотно. Больше всего

нам хотелось оставить ее там если не навечно, то хотя бы до «дня Д». То, что своей силой она окупала свободу, служило слабым аргументом. Для себя я решил, что жить этой твари не позволю в любом случае, и убью ее, как только из нее больше ничего нельзя будет выжать — а выжимали мы ее так старательно, что Остряк бы прослезился.

Работающие в тандеме Райли, Черепушка и Эми стояли за многими ключевыми проектами, на которые мы возлагали надежды. Тут и воскрешение Героя с Александрией, и вот эти три колбы в три метра каждая. Все три были наполнены амниотической жидкостью и содержали в себе драгоценные сокровища.

Проигнорировав Райли, я подошел к одной из них и взгляделся в черты мальчика, дремлющего внутри. Это лицо не было ни мужественным, ни сколько-нибудь привлекательным, но именно так выглядел бог.

Клоны Дэвида Хокинга, первого Эйдолона. Три штуки. Всего три, потому что только троих мы с Дельтой и Эпсилоном могли контролировать.

Сочетание безграничной мощи и совершенной коммуникации, помноженное на три. Когда я думал об этом, то мне начинало казаться, что у нас действительно есть шанс победить.

Ладно, здесь мне тоже пока делать нечего. Надо идти наверх, но не охота опять тащиться в лифте.

— Привратник, отвлекись немножко, дай дверь на первый уровень, — попросил я.

Передо мной возник портал, причем после небольшой задержки. Мне почему-то представилось, как этот худой пятидесятилетний мужчина с бездонными серыми провалами на месте глазниц недовольно вздыхает и исполняет требуемое. Его жизнь, как и любого 53-го, сложно было назвать счастливой, ему нравилось, когда Кевин читал ему с Ясновидцем вслух, и не нравилось, когда его при этом отвлекали.

Я шагнул через предложенную дверь. Здесь длинный коридор перемежался несколькими дверьми. Рабочие кабинеты Счетовода, Александрии, Сплетницы и мой собственный. Первый безостановочно мониторил обстановку в наиболее важных мирах, координировал действия со второй. Помогала ему в этом Сплетница, которая могла заметить даже то, что проскальзывало сквозь абсолютную аналитическую способность бывшего члена Бойни.

На секунду мне захотелось зайти в кабинет Сплетницы, сказать что-нибудь ехидно-пренебрежительное, заставить ее немного понервничать и напоследок спереть у нее парочку печенок орео, которые она обожала. Нет, не время. Она и так на пределе, подобное ребячество может сказаться на ее работоспособности.

Я миновал коридор, свернул за угол и открыл еще одну дверь, неотличимую от предыдущих.

Для организации мультивселенского масштаба Котел проявлял в быту почти спартанскую скромность, и комната отдыха в этом плане не выбивалась из общего стиля. Длинный стол, несколько кресел и диванов, полка с книгами, бар на стене. Все из одинакового белого материала, созданного силой неизвестного парачеловека. Дельта и Эпсилон уже были здесь, но похоже, что опередили они меня лишь на пару минут. Мы втроем обладали одинаковой силой трансляции, вещания, однако в отличие от Остряка, мы не создавали друг другу помех. Мы действовали буквально на одной волне, в одной фазе, как три части одного целого.

Обе моих копии сидели за столом, посреди которого стояла нетронутая бутылка виски.

Оба повернули головы в мою сторону, и во взглядах читался немой упрек: чего так долго, только тебя ждем. Я снял маску и молча сел на свободное место, Дельта откупорил бутылку и разлил виски по стаканам.

Мы пили молча. Нам не требовались слова, чтобы понимать друг друга, мы знали, что чувствуем одно и то же. Все миры сейчас замерли в страхе перед неизвестностью, но мы понимали, с чем предстоит столкнуться, и потому наш страх был еще сильнее.

— Когда все кончится, — решил нарушить молчание Дельта, покачивая перед собой стакан с янтарной жидкостью, — мне будет не хватать этого поила.

— Ой, да брось, — возразил я. — Можно утратить что угодно, но не способы приготовления бухла. Можно сказать, что пьянство это двигатель цивилизации.

— Я не про то, чтобы глаза залить. Речь о традиции. Сколько веков пройдет прежде, чем появится нечто подобное, отшлифованное до совершенства?

— Что-то исчезнет, что-то появится, — задумчиво пробормотал Эпсилон. — Меня больше беспокоит не материальное, а крах картины мира в массовом сознании. Операция «Немыслимое» — это способ объединить людей через общую боль, но мне кажется, концентрируясь на сохранении технологий, мы упустили духовный аспект. Моральные ориентиры.

— Тогда тост: за идолов, старых и новых.

Вы одновременно опрокинули в себя стаканы.

— Знаете, я только сейчас осознал, что слово «идол» произошло от «эйдолон».

— Ебать слоупок. Ты точно не бракованный из пробирки вылез?

— Весь в тебя, братишка.

— Какой ты мне еще братишка? Вон нос кривой, ухо вниз съехало, глаза в разные стороны смотрят.

— Так ты на меня смотри, а не в стакан.

— Похоже, вам уже хватит.

— Стой, там еще осталось!

— Да там на доньшке.

— Не выливать же.

— Хранительнице проставься.

— Окей, кто на этот раз будет уговаривать ее принять человеческую форму?

Дверь скрипнула и отворилась. Мы разом повернулись на звук.

— Нашли время нализаться, — проворчала Сплетница. — Вы хоть представляете, насколько жутко это смотрится со стороны?

— Жутко — это ты...

— ...когда только что встала...

— ...и не успела расчесаться, — закончил я.

— Боже, дай мне сил вытерпеть этого триединого уебана, — громко возвестила бывшая (нет) злодейка.

— Мы тебя уже четвертый год терпим, так что не ной.

Наши взгляды сфокусировались на почти пустой бутылке и мы синхронно пришли к единому выводу. Сплетница тут же почуяла неладное, но скорость реакции никогда не была ее сильной стороной.

— Лиза, иди сюда, — пропел я, наливая в чистый стакан остатки виски. — Почему бы тебе не сделать шаг к единству и примирению?

— Спасибо, я обойдусь, — она начала тактически отступать к выходу.

Эпсилон хлопнул в ладоши и замок защелкнулся. Присутствие Хранительницы стало более ощутимым, она сосредоточила большую часть своего внимания на этой комнате, создаваемые ее присутствием импульсы можно было истолковать как озорное хихиканье. А ведь взрослая женщина...

— Давай, это совсем не больно, — я подошел к Сплетнице со стаканом в руке. — Главное, пей быстро, чтобы на языке не задерживалось.

Скорее всего, мне бы удалось заставить ее выпить этот шестидесятиградусный виски, но вмешалась неодолимая сила. Рядом вдруг открылся еще один портал, из которого выскочила запыхавшаяся Контесса. Она выхватила у меня стакан, залпом выпила и бросила пустой стакан на стол так, что он остался стоять ровно. И, не сказав ни слова, убежала обратно.

— Беру свои слова назад... — я посмотрел на то место, где только что был портал.

— ...ты — не жуткая, даже с утра...

— ...жуткая тут только Фортуна.

В принципе, ничего не мешало раздобыть еще бутылку и напоить Сплетницу хоть до поросычьего визга, но *момент* был безнадежно упущен. Мы трое обменялись взглядами и пришли к решению, что с отдыхом пора заканчивать. У нас осталось времени как раз столько, чтобы проверить все наше оружие и привести его в боевую готовность.

Сорок два часа спустя

Общее собрание Котла проходило в конференц-зале, и наполнявшее его напряжение было настолько плотным, что сам воздух казался густым как желе. Здесь присутствовали все — изначальный состав Котла в виде Доктора Мамы, Контессы, Александрии и Счетовода. Плотной группой сидела Бойня: Эшли, Кевин, Дэниел и Мегуми. Сплетница, Райли, Эми и Антигерой держались особняком. Где-то с краю притулилась Дина, стиснувшая в побелевших пальцах маску. Похоже, она недавно плакала. Наша тройка тоже собралась полностью.

В таких ситуациях нужно что-то сказать. Ободряющее, воодушевляющее. Это ведь и значит быть лидером: уметь подбирать слова, которые заставят других пойти на смерть вместо тебя. Мы не лидеры. Мы такие же солдаты на этой войне, как и все прочие. Мы будем биться за свое дело в первом ряду, а не отгородимся от опасности миллионными войсками, которые бросим в мясорубку ради личных амбиций.

— Я бы сказал, что настал день, ради которого мы все трудились все эти годы, но вы и так это знаете. Поэтому я скажу прямо и искренне: вы те еще сукины дети, и временами меня просто бесили, но когда вы рядом, я готов даже прыгнуть адскую бездну. Вы — смертные люди, которые положили свои жизни на то, чтобы убить бога. Взять те плоды с проклятого древа, которыми он нас лукаво одарил, и затолкать их ему в пасть. Вы знаете свои роли, знаете, что нужно делать. И я верю, что вы не оплошаете, я верю в вас. Живите, боритесь, не сдавайтесь, что бы ни случилось — назло той мерзкой твари, что явилась на нашу планету. Потому что это и значит быть человеком. Храни вас... хоть кто-нибудь.

Я замолчал. Сила вещания не делает тебя оратором, особенно когда в одном месте собирается столько паралоудей с совершенно разными взглядами. В повисшем молчании мы сверили хронометры и поняли, что слишком поздно даже для бегства. Можно только идти вперед.

— Бойня, Антигерой, Пифия — вы со мной, — скомандовала Александрия. — Счетовод

и Сплетница, остаетесь в штабе координаторами. Контесса в оперативном резерве. Райли, Красная Королева, начинайте процедуру расконсервации. Вы трое...

— Мы знаем, что делать, — ответил Дельта.

— Операция «Немыслимое», начинаем первую фазу, — подвел я итог.

В считанные секунды конференц-зал опустел, когда все разошлись по порталам. Я шагнул в пустоту и несколько секунд просто позволял себе падать, пока не включилась полетная система, и только потом осмотрелся. Африка, центральная ее часть, изобилующая джунглями. Вроде бы, вон та река на горизонте это Нил. Можно свериться с картами, но это будет пустой тратой времени. Я постучал по наушнику, проверяя связь.

— Сплетница, прием.

— Слышу тебя, — отозвалась она после короткой паузы.

— Готова к финальному рывку?

— Думал, что можно толкнуть пафосную речь, и я тебя прощу? Не дождешься.

— Мне не нужно твое прощение. Мне нужно, чтобы ты делала свою работу. Направление.

— Повернись лицом на север.

— Сделано.

— Сейчас... — она ненадолго замолкла. — На десять часов. От пяти до пятидесяти километров, точнее не определить.

— Принято.

Я отключил связь и полетел по указанному маршруту. С чего вообще Сплетнице взбрело в голову, что я заинтересован получить ее прощение? Ай, не время об этом думать. У меня сейчас другая проблема. Ростом метр девяносто, одетая в белоснежные одежды и словно состоящая из чистого золота. Все это конечно ложь. То, из чего состояли эти твари, вообще не было веществом.

Я заметил его почти случайно, над разрушенной деревней, где только что отгремело сражение паралюдей. Повсюду валялись тела, пылали хижины и окрестные поля. Зион висел над одним из горящих домов, из которого доносились крики, и ничего не делал, не тушил пожар, как он это обычно делал. Просто наблюдал.

Я попытался настроиться на него также, как делал это с кейпами. В позе золотого чудовища сквозило темное отчаяние. Он помогал людям, потому что это был его способ справиться с чем-то ранее неведомым, с болью утраты. Безуспешный, но альтернативу он придумать не мог. Пока не мог. Медленно, очень медленно, но в нем начало развиваться... нечто. То, что подсказало ему, что спасение жизней бессмысленно, и более не заслуживает внимания. Все что мне нужно — немного его подтолкнуть. Заставить сделать следующий шаг.

— Все бессмысленно, — произнес я, спустившись так, чтобы оказаться у Зиона за спиной. — Что бы ты ни делал, это не сделает тебя счастливым, не вернет смысл твоего существования, не заполнит пустоту. Ты не обретешь потерянное.

Он не отвечал, хотя точно умел говорить. Он даже не шевелился, однако я интуитивно понял, что он очень внимательно меня слушает. Ловит каждое мое слово. Оценивает. Обдумывает.

— Ты не сможешь заглушить эту боль, никто не может. Поделись ею. Заставь страдать тех, кому ты прежде помогал. Пусть они разделят боль с тобой. Тогда и ты не будешь одинок.

Несколько секунд не было никакой реакции. Потом Зион резко набрал высоту и повернулся лицом куда-то на север. Мое сердце замерло. Сработало. Он послушал. Я последовал за ним, прекрасно осознавая, что запросто могу стать первым, с кем эта тварь решит «разделить боль», однако его мысли были направлены в ином направлении. Зион двинулся вперед, сначала медленно, а потом все быстрее. Настолько быстро, что где-то над Сахарой я окончательно потерял его из виду.

— Говорит Гамма, первая фаза успешна, повторяю, первая фаза успешна.

— Где он? — вклинилась на канал Александрия.

— Последний контакт восемнадцать северной широты, двадцать девять восточной долготы, азимут триста двадцать.

— Лондон, — сказал Счетовод. — Больше населенных пунктов на прямой линии нет.

— Свяжитесь с ними, пусть объявляют общую тре...

Вспышка золотого света, которую было видно даже за тысячи километров за горизонтом, прозрачно намекнула, что эвакуация уже не требуется. Нет, только не паникуй, только не сейчас. Сейчас уже поздно ужасаться. Ты знал, что так все и будет. Ты готовился к этому дню года, и ты соберешь свои ебаные яйца в кулак и сделаешь дело!

— Гамма — всем. Операция «Немыслимое», вторая фаза.

«The last days, our death throes, the ultimate inferno
 No hope for survival, this Doomsday is our final sight
 Dark and grim, your fate will begin
 In the fire and the pain, God will end on this Doomsday».
 Globus, «Doomsday»

Земля Бет, Техас

{ПОКОРНОСТЬ: Какова воля Владыки?}

Это не живая речь. Это текст, который шлем выводит прямо на сетчатку глаз Дельты. Он затемнил визор, чтобы не видеть ту, что находится перед ним. Активная система шумоподавления отсекает любые звуки, имеющие сходство с человеческой речью, чтобы не слышать ту, что находится перед ним. Дельта выдерживает дистанцию, чтобы его собеседница не смогла его коснуться, и ее сила не запустила жвала в его сознание.

— Собирай верных, мать, — произносит он в темноту. — Время настало.

{ЭКЗАЛЬТИРОВАННЫЙ ВОСТОРГ: Время откровения.}

— Лживый бог из золота явил свою истинную природу. Мои братья и сестры скоро воспрянут ото сна и выйдут на битву.

{БЛАГОГОВЕЙНЫЙ ТРЕПЕТ: Истинные боги.}

— Вы будете сражаться плечом плечу с неверными. Пусть они глухи к истине, но и они обретут благодать, если увидят вашу силу и уверуют.

{ГОТОВНОСТЬ: Воля Владыки Стали будет исполнена.}

Дельта перевел взгляд на находившихся поблизости кейпов. Личная охрана Мамы Мазерс преклонила колени, не смея поднять глаз. Дельта помнил, сколько усилий пришлось приложить, чтобы заставить Падших поверить, что Ахриман — действительно Губитель, один из их богов. От Контессы толку было немного, ее агент не позволял ей даже *подумать* о Маме Мазерс, чтобы не стать жертвой ее силы. Действовать пришлось окольными путями: поднимать старые архивы и выяснять, какой именно состав она получила много лет назад, а потом поить тем же составом одного из гоблинов Нилбога и ставить эксперименты уже на нем, чтобы разработать меры противодействия. А потом сделать то, что Конрад всегда умел лучше всего. Нет, не сотворить что-то ужасное с лучшими намерениями, а эффектно появиться.

Результат окупился. Усилившиеся Падшие и реформированный Протекторат составили две основные силы, действующие на территории Северной Америки. Источник постоянного, но управляемого конфликта, снимавший напряжение с иных областей, и позволивший продержаться достаточно долго в условиях лавинообразного нарастания парачеловеческой популяции.

Взгляд Дельты задержался на одном из телохранителей, нескладном русоволосом парне среднего роста. Еще одна козырная карта, которую тайно оберегали на протяжении нескольких лет. По устаревшей классификации, Стрелок-10, если не выше, потенциально способный в одиночку убить Губителя или разомкнуть петлю Серого Мальчика.

— Рейн, — позвал Дельта.

Услышав свое имя, парень поднял голову.

— Будь готов.

Главное в общении с сектантами — вовремя и правильно уйти, и этому правилу не следует изменять даже перед лицом Конца Света. Особенно перед его лицом, чтобы не потерять раньше времени управляемость. Дельта свечкой ушел в небо, где на достаточном удалении активировал систему маскировки и отключил устройство, затемняющее солнечный свет в радиусе пары десятков километров. Перед следующей фазой нужно будет сменить доспех на привычный зеленый костюм, первый функционально не предназначен для боя.

В отличие от Гаммы, Дельта прекрасно осознавал, что он такое. Вся память была при нем, но он знал, что эти воспоминания Черепушка внедрила в слепленное Красной Королевой тело. И, как ни странно, так ему было легче нести ношу, которую они втроем взяли на себя. Он — оружие заготовленное для единственной битвы. Победи он в ней, и призом будет собственная жизнь и судьба, без Котла, суперсил, прежних долгов и обязательств. Просто раствориться в массе беженцев под новым именем. Вряд ли кто-то будет проверять документы.

Даже поражение и гибель для Дельты не выглядели чем-то ужасным. По крайней мере, все закончится. Не будет воскрешения, не восстанет из небытия квантовая копия, несущая тот же набор воспоминаний. Они слишком многое пережили, слишком долго трудились на благо тех, кто всегда будет считать их чудовищами. Они заслужили хотя бы покой.

— Гамма — всем. Вторая фаза, работаем в темпе.

«Так быстро?» — отрешенно подумал Дельта, но тут же отогнал эту мысль прочь. У него была своя роль — как и у каждого из них — и он должен был ее исполнить. Первой фазой была провокация, вторая — мобилизация. Однако у второй фазы был еще один незначительный, но важный момент.

Дельта отдал мысленную команду. Доспех Ахримана исчез в пространственном кармане, уступив место костюму Эйдолона. Томительно долгие секунды свободного падения, в течение которых шла авторизация и подстройка систем — и вот перед его глазами развернулась схема дальнейших действий.

— Эйдолон — Контессе. Ожидаю данные второй фазы.

На базе Котла Контесса развернула перед собой на экране список заранее определенных целей. Отслеживать местонахождение всех разом не хватило бы никаких ресурсов, поэтому она обращалась к своей силе, чтобы произнести последовательность звуков, означающую координаты каждой из них. Координаты принимал Эйдолон, и уже по ним направлял Привратника.

Когда Дельта вылетел из портала, внизу под его ногами раскинулся город-сад. Точнее, несколько десятков шикарных особняков, оборудованных бункерами, генераторами, системами очистки воды, прудами с рыбой, плодовыми садами и вообще всем, что позволит немногочисленным обитателям пережить конец света без потерь. Последнее обиталище для финансистов, политиков, секретных бенефициаров различных инвестиционных фондов и корпораций. Глядя на поселение, предназначенное для сливок американского общества, Дельта почувствовал отвращение. Эти ублюдки собирались отсидеться здесь в привычной роскоши и комфорте, пока уцелевшим гражданам предполагалось выживать в быстровозводимых поселениях и гнуть спину, восстанавливая разрушенное. А потом они заявят свои права на власть и обрушат новое общество в привычную для себя пучину коррупции и социального сверхрасслоения.

Тут они просчитались. Для них в будущем места нет, и Эйдолон об этом позаботится.

Задействовав одну из второстепенных наступательных систем, Дельта вытянул руку в сторону роскошного города.

Вспышка.

Сотни гектаров земли моментально превратились в жидкое стекло. Волна жара и дыма поднялась вверх, всколыхнула плащ, и глядя на разверзшийся пылающий ад, Дельта ощутил теплое удовлетворение. Он позволил себе несколько секунд посмаковать это чувство, прежде чем затребовать координаты второй цели. Он шагнул через предложенный портал напрямик к горному хребту где-то на юге Сибири. Под тощей камня скрывался суперукрепленный бункер, где трясущийся от деменции карлик мнил себя повелителем 1/6 части суши.

Вспышка.

«Больше не мнит», — отрешенно подумал Дельта, глядя на огромную сквозную дыру, уходящую вглубь земной коры.

Сила кипела в руках. Сила пьянила, как не пьянит никакой алкоголь. Даже играя роль Эйдолона, они редко задействовали полный, глобальный потенциал. Но пока Зион делал первые шаги на пути Губителя, трое клонов вели на Земле Бет стремительную и тотальную зачистку всего, что можно было назвать «властью» — от глав государств и генералов до криминальных главарей и лидеров крупных сект. Где-то они работали с размахом, где-то точечными, почти снайперскими ударами. Благодаря слаженности действий и помощи Контессы за полчаса дело было закончено.

— Гамма — всем. Доклад о выполнении.

— Эпсилон: все цели поражены, — послышалось в наушнике.

— Дельта: все цели поражены.

— Хорошо, вторая фаза завершена. Начинаем фазу три.

— Сплетница: Эйдолону. Простите, что прерываю ваш сеанс коллективной шизофрении, но у нас проблемы.

— Да неужели.

— Губители только что активизировались. Все трое, одновременно.

Действительно, проблема.

— Какова вероятность, что причиной их пробуждения была активация клонов Дэвида?

— Восемьдесят процентов, плюс минус.

— Где они сейчас? — спросил Дельта.

— Бегемот вылез из Йеллоустонской кальдеры. Левиафан всплыл на поверхность посреди Атлантики — кстати, моя сила говорит, что все его лапы и хвост на месте. Ваша подружка парит на пересечении нулевых координат. Надежное наблюдение затруднено, Дракон пока не может выделить ресурсы, но на данный момент все трое неподвижны.

Мгновенный обмен точками зрения, ощущениями, интуитивными предчувствиями.

— Ну и хрен тогда с ними, — отрезал Гамма. — Пока они не угрожают эвакуационным порталам или организованными парачеловеческим подразделениям, их приоритет остается низким. Повторяю, фаза три.

Штаб объединенных парачеловеческих сил

С точки зрения Криса, повешенная на обычную палатку табличка едва ли соответствовала содержанию. Во всяком случае, в слове «объединенные». После объявления «красной» боеготовности небольшой остров на озере Мичиган превратился в место с самой

высокой концентрацией паралюдей в истории. Кругом творился подлинный хаос и лишь присутствие Александрии, как эмиссара загадочного Котла, обеспечивало хотя бы подобие порядка.

О грядущем Конце Света знали все. Многие строили гипотезы, основываясь на догадках Умников и туманных намеках Эйдолона и восставшей из мертвых Александрии. Но к *такому* не был готов никто. Никто и предположить не мог, что первый герой, десятилетиями приходивший безвозмездно на помощь, обернется против людей. Первые команды начали прибывать к организованному штабу еще до уничтожения Великобритании, в основном из Северной Америки, где была самая высокая степень готовности, и с тех пор поток не ослабевал.

Нужно ли говорить, какую неразбериху порождала эта разношерстная толпа, в которой запросто можно было столкнуться с бывшим врагом? Правила перемирия Губителей за семь лет успели подзабыться. Александрии и сопровождавшему ее молчаливому Технарю в золотой броне пришлось дважды казнить на месте тех, кто решал устроить свару, прежде чем остальные взяли себя в руки и вспомнили, что у них вообще-то есть общий враг.

Здесь были кейпы Протектората, легко опознаваемые по однотипной форме, пестрые черепопликие маски мексиканских картелей, вымуштрованные бойцы Гезельшафта, поредевшие в последние годы, но все еще грозные солдаты Элитной Армии. Индия, Южная Америка, Австралия, Центральная Европа... не было никого с Ближнего Востока и Африки но они настолько погрузились в хаос и анархию, что там договариваться было не с кем.

Глядя на огромное сборище из тысяч, десятков тысяч кейпов, Крис ощущал себя маленьким и ненужным. Будто вернулся в далекие годы, когда был посредственным Стражем и постоянно жил со страхом, что его заменят на кого-то более способного. Сейчас он был в двадцатке сильнейших в Западном Полушарии, но ощущение бессилия его не покидало. По-хорошему, сейчас ему нужно было зайти в эту палатку, где собирался военный совет, но начинать без Эйдолона смысла все равно не было, так что Крис пользовался краткой передышкой.

На площадке прибытия открылся очередной портал, из которой вереницей потянулись кейпы с злобными лицами в одинаковых робах. Заключенные Клетки, последний из доступных резервов. Действительно, когда рушится сам мир, нет смысла придерживать карты. Крис задействовал встроенную в шлем систему распознавания лиц, чтобы понять, кто перед ним.

Высокий сухопарый мужчина с длинными вьющимися волосами, обильно тронутыми сединой. Маркиз, бывший земляк из Броктон Бей.

Стареющая женщина, еще хранящая остатки былой красоты. Инженю, чьи способности сводили с ума не хуже крика Симург.

Полноватый пожилой мужчина с блестящей лысиной. Учитель, стоявший в шаге от приказа на убийство за вмешательство в политические процессы, но подозрительно вовремя попавшийся в руки Протектората.

Здоровяк с огромным молотом на плече. Судья, яркий пример того, что происходило с героями, чересчур рьяно исполнявшими свой долг. Примечательно, что, соверши он тот же проступок сейчас, его бы максимум пожурили слегка.

Еще одна женщина, с блеклыми волосами и в больших круглых очках на тесемке вместо дужек. Теория Струн, специалист по машинам Судного Дня, которую долго терпели, пока не возникла реальная угроза, что она взорвет Луну.

Девочка не старше пятнадцати на вид, окруженная тремя призрачными тенями. Королева Фей, играючи убившая несколько десятков мощнейших кейпов, в том числе бессмертного Серого Мальчика, а потом добровольно сдавшаяся. Занимая высокую должность, Крис имел доступ к разной секретной информации, а потому знал, что фактически Королеву Фей не сажали в Клетку. Это Клетку возвели вокруг нее.

С ними были и другие, убийцы, садисты, психопаты, анархисты, и прочая публика, достаточно глупая и агрессивная, чтобы попасться Протекторату, но не натворившая дел для казни. На них Крис не стал заострять внимание, они в любом случае были вторичны, поскольку подчинялись лидерам тюремных блоков. Он уже собрался было идти в палатку, как небо на секунду потемнело, а потом прояснилось с громовой зеленой вспышкой. Эйдолон наконец-то соизволил появиться.

Тени метнулись с небес к земле, и Крис невольно постучал по шлему, чтобы убедиться, что оптика не сбоит. Эйдолонов было трое. Одинакового роста и сложения, в одинаковых костюмах, они даже двигались неестественной с синхронностью. Все трое приземлились прямо перед Королевой Фей, и в этот момент Технарю захотелось оказаться где-нибудь очень-очень далеко. Рефлекторно он даже перевел системы бронекостюма в режим активной обороны, но на миг возникшее напряжение рассеялось довольно неожиданным образом.

Эйдолоны, или кто это были, разом отвесили поклон, приложив ладонь к сердцу. В ответ Королева Фей сделала изящный глубокий книксен, приподняв подол своей мантии. Монстры признали друг друга и выказали уважение. После этого вся процессия проследовала в штаб.

Изнутри палатка была во много раз просторнее, чем позволяли ее габариты. Здесь поработал кто-то с силой искажения пространства, и теперь две сотни кейпов — тех, кто имел официальную власть, руководил крупными группировками или просто обладал достаточным авторитетом, смогло разместиться вокруг голографического проектора.

Крис занял место рядом с Отступником, насколько позволяла громоздкая броня, и огляделся. Здесь были не только представители разных регионов Земли Бет. К примеру, женщина в подбитой мехом синей мантии явно была Богиней, единоличной владыкой Земли Шин. Были и другие, менее известные, но разительно отличающиеся внешним видом от «местных». Похоже, Котел обладал действительно колоссальным влиянием, раз смог собрать в одном месте такие силы.

Представители Котла держались особняком: Александрия, золоченый Технарь в глухом шлеме, молодежавый мужчина лет пятидесяти в очках. А рядом с ними... Крис второй раз за пять минут решил, что оптика брони его обманывает. Эми Даллон, она же Красная Королева. Дина Элкотт, она же Пифия. Лиза Уилбурн, она же Сплетница, официально давно числящаяся мертвой. Эшли Стиллонс, она же Дева Несчастий, еще одна ожившая покойница. Еще несколько незнакомцев, которых не было в базах.

— Сэр, вы видите то же, что и я? — спросил Крис у Отступника по закрытому каналу.

В ответ глава Протектората лишь кивнул. Между тем Эйдолоны тремя тенями проплыли через толпу и встали рядом с Александрией. Та кивнула и сняла шлем.

— Что же, раз все в сборе, предлагаю снять маски, — сказала она. — Сейчас у нас одно дело и один враг. Мы должны доверять друг другу.

Крис с облегчением стянул с головы шлем. Тайна личности давно стала скорее традицией, чем чем-то реально работающим, но большинство цеплялось за старое. Хотя бы

потому, что маска зачастую давала хоть какую-то защиту. После короткой заминки примеру Александрии последовали и остальные собиравшиеся. Кроме троих.

— Эйдолон, тебя это тоже касается, — с легким злорадством сказала Сплетница.

Герои в зеленом переглянулись, словно без слов обменялись мыслями и, похоже, пришли к решению. Нарочито неторопливыми движениями, словно опасаясь кого-то спровоцировать, они одновременно откинули капюшоны. Медленно, очень медленно их маски опустились.

— Ох, черт... — Крис не сразу понял, что произнес это вслух но, похоже, представители Протектората были с ним полностью согласны. Отступник до скрежета стиснул свое копьё, Лазершоу резко вдохнула, Виста прошептала неразборчивое. Даже всегда невозмутимый Сталевар лязгнул мускулами.

Три одинаковых лица, различающихся только растительностью. Гладко выбритое, с аккуратными усами и с короткой бородкой. Одно лицо на всех, семь лет назад ставшее для Северной Америки синонимом кошмара и разрушения, повзрослевшее, но все еще узнаваемое.

— На вашем месте...

— ...мы бы не делали...

— ...резких движений.

— Это невозможно, — первым нашелся Отступник. — Я видел остатки доспеха. Остатки *костей*. Клоны?

— Это у делу не относится, — ответил усатый.

— Очень даже относится! — повысил голос Сталевар. — У нас беспрецедентная кризисная ситуация...

— *Заткнись*, — произнесли Конрады хором, и Сталевар поперхнулся недосказанной фразой, будто с размаху налетел на невидимую стену.

— Я вижу, что моя прежняя репутация еще дает о себе знать, — ровно сказал выбритый.

— Однако предыдущие семь лет никто не жаловался, — подхватил усатый.

— А если у кого-то есть ко мне вопросы или претензии, оставьте их до момента, когда мы разберемся с нашей маленькой золотой проблемой, — закончил бородач.

— У меня есть вопрос, который нужно прояснить прямо сейчас, — Лазершоу шагнула вперед. — Что вы такое?

— Мы — Эйдолон...

— ...и это единственное, что сейчас важно.

Крис прислушался к ощущениям. За прошедшие годы он научился доверять внутреннему чутью, которое не раз и не два его выручало, и сейчас оно настойчиво твердило помалкивать. Подавляющее присутствие «Эйдолона» словно обещало мучительную смерть любому, кто полезет с расспросами. Да и сам Крис, к своему удивлению, обнаружил, что уже ничему особо не удивляется. Подумаешь, возникший из ниоткуда около года назад всесильный и всеведущий Котел имеет в своем составе несколько умерших-но-это-не-точно масок. Более того, его сознание просто отказывалось принимать факт, что бывший товарищ (или, возможно, его клоны) и один из самых страшных злодеев в истории Западного Полушария вдруг оказался героем, годами защищавшим мир. Это не клоны открыли свои личности. Это Эйдолон зачем-то снял свое лицо и продемонстрировал ложную личину, преследуя одному ему понятные цели.

Потому что он всегда таким и был — непостижимым, бесконечно далеким от людей,

которым служил, слишком могущественным для какого-либо обобщения. Практически бог, существующий вне рамок и представлений смертных.

Еще показательнее оказалась реакция иностранных кейпов. Большинство из них даже не поняли, в чем вообще дело. Ахриман хотя и причинил огромный ущерб, во-первых, был локальной проблемой Соединенных Штатов, а во-вторых, прошло слишком много времени. Слышали о нем многие, но за пределами США и Канады мало кто знал его гражданскую личность.

— Лиза, твой выход, — один из клонов отступил в сторону, освобождая место возле голопроектора.

— Ненавижу, когда он это делает, — пробормотала Сплетница достаточно громко, чтобы расслышал Крис. — Ну что же, дамы и господа, перейдем сразу к делу. Это — наш враг.

На голопроекторе возникло изображение Сиона.

— Знакомьтесь, Случай № 0, он же Сион, он же источник всех парачеловеческих способностей. Инопланетная инвазивная паразитическая форма жизни, размножается путем засеивания своими осколками обитаемой планеты с последующим их созревaniem и сбором. Все бы хорошо, но процесс влечет за собой полное уничтожение планеты вместе со всеми обитателями. Тело золотого человека, которое мы наблюдаем, является отростком, ложноножкой, протянутой в нашу реальность из недоступного измерения. Истинное физическое тело этой твари имеет размеры примерно с Лонг-Айленд, однако поскольку оно многомерное, то вернее будет сказать с несколько сотен Лонг-Айлендов.

Теперь что касается боевых способностей. К настоящему моменту Сион продемонстрировал способность перемещаться на релятивистских скоростях, сверхосведомленность о происходящем в планетарном масштабе, недоступную никому из паралюдей точность проявления сил и мощь, превосходящую Губителей. Мы полагаем, что его основная способность — гашение колебательных частот на субквантовом уровне, что в теории дает ему способность адаптироваться к любой угрозе или способности, направленной против него.

— Как это убить? — резко спросил какой-то кейп с сильным акцентом.

— Хороший вопрос. Это существо смертно. Другое такое же агенты Котла уничтожили тридцать шесть лет назад, когда оно было сильно ослаблено. Однако Сион действует активно, так что нам будет сложнее. На данный момент на основе собранной информации выработано несколько стратегий противодействия.

Сплетница нажала несколько кнопок на голопроекторе, который вместо Сиона начал отображать схемы. Крис запоздало спохватился и надел на голову шлем, после чего сразу включил запись, чтобы не упустить ничего важного.

— Стратегия первая: «Подавление». Это вариант рассматривается как основной. Объединив силы миллионов паралюдей, обитающих в двух сотнях обитаемых миров, мы атакуем Сиона. Поскольку наши силы проистекают из частей его тела, а он сбросил большую их часть при посеве, наша совокупная потенциальная мощь превосходит его, так что шансы на победу есть.

— Будут жертвы, — озвучил вслух общую мысль Отступник.

— Будут, — согласилась Александрия. — Но когда их не было?

— И главное: организация. Как управлять такой армией?

— С этим справится Дракон, — сказал один из Эйдолонов, с бородой, глядя на

героиню. — Ваши протоколы требуют от вас исполнения приказов местных властей, и эти же приказы могут позволить вам обойти введенные ограничения. Мы находимся на территории Соединенных Штатов, а присутствующий здесь Отступник на данный момент является высшим должностным лицом этой страны. А раз ему не впервой работать с вашим кодом, он способен правильно отдать приказы.

— Высшим? — переспросил глава Протектората. — Что с Сенатом и президентом?

— Испарились, — ответил выбритый.

Несколько секунд Отступник и Эйдолон молча смотрели друг на друга.

— Это было обязательно?

— Да, — ответили они в один голос.

— Эй, я еще не закончила, — Сплетница похлопала в ладоши, привлекая внимание. —

Кроме «Подавления», есть еще потенциально рабочие стратегии. Одна из них «Истощение». Имеющаяся у нас информация позволяет предполагать, что Зион имеет ограниченный запас энергии. Следовательно, заставив его активно применять силы, мы смертельно истощим его, или заставим перейти в пассивное состояние. Третья стратегия, «Рассеяние» будет задействована, если первые две не дадут результата. Она подразумевает максимальное рассеивание кейпов и обычных людей по доступным мирам и уклонение от любой конфронтации.

— То есть, просто бегство? — уточнил какой-то незнакомый кейп.

— То есть бегство, — кивнула Сплетница. — Учитывая, кто наш враг, это может быть самым разумным.

— А почему сразу не перейти к нему?

— Потому что по всей Земле происходит вот что.

Сплетница снова переключила проектор, и на этот раз он выдал двухмерную картинку. Зион планомерно выжигал своими лучами какой-то город. Через несколько секунд последовала яркая вспышка и трансляция оборвалась.

— Где-то он сжигает людей заживо. Где-то целенаправленно убивает тех, кто не достиг половой зрелости. Провоцирует оползни, землетрясения и лавины. Разрушает дамбы, вызывая затопление огромных территорий. Также как раньше тушил пожары, спасал детей, предотвращал стихийные бедствия. Он экспериментирует с насилием и, похоже, ему это начинает нравиться. Он словно ребенок, ломающий игрушки и таким образом познающий мир.

— У него начала зарождаться личность, — произнес бритый Эйдолон. — Личность, схожая с человеческой.

— Уверен? — похоже, для Сплетницы это оказалось новостью.

— Да. Я почувствовал это, когда говорил с ним.

— Этим можно будет воспользоваться... но это означает, что у нас мало времени. Слишком затянем битву, и он дорастет до ментальности взрослого человека, начнет действовать рационально, и тогда...

Она покачала головой.

— Успокоится? — с надеждой спросил Крис.

— Перестанет играть в хулигана с лупой возле муравейника и уничтожит всех людей разом.

— И все же сценарий умиротворения не следует сбрасывать со счетов, — сказала Александрия. — Дракон, у вас уже есть проект системы стратегического управления.

Оцените время необходимое на внедрение модификаций с учетом снятия ваших ограничений и массовое производство.

— Мне сложно думать о вещах, допускающих снятие ограничений, но если приблизительно... изменение проекта займет несколько минут, но строительство сборочной линии при условии доступа ко всем материалам... около трех часов, но даже в таком случае за качество не ручаюсь, — когда речь зашла о конкретных делах, Дракон первой смогла взять себя в руки. — Для надежного массового производства мне нужна помощь Масамунэ, но тогда растянется не менее чем на десять.

— Обеспечим, — кивнула Александрия. — Счетовод, за сколько времени мы успеем достичь хотя бы 90 % боеготовности?

— При участии Масамунэ — от тридцати часов.

Александрия повернулась к Эйдолонам. Те синхронно кивнули.

— Если вам нужно тридцать часов, они у вас будут.

Штабная палатка наполнилась шепотками. Крис наблюдал за выражениями лиц кейпов, пытаясь уловить момент, когда совещание полетит к черту и польется кровь. За годы глобальной эскалации конфликтов люди разучились доверять друг другу, если когда-либо вообще умели. Но пока... пока порядок держался. Авторитетом Александрии и Эйдолона, тс есть фактически насильно, но держался. Вот, кажется, высказанные мысли усвоились, руку поднял кейп в форменном экзоскелете Элитной Армии.

— Что есть «система стратегического управления»? — спросил он с режущим ухо акцентом.

— Самоустанавливающийся имплантат для нервной системы, — пояснила Дракон. — Обеспечивает мгновенный обмен данными через неуязвимую для помех сеть. Навигация, тактическая информация, связь.

— Вы хотите сунуть нам в голову чипы? — уточнил русский еще более резко.

— Мы хотим дать вам шанс не сдохнуть как свиньи на бойне, — сказал усатый Эйдолон и как-то мгновенно оказался перед ним. — Я участвовал в разработке этой системы. Или моего слова тебе недостаточно?

— Нет, я говорю о...

— Sergey, ty pomnish Khabarovsk, dvadtsat-pyatnadsat? Kto spas tvoy otrjad? (*прим. авт.: Конрад применяет в русской речи американский способ обозначения года двумя двузначными числами*)

— Vy, tovarish Eidolon.

— Ty srazhalsya hrabro togda. V chem delo seychas, soldat? Ty strusil?

— Nikak net! — русский вытянулся по стойке смирно и взял под козырек. Усатый одобрительно кивнул.

— И это касается каждого, — бородатый Эйдолон окинул взглядом штаб. — Речь идет о выживании человека как вида. Даст слабину один — погибнут все, вообще все. Не будет ни захваченных территорий, ни сфер влияния, ни репутации, только одно большое пепелище на все пригодные для жизни реальности. И если кто-то не может или не хочет засунуть в жопу свои капризы и мелочные хотелки, пусть выйдет вперед.

Он не сказал вслух «я убью его на месте», но это послание читалось без всяких слов. Крис ощущал это кожей, даже скрытой под толщей брони. Остальные, похоже, думали также, потому что едва зародившийся ропот смолк в единый миг.

— Рада, что мы пришли к соглашению, но что будем делать с Губителями? — подняла

руку Сплетница.

— Они сохраняют неподвижность?

— Пока да, но это не надолго. Даже не так... — она пошевелила пальцами в воздухе, — они будто ждут. Чего-то или кого-то.

— Отлично, проверим одну теорию в деле.

— Только не говори, что вы собираетесь лезть к Симургу обвешанные своим технарским супербарахлом. Она же моментально возьмет его под контроль! Ах да, именно это вы и собираетесь сделать.

— У нее было для этого семь лет, но она провела их бултыхаясь на орбите. И мы там будем не одни.

Эйдолоны синхронно надели маски, и один из них повернулся к Александрии.

— Ребекка, оставляю организацию на вас. Мы попытаемся дать вам тридцать шесть часов, чрезвычайный протокол «Пандора» оставляем про запас. В случае, если погибнем все трое, задействуйте чрезвычайные протоколы «Эгида» и «Фортуна», оба одновременно.

Героиня молча кивнула. Крис хотел было спросить, что это за чрезвычайные протоколы, и почему не применить их сразу, но благоразумно решил промолчать. Видимо, это были меры настолько жесткие, что даже в условиях Апокалипсиса к ним не хотели прибегать, пока не исчерпаны другие возможности. На то протоколы и звались «чрезвычайными». Однако слова Эйдолона успокаивали, вселяли надежду. Значит, Котел пока что контролировал ситуацию и имел достаточно козырей в рукаве.

Эйдолоны удалились в своей обычной манере, то есть без прощаний и напутствий. Александрия принялась объяснять организационную структуру, ее подчиненные — раздавать распечатки с инструкциями. Крис тут же сосредоточился на новой задаче, выкинув героев в зеленых мантиях из головы. Смертных дела небожителей не касаются, у них своих дел по горло.

База Котла, лаборатория Райли

Тянулись томительно долгие минуты, пока клоны Дэвида облачались в заготовленные для них костюмы. Внешне — копии наших, только размером поменьше. Самим клонам на вид было лет двенадцать. Возраст уже достаточно сообразительный, но еще не настолько самостоятельный, чтобы подвергать сомнению авторитеты.

Лица у всех троих были пустые, будто неживые вообще. Райли провела немало экспериментов, опытным путем вычислила зависимость возраст-сила-вменяемость, и мы приняли решение остановиться на психологическом возрасте в двенадцать лет, чтобы не пришлось иметь дела с подростковым бунтом или взрослыми амбициями. Ну а то, что агент почти полностью задавил не успевшие сформироваться детские личности... плевать. Так даже лучше, к более человечным инструментам был риск привязаться. Неприемлемый риск.

— Готовность одна минута, синхронизируемся.

Системы наших костюмов подключились к костюмам клонов и интегрировали их в свою сеть. Оборудование, сделанное для них, было продолжением нашего. Разумеется, весь арсенал мы им выдавать не стали, только вспомогательные инструменты вроде персональных жизнеобеспечения, полета и реакционной телепортации, просто чтобы освободить их от необходимости тратить слоты сил на рутину. Выдавать им оружие смысла я не видел, эти дети все равно были куда сильнее нас, особенно после того, как выпили силы всех 53-х, что еще оставались на базе.

— Есть синхронизация.

— Есть синхронизация.

Я посмотрел на Райли. Убрать ее сейчас? Нет, рановато, без нее чрезвычайный протокол Эгида будет запустить сложнее. Не невозможно, но потратим больше времени, и выше шанс неприятных форс-мажоров.

— Иди к Александрии, пусть найдет тебе занятие, — сказал я убийце моих родителей. — Дверь к Доктору Маме.

Когда портал открылся за спиной «Доктора», она даже не обернулась. Красный луч сорвался с кончика моего пальца и мгновенно превратил ее в кучку пыли. Полезность свою она исчерпала, пришло время зачищать хвосты.

— Здесь все, начинаем работать. Дверь к Симургу.

Дэвиды вылетели в портал первыми, мы — следом, предположительно укрытые от восприятия Губителя силой Мантеллума. Песни не было слышно. Симург, до этого неподвижно висевшая в воздухе, повернулась на месте в нашу сторону.

— Давай, вперед. Подчини ее своей воле, — велел я «своему» Дэвиду по персональному каналу связи. — Ты можешь.

На самом деле, я понятия не имел, сработает ли это. Если бы не сработало, мы бы провели экстренное извлечение, и сразу бы отправились к Зиону. Но прошло несколько мгновений, и в наушнике раздался торжествующий мальчишеский возглас. «Мой» Дэвид сделал кульбит в воздухе и с довольным видом уселся на плечо Симургу.

— Вперед, мой боевой ослик! — выкрикнул он и беззаботно засмеялся.

— Работает, — подвел итог Дельта. — Следующий Левиафан.

Казалось, я должен был ощущать удовлетворение, или радость. Шутка ли, мерзкая тварь, фактически уничтожившая мою жизнь почти в зародыше, манипулировавшая мной и моей судьбой, теперь из кукловода стала марионеткой. Но я ощущал лишь легкое облегчение от того, что одной проблемой стало меньше, и мы можем сосредоточиться на основной задаче без помех.

С Левиафаном и Бегемотом процедура повторилась. Дэвиды без особых усилий взяли Губителей под контроль, пусть даже каждому пришлось потратить на это один слот сил из трех. Но у них оставалось еще по два, и по идее, этого должно было хватить.

Когда мы забрали Бегемота, Симург начала действовать, но клоны заверили, что все в порядке. С помощью своего ультимативного телекинеза она вытянула из окружающих горных пород металлы, спрессовала их в детали. Из деталей она собрала какие-то устройства и закрепила их на двух других Губителях. Беглый осмотр показал, что это увеличенная копия масс-кинезисных модулей, которыми мы обеспечивали собственную мобильность. Видимо, считала конструкцию с костюмов малышни. В уме я сделал зарубку, что даже будучи под контролем, Губитель сохраняет инициативность и самостоятельное мышление.

Момент истины. Привратник раскрыл достаточно большой портал, чтобы в него пролезли Губители, и вся наша девятка оказалась рядом с Зионом. Золотой «человек» со злорадным выражением на лице выжигал исторический центр Стамбула.

Бегемот атаковал первым, выпущенная с его рогов молния на секунду скрыла Зиона полностью. Но когда вспышка погасла, а светофильтры маски сняли затемнение, он предстал перед нами совершенно невредимым. Но зато выражение злорадства уступило ярости. Он поднял руки и выстрелил расширяющимися потоками света. Бегемот и Левиафан недостаточно быстро убрались из-под атаки, и лишились части своего наружного покрова.

Симург и так держалась в стороне, а нас с Дэвидами отбросила в сторону реакционная телепортация.

Сион, при всем своем могуществе, оставался конгломератом агентов. Способность Джека работала на нем не хуже, чем на любом другом кейпе.

Мы ударили в ответ. В отличие от Бегемота, мы не пытались воздействовать на него чистой энергией, заранее уверенные в бесполезности этого подхода, наше оружие действовало на уровне пространственно-временного континуума. Способности Эшли, Марш и флакона № 1-6-1-1 «Бог» были лишь частью того, что мы вложили в эту не то машину, не то псевдоживой организм.

Кажется, его проняло. Все произошло слишком быстро, чтобы уследить глазом, но Сион явно не успел среагировать на атаку из-под покрова Мантеллума. Белые лучи коснулись его тела и он мгновенно сместился в сторону, такой же невредимый, как и раньше. Однако его одежда, в отличие от тела, превратилась в лохмотья, там, где ее дезинтегрировали наши атаки. И я был готов поклясться, что мы одним ударом уничтожили где-то половину его тела. Которое, впрочем, восстанавливалось с немыслимой скоростью.

Дэвиды атаковали следом за нами, каждый по-своему. Левиафан поднял из пролива внизу огромный столп воды и принялся наносить по Сиону быстрые удары с разных сторон. Симург подхватила телекинезом металлические обломки, арматуру, проводку, и принялась мастерить какое-то оружие. Устройство было мне незнакомо, похоже, она взяла проект у какого-то выжившего Технаря неподалеку.

«Придерживаемся плана», — пронеслась через незримую связь общая мысль и рисунок боя изменился.

Желание Сиона уничтожить нас мало походило на аналогичное желание человека. За этим чувством не стоял расчет, убеждения или безумие. Нет, как и сказала Лиза, это был порыв ребенка устранить препятствием между ним и удовольствием. Способностью трансляции мы поймали направление его побуждений, словно ветер парусами, позволили ему придать нам импульс, но все еще сами задавали направление. Бой продолжался, воздух пылал от высвобожденных сил, но теперь Сион двигался туда, куда вели его мы, и спустя всего лишь несколько минут битва гремела уже над Пекином.

Здесь мы сбавили высоту, разорвали дистанцию, ослабляя напор на Сиона, и он не замедлил переключить внимание на город. Янгбань вступили с ним в бой организованно и быстро, но силы были явно неравны. Здесь присутствовал не весь их состав, только те, кто остался прикрывать отступление императорской семьи, но интуиция подсказывала нам, что рано переносить действия в другие реальности.

Сначала нужно закончить на Бет. Янгбань отказались войти в альянс, они предпочли уклониться от всеобщего призыва и пересидеть кризис в эвакуационном мире. Мы устроили так, чтобы война сама пришла к ним, и наблюдали за истреблением с относительно безопасной дистанции, фиксируя каждое движение Сиона с помощью специальных камер. Это было не наше творение, их изготовила Оптика, юная Технарь, специализирующаяся на «наблюдении». Надо сказать, далеко не единственный случай аутсорса.

Арьергард Янгбани смог задержать Сиона меньше, чем на полминуты. Как только погиб последний кейп, мы, Дэвиды и Губители снова приковали внимание золотого чудовища к себе. Следующая остановка — Техас. Падших тоже следует немного проредить.

*“Death will take those who fight alone
 But united we can break a fate once set in stone
 Just hold the line until the end
 Cause we will give them hell...
 I will never surrender
 We'll free the Earth and sky
 Crush my heart into embers
 And I will reignite...
 I will reignite”.*
 Malukan, “Reignite”

Неизвестная реальность

Зион ужасный противник. Дело не столько в том, что он превосходит могуществом все и всех вместе взятых, с кем я сталкивался прежде. И даже не в том, что его облик выверен до микрона, чтобы пробуждать в человеческом мозгу реакцию страха и восхищения. Самое страшное в Зионе — безмолвие.

Сияющая точка на расстоянии пятидесяти километров испускает волну золотого света. Специальный имплантат, работающий в зоне локально ускоренного времени, перехватывает сигнал, который агент-Вещатель посылает мне в качестве предупреждения, распараллеливает его и отправляет дальше, на микроконтроллер телепорта. Он в свою очередь определяет область опасной зоны и выкидывает меня из нее за микросекунду до контакта. Я исчезаю в одной точке, и возникаю в другой, в десятке километров от нее.

Эпсилону везет меньше. В вычислениях телепорта возникает ничтожная ошибка, а может, она возникла еще раньше, при интерпретации и трансляции данных. Точка назначения оказывается недостаточно отдаленной, и его ноги исчезают только за тем, чтобы спустя секунду персональная темпоральная петля вернула их на место. Горному хребту, находившемуся на одной линии со мной, повезло еще меньше, золотая волна разнесла его в пыль — как в этой реальности, так и в десятке соседних. Кажется, это был местный аналог Карпат. Полная тишина, в которой все происходит, действует угнетающе. Способность Зиона обнуляет все, что является «колебанием», включая движение молекул, так что его атаки оставляют после себя туманную взвесь замороженного воздуха.

Зион ужасен, но и у него есть слабости. К примеру, он не может делать несколько дел одновременно. Ту долю секунды, за которую он уничтожил горный хребет, Дэвиды используют для скоординированной атаки. Один изгибает пространство вокруг Зиона так, чтобы он не смог куда-то сбежать. Другой устанавливает помеховую завесу, не позволяющую сместиться в другую реальность. Конечно, все это не более чем секундное препятствие для нашего врага, но у него нет этой секунды. Третий атакует. Десяток огромных полупрозрачных синих сфер возникает рядом с мальчиком-клоном и устремляется к золотому человеку.

Не знаю точно, что он использовал. Похоже, магнитные ловушки с антиматерией, или что-то сравнимое по разрушительности. Во всяком случае, мир затопила настолько яркая вспышка, что светофильтры маски негодующе застонали, пытаюсь справиться с жестким

потоком фотонов. От температуры и взрывной волны нас прикрыли зеленоватые сферы, сотворенные одним из Дэвидов.

Сион одним неуловимым движением оказывается у нас за спинами. На его лице ярость, ненависть и ожесточение, но оно все еще неподвижное, нечеловеческое, неживое. Маска, надетая неведомой тварью из глубокого космоса. Его поврежденное тело быстро восстанавливается, все еще почти мгновенно, но уже не так быстро, как сутки назад.

Мы применяем главный калибр одновременно, с максимальным рассеянием. Уже не лучи, какие мы использовали в начале, а расходящиеся потоки, схожие с тем, что применил Сион секундой ранее. Белый свет сталкивается с золотым и гасят друг друга. Враг тут же прекращает атаку, смещается в сторону, словно ожидая контратаки. Возникшей заминки хватается, чтобы державшаяся на удалении Симург выстрелила ему в спину чем-то из своей супер-пушки. Это оказывается последней каплей и Сион ускользает в соседнюю реальность. Не теряя ни секунды, мы следуем за ним.

Это продолжается уже почти сутки.

Мы не едим, не отдыхаем. Персональные темпоральные петли избавляют нас от голода и усталости, и это выручает, ведь мы можем только продолжать драться. Любое промедление, оплошность, заминка — смерть. Левиафан и Бегемот уже заплатились за недостаточную маневренность, Сион уничтожил их с такой легкостью, будто убивает Губителей каждый вторник, от них не осталось даже пепла. Остается только гадать, почему он не сделал этого раньше. Симург пока держится, ее предвидение позволяет ей уходить от самых опасных атак, но я чувствую — она потратила на это противостояние больше, чем это было допустимо. Будь ее воля, она бы не задержалась в бою, но наброшенные Дэвидом пути держат ее крепко.

Смерть двух Губителей позволила двум Дэвидам получить в распоряжение третью способность. Это позволяет нам держаться, потому что подтвердились наши худшие опасения. Сион обладал той же способностью, что и Контесса, силой выстраивать абсолютно точный путь к достижению намеченного результата, и даже с невидимостью, дарованной силой Мантеллума, нам приходилось туго.

Поначалу мы доставали его без труда. Потом он начал пытаться уворачиваться, и успешность этих попыток зависела от расстояния, с которого наносился удар, так что мы перешли в более тесный контакт. Постепенно он просек этот фокус, и вместо лучей и направленных вспышек начал испускать своей золотой свет во все стороны, стоило кому-то из нас только подумать о выстреле. К счастью, сила трансляции вкупе с локальным ускорением времени позволяла нам уловить начало атаки и вовремя убраться из опасной зоны, однако наша суммарная огневая мощь заметно просела. Тем не менее, мы продолжали стрелять при каждом удобном случае, потому что по предположению Сплетницы, способность прокладывать путь к победе должна быть очень энергозатратной, что по идее приближало сценарий «Истощение».

Какое-то время у нас это получалось. Потом мощь его упреждающих контратак стала стремительно нарастать, он начал применять внезапные маневры и накрывать своими вспышками сразу множество реальностей. С одной стороны, это было хорошо, потому что мы явно задели его за живое. И это же было плохо, поскольку Сион учился с пугающей скоростью, и даже не видя нас за покровом Мантеллума, действовал все эффективнее.

Враг адаптировался. Но мы тоже. Формация перестроилась, теперь мы отступили во вторую линию и обеспечивали прикрытие Дэвидов от самых страшных атак Сиона, посылая

потоки белого света навстречу золотому, точно обратный пал против пожара. На какое-то время ситуация стабилизировалась. Похоже, эффективные меры противодействия такой тактике, с учетом трех неизвестных переменных, требовали заоблачных затрат энергии, много больше, чем Зион терял в бою с клонами.

Почти сутки мы гнали его через бесчисленные реальности. Дэвиды обрушивали на золотого ублюдка одну силу за другой. Они тоже экспериментировали, подбирали сочетания способностей, которые бы оказали наиболее разрушительный эффект. Зион быстро вырабатывал иммунитет, но всемогущих детей это не смущало, и они без сожалений отбрасывали переставшие работать силы, чтобы впустить новые. Симург поливала его энергетическими болтами и бог знает чем еще из своей супер-пушки, которую постоянно дорабатывала, стоило в радиусе ее восприятия оказаться случайному Технарю. И все равно этого не хватало.

В безлюдных реальностях мы отходили в тыл, позволяя Дэвидам обрушивать на Зиона свою хтоническую мощь, однако в обитаемых мирах нам приходилось брать дело в свои руки, пока клоны восполняли силы за счет подвернувшихся паралюдей. Зачистка должна была затронуть всех, иначе сохранившееся где-то правительство или регулярная армия станет точкой кристаллизации для общества старого образца. Не было времени налаживать связь с Контессой, так что речи о хирургически точных ударах не шло, и мы просто позволяли Зиону громить столицы стран, военные базы и инфраструктурные узлы. Однако вместе с тем мы следили, чтобы нанесенный ущерб не стал фатальным для мира в целом. В этом заключалась суть операции «Немыслимое»: все должны быть тяжело ранены, но никто — смертельно. Как только ситуация становилась угрожающей, мы все вместе усиливали напор, заставляли Зиона отступить в другую реальность.

Когда сражение шло над населенными мирами, я невольно задумывался: а как наша схватка выглядит со стороны? Будут ли о ней складывать красочные легенды, если останется кто-то, чтобы их сложить, или это будут скрупулезно собранные архивные факты и свидетельства? Как эта оргия разрушения и самого массового кровопролития в истории отпечатается в сознании людей?

По истечении суток стало ясно, что битва на истощение будет нами проиграна. Не знаю, насколько большой ущерб мы нанесли врагу, надеюсь, что заметный. Однако наше годами заготавливаемое снаряжение начало показывать первые признаки износа. Микросекундная задержка между мысленной командой и активацией телепорта, падение напряжения в энергосистеме на уровне погрешности, еле заметная рябь на ретинальном дисплее маски. То, на что не обратишь внимания в обычный день, но может стать фатальным в бою с космическим богом.

Более того, мы банально уставали, психологически. Даже во время охоты на Неформалов и Бойню не было так тяжело. Тогда я мог передохнуть, отдышаться, составить план. Сейчас нет ни одной свободной секунды. Дэвидам немного легче. В отличие от нас, они могут позволить себе минутный перерыв, сжевать пайки, хлебнуть воды из фляжки, а комбинируя разные способности, снимают усталость и потребность во сне.

Томительно медленно сменяются цифры на хронометре с обратным отсчетом. Мы пообещали Александрии тридцать шесть часов... сейчас я уже сомневаюсь, что мы продержимся хотя бы тридцать.

Очередная реальность. Мертвый, практически стерильный пустынный мир. Здесь можно не осторожничать. Дэвиды первыми переходят в наступление, выпущенные ими

жгуты непроглядной тьмы опутывают Сиона, пытаются выкачать из него энергию также, как они это проделывали с паралюдьми. Он сопротивляется, причем не нейтрализует сам эффект способности, а почему-то вырывается из пут грубой силой. Слишком свыкся с человеческим телом? Нет времени об этом подумать. Действуя на одной волне, мы одновременно задействуем наступательные системы, и атакуем скованную цель.

Потоки высокотемпературной плазмы полностью скрывают золотую тварь из виду и врезаются в безжизненную землю, оставляя километровые оплавленные борозды. Не время для главного калибра, он разрушит и вытягивающие энергию черные жгуты. На ретинальном дисплее начинает мигать красным тревожный сигнал.

Излишне. Через многочисленные имплантаты, подключенные к нервной системе, я ощущаю оборудование как часть себя. Я стараюсь не анализировать это ощущение, сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас, потому что это довольно жутко — ощущать себя огромным комплексом непостижимой машинерии, раскинувшимся на десятки миров. Прямо сейчас я ощущаю, как одна из частей моего гигантского тела пылает в огне. Плавятся стальные балки и опоры, вечные антарктические льды превращаются в исполинский столб пара. Неисправность. Перегрузка. Авария.

В этот момент все и покатило к черту.

Сион конвульсивно дернулся, а потом вдруг расслабился и закрыл глаза. Дэвиды продолжали вытягивать из него энергию в немыслимом количестве, но он ни на что не реагировал, будто погруженный в глубокую медитацию. Так продолжалось около трех секунд, а потом наша интуиция, дарованная способностью трансляции, взвыла в ужасе.

Сион не просто решил вздремнуть, он пошел ва-банк. До сих пор его способность конструировать будущее не работала на нас, потому что он инстинктивно берег энергию, не задействовал ее полный потенциал. Однако мы всемером довели его до точки, когда он был готов сжечь десятки, сотни лет своей жизни, лишь бы избавиться от нас раз и навсегда.

Сион встал на Путь, как это делала Контесса, и этот Путь не сулил нам ничего хорошего. Дэвиды брызнули от него в стороны как мальки от щуки, но они и его сейчас не интересовали. Движения золотого человека стали резкими, точными, выверенными. Идеально соответствующими достижению поставленной цели.

Он одним движением сместился в далекую реальность. В ту, где находилась исполинская машина, являвшаяся нашим главным калибром. Мы последовали за ним достаточно быстро, чтобы перехватить его первую атаку... и доли секунды, потраченные на это, лишили нас возможности отреагировать на следующее действие.

Сион обрушился с небес на землю, словно золотой метеор. Он не просто упал на землю, а забурился глубоко в нее, на сотни метров вглубь. И мы, к вящему своему стыду, просто не предусмотрели такого хода. Привыкнув парить в небесах, мы и представить не могли, что придется сражаться в толще земли. А Сион смог. И когда он с мстительным наслаждением высвободил свою силу, разверзся подлинный ад.

Одним ударом золотое чудовище не просто уничтожило нашу машину. Оно обратило буквально в ничто все вокруг себя на много километров. Воздух, почву, литосферные плиты. Реакционный телепорт услужливо выбросил нас из зоны поражения, но даже с огромного расстояния мы могли наблюдать, как светится магма в глубинах планеты.

Сила трансляции донесла до нас отзвук кровожадной радости, которая наложилась на волну нервного шока. Отдача от уничтожения гигантской машины пронеслась по нашим телам фантомной болью и онемением, словно каждый из нас потерял конечность.

Секундное промедление, но и этого Зиону хватило, чтобы прорваться в наше построение.

Мы не сдавались без боя, пытались сопротивляться. Мы все еще были невидимы для его восприятия, Вещание все еще служило нашим предвидением и системой целеуказания, однако затратив колоссальные объемы энергии, Зион выстроил себе Путь с учетом этих помех и перехватил инициативу. Речи о победе, или даже сдерживании, уже не шло. Теперь мы просто пытались выйти из боя, но Зион начисто игнорировал Дэвидов, обрушивавших на него рвущие самую ткань реальности силы. Ему были нужны мы.

Двести сорок три секунды.

Ровно столько времени понадобилось Зиону, чтобы одержать победу и преподать урок о том, что сила системы определяется самым слабым элементом. Слабым звеном оказался я, «мой» Дэвид имел в распоряжении лишь две способности, расходуя третью на контроль Симург. Из-за этого он не смог прикрыть меня так, как двое других, и в какой-то момент рука Зиона пробила мою грудь и позвоночник, одновременно с этим уничтожив имплантат, отвечающий за персональную петлю времени.

Зион смотрел мне в глаза с торжеством, он смаковал каждое мгновение моей агонии. Сейчас он казался куда более человечным, чем во время нашей односторонней беседы над Африкой, его лицо стало... живее что ли. Я вскинул руку, послал мысленную команду на индукционный ускоритель, чтобы хотя бы напоследок стереть эту мерзкую садистскую гримасу. Он перехватил мою руку своей, издевательски склонил голову на бок и сжал пальцы. Лучевая и локтевая кости превратились в крошево, мышцы — в фарш.

Мир перечеркнул белый сполох и Зион отпрянул назад. Одна его рука полетела куда-то вниз, другая осталась торчать в моей груди, не давая даже сделать последний вздох. Каким-то не то восьмым, не то девятым чувством я осознал, что это сделали не мои братья, и даже не Дэвиды, а Симург. Она успела считать технологию главного калибра за ту секунду, что понадобилась Зиону на его уничтожение.

Сам золотой ублюдок уже отрастил новые руки. Еще чуть-чуть медленнее, чем восстанавливался совсем недавно. Все ведь было не напрасно, верно? Я потянулся с этой мыслью к братьям, и был шокирован бешеным отпором.

ВЫТАЩИ ЕГО

Эта мысль-слово-команда предназначалась не мне. Она предназначалась «моему» Дэvidу. Дэvidу, который проигнорировал мой мысленный импульс, требующий помочь остальным. Потом быстрая и обильная кровопотеря лишила меня сознания.

Некоторое время спустя

Возвращаться к жизни никогда не было приятно, и не важно, служит местом воскрешения капсула молекулярного принтера или палатка полевого госпиталя. Если тебя пришлось вытаскивать с того света, значит ты где-то крупно наложил. Не в первый раз, кстати. Серьезно, Конрад, ты можешь хоть кого-нибудь качественно укокошить с первого раза?

Я приподнялся на локте и осмотрелся. В палатке было пусто. Прошло слишком мало времени, армия еще не начала действовать и поставлять поток раненных? Я рефлекторно скосил глаза вбок, но запоздало сообразил, что маски на мне нет, она лежит на тумбочке рядом. Значит, работала Эми. Больше никто не смог бы снять ее, пока я без сознания, не активировав оборонительные подсистемы.

Нет, времени прошло уже порядочно. Судя по углу падения и интенсивности

солнечного света, перевалило за полдень. Операция «Немыслимое» началась в полночь по Гринвичу, военный совет собрался в семь вечера по местному времени, двадцать семь часов и восемь минут мы сдерживали Циона. Я провалялся в отключке от шести часов до полутора суток. А палатка пуста потому, что никто не должен был видеть Эйдолона поверженным.

Я попытался встать на ноги и поразился тому, насколько мне тяжело двигаться. Большая часть тела словно онемела... нет. Не тела, оно как раз в порядке. Чувство онемения — это лишь попытка мозга переработать сигналы от подключенного оборудования. Уничтоженного оборудования.

Несколько секунд я еще осмыслял произошедшее, а потом меня скрутило до тошноты. Почти все оборудование, раскиданное по куче миров, уничтожено. Им не мог пользоваться я, не могли и Дельта с Эпсилоном. А без него, что они могли противопоставить Циону?

Я схватил маску. Отчаянный жест, вопреки логике, интуиции и здравому смыслу. Операционная система костюма еще кое-как работала, связь тоже. Я смел в сторону заполонившие весь обзор тревожные оповещения и включил наш, внутренний канал.

— Гамма — всем, ответьте.

Ничего.

— Гамма — всем, повторяю, ответьте!

Тишина. Только шелест помех.

С глухим рыком я пнул ни в чем неповинную тумбочку так, что она треснула.

Гребаный Цион, гребаное все! Почему опять?! Чем они заслужили это?! Чем я это заслужил?!

— Видеоархив. Директории «Дельта» и «Эпсилон». Воспроизвести последние файлы с девятой минуты двадцать седьмого часа.

Передо мной возникло два окошка, на которые пошел видеопоток. Я увидел, как один из Дэвидов отпускает две свои силы, оставив себе только контроль над Губителем, и выбирает другие, чтобы разыскать за сотнями слоев реальности Эми и доставить меня к ней. Как Симург подхватывает меня телекинезом и заслоняет крыльями от атак Циона, а Дэвид утягивает нас в пространственную воронку. Как мои братья обмениваются короткими кивками и последним брэфистом.

«Чрезвычайный протокол «Пандора»: активация», — прозвучали в наушниках твердые, спокойные голоса обреченных людей, которые пожертвовали ради победы абсолютно всем.

Они пошли на крайнюю меру, чтобы прикрыть эвакуацию. Отрезав самим себе любые пути к спасению, они дали мне еще один шанс, и сейчас я ненавижу их за это. Эти двое были лучше меня, чище меня! Они не заслуживали участи быть пожранными собственными агентами, лишившимися всех ограничений! Да если бы я мог...

Я рухнул на койку: от гипервентиляции подкосились ноги. Мои руки сами собой сжались в кулаки. Я не имею права раскисать, только не сейчас. Иначе жертва моих братьев будет напрасной.

— Полная диагностика.

Погано. Даже не уверен, что могло бы быть хуже. Почти все оружие уничтожено, сейчас я мог рассчитывать только на заимствованную через имплантаты силу Эшли. Из оборонительных систем не уцелело ничего. Основная масс-кинезисная двигательная система уничтожена, вспомогательная электрогравитационная еле дышит, в лучшем случае выдаст дозвуковую. Маскировочная система... надо же, работает. Как только Цион не догадался и ее разнести? Бортовой компьютер и когнитивные усилители... хреново, но функционируют.

Физических повреждений много, но благодаря сетцентрической архитектуре, какая-то работоспособность сохраняется, хотя быстроедействие очень сильно просело. Система жизнеобеспечения держится на честном слове. Дышать в разряженной атмосфере позволит, но и только. Фазовый сместитель... надо же, тоже кое-как, но работает. Однако из-за поврежденного компьютера мгновенно перейти в другую реальность уже невозможно, подготовка портала потребует сравнительно долгих расчетов, а потом еще более долгого остужения, чтобы дышащая на ладан установка не расплавилась.

Сам костюм внешне выглядел не намного лучше. С зияющей в груди дырой, весь залитый кровью, ниже правого локтя вообще ничего не осталось. Ни о какой герметичности речи уже не шло, только срам прикрыть.

Подведем итог. Как боевая единица, Эйдолон перестал существовать. При мне осталась сила Вещания. Я все еще могу сосредоточиться на каком-то одном проекте, который можно завершить в течение суток-двух. Вероятность, что это как-то поможет, один на миллион, но хотя бы не ноль. Но сначала нужно понять, что вообще происходит.

— Дверь к Лизе, — сказал я. Портал не замедлил появиться и, благодарно кивнув Ясновидцу, я прошел в штаб.

Сейчас в штабе было уже далеко не таклюдно, как на совещании. Теперь тут сидело только несколько Умников, поглощенных ходом сражения, среди них я заметил Счетовода, Дину и Аккорда. Вокруг голопроектора теперь громоздились терминалы и массивные блоки системы охлаждения — работа Дракон. На меня никто не обратил внимания, так что я подошел к Лизе и хлопнул ее по плечу. Та вздрогнула от неожиданности, резко обернулась и демонстративно скорчила гримасу, прежде чем вернуться к своему занятию.

— Насколько все плохо?

— Хуже, чем надеялись, лучше, чем опасались, — она нажала несколько кнопок и вывела на монитор инфографику. — Зион некоторое время бессистемно перемещался по различным реальностям, как обитаемым, так и эвакуационным, однако значимого ущерба не наносил. Со слов выживших очевидцев, он старался убивать одних людей так, чтобы доставить как можно больше страданий другим. Родственников, друзей, супругов.

— Армия действует?

— Пока да. Кейпов пришлось бросить в бой раньше запланированного, — Лиза одарила меня злорадно-презрительным взглядом, — так что завязали бой небольшие мобильные группы. Быстро атаковали, быстро отступали. Потери были в приемлемых рамках. Но чем более крупные силы мы подключаем, тем яростнее Зион сопротивляется.

— Ожидаемо, разве нет?

— Не все так просто. Небольшая масса сил, сконцентрированных в одном месте, не вызывает в нем реакции, но когда их слишком много, да еще действующих совместно... это что-то пробуждает. Воспоминания. Болезненные ассоциации. Не знаю, хорошо это или плохо, но вы серьезно подтолкнули его личность в развитии, — Лиза самодовольно ухмыльнулась и добавила, — хотя все равно облажались по итогу.

Я не почувствовал обиды или злости. Эти чувства были чем-то, что я оставил позади давным-давно. Я просто взял эту веснушчатую суку за горло одной рукой и сдавил. Она задергалась, со страхом вытаращила глаза, ее рука метнулась к бедру... бластера там ожидаемо не оказалось, технарское оружие Лиза не любила и постоянно «забывала» его в своей комнате. Я наблюдал за тем, как она задыхается, с каким-то тупым безразличием. Еще пару минут назад я был готов захлебнуться горем, а сейчас эмоции словно выключили.

Глаза Лизы уже начали закатываться, а руки обмякли, но тут в штабную палатку ворвалась Александрия. Только что из боя, в потрепанном костюме, от плаща остались лохмотья, но сама невредимая. Увидев, что происходит, она метнулась к нам, схватила меня за плечо и со всей своей немеряной силой развернула к себе.

— Отпусти ее, — выцедила она сквозь зубы яростно.

— Или что?

Мог бы и не спрашивать, и так понятно «что». Сейчас Александрия могла убить меня вообще без усилий и не факт, что я успею выстрелить первым. Она всегда мыслила рационально, что до смерти, что после воскрешения. Сейчас, с ее точки зрения, я был отработанным ресурсом, бесконечно менее ценным, нежели единственный Умник заоблачной мощи, способный уверенно добывать информацию о Сионе. Я отшвырнул Лизу так, чтобы она врезалась головой в монитор. К сожалению, монитор выдержал.

— Мне нужна информация.

— У меня нет времени, — Александрия прошла мимо и принялась осторожно, чтобы случайно не сломать шею, приводить в чувство Лизу.

На секунду у меня возникло желание прикончить ее прямо сейчас, пока она отвлеклась. Нет, рано. Пока она еще приносит больше пользы, чем вреда. Я посмотрел на остальных кейпов-Умников, которые отвлеклись на шум. Все носили на головах произведенные Дракон и Масамунэ модули системы стратегического управления в виде тонких обручей. Произвели они, но проект создал я, на тех же принципах, на каких работала сила Вещания. Благодаря этому связь была неуязвима для любых помех, и действовала через реальности. Грохну Александрию — об этом тут же узнает каждая собака.

Я молча развернулся и ушел.

Нет смысла суетиться. Ни к чему провоцировать конфликты. Если Александрия думает, что меня можно отодвинуть в сторону только потому, что я лишился вооружения, ей стоит подумать еще раз. Не все идет так, как мне хотелось бы, но в целом план реализуется. Мы выиграли время, необходимое для развертывания сети стратегического управления. Сион от глобальных атак перешел к точечным, индивидуальным. Собранная армия его атакует, с неизвестным успехом, но атакует. Если повезет, чрезвычайный протокол «Эгида» останется незадействованным. Знать бы еще, насколько сильно мы просадили его по энергетическим резервам...

Сам лагерь выглядел брошенным, поскольку большая часть собранных паралоудей участвовала в бою. Толпа была только возле полевого госпиталя. На специально отведенной площадке поблизости непрерывно открывались порталы, через которые доставляли раненных. Такой чести удостоивались немногие, ведь целителей было мало, а даже на совещание собралась лишь малая часть тех кейпов, кого планировалось бросить в бой. Старались спасти самых ценных и наименее проблемных.

По такой логике, на меня вообще не должны были тратить время, но не нашлось идиотов спорить с всемогущим мальчиком, держащим на поводке собственного Губителя. Кстати о птичках...

Я вывел на ретинальный дисплей маски информацию о статусах членов Котла. Все пока еще живы, как ни странно. Эшли, Кевин, Эберт-старший и Мегуми сражаются, Райли и Эми заняты в госпитале. Дэвид тоже жив, почему-то находится на базе. Могу предположить, что Александрия либо решила держать Симуург подальше от армии, либо предпочитает иметь еще одну нетронутую козырную карту в довесок к Контессе.

Эшли, Кевину, Мегуми и Эберту я разослал сообщение: выйти из боя, общий сбор на базе через полчаса. Дине доверять нельзя. Эми и Райли можно, но они сейчас нужнее в госпитале. И надо хоть что-то поесть, а то уже ноги еле держат.

Ничего похожего на столовую или кухню здесь, понятно дело, не было. Был склад с готовыми пайками-батончиками, один из многих заранее заготовленных, и водоочистная установка на берегу озера. У последней я наполнил фляжку, пайки у меня и так были: пояс с подсумками каким-то чудом пережил двадцатисемичасовую схватку.

Устроившись в тени на каком-то контейнере, подальше от посторонних глаз, я уже развернул пленку, когда на голову свалилась очередная проблема. «Свалилась на голову» в прямом смысле, да и «проблема», если подумать, тоже.

— И снова приветствую вас, Вещатель и Зодчий, — произнесла Королева Фей, плавно опускаясь на землю в окружении трех призраков. — Пусть теперь и в одном лице.

— И вам того же, — я кивнул, чтобы соблюсти какую-то вежливость, но отказываться от еды ради этой чокнутой не собирался, и вонзил зубы в батончик.

Паек этот недалеко ушел от аварийных рационов — огромное количество жира и разнообразных углеводов, сдобренных аминокислотами и витаминами. В пайки, выдаваемые кейпам, добавлялись некоторые кокаиноподобные интересные притуплявшие чувство страха, и окситоцин. На вкус вовсе не так мерзко, как можно ожидать, наоборот: как жирное и очень сладкое печенье.

— Прискорбно, что вы не смогли заставить его потратить достаточно времени, это был бы наилучший исход.

Она говорила не о времени, затраченном на бой, а о времени жизни Зиона. Еще одна подтвержденная гипотеза. Я лишь пожал плечами.

— Не корите себя. Никто не смог бы сделать больше.

— Вопрос не в том, сколько мы смогли сделать, Королева Фей. Вопрос в том, сделали ли мы достаточно.

Она была чудовищем того же порядка, что и я. Уникальное сочетание обстоятельств и непредвиденных случайностей, из-за которого засеянный, кастрированный агент расцвел невиданной мощью. В других обстоятельствах, наверное, мы бы нашли о чем поговорить. Но мое чутье кричало при виде нее, и я бы скорее доверился Лизе, чем Королеве Фей.

— Может быть, успеха достигнет эта армия, — она вздохнула с затаенной надеждой. — Может быть, ему наскучит игра раньше.

— Вы не хотите его гибели, — догадался я.

— Нет, не хочу. Если он найдет свое отражение, так или иначе, Цикл продолжится, танец фей свершится.

Фей. Демоны. Агенты. Осколки.

— Вашим чаяниям едва ли суждено сбыться. Танец фей, о котором вы говорите, невозможен. Когда эти существа прибыли на нашу планету, все пошло неправильно. Зион не встретит свое отражение, потому что оно мертво. Я видел труп.

— Я стараюсь не терять надежды. Без нее было бы слишком трудно жить. Может, по чистой случайности, сюда явится кто-то еще одного с ним рода.

— И велика ли вероятность подобного события?

— Мала, — признала Королева Фей. — Исчезающе мала.

— Тогда почему бы вам не прекратить цепляться за миражи и не примкнуть к нам?

Девушка с глазами старухи звонко рассмеялась. Точнее, кому-то со стороны это могло

показаться смехом. Я слышал надлом. Призраки закружились вокруг нее, потеряли форму, и их место заняли другие.

— К вам, в вашей священной войне? Или к вам, к людям?

— Может, вы считаете, что фея могла додуматься до того, к чему стремлюсь я? Я не обещаю вам танца фей, но я обещаю вам нечто, что вы сейчас не способны даже осознать. И никому не будет дела до того, что с вами было раньше, что вы были узницей Клетки.

— Ты просишь меня пойти против Зиона, Вещатель? — усмехнулась она. — Против моего хозяина и прародителя?

— Зион сломан так же, как и весь Цикл, — ответил я, вспомнив его искреннюю жестокую радость в тот миг, когда он вырвал сердце из моей груди. — Если вы видели его вблизи, то должны понять, во что он превращается.

Королева Фей не ответила, ибо крыть ей было нечем. Я понимал, что разговаривая с ней в таком тоне, играю с огнем. Судя по наблюдениям Дракон за Клеткой, она убивала только за то, что ее называли «человеком». Ну что же... Вещатель любит ходить по краю. Джек благодаря ему четверть века прожил. Королева Фей еще немного постояла в задумчивости и не прощаясь исчезла. Я снова принялся за рационный паек, и снова меня прервали. Похоже, поесть мне сегодня не дадут...

— Майор Пелхам? — спросил я с почти не притворным безразличием. — Разве вы не должны быть на передовой?

— Нас вывели на ротацию и восполнение потерь, — она приземлилась и немного отдышалась. — Что *ты* здесь делаешь?!

— Ем.

В подтверждение своих слов, я откусил кусок побольше, и принялся медленно и тщательно его жевать. Кристал, однако, намеков не понимала, или понимала, но игнорировала. Если поднапрячь память, она всегда находила какое-то удовольствие в том, чтобы стоять у меня над душой, даже две жизни назад, до Левиафана, Бакуды и похищения Дины.

— Ты ничего не хочешь мне объяснить? — спросила она, когда я уже больше не мог мусолить прожеванный паек во рту.

— Нет, — отрезал я и принялся пить из фляжки.

Вместо того, чтобы устроить дурацкую и бессмысленную истерику, чему я бы не удивился, она уселась на контейнер рядом. Вид у нее был потрепанный и измотанный.

— Что ты такое? — спросила она. — Ты тот же Конрад, которого я знала, или нечто иное?

— Не тот же.

Она беззвучно рассмеялась и спрятала лицо в ладонях. Держится на пределе. Тяжело перенесла последние дни. Видимо, потеряла кого-то из друзей, из своего отряда.

— Настоящий Конрад, он же Альфа, погиб в бою с Левиафаном, в мае 2011-го. Он слишком сильно приблизился к тому, чтобы убить Губителя, и тот перестал сдерживаться, — сказал я неожиданно для самого себя. — Второй, Бета — результат неправильно спроектированного устройства для экстренного извлечения, квантовая копия. Идеально скопированное тело, но вот память оно перенесло плохо, этим пришлось заняться агенту, источнику суперспособности. А у него было свое представление о том, какие воспоминания имеют ценность, а какие нет. Бета прожил недолго, но дел наворотил немало, его убил Эйдолон, тот который настоящий. Третий, Гамма, это я. Я был тем, кто

окончательно истребил Бойню № 9 в сентябре 2011-го, а потом вышел на контакт с Котлом и надел маску Эйдолона.

— А те двое, что были с тобой?

— Клоны, которых создала Эми Даллон, по моей просьбе. Ничем от меня не отличались, и не повиновались мне. Мы были равноценны, взаимозаменяемы, — я дожевал батончик, высосал досуха фляжку и сожалением повесил ее на пояс. Больше формального повода отмалчиваться не было. Надо было начать курить, как Эпсилон. — Мы изредка собирались, когда выдавалась свободная минутка. Фантазировали за стаканом виски, как выиграем эту войну и разойдемся каждый своей дорогой.

— Боже мой, семь лет... — пробормотала Кристал под нос. — И знала только Эми?

— Ну, еще Эмили Пиггот, если помнишь такую. Была директором отделения в Броктоп Бей, пока ее не заменили на полковника Тагга.

— Помню. Она еще жива?

— Три дня назад была. Сейчас не знаю. Но думаю в порядке. Мы навязали Сиону бой до того, как он разошелся на Земле Бет по полной.

Кристал тяжело вздохнула, но я чувствовал, что сейчас она куда дальше от нервного срыва, чем пару минут назад.

— Ты сможешь в бою? Там... тяжело приходится.

— Я Технар, если ты забыла. Сион уничтожил все, что строилось годами, так что я свое отвоевал, — поднявшийся в крови сахар придал бодрости, и я почти без усилия встал на ноги. — Но это не значит, что не могу ничего. Симон, дверь на базу!

Я обратился к Привратнику по его настоящему имени. Одна из мелочей, обеспечивавших его лояльность. Проскользнул в портал и остановился, чтобы собраться с мыслями. До назначенного общего сбора у меня еще есть немного времени, так что стоит заглянуть в пару мест.

Начал я со своей комнаты. Пользовался я ею нечасто, поскольку сон мне не требовался, но хранить всякие мелочи тут было удобно. Во-первых, запасной костюм, взамен испорченного. На исправность оборудования никак не повлияет, но хоть выглядеть буду опрятнее. Во-вторых, множество ножей, лезвий и шипов, которые я развесил по телу или спрятал под броневыми пластинами. Терпеть не могу пользоваться силой Джека по ее прямому назначению, но сейчас выбирать не приходится. В-третьих, пистолет с запасной обоймой и набедренной кобурой. Не технарский бластер, а самая обычная «Беретта». Последний довод на самый крайний случай.

Потом я пошел в комнату отдыха. Находиться здесь было неприятно. Слишком многое напоминало о погибших братьях. Я достал из бара нетронутую бутылку виски и перелил все во фляжку. Немного подумал, и снял со стены три фотографии в рамках. На первой был изначальный состав Котла, каким он был в семьдесят восьмом году. Счетовод на ней выглядел сущим ребенком, а Александрия еще не научилась улыбаться. Второе фото от первого отделяло пятнадцать лет. Героя на ней уже не было. Третье было сделано чуть больше года назад. Я аккуратно вынул фотографии из рамок и спрятал под броней.

Вроде все? Здесь точно все.

Закончив в комнате отдыха, я спустился в мастерскую Антигероя. Хозяина тут не было, а все, что представляло ценность, он уже выгреб. Однако я знал про один проект, который изначально вел специально для нас, но потом забросил из-за недостатка времени. Среди груд хлама, металлических обрезков и проводов на одном из верстаков нашелся зеленый меч,

искусственно выращенный изумрудный монокристалл. Немного не завершен, не хватает источника питания, однако энергетическая матрица в отличном состоянии.

Я взял меч и на пробу сделал несколько взмахов и выпадов. Идеально. Похоже на мой самый первый серьезный проект. Не точная копия, но изящество конструкции и баланс соответствуют. Смотреть на меч было немного грустно. После второго триггера я уже не мог делать *красивые* вещи.

Ножны с мечом отправились на пояс, и я попросил у Привратника дверь к Дэвиду. Тот, к моему удивлению, обнаружился не абы где, а на четвертом уровне базы. Там, где лежала мертвая инопланетная тварь, «отражение» Зиона. Мальчик с любопытством рассматривал исполинское чудище, а Симург следовала за ним, будто шарик на веревочке.

— Эй, мелкий! — окликнул я его.

Мальчик обернулся.

— Что ты тут делаешь?

— Мне интересно, — ответил он тихо.

— Еще насмотришься, — я старался не смотреть на тварь, но даже находиться рядом с ней было невыносимо. — Пойдем отсюда.

— Я помню, — сказал он вдруг. — Мы сражались. Ты убил меня.

— Не я, и не тебя. Ты — другой человек, хотя и похож внешне. И я не тот, что прежде. Кстати, ты тогда меня тоже убил, так что мы в расчете. Пойдем.

— Ребекка сказала быть тут.

О, вот оно что.

— Дэвид, послушай меня. Сейчас множество кейпов сражается с золотым человеком, им очень тяжело. Мы должны помочь.

— Нет, — мальчик помотал головой. — Золотой человек придет сюда. Он ищет свое отражение, так сказала та девочка с феями.

Придет... девочка с феями...

— А ты не знаешь, когда он придет? — уточнил я на всякий случай.

Дэвид поднял голову, глядя куда-то вверх.

— Уже пришел.

Ох, еп! Я стукнул по маске, открывая канал связи.

— Гамма — Бойне! Сбор отменяется, Зион на базе! Мегумин, чрезвычайный протокол «Выжженная земля» через тридцать секунд! Остальным эвакуировать Ясновидца с Привратником и отправляться в главный штаб на Бет!

— Сколько раз я говорила не называть меня так?! — взъерепенилась Мегуми, когда-то бывшая Бакуда, но за прошедшие годы я смог вбить ей в голову достаточно дисциплины, чтобы она выполняла приказы.

— Быстро, блять, отсчет пошел!

Вспышка золотого света пробила верхние перекрытия, и через образовавшееся отверстие влетел Зион. Я одной рукой включил единственное остававшееся у меня оружие, а другой схватил Дэвида и потащил за собой. Только бы пацану не пришлось в голову ударить, Зион нас попросту сметет. Но он не атаковал, только заморожено следил за действиями врага.

А Зиону, казалось, не было до нас никакого дела. Он плавно спустился к тому месту, где на вершине груды причудливо переплетенной плоти торчал женский торс. Он, конечно, был порядком искромсан, множество частей этого тела пошло на особо мощные составы, но

прежний облик вполне угадывался.

Я не рискнул просить портал у Привратника. Не хватало еще навести Зиона на наш бесценный вспомогательный персонал. Вместо этого я бросил всю оставшуюся вычислительную мощь на расчет координат для фазового сместителя. Только бы не посмотрел, только бы не посмотрел...

Зион было плевать. С выражением сильнейшего потрясения на уже практически человеческом лице, он медленно протянул руку и коснулся изуродованного женского лица. Через мощную оптику маски я видел, как подергивается его грудь, словно золотое чудовище давится рыданиями.

— Босс, у меня небольшая проблемка, основной сценарий «Выжженной земли» недоступен, — сообщила Мегуми. — Переключаюсь на резервный. Нужны координаты.

— Наводись на мои, плюс шестьсот метров на восток.

— Поняла, десять секунд готовности.

Зион взревел, и его вопль разнесся по всему многокилометровому гроту, в котором хранился труп его «отражения». Ой, что сейчас будет...

— Дэвид! — я встряхнул мальчишку за плечо. — Отправь Симург, пусть задержит!

Тот вздрогнул, будто очнулся от дремоты, и в ту же секунду Симург набросилась на Зиона.

— Пушку ее забери!

Дэвид кивнул и схватил оружие собственным телекинезом. Симург задергалась, будто внезапно осознала безнадежность положения, но сделать уже ничего не могла. Тем временем фазовый сместитель, наконец-то завершил расчеты и рядом раскрылся портал.

— Мегумин, взрывай! — заорал я, увлекая за собой Дэвида.

Чрезвычайный протокол «Выжженная земля» сработал, стоило нам только пересечь границу миров. Это был не взрыв бомбы в привычном смысле, нет, Мегуми бы ни за что не опустилась до чего-то настолько банального. Последним, что я увидел через захлопывающийся портал, был болезненный радужный вихрь, даже простой взгляд на который вызывал тошноту.

Пресвятые угодники, она телепортировала на базу Спящего.

Я попытался представить, что произойдет с местом, где одновременно находятся Зион, Симург и *очень* рассерженный Спящий... мое воображение выполнило недопустимую операцию и было закрыто.

Мы снова стояли посреди лагеря, прямо перед штабной палаткой. И чутье мне подсказывало, что до сих пор была разминка. Настоящие проблемы начались только что.

«Now that you know
 Your way in this madness
 Your powers are gone
 Your chains have been broken
 You've suffered so long
 You will never change»
 Within Temptation, «Demon's Fate»

Ставка Протектората

— Эйдолон собирается убить Дракон.

Поначалу полковник Колин Уоллес, которого большинство по привычке продолжало называть Отступником, не сразу осмыслил сказанное. Мысленно он все еще находился на поле боя, где командовал силами Протектората в попытках нанести Зиону хоть какой-то ущерб. Его черную как сажа броню покрывали борозды, несколько наружных пластин оплавилось. Неуязвимый доспех, вытеснявший нанесенный ущерб в массив мнимых квантовых состояний, начал пасовать под напором золотого чудовища. Но, по крайней мере, он еще был жив. Многим повезло куда меньше, слишком многим.

— Эйдолон собирается убить Дракон, — повторила Сплетницей.

Усилием воли Колин заставил себя сосредоточиться на стоящей перед ним девушке, которая перехватила его у входа в штабную палатку. Она выглядела немного старше, нежели во времена Броктон Бей, но заметно младше, чем следовало бы исходя из прошедших лет.

«Биокинетическое вмешательство. Продолжительное воздействие хроностазисных способностей», — выдвинул предположения нечетко-логический модуль.

Глава Протектората раздраженно отключил его. Последнее, что ему сейчас требовалось — неуверенные подсказки толком не отлаженной подсистемы. Он открыл забрало шлема и посмотрел на Сплетницу уже собственными глазами.

— Ты в этом уверена?

— Абсолютно.

— Зачем ему это делать?

— Если ответ «потому что он испорченный Симург мегаломаньяк» вас не устроит, давайте поговорим без посторонних ушей. Это крайне важно, и касается всех нас.

Несколько секунд Колин еще колебался. По Сплетнице и раньше было мало информации, а последней записью в личном досье было «убита Ахриманом». Не ловушка ли это? В обычной ситуации он бы привлек одного из подчиненных Умников, вот только за последние полтора года Падшие устроили на них настоящую охоту, а оставшиеся мало могли помочь. На всякий случай он проверил, работает ли система противодействия Властелинам и жестом велел девушке следовать за ним.

Вдвоем они покинули штабную палатку и направились к стоящему поодаль кораблю Дракон. Некогда могучая машина выглядела еще более изломанной, чем ее пилот, в воздух уже не поднимется без длительного ремонта, но ее бортовое оборудование еще можно было использовать. Именно этим и занималась Дракон, собирала из выпотрошенного радиопередатчика и центрального процессора дополнительные узлы сети стратегического

управления.

— Дракон, отвлекись на минуту, — сказал Колин. — Сплетница утверждает, что у нее важная информация.

— Да, и она касается Эйдолона.

— Она утверждает, что Эйдолон хочет тебя убить.

— Не только вас. Всех паралоюдей.

Оружейник указал Сплетнице на пассажирское сиденье... хотя, правильнее было бы называть ее Лизой, поскольку кейповский костюм она не носила, только обычный офисный пиджак с юбкой.

— Если Эйдолон хочет смерти всем паралоюдям, ему было бы достаточно подождать, пока Зион нас всех не перебьет, — заметила Тереза, но паяльник все же отложила.

— Вы просто плохо понимаете, что это за человек, — хмыкнула Лиза. — Я за эти годы его неплохо изучила. Он ненавидит парасилы, хотя охотно ими пользуется. А его фантастически раздутое самомнение, помноженное на извращенный комплекс Мессии, толкает его к совершенно безумным идеям. Пока он на нашей стороне, но если каким-то чудом мы все же одолеем Зиона, Эйдолон не остановится. Я не знаю подробностей, этот его плащ затрудняет работу моей силы, но полностью уверена, что его целью станут все существующие паралоюды, включая Дракон. Особенно Дракон, поскольку вы слишком могущественны, и опасны даже для него.

— Он приходил ко мне за пару дней до того, как все началось, — задумчиво произнесла Тереза. — Задавал странные вопросы. Вроде того, останусь ли я на стороне человечества спустя сто или тысячу лет.

— Ты не говорила об этом, — сказал Отступник.

— Мне показалось это несущественным, других проблем было слишком много.

— Да, но что вы ему ответили? — насторожилась Лиза.

— Что сейчас нет смысла задумываться о подобном.

— Поздравляю, именно в этот момент он подписал вам приговор. И поверьте, у него есть средства, чтобы уничтожить вас. Помните Святого? Его группа бесследно исчезла несколько лет назад, и заставил их исчезнуть Эйдолон. Ему были нужны программные инструменты Эндрю Рихтера, вашего создателя, которые он оставил на случай, если вы пойдете в разнос.

— Это может быть планом Симург? — на всякий случай уточнил Колин.

— Нет. Не думаю. Она перешла в пассивное состояние после смерти первого Эйдолона, а сейчас уничтожена окончательно, только вот нам от этого не легче. Я не знаю, что испортило Эйдолона сильнее — влияние Симург в детстве, травмы полученные после триггера или банальная власть, но он является как бы не большей проблемой чем Зион. Зион хочет просто убить нас всех, Эйдолон грезит новым мировым порядком. Перед тем как явиться на военный совет, он зачистил все официальные власти. Тоже самое он со своими двойниками проделывал в каждом мире, где они сражались против Зиона. Они не просто его связывали боем, они вели его сквозь реальности, натравливали на выбранные цели. Расчищали место для чего-то, что только собираются построить.

— Даже он бы не смог провернуть что-то настолько масштабное в одиночку!

Лиза только всплеснула руками.

— Боже мой, да вы же сами ему помогали! Смотрели ему в рот каждый раз, когда он приносил вам готовые рецепты решения нависших проблем, и радовались, что кто-то думает

о них вместо вас! Он спланировал и организовал атаку Китая в две тысячи одиннадцатом, чтобы ослабить Янгбань и Гезельшафт, вернуть Протекторату значимость и переписать законы! А заодно обставить с помпой собственное появление, чтобы никто не усомнился в его «эйдолоновости»! Все эти планы с эвакуационными мирами, автономными поселениями, наборами инструкций на все случаи жизни — все это разработано Аккордом по его требованию! Целые команды профильных специалистов из десятка самых развитых миров писали ему учебники по всем научным дисциплинам, от арифметики до искусствоведения! А конструкции домов и механизмов для колонистов? Универсальные чертежи, в которых разберется и ребенок, это ведь ваша работа, Дракон! Таково его видение, новая цивилизация, избавленная от пороков старой, в том числе от кейпов!

Колин на всякий случай сверился с детектором лжи. Отклонение от «абсолютной истины» не превышало четырнадцати процентов. Что-то по мелочи Лиза недоговаривала, что-то вывернула немного по-своему, но по большей части говорила правду. Только что теперь делать с этой правдой?

— Я тебе верю, — сказал он вслух. — Но это не значит, что я тебе доверяю. Вы работали вместе, почему теперь идешь против своего начальства?

— То, что я четыре года провела в виде отрубленной головы, замурованной в подземной пещере, уже не в счет? — Лизу заметно и непритворно передернуло. — Или смерть всех моих друзей? Когда меня вытащили из временной петли, то предложили выбор: или я работаю на Котел, или становлюсь ядром аналитического компьютера. Кстати, на том же принципе работает большая часть машин Эйдолона. Работала, до того как Зион их все уничтожил.

Колин и Тереза переглянулись. Им уже давно не требовалось общаться словами, понимали они друг друга буквально с полувзгляда, благодаря передачи информации по направленному лучу.

«Мы можем ударить на опережение. Да, нарушение перемирия, но угроза...»

«Я не думаю, что это разумно».

«Когда еще представится такая возможность? Он обезоружен, его двойники мертвы, а верных союзников немного и они не так сильны».

«Мы уже это проходили, Колин».

«Тесса, я не могу тебя потерять!»

«Как и я тебя. Но меня можно заменить, восстановить из архивной копии, а тебя нет».

«Если Эйдолон действительно использует инструменты Эндрю Рихтера, не будет никаких архивных копий!»

— Сплетница, как ты думаешь, Эйдолона можно переубедить? — спросила Тереза вслух.

— Я думаю, проще уговорить Зиона лечь поспать пару миллионов лет. Эйдолон не просто идейный, он фанатик с комплексом Мессии, — Лиза устало вздохнула. — Слушайте, если вы решитесь против него выступить в лоб, то проиграете. Будьте уверены, все ваши очевидные ходы он предусмотрел и подготовился. Вам нужны люди без способностей. Достаточно компетентные, разумеется.

— Вторичный рейтинг Козыря? — уточнила Дракон

— Нет, не в этом дело. Не только в этом. Помните, как была уничтожена Бойня № 9? Труп Джека Остряка привезла обычная девушка без суперсил.

— Она заявила, что ей помогали два неизвестных кейпа, которые погибли в схватке, —

подтвердил Колин. — По закону о приказах на убийство, мы не имели права ее допрашивать, подвергать следственным действиям или привлекать Умников, а потом ее следы затерялись где-то в эвакуационных поселениях.

— Подумайте сами. Эйдолон сам по себе ужасно силен, и с ним был могущественный Эпицентр-криокинетик. Зачем ему понадобилось привлекать кого-то со стороны, не имеющего суперсил? Потому что только так он мог подловить Остряка. Его способность взаимодействовала с паралюдьми на очень глубоком уровне, и этой способностью Эйдолон сейчас обладает. Он целенаправленно охотился за этой силой, чтобы сплотить вокруг себя таких монстров как Красная Королева и Морозный Зверь.

— В Котле есть еще кто-нибудь, на кого мы можем рассчитывать?

— Александрия и Пифия тоже от Эйдолона не в восторге и готовы помочь. Красная Королева и Счетовод предпочтут сохранить нейтралитет. В активе Эйдолона остается Бойня, они полностью ему лояльны, но их способности ориентированы на прямую конфронтацию и легко нивелируются. Но есть две проблемы. Огромные проблемы. Это последний клон первого Эйдолона и Контесса. Первого беру на себя, второй придется заняться вам.

— Первый раз про нее слышу. Кто это?

— Умник, пророк. Уровень сил «беги и не оглядывайся». Однако мне известно, что Протекторат разрабатывал методы подавления пророческих способностей, на случай выхода Симург из спячки. Думаю, это хотя бы частично ослабит ее. Кроме того, следует ликвидировать кейпов, обеспечивающих Котлу перемещения между мирами, Ясновидца и Привратника.

Колин кивнул.

— Ты уверена, что Эйдолон не начнет действовать прежде, чем удастся справиться с Сионом?

— Если с ним удастся справиться, — мрачно ответила Лиза. — Ладно, мне пора идти. Не стоит вызывать подозрения долгим отсутствием.

Девушка ушла, оставив Колина и Терезу в состоянии легкого смятения. Одной настоящие эмоции были неведомы, другой от них планомерно избавлялся, но за последние сутки произошло слишком много и слишком быстро.

— Я оставлю в резерве часть уцелевших сил Протектората, — решил Колин. Что-то делать было легче, чем покоряться обстоятельствам. — Попробую связаться с армейским командованием, хоть какой-нибудь страны. Возможно, где-то уцелели антипарачеловеческие подразделения и спецназ из обычных людей.

— Ты действительно собираешься убить Эйдолона?

— У нас есть варианты? Ты слышала, что сказала Сплетница, и ты не хуже меня понимаешь, что она говорила правду.

— Что-то не сходится. Даже если он уничтожит каким-то образом всех кейпов, каждый день появляются новые.

— Возможно, долгоживущий вирус, действующий только на паралюдей? Если руки приложила Красная Королева, это реально.

— Тогда почему Сплетница не рассказала об этом? В досье ее сила описана как «всеведение», она не могла упустить из виду настолько важную деталь. Кроме того, на любую силу рано или поздно найдется контрмера, даже на силу Красной Королевы.

— Эйдолон может просто не заглядывать так далеко. Фанатики редко отличаются здравомыслием.

— Все равно это дурно пахнет. Сплетница явно пытается использовать нас, сравнить с собственным врагом, чтобы достичь собственных целей.

— Сложно винить ее за это. В любом случае, мы не имеем права проигнорировать угрозу.

— Тут ты прав.

Последние слова Тереза произнесла ровно, но Колин знал ее давно, и без труда улавливал оттенки настроения подруги, даже когда та намеренно выключала эмоциональные функции. Она все еще колебалась. Ей не нравился предложенный план? Однако также Колин знал, что быть назойливым — плохая идея. Неэффективная. Поэтому вместо того, чтобы донимать Терезу расспросами, он сел в пилотское кресло модуля, и принялся вручную перебирать правительственные радиочастоты. Должна же быть польза от свалившихся на голову полномочий.

Штаб

Командный центр, да и вообще лагерь, постепенно снова заполнялся кейпами, и с первого взгляда становилось ясно, что дела на поле боя пошли неважно. Их было заметно меньше, чем сутки назад, а вид выживших оставлял желать лучшего. Надлом ощущался почти физически, он висел над ссутулившимися плечами и клубился в потухших глазах.

После активации «Выжженной земли» я всерьез опасался, что Зион слетит с катушек окончательно, и одним махом уничтожит все реальности. Как показали дальнейшие наблюдения, вид мертвого партнера действительно сильно его травмировал, но не как космического червя, а как человека. И ответил он как человек — истерикой. Его атаки были столь же беспорядочны, сколь и жестоки. Зион пытался не просто уничтожить тех, кто вставал у него на пути, а сломить их морально, довести до отчаяния. Разделить с ними свою боль, как я ему и сказал. Надо признать, это у него получалось.

— Ну что, босс, еще пробуем что-нибудь? — спросила Эшли. — Или сразу перейдем к тому пункту, где мы прячемся по темным углам?

Бойня доставила Привратника с Ясновидцем в лагерь, и теперь сопровождала меня неотступно. Дэвида я тоже не отпускал от себя ни на шаг. После утраты почти всего оборудования мне пришлось полагаться на силу Джека, и это раздражало невероятно. Тем не менее, лучше такая защита, чем вообще никакой.

— Они дрогнули, — заметил Крысиный Король. — Скоро сломаются.

— Отставить панику, — я закончил паять контакты в мече Антигероя и нажал кнопку активации. Лезвие налилось внутренним светом и тихо зазвенело. Халтура, долго не протянет, но на безрыбье сойдет. — Они сдохнут, когда я им разрешу.

Разыскать в толпе нужного человека проблем не составляло: в своей массивной силовой броне возвышался над окружающими почти на полметра. Он стоял возле одного из терминалов и что-то объяснял девчонке в форме Протектората и сильно модифицированном шлеме. Я подошел к нему и хлопнул по локтю, потому как до плеча не дотягивался.

— Крис, можно тебя на пару слов?

Крис, он же Мультитул, а в прошлом Кид Вин, резко обернулся и чуть ли не подпрыгнул на месте, словно кот, вдруг увидевший огурец. Разве что в исполнении котов это смотрелось менее нелепо, чем у мужика, облаченного в доспех размером с половину танка.

— Эээ... да, сейчас. Оптика, начинай без меня, я скоро присоединюсь.

Девчонка убежала в сопровождении летающего дрона. Я даже смог вспомнить ее имя:

Кензи Мартин, специализируется на системах наблюдения. Обратила на себя внимание, поскольку могла создавать устройства с трансдимиональными эффектами. Рекомендованное применение: в связке с силами, завязанными на восприятие.

— Не самое подходящее время для нового проекта.

— Александрия дала пару советов. Если сейчас получится, то сможем атаковать истинное тело Зина, а не его аватар.

Не получится. В лучшем случае это заставит его применить силу Пути, чтобы не позволить сделать выстрел. Все планы, которые разрабатывали мы с Александрией, не учитывали наличия у Зина силы побеждать, потому что это делало все выкладки бессмысленными. Однако постепенного очеловечивания они тоже не предусматривали. Такое просто невозможно было предсказать.

— Как обстановка на фронте? Из-за ранения я пропустил непозволительно много.

— Большие потери, — я был уверен, что под шлемом Крис скорчил кислую гримасу. — Причем не только боевые.

— Разбегаются? — уточнил я.

— Назовем это «неорганизованным отступлением».

Крис в моем присутствии нервничал. Не могу его за это винить. Не каждый день встречаешь оживших покойников. Однако извиняться я не собирался. Крис нажал на терминале несколько кнопок, и на экране появилась информация о статусе и численности действующей армии.

— В строю остается менее тридцати тысяч из двухсот, что мы смогли собрать и оснастить системой стратегического управления. Из них безвозвратные потери — порядка пятидесяти тысяч. Остальные просто... вышли из боя.

— Скажи просто: дезертировали.

— Мы не наносим ему видимого ущерба, — развел руками Крис. В его массивном бронекостюме это смотрелось немного комично. — Это кого угодно заставит дрогнуть. Даже с Губителями было проще.

Ну да. Они картинно истекали ихором, страдали от ран и обращались в бегство, чтобы кейпы не падали духом и выходили против них снова и снова. Где-то в астральных далях прослезился от умиления режиссер Станиславский.

— Тем менее, это работает. Сражаясь, выдерживая атаки, он тратит время своей жизни, — сказал я. — Об этом говорила Королева Фей, это подтверждает Сплетница, и это вижу я. Эту информацию распространили?

— Да, но слов тут мало. У Зина же нет шкалы здоровья, чтобы мы видели, сколько его еще нужно бить.

Трусливые мудаки. Я с трудом удержался от того, чтобы сказать это вслух. Я никогда не заслонялся подчиненными, не требовал от них того, на что не пошел бы сам. Черт побери, я готов был погибнуть в бою с этой тварью, если бы того потребовала необходимость, а мои братья действительно принесли последнюю жертву. А этот скот, который мы семь лет откармливали на убой, ссытся отправиться под нож?

— Эммм... Эйдолон... — неуверенно протянул Крис. — Конрад. Александрия сейчас выкладывает козыри один за другим, но этого не хватает. У Котла еще осталось еще что-то в запасе? На совещании ты упоминал какие-то чрезвычайные протоколы.

— Надеешься, что Эйдолон придет и молча все поправит? Нет, Крис, эту битву мы должны выиграть сами.

— Но ты же сам видишь, что в таком темпе нас просто всех перебьют!

Я пожал плечами.

— Перебьют и перебьют. Без кейпов эта планета хуже не станет. Лишь бы дело сделали. Счетовод! — окликнул я Умника. Тот отвлекся от своего терминала и повернулся ко мне. — Дай мне сравнительную выборку дезертиров и тех, кто остается в бою.

Тот кивнул и застучал пальцами по клавиатуре. Спустя несколько секунд на экране появились данные. В полном составе сбежали корпоративные команды и группировки, по типу Элиты. Думали о возможной выгоде, думали наперед, взвесили риски и предпочли не рисковать. Высокий процент дезертирства показывали независимые «серые» группы и одиночки. В основном они действовали по принципам территориальной обороны, и предпочли быть со своими близкими или в своих владениях. Неплохо держались специализированные, военизированные подразделения: Протекторат, Элитная Армия, Гезельшафт. Там царил дисциплина, субординация и боевое товарищество. Лучший боевой дух демонстрировали чудовища. Узники Клетки, Падшие, картели, и прочее бесчисленное зверье, на котором пробу ставить негде.

Те, в ком от агента было больше, чем от человека.

Теперь я понял. Ошибочно было рассматривать текущую ситуацию только как конфликт Сиона и человечества. Разговор с Королевой Фей напомнил мне, что агенты — эти демоны, нашептывающие нам, одарившие суперсилами — не являются пассивными наблюдателями. У них есть если не самосознание то, как минимум желания, инстинкты. Феи жаждут танца. Агенты стремятся к продолжению Цикла. Сион, Воин, который должен был оберегать Цикл, сам стал угрозой для него.

Но агенты не могут действовать напрямую, только через носителей. У одних связи прочнее, у других хуже. Одни могут действовать наперекор агенту, у других собственных устремлений практически не осталось.

Интуиция уже подсказывала мне готовое решение. Достаточно сплести сеть, заставить всех действовать как единое целое. Меня останавливал только страх. Какое бы мощное оружие я ни создавал, я всегда знал, как его выключить. Тут же придется положиться непонятно на что.

Еще на этапе планирования предполагалось, что большие потери могут вызвать панику и бегство, была даже заготовлена контрмера в виде законсервированной в Клетке Пейдж Макаби, Канарейки. Но сейчас ее применять не имело смысла, слишком мал охват. Общее количество паралюдей во всех доступных реальностях Счетовод оценивал в десять миллионов, из них на Бет приходилось около половины. Однако Дракон и Масамунэ успели обеспечить только двести тысяч единиц системы стратегического управления. Слишком мало.

Чтобы обрести хоть какое-то подобие уверенности, я вытащил из пояса фляжку и отхлебнул из нее. Виски обжег рот и горло, выбил сдавленный кашель.

— Боюсь, своими силами я сейчас мало что сделаю. Вопрос в том, чем готовы пожертвовать ради победы *вы*.

— Всем, — твердо сказал Крис и выпрямился. Когда запахло реальным делом, его неуверенность испарилась. — Скажи, что нужно делать.

«Что делать»... я прекрасно знаю, что надо сделать. Неприятно то, что придется пустить все на самотек. Утратить контроль. Признать, что не всесилен, и что придется слепо довериться кому-то другому. Своего рода, экзамен на зрелость.

Краем глаза я уловил движение. Это в штабную палатку вошли Дракон и Отступник. Взгляд первого задержался на мне... слишком долгий, слишком пристальный, слишком враждебный. Рука сама собой передвинулась на рукоять меча. Так-так-так... значит, Лиза набралась смелости и начала действовать. Несчастливая мстительная дурочка, непонятно на что надеющаяся.

— Я рад, что ты готов мне довериться. Вместе мы сильнее, чем эта золоченая тварь.

Я посмотрел на Крысиного Короля. Дэниел Эберт стоял по левую руку от меня, молчаливый и зловещий. В чем-то он казался даже более жутким, чем его дочка в свое время, пусть его способность и была несколько слабее. Он носил длинный и широкий кольчужный плащ, который сейчас сплошным слоем покрывали сотни генномодифицированных летучих мышей. Еще несколько тысяч кружились в небе над лагерем или шныряли по округе. По углам и щелям притаились землеройки и мыши, подслушивающие и подсматривающие.

Нет, я не стану его использовать. С технической точки зрения, Дэниел был бы идеальным кандидатом, но ненадежен. А еще ненавидит меня до икоты. К счастью, Лизу он ненавидел еще больше, так что пока его удавалось контролировать. Я надел маску открыл канал связи с Контессой.

— Назови выживших кандидатов для чрезвычайного протокола «Эгида».

Та монотонно перечислила полдюжины имен. Изначально их было почти двадцать. Те кто остался... Учитель, Крысиный Король, Аль-Кудс, Доминион, опять же Канарейка... и тот, из-за кого протокол и получил название, Эгида.

— Крис, где сейчас Карлос?

— В полевом госпитале, ему сильно досталось. Когда я видел его последний раз, от него осталось едва ли половина.

— Не важно, — я перешел на общий канал Котла, и мысленной командой кикнул с него Ребекку, Лизу и Дину. — С этого момента Александрия, Сплетница и Пифия считаются экскоммуникатами. Никакого содействия им не оказывать. Эми, Райли, бросайте все и быстро ко мне.

— Хорошо, — в один голос отозвались те. Через несколько секунд они вышли рядом из появившихся порталов.

Я повернулся к ожидающей приказов Бойне.

— Эшли, Кевин, охраняйте Привратника и Ясновидца, — сказал я по системе связи, чтобы не услышал никто посторонний. — Все, кроме членов Котла, считаются целями. Этот приказ не теряет силу даже в случае моей гибели. Дэниел — держитесь рядом с ними на подхвате, контролируйте округу. Особое внимание на Лизе. Начнет передавать куда-либо информацию, связанную со мной или внутренними процедурами Котла — ликвидировать. Дэвид, пойдешь со мной, прикрываешь. Мегумин...

— Не называй меня так.

— Сидишь под охраной остальных, держать связь непрерывно, протокол «Аврелиан» по моей команде или через тысячу секунд с этого момента, если приказ не отдан. Все, работаем. Лучшей возможности не представится. Дверь, пожалуйста.

Привратник открыл нам портал не рядом с койкой, а у входа в палатку. Там по-прежнему былолюдно: кейпы все еще сражались, и некоторым удавалось даже пережить атаки Зиюна. У большинства не хватало конечностей, у некоторых: целых слоев кожи и мяса, многие щеголяли сквозными дырами в теле. Всех старались поскорее доставить к целителям,

но дежурившие у входа часовые поддерживали хоть какой-то порядок.

— Мы посетители к пациенту, — сказал я, отодвигая одного из охранников в сторону. Тот не стал возражать. Мантия Эйдолона пока еще что-то значила.

Карлос обнаружился в дальнем углу. Как и сказал Крис, у него оставалось меньше половины тела. Правые рука и нога, вся правая половина торса, часть шеи, висок вместе с глазом — все словно срезали огромным ножом. И тем не менее его сила поддерживала в нем жизнь, а боли он не чувствовал от рождения. Он был забинтован настолько, что внешне напоминал половинку мумии, а стоящая рядом капельница казалась эдаким фараонским посохом. Вдобавок, Карлос отказался занимать койку, и сейчас вертикально висел в воздухе над полом. Завидев нас, он с трудом повернул голову, насколько позволяли поврежденные сухожилия шеи, и горько усмехнулся.

— А я думал, это я бессмертный.

— Для высокоорганизованного разума смерть — лишь еще одно приключение, — я подтащил бесхозный стул, уселся напротив и снял маску. Карлос всегда отличался прямоот характера, с ним лучше быть искренним. — Дэвид, заслони нас.

Мальчик кивнул и через секунду этот пяточок оказался отделен от остальной палатки красноватой звуконепроницаемой пеленой.

— Знаешь, а мы с Деннисом как-то поспорили. Помнишь Денниса?

— Его забудешь, как же.

— Мы поспорили на двадцатку. Деннис был уверен, что ты еще жив, а я считал, что это чушь собачья.

— Технически, вы правы оба. Эйдолон убил меня тогда, в Нью-Йорке. Тот, кто сидит перед тобой — лишь копия.

— Та же память, та же внешность, та же сила. И та же дурная голова, полная безумных идей. Обратись с ними к кому-нибудь другому. Я сейчас немного не в форме.

Я присмотрелся к его силе повнимательнее.

— Твоя регенерация. Она не работает.

— Ага, кисну тут уже пять часов. Давно должен был начать исцеляться, но Зион что-то сделал. Я теперь даже на мясной щит не гожусь.

— И, тем не менее, твоя сила все еще при тебе, раз ты жив.

Карлос сделал движение, в котором угадывалось пожимание плечами. Одним оставшимся плечом. Собственная сила всегда была ему в тягость. В Протекторате его ценили за талант тактического командира, однако слабая в целом способность без каких-либо изысков не позволила ему продвинуться выше по службе, и заставляла терзаться собственной бесполезностью.

— Сейчас все очень плохо. Отчасти это моя вина. Мы не смогли сдерживать Зиона достаточно долго. Мобилизована лишь малая часть тех, на кого мы изначально рассчитывали, да и те уже полностью деморализованы.

— Тогда может, тебе стоит заняться чем-то полезным?

— Именно это я и делаю. Трачу на тебя свое время — самое дорогое, что есть на этой планете.

— Чего еще ты хочешь от меня? — спросил он обреченно. — Моя команда погибла. Даже моя способность толком не работает. Я уже все отдал, всем пожертвовал. Что еще?

— Не рассказывай мне о жертвах, Карлос. Я свою приносил каждый день все эти годы, предотвращал гибель мира по три раза в неделю. Моих родителей убила банда маньяков.

Мои братья-клоны пожертвовали собой, чтобы дать мне возможность спастись. Прямо сейчас Дракон, Отступник и мои собственные подчиненные стряпают заговор, чтобы убить меня, если этого раньше не сделает Зион, а мне приходится просто сидеть и смотреть, потому что нельзя подрывать боеспособность. Не рассказывай мне о жертвах.

— Да черт тебя... выкладывай, только быстро.

— Суть в твоей силе. Она ставила меня в тупик еще в те времена, когда мы были Стражами. Мне пришлось пройти через второе триггер-событие и многое узнать о природе способностей, чтобы понять. Твоя сила не просто дает тебе живучесть. Она устанавливает взаимосвязи, на глубочайшем, почти концептуальном уровне. Буквально каждая клетка твоего тела связана со всеми остальными, и благодаря тому ты можешь видеть волосами, дышать кожей, прокачивать кровь по телу, сокращая стенки сосудов и прочее.

— И как это поможет?

— В нынешнем виде — никак. Однако есть способ высвободить полный потенциал твоей способности, — я указал на Райли и Эми, терпеливо ждавших своей очереди. — Котел проводил исследования, эксперименты. На их основе мы разработали чрезвычайный протокол «Эгида». Если применить его к тебе, то твоя сила сможет связать воедино не клетки твоего тела, а паралюдей. Ты сможешь объединить всех, повести их в бой.

— И какова цена?

Я вопросительно посмотрел на Эми. Та покачала головой.

— Процесс необратим, — сказала она. — Придется снять все существующие ограничения с твоей Corona Pollentia. После этого твой агент — то, что дает тебе силы — начнет поглощать тебя. Это произойдет не сразу, может растянуться на несколько суток но, в конце концов, он окончательно вырвется на волю. Разумеется, какие-то меры безопасности мы предусматриваем, но они защищают только других. Для тебя это с огромной вероятностью смертный приговор.

Карлос опустил единственный оставшийся глаз. Он не колебался, а лишь пытался убедить самого себя, что принимает решение. На самом деле, он согласился в тот момент, когда я подарил ему надежду погибнуть не напрасно, просто сам этого не осознавал.

— Почему я? — тихо спросил Карлос. — Я типа избранный?

— Нет, есть и другие кандидаты. Учитель, Аль-Кудс... Но только тебе я готов без опаски верить наше будущее.

Он снова надолго замолчал. Я чувствовал, что с одной стороны его распирают вопросы, но с другой он понимал, что все они сейчас лишены смысла. И все же один он задал:

— Скажи... мы все... мы хоть что-то для тебя значили?

— Ты. Рори. Крис. Деннис. Мисси. Дин. Йохан. Даже София. Вы были лучшим, что случилось моей жизни.

— Но мы не смогли удержать тебя, когда это было необходимо.

— В том нет вашей вины. Каждый сам творит свою судьбу, — я почти без наигранности вздохнул. — Кто ж виноват в том, что сильнейший Технар в мире смог смастерить только хуйню? Да, я мог бы обвинить во всем Симург. Это очень удобно. Однако каждое роковое решение, каждый шаг к пропасти я делал сам, по своей воле. И вот к чему пришел: я могу все, но не могу ничего. Сижу перед калеккой и прошу его умереть за всех нас, потому что сам не справился.

Молчание. Установленный Дэвидом барьер не пропускал звуки, поэтому стоны раненных и шум снаружи палатки не нарушали тишины. Однако я все равно ощущал, как

незримо изменяется обстановка. Александрия или Сплетница обнаружили, что исключены из структуры Котла, и начали действовать наличными силами. Через меня осознание цейтнота передалось Карлосу, и он наконец-то решился.

— Делайте, что нужно, — почти прошептал он с пересохшим горлом. — И пусть все будет не напрасно.

— Нужно больше живой материи. Когда я перенастрою его силу, живучесть перестанет действовать, — сообщила Эми.

Блестяще. Раньше сказать было слишком сложно? Хотя я сам мог бы догадаться, чего тут. Я шагнул за барьер и подтащил поближе кейпа, чье лицо было накрыто простыней. Умер несколько минут назад, ткани не успели омертветь. Эми без колебаний разделила его тело пополам одним касанием. Райли тем временем срезала с Карлоса бинты и начала имплантацию «аварийного выключателя» — бомбы, которую Бакуда создала, скомбинировав силы Марш и Мантеллума. После установки она становилась необнаружимой.

— Дэвид, оборона! — крикнул я, хватая маску и вытаскивая меч. — Не убивать!

Беззвучно закричал что-то один из целителей, первым увидевший происходящее. Еще через несколько секунд в палатку ворвались Отступник, Александрия и еще несколько кейпов, чьих имен я не помнил. Я поднял меч и одновременно с этим Дэвид создал вокруг вторженцев призмы силовых полей. Еще одна призма отсекала от внешнего мира Эми и Райли, работающих с Карлосом.

— Эми!

— Минуту! Это не так просто!

У нас нет этой минуты. Александрия ударила кулаком по прозрачной стенке клетки, та замерцала, но устояла. Надолго это ее не удержит.

— Инициировать протокол «Аврелиан», — приказал я по общему каналу связи.

Пролетел один удар сердца. Потом на месте Александрии вспухла сфера белого света и исчезла бесследно. Бакуда сработала на отлично.

Отступник махнул копьем, и окружавшая его призма разлетелась вдребезги. Вторым взмахом он прорвал барьер. Третьего не последовало, вместо этого он нацелил копьё на меня. Вырвавшийся из навершия плазменный пест я принял на лезвие меча, и тот моментально погас. Отступник применил еще один эффект, темпоральную заморозку, которую развеял вспыхнувший в моей руке вихрь, созданный силой Эшли. После этого он попытался атаковать в рукопашную серией стремительных ударов, которые я продолжал блокировать. На его стороне было дикое преимущество в физической силе, отточенные навыки фехтования и тактические алгоритмы. И ни единого шанса.

Уходя от очередного удара, я задействовал полетную систему, чтобы подпрыгнуть выше обычного. Лезвие копья просвистело подо мной, и вслед ему уже указывало острие меча. Я не мог просто перерубить его, это действие тактические алгоритмы Отступника предугадали бы и пресекли. Однако я применил силу Джека, и кинетическая проекция лезвия ударила по древку копья. Недостаточно, чтобы полностью его уничтожить, но хватило, чтобы повредить.

Потом мой сапог врезался в шлем Отступника, заставляя его отступить назад, и Дэвид тут же снова заключил его в клетку силовых полей. Находящиеся снаружи кейпы о чем-то переговаривались, кричали, внутрь палатки втискивались все новые лица, но было поздно, противостояние заглохло. Я для вида крутнул еще разок меч, погасил лезвие и вложил

оружие в ножны.

— Прекрати это безумие, — крикнул Отступник.

— Это не безумие. И нет, не прекращу.

— Ты не имеешь права принять подобное решение единолично!

— Что я точно не имею права — так это не делать все, что в моих силах.

Я чувствовал, как меняется обстановка у меня за спиной. Прodelай мы подобное без подготовки, и последствия могли бы стать катастрофическими. Однако благодаря гоблинам Нилбога у нас было достаточно мяса для экспериментов, проводившихся в далеких безжизненных реальностях. Эми и Райли работали тщательно и аккуратно, и главное — не вслепую. Рядом со мной Дэвид отпустил две силы и выбрал новые, более подходящие для противодействия множеству целей. Я задал телепорту расчет координат прыжка и шагнул вперед с разведенными руками.

— Послушайте меня! Много лет мы сражались за мир плечом к плечу. Каждый из присутствующих обязан мне жизнью, а многие даже не единожды. Я никогда ни о чем не просил для себя, не требовал ни наград, ни благодарности. Но сейчас я прошу о сущей малости: доверьтесь мне. Доверьтесь один-единственный раз! Вы сами знаете, насколько тяжела ситуация, что судьба мира повисла на волоске. Мы испробовали разные подходы, чтобы победить Зиона, мы смогли его ранить, и сейчас все что нужно — это решающее наступление объединенными силами! Вот он, последний шанс победить!

Я закрыл глаза, изо всех сил сосредоточился на кейпах вокруг меня. Не на них самих, на их силах. Попытался ощутить их присутствие, как-то дотянуться до них, достучаться. Я понятия не имел, как это сделать, однако надеялся на чудо.

- [Сражайтесь вместе.]

Слова запустили волну. Волна разошлась кругами и понеслась дальше, за пределы моего восприятия. И в тот же миг я ощутил, как за спиной возникла новая угроза. Огромная. Раньше подобное ощущение вызывала только Контесса.

Я повернулся к Карлосу. Тот пошатывался, держался за капельницу, но все же стоял. Летать он больше не мог. Он смотрелся немного дико, поскольку был фактически слеплен из двух тел, и собственная смуглая кожа резко сменялась бледной кожей посмертного донора. Я даже сам не заметил, как сделал шаг от него.

— Карлос? Ты слышишь меня?

— Да, — прошептал он, обводя палатку и набившихся в нее кейпов пустыми глазами. — Вот оно как выглядит на самом деле...

— Ты контролируешь это?

Карлос неопределенно мотнул головой. Значит, сила срабатывает автоматически. Почти наверняка при касании, но даже так я был готов прыгать от радости, если бы не опасался уронить авторитет. Получилось. Черт побери, Эми, ты чудо. Я повернулся к Дэвиду.

— Малыш, ты готов мне довериться?

Под маской не было видно его лица, но он, похоже, немного растерялся.

— А что еще делать? — спросил он тихо. Ни о чем другом он и помыслить не мог, пока во всяком случае, но его услышали, и интерпретировали по-своему.

Я взял его за руку и осторожно подвел к Карлосу. Тот тоже протянул ладонь. Со стороны казалось, что они просто здороваются, но когда их пальцы соприкоснулись, Дэвид вздрогнул всем телом, а я едва успел отпрянуть. Потом оба синхронно повернулись к остальным.

Дэвид убрал созданные им силовые поля и дотронулся до Отступника. Тот резко повернулся к двум своим подчиненным, и коснулся их. Те коснулись своих соседей. Карлос дотронулся до Эми и Райли. А потом все как-то разом посмотрели на меня.

— Нет, Карлос. Прости, но должен остаться кто-то, способный тебя остановить. Ты и сам это понимаешь.

Я запахнулся в плащ и сделал шаг назад в раскрывшийся за моей спиной портал, который тут же схлопнулся. Теперь я находился в одной из многочисленных палаток лагеря, где укрылись оставшиеся члены Котла. Эшли откровенно скучала и ковыряла микроскопическими аннигиляционными вихрями землю, будто пальцем, Кевин нервничал и непроизвольно морозил все вокруг себя, Мегуми довольно насвистывала какой-то мотивчик, и только Дэниел держался по обыкновению собранно. На надувных матрацах лежали рядом Привратник и Ясновидец.

Несколько секунд я прокручивал в уме возможные действия. Собранная армия использовала межмировые порталы, воссозданные Дракон на основе сохраненных образцов оборудования Чокнутого Профессора. Если я передам Карлосу Привратника и Ясновидца, то это существенно увеличит мобильность и осведомленность, однако их лишусь я. С другой стороны, порталов в распоряжении ограниченное количество, что заставляет кейпов перемещаться большими группами. Сеть же расширяется инфляционно, и их может на всех не хватить. Кроме того, они могут выйти из строя и не факт, что рядом найдется кто-то, способный их быстро починить.

Да, мои возможности по наблюдению за обстановкой ухудшатся, но когда начал создавать потенциальную угрозу S+ класса, сложно остановиться. Я похлопал Привратника по плечу, заставив обратить на себя внимание. Прикасаюсь к Ясновидцу, по понятным причинам, не стоило.

— Давайте, ребята, вставайте. Одно последнее усилие.

Оба кейпа-калеки с усилием поднялись на ноги. Уход, который они получали, подразумевал, помимо прочего, профилактику мышечной дистрофии, однако передвижение своим ходом для них все равно было непривычным. Я аккуратно подвел обоих к выходу из палатки и оставил там, после чего повернулся к Бойне.

— Вас я ни к чему не принуждаю. Хотите — присоединяйтесь к битве. Хотите — можете идти на все четыре стороны хоть сейчас. Чем бы ни закончился этот бой, он закончит все.

— Я остаюсь, — прохрипел Дэниел.

— Кто бы сомневался. А остальные?

— Я иду, — заявила Мегуми. — У меня еще есть чем подорвать эту золоченую жопу.

— Я тоже, — подхватила Эшли.

— Извини, но я тоже пойду. Не могу оставаться в стороне, — сказал Кевин.

С ним-то понятно. Привязался к Привратнику с Ясновидцем, не хочет оставлять их одних. Я пропустил уходящую троицу и уселся на освободившийся матрац. То, что я переложил главную проблему на чужие плечи, не означало, что проблемы кончились. Я немного подумал и вызвал Контессу.

— Фортуна, доложи текущий статус.

— Заглушаю ядерные реакторы там, где этого еще не сделали, и привожу в негодность ядерные арсеналы, — ответила она. — Почти закончила.

— Инициирован чрезвычайный протокол «Эгида», в формировании сети задействован

Ясновидец. Прими контрмеры против его способности и начинай подготовку к запуску чрезвычайного протокола «Ганза». Также на тебе отключение «Эгиды» в случае, если этого не смогу сделать я.

— Поняла, — она не стала отключаться сразу. — Мы ведь все правильно сделали?

— Уверен, что нет, потому что при всей нашей силе мы все еще люди, а людям свойственно лажать, — меня немного удивила эта вспышка человечности у той, кто давно стала лишь придатком к своей силе. — Но если мы достигнем успеха, то это никого не будет волновать, а если нет — то некому будет волноваться.

— Сложно поверить, что все вот-вот кончится. Я посвятила этому делу жизнь... что нам делать дальше?

— Попробуй поделаться то, что обычно делают люди. Ну там, дома строят, овец пасут, хлеб пекут, — я вдруг осекся, потрясенный внезапно возникшим чувством опасности, — хотя не, хлеб печь не надо. Вот что, пообещай мне, что никогда, ни при каких обстоятельствах не попытаешься печь хлеб.

— Ладно.

— До связи.

Хронометр показал три часа дня по местному времени. Дэниел молча стоял в углу, и от него исходило чувство нарастающей угрозы. Вопрос времени, когда он тоже поднимет бунт... но это произойдет не сейчас. Пока рано об этом беспокоиться, однако я все же задал телепорту очередь расчета нескольких подходящих координат. Просто на всякий случай. После чего связался с Дракон.

— Приветствую, мисс Рихтер. Судя по эмоциональной реакции Отступника, Сплетница вам... насплетничала.

— Да, кое-что она нам рассказала. Скажу честно, подобные безумные планы больше подошли бы суперзлодею из комиксов категории 12+.

— Я не настолько безумен, как ей — или вам — хотелось бы. Уж поверьте, я знаю, каково это — жить с осознанием, что в любой момент можешь стать ходячей катастрофой.

— От твоего осознания никому легче не стало

— Это не значит, что я не пытался избежать этого.

— Ближе к делу, Конрад. Чего ты хочешь?

— После инициации чрезвычайного протокола «Эгида» необходимость в вас отпала. Поскольку вы не человек, и даже не биологический организм, то присоединиться к сети не можете, а ваше взаимодействие с сетью будет в лучшем случае малоэффективным. При желании я мог бы выключить вас хоть сейчас, однако ваши прошлые заслуги неопределимы. Я предлагаю вам возможность. Прямо сейчас вы проведете архивацию своей личности и критически важных баз данных. Поместите архив на физический носитель, который я смогу должным образом экранировать. После этого я запущу оставленный Эндрю Рихтером и усовершенствованный мною аварийный выключатель, который сотрет ваш код со всех носителей, включая обесточенные и находящиеся в иных реальностях. В том случае, если я ошибался, то просто передам архив Отступнику, и он с легкостью вас восстановит. Или сделаю это сам, если он погибнет в бою. Если же я окажусь прав... вы и сами все понимаете.

— За сегодня я уже второй человек, которого ты просишь отправиться на смерть.

— Знаете, Тереза, когда-то давным-давно, когда я еще не был всеми проклятым чудовищем, Лазершоу мне сказала одну вещь. Что каждый Страж победил как минимум одного злодея: того, которым мог бы стать. Как вы метко заметили, мне это не сильно

помогло. Но вы можете не повторить ту же ошибку.

Дракон молчала довольно долго. Вряд ли только размышляла и мучалась выбором. Это было как минимум не в ее стиле. Скорее, приводила в порядок дела, писала прощальные письма, запускала предохранительные программы на объектах своей инфраструктуры, чтобы не устроить еще больше катаклизмов на несчастной планете. Ответственная женщина, даром что существующая только на жестком диске.

— Куда доставить архив? — спросила она через несколько минут.

— Прямо в штаб.

Я встал, махнул рукой Дэниелу и вдвоем мы вышли из палатки. Лагерь снова выглядел покинутым, снова присутствие чужих сил ощущалось только возле госпиталя. Умников тут больше не было, они ушли с Карлосом, в непосредственной близости они могли лучше применять свои силы, чем глядя в мониторы. Я подошел к куче барахла, оставленной Антигероем, и вытащил из нее черный кейс, вполне обычный с виду. Вместе с тем, его стенки гасили практически любое волновое излучение.

Дракон прибыла еще через пять минут. Драконоподобный воздушный корабль с ревом приземлился прямо перед палаткой, и она сошла по боковой аппарели, держа в руках небольшой металлический куб. Я приветственно махнул рукой и раскрыл кейс.

— Если не секрет, что ты собираешься сделать с паралюдьми? Ты должен понимать, что даже если убить всех до единого, триггеры от этого не прекратятся.

— С чего вы взяли, что я собираюсь убивать всех паралюдей?

— Так сказала Сплетница.

— А, Лиза. Боюсь, она ввела вас в заблуждение. Не специально, а потому что заблуждается сама. У меня нет планов по уничтожению паралюдей, это просто невозможно. А текущая мера предосторожности предназначена на случай, если после гибели Зиона все силы перестанут работать. Да, это тот исход, которого я желаю больше всего, однако от меня тут ничего не зависит.

— Странно. Ты не лжешь. Но ведь Сплетница всеведуща.

— Знать все еще не значит знать только правду. Она ненавидит и боится меня. Боится настолько, что уверена, будто я знаю брешу в ее силе и использую их, чтобы скрывать от нее информацию или подсовывать дезу. И чем больше ее сила твердит ей об отсутствии двойного дна, тем больше она уверяется в его существовании.

— Ух. Жестоко.

— Так я мог ее контролировать.

Дракон вздохнула и положила архивный носитель в кейс. Я закрыл крышку и включил экранирование.

— Если Колин погибнет, не надо меня включать снова.

— Передать ему что-нибудь? — уточнил я из вежливости.

— То, что я хотела бы ему сказать, не для чужих ушей.

Особенно не для моих. Ладно. Я мысленной командой вызвал «Аскалон» и на ретинальном дисплее маски отобразилось простенькое меню:

«Подтверждение: Да/Нет»

«Да».

Несколько секунд не происходило ничего. Потом глаза Дракон расширились, ее затрясло, словно в агонии. Потом все прекратилось и безжизненное тело со стуком упало на поле. Вдвоем с Дэниелом мы оттащили деактивированного андроида внутрь корабля, кейс с

архивом я оставил там же. Надеюсь, Колин не снесет мне голову до того, как я успею объяснить ему что и как.

Больше дел у меня не осталось. На починку оборудования нужны недели, заниматься ею бессмысленно. Так что я вернулся в штаб, к голографическому терминалу. На него все еще транслировались данные с бесчисленных модулей системы стратегического управления, которые продолжали носить многие кейпы. Видеопотоки то и дело гасли, но их оставались еще тысячи, и на каждом виднелось перекошенное яростью и болью золотое лицо, с раскрытым в нескончаемом вопле ртом. И это выглядело... перспективно. С этим можно было работать. Не знаю пока как, но кажется, я еще мог что-то сделать сам.

Я поудобнее устроился в кресле и принялся ждать.

*«I gazed a gazley stare
 At all the millions here:
 We must have died alone,
 A long long time ago.
 Oh no, not me,
 I never lost control
 You're face to face
 With the man who sold the world».*
 Дэвид Боуи, «Man who sold the world»

Наступил вечер и принес с собой прохладу. Потом пришла ночь, а вместе с ней настоящий холод. Я кутался в плащ, положившись на встроенный в костюм обогрев, а Крысиный Король спасался живым теплом своих летучих мышей. Вот уже на востоке забрезжил рассвет.

Битва все продолжалась, и я был единственным человеком на планете, наблюдавшим это грандиозное зрелище из первого ряда.

Первое что бросалось в глаза — контроль Эгиды не был абсолютным. Точнее, никакого контроля не было вообще. Высвобождение его способности дало совершенно непредсказуемый результат, вместо контроля сотворив единение. Не центр управления, а скорее центральный хаб. Каждый парачеловек, участвующий в битве, был един со всеми. Каждый видел то, что видят все, каждый знал то, что знали все. Чувство страха растворялось в общей массе, решимость множилась, ежесекундно возникающие тактические решения осмыслялись единым мозговым штурмом.

Чувство локтя. Боевое товарищество. Никто не чувствовал, что одинок в бою. То, что вид Ziona не мог ни почувствовать, ни осознать. Я им завидовал...

Тактика этой Сети существенно отличалась от нашей. Когда мы сражались с Зионом, то действовали словно волчья стая загоняющая добычу, непрерывно атаковали, заставляли постоянно перемещаться и сопротивляться. Сеть же сама будто вела облаву на волка. Составляющие ее силы не выделялись мощью, но их было много. Насколько я мог судить, она собрала либо всех, либо почти всех, и вся эта масса была размазана по всем реальностям, где человек мог существовать сколько-нибудь продолжительное время, а там, где условия были слишком жестокими даже для Бугаев, действовали Изломы и 53-и.

Такая конфигурация не давала Зиону убить одной атакой слишком многих, и в то же время позволяла мгновенно концентрировать силы. Не важно, что это чудовище делало, его повсюду встречал шквал высвобожденных способностей.

Однако, как и мы, Сеть старалась держать Зиона подальше от обитаемых миров. Время от времени конфликт выплескивался и на них, но ущерб пока оставался терпимым. Где-то от голода вымрет миллиард-другой, где-то гуманитарные катастрофы и конкуренция за ресурсы приведут к эпидемиям, вооруженным конфликтам и миграциям. Все это неприятно, но не существенно в глобальной картине. Что такое голод, война, болезнь? Всего лишь рутина человеческой истории.

Также Сеть определенно предприняла несколько попыток атаковать истинное тело

Зиона, однако ни одна из них не достигла цели. Одни просто не сработали. На другие, предположительно эффективные, Зион реагировал молниеносно и превентивно — его сила конструирования будущего все еще работала. Однако в итоге я заметил, что он в целом начал применять ее куда реже. Даже когда собранные Технарями монструозные конструкции рвали его аватар на куски, а скомбинированные силы вынуждали расходовать целые океаны энергии на противодействие, он предпочитал терпеть.

На наши действия он реагировал куда острее.

Понимание пришло, хоть и не сразу. Мы втроем, плюс три Дэвида, плюс Симург — мы все сражались хоть и слаженно, но все же по отдельности. Сеть же действовала как единое целое. Множество способностей предвидения, прогнозирования и ясновидения накладывались друг на друга, не говоря о миллионах прочих. Зион столкнулся с настолько мощной угрозой тогда, когда уже потратил огромное количество энергии на битву с нами. Построение любого Пути, который бы позволил ему покончить с Сетью, требовало таких ресурсов, что было равносильно самоубийству.

Ситуация в целом складывалась тупиковая. Сеть не могла навредить истинному телу, Зион не мог уничтожить Сеть, встав на Путь. Пока все сводилось к взаимному истощению, и можно было лишь гадать, кто первым рухнет обессиленным. Я продолжал наблюдать и ждать какого-то намека.

Долгожданный намек появился, когда из-за горизонта показался первый луч солнца.

Выражение лица Зиона на голопроекторе из перекошенного болью и отчаянием, стало... плаксивым. Нет, не так, он действительно плакал, хотя и без слез. Его атаки становились более вялыми, более небрежными. Он уже не хотел делиться болью. Он просто пытался отмахнуться от стаи назойливой мошкары, которая грозила зацепить его насмерть.

Вот оно. То, о чем предостерегала Лиза, переломный момент. Личность Зиона все это время эволюционировала, взрослела. Как только он достигнет психологической зрелости, он сможет действовать рационально и взвешенно, и вот тогда нам всем конец.

Однако в таком состоянии Зион должен быть особенно уязвим. В ходе взросления человек проходит стадию отрицания прежних ценностей и повышенной восприимчивости к новым. Так срабатывает древний механизм, способствующий исходу половозрелых особей из своей стаи и поиску новой, для повышения генного разнообразия популяции. Зиону оно без надобности, но он все еще заложник той симуляции, которую сам для себя создал.

Итак, он восприимчив. Что ему сказать? Чтобы прекратил убивать и разрушать? Я увеличил одно из сотен транслирующихся видео и оценивающе пронаблюдал то, как Зион рвет на куски носителя камеры. Нет, к этому он не прислушается, слишком далеко зашел по тропе насилия. Фактически, вся его личность построена вокруг убийства людей, поэтому умиротворение в принципе недостижимо.

Тогда может предложить ему покинуть планету, причинившую ему столько страданий? Тоже нет. Агенты привязаны к земной поверхности, и сам Зион — просто скопление особенно мощных агентов. Он отпустил почти все свои силы, кроме самых необходимых, и те из них, что ответственны за космические путешествия, вряд ли относятся к таковым.

Или правда предложить Зиону совершить самоубийство, как это давно предлагала Эшли? Что-то мне подсказывает, что это... слишком в лоб. Жить Зиону определенно не хотелось, потому что смысл его жизни заключался в Цикле, продолжение которого невозможно. Однако сама концепция суицида была для него слишком чужда. Нужно обернуть это как-то... увязать с тем, что Зиону уже знакомо.

Я повернулся к Крысиному Королю. Тот дремал в одном из кресел, уронив голову на грудь. Иногда я и забываю, что большинство людей все еще тратят треть жизни на такую штуку как сон.

— Мистер Эберт, — я подошел к нему и тряхнул за плечо.

Тот слабо заворочался, даже глаза не открыл, но вот укутывающие его летучие мыши, разом повернули головы в мою сторону.

— Что тебе нужно?

— Если я правильно помню, ваша жена погибла за несколько лет до получения вами суперсил, верно?

— Да. Автокатастрофа.

— Что вы чувствовали при этом?

— Это неуместный вопрос.

— Тем не менее, я жду ответ.

Где-то с минуту мы молчали. Эберт не горел желанием делиться личными переживаниями, особенно со мной. Я не собирался отступить, только не сейчас.

Он сдался первым.

— Что может чувствовать человек, потерявший любимую женщину? Можешь представить?

— Могу. Но мой опыт скомпрометирован Симвург.

— Шок. Горе. Пустота в душе, — Крысиный Король оставался неподвижным, но его летучие мыши беспокойно зашевелили крыльями. — Странно, что мой триггер не случился тогда. Без Аннет я не мыслил жизни.

— Вы помните свое состояние, хорошо. Попробуйте представить, что должно было случиться, чтобы вы из него резко вышли.

— К чему вообще этот допрос?

— Мне нужна парадигма. И вы способны ее предоставить. Напрягите воображение, это не сложно.

— Только если бы все это оказалось кошмарным сном, и Аннет оказалась жива и здорова.

Я обдумал эту мысль. Создать симуляцию партнера Зиона? Силы Обратней? Эпицентров, формирующих конструкты из материи? Плохая идея. Ненадежная. Создать видимость оболочки реально, но Зион видит мир не глазами, а множеством сил восприятия. И главное, даже если создадим — что с этим делать?

— Честно говоря, я даже думал о самоубийстве, — продолжал Эберт. — Я не верующий человек, никогда не был. Но если бы не Тейлор... не ответственность за профсоюз... я бы мог решиться. Чтобы быть с Аннет хотя бы в ином мире.

— Для самоубийц заготовлено другое место, мистер Эберт, — ответил я машинально, но мыслями уже находился далеко.

Это было решение. Религиозные догмы, существование загробной жизни, посмертное воздаяние. Все это находится за пределами логики, восприятия и чувственного опыта. Это исключительно вопрос веры.

Я надел маску и вышел из палатки. Рассвет уже алел на востоке, но его красота омрачалась вспышками золотого света, время от времени возникающими где-то за горизонтом. Битва снова сместилась в обитаемые реальности. Надо торопиться.

— Фортуна, — позвал я по связи. — Ты еще здесь?

— Да, — ответила Контесса без промедления. — Протокол «Ганза» готов.

— Я открываю тебе допуск на инициацию. Зафиксируйся на мне. Если в ближайшие минуты исчезнет слепое пятно — выключай «Эгиду», а затем запускай «Ганзу». Если прекратится моя биометрия, следуй прежним инструкциям. При любом исходе, после активации «Ганзы» твое участие можно считать завершенным.

— Принято.

Больше она ничего не ответила. Да и что сказать тогда, когда любые слова потеряли смысл? Возможно, она могла бы построить в голове мою упрощенную модель, попытаться найти слова которые меня подбодрят или сломают, но не захотела. Или, скорее, не догадалась.

— Ясновидец, Привратник, — произнес я в пустоту. — Я знаю, вы слышите меня. Слышите, и можете передать остальным мои слова. Пусть отступят. Держатся на расстоянии, наготове, но в бой не вступают. И дайте мне дверь.

Пришлось ждать несколько секунд, пока мое сообщение расходилось по Сети. Потом портал открылся, и я шагнул на знакомые до боли улицы.

От Броктона Бей Алеф осталось немного, но достаточно, чтобы узнать очертания районов и набережной. Разрушенные здания, обломки бетона и асфальта, искаженные высвобожденными силами в противоестественные формы, бурлящие воды залива, обломки каких-то циклопических механизмов, сваренных из стальных балок и корабельных обломков.

Тела. Множество неподвижных тел.

Сион стоял в центре опустошения в позе загнанного зверя. Он не атаковал, только резко оглядывался по сторонам и тяжело дышал. Он уже настолько осознавал себя человеком, что начал имитировать физиологические процессы. Сотни паралюдей, находящихся в этой реальности, замерли в отдалении, кто на земле, кто в воздухе. Тишину нарушал только шум прибоя и гул ветра.

Сион повернулся ко мне, поднял руку, замахнулся...

[Остановись]

Он замер. Я сделал шаг навстречу.

[Твоя борьба лишена смысла.]

Еще два шага.

[Сколько бы ты ни пытался заглушить свою боль, у тебя ничего не выйдет. Твое отражение исчезло, покинуло этот мир. Без *нее* твоя жизнь не имеет смысла.]

Три шага.

[Пойми это]

Последний шаг. Я положил руку на плечо Сиона. Мир вокруг словно замер на миг. Остановилось завывание утреннего бриза, плеск волн и хлопанье плаща на ветру. Даже объединенные Сетью паралюди задержали дыхание...

Сион рухнул на колени в беззвучном плаче.

— Но ты еще можешь воссоединиться с *ней*, — добавил я, выдержав небольшую паузу.

Золотое чудовище подняло на меня взгляд, на его лице читалась безумная надежда.

— Прекращение физического существования — это не конец. Там, за гранью небытия, нас ждут все те, кто нам дорог. И *она* тоже ждет тебя. Просто поверь.

Сион поднял руки и посмотрел на них так, словно впервые их увидел. Медленно-медленно он опустил лицо в ладони, его плечи дернулись.

— Ты знаешь, что нужно делать.

Протекла бесконечность времени, втиснувшаяся в несколько секунд.

Тело Сиона вспыхнуло золотым светом, и начало постепенно растворяться в воздухе. Оно исчезало медленно, неохотно. Сквозь бездну изолированных реальностей и измерений я ощущал, как Сион продолжает бороться сам с собой, фокусирует свое отчаяние уже не на окружении, а на самом себе, на тех своих частях, что привязывали его к материальному миру.

— Иди к ней.

Тело Сиона перестало существовать, его последние крупинки разметал ветер. Я выждал еще немного, ведь уничтожение золотого аватара еще не означало полного уничтожения истинного тела. Мог ли Сион уничтожить себя без остатка? Или неизбежно должно было остаться что-то, не способное обратиться против себя? Какой-то самый-самый основополагающий агент или сочетание агентов, вокруг которых и формировалась Сущность... Я прислушался к ощущениям, но Вещатель молчал.

Это ведь мне не кажется? Это точно все по-настоящему? Я на пробу постучал сапогом в том месте, где еще несколько мгновений назад стоял на коленях Сион. Ничего. Пусто.

— Убогая форма жизни, — вырвалось у меня непроизвольно. Внезапно я почувствовал, как на плечи накатывается невыносимая тяжесть.

Вокруг меня поднялось движение. Сеть начала стягиваться, смещаться целиком в одну реальность. Центростремительное движение, подобное водовороту. Согласованное, синхронное. Если прежде существовал противовес в виде Сиона, что помешает ничем не сдерживаемой Сети превратиться в новую Сущность? Я выдернул меч, сосредоточил силу Вещания на покрывающих костюм лезвиях, чтобы отразить нападение с любой стороны.

[Фортуна, быстрее]

Они прибывали слишком близко, их было слишком много. Я ударил мечом по земле вокруг себя, обозначил черту, за которую приближаться нельзя. Послание вышло не особенно убедительным. Вокруг было слишком много сил, объединенных единым стремлением. Они могли напасть издалека, обходными путями, воздействовать на разум или окружающую среду...

Сеть уже почти перехлестнула через начерченную линию, когда по ней вдруг прошла судорога. Паралюди вокруг падали на колени, некоторых рвало, другие замирали на месте и начинали озираясь по сторонам в ужасе, несколько летунов не справились с шоком от разрыва связи и разбились о землю. Чрезвычайный протокол «Эгида» был деактивирован.

Тяжесть навалилась на плечи с новой силой. Зеленая мантия словно весила тонну, не меньше. Мне пришлось опереться на меч, чтобы сохранить равновесие. Но оставалось еще одно маленькое незавершенное дело. Совсем незначительное по масштабу, но без него не приходило чувство завершенности. Я включил открытую трансляцию на всех частотах и прохрипел сквозь пересохшее горло:

— Операция «Немыслимое»: третья фаза завершена.

Третья фаза завершена...

ТРЕТЬЯ ФАЗА ЗАВЕРШЕНА
ТРЕТЬЯ ФАЗА ЗАВЕРШЕНА
ТРЕТЬЯ ФАЗА ЗАВЕРШЕНА

Я бы заорал от боли, если бы в моих легких еще оставался воздух. В голове словно взорвалась кислотная бомба, устроили скачки на выживание бешеные дикобразы.

Пережатые, спутанные нейроны грубо вставали на место, стремительно и безжалостно сшивались разорванные связи. Моя картина мира вздрогнула, накренилась и обрушилась, чтобы застыть в новом, устойчивом, логичном, цельном положении, не оставляющим простора для неясностей.

Привратник и Ясновидец хотя и были самыми ценными сотрудниками вспомогательного персонала Котла, но далеко не единственными. И одним из тех, чья работа не привлекала особого внимания, был Слизень, 53-й, чья сила заключалась в способности манипулировать воспоминаниями. Слизень погиб во время атаки Зиюна на базу Котла и телепортации на нее Спящего, но эффект его силы сохранился, и сейчас он пришел в движение, уцепившись за произнесенную кодовую фразу.

«Третья фаза завершена».

Все из-за Лизы. Она была настолько же ценным союзником, насколько страшным врагом. Ее сила действовала по принципу экстраполяции, из мельчайших подсказок и зацепок формируя цельную картину. И единственным способом не позволить ей докопаться до сути Четвертой фазы, было не дать ей никаких подсказок. Вообще никаких. А для этого мы сами не должны были ничего о ней знать.

И мы использовали Слизня. Пока Лиза еще находилась в лечебной коме после заключения в петле времени, мы приказали ему стереть память самим себе, оставив лазейку лишь в виде кодовой фразы, которая должна была разблокировать доступ к утраченным объемам воспоминаний. Сам Слизень никакой информации выдать не мог, из-за мутаций общаться с ним могла только Контесса, а содержали его изолированно.

Я погрузился в обретенные воспоминания, последовательно прошел по каждому шагу этого дерзкого и рискованного, практически безумного плана. Плана, который последовательно исполнялся на протяжении нескольких лет, и только вошел в завершающую стадию.

Сначала я улыбнулся. Потом не сдержался и хихикнул сквозь маску. А потом истерика вступила в свои законные права, и мой смех смешался с окружающим гвалтом.

Толпа вокруг ревела. Бесновалась. Ликовала.

Паралюди, израненные, измотанные жесточайшей битвой, бессвязно орали от радости, выделывали в воздухе кульбиты, обнимались, пускались в пляс. Воздух искрился от импровизированных салютов из энергетических лучей и сфер. За торжествующими криками было невозможно расслышать даже собственный голос. Я стоял посреди бушующего хаоса и даже захлебываясь хохотом, не выглядел странным.

Да, это был еще не конец, как думали остальные, но повлиять я уже не мог ни на что. Только ждать какого-то результата и разбираться с наболевшими проблемами. Я проверил через интерфейс маски, кто из Котла еще оставался жив и боеспособен.

— Дэвид, Кевин, ответьте.

— Я тут, — отозвался бывший узник временной петли.

— Быстро ко мне.

— Буду, как только смогу.

— Дэвид?

— Да, слышу тебя, — голос клона звучал без охоты, долгая битва в единении со всеми паралюдьми сотен миров его вымотала до предела.

— Я знаю, что ты устал. Но остался последний шаг: уничтожь Королеву Фей.

— Ага..., - ответил он после промедления.

— Аккуратно, у нее все еще есть Серый Мальчик. Когда справишься — найди меня.

— Понял.

Похоже, его лояльность успела пошатнуться. Лучше бы им с Королевой Фей поубивать друг друга, потому что самому с ними справиться у меня вряд ли получится. За мной и так уже пришли.

Отступник двигался сквозь массу тел с целеустремленностью ледокола. В бою он лишился шлема и беззащитно распихивал зазевавшихся кейпов выключенной алебардой. Сплетница с трудом поспевала за ним, стиснув в руках слишком тяжелый для нее пистолет. Я повернулся к ним, на лицо сама собой напозла неуместная и непрощенная улыбка. Меч мягко загудел и поднялся в стойку.

— Не советую, Колин, — сказал я, все еще давясь смехом. — Мы это уже проходили.

Если бы его способности позволяли убить меня взглядом, он бы уже это сделал раз десять. Однако Отступник помимо ярости излучал и неуверенность, его оборудование получило слишком много повреждений. Сплетница выглядывала из-за его спины и целилась в меня из пистолета, но прекрасно понимала, что я успею убить ее раньше, чем она выберет спуск.

— Хитрый ублюдок, — выдохнула она сквозь зубы.

Я в ответ изобразил мечом салют и поклонился.

— Истинный мастер оставляет лучший трюк напоследок, верно?

Закрытая реальность, индекс неизвестен

Ненависть дает силу, это знают все.

Когда всей душой жаждешь что-то уничтожить, она словно кнут, подстегивает, не позволяет остановиться, заставляет продираться вперед, снося все на своем пути, не обращая внимания на раны.

Но как любая сильная эмоция, ненависть имеет свойство перегорать. Она выжигает изнутри, как впрыск закиси азота разрушает двигатель. Остается только привычка и пустота в душе, которую уже ничем не заполнить. Но что если цель все еще не достигнута? Если нужно стиснуть зубы и идти дальше, но где взять на это сил?

Троим, что приняли мантию Эйдолона, приходилось нелегко, но их поддерживали узы крови и боевого братства, с ними была команда и четко видимая цель. Один, скрывшийся в их тени, был вынужден нести свой крест в одиночку, в темноте и тишине.

Эта реальность вообще была очень скупа на свет и звук. Она настолько давно разошлась с базовой, что практически ничем не напоминала привычную Землю. Здесь не было жизни и воды, атмосфера состояла из аммиака, углекислоты и метана, и солнечные лучи не могли пробиться сквозь плотную газовую завесу. Именно здесь нашел свой приют Зета, четвертый из клонов-братьев, и именно здесь он вел проект, от которого зависело буквально все.

Скрытый под землей комплекс был полностью изолирован от внешнего мира. Для автономности здесь присутствовали системы рециркуляции воздуха и воды, генератор, пищевой синтезатор и специальная аппаратура волнового подавления, скрывающая эту реальность от взгляда Ясновидца и дверей Привратника. Однако сам подземный комплекс был лишь сердцем колоссальной конструкции, покрывающей больше четверти поверхности планеты.

В контрольном зале было темно и тихо, как всегда. Скупое светили мониторы, отображающие состояние системы. Зете не нужно было смотреть на них, он и так чувствовал

весь комплекс как собственное тело. На центральном пульте мигала лампочка, сигнализируя, что время наконец-то пришло.

Зета не торопился. Он ждал этого момента четыре года, и несколько минут не решили бы ничего. Пощелкивая в пальцах ножом-бабочкой, он отрешенно рассматривал девушку, замороженную в стазисной хронокапсуле. Даже спустя годы обладания силой Вещания, она оставалась единственной, к кому он так и не смог подобрать ключ. «Эйдолон» смогли держать под контролем даже Сплетницу, но Скиттер не получалось ни сломать, ни убедить, ни подкупить, ни даже элементарно *понять*. Когда-то эта загадка занимала его ум, и он пытался ее разгадать, но те времена давно прошли. Теперь остался лишь еще один факт, с которым так или иначе приходилось работать. Он вынырнул из своих размышлений, когда в контрольный зал вошла Эмма, толкающая перед собой тележку с реанимационным оборудованием.

— Теперь дело только за нами? — спросила она, даже не пытаясь сдержать волнение.

Зета перехватил ее взгляд и слегка кивнул. Эмма была единственной уступкой, которую он себе позволил. Около года назад стало ясно, что стабильное функционирование системы в рабочем режиме потребует присутствия хотя бы одного стороннего оператора. Можно было обойтись и запрограммированной автоматикой, но тогда шансов пережить активацию почти не оставалось. Зете хотелось жить. Да и добровольное одиночное заточение в мертвом мире стало невыносимым даже для него.

— Распаковываем ее и подключаем, как отработывали.

Он щелкнул рубильником на боку хронокапсулы. Слабое мерцание стазиса исчезло, и прежде, чем Скиттер успела что-то сообразить, Эмма со всей сверхсилой стиснула ее ноги, а Зета перехватил руки. Вдвоем они вытащили вырывающуюся девушку из капсулы и уложили ее на ложемент, где тут же защелкнулись магнитные кандалы.

Скиттер еще пару раз попробовала оковы на прочность, убедилась, что они не поддаются, и впиалась в Зету взглядом, полным чистой ненависти. Тот ее проигнорировал. В воображении он разыгрывал эту сцену множество раз, и постепенно пришел к выводу, что им друг другу нечего сказать. Они просто несовместимы, не способны сосуществовать в пределах одной вселенной, а сама их встреча — чья-то злая шутка.

Зете было неприятно даже смотреть на нее. Хотя за годы воспоминания успели поблекнуть, Скиттер выглядела почти так же, как в их первую встречу — разве что сейчас ее обрили налысо. Сначала фиксация в петле времени, потом стазис. Иронично, но у нее в прямом смысле слова не было времени повзрослеть. Красная Королева восстановила ее глаза и кости, убрала ожоги, внедрила в нейронную структуру мозга множество блоков, чтобы ослабить последствия заточения в петле, но возраст оставила биологическим.

Технарь отвернулся от Скиттер и посмотрел на еще один ложемент, пока свободный. Вся исполинская конструкция, центром которой являлся этот вкопанный в скальную породу комплекс, имела только одно предназначение. Она создавалась как кристаллизация идеи Вещания, но с оговоркой — транслировать она могла только сигналы, созданные силой Скиттер. И для работы ей были необходимы носители обеих сил в качестве источников.

Никогда не идти на компромиссы. Никогда не забывать о цели. Никогда не требовать от других того, на что не готов пойти сам. Таковы были его принципы. Его ли? Что в нем осталось от изначальной личности?

Нет, не думай об этом. Потому что остался последний шаг, действительно последний.

Зета скинул белый лабораторный халат и устроился в ложементе. Эмма помогла

сомкнуть кандалы вокруг конечностей.

Броктон Бей Алеф

Я уже ничего не мог сделать, потому что от меня не зависело ничего. Осознание этого вызвало растерянность, которая быстро сменилась фаталистическим умиротворением.

— Что ты сделал с Дракон?! — взревел Отступник.

— Дракон находится в инертном состоянии. И кстати, она согласилась на это добровольно.

— Да, в отличие от кое-кого, она достаточно ответственна, чтобы защитить окружающих от самой себя, — влезла Сплетница.

Она потянулась рукой к передатчику. Я шевельнул рукой в ее сторону, обращаясь к силе Вещания, и кинетическая проекция лезвия уничтожила устройство.

— Давай не будем портить сюрприз.

Простая демонстрация едва ли охладила пыл Сплетницы. Она открыла рот, чтобы закричать во весь голос. Я лениво прикинул, не перерезать ли ей горло, но решил, что смысла убивать ее уже нет никакого. Да она и сама передумала — паралюди вокруг были всецело поглощены торжеством, чтобы обратить внимание на что-то еще. Я отступил назад и опустил оружие.

— Я объяснил Дракон свои предположения и принятую стратегию. Если через несколько минут ничего не произойдет, вы просто пойдете и реактивируете ее на любой подходящей платформе. Если все пройдет так, как задумано, отключение Дракон станет наименьшей из ваших проблем.

— Что значит «наименьшей из проблем»?!

— Я же говорила, Отступник, он фанатик.

— Скажешь, что я не прав? Просто оглянись. И четверти часа не прошло, как исчезла всеобщая опасность, а мы уже готовы вцепиться друг другу в плетки. А что произойдет потом? Когда все эти паралюди, привыкшие жить насилием, обнаружат, что в разрушенных мирах еды и жилья на всех не хватает? Колин, вы ведь двадцать лет работали в Протекторате, вы прекрасно понимаете, какова наша природа. Пока есть хотя бы два кейпа, они будут драться между собой. И вы своими глазами видели, что происходит там, где паралюди берут власть над обывателями.

— Отступник, не слушайте его! Он применяет силу Джека Остряка, силу воздействующую на кейпов!

— Сила Вещания ни на что не воздействует. Она лишь помогает понять других и быть понятым самому. И *вы* поймете, что я прав. Силы — это зло. Зло абсолютное и чужеродное, и единственно верное решение — избавиться от них любой ценой. А что движет тобой, Лиза? Если бы ты делала свою работу с таким же рвением, с каким пытаешься прикончить меня, мы бы убили Зиона еще год назад. Неужели ради мести ты готова лишиться человечество будущего?

— Месть? Я не настолько мелочна, как ты обо мне думаешь, *Конрад*, — мое имя она выплюнула с отвращением. — Желай я обычной мести, то легко навела бы парочку головорезов на твоих псевдо-родственников с Земли Алеф. А заодно снабдила их какими-нибудь забавными технарскими устройствами. Повтори они судьбу твоих родителей, это проняло бы даже такого черствого ублюдка как ты.

— Не рассказывай мне сказочек о своем благородстве. Ты прекрасно понимала, что я с

тобой сделаю, стоит тебе только подумать о том, чтобы причинить вред тем людям.

— Говорят, что перед мстью нужно вырыть две могилы. Но мы отошли от темы. Я знаю, как ты создавал свои адские машины, делавшие тебя Эйдолоном. И знаю, что ты намерен использовать Тейлор в качестве топлива для одной из них. Отпусти ее.

Тейлор? Кто это? Мне пришлось поднапрячься, чтобы вспомнить, о чем вообще идет речь.

— А, ты про Скиттер. Отказано.

— У тебя все равно ничего не выйдет, пространства агентов закрыты для парасил!

— Для всех парасил, кроме одной. Той, что позволяет общаться с агентами, — я постучал пальцем по виску. — Лиза, ты считаешь меня чудовищем и, в общем-то, недалеко от истины. Но я никогда не требую от других того, на что не пошел бы сам. Сила Скиттер необходима для моего плана, но она будет бесполезна без силы Вещания.

— В любую секунду здесь будет Королева Фей. И только мое слово может остановить ее от заключения тебя в петлю времени.

Не будет. Я вызвал Дэвида более пяти минут назад, но он до сих пор не появился. Не появилась и Королева Фей. Их столкновение было неизбежно, и назвать победителя не смогла бы даже Дина. Дэвид на пике формы, но и Королева Фей за прошедшие несколько суток наверняка собрала огромное количество новых сил. С другой стороны, ему и не нужно побеждать, достаточно потянуть время.

— Как ты верно заметила, Лиза, перед мстью нужно вырыть две могилы. Одна уже заполнена, — я ковырнул сапогом пыль в том месте, где недавно стоял Зион, — а вторая ждет меня давным-давно. Хотите убить меня — попробуйте. Та реальность закрыта для и Привратника, и для ваших портативных порталов, созданных на основе технологий Чокнутого Профессора.

— И у тебя есть ключ от нее. Такой параноик как ты не мог не оставить запасной ход на всякий случай.

Я посмотрел на свою левую руку. Если бы она мне не напомнила, я бы даже не вспомнил об этом устройстве. Но вот оно, якорь подключен к одному из нейронных разъемов, телеметрия идет в ретинальный дисплей маски. Все функционирует нормально — теперь функционирует. До снятия блока Слизня оно оставалось неактивным, и это убергло его от уничтожения Зионом.

— Я все еще склонен дать отрицательный ответ.

В мой затылок уперлось что-то твердое. Здравый смысл подсказал, что это оружейный ствол. Вещатель сообщил, что держит его Крысиный Король, а Зодчий определил пистолет как крупнокалиберный револьвер, заряженный бронебойными патронами повышенной мощности. Ни одна из моих защитных подсистем не функционировала, а одного лишь капюшона из баллистического полимера не хватило бы, чтобы остановить полторы тысячи джоулей кинетической энергии.

— Где моя дочь? — обманчиво спокойно спросил он.

Репутация Крысиного Короля говорила за себя. Способности Кевина и Эшли были куда разрушительней, но Эберта отличала механическая безжалостность. Кого-то другого он бы смог даже напугать.

— Вашей дочери выпал шанс стать ключом к спасению нашего вида от нас самих.

Щелкнул взведенный курок. Я мысленным сигналом привел систему самоуничтожения костюма в режим «оголенного нерва».

— Мне плевать. Открывай проход.

— Мне тоже. Стреляй.

Осталось совсем немного времени. Это понимаю я, потому что даже через бездну миров ощущаю другого носителя Вещателя. Это понимает и читающая меня Сплетница, и все остальные, с которыми она делится информацией. Она поняла все, просто слишком поздно. И слишком любила жизнь, чтобы найти способ противостоять тому, кто готов на все.

Еще одна вспышка портала где-то на периферии зрения. Это Кевин. Усталый и еле стоящий на ногах, но живой. Я чуял, как его охватила ярость, и всего лишь на долю секунды опередил его трансформацию.

— Стой.

Он повиновался, без споров и возражений. Даже не удивился. За годы работы под моим началом ему приходилось выполнять и более странные приказы. Эберт так и не выстрелил, и я знал, что он не нажмет на спуск. Ради этого момента он заставлял себя жить. И, в отличие от Лизы, он прекрасно знал, что значит быть готовым на все.

— Кёлер, черт тебя возьми! — в его голосе слышалось отчаяние. Он на грани. — Я годами пахал на тебя, делал самую грязную работу, только чтобы вернуть Тейлор! В тебе есть хоть что-то человеческое?!

— Есть, — ответил я глядя Лизе в глаза. Та испустила волну изумления, но своей силой прочла намек, и тут же принялась складывать пальцы в буквы языка жестов. Эберт это тоже видел.

— Пожалуйста, — выдавил он.

Я воткнул меч в землю и заплотировал.

— Сегодня великий день, леди и джентльмены. День, когда Конрада Кёлера о чем-то просто по-хорошему попросили. Почти даже без угроз и оскорблений.

Слева от меня раскрылась дверь между реальностями.

— Никаких крыс и летучих мышей, — предупредил я. — Дорога прямая, не заблудитесь.

Упрашивать Крысиного Короля не пришлось, и я закрыл дверь сразу за его спиной. И, словно по сигналу, откуда-то с небес рухнуло размытое зеленое пятно, оказавшееся Дэвидом. Выглядел он еще хуже прочих — костюм и мантия обгорели и порвались, маска была разбита, а тело покрывали раны, но он был жив. Вопрос с Королевой Фей закрыт. Прекрасно.

— Я все сделал, — прохрипел он. — Теперь все кончилось?

Я широко оскалился под маской.

— Да, Дэвид. Теперь точно все.

А потом пришла боль.

Закрытая реальность, индекс неизвестен

Суть Четвертой фазы была невероятно проста и настолько же сложна.

Чтобы сформулировать концепцию и создать рабочий план, пришлось отринуть помощь мыслительных суперсил и технарский анализ, и действовать исключительно инструментами формальной логики. Эйдолон, опираясь на свое и Контессы триггерные видения, выдвинул предположение, что любой агент имеет «исходную» функцию, которую он выполняет в организме Сущности. Дело осталось за малым: понять эту функцию и научиться ее извлекать.

Действовать приходилось вслепую. Силы не давали никаких инструментов, которыми

можно было исследовать агентов, поэтому пришлось действовать окольным путем. Для этого каждого тестируемого субъекта многократно клонировали, после чего доводили до триггера — всегда разными путями. Многочисленные вариации полученных сил приводились к общему знаменателю, после чего можно было сделать приблизительный вывод об «истинной функции» агента.

Довольно долго процесс походил на просев пустой породы, и Котел был готов признать неудачу и попробовать иной подход, как в руки Эйдолона попала Скиттер. Живое сокровище, иначе не сказать. После этого эксперименты приняли иной характер, требовался надежный способ высвободить истинную мощь агента.

Здесь тоже не обошлось без проблем, и главной было то, что агент Скиттер был то ли поврежден, то ли его ограничения были еще строже, чем у прочих. Сама по себе она была бесполезна. Требовалась некая комбинация сил, чтобы достичь требуемого результата. Сила Вещания напрашивалась сама собой. Так родился Зета, чьим предназначением было не только создание инфраструктуры Четвертой фазы, но и непосредственное участие в ней.

Вникать в тонкости работы хтонического механизма, можно было бесконечно. Сейчас они уже ничего не значили. Зета последний раз окинул взглядом капельницы с регенеративными составами и систему игл и электродов, которые должны будут проникнуть в мозг и снять ограничения с агента-Вещателя. Будет больно. Если повезет, то недолго.

Если повезет, потому что установка никогда не испытывалась, из-за опасений спровоцировать Зиона. Невозможно было даже оценить вероятность успеха. Но после всех принесенных жертв, Зета не имел права не попытаться.

— Нарушение периметра, — возвестил механический голос. Плевать.

— Эмма, включай.

Та с выражением отчаянной решимости на лице повернула рубильник.

Аппаратура пришла в движение, устрашающие инструменты погрузились в череп Зеты, и весь мир вокруг него превратился в боль. Боль была настолько ослепительной, что само понятие боли терялось на ее фоне, ведь во всей вселенной не осталось ничего кроме нее. Ни света, ни ощущения холодного металла, ни сил на крик. Рядом тоже самое происходило со Скиттер, ее агент сбросил свои цепи и жадно искал цель. Эмма находилась за пультом на тщательно выверенном расстоянии, чтобы не попасть под удар необузданных сил, и следила за жизненными показателями обоих. Когда щелкнул таймер, она повернула второй рубильник.

Колоссальные механизмы пришли в движение. Огромная передающая антенна получила импульс из командного центра и начала транслировать его так, как мог бы делать только Вещатель.

Сквозь все мыслимые реальности, на языке понятном только агентам, шел единственный приказ, отданный Администратором.

«Умри!»

Агония охватила каждого парачеловека в каждом мире. Никто не мог сопротивляться. Пока агенты сжигали запасы энергии, чтобы разрушить самих себя, носители ощущали все так, словно это их собственные тела сгорают и рассыпаются в прах. Никто не избежал этой участи. Даже Администратор, отдавший приказ, и Вещатель, донесший его до исполнителей, в бешеном темпе расходовали запас энергии, которого должно было хватить на века.

Но все кончается, рано или поздно. Иссакают источники, горы становятся равниной, гаснут звезды. Даже самая страшная мука завершается, и приходит облегчение.

Зета с трудом разлепил глаза. Ощущения были ужасны, его в любую секунду могло вывернуть наизнанку, но он снова осознавал себя. Существом из плоти и крови, имеющим две руки и две ноги, а не чем-то неопишным. Голова все еще сильно болела и кружилась, но боль постепенно уходила, и он начинал различать предметы вокруг, а не только свет и тень.

Все вокруг было незнакомым. Обширное помещение, громоздкая причудливая машинерия. Где-то на окраинах памяти теплился отголосок воспоминаний, что раньше у него было полное понимание этих вещей, но они ушли, сгорели вместе с агентом. Зато стоящая рядом с ним рыжеволосая девушка была знакомой, во всяком случае, Зета вспомнил ее имя. В руках Эмма держала в руках пустой шприц. Раньше в нем было обезболивающее. Таков был план...

Точно, был план. Он предусматривал несколько вариантов развития событий. Что произошло сейчас? Зета попытался представить в уме какую-нибудь машину. Перед глазами возник рисунок автомобиля из детской книги. Старое, потускневшее воспоминание. Он перевел взгляд на девушку. Он хотел задать вопрос, но не сразу смог вспомнить, как говорить.

— Получилось? — спросил он. Процесс речи оказался труднее, чем он ожидал. Слишком многое утрачено. Слишком много функций было делегировано агентам.

Эмма вместо ответа положила ему ладонь на щеку. Мягкую, слабую ладонь. Она не должна была быть такой, она должна быть очень сильной и плотной, втягивающей в себя вещество и энергию. Но она лишилась силы.

Похоже, Эмме было легче, она не срасталась с агентом настолько плотно, как Зета. Она раньше пришла в себя, достала обезболивающее, бинты, рюкзаки с аварийными запасами и сменную одежду — обычный охотничий камуфляж.

— Идти сможешь?

— Да, — Зета попробовал встать на ноги и убедился, что пол не убегает в сторону. — Нужно уходить.

— Ага, ты говорил об этом. Сложные системы не смогут работать без поддержки агента. У нас даже сейчас нет питания, только обычный аварийный дизельный генератор. Разгерметизация пока не грозит?

— Не знаю. Я почти ничего не помню.

— То есть как, вообще ничего?

— Ничего, связанного с технарством. Это... многое.

Зета позволил Эмме наложить на голову плотную повязку, и принялся переодеваться. Эмма тем временем принялась бинтовать Скиттер, все еще лежащую без сознания в ложементе. Зачем это? Зета вспомнил, что Скиттер могла быть очень опасна. В наборе вещей, предназначенных для эвакуации, он увидел искомое: пистолет.

Проверил, заполнен ли магазин, дослал патрон. Встал и подошел к Скиттер. Прицелился.

Эмма перехватила его руку и мягко, но настойчиво отвела в сторону.

— Не надо.

— Она опасна.

— Уже нет.

— Ты не можешь знать.

— Я знала Тейлор до того, как она получила силы. Она тогда не была плохим

человеком. Пожалуйста, пусть она снова станет им.

«Пожалуйста». Давно же он не слышал этого слова. Для него существовал лишь добровольно взваленный на плечи долг. Привычка, выработанный моторный рефлекс требовал спустить курок. Но... зачем? В этой войне и так погибли слишком многие. Еще одна почти забытая и восставшая из небытия концепция: сострадание. Медленно, будто сопротивляясь невидимой силе, Зета опустил оружие.

— Хорошо. Надеюсь, ты права.

Они вдвоем разомкнули удерживающие Скиттер кандалы. Та пришла в себя от прикосновений, но была слишком слаба, чтобы что-то сделать, только молча следила глазами. Эмма отвела взгляд. Зета попытался придумать, что сказать, но для его истерзанного мозга это оказалось слишком тяжело. Он указал пальцем на сложенный рядом комплект вещей.

— Твое, — коротко бросил он и направился к выходу. Эмма последовала за ним.

Они вышли в длинный прямой коридор. Тусклого света аварийного освещения едва хватало, чтобы рассеять мрак. Надолго ли хватит дизеля? Он не знал, и не было агента, который бы оценил запас топлива с точностью до секунды. Даже работой освещение на полную мощность, Зета все равно ощущал себя слепым и глухим. Агенты поставляли огромный объем информации, которого теперь не стало.

Скудость естественных органов чувств не замедлила себя проявить, когда из полумрака выдвинулась тень в истрепанном кейповском костюме. Маска где-то потерялась, и кейпом оказался мужчина лет пятидесяти с виду. Одной рукой он с явным усилием опирался на стену, в другой сжимал тяжелый револьвер. Мужчина тяжело дышал, он него пахло рвотой, и он выглядел смутно знакомым. Опасным.

Мышечная память пришла на помощь, позволив вскинуть пистолет одновременно с прищельцем, но что-то удержало обоих от выстрела. А может наоборот, не подтолкнуло? Этого уже никто не узнает.

— Где Тейлор? — прохрипел мужчина.

— Дальше, — ответил Зета, ткнув большим пальцем себе за спину.

— Что с ней?

Зета раскрыл было рот, но Эмма опередила его и заслонила собой линию огня.

— Мистер Эберет, ваша дочь сейчас находится в контрольном зале. Он дальше, вы не пропустите. Она жива, и пострадала не больше, чем все мы. Забирайте ее и как можно скорее покиньте это место, — она показала пальцем. — Там, откуда вы пришли, есть две гермодвери, за каждой находятся стабильные порталы. Через один уйдем мы и закроем за собой проход. Второй изначально предназначался для вас с Тейлор. Они ведут в разные миры, к местам неподалеку от поселений беженцев. Сейчас мы разойдемся и больше никогда не встретимся, даю вам слово.

Зета и Эберт начали медленно приближаться друг к другу, но ни на секунду не ослабляли внимание. Указательный палец каждого дрожал от напряжения на спусковом крючке. Малейшая мелочь, самая ничтожная случайность могли привести к взаимному уничтожению. Вот они сошлись лицом к лицу...

...и также плавно разошлись в стороны. Зета отступал к выходу, увлекая за собой Эмму, Эберт пятился к контрольному залу, с каждым шагом все быстрее. Когда их разделяло более десяти метров, оба не сговариваясь опустили оружие. Последний взгляд через плечо, исполненный невысказанных претензий, подозрений и отчаянных надежд — и вот оба уже

шагали к своей цели, не оборачиваясь и не останавливаясь.

Еще пару сотен метров спустя бывшие агенты Котла добрались до тупика. В эту небольшую комнату назначалась точка выхода аварийного телепорта, которым пришел Эберт. Здесь же находилось две массивные гермодвери.

— Направо или налево? — спросила Эмма.

— Кинь монетку, — пожал плечами Зета. Разницы, на его взгляд, не было.

— У меня нету. Тогда давай налево, там теплее.

Скрывающийся за гермодверью портал имел иную природу, нежели проходы, открываемые Привратником. Это была не временная тропа, а грубо выломанная сквозная дыра между двумя реальностями. Будучи самостоятельным феноменом, она могла существовать без поддержки агента бесконечно долго, и из-за этого потребовались такие строгие меры безопасности. Токсичная атмосфера мертвой планеты не должна была проникнуть в обитаемую реальность.

Портал вел в небольшую пещеру, выдолбленную под каким-то холмом. Когда Эмма и Зета прошли через него, у выхода их уже ждал ящик с динамитом, моток фитиля и бензиновая зажигалка. Все было заготовлено заранее. Немного времени ушло на то, чтобы вставить динамитные патроны в загодя высверленные шпуры и закрепить фитиль. На свежий воздух они вышли уже с раскрученным мотком, и Зете оставалось только щелкнуть зажигалкой.

Фитиль с шипением вспыхнул и огонек понесся вглубь. Еще через минуту раздался взрыв, погребая портал в толще породы. Грунтовые воды dokonчат дело, надежно запечатав проход в иную реальность. Эмма тихо вздохнула.

— Теперь мы никому ничего не должны.

Зета кивнул.

— Да. Теперь мы сами по себе.

Девушка посмотрела в сторону темнеющего горизонта. До ближайшего поселения было около пяти километров, а дорог в этом мире еще не построили.

— Что теперь будем делать?

— Все, что захотим.

Броктон Бей Алеф

Не знаю, сколько прошло времени. Просто наступил момент, когда бездна агонии иссякла, и я начал хоть что-то различать, кроме боли. Сначала свет и тень. Потом смутные силуэты, мельтешащие в поле зрения. Когда я осознал, что лежу на земле, мне захотелось встать, но я побоялся это сделать, потому что чувствовал себя бесконечно слабым, усохшим до ничтожных размеров и хрупким. Стоило мне шевельнуться, и я бы сломался от собственного движения или меня унес ветер.

Ветер? Это что? Это наверное та штука, которая забирается под... под мантию, вспомнил. Мантия — это то, что укрывает меня. Она имеет свойство, называемое «цвет», а сам цвет называется «зеленым». Свет идет откуда-то сверху. Кажется, это «солнце». А лежу я на «асфальте». Как же все сложно...

Я попробовал пошевелиться и к собственному удивлению не рассыпался на куски. Встать на ноги оказалось куда более сложной задачей, потому что я запутался в мантии. Она всегда столько весила, или мне кажется?

Так, я смог принять вертикальное положение, но видел все вокруг размыто, и мне было

трудно дышать, я почти задохнулся. Что-то мешало, не пропускало ни свет, ни воздух. Это... это маска! Маска, которую я носил много лет, и которая никогда мне не принадлежала. Пораженный догадкой, я вцепился в нее и напряжением мускулов отодрал от остального костюма.

Стоило мне избавиться от маски, как свежий воздух хлынул в легкие, и память с мышлением начали проясняться. Я вспомнил, где нахожусь, кто я такой и что только что сделал.

Маска все еще лежала в моей ладони. Еще недавно великий символ, и одновременно сложное устройство, оснащенное множеством полезных функций. Сейчас это просто кусок белого... я пошевелил губами, пытаюсь вспомнить название материала, но не смог. Я не просто забыл его, а никогда и не знал. Эту информацию хранил в себе агент, а теперь он мертв.

Мой агент мертв.

Отвратительный инопланетный паразит, что присосался к моему мозгу и питался моим воображением и разумом. Жестокий демон, нашептывавший мне из тени такие вещи, о которых и помыслить страшно. Мой спутник, друг и защитник, бесчисленное число раз спасавший жизнь. Неотъемлемая часть меня самого...

Теперь мой агент мертв, а равно и все прочие агенты. Безумный, отчаянный план, который мог сработать лишь чудом, достиг своей цели. Я огляделся вокруг: тысячи людей вокруг меня, еще недавно торжествовавшие победу над врагом, растерянно озирались, метались в панике или просто сидели в прострации с потухшим взором. Некоторые до сих пор не пришли в себя, как лежащий в паре шагов Отступник.

Бывший глава Протектората был неподвижен и смотрел в небо немигающими глазами. В таких случаях проверяют пульс, но где в этой груди кибернетических аугментаций найти артерию? Я заслонил один его глаз ладонью. Зрачок не отреагировал на тень. Мертв.

У него было слишком много разнообразных имплантатов и протезов. Они на порядок расширяли его возможности, но жить без них Отступник уже не мог. Я провел ладонью по его лицу, чтобы закрыть глаза, а потом подобрал с земли меч и убрал в ножны.

Рядом стоял на коленях Кевин. Обхватив себя руками, он мерно раскачивался вперед-назад. Дэвид стоял на ногах, но сосредоточенно махал руками и подпрыгивал на месте, будто упорно пытался взлететь. И Лиза... она просто стояла и смотрела на творящийся вокруг хаос.

— Доволен? — спросила она меня, обернувшись.

— Это не вопрос моего личного удовольствия. Так было нужно.

— Люди вроде тебя странные. От ваших действий всем плохо, и вам самим в первую очередь, но вы упрямо прете напролом, оправдывая это всеобщим благом, которое когда-то настанет. А в результате получаете только кровь, руины и опустошение.

— Разрушения — дело рук Зиона. Хочешь совет от старого врага, который знает тебя лучше, чем ты сама?

— Яд мудрецом тебе предложенный прими, из рук же дурака не принимай бальзама, — процитировала Лиза Омара Хайяма.

— Неподалеку есть эвакуационный портал. Иди в какое-нибудь поселение. Выйди там замуж, нарожай детей и найди покой в рутине.

— Пристрелить бы тебя, — безразлично заметила она.

— Валяй. Человека ты убьешь, но бога — никогда.

— Ты что ли бог?

— Ты. Все эти люди. Вы все живете отныне в мире, который я сотворил, по правилам, которые я установил. И ничего уже с этим не сделать. Кто я, если не бог?

Лиза фыркнула и отвернулась. Я стянул с головы осточертевший капюшон и просто подставил лицо льющемуся с неба свету. Столько лет... столько усилий... ставки были так велики, что я просто боялся думать о будущем.

Что мне теперь делать?

Я посмотрел на маску, которую все еще держал в руке. Раньше она была необходима, а теперь бесполезна. Я разжал пальцы и позволил ей упасть в пыль. Удивительно, насколько это оказалось просто.

«Не знаешь, куда идти — иди вперед». Не помню, кто это сказал, но сейчас я решил последовать этой простой мудрости. Сделал шаг, потом второй. И просто пошел, куда глаза глядят. Мантия давила на плечи, пригибала к земле весом ответственности и тяжестью совершенных поступков, поэтому после короткой борьбы с застежками я сбросил ее на землю вслед за маской. Меч в ножнах бестолково болтался на поясе и мешался при ходьбе, словно намекая на то, что опыт прежней жизни теперь только навредит. Его я тоже отстегнул без сожаления.

Полчаса спустя я отошел достаточно далеко, чтобы сориентироваться бывших кейпов, пытавшихся как-то сориентироваться, осталось вне слышимости. Только поэтому я уловил шаги за своей спиной. Кто-то следовал за мной по пятам. Обернувшись, я увидел Кевина и Дэвида. Оба были без масок, Кевин зачем-то держал в руке брошенный мною меч.

— Ваш долг исполнен. Вы вольны пойти куда угодно. Зачем за мной-то увязались?

— А куда еще? — растерянно спросил Дэвид.

— Брось, босс, ты же не думал просто кинуть нас на произвол судьбы?

Честно, я вообще не думал. Устал думать всегда, обо всем и за всех.

— Ладно, пойдёмте.

Через час мы вышли из города. Еще через три добрались до эвакуационного портала. Его было сложно пропустить, он находился рядом с развязкой крупных трасс, и люди тянулись к нему, как мотыльки к свету. Сейчас их было конечно меньше, чем пару суток назад, но все еще довольно, чтобы создать небольшой затор. На наши костюмы косились, но с вопросами не приставали.

На другой стороне портала человеческая река рассыпалась на множество ручейков. Поселения беженцев находились друг от друга на расстоянии, чтобы у всех было в достатке плодородной почвы, леса, глины и воды. Мы остановились под дорожным указателем и разделили на троих последний батончик аварийного рациона, причем половину пришлось отдать Дэvidу, как раненному. После страшного боя с Королевой Фей он призвал силу регенерации, но до конца затянуть раны она не успела.

После короткого перекуса мы снова отправились было в путь, но быстро стало ясно, что Дэвид дальше идти не может. Для лишнего суперсила двенадцатилетнего мальчишки даже проделанный переход оказался слишком тяжелым. В общем, я усадил его к себе на спину, и дальше наша группа двигалась уже быстрее. За все время они ни разу не спросили, а куда мы вообще идем.

Вскоре начало темнеть, а с неба взялся накрапывать подленький редкий дождик. Может, не стоило выбрасывать мантию? Она была водонепроницаемая. Вроде. Уже не могу вспомнить. В любом случае, сожалеть поздно. Мы просто продолжали идти вперед по

плотной гравийной дороге, проложенной среди лесной чащи, и попутчиков у нас становилось все меньше.

Огни поселения замаячили впереди тогда, когда я был готов признать, что выбился из сил, и нести Дэвида теперь придется бывшему Морозному Зверю. Дождь к тому времени уже лил не стесняясь, и часовому на входе мы обрадовались как родному.

— Стой, кто идет? — окликнул он нас больше для приличия.

— Свои, — отозвался Кевин. — Ребенку нужен врач.

— Я не ребенок, — вяло отозвался Дэвид, но его никто не слушал.

— Принесло вас на ночь глядя, — проворчал часовой. — Не факт, что найдется место.

— Мы ищем семью Кёлеров, — сказал я. — Насколько помню, жить они должны тут.

— Есть такие. А кто спрашивает?

— Скажите, что пришел Конрад.

Часовой ушел, и вернулся через несколько минут в компании двух мужчин. Первым оказался местный врач и сразу принялся осматривать Дэвида. Вторым — Дитрих Кёлер с Земли Алеф. Увидев меня, он охнул и схватил за плечи.

— Господи, Конрад! И правда ты! Живой!

— И вам добрый вечер. Знаете, можно сначала в тепло, а потом вопросы?

— Конечно-конечно, пошли. А это кто с тобой?

— Это Кевин. Последний выживший из моей команды.

Морозный Зверь приветственно махнул рукой. Кёлер-старший секунду размышлял, но потом решительно хлопнул его по плечу.

— Друзья Конрада — наши друзья.

Он провел нас в один из однотипных домов, составлявших поселение. Домочадцы уже поужинали, но спать еще не легли, и наше прибытие вызвало небольшой переполох. Кэти баюкала на руках младенца, ее муж поздоровался суховатым, но без неприязни, Марта Кёлер всплеснула руками и почти насильно усадила нас с Кевином за стол, на котором тут же появился хлеб, копченая рыба и остывшая тыквенная похлебка.

— Кофе здесь не растет, — сказала она виновато, — но есть чай из плодов дикого шиповника.

— У меня тут завалилось кое-чего. Плесните в чайник немного, — я протянул ей фляжку с виски, спасенным с базы Котла.

Зная ревнивое отношение Кёлера-старшего к кулинарным талантам жены, я с поздним ужином не медлил, и только сейчас осознал, насколько голоден. Кевин последовал моему примеру. После ужина он пошел проведать Дэвида, женщины отправились спать, а я остался наедине с Дитрихом и мужем Кэти, имя которого вылетело из памяти.

— Ну рассказывай, — требовательно сказал Дитрих. — Что случилось?

— Конец света, о котором я давно предупреждал.

— Здесь несколько раз сильно гроыхало, но в отдалении, — добавил мой зять. — Это связано?

Я кивнул, держа обеими руками стакан чая с виски.

— Мы сражались. Мы победили.

Почему Дитрих смотрит так печально?

— Победили? Какой ценой?

Я вспоминаю лица своих братьев, успевших увидеть победу: мир, не освещенный Золотым Рассветом, чистый от скверны парасил. Вспоминаю разрушенные города и целые

миры, превратившиеся в пепелища. Вспоминаю неподвижные глаза Отступника и сотни тысяч потерянных, осиротевших людей, лишившихся своих способностей и пытающихся просто выжить среди растерзанных миров.

Что-то течет по щекам, дыхание перехватывает. Стакан очень горячий, но я все равно крепко стискиваю его, потому что эта боль хоть немного заглушает другую, более страшную. Почему?! Почему я выжил, а те, кто заслуживал жизни гораздо больше — нет?! Почему Лиза не застрелила меня, когда могла?! Чем такая гнилая тварь как я заслужила этот стол и кров, это искреннее сострадание?! Почему человеческое тепло и забота ранят меня сильнее, чем вся ненависть, с которой я сталкивался?!

Стакан в руке пуст. Горячий алкоголь пьянит быстрее, и только это дарит хоть каплю облегчения. Больше нет ни мантии Эйдолона, которой можно отгородиться от всего, ни сверхцели, к которой нужно нестись без оглядки. Глаза начинают слипаться, и я знаю, что сегодня впервые за много лет усну так, как все нормальные люди.

Я не знаю, что меня ждет. Не знаю, что ждет всех нас. Но завтра я проснусь и буду заново учиться жить так, чтобы все жертвы не стали напрасными.

«Завтра» чудесное слово.

Больше книг на сайте - Knigoed.net